

ИСТОРИЯ РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В.Б. Миронов

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Москва
«Вече»
2011

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)
М64

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И.А. Антонова, А.И. Бастрыкин, Е.Ю. Гагарина, В.Н. Ганичев, С.А. Голубев,
А.А. Гусейнов, С.Н. Дмитриев, В.Л. Егоров, В.Д. Зорькин, А.Г. Звягинцев,
В.В. Иванов, Л.И. Иовлева, Л.Л. Кабрера (Испания), С.Г. Кара-Мурза,
Л.Е. Курнешова, В.И. Кузишин, Н.С. Леонов, В.Б. Миронов (председатель),
Л.Л. Палько, А.Н. Пахмутова, Е.Н. Петрова, М.Б. Пиотровский, А.В. Седов,
Ф.С. Смуглин, М.Л. Титаренко, И.Я. Фроянов, Л.И. Швецова, Цюй Вэй (КНР),
Ли Цзинце (КНР), Лион Сяо (КНР), Фэн Шаолэй (КНР), Хуан Сяодун (КНР),
Г.П. Дешпанде (Индия), М. Моханти (Индия)

Миронов, В.Б.

М64 Российская империя XIX — начала XX века / В.Б. Миронов. — М. : Вече,
2011. — 800 с.— (История русской и мировой культуры).
ISBN 978-5-9533-5090-7

В книге В.Б. Миронова «Российская империя XIX — начала XX века» дана картина развития общественно-политической мысли и культурной жизни в России. Царизм пытался реформировать страну, но напуганный буржуазными революциями в Европе и Америке, Восстанием декабристов, не нашел ничего лучшего как уйти в глухую оборону. Верхи хотели законсервировать, «подморозить» страну. Попытки подвинуть самодержавие к обновлению системы натолкнулись на сопротивление. Власть всё время запаздывала с принятием разумных решений. Половинчатость реформ привела к росту недовольства народных масс. После Кровавого воскресенья, когда царизм стал проигрывать войны, буржуа изменили царю, тем самым подписав смертный приговор российской монархии. Они и обрекли страну на поражение. Захватив власть в ходе путча февраля 1917-го, удержать её не смогли. Россия не приняла временщиков, и их смели большевики в ходе Октябрьской революции.

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9533-5090-7

© Миронов В.Б., 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Героям и мученикам России посвящаю...

Исторический роман, историческая драма... Если каждого из нас так сильно занимает верное изображение развития самого обыкновенного человека, то какое впечатление должно производить на нас воспроизведение развития нашего родного народа, его физиономии, его сердечного, его духовного быта, его судеб, его великих дел? ...Кто решается — не смиренно и терпеливо пересказать судьбы своего народа, следуя современным бытописаниям, но в живых образах и лицах воссоздать своих предков, избегнуть холода аллегорий и не впасть в сухой реализм хроники, действительно представить некогда действительную жизнь, — тому мало даже большого таланта: если в сердце его не кипит русская кровь, если народ ему не близок и не понятен прямо, непосредственно, без всяких рассуждений, пусть он лучше не касается святости старины...

Иван Сергеевич Тургенев

Часть первая РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ АЛЕКСАНДРА I И ДЕКАБРИСТОВ ДО НИКОЛАЯ I

Глава 1. Россия в начале ее истории: основы мироустройства и мировоззрения

Российская цивилизация много веков создавалась под влиянием различных факторов... Чтобы понять характер сдвигов и перемен, происходящих в России, надо прежде понять условия жизни и бытия, нравы, дух, уровень образования, воспитания ее народов и элит, их веры и неверия, их идеалы, если таковые есть. Идеалы — это то, чем питается душа, что укрепляет и дух и тело. Понять их природу очень непросто. Нужны специальные изыскания и анализ. Столько в нас, грешных, намешано и всякого и разного. «Мир идей не отделим от мира людей, а идеи — от каждодневной реальности», — писал Ю.М. Лотман.

Обращаясь к этой самой реальности, а точнее ко взглядам русских мыслителей, духовных отцов нации, мы постоянно ощущаем их двойственность: колебание между верой и неверием (т.е. двоеверием), между христианством и язычеством, между духовным и материальным, между законом и беззаконием, праведностью и бесправием, между бунтом и смирением, преступлением и раскаянием. Как ни странно, все эти крайности в нас как-то уживаются. Русский человек — вечный бунтарь, еретик с душой доверчивого ребенка, в сердце его живут стихия, надежда, вера, разум и извечное недовольство. Уже в XI в.

К. Лебедев. Крещение киевлян

это демонстрировал митрополит Иларион, автор «Слова о законе и благодати». Неплохо зная европейскую культуру, он не только насыщался «сладостью книжной», но старался как можно лучше понять настроения, чаяния народа, укоренить в нем правила духовного закона и благодати. Русская культура всегда была неравнодушна к судьбам нации и России в целом. Она, равно как и российская история XIX—XX веков, и является объектом нашего исследования.

Как известно, учителем был Христос... Иудеи не приняли его учения и стали поклоняться золотому тельцу, а в итоге были наказаны потерей государства и рассеянием. В своде XII в. Повести временных лет, которую называли «Начальной летописью», сказано, что Бог разгневался на евреев, потребовал от пророков: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании новых народов». После падения Рима и Константинополя, считал князь Владимир, Русь стала тем новым народом, который является не только наследником веры Христа, но и некоей истины. Принимая веру православную, князь прельстился красотами богослужения, праведностью учения и его государственной полезностью. В этом «первом госстроительстве» уже видны мотивы

идеологические, то, чем отец-основатель руководствовался при выборе веры. Так Россия и будет в дальнейшем идти по истории — пытаясь сопрячь одновременно крепость и мощь государства, разумность и праведность идейных канонов, красоту творений градов, людей, церквей. Если же одна из этих трех опор вдруг давала трещину или оседала, худо становилось всей державе. Ну а если все три устаревали и рушились — разрушалось и само государство! Это наше триединство и станет внутренним «божественным законом», которому и должно следовать.

Надо подчеркнуть, что принятие новой веры или идеологии (как будет угодно читателю) на Руси происходило, разумеется, отнюдь не безболезненно для «старых богов» славян и русов. В споре за первенство богов в вопросах веры участвовали языческие боги: Перун, пришедший с берегов Балтийского моря, Хорс — Солнце, небесный Дажьбог, бог Велес и др. Вспомним, что князь Владимир, креститель Руси, ранее выступал как истовый верный поклонник Перуна. Служение культу Перуна, бога войны и громовержца, сопровождалось принесением кровавых жертв. В этическом плане князь-язычник был далек от идеалов гуманизма. На его совести

вероломное убийство собственного брата, убийство Ярополка, Рогволода и его сыновей, насилие над дочерью Рогволода Рогнедой, обман и предательство варягов, которым он был многим обязан. Тем не менее то был умный князь, а, будучи человеком умным, он понял и те колоссальные преимущества, что сулило Руси принятие христианства. Как заметил Л.Н. Гумилев: «Сила проповеди православия была и в политической умеренности Византийской империи, и в искренности константинопольских патриархов, и в очаровании греческой литургии (церковной службы)». И все же основе княжеского решения лежали мотивы прежде всего внутривнутриполитические, геополитические и экономические. Объединять народ легче было под знаменем веры, веры уже знакомой, а напомним, что княгиня Ольга, «мудрейшая из людей», перед этим смогла психологически подготовить народ к принятию православия. Да и Византия была ближе, важнее для Руси, экономически куда нужнее, нежели далекий Рим, который утратил все преимущества первой из империй. Очевидна глубокая заинтересованность обеих сторон в налаживании дружеских контактов. Ведь и для византийских правителей важно было обрести нового союзника в лице храброго, сильного, хотя и беспокойного народа, ранее не раз угрожавшего границам Византии. В свою очередь, налаживание с Византией дипломатических, военных и культурных связей и для Руси было актом первостепенной важности. Культура и тогда играла важнейшую роль. Не случайно легенда анонимного сказания (так называемого Анонима Бандури), говоря об изобретении славянской азбуки Кириллом и Афанасием, гласит: те были посланы на Русь византийским императором Василием I Македонянином еще раньше по просьбе князя Владимира. Носители культуры, греки из Византии, явились среди русов еще за сто лет до христианизации.

Конкурентом греков оставался Рим, претендуя на лидерство в сфере религии и политики. Но для Руси он был неподходящим примером, ватиканский двор являлся тогда едва ли не самым развратным местом в Европе (блудницы, нескончаемые пиры, восхваление Сатаны и проч.). Правда, пирами русских и

тогда никто бы не удивил, ибо, по признанию князя Владимира, «Руси есть веселие пити»... Однако нужны были инструменты (кафедра митрополита и вера), с помощью коих можно укрепить ядро державы, решая политические задачи и умирив мятежных князей. Князья думали больше не о вере или единстве, а о власти и прибыли. Для России бесценную службу сослужила Византия, подав яркие примеры и образцы того и другого. Как пишет Г. Литаврин: «Византийская империя — единственное государство в Европе эпохи раннего Средневековья, в котором детально разработанные нормы классического права частной собственности подданных были одним из столпов всего официального правопорядка в обществе».

Что же касается идейных основ образования, создавались они на библейских максимах и притчах. Образование на Руси изначально шло двояким путем — с помощью монашества и светских просветителей. Послы христианства впервые явились в позднеантичных, греко-византийских одеждах. Известно, что все первые епископы, священники и монахи

С. Кириллов. Крещение княгини Ольги

были из греков, придя на Русь из Византии и Афона. Так, за все время существования Киевского княжества на митрополичьем престоле только два раза были русские епископы (Иларион в 1051 г., и Климент в 1148 г.). Естественно, что и характер образования и веры на Руси, равно как и важнейшие постулаты нового государства, в немалой степени создавались под их эгидой и влиянием. Н.М. Никольский писал: «Когда под властью Константинопольского патриарха появилась новая Русская церковь, из византийского запасного резервуара хлынули готовые отряды «просветителей» и «святителей». Основателем Киево-Печерского монастыря был афонский монах Антоний; другие монастыри ставились русскими князьями и боярами, но для управления ими приглашались также греческие монахи, приводившие с собою ядро «подвижников». Известны заслуги многих русских князей в воспитании и обучении народа. Ярослав поставил ряд церквей и давал на их содержание так называемый урок (т.е. часть доходов от княжеских имений). Заядлым книжником и философом был Климент Смолятич. Выделялся образованностью и митрополит Кирилл I, что был «учителен зело, хитр ученью Божественных книг». Князь Роман Ростиславович понуждал к учению священников и прочих, создавал училища, содержал учителей, греков и латинян. На эти цели он так истощил свои доходы, что уже после его смерти (1180) жители Смоленска вынуждены были сделать добровольный сбор для погребения князя. Галицкий князь Ярослав Владимирович (1187) был большим любителем книг и знатоком языков, выступая за искоренение в народе суеверий. Он вменял в обязанность монастырей обучать детей грамоте. Владимирский князь Константин Всеволодович в личной библиотеке имел свыше тысячи греческих книг, а перед смертью пожертвовал людям под училище свой дом. Но паче всех в домонгольский период воссиял в России Кирилл Туровской, второй Златоуст.

Следует подчеркнуть, что с началом эры христианства монастыри повсюду традиционно выполняли не только религиозную, а и образовательно-воспитательную функцию. Строго говоря, на Руси вначале не было

Великий князь Ярослав Мудрый

иных мест, где можно было бы обучать людей. В Киеве уже в первый период христианизации появились 600 церквей и 13 монастырей. Правда, православная церковь более обращалась к сердцу и душе, нежели к уму или логосу. В задачи священников и архиреев входило в первую очередь прививать человеку истинную веру, приучить его к праведному образу жизни. Ведь не случайно на Руси говорилось: «Не стоять Руси без праведников!» Эту миссию по мере возможности и выполняли святые отцы, исходя из реалий.

Они же сосредоточили в своих руках все книжное производство... Дело в том, что для монахов-переписчиков эта работа стала поистине «золотым дождем». За переписку книг платили от 400 до 1000 рублей серебром (на эти деньги можно было купить большой дом). Один из источников гласит: «И этот призыв к святости, конечно, не мог быть бесплодным. Их святую проповедь продолжали монастыри, которые имели огромное влияние на народ как его благодатные просветительские центры. В этих монастырях библиотеки были наполнены книгами библейскими, богослужебными и отеческими, и в особенности последними. Здесь по руководству

великих святых иноков... читались поучения братии к народу. Отсюда рассылались учительские послания в города, к вельможам, народу и вообще к православным русским людям». Следуя воле великих князей и архиепископов, пастыри церкви выполняли и социальный заказ, держа народ в повиновении. «Почтение» Мономаха гласит: «Лишаем — не мсти, ненавидим — люби, гоним — терпи, хулим — моли, умертви грех». Есть в его речи упоминание и об обездоленных крестьянах («сиротах»), хотя и «смердолюбцем» он не был. Его политика отвечала интересам феодального класса. В то же время исторические факты ясно указывают на то, что в XIII в. имелись училища, где обучались, по словам Л. Модзалевского, не только дети духовных лиц, но порою даже дети вовсе не известного звания, рабы и пленники; что с детьми нередко допускались взрослые, смотря по их призванию. Рабы и пленники при наличии определенных знаний и навыков могли даже достигнуть сана священника. «Таким образом, древнерусская школа должна быть (нами. — Ред.) признана правильной основой народной школы в ее нынешнем смысле, так как она была доступна для всех и каждого и давала свободный выход на любое поприще; церковь же привлекала к себе лучшие силы, руководствуясь свободным призванием человека, усвоившего «учение книжное». Таковы были две стороны одной медали.

Все дальнейшее развитие России будет протекать в постоянной борьбе между чаяниями и устремлениями грешного, тварного и земного мира, с одной стороны, и надеждами на высшую, всеблагую жизнь как конечную цель бытия — с другой. Первые устремления преследовали цель отыскать средства к жизни, добиться земных благ, вторые обещали бессмертие духа, торжество разума, триумф истины, достижение райских врат небесного царства. В стороне от борьбы не осталась и церковь. В литературе не раз отмечалось огромное значение для всей общественно-политической истории России яростного спора «нестяжателей», последователей Нила Сорского (ок. 1433—1508), и

Нестор-летописец

«иосифлян», сторонников Иосифа Волоцкого (1439—1515). В их позициях проявились два принципиально разных подхода не только к церковным, но и к светским делам, а в широком плане — и ко всей мысли и деятельности государственных и церковных мужей, основным принципам государственного устройства в России. Так, одна линия в практике общественной жизни будет отстаивать идею подвижничества, идею духовного подвига инока, служения своему народу, облегчения его тягот, другая будет отстаивать сословные, монархическо-дворянские, церковные или буржуазно-демократические интересы.

Любопытно то, что в споре Нила Сорского и примкнувшего к нему Вассиана Патрикеева (бывшего до того, как стать духовным лицом, светским князем) и Иосифа Волоцкого был воспроизведен частично будущий спор сторонников подчинения духовенства главенству высших целей Российского государства и апологетов традиционного православия. Нил Сорский в проповедях учил, что материальные блага в жизни — это не главное: «Дым есть житие се, пара, перстыи пепел». Вассиан,

который попал в опалу у царя Василия III, стал на стезю монашества и выступил с обличениями вотчинного быта монастырей и против монастырского стяжания. Вассиан тогда и стал призывать к насильственному отторжению земельных владений у монастырей. Это было выгодно царской власти, поскольку на Руси власть всегда должна находиться в одних руках (если это сильные и умные руки). Потому Василий III и вернул Вассиана из ссылки в Москву, найдя в нем столь нужного, «умного и деятельного сторонника политики ограничения феодальных прав церкви». Был ли то сам царь, державший Вассиана «во обители... заради беседы душевная», или кто-то иной из его окружения, ясно, что в российской политике церковь принимала активнейшее участие. Борьба Вассиана за аскетический облик церкви понятна. Он писал: «Хульно же и проклято видети мниха, сан приемлюща и мирския строяща, и богатства беруша; сего ради смех бываем и поганым, и от них нас ради Христова вера хулится». Вассиан бранил «мнихов», ненасытно «обзирающих» яства во время застолья и горланящих, упившись, на пирах. Но словеса критика-князя вступали в противоречия с образом его же собственной жизни. Зиновий Оттенский заметил: «Когда жил Вассиан в Симоновом монастыре, то не изволил он есть симоновского брашна, хлеба ржаного и варенья из капусты и свеклы. Млека промозглого и пива чистительного желудку монастырского не пил. Ел же мних Вассиан брашно, приносимое от трапезы великого князя — хлеба пшеничные и чистые и крупчатые и прочие сладкие брашна. А пил сей нестяжатель романею, бастр, мушкатель, рейнское белое вино». Так же вели себя и другие критики власти, выступавшие против привилегий (в России в конце XX в.). Ели они не хуже царя и митрополита, вкушая «хлебы чисты и мягки, и икры белые и черные, и прутие [вязиги] белужие и острее [осетровые] белые рыбицы и иные, и паровые рыбы, и ухи белые и черные и красные; и овощи...» Хотя следует помнить, что и в церкви было немало тружеников, что в поте лица добывали свой хлеб. Зиновий пишет о таких монахах, у которых даже «руки скорчились от изнурительного труда, кожа на руках затвердела и потрескалась, лица

Вассиан

изнурены, волосы растрепались; сборщики даней, точно иноплеменики, без милости их владели, нередко били и истязали, ноги и руки их посинели и распухли, некоторые хромали, другие падали, имением своим они меньше обеспечены, чем нищие просители, денег у них было у кого 5 серебряных монеток, у кого 6, у кого 3 или 2, а большинство из них редко когда могли найти у себя медяк; пищу их составлял хлеб овсяной или хлеб из толченых ржаных колосьев, и этот хлеб был черствый, без соли, питье их — вода, а варево — капустные листья; только более зажиточные из них имели приправой свеклу и репу; фрукты их — рябина и калина, когда их можно собрать; что уж говорить об их одеждах — «искропаны и вошми посыпаны». Понятно, что была и есть на Руси церковь и церковь, есть бояре, князья церкви, а есть ее труженики, холопы и изгои. Эти противоречия и имущественные различия сохраняются и впредь.

Еще Максим Грек обоснованно соединил критику «стяжания» и «сребротезоимства» с осуждением гнета, которому подвергались «поселяне» («Беседа ума с душой»). «Работати паче сама иным изволяй, неже над иным владети», — поучает «ум» «душу». Автор строго осуждает сгон бедняков «со своих пределов», и лишение за долги свободы, и наказание их бичом за то, что те не могут платить долги. Максим Грек осуждал практику «неправедных лихоуманий» в собирании «жидовска богатства». Монастыри хранят запасы «житные» не только для нужд личного потребления, но и дабы с выгодой использовать дороговизну «во время глада». Об этом говорится в «Слове

о покаянии», где он требует покаяния не от народа, а от властей. Те стремились нажиться на «скудости» «селян», не останавливаясь ни перед конфискацией их имущества, ни перед сгоном с земель за долги. Пользуясь статьей Судебника 1497 г., церковь препятствовала попытке крестьян уйти от монастырской эксплуатации (по своему желанию). Вспомним, тот же мотив («Покайтесь!») звучал в конце XX в. и в России, когда либеральная «элита», нещадно обкрадывая народ и государство, требовала еще и покаяний от этого народа.

В жизни церкви было немало и истинных слуг праведной веры, которые были учителями и наставниками народа. В писаниях, речах и трудах своих они представляли облик мира иного... Так, в сочинении профессора Московской духовной академии М. Тареева «Цель и смысл жизни» (1901) выражены эти противопоставления мира земного (с его знаниями, науками и образованием) миру нравственному, духовному, возвышенному, одним словом, миру Божьему. Наука, искусство, государство не могут быть теми идолами, что требуют жертвы всеожожения. Искусство, не подчиненное христианскому духу, служит разврату, а техническое развитие во многих случаях в первую очередь рассчитано на потребности богачей. Земной рай, что якобы создают наука, прогресс и техническое совершенство, с христианской точки зрения

является безумной мечтой. Вместе с тем он не возражал против соединения основ христианства с наукой, культурой и образованием — в интересах общего развития народа. Однако, как научиться последовательно, честно и умно сочетать эти интересы и воззрения, он не знал. Тареев честно признавал, что законы земного мира не предполагают достижения счастья и что дальнейшее развитие культуры и цивилизации умножает различия в положении людей. Те, кто владеет всей полнотой власти и богатств, далеки от Христовых норм. Богачу не увидеть царство Христово и сквозь игольное ушко. Тареев утверждал, к примеру: «Иначе, как аскетом и юродивым, христианин не может быть в мире». И далее: «Христианин должен быть там, где слезы, горе, раздоры, бедность». Хотя он и писал, что миссия христианина не исчерпывается этим, все же вынужден был признать: «Вне этой деятельности в мире христианина нельзя себе и представить». К сожалению, реалии веры и жизни лежали в разной плоскости. Эти процессы шли на фоне борьбы вер. Папство после захвата Константинополя крестоносцами пыталось проводить в отношении славян агрессивный прозелитизм. Так, Папа Римский Иннокентий III обещал галицкому князю Роману Мстиславичу королевский титул и покровительство. Известно, что он написал послание «духовенству и мирянам в России», которое и должны были доставить на Русь (1207 г.). Литовское великое княжество пыталось включить в границы возможно большее число территорий. В дальнейшем с земель Польши наблюдается интенсивное проникновение католических орденов на Русь. Фанатизм нищенствующих проповедников, «раскатавших губы» на богатства необъятной России, вызвал возмущение как светских, так и духовных властей. В итоге доминиканцы были изгнаны киевским князем Владимиром Рюриковичем, а идейный захват Руси не осуществился, как впоследствии провалится и попытка захватить Русь во время Смуты. По мере того как цари распространяли власть на соседние земли и народы, они должны были выстраивать политику и философию так, чтобы те отвечали целям и задачам набирающего силы Российского государства. Поэтому мно-

Преподобный Максим Грек

С.В. Иванов. В смутное время (лагерь самозванца)

гим идея христианского царства в образе Москвы как наследницы Третьего Рима показалась и подходящей и удобной формулой. Тогда же довольно странным образом в сознании наших людей прочно укоренилась идея, что мы строили и строим свой мир и страну на почве совершенно иной культуры. Это и так, и не так, ибо мы, русские, всегда оказывались в поле влияния и других культур.

Назначение России при этом виделось вовсе не в том, чтобы продолжить или повторить римско-византийские (греко-католические) традиции. Установка была совершенно иной — на построение нового Рима взамен прежнего, павшего и падшего. Идеологи Российского государства потому и стали тиражировать идею, что «Московский Царь есть последний и единственный, а потому всемирный Царь». Позже Г. Флоровский в «Путях русского богословия» напишет, что в российской схеме Третий Рим (то есть Россия) «заменяет, а не продолжает Второй». Это имело не только позитивные, но и негативные

последствия, ибо вело к сужению не только православного, но и образовательного кругозора, к разрыву с греческой, общеевропейской и даже мировой традициями. Соловьев назвал это «протестантизмом местного предания». Вскоре последует и «полное выключение и отрицание греческого посредства». «Возникает опасность заслонить и подменить вселенское церковно-историческое предание преданием местным и национальным, — замкнуться в случайных пределах своей поместной национальной памяти». Подвижки в общественно-религиозном сознании Руси неизбежны. Страна искала такую конструкцию, которая отвечала бы ее целям, назначению в истории.

Однако, даже сохраняя некий внутренний протестантизм, мысль Руси никогда не допускала пренебрежения мировым разумом. Хотя на пути выразителей общественных идей в Русском государстве то и дело появлялись «пороги», которые приходилось с немалым трудом преодолевать. Поэтому и цивили-

лизационный путь нам не удастся пройти без потерь, нравственных, духовных, материальных и, увы, даже человеческих... В XVII в. выявились группировки, по-разному видевшие будущее России. Отражением этих мучительных исканий и стала Смута... Одни видели ее корни в новшествах, во влиянии иноземцев на правителей, в пассивно-раболепном поведении подданных (И. Тимофеев. «Временник». 1619 г.). Другие причины постигших страну бед видели в отсутствии единения у людей, в политической апатии народа, которую Авраамий Палицын в «Сказании» очень точно называл «безумным молчанием». Третьи полагали, что Смута в России — это детище русской аристократии. Смута вызвана борьбой за демаркацию политических полномочий меж аристократией и русскими государями. Она — плод старомосковской знати, ею же взлелеянный и поставленный на ноги. Смута нанесла страшный урон стране. Д. Володихин отмечает: «Для всей России Смута была уроком, преподанным свыше: чем платит христианский народ за все эти грехи... Смутное время начала XVII столетия пришлось на период, когда жизнь Русской цивилизации уже клонилась от цветущей зрелости к старости и шла по нисходящей, хотя Московское государство еще сохраняло колоссальную военно-политическую мощь». Корни Смуты уходили в устройство Московии, сформировавшейся в условиях компромисса между властью московских государей и богатого, многочисленного класса служилой аристократии, «сильных людей». Служилые нуждались в прочной и мощной верховной власти, чтобы она могла служить арбитром в спорах и столкновениях, выступая организующим началом.

С другой стороны, служилая аристократия опасалась усиления государей, поскольку эта власть неизбежно ограничивала ее древние права и льготы, ее обширное землевладение, ее участие в решении ключевых вопросов государственного устройства и бытия России. Аристократия всегда вмешивалась в решения государя, если только тот не удерживал ее в ежовых рукавицах. Это и вынуждало центральную власть в лице русского царя опираться в своих действиях на слой дворян и приказных

людей, составляющий аппарат управления и не имевший (на первых порах) ни богатств, ни высокой родословной, ни связей. В свою очередь, своеволие сильных людей вынуждало государей относиться с подозрительностью к действиям родовитой сановной бюрократии. И если царю не удавалось обуздать знать, пусть даже с помощью разного рода опричников, то рано или поздно она предавала своего государя. Не внесли спокойствия в жизнь и реформы Никона, приведшие к расколу. Он заявил, что «священство выше царства», тем самым фактически поставил Русь на грань бунта. Мы помним, что еще философ древности Гераклит утверждал, что судьбой человека управляет демон. Он — существо искусственное, созданное обстоятельствами истории, искушающий нас неземной гордыней. Похоже, и в России время от времени появлялся такой «демон». А.В. Карташев в статье «Смысл старообрядчества», на которой, как говорили иные, «легла печать гениальности», писал: «Перераціонализировали над нежной русской душой умные начальники: патриарх Никон, киевские ученые, чужие нам греки, не почуяли ее святой ревности о первой ее любви (ибо мечта о Третьем Риме последнего на земле православия есть первая и единственная любовь русской души)».

На Руси так уж повелось: требовалось немалое мужество от тех, кто пожелал бы честно высказать свои мысли. Вспомним, как возражавший против притеснения народа в «Житии» протопоп Аввакум был сослан, затем за его строптивость сожжен живьем. Его верным соратникам Епифанию, Лазарю, Федору вырезали языки и отрубили пальцы на правой руке, чтоб те более не могли не только писать, а и креститься. Д.С. Лихачев писал о значении личности неистового протопопа в установлении духовного царства справедливости на Руси: «Система Аввакума сбрасывала покровы пышности со всего. Это была система почти натуралистического обнажения действительности. Он восстал против превознесения царя, против превознесения государственного начала во имя ответственности всех и за все — самого последнего человека и за самых последних людей. В его системе ценность человеческой личности была

Минин и Пожарский

восстановлена независимо от занимаемого ею положения в государстве и в церкви. Поэтому система Аввакума нашла себе наиболее полное выражение в просторечии, в конкретности, в народном языке, в разговорных формах. Он сбрасывал с человека всякую парадность, показывал его в наготе и восстанавливал его ценность самого по себе, независимо от его положения в обществе».

Многие тем не менее продолжали держаться веры отцов («отцепреданной веры») и не желали принимать установки реформаторов. В свою очередь, и власть (светская и церковная) старалась смирить бунтарей не столько силой ума, сколько устрашением или преследованиями. Веками складывались это противостояние и отрицательное отношение интеллигенции и правящего слоя друг к другу, а зачастую и к цивилизации в целом. Это и стало одной из причин многих бед и трагедий России. Конечно, не интеллигенция была основным виновником того, что Россия надолго задержалась в Средневековье, а власть самодержавия и бюрократия. Мы еще убедимся, как они лишали народ многих человеческих прав. Хотя и интеллигенция не без греха.

Любопытно, что Запад, критикуя наше «варварство», почти всегда и везде браня Россию,

сам же и старался как можно дольше удерживать нас в состоянии отсталости. Когда ж мы менялись в лучшую сторону, ревниво наблюдал за подъемом мощи и влияния «русского медведя». Находившийся в России в конце XVI в. англичанин Дж. Горсей признавал, что Россия обновилась, «будто это была совсем другая страна», и что ее новое лицо «противоположно старому». Ныне «каждый человек жил мирно, уверенный в своем месте и в том, что ему принадлежит. Везде восторжествовала справедливость». Однако, даже отметив некоторые улучшения, чужеземец все же не удержался от укола в адрес России и изрек: «Бог еще приберег сильную кару для этого народа, по природе этот народ столь дик и злобен», что, если бы царь не имел столь тяжелой руки и не ввел сурового управления в своей стране, он не прожил бы так долго, «поскольку постоянно раскрывались заговоры и измены против него».

В российской традиции всегда звучала тема строительства Божьего града на земле. Этот град Божий должен был вместить в себя всех людей, вне зависимости от их материального положения или места в обществе. Однако эта идеальная мечта словно бы жила сама по себе. Попытки перемен разбивались о главное препятствие — царско-дворянский абсолютизм. С введением «Соборного уложения» (1649) произошло известное закрепощение крестьян. Выдающиеся умы эпохи пытались найти для России наиболее оптимальные пути развития. Так, славянский просветитель Ю. Крижанич (1617—1683) выступал за необходимость распространения грамотности и наук среди славян: «Пусть же никто не говорит, будто нам, славянам, путь

Протопоп Аввакум с семьей в ссылке

к наукам был заказан каким-то роком небесным и будто бы мы не можем или не должны учиться наукам». «А разум говорит, — писал он, — Русское царство так же велико и славно, как римское, никогда ему не подчинялось и равно ему по власти». Тут виден и патриотизм, и желание видеть наш народ среди самых знающих и просвещенных, и гордыня. Так, по его мнению, Русское государство — единственное, которое не подвержено влиянию чужеземцев. Зная нашу отечественную историю, такого вывода, конечно, не сделаешь. Правда, при этом тот же Крижанич указывал на необходимость критично, более трезво относиться к европейской премудрости и к западному опыту.

В то же время Крижанич разделяет общепринятое мнение о взаимоотношениях дворян и простого люда. «Черные» люди, полагал он, «обязаны дворянство кормить». Он объясняет это тем, что дворяне вершат суд и вкупе с воинами охраняют державу, и кроме того работать головой и руками гораздо важнее и достойнее, «чем ногами». И труднее: бояре проводят целые ночи в думах, а «черные» люди «храпят возле своих жен». Особое положение господ он объяснял тем, что более почетно проливать за народ кровь, нежели проливать пот. Хотя именно народ больше всего и вынужден ее проливать в войнах и междоусобицах. Тут налицо уничижение труженика-крестьянина. Это очевидно. Крижанич писал и о том, в чем он видит счастье русского народа «Первое наше счастье дано нам от природы: наши люди не честолюбивы, не слишком рвутся к власти и поэтому легко подчиняются человеку, знающему их природу, и их легко принудить к тяжелой работе, и к ратным трудам, и к смертельной опасности». Не таковы многие иные народы. Довольны бывают наши люди «простой и обычной едой и питьем и не проявляют чрезмерной заботы об их приготовлении». Счастье наше и в том обилии плодов и урожая земных и водных, ибо Русская земля по сравнению с Польской, Литовской и Шведской землями и даже с Белой Русью гораздо плодороднее и урожайнее. Но «первое счастье» России состоит в том, что «страна имеет безопасные рубежи со [стороны] Студеного моря».

Патриарх Никон

К числу благих обычаев отнес он и то, что никому тут «не дозволено жить в безделье, или что никто не может освободиться от общих народных служб: при дворе, в приказах, в ратных походах, как [в противоположность этому] у немцев многие бояре и горожане живут в праздности и в роскоши, вроде того Сарданапала в древности или вроде откормленных свиней, от которых никому на свете нет пользы». Ко всему прочему русские «черные» люди, уверял он, живут якобы лучше, чем в некоторых соседних странах, где земледельцев безнаказанно обижают. На Руси, пытается уверить читателя Крижанич, такого обычая будто бы вовсе не водится. По этой причине наши «крестьяне и убогие горожане, кормящиеся рукоделием», живут намного лучше и удобнее, нежели в тех пребогатых странах (хлеб едят намного лучший и больше, и рыб у нас добывается в изобилии). Наши «наигоршие черные люди» носят шелковые платья, а их жен не отличить от первейших боярынь. Они даже в состоянии прошивать себе сапоги медными нитками, подбивать «соболями целые шапки и целые шубы» и носить рубахи, «шитые золотом и жемчугом». Вот

«Потешник-немчин».
Гравюра с картины К. Лебедева

это-то «роскошество» и вводит народ во искушение. В дальнейшем мы увидим, как «роскошествовал» наш бедный люд.

Действительное положение народа было крайне далеко от подобной социальной и духовной гармонии. Светская и церковная власть на Руси далеко не всегда способствовала развитию образования и просвещения широких слоев населения страны. У нашей правящей элиты (цари, бояре, высшее духовенство) идея массовой школы долгое время вообще не находила ни поддержки, ни признания. Россия перед XIX в. пребывала словно в состоянии китайской оцепенелости... Европа в XVII в. была покрыта школами и университетами, а печатные станки там можно было найти в любом мало-мальски приличном городе. У нас же арабские цифры, известные в Европе с XII в., введены были лишь в XVII в. Процесс «ошколивания всех разветвлений жизни» на Руси, по словам того же А.В. Карташова, запоздал на добрую четверть тысячелетия, встречая пассивное сопротивление властей. Если Киевская и Юго-Западная Русь заметно продвинулись по пути знаний, то другие регионы заметно поотстали. «Ни уму, ни сердцу русского монаха и епископа ничего не говорил призыв к науке и школе». Так, на глазах Адриана разрушалась, а вскоре буквально сошла на нет Славяно-греко-

латинская академия в Москве.

Медленно шел и процесс приобщения к книгопечатанию. Первое упоминание об Иване Федорове найдено в Кракове. Вероятно, Иван Федоров родился 1510 г. в Польше. Возможно, он учился у Ф. Скорины и Максима Грека. В 1523 г. он впервые появляется в России. Имея знания, опыт (бакалавр искусств, знал немецкий, французский, итальянский, польский, латынь), он стал для нас светочем цивилизации. Первая печатная книга на Руси, «Апостол», напечатана им в 1553 г., или же, по другой версии, в 1563 г. Известно, что Петр I, увидев эту книгу, повелел считать ее первым печатанием, выполненным золотым тиснением. Однако первая книгопечатня вскоре была подожжена и разгромлена (1563 г.). И это при молчаливом согласии церковной власти... Первые печатники, И. Федоров и П. Мстиславец, смогли избежать суда по обвинению в измене и колдовстве в 1566 г. лишь потому, что вовремя успели спастись бегством. Так, Федоров писал о своих тяжких испытаниях и мытарствах во время своего нахождения в России: «Гонения я испытал... от бояр и духовников царя». В итоге эти же люди этих выдающихся просветителей-подвижников «безжалостно» изгнали.

Дело сдвинулось с мертвой точки только в ходе петровских реформ, но, как бы ни пытался Петр I приблизить Русь к Европе, понятно, что в культурно-цивилизационном плане страна долгое время была в отрыве от европейской государственности, культуры, образования. Историк В.О. Ключевский утверждал, что древнерусская мысль при всей ее формальной напряженности и силе так и не вышла за пределы «церковно-нравственной казуистики». Церковный историк Голубинский, который вроде бы должен был основательно изучить древнерусскую литературу, писал, что Древняя Русь «до самого Петровского переворота не имела не то что образованности, но даже и книжности...». Правда, известный историк наших дней О.А. Платонов справедливо возмутился, заявив: сказать так — это значило распи-саться в своем невежестве в области древней русской литературы, давшей огромное количество талантливых литературных произве-

дений, да еще и в различных жанрах. Все это так, но факт остается фактом. Петр Великий считал необходимым изменить конструкцию «нашего дома», пустив туда больше света и воздуха... В противном случае отчего бы ему понадобилось «прорубать окно в Европу», а великому Пушкину — своими стихами утверждать в сознании поколений сей образ модернизации государства Российского. Согласимся с тем, что в нормально построенном доме окна уже изначально помещают в конструкцию, а не потом прорубают... В окружении Петр сделал ставку на людей типа Матвеева, Куракина, Ф. Прокоповича, беря пример с заграницы (с Франции), считая, что французы достигли немалых успехов при воспитании светского человека. Тот воспитывается в воле и смелости и «без всякой трудности обучается наукам». Петр создавал таких людей. Они забросят в наш ум основы европейского просвещения и европейской вольности. «Они сами и их единомышленники клали воистину крепкое основание европеизации русских нравов и русской общественности, сразу переходя к тем высоким степеням, до которых массе русского общества пришлось добираться еще долго и с большим трудом». Обратим особое внимание на эту фразу — «сразу переходя к тем высоким степеням». Для русских (а точнее, для той смеси, что на деле представляет наш народ, будучи полурусским, полуазиатом, полуиудеем, а зачастую полуфранцузом или полунемцем, а то и татаринном, особенно в высших сферах) характерно это желание получить «все и сразу», перескочив через все этапы знаний, наук, культуры и труда.

Российская власть привыкла к тому, что все толковое и интересное идет из Европы. Цари и князья взяли уставы и регалии власти у византийцев, само происхождение власти вели от Рюриков; женились на дочках европейских монархов или князей, а то и половецких ханов; немцы обучали нас естественным наукам, французы — языку и культуре, голландцы — кораблестроению, торговле, англичане и шотландцы — строительству, ромеигреки — вере христианской. Впрочем, и великая Азия кое-что дала нам: татаро-монголы

Памятник первопечатнику Ивану Федорову

выучили военным приемам, дисциплине, хазаро-иудеи — хитрости и торговым навыкам. А сколько разных этносов влило в нас свою кровь — всех их и не перечислишь! Известны корни происхождения многих ярких и

Издания И. Федорова

Петр I видел в Европе идеал государственного устройства

славных фамилий, ставших в России знаменитостями: Даль — датчанин, Багратион — грузин, Айвазовский и Лорис-Меликов — армяне, Куприн — татарин, Лермонтов, Барклай-де-Толли, Фаркарсон (открывший в 1701 г. школу математики и навигаций в Москве) — шотландцы или имели в роду эти корни, Тотлебен и Штиглиц — немцы и т.д. Русские часто ориентировались на Европу: «Исконные русские духовные ценности — это греческая по происхождению азбука, малоазиатский двуглавый орел, построенный флорентийцами Успенский собор, воспитанный на французской литературе Пушкин. Про заимство-

вания в технологиях, военном деле и прочем мы не говорим. В этих заимствованиях не слабость, а сила России. На каждом переломе, при каждом кризисе Россия обращалась к Западу за тем, чего не могла создать сама». Подобно тому как Святослав и русские князья хаживали в Византию, в Царьград, Петр и его птенцы не даром и не впустую наведывались на Запад, в Европу. Немало ценного усвоили они там, а затем привнесли в нашу жизнь, что разумеется, нисколько не умаляло наших русских достоинств.

Однако в этой вечной «опоре на Запад» была и теневая сторона. Упование исключительно на возможности Запада сделало нашу страну ленивой и не склонной к творчеству. Она вообще не очень любила учиться. Петру Великому в 1727 г. в цифирные школы удалось согнать всего 2 тыс. человек, и то батогами и угрозами. По его приказу в каждом классе был поставлен солдат с хлыстом, который должен был, буде кто из учеников бесчинствовать станет или лениться, оных «хлыстом бить, несмотря какой бы фамилии ни был». Петр и сам частенько говаривал: «Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера... не приневолены бывают». Весь XVIII в. пытались воплотить в жизнь заветы Петра I. К сожалению, значительная часть правящего слоя не обладала ни должными талантами, ни верой в Россию, хотя были и те, кто служил ей достойно, с желанием и

Д.Н. Кардовский. Заседание Сената при Петре

Петр I допрашивает наследника — царевича Алексея Петровича

умом. У реформаторов складывалось невольное убеждение, что только неволей и можно побудить народ и монархию, да и всех этих недорослей, в том числе и из властвующей элиты, что «ни в какую службу и науку не годятся» (Петр I), к решительным переменам, заставить этих лентяев и неучей научиться уму-разуму.

Так, правительство России старалось привлечь дворян на ниву знаний обещаниями карьерных наград, получением ряда преимуществ при определении на службу с завершением образования. Указ от 17 мая 1756 г. давал право дворянам, добившимся успехов в учебе, получать обер-офицерский чин, с которым они должны были вступать на гражданскую службу. Однако знатные оболтусы все равно не стремились в лоно наук, предпочитая потешные забавы с друзьями и «девками». Показателен пример самого наследника, царевича Алексея. Учился он кое-как, что и не мудрено: так как в воспитателях у него

ходил неотесанный и туповатый Никифор Вяземский. Мало пользы принесла замена его Меншиковым: светлейший и сам грамоте был необучен. Правда, царевич с грехом пополам все же овладел немецким и французским языками, но отличался ленью, праздностью и слабоволием. Довольно сказать, что он лишь к 18 годам сумел кое-как одолеть четыре действия арифметики. Отец выговаривал сыну: «Ничего делать не хочешь, только б дома жить и веселиться». Алексей признавался отцу, что трудиться и учиться не любит: «Учение мне было зело противно, и чинил то с великою ленью, только бы чтобы время в том проходило, а охоты к тому не имел. С младенчества моего несколько лет жил (я) с мамою и с девками, где ничему иному не обучился, кроме избных забав». Своего сына-недоумка Петр I предал лютой казни, не считая возможным доверить ему судьбы великого государства. Он счел, что это будет лучший выход для России, чем наследник, который во всем и всюду

готов слушаться «своей закулисы» и враждебной заграницы. Видимо, не от хорошей жизни Петр прибегал то к дубине, то к палачу как средству воспитания. Глядя на такой пример в семье самодержца, и остальные дворянские дети не очень-то жаловали учебу.

У нас вообще трудно и как-то уж очень ухабисто идет модернизация снизу. Власть же ждет подсазки, примера, наставления... Для нашей государственности важную роль сыграл труд Прокоповича «Правда воли монаршей». Написанный под влиянием идей эпохи Просвещения, труд знаменателен тем, что все или почти все, что делается в стране, ставится в нем в зависимость от монаршей воли. Правда, в нем отмечается значение прав на богатство, личных заслуг и труда, но все это выглядит как фактор вторичный по сравнению со всевластием царя. Главный тезис — только от монарха в России и зависит достижение общественного блага («всенародной пользы») как нынешнего, так и грядущих поколений. Все у нас в руках высшей власти. Она — и бог и царь... По мысли Прокоповича, подданные не имеют никаких прав и должны беспрекословно и слепо повиноваться воле монарха, будь он даже растреклятый злодей... В библиотеке у Прокоповича, конечно, были и конституции, но о них в сочинении ни гугу.

В какой общественной среде при таких условиях искать источники просвещения и

Феофан Прокопович

разума? Где обрести точку опоры? Оставался лишь один реальный источник для пополнения рядов служебной бюрократии — разночинный и священнический элемент. Естественно, что для людей из народа служба и карьера на государевой службе — привлекательный стимул. И дело не столько в соблазне дворянством, т.е. в возможности подняться в табеле о рангах государства на высокий уровень, но и в возможности применить свои знания и таланты. Ведь если средняя школа была преимущественно сословной, то высшая невольно становилась бессословной, ибо дворянство, как уже сказано, вначале не очень-то стремилось в университет, скорее рассуждая в духе фонвизинского недоросля: «Не хочу учиться, а хочу жениться». Что касается домашнего образования и воспитания в России, о каком-то серьезном уровне знаний тут и говорить не приходилось. Интеллектуальная и профессиональная планка дворянства была не очень высока. В воспоминаниях С.А. Корф дал оценку оному за 100 лет: «Говорить и писать легко по-французски, кое-что знать из литературы, произносить наизусть и декламировать стихи... бормотать кое-что по-немецки, ловко танцевать менуэт или кадрили — вот что называлось получить окончательное воспитание, т.е. воспитание домашнее, так как другого воспитания в то время почти что не было». Учились кое-как, чему-нибудь и как-нибудь, прибегая к услугам гувернеров и гувернанток. Ну а о том, что собой представляли тогдашние пансионы и учителя в России, рассказывает роман Фаддея Булгарина «Иван Иванович Выжигин», чрезвычайно популярный у читателей первой половины XIX века. Сатирическая картина того, чему и как учили дворян в России. Сначала ученика обучают французскому и немецкому языкам. Француз Г. Феликс, в прошлом работник с помадной фабрики, дает молодым людям знания грамматики, особо растолковывая, «что значит роды», учит, как «употреблять члены» (*les articles*) и т.д. Затем семейство решает отдать отпрыска в науки, дабы сделать из него «ученого». Но ученик пренебрегал занятиями и «даже потерял охоту учиться». Экзамены делались для проформы, ибо заранее давались вопросы и ответы для зазубривания.

В. Перов. Приезд гувернантки в купеческий дом

Сами учителя и выступали в качестве суфлеров. Уровень аттестации ученика зависел от содержания кармана его предков, ну и от знатности рода и от чина. Когда сына одного высокопоставленного чиновника спросили, какие вспомогательные глаголы он знает в русском языке, оный уверенно ответил: что-то, а уж тут-то он промашки не даст — и гордо выпалил: «У нас вспомогательные глаголы: лгать и брать!» Полагаем, что российские чиновничьи нравы, глядя на нынешние «подвиги» иных Выжигиных, мало изменились за два столетия, впрочем, как и детки богатых родителей...

Конечно, к тому времени был уже создан Московский университет, где могли учиться желающие. Тут ни звания, ни богатство родителей не играли первой роли (по крайней мере в те времена это было так). Тут соблюдали за-

поведь великого М.В. Ломоносова, говорившего: «В университете тот студент почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды». Однако совершенно ничтожное число студентов красноречиво: в 1760 г. в стенах одного насчитывались всего-то 30 студентов (все — казеннокоштные) и 118 гимназистов. Самыми первыми студентами университета были сыновья священников — П.Д. Вениаминов и С.Г. Зыбелин. Протоиерей Г. Флоровский писал о тех, кто стоял у кормила образования и наук в России долгие годы, тех, из кого состояла и сама школа: «Ведь именно эта духовно-школьная сеть оказалась подлинным социальным базисом для всего развития и расширения русской культуры и просвещения в XIX веке. Светская школа окрепла очень не скоро, не раньше сороковых годов, — Казанская гимназия и даже университет, как их

описывал С.Т. Аксаков, были далеко позади тогдашних семинарий, не говоря уже о преобразованных академиях. Именно «семинарист» в течение десятилетий оставался строителем русского просвещения в самых разных областях. История русской науки и учености вообще самым кровным образом связана и с духовной школой, и с духовным сословием. Достаточно пересмотреть списки русских профессоров и ученых, по любой специальности, — здесь две основные социальные категории: «семинарист» и «иностранец» (всего чаще немецкого или шведского, реже польского происхождения), и сравнительно редкие представители дворянства и чиновничества. И в русской академической и литературной психологии до самого последнего времени можно было распознавать явные отзвуки и следы этого духовно-школьного прошлого. Это было источником и силы, и слабости — творческой любознательности и беспечного максимализма». Подчеркнем, что, несмотря на то, что высшее общество называло выпускников бурс и семинарий «серой скотиной», они-то во многом и воспитали наш народ в своем духе.

Прогресс наук все же имел место, но шел крайне медленно... Минует почти век, прежде чем усилиями П.В. Завадовского и Екатерины II был сначала разработан, а затем и принят «План к установлению народных училищ в Российской империи» (1782). Истинным автором плана был Дидро. Преклонявшаяся перед энциклопедистами Екатерина Великая поручила составить «План университета для России» ему, что и было сделано в 1775 г. Дидро в этом документе говорит о методах обучения тех, кто выделяется из массы «своими умственными данными или же своей тупостью». Он подчеркивает, что двери школ и университетов должны быть открыты для всех детей из народа, хотя и предупреждает, что при массовом образовании «интересы гения, идущего обычно большими шагами, будут отчасти принесены в жертву интересам массы». Чрезвычайно интересна, а для того времени даже и революционна мысль о том, что, принимая во внимание соотношение числа хижин и дворцов (он определил такое соотношение как 10 000 к 1), Дидро десять тысяч шансов

Дени Дидро

против одного ставил на то, что гений, талант и добродетель «скорее выйдут из стен хижины, нежели из стен дворца». Сегодня это еще более верно, чем тогда... Рекрутировать будущих творцов и гениев, опору новой России, следует не из числа выдвинутых воровской эпохи, а из рядов средней, трудовой интеллигенции.

Дидро был автором посвященных вопросам воспитания и обучения народа статей («О публичных школах», «Об особом воспитании» и другие). Подобный кардинальный план Дидро (особенно после свершившейся во Франции в 1793 г. кровавой революции), в этом и была проблема, изрядно напугал всю российскую правящую верхушку, включая саму Екатерину II. В высшей степени показательны ее слова: «Черни не должно давать образования, а то она не станет повиноваться нам». Слова эти почти дословно повторяли известные слова Вольтера: «Никто не предполагал просвещать сапожников и служанок». Понятно, что сама Екатерина, ее окружение, да и последующие цари были в душе согласны с таким высказыванием. Поэтому в последние годы правления Екатерины интерес к развитию университетского образования и вообще к обучению народа снизился. Московский университет воспринимался как гнездо мажорского заговора, а «адвокаты, профессора и бродяги» предстали в глазах власти чуть ли

не как главные заговорщики... Выступая в политике противником курса Екатерины, Павел I разделял иные ее страхи, считая опасным западное просвещение. Взойдя на трон, он закрыл границы, запретил иностранные платья, подписал указ о запрете иностранных книг (1800 г.): «Так как через вывезенные из-за границы книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, в государство наше...». Выходило, что, с одной стороны, самодержцы вроде бы хотели реформ, с другой — еще более опасались их последствий. Поставленный во главе комиссии по устройству законов П. Завадовский сетовал на недостаток знаний. Но тут же высказывал недовольство тем, что приходится работать «за немца», а вся эта туча книг теоретического законовествова, мол, «не клеится с русским бытом». Отношение элиты к российским законам продолжало оставаться отрицательным. Они их не признавали и обходили на том основании, что те «писаны во мраке невежества». В итоге брать пример вроде бы не с кого.

Цари помыкались-помыкались, а потом опять-таки поставили заведовать вопросами просвещения иностранца (Лагарпа). Хотя тот и говорил царю, что иностранцы в России не могут быть истинными просветителями народа. Для этой цели надобны природные русские умы. Они, мол, лучше поймут его настроения и обычаи. «Дело образования в России в эпоху Екатерины кончилось тем, что, несмотря на добрые намерения, ее обманули с реформами: устроили наскоро несколько блестящих заведений и на том сочли миссию просвещения России исчерпанной... Пусть в больших городах учреждаются университеты, гимназии и другие училища, но вместе с тем пусть открываются сельские школы, в которых будут учить по крайней мере писать и считать». Видимо, столь критическое отношение к российской действительности не совсем справедливо. К концу царствования Екатерины в стране насчитывалось уже более 300 училищ. Однако называть Россию истинной вотчиной наук и просвещения было еще рано. Сравните такие цифры. В конце

М.В. Ломоносов

XVIII в. в Московском университете число студентов порой не доходило и до ста (на юридическом и медицинском факультетах — по 1 студенту и 1 профессору), а во Франции в XV в. в Сорбонне обучалось порядка 20—30 тыс. студентов.

Ученое сословие в России до конца XVIII в. по-настоящему не сформировалось, будучи и в правовом отношении неоформленным. Управлявшее наукой и образованием высшее чиновничество избиралось, в основном, по принципу личной преданности царю и близости лица к престолу. Понятно, что при таком положении и Академия наук была далека от интересов народа. Видимо, это заставило Пушкина написать: «В Академии наук заседает князь Дундук». Об истинном отношении к министру народного просвещения царя говорит и его характеристика того же П. Завадовского: «настоящая овца», «он просто ничтожен и посажен только для того, чтобы не кричал, что отстранен». При таких персонах и дело шло кое-как. Хотя были и яркие, даже гениальные личности, как М.В. Ломоносов, Н.И. Новиков, А. Радищев и др. Так на ниве просвещения в России возникли две

Н.И. Новиков

тенденции — монархическо-консервативная и разночинно-революционная. Если в первой упор делался на достижение в школах и университетах «образцового послушания», на пресечение «худых рассуждений и дерзких слов», на укрепление веры в монархию и в начальство (начальники могут и должны «все лучше и основательнее знать»), то вторая желала развеять в народе тьму невежества и предрассудки, побуждала к переменам и к усвоению начал свободы и вольности. В оде «Вольность» Радищев выразил надежду, что свобода «невежества развеет прах», и предрек правящей элите горькую судьбу. «Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и

А. Радищев

прижигание нам будут... за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем». Ответ правящего класса на подобную дерзость не замедлил себя ждать. Известно, что власть сгноила Н. Новикова в казематах Шлиссельбурга. Екатерина назвала книгу А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» богомерзким сочинением, заклеила автора «бунтовщиком, что хуже Пугачева», и осудила на смертную казнь. Правда, смерть ему заменили ссылкой, но в 1802 г. Радищев свел-таки счеты с жизнью путем самоубийства. И тем не менее под знаком предостережения писателя-бунтаря пройдет весь XIX в. Тут случится: и Отечественная война 1812 г., и реформы Наполеона, и революции в Европе. Многие взбудоражат русские умы.

Глава 2. Россия во времена Павла I, Александра I, Сперанского и декабристов

Какой представляется нам в XIX веке Россия? Некой сценой, на которой действовали различные типажи и герои. Кого тут не увидишь: царя Леонида, защищающего с горсткой отважных воинов Фермопилы, Брута, что точит кинжал на Цезаря, крестоносцев, желающих водрузить символ православной веры на Софию в Константинополе, народосвободитель, вызволяющий братьев-славян из рабства восточных деспотов, молодого и дерзкого государя, что подобно великому Александру Македонскому мечтает о распространении своей власти на бескрайние земли Евразии. Появятся у нас свои людовики, адамы смиты, вольтеры, руссо, мараты, дантоны, робеспьеры, шекспиров, монтени, шиллеры, байроны, бисмарки. И как в этой амальгаме разобраться? Где же место России? И что мы собой представляем — Европу, Азию или же нечто промежуточное?

Странное ощущение охватывает при взгляде на бурные годы российских царствий. Что ни правление, то на крови замешано... Что ни царь, то реформатор... Что ни крестьянин, то Пугачев... Причудливая, фантастическая лепка специфических черт и условий делала Россию не похожей на остальной мир. Это же ставило в какое-то двусмысленное положение, ибо думали и в мечтах уносились в одном направлении, а жили и действовали в ином, зачастую совершенно противоположном. Так, бабка Екатерина II оставила внуку Александру прекрасные предписания, как надо воспитывать детей и людей. Надо «стараться при всех случаях вселять в детях человеколюбие и даже сострадание ко всякой твари». Главное достоинство — развивать в них чувства любви к ближнему, доброжелательство ко всем людям, ласковое и снисходительное обращение и вообще «общее благоговение к роду человеческому». Но в реальной жизни цари и царицы не только не испытывали никакого «благоговения к роду человеческому», но и свою родню, так сказать свою кровинушку не щадили.

Они же и породили, еще с давних времен — с Бориса и Глеба, традицию переворотов и контрпереворотов, что частенько завершались «мокрым делом». С помощью жестоких убийств многие князья и цари и приходили к власти — от князя Ярослава Мудрого до Петра Великого, от Елизаветы и Екатерины II до Александра I и Николая I. Конечно, объяснить можно все. Что и пытались делать монархисты... Говорили, что для устранения Петра III были основания как личного, так и политического плана. Вечное пьянство Петра III («целые ночи проводил с любимцами, льстецами и прежними друзьями своими в пиршестве и пьянстве»), непотребное поведение окружения царя («как малые ребятки», на виду у всех прыгал на одной ножке, и подобным образом развлекались «все первейшие в государстве люди, украшенные орденами и звездами»), политическая измена и сдача всего того, что было завоевано русским оружием в Семилетней войне, преклонение перед границей (Петр III писал Фридриху II, что ни один из его подданных «не предан более моего вашему величеству») и привели к перевороту. Недовольство в армии и в народе было настолько велико, что даже иные иностранные наблюдатели заявляли, что в столице, в Петербурге, зреет «революция». После ниспровержения Петра III и воцарения Екатерины II императора заточили в Шлиссельбург, где вскоре благополучно прикончили (вероятно, не без помощи графа Орлова). Императрица же, санкционировавшая убийство, в манифесте

Фредерик Лагарп

заявила, что тот «к крайнему нашему прискорбию и смущению», скончался. Говорили и так: «Знаменитое герценовское определение Петра Великого — «революционер на троне» — приложимо практически ко всем российским императорам. Петровское время может показаться исключительным и нетипичным. Но если приглядеться внимательнее даже к самым благополучным и спокойным временам российской истории, например, к периоду правления императрицы Екатерины Великой, нельзя не поразиться грандиозности институциональных реформ, которые она предлагала и довольно настойчиво пыталась проводить в жизнь». Хотя из реформаторства Екатерины так ничего и не вышло.

Александр I, казалось бы, воспитанный в традициях человеколюбия и свободы, прекрасно видел, что в России эти установки часто отступают перед политической необходимостью. Особенно когда на кону стоит такой наиважнейший и определяющий вопрос, как власть. Не было большого толку даже в том, что воспитателем наследника был республиканец, инициатор швейцарской революции Фр. Лагарп, который постарался внушить наследнику идеи в умеренно республиканском духе. Он обращался в качестве примеров к трудам латинских и греческих классиков — Демосфена, Плутарха, Тацита, английских и

французских философов и историков Локка, Гиббона, Руссо. Не очень помогло и то, что среди его учителей были известные знатоки наук (Паллас — по ботанике, Массон — по математике, Крафт — по экспериментальной физике, М. Муравьев — по русской литературе, философии, истории). Несмотря на все их усилия, вскоре стало ясно, что особого пристрастия к наукам наследник не питает, ибо не был ни усидчивым, ни трудолюбивым. Как в таких случаях говорят: натуру не перешибешь. «Леность делает все трудным, а работа — всё легким» (Бенджамин Франклин). Однако работать, засучив рукава, наши цари редко умели. Воспитатель Александра I, Протасов так писал о наследнике: «Замечается в Александре Павловиче много остроумия и способностей, но совершенная лень и нерадивость узнавать о вещах... Действует в нем одно желание веселиться и быть в покое праздности. Дурное положение для человека его состояния». Зато, как заметил тот же автор, по мере взросления юноши в нем замечаются «сильные физические желания как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с женщинами» (1791 г.). Тому немало способствовала и вен-

Граф А.А. Пален

ценосная бабка, Екатерина II, которая, будучи опытной «в любовных амурах», сочла необходимым подготовить внука и к брачному ложу. Для этого она и поручает некоей даме подготовить любимого внука к столь ответственной миссии: научить таинствам «тех восторгов, кои рождаются от сладострастия». В политическом же плане он понимал, что в России царит хронический беспорядок (обычное дело при любой власти), а попытки его отца Павла переломить ситуацию ни к чему хорошему не приводят. И вот что он пишет Лагарпу: «Все сразу перевернулось вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще», а «благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот». Наследник верил, что, когда настанет его черед царствовать, он устроит все, как надо: дарует свободу и вообще устроит так, что перемены станут «лучшим образцом революции». Дело же закончилось убийством его несчастного отца, задушенного пьяной толпой офицеров. В такой обстановке Александр I и вззошел на царство.

Заговор против Павла I вызревал долго и вызрел к середине 1800 г. Противником его выступали многие видные дворяне. Павел отменил дарованную Екатериной «Жалованную грамоту дворянству». При нем, однако, как подчеркивал Д. Рунич, похоже, говоривший правду, все отрасли управления были значительно упорядочены в сравнении с прежним. И хотя продажность должностных лиц «не могла быть искоренена сразу; по крайней мере правосудие не продавалось более с публичного торга». Хотя популярности Павла I явно не способствовали иные поступки, подобные, скажем, отправке в Сибирь гвардейского полка. Императору не понравилось, как полк, проходя, печатал шаг. Тогда же взбешенный Павел скомандовал солдатам и офицерам: «Полк! В Сибирь шагом марш!» Полк смогли повернуть назад уже только в Перми. Многие хотели его убрать. И причины были куда как серьезные... Несомненно, нити заговора вели к английскому послу Ч. Уитворту, ибо Англия весьма опасалась смены внешне-

Император Павел I

политического курса России. Поэтому посол распускал слухи о якобы явном психическом расстройстве императора. В устранении императора приняла участие и большая группа гвардейских офицеров, во главе которых стояли граф Н.П. Панин и генерал-губернатор граф П.А. Пален. А.Ф. Воейков замечает в мемуарах, что после того, как стал ясен поворот Павла в сторону союза с Францией, английское правительство «с восторгом» ухва-

Портрет графа Н.П. Панина

Г. Шварц. 1847 г. Парад гвардии в царствование Павла I. Палац Гатчины

тилось за идею убийства Павла I, озвученную Н.П. Паниным. И премьер-министр Англии Питт «щедрою рукою отсыпал сребреники: ибо между заговорщиками находился и Иуда-предатель. Не знаю, как поделили их, но знаю, что огромные суммы остались у графа Палена, который не всыпал их в сокровищницу церковную и не удавился от раскаяния». Англичане хотели предотвратить саму вероятность намечавшегося союза России и Франции, а также возможный поход войск Павла I и Наполеона на юг, где находилось сокровище британской короны — Индия, бывшая во владении Великобритании.

О периоде правления Павла I в научной литературе и «общественном мнении» России сложилось абсолютно превратное мнение. О нем принято было писать как о «полубезумном царе», самодуре, даже чуть ли не как о прирожденном идиоте. На самом деле это был один из просвещеннейших людей времени. В списке прочитанных им книг — произведения французских энциклопедистов (Монтескье, Руссо, Даламбера, Гельвеция, труды римских классиков, Ломоносова и т.д.). Он неплохо знал историю России да и в целом мировую историю. Отмечают и знакомство Павла с художественной литературой самого высокого уровня, полной глубокого философского смысла. Он с детства занимался переводами, любил архитектуру, работал с картами и атласами. Павел создал свою собственную библиотеку (прямо в спальне),

сам занимался и отбором книг. Характерно следующее признание Павла Петровича своему другу графу А.К. Разумовскому (в письме от 1773 г.): «Я сдерживаю, насколько могу, мою живость; ежедневно выбираю предметы, дабы заставить работать мой ум и развивать мои мысли, и черпаю понемногу из книг». Именно Павел I создал в марте 1799 г. новую должность — вице-президента Академии художеств, которую занял великий архитектор В.И. Баженов, человек огромного таланта и художественного вкуса. К сожалению, тот умер всего через несколько месяцев после вступления в должность, но и за это время он успел дать толчок реформам, некоторые из которых были осуществлены уже его наследниками. Те, кто взглянул на Павла I без предубеждения, оценивали его высоко: «прекрасное сердце», «враг коварства и невежд» (А.С. Пушкин), «природное чувство порядка и дисциплины» (В.О. Ключевский). Генерал А.П. Ермолов, герой Отечественной войны 1812 г., человек резкий, скажет: «...У покойного императора были великие черты, и исторический его характер еще не определен у нас». Поэт, сенатор, министр юстиции И. Дмитриев находил в его поступках «что-то рыцарское, откровенное» и, говоря, «пусть его судит потомство», добавлял: «От меня же признательность и сердечный вздох над его прахом». Он был единственным, кто открыл линию прямой связи с народом через специальный ящик, куда желающие могли положить

сообщение или письмо императору. Правда, через год оный ящик решено было убрать: уж слишком много памфлетов, оскорбительных пасквилей, сатир, карикатур на императора бросали «монархолобцы».

Причины многочисленных попыток изменить систему управления следует искать не в воле государя императора, а в объективных потребностях государства. При любой власти важнейшей задачей становилось создание более эффективной системы управления. Ведь в России роль государства в хозяйственной жизни, экономике, военном деле, образовании, культуре и т.д. всегда была особенно значимой. С этой целью и был создан в дальнейшем Кабинет министров. Термин «министр» употреблялся в России с начала XVIII в. Уже при Петре I существовала Консилия министров, при Анне Иоанновне — Кабинет министров, но тогда те еще не представляли цельную систему в управлении. Один из ярых сторонников внедрения министерской системы, В.П. Кочубей писал:

«С течением времени расширение народного труда, преумножение богатства, успехи промышленности и просвещения потребовали большей попечительности со стороны правительства: когда признано было нужным точнее означить для каждой части пределы ее и образ ее действия, тогда все неудобства бывшего тогда управления скоро и почти вдруг обнаружались». При Екатерине II делались попытки изменить число и состав коллегий, резко сократив их количество, сохранив лишь несколько наиглавнейших. Идею реорганизации центрального управления поддержал видный государственный деятель второй половины XVIII в. Н.И. Панин. В докладе Екатерине II он указывал, что государственное управление должно быть разделено между несколькими лицами, обязанными заботиться о тех государственных частях, кои по их натуре требуют всегдашнего исправления и контроля, частых перемен и полезных новостей. При Павле I роль личного начала в управлении еще более усилилась. Император

Инженерный (Михайловский) замок (резиденция Павла I, где он убит)

восстановил ряд прежних коллегий, поставив во главе их главных директоров. Хотя те не входили в состав коллегий, но должны были лично докладывать государю обстоятельства дел. В 1797 г. возникла и должность первого министра — таковым стал министр уделов князь А.Б. Куракин.

В записке Павла I об устройстве разных частей государственного управления говорилось о разделении центральной администрации на семь главных департаментов (юстиции, «финанции», военный, иностранный, морской, коммерции и казны), каждый из которых должен был иметь «своего министра». Отмечалось, что каждому министру будет назначен свой «день и час» для обсуждения дел его министерства лично с государем. По свидетельству В.П. Кочубея, руководителям центральных учреждений удавалось вносить свои предложения на утверждение непосредственно императору. «Прочие части, — писал он, — кои или не имели своего главного директора, или коих директор не имел доступа к государю, входили по большей части прямо к генерал-прокурору, и от него подносились непосредственно на высочайшее усмотрение». Но возникли и трудности, что, зная наши порядки, было не мудрено. Впрочем, еще Петр I, по словам Л. Шепелева, был поражен теми трудностями, с которыми оказывалось связано создание новой системы управления в России, а также огромной суммой необходимых для этой цели расходов. Усилия Петра I и ближайших преемников были направлены в первую очередь «к упрощению и прямому сокращению создаваемого государственного аппарата». Павел I имел возможность убедиться в том, как трудно преодолеть сопротивление чиновников на Руси, — и заплатил жизнью.

По словам историков, Павел жил идеалами средневекового рыцарства, идеалами чести и бескорыстной верности Богу. Правда, порой его ум не мог отличить малое от великого, не знал науки компромисса, политического маневра. Если подписанные им указы разделить на дни царствования, получится, что в день он подписывал по указу (Петр I подписывал один указ в два дня, Екатерина — в три). Такое интенсивное законотворчество вносило

сумятицу в управление государством. Хотя мы и не думаем, что «крой штанов и закон о престолонаследии имели для Павла чуть ли не равную значимость». «Желая водворить порядок при дворе и в администрации, он громко осуждал и искоренял старое, новое же насаждал с такой строгостью, что оно всем казалось горше старого. Неподготовленность к делам сказывалась на всем, что делал Павел, и, соединяясь с неровностью его характера, сообщала всем его мерам колорит чего-то случайного, болезненного и капризного», — пишет С.Ф. Платонов. Но было в нем нечто, что делало из него едва ли не «декабриста на троне». К примеру, двадцатичетырехлетний Павел Петрович говорил своему воспитателю Никите Панину: «Человек — первое сокровище государства, а труд его — богатство. Его нет — труд пропал и земля пуста; а когда земля не в деле, то и богатства нет. Сбережение государства — сбережение людей, сбережение людей — сбережение государства». Слова эти, пишет А. Зубов, достойны не молодого человека, в умственных способностях которого порой и сейчас сомневаются, но мудреца, прожившего целую жизнь, Конфуция или Платона эпохи «Законов». Как часто в нашей несчастной России пренебрегали этим замечательным принципом! Взойдя на престол, Павел немедленно вернул из ссылки Радищева, освободил из крепости Новикова. По точной оценке В.О. Ключевского, «в основе правительственной политики Императора Павла, внешней и внутренней, лежали серьезные помыслы и начала, заслуживавшие нашего полного сочувствия... Павел был первый противодворянский царь этой эпохи... Чувство порядка, дисциплины, равенства было руководящим побуждением деятельности Императора, борьба с сословными привилегиями — его главной целью... Смирная классовый аристократизм, Павел невольно обращался лицом к идеалу общенародного монарха. „Все-все подданные и мне равны, и всем равно я — Государь“, — говорил Император».

Подвести итог правления личности Павла I можно было бы словами историка П.Н. Буцинского: «По отзывам беспристрастных современников, как русских, так и иностран-

ных, Павел Петрович — этот царь-демократ, был человеком редким в нравственном отношении, глубоко религиозным, прекрасным семьянином с недюжинным умом, феноменальной памятью, высоко образованным, энергичным и трудолюбивым, и, наконец, мудрым правителем государства как в делах внешней политики, так и внутренней». Лев Толстой, читая записки Павла, запишет в 1905 г. слова: «Какой предмет! Удивительный!» Царь прекрасно отдавал себе отчет в том, что многое в России будет зависеть от воспитания правящего слоя. Так, он в 1800 г. просил директора 1-го кадетского корпуса М.И. Ламздорфа стать воспитателям его младших сыновей. В ответ на его возражения, что, вполне чувствуя великую милость к нему Государя, тот не смеет принять такое лестное поручение из опасения не уметь исполнить оное с ожидаемым успехом, Павел Петрович возразил Ламздорфу: «Если ты не хочешь взяться за это дело для меня, то обязан взяться для России; одного только требую, чтобы ты не сделал из мальчиков таких же шалопаев, каковы немецкие принцы». Одним словом, это был человек умный, явно неординарный и не лишенный талантов. О нем иные говорили: «Если бы его высочество был человек партикулярный, обычный и мог совсем предаться одной только математике, то по остроте своей весьма удобно мог бы стать нашим российским Паскалем». И вот такой недюжинный ум, такой образованный, энергичный и, главное, трудолюбивый человек оказался не ко двору высшим слоям общества в России и в Европе.

Хотя Павел, как уже сказано, изъездил из обращения знаменитый «Наказ» Екатерины, запретил иностранные платья, а заодно и ряд книг. 18 апреля 1800 г. им был издан указ, где было заявлено: «Так как через вывезенные из-за границы книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, в государство наше...» Говорят, что он одним из первых в Европе понял, что революция во Франции кончилась с назначением Наполеона первым консулом. Ранее он же очень негодовал на робость Людовика XVI: «Что они все там тол-

Убийство Павла I

куют! Я тотчас все бы прекратил пушками». На что умудренная Екатерина философски заметила: «Пушки не могут воевать с идеями. Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование». Жизнь показала: в России даже пушки не могут успешно справиться с идеями. Но и без них, как выяснилось, дело не обходится. К языку пушек прибегали и Наполеон, и Николай I — во время восстания декабристов... Перемены во многих странах шли, идут через перевороты. Вот и царствование Александра I началось со слов графа Палена: «Вы все знаете, господа: не разбив яйца, омлет не приготовить». Вместо яйца, как это и ни прозвучит цинично, разбили императорскую голову. Так вот взошла в России «заря новой свободы». Александр I, разумеется, знал о заговоре и дал «добро» на его проведение. Царь, от которого все ждали подвигов и демократических реформ, волею судеб начал правление с отцеубийства. Монархисты и блюстители веры стараются об этом даже и не вспоминать. Ведь это подрывает сами основы монаршей власти и христианской веры.

Конец XVIII века был ознаменован выходом на европейскую арену двух главных действующих лиц новой истории — Франции и России. Во Франции произошла Великая

Древо свободы во Франции

французская революция, а затем явился диктатор, Наполеон — с намерением переписать историю, перекроить карту мира. В России же к власти пришел не менее честолюбивый человек, на словах миролюбивый, казалось, более помышлявший о славе реформатора и миролюбца, нежели завоевателя. Как скажет Пушкин о том времени: Екатерина «поставила Россию на пороге Европы». Сын ее, Александр I в инструкции русским министрам при иностранных дворах (4 июля 1801 г.) заявлял, что если поднимет оружие, то «единственно для обороны от нападения, для защиты моих народов или жертв честолюбия, опасного для спокойствия Европы». В теории он отказывался от вмешательства во внутренние дела иных государств, говорил о необходимости окончательного мира, однако тут же заявлял о сохранении «за Россией первенствующего влияния в делах империи». Поэтому и С.М. Соловьев в книге о внешней политике Александра, не обманываясь фразами о миролюбии и невмешательстве России в европейские дела, откровенно пишет: «Александр, естественно,

признал своей задачей как внешнее, так и внутреннее успокоение народов, примирение борющихся начал». В дальнейшем такая политика «примирения борющихся начал» закономерно и привела русских в Париж, способствовала созданию Священного союза. Став победителем, Александр должен был и вести себя «по-европейски». Однако все эти намерения привели к наступлению реакции, как это ни странно.

С приходом Александра I вопрос о реформе центральных органов управления встал в повестку дня. Видя громоздкость, неэффективность работы государственного аппарата, иные надеялись, что со смертью Павла расчистится место для разумных перемен. «Не осталось никаких следов стеснения ни в чем. Все институты Павла умерли вместе с ним», — писал шведский дипломат Штединг в начале царствования Александра I. Эти вопросы часто обсуждались в Негласном комитете, состоявшем из приближенных к императору лиц. В декабре 1801 г. А.А. Чарторыйский подал императору записку. К ней была при-

ложена и «Таблица властей империи». Согласно его идее, государственное управление разделялось на три части: собственно «управление» (исполнительная власть), «юстиция» (судебная власть) и «охранительная часть» (контрольная власть, которая вручалась Сенату). 10 февраля 1802 г. эта записка (текст ее не сохранился) обсуждалась в Негласном комитете. Чарторыйский рисует в ней картину «величайшего неустройства» в управлении страной и предлагает разделить исполнительную власть между 8 министрами, в руках которых и находились бы нити администрации. При этом надзор за деятельностью министерств он предлагает предоставить Сенату. Коллегии должны быть ликвидированы. Член негласного комитета Н.Н. Новосильцев знакомит с проектом учреждения министерств бывшего воспитателя Александра I, Лагарпа, члена Высшего совета канцлера А.Р. Воронцова. Те отнеслись к идее с полнейшим одобрением. В.П. Кочубей передал императору французский календарь, где было представлено устройство министерств со всеми подразделениями и канцеляриями, а 24 марта 1802 г. представил Александру I набросок введения к указу об учреждении министерств. Подготовить проект разделения

дел между министерствами император поручает статс-секретарю А.Н. Оленину. Одним словом, царь воспринимался как новый Петр. «Комитетчики» В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов стояли на позициях замены коллегий министерствами. На заседании Негласного комитета Александр I и А.А. Чарторыйский заявили, что нельзя сразу «уничтожить всю эту старую форму», но все надо делать постепенно. Н.Н. Новосильцев представил комитету первый проект учреждения министерства из восьми частей: юстиции, внутренних дел, финансов, государственного казначейства, иностранных дел, военной, морских сил, народного просвещения. Перед тем он проконсультировался с Лагарпом. Тот предложил все тщательно обдумать, прежде чем проводить проект в жизнь (порядок делопроизводства, работа канцелярии, форма документов и т.д.), для чего следовало послать в Европу образованного чиновника для изучения опыта западноевропейской бюрократии. Однако Новосильцев отклонил это его предложение, заметив, что министры на первых порах будут руководствоваться «Генеральным регламентом» Петра I. Эта точка зрения показалась приемлемой многим и получила поддержку самого Александра I.

Парад войск

Граф С.П. Румянцев получает из рук Александра указ о вольных хлебопашцах. 1803

А тем временем Европа менялась буквально на глазах: там развивались науки, образование, государственные институты, торговля, т.п. По словам М.А. Дмитриева, которого позже назовут «апологетом официальной народности», там «все воскресло», все шло к улучшению и большому совершенству. Немалая часть просвещенного русского общества будущие достижения и успехи России связывала преимущественно с наследованием западных схем и моделей развития. Все громче и громче звучал и на страницах печати гимн «русскому европеизму». Если книги и вести, доходившие до русских из-за границы, начали работу по перековке умов, то писатель Н. Карамзин довершил «знакомство русского образованного общества с Европою». В «Письмах русского путешественника» (1801) он недвусмысленно скажет: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских; итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли было русским не строить кораблей, не образовывать регулярного войска, не заводить академий, фабрик для того, что все это не русскими выдуманно? Какой народ не перенимал у другого? И не должно ли сравняться,

чтобы превзойти?.. Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских...». Аргументы эти казались убедительными и оказывали влияние на интеллигенцию, офицеров и разночинцев.

Эти процессы шли тем более стремительно, что широкие слои высшего русского общества до начала войны с Наполеоном были совершенно увлечены, очарованы французами... Прибывший в Петербург посол Франции Коленкур был потрясен увиденным тут... Все в России, казалось, устроено на французский лад. Он доверительно писал в Париж: все — генеральские мундиры, эполеты офицеров, перевязи вместо поясов у солдат, французские ружейные приемы, даже музыка — походит на французскую (1808). Знать даже мыслила скорее по-французски, чем по-русски.

Безусловно, дело не только во французских маршах и костюмах. Наполеон совершил по сути переворот в системе управления государством. Кроме того, он в промежутки между военными кампаниями положил начало современной организации народного образования во Франции. Историк Е.В. Тарле писал: «Во главе всей этой организации стоит ведомство, называющееся «Университетом» (l'Universite), а управляет этим ведомством главный начальник его — Grand-Maitre de l'Universite (теперь это название сохранено за министром народного просвещения). «Университет» при Наполеоне заведовал: 1) высшей школой и 2) лицеями — школой средней.

Бержере. Наполеон и Александр I в Тильзите

Эколь де Франс

При Наполеоне основывались только высшие специальные школы, преимущественно для подготовки техников, инженеров, нотариусов, чиновников судебных, чиновников административных, чиновников финансового ведомства и т.д. Дисциплина была суровая, чисто военная, экзамены очень строгие. Что касается лицеев, то они были созданы прежде всего для подготовки офицеров. Человек, окончивший лицей, принимался по дополнительному экзамену в высшие военные школы. На госслужбу по гражданским ведомствам принимали по окончании лицея, не требуя дальнейшего образования, но, конечно, без тех прав по службе и той карьеры, которая ожидала окончивших после лицея еще ту или иную высшую школу». Помимо этого, французский император, счел важным для пользы всего отечества высоко оценить труды видных ученых (математиков, химиков, физиков, астрономов, археологов, т.д.). Наполеон выступил в данном случае как просвещенный реформатор. Реформирование в России, как мы видим, шло если не под прямым влиянием заграничных правил и установлений, то во всем поначалу заметно ощущался «французский дух».

Тогда и явился М. Сперанский (1772—1839), которому Россия была обязана реформами. Вместо службы митрополиту он

станет слугой государства. Начав карьеру еще при Павле, служа в канцелярии генерал-прокурора А.Б. Куракина, он проявил себя как выдающийся работник. У него был ясный и четкий ум, склонный к аналитике. В.О. Ключевский писал о нем: «Со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум; после Сперанского, не знаю, появится ли третий». Он же отметил и еще одно достоинство: «Сперанский принес в русскую неопрятную канцелярию XVIII в. необыкновенно выправленный ум, способный бесконечно работать (48 часов в сутки), и отличное умение говорить и писать. По всему этому, разумеется, он был настоящей находкой для канцелярского мира». Как его впоследствии только не будут называть: «чиновник огромного размера», «светило русской администрации», «доктринер», «бюрократ». Пример европейских реформ, безусловно, увлек и воодушевил М. Сперанского. По словам Корфа, тот «не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию». В 1819 г. Сперанский подчеркивал, что всем людям свойственно общее понимание ценностей и путей развития: «...Везде, на всех концах света есть всеобщее движение в природе физической и моральной... от тьмы

Наполеон-реформатор

к свету, от заблуждений к истине», и утверждал, — что общим смыслом человеческого существования является движение «к добру вообще, к усовершенствованию бытия». «Добро» — все, что способствует сохранению и усовершенствованию человеческого существования. Смысл существования индивида — нравственное совершенствование. Именно в этом движении по пути прогресса и едино человечество. Для всех народов «добро нравственное, совершенное есть одно; но степени, к нему ведущие, могут быть многочисленными».

В кругах молодежи отношение к Сперанскому было самым восторженным... Они полагали, что тот хотел ограничить власть царя, повысить подати и пошлины и вообще дать широкую дорогу в России талантливым и образованным (в ущерб бездарностям и невеждам), ввести в стране конституционное устройство. Сперанский ратовал за «постепенное развитие» общества и связанных с ним государственных институтов. И хотя рациональные способы развития в России и в других странах Европы, по его мнению, не имели принципиальных отличий, переделать Россию (реформировать всю систему, пре-

образовать общественные и экономические отношения) по «западному образцу» он не стремился, не будучи слепым подражателем европейских законов и стандартов. Мысль его была несколько иной: у человечества единая судьба, а посему и исторический прогресс в России и других государствах должен иметь общую схему, воплощаясь согласно единым христианским принципам по общим политическим и божьим правилам.

Его первый политический трактат, судя по всему, написан под влиянием идей Радищева («Памятная записка об основном законодательстве вообще», 1802 г.). Политический строй России он считал деспотическим, да и в отношении всего общества высказывался необычайно резко: «Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только по отношению ко вторым; действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов». В этом трактате содержится прямо-таки яacobинская мысль о том, что «источником всякого законного на земле правительства является воля народа». Говорят, Сперанский многое заимствовал в «Кодексе Наполеона». Говорят, что Наполеон в шутку предлагал Александру за Сперанского целое королевство. В свою очередь, и наши реформаторы искали образцы для государственного устройства за рубежом. В этом смысле показательны и мечты иных декабристов, увидевших государственный идеал для России в США и Франции, а идеал правителя — в облике Наполеона. Даже бунтарь Рылеев будет считать «образ правления Соединенных Штатов» «удобным и приличным для России». В отношении же Наполеона декабрист Пестель восклицал: «Вот истинно великий человек! По моему мнению: если уж иметь над собой деспота, то иметь Наполеона! Как он возвысил Францию!» На что Рылеев, впрочем, настороженно заметил: «Сохрани нас бог от Наполеона!»

Наследие Сперанского очень обширно. В его архиве сохранились тысячи записок, размышлений, писем, набросков по вопросам юриспруденции, истории, философии, политэкономии, богословия (на русском, французском, латинском языках). Возмож-

М.М. Сперанский

но, мыслями он был с той «новой Россией, из которой впоследствии вышли декабристы» (А.Н. Фатеев). Это ему страна обязана появлением и Министерства народного просвещения, и указом «Об устройстве училищ» (1803). Особое значение имел план государственного преобразования России. Сперанский видел суть политического просвещения в приближении к свободе (запись «О силе общего мнения»). Эта же мысль была развита им в программном проекте 1803 г. Тогда целью закона Сперанский называл ограничение естественной свободы человека только для обеспечения безопасности индивида и общества. Государство должно обеспечить имущественную и личную безопасность человека. Сами реформы он определял как попытки установления в стране «порядка и свободы». На вопрос о том, выполняется ли эта задача в России, Сперанский давал отрицательный ответ. Смысл преобразований он видел в достижении максимально возможной степени совершенства как в государстве, так и во власти. Реформа должна была подготовить государственный аппарат и население страны к созданию опирающейся на «просвещение, честь и деньги» власти.

Во «Введении к Уложению государственных законов» (1809) нашим чиновникам было заявлено: поскольку все части государства Российского требуют сведущих исполнителей, через пять лет никто не будет определен в гражданской должности, если не сможет

закончить обучение в общественном или частном училище. В 1809 г. указ об экзаменах на чин увидел свет. В указе черным по белому было записано, что отныне никто уже не сможет добиться повышения по службе одним лишь пребыванием на службе или «счислением лет службы» (то есть выслугой лет). Заявлено, что для успешной карьеры понадобятся серьезные заслуги и отличные познания. Но на Руси испокон веков к руке царя допускались вовсе не те, кто проявил себя на научном или деловом поприще (за исключением эпохи Петра I). Указ вызвал ужас среди всей чиновной братии. Политические и экономические последствия указа, воплотись он в жизнь, могли бы иметь для страны огромные последствия. Случись так, как задумал Сперанский, уже в XIX в. пошатнулся бы диктат дворянской партии и высшего чиновничества.

Такого посягательства на права не прощали: указ сей породил ненависть к автору, создав немало врагов. Участь Сперанского была предreshена. Александр I как-то признался собеседнику, Я.И. де Санглену: «Из донесений графа Ростопчина о толках московских я вижу, что там ненавидят Сперанского, полагают, что он в учреждении Министерства и Совета хитро подкопался под самодержавие». Много позже митрополит Филарет, вспоминая события тридцатилетней давности (1841), так объяснял причины падения и отставки Сперанского и Магницкого: «Сперанский и Магницкий чуть было не ввергли в пропасть наше Отечество. Они вздумали ввести у нас

Война 1812 года

конституционное правление и уже предложили покойному Государю для подписи свое постановление, которым ограничивалась власть самодержавия; но, к счастью, дух Русский одолел их, и постановление разобрано». Столь неприязненное отношение церковно-бюрократической верхушки России к реформам, в конечном счете, и приведут к краху империи.

Безусловно, огромное значение имело то, что Россия победила в Отечественной войне 1812 г. Наполеона, и тем самым предстала в глазах Европы как «освободительница народов». Царю пришлось, хотел он того или нет, а соответствовать облику освободителя. При Александре I рухнул диктат дворянской партии, ее «уравнивали в правах» с остальным обществом. От дворян требовали служить и учиться не на словах, а на деле. Достижение чинов отныне должно было достигаться реальными заслугами и отличными познаниями, а не только «одним пребыванием и счислением лет службы». Чиновников стали подвергать испытаниям на компетентность, потребовали свидетельств об окончании университета и учебных заведений. Желая получить чин должен выдержать экзамен в университете в присутствии ректора и 3 профессоров. Наконец-то, появляется и светская школа. В указе «Об устройстве училищ» (1803) была установлена связь между жизненной карьерой и уровнем образования. Было заявлено, что через 5 лет никто не будет определен к должности, если не имеет должных знаний. «...Все части государства требуют сведущих исполнителей, и, чем далее отлагаемо будет твердое отечественное образование юношества, тем недостаток впоследствии будет ощутительнее». С введением образовательного ценза возникли более или менее объективные критерии дифференциации. Дуракам и неучам стало чуть труднее пробиваться наверх. Перемены коснулись и церковной братии. 22 мая 1801 г. царь издал манифест об освобождении священников и диаконов от телесного наказания. Ранее суды могли приговорить пастырей к наказанию кнутом за любую, пусть даже малую провинность. Во времена «матушки Екатерины» даже архипастыри были бессловесны. Иные из них,

Святитель Филарет Московский

как отмечал Г. Чулков, не знали и русского языка, подобно Варлааму грузинскому, что, сидя в Сенате, как безмолвная кукла, подписывал все бумаги, не читая и даже в них не заглядывая. Сметы на содержание академий, семинарий и духовных училищ были ничтожны. Бытовые условия учащихся в них были просто ужасны. Правда, суровые условия жития закаляли характер и волю учащихся. Из духовных училищ вышли Сперанский, Филарет Московский и другие известные люди. Но церковное образование никак не могло заменить светскую школу, уж тем более в XIX в., веке наступления прогресса.

Есть еще одно объяснение, хотя и не столь очевидное. После того как войска России и Европы одолели могучего противника, Наполеона, на европейской арене возникла новая политическая конфигурация. Сокрушение тирана, казалось, давало Александру все карты для воплощения воли Провидения. Задано царь пытался насытить свое уязвленное Европой самолюбие. «Двенадцать лет я слыл в Европе посредственным человеком, посмотрим, что они скажут теперь», — говорил он не без злорадства в Париже в 1814 г. Теперь европейское общество приветствовало его как победителя Наполеона, громогласно называя его «Агамемноном новой Илиады». Несомненно, самолюбию русского царя льстило, что

он стал выглядеть в глазах Европы освободителем и чуть ли не либералом. Когда 2 июня 1814 г. Александру вручали в Оксфордском университете диплом доктора права, имела место любопытная сцена. Русский монарх в порыве показной скромности заявил, что не заслужил столь высокого и почетного диплома. Ректор Оксфорда, проявив завидный дипломатический такт, заметил: «Государь, вы выдержали такой диспут против угнетателя народов, какого не выдерживал ни один доктор права во всем мире». Пришлось (после этих-то слов!) становиться на почву правового государства. Хотя бы пусть только и на европейских окраинах империи. Вряд ли это понравилось австрийскому монарху или другим правителям. Но, став спасителем Европы, царь и не думал навязывать ей свою волю, мечтая об ином: «Возвратить каждому народу полное и всецелое пользование его правами и его учреждениями, поставить

как их всех, так и нас под охрану общего союза, охранить себя и защитить их от честолюбия завоевателей — таковы суть основания, на которых мы надеемся с Божией помощью утвердить эту новую систему». Он заявил Шатобриану, что не намерен удовлетворять свои прихоти с помощью 800 тыс. солдат, но желает лишь установить принципы порядка, на коих держится человечество. Но, во-первых, у этого самого человечества разные принципы, и, во-вторых, Европа не хотела быть под властью России, пусть даже в рамках Священного союза. Это было ясно любому мало-мальски соображающему человеку.

После победы над Наполеоном Александр I, казалось, должен был с большим пониманием отнестись и к идее изменения положения основной части своего собственного населения. Народ это заслужил! Тем более психологическая атмосфера вполне соответствовала подобным ожиданиям. С.П. Трубецкой отмечал в «Записках»: «По окончании Отечественной

Бегство Наполеона из России

войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире, народы и государи, пораженные его великодушием, предавали судьбу свою его воле, Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы». Среди собранной в так называемом Негласном комитете молодежи окрепли реформаторские настроения (П.А. Строганов, В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, А. Чарторыйский). Взгляды прогрессивной части окружения русского императора встретили упорное сопротивление со стороны большей части дворянства и высшей чиновной знати. Адъютант царя генерал Данилевский записал в «Дневнике»: «Царь хотел дать нам (гражданские права), но никто его не понял. Более того, число недовольных (его идеями и резкими инновациями) росло с каждым днем» (1815). Как объясняли свои позиции консерваторы? Очень просто: народ не готов, не поймет, да и опасно! Показательны слова посла С. Воронцова своему брату, будущему канцлеру (1801): «Проводить существенные преобразования в самой обширной империи Вселенной, среди 30-миллионного

населения не подготовленной к этому, невежественной и развращенной нации — значит неизбежно вызвать возмущение в стране, вести к падению трона и распаду Империи... Такое предприятие готовит (царю) участь Людовика XVI, а России — неминуемую анархию». Даже просвещенные мужи России считали, что все дело лишь в замене одних людей другими — и дела тут же пойдут прекрасно. Карамзин считал: России нужны 50 честных губернаторов, и все волшебным образом переменится. Такого рода иллюзии со временем укоренились в сознании большей части образованного класса.

С новым царем связывали большие надежды. При коронации народ величал его не иначе, как «наш царь-батюшка», «наше красное солнышко». Иные падали на колени, целовали сапоги, молились на него, словно на чудотворную икону. Полна восторгов была интеллигенция и даже верхи. «Теперь, слава Богу, жизнь в России будет такой же, как в Европе», — писала Елизавета матери. Кажется, еще одно усилие, и дело реформирования России сдвинется с мертвой точки. После

Общество поздравляет друг друга с воцарением Александра I. 12 марта 1801 г.

победы над наполеоновской империей в самой стране сложилась противоречивая ситуация. Россия была страной-победительницей и должна была по всем статьям стать лидером просвещенной Европы, по крайней мере, соответствовать ее стандартам. Вначале царь склонен был претворить в жизнь социальные мечтания и планы. Получив воспитание в духе идей Руссо, он хотел подать пример: стать царем, впервые попытавшимся воплотить «государственный утопизм» в истории России XIX века. Действительно, первые шаги царя обнадеживали. Г. Елисеев писал, как молодой царь старался взять все лучшее из «Наказа» Екатерины II: «Император Александр I действительно обрадовал всех, когда в манифесте своем о восшествии на престол объявил, что он будет править Богом врученным ему народом по законам и сердцу премудрой бабки своей Екатерины Великой, и вслед за тем, как бы разъясняя истинные желания своей бабки, освободил всех содержащихся по делам Тайной экспедиции в крепостях и сосланных в Сибирь или отдаленные города и деревни под надзор местных властей и уничтожил саму Тайную экспедицию. Таким образом, «Наказ» императрицы не остался ничего не значащим лоскутом бумаги, как думают некоторые. Он бросил массу новых идей в общество, в которых воспиталась новая порода людей, действовавших при императоре Александре». В конце жизни А. Чарторыйский вспоминал беседы с Александром в 1796 г. О, как молоды они были. Сколько идей рождалось тогда в их головах. О поре республиканской юности он говорил: «Его взгляды (Александра) были взглядами ученика 89-го года, который хотел видеть республику повсюду и рассматривает эту форму правления как единственную, соответствующую желаниям и правам человечества».

Проблема сосуществования старых и новых форм, особенно перехода на новый путь России остра, болезненна и опасна (как нигде в мире). Причина этого — эгоизм и черствость высших слоев, консерватизм самого народа. Чтобы лучше понять механику исторических и политических перемен в России в XIX, а затем в XX вв., надо уяснить позиции российской правящей верхушки, народа, тех,

Ф.В. Растопчин — граф, губернатор Москвы

кто говорил и действовал от его имени. Петр I предпринял попытку реформирования России мирным путем (точнее, насильственно-мирным): он создал регулярную армию, флот, промышленность, изменил систему подготовки кадров и обучения. Однако народ увидел в нем чуть ли не антихриста, а боярская фронда восприняла реформы в штыки (вплоть до бунта и измен). Мечты о переменах возродились и в эпоху Александра I. Победив Наполеона, мы узнали Европу чуть ближе. Увидев, как живет там народ, русские люди стали предъявлять более высокие требования к самодержавию, живя в ожидании перемен. Казалось, уже первые шаги царя и его правительства имели демократическую направленность. «Никогда еще большие чаяния не возлагались на наследника власти», — писал декабрист А.М. Муравьев. Вот и А.С. Пушкин о первом этапе его царствования скажет: «Дней Александровых прекрасное начало». Но у иных эти планы вызвали тревогу. Причина опасений в том, что еще до начала войны 1812 г. в России стали распространяться яacobинские настроения. Московский губернатор граф Ф. Растопчин с тревогой писал о том, что среди петербургской молодежи бродят «сотни молодых людей», которых можно было бы считать «прямыми сыновьями Робеспьера и Дантона». Именно из этой поросли и явилось «племя дворянских революционеров». Фон-

Федор Глинка

визин писал о той эпохе: «Познакомившись с французскими либералами, наши офицеры приобрели, не замечая того, их образ мыслей и вкус к представительным учреждениям».

Симптоматичен следующий отрывок из произведения офицера-декабриста Ф. Глинки... Говоря о том, чего не учел Наполеон, нападая на Россию (единство всех слоев народа при отпоре общему врагу), Глинка при этом предупреждает: «Одно только обстоятельство, сделавшееся впоследствии чрезвычайно важным, упущено было им из вида. Легкомыслие скрытых врагов отечества нашего с древнего времени взидало с презрением на состояние земледельцев или крестьян, составляющих самую большую часть народа России. Французы думали, что люди эти, будто бы удрученные ярмом рабства, при первой возможности готовы будут восстать против всех законных властей и что пламя бунта столь же легко разольется по России, как пламя сжигаемых ими селений и городов. Но сии люди, казавшиеся им ничтожными в скромной простоте своей, явили себя истинными героями сего времени. Вера, верность и любовь к родине составили многочисленные ополчения и вооружили их непреодолимой твердостью. Нет ничего полезнее для государства и ничего ужаснее для врагов его, как восстание целого народа». В этих его словах угадывается скрытая угроза. Вышедшие сразу после завершения Отечественной войны «Письма» содержали пассажи, звучащие просто-таки революционно. Чего стоит хотя бы одна лишь фраза Глинки о пользе для

государства «восстания целого народа»... За такую мысль и сегодня власти в России не погладили бы автора идеи по головке. И правы те, кто говорит о «Письмах» Ф. Глинки как о документе, оформившем взгляды дворян-революционеров на исторический процесс. Хотя он же сокрушался по поводу того, что «французы взяли полный верх над умами». Однако уже тогда в народе, купечестве, особенно среди офицеров крепки разочарование и презрение в отношении консервативной части высшей власти и чиновничества. Монархия в России станет сначала объектом критики, а затем целью и мишенью для пуль и бомб революционеров.

Первая треть XIX в. начиналась как гимн свободе. В памяти свежи события Великой французской революции, масштабные и революционные перемены на американском континенте. На ситуацию в России повлияли и бурные события в Европе, где разразились революции. Камертоном новых настроений была буржуазная Европа. Пушкин вспоминал, как Орлов говорил в 1820 году: «Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там». В 1821 г. — революция в Пьемонте, летом 1821 г. — восстание в Греции против турецкого владычества. «Что ни почта, то революция», — отмечал в дневнике Н.И. Тургенев. Царя, в духе времени, называли «венчанным якобинцем» (А.Е. Розен).

Можно понять первоначальное желание царя откликнуться на веяния Европы. Молодость охотнее прислушивается к голосу прогресса. Кроме того, и среди знати были люди, понимавшие необходимость реформ в России. Известен секретный проект конституции, что по личному указанию царя готовили глава Академии наук, юрист Н.Н. Новосильцев, П.А. Вяземский, Дешан и др. Тайственная эта конституция обросла слухами и легендами (о ней почти нигде не упоминается). Есть лишь сообщения двух зарубежных послов. Позже она была опубликована в четырехтомнике Шильдера. Александр I был действительно намерен дать конституцию России, о чем и заявил в своей речи на польском Сейме (1815). Перед тем он дарует конституции финнам (1809) и полякам

(1815). В беседе с Огинским он сказал: как только польское правительство, работающее на конституционных началах, добьется успехов, ему будет легче принимать те же законы и для России. Правда, царь побаивался как оппозиции слева, так и справа. Помнил, какая у нас богатая традиция царских переворотов и убийств... Поэтому и конституцию, дабы не пугать дворян образом Французской революции, он назвал в русском духе — «Уставная грамота», убрав слово «либеральная». В конституции, что и писана-то вначале на французском языке, была 191 статья, больше, чем в нынешней российской. Будь она принята, она сделала бы Россию одной из самых передовых стран мира на то время. В ней ограничивались права императора, Россия стала бы федеративной страной на сто лет раньше. Конституция была подготовлена в 1820 г. Флигель-адъютант полковник П.Д. Киселев, прославившийся при Николае I как великий реформатор, 27 августа 1816 г.

подал императору записку «О постепенном уничтожении рабства в России». В ней говорилось: «Гражданская свобода есть основание народного благосостояния. Истина сия столь мало подвержена сомнению, что излишним считаю объяснить здесь, сколько желательно было бы распространение в государстве нашем законной независимости на крепостных земледельцев, неправильно лишенных оной. Сие тем более почитаю нужным, что успехи просвещения и политическое сближение наше с Европою, усиливая час от часу более брожение умов, указывают правительству необходимость предупредить те могущие последовать требования, которым отказать будет уже трудно или невозможно; кровью обогренная революция Французская в том свидетельствует».

В 1818 г. записку об экономической целесообразности постепенного освобождения крепостных подал Александру и лучший политэконом тогдашней России, будущий министр

Александровский столп в Петербурге

П.Д. Киселев, флигель-адъютант императора

финансов Г.Л. Канкрин. Император собирался действовать постепенно. Автор статьи об Александре-освободителе «Размышления над причинами революции в России» А.Б. Зубов отмечал, что в 1807 г. Наполеон ввел конституционный статут в герцогстве Варшавском. Пронизанный духом Французской революции, тот предполагал уничтожение крепостной неволи польских крестьян. Но наделить их достаточным количеством земли, боясь потерять поддержку шляхты, Наполеон все же не решился. Вчерашние крепостные превращались в герцогстве в арендаторов помещичьей земли, в бродяг, или в солдат наполеоновской армии. Балтийские рыцари ходатайствовали перед императором о польском варианте крестьянской эмансипации: полная гражданская свобода, но без земли. Мы не знаем, по каким причинам Александр согласился на ходатайства своих немецких дворян, но сразу же за установлением мира в Европе он позволил в 1816 г. балтийским помещикам освободить крестьян по выбранному ими плану. Видно, хотел выглядеть европейцем.

«Крестьяне, сделавшись лично свободными, но не получив никаких земельных на-

делов, попадали в полную экономическую зависимость от помещиков и превращались в арендаторов помещичьей земли или батраков в помещичьих хозяйствах». К тому же освобожденным крестьянам запрещалось менять род занятий и место жительства. По той же схеме в 1817 г. были освобождены крестьяне Курляндской, а в 1819 г. — Лифляндской губерний и на Моозундских островах. Остзейский вариант эмансипации стал либеральной ширмой старого рабства. В результате такого обмана среди латышей и эстонцев возникла глубокая ненависть к немецким баронам, вылившаяся в широкое и крайне жестокое антинемецкое крестьянское движение в остзейских губерниях в 1905 г. «Нигде в России возмутительная «иллюминация» (т.е. поджоги. — Авт.) помещичьей собственности не приняла таких размеров, как в Прибалтийском крае», — писал С.Ю. Витте. Тем не менее, Александр приветствовал «успехи» эстляндских рыцарей, посчитав их пример «достойным подражания».

Когда же и помещики Санкт-Петербургской губернии, вдохновленные поощрением балтийским рыцарям, решили было действовать подобным образом, они встретили решительный запрет царя. «Считать, что Император Александр стал крепостником, нет ни малейших оснований, — пишет

Русские мужики

П.И. Пестель**А.Н. Муравьев****Н.М. Муравьев**

А. Zubov. — Характерно, что, когда Чаадаев по просьбе Александра I и по поручению князя И.В. Васильчикова (у которого он был в то время адъютантом) в 1819 г. передал Государю список стихотворения «Деревня» А. Пушкина, тот велел «благодарить автора», но общество для освобождения крепостных, которое думали учредить граф Воронцов и князь Меншиков, запретил. Не страх эмансипации, но боязнь осуществить ее неправильно, во вред крестьянам и России, не позволяла Александру полагаться на инициативы дворян. В их неискренности и корысти, когда речь заходила о «крещеной собственности», ему пришлось убеждаться многократно». Может, и так, однако нет ли тут большего страха самого царя потерять землю и власть?!

Как объяснить колебания властей и царя? Тут можно было бы выбрать по меньшей мере два объяснения: одно — внутривластное, в основе которого лежал понятный страх за свое положение и положение правящего класса. Уже близилось восстание декабристов. Не касаясь всех сторон деятельности декабристов, приведем только один пример, связанный с позицией и именем декабриста А.Н. Муравьева. Он стал автором полемиического памфлета «Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами» (1818). Муравьев был одним из руководителей «Союза благоденствия». Будучи твердо уверен в том, что Александр

I решил освободить крестьян от крепостной зависимости, он выступил с резким политическим памфлетом, в котором давал отповедь крепостникам-помещикам (князю Н.Г. Вяземскому и др.). Требуя ликвидации крепостного права, он в то же время выступает как сторонник и защитник монархической формы правления. А.Н. Муравьев подчеркивал, что он вовсе не «якобинец», напротив, противник революции в России, считая оную недопустимой. Цели и смысл деятельности «Союза благоденствия» не в подготовке революции, но в ее предотвращении. Однако тут же, обращаясь к опыту Франции, он возлагает вину за события 1793 г. на французское дворянство, «которое вовремя и добровольно не отказалось от своих привилегий». Причинами революции во Франции он называет «притеснения и преимущества» дворянского и духовного сословия над народом. Муравьев заявил, выступив своего рода пророком, что если бы во Франции дворянство и духовенство сами отказались от угнетения и феодальных преимуществ, то и народное негодование «очень бы ослабилось и не произвело потоков крови и тех ужасов, кои должны бы нам служить наукою и предосторожностью». А ведь преимущества класса феодалов во Франции были «несравненно слабее... преимуществ и власти дворянства в России». Пройдет сто лет, а самодержавие, помещики в России так и не сделают должных выводов. Все фразы о

патриархальной власти помещика являются, по словам А.Н. Муравьева, только прикрытием постыдной и богопротивной власти! «Мы... христиане именем, в недрах Отечества нашего имеем защитников сей постыдной богопротивной власти!» Нужно было бы вернуть обществу твердые и незыблемые начала христианства, т.к. «Евангелие писано для всех людей». Pamфлет широко распространялся в списках в российском обществе, а затем через П.М. Волконского был представлен на рассмотрение самому государю. Известна резкая оценка Александра I по прочтении памфлета: «Дурак! Не в свое дело вмешался».

Представ в глазах общественного мнения как реформатор, сторонник идей европеизма, Александр I вскоре понял, как опасно для самодержца давать власть и волю умным, твердым, решительным политикам. Понятно и изменение отношения царя к Сперанскому. Такой политик был не ко двору в России. Отправляя его в отставку в 1812 г., царь бранил своего слугу последними словами и даже угрожал смертной казнью. Сняв с поста госсекретаря, царь выслал его генерал-губернатором в Сибирь. О причинах глубокой ненависти к его особе, а также последовавшей отставки и удаления из столицы под надзор полиции, перлюстрации писем и т.п. потом гадали многие. Так, в «Записках» Ф.Ф. Вигеля было сказано: «Уже давно все это было, уже давно нет того, кто был благом и казнию Сперанского, его самого уже нет, а повесть об его изгнании все еще остается для нас загадкою и, вероятно, даже потомством нации не будет разгадана. В преданиях русских она останется тем же, чем во Франции стала история о Железной Маске». Но причина «странной отставки» понятна и без слов: идеи социально-политических преобразований, высказанные Сперанским, донельзя напугали дворянское общество и бюрократию России. Ведь такие, как Сперанский, могут и «подорвать» основы самодержавной власти в России. Когда его направили в Сибирь с высокими полномочиями, тот сразу же отлучил от должности проворовавшихся иркутского и томского губернаторов, а 250 местных чиновников привлек к ответственности, иных упек в острог. Одним словом, государствен-

ник... Но какое дело царю до того, что тот в итоге утроил государственный бюджет России, а сам, не заработав и гроша, имея малое имение и 600 тысяч долгу, умер чуть ли не в нищете. Так, благие помыслы Сперанского вступили в противоречия с интересами высшей знати и царя.

Как уже отмечалось, русские офицеры и солдаты на примере Европы увидели, что жизнь может быть иной — более зрелой, культурной, цивилизованной... Представляют немалый интерес и «Записки декабриста» А.Е. Розена, в которых найдете немало откровений. Те, кто, по словам автора, представлял собой цвет офицерства, мыслили так: «Когда пробил последний час пребывания во Франции, то цвет офицеров гвардейского корпуса вернулся домой с намерением пересадить Францию в Россию. Так образовались в большей части лучших полков масонские ложи с чисто политическим оттенком. Когда эти ложи были закрыты или уничтожены, то члены сошлись в тайных обществах, имевших целью добыть конституционную форму для России». Они считали, что и царь хочет того же (еще одно заблуждение народовольцев из числа офицерства: забыли о том, что царь — это в первую очередь главный собственник страны). Все сказанное не позволяет нам забывать о том, что достойной традицией русской гвардии было стоять насмерть за Родину, и уничтожать ее врагов как вне, так и внутри России... Именно поэтому «цвет гвардии и вообще способнейших молодых людей отважились на удар 1925 года». Мысли декабриста А.Е. Розена, касающиеся условий, при которых станет возможен прогресс России, следует напомнить.

Одно из них касается свободы информации, знаний, включая знания различных языков. Насильственная русификация, американизация, украинизация, латышизация и т.п., если взять и наше время, ничего, кроме вреда, стране не принесет. «У всех народов есть различные наречия, различные языки, между ними один господствующий. Американцы не слабее, не глупее от того, что граждане у них говорят на всех европейских языках. Англичане не слабее и не беднее от того, что в народе говорят и по-английски, и по-шотландски, и

по-ирландски. Обдуманым и преднамеренным оцеплением от влияния Запада хотели охранять русскую народность, русский язык, русские нравы, Русскую церковь; но русские уже давно и до того выглядели и отведали, что было полезнее и лучше у других народов; они познали, что беда грозит народу, застоюющемуся и отстающему от других народов. Чем больше правительство ставило преград между Россией и чужими краями, тем более отставали мы и не принимали тех нововведений и изобретений, кои облегчают сношение между народами для взаимной их пользы и общего благосостояния...» Еще одно условие поддержания здоровой атмосферы в экономике и финансах государства заключается в том, что армия не должна быть непосильной ношей для страны и народа. «Хотя содержание войска, сравнительно с войсками других государств, и стоило в России дешевле, однако войско наше поглощало почти все доходы государства и было тяготительно для всех обывателей, городских и сельских...» (А.Е. Розен).

Конституции, дарованные ряду стран Европы при участии Александра I, не сгладили противоречий между Россией и Европой. Напротив, последняя только укрепилась в антирусских настроениях, а император стал опасаться потери престола. Ведь по Европе прокатилась волна революций. Царь был убежден, что спрут тайных обществ опутал всю Европу и Россию. Центр их где-то во Франции. Слухи о действиях обществ иллюминатов, о восстании в Неаполе, где неаполитанцы сбросили короля, о взрывах в Лувре, конечно же, пугали Александра. Ему всюду мерещились заговорщики. Он заявил французскому послу в России графу Лаферронэ: «Нельзя ни питать надежд, ни заключать сделок с революционерами всех стран, центр которых находится у вас. Они хотят падения всех тронов и разрушения общественного порядка». Поэтому когда вспыхнули революции в Пьемонте и Неаполе, царь тут же предоставил в помощь австрийцам 100 тыс. русских солдат во главе с Ермоловым.

Помощь тогда не понадобилась, и «злодейства» не свершилось. Однако император стал очень осторожен. Не дождалась армия и указа

Канцлер Австрии Меттерних

русского императора прийти на помощь грекам, восставшим против турок. Александр I в восстании греков также увидел призрак революции. Восстание полка семеновцев окончательно убедило его в наличии заговора против монарха. Как всегда, активно работала против России и «старушка Англия», не желавшая усиления России. Большую роль в настроениях Европы и России играли экономические интересы. Россия являлась крупнейшим хлебным экспортером. Но после того как в Англии в 1815 г. ввели закон, поддерживавший интересы лендлордов-землевладельцев, пошлины на хлеб выросли. Следует учесть, что на Англию к середине XIX в. приходилось уже до 40 % русского экспорта и более 25 % российского импорта. После мер англичан размеры русского хлебного экспорта с 1817 по 1824 г. сократились в 12 раз, что нанесло по экономическим интересам России страшный удар... В.А. Кокорев, один из богатейших людей тогдашней России, имел право говорить о настоящей финансовой войне, которую повела Европа (и прежде всего могучая Англия) против России. Он писал: «Мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы». Все эти события надо учесть при объяснении причин наметившегося в политике самодержавия и царя поворота вправо — от либерализации.

Александр I помнил общество либеральной мечтой, но не смог или не захотел (по ряду как объективных, так и субъективных причин) воплотить ее в жизнь. А. Корнилов

писал, что «период с 1821—1825 гг., несомненно, уже период вполне определившейся реакции в правящих сферах, период отчаяния общества, а вместе с тем и период начавшегося революционного движения, довольно острого, хотя и подпольного, но, во всяком случае, выставившего вполне определенные политические идеалы». Начавший с провозглашения свобод, поддержки образовательных реформ, а заканчивавший правление утверждением цензуры, запретом ввоза книг из-за границы, отдачей студентов в солдаты и помещением профессоров университетов, по словам декабриста А.М. Муравьева, под инквизиторскую власть Змея-Горыныча Аракчеева, царь вызвал острое неприятие у бунтарской молодежи. Разочарование курсом императора охватило довольно широкий круг передовых офицеров.

Все серьезные аналитики той эпохи — от Ленина и до кадета А.А. Корнилова — сходятся в мысли, что начало революционному сдвигу в общественной мысли России положили декабристы. Оппозиционные настроения в армии к тому времени усилились. Заметнее радикальные, революционные настроения и у студенческой молодежи. Бестужев-Рюмин, по воспоминаниям И. Горбачевского, доказывал всем, что «наша революция» не будет стоить русским ни одной капли крови, в его разгоряченном воображении мелькали мысли о том, чтобы освободить и всю Европу. Позже братья Критские в Москве, лелея планы будущего военного переворота, строят планы разбросать на Красной площади «возмутительные записки» в целях сагитировать кремлевских часовых и направить их действия против начальства. Обсуждалась ими и идея цареубийства. Членам кружка идея понравилась (в ожидании этого события выкололи глаза на портрете императора). Одно время крайние идеи разделял и Пушкин. Молодежь понимала: нельзя рассматривать вопросы образования и улучшения жизни народа в отрыве от политического строя России. Ее никоим образом не устраивал медленный путь реформирования, когда «Русь-тройка...вовсе не мчалась, а еле-еле тащилась по укатистой дороге истории». Будущий хирург Н.И. Пирогов, учившийся на медицинском факультете

Пушкин среди декабристов

Московского университета в 1824 г. вспоминал, как они вели долгие откровенные разговоры, мечтая о революции на французский манер — с гильотиной... Бестужев-Рюмин с Муравьевым-Апостолом хотели восстановить конституцию, спорили об угнетении, что невозможно терпеть. Александр I выступал как главная причина зла: «...слишком стыдно, чтобы 50 миллионов страдали от одного человека». Нелестно говорили об императорской семье, высказывая мнение, что «надо истребить сие зло».

Самые разные лица были вовлечены в тайное общество, или делались попытки привлечь их, — от Пушкина и Грибоедова до Нащокина и Врангеля. Как известно, Пушкин был близок к декабристам. Всем сердцем он был с ними, со своим народом. Были близки ему и их идеи: «История принадлежит народу», «Стремление нынешнего века состоит именно в борьбе между массами народными и аристократиями». П. Долгоруков вспоминал об одном разговоре, где Пушкин вывел такой вот силлогизм: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх». Замечание представляет особый интерес. Если у декабристов порой ощущается страх перед участием народа (те побаиваются народного восстания), гений Пушкина, если так можно сказать, более народен. В 1822 г. арестован и посажен «первый декабрист» В. Раевский, близкий друг Пушкина. Это первый политический арестант почти за четверть века в России. Правда, Пушкина Бог миловал,

и в декабристы он не попал. Его, как пишет Н.Н. Скотов, «обнесло, и дальше полуучрежденного масонского «Овидия» (в котором состоял и Раевский) он на этом пути не продвинулся». Но хотя лично Пушкин не был замешан в заговоре, гений ведь обладает другой, особой способностью «совершить заговор». У Пушкина — это, конечно же, его стихи... «Кто из молодых людей, несколько образованных, — признавался в письме Николаю I узник Петропавловской крепости декабрист В.И. Штейнгель, — не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой». М.П. Бестужев-Рюмин говорил, что он не только с восторгом читал и перечитывал стихи Пушкина, но оные все более укрепляли в нем «либеральные мнения».

Полагаю, что вряд ли Пушкин, что бы потом ни говорили другие или он сам, оказался бы тогда среди крови, убийц и трупов. Прекрасно знавший политические взгляды Пушкина, поэт Вяземский писал: «На политическом поприще, если бы оно открылось перед нами, он, несомненно, был бы либеральным консерватором, а не разрушающим либералом... Он часто бывал Золовой арфой либерализма на пиршествах молодежи, и отзывался теми веяниями, теми голосами, которые налетали на него. Не менее того он был искренним, но не был сектатором чужого предубеждения. Он любил чистую свободу, как любить ее должно, как не может не любить ее каждое молодое сердце, каждая благородная душа... Но из этого не следует, чтобы каждый свободолюбивый человек был непременно и готовым революционером. Политические сектаторы 20-х годов очень это чувствовали и применяли такое чувство и понятие к Пушкину. Многие из них были его друзьями, но они не находили в нем готового соумышленника, и, к счастью его самого и России, они оставили его в покое, оставили в стороне. Этому их соображению и расчету их можно приписать спасение Пушкина от крушения 25-го года».

Правда, поэт «жил и раскалялся в этой вулканической атмосфере». Но ею дышали все, и вряд ли был далек от декабристов другой замечательный поэт, А.С. Грибоедов. Выводы историка М. Нечкиной в отношении поэта

Великий русский поэт А.С. Пушкин

можно обратиться ко многим участникам событий тех лет. «Грибоедов был осведомлен не только о самом факте существования тайного общества, но и о программе его, целях политического переворота и декабристских вариантах программы». Что же до А.С. Пушкина, то он высказал в 1827 г. А. Вульфу тайное свое намерение написать историю Александра I, но «пером Курбского» — «ненавидящим пером Андрея Курбского», что бежал от преследований Грозного в Литву и там написал его историю. У Пушкина, которого в течение 6 лет бросал из ссылки в ссылку Александр, было не меньше причин и для «чисто личной ненависти к нему, чем у Курбского к Иоанну Грозному». Красноречив и приговор, вынесенный им Александру I в уничтоженной поэтом главе «Евгения Онегина»:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый шеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...

Реакционные круги России были по-прежнему уверены в том, что «русский народ еще не вышел из детства» и «с ним еще нельзя говорить о свободе». Поэтому у них и

в мыслях не было дать стране конституцию и европейские институты. Декабрист Якушкин вспоминал в «Записках»: «По мнению тех же староверов, ничего не могло быть пагубнее, как приступить к образованию народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всех, но эта молодежь везде высказывала смело слово истины!». Однако заметим, что и народу, в свою очередь, была непонятна позиция дворянства. В книге М. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» показателен разговор между главным героем и его спутником-купцом. Купец высмеивает тех модников и модниц, чье «отечество — на Кузнецком Мосту, а царство небесное — Париж», хотя и признает, что и теперь на Руси, «что бога гневить, есть русские дворяне, которые не совсем еще обыноземились». Рославлев говорит ему, что «не надобно забывать, что в наш просвещенный век смешно и стыдно чуждаться иностранцев». На это купец с достоинством отвечает: «Кто и говорит, батюшка! Чуждаться и носить на руках — два дела разные... Как нас в чужих землях принимают, так и нам бы чужеземцев принимать!» И когда восхищенный умом купца Рославлев пожал ему руку, тот сказал: «И, сударь! Придет беда, так все заговорят одним голосом, и дворяне, и простой народ!» В этом романе, написанном после громких побед русского оружия в Европе, уже присутствует то, что называют русской идеей.

Декабристы все же надеялись, что дворяне и народ в России рано или поздно заговорят «одним голосом». Пусть и не сразу. Начало движению сближения с народом положили «артели», возникшие в 1813—1814 гг., являвшиеся идейными содружествами. В 1816 г. возникает первая тайная политическая организация декабристов — Союз спасения или Союз истинных и верных сынов отечества. Инициатор его создания — 23-летний полковник Генерального штаба А.Н. Муравьев. Сюда же вошли Трубецкой, Якушкин, Н. Муравьев и др. Любопытно, что главной целью общества были в первую очередь задача «отстранения иностранцев» от управления государством и освобождение крестьян. Борьба против крепостничества логически вела к необходимости борьбы против самодержавия.

Декабристы

В 1817 г. к Союзу спасения присоединился П.И. Пестель, написавший устав («статут») общества. В 1818 г. на месте Союза спасения возник Союз благоденствия с более чем 200 членами. В 1820 г. Союз благоденствия уже формулирует идею создания Русской республики путем осуществления политической революции. Дело клонится к революции или к перевороту. Надо сказать, молодые люди из лучших дворянских семей России — это в известном смысле весь цвет тогдашнего дворянского общества — были настроены решительно в пользу демократии.

Декабристы не только «помышляли о революции». Они и «осуществляли ее» в рамках своих департаментов, штабов, полков, школ, кружков, в деревнях и т.д. Разочарование курсом правительства было тем сильнее, что передовая молодежь (при всех ее относительно скудных возможностях) пыталась не только на словах, но и на деле сделать что-то, поправить ситуацию в России. Эти усилия предпринимались многими передовыми умами. П.Г. Каховский писал: «У нас молодые люди при всех скудных средствах занимаются более, чем где-нибудь; многие из них вышли в отставку и в укромных своих сельских домиках учатся и устраивают благоденствие и просвещение земледельцев, судьбою их попечению вверенных. Часто в отдаленной от столицы области встретишь человека с истинным образованием ума и сердца... Сколько встретишь теперь семнадцатилетних молодых людей, о которых смело можно сказать, что они читали старые книги. В устроенных учебных заведениях просвещение весьма тускло; от-

куда же почерпают они свои сведения? — в силе духа времени!» Или же вот, скажем, М. Ф. Орлов, сын младшего из братьев тех екатерининских Орловых, блестящий генерал-майор свиты императора Александра, задумывает журнал, который распространял бы свет свободы. Он же, будучи начальником штаба в Киевской школе с 40 до 600, затем до 1800. Созданная его усилиями, на его деньги Киевская школа послужила образцом для всех военно-сиротских училищ в России. Ядро движения бунтарей составили в том числе и воспитанники Московского университета и Московского университетского пансиона (И. Якушкин, Н. Тургенев, Н. Муравьев, В. Раевский и др.). В духовно-нравственном плане революционеры-дворяне были в миллион раз благороднее нынешних буржуа. Много ли ныне среди наших новых буржуа вы найдете тех, кто готов отдать деньги, ум, дать приют и образование сиротам? Много ли 17-летних, о коих мы могли бы сказать, что они читали классику, умные книги?!

Эти настроения не могли не отразиться на курсе царя Александра I как вне страны, так и внутри ее. Минуло долгих семь лет между 1813 и 1820 гг., которые казались ему веком. Те же люди, что величали его несколько лет кряду освободителем, стали после именовать его притеснителем. Мудрено ли, что, будучи одарен чувствительным сердцем, он переживал. И признавался австрийскому канцлеру Меттерниху,

Декабрист И.Д. Якушкин

А.Н. Радищев

что он уже «не тот, что прежде», и горько сожалеет о былых либеральных увлечениях. Царь к тому времени окончательно отказался от «либеральных иллюзий». Хотя еще десять лет тому назад сам требовал от французов образовать правительство на принципах «прочных и либеральных». Перемены налицо. В принятых в тот период документах видны признаки отхода от традиционных дворянских идеалов (требование конституции и республики), а из программы «вольностей» убраны пункты, касающиеся солдат и крепостных. А.Н. Сахаров пишет: «Под сукно были положены конституционные идеи России; проекты освобождения крепостных крестьян, уже одобренные Александром, также растворились в тайниках его канцелярии. На поверхности остались лишь либеральные всплески...». Виной всему действительность. Слишком тяжелым оказался воз. В царю обманулись соратники-офицеры, обманулся и возвращенный из многолетней ссылки Радищев, включенный в комиссию по составлению законов. Услышав от Завадовского презрительную фразу: «Охота тебе пустословить по-прежнему! Или мало тебе было Сибири?», потрясенный Радищев кончает жизнь самоубийством. Нет, было ясно: сделать из России царство свободы, гуманизма, либерализма не удавалось.

Все надежды прогрессивной молодежи пошли прахом... И тогда иные горячие головы решились прибегнуть к «революции»,

а точнее, к перевороту. Ведь обычно более всего ненавидят тех людей, кто обманывает в самых светлых надеждах. «Тогда любовь образованного класса, обольщенная его же (императора Александра I. — Ред.) идеями, особенно любовь молодых военных людей, его сподвижников, обратилась тоже в противоположность: почти в ненависть. Между ними завелись тайные общества, противоположные существующему порядку». И что же император? Понимал ли Александр I, что оказался в идейно-политической ловушке? Ведь он сам же и посеял надежды на перемены. Что произошло за эти годы? Как объяснить его отказ от идеалов молодости? До Александра I доходили сведения о заговоре, о том, что Тайное общество «значительно увеличилось», что 18-я пехотная дивизия особенно «заражена сим духом». Ходили слухи, что в заговор вовлечены обе армии и «отдельные корпуса». Среди заговорщиков называли имена Ермолова, Раевского, М. Орлова, графа Гурьева, многих других генералов, полковников, полковых командиров, «большую часть разных штаб- и обер-офицеров». Эту записку, написанную самим царем, найдут после смерти в его кабинете. В самом деле, известно же, что в Отдельном Кавказском корпусе, которым командовал генерал А.П. Ермолов, были сильные не только демократические, но и бунтарские веяния. Тут было особенно много «штрафников», т.е. лиц, наказанных за участие в крестьянских и солдатских волнениях. В 1820 г. сюда направили солдат лейб-гвардии Семеновского полка, участвовавших в волнениях. Огромное число офицеров ссылались на Кавказ в силу их политической неблагонадежности и недовольства порядками, установленными графом Аракчеевым. Немалое число членов тайных обществ тянули тут лямку, проникаясь духом свободы и вольности. Это был военный корпус быстрого реагирования, что делало его особенно опасным в глазах царя и его приближенных. Тот же генерал А.П. Ермолов был не в восторге от порядков в империи. К Аракчееву он относился с презрением и глубокой ненавистью, для него он — «скот», «Змей, что на Литейном живет». О поселениях генерал говорил, что там «плети все решают», и уверял, что никогда не

Д. Доу. Генерал Ермолов

допустит распространения сих порядков на Кавказе. На склоне лет он признался друзьям, что не удержался бы от участия в бурных событиях 14 декабря 1825 г., если бы не суровый урок, полученный в молодости. «Во время моего заключения, — вспоминал он, — когда я слышал над моею головою плескавшиеся не-вские волны, я научился размышлять... Впоследствии во многих случаях моей жизни я пользовался этим тяжелым уроком».

Все это не могло не угнетать Александра I... И не тогда ли в его голове возникла мысль о том, чтобы оставить царство, уйти из власти? Трудно иначе объяснить те признания, что были сделаны Александром I разным лицам (полковнику Мишо в 1812 г.): «...если Божественным Провидением предопределено, чтобы когда-либо моя династия перестала царствовать на престоле моих предков, тогда, истощив все средства, которые в моей власти, я отрашу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего Отечества и дорогих моих подданных, жертвы коих умею ценить...»; (декабрь 1812-го, графине Шуазель-Гуффье): «Нет, престол — не мое призвание, и если бы я мог с честью изменить условия моей жизни, я бы охотно это сделал»; (лето 1819-го, великому князю Николаю и его жене Александре Федоровне о том, что ему придется взвалить бремя власти на себя): «И... это случится гораздо ранее, нежели можно ожидать, так как это случится еще при его жизни»; «...я решил отказаться от

лежащих на мне обязанностей и удалиться от мира... считаю долгом удалиться вовремя...»); (январь 1824-го, генералу Васильчикову): «...в сущности, я не был бы недоволен сбросить с себя бремя короны, страшно тяготящей меня».

Мысли не оставляют Александра. Можно лишь гадать, что он думал, чем руководствовался. Одно ясно: тучи над тронном все более и более сгущаются. Добавьте сюда ряд трагических смертей близких ему людей. Внезапная смерть любимца, генерала Уварова, затем кончина любимой дочери Софи (от Марии Нарышкиной) 6 июня 1824 г., на 18-м году жизни. Смерть в младенчестве дочерей, прижитых с императрицей Елизаветой. Грозное наводнение 7 ноября 1824 г., унесшее 500 жизней и разрушившее 324 дома (такое же наводнение предварило его рождение в 1777 г.). Вновь и вновь посещают свинцовые мысли о убийстве родного отца. Понятна его реплика в ответ на слова Карамзина: «За наши грехи Бог карает. — Нет, за мои!» Возможно, последней каплей стало сообщение Шервуда о подготовке восстания и раздаче в поселениях оружия войскам. А тут еще предсказание старца Авеля. Тот предупредил его о необходимости покинуть столицу, иначе, мол, царя ожидает неминуемая гибель. Слабость, нерешительность станут тем эдиповым комплексом, который обречет на гибель семью Романовых.

Александр I не был мужественным человеком. Ю.М. Лотман в «Беседах о русской культуре» приводит примеры того, какую нерешительность или даже откровенный страх показал царь перед лицом угрозы Наполеона. Тот казался ему непобедимым. «Солнце Аустерлица» наводило на него панический ужас. Пушкин описал его состояние: «Под Аустерлицем он бежал, // В двенадцатом году дрожал». Известие, что Наполеон перешел Неман, застало императора в поместье Беннигсена. Историки зафиксировали слова Александра I, свидетельствовавшие якобы о непримиримости русского царя: что он, мол, скорее отпустит бороду, будет питаться одним хлебом, чем пойдет на мир с Наполеоном. Это была показная твердость, напускная бравада. Хорошая мина при плохой

Наполеон переходит Неман

игре, демонстрируемая обществу. Но вот, по рассказу карлика графа Платона Зубова, находившегося в ту пору вместе с зубовскими детьми в доме Беннигсена, царь в первые же минуты, получив известие о вторжении Наполеона, стал искать в доме место, где бы он мог незаметно укрыться, спрятать охвативший его страх. Автор мемуаров рассказывает, что Александр просил карлика укрыть его от посторонних глаз. Карлик отвел царя в детскую, но и там тот не находил себе места. Показательно письмо Александра I к сестре Екатерине Павловне. «Письмо свидетельствует о неверии в себя, несправедливо низкой оценке главных русских полководцев и о паническом страхе царя перед Наполеоном. Не случайно бессмысленность и — более того — вред для русской армии от пребывания в ней императора вскоре осознали даже его сторонники. Решение о том, что государь должен покинуть армию, приняли ближайшие к нему вельможи, включая А.А. Аракчеева». Хотя приехавший в Москву император и был торжественно встречен патриотически настроенными жителями и это несколько подсластило ему пилюлю, но в Петербург Александр прибыл отнюдь не победителем. Многие считали, что внутренние реформы России более необходимы, чем война, опасались, что война с Наполеоном надолго отбросит исполнение царем ранее намеченных конституционных планов. Мы увидим, как действия Николая II поразительно будут походить на поведение Александра I.

Слухи о предсказании, где сказано о гибели всей мужской ветви Романовых, безуслов-

но, были, они ширились и росли. Авеля арестовали и сослали в монастырь. Александр в итоге уехал в Таганрог с мыслью о добровольном сошествии с трона (такова одна из версий). А. Архангельский в книге пишет: «Но, помимо усталости, было еще нечто — куда более важное, куда более трагическое: ожидание близкой социальной катастрофы». Была ли таганрогская поездка для Александра Павловича последним шансом сойти с креста, или же попыткой перед самой бурей уступить корабль более надежному капитану? Первые двадцать лет XIX в. могут по праву считаться «золотым веком» русской свободы. Однако одновременно с этим в обществе наблюдается рост мистических настроений, разного рода пророчеств и предсказаний. Характерно и то, что именно в эти годы происходит расцвет русского скопчества. Скопцы, их обряды и таинственный наставник пользовались популярностью не только среди простонародья, но и в привилегированном петербургском обществе. Так, незадолго перед

Аустерлицким сражением Александр даже специально посещал Селиванова, чтобы спросить его об исходе войны с французами. В 1819 г. в секту скопцов вступили два гвардейских офицера — двоюродные племянники петербургского генерал-губернатора М.А. Милорадовича, причем один из них согласился подвергнуться ритуальной кастрации. Когда об этом стало известно властям, разразился скандал, и летом 1820 г. Селиванова сослали в Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале, где тот и умер. Несмотря на разгром петербургской общины и скопческие судебные процессы середины — второй половины XIX века, Петербург остался одним из крупных центров скопчества вплоть до 1920-х гг. Чего могла ожидать Россия от скопцов и подобной «элиты»?!

Александр I был решительно чужд массам. «Мужиков он не знал вовсе. Не понимал их. В этой его отчужденности от земли была его драма, и она привела его к печальному концу», в своей рассеянности «он забыл о судьбе рус-

Петербург как столица скопчества

ских мужиков». Мало того, в 1822 г. он расширил права помещиков и закрепил их в законе Госсовета «Об отсылке крепостных людей за дурные поступки в Сибирь на поселение». Еще ранее он отказался от намерений дать России конституцию. Порой он упоминал об этом, но, скорее, по инерции. Фантом, в котором почил дух освободителя и неудачного реформатора. Конечно, массовой народной психологии был глубоко чужд Петербург. А. Панченко, отмечая, что Санкт-Петербургу не слишком «повезло» с точки зрения его репрезентации в традиционном крестьянском фольклоре, отмечал иронично-негативное отношение крестьян к столице Российской империи. «Распрекрасная столица, / Славный город Питинбрюх»; Питер, который «народу бока повытер» (или: «Которому еврей нос вытер»). Эти и другие проявления «народного гласа», в общем-то, укладываются в заурядное для имперской культуры противопоставление столицы и провинции («Москва слезам не верит» и т.п.). Наиболее явственно оппозиция выражена в другом варианте раешной присказки о Петербурге, записанной им на востоке Новгородской области в середине 1990-х: «Питер, Питер, / Ты меня вытер. Но и я тебя страмил: / Три раза по Невскому в лаптях проходил». Что касается образа «проклятого Петербурга», «города на костях», Петербурга, который ждет «запустение» или гибель от наводнения, то они опять-таки отражают известную враждебность и чуждость масс крестьян «немецкой столице». Этот отзвук отразился таинственным образом в годы революции 1917 г. Стали почти жуткой реальностью слова: «Петербургу быть пусто». Однако годы блокады, героической обороны Ленинграда превратят его в русский город, город-герой!

В XIX–XX вв. перед монархией встала перспектива не только религиозного, но политического фиаско, следствием которого могло быть окончание существования династии Романовых. Акт мог быть реализован сверху, по воле императора, или же снизу, путем вооруженного восстания. Это могло произойти в любой момент и похоронить правящую элиту. Особенно власти были напуганы тем, что к заговору, по слухам, могли принадлежать и герои Отечественной войны (Ф. Глинка, И.

**Старец Федор Кузьмич
(скрывшийся Александр I?)**

Лопухин, Н. Кутузов, Н. Сенявин, Ф. Толстой, чуть ли даже не М. Сперанский, Н. Мордвинов, П. Киселев, А. Ермолов и другие). Таким образом, оказавшись в западне, Александр I, этот «венчанный солдат», «кочующий деспот», «фрунтовый профессор» и «арлекин», судорожно метался из стороны в сторону, из огня да в полымя. Похоже, будучи человеком богобоязненным, Александр I жил в ожидании Божьего суда. Не знаю, являлась ли ему, как Гамлету тень убиенного отца, убитого если и не по его прямому наущению, то, видимо, по молчаливому согласию, но вряд ли он забыл те страшные мгновения.

Г. Василич так писал о последних годах правления Александра I: «Последние годы Александр метался, можно сказать, от одного пристанища к другому, от Сперанского к Аракчееву, от Филарета к Фотию, от князя Голицына к адмиралу Шишкову — и нигде не находил удовлетворения. Говоря словами современника, можно сказать, что в последние годы царствования бессильная геронтократия (правление старейшин в Спарте) дремала у государственного кормила: старики — Татищев, Лобанов, Ланской, Шишков — казались скорее призраками министров, чем настоящими министрами: всеми делами управляли их подчиненные, каждый по своей части, без всякого единства. За всеми бодрствовал один, всем ненавистный Аракчеев».

Александр I у преподобного Серафима Саровского

Если Александр впрямь замыслил отречение в преддверии революции, то спрятаться после этого за «хребты Кавказа», или затеряться на сибирских просторах, или просто — умчаться в никуда по проселочным дорогам России, ускользая от собственной тени, было в его понимании не менее логично, чем в 1818 году удалиться в Варшаву и оттуда, под прикрытием польских штыков, даровать свободу русским крестьянам». Приказав провести аресты среди членов тайной организации, 10 ноября 1825 г. царь бросит: «Не мне подобает карать...» А.С. Пушкин утверждал, что Александр I даст конституцию и удалится в Америку. Но царь удалился в Таганрог, так и не решившись изменить судьбу России (хоть и поклялся Н. Карамзину). Потом будут спорить о том, куда исчез русский государь из Таганрога, и о том, кто же шел босиком по снегу сибирского тракта — Федор Кузьмич или кто-то другой. Факт остается фактом. Александр I ушел в небытие, Вспомнив слова Серафима Саровского: «Сам спасайся и брата своего Николая спасай». А вместе с ним развеялись, яко пепел, все надежды на реформы.

Некоторые предлагают представить историю России «в александровском варианте». Проживи он дольше, иной могла бы стать Россия. Историк пишет: «О, как важно было бы Александру остаться на престоле! Опыт покаянного чувства в грехах молодости, опыт обращения и обретения веры выковали удивительную по уму, воле, вере и цельности личность из старшего сына императора Павла. Еще пятнадцать — двадцать лет царствования, и Александр, опираясь на новое просвещенное дворянство, скорее всего, довел бы Россию до освобождения крепостных, всеобщей грамотности, сознательной православной веры и свободно-законных учреждений в духе Грамоты Новосильцева. К 1850-м годам Россия по уровню гражданской свободы, национального согласия и благоденствия встала бы тогда вровень с самыми развитыми мировыми державами, не потеряв при этом ни историко-правового преемства, ни веры Православной, а, скорее, упрочив их. Но Александр ушел, по своей ли воле, по воле Божьей — Бог весть». История не знает сослагательного наклонения, а Россия слишком привыкла надеяться на проекты — и ждать, ждать... Почему нам всегда не хватает «каких-то 15—20—25 лет!»

Глава 3. Российское государство в эпоху стабильности, или «Николаевская реакция»

Пришел час Николая I... Что за человек встал во главе Российского государства, воцарение которого рабочие встречали поляньями 14 декабря 1825 г. и который пребывал на троне три десятилетия? К власти он не рвался. Когда вдовствующая императрица Мария Федоровна предложила ему склониться перед волей старшего брата Константина, что отказался от престола, он якобы воскликнул: «Прежде чем склониться перед ним, соблаговолите объяснить мне, почему я это должен сделать? Я не знаю, кто приносит большую жертву, тот, кто отказывается от трона при таких обстоятельствах, или тот, кто соглашается стать царем». Герцен писал, что при нем патриотизм превратился во что-то «кнутовое, полицейское». Но человек — продукт воспитания. Воспитателем его был генерал Ламздорф, который, по словам царя, умел вселять лишь «одно чувство — страх». Тот нещадно бил наследника, пуская в ход линейку, ружейный шомпол, а то и в случае непослушания ударял дите о стену. Царь позже вспоминал: «Одним словом, страх и искание, как избежать наказания, более всего занимали мой ум. В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Меня часто, и, я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко граф Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди

самых уроков». К тому же, «усыпительным лекциям» будущий царь явно предпочитал ружья, пушки и плац-парады.

Эти методы воспитания нашли отражения в журнале. Стоит ли удивляться, что Николай I в конце концов стал тем, кем стал: фельдфебелем на троне. Подрастая, великий князь все более увлекался военной дисциплиной, парадными маневрами, разделял в этом плане вкусы Петра III и Павла. Впоследствии единственным и истинным для него наслаждением стала «однообразная красивость» хорошо дисциплинированного войска. Об этом в 1836 г. свидетельствует и близкий к императору граф А.Х. Бенкендорф. Тот был отличный ефрейтор и великолепный барабанщик. «Все мысли наши были в армии, — пишет в мемуарах сам Николай Павлович. — Учение шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа». В эпоху его правления, говорили, возобладали «капральско-нероновский стиль управления страной». Даже умеренные историки имеют соблазн представить фигуру Николая I прямой и четкой, словно «параграф воинского устава». Литературная публика находилась под впечатлением оценок А.И. Герцена, писавшего:

Великий князь Николай Павлович в детстве

В. Тимм. Восстание декабристов

«Сильно возбужденная деятельность ума в Петербурге после Павла мрачно замкнулась 14 декабря. Явился Николай с пятью виселицами, с каторжной работой, белым ремнем и голубым Бенкендорфом». Ну а как известно, сознание «публики» формируется незатейливо, словно кирпич, под прессом двух-трех когда-то ею услышанных хлестких фраз, после чего та слепо и небрежно повторяет их, с ухмылкой полуобразованного аборигена, ужасно обремененного *minimum sapientiae* (лат.- малая доля ума).

Само восстание уже многократно описано и обсказано... Неразбериха, случившаяся с передачей власти от умершего в Таганроге Александра к Константину и Николаю I, оказалась на руку заговорщикам. Лепту внесли в восстание и интриганы типа Милорадовича, имевшие собственные амбиции. В этих условиях возникла форсмажорная ситуация, когда с помощью войск пришлось решать вопрос верховной власти в России. Если осмыслить действия декабристов, то приходишь к мысли, что мятеж армии против «гнилого никудышного царского правления» дело и обычное, и

привычное... Гвардия или элитные части у нас бунтовали всегда. В одном случае смещали царей и цариц, в другом — ликвидировали прогнивший строй, в третьем — утверждали, боролись за народную власть. В отличие от многих мы считаем такое положение правильным. Военные должны зорко смотреть за тем, кто стоит у власти, как они действуют, отвечают ли поступки и действия правящей элиты или касты интересам России и ее народов. Другое дело, что военные должны иметь умную голову на плечах и честное и благородное сердце, не пытаясь, как этого хотели декабристы, «пересадить Францию в Россию», или, как захотели военные в 1914—1917 гг., установить в России «Буржурию», не имеющую ничего общего с желаниями широких трудящихся масс, т.е. интеллигенции, рабочих и крестьян. Заговорщики, во главе которых формально стоял князь Трубецкой, решились на выступление, но в рядах их было смущение, царили неуверенность и страх, ибо они видели колебание в войсках и не очень-то верили в успех. Гвардейские части остались верны монархии. Артиллерия

выступила на стороне Николая и была готова палить по восставшим. Среди руководителей не было четкости и дисциплины. К заговорщикам вдруг явился Ростовцев и заявил, что все рассказал царю, хотя никого и не выдал. Он получил две оплеухи от Оболенского, был избит прикладами солдат за то, что «ораторствовал за Николая», бежал с места событий, потеряв шинель. Изменили Моллер и Тулубьев в Финляндском полку. Буквально накануне восстания умчался за рубеж Н. Тургенев, друг декабристов, чуть ли не их идейный вождь. Когда руководители Северного общества собрались на его квартире, тот вдруг открыл Пестелю истинную причину отъезда. Дескать, он убежден, что в Петербурге действует никакое не тайное общество, а всего 5—6 заговорщиков, вокруг них толпа сочувствующих им, и то условно. В итоге он прямо заявил Пестелю, что при таком раскладе сил риску много, а дела-то не будет и 24 апреля 1824 г. уехал на воды, в Карлсбад. Сам Аракчеев дал ему разрешение Александра на отъезд, но посоветовал быть осторожнее в связях за границей: «Вас окружают там люди, которые только и мечтают о революции».

Программа восстания и текст «Манифеста к русскому народу» разрабатывались даже во время восстания. Их авторы — Трубецкой, Рылеев, Пущин, Н. Бестужев, Штейнгель, Батюшков. Принципы будущего правления были таковы: после революции управление страной должно было осуществляться Вре-

Джон Шервуд — доносчик

менным правительством, потом — выборными органами. Руководящее место должно было принадлежать Учредительному собранию или Великому Собору (по терминологии Рылеева). Страна становилась республикой (правда, само это слово в манифесте отсутствует). Манифест объявлял «уничтожение бывшего правления», «уничтожение права собственности, распространяемого на людей», «равенство всех сословий перед законом», «право всякому гражданину заниматься, чем он хочет», «уничтожение монополий», «уничтожение рекрутских и военных поселений», «уравнение прав всех сословий», «гласность судов», «учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных». Н. Муравьев мечтал о создании собраний народа типа вече, каковые были в Киеве на Подоле, в Новгороде, Владимире, Пскове, Суздале и Москве. Декабристы выступали против царя, бюрократии, церкви. Дипломат Мальвирид писал (1819): «Беспрерывно и почти открыто осуждают то влияние, которое религиозные идеи оказывают на монарха, и сравнивают это влияние со своего рода фанатизмом». Однако планы повстанцев были выданы англичанином Дж. Шервудом, который ранее обосновался в России. В начале 1825 г. он был откомандирован в качестве механика в Каменку, имение В.Л. Давыдова, где случайно узнал о существовании тайного общества. В июле 1825 г. он через лейб-медика Виллие

Граф М.А. Милорадович

П.Г. Каховский**Кондратий Рылев**

и Аракчеева добился встречи с императором Александром I и донес о существовании заговора, получив приказ продолжать выполнять шпионскую миссию.

Заговорщики планировали добиться своих целей путем вывода войск на площадь, взятия Зимнего дворца, низложения правительства, захвата царя, убийства его и семьи или же помещения ее под надежную охрану. Обсуждались и планы физической ликвидации царя. Достаточно вспомнить план 1817 г. Якушкина; план захвата царя в Бобруйске членами общества, переодетыми в солдатские шинели; план Пестеля, согласно которому Барятинский и Бестужев-Рюмин должны были

составить надежный отряд для нападения на царя; договор Бестужева-Рюмина с поляками об убийстве Константина. По словам Поджио, Пестель хотел создать особый отряд («Cohorte perdue») для убийства царя, поручив это декабристу Лунину. Лунин признался, что «предлагал убить императора по дороге в Царское Село, употребив для этого замаскированных лиц!» Цели самые благородные: введение «свободы слова, печати, суда присяжных и т.п.». Однако средством их достижения являлись убийства. В воспоминаниях о суде над декабристами его председатель, князь П. Лопухин писал: «Убийство Государя и августейшей семьи было только началом. Он, П. Пестель, искореняя самодержавие, мог залить кровью Петербург». Впрочем, это было в духе Пестелей. Когда генерал-майор А.Б. Пестель служил на Кавказе, то, по достоверным источникам, «весь народ здешний» был недоволен его правлением. Народ говорил, что «ни удовлетворения ни в чем не видит и даже ни одного ласкового слова от Пестеля», а слышит одни только угрозы: «Прикажу повесить». Во время восстания 1825 г. Каховский, действуя как бы лично от себя, должен был уничтожить Николая I. К. Накануне восстания К. Рылев обнял П. Каховского и воскликнул: «...Ты должен собою жертвовать для Общества: убей завтра императора».

При этом он так объяснял это решение: «Если же не убить Николая, может последовать междоусобная война». На следствии К. Рылев признавался, что ему «часто приходило на ум, что для прочного введения нового порядка вещей необходимо истребление всей царствующей фамилии. Я полагал, что убийство одного императора не только не произведет никакой пользы, но, напротив, может быть пагубно для самой цели Общества, что оно разделит умы, составит партии... и что все это совокупно, неминуемо породит междоусобие и все ужасы народной революции». Желая успокоить колеблющихся, просил их не беспокоиться: «...приняты все меры, чтобы дело обошлось без крови». Рылев до прибытия Бестужева с моряками видел, как собирались вокруг площади толпы народа, как рабочие, строившие Исаакиевский собор, кидали поленья в свиту царя. Московцы

Каховский стреляет в графа Милорадовича

дали залп по подъехавшему Николаю I («Пули просвистели мне чрез голову, — говорит царь в записках, — и, к счастью, никого из нас не ранило»). Лейб-гренадеры полковника Булатова должны были взять Петропавловскую крепость и навести на Зимний заряженные пушки. Рылеев вел себя как лидер восстания, как мужественный солдат революции. И не случайно Батеньков позже, на следствии, назовет себя «солдатом Рылеева».

Последующие события хорошо известны: «диктатор» Трубецкой бежал, Пущин хотя и пришел на площадь, но ему тут же стало дурно. Решительные приказы войскам отдавать было некому. П. Вяземский в чем-то прав, возражая против обвинений декабристов в попытке цареубийства, назвав их действия убийственной болтовней. Однако осмысливая значение тех событий, понимаешь: путь к подвалу Ипатьевского дома, где и осуществится безжалостное убийство семейства Романовых через почти сто лет, был очерчен дворянским сословием. И никакой принципиальной разницы между убийством Павла I заговорщиками-офицерами, между планированием ликвидации царя офицерами-декабристами, планами убийства Николая II и царицы представителями буржуазии и

офицерства в 1915—1917 гг., и лишь потом расстрелом семейства Романовых в 1918 г. эмиссарами Свердлова и Ленина не было и нет! У последних куда больше исторических оснований казнить Николая II, чем было у англичан и французов при их революциях!

История России дважды, нет, трижды! вершилась на площадях Питера... Царизм прибегал к пулям и картечи, чтобы «вразумить народ». Хотя в иных обстоятельствах, возможно, иначе и поступить было нельзя. Во время бунта декабрист Каховский убил генерал-губернатора Петербурга Милорадовича. Последнее обстоятельство скорее можно предположить, чем утверждать. Историк пишет: выяснить, кто именно убил генерала Милорадовича, оказалось непросто, хотя, казалось, убийство произошло посреди заполненной народом и войсками площади. Свидетелей происшедшему не нашлось. Единственное, что было очевидно: Милорадовича ранила пуля из офицерского пистолета, а не из солдатского ружья. Подозрение падало на Оболенского, кто-то показал, что видел его в тот момент с пистолетом, но Оболенский заявил, что 14 декабря у него пистолета не было, и другие декабристы это подтвердили. В конце концов вину возложили на Каховского, но из имеющихся показаний его вина не кажется несомненной. Не пришло в голову и приобщить к делу пистолет Каховского, тем более — попытаться приложить к нему пулю

Трубецкой — несостоявшийся диктатор

П.Г. Каховский**К.Ф. Рылев****С.И. Муравьев-Апостол**

(а ведь тогда оружие было нестандартное!). «Речи не было ни о каких баллистических экспертизах — их не только не умели делать, но даже не задумывались о такой возможности». Следствие интересовалось совсем иным...

Силы восставших насчитывали до 3300 человек, а их окружили 12 тысяч пехоты и кавалерии. Добавьте сюда еще и артиллерию (более 30 пушек), которая открыла огонь по восставшим. Итог известен. Согласно данным Департамента полиции, 14 декабря 1825 г. убито был 1271 человек (из них на долю гражданских, «черни» пришлось — 903 человека). После подавления восстания в Боль-

шой церкви Зимнего дворца власть радостно отслужит благодарственный молебен. Певчие пели «Тебе, Бога, хвалим». Николай и императрица молились особенно истово, стоя на коленях пред образами и проливая слезы. Подле них стоял их сын Александр. Вдовствующая императрица Мария Федоровна в церковь не пришла. Присутствовавший на службе поэт и воспитатель царских детей В.А. Жуковский писал: «Хвалебная песня была не за одно новое царствование, но вместе с тем и за спасение России». Тогда как императорская фамилия благодарила Бога за спасение, полицейские очищали Петровскую площадь при свете

И. Кольман. Восстание на Сенатской площади. 1825 г.

факелов и костров от трупов и застывшей на морозе крови. Много лет спустя Н.А. Благовещенский записал рассказ о той ночной «работенке» помощника квартального надзирателя из Первой Адмиралтейской части: «Страх, братец ты мой, как вспомнить. На улице — трупы; снег весь перемят, смешен с грязью и кровью. Стоны, стоны на площади-то. Кому руку оторвало, кому ногу, кому пробило бок, кому челюсть вывернуло. Некоторых толпа раздавила совсем и кишки выдавила и лицо как блин сделала... На зданиях вокруг все стены были забрызганы мозгом и кровью. Сенат тогда был не тот, что теперь стоит, а старый, и были там сделаны этикие весы правосудия, что ли, черт там их знает. Там народ забрался туда, братец ты мой, чтобы лучше видеть. Так там, смотришь, ноги висят, а верхней части туловища нет. Страх просто. Велено было все это убрать и в порядок привести, чтобы и следов никаких не осталось». Но и на другой день очищенная от трупов Сенатская площадь являла собой жуткое зрелище. Чиновник Министерства народного просвещения П. Гетце вспоминал: «На следующее утро я снова отправился к берегам вчерашних кровавых событий. Печальная картина предстала передо мной. Полиция уже убрала трупы погибших, однако я увидел между колонн здания Сената еще одно, оставшееся не замеченным тело подростка из нижнего сословия. Он взобрался наверх, чтобы лучше видеть, и поплатился жизнью за свое любопытство. Снег на площади между зданием Сената и памятником Петру... во многих местах был окрашен кровью, то и дело я наткался на целые лужи крови. Окна на фасаде Сената и дома, на месте которого стоит здание Синода, были до верхнего этажа забрызганы кровью и мозгом, а на стенах остались следы от ударов картечи». На одном фонарном столбе развивался клочок волос, на другом, крайнем к Английской набережной, виднелось оторванное ухо». Спустя сто лет трагедии суждено повториться, но еще в большем масштабе. Царь почувствует: близится пророчество, предвещающее конец семейства Романовых.

Важнейшая тема — изучение целей движения. Как ни странно (так ли странно), эту сторону нынешние историки стараются не

М.С. Лунин

заметить или опустить. Видимо, чтобы буржуазии жилось спокойнее! Цари Николай I и II ясно показали: самодержавие добровольно не уступит своей власти гражданскому обществу. Стало ясно, необходимо предпринять самые решительные меры для ниспровержения не только царя, но и большей части окружавшей его бюрократии...

Известно, что Пушкин посвятил Лунину в X главе «Евгения Онегина» такие строки:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал...

А вот что писал М.С. Лунин о задачах, которые ставили перед собой декабристы (1840). Он назвал лишь главные проблемы России — войны, власть бюрократии и бесконтрольное использование финансов, нехватка умных, порядочных людей среди правящей элиты, ну и, конечно, тяжелейшее положение простого народа, и прежде всего крестьян. «Другой вопрос, не менее важный — о рабстве крестьян — остается открытым. Много миллионов наших братьев, лишенных гражданских прав, продаваемых оптом и в розницу наравне с вещами, не нашли донине сочувствия нигде, кроме Тайного общества. Оно одно поняло их бедственное положение и учло его последствия; оно одно протянуло им руку помощи среди всеобщего равнодушия и угнетения. Ни помещики, ни правительство... ничего не сделали для облегчения судьбы крестьян и

С. Левенков. Декабристы

предотвращения грозы, собирающейся над собственными их головами». Писал он и об «убийственной войне», о том, что «состояние финансов скрывается от нашего расследования в густом тумане, окутывающем их при самодержавном режиме. Мы платим, но не знаем, куда деваются наши деньги. Мы даже не знаем точно, сколько платим, ибо продажность судей и лихоимство чиновников отнимают у нас столько же, если не больше, чем правительство. Тем более что сегодня мы платим столько-то, а завтра нас могут заставить платить вдвое». Лунин пророчески замечает: «Когда разразится беда, у них не окажется других средств, кроме военной силы, как и во время польского восстания. Но эта сила, порою действенная против чужеземцев, может оказаться бесполезной против русских. Да и неизвестно еще, согласятся ли наши солдаты, хоть и приученные к повиновению, обратить штыки против своих братьев. Луч сознания, который побудит крестьян отстаивать свои законные права, может проникнуть и в войска и из слепого орудия власти превратить их в... союзника угнетенных». С тех пор минуло

200 лет, но скажите на милость, так ли уж много изменилось в этом плане в России!

Всего к следствию и суду по делу декабристов было привлечено 579 человек, около 79% из них — военные. Суд проходил в строгой тайне. Все декабристы по степени активности были разделены на разряды. Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский и Рылеев были поставлены «вне разряда» и приговорены Николаем I к четвертованию. Тема убийства царя была в центре дознания, поскольку убийство, низведение царской династии была идеей фикс заговорщиков; на следствии именно этой стороне действий декабристов уделялось исключительное внимание. Об этом говорилось и в «Донесении Следственной комиссии», составленном Д.Н. Блудовым по итогам работы следствия по «делу о злоумышленных тайных обществах». Позже донесение подвергалось критике со стороны советских историков. Современный исследователь В.А. Федоров, усматривает «лживость» «Донесения» в том, что его составитель «замолчал либо грубо извратил» «благородные цели декабристов».

С. Гессен назвал документ «тенденциозным и лживым до последнего знака препинания». Н. Эйдельман объяснял его мотивы: «...раздувая дело о цареубийстве, можно будет в массе «впечатляющих подробностей» утопить главные намерения и цели декабристов: ликвидацию крепостного права и военных поселений, установление конституционного порядка. Декабристы говорили о своих целях: «Намерением общества было введение в государстве представительного правления. Средством достижения оного было распространение отраслей общества, склонение на сие вооруженной силы» (Бестужев-Рюмин); «Намерение общества было ввести в государстве конституцию. Достигнуть оное полагали, уверившись в военной силе» (Юшневский).

Но было и другое. Хотя русские в своем большинстве сходились на том, что для России ни тот, ни другой образцы в полной мере не подходят, русская печать почему-то и тогда охотно писала о преимуществах демократии в США. К примеру, декабрист Пестель доказывал всем превосходство строя Соединенных Штатов Америки перед прочими правлениями. По словам очевидцев, почти все соглашались с Пестелем, что правление Аме-

риканских Соединенных Штатов лучше всех, доселе известных правлений. Но когда речь пошла о том, можно ли правление США быть введено в России, мнение большей части было отрицательным. Единственно, что все признали без споров — необходимость конституции и республики. Не вызывало сомнений, что передовые страны Европы и США в политическом отношении опережают Россию. Отсюда требования принятия конституции. Бестужев-Рюмин заявлял, что, будучи принята, конституция непременно утвердит «навсегда свободу и благоденствие народа» в России. О дерзких помыслах декабристов свидетельствует программа Никиты Муравьева (в изложении брата Александра).

В частности, в программе говорилось:

Отмена крепостного права.

Равенство граждан перед законом.

Гласность в делах государственного управления.

Гласность в судопроизводстве.

Отмена монополии государства на спиртные напитки.

Отмена военных поселений.

Улучшение условий жизни защитников родины.

Континентальный конгресс в Филадельфии (1774), где принята «Декларация прав» США

Сокращение 25-летнего срока военной службы.

Улучшение условий жизни духовенства.

Сокращение армии в мирное время...

Дознание, в подобной ситуации неизбежное, имело свои особенности... Многим в России претило то, как повел себя с обвиняемыми новый царь. Николай II показал себя как опытный дознаватель-«иезуит». Начались аресты, допросы замешанных лиц и членов тайных обществ. 29-летний император повел себя до такой степени хитро, расчетливо и артистично, что подследственные, поверив в его чистосердечие, делали невозможные по откровенности признания (М. Рахматуллин). «Без отдыха, без сна он допрашивал... арестованных, — писал историк П.Е. Щеголев, — вынуждал признания... подбирая маски, каждый раз новые для нового лица. Для одних он был грозным монархом, которого оскорбил его же верноподданный, для других — таким же гражданином отечества, как и арестованный, стоявший перед ним; для третьих — старым солдатом, страдающим за честь мундира; для четвертых — монархом, готовым произнести конституционные заветы; для пятых — русским, плачущим над бедствиями отчизны и страстно жаждущим исправления всех зол». Прикидываясь почти единомышленником, он сумел вселить в них уверенность, что он-то и есть тот правитель, который воплотит их мечтания и облагодетельствует Россию. Тонкое лицедейство царя-следователя объясняет и череду признаний, раскаяний и даже неопре-

данных оговоров со стороны самих же подследственных.

Объяснения П.Е. Щеголева дополняет и декабрист А.С. Гангеблов: «Нельзя не изумиться неумоимости и терпению Николая Павловича. Он не пренебрегал ничем: не разбирая чинов, снисходил до личного, можно сказать, беседования с арестованными, старался уловить истину в самом выражении глаз, в самой интонации слов ответчика. Успешности этих попыток много, конечно, помогала и самая наружность государя, его величавая осанка, античные черты лица, особливо взгляд: когда Николай Павлович находился в спокойном, милостивом расположении духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда он был в гневе, те же глаза метали молнии». Николай I, писал де Кюстин, «по-видимому, умеет подчинять себе души людей... от него исходит какое-то таинственное влияние». Как показывают и другие факты, Николай I «всегда умел провести наблюдателей, которые простодушно верили в его искренность, благородство, смелость, а ведь он только играл. И Пушкин, великий Пушкин, был побежден его игрой. Он думал в простоте души, что царь почтил в нем вдохновение, что дух державный не жесток... А для Николая Павловича Пушкин был просто шалопаем, требующим надзора». Все склонялись к тому, что «милость монарха» к продиктованному скорее желанием извлечь из этого выгоду, а вовсе не милостью к падшим.

После того как восстание было подавлено и революционеры схвачены, перед новым царем встала та же дилемма, от которой смог уклониться Александр I. Отдав приказ об их аресте перед своей кончиной, он добавил: «Я не разделял их иллюзии и заблуждения, но не мне их карать». Карать пришлось новому российскому царю. В письме к императрице Марии Федоровне (10 июля 1926 г.) Николай I сообщал: «...Ужасный день наступил, дорогая матушка, и, исполняя ваше приказание, я спешу сообщить вам о нем. Я получил сегодня утром доклад Верховного суда; он был хорошо составлен и дал мне возможность воспользоваться моим правом убавить немного степень наказания, за исключением пяти лиц. Я отстраняю от себя всякий смертный

Николай I и декабристы

Дознание

приговор, и участь этих пяти, наиболее презренных, предоставляю решению Суда; эти пятеро: Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. 24 человека взамен смертной казни приговорены к пожизненным каторжным работам; в их числе: Трубецкой, Оболенский, Волконский, Щепин-Ростовский и им подобные. Да будет воля Господня, и возблагодарим Его от глубины нашего сердца за то, что Он спас и нас, и нашу дорогую родину!» Кстати, заметим, что на плаху отправить бунтовщиков декабристов царь поручил — кому бы вы думали? Тому, кому сами декабристы предназначали во временном правительстве видную роль — М.М. Сперанскому! Поистине иезуитский ход, к которому потом не раз будет прибегать правитель Советской империи. Сперанский покорно судит декабристов, приговаривает их и подписывает смертный приговор, хотя и с болью в сердце, но и с обычной для него четкостью и честностью при выполнении им служебных обязанностей. Почему он занял такую позицию? Почему не отказался, подобно Н. Мордвинову, подписать смертный приговор?

«Всю свою жизнь Сперанский боролся за «твердые начала законности», за введение политической действительности России в строгие рамки закона, за закон, обязательный для всех, — и царя, и подданных. И в

данном случае, несмотря ни на что, не мог Сперанский пойти против коренных своих убеждений, против дела и принципа жизни. Декабристы нарушили закон, подняли руку на законную власть — следовательно, согласно логике (законника) Сперанского, они должны быть наказаны. Нет таких идей, во имя которых возможно нарушение закона, полагал он, и было бы изменой внутреннему смыслу его жизни сначала отказаться от участия в суде (хоть он и порывался, хоть и мучился и страдал безмерно), а затем не поставить подписи под приговором». Говорят, что император проявил лицемерие: на бумаге подписал «помилование», заменив четвертование повешением, а на деле публичную казнь заменил тайной. Упрекают: «Говорил одно, а делал совсем другое». Думаю, царя, да и Сперанского в данном случае винить нельзя. Заговорщики ведь знали, на что шли, и были наказаны. Хотя и вздернуть-то как следует не смогли: трое оборвались, их повесили вторично!

Видимо, не только «обреченный отряд» Лунина, но все движение декабристов обречено было на поражение. Все это они сознавали и все же пошли на восстание. Почему? Потому что видели нужды России, хотели помочь ей. Розен писал, что Рылеев был «готов принять все муки адские, лишь бы быть полезным своей стране родной». Вспомним и полные глу-

В. Псарев. Декабристы

бочайшего смысла и гражданского мужества слова великого К. Рылеева:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первым восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Казнь заговорщиков произвела в России и в мире довольно тягостное впечатление. Один из Любомудров, А. Кошелев, позже вспоминал: «Никто не ожидал смертной казни. Во все царствование Александра I не было ни одной смертной казни, и ее считали вполне отмененною. С легкой руки Николая I смертные казни вошли у нас в обычай... и уже не производили того потрясающего действия, какое произведено было известием о казни Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Пестеля и Каховского. Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, — нет возможности: слов-

но каждый лишился своего отца или брата». Многие представители интеллигенции были оскорблены в своих лучших чувствах. П.А. Вяземский писал: «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно, нестерпимо... Я не могу, не хочу жить спокойно на лобном месте, на сцене казни. Сколько жертв и какая железная рука пала на них». Однако гражданам России предстояло увидеть много еще несправедливостей, гонений правительства, террора, ответных карательных мер.

Заметим, что существует и иная версия судьбы декабристов... Если верить ей, судьба их, как утверждают, была еще более ужасной и страшной... Исполнителем тайной акции стал питерский обер-полицмейстер Б. Княжнин, верный Николаю человек. Все приготовления содержались в полном секрете. Княжнин получил инструкции и приказ Николая Первого: в ночь на 12 июля 1826 г. четвертовать пятерых «помилованных». Казнь произвести в строжайшей тайне в казематах крепости, а останки захоронить на дальней

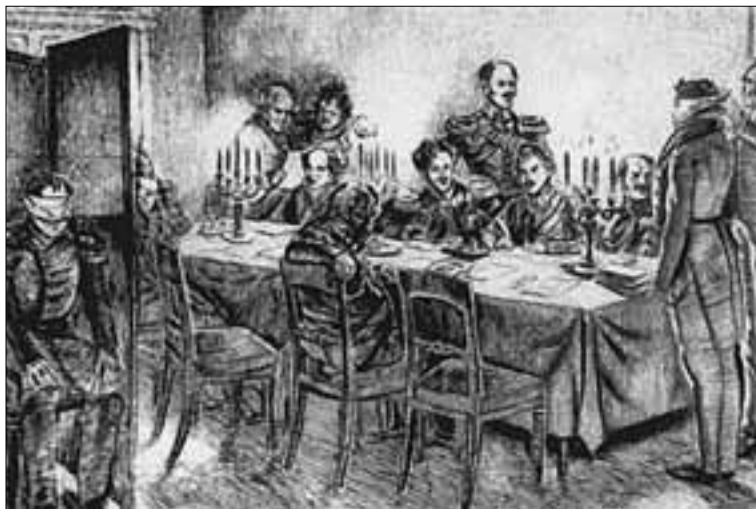
оконечности Петровского острова. Предполагают, что Николай не случайно выбрал время, число и месяц казни: в июле был убит заговорщиками его дед Петр III, а в ночь на двенадцатое — отец Павел I. Поэтому для казни и была выбрана эта символическая дата, соединявшая в себе время, день и месяц их убийства. Главный полицейский Петербурга исполняет волю своего повелителя. В ночь на 12 июля 1826 года пятеро вожаков декабрьского восстания: Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский — подвергнуты пыткам, четвертованы и обезглавлены. «Это подтверждает и расшифрованный нами фрагмент, в котором говорится, что им во время пыток «раны прижигали горячей соломой», «резали члены», «секли головы». Казнь происходила якобы в присутствии обер-полицмейстера Княжнина, а ее исполнители — двое палачей». Затем останки мучеников были погружены палачами и тремя солдатами инженерной команды Петропавловской крепости в бот, который по приказу главного полицейского столицы взял курс на

Петровский остров. Подтверждение тому мы находим в словах самого Княжнина: «Я приказал вывезти мертвые тела из крепости на далекие скалистые берега Финского залива, выкопать одну большую яму в прибрежных лесистых кустах и похоронить всех вместе, сровнявши с землей, чтобы не было и признака, где они похоронены...». По этой версии, роль декабристов во время казни на следующий день предоставлялась их палачам и могильщикам. Тем самым власть спрячет все концы в воду.

Восстание подавлено... С точки зрения «благополучия России», точнее, самодержавного строя и положения в ней дворянства, такое решение, видимо, надо считать оправданным. Хотя если посмотреть на события с высоты столетия, ясно: казнь загнала внутрь болезни России. Очевидно, что жуткая смерть декабристов не облегчила положения крестьян, но тем более не успокоила страхов правящего слоя. В сердце бюрократии поселился животный страх — перед народом и армией России! Мятеж был подавлен, но атмосфера тревоги и страха сгушалась. Согласно

И. Крившинко. «И в Сибири есть солнце...»

Допрос в следственной части. Рисунок. Н. Кордовского

полученным императором сведениям, заговорщики в России были почти везде: в гвардии, в обеих армиях, в Грузии, на Кавказе, в военных поселениях. Не было никаких гарантий, что примеру 3 гвардейских полков не последуют и другие войска. В письме к цесаревичу Константину, составленному 14 декабря 1826 г., по горячим следам событий, Николай заметил: «Я надеюсь, что этот ужасный пример послужит к обнаружению страшнейшего из заговоров, о котором я только третьего дня был извещен Дибичем». О неимоверных размерах заговора и связанных с этим фактом опасениях можно прочесть и в других документах тех дней: в дневнике императрицы Александры Федоровны, в переписке представителей высшей российской знати и т.д. и т.п. И. Якушкин писал: «В этом деле мы решительно были застрельщиками или, как говорят французы, пропалыми ребятами».

Идеи «пропалых ребят» не только не пропали, но через 100 лет восторжествовали в России почти в полном объеме. Следствие по делу декабристов показало, что в стране зреют силы, которые не видят будущего для России в рамках монархии и монархической форме правления. «В 1825 г. Россия впервые видела революционное движение против царизма» (В.И. Ленин). Анализируя политические цели декабристов, оценивая облик революционера, можно увидеть, как это ни

покажется странным, — перед нами тип будущих ниспровергателей. Объявятся в России и правители диктаторского склада (не чета князю Трубецкому). Те будут куда большими атеистами, нежели Якушкин, заявивший, что «не является православным христианином», людьми героическими, как Рылеев или Якушкин, «правдивейший человек своего времени». Все они будут горды той высокой миссией, которую возложила на них судьба.

Восстание декабристов выходит за границы обычного вооруженного мятежа. То была первая серьезная, хотя и не удавшаяся демонстрация намерений прогрессивных сил, революционеров-реформаторов. Историк писал: «Но парадокс заключается в том, что именно суровая расправа с декабристами явилась для последующих поколений русских революционеров и передовых мыслителей вдохновляющим примером того самопожертвования, которое присуще вообще всем революционным движениям в истории. Личный вклад К.Ф. Рылеева в создание этой идеи самопожертвования, а также в порожденную ею легенду, был значителен». Возразим тут автору: идеи декабристов как раз вовсе и не были легендами, напротив, стали жизненным кредо, ориентиром и руководством к действиям. Как напишет много лет спустя декабрист М. Лунин: «От людей можно отделаться, от их идей нельзя». И это абсолютно верно.

Ведь идеи справедливости переживают все и всех — и казненных, и умерших, и изгнанных, и забытых.

Стих Рылеева «К временщику» наряду с пушкинской «Одой вольности» ходил по рукам, переписывался, читался с трепетом и жаром всей свободолюбивой Россией. И даже консерватор Н.М. Языков скажет: «Рылеев умер, как злодей! О, вспомяни о нем Россия, когда восстанешь от цепей» (1826). В. Кюхельбекер в стихотворении, посвященном первой годовщине гибели казненных декабристов, вложит в уста Рылеева такие слова: «Блажен и славен мой удел: свободу русскому народу могучим гласом я воспел, воспел и умер за свободу!» Самым важным следствием событий 14 декабря 1825 г. стало понимание того, что восстание против царя и его окружения возможно. Но должны были появиться те люди, что к идеям добавляют еще и пушки. «Пушки на Исаакиевской площади разбудили целое поколение», — скажет А.И. Герцен. Ленин считал восстание декабристов начальным, но важнейшим этапом в истории русского политического и революционного движения. Он указал на прямую связь выступления декабристов с последующими этапами революционно-освободительной борьбы в России. «Узок круг этих революционеров, — писал Ленин. — Страшно далеки они от на-

рода. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию». Бросается в глаза, что и Февральская и Октябрьская революции будут идти буквально по тому же сценарию, вплоть до того, что и тогда повстанцы по Зимнему «шарахнут из трехдюймовки».

Огромное значение имел (смею высказать предположение, что сохраняет и по сей день) тот высочайший морально-этический пример, поданный декабристами, т.е. представителями высшего класса и офицерства всей России. Вот это были в полном смысле слова лучшие сыны из дворянских семей! Следует согласиться с историком культуры Ю.М. Лотманом, который пишет: «Декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека, по своему поведению резко отличившегося от того, что знала вся предшествующая русская история. В этом смысле они выступили как подлинные новаторы, и, быть может, именно эта сторона их деятельности оставила наиболее глубокий след в русской культуре. Специфическое, весьма необычное в дворянском кругу поведение значительной группы молодых людей, находившихся по своим талантам, характерам, происхождению, по своим личным и семейным связям, служебным перспективам и т.д. в центре общественного внимания, оказало воздействие на целое поколение русских людей. Идеино-политическое содержание дворянской революционности породило и особые черты человеческого характера, и особый тип поведения, в том числе поведения повседневного, бытового». Декабристы — вечный пример и жестокий упрек нынешней демократии, «элите», чьи «лучшие люди» презируют народ, попирают его, издеваются над ним и безбожно обкрадывают... Вот уж по кому острог и виселица плачут!

Николаю I обычно ставили в вину казнь пятерых декабристов, а также жестокость к тем, кто оказался на каторге после окончания следствия, упрекали в том, что царь не желает слышать стоны осужденных: мол, запретил детям, родственникам (не женам) декабристов отправляться в Сибирь для свиданий с осужденными. Николай I «на всю жизнь остался тюремщиком декабристов: следил

Обелиск на месте казни декабристов

**И. Якушкин, П. Бобрищев-Пушкин,
В. Кюхельбекер в Читинском остроге**

за каждым их движением в далекой ссылке, получал донесения о подробностях их быта, решал лично — и всегда сурово — вопросы, касавшиеся судьбы их самих и их семей». Но критики не совсем справедливы. Так, в день казни Николай I писал А.Н. Голицыну: «Все кончено; остаются лишь вдовы их». Он постарался помочь вдовам и женам осужденных. Особый интерес вызывала у него жена Рылеева (все говорили, красавица). Он просил ее обращаться к нему обо всех нуждах, «не смущаясь». Николай выделял ей 3000 рублей ежегодно, до ее вторичного вступления в брак в 1833 г. Такую же сумму получала ее дочь, до своего совершеннолетия. Царь финансировал образование не только дочери, но и внуки поэта. Когда после казни Рылеева А.Х. Бенкендорф показал Николаю несколько его стихов, тот заметил: «Я жалею, что не

знал о том, что Рылеев талантливый поэт; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их». Однако на имя его было наложено табу: ни одно из стихотворений так и не появилось в печати за время царствования Николая I. Слова о том, что тот мог быть «полезен на службе царю и отечеству», были лишь благими пожеланиями. Кстати говоря, Николай I не помогал ни Пушкину, ни Лермонтову.

Не будет лишним заметить, что Николая I обвиняли и те, кто потом будет казнить десятками и сотнями тысяч. В XX в. это станет вполне обычным явлением в Советской России. О судьбах же тысяч и тысяч мучеников концлагерей не будут вспоминать вовсе, ибо их будет так много, что всех не упомнишь, да и «не царское это дело». Николай I проявил в сравнении даже с царем Николаем II просто удивительную, можно сказать, сердечную заботливость о семьях осужденных. Он велел собрать данные о семьях и детях сосланных и старался помочь, чем мог, несчастным. На полях документов встречаются пометки царя, в том числе на справке военного министра А.И. Татищева, председателя Следственного комитета: «Сыновей распределить (по корпусам), а матери дать единовременно»; «Дать 400, 600 рублей»; «Помочь можно»; «Узнать, нужно ли что»; «Я семью знаю: помочь можно» и т.д. И слова благодарности к царю исходили от людей гордых, которые никогда бы не пошли на сделку с совестью (скажем, Мария Волконская, дочь Раевского, генерала, героя войны с Наполеоном). То, что царь помог примерно двум десяткам семей, говорит о том, что

Жены декабристов: М.Н. Волконская, А.Г. Муравьева, А.В. Розен, Е.П. Нарышкина

в то время цари были куда как отзывчивее, нежели позже, уже в наши времена. Оценка Николаем желаний жен воссоединиться с сосланными мужьями выглядит человечно: «Это было проявлением самопожертвования, преданности, достойное уважения, тем более что так часто можно было видеть обратное». Правду говорят: все познается в сравнении. Розен писал о положении жен декабристов, княгини Е.И. Трубецкой и М.Н. Волконской: «Станным показалось бы, если бы я вздумал подробно описать, как они сами стирали белье, мыли полы, питались хлебом и квасом, когда страдания их были гораздо важнее и другого рода, когда видели мужей своих за работою в подземелье, под властью грубого и дерзкого начальства». Но затем жизнь их в заключении более или менее наладилась: в деньгах ограничения не было, почта шла раз в неделю, дозволено получать русские и иностранные журналы и газеты (с 1828 г.). Комнаты их в Читинском остроге звались — Москвою, Новгородом, Псковом. В XX веке милость к падшим у нас будет уже не в моде.

Судьбы декабристов в дальнейшем сложились по-разному... Кому-то очень повезло и они избежали наказания. Среди таковых был и М.Ф. Орлов. По некоторым сведениям, царь считал его одним из главных закулисных виновников заговора, и якобы даже сказал по окончании суда над декабристами: «Орлова следовало бы повесить первым» (со слов А.Е. Розена). Причина такого «либерализма» Николая I, видимо, в тех отчаянных ходатайствах, которые предпринял его брат, А.Ф. Орлов. В тот миг, когда царь шел приобщаться, тот стал умолять пощадить брата, пообещав посвятить всю свою жизнь Николаю I. Царь смиростивился в конце концов. М.Ф. Орлова, можно сказать, вынули буквально из каземата и вернули к жизни. И хотя он всю оставшуюся жизнь пребывал под наблюдением жандармов, у него была возможность купить большой дом в Москве, на Пречистенке, богато отделать его. В московском обществе он ближе всех сошелся с Чаадаевым, у него бывал молодой Герцен, к нему иногда наезжал Пушкин, где и общался с молодежью.

Кто-то оказался на Кавказе, где служил под командованием генерала Н.Н. Раевского-

С. Волконский в рудниках

сына, друга Пушкина и полковника Нарышкина. У них была еще возможность встречаться у тех же Нарышкиных. Другие остались в Сибири, где и обретали «обычный кров немых могил». Такая судьба постигла, скажем, единственного декабриста-крестьянина, члена Общества соединенных славян П.Ф. Выготского. Ему было 24 года, когда он вступил на путь борьбы с царизмом. Затем каторга, двадцать шесть лет поселения, накануне общей амнистии еще один приговор, когда он был приговорен уже к пожизненной ссылке. Этот декабрист 54 года провел в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Иные из них доживут до отмены крепостного права. В 1872 г., 72 лет от роду, близ Иркутска, в Олонках, скончался «первый декабрист» В.Ф. Раевский. В Сибири он женился на бурятке, и у него была большая семья (пять сыновей и три дочери). Никакой помощи от сестер из России он не получал. Жил на средства, которые добывал, занимаясь земледелием и торговлей хлебом. В 1856 г., после общей амнистии, он попытался вернуться с семьей в Россию. Тут он почувствовал себя чужим и вернулся домой,

М.Н. Волконская

в Сибирь. Осмысливая жизненный путь, он писал сестрам: «Но, видно, не мне назначена жизнь, которую называют счастливой. Я не роптал, считаю детством и слабостью жаловаться на судьбу, — но иногда делаю запрос: чем заслужил я, какая вина лежит на мне, почему исключительно на мне лежит такой гнет? И вот ответ, который я делаю на все эти вопросы самому себе: «Ты родился слишком рано!»

Отношение к восстанию декабристов было различным во всех слоях российского общества. В то же время заграница отнеслась к Николаю I как к вешателю. Отсюда утвердился и в зарубежной историографии резко отрицательная точка зрения. Ф. Энгельс характеризовал царя Николая I так: «Самодовольная посредственность с кругозором ротного командира. Человек, принимающий жестокость за энергию и капризное упрямство за силу воли». Хотя это и не совсем так, но в жизни большей части населения России серьезных улучшений не было. Расправившись с декабристами, царь провозгласил основой экономической жизни России крепостное право, при этом помещик стал неограниченным властителем крестьян. Крестьяне отвечали восстаниями. В 30-е годы волна крестьянских восстаний прокатилась по 26 губерниям. Напомним, в 1831 г. начались волнения в Санкт-Петербурге и в военных поселениях Старой Руссы. Бенкендорф писал: «Государь приехал прямо в круг военных поселений и

предстал перед собранными батальонами, запятнавшими себя кровью своих офицеров. Лиц ему не было видно; все преступники лежали распростертыми на земле, ожидая безмолвно и трепетно монаршего суда». В Петербурге на Сенной площади 22 июня 1831 г. толпа видит решительного, хладнокровного Николая I и слышит его слова: «На колени!» И покорно падает ниц.

Иные же видели в нем «гения-охранителя» самодержавия. Конечно, так оно и было. Николай I придерживался идеи незыблемости крепостного строя. Иначе вести себя он просто не мог. Всюду, словно черти из преисподней, тогда вылезали «бесы революции». Революции в Португалии, Испании, Греции, Бельгии, Франции. В России — ужасное восстание декабристов. Согласимся, пример крайне опасный, заразительный. Шеф жандармов А.Х. Бенкендорф пишет в «Мемуарах»: «Пример был опасен. В Брюсселе, как и в Париже, победа осталась на стороне революции; там, как и тут, законность должна была преклониться перед беспорядком и монархия перед демократическими идеями. Умы разгорячились, и легкость успеха в этих двух странах не могла не ободрить и не внушить новой отваги людям злонамеренным. Варшава была переполнена такими. Обезьянство французским доктринам, увлекшее слабые польские головы в первую революцию и приведшее Польшу к первому ее разделу, возобновилось и теперь в том же духе и послужило сигналом к восстанию». С точки зрения царя, тяга поляков к независимости не была законной, восстание удалось подавить. Но и ситуация в России могла выйти из-под контроля.

О том говорили и факты... Представляю интерес воспоминания жандармского штаб-офицера Э. Стогова, который, к слову сказать, приходился родным дедом по материнской линии поэтессе Ахматовой. Он писал о той эпохе: «Обращусь еще к прекращению слушания в Сызранском уезде. Меры для усмирения по нынешним порядкам покажутся жестокими, варварскими. Совершенно согласен и не противоречу. Попробую прекратить слушание новейшим филантропическим способом. Взбунтовались несколько деревень; уездная полиция бессильна. Приехал губернатор —

Портреты героев

выгнали. Местной воинской команды почти нет... Успех против губернатора и бессилие власти возбудили бы надежду в соседних уездах. Неудовольствие общее, потому что причины одни. Ослушание превращается в бунт и так быстро, как пожар, вначале незначительный, охватывает всю массу, могущую гореть. Надобно принять в соображение, что удельных в губернии до 400 тысяч. Надобны войска, а ближе 400—500 верст нет солдат. Прибывшее войско, без сомнения, усмирит, но усмирение пьяных людей может обойтись не без потерь в людях. Но пока достигнут успеха эти меры, волнующийся народ, наполняя кабаки, не обсеет поля. Положим, проверить, что (такое) усмирение произойдет без потерь в людях, очень трудно, судя по ожесточению... Тюремны полны, ссылка — семьи разорены окончательно. Разорившийся крестьянин не справится в одно поколение. Неуважение и злоба с горьким недоверием выросли к своему начальству, которое хотя и прекратит причины к неудовольствию, но недоверия из сердца не вырвешь. Прибытие войска, усмирение по всей губернии — прой-

дут месяцы. Следствие, суды протянут годы. Год беспокойства, тревоги, пьянства народа едва ли исправит нравы. Еще раз повторю: раз разоренный крестьянин потерял почти навсегда». Подобная картина и тяжелое положение крестьянства ни для кого в России не были секретом.

Власти боялись дальнейшего распространения бунтарской заразы. Заметим, что после восстания декабристов идеи заговорщиков проникли и в Московский университет (1831). Ходили слухи, что в Москве существует 7 тайных обществ, что их возглавляет генерал Ермолов, а капитал тайных обществ составляет 50 миллионов рублей. Цель движения — заставить прекратить войну в Польше и предоставить России конституцию. Будто та уже написана, и царь должен ее принять. Если он откажется, в России произойдет революция. По словам Н.П. Сунгурова, которому план тайных обществ дали московские масоны Д.А. Козлов и В.С. Филимонов, бунтовщики в Москве планировали захватить артиллерию, завладеть присутственными и прочими местами, где «казенные суммы нахо-

Николай I

дятся» (банками), «возмутить чернь», пообещав ей грабеж и разгром всех питейных домов. О таких настроениях был осведомлен и российский император.

Чтобы вынести верное и полное суждение об эпохе Николая I, надо осветить эпоху мощным лучом интеллектуального «прожектора». Но тут есть опасность оказаться в положении статиста или осветителя сцены, выборочно направляющего свет софита на какую-то одну фигуру. Некогда В.О. Ключевский поставил в упрек Н.М. Карамзину то, что его герои якобы «действуют в пустом пространстве, без декораций, не имея ни исторической почвы под ногами, ни народной среды». Когда же героев множество, историк должен быть поистине гениальным режиссером, чтобы свести и организовать это бесчисленное множество людей и судеб в одну общую «пьесу» или «драму». При этом свет его разума выхватывает то одну, то другую фигуру. Многое в понимании процесса истории живущими и последующими поколениями зависит от того, как писал историк. Кого и чьи интересы ставил во главу угла. Чрезвычайно важным, нет — определяющим является его отношение к России. Он всегда должен задавать себе вопрос: «Царь, монархия, республика, диктатура, бюрократия, «элита» для России и нации или Россия и нация для царя, диктатора, президента, бюрократа, «элиты»?» И отвечать на него он должен честно и прямо.

Если взглянуть непредвзято на царизм и на монархическое наследие, справедливо звучат слова историка Л.А. Тихомирова (1852—1923): «Что же сделала доселе русская монархия для русской нации? Если брать многовековую жизнь ее до 1861 г., то она представляет один из величайших типов монархии, и даже величайший. Она родилась с нацией, жила с нею, росла совместно с ней, возвеличивалась, падала, находила пути общего воскресения, и во всех исторических задачах стояла неизменно во главе национальной жизни. Создать больше того, что есть в нации, она не могла, но это, по существу, невозможно. Государственная власть может лишь — хорошо это или худо, полно или не полно — реализовать то, что имеется в нации. Творить из ничего она не может. Русская монархия за ряд долгих лет исполняла эту реализацию национального содержания с энергией, искренностью и умелостью, которые доказываются самими последствиями: успешным освобождением от татарского ига, действительно исполненным собиранием Руси, расширением территории до пределов, обеспечивающих мировую роль, стремлением к европейскому просвещению уже с Иоанна Грозного. Восставши из падения после «лихолетья», монархия Романовых действительно воссоздала и укрепила страну, а затем с Петром поняла величайшую задачу времени и за XVIII и XIX века ее достигла. Наконец, по достижении нацией должной меры культурности монархия же во главе всех лучших людей страны приступила к великому акту — уничтожению того крепостного строя, который из некогда необходимого средства к движению вперед превратился потом в язву и помеху для дальнейшего развития».

Взгляд на эпоху Николая I как на время сплошной реакции не выдерживает критики. Уже то, что при нем заметно ускорился научно-образовательный и технический прогресс, говорит в его пользу. Хотя к рулю российского корабля и были поставлены консерваторы, не был забыт и Сперанский. Правда, новый император высказался о нем резко, опасаясь, чтобы тот «не наделал таких же проказ, как в 1810 г.» (т.е. реформ). И тем не менее царь призвал именно его для редак-

А. Кившенко. Николай I награждает Сперанского за Свод законов

тирования важнейших политических актов начала своего царствования, а это говорит о многом. В 1826 г. он был назначен в числе пяти других лиц членом так называемого Комитета 6 декабря, группы, на которую возложен пересмотр всего строя государственного управления России. Сперанский стал, по выражению своего биографа, барона Корфа, «главною пружиною» Комитета и Верховного уголовного суда. Ясно, что такое решение мог принять лишь человек умный, смелый, решительный и к тому же умеющий признавать ошибки, что среди правителей вообще большая редкость. Уже после смерти Сперанского Николай I говорил Корфу: «Михаила Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить; сперва я и сам в этом более всех, может статься, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах; клевета осмелилась коснуться его даже и по случаю истории 14 декабря! Но потом время и опыт уничто-

жили во мне действие всех этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромною опытностью, с не устававшею никогда деятельностью». Благодаря этой мудрости и терпеливости, умению ценить действительно выдающихся людей империи были созданы при непосредственном участии Сперанского Полное собрание законов и Свод законов — дело всей его жизни.

Бесспорно, многие шаги Николая I можно отнести к реакционным. В то время как в Европе давали дорогу просвещению, хотя и там были ограничения, Россия в этом пункте вела себя варварски. Стремясь всеми правдами и неправдами оградить общество от «вреда революционной заразы», царь в 1827 г. издал рескрипт об ограничении образования детей крепостных. Отныне тем оставался один путь — приходские училища, доступ же в гимназии и в «равные с оными по предметам преподавания места» перед крестьян-

На реке Неве

скими детьми наглухо будет закрыт. Не бывать новым Ломоносовым! Как писал историк С.М. Соловьев, Николай I «инстинктивно ненавидел просвещение, как поднимающее голову людям, дающее им возможность думать и судить, тогда как он был воплощение совсем иного принципа: «Не рассуждать!» Видимо, он на всю жизнь запомнил, как «при самом вступлении на престол враждебно его встретили люди, принадлежавшие к самым просвещенным и даровитым». В Государственный совет вносится циркуляр «О некоторых правилах для воспитания русских молодых людей и о запрещении воспитывать их за границей». В 1831 г. принято по велению царя постановление: под угрозой лишения возможности вступать на государственную службу детей от 10 до 18 лет обучать только в России, исключение только по милости царя. Последняя мера не так и дурна. Русский должен учиться все же на родине, иначе может незаметно для себя «продать душу дьяволу».

Во главе «умственных министерств» встали люди типа адмирала А.С. Шишкова (1754—1841), главы Российской академии наук и Министерства просвещения, одновременно бывшего главой общества «Беседа любителей русского слова». Тот воспитывался при тех же условиях, при которых воспитывались и некоторые из его сверстников, почтенных деятелей в общей русской жизни второй половины XVIII века (Фонвизин, Державин и др.). «В них развивались религиозное чувство и мысль под влиянием чтения религиозных книг, священной истории и Четьи-Минеи, а

с этим вместе и ухо роднилось с церковным языком; развивалась и любовь к природе под влиянием близких отношений к ней, развивалась любовь к человеку под впечатлениями любящей родной семьи, развивалась любовь к родине под впечатлением рассказов о славных и громких прошедших временах Петра, под впечатлением народных песен. Свою роль сыграл и Морской кадетский корпус. Став моряком, он получил возможность побывать в Италии, Греции, Турции. Европейские порядки, прежде всего тех же французов, не очень понравились офицеру. «Мы видели, — рассказывал Шишков, — несколько новейших греческих часовен с написанными на стенах их изображениями святых и не могли надивиться буйству и злочестию безбожных французов, которые, заходя иногда в сей порт, не оставили ни одной часовни без того, чтобы не обезобразить лиц святых и не начертать везде насмешливых и ругательных надписей. Удивительно, до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов! Пусть бы сами они утопали в безверии; но зачем же вероисповедание других, подобных им христиан ненавидеть? Для чего турки не обезобразили сих часовен? Для чего не иной язык читается в сих гнусных надписях, как только французский?» Потому, став членом Российской академии, он рьяно и заботился

Д.И. Фонвизин

Г.Р. Державин

о сохранении чистоты русского языка. Шишков выступал против литературных новшеств, заодно против источника этих новшеств, против подражания французам («Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», 1803). Повторяя, в сущности, обычные нападки литературы екатерининского времени, Шишков говорил: «Какие знания можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французоз, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим... в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеств, как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются...»

Пыл к воспитательной деятельности, можно сказать, был присущ адмиралу. В «Беседе» Шишков выступил с «Рассуждением о любви к отечеству», где вел речь о недостатках русского воспитания. «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподавать нам, когда нуж-

но, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери». Признавая, что народное воспитание есть важное дело, требующее прозорливости и предусмотрения, он скорбел, что оное не действует в настоящее время. Высказываемые им идеи патриотизма были весьма ко времени. Близилось начало Отечественной войны. Император Александр, прочитав «Рассуждение о любви к отечеству», решил снова призвать Шишкова к делам. «Я читал рассуждение ваше о любви к отечеству, — сказал Шишкову. — Имея таковые чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у нас не обойдется без войны с французами, нужно сделать рекрутский набор; я бы желал, чтобы вы написали о том манифест». 9 апреля 1812 г. Шишков был назначен на должность государственного секретаря, вместо удаленного Сперанского. Император назначает его в 1813 г. президентом Российской академии и в 1814 г. членом Государственного совета. Как член Государственного совета, Шишков представил план нового устройства цензуры, критиковал проект гражданского уложения, составленный Сперанским, защищал крепостное право. Досталось от него и Министерству народного просвещения. Он писал: «Кажется, как будто

Адмирал А.С. Шишков

Венецианов. Крестьянские дети в поле

все училища превратились в школы разврата, и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращен с истинного пути, и голова у него набита пустотой, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия». Шишков продолжал борьбу с новыми писателями, усердно работал над своим корнесловием, проводил в жизнь традиции «Беседы любителей русского слова». 15-го мая 1824 г. Шишков был назначен министром народного просвещения, управляющим делами иностранных исповеданий. На первом же заседании главного правления училищ Шишков потребовал от работников министерства оберегать юношество от заразы «лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлой гордостью и пагубным самолюбием, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и через то делающим его к старости юношей». «Науки, — говорил министр, — изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного... Сверх того, науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподносятся в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению».

К числу прогрессивных высказываний нельзя отнести и слова о том, что обучение грамоте всего народа или большей его части принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы делом «худым и бесполезным или вообще вредным». В докладе государю Шишков просит позволить ему разработать планы по искоренению зла, именуемого им «карбонарством». Министерство просвещения он обвинял не только в попустительстве, но даже «во всяком покровительстве и ободрении нравственного зла под названием духа времени». Власть закручивает гайки, уже не помышляя о свободе, конституциях или же серьезной реформе системы образования. Меняется позиция и в отношении сословной школы. Так, свободному доступу крестьянских детей к начальному и среднему обучению были поставлены преграды. Министерство дало и разъяснения по поводу крестьянских детей. Крестьяне не должны поступать в гимназии, поскольку там обучаются большей частью дворянские дети и дети богатых. Министерство законодательным актом 1827 г. подтверждает свое запрещение принимать крестьянских детей в гимназии. Решено было: с них довольно будет и уездных училищ. Очевидно, что реформа образования при Александре I, несмотря на ряд успехов, носила незавершенный характер и во многом закрепляла реакционные статьи. При Николае I усилена была цензура, для которой выработан суровый устав; преследуются библейские общества за распространение «карбонарских и революционных книг», в число которых попал даже катехизис Филарета за то, что в нем тексты Святого Писания были приведены порусски. Такого рода просвещение не шло на пользу стране. В 1828 г. Шишков был уволен от должности министра «по преклонности лет и по расстроенному здоровью». Его методы в образовании, литературе, науке уж не находили поддержки в русском обществе. Однако уже то, что он напечатал 16 томов трудов по отечественному языку, наукам и словесности, и сделал это в пользу внучки Софьи Шишковой, что «осталась без всякого имущества безродною и бесприютною сиротою, не имеющею ни на кого надежды, кроме на меня,

Граф С.С. Уваров

стоящего у гроба старика», говорит о благородстве и его отзывчивом сердце. Николай I ответил изъявлением своей благодарности и признательности адмиралу, говоря о пользе его трудов для России.

Справедливость требует объективно воспринимать и консервативный лагерь, где было немало умнейших людей. Можно ли, строго говоря, называть «реакционером», «узурпатором мысли» того же С.С. Уварова (1786—1855), что с 12 лет был определен на службу в Коллегию иностранных дел? В дальнейшем он стал сотрудником дипломатических миссий в Вене и Париже. Энциклопедист, блестящий ученый, один из самых образованных людей времени! Чего стоит хотя бы оценка, данная ему сдержанным на похвалу М.М. Сперанским. О нем, как и о Н.М. Карамзине, тот сказал так: «Уваров — суть первый ученый из русских, первый не только по достоинству, но и по времени». В том ряду великий Ломоносов стоял на особом месте. Уваров придерживался монархических политических взглядов, ибо твердо полагал, что добиться политической гармонии помимо или вопреки существующей высшей власти в России невозможно. В 1810 г. он опубликовал «Проект Азиатской академии» (которую надо бы ныне возродить), считая, что без знания восточных языков невозможно распространение «здравых понятий об Азии в ее отношении к России». Уваров пишет статьи по классиче-

ской филологии, публикуя их на немецком и французском языках. В 18 лет он стал президентом Петербургской академии наук, к 25 годам — почетным членом Петербургской академии наук, Парижской академии (среди 8 иностранных членов), членом Геттингенского общества наук, Королевского общества наук в Копенгагене. Имя его широко известно в Европе. Важнейшим орудием просвещения народа Уваров считал историю: «В народном воспитании преподавание Истории есть дело государственное... История образует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов, умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых Царей». Он полагал, что История, история с большой буквы, обязательно должна быть представлена на всем ее пространстве. Чтобы разобраться в огромном хаосе событий, в дополнение к Истории необходим и «благотворительный луч Религии и Философии». В 1834 г. он назначен царем министром народного просвещения. Министр просвещения С. Уваров хотя и урезал гимназический курс, убрав из него, и то, скорее, по воле государя, философию, политическую экономию, эстетику, коммерческие науки, обкорнав естествознание, способствовал развитию образования в целом. Свобода заниматься наукой в университете была гарантирована. На российскую действительность нужно смотреть по крайней мере с двух сторон, если вы хотите более или менее верно и всесторонне оценить положение дел. И.А. Гончаров писал о тогдашних студентах как о представителях ученой республики, над которой простиралось «вечно ясное небо, без туч, без гроз и без внутренних потрясений». Такой непримиримый противник самодержавия, как Герцен, и тот вспоминал о студенческих годах с теплотой необычайной: «То же было в преподавании; наружно подавленное, оно внутри осталось верным своему святому призванию пропаганды, очеловечения. И если столичные профессора были иногда стесняемы докучливым надзором и доносами, то преподавание шло своим чередом в провинциальных университетах, гимназиях, семинариях, кадетских корпусах и проч.».

А.С. Пушкин

А уже в 1836 г. Уваровым подготовлен, а императором утвержден устав Петербургской академии наук, определивший ее деятельность вплоть до 1927 г. От наук и образования он требовал, чтобы они соответствовали духу времени, хотя порой слова и расходились с делами. Ему принадлежат слова, которые и ныне мог бы произнести умный деятель: «Соединяю выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего». Его мы вправе назвать даже европейским консерватором-романтиком (но с русской душой!). Он следовал совету Пушкина, выражавшему опасение, что «Россия слишком мало известна русским». Пытаясь ликвидировать сей печальный пробел, Уваров, удалившись на время даже от дел народного просвещения, совершает длительные поездки по России в течение 5—6 лет. Поездки эти, по его словам, доставили ему «точное и глубокое знание моей страны». Позже он скажет: «Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении: мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкушать, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система... Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно». Но продлевая юность

П.А. Вяземский

сверх срока, что дала нам природа, есть опасность не повзрослеть до смерти. Всему есть срок в жизни, человеку и государству. Видимо, С. Уваров ощущал, что подрастает иная, новая, молодая Россия, пути которой могут разойтись с поставленными им идеалами. В 50—70-е годы XIX в. его имя было прочно забыто.

То было время, когда всем и вся заправлял граф Аракчеев. Хотя, пожалуй, ни к одной фигуре в государстве Российском общество в такой степени не было столь неблагоприятно, как к графу А. Аракчееву (1769—1834). Критики больше внимания обращали на внешне некрасивую фигуру (называя «большой обезьяной в мундире», «Змеем-Горынычем»), нежели на порядочность, образованность, честность, справедливость,

Граф Алексей Аракчеев

строгую требовательность графа. Почти никто не удосужился задуматься над тем, что в России, где чиновник всемогущ, успехи власти и государства зависят в первую очередь от того, насколько этой власти удастся обуздать подлую и продажную камарилью... Аракчеев, выпускник Кадетского корпуса, отличался строгим поведением и прилежанием к наукам, свободно говорил и читал по-французски, сносно владел немецким языком, за свои успехи в учебе был награжден серебряной, позолоченной медалью. Откуда же тогда ненависть к графу? Она восходит ко временам, когда его сделали наставником кадетов. Кадеты люто ненавидели Аракчеева именно за то, что он «первый потребовал от них добросовестного труда и оказывался немилосердным к лени и праздности». Таким же он останется впредь, до конца и «без лести преданным» более делу Российской империи, а вовсе не особе императора. Ему вменяли в вину создание военных поселений. Ну, во-первых, устроить такие поселения в России намеревались Миних и Павел I, во-вторых, военный министр Аракчеев стал проводить сей социальный эксперимент только по указанию Александра I.

После убийства Павла I об идее вспомнил граф Аракчеев, разместив в 1807 г. на казенных землях Могилевской губернии два батальона из Елецкого и Полоцкого полков. Русские тут не были новаторами. В конце XV в. император Австрии Рудольф, дабы оградить южную границу владений от нападения турок, разместил на свободных землях 4000 добровольцев (в основном, славян-христиан). Им дали земли, разделили на роты и отдали под власть военного министра. В самой России на таких же условиях создавались казачьи поселения по Дону и Днепру, Кубани и Уралу, у Черного моря и в Сибири. В 1815 г. Александр I эту идею подхватил и развил в России, видя в ней «социальную модель», подходящую для постоянно ведущей войны империи. В идеале это должно было бы накормить солдат и их семьи, дать крышу над головой после окончания длительной службы (25 лет). Служба же рекрутская была ужасной. Один из мемуаристов писал: «Тогда солдат служил 35 пять лет, уходил из деревни почти юношей

и возвращался дряхлым стариком. Служба была не службою, а хуже всякой каторги; от солдат требовали больше, чем нормальный человек может дать. «Забей трех, но поставь одного настоящего солдата» — таков был руководящий принцип начальства. И народ на отдачу в солдаты смотрел с ужасом, видел в назначенном в рекруты приговоренного к смерти и провожал его, как покойника. Опасаясь, что несчастный наложит на себя руки или сбежит, его связывают, забивают в колодки, сажают под караул и, дабы его утешить, дают напиток допьяна... Забитых в колодки людей ведут под руки; они с трудом передвигают ногами, упираются, пытаются вырваться, — но их тащат силою к телегам и укладывают, как связанных телят... Эти зрелища были ужасны».

Военные поселения создавались на казенных землях, что вызывало прямое сопротивление казенных крестьян (в 1817 в Холынской и Высоцкой волостях Новгородской губернии, в 1817—18 волнения Бугского войска). К 1825 г. они созданы в Петербургской, Новгородской (по р. Волхов и близ г. Старая Русса), Могилевской, Слободско-Украинской, Херсонской, Екатеринославской, других губерниях. Хотя Аракчеев не одобрял идеи и, насколько возможно, сопротивлялся плану, он старался создать в поселениях достойные условия для службы и жизни. Увы, как часто бывает в России, все делалось наспех, без серьезного анализа, просчетов и оценки плана. Уверовав в целесообразность сей «солдатской модели» развития, Александр I

Наказание крестьян

**Портрет детей К. Гайли,
генерала военных поселений**

не слушал уже никак возражений, но заявил, что военные поселения «будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова». Земли под эти поселения взяли, как говорится, «из бросовых земель». Один из командированных в те места офицеров вспоминал, что почти все земли были сплошь заняты старым, порченным лесом. Всюду были обширные и глубокие болота, не годные для обработки. Обитали тут люди, не привыкшие к земледелию. На земли Могилевской губернии пригнали несколько тысяч человек из Херсонской губернии. Масса людей погибла от голода, уныния, тоски по родным местам. Солдаты не имели знающих специалистов, давно отвыкли от земледелия. Выписанный из-за рубежа дорогой заграничный скот почти весь погиб. Сей социальный фаланстер в духе Сен-Симона и Фурье быстро поблек, да и выглядел как-то неестественно и странно. В описании декабриста В.И. Штейнгеля есть сцена, верно отражавшая жизнь в России: «Я не остался и без дела: занялся сочинением «Опыта о времениисчислении», написал «Рассуждение о наказаниях», узнав о тайном комитете, составленном с целью трактовать об отмене кнута. Председателем комитета был граф Аракчеев, человек, ослабившийся своей жестокостью; первым по нем членом — министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, некогда славный полковник, державшийся строгого правила «девять забей — десятого поставь». Далее он описывает, как была предложена «реформа кнута». При этом задали два вопроса: 1) можно ли отменить кнут? и 2) чем заменить его в

таком случае. При отрицательном решении 1-го вопроса сам собою устранялся и 2-й вопрос.

Правда, находились и те, кто восхищался этими поселениями, видя в них чуть ли не образец европейского прогресса... Скажем, Ф.А. Пенкин, сам бывший «аракчеевским кадетом» и учившийся в Новгородском военном-учительском институте, в 1860-е годы размышлял над опытом юности: «Петр Великий преобразовал дворянство и государственную администрацию на европейский лад, а граф Аракчеев переустроивал быт крестьян (в малом покуда размере) также на лад иноземный, пересаживая все лучшее по сельскому хозяйству на почву русскую. Как действовал граф Аракчеев? Быстро, неумолимо, даже жестоко, как и Петр Великий...» Современник Маевский описывал поселения такого образцового полка, носившего имя графа Аракчеева: «Все, что составляет наружность, пленяет глаз до восхищения, все, что составляет внутренность, говорит о беспорядке. Чистота и опрятность есть первая добродетель в этом поселении. Но представьте огромный дом с мезонином, в котором мерзнут люди и пища; представьте сжатое помещение — смешение полов без разделения; представьте... что для сохранения одного дерева употребляют сажень дров для обставки его клеткою, — и тогда получите вы понятие о сей государственной экономии... В этом поселении повивальные бабки, родильные ванны, носилки, отхожие места — царские. В больнице полы доведены до паркетов, но больные не смеют прикасаться к ним, чтобы их не замарать, и вместо того, чтобы выходить через дверь, прямо прыгают с кровати в окно. У каждого поселенного полка — богатая мебель и серебряный сервиз. Но мебель хранится, как драгоценность, и на ней никто не смеет сидеть. То же и с офицерами — они не смеют ни ходить, ни сидеть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано им для употребления».

Посетив поселения Новгородской губернии, В. Кочубей отметил отсутствие в них обычных российских пороков (пьянство, курение, нищенство, лень, разврат). Повсюду были устроены военно-сиротские отделения, библиотеки и офицерские рестораны,

где народ не употреблял ни вина, ни водки. Сравнивая земли вышеназванных поселений с близлежащими деревнями, Кочубей писал: «Обозрения оных было для меня явление совершенно неожиданное; и подлинно, как не прийти в удивление, сравнивая положение

одной стороны Волхова с другою, строения, дороги, мосты, поля и проч. одного берега и противоположного. Я думал, и объезжая поселения, и потом, когда я переправился из оных, что меня какою-то революциею Глобуса перекинуло из области образованной

Образцовые солдаты

в какую-то варварскую страну» (1822). Он уверял, что в России не везде и крупные помещики могли тогда похвастаться таким вот положением государственных крестьян и военных. Внешне все, казалось бы, сияло довольством и благополучием. Фокус же был прост... При объезде поселений царь у каждого поселенца на столе «находил жареного поросенка и гуся». Несчастному поросю или гуся по мере передвижения императора от дома к дому быстренько доставляли в нужный дом задворками. Все поселенцы выглядели чистыми, как ангелы, покорными и трезвыми. Покорность достигалась постоянным наказанием виновных палками, прутьями из бочек с рассолом и рогатинами. По неделям и месяцам ходили провинившиеся люди с рогатками на шее, не имея возможность прилечь. С рогатинами должны были являться и в церковь к службе. «Трезвость» масс держалась только до вечера. С наступлением же ночи те, у кого «горела душа», преспокойно покупали спиртное в каком-то из домов у тогдашних самогонщиков. Одним словом, тут царила обычная для Руси показуха.

Колоритную картину представляли собой эти «образцовые» поселения, «идеалы» царского народного общежития в Новгородской губернии. В селении вводились воинские части, все жители переводились на военное положение. Одно село, не пожелавшее принять солдат, было блокировано, и голод вскоре заставил крестьян сдаться. Всех взрослых крестьян, до 45 лет, одели в военную форму и побрили. Крестьянские избы сносились, на их месте строились одинаковые дома, рассчитанные на четыре семьи, которые должны были вести общее хозяйство. Весь быт военных поселян был расписан до мелочей. Отступления от распорядка строго карались, на что расходовались целые возы шпицпрутенов. Главным занятием стали военные учения. Все сельскохозяйственные работы производились только по приказу командира. А поскольку офицеров интересовала прежде всего шагистика, то случалось, что хлеб осыпался на корню. А сено гнило под дождем. Ремеслами и торговлей можно было заниматься лишь с разрешения начальства. Декабрист В.И. Штейнфельд писал о поселениях: «Насиль-

ственная система так называемого водворения поселений принята была с изумлением и ропотом, как то и вашему величеству должно быть весьма известно, и не могло быть иначе. После тяжелой Отечественной войны, в которой все состояния, участвуя, оказали равное усердие и верность престолу и отечеству, когда всякий ожидал в мире вождельного спокойствия, внезапно войти в селения, военную рукою взять дома мирных земледельцев, все, дедами и самими ими нажитое... да едва ли история представляет что-либо тому подобное... Возникли: с одной стороны, отчаянное сопротивление, особенно, на юге, с другой — строгие меры для укрощения. Всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными в царствование государя, столь кроткого и человеколюбивого! Общее недоумение разрешалось одним лицом графа Аракчеева». Оно во всех подобных действиях служило словно экраном для особы монарха. Тем самым вместо облика царя-реформатора в глазах общественного мнения России все отчетливее вырисовывался облик царя-притеснителя.

Аракчеев же был убежден, что «нет ничего опаснее богатого поселянина». В итоге, в военных поселениях прекратилась всякая торговля и деловая деятельность. Особенно большие притеснения испытывали зажиточные крестьяне, державшиеся обычно более независимо. Жениться военный поселянин (в поселениях) мог только с разрешения начальства. Наблюдались и вовсе трагикомические сцены, когда парни и девушки выстраивались в две шеренги и командир назначал невесту каждому жениху. Как видите, попытки представителей правящей бюрократии создать в России на свой манер некое подобие «справедливого и счастливого» социального устройства будущего вылились в чудовищную профанацию этих реформ. Военные поселения составляли почти 1/4 часть армии (по другим данным — 1/3), в них имелся и капитал 32 млн руб., но комплектования армии все это не обеспечивало. Однако не были достигнуты и политические цели, которые преследовало самодержавие при создании поселений. Оно не только не стало орудием борьбы с освободительным движением,

Восстание в Чугуевском военном поселении

но сами превратились в один из его очагов. В июне 1819 г. началось восстание Чугуевского полка (центр Слободско-Украинского военного поселения), а в августе оно распространилось на округ Таганрогского полка. Восставшие требовали вернуть их в прежнее состояние, захватывали ранее отрезанные у них земли, избивали и изгоняли начальников. Расправой над восставшими руководил лично Аракчеев; из более 2 тыс. арестованных 313 были преданы военному суду. Из 275 человек (по другим данным — из 204), приговоренных к наказанию шпицрутенами (12 тыс. ударов каждому), 25 человек умерли; остальных же сослали в Оренбургский корпус. В июле 1831 в поселении близ Старой Руссы произошло одно из самых крупных солдатских выступлений в русской армии. Поводом послужила холерная эпидемия, вызвавшая ряд «холерных бунтов». Город перешел в руки восставших, устроивших на площади суд и казнивших начальников. Затем восстание распространилось на большинство военных поселений Новгородской губернии.

Посланный на усмирение батальон перешел на сторону восставших. Расправа с ними была жестокой: треть участвовавших в восстании жителей деревень прогнали сквозь строй, сослали в Сибирь, многих отправили в Кронштадтскую крепость на каторжные работы. Эти выступления вливались в общее

русло антифеодальной борьбы русского крестьянства. События вызвали в России, и прежде всего в среде офицеров, солдат, студентов, глубокое недовольство тогдашним состоянием страны. Секретарь императрицы Лонгинов писал: «В порядке вещей, что рево-

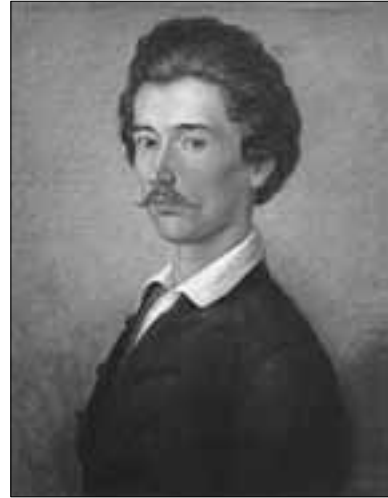

**Т. Шевченко. Наказание шпицрутенами.
1856—1857 гг.**

люция рано или поздно произойдет и у нас, раз уж вся Европа ею охвачена. Увидите, что пожар вспыхнет в военных поселениях: даже сегодня достаточно искры, чтоб всё воспламенилось». Генерал Ермолов скажет: «Незавидное положение графа Аракчеева усмирять оружием сограждан». Пушкин о нем высказался еще более жестко и непримиримо: «Кинжала Зандова везде достоин он». Многие поселения в дальнейшем были переименованы в округа пахотных солдат, что привело к ликвидации большинства из них. В 1857 г. они были окончательно упразднены.

Бесспорно, Николая I и графа Аракчеева многие в Европе считали консерваторами и реакционерами. Наверное, так оно и было... Хотя, участвуя в подавлении революций 1848—1849 гг. в Европе, русские войска спасли в 1848 г. империю Габсбургов, как они в 1812—1814 г. спасли Европу от Наполеона. Однако в первом случае русские спасли народы от власти узурпатора и притеснителя Наполеона, а во втором спасали царей и их прогнившие троны от гнева собственного народа... Согласимся, разница огромная! Но факт остается фактом. Николай вел себя в Европе, с европейскими династиями, почти как с собственной прислугой. По словам министра народного просвещения А. Головина, государь везде вел себя, как начальник Европы, ему устраивали самые торжественные встречи, принцы крови съезжались, чтобы лично ему представиться; он осматривал войска, устраивал парады, раздавал иностранным генералам и офицерам ордена, раздавал множество денег, давал министрам тех стран наставления, как лучше «вести политику». К примеру, он порекомендовал прусскому королю не заигрывать с либералами, и даже хотел одно время силой своих войск «освободить» его от интриг его же либералов.

Действиями Николая I были очень недовольны и евреи, которых он поприжал во всех смыслах. Хотя, разумеется, царь в политике руководствовался не только честолюбием. У него были основания для тревог и опасений. Революции — в непосредственной близости от границ России. После попытки декабристов ввести в России республику, это не могло его не беспокоить. Но то, что хоро-

Шандор Петёфи. 1840-е годы

шо для русского царя, отнюдь не всегда хорошо для Европы и ее народов. В 1849 г. русские войска под командованием Паскевича подавили восстание в Венгрии. Лучше бы они этого не делали. Чувства восставших венгров выразил национальный поэт Ш. Пётефи, занеся в дневник: «Монархия — опавший цветок, республика — плод. Это так! И поэтому, республиканские идеи (мне так близки), я не сомневаюсь в нашей победе». Великий венгерский поэт пал от руки нашего казака. В его стихотворении есть такие строки:

Нет больше Ламберга —
кинжал покочил с ним.
Латура вздернули. Теперь черед другим.
Все это хорошо, прекрасно — спору нет!
Народ заговорил — и вот залог побед.
Но мало двух голов! Смелей, друзья, смелей!
На виселицу королей!

Выступления Николая против революций в Европе, нашедшие выражение в его Манифесте от 14 марта 1848 г., по крайней мере с позиций интересов российской монархии и задач абсолютизма были обоснованны и убедительны. Главное же — они были подкреплены военной силой. Потому и произвели впечатление на Европу. В отношении данного документа В.И. Панаев заметил: «Грозный Манифест, в котором порядочно досталось всем революционерам, произвел на тогдашних де-

магогов, а их полна была Европа, самое неприятное и враждебное для нас впечатление, которое и не замедлили они выразить в своих журналах и выказать на деле, стараясь возмутить Польшу». Однако если встать на точку зрения интересов европейцев или даже вообще абстрагируясь, то, бесспорно, царившие в России порядки не отвечали духу свободы, просвещения, личности, прав человека. В записках адъютанта Александра II, Н. Шильдера, начальника Николаевской инженерной академии, директора Императорской Публичной библиотеки, хотя и мимоходом, в целом дается верное понимание состояния мысли в николаевской России: «Благодаря полному отсутствию в России в 1848 г. политической прессы, нельзя встретить в изданиях того времени какой-либо оценки правительственного акта 14 марта». Однако заметим, что в то время пресса еще не играла такой роли как нынче. Все решали военные корпуса и артиллерия, хотя и значение прессы возрастало с каждым годом.

Судорожные потуги царя удержать Европу в русле российской политики и уж тем более в рамках ее политической системы вызывали не только понятное раздражение, но порой и откровенную ненависть со стороны европейцев. Печать открыто называла Николая «жандармом Европы», говоря, что он играет в ней роль «европейского полицейстера, который вздумал предписывать всем императорам и королям, каким образом они должны действовать и поступать». Не жаловали его

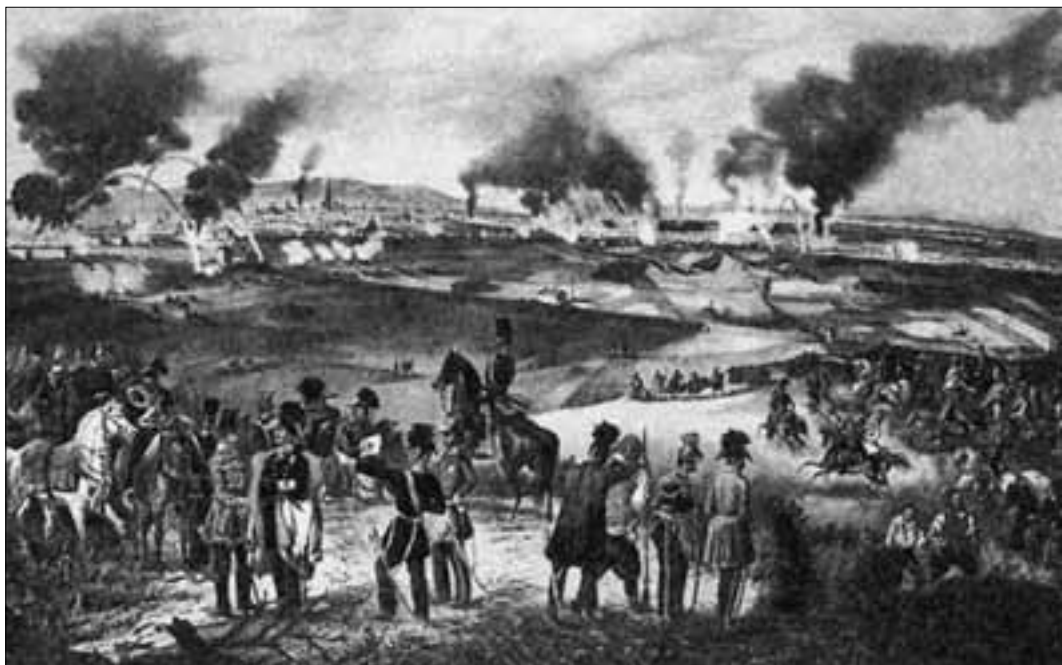
симпатиями и братья-славяне, на что царь отвечал негативным отношением к любым идеям о союзах славян. В первой половине XIX в. панславистские идеи в России были весьма редки. Кстати, и Пушкин относился прохладно к идее братства славян: «Славянские ль ручьи сольются в русском море?» Никаких признаков этого не было видно.

Конечно, сам Николай вовсе не считал себя жандармом Европы. Он полагал, что выступает охранителем устоев России и православия. Однако, с какого боку ни подходи к его позиции, разумной ее не назовешь. Пример тому хотя бы сцена, разыгравшаяся однажды между ним и камердинером царицы Ф.Б. Гриммом. Узнав о революционных событиях 1848 г. в Европе, царь, не сдерживая гнева, яростно напустился на камердинера за то, что он посмел читать его жене «Фауста» Гёте: «Гёте! Эта ваша гнусная философия, ваш гнусный Гёте, ни во что не верующий — вот причина несчастий Германии! Это ваши отечественные головы — Шиллер, Гёте и подобные подлецы, которые подготовили теперешнюю кутерьму». Где камердинер, где Гёте, а где революции! Понятно, почему даже отличавшийся известным либерализмом цензор Никитенко меланхолично занес в свой «Дневник»: «Варварство торжествует дикую победу над умом человеческого» (в России).

Так или иначе, а в охваченной восстаниями или революциями Европе нам, русским, приходилось все время выступать в роли консервативного начала, причем строящего свои консервативные редуты силой оружия, на базе вооруженных сил. Это неплохо, учитывая наши размеры и готовность соседей к вторжению при первых же признаках слабости России. Готовность к бою — константа, которую умные правители России всегда должны брать в расчет. Но мир обновлялся, поддерживать монархический status quo становилось труднее. И тут недостаточно быть только прекрасным семьянином или истинно верующим. Скажем, графиня А. Блудова пишет о Николае I как о наиправославнейшем из царствующих особ. «Он, может быть, и самый Русский. Он один из тех людей, которыми движется целое поколение, потому что они каким-то инстинктом предчувствуют, так

А. Гебенс. Смена часового у Зимнего дворца. 1850

Революции 1848 г.

сказать, внушения и потребности своего времени», сочувствуют им, но вместе с тем «удерживают от безумной поспешности». Но, как покажет время, идеи модернизации России наши цари почему-то плохо воспринимают. Может быть потому, что бюрократии модернизация как раз и не нужна, ей нужен застой и откат.

Философ К. Леонтьев ближе к концу XIX века дал следующую характеристику правлению Николая I: «Малейшее влияние либерализма ему основательно претило! Неудивительно, впрочем, что эгалитарный либерализм у себя, внутри государства, представлялся ему все той же революцией, откуда бы она ни пришла: сверху или снизу, в какой бы она одежде ни явилась — во фраке французском или в аксаковском кафтане! Гораздо, по-моему, удивительнее то, что Николай Павлович постигал в то время, что эмансипационная политика и за пределами своего государства есть дело хотя бы и выгодное вначале, но, по существу, крайне опасное и могущее при малейшей неосторожности обратиться на собственную голову эмансипатора. Он постигал полвека тому назад то, чего и теперь

еще многим у нас никакими силами не втолкуешь, несмотря на всю грубую наглядность событий, несмотря на то, что вокруг нас все так и трещит по швам и в старой Европе, и в православных странах Востока! Император Николай... был призван задержать на время то всеобщее разложение, которое еще до сих пор никто не знает, чем и как надолго остановить». К. Леонтьев видел в нем не «жандарма», а «гения-охранителя». Если смотреть на события тех лет *post factum*, то так оно и было.

Однако эпоха николаевской стабильности и порядка подходила к концу. Как часто бывает, причиной витка социально-политической напряженности в стране стала очередная во-

Сражение у мыса Синоп

йна. Россия воевала непрерывно. Эта та данность, с которой спорить нет смысла. Будем и откровенны: без войн, больших или малых, у нас никогда бы не было великой империи. Очередным испытанием для России станет Крымская война, спровоцированная Великобританией. Давние соперники России, Великобритания и Франция стремились, как они утверждали, обуздать «русского медведя». В действительности, речь шла о том, кто обладает в Восточной Европе и на Балканах. Именно «балканский плод» привлекал внимание империалистов и вызвал войну с Россией. Конечно, от Европы можно ожидать чего угодно. И всё же... Мы сами дали серьезный повод для агрессии, нарушив соглашение и разгромив турецкий флот в его территориальных водах. Синоп — это земля Турции. Представим себе, если бы турки без объявления войны напали на Кронштадт. Начало кампании вроде обнадеживало. Победа русского флота над турецким при Синопе (1853) укрепила царя и бюрократию в мысли, что боги и впредь будут благоволить России. Русское общество встретило оную с восторгом, победителя турок адмирал Нахимова царь наградил орденом Св. Георгия II степени. Но по-

следствия этой победы вскоре отозвались негативным образом на международной арене. Можно сказать, это была пиррова победа.

Россия влезла в чужие владения. Кстати говоря, это понимал и Нахимов, заявив как-то в разговоре с Л. Ухтомским, что «...эта победа подвинет против нас войну, ибо англичане увидят, что мы им действительно опасны на море, и поверьте, они употребят все усилия, чтобы уничтожить Черноморский флот». Наполеон III отправил русскому императору послание, где говорил: «Синопское поражение было для нас оскорбительно, и неожиданно... Дело в том, что русские корабли напали в водах Турции на суда турецкие, спокойно стоявшие в турецком порту... истребили их, несмотря на обещание не вести войны наступательной, несмотря на близость наших эскадр». Оскорбление нанесено «не политике нашей, а нашей военной чести» (1854). Франция призвала резервистов. Понятно, что Англия, Франция, Турция хотели бы воспрепятствовать русскому плаванию по Черному морю, но и мы близоруко дали им удобный предлог для вмешательства. Памятуя о былой славе русских войск, Николай I писал Наполеону III: «На что бы Ваше Величество ни

Нахимов в бою

Наполеон III

решились, я не отступлю ни пред какою угрозою. Доверяю Богу и моему праву, и Россия, ручаюсь в том, явится в 1854 году такую же, как была в 1812-м». Однако время-то ушло далеко вперед, и ни Россия, ни мир уже не были в 1854 г. «такими же, как в 1812-м». Обычные и типичные для России картины поведения властей — шапкозакидательство, надежды «на авось», Господа Бога и т.д. Николай I все ещё жил представлениями о былом военном могуществе России начала XIX века. Но

Николай I

в мире происходила промышленная революция, где ведущие европейские державы шли в лидерах. Это, безусловно, отразилось на возможностях воюющих сторон. Решающее значение в Крымской войне, как вскоре выяснится, имело то, что против русской армии с ее устаревшей рекрутско-крепостной системой набора, никудышной организацией, худым военным снаряжением и бессильным тылом шли европейские войска, оснащенные нарезным оружием и паровым флотом. Итог этой схватки не трудно было и предугадать. Увы, но скудость мышления нашей бюрократии просто поразительна. Та не может просчитать ход событий и на два хода.

Напрасно умница А.М. Горчаков, ставший главой дипломатической миссии в Вене, пытался урезонить и образумить царя, предупреждая, что в Европе создается грозная коалиция против России, к которой готова присоединиться и Австрия. Посол даже решился посоветовать царю не спешить с освобождением славян. Он «самым секретным путем» узнал, что французский министр Друэн де Люис предложил создать наступательный и оборонительный союз между Францией, Англией, Австрией, Турцией. Вскоре выяснилось, чего от нас хотят европейцы. Если суммировать все их требования, то от России Европа требовала принятия выдвинутых ранее 4 пунктов: во-первых, пересмотра трактата 1841 г. о проливах; во-вторых, замены русского протектората над княжествами общеевропейской «гарантией»; в-третьих, свободного плавания всех судов Европы по Дунаю; в-четвертых, уничтожения права покровительства отдельных держав единоверцам и замены коллективной гарантией прав всех христианских вероисповеданий в Турции со стороны великих держав. Иначе говоря, нам предлагался договор «коллективной безопасности». Хотя и серьезные сомнения России в отношении такого рода договоров понятны.

Николаевская Россия пренебрегла мнением Европы... Но вскоре выяснится, что она совершенно не готова к войне с европейскими армиями. Понятно, почему И. Солоневича в «Белой империи» посещают невеселые мысли, когда он обращается к прошлому России и анализирует причины наших поражений:

А.М. Горчаков

«И снова в голову лезли невеселые мысли. Вот ведь — с начала прошлого века героическая русская армия систематически шла в бой недовооруженной. Отсталость русской промышленности? Ерунда! Какая промышленность была у Турции в войну 1877—1878 гг.? Почему даже Турция оказалась вооруженной лучше нас? Почему совсем уж свежий опыт с «кремневым солдатином» (выражение Скобелева) ничему не научил? Почему в очередную войну сплошь да рядом фигурировали те же кремневки? Не было у Империи денег, чтобы купить, допустим, в Америке двести тысяч современных ружей? Не нашлось у великой Империи шести-семи миллионов рублей, чтобы уж хоть с турками-то сравняться вооружением? Чепуха все это! Просто не нашлось мозгов, не нашлось совести, не нашлось уважения к жертвам и к крови русского народа: серая скотинка, черт с ней...». Это так, но дело и в ином. В войнах нового типа побеждает тот, кто лучше вооружен, а лучше вооружен тот, у кого более развитая, сильная, современная индустрия и, разумеется, более совершенные технологии.

Потерпела поражение и наша дипломатия. После победы в Синопском сражении (1853), когда русская эскадра под коман-

дованием адмирала П.С. Нахимова разбила турецкий флот, Россия очутилась перед коалицией союзников в лице Англии, Франции, Турции. Выяснилось, что нашей мощи недостаточно для того, чтобы противостоять группе европейских держав. Проявилась и странная пассивность ряда русских флотоводцев и командиров. В нашей армии и на флоте не только одни Ушаковы, Нахимовы и Корниловы, Суворовы да Кутузовы. М.А. Петров писал: «Русский флот был свободен для активных операций, и объект таких операций был налицо — союзный флот. Последний не раз дробил свои силы, занимался конвоированием транспортов и перевозкой войск, крейсировал... выполняя случайные задачи... Внимание русского командования было приковано к Севастополю в ожидании нападения союзников... В море никакой разведки не велось, вследствие чего о неприятеле ничего определенного известно не было и русское командование довольствовалось собственными предположениями...»

Чрезвычайно пассивно вели себя наши флотские командиры... 1 сентября 1854 г., когда соединенный англо-французский флот (89 военных кораблей и 267 транспортов) подошел к Евпатории. Оному дозволено было целых 6 дней беспрепятственно высаживать на берег 57 тыс. человек при 134 орудиях. Отметим, что вице-адмирал В.А. Корнилов предлагал 9 сентября выйти с русским флотом и атаковать противника, как это всегда делали русские. В случае же неудачи он был готов пойти на абсордаж и взорвать неприятельские корабли и свои. Однако трусоватый адмирал, князь А.С. Меншиков, командовавший армией, не поддержал плана флотоводца. Бой на реке Альме 8 сентября 1854 г. закончился поражением русских войск. Полагаем, что причиной поражения стало даже не численное превосходство противника (55 тыс. при 112 орудиях у англо-франко-турецких войск против 35 тыс. при 84 орудиях у русских), но более высокий уровень подготовки ее командиров, лучшая техническая оснащенность вражеской армии. Даже скупые строчки из отечественных военно-исторических монографий, посвященных периоду, оставляют впечатление чего-то недоговоренного и недо-

Н. Красовский. Бомбардировка Севастополя англо-французским флотом в 1854 г.

сказанного их авторами. Факты указывают на серьезные просчеты и недостатки в работе командования русскими войсками в Крыму. Историки выдвигают эти причины как главные и решающие факторы битвы за Крым: «Судьбу сражения решили массовое применение союзниками нарезного стрелкового оружия и новая тактика: действуя в рассыпном строю и укрываясь за виноградниками и кустарником, они почти безнаказанно расстреливали русскую пехоту, стоявшую открыто густыми колоннами, и даже прислугу орудий полевой артиллерии. Потеряв 5845 человек, русские оставили позицию». К тому времени по численности мы превосходили противника в Крыму, имея 90 тыс. войск против 70 тыс. войск неприятеля. Иначе говоря, корни поражения более чем очевидны: наша армия действовала по старинке, как 40 лет назад, во время битвы против Наполеона. Но ведь с тех пор минуло полвека. Тактика и стратегия, не говоря уже о прогрессе вооружений, шагнули далеко вперед. Полнейшей неудачей обернулось для нас и сражение под Инкерманом. В нем русские войска потеряли 12 тыс. человек убитыми и ранеными, а противник 4,5 тыс. человек. Конечно, оборона Севастополя явила и немало примеров мужества солдат, матросов и офицеров, но общий уровень командования оставлял желать лучшего.

В романе «Осажденный Севастополь» известного историка М.М. Филиппова (1899), получившему высокую оценку Л.Н. Толстого, говорится: «Может показаться невероятным, но это исторический факт, что в то время на Малаховом кургане, против которого неприятель вел теперь свои главные работы, у нас почти не было войска. Десятка три-четыре пластунов да матросы, составлявшие орудийную прислугу, — вот и все. Остальные войска, которым следовало быть здесь, находились на Корабельной слободке — так распорядился новый начальник левого фланга генерал Жа-

Адмирал В.А. Корнилов

Адмирал П.С. Нахимов

бокритский, один из тех бестолковых генералов, которыми, к сожалению, изобиловала наша армия. На Камчатке, самом передовом из наших укреплений, где ежеминутно можно было ждать штурма, находились всего триста пятьдесят человек Полтавского полка». В самом начале военных действий погибли великие российские флотоводцы, вице-адмирал В.А. Корнилов и адмирал П.С. Нахимов.

Вдобавок ко всему на стороне противника был перевес в качестве вооружений и в запасах снарядов (за время второй бомбардировки Севастополя 28 марта–9 апреля 1855 г. противник, имея 482 орудия против наших 466, выпустил по защитникам города вдвое больше снарядов — 168 тыс. снарядов против 88,7 тыс.). И еще... Во время решающего штурма Севастополя 24–27 августа 1855 г. защитники Севастополя потеряли 12 тыс. человек, а противник — более 10 тыс. человек. Любой мало-мальски сведущий в военном деле знает, что в наступлении обычно теряют в 3–4 раза больше людей, чем при обороне. Понятно, что дело с организацией обороны города было поставлено далеко не лучшим образом. В довершение ко всему наш флот, так и не дав решающего сражения флоту союзников, ведя локальные схватки, был затоплен на рейде Севастополя и фактически прекратил существование (затоплены были не только парусные корабли, но и все 10 пароходов). Мы и потом будем топить свои во-

енные корабли, словно расписываясь в бездарности, трусости и предательстве иных флотоводцев и горе-правителей.

И хотя И. Аксаков писал в те дни: «Корнилов, Истомин и наконец Нахимов погибли даром... В эти великие минуты как высоко явился простой народ русский», но тот же народ более всего и нес потери. За время обороны Севастополя русские потеряли 102 тыс. убитыми и ранеными, противник — 71 тыс. В боях за крепость Кинбурн в октябре 1855 г. англичане и французы впервые применили для обстрела наших укреплений три плавучие батареи, вооруженные 12–16–50-фунтовыми пушками, водоизмещением 1460 тонн, с машинами мощностью 120 л.с., скоростью 3–4 узла. Борта покрыты были железной броней. Огонь русских орудий не причинял им вреда — их ядра отлетали от стальных бортов. Противник расстрелял батареи с коротких дистанций. Бой закончился за несколько минут. Тревожный сигнал прозвучал как самое серьезное предупреждение для военной машины России.

Поражение России от Франции, Англии, Турции в войне 1853–1856 гг. показало полную обветшалость здания самодержавия в России. Мы оказались слабы как в политическом, так и в военном отношении. Картина ухода наших войск из Севастополя, «города русской славы», описана Л. Толстым: «Севастопольское войско, как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой темноте прочь от

Под Севастополем

Оборона Севастополя

места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, — от места, всего облитого его кровью; от места, одиннадцать месяцев отстаиваемого от вдвое сильнее врага, и которое теперь велено было оставить без боя. Непонятно, тяжело было для каждого русского...» Правда, солдаты успокаивали друг друга, говоря, что хотя и обидно, что Севастополь в руках вражьих, но врагу его все равно видать: «Гляди, наши опять отберут. Уж сколько б нашего брата ни пропало, а, как бог свят, велит император — и отберут! Разве наши так оставят ему? Как же!» Толстой не прав. Наши тупицы и бездари могут оставить что угодно, где угодно. Если, конечно, им дать волю!

Начальник Штаба Корпуса жандармов, генерал-лейтенант Л.В. Дубельт в дневнике 1855 г., наблюдая за тем, как из рук вон плохо осуществляется меры по обороне Севастополя, восклицал, что его сердце при виде этого буквально «обливается кровью». Войска ока-

зались ни к черту не готовы: «Что же это такое? И от больших, и от маленьких сил наши все отступают!.. На это говорю, что предвещал насчет участи Севастополя: разрушительные средства неприятеля так велики, дерзость с его стороны, а усыпление с нашей стороны так непостижимы, что должно ожидать чего-нибудь неожиданного». А война, навязанная нам Западом, — «война заранее обдуманная и война неумолимая, где должны пролиться потоки крови!». Однако Европа полностью оказалась на стороне захватчиков. Ходили слухи, что англичане и французы уже строят и планы на следующий год: войти в Балтийское море, чтобы уничтожить русский флот, и даже овладеть Кронштадтом и Петербургом. Министр Пруссии, барон Брокгаузен с неприкрытой наглостью сказал: «Мы все должны радоваться взятию Севастополя: это цивилизация торжествует над варварством». И далее: «Настало время загнать этих медве-

дей в их берлоги». В итоге и Бог не помог России... Дальнейшие события известны: англо-франко-турецкие войска высадились в Крыму и, несмотря на героическую оборону русских войск, взяли штурмом Севастополь. Россия выставила 888 000, Англия — 97 800, Франция — 309 400, Турция — 165 000. Потери сторон примерно равны (Россия — 110 000, противник — 106 000), но заметим: впервые в XIX в. мы потерпели жестокое поражение в войне на своей собственной земле... Результаты Парижского мира (18 марта 1856 г.) унизительны и позорны для России. Россия осталась без Черноморского флота, ей было запрещено и в дальнейшем иметь тут флот. [И разве нас ни настораживает тот факт, что спустя 150 лет снова европейцы и американцы хотят прогнать нас с нашей родной Русской земли, используя предателей и авантюристов, выгнать из принадлежащего России по праву, нам, а не Украине, — Севастополя и Крыма!] Пройдут годы, прежде чем русский флот смог возродиться. Уроки той войны важны. Всем стало ясно: мы серьезно отстаем не только в политических реформах, но и в вооружениях, в материально-техническом оснащении армии и флота, наконец, в организации и управлении.

А. Горчаков позже оценил тогдашнее положение России и последствия той войны (1868): «В результате войны Россия оказалась поставлена в нетерпимое положение... Россия нигде не смогла бы располагать достаточными силами, когда стремилась бы иметь их повсюду... Такое положение не оставляло надежд на благополучный исход в случае продолжения войны, но, напротив, было чревато опасными осложнениями: во-первых, потому, что финансы страны, пошатнувшиеся в результате огромных затрат, превышавших ее возможности, были бы окончательно и необратимо истощены... во-вторых, потому, что, помимо держав, объединившихся в то время против России, ее окружали государства, чей сомнительный нейтралитет мог в любой момент смениться открытой враждебностью, и что... она оказалась бы перед лицом коалиции, не имевшей примера в истории, и столкнулась бы с задачей, которая, несмотря на русский патриотизм, оказалась бы ей

не по силам; наконец, в-третьих, поскольку в связи с расширением коалиции, безусловно, выросли бы и ее аппетиты, и Россия, на окраинах которой, по всей протяженности ее границ, находились провинции, завоеванные меньше века тому назад и которые она еще не успела ни ассимилировать, ни привязать к центру прочными узами интересов и сношений..., столкнулась бы с возможной потерей территорий, что нарушило бы весь ход ее истории и на долгое время отбросило бы ее за пределы Европейского континента». Канцлер продемонстрировал глубокое понимание трудностей и проблем, с которыми предстояло столкнуться России. С этим сталкивается российская дипломатия вновь, фактически через 150 лет после написания этих строк.

Общественное мнение реагировало на поражение болезненно. В определенных кругах возникло ожидание революции, подобной французской. Главнокомандующий войсками в Санкт-Петербурге граф Ридигер сказал Дубельту, что до тех пор, пока «Россию держала ежовая рука», все слои общества, в том числе высшие, «были в страхе». Вторую же половину царствования царя Николая I «можно назвать терроризмом, и от того никто не осмеливался говорить ему правды, и от этого он делал много ошибок». Теперь, в эпоху демократии и либерализма, «все эти недоброжелатели в обществе перестали бояться и готовы на все преступное». И особое внимание, предупреждал граф, надо обратить на Москву. Тут «все готово к произведению революции!»

И хотя правление Николая I отмечено и успехами, но все же в российском обществе в отношении его царствования в целом возобладала крайне нелестная оценка, которую дал ему поэт Ф.И. Тютчев: «Для того чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался, все упустил». Однако заметим, что эти резкие слова сказаны в момент горьких разочарований от поражения России в Крымской войне и особенно болезненной для всякого русского потери Севастополя. Тогда же им и была написана эта злая эпитафия (1855).

Нахимов среди солдат (017)

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Несмотря на очевидные просчеты и не-
суразности его правления, подобный при-
говор в отношении Николая I кажется нам не
вполне справедливым. Эпоха Николая I была
очень противоречивой. С одной стороны не-

виданный рост литературных и художествен-
ных талантов, каковые не только составили
целую эпоху в истории России, но фактиче-
ски заложили основу всего нашего духовно-
культурного наследия. Ведь это при нем, так
сказать, при Николае Палкине не только «за
мысль осуждали, равно как и за убийство»
(И. Тургенев), но и мыслили, и творили. И еще
как! Это пора невиданного расцвета русской
литературы, искусства, гуманитарных наук,
книгоиздания и печати. При Александре I и

Николае I родилась великая русская литература. К этому времени относится появление журнала «Отечественные записки» и деятельность П.П. Свиньина, выпускника Московского благородного пансиона, учившегося в Академии художеств. Окончив службу в МИДе (побывал в Средиземноморье, Испании, Америке, Англии), он стал литератором и издателем с 1818 г. Журналист, литератор, художник, коллекционер, он стал обладателем обширной художественной коллекции — так называемого русского музеума. Следует сказать, что в обществе того времени зрела идея создания национального отечественного музея. И в 1829 г. вслед за Ф.П. Аделунгом и Б.Г. Вихманом П.П. Свиньин разработал проект (увы, неосуществленный) создания первого публичного отечественного музея в Петербурге. Свиньин в течение 12 лет издавал свой журнал «Отечественные записки», который может считаться первым историко-археологическим и краеведческим журналом России. Автор статьи И. Кулакова называет его «отечественным мечтателем». Правда, при всей любви к отечественным древностям историей он всерьез не занимался. Свысока оценивал Свиньин и деятельность «невежд» — библиофилов-старообрядцев, от которых предлагал «спасать книги», хотя услугами этих книжников-старообрядцев пользовался еще Н.И. Новиков, а такие авторитетные профессионалы-археографы, как И.М. Снегирев и И.П. Сахаров, справедливо видели в них знатоков и хранителей древних рукописей. И все же именно в это время в России стал формироваться тип независимого историка, тип ученого-профессионала. «В связи с трудом Н.М. Карамзина шла полемика по поводу права «цеховой» исторической критики. Второе и третье десятилетия XIX века дали не только всплеск интереса к отечественным древностям у массы дилетантов; к этому времени относится деятельность А.И. Мусина-Пушкина, а также кружка Румянцева и созвездия его помощников. В то самое время, когда издавались «Отечественные записки», осуществлялась научная публикация ценнейших исторических памятников с серьезными научными комментариями. В 1808—1810 годах по инициативе А.Н. Оленина на поиски

Поэт Ф.И. Тютчев

русских древностей выехала экспедиция К.М. Бороздина, а в 1817—1818 годах были проведены первые археографические экспедиции К.Ф. Калайловичем и П.М. Строевым».

Ну и наконец — едва ли не вся великая русская литература XIX века родилась и выросла в «колыбели реакции». У всех наших классиков, как говаривал С. Залыгин, могла быть одна мать... Пушкин родился в 1799-м, Тютчев — в 1803-м, Гоголь — в 1809-м, Белинский — в 1811-м, Герцен и Гончаров — в 1812-м, Лермонтов — в 1814-м, Тургенев — в 1818-м, Достоевский — в 1821-м, Салтыков-Щедрин — в 1826-м, Лев Толстой — в 1828 г. Как это могло быть? Почему именно в это

*Основатель «Отечественных записок»
П.П. Свиньин*

Историк Н.М. Карамзин

время? Помнится, А.И. Герцен что-то говорил о грибной поре литературы. Но люди — не грибы, они — духовные чада народа! Значит, эти наши победы, победы на ниве культуры имели некоторые существеннейшие основания. Значит, в сердце русского человека были и вера, и спокойствие, и некий духовный комфорт. Потому эпоха и выдала небывалый урожай гениев. Но прежде чем появились великие писатели, явились вдумчивые читатели. А возьмите историческую науку. В те годы завершалась жизнь и деятельность великого русского историка Н.М. Карамзина! Сегодня мы возвращаем себе имя этого великого патриота России. Хотя к нему предъявляли очень «большие претензии», так странно это слышать, так называемые либералы и демократы. В очерке Е. Соловьева о Н.М. Карамзине содержатся упреки, что, дескать, Карамзин «не ставит себе ни одного» из великих вопросов времени, «не отвечает ни на один из них», что «истории мысли у Карамзина совершенно нет», а содержание громких фраз «ничтожно». В качестве примера критик приводит слова историка: «Отселе История наша приемлет достоинство истинно Государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния Царства, приобретающего независимость и величие... образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической».

Боже правый! Что же тут ничтожного! Разве воспеть деяния славных сынов России не есть важнейшее назначение историка?! Хотя истинный сын отечества при этом не преминет указать любимой родине и на ее пороки! Дабы изжить и искоренить оные... Когда в 1836 г. царь Николай I посетил Симбирск, он приказал воздвигнуть великому историку памятник, определил для него место и даже выделил на эти цели 550 пудов меди. Утром 23 августа 1845 г. в кафедральном соборе в Симбирске в парадной одежде собрались все начальство, дворянство, купечество, воспитанники гимназии и духовной семинарии, толпы простых обывателей. На открытии памятника присутствовали и сыновья Н.М. Карамзина. После заупокойной литургии все пошли на новую площадь, где и был торжественно открыт монумент. Взору собравшихся предстали бюст историка и выполненная золотыми буквами надпись: «Н.М. Карамзину, историку Российского государства, повелением императора Николая I 1844 года». «Муза венчает славу, а слава — музу». Назначение историка состоит в том, чтобы увидеть истину во всей ее совокупности, увидеть, где другие видят лишь разрозненные факты. История — и наука, и искусство, и литература одновременно. Нас радует тот интерес, что проявляется к ней в нашей стране. Читают историю — это значит, что и Россия оживает! Другой вопрос: дождется ли госпожа История от нынешних «императоров» хотя бы медного гроша? Кто знает!

На арене России тогда же объявились и иные замечательные историки, Н.И. Костомаров (1817), В.О. Ключевский (1841). Правда, Ключевский, как уже сказано, критиковал Н.М. Карамзина: «Оптимизм, космополитизм, европеизм, абсолютизм, республиканизм — оставлены. Остался сентиментальным моралистом XVIII в. и приверженцем просвещения, как лучшего пути к доброй нравственности, которая — основание государственного развития и благоустройства». При этом он обвинил Карамзина в том, что тот превратился из либералиста в консерватора-патриота. Но опять-таки позвольте: кто же из умных людей не совершал подобной эволюции! А разве можно забыть строки Некрасова, в которых

Н.М. Карамзин читает историю Александру I

тот, говоря о тогдашней «роковой» и даже «реакционной» эпохе, писал в стихотворении «Медвежья охота»:

Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский,
Гоголь жил,
Еще найдется славных двое-трое —
У них тогда училось все живое...

Впрочем, если даже не упоминать литературы и истории, не все так мрачно было и в сфере управления. При Николае издано более 100 указов, ограничивших власть помещиков над крестьянами, проведена реформа государственных деревень, созданы органы самоуправления, городская Дума и т.д. и т.п. Наконец, уменьшено малоземелье государственных крестьян. И это вовсе не мелочи, отнюдь не «призраки пустые». А потому и не стоит награждать самодержавную Россию, ее императора позорным клеймом реакционера. Как бы там ни было, а Российская империя вместе с Николаем I прожила все же относительно благополучно эпоху 30-летней стабильности. П. Струве, будучи уже в зарубежье, высоко оценил русскую монархию XVIII — XIX веков. «Нельзя из духовной истории России вычеркнуть, что вольнодумный и радикальный в юности Пушкин стал в зрелом

Карамзин на смертном одре с музой «Клио»

возрасте убежденным охранителем и царистом <...> что, социалист в юности, Достоевский именно тогда, когда он окреп духовно, стал страстным и упорным приверженцем исторической русской государственности, т.е. тоже «царистом». Было бы глупо и пошло отмахиваться от этих реальных и многозначительных перемен в умонастроении величайших русских гениев, как от каких-то не то причуд, не то ренегатства». Известный русский публицист конца XIX-начала XX вв. М.О. Меньшиков скажет о николаевском времени: «Мужественный Николай I упорно отстаивал державное обаяние России и вне, и внутри нее и умер непобежденный. Но уже в его эпоху начались либеральные, то есть разрушительные, брожения, навеянные с Запада, и в течение нескольких десятилетий они серьезно подорвали дух общественный». Николай I для своего времени был неизбежен.

Однако и в царствование Николая I имелись серьезные проблемы. И они все накапливались... В частности, что, если говорить в целом о государстве и России, то царь, можно сказать, что как раз и умер побежденный. Побежден был не лично Николай I, а самодержавный строй со всей его механикой и начинкой. Часы империи проржавели... Подавление инакомыслия, запрет на всякого рода собрания и митинги, на визиты за границу, подавление свобод превращали Россию поистине в какое-то мертвое цар-

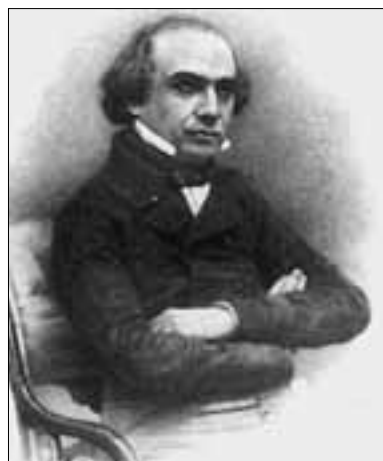

Монферран. Памятник Николаю I

ство... Приведу один пример. Только за июнь 1848 г. в цензурный комитет от царя поступило 6 постановлений, которые должно было бы обращать не только против вредных книг и статей, но даже против отдельных фраз или «подозрительных выражений». Запуганные цензоры рекомендовали пишущей братии не употреблять слово «величие» в связи с природой или с чем-то еще, ибо оно произносить ныне следовало почтительно и лишь в контексте слов «Ваше величество». Урезается и без того крайне куцое образование. Отныне в каждом университете студентов должно быть не более 300, не считая студентов-медиков. В итоге в 1853 г. в России с ее 50 миллионами населения насчитывалось всего 2900 студентов (примерно столько студентов имел один лишь Лейпцигский университет). «Положение наше становится нетерпимее день ото дня, — писал историк Т.Н. Грановский в 1850 г. — Всякое движение на Западе отзывается у нас стеснительной мерой. Доносы идут тысячами... Университеты предполагалось закрыть, теперь ограничили следующими, уже приведенными в исполнение мерами: возвысили плату со студентов и ограничили число их законом...» В царствование Николая I ничто новое и современное не могло двинуться с места. «Каралось не инакомыслие, каралось

само помышление о действии, не зависимом от государя. Инакомыслия как такового не было».

Очевиднее и нестерпимее становился гнет бюрократов. Николай I довел бюрократизацию страны до таких размеров и такой силы, что сам же и жаловался: «Россией управляю не я. Россией управляют столоничальники». С 15—18 тысяч в конце XVIII века к 1851 году число чиновников в России выросло до 74 тысяч человек; за следующие 50 лет, к 1903 году, их стало 385 тысяч, т.е. рост за XIX век в 22,6 раза. К концу его царствования власть в России воплощала интересы дворян, доля которых составляла 1,5 % населения страны! Для всех, включая иных сановников, слабость нашего государственного устройства была очевидна. Хотя монархическая форма правления в России имела на тот период ничуть не меньше прав на существование, нежели республика. Современные историки Запада, в том числе профессор Х. Рэгсдейл (США), специалист по имперской политике России, высоко оценивают роль абсолютизма в России: «Монархия в лице таких ее деятелей, как Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II, являлись единственным прогрессивным институтом в русском обществе». Такое признание редко встретишь в российской и тем более в западной литературе. Россия в те годы закрепила за собой статус великой империи, что давало важный стимул.

Т.Н. Грановский, историк

Не прекращалась и образовательно-просветительная деятельность профессуры... Выражая чувство своего поколения, даже такие поэты, как Некрасов, признаются в своей любви к Грановскому («тебя мы горячо любим»). Да, такие люди, как Т.Н. Грановский, по словам Герцена, думали историей, учились у истории и с помощью оной впоследствии делали пропаганду. Они умели, говоря о страданиях и борьбе античных рабов, колонов, средневековых сервов, виланов, заставить слушателей и читателей увидеть в них трагические судьбы и параллели из современного им мира и общества. Все это способствовало тому, чтобы новые поколения ринулись «в отчаянную борьбу страстным умом». И.С. Тургенев пишет «Два слова о Грановском», где говорит: «В природах гармонических, какова была его, самые недостатки необходимы; будь личность Грановского более своеобразна, более резко выражена — молодые его ученики не так бы доверчиво к нему обращались. Грановский был доступен во всякое время, не отталкивал никогда никого. Проникнутый весь наукой, посвятив себя всего делу просвещения и образования, он считал самого себя как бы общественным достоянием, как бы принадлежностью всякого, кто хотел образоваться и просветиться...» Эти люди служили России

Поэт В.А. Жуковский

не за страх, а за совесть. В царствование Николая дали новые ростки русская живопись, музыка, создан гимн «Боже, царя храни». Россия надеялась на лучшее, ибо, если «прошлое не в нашей власти», «будущее принадлежит нам» (Чаадаев). Однако за это будущее предстояло сражаться.

Уместно привести и мнение историка А. Боханова, который в недавней книге о Николае I писал: «Нравственно-духовный облик Николая Павловича в общественном представлении все еще слишком неясен, психологический склад личности все еще чрезвычайно замутнен плоскими и злонамеренными схемами и подтасовками. Начало этому «промыслу» в середине XIX века положил личный ненавистник царя «русский барин из Лондона» А.И. Герцен (1812—1870). Минуло полтора десятилетия, а фабрикация инсинуаций до сих пор еще в ходу. Все же, кто лишен предубеждений, кто смотрел на исторические явления собственными глазами, уже давно признавали в Николае Павловиче высокие нравственные и несомненные государственные достоинства». При этом он сослался на мнения философа Вл. Соловьева (1853—1900) и митрополита Киевского и Галицкого Платона (1803—1891). Первый называл царя носителем «высшей правды и христианского идеала», второй поставил царствование его выше царствования Петра Великого. Конечно, вряд ли такое мнение разделяли все, кто жил в ту эпоху. Многие сказали бы в духе одной из посвя-

Молитвы Русских негодях.

*Боже, Царя храни!
Сильнее, дерзавший,
Царствовать ты славу намъ;
Царствовать не страхи врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя храни!*

Дидовский

**Автор слов и музыки царского гимна:
композитор А.Ф. Львов**

щенных бюсту Николая I эпиграмм: Оригинал похож на бюст — Он так же холоден и пуст.

Однако, согласитесь, этого еще явно недостаточно для полномасштабной, взвешенной оценки 30-летнего царствования, каковым и было правление Николая I. Историк С.Ф. Платонов, подводя итог этому периоду истории, считал, что первое время царствования Николая I «было временем бодрой работы, поступательный характер которой по сравнению с концом предшествующего царствования очевиден». Но, как ни странно, эта деятельность не привлекла к себе ни участия, ни сочувствия лучших интеллигентных сил тогдашнего общества и не создала императору той популярности, которой пользовался в свои лучшие годы его предшественник, Александр I. Это непонимание вызвано целым рядом причин, от кары декабристов до неприемлемости вообще строгих порядков. «Поэтому, как бы хорошо ни зарекомендовала себя новая власть, как бы ни была она далека от уничтоженной ею «аракчеевщины», она все-таки оставалась для людей данного направления карающей силой». Под «данным направлением» историк имеет в виду столь распространенное у нас в России племя критиканов и болтунов. Сами они ничего делать не могут и не будут — в силу органически присущей им тупости, лени, бездарности. Но вот кричать на каждом шагу, что все не так и не этак, — они горазды, как никто иной. С другой стороны, правда и то, что

Александр II и наследство империи

бюрократическая машина при Николае I все больше демонстрировала неэффективность и уродливость. К концу царствования «система бюрократизма, отчуждавшая власть от общества, привела к господству именно канцелярского формализма, совершенно лишённого той бодрости и готовности к реформам, какую мы видели в начале этого царствования». Иные при этом восклицали: «Нас тяготит законов бремя, / Не то — придет златое время».

Члены «3-го тайного общества мстителей» мечтали о приходе «златого времени», когда настанет «быль республицизма» и из блюстителей закона можно будет в отместку за их грехи «от злой Сибири до Москвы», образно говоря, «настелить мостовые» из их тел. Мы с вами еще увидим, чем в дальнейшем завершится дикая мечта. Одно, в чем никак нельзя упрекнуть императора, так это в том, что Россия была пущена им, как челн на волю волн — без руля и ветрил. Нет, Россию он любил — и это главное! Мы еще не раз с благодарностью вспомним эту николаевскую империю, подарившую нам таких гениев. Иные до сих пор еще не осознали всего значения этого дара. Наступила эпоха правления Александра II.

Глава 4. Российская интеллигенция и вольнодумство. Спор Чаадаева с Пушкиным и Тютчевым

Что там ни говорили бы, а восстание, казнь, ссылка декабристов образумили многих. Дворянство и интеллигенция как-то притихли, присмирели... Многие увидели очевидные плюсы в том, что самодержец железной рукой сдерживает напор стихии. Ф. Тютчев осудил восстание декабристов, коих назвал «жертвой мысли безрассудной». Он будет оправдывать тех, кто поносил их имена, и будет грозить им, дерзнувшем разбудить пламя темной народной ненависти, вечным проклятием и забвением потомства. «На вершинах русского творчества это единственное осуждение декабрьских мучеников, а на светлой ризе тютчевской музыки — единственное темное пятно» (Л.П. Гроссман). По заключению Тютчева, «в теперешнем состоянии мира лишь русская мысль достаточно удалена от революционной среды, чтобы здраво оценить происходящее в ней». И тем не менее иные видели в России «судилище, приказ Европы» (А.С. Пушкин)

Прозрение посетило и вольнодумцев... Многим стало ясно, что осуществлять преобразования в России надо мирным путем, обратившись к работе мысли, науке, философии и публицистике. Как писал один из умнейших людей того времени, И. Липранди: «С идеями надо бороться идеями же». Правда, в России это почему-то не всегда удается. Может быть от того, что власти не хватает мозгов?! В итоге, многие умные люди были вынуждены уйти в эмиграцию. Людям, вроде А.И. Герцена, Н.И. Тургенева, А.И. Тургенева оставался один выбор — стать «умственными космополитами». Все они были очень разными, хотя и сложными и яркими натурами. П.А. Вяземский с симпатией рисует образ русских интеллигентов, что трудились в «круге добра». По политическим воззрениям я бы отнес их, скорее, к гуманистам, ибо слово «либерал» за 150 лет было испоганено в русской истории едва ли не окончательно и бесповоротно. П.А. Вяземский пишет: «Тургенев, как и многие, принад-

лежал к либералам, желающим улучшений в гражданском быту, а не к либералам, желающим ниспровержения и революции во что бы то ни стало». При этом он отмечает, что в России народился иной тип либерализма, «цеховой», «наглый и исключительно самовластный». «Есть цеховые и положительные либералы, которые положительную посредственность свою (чтобы не сказать: положительную ничтожность) расцвечивают либеральными узорами и виньетками, заимствованными из дешевых иностранных изданий. Чтобы подкрепить и усилить себя, они охотно вербуют задним числом в артель свою лиц, либерализм которых есть явное опровержение их ремесленного либерализма. Эти господа на числа неверных, на лживых данных берутся разрешать общественные задачи. Они выводят категории, раздувают системы, в которых нет ни достоверности, ни правдоподобия. Стоит только дотронуться до них булавкой исторической и практической критики, и все эти неловко и насильственно надутые пузыри тут же прокалываются, свертываются и скомкиваются». Эти слова поэта и критика приходят на ум особенно сегодня, при анализе действий «наглой и самовластной» либерально-демократической шушеры, что лопнула как «надутый пузырь», оставляя после себя смрад и зловоние. Порой создается впечатление, что талант и либерализм несовместимы, как гений и злодейство...

Дискуссия либералов

С другой стороны, яркому и сильному уму трудно работать и в условиях реакции и абсолютизма. В такие времена незавидна в России судьба талантливой личности. В статье, посвященной памяти своего умершего брата, Н.И. Тургенева, известный русский писатель И.С. Тургенев показал, что власти у нас ничего не стоит закрыть дорогу такому человеку к творчеству, карьере, так или иначе, обойтись несправедливо. Он писал: «Известны также причины, превратившие человека, которому, казалось, все сулило блестящую карьеру, которого ожидал министерский портфель, о котором сам император Александр не однажды выражался, что он один может заменить ему Сперанского, — превратившие... этого человека в государственного преступника, осужденного на смертную казнь». Писатель прямо не мог называть причин, но они были известны: преследование свободомыслия,

крепостничество, глупость власти, чиновничий произвол и т.п.

После упомянутых трагических событий 1825 г. дальновидные умы предпочли экстремистским действиям творческую деятельность. Это был правильный выбор. Еще в 1823 г. в Москве создано «Общество любителей» (В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, С.П. Шевырев, М.П. Погодин, А.И. Кошелев и др.). Все они — молодые люди (Одоевскому — 20, Веневитинову — 18, Киреевскому — 17 лет), интеллектуально расположенные, скорее, к научной и литературной деятельности. В будущем многие из них станут издателями, писателями и профессорами. «Общество» после восстания декабристов прекратило всякую политическую деятельность. Сделано это было скорее из-за предосторожности, нежели по убеждению членов. Молодые люди задумали

В.Ф. Одоевский**И.В. Киреевский****М.П. Погодин**

пересмотреть многие тогда распространенные истины, они верили в возможность создания абсолютной теории, которая объяснит все явления природы. Ничуть не менее важно было объяснить явления действительности, и главное: наметить дальнейшие пути развития России. По сути дела, перед мыслителями того времени, как и перед нами двести лет спустя, стояли и стоят примерно схожие задачи — дать обществу и правительству четкие рекомендации о путях развития страны, предложить механизмы и условия роста.

В России первой трети XIX в. сформировались два культурных течения, «западники» и «славянофилы», и два направления в политике: «революционеры», желавшие ниспровергнуть царизм и поскорее привести в российское общество прелести демократии и свободы (как они это понимали), и «консерваторы», желавшие до конца держаться начал народности, православия, монархии. Одни желали «подморозить» политическую почву России, другие же, напротив, — сменить ее верхний слой. Правда, иные пытались найти золотую середину, каким-то образом примирить оба направления. В их числе был и славянофил И.В. Киреевский. В молодости он пережил трагедию, связанную с восстанием 14 декабря 1825 года. Многие тогда были в ожидании торжества заговорщиков в Южной армии. Иные были готовы даже лично «примкнуть к мятежникам в их предполагаемом победоносном шествии через Москву на Петербург». Когда прокатилась волна арестов, все, по крайней мере в душе, остались на стороне мятежников, иные «даже почти желали быть

взятыми». Казнь и аресты напугали большинство. Но репрессии заставили многих сменить революционный образ мыслей на эволюционный.

Вот и И.В. Киреевский предпочел мечу литературную деятельность на ниве просвещения народа. Он писал другу: «Не думай, однако, чтобы я забыл, что я Русский, и не считал себя обязанным действовать для блага своего отечества. Нет! Все силы мои посвящены ему. Но мне кажется, что вне службы — я могу быть ему полезнее, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литератором, а содействовать к просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать?» Создавая свой журнал, Киреевский желал несколько уменьшить или погасить отрицательные воздействия, как он говорил, «разрушительного направления умов», хотел примирить враждующие начала. В основе его политэкономических взглядов на развитие русского общества лежал некий синтез идей православия и общинного уклада. Учитывая, что русский ум и быт сложились и воспитались под руководством учений святых отцов Православной церкви, земля наша даже во времена разделения на мелкие княжества сознавала себя как одно живое тело, находя притягательное средоточие как в единстве языка, так и «в единстве убеждений, происходящих из единства верования в церковные постановления». В древнем русском обществе «не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин,

Дворцовая набережная и Зимний дворец

по всему лицу земли Русской расселенных, и имеющих каждая на известных правах своего распорядителя, и составляющих каждая свое особое согласие, или свой маленький мир: эти маленькие миры, или согласия, сливаются в другие, большие согласия, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже складывается одно общее огромное согласие всей Русской земли, имеющей над собой великого князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания, опираются все связи его верховного устройства». Поэтому и «закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумагу уже после того, как он сам собою образовывался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, взошел в народные нравы и народный быт». Далее Киреевский обращает внимание на различия в понимании права поземельной собственности в Европе и в России. В Европе гражданские законы суть не что иное, как развитие безусловности поземельного права, в итоге сама «личность в юридической основе своей есть только выражение этого права собственности». У нас наоборот, «в устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности — только ее случайное отношение»; «отношения помещика к государству зависят не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений». «Общество (же) сложилось не из частных собствен-

ностей, к которым приписывались лица, но из лиц, к которым приписывалась собственность». Чтобы брать в пример — Россию, Европу?

Но тут же неизбежно вставал «сакраментальный» вопрос: где искать истину — в самой России, среди братьев-славян или у европейцев? Это и явилось причиной возникновения в обществе противоборствующих направлений — западников и славянофилов. Важнейшими представителями первого стали — В.П. Боткин, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, Н.В. Станкевич, А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, Н.П. Огарев, П.В. Анненков. Их ряды пополнили демократы — Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев. Представители второго направления, славянофильства: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, П.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский, И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин. Первые старались найти ответы на вопросы — в Европе, на Западе, вторые — в России и у славян. В.Ф. Одоевский впервые в «Русских ночах» пропел «вещую песнь» о гибели Запада и неминуемом триумфе России, если на историческую арену вступит русский народ с его великой культурой. В противовес ему и славянофилам западники («европеисты») считали, что нам надо во всем учиться у Запада, а затем идти по его пути. Понятно, что при такой разнице в ориентировках действия их порой походили на действия персонажей басни Крылова «Лебедь, рак и щука».

Жаркие споры между «славянофилами» и «западниками» носили во многом искусственный характер. Расходясь в частности, хотя и весьма существенных, в главном сходились. Например, показательно, что когда Н. Чернышевский прочел статью И. Киреевского «О характере просвещения Европы в отношении к просвещению России», он заметил, что в ней «очень много есть мыслей верных и прекрасных» и есть такие «частные вопросы, о которых славянофилы думают... справедливее, нежели многие из так называемых западников». Чернышевский, Герцен, Белинский высоко оценили их роль в просвещении русского народа. Чернышевский считал даже, что многие из идей славянофильства «положительно одинаковы с идеями, до ко-

торых достигла наука или к которым привел лучших людей исторический опыт Западной Европы». Это указывает, что магистральный путь развития, характерный для Европы, при всех различиях не мог миновать и Россию. И.В. Киреевский писал: «Но у нас искать национального — значит искать необразованного; развивать его на счет европейских нововведений — значит изгонять просвещение, ибо, не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы её, если не из Европы? Разве самая образованность европейская не была последствием просвещения древнего мира? Разве не представляет она теперь просвещения общечеловеческого? Разве не в таком же отношении находится она к России, в каком просвещение классическое находилось в Европе?» Да, бесспорно, некие общие законы развития есть. Их не может не быть. Даже консерватор Н. Карамзин, по меткому замечанию А. Григорьева, не нашел другого пути как подложить «требования западного идеала под данные нашей истории». Однако многим идеи Киреевского не понравились. Историк Погодин заметил, что в ней «Киреевский мерит Россию на какой-то европейский аршин, я говорю в смысле историческом, а это — ошибка». И далее приводит верную мысль: «Европа себе, мы себе».

И тут в обществе грянул философский гром. В России всегда остро реагируют на духовный протест. В 1836 г. в журнале «Телескоп» появляются «Философические письма» Чаадаева. Петр Чаадаев — участник Отечественной войны, друг Пушкина, знакомый Шеллинга. Несколько лет прожил в Европе. Публикация его писем произвела на русское общество небывалое впечатление, которое можно было сравнить разве что с извержением вулкана, землетрясением. То, что речь шла действительно о вольнодумстве самого крайнего и опасного толка, даже сегодня не вызывает сомнений, стоит читателю ознакомиться хотя бы с первым философским письмом. Прочитируем отрывок из письма Чаадаева, где он низводит Россию, ее народ «до положения риз», представляя нас, как самых ничтожных и бессмысленных членов рода человеческого. «Мы, — говорил он, —

Петр Чаадаев

не принадлежим ни к одному из великих семейств человечества — ни к Западу, ни к Востоку». И далее Чаадаев произносит свой приговор России: «Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь. Странное дело: даже в мире науки, обнимающем все, наша история ни к чему не примыкает, ничего не уясняет, ничего не доказывает. Если бы дикие орды, возмущившие мир, не прошли по стране, в которой мы живем, прежде чем устремиться на Запад, нам едва ли была бы отведена страница во всемирной истории. Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы». Резким контрастом на этом фоне выглядит у него Европа, которую освещали яркие лучи разума, которая, все время пере-

страиваясь заново, совершала «мировую работу», пока мы лениво прозябали, забившись в свои жалкие лачуги.

У нас что ни демократ — то Чацкий, что ни писака — то Чаадаев... С какой бы стороны ни подходить к его письму, как бы ни оценивать позицию Чаадаева, трудно удержаться от недоумения. В его оценках Россия предстает как страна безнадежная и совершенно бесполезная. Все в ней слепо наспех, вкривь и вкось, как колымага кочевника, все дико и темно, или, как он выразился, «словно общий закон человечества отменен по отношению к нам». По словам его биографа М.И. Жихарева, никогда, «с тех пор как в России стали писать и читать», и даже «с тех пор, как завелась в ней книжная и грамотная деятельность», никакое литературное или ученое событие ни после, ни прежде этого (не исключая даже и смерти Пушкина) «не производило такого огромного влияния и такого обширного действия, не разносилось с такой скоростью и с таким шумом». В Москве и Петербурге только что и речей, что о чаадаевской статье. Принято думать, что первыми обрушились на вольнодумца (или безумца) власти и царь. Нисколько. Самый широкий круг читателей был вне себя от гнева. В.Ф. Одоевский писал С.П. Шевыреву о реакции петербуржцев: «Здесь такой трезвон по гостиним, что ужас». В цензуре и литературе вокруг статьи поднялась «ужасная суматоха». С. Уваров запретил печатные отклики на публикацию первого философического письма. Показательно, что даже студенты Московского университета явились к попечителю, председателю Московского цензурного комитета графу С.Г. Строганову, заявив, что тотчас готовы с оружием в руках вступить за честь оскорбленной России. Таков был общенародный отклик на статью. И понять людей можно. Письмо явилось на свет в годы, когда «просветленная, разумная» Европа только-только освободилась от диктатуры Наполеона усилиями, как выразился Чаадаев, этой самой «темной России». Содержание писем показалось столь дерзким, что журнал закрыли, редактора выслали из Москвы, а Чаадаева царь Николай Первый объявил «сумасшедшим». Его посадили под домашний арест, и к нему, как к душевно-

больному, приставили врача. И поделом... Наш диссидент еще легко отделался. Через 1,5 года эти меры в отношении мыслителя были отменены, но при соблюдении условия, что Чаадаев непременно прекратит «вольнодумство».

Конечно, в оценках Европы у Чаадаева много верных и точных наблюдений. Все они сводятся к оценке европейского вклада в прогресс цивилизации. Он пишет о наличии в европейских странах того, что называет «необходимыми рамками жизни», подчеркивая, что речь идет даже не столько о нравственных принципах или философских положениях, но «просто о благоустроенной жизни», о привычках, «навыках сознания», «бытовых образцах», которые «придают уют уму и душе непринужденность, размеренное движение». Большое значение имеют образцы жизни, ибо они и составляют элементы европейского общества. Их наличие делает прочным государственное устройство страны, формируя устойчивость мышления и благонамеренность поведения граждан. Все это, вместе взятое, и образует «составные элементы социального мира тех стран». Чаадаев перечисляет мысли, ставшие для европейца элементарными и составляющие атмосферу Запада: «Это мысли о долге, справедливости, праве, порядке». Подобные мысли, равно как необходимые рамки жизни, выработались у европейцев далеко не сразу. Они есть продукт длительного исторического процесса, в ходе которого внедрялись в быт и сознание граждан европейского общества. Анализ взглядов П.Я. Чаадаева был бы слишком сложной задачей, требующей более обстоятельного разговора. Обычно глубоких мыслителей у нас не читают, если читают, то не часто понимают, если же и понимают, то не так или же совершенно неверно. Все это не может быть применимо к труду Чаадаева, ибо это был эксцентричный и болезненный ум, одушевленный манией величия и гордыней... В письмах одни услышали «набат Марсельезы», другие — «апологию сумасшедшего», третьи — «вопли самоеда» и т.д. Свое значение он видел в ниспровержении высших ценностей цивилизации. Так, он полагал, что любовь к родине «разделяет народы, питает национальную ненависть». Тут если и есть

В.Л. Боровиковский.
Портрет неизвестной с ребенком

известная доля истины, то, бесспорно, самая малая ее часть и, конечно, далеко не главная. Любовь к родине — то, что, собственно, и создает человека, возвышает его над стадом животных, у которых нет иных «ценностей», кроме еды, питья, денег, машин, удобного ватерклозета, где можно полистать «свободную прессу». Поэт Гавриил Державин писал: «Мила нам весть о нашей стороне: / Отечества и дым нам сладок и приятен». «Тот, кто не принадлежит к своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству» (В. Белинский).

Что в основе его позиций? Чаадаев — противник тогдашней российской действительности в ее варварско-грубом охранительном облике. По словам Плеханова, он был едва ли не самым ярким выразителем «той страшной боли, которую вызывала... наша печальная действительность и наша мрачная история». В нем видят «убежденного западника и прогрессиста». Правильнее назвать его безудержным нигилистом и скептиком, коих полно на Руси. Иные современники так и скажут о нем — «родоначальник нашего исторического скептицизма» (Пыпин). Заметим, что у нас любят фрондеров, шутов, людей эпатажа и такого же образа мыслей и действий. Хлебом не корми, дай возможность позубоскалить над властью, над всем, ниспровергнуть тех и то, кому или чему вчера еще поклонялись. Сугубо холопская черта. Вчера иной «холоп» (из числа властителей дум или тех же чиновников) готов был и выстелиться и пасть ниц перед правителем-самодержцем или же перед религией и идеей. А завтра он — среди первых критиков, первый

пойдет сносить памятники, или с превеликим удовольствием еще и голову царю оторвет... В отношении выступления декабристов тот же Чаадаев в первом «Философическом письме» высказывался прямо и недвусмысленно — «величайшее несчастье, отодвинувшее нас вспять на полвека». Казалось, Чаадаев должен превозносить революции как инструмент, ниспровергающий прежний строй. Но когда в Европе разразилась народная революция 1831 г., он воспринял это событие, как «всеобщее горе, обрушившееся столь внезапно на мою Европу». Таково вообще его отношение к революции. О революции 1830 г. писал, что она вышла «из парижской грязи», что это «вулканический взрыв всех подонков Франции». Вместе с тем, Чаадаев в силу двойственности его натуры (одной ногой он в лагере мятежников, другой — в стане их царских оппонентов) желал как-то оправдать и самодержавие, говоря: «Мы взваливаем на правительство все неправды. Правительство делает свое дело, вот и все; сделаем свое дело, исправимся. Странное заблуждение — считать безграничную свободу необходимым условием развития умов. Посмотрите на Восток! Не классическая ли это страна деспотизма? А между тем, им мы обязаны доброю частью наших познаний». Двойственность — наиважнейшая часть его позиций.

Как истинное дитя прогресса, он с отвращением взирал на крепостное право, осуждал порабощение Церкви и России светской, чиновной властью, высмеивал все и вся. Однако делал это с одновременным выражением чувств и глубокой любви к монарху. Чиновники в России, ясное дело, ужасны и подлы, но царь и первые лица правительства изумительно как хороши... В письме Николаю I он писал (1833): «Но прежде всего я глубоко убежден, что для нас невозможен никакой прогресс, иначе как при условии полного подчинения чувства всех верноподданных чувствам государя». Главному стражу самодержавия А. Бенкендорфу он заявлял:

«...Вы, облеченные доверием самодержца, представляете в глазах моих власть Его. Всякому Вашему решению смиренно повиноваться буду». Эта двойственность его позиций вела и к двуличию натуры. Неопреде-

А. Бенкендорф

ленность идейных убеждений, что зачастую означает вообще их отсутствие, составляет наследственную болезнь русского либерализма вообще. Либералы хотят прогресса, но чтобы сразу, без мук, страданий, крови. Они боятся истории и редко заглядывают за кулисы. Трусость выкована веками раболепного служения власти. Будучи рабами по натуре, они обвиняют в этом грехе народ. Гражданское общество мыслится ими как приводной ремень к правительственной власти. А.И. Герцен сказал: «В гражданском обществе (*dans le fait social*) прогрессивное начало есть правительство, а не народ». Но для них, собственно, даже и народ является лишним человеком. Поэтому этих безответственных болтунов, циников, глупцов ни слушать не стоит, ни допускать к власти как вершителей дум и дел России не следует. Мысли Чаадаева этими людьми и восприняты с особым восторгом.

Конечно, в его «Апологии сумасшедшего» есть нечто здоровое и толковое. Иначе та не была бы столь внимательно встречена русским обществом. Будучи умным человеком, Чаадаев не мог не понимать, что для России нет будущего без преодоления ее негативного прошлого. Умом он сознавал, что для крепостной России, может статься, не окажется места под солнцем, хотя и не способен был разглядеть в настоящей России те здоровые ростки, что могли бы стать отправной точкой для прогрессивной трансформации России. Тем более трудно было определить принципы, на которых должно было бы строиться ее преобразование. К. Зайцев в «Проблеме Чаадаева» писал: «Он способен был подвергать уничтожающей критике наше прошлое и

настоящее под углом отсутствия в них свободы. Но конкретно он не ощущал ни того, что нужно России, ни того, как нужно вести себя, чтобы вывести ее на широкий путь, который обещает ей будущее». Взгляды Чаадаева на роль Бога и способности церкви создать совершенное общество оставим в стороне. Христианство, как считал он, создало социальную систему, соединив сознание и волю многих народов в единую мысль и одно чувство. Был он уверен и в том, что, несмотря на все порочное в европейском обществе, царство Божие тут в известном смысле уже осуществлено. Он считал Европу социальным эталоном, что содержит в себе «начала и конец» бесконечного прогресса и счастья. Это был западник и космополит. Низкопоклонство перед Западом — известная слабость нашего образованного общества и, особенно, правящего слоя, о чем упомянуто Ломоносовым, Фонвизинным, Пушкиным, Достоевским, Чеховым и Буниным.

Европа есть Европа... Она, как красивая женщина, которую можно ругать сколько душе угодно, обсуждая ее похождения, но на нее нет-нет да заглядываешься, о ней иной даже мечтает... Поэтому нам трудно согласиться с О.А. Платоновым, утверждающим что развитие просвещения в западном духе для России — это «лишь последовательный процесс отторжения и уничтожения национальной культуры, разрушения русской цивилизации, моральное и физическое уничтожение ее носителей, попытки построить в стране утопические формы жизни». Нет же, просто обращение к западным ценностям надо воспринимать взвешенно, спокойно, трезво, разумно, отдавая дань немалым их достоинствам, но и не закрывая глаза на явные и неявные пороки. Однако и втапывать в грязь Россию не следовало. Не заслужила она этого. Не мудрено, что и А.С. Пушкин в письме к Чаадаеву (19 октября 1836 г.) заметил, что далеко не во всем с ним согласен: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное

и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — так неужели все это не история, а лишь бледный полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? ...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

Разумеется, быть «рыцарем абсолютной свободы» (Чаадаев) или «апостолами свободы» (декабристы) в России вряд ли было возможно. Позиция Чаадаева в отношении к России выглядит двусмысленной. В последние годы жизни он говорил о ряде преимуществ в положении России (вне тех процессов, что происходили в Европе). Им подчеркивается особая роль русского царя, а точнее, русско-го деспотического государства в реализации

призвания России. Ссылаясь на опыт реформ Петра I, он выскажет мысль, которая звучала столь же западнически, сколь и революционно. Россия развивалась за счет идей и учреждений, заимствованных со стороны. А раз так, то и в будущем вполне возможна решительная замена прежних заимствованных идей или учреждений новыми заимствованиями. Чаадаев изучал с карандашом в руках труды утописта Оуэна. Так, он сделал копию с листовки, где говорилось: «Дошел ли до вас слух из земель далеких, что братья ваши, разных племен, на своих царей-государей поднялись все, восстали все, до одного человека! Не хотим, говорят, своих царей, государей, не хотим их слушаться. Долго они нас угнетали, порабощали, часто горькую чашу испить заставляли». Высказал он и мысль о социализме («Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что мы не правы»). Чаадаев категорически не верил в народ как в решающую силу, что в состоянии определить ход истории в России. В его представлении народ мог быть лишь пассивным наблюдателем: «Что бы ни совершилось в высших слоях общества, народ в целом никогда не примет в этом участия; скрестив руки на груди, он будет наблюдать происходящее и по привычке встре-

Салон Зинаиды Волконской в Москве

тит именем батюшки новых владык». Это вело его к мысли, что если царь не захочет или по каким-то причинам не сможет осуществить перемен, народ так и останется сторонним наблюдателем, т.е. известное пушкинское: «Народ безмолвствует».

Пройдут годы, и мысль Чаадаева совершит головокружительный вираж — от требований следовать по пути Европы к признанию права России идти своим собственным путем. Он признавался Николаю I, что посчитал бы для себя «несказанным счастьем содействовать осуществлению в нашей стране» образования на «национальной основе, совсем иной, чем та, на которой она основана в остальной Европе», ибо Россия развилась иначе и «должна выполнить в мире особое назначение». Ставить его на пьедестал как столпа русской революционной мысли, может быть, и нет оснований, но нет и сомнений в том, что многих пробудил Чаадаев к умственной жизни, внеся свою лепту в формирование взглядов новой плеяды ре-

волюционеров. Патриарх социалистических идей Герцен в письме к московским друзьям (1849) просил показать Чаадаеву места, где речь шла о нем... И добавил, что Чаадаев, вероятно, не преминет сказать по этому поводу: «Да, я его сформировал, он мой ставленник». В самом деле, тот повлиял на Герцена не только в восприятии им отдельных мыслей («русский человек — самый свободный человек в мире») и ряда идей (особенное всемирно-историческое призвание русского народа), но они повторили в своей жизни ту же эволюцию взглядов. Ведь и Чаадаев и Герцен начинали с преклонения перед Европой и ее «чарами», а заканчивали обращением к России и к христианству. Впрочем, у Герцена место христианства занимал социализм в виде своего рода религии духа. «Так мысль Чаадаева просочилась чрез Герцена в народничество, чрез Соловьева — в современное движение христианской общественности. О прямом заимствовании не может быть и речи ни там, ни здесь, но преемственно оба

Царь-пушка

эти движения во всяком случае восходят к учению Чаадаева» (М. Гершензон).

Одна из наиболее известных остроумств Чаадаева: «В Москве каждого иностранца водят смотреть большую пушку и большой колокол. Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который разбился, но так и не зазвонил». Чаадаев вообще считал Москву очень странным городом, где «достопримечательности отличаются нелепостью». Нам же кажется, что он сам походил именно на тот царь-колокол, который лишь звякнул, но не зазвонил, на царь-пушку, что так и не выстрелила. Хотя в известном смысле с писем Чаадаева начались «Письма с того берега», а затем и издание «Колокола» Герцена. Да и пушка выстрелит... Только это будет — пушка «Авроры»...

Примерно тогда же в российском обществе начинают формироваться, и не только на основе групп «западников» и «славянофилов», два течения — «патриотов» и «космополитов». Течения были чрезвычайно пестры, сложны, трудно идентифицируемы. Похоже, термин «западники» и «восточники» впервые использовал Гоголь в 11-й главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Все эти славянисты и европейцы — или же староверы и нововеры, или же восточники и западники...»). К «западникам» можно отнести Чаадаева, Герцена, Белинского, Огарева, Н. Тургенева, Н. Станкевича, Грановского, Боткина и т.д., а к «славянофилам» — Шевырева, Погодина, Дмитриева, Хомякова, Уварова и т.д. Характеристики, конечно, сугубо условны. «Западники» — это те, кто считал, что свет в Россию идет с Запада, что Россия «еще юноша» и что «народы взрослые должны воспитывать ее» (Герцен), что нам надо учить чужие языки, понимать чужие нравы (Белинский) и т.д. и т.п. Главным в их философии было то, что прогресс является чертой, присущей главным образом Западу. Это значило, что взор надо обращать в первую очередь на Запад, поскольку с ним связаны наши надежды, отсюда нам ждать ответов и последнего слова истины. В. Шуклин в труде «Русский гений просвещения» пишет: «Если на время отвлечься от многообразия оттенков западной мысли, то наиболее емким понятием, выражающим ее содержание, будет понятие

Царь-колокол

прогресса. Недаром Белинский, желая обратить читателей в свою «веру», неоднократно выделял это понятие в своих статьях, говоря о нем как о последнем слове науки, которого должен придерживаться каждый образованный и здравомыслящий человек. Недаром о прогрессе или застое в развитии какой-либо страны шла речь в лекциях Грановского, в научных трактатах Кавелина, в статьях Герцена, Боткина, Тургенева, Е.Ф. Корша и многих других». В «западниках» иные поспешили увидеть «русских гуманистов», хотя эта оценка не совсем верна; о «восточниках» же в ту пору речь шла вообще крайне редко.

В числе «русских гуманистов» был Н.И. Тургенев (1789—1871), экономист, правовед, идеолог движения декабристов, «старейший и неутомимейший враг крепостного состояния». О его судьбе и книгах у нас до сих пор известно немного, хотя он был одним из авторитетных членов тайных обществ декабристов — Союза благоденствия, а потом и Северного общества. Блестящий русский и европейский ум, сын директора Московского университета, И.П. Тургенева, близкий Жуковскому, Вяземскому, семье Карамзиных. Он в совершенстве владел французским, не-

Н.И. Тургенев

мецким, английским, итальянским языками, сделав блестящую карьеру в России: служил в аппарате Государственного совета, а затем в Министерстве финансов. Его перу принадлежит книга «Опыт теории налогов». Уехав в 1824 г. для лечения за границу, Н.И. Тургенев так и не вернулся, отказавшись после восстания 14 декабря 1825г. предстать перед следствием и судом. Верховный уголовный суд России приговорил его к смертной казни (замененной по конфирмации Николая I пожизненной каторгой). В документах следствия есть сведения о том, что Н. Тургенев якобы хотел вывезти захваченного царя за границу. Англия, где тот нашел убежище, его не выдала.

Вот как характеризует эти действия правительства, подтверждая невиновность беженца из России, В.А. Жуковский в его «Записке о Н.И. Тургеневе» (1827): «Тургенев был вызван к суду — он не явился. Сим поставил он судей своих в совершенную невозможность решить, виноват ли он или нет. Своей неаякою он мог только возбудить против себя подозрения в виновности. Но в то же время он и у самого себя отнял возможность оправдаться. По сему над ним нельзя было произнести никакого приговора. Для обвинения его нет ни фактов, ни доказательств убедительных, ни собственного признания, которое впрочем при недостатке фактов не удовлетворитель-

но. Тургенев судим был в отсутствии; никому не была поручена его защита. Единственная действительная вина его неаявка, но за неаявку нет наказания, ибо наказание не определено законом. Следовательно, неаявка не признана законом виною. Но сия неаявка, которая должна была произвести одно только сомнение и, следовательно, должна была остановить приговор, принята была, напротив, за убеждение, и Тургенев был обвинен как преступник, по доказательствам сомнительным именно потому, что его самого не было налицо для опровержения сих доказательств. Его письменное отношение было отвергнуто. Приговор: I. Тургенев обвинен в участии в тайном обществе; в учреждении и восстановлении оного; в замыслах ввести республику...» И хотя приговор был жесток и несправедлив, мы не можем не привести тут любопытную зарисовку П.А. Вяземского, которая дополнительно характеризует облик царя Николая I. Тот на основе устных рассказов записал, что когда Жуковский обратился тогда к Николаю I с вопросом: «Нужно ли Николаю Тургеневу возвратиться в Россию?» Государь, по учреждении Следственной комиссии, отвечал ему так: «Если спрашиваешь меня, как императора, скажу: нужно; если спрашиваешь меня, как честного человека, то скажу: лучше ему не возвращаться»

Этот самый Н.И. Тургенев издал в Париже, Брюсселе, Гааге, Берлине книгу «Россия и русские» (1847). Книга состояла из трех томов и представляла картину государственного, социально-экономического устройства России в эпоху царствования Николая I, включая программу необходимых России преобразований. Герцен заявил, что книга представляет «большой интерес». Книга эта — полотно российской общественно-политической жизни, отражающее состояние умов общества и тогдашней российской цивилизации. Автор с сожалением отмечает, сколь непоследовательны, робки попытки власти в России добиться перемен. В первые годы царствования Александра I в образовании сделано немало: изменены уставы учебных заведений, основаны новые университеты в империи, из Германии приглашены опытные профессора и т.д. Но к концу царствования дух просвеще-

ния «сменился духом инквизиторским, крайне враждебным просвещению». Казалось даже, что правительство намерено сознательно уничтожить все, ранее им сделанное, чтобы «ввергнуть обратно во тьму всех, кого оно некогда подталкивало к свету». Причины этому просты и тривиальны: роковые предчувствия уже охватили императора к концу его жизни, ему повсюду «чудились признаки революции». Итогом таких настроений, стократ усилившихся после событий 1825 г., стало то, что молодых людей перестали посылать за границу для обучения за казенный счет, удалили с кафедр профессоров политических наук, запретили изучать в естественных науках все, что каким-либо образом противоречит Библии. Высшие чиновники и царь наблюдали едва ли не с удовольствием, «как гибнут лучшие учебные заведения» в России. Этот поворот во многом и был вызван страхом перед «революцией».

Говоря о будущем России, Н.И. Тургенев прямо заявляет, что у России нет выбора: «Она должна или открыто примкнуть к цивилизации, или примириться с поражением». Страна должна встать на путь прогресса. Причина проста: «Факты, более могущественные, чем слова, упорно доказывают, что ни промышленность, ни торговля, ни продукты сельского хозяйства, ни доходы государства — ни одна из составных частей национального богатства не находится в России на уровне, который соответствовал бы поло-

жению, занимаемому ею среди европейских государств, или хотя бы нуждам населения». В Россию в 1847 г. ввезено 50 экземпляров книги, а в 1848 г. цензура заявит о ее запрещении. Современники о ней разошлись во мнениях. Тот же В.А. Жуковский, прочтя первый том, заявил, что многое ему в книге неприятно читать, ибо в записках «выражается везде враждебное чувство к России». Правда — дело, конечно, святое и нужное, но лишь тогда, когда это «правда из любви, а не из ненависти». Автор же «привязал нас к позорному столбу» и стал пачкать, как «пачкают Кюстины, Бакунины и Головины». Многие нашли труд сухим, скучным, односторонним, бедным, хоть и любопытным. Н.И. Тургенев вступил в спор и с историографом Карамзиным: «Карамзин, по-видимому, полагал, что сие величие — единственное, о котором может помышлять русский народ. Он горячо любил свою страну, и счастье человечества не могло не волновать его отзывчивую и благородную душу; но пренебрегать народом и желать величия лишь абстракции (пусть и привлекательной, которая зовется отечеством) — значит не признавать естественных прав, ни в грош не ставить человеческое достоинство. Соотечественникам Карамзина не могло льстить подобное мнение. Я очень мало спорил с Карамзиным, как и с другими, о превосходстве той или иной формы правления; тем не менее я всегда чувствовал к нему неприязнь — за то, что он вопреки долгу в своем труде не затронул вопроса, нисколько не умалявшего его преклонения перед самодержавием, — вопроса о рабстве. Он говорит о рабстве лишь вскользь...» Сегодня созданная более полутора века тому назад книга читается с интересом. Иные идеи могли бы взять на вооружение и наши реформаторы, которые вряд ли читали книгу, ибо в противном случае они обратили бы внимание на слова Тургенева: движение России по пути цивилизации никак «не может быть слишком поспешным». Хотя мысль о том, что отечество — это «абстракция», вряд ли кому понравится, даже тем, кто очень любит Запад и готов ему простить многое... Кстати, насколько Иван Сергеевич был «наш человек», как говорил И.И. Панаев, «человек со вздохом», т.е. «с душой», настоль-

*И.С. Тургенев на даче у Милютиных.
Баден-Баден. 1867*

Революция в Германии в 1848 г.

ко Н.С. Тургенев был человеком «деловым», т.е. западного толка. А.А. Фет писал в «Воспоминаниях»: «Невзирая на внешнее сходство двух братьев, они, в сущности, были прямой противоположностью друг друга. Насколько Иван Сергеевич был беззаботным бесребреником, настолько Николай мог служить типом стяжательного скупца».

То, что бросается в глаза, так это мятущееся состояние умов не только в Европе, но и в России. Волны революций поднимаются все выше, настойчивее и свирепее бьют в утес Российской империи. Зловещий хвост революционной кометы грозит потрясениями. Как гром небесный, в 1848 г. в Европе грянули революции... Дальнейшие события стали для части русской эмиграции катализатором и своего рода политическим допингом, хотя для иных они выглядели как тревожное предостережение, что и в России подобное может когда-либо повториться. Писатель П.В. Анненков, будучи в Париже, наблюдал за ходом февральской революции, за тем, как пал король Луи Филипп. Правда, при этом ни разу не было произнесено: «Vive

la republique!» Он был свидетелем появления нового, временного правительства, комментировал первые его распоряжения. При этом он подчеркивал, что в буржуазной революции все «попытки народа сказать свое собственное слово, удержать за собой политическое влияние, предъявленные им в различные дни, следовавшие за февральскими, остались безуспешны». И хотя принят был ряд «милостивых декретов» (уничтожение смертной казни за политические преступления, уничтожение ненавистой долговой тюрьмы, отказ от сословной замкнутости при приеме в Национальную гвардию), в этом апофеозе победы, в этом «царстве всеобщего единодушия, пожалуй, могла затеряться и основная демократическая идея переворота». Так оно и случилось, ибо буржуазная и состоятельная Франция была смертельно напугана действиями восставших и желала любыми способами обуздать народно-революционные силы. Поэтому она тотчас же обратилась к «старой своей работе: защите существующего порядка вещей, охранению собственности и подавлению буйств, насколько возможно».

Анненков писал: «Временное правительство выдавало все эти декреты не только перед лицом волнующегося парижского народа, который легко воспламеняется, но и легко управляется лживой фразой и знаками доверия к его мудрости, но также и при зареве пожаров, составлявших последнюю попытку темных слоев народонаселения, поднятых со дна общества. Ужас овладел зажиточным Парижем, когда он услышал, что королевский дворец Нельи обращен в пепел, что дача Ротшильда в Сюрене предана огню, в то же самое время как хозяин ее жертвовал 50 000 фр. на раненых, что разрушение угрожает и железным дорогам. Получено было известие о гибели великолепного Аньерского моста на Сен-Жерменской линии, о сожжении многих станций, о мосте в Руане, подвергшемся той же участи, и, наконец, о том, что по Северной железной дороге пожар идет уже сплошной массой, начиная от Сен-Дени до Амиена».

Безусловно, революции в Европе подогрели интерес российского общества к политике и к социализму. П.В. Анненков, первый в России научный издатель Пушкина, корреспондент и поклонник К. Маркса (для него он «авторитетный, положительный и законодательствующий»), много сделал для подготовки почвы в России к принятию идей социализма. Говоря о революции 1848 г. во Франции, он отмечал, как много возникло листов, журналов, которые «требовали социализма, коммунизма, раздела собственности», характеризуя их не только как «инструмент для возбуждения страстей». Энтузиазм среди членов русской колонии в Европе (И.С. Тургенев, Н.И. Сазонов, А.А. Тучкова, М.А. Бакунин, П.В. Анненков, А.И. Герцен) к новым течениям был огромный. Герцен первые два месяца революции жил в Италии и писал Анненкову: «Наконец-то старуха (Европа. — Авт.) проснулась и пошла писать». Анненков встретился с Марксом и Энгельсом в Париже (после революции 1848 г.) и отметил, что у Маркса есть программа, — «программа добиваться с оружием в руках господствующего положения в государстве для работника» («Литературные воспоминания»). Правда, до революции 1917 г. в России оставалось еще целых семь десятилетий. Но и старушка-Россия

П.В. Анненков

проснулась и «пошла писать».

Политические условия в России не те, что в Европе... У нас для любителей вольности предназначались казематы, остроги, Сибирь, Кавказ, наконец, цензура. А так как в самой России политическая деятельность и вольное слово оказывались невозможны, их перенесли за рубеж. Так явились «западники», «западная партия», «космополиты». И.А. Гончаров писал о них (1878). «Космополиты говорят или думают так: «Мы не признаем узких начал национальности, патриотизма, мы признаем человечество и работаем во имя его блага, а не той или другой нации! Вы, русские, сидите там со своим православием, самодержавием и народностью — и досидитесь до того под гнетом этих трех начал, что вас со всех сторон, как море, окружают и потопят просветившиеся, свободные, развившиеся люди, все соединенное человечество, без всяких ярлыков наций, религий, правлений! Вон уже, говорят они, Япония просвещается, Китай шевелится, с Запада грозят новые идеи, пушки и колоссальные капиталы. Англия и Америка подают всем пример народной самостоятельности и управления — и распространят этот пример по всем частям света! А вы еще все в детстве.... А вы еще не смеете даже думать и говорить вслух, ни двигаться свободно, в вас подавлен ум, дух, мысль, воля — нет у вас ни науки, ни искусства, ни свободного даже ремесла, нет, стало быть, самостоятельности, все ваши хваленые народные силы и способности пропадают даром, подавленные угодничеством, произволом, страхом, детской болезнью — и доселе за вас и для вас все де-

И. Гончаров

лают иностранцы, учат, лечат вас, снабжают всяким, и духовным, и материальным добром! Вы бедны, жалки, бессильны, вы — младенцы и рабы! Мы — уйдем от вас и будем жить с человечеством и для человечества!» Горькие слова, хотя в них, возможно, есть и крупница правды. Но правда и то, что космополит (ранее их еще презрительно называли «фрягами») бежит из России не потому, что ему тут тошно, а потому, что там, на Западе, ему легче скрыть свое ничтожество!

Космополит — человек без Родины, значит — зачастую без сердца. Этих людей в большинстве случаев лучше все же обходить за версту, ибо всех предаст и все продаст. Хотя он может быть неглуп, ловок, оборотист. Но боже сохрани вас довериться этой публике... Упомянутый писатель П.В. Анненков, описывая настроение и состояние умов российских соотечественников, обитавших в 30-е гг. XIX в. в Европе (в Берлине), говорил: «У всякого новоприезжего туда из русских соотечественники его, уже прожившие несколько лет в этом центре немецкой эрудиции, шутиливо спрашивали, если он изъявлял желание оставаться в нем: чем он прежде всего намерен быть — верным ли, благородным немцем (*der treue, edle Deutsche*) или суетным, взбалмошным французом (*der eitle alberne Franzose*). О том, захочет ли он остаться русским, не было вопроса да и не могло быть. Собственно русских тогда и не существовало; были регистраторы, асессо-

ры, советники всех возможных наименований, наконец, помещики, офицеры, студенты, говорившие по-русски, но русского типа в положительном смысле и такого, который бы мог выдержать пробу как самостоятельная и дельная личность, еще не нарождалось». Виной тому, как считали одни, были петровские преобразования, другие винули во всем засилье иностранных языков среди высшего слоя общества и русского дворянства, третьи — материальный достаток и уровень жизни населения Европы. Было бы неверно отрицать значение тех, других, третьих и еще многих и многих факторов, включая и фактор отсутствия в России демократических свобод в буржуазном смысле слова. Однако в этих неумеренных восторгах в адрес Европы, в безудержном любовании ею, согласитесь, чувствуется некая болезненность, ущербность — своего рода интеллектуальная и моральная рахитичность космополитов. Да и все они, как правило, — «инвалиды мысли». Как говорит Рудину герой одноименного романа И.С. Тургенева, «надобно, чтобы и у них был свой приют». И потому эти господа, словно Вечный Жид, норовят поскорее убежать с родины, выбирая «приютом» то Европу, то Америку, то Австралию, то еще какую-то страну. Браня почем зря родные пенаты, они не устают пресмыкаться перед Европой, витринной, жесткой, лицемерной. Россию умом понять не могут, ибо ума-то у них как раз и нет, а живут, подобно амебе, желудком или точнее желудочным трактом. Народ в расчет не берут и давно поставили на нем крест.

Впрочем, слишком сложна судьба России, неисповедимы пути и судьбы ее народа. Были и те, кто по долгу службы или по прихоти суровой судьбы находились и находятся за рубежом... К их числу принадлежал и Ф.И. Тютчев, великий русский поэт и умный дипломат. Там и начинается он писать интересную книгу «Россия и Запад» (к слову сказать, по поручению царя). В этой не оконченной им книге (видимо, эту задачу он возложил на грядущие поколения) масса набросков, пророчеств, напоминаний нам, потомкам. Сей, по выражению Г. Флоровского, «великий тайнозритель природы» был прозорливцем и тайнописцем. Если Господь пишет огненными знаками на

Ф.И. Тютчев

небесах, то Русский Бог будет писать огненными знаками на теле России. Переживая мысленно события эпохи революций, Тютчев решает вдруг противопоставить две силы — Россию и Революцию. «Давно уже в Европе существуют только две действительные державы: Революция и Россия. Эти силы стоят теперь друг перед другом, и завтра, быть может, столкнутся. Между ними ни сговор, ни соглашение невозможны. Жизнь одной из них есть смерть для другой. От исхода борьбы между ними, — величайшей борьбы, какой — только когда-либо был мир свидетелем, — на многие века зависит политическое и религиозное будущее человечества».

Тот же Тютчев предупреждал о тех опасностях, что поджидают Россию в не очень далеком будущем. Говоря о возможных вариантах развития событий, Тютчев писал 11 октября 1855 г. М.П. Погодину: «Теперь, если мы взглянем на себя, то есть на Россию, что мы видим?.. Сознание своего единственного исторического значения ею совершенно утрачено, по крайней мере в так называемой образованной, правительственной России». В письме И.С. Аксакову от 7 октября 1866 г. он повторяет тему вновь: «В правительственных сферах вопреки осознательной необходимости все еще упорствуют влияния, отчаянно отрицающие Россию, живую, историческую Россию, для которых она вместе — и соблазн, и безумие...» Более того, он обнаруживает, что «наш высоко образованный политический крестинизм, даже с некоторою примесью

Элеонора Тютчева — жена Ф. Тютчева

внутренней измены», может окончательно завладеть страной и что «клика, находящаяся сейчас у власти, проявляет деятельность, положительно, антидинастическую. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она... приобретет антирусский характер». Тогда России грозит опасность погибнуть от бессознательности подобно человеку, который утратил чувство самосознания и держится на чужой привязи. Государство бессознательное гибнет...» В итоге это и случится с самодержавной, царской Россией, элита которой, как оказалась, была напрочь лишена даже капли разума.

Тема гибели Запада у Тютчева перекликалась, возможно, и бессознательно, с личными переживаниями (в Турине умерла от простуды прелестная Элеонора Петерсон, с ней он венчался по православному обряду в 1829 г. в мюнхенской церкви Св. Сальватора). Элеоноре Тютчевой, первой своей жене, поэт посвятил следующие вдохновенные строки:

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда.

Что же касается упомянутого политиче-

ского трактата, А.И. Тургенев сетовал: Тютчев написал статью для государя по общей политике — «грезы неосновательные и противные прежним его убеждениям». По мнению Тургенева, он хотя и полезен России, но «только просвещенным умом своим, а не проектами восточными и, следовательно, противоевропейскими и, следовательно, антихристианскими и античеловеческими». Не согласимся с оценкой. Прогноз Ф.И. Тютчева через 150 лет подтвердил и советник президентов Никсона и Рейгана, кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 г. Патрик Дж. Бьюкенен в книге «Смерть Запада». Там он писал: «Запад умирает. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается <...> Новый гедонизм, как представляется, не дает объяснений, зачем продолжать жить». И далее он признает с некоторой ноткой исторической обреченности и фатальности: «Смерть Запада — не предсказание, не описание того, что может произойти в некотором будущем; это диагноз, констатация происходящего в данный момент».

Великие поэты и мыслители продолжали верить в Россию. И не только верить, но и ее укреплять. Вспомним Пушкина, что в неотправленном письме к Чаадаеву заявил (1836 г.): «...у нас свое предназначение. Россия, ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие». Ратная история в XIX и XX столетиях подтвердила справедливость мыслей поэта о неодолимости российских пространств врагом. Но подтвердится ли она в XXI в., случись нам, не дай бог, вновь подвергнуться нашествию? Тютчев не знал о письме Пушкина, но тексты обоих поэтов, совпадая по мысли, во многом идентичны. Пушкин писал: «Пробуждение России, развитие ее могущества, движение к единству!» Тютчев скажет свою знаменитую фразу: «Империя не умирает. Она передается». В этой борьбе мировых сил великие поэты всегда вставали горой за России! Тютчев предлагает использовать свой опыт дипломата для проведения в жизнь интересов Русского Царства, святого ковчега, в бурном море цивилизации, кишасшем мировыми хищниками. О том же пишет В.А. Жуковский: «Более, нежели когда-

нибудь, утверждается в душе моей мысль, что Россия посреди этого потопа (и кто знает, как высоко подымутся волны его) есть ковчег спасения и что она будет им не для себя одной, но и для других, если только посреди этой бездны поплывет самобытно, не бросаясь в ее водоворот, на твердом корабле своем, держа его руль и не давая волнам собою властвовать» (1848).

Страсти вокруг судеб России всегда кипели и кипят нешуточные. Славянофилы уповали на самодержавие, православие и народность. Такова и ныне расхожая точка зрения. Нет ничего хуже, чем трафарет в мыслях. В действительности что славянофилы, что западники в равной степени были озабочены состоянием России, ее судьбой. «Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались, — а это было раза два или три в неделю». «Да, мы были противниками их, — писал А.И. Герцен о славянофилах, — но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, странное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно». Те и другие терпели преследования охранительной власти, стремившейся «умножать, где только можно, умственные плотины» (А.С. Уваров). Скажем, говоря об И. Аксакове, Герцен отмечал его ум, честность, строгость, взыскательность. «Мы с ним очень, очень сошлись, — писал он И.С. Тургеневу. — Он двумя головами выше славянофилов — вроде Крылова, Григорьева, Филиппова». Бесспорно, между теми, кто жил и творил в самой России, и теми, кто выбрал чужбину, границу для деятельности, всегда будут разногласия. Слишком разные условия жизни, среды обитания, иной фон, иная консистенция. Но переписка между ними отличалась теплотой и дружественностью. Это уже потом наши интеллигенты стали жить в одной стране, как кошка с собакой или как волк с ястребом. В. Брюсов скажет об этих битвах

И.С. Аксаков

политических или литературных: «Как враги друг на друга, грозя, ополчаемся, чтоб потешить наш дух поединком двух равных!» И все же тогда тот же И.С. Тургенев мог привести А. Фету из-за границы стихотворение, где на первом листе красовалась надпись: «Врагу моему А.А. Фету на память пребывания в Петербурге в январе 1864 г.».

В письме 13 января 1858 г. А.И. Герцен пишет И.С. Аксакову, называя его «самым русским из моих знакомых»: «Ваши строки, как всегда, дышат силою и так проникнуты любовью и негодованием, что мы всегда перечитываем их несколько раз». Герцен говорит, что между славянофилами и западниками немало общего: «И выходит, что мы, нося разные коарды, больше согласны между собою, чем однополчане». И далее: «Несмотря на все разногласия, в одном мы соединены вполне — в общей искренней любви к России, в страстном желании освобождения крестьян с землею, и во имя этих двух баз мы горячо ждем руку вам и Самарину». Он заканчивает словами: «Обнимаю вас по-русски». В это время разразилась Крымская война. Славянофилы приступили к выпуску «Русской беседы» (1858). Война показала, что антагонизм Запада и России вовсе не случаен, в основе его глубокие, давние корни. Причину

столкновения двух цивилизаций И. Аксаков видел в разнице воззрений, культур и вер. Славяне Европы, считал он, — союзники России. «Наша сила в Европе — сочувствующий и связанный с нами родством крови и духа мир славянский вообще и мир православный в особенности...» Именно по этой причине И. Аксаков считал крайне важным осуществить «нравственную правду» и вывести русские войска из Польши. Страна эта должна сама решить свою судьбу. «Безумные, которые полагают, что можно подавить польскую народность! Против такой общественной силы бессильно государство, хотя бы опиралось на 100 тысяч штыков. Польша, настоящая Польша должна быть вполне самостоятельной». Однако на взаимоотношения между двумя нациями надо было бы ради объективности взглянуть и с другой стороны. Не забывайте, поляки держали Русь под прицелом два-три века. Когда в 1819 г. Александр I заявил в доверительной беседе историку Н.М. Карамзину о желании восстановить Польшу в ее древних пределах, тот, по словам Погодина, возмутился и составил «Записку», где, в частности, писал: «Можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Вольнию, Подолию, утвержденную собственностью России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли Государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россиею, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины». Увы, сегодня мы не задаем таких вопросов. Нет великих историков, которые осмелились бы сказать в лицо властям правду о наших правах.

Антирусское восстание поляков началось в ночь на 17 ноября 1830 г. с попытки польских офицеров убить великого князя Константина Павловича. Константин бежал из Варшавы, где образовано Временное правительство во главе с А.Е. Чарторыйским (30 января 1831 г.). Тогда же стала формироваться и повстанческая армия. Восстание привело к падению престижа России в Европе и спасло революцию во Франции и Бельгии. Польский сейм (съезд) не только провозгласил независимость Польши и лишил польского трона Николая I (25 января 1831 г.), но сразу же потребовал от России территории Литвы,

Взятие бунтовщиками тюрьмы в Варшаве в 1830. Гравюра Ф.А. Дитриха

Белоруссии, Украины, восстановления великой Польши от моря до моря, т.е. в границах 1772 г. Дай им палец — откусят руку!

После начала восстания Николай I принял ряд решительных мер против повстанцев. 24 января 1831 г. в Польшу вошла 115-тысячная армия под командованием генерала И.И. Дибича. Потерпев поражение в сражении при Грохове от 47-тысячного польского войска 2 февраля 1831 г., 100-тысячная русская армия оставила Варшаву. После ожесточенных боев 120-тысячная русская армия И.Ф. Паскевича 27 августа 1831 заняла город. Польское восстание привело 26 февраля 1832 г. к отмене дарованной ей Александром I конституции и объявлению Польши неотъемлемой частью Российской империи. Введен был Органический статут. Николай I приказал закрыть все польские школы, забрать из семей польских аристократов всех мальчиков в возрасте 7—9 лет для воспитания их в Тульском кадетском корпусе. В Вильно был закрыт университет, а вместо него в 1834 г. был открыт Киевский университет Св. Владимира, где преподавание велось на русском языке. Царь ограничил права униатской церкви, поддерживавшей повстанцев и служившей орудием колонизации русских. Однако при этом перед поляками были открыты немалые возможности для карьеры в Российском государстве. Достаточно сказать, что уже к середине 50-х гг. доля поляков среди петербургского чиновничества составляла 6%, а доля польских офицеров в русской армии равнялась 20,06 % (при менее 6 % по-

ляков в населении России). Но и эти меры не могли утолить лютой ненависти польских панов. Те не могли Николаю I простить указа 1846 г. Указ запрещал выселять крестьян-земледельцев, уменьшать их поля, отменял барщину и принудительный наем. Александру II поляки не могли забыть его слов: «Счастье Польши зависит от полного слияния ее с народами моей империи... Вам нужно знать, для блага самих поляков, что Польша должна пребывать навсегда в соединении с великой семьей русских императоров». И хотя тот в 1856 г. подписал акт об амнистии полякам — участникам восстания 1831 г., но при этом русский император вновь подтвердил: «Оставьте всякие мечты о независимости, которые нельзя ни осуществить, ни удержать». Ответом стало польское восстание 1863 г., которое и было подавлено. Великий поэт А. Мицкевич, выражая чувства поляков, писал в одном из стихотворений: «И пускай московский царь мертвым встать прикажет — души русские царю наотрез откажут» (1832).

Недрузи нашли союзников среди «либералов» и «прогрессистов» в самой России. Эти господа яростно осуждали политику Россию. А. Герцен в космополитическом безумии, не желая видеть Европу и поляков, да и европейцев такими, каковы они есть на самом деле, т.е. людьми себе на уме, радеющими в первую очередь лишь о своем кармане и притязаниях, обвинял И. Аксакова в имперских настроениях. Царское правительство попыталось найти компромисс. 27 марта 1861 г. им были опубликованы указы о реформах: восстанавливался Государственный совет Королевства Польского, создавалась Комиссия просвещения и духовных дел во главе с польским аристократом, маркизом Александром Велепольским — сторонником соглашения с царизмом, постепенных реформ в Королевстве Польском и восстановления конституционного режима 1815 г. Однако подавляющая часть шляхты не хотела видеть Польшу в составе России и компрометировать себя сотрудничеством с русскими властями не хотела. Она и встала в оппозицию к Велепольскому. В свою очередь, революционный лагерь отвергал всякое примирение с царизмом и половинчатые реформы. И тогда власти России, которым всегда не хва-

тало терпения, решили принять строгие меры, чтобы покончить с дворянской оппозицией и с революционным движением. 6 апреля 1861 г. было закрыто «Земледельческое общество», а 8 апреля многотысячная демонстрация в Варшаве была расстреляна царскими войсками.

И тогда наша «прогрессивная общественность» обрушилась на патриотов в польском вопросе. Князь П.А. Вяземский, начинавший служебную карьеру в Варшаве, аристократ-фрондер, «почтовой станции диктатор», и великие стихи Пушкина «Клеветникам России» называл шинельной одой. Он был против введения войск в Польшу во время восстания 1830 г., и писал: «Смешно, что Пушкин хвастается, что мы не сожжем Варшавы их. И вестимо, потому что после нам же пришлось бы застроить ее. Вы... не знаете, на чем решиться, то у вас Варшава — неприятельский город, то наш посад... Эта борьба обнаружила немощи больного, измученного колосса. Вот и все: в этом весь вопрос. Все прочее — физическое

событие». Но и сей фрондер, разочарованно признавался позже в дневнике: «Как поляки ни безмозглы, но все же нельзя вообразить, чтобы целый народ шел на вольную смерть, на неминуемую гибель... Наполеон закабалил их двумя, тремя фразами... Что же сделал он для Польши? Обратил к ней несколько военных мадригалов в своих прокламациях, роздал ей несколько крестов Почетного легиона, купленных ею потоками польской крови. Вот и все. Но Мицкевич, как заметили мы прежде, был уже омрачен, оморочен... Польская эмиграция овладела им, овладел и театральный либерализм, то есть лживый и бесплодный...» Славянофилы относились с понятной подозрительностью к речам поляков о свободе и независимости. А. Григорьев в письме к А. Кошелеву от 25 марта 1856 г. сказал: «Глубоко сочувствуя, как вы же, всему разноплеменному славянскому, мы убеждены только в особенном превосходстве начала великорусского перед прочими и, следственно, здесь более

Куют оружие для польских повстанцев

Заковывают в кандалы участников литовско-польского восстания 1863 г.

исключительны, чем вы, — исключительны даже до некоторой подозрительности, особенно в отношении к началам ляхитскому и хохлацкому». Герцен, кто едва ли не всю свою политическую и литературную репутацию во время восстания поляков в 1863 г. решил бросить на польскую чашу весов, призвав русских офицеров в «Колоколе» объединиться с поляками против царизма в борьбе «за нашу и вашу свободу», — даже он с подозрением относился к польским умонастроениям. Герцен писал в «Былом и думах»: «У поляков католицизм развил ту мистическую экзальтацию, которая постоянно их поддерживает в мире призрачном...» И. Аксаков до начала восстания поляков в 1863 г. указывал на необходимость подавления в зародыше домогательств Польши на Волынь, Белоруссию, Подолию. Он писал: «В одном из номеров нашей газеты мы назвали польские притязания на Киев, Смоленск и пр. безумными. Мы удерживаем это название, потому что другого они не заслуживают. Они не только вполне безумны, но и безнравственны в высшем смысле, пото-

му что основываются на начале насилия, направлены против свободы народной».

Заметим: поляки, претендуя на земли России, столетиями стремились к ее завоеванию. Так надо ли удивляться, что время от времени пожинали и плоды антирусской политики? А ведь русские умели оценить по достоинству польские таланты. Заметим, что в 1826 г. в Москве вышли «Сонеты» Адама Мицкевича, о которых пресса писала: «Изящное произведение чужеземной поэзии, произведение одного из первоклассных поэтов Польши, напечатано в Москве, где, может быть, не более десяти читателей в состоянии узнать ему цену...» Так почему же мы, русские, при слове «поляк» вспоминаем в первую голову Коперника, Шопена, Мицкевича и Семирадского, почему мы, говоря словами Пушкина, нанизываем «четки мудрости златой», тогда как они бросают нам в лицо — царей и Сталина? Ужель и через 1000 лет Польша будет видеть в России врага и нечто дьявольское!

Нас ненавидят здесь все больше,
Но виноват ли в том народ,

Когда наш царь в пределы Польши
Лишь подлецов упорно шлет!

К сожалению, бывало, что и Польша насылала на нашу землю подлецов... Они так и остались враждебны России. Если русские декабристы, сосланные в Сибирь, как-то все же обустроивались, поляки-шляхтичи вели себя там как чужаки, говоря: «Мы чужды в этой стране». Для них все жандармы — «церберы», заседатель — «сатана», плац-майор — «суший Люцифер». Все окружающее в Сибири виделось им как «отупелость и мрак». Работать они не умели или не хотели. Сибирские старожилы считали поляков работниками «весьма плохими». Поляки, проживающие в деревнях, — докладывал наверх жандармский полковник В.П. Рыкачев, — «не занимаются ровно никакими работами. Они проводят время в праздности, ходят взад и вперед и поют песни! Между тем крестьяне кормят этих поляков и не получают за это ровно никакого вознаграждения». В свою очередь те были не в восторге от нравов сибиряков. Поляк-поселенец писал о тамошнем народе: «Народ ленивый, пьянство укоренилось до высочайшей степени, нравственности никакой... главное занятие здешнего общества... это карты и бутылка...» «Они пьют «запоём», — удивлялся З. Кердей, — т.е. несколько дней или недель без перерыва». Это накладывало отпечаток на отношения. Разумеется, были и преуспевающие поляки. Так, крупным уральским промышленником стал А.Ф. Поклевский-Козелл (1809—1890), имевший чин действительного статского советника. Он был награжден многими орденами, имел даже орден за особые заслуги, пожалованный Папой Римским. Поклевский-Козелл преуспел и в предпринимательстве. На Урале и в Сибири его знали как питейного магната, он был также магнатом-золотопромышленником, владельцем железоделательных заводов, лесов, домов, имений, земельных угодий. Им же было организовано и первое в Западной Сибири речное пароходство. Поклевский участвовал в разработке и реализации проекта Уральской горнозаводской железной дороги (одна из станций линии Екатеринбург-Тюмень называлась Поклевская до 1963 г.). На его деньги построены

десятки школ, больниц, приютов, бесплатных столовых и т.д. и т.п. Соотечественники-поляки запомнили его как ревнителя католической веры и ее защитника, как заступника за ссыльных (многие из них получали работу на его предприятиях).

Здесь невольно возникает вопрос: кто же был прав в споре западников и славянофилов? Видимо, в позициях той и другой групп были свои правды и неправды, истины и ошибки. Однако «западники» видели Европу лишь с одного боку. Хотя многие из них (Грановский, Белинский, Герцен и др.) и дали «прекрасные образчики русского духа», но теоретически они были «обезличены». Те и другие могли быть причислены к какому-то «лагерю», но при этом не теряли связей, будучи своеобразными «славянофилами» и «западниками». Говоря о присущей «славянофилам» ориентации на русский народ, они не превозносили его безмерно, скорее, подчеркивали всю важность воплотить в истории его общечеловеческий потенциал. Скажем, славянофил К. Аксаков писал: «Да и никогда Русь не была исключительно национальна, никогда не была национальна даже. Ее национальность — человечество, в истинном смысле слова; но зато только она одна имеет такую национальность, как бы ни кричало против нее западное лжечеловечество». Это лжечеловечество напоминает о себе не раз.

История научила русских не очень-то уповать на братьев-славян... В 1849 г. Иван Аксаков уже отрешивался от славянофильства, как черт от ладана: «В панславизм мы не верим, во-первых, потому, что для этого не-

Кто прав?!

обходимо было бы единоверие славянских племен, а католицизм Богемии и Польши — элемент враждебный, чуждый, не смешимый с элементом православия прочих славян; во-вторых, все отдельные элементы славянских народностей могли бы раствориться и слиться в целое только в другом, крепчайшем цельном, могучем элементе, т.е. в русском; в-третьих, большая часть славянских племен заражена влиянием пустого западного либерализма, который противен духу русского народа и никогда к нему приняться не может. Признаюсь, меня гораздо более всех славян занимает Русь...» Николай I подчеркнул эту последнюю фразу И. Аксакова, начертав на полях записки знаменательные слова: «...Под видом участия к мнимому утеснению славянских племен в других государствах (затемняется) преступная мысль соединения с сими племенами, несмотря на подданство их соседним и частью союзным государствам; а достижения сего ожидали не от Божьего определения, а от возмутительных покушений на гибель самой России». А после падения Севастополя И. Аксаков еще более укрепился в своих сомнениях, заявив: «И не мечта ли вся эта надежда на помощь славян, на восстановление славянского мира и проч. и проч.?»

К сожалению, во многом, что касалось России, и ее критики оказались правы... Тот же И. Аксаков видел, что ход исторического развития России идет словно бы в обратном направлении: «От свободы крестьян к крепостному праву; от вольного и шумного голоса народа на вече, от степенного голоса Земли на земских соборах к мрачной тишине и безгласности русского народа в XVIII и в первой половине XIX века; от земской жизни, от земского участия в делах государственных — к мертвому бездействию». России «недостает внутренней, общественной жизни, недостает убеждений, недостает самостоятельности, недостает силы, силы общественной, той силы, которая есть единственная нравственная, человеческая сила, достойная человеческого общества, животворящая, всепобеждающая, ведущая народы к совершению предназначенного им подвига в истории человечества!» Он призывал эту силу «вызвать», «созидать», «поработать» с ней. В этом «спасение и охра-

3. Волконская — «царица муз и красоты», хотя и ведьма (Пушкин)

на» и «единственное условие нашего развития и преуспевания!». Его брат К. Аксаков вторил ему: «Первый, явственный до очевидности вывод из истории и свойства русского народа есть тот, что это народ негосударственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного» («О внутреннем состоянии России»). Это показательный пример того, как история может посмеяться даже и над умными людьми.

Реагировали ли правительство и самодержавие на голос общественного мнения? Бесспорно. Но они всегда боялись народа и думающей интеллигенции, делая опору, главным образом, на чиновничество. Но чиновничество в силу присущих ему качеств, как правило, было лишено творческих начал и не могло служить прогрессу осознанно и эффективно, несмотря на отдельных ярких представителей в своих рядах. Характеризуя жизнь чиновного Петербурга, один из современников так писал о «подлой жизни» высшего чиновного сообщества столицы:

Не стыдно вам своих занятий,
Богатств и прихотей своих:
Вам нипочем страданья братьев
И стоны праведные их!..
Господь, господь! Внемли моленью,

Да прогремит бедами гром
Измены злому поколенью
И в прах рассыплется Содом!
А ты, страдающий под игом
Сих просвещенных обезьян,
Пора упасть твоим веригам!
Пусть, духом мести обуян,
Восстанешь ты и, свергнув бремя,
Вещав державные слова,
Предашь мечу гнилое племя,
По ветру их рассеешь семя,
И воцаришь свои права!

Служивший в Сенате, знавший не понаслышке об особенностях чиновничьей братии в России, И.С. Аксаков (он был арестован за вольнодумные мысли) в статье «О служебной деятельности в России (письмо к чиновнику)» дает точную и правдивую картину самого существа чиновничьей работы в России: «Служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы. Она есть высшее выражение формализма. К какой стороне жизни ни прикоснешь, всё формулирует она и, следовательно, все мертвит, ибо все живое боится формы и убегает. От того-то столько неискренности, столько холода в хлопотливом величии всей государственной машины. Это стремление к формулированию есть необходимое условие жизни всякой правительственной администрации уже по самому существу ее. В этом все ее значение... Мы совершенно оторваны от живой жизни и народа. Мы утратили сокровище народного инстинкта... Путешествуя по России, я часто с грустью замечал, что самые благие по началам своим меры правительства остаются без исполнения... Достоинно замечания то, что во всех свободных учреждениях правительства, где, по-видимому, предоставлялось столько самостоятельной деятельности участвующим, — оно вынуждено было послать своих чиновников, чтобы двигать машину» (1849) Статья написана 160 лет назад, а кажется, что сегодня: «Целые губернии приходят на заработки в Москву и Петербург». Он признавался: «Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в вонючей среде среди грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых,

мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов... В моем воображении предстал весь образ управления махинации административной... Чего можно ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтобы сказать правду, надо поступить незаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого, законного!» Поистине трагическое и роковое признание этого умнейшего сына России...

И все же если попытаться прийти к некоторому общему итогу, к конечному или хотя бы к промежуточному историко-политическому балансу в оценке ситуации, точнее, к выявлению того, кто был ближе к истине, полагаю все же, что обе стороны имели понимание необходимости перенять лучшее в достижениях народов. Вон и Достоевский писал: «...западничество все-таки было реальнее славянофильства, и, несмотря на все свои ошибки, оно все-таки дальше ушло, все-таки движение осталось на его стороне, тогда как славянофильство постоянно не двигалось с места и даже вменяло это себе в большую честь... Вспомним, что общество страстно сочувствовало «западникам» и разделяло все их ошибки и увлечения, тогда как принимало славянофильство за маскарад. А где тайна этого сочувствия массы? Тайна в том, что жизнь, хоть какая-нибудь, что действительность, что обновление — это залого будущего, что даже самый возврат на родную почву и первый шаг к тому — все-таки в руках реалистов, потому что европеизм, западничество, реализм — все-таки это возрожденная жизнь, начало сознания, начало воли, начало новых форм жизни. Западничество шло путем беспощадного анализа, и за ним шло все, что могло идти в нашем обществе» (1861). Хотя, мне кажется, самую верную позицию занял писатель Н. Лесков, говоря, что России более всего «нужен народный человек правдивой души и прямого ясного толка — не консерватор и не либерал, не самобытник и не «западник», а просто человек с прямой, чистою натурой, человек, который не стремился бы ни к какой партии и не боялся бы где бы то ни было сказать в глаза увлекающейся толпе: осмотришь и сумеи быть

Н.В. Гоголь

справедливую; вот где правда». Однако правда и то, что у нас таких русских людей в политическом, властном, идейном социуме всегда оказывалось катастрофически мало, а большая часть правящей и владеющей умами силы была влекома личными интересами, охвачена партийною лихорадкой, оглядываясь на Запад на каждом шагу. Это-то и привело к тому, что мы в решающие моменты медлили, долго решали, куда и как нам двигаться. И как следствие: ситуация, когда мы, говоря словами Н. Данилевского, не смогли преодолеть «Харибду цезаризма, военного деспотизма», а с другой — «Сциллу социальной революции». В итоге в наказание за медлительность, за эгоизм, за социально-умственную лень правящей элиты мы получили сначала вековой застой, а затем и революции. Два чудовища будут свирепо терзать измученное, кровоточащее тело России. Наше самосознание растет в непрерывном самопротиворечии. Видимо, это объясняет шараханья России за последние 200 лет. Зная наше отечество лучше, чем кто-либо другой, Н.В. Гоголь взором провидца прозрел ту страшную бездну, в которую может свалиться наша страна, если дело в ней дойдет до ножей.

Он с беспокойством отмечал трагический разлом, который все более раскалывал русское общество в середине XIX в. В письме к графу А.П. Толстому он заметил, что в России «все перессорились» — дворяне с дворянами,

купец с купцом, мещанин с мещанином. Все живут, «как кошка с собакой». Даже добросовестные, честные и добрые люди между собой в разладе. Бесчинства властей, многочисленные неправды и взятки чиновников — всё это вызывает массовое недовольство у людей и сливается «в один потрясающий вопль». Власть забыла о России. К добру это не приведет. А надо было бы возлюбить родину больше, чем себя: «Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России». Позицию великого писателя критики иронично называли миротворческой. Хотя идея христианского примирения не случайно заняла главенствующее место в его философии в последние годы его жизни. «Знаете ли, как это важно, как это теперь нужно России и какой в этом высокий подвиг! — страстно восклицал он. — Спаситель оценил его едва ли не выше всех других: он прямо называет миротворцев сынами божьими. А миротворцу у нас поприще повсюду... Везде поприще примирителю. Не бойтесь, примирять не трудно. Людям трудно самим умириться между собою, но, как только станет между ними третий, он их вдруг примирит». Тщетно Гоголь призывал проехаться по России, пристальнее взглянуть в ту огромную созидательную и конструктивную деятельность, что ведется на местах, и призывал всех заняться обустройством России: «Говорю вам, что с этим вашим свойством вы теперь слишком нужны России... и грех вам, что вы даже не слышите этого! ... Что ж? Разве мало мест и поприщ в России? Оглянитесь и осмотритесь хорошенько, и вы его отыщете. Вам нужно проездиться по России. Вы знали ее назад тому десять лет, это теперь недостаточно. В десять лет внутри России столько совершается событий, сколько в другом государстве не совершится в полвека». В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь вновь писал о наболевшем: «Мне казалось, что больше всего страждет все на Руси от взаимных недоразумений и что больше нам нужен всякий такой человек, который бы, при некотором познании души и сердца и при некотором знании вообще, проникнут был (бы) желаньем истинным мирить». Одни прислушивались — и устремлялись в дело, в напряженную работу, другие предпочли оста-

ваться обломовыми, третьи звали к крови, к топору. Примиренческие идеи в дальнейшем уступят место революционным ожиданиям в народе и обществе, но, прежде чем это случится, пройдет еще немало времени.

Не случайно во втором томе «Мертвых душ», который сохранился лишь в обрывках, Н.В. Гоголь ставит своей задачей дать образ русского реформатора, который взялся перестраивать Россию. Этот реформатор выведен писателем в образе полковника Кошкарева, изумившего Чичикова своей энергией и планов громадьем... Вся его деревня, куда заехал Чичиков, представляла громадную стройку, где были то тут то там разбросаны дома вроде присутственных мест. Это была какая-то помещичья Икарія. На одном здании было написано золотыми буквами «Депо земледельческих орудий», на другом: «Главная счетная экспедиция», на третьем: «Комитет сельских дел»; «Школа нормального просвещения», — словом, черт

знает, чего не было!» Конечно, в этих планах немало утопизма, когда полковник мечтает о том, чтобы «каждый крестьянин был воспитан так, чтобы, идя за плугом, мог читать в то же время книгу о громовых отводах». И, как показало время, для того чтобы бороться с невежеством русского мужика, вовсе не обязательно одевать его «в немецкие штаны». В поэме Гоголя появляются и «купцы-чародеи» середины XIX века, в которых ощущается дух капитализма, умелого, хваткого, рационального, умеющего считать прибыль. Купец говорит соответствующе духу эпохи: «Ведь купец есть негоциант... Тут с этим соединено и бюджет, и реакция, а иначе выйдет паупуризм» (пауперизм. — Ред.). Возникает в поэме тема «заговоров» и «смущений». Как известно, Гоголь перед смертью сжег второй том своей поэмы «Мертвые души». Возможно, сжег потому, что его живая душа стремилась к некой гармонии, которой он так и не мог усмотреть в окружавшей его жизни.

Тройка

Ход развития России в первой половине XIX века позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, развитие России в этот период было крайне неравномерным и неоднозначным. В экономической сфере обозначилось поступательное движение. Число предприятий в 1825—1860 гг. выросло с 5261 до 15 388, т.е. увеличилось почти в три раза. Особенно заметен был успех в хлопчатобумажной отрасли. Довольно высокими темпами развивались кустарное производство и инфраструктура страны (строительство портовых сооружений, дорог). Так, при Николае I построена половина всех шоссейных дорог в дореволюционной России. Появляются и русские предприниматели из самых разных слоев. Одним из таких ярких и творческих русских людей был С.И. Мальцов (1809—1893). Отец его был крупным орловским помещиком, первым в Европе открывший у себя свеклосахарное производство. Мать первым браком была за В.Л. Пушкиным, дядей поэта. По возвращении еще в 30-х годах из поездки за границу Мальцов сделался убежденным сторонником постройки в России железных дорог, хорошо понимая их громадное стратегическое и экономическое значение. Когда в 1835 г. чех Герстнер приехал в Петербург и предложил тут постройку железных дорог, он встретил много противодействия и мало сочувствия, и только принцу Ольденбургскому удалось испросить у властей разрешение на такого рода деятельность.

В результате, отмечает историк, и появилось разрешение построить первую в России железную дорогу — Царскосельскую. Когда предполагено было строить Николаевскую железную дорогу, первоначально решено было воспользоваться рельсами русской прокатки. Мысль эта была одобрена государем Николаем Павловичем. Мальцов с этой целью составил компанию уральских заводчиков на поставку железа, в четыре месяца устроил завод в Петербурге и приспособил для той же цели свой Людиновский завод. Первые рельсы этого последнего вышли превосходного качества, но затем заказ, как это часто бывает в России, был отдан английской компании, как потом и вся эксплуатация 600-верстной линии. «Имя С.И. Мальцова, — писал совре-

С.И. Мальцов — русский промышленник

менник, — занимает вообще весьма почетное положение в истории русских железных дорог целого полувека. Он был первым неумолимым борцом за внедрение замечательного изобретения Стефенсона в наше бездорожное Отечество». После смерти отца он стал владельцем обширных имений в черноземной полосе России, в трех смежных уездах Калужской, Орловской и Смоленской губерний (с 16 тысячами душ крестьян, двумя заводами — Людиновским и Дятьковским, и с большой площадью неразработанных лесов). Он тотчас энергично взялся за организацию хозяйства в имениях, в особенности за расширение заводского производства. В то время заводы вырабатывали в сравнительно незначительном количестве лишь стекло, хрусталь, чугунное литье и сахар; все машины ввозились из-за границы, откуда являлись также техники и мастера. Стремясь всецело отдаться любимому с молодых лет делу, Мальцов решил выйти в отставку, и в чине генерал-майора 2 июня 1853 г. оставил службу. Вложив в дело развития заводской промышленности всю свою несокрушимую энергию, всю широту предприимчивого ума и большие материальные средства, С.И. Мальцов быстро достиг почти невероятных успехов. Поселившись в Дятькове в старинном помещичьем доме, среди портретов предков и старой обстановки, он трудился на заводах,

как простой работник: «Он вставал вместе с рабочими, ложился позднее всех; приспособляя условия жизни к окружающим условиям, довольствовался самой скромной обстановкой».

На рубеже 1830—1840 гг. в России стал осуществляться промышленный переворот (в текстильной, горнодобывающей промышленности прежде всего). Однако вскоре выяснилось, что наше основанное на крепостном труде и довольно отсталой технике производство оказывается неконкурентоспособным. Если в начале века Россия все же еще экспортировала более 1/3 производимого ею металла, то уже к середине 30-х гг. эта цифра не достигала и 1/5. Урал производил основную часть металла, но не мог конкурировать с дешевым английским железом, произведенным методом пудлингования. В своем промышленном развитии Россия почти что остановилась. Если к началу XIX в. в ней насчитывалось 190 металлургических заводов, то накануне реформы 1861 г. их общее число увеличилось лишь незначительно — до 212. Рельсы для строительства первой в стране железной дороги между Петербургом и Царским Селом в 1837—1838 гг. ввозились из-за

границы. Отечественная промышленность не смогла обеспечить строительство железной дороги Петербург-Москва (1842—1851 гг.). Наши заводы могли дать менее 1 % металла для этих нужд. Не лучше обстояло дело и на предприятиях ткацкой промышленности в XIX в. (половина всей обрабатывающей промышленности России). На текстильных заводах, фабриках даже в 1859 г. механических ткацких станков было всего 710, тогда как ручных — 30 581. Лишь в 1840—1850-х гг. в России возникает несколько крупных машиностроительных предприятий (Сормовский завод, завод Нобеля, будущие Невский и Балтийский заводы в Петербурге, Главный механический завод Петербургско-Московской железной дороги и т.д.). Промышленность страны почти полностью зависела от привозного угля, доставляемого главным образом из Англии (к 1860-м гг. ввоз угля достигал 40—50 млн пудов в год, тогда как собственная добыча в 1850 г. составила 3,6 млн. пудов) .

В то время как в Европе и США наблюдалось быстрое развитие, и прежде всего в области применения ими новых технологий и научных открытий, Россия продолжала постепенно отставать от Европы (в металлур-

Железная дорога Петербург-Москва

Выезд на охоту. Иллюстрация А. Бенуа

гии и машиностроении). Так, в начале XIX в. производство российского чугуна достигло 10 млн пудов и равнялось английскому. Через 50 лет оно выросло в 1,5 раза, а английское — в 14 раз, что, соответственно, означало 15 и 140 млн пудов. В результате по этому показателю Россия опустилась с 1—2 места в мире на 8 место. В целом же по размерам производства Россия к середине XIX в. уступала Франции в 7,2 раза и Великобритании — в 18 раз. Таково объективное состояние экономики, промышленности России. Понятно, что страна нуждалась в обновлении. Этого нельзя было добиться без отмены крепостничества, изменения жизненного уклада, институтов, промышленности, системы управления. Но все попытки модернизации страны встречали упорное сопротивление со стороны дворянства и самодержавия.

Во-вторых, каково же было экономическое положение трудового народа? Такие исследователи, как В.И. Семеновский, утверждали, что благосостояние российских крестьян в XVIII в. было выше, чем у немецких и польских, и вряд ли уступало французским. Английский ученый У. Тук, автор фундаментального труда о царствовании Екатерины II, писал: «Умеренные налоги, дешевая жизнь, отличные и разнообразные продукты, довольство народа и хорошие законы, обеспечиваемые империей, дают каждому, кто ведет себя сообразно требованиям своего сосло-

вия, достаточно средств для достижения благополучия. Большинство русских подданных живут лучше, чем огромное большинство населения во Франции, Германии, Швеции и некоторых других странах. Это же можно сказать обо всех классах». Применительно к первой половине XIX в. немецкий исследователь А. Гакстаузен также рисует чрезмерно радужную картину состояния трудового населения в российской империи. Он уверяет, что в мире «нет страны, где бы заработная плата относительно стоимости предметов первой необходимости была бы так высока, как в России». Но подобные оценки взяты с потолка и совершенно не отражают истинного положения дел среди огромной массы рабоче-крестьянского населения.

В-третьих, все более болезненно ощущалось наше отставание и в политической области. Развитие как политической мысли, так и государственной практики в России зависело от ряда внутренних и внешних факторов. Важнейшими из них были: влияние событий европейской истории, Французская революция, явление личности Наполеона, принятие им прогрессивного законодательства, освободительная война 1812 г. Но, несмотря на попытку реформирования и обновления государственного устройства России при Александре I и усилия отдельных реформаторов, реформы встречали упорное сопротивление бюрократической верхушки и чиновничества. Стремление прогрессивного офицерства изменить (с помощью военного переворота 1825 г.) ситуацию в России только усилило позиции реакции, а с этим и ее стремление «подморозить» Россию. Неудачная попытка декабристов ускорить процесс модернизации страны имела противоречивый результат: с одной стороны, самодержавие укрепилось в его подозрениях в отношении как революционеров, так и либерально-демократической части общества, с другой — после казни декабристов в 1826 г. для многих стало ясно: все попытки мирно-эволюционного развития России обречены на неудачу, что история и подтвердила. В результате крепостничество задержалось еще на треть века, а действия русских войск в Европе, где они участвовали в подавлении народных революций и вос-

Барин направляется на охоту

станий в Польше и Венгрии, усилили позиции реакционно-консервативного лагеря внутри страны, в том числе в его борьбе против политических свобод и свободы печати. Подавление прав человека внутри России стало обычным явлением, что делало царизм неким жупелом в глазах Европы.

В-четвертых, Россия продолжала жить былыми представлениями о своем якобы военном могуществе. Но времена Отечественной войны 1812 миновали. Со времени битв с Наполеоном прошло полвека. Европа жила по новым кодексам. Нужны были новые идеи, новые мощности, новые люди, более образованные и грамотные, новые технологии. Мир все более опирался на капитализм и буржуазию как две мощные опоры новой индустриальной цивилизации. Россия же оказывалась лишена важнейших условий для своего развития — равенства и свобод. А ведь даже консерватор К. Леонтьев признал, что как раз именно потому, что Наполеон устроил ежедневную жизнь людей во Франции на новых, данных революцией «началах всеобщего гражданского равенства», он сумел создать строй, с которого заимствуют пример другие страны и народы: «...и какова бы ни была

дальнейшая будущность Запада и человечества вообще, приходится признать, что с его времени ни одна другая великая держава не может у себя производить эгалитарных реформ без сознательных заимствований и невольных подражаний демократическим порядкам Франции». В том числе в России почти все так называемые благотворительные реформы, «за незначительными оттенками, суть реформы наполеоновской Франции». И хотя эти реформы создавались на «песке» равенства (как считал и сам Наполеон одно время), однако оные оказались на удивление прочными, длительными и эффективными.

В-пятых, поскольку самодержавие вдобавок ко всему перестало выполнять еще и защитные функции — т.е. охранять страну, народ от чужеземного вторжения и оказалось не в состоянии предложить России, ее народу отвечающую духу времени модель общественного развития, царизм становился все более уязвимым. Это сказывалось на всех направлениях деятельности, даже в области просвещения, где Россия достигла определенных успехов. К 1856 г. действовали 8227 начальных школ, 74 гимназии и 6 университетов. Создавались новые учили-

Обучение недоросля

ща и институты. К середине XIX в. начальные школы посещали 450 тыс. учеников. В целом с 1820 по 1856 гг. число студентов увеличилось в 4 раза, учащихся гимназий — в 3,7 раза, начальных школ — в 15 раз. Система образования России строилась на принципах сословных привилегий. Если правительство поощряло развитие начальных школ, считая, что народу хватит и такого образования, то высшая ступень предназначалась, в основном, для дворян. Максимум, чего могли добиться низшие сословия при царе, — это поступить в реальное училище. Правда, гимназии оставались бессословными, но плата за учебу в них повышалась (как это происходит и в нынешней России). Тем самым образование являло собой «умственную плотину», которая, как полагали консервативные мыслители, должна была в дальнейшем создавать и «политические плотины» на пути половодья революции.

В-шестых, неуклонное падение престижа консерваторов заметно усилило позиции радикального крыла дворян и разно-

**Учитель закона Божия среди гимназистов.
1900-е гг.**

чинцев. В дальнейшем к ним примкнет часть либерально-демократической интеллигенции. При этом все оппозиционные силы, без исключения, будут ставить задачу свержения самодержавия и последующей замены его конституционным строем. Ситуация еще более обострилась, когда в Европе, а затем и в России явились марксизм и социал-демократия. Все это создало условия для возникновения революционных ячеек за рубежом, усиления пропагандистской деятельности против царизма, массового рабочего движения, террора и даже экспорта революции. Революционная рать — утописты, марксисты, социал-демократы, анархисты — руководствовались желанием утвердить в России лучшее, справедливое общественное устройство. В свете всего вышесказанного и рост революционных настроений в России был неизбежен, как это имело место в Европе.

Глава 5. Реформы Александра II и отмена им крепостного права в России. Их результат

Вторая половина XIX в. в России, как это уже было в начале века, началась с надежд... Безвозвратно ушла в прошлое эпоха Николая I с властью III отделения, аракчеевщиной, крепостным правом, цензурой и консерватизмом. Казалось, наступает иная эпоха — вольнолюбивая, демократическая, иных «дней Александровых прекрасное начало». Россия вступала в эпоху правления Александра II (1855—1881). Время и воспитание сделали из монарха человека либерально-монархических воззрений. Многие в его взглядах объяснялось воспитанием и образованием. Если Николая I воспитал генерал Ламздорф, то Александра II взрастил поэт В.А. Жуковский, просветитель и друг Пушкина. Можно сказать, что подобно тому, как без Аристотеля не состоялся бы Александр Македонский, без Жуковского и его влияния не смог бы вырасти будущий царь-освободитель. Поэт отнесся к своей миссии серьезно. Об этом свидетельствует «Сокращенный план учения его имп. Высочества, государя, великого князя, наследника, цесаревича», подготовленный им за время пребывания в Дрездене (1826—1827 гг.). План очень основательный. Ради этого при-

шлось пожертвовать любезными его сердцу поэтическими занятиями. Дельвиг написал тогда Пушкину: «Жуковский, я думаю, погиб невосвратно для поэзии. Он учит великого князя Александра Николаевича русской грамоте и, не шутя говорю, все время посвящает на сочинение азбуки... Он исполнен великой идеи: образовать, может быть, царя. Польза и слава народа русского утешает несказанно сердце его». Эта преданность идее воспитания наследника даст в будущем определенные плоды. «Жуковский сделался великим педагогом, — писал Тургенев Вяземскому с некоторой иронией. — Сколько прочел детских и учебных книг! Сколько написал планов и сам обдумывал некоторые. Выучился географии, истории и даже арифметике. Шутки в сторону: он вложил свою душу даже в грамматику и свое небо перенес в систему мира, которую объясняет своему малютке. Он сделал из себя какого-то детского Аристотеля».

Благодаря его усилиям Александр смог ознакомиться с широким кругом самых различных предметов. Среди них такие, как: история, география, статистика, этнография, философия, математика, естествознание, физика, геология, языки (русский, французский, немецкий, английский, польский). При этом особое внимание уделялось изучению истории, так как история из всех наук, по словам В.А. Жуковского, «самая важная, важнее философии, ибо в ней заложена лучшая философия, то есть практическая, следовательно, полезная». Историю тот называл «сокровищницей просвещения царского», так как она учит на опыте прошлого, объясняет настоящее и предсказывает будущее, знакомя государя с нуждами его страны и его века. Поэтому история и должна быть «главной наукою наследника престола». Менее известно то, какое философско-политическое содержание вкладывал воспитатель в голову будущего императора России, тем самым формируя его мышление. Однако, зная, что волновало самого поэта, вероятно, можно восстановить общую канву, дух его уроков.

В.А. Жуковский

К тому же, известны его записи на форзацах и обложках книги И.Я. Энгеля, бывшего воспитателем у Фридриха Вильгельма III. Там Жуковский формулирует для себя то, что он назвал «вопросами для совести»: «Что такое свобода мысли? В чем ее выгода и в чем невыгода? Как достигает правда до государя? Кому вредит правда? Предупреждение». Сей последний пункт получает у него развитие в переводе статьи того же Энгеля («Fürsten-Wollust»), где есть и такие слова: «Кого тогда обвинять, если чувство ненависти обратится в дело ненависти, то есть в мятеж, народ ли, доведенный до сего чувства притеснительным правительством, или правительство, которое своими притеснениями произвело в народе сие чувство?» Любой из тех, кого интересует российская история, вынужден был задавать себе схожие вопросы... Александр II неплохо усвоил иные из уроков своего великого воспитателя. Возможно, что в его памяти крепко засели слова Жуковского из «Плана учения»: «Истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа». В то же время наследник не забыл, конечно, и назиданий отца, Николая I. Тот внушал сыну, что он не должен уступать «и на один шаг восстанию», а если надо, то и «пасть... на ступенях трона». Сохраняя верность идее незыблемости монархии в принципе, Александр II не мог не понимать и необходимости перемен в России. Мечта об улучшении жизни народа должна была вылиться в какие-то шаги по ее воплощению. Жуковский тому способствовал.

И вот его воспитанник стал императором. После коронации Александру II пришлось, как говорится, принять на руки «хозяйство». Положение России было далеко не безоблачным. Самодержавие потерпело ряд болезненных ударов (поражение в Крымской войне и т.д.). П.А. Валуев заносит в дневник: «Озлобление против порядков до 1855 года беспредельное и всеобщее», далее говоря, что «кризис в управлении приближается». Царизм характеризуется революционерами не иначе, как «безобразное чудовище». И не только революционерами... Недовольство в обществе распространено. Наряду с внутренними причинами, обусловленными экономической стагнацией, преследованиями либеральной и демократической мысли, были и внешние. Чувствительным ударом для России стало потеря Севастополя и поражение в Крымской войне. Военные факторы всегда играли (и будут играть) ключевое значение в вопросе стабильности государственной системы России. Итогом поражения стали и крайне болезненные ограничения в свободе торговли, а также запрещение иметь на Черном море свой военно-морской флот и базы. Было ясно, что Россия начала войну спонтанно, что страна к ней не подготовлена, «что не было ни оружия, ни снарядов, что все отрас-

Коронация Александра II

ли администрации плохо организованы, что наши финансы истощены, что наша политика уже давно была на ложном пути и что все это привело нас к тому положению, в котором мы теперь находимся». По словам фрейлины императрицы, это признание принадлежало императрице Марии Александровне. Смерть Николая I, что не вынес позора поражения (по словам А.Ф. Тютчевой, он пал жертвой осады Севастополя, «пораженный в сердце, как невидимой пулей, величайшей скорбью»), означала трагический политико-социальный рубикон... Ведь еще живы были в России ветераны, помнившие триумф русских войск и их победоносное вступление в Париж. (В качестве аналогии, чтобы читателю легче было представить себе чувства тогдашних русских патриотов, можно привести близкий пример из современной истории России... Каково им, нашим славным ветеранам, некогда взявшим Берлин, было наблюдать в конце XX в. за позорнейшими действиями гнусных предателей в Кремле, — Горбачева, Ельцина, Бурбулиса, Гайдара, Шеварнадзе, Козырева, Чубайса, Яковлева, Бакатина, иных военных и проч. и проч., что даже без проигранной нами войны осуществили развал России и сдачу ее территорий, баз, позиций и армий!).

Перед Россией замаячила перспектива превращения ее во второстепенного европейского игрока, с которым никто не считается. Чтобы этого не допустить, России в любом случае нужно было укреплять свою армию, усиливать ее военно-технический и экономический потенциал, становиться современной и сильной державой. Для этого надо было если уж не полностью менять характер политического строя, то по крайней мере хотя бы отказаться от уз крепостничества. Военный министр Д.А. Милютин в воспоминаниях писал, что Александр II должен был согласиться «на тяжкие жертвы для спасения России от грозившего ей совершенного разорения, а может быть, даже утраты политического ее значения в семье европейских держав». Необходимость серьезных реформ во всех сферах деятельности давно уж назрела, проблема была «за малым».

Крестьянка

И прежде всего это касалось положения крестьян. Вряд ли возможно нарисовать полную картину состояния основной массы народа, т.е. крестьянства. Но в целом положение его в конце XVIII-начале XIX вв. следовало признать тяжким, даже отчаянным. Законодательство четко закрепило за помещиками право продавать крестьян без земли.

Обед крестьян в поле

При этом крестьяне потеряли право иметь недвижимую собственность, брать подряды и откупа, торговать без особого разрешения помещика, отлучаться из деревни без его письменного разрешения. Подушная подать, натуральный и денежный оброк еще и выросли. В 60—90-х гг. XVIII в. оброк крепостных вырос в 4—5 раз, барщина местами достигала 6 дней в неделю. Крестьян кое-где лишили наделов, заставляя все время трудиться на помещика, введя продуктовый паек (месячину). Им стало не хватать земли даже для прокорма своих семей. Крепостничество продолжало распространяться вглубь и вширь. Так, за годы правления императрицы Екатерины II ею было роздано приближенным 800 тыс. душ крепостных, а Павел I за четыре года роздал около 0,5 млн. крепостных душ. Рост населения России еще более обострил ситуацию. Бесспорно, уже тогда среди крестьян обозначилось и предпринимательское ядро, которое в иных случаях составляло конкуренцию купечеству. За полвека до реформы

1861 г. министр уделов Гурьев, давая характеристику этим капиталистическим элементам внутри массы российского крестьянства, отмечал: «Они занимаются всякого рода торгами во всем государстве, вступают в частные и казенные подряды, поставки и откупа, содержат заводы и фабрики, трактиры, постоялые дворы и торговые бани, имеют речные суда». По оценкам, к 1820-м годам эти самые торгующие крестьяне по великому количеству своему «овладели совершенно многими частями городских промыслов и торговли, коими прежде занимались купечество и посадские». И все же эти люди не играли первой скрипки в Российском государстве.

Со временем взгляды наследника, а затем царя Александра II претерпели эволюцию... В 1830-х гг. Николай I поручил генералу П.Д. Киселеву написать проект освобождения русских крестьян, поскольку, как он изволил тогда выразиться, «пора, пора отпустить их на волю». «Пора, покоя сердце просит...» Но пройдет ряд лет, прежде чем по настоя-

Торговцы

нию отца Александр II в 1846 г. возглавит секретный Комитет по крестьянскому вопросу. Он оставался убежденным сторонником крепостного права. Шло время. И появились кое-какие подвижки. По оценкам, за период от указа Павла I (о трехдневной натуральной барщине) до 1860 г., т.е. примерно за шесть десятилетий, принято около 600 нормативных государственных актов, с помощью которых правительство пыталось отрегулировать процесс эмансипации крестьян. Но эти так называемые микрореформы мало что дали. Поэтому Россия в итоге и очутилась перед суровой необходимостью радикального решения крестьянского вопроса. Мировая практика землевладения побуждала правительство предпринять шаги навстречу интересам крестьян и их требованиям. В России в 50-е годы XIX века из двух форм сельскохозяйственного производства на долю крестьян приходилось уже около четырех пятых всех посевов (78,1 %), хотя в товарном производстве зерна доля помещиков и крестьян была примерно равна (у помещиков она чуть больше). Особенностью системы землепользования в России был ее общинно-уравнительный характер у крестьян. В свою очередь, помещики были не очень-то заинтересованы в развитии земледелия.

Совокупность политических, экономических, этических моментов и заставило императора встать на путь реформ. Александр II, видимо, понял, что если не исправить положение в России путем реформ, то, говоря словами Огарева, «рано или поздно государство лопнет, как кратер». Кроме того, он вынужден был прислушиваться и к мнению просвещенной Европы. Царь пришел к выводу: лучше упразднить крепостное право сверху, чем ждать, когда какой-нибудь новый Пугачев упразднит его снизу. Выступая перед представителями дворянства Московской губернии в Москве (1856 г.), Александр II скажет определенно: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить всем вам, что я не имею намерения сделать это сейчас, но, конечно, и сами вы понимаете,

Муравьев М.Н.

что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Однако большинство членов Тайного комитета встретили эту идею настороженно и враждебно.

Как выразился тогда современник, при этом всеми «стародурами овладел страх» не-

Салтыков-Щедрин. «Дикий помещик»

описуемый. Одним из таких «стародуров» был М.Н. Муравьев, получивший прозвище Вешатель за подавление польского восстания, его описал в памфлетах историк, «республиканец-князь» П.В. Долгоруков (1817—1868). М.Н. Муравьев в молодости был членом Союза спасения и Союза благоденствия, однако позже, напрочь забыв «грехи» своей молодости, занял место министра государственных имуществ. Как мы знаем, в России это место издавна золотое. Тут воровство и мздоимство считаются чуть ли не наивысшей гражданской добродетелью. Муравьев и был главным представителем «стародуров» в Совете министров, в Главном комитете по крестьянскому делу. Особо отличился тем, что решился забрать со вверенных ему государственных крестьян часть податей за следующий год. Этот самый Муравьев, являясь членом Секретного комитета, успокаивая помещиков, предводителей дворянства, уверял их, что вопрос об освобождении крестьян «выдумали люди, не имеющие недвижимой собственности: ученые, теоретики, поповичи». Он объявил жесточайшую войну возникшим среди крестьян обществам трезвости, помогая откупщикам в спаивании русского народа. П.В. Долгоруков писал: «До 1860 г. при открытии золотых приисков для упрочения за собой права отвода местности должно было обращаться исключительно в Министерство финансов, но Муравьев нашел средство запустить свою жадную лапу в эту доходную статью, и с 1860 г. места приисков отводятся не иначе, как с разрешения министра государственных имуществ... До какой степени Муравьев потворствовал своим чиновникам в грабеже крестьян, можно видеть из статей о притеснениях, в Архангельской губернии совершаемых, статей, помещенных в «Колоколе» 1860 г. Из «Самарских губернских ведомостей» видно было, что Муравьев не позволил некоторым казенным крестьянам Самарской губернии переселиться в Сибирь для поступления в амурские казаки. Где же тут улучшение быта?... Просто татарское бесправие, и более ничего!.. Если бы Муравьев жил в государстве, имеющем устройство разумное, на законах основанное, в государстве, где существовали бы полная гласность и Дума выборных людей для проверки действий чи-

новников и для наблюдения за исполнением законов, там его пороки не имели бы возможности разыграться, а его качества, его высокие умственные способности, трудолюбие, предприимчивость и энергия имели бы широкий простор для своего развития и для принесения отечеству благотворных плодов. Но рожденный в стране, где высшие должности достигаются не по указанию общественного мнения, а по прихоти гнусной дворни царской, Муравьев, одаренный от природы всем необходимым для государственного мужа в стране закона и свободы, явился в стране своеволия и бесправия палачом и придворным холопом». Такие вот сановные особы определяли характер самодержавия, управляя Россией вплоть до 1917 г. Против перемен выступали и сторонники официальной народности, вроде М.П. Погодина. Сын бывшего крепостного крестьянина, выучился и возглавлял кафедру русской истории в Московском университете. Отмечая в письмах бедственное положение народа, он в то же время опасался взрыва возмущения трудящихся масс: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев, Ледрю Роллен со всеми коммунистами не найдет у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Мадзини не переметнется никто, а Стенька Разин лишь клинки клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с какой стороны стена наша представляет проломы». Но хотя царь и колебался, деваться ему было некуда.

Царя побуждали проявить какую-то инициативу... Вот как о том времени говорил И.А. Гончаров: «С 1855 года начался ряд реформ — и я, конечно, рукоплескал им и теперь благословляю руку, совершившую их! Но как я жил в тесном кругу, обращался часто с литераторами и с одними ими, и сам принадлежал к их числу, то, конечно, мне лучше и ближе видно было то, что совершалось в литературе: как мысли о свободе проводились здесь и в Москве Белинским, Герценом, Грановским и всеми литературными силами совокупно, проникали через журналы в общество, в массу, как расходились и развивались эти добрые семена и издаലെка приготавливали почву для реформы, то есть как литература с своей сторо-

Крестьянка в царской России

ны облегчила для власти совершение первой великой реформы: освобождение крестьян, приготовив умы, пристыдив крепостников, распространив понятия о правах человека и т.п. Все это я видел, будучи внизу, и конечно неоднократно выражал мысль, что литература сослужила верную службу царю и России. Заслуга, конечно, принадлежит Преобразователю: ибо без него и десять литератур не сделали бы ничего!.. Он ее творец!».

Следует подчеркнуть, что эти намерения царя являлись в значительной мере и его личной инициативой, свидетельствующей о немалом мужестве и глубоком видении реальности. Полагаю, наличие у него ума, культуры, воспитания и привели к тому, что, по выражению иных, «его сердце обладало инстинктом прогресса». Хотя, на наш взгляд, тут еще сработали его политический реализм и инстинкт. Если бы не болезненное поражение России от противника, да еще на своей зем-

ле, кто знает, сколь долго бы еще запрягала «колымага российской империи». Н.Г. Чернышевский в адресованных царю «Письмах без адреса» (1862), тут же запрещенных цензурой, верно заметил: «Необходимость заняться крестьянским вопросом наложена была на Россию ходом последней нашей войны. В народе ходил слух, что император французов требовал уничтожения крепостного права и согласился подписать мир лишь тогда, когда в договор была внесена тайная статья, постановлявшая, что крепостным крестьянам дается воля. Не знаю, м.г., известна ли вам эта молва, принимавшаяся за истину всем нашим народом; но если она достигла вас, вы, конечно, еще лучше моего знали совершенную несправедливость столь странного мнения... А предчувствие, выразившееся в столь смешном для нас виде, было верно; оно говорило народу, что Крымская война сделала необходимою освобождение крестьян. Связь

Я.И. Ростовцев

этих двух фактов такова: военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны».

Как бы там ни было, а только после поражения созданы Секретный комитет и редакционные комиссии для выработки проекта освобождения крестьян. Царь рассчитывал на содействие дворян, надеясь, что те проявят инициативу в освобождении крестьян от крепостной зависимости. Но помещики и дворяне встретили начинания императора в штыки, заняв глухую оборону (кроме виленского генерал-губернатора В.И. Назимова, друга, и М.П. Позена, что предлагал дать крестьянам волю, но за выкуп, при согласии помещиков). Впрочем, семья царя, прежде всего брат Константин Николаевич, и личный друг, генерал-адъютант Я. Ростовцев умоляли Александра II пойти на спасительные реформы. Сыграла роль и ознакомительная поездка царя по 10 центральным и западным губерниям, предпринятая им в 1858 г.

Важнейшее социально-политическое дело XIX в. поручено было завершить тем, кто ранее был в стане декабристов. Такой вот политический зигзаг и парадокс истории. Хотя в подобном развитии событий была своя логика. Те, кто 40 лет назад мечтал о воцарении в стране законов конституции и идеалов свободы, должны были утвердить в России новый порядок. Во главе комиссий поставлен бывший декабрист Я.И. Ростовцев. Известно, что именно он в 1825 г. явился к Николаю I, рассказав о готовящемся выступлении, а затем участвовал в подавлении

восстания и был ранен. И вот теперь он вместе с другим декабристом, С.С. Ланским, выступал горячим защитником идеи освобождения крестьян, работая «не токмо за страх, но за совесть». Все они стояли на либеральных позициях, в том числе министр внутренних дел Ланской и ряд крупных чиновников (Н.А. Милютин, Я.А. Соловьев, А.Г. Тройницкий, др.). В ходе сложных баталей с реакционными чиновниками явился на свет манифест от 19 февраля 1861 г. Манифест гласил: «Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда». Александр II с воодушевлением воспринял его принятие. 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину своего восшествия на престол Александр II подписал все законоположения о реформе и Манифест об отмене крепостного права. 5 марта 1861 г. Манифест прочитан в церквях. Александр на разводе в Михайловском манеже сам зачитал его войскам. Манифест об отмене крепостного права предоставил крестьянам личную свободу. Отныне их нельзя было продавать, покупать, дарить, переселять по желанию помещика. Они имели право владения собственностью, свободу вступления в брак, могли самостоятельно заключать договора и вести судебные дела, могли приобретать недвижимое имущество на свое имя, имели свободу передвижения. Положение об освобождении крестьян распространялось на 45 губерний Европейской России. На таких крестьян, получивших статус «свободных сельских обывателей», были распространены и общие положения гражданских законов: они получали возможность менять место жительства, переходить в другие сословия, могли выступать в качестве юридических лиц по административным, гражданским и уголовным делам, беспощинно заниматься торговлей, получать в собственность имущество, открывать свои промышленные, ремесленные предприятия. По словам Тютчевой, в тот день царь сиял, говоря, что у него «такое чувство, будто сегодня пасхальное воскресенье». Этим актом он завоевал «право на бессмертие». Королю Пруссии Вильгельму царь писал: «У меня сознание, что я выполнил великий долг».

Александр II читает народу манифест об освобождении крестьян

Конечно, как всегда бывает у нас, в России, в «бочке меда» была немалая «ложка дегтя»: крестьяне должны были за получаемый надел выплачивать немалые суммы, что позволяло дворянам «кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены». По словам Ленина, подати и повинности с русского крестьянства сохранили на себе «громадные следы средневековья». Они составляли 70 % его чистого дохода. Напомним, что в 1859 г. в России в залоге находилось свыше 44 тыс. имений, сумма залога которых равна 425,5 млн рублей. Выкупная стоимость помещичьей наделной земли составляла 867 млн рублей. И эти огромные деньги были выплачены «благородным дворянам» из казны, то есть из кармана народа — всем этим ноздревым, чичиковым, коробочкам, плюшкиным. И хотя часть этих денег пошла на рационализацию помещичьих хозяйств, на перевод их на капиталистические рельсы, но большая часть была растрочена совершенно бездарным, варварским и преступным образом. Князь Мещерский вспоминал о «золотом дожде», что пролился на русское дворянство

в те шальные годы: «В каждую семью, в каждый дом свалились с неба крупные тысячные суммы в виде выкупных свидетельств... большая же часть (российского дворянства. — Ред.) с изумительной легкостью бросилась их реализовывать... Итальянская опера в Большом театре и французский спектакль в Михайловском театре никогда не представляли на моей памяти такого блестящего бельэтажного бомонда, как в эту зиму... Это были феерические выставки великолепнейших туалетов и фамильных драгоценных камней». Такую вот цену пришлось заплатить народу за так называемое освобождение крестьян на волю — от власти помещиков. Всего же бывшие крепостные выплатили государству в 1862—1907 гг. 1540 млн. рублей.

То обстоятельство, что положение об отмене крепостного права в России принято было вопреки большинству членов Государственного совета и фактически вопреки воле дворян и помещиков, явилось тревожным симптомом. Это означало, что правящие слои всячески будут сопротивляться и препятствовать реформам. Но в таком случае логика

П. Боклевский. Помещик Ноздрев

П. Боклевский. Делец Чичиков

подсказывала: реформы могут быть осуществлены не сверху, а снизу, самим революционным народом. Случись иначе, возможно, иной была бы и вся наша история. Реформы 1861 г., ударившие «одним концом по барину, другим — по мужику», многие даже сравнивали с «революцией». В 1877 г. появилась работа экономиста Ю.Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», где говорилось, что царские реформы не что иное, как мягкая форма гра-

бежа. В дальнейшем Л. Ходский, А. Кауфман доказывали ошибочность его расчетов, но их аргументы как-то проигнорировали. Хотя фактически помещичье землевладение сохранялось и укреплялось, а свободный крестьянин оказывался далеко не свободным. Крестьянский надел составлял в среднем 3,4 десятины на душу. В тогдашних условиях этого было совершенно недостаточно для прокормления семьи. Крестьяне вынуждены были брать землю в аренду у помещиков,

А. Волков. Обжорный ряд в Петербурге

идти на заработки в город, ибо более 80 % бывших помещичьих крестьян получили наделы, недостаточные и для нищенского существования. И все-таки страна после упомянутых реформ более решительно двинулась по капиталистическому пути развития.

Больше всего выгод от реформ получили помещики. Сверх действительной стоимости земли они получили 323 млн руб., что превышало продажную цену земли на 37,2 %. В черноземных губерниях цена земли по выкупу превышала продажную стоимость на 56 %, в нечерноземных губерниях — на 121 %. Условия погашения выкупной ссуды, как писал П.А. Зайончковский, предусматривали уплату крестьянами ежегодно в течение 49 лет суммы, равной 6 %. Крестьяне, таким образом, должны были выплатить государству 294 % выданной им ссуды. Сумма фактически в несколько раз превышала реальную стоимость земли, т.е. само же самодержавие выступило в роли спекулянта-ростовщика. В то же время государство оказалось в роли заимодавца, так как было вынуждено выплатить помещикам авансом 80 % стоимости земли. Понятно, что больше всего в выигрыше от этих манипуляций остались помещики. Долги крестьян и правительства росли. Вместо крепостного хомута крестьянин должен был надеть на себя долговой хомут. Это был верх несправедливости. Конечно, и крестьяне на Руси что называется себе на уме... Особенно это касалось зажиточного крестьянства. А. Фет вспоминал, как эта публика уламывала И.С. Тургенева отдать им землю. «Я из окна смотрел на эту сцену. Красивые и видимо зажиточные крестьяне без шапок окружили крыльцо, на котором стоял Тургенев, и, отчасти повернувшись к стенке, царапал ее ногтем. Какой-то мужик ловко подвел Ивану Сергеевичу о недостатке у него тягловой земли и просил о прибавке таковой. Не успел Ив. Серг. обещать мужику просимую землю, как подобные настоятельные нужды явились у всех, и дело кончилось раздачей всей барской земли крестьянам». Потом его брат, Н. Тургенев, приехал, вмешался и продал землю. Он же пристыдил господ кулаков: «Как же ты, Ефим, не постыдился просить?» На это тот простодушно ответил: «Чего же мне не про-

сить? Слышу, — другим дают, чем же я-то хуже?»

В 70-х годах, в период вызревания революционной ситуации среди крестьян прошел слух о «черном переделе»... В 1879 г. министр внутренних дел Маков доложил в Комитет министров: «В последние годы между крестьянами стали распространяться слухи о том, что будет передел земли, причем в некоторых местах толковали, что земля от дворян и купцов будет отнята и разделена между крестьянами по числу душ, в других же местностях говорили, что земля будет отнята у всех без различия звания землевладельцев, имеющих более 100 десятин. К слухам о земле присоединялись и разговоры об освобождении от подушной подати, а также и от всех платежей». Стоит ли говорить, что подобные слухи еще более будоражили крестьян. Революционно-бунтарские настроения в их среде крепили по мере того, как надежды на полное освобождение со стороны царя и помещичье-буржуазного строя испарялись. Помимо помещиков, от реформ выиграли кулаки и авантюристы типа гоголевского Чичикова. В то же время наиболее трусливые помещики, отмечал в «Литературных воспоминаниях» А. Скабичевский, «в паническом страхе стекались в города, а то бежали и за границу». Хотя в это же время проявилась тенденция, которая означала поворот определенной части дворян в сторону поддержки земских сословий. Среди них, видимо, заметил один из них, «Прудон и Герцен пустили глубокие корни в московской почве». Они предпочли устраниваться от борьбы. Ответом на это стало указание высших властей жандармам: выяснить, «в какой степени сильно влияние дворян на прочие классы населения и в какой степени последние доверяют первым».

Российское дворянство в тех исторических условиях, отмеченных реформой землевладения и наступления капитализма, с одной стороны, и пробуждением революционеров — с другой, показало, что оно неспособно противопоставить новым политико-экономическим силам сколь-либо внятную политику. А. Рибер прав, говоря: «...после Крымской войны дворянство в целом или хотя бы значительная его часть не объединилось

Восстание крестьян на площади

вокруг какой-то программы, чтобы защитить свои общие привилегии». Чем вызвана такая ситуация? Тому масса причин. Отметим лишь, что главной стало то, что общественное мнение России все решительнее высказывалось в пользу если не «упразднения сословий», то, бесспорно, в пользу ограничения полновластия дворянства. В этой ситуации дворянство не нашло общего языка ни с бюрократией, ни с купечеством и крестьянством, ни с царем и окружением. Позицию бюрократии в отношении попытки дворян создать консервативную партию выразил граф В.П. Орлов-Давыдов: «Мы видим в других странах, что, где собственникам предоставлена широкая доля участия в управлении, чиновничество исчезает». Разумеется, это было далеко не так, но у страха, как говорится, глаза велики.

Поэтому бюрократия и восприняла дворянство как конкурента и даже чуть ли не как такого Разина в ермолке... Поборник широкого самоуправления и самостоятельности крестьянской общины, Н.А. Милютин, который стал статс-секретарем при императоре, названный поэтом Некрасовым «честный кузнец-гражданин», также был невысокого мнения о реальных возможностях российского дворянства... Он говорил: «Никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся интересов и нужд всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему, и только ему одному принадлежит всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны». Это был яркий человек, связавший свое имя с великим делом крестьянской реформы, с началом русского

городского и земского самоуправления и с коренным преобразованием всего строя жизни в Царстве Польском... «В течение полутора десятка лет он был главой и душой тесного кружка верных слуг дела освобождения; все козни противников благого дела обрушивались преимущественно на его голову. Нужны были его железная воля, горячая преданность делу, неподкупная честность, его ум, ясный и живой, чтобы выдержать такую борьбу и не пасть под напором враждебных сил. Как человек, он привязывал к себе всех, близко его знавших, своей искренностью и сердечной добротой; редкий государственный человек имел столько преданных почитателей и друзей. Когда все жаловались на бедность сил, ему стоило лишь кликнуть клич — и вокруг него собирались десятки сотрудников. Речь его была необыкновенно увлекательна и электризовала слушателей. Он обладал редким умением сразу схватить суть дела, понять его практическую обстановку в данную минуту и вести его посреди самых затруднительных обстоятельств». Однако, когда в 1872 г. его хватил апоплексический удар и он умер, казалось, умерло и поддерживаемое им дело. К тому же крестьянство в России сначала выступало «более роялистом, чем сам царь», а потом выяснилось, что оно, по крайней мере беднейшая его часть, стала опорой революций. Одним словом, дворяне оказались в полной политической изоляции.

«В самом деле приходит в голову мысль, что Государь — самый заклятый враг дворянства, — записал Орлов-Давыдов, ознакомившись с проектом реформы. — Какая демократия узаконяется в России!.. Но дворяне так между собой разделены, что нет никакой (основы) для совокупного и упорного возражения». Вместе с тем и земство часто выступало против дворянства, так что дворянство оказалось в положении осажденного гарнизона, сидящего в Дворянском собрании, как в крепости. На новых началах дворянство преобразоваться не смогло, а на старых ему никто не дал бы организовать. Заколдованный круг. В итоге они потеряли сначала землю, а потом и голову.

После публикации «Манифеста» российское либеральное общество вдруг очень

Бал в дворянском собрании

дружно заговорило о грабительском характере реформ (народники, социал-демократы, либералы и пр.). Публицисты и очеркисты того времени, описывая картину упадка, деградации, оскудения российской сельской жизни, давали яркие зарисовки материального и духовного упадка дворянского сословия, неспособности его адаптироваться к рынку, к новым экономическим условиям XIX в. Между тем в ряде исследований (к примеру, в монографии А. Карелина «Дворянство в пореформенной России») было показано, что российское дворянство в ряде случаев сумело вписаться в капиталистическую систему экономических отношений. Разрушалась старая элита, но ведь параллельно шел процесс формирования и новых элит. В ряде пьес Чехова показано, как происходил рост демократических элит, формировавшихся из числа разночинцев, выходцев из духовенства, бывших крепостных. Кто-то заметил, что Великие реформы Александра II уподоблялись очистке каналов в Петербурге. Когда в XVIII веке начали чистить каналы, со дна их поднимались

зловонные миазмы. Всякая гадость обычно начинает всплывать со дна русского общества во время перемен. Несмотря на изъезды, реформы дали положительные результаты. Родилось новое русское общество. С этим трудно спорить. Но шаги царя-освободителя по большому счету никого не удовлетворили. Борьба обострялась. В обществе явились силы, которые подготавливали и приближали революцию.

В политической жизни России настали времена, которые с известной оговоркой и натяжкой можно назвать эпохой монархической демократии. Отменены указы Николая I, стеснявшие прессу и права граждан, отправлены в отставку некоторые одиозные государственные деятели. В обиход вошли такие слова, как «гласность» и «оттепель». Важным признаком открытости России стало облегчение выезда ее граждан за границу, на что М.Е. Салтыков-Щедрин откликнулся сатирической книгой «За рубежом». В результате число выехавших за рубеж в 1856—1859 гг. возросло в 4,5 раза (с 6 тыс. до 26 тыс. в год). Одновременно имели место: судебная реформа (гласный, бессловесный и независимый суд), реформа армии (в армии отменены телесные наказания, расходы на армию выросли с 33,6 % в 1861 г. до 37,8 % в 1862 г.), университеты получили устав, предоставивший им весьма широкую автономию.

Провозглашено равенство сословий и вероисповеданий, хотя по-прежнему сохранялась высокая плата студента за обучение. Была отменена для большинства изданий предварительная цензура. В сельской местности (1864) и в городах (1870) появились новые органы самоуправления. Главный итог освобождения 22,5 млн. крепостных — это экономический прогресс. Правда, за первые два года отмены крепостного права не было сделано никаких вложений в дело освобождения крестьян, кроме дорогостоящих кредитов. Росли подати и сохранялся дисбаланс расходов в бюджете страны. Налицо экономический кризис 60-х гг. Однако сбор зерновых превысил уровень 50-х годов почти на 20 %, картофеля — более чем в 2 раза. Сбор хлеба на душу населения возрос с 21 до 24 пудов, а вывоз хлеба в 1876—

К. Трутовский. Сбор податей

1880 гг. увеличился по сравнению с 1860 г. в 3 раза. При этом население России выросло на 10,5 млн человек. Интенсивно стало вестись строительство железных дорог. Темпы его превышали тогдашние общемировые: протяженность железных дорог в России выросла в 14 раз в 1861—1880 гг., а мировая железнодорожная сеть — лишь в 3,5 раза. За 20 лет (1860—1879 гг.) число машиностроительных заводов в России возросло почти в 2 раза (с 99 до 187), объем производства вырос в 6,5 раз! Крестьяне активно выкупали землю, купив за 1862—1882 гг. 6 млн десятин земли, хотя помещики еще владели большей частью земли. Но оставались и чудовищные диспропорции во владении земель, собственностью, капиталом. Сохранялись пережитки крепостничества. Операция продажи земель в собственность крестьянам принесла царской семье огромную прибыль... Капитал Александра II составлял на 1 марта 1881 г. около 11 740 000 руб. (цен-

ные бумаги, билеты Госбанка, акции железнодорожных компаний) .

В России политические силы слишком не терпеливы, желая быстрых перемен там, где для их осуществления нужны время и еще раз время, упорная и тяжелая работа поколений. Юрист, историк, философ Б.Н. Чичерин (1828—1904), говоря об эпохе реформ Александра II, писал: «1861 год видел преобразование, которое составляет эпоху в русской истории. 1862 год не менее плодотворен. В начале года в первый раз обнародован бюджет; затем в правительственном отчете объявлено, что цензуру книг предполагается уничтожить; теперь публикуются высочайше утвержденные начала нового устройства суда. Основания их: независимость судей, публичность суда, присяжные. Реформа следует за реформой; общественная свобода и гласность развиваются все шире и шире. Не есть ли это лучший ответ на односторонние суждения, на подозрения недовольных, на

возгласы нетерпеливых? Сердце русского бьется сильнее при мысли, что права наши будут ограждены, что бескорыстие и правда водворятся на русской земле. «Положение» 19 февраля даровало свободу 22 миллионам людей, реформа суда дает правосудие всем. В настоящее время нет преобразования более настоящего, более соответствующего и высшим нравственным требованиям, и насущной нужде народа, жаждущего защиты и правды. Это новый великий памятник нынешнего царствования, равный по достоинству первому; это новый залог благих намерений Монарха, на который русский человек отзовется признательностью и любовью. Те драгоценные стяжания свободы, которые другие народы нередко покупали своей кровью, мы получаем путем мирного развития, из рук правителя, воодушевленного мыслью о благе подданных. Но, радуясь великому делу и тем благодатным последствиям, которые оно обещает отечеству, мы не должны льстить себя надеждой, что оно может совершиться вдруг, что с введением нового судебного устройства исчезнет, как мрак перед солнцем, все то множество зол, которые накопились веками, на которые мы так долго негодовали напрасно: невежество, равнодушные, корысть, лихоимство, произвол» Одновременно с этим он высказывал опасения в отношении тех, кто не хочет удовлетвориться реформами, желая получить все и сразу. Чичерин предложил и развил лозунг «Либеральные меры и сильная власть». Лозунг нашел поддержку у власти. Однако его слова о «бескорыстии и правде» и «насущной нужде народа» оказались, скорее, благими пожеланиями и лучезарными надеждами, которые на Руси редко воплощаются.

**Манифест Александра II
об освобождении крестьян**

**Перо, которым царь подписал
«Манифест»**

Глава 6. Поворот к радикализму: Герцен, Бакунин, Достоевский, Белинский, Чернышевский

Следует остановиться на взглядах и судьбах тех, без которых социализм в Россию не пришел и не укрепился бы. Их немало, отважных фанатичных борцов с царизмом. Прежде всего их отличали мужество и верное понимание исторических задач, хотя иным из них будут присущи и такие черты как нигилизм, бунтарство и экстремизм. Радищев подает Россию в виде «чудища» («обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй»). При этом он доказывает, почему крепостной и рабский труд неэффективен, губителен для России. А. Радищев пишет: «Но если принужденная работа дает меньше плода, то не достигающие своей цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там, хотя бы и было кому есть, не будет; умрут от истощения. Такова нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан... К недостатку прокормления и одежды присовокупили работу до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях; тогда со ужасом узришь возникшее губительство неволи...» Довольно мрачно взиравший на прошлое народа, вообще на всю российскую историю, Д.И. Писарев не соизволил увидеть ничего светлого в ее прошлом. Из его уст вырываются горькие слова: «Мы не думаем, чтобы мыслящий гражданин России мог смотреть на прошедшее своей родины без горести и отвращения; нам не на что оглядываться, нам в прошедшем гордиться нечем...» В теории все они выступают за светлое будущее человечества. Н.П. Огарев признается в любви к человечеству, но, заметьте, вовсе не к отдельному человеку («Не люблю людей, но

люблю человечество»). В. Белинский, признавая, что уже во времена Екатерины II мы стали становиться мало-помалу «европейскими русскими, русскими европейцами», считал, что продвижение и прогресс идут слишком медленно и, дабы их ускорить, надо «прибегнуть к насилию». «Некоторые думают, что Россия могла бы сблизиться с Европой без насильственной реформы, без отторжения, хотя бы и временного, от своей народности, но собственным развитием, собственным гением. Это мнение имеет всю внешность истины и поэтому блестяще и обольстительно; но внутри пусто, как большой, красивый, но гнилой орех». В качестве правоты своих слов он приводит в пример Петра I. Тот выставлял позади войск (при битве под Лесным) заградительные отряды из калмыков и казаков с приказом убивать каждого, кто побежит, тем самым отрезав всякий путь к отступлению и бегству. Заметим, порой и такая мера бывает необходимой. В годы Великой Отечественной войны о суровой методе вспомнил И.В. Сталин. В том же духе вещал Писарев, говоря, что династия Романовых обречена: «То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью смердя-

Писарев

шие трупы» (что и будет сделано в 1918 г.). А Огарев прозрачно намекает: убийство царя не такая уж и страшная вещь. Он говорит, что убийство «сумасшедшего злодея» Павла I не могло не послужить офицерам неким напоминанием того, как надо расправляться с монархическими особами... И нет оснований делать из особы царя «что-нибудь неприкосновенное и священное». Эти слова впитывали в себя, как губка, русские революционеры.

В Европе преимущественно будет протекать деятельность многих звезд революционной мысли России — Герцена, Огарева, Бакунина, Кропоткина, Ленина и т.д. и т.п. А.И. Герцен (1812—1870) — бесспорный наследник идейных и мировоззренческих взглядов декабристов. Он мог бы сказать о себе примерно так же, как сказал Бестужев о себе и товарищах: «Мы все — дети 1812 года». Герцен — одновременно дитя 1812 и 1825 годов,

*Помещичий дом в усадьбе под Москвой
1810-е гг.*

ну и, разумеется, дитя Московского университета! Дети родителей, мы вольно или невольно наследуем их черты, образ жизни или, точнее, их жизненные ориентиры... Отец Герцена, как, впрочем, и брат отца, провел 20—25 лет за границей. Он был воспитан французским гувернером, уехал за границу, где прожил, скитаясь из страны в страну, до конца 1811 года. Там было сподручнее «устроить какую-то жизнь на иностранный манер без больших затрат и с сохранением всех русских удобств». Несмотря на скуку, царившую в родительском доме, Герцен вырос умным и отзывчивым юношей. Он чутко реагировал на события в России и за рубежом. В «Былом и думах» он скажет: «Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души». Определенный по протекции на службу в Кремлевскую экспедицию, Герцен, по его словам, больше «о службе ничего не слышал». Тем не менее через три года получил первый офицерский чин. Немалую лепту в его воспитание и образование внес Московский университет. Он пошел учиться на физико-математическое отделение. Тогда это был «опальный» университет, но в то же время с сильно выраженным демократическим уклоном. Двери в университет были открыты всякому, кто выдержит экзамен, кто не был ни крепостным, ни крестьянином, ни уволенным общиной. Первые университеты были не для богатей (не то что нынешние). «Студент, который бы вздумал хвастаться своей белой костью или богатством, был бы отлучен от

Герцен и Огарев

Московский университет

«воды и огня», замучен товарищами». На формировании взглядов сказалось то, что Герцен в юности знакомится с представителями пушкинско-декабристского поколения, с такими людьми, как М.Ф. Орлов и П.Я. Чаадаев.

Ранее нами уже отмечалось, что огромное значение для России имела прокатившаяся по Европе волна революций. Ф.И. Тютчев составил записку «Россия и революция» (она называлась еще «Россия и Запад»). Записка, написанная в 1848 г., создана человеком европейской культуры, огромного таланта. Она любопытна тем, что ее положения актуальны и сегодня. Хотя мы уже говорили о ней, следует еще раз напомнить ее содержание. Тютчев писал: «Уже с давних пор в Европе только две действительные силы, две истинные державы: Революция и Россия. Они теперь сошлись лицом к лицу, а завтра, может, схватятся. Между тою и другою не может быть ни договоров, ни сделок. Что для одной жизнь — для другой смерть. От исхода борьбы, завязавшейся между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества». Откликнулся на нее и Чаадаев: «Как вы очень правильно заметили, борьба в самом деле идет лишь между революцией и Россией; лучше невозможно охарактеризовать современный вопрос». Правда, его споры с Тютчевым были порой столь горячими, что едва не оканчивались дракой. К сожалению, русские националисты и революционеры так и не смогли прийти к пониманию и соглашению, и в этом была величайшая трагедия России. Мы же хотели бы вновь обратить внимание наших современников на за-

вет Ф.И. Тютчева: «Империя не умирает. Она передается».

Пылкие свободолюбивые души юношей рвались к подвигам во имя народа и свободы. Отдать все силы борьбе! В их руки попадали сенсимонистские брошюры, их проповеди и речи на процессе. «Они поразили нас», — писал Герцен. Произведения их и мысли и подтолкнули Герцена и Огарева к известной клятве, данной друг другу на Воробьевых горах. Вскоре Герцен в письме Огареву, написанном после университета, сообщил о своих планах: «История и политические науки в первом плане. Естественные науки во втором». Изучаемая им литература: Мишле, Тьерри, Вико, Монтескье, Шеллинг, Гердер, Локк, Мальтус, Гёте. Так, метр за метром продвигались они в сторону социализма, подобно группе отчаянных пловцов, плывущих к заветной цели, наперекор волнам и ветру. Но в 1834 г. после нелепой провокации следует арест Огарева и Герцена. Следственная комиссия по делу, к которому оба были не причастны («О лицах, певших в Москве пасквильные песни»), решит: одних — в крепость, других — в ссылку.

На Руси люди с обостренным чувством социальной справедливости уходят в бунт, как Болотников и Пугачев, в революцию, как декабристы, в эмиграцию, как А.И. Герцен и Н.И. Тургенев, в террор и убийства как Нечаев, Перовская и Фигнер. Однако минует долгих 13 лет, прежде чем Герцен в 1847 г. уезжает в Европу. Он вовсе не думает там оставаться навсегда. Прощальный вечер среди друзей и знакомых состоялся у Грановского (присутствовал и Чаадаев). Незадолго до отъезда за границу Герцен получил крупное наследство после смерти отца. Деньги сделали его свободным и богатым человеком и развязали руки. Он, как и его друг Огарев, уехал за границу, успев распродать всю его недвижимость в России и переведя капиталы во Францию. Это же касается и других эмигрантов первой волны, которые были довольно состоятельными людьми. Не опасаясь нищеты, они могли бороться против деспотии царизма сколько угодно. Как затем скажет Анненков, Герцен приехал в Европу не как наблюдатель, а как боец, не как зритель, а как ведущий «солист» демократического и соци-

И.И. Герцен

ального «хора»! Наблюдая за его поведением, анализируя его реакцию на события в Европе, мы понимаем: лихорадочная политическая жизнь, свобода печати, захлестнувшие Европу после революций, подхватили и понесли Герцена. Он почувствовал себя «буревестником», которому суждено громким криком оповестить всех о грядущей буре, о переменах в

России! Можете представить, как пришелся ко двору Европе Герцен с его «едкостью», злым юмором, критическими наклонностями ума, с качествами обличителя, тем более что обличать предстояло не любимую большей частью буржуазной Европы «дикую Россию». Намерение остаться за границей навсегда все более крепло. Он сообщил об этом другу, Анненкову, незадолго до отъезда того на родину, в Россию. Тот предупредил: как бы он не пожалел о своем решении. В ответ Герцен запальчиво воскликнул: «Нет, для меня выбора нет, я должен остаться, и если раскаюсь, то, скорее, в том, что не взял ружье, когда мне его подавал работник за баррикадой на Place Maubert». В этих словах эмоциональный порыв. На самом деле в голове его рождались мысли о том, чтобы донести до ушей народа свободное слово. Позже он скажет: «За эту речь я переломил или, лучше сказать, заглушил на время мою кровную связь с народом...» Затем будут первое издание «Колокола» (1857), издание совместной с Прудонем газеты, работа над статьями «Русский народ и социализм», книгой «С того берега», журнал «Полярная звезда» и т.д.

И. Репин. «Проводы новобранца». 1878—1879

Европа переживала период «социалистических родов». Однако ребенок оказался «выкидышем». В России, напротив, идеи социализма обрели невиданную силу и популярность. Хотя к идее воцарения социализма все относились по-разному. Грановский смотрел на него, скорее, как на болезнь века. Социализм ищет решение задач общественной жизни не на политической арене, уверял тот, а вдали от нее, тем он особенно и опасен для России. Белинский, Герцен, Огарев думали иначе. По мысли Герцена, социализм может стать волшебной лампой Аладдина, что по щучьему веленью преобразует общественную и экономическую жизнь. Огарев считал, что социалистические идеи могут обрести в России куда более прочную почву, нежели в обуржуазившейся Европе. Причина в том, что в России имеется община, в основе которой лежит общественная собственность на землю. Эта община может стать фундаментом социализма и опорой для народного самоуправления. «Крестьянская община в России — факт, и тут сила обычая так велика, что его изменить невозможно». Хотя ранее он же отмечал, что «наша община есть равенство рабства», в которой господствует «зависть всех против одного». Тем не менее он считал, что в крайней ситуации народ все равно вынужден будет опереться на общину как на последнюю опору. «Западники» не поймут этого никогда. Они не поймут, что если положение народа невыносимо, а реформы сверху не примут одобренного всем народом направления, то «рано или поздно государство лопнет, как кратер». У него видим немало верных мыслей. Так, он полагал, что коренной вопрос политики связан с экономическими переменами: «...перемена лежит в экономических данных государства, какое бы правительство ни было... Дело не в перемене правительства, а в перемене, которая улучшила бы положение людей». Но кто же должен осуществить эти коренные перемены? Лидерство в борьбе, по его мнению, должно принадлежать крестьянству. Он боялся, что пролетариат не справится с задачей «авангарда революции». Огарев писал: «Я боюсь встретить в наших социалистах выставление вперед исключительно городского образованного пролетариата

и приведение его в центр всех социальных стремлений, в особого рода сословие...» Такая тактика может лишить социализм мощной классовой опоры. Огарев полагал, что пролетариат должен примыкать к крестьянству.

В отношении капитализма и частной собственности социалисты были настроены, скорее, негативно, желая выступить ее могильщиками: «Собственность — это кража» (Прудон); «Нам представлен только один вид свободного труда — грабеж» (Вейтлинг); «Торговля и сословие купцов, ею созданное, не что иное, как паразиты в экономической жизни народов»; «Результаты коллективного труда рабочих достаются даром патрону, который всегда оплачивает только единичный труд»; «Цивилизация Европы есть прямое порождение праздных ее сословий» и т.п. Они смотрели с надеждой на приход эры социализма, как на новую фазу цивилизации. П.В. Анненков пишет: «Они думали, что из пепла старой цивилизации Европы возникнет феникс — новый порядок вещей, как венец и последнее слово ее тысячелетнего развития». А затем уж непременно придет черед и России. Правда, позволим себе заметить, что все они предпочитали эту собственность иметь, нежели не иметь. Они успешно продавали свои поместья, а уже потом, будучи за рубежом, занимались горячими дискуссиями и спорами о «вреде собственности» и необходимости ее отмены, пребывая в довольстве и сытости (Герцен, Тургеневы, Бакунин, Кропоткин и др.). Это, конечно, барский социализм. Хотя Огарев и умер в глубокой нужде.

России предстояло перейти от военного деспотизма и «немецкой бюрократии» к более простому «народным началам государственного строения». Казалось, никаких непреодолимых препятствий к этому у нас нет: нет веками сложившихся учреждений, нет укоренившихся обычаев, нет «тяжелой парламентской жизни», нет родов судейских фамилий, что словно по наследству судят и рядят народ, нет даже и освященного веками института монархической власти. Что преемственное, древнее, прочное? Табель о рангах, дворянская грамота, сенат, синод, крепостное право, чиновники? И Герцен продолжал: «Мы сто пятьдесят лет живем в ломке старо-

А.С. Грибоедов. «Горе от ума»

го; целого ничего не осталось, да и жалеть не о чем. У нас есть императорская диктатура и сельский быт, а между ними всякого рода учреждения, попытки, начинания да мысль, не привязанная ни к какой касте, ни к какому из существующих порядков. Мы с Петра I в перестройке, ищем форм, подражаем, списываем и через год пробуем новое. Достаточно переменить министра, чтобы вдруг из государственных крестьян сделать удельных и наоборот...» Перемены возможны, если государю удастся обуздать канцелярию и бюрократию. Поэтому и правительство, вступив «в эпоху реформ, ищет ошупью, хочет и не хочет, а те, которые могли бы дать совет, те бьются, как рыба об лед, не имея голоса». Герцен призывает власть в России сделать то, что и сегодня не грех было бы повторить и наконец-то завершить: «Имея власть в руках и опираясь, с одной стороны, на народ, с другой — на всех мыслящих и образованных людей в России, нынешнее правительство могло бы сделать чудеса, без малейшей опасности для себя». Однако правительство и царь, конечно, и не подумали прислушиваться к этим советам лондонского сидельца-диссидента.

Зато радикальная молодежь в России прислушивалась к словам Герцена, и еще как... Так, Г.Н. Вырубов писал в «Воспоминаниях»: «В самой первой молодости я был восторженным почитателем Герцена. Еще будучи в лицее, зачитывался я «Колоколом», который

тогда легко было получать через книгопродавцов. Мать моя, ездившая каждая лето на воды, привозила мне целые кипы «запрещенных книг», и главным образом, конечно, сочинения «Искандера» (псевдоним Герцена. — Ред.). Популярность его ныне трудно себе даже вообразить. На имя Герцена шел поток восторженных писем из России. Кавелин признавался Герцену: «Молодежь на тебя молится, добывает твои портреты... Словом, в твоих руках огромная власть... По твоим статьям подымаются уголовные дела, давно преданные забвению, твоим «Колоколом» грозят властям. Что скажет «Колокол»? Как ответится «Колокол»? Вот вопрос, который задают себе все, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всех классов». Молодежь прислушивалась к его словам: «В народ! к народу! Вот ваше место, изгнанники науки!» Героев литературы звал в ряды революционеров: «Чацкий, если б пережил первое поколение, шедшее за 14 декабря в страхе и трепете, сплюснутое террором, выросшее приниженное, задавленное, — через них протянул бы горячую руку нам. С нами Чацкий возвращался на свою почву». Напомним, что Чацкий — герой нашумевшего грибоедовского «Горе от ума».

Показательно и то, как один из будущих революционеров, меньшевик Мартов (Цедербаум), свое обращение к политике объяснял именно влиянием Герцена. В возрасте 14 лет он прочитал «Былое и думы» А.И. Герцена. Произведение это потрясло «все фибры души» и научило его «страстно ненавидеть царизм и Романовых». Позже он за активное участие в революционной деятельности будет исключен из университета, побывает в «Крестах» и станет одним из видных деятелей революционного движения, наряду с Плехановым, Лениным, Троцким и т.д. Правда, еврейские революционеры недолюбливали Герцена. Лев Троцкий, хотя и признавал, что тот был «умен чрезвычайно», но называл его не иначе как «варвар из грязной России». Он считал, что «великий свободолюбивый барин» был не на уровне задач, ибо не понимал пролетариата.

Другим возбудителем спокойствия стал великий русский критик В.Г. Белинский...

В.Г. Белинский

Сей мученики и борец («я в мире борец»), для которого «литература расейская» и была его жизнью, сделал немало, чтобы приблизить Россию к истине, а затем и к революции... В этом плане показательна его оценка А.И. Герценом, назвавшим Белинского «фанатиком», «человеком экстремы» (т.е. крайностей). Герцен писал о критике: «Его можно любить или ненавидеть, середины нет. Я истинно его люблю. Тип этой породы — Робеспьер. Человек для них — ничего, убеждения — все»... Такие типы и составят в будущем костяк отрядов террористов, а затем и революционной «Горы большевизма»... Сын флотского лекаря, Белинский был беден и попал в Московский университет, только на казенный кошт. Уже в первом литературном опыте, драме «Дмитрий Калинин» он пишет о «крепостнической тирании». Сочинение его признали «возмутительным» и вскоре, после продолжительной болезни Белинского уволили из университета (как было заявлено, «за малоуспешностью и по слабости здоровья»). Не вдаваясь в характеристику его литературной деятельности, заметим, что именно Белинский немало способствовал тому, что русская литература стала для многих читателей своего рода «революцией до революции». Однажды ознакомившись с книгой Л. Блана «История французской революции», он пережил настоящее откровение и потрясение. В одном из писем Боткину он признавался: «Ты знаешь мою натуру... Я с трудом и болью расстаюсь со старою идеею,

отрицаю ее донельзя, а в новую перехожу со все фанатизмом прозелита. Итак, я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания». И тогда Белинский решил, что утопический социализм Сен-Симона и Фурье это и есть «золотой век человечества», в котором будет реализовано «более права, более нравственности, более просвещения» (Герцен). Он писал в начале 1841 года: «Все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки... Пора освободиться личности человеческой». При этом он высказывал в самом начале убеждение, что эта «перестройка» должна начинаться именно сверху, как и при Петре Великом. «Да, у нас все должно было начинаться сверху вниз, а не снизу вверх, ибо в то время как мы почувствовали необходимость сдвинуться с места, на котором дремали столько веков, мы уже увидели себя на высоте, которую другие взяли приступом. Разумеется, на этой высоте увидел себя не народ (в таком случае ему не для чего было бы и подыматься), а правительство, и то в лице только одного человека — царя своего. Петру некогда было медлить: ибо дело шло уже и не о будущем величии России, а о спасении ее в настоящем. Петр явился вовремя: опоздай он четверть века, и тогда спасай, или спасайся кто может!.. Провидение знает, когда послать на землю человека...». Истинно так. Действие этого правила мы видели и в отношении современной России, которую в известном смысле в конце XX в. также спасло «провидение»... Правда, сам Белинский умер в 1848 году от чахотки. Говорили, что он умер вовремя, ибо наша доблестная «полиция ежедневно справлялась о состоянии его здоровья, о ходе его агонии». Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, проживи он чуть дольше. Возможно, что реформы Александра II, освобождение крестьян, успехи русской литературы действительно наполнили бы «сладостью его сердце». Однако учитывая, что тот же И.С. Тургенев характеризовал его как человека, который «умел ненавидеть» (he was a good hater), навряд ли он встал бы в число восторженных апологетов тех реформ.

Ведь он как-то заявил Панаеву во всеуслышание: «Подкупить меня нельзя... Клянусь вам, Панаев, — вы ведь еще меня мало знаете...» Хотя с другой стороны, вряд ли стал бы и вызывать к топору, страхась бездны, что, видимо, однажды разверзлась перед ним. Он говорил: «Мы сделали зрячими. История открыла нам глаза. Не лучше ли было бы, чтобы они закрылись навсегда». Его преждевременная смерть избавила его от того, чтобы увидеть триумф его идей, террористического движения, которое увело страну с эволюционной дороги. Как скажет о нем Луначарский, «террорист жил в Белинском».

Россия — страна с ярко выраженным бунтарским и индивидуальным началом. Поэтому величайшим заблуждением и глупостью является утверждение о рабологии нашего народа. Только люди типа А. де Кюстина или А. Олеария (и нынешние русофобы) могли утверждать, что русские «привыкли к бичам», «рабы по природе» и что «человеческое достоинство, как вы знаете, в России неведомо». Отголоски этого мнения слышались и в словах некоторых русских мыслителей. Тот же Герцен утверждал в «Письмах с того берега» (1850): «Какие мы дети, какие мы еще рабы и как весь центр тяжести, точка опоры нашей воли, нашей нравственности — вне нас». Условием освобождения от рабства он считал революционный бунт! Однако это «рабство» очень часто имеет продолжением невиданную способность к бунту и восстанию. Нет другого народа на земле, который был бы в состоянии годами копить ненависть, а затем выплеснуть ее на тирана и угнетателя. Радищев говорил, что русский народ очень терпелив, но, когда его терпению приходит конец, ничто его не удержит. Именно свободолюбивое начало, крайняя степень вольницы, и сделало в народе столь популярными фигуры М. Бакунина и П. Кропоткина.

Одним из выдающихся умов того времени, оказавшим немалое влияние на ход развития мысли в России, был М.А. Бакунин (1814—1876). Сын дворянина, он, по словам В.И. Ленина, стал заметным представителем «непролетарского, домарксистского социализма». Хотя невольно напрашивается замечание а пропос: по сути, пролетарского социализма

как такового в ту пору да и позднее не было. Идеологами пролетариата в подавляющем большинстве случаев выступали представители дворянства, буржуазии, разночинцы и крайне редко сами пролетарии (и то, скорее, как исключение из правил). В данном случае мы, конечно, не можем рассмотреть все творческое наследие М. Бакунина. На него, безусловно, оказал воздействие К. Маркс своей убежденностью, эрудицией, железной логикой, преданностью делу борьбы за интересы пролетариата. «Редко можно найти человека, который бы так много знал и читал и читал так умно, как г. Маркс, — писал он. — Исключительным предметом его занятий была уже в это время наука экономическая. С особенным тщанием изучал он английских экономистов, превосходящих всех других положительностью познаний и практическим складом ума, воспитанного на английских экономических фактах, и строгою критикою и добросовестною смелостью выводов. Но ко всему этому г. Маркс прибавлял еще два новых элемента — диалектику, самую отвлеченную, самую причудливо тонкую, которую он приобрел в школе Гегеля, и точку отправления коммунистическую». Бакунин — первый русский, взявший на себя труд серьезно ознакомиться с идеями Маркса. В его трудах почерпнул он азы материализма, политэкономизма, атеизма. Хотя крайность воззрений автора сразу же бросилась ему в глаза: «Маркс был тогда гораздо более крайним, чем я, да и теперь он, если не более крайний, то несравненно учнее меня. Я тогда и понятия не имел о политической экономии, и мой социализм был чисто инстинктивным. Он же, хотя и был моложе меня, уже был атеистом, ученым-материалистом и сознательным социалистом. Именно в это время он вырабатывал первые основания своей настоящей системы. Мы довольно часто встречались, потому что я очень уважал его за его знания и за его страстную и серьезную преданность делу пролетариата».

Вся его жизнь была подчинена борьбе... Он участвовал во многих политических бунтах, не раз приговаривался к смерти, был выдан русскому правительству, а затем сослан в Сибирь, откуда и бежал. М.А. Бакунин — критик теории «естественного права»

и «общественного договора», певец анархизма и русского бунта (страсть к разрушению, считал он, творческая страсть). Особый интерес представляет его практическая деятельность. Если Герцен и Белинский делали акцент на пропаганду и просвещение масс, то Бакунин главным делом своей жизни считал достижение революционных перемен путем восстания трудящихся масс. Если Герцен, образно говоря, точил лезвие ума, то Бакунин и сам был готов взять топор в руки. Герцен писал в 1859 г.: «К топору, к этому *ultima ratio* притесненных, мы звать не будем до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора». Бакунин такие «разумные надежды», судя по всему, уже давно растерял, глядя на ход революционных процессов в Европе. В письме к Герцену он, отмечая огромное значение его политической, пропагандистской работы, вместе с тем говорил: «Теперь весь вопрос в том, что ты из нее сделаешь? Россия требует теперь практического руководства и практической цели. Дает его «Колокол» или нет? Если нет, то через год, может быть, и через полгода он потеряет и смысл и влияние, и вся сила, созданная тобой, рухнет перед первым смелым, самонадеянным мальчиком, который за неспособность думать, как ты, будет смеять лучше, чем ты. Подымай зная на дело, Герцен, подымай его со всей свойственной тебе осторожностью, со всем возможным благоразумием, тактом, но подымай его смело. А мы пойдем за тобой и дружно будем работать с тобой». Следует добавить, что этим «делом», о котором говорит Бакунин, конечно, имелось в виду восстание, которое русские революционеры намечали поднять в Центральной России весной-летом 1863 г., полагая, что к тому времени начнутся крестьянские волнения. Желание Бакунина привлечь в свои ряды Герцена понятно, ибо тот после краха европейских революций 1848 г. разочаровался в Европе, в ее «мелкобуржуазном» духе. Та уже не способна подняться к высотам абсолютной свободы. У Герцена, свято верившего в социализм, имелось и свое видение будущей судьбы России. Он исходил из того, что «у русского крестьянина нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммуниз-

М.А. Бакунин

ма; эта нравственность глубоко народная». Согласно такой нравственности, законна и «новая пугачевщина», в результате которой можно подпустить помещику «красного петуха». Здесь Герцен близок бакунинской теории бунта. Насилие — повивальная бабка истории. Без насилия не совершается на земле никаких разумных и конструктивных перемен. Любая власть, по Бакунину, означает отрицание свободы. Отсюда его анархические взгляды и убеждения. Одним словом, он — сторонник бунта против тирании власти, индивидуальной и социальной, представленной и узаконенной государством. В работе «Бог и государство» Бакунин утверждал, что любое государство исторически создано с помощью насилия, а потому «необходимое зло». Резко и нелицеприятно высказывается он в адрес богов: «...Покуда мы будем иметь господина на небе, мы останемся рабами на земле, а наш разум и воля будут приравнены к нулю».

Более определенно по этому вопросу Бакунин высказался в письме в газету «La Liberte» (1872), где отчетливее проявляется анархический характер его политических воззрений: «Мы полагаем, что политика, обязательно революционная политика пролетариата должна иметь своей единственной и непосредственной целью разрушение государства. Нам непонятно, как можно говорить о международной солидарности, если хотеть сохранить государство, — разве что возмечтать о вселенском государстве, т.е. о вселенском рабстве, мечте великих императоров и пап. Ибо по самой своей природе государ-

ство есть враг этой солидарности и, следовательно, вечная первопричина войны. Мы не считаем возможным вести речь о свободе пролетариата и действительном освобождении масс и, следовательно, их эксплуатацию в интересах правящего меньшинства. Мы не допускаем мысли — даже на переходную революционную эпоху — ни о национальных конвентах, ни об учредительных собраниях, ни о временных правительствах, ни о так называемых революционных диктатурах; ибо мы убеждены в том, что революция чиста, честна и реальна только в массах, и в том, что, если она сосредотачивается в руках нескольких руководящих лиц, она неизбежно и немедленно становится реакцией. Таково наше убеждение, и не место нам здесь развивать эти мысли». Тут мы видим какую-то странную смесь максимализма и идеализма. Воплощение бакунинского идеала, если даже предположить вероятность появления такого строя, просто немыслимо в земных условиях. Даже на Олимпе существовала строгая иерархия богов. Но русским не зря приписывают максимализм в идеалах. По мнению Л. Карсавина, «русские всегда хотят действовать во имя некоего абсолюта или подняться на уровень абсолюта». Что поделаешь! Русский человек так высок, так устремлен ввысь, что, как его ни занимай, как не подрезай, а он все равно норовит встать вровень с богами.

Как же практически намеревался Бакунин достичь своих целей? Он требовал от молодежи оставить учение и науки, идти в народ и поднимать его на бунт. В письме к С.Г. Нечаеву он заявляет о необходимости употребить «разбойничий мир как орудие народной

революции, как средство для совокупления и для разобщения частных общинных бунтов» (кстати, его совет учтут и большевики во время крестьянских восстаний). Но, понимая в глубине души, что его поколение на это не способно, он охотно готов передать нелегкое и, как он хорошо понимает, кровавое дело в руки иных людей, с «крепкими нервами и железною волей». Мысль о том, что удастся из разбойников сделать людей с «новой душой», очень и очень сомнительна. Правда, Бакунин готов не только разрушать, но и строить. В этом вопросе он уповает на силы общины, полагая, что в России все в состоянии решить вольная экономическая община. Случись у нас революция, «провались государство со всеми своими чиновниками, русская деревня организуется без малейшего труда, сама собою в тот же день». Тут же, словно спохватываясь, говорит, что необходимо как-то соединить волости, уезды, области, ибо общины «страшно разведены, почти не знают друг друга и часто становятся друг к другу во враждебное отношение, по древнему русскому обычаю». Так что, куда ни кинь — всюду оказывается клин... Получается, что и для устройства «революционной победы» нужна сила, «тайная организация», которая вплотную займется этим вопросом, ибо народ не в состоянии «связать все это в систему». Однако где найти таких людей, где найти таких помощников? Ведь на Западе «помощники революции, выходя из привилегированных классов, оказывались почти всегда ее эксплуататорами». Но в России, конечно, почему-то полагал он, все должно быть иначе.

Бакунин и стал глашатаем мирового революционного пожара, который должен спалить старый мир. Н. Бердяев называл его «русским барином, объявившим бунт», а Н. Огарев утверждал, что есть «что-то отвращающее в этом человеке». Несмотря на весь его идеализм (а во время революционного восстания в Дрездене он предлагал выставить впереди борцов-революционеров «Мадонну» Рафаэля в твердой уверенности, что войска правительства не решатся стрелять), это был типичный русский революционер, глубоко преданный делу служения трудовому народу. По признанию того же Бердяева, в его анархизме была

Г. Доре. Участь русских крепостных крестьян.

Н.А. Некрасов

существенная доля славянско-русского местнианства, а потому что-то от него «войдет в коммунистическую революцию, несмотря на его вражду к марксизму». Бакунин был одним

из первых, кто предвидел, что в марксистско-еврейском социализме сокрыто семя жестокой тирании. В 1849 г. он выскажется в том духе, что социализм разовьется во всех его фазах «до крайних последствий, до нелепостей». Тогда из груди революционного меньшинства вырвется «крик отрицания», после чего «снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, не известною нам революцией». Нечто похожее случилось в России в конце XX века.

Все наши «бунтари» находили кров и прибежище в Европе... Заграница давно уже стала настоящим инкубатором врагов российской власти. В частности, после приезда в Англию в 1852 г. А.И. Герцена и фактически до наших дней к берегам Соединенного Королевства струится достаточно стабильный поток «русских» политэмигрантов. Среди них было немало евреев, бежавших из России от притеснений и насильственного обращения

Кому в русской деревне жить хорошо?

в православие (несколько десятков тысяч). Показательно признание и Дж. Слэттера (Англия), констатировавшего: российские евреи, обосновавшись в лондонском Ист-Энде, и составляли большинство участников «политспектакля на тему эмиграции». Сегодня вновь изрядное число этих авантюристов и воров, как из числа российских евреев, так и не евреев, обрели пристанище и политическое убежище в Англии.

Литераторы, публицисты, — а что же русские поэты? В народ шли не только под впечатлением клича Герцена и Бакунина, но и под влиянием страстной музыки Некрасова. Н.А. Морозов вспоминал: «Повальное движение того времени учащейся молодежи в народ возникло не под влиянием западного социализма... главным рычагом его была народническая поэзия Некрасова, которой все зачитывались в переходном возрасте, дающем наиболее сильные впечатления... Поэтические образы и выражения надолго сохраняются в памяти каждого. Некрасов же был великий поэт, его образы были могучи!..» Революционеры в 1874—1879 гг. двинулись в народ. То был внутренний порыв. С.М. Степняк-Кравчинский писал: «Ничего подобного не было ни раньше, ни после. Казалось, тут действовало скорей какое-то откровение, чем пропаганда... Точно какой-то могучий клик, исходивший неизвестно откуда, пронесся по стране, пронизывая всех, в ком была живая душа, на великое дело спасения родины и человечества. И все, в ком была живая душа, отзывались и шли на этот клик, исполненные тоски и негодования на свою прошлую жизнь, и, оставляя родной кров, богатства, почести, семью, отдавались движению с тем восторженным энтузиазмом, с той горячей верой, которая не знает препятствий, не меряет жертв и для которой страдания и гибель являются самым жгучим, непреодолимым стимулом к деятельности...» Л.А. Тихомиров писал, как в 1874 г. сотни человек двинулись в народ с котомками и книгами. «Планы» и «мечтания» их были крайне неопределенны. Массу молодежи потянуло в народ, хотя никаких окончательных решений у них не было, кроме как посмотреть и ощупать почву. Зачем шли? Что дальше? «Может быть, делать бунт, может быть, пропаганди-

ровать». А вот каковы впечатления П. Кропоткина о той же поре: «Во всех городах, во всех концах Петербурга возникали кружки саморазвития. Здесь тщательно изучали труды философов, экономистов и молодой школы русских историков. Чтение сопровождалось бесконечными спорами. Целью всех этих чтений и споров было разрешить великий вопрос, стоявший перед молодежью: каким путем может она быть наиболее полезна народу? И постепенно она приходила к выводу, что существует лишь один путь. Нужно идти в народ и жить его жизнью. Поэтому молодые люди и отправлялись в деревню как врачи, фельдшеры, народные учителя, волостные писаря, чтобы еще ближе соприкоснуться с народом, многие пошли в чернорабочие, кузнецы, дровосеки. Девушки сдавали экзамены на народных учительниц, фельдшериц, акушеров и сотнями шли в деревню, где беззаветно посвящали себя служению беднейшей части народа. У всех их не было никакой еще мысли о революции, о насильственном переустройстве общества по определенному плану. Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков его идеал лучшей социальной жизни». Налицо поразительная вера этой народнической русской интеллигенции в народ России.

Спору нет, интеллигенция, что шла «просвещать народ», порой имела о нем плохое представление. Как заметил академик В.П. Безобразов, народ русский оставался чужд ее миру. Только изредка узнавал он из газет о злобе дня. Однажды А.Г. Достоевская, жена писателя, заметила в адрес Огарева, который, как выяснилось, ничего не слышал о романе «Преступление и наказание»: «...русский, а не знает решительно русской литературы... Право, смешные люди, а еще издают русские книги, а литературы русской и действительности русской не знают». Эти слова вполне подходили и к знанию интеллигенцией народа. Народный мир был далек от «движения идей», что происходили в живущем над их головами оторванном от них мире «интеллигенции». У народа были свои проблемы, совсем иного рода. Между интеллигенцией и наро-

Народ

дом давно уж пролегла пропасть. Так или иначе это ощущали обе стороны. Когда в 1878 г. торговцы и мясники Охотного Ряда набросились на студентов, что сопровождали тюремные кареты с их коллегами с криками «Бей их! Валяй!», и едва не ворвалась в университет, где совершенно мирно трудились химики, физики, анатомы, те же студенты попросили Достоевского разобраться в «анатомии» этого процесса. Почему отношения между народом и интеллигенцией, как заметил Кизеветтер,

подобны отношениям извечных исторических противников — Рима и Карфагена. Вопрос задали студенты историко-филологического факультета (среди них — 19-летний П. Миллюков). Достоевский ответил: «Многоуважаемые г-да, писавшие мне студенты <...> ваши вопросы захватывают все, решительно все современное внутреннее России...» Писатель сказал, что не они лично виноваты в разладе с народом, а все общество, которое есть «ложь со всех сторон». И «молодежь несет на себе

ложь всех двух веков нашей истории». Но, отстраняясь от общества, покидая его, студент «уходит не к народу, а куда-то за границу, в «европеизм», в отвлеченное царство небывалого никогда общечеловека, и таким образом разрывает с народом...». И, чувствуя это, народ отвергает попытки сближения, поскольку видит в них стремление по-барски руководить им: «Все эти хождения в народ произвели в народе лишь отвращение». Нельзя насильно навязывать ни религии, ни свободы. Нельзя презирать привычки и обычаи тех, кому хочешь сделать добро: «Презрение не ведет к любви!» Пока народ не испытывает к ним, к юным интеллигентам никаких дружеских чувств. «Барчонки», — вот его приговор. «А между тем, — продолжает Достоевский, — тут есть ошибка и со стороны народа; потому что никогда еще не было у нас, в нашей русской жизни, такой эпохи, когда бы молодежь (как бы предчувствуя, что вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь

над бездной) в большинстве своем огромном была более, как теперь, искреннею, более чистою сердцем, более жаждущею истины и правды, более готовою пожертвовать всем, даже жизнью, за правду и за слово правды. Подлинно великая надежда России!» Такая молодежь существует и сегодня, и она еще, искренне в это верю, послужит народу.

Эта отчужденность народа от интеллигенции после убийства царя Александра II 1 марта 1881 г. переросла в настоящую враждебность. После убийства царя крестьяне в деревнях стали озирались по сторонам, подозревая каждого неизвестного приезжего, чтоб не пустить «злодеев». «Но все-таки вся эта мрачная сфера революционной агитации и политических преступлений остается для нашего народа совсем посторонним, как бы чужеземным миром; из него происходят как бы только насильственные вторжения в народную жизнь и посягательства на ее святыню, совершенно непонятные народу иначе,

Уходят в народ

К. Савицкий. «Беглый»

как какие-то иноземные набеги». И все же народ, даже неграмотный, стал уделять «нигилистам» больше внимания, которого прежде не удостоивал их вовсе. Он стал видеть в них людей дела. Вспоминается переписка Станкевича, Тургенева, Бакунина. Н.В. Станкевич писал Бакунину: «...Из идеи можно построить жизнь, то есть идея непременно становится делом, знает свое дело и наслаждается им»; «наука должна перейти в дело» (письмо к Бакунину, 1840 г.). Так вот было заброшено в народную почву семя революционной агитации.

Нельзя понять причин успеха социализма и большевизма в России, если не принять во внимание то, что крестьянин жил в условиях, постоянно отмеченных насилием в отношении его. Естественно, что и он проникался идеями насилия. Насилие порождает насилие, хотя и не излечивается насилием. Настроения крестьян были «предреволюционными». Но вряд ли кто-либо рискнул назвать их «коммунистами». Ткачев писал Энгельсу: «Народ наш невежествен — это факт... зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного землевладения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции». Оценка Ткачева имеет под собой идеологический подтекст. Либералов нельзя заподозрить в сочувствии к революционе-

рам. Но и они отмечали, что среди крестьян ходят тревожные слухи. Борьбы между дворянством и крестьянами еще нет, но «она уже наготове» (1857). Крестьяне не хотят более повиноваться помещику. А потому, если полностью не уничтожить власть помещиков над крестьянами, ненависть меж двумя этими условиями «поселится окончательно» в стране. 45 губерний из 47 в европейской части России были охвачены крестьянскими волнениями. Интересно и то, что от реформ все ожидали чуда: ждали быстрого разрешения проблем, ликвидации всех мерзостей и несправедливостей, ждали денег, земли и воли. Крестьяне хотели полного освобождения от власти помещика, хотели земли, помещики хотели сохранения своих привилегий и компенсаций, либералы хотели свобод и конституции, литераторы и ученые жаждали полнейшей независимости и т.п. При этом, как заметил Бунин, интеллигенция, оставаясь вообще-то белоручкою, будничным, сермяжным трудом откровенно брезговала; и идеализм ее был, в сущности, барским.

Может быть, отсюда и проистекала ее извечная оппозиционность, критика всего и всех: «Критиковать-то ведь гораздо легче, чем работать». Отсюда и громкие и выпендренные заявления типа: «Я задыхаюсь среди всей этой николаевщины (или «путинщины»,

разницы нет никакой! — В.М.), не могу быть чиновником, сидеть рядом с Акакием Акакиевичем, — карету мне, карету! Какая это старая русская болезнь (интеллигентов), это томление, скука, эта разбалованность — вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колючку!» Хотя в России были и культурные помещики, представители высокой дворянской культуры, отличавшиеся умом, прогрессивными взглядами, умелым хозяйствованием. Но об этом разговор отдельный.

Одной из таких ярких фигур был Алексей Степанович Хомяков (1804—1860). Прадед его, Ф.С. Хомяков, стал владельцем богатых тульских имений, как говорилось тогда, не милостью батюшки-царя, а по приговору крестьянского мира. Несмотря на то, что отец А.С. Хомякова слыл «ярым англоманом», сын его являлся одним из столпов славянофильства. Это был тот «тип энциклопедиста», который в XIX в. еще можно было встретить в России. Историк и историософ, социолог и правовед, полиглот-лингвист, знавший древние и новые европейские языки, драматург, поэт, художник, блестящий дилетант-самоучка (С.М. Соловьев), выдумщик и охотник, он успешно освоил и экономику сельского хозяйства, увлекся техникой, изобрел паровую машину «с сугубым давлением» (за что даже получил патент в Англии). В годы Крымской войны его инженерный ум предложил даль-

нобойное ружье и хитроумные артиллерийские снаряды. Помещик-практик, он способствовал внедрению сельскохозяйственных инноваций (открыл новые рецепты винокурения и сахароварения, отыскивал в Тульской губернии полезные ископаемые, разрабатывал способы улучшения дорог, занимался медициной). В идейном плане это был вольнодумец, которого полиция даже обвинила «в неверии в Бога и в недостатке патриотизма», хотя вряд ли кто-либо из его поколения писал больше, чем он, на эту тему, считая, что «тайны Божии открыты нам от начала». Свет ненавидел его за искреннюю и глубокую любовь к простому народу (этот человек ночами плакал, думая о горькой доле бедняков). А.С. Хомяков прекрасно отдавал себе отчет в том, что крепостная, помещичья Россия является врагом народа. Он писал: «Как бы каждый из нас ни любил Россию, мы все, как общество, постоянно враги ее, разумеется, бессознательно. Мы враги ее потому, что мы иностранцы, потому что господа крепостных соотечественников, потому что одуряем народ». Об этой самодержавно-чиновничьей и помещичьей России он скажет:

А на тебе, увы! Как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

А.С. Хомяков

Иные не могли простить ему того, что он «о мерзостях России» говорил совершенно открыто («трубил во все рога»). Знаменательно и то, что этот великий человек погиб в 1860 г., 56 лет от роду, в эпидемию холеры, спасая сотни любимых им собратьев-крестьян (хотя и был помещик). Хомяков умер неожиданно, в расцвете жизненных и творческих сил, как скажет Ю.Ф. Самарин, умер на бегу и был похоронен в земле Данилова монастыря. Были такие помещики на Руси. Хомяков, его поколение (декабристы) то задумывали революцию, «бунт славян», то бежали из родительского дома — «помогать эллинам». Внуки же сделали эту революцию. А правнуки заняли

И.С. Аксаков

в отношении реформ в России позицию безучастного наблюдателя или циничного накопителя, холодно и равнодушно воспринимая беды страны, нищету науки, культуры, образования. Впрочем, мы видим, что ситуация, кажется, меняется в лучшую сторону.

Эйфория, охватившая общество с ходом либеральных реформ Александра II, походила на безумие. Опасаясь, что свобода может привести к противоположным результатам, И.С. Аксаков взывал к перевоспитанию общества в духе русской народности. Он пророчески говорил: «С изумительным бесстыдством, выдаваемым нами за героизм беспристрастия и обличавшим наше внутреннее легкомыслие, пустились мы щеголять обличением общественных ран и язвин, неумолимо высматривая их с помощью микроскопа и нисколько не постигая нашей настоящей коренной болезни. Мы дали у себя простор такой гласности, которой подобную едва знала и Англия, — не щадили лиц, проповедуя уважение к человеческой личности, — и уже поздно догадались, что громадное наше тело не приметшь никакой гласностью, что скоро притупится об него острие нашей ветреной, несерьезной, трескучей, хвастливой гласности!» Куря себе фимиам, неумоимо раздавая налево и направо себе лестные эпитеты «молодых», «све-

жих», «непочатых», — возмечтали, что с этими силами можем разом спрыгнуть на высшую степень европейского благоустройства и цивилизации», наводнив литературу проектами реформ и переворотов. Кстати, и во время реформ XX в. либеральная публика, возрадовавшись освобождению от «крепостного права» и гегемонии партии, а по сути от России, стала рушить, громить все вокруг и повела себя, словно сорвавшийся с цепи цербер.

Новая волна политической эмиграции была представлена уже не столько дворянством, сколь мешанами, разночинцами и интеллигенцией. Это были люди совсем иного качества и склада. Против них правительство применяло иные способы борьбы. Многие из них были террористами. Кумиром народовольцев стал фанатик и убийца С.Г. Нечаев (1847—1882). Он — участник революционного движения, организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера», призывавший к «полному, повсеместному, беспощадному разрушению». Нечаев заявлял, что революционер разорвал связь с гражданским порядком и всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира, «знает только одну науку, науку разрушения». Он возглавлял несколько сот человек и готовил некий заговор, рассчитывая захватить императорские оружейные заводы, вооружить рабочих. Его оружие — методы мистификации и провокации. В Москве он убил студента Иванова в 1869 г., сделав контрольный выстрел в затылок. Переодевшись в женское платье, скрылся за границей. В 1872 г. был выдан швейцарскими властями и приговорен к 20 годам каторги. По делу Нечаева арестованы 152 человека, 72 привлечены к суду. Будучи заключен в крепость, Нечаев строил там фантастические планы: надеялся захватить во время богослужения в соборе царя и семью, а затем уничтожить их, а заодно и сопровождавшее их высшее чиновничество. Письма к царю он писал собственной кровью. Это производило впечатление на слабонервных. Впрочем, даже такой серьезный ученый, как Р. Пейн сравнивал его с молодым львом, что и в клетке «наводил ужас на всякого». Жизнь свою заключенный

С.Г. Нечаев

Алексеевского рavelина закончил в 1882 г. «в результате падучей болезни, осложненной цингой». Но для народовольцев этот убийца и шантажист стал героем. Из нечаевской могилы прорастут «герои» и палачи будущих битв террора и революций. В течение многих и многих лет Ленин будет изучать нечаевское

наследие и так проникнется его духом, что порой «ощущал себя почти Нечаевым». От близких друзей и соратников он никогда не скрывал, как многим он обязан Нечаеву, его идеям, и, по словам В. Бонч-Бруевича, даже удостоил того звания «титана революции».

Для иных голов, охваченных лихорадкой революции, казалось, что перед Россией нет иного выбора, кроме как воззвать народ «к топору». Радикалы «Молодой России» жаждали крови. В их прокламациях начала 60-х годов читаем: «Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48-го года, но и великих террористов 92-го года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90 годах». Эти озлобившиеся и оторванные от реалий России люди оказались в эмиграции. Там, в Англии, Швейцарии, Франции, США и возникло некое подобие «второй России». Герцен начинал вольное книгопечатание с обещания

Алексеевский рavelин Петропавловской крепости

«новой пугачевщины»: «Страшна и Пугачевщина, но скажем откровенно, если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено». Напомним клич Пугачева: «Жгите, грабьте, разрушайте! Хватайте дворян, сделавших вас холопами, вешайте их, не оставляя никого в живых!» В «Письмах из провинции», опубликованных в «Колоколе», безапелляционно утверждалось: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничего, кроме топора, не поможет!» (1860). Не важно, кто из них на самом деле, Чернышевский или Огарев (как считают) был автором лозунга. Под письмом стояла подпись — «Русский человек», а псевдонимы Огарева — Р.Ч. и Русский человек. Огарев дружил с Бакуниным, активно поддерживал Нечаева и вообще считал разрушение творческим актом. Он призывал к насилию, убийству дворян, попов, выразив это в стихе-прокламации «Гой, ребята, люди русские!..»

Припасайте петли крепкие
На дворянские шеи тонкие!
Добывайте ножи вострые
На поповские груди белые!
Подымайтесь, добры молодцы,
На разбой — дело великое!

К концу жизни Герцен уже выражал сомнение в правильности ранних устремлений и призывов «к топору». Хотя он, как говорил Ленин, и «поднял знамя революции», он все чаще задумывался над тем, к чему может привести бешеный пароксизм масс, наблюдаемый им в Европе. Призывы к «разнузданию дурных страстей», разбою и грабежу могут явиться началом страшного и неугасимого пожара и в России. «Мы понимаем революцию в смысле разнуздания того, что теперь называют дурными страстями...» — писал Бакунин к Герцену и Огареву. Эта бакунинско-нечаевская программа тревожила Герцена, ибо он стал задаваться вопросом: «А что потом?» Социалистическая идея должна иметь четкий план: «Общее постановление задачи не дает ни путей, ни средств, ни даже достаточной среды. Насильем их не завоюешь». В письмах к Бакунину и отчасти к Огареву, сравниваемых с Ек-

клесиастом («К старому товарищу»), слышен глас зрелого, умудренного опытом Герцена. Говоря о русском социализме, он неожиданно для многих встает на почву экономизма, а не революционной целесообразности, грабежа или насилия. «Экономический переворот имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями — в трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его — таково обращение с данным. По мере того как он вырастает из состояния неопределенного страдания и недовольства, он невольно становится на реальную почву. Тогда все другие перевороты постоянно оставались одной ногой в фантазиях, мистицизмах, верованиях и неоправданных предубеждениях патриотических, юридических и пр.». В его словах слышен уже не призыв «к топору», но призыв «к разуму». Похоже, что, внимательно изучив, осмыслив опыт Европы, он понял, нет, скорее интуитивно почувствовал, что может случиться с Россией, если «грядущие гунны» захватят в ней власть. Особо актуально в свете грядущих событий звучали слова «патриарха» о необходимости бережно отнестись к культурно-научному наследию.

Пророчески звучат герценовские предостережения в адрес российских революционеров: «Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую... И кто же скажет без вопиющей несправедливости, что и в былом и отходящем не было много прекрасного и что оно должно погибнуть вместе со старым кораблем». «Довольно христианство и исламизм наломали Древнего мира, довольно Французская революция наказала статуй, картин, памятников, — нам не приходится играть в иконоборцев». Не думаю, что Герцен тем самым отказывался от «русского социализма». Скорее, лишь хотел предостеречь от крайностей революционного безумия. Но,

Литературный спор

прекрасно зная бескрайний русский наш характер, видимо, не заблуждался. Ведь даже говоря о споре «западников» и славянофилов, т.е. людей вполне европейского уровня, он как-то заметил, что если в споре победят славянофилы, то «нам бы пришлось жариться где-нибудь на лобном месте». Увы, эти слова в революционной пустыне России в дальнейшем обретут зловещий и роковой смысл.

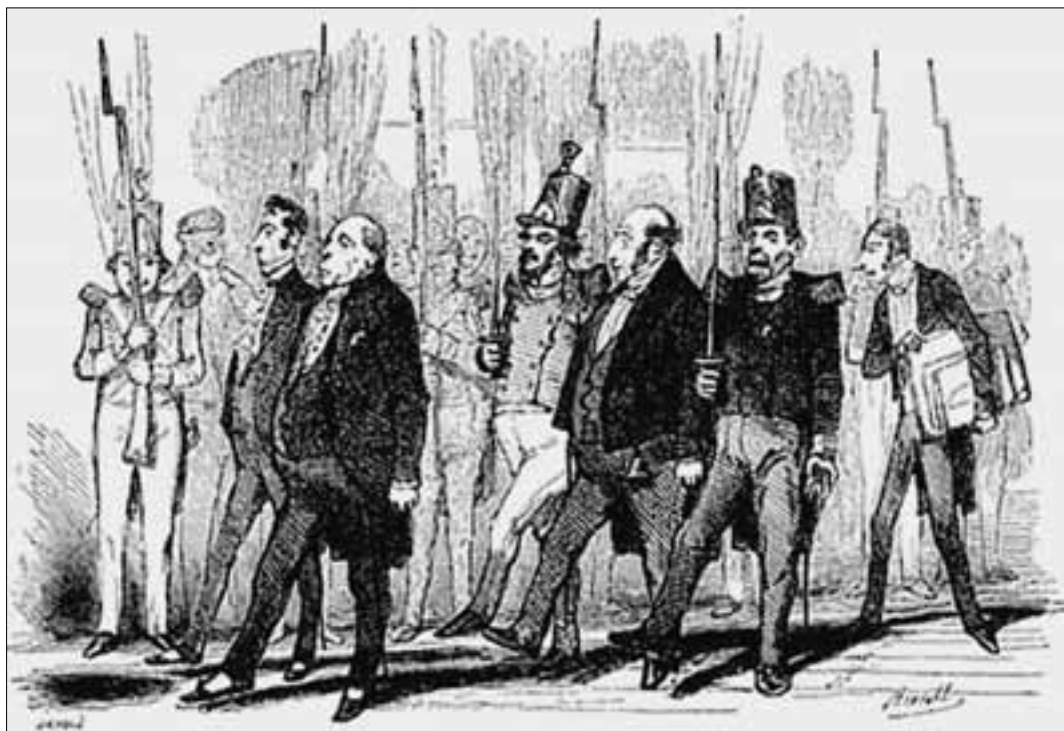
Тем временем страсти накалялись... Следующий случай взбудоражил демократическую среду. В 1862 г. в Петербурге состоялся литературно-музыкальный вечер в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. На Мойке собралась огромная аудитория. Были Некрасов, Достоевский,

Чернышевский. Молодежь пришла посмотреть на своих кумиров. Проф. П.А. Павлов прочел речь «Тысячелетие России». Лекция вызвала шумный отклик в общественных кругах. Профессор говорил: «в продолжение целого тысячелетия Россия была рабовладельческой страной», предрекал «похороны» отжившему строю, призывал администраторов идти по пути реформ, обращал внимание на «бездонную пропасть» между классами, намекал на возможность скорого «исторического переворота». Публика четыре раза вызывала его аплодисментами. Это был *heros de la soiree!* (франц. — герой вечера). И хотя речь его, по словам очевидцев, «ничего особенного не заключала», но правительство, напуганное

студенческими беспорядками и крестьянскими волнениями,отреагирует быстро, хотя неадекватно. Профессора уволили, арестовали, отправили в ссылку (хотя ненадолго). Суровость властей объяснялась их страхом.

По словам сокурсника Писарева А.М. Скабичевского, весной 1862 г. власти ожидали чего-то грозного, полагая, что «не сегодня-завтра разгорится настоящая революция». Студенты и профессора разделяли протестные настроения. Профессора Костомаров, Менделеев, Сеченов, Бекетов, Сухомлинов, другие заявили о бойкоте своих публичных лекций, отказавшись от их чтения. И.С. Аксаков недоумевал — к чему надо было ссылать Павлова?! «Какая ошибка со стороны правительства. Михайлов, Павлов пожалованы правительством в герои, как иных оно жалует в генералы!». Вспомним, тогда же широкий отклик получили прокламации «Молодой России», где ее авторы предрекали кровавую революцию и истребление «императорской партии» (один из авторов сей прокламации, П.И. Заичневский, был сыном помещика). Прокламации

были написаны «в кровожадном, маратовском тоне». В них содержался призыв к убийству членов императорской партии. Заичневский (сын генерала) воззвал к топору, пожарам (в дальнейшем был сослан в Сибирь). В Петербурге вскоре начались пожары, опустошавшие целые кварталы, сгорел Апраксин двор. И.С. Тургеневу говорили: «Посмотрите, что делают ваши нигилисты: они жгут Петербург». Сожжены были Симбирск, родина Ульянова-Ленина, и ряд поволжских городов. Ответом на эти провокационные и террористические действия станут суровые и жесткие меры царского правительства. Революцию предполагалось осуществить силами молодежи, с помощью привлечения на свою сторону войск, как говорится, по-бланкистски и по-якобински, т.е. «сверху», путем захвата центров власти. Упомянем тут и признания Н.С. Русанова, одного из деятелей подполья той поры, который заявлял о необходимости переворота силами «революционной интеллигенции и революционизированного ею войска с прибавлением лучших людей из общества и

Арест профессоров

отрядов рабочего класса в больших центрах»

Разумеется, немалую лепту в становление революционного мышления в России внесли русские писатели. Роль писателя в России исключительно велика. Писатель у нас — это пророк, мессия и судья одновременно. Великий писатель... В условиях тогдашней России это было особенно верно, ибо «всякое другое действие, кроме слова, и то маскированного, было невозможно» (Герцен). Ту же причину, побудившую его войти в литературу, называл и поэт-петрашевец А.Н. Плещеев: «Литература была единственным моим прибежищем. Здесь я мог по крайней мере оставаться «человеком». Всякая другая деятельность у нас более или менее холопская...»

Совершенно исключительное место среди предвестников революции занял Ф.М. Достоевский (1821—1881). Он едва ли не главный предтеча революций в России, предсказавший катастрофы XX в. Его творчество — поиск художественной и социальной правды. В «Дневнике писателя» он скажет: Русский народ одержим одной болезнью: «Как она называется? Жажда правды, но — неутоленная». Стремление обрести эту самую неутоленную правду и привело его в кружок М. Петрашевского, где обсуждались планы преобразований России в духе идей французского социалиста Ш. Фурье (1847). Петрашевский был помещиком и идеалистом, он искренне верил в счастье человечества. В своем имении он попытался создать фаланстер на манер Оуэна или Фурье, полагая, что и в крепостнической и самодержавной России это возможно. Но крестьяне имение сожгли. Разумеется, Петрашевский не был революционером, в то время революционной деятельности деятельности *sui generis* (самой по себе) в России «не было и не могло быть, — все происходило в сфере мысли».

Но идеи тем не менее были популярны среди части юношества. Иные из них, подобно Спешневу, были атеистами, коммунистами, близкими к марксизму. Мирные собрания петрашевцев закончились столь же печально, как заканчивались в России почти все попытки добиться социальных преобразований. Члены кружка были арестованы, и 21 человек из них приговорены к смертной казни с последующей заменой ее каторгой (1849).

Обряд казни петрашевцев. 1849 г

Приговор гласил: «...Отставного инженер-поручика Достоевского за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского... подвергнуть смертной казни расстрелянием». Далее события разворачиваются следующим образом... Осужденных к высшей мере привозят на Семеновский плац, имитируя приготовления к смертной казни. Достоевскому пришлось пережить страшные минуты. В последний момент сообщают царскую милость — о замене казни каторгой, ссылкой. Членов кружка, включая Достоевского, арестовывают и помещают в Петропавловскую крепость. Четыре года он пробыл в Омской каторжной тюрьме, служил солдатом, унтер-офицером, прапорщиком в Семипалатинске. В 1859 г. ему «милостиво» позволили вернуться в Тверь. Вскоре и это ограничение будет снято. Наконец-то, Федор Михайлович получил долгожданную возможность вернуться в столицу, Петербург. Только в 38 лет собственно начинается писательская жизнь. В 60-е гг. выходят его «Записки из Мертвого дома», роман «Униженные и оскорбленные», «Записки из подполья» (1864), «Преступление и наказание» (1865—66), «Идиот» (1867—68), «Бесы» (1870—73), «Подросток» (1874—75), «Братья Карамазовы» (1878—80), другие произведения.

Революционеры, число которых тогда весьма невелико, использовали «эффект долгого ожидания». Достоевский однажды сказал о 1860—1870-х гг.: «Все реформы были сделаны прежними людьми, мимо помощи нашей молодежи, — она только свистела». Не совсем

Ф.М. Достоевский в ссылке

так. Молодежи надоело ждать, она перестала свистеть и стала стрелять, отозвавшись на действия царя-освободителя не «признательностью и любовью», а выстрелами, подкопами и бомбами.

Достоевский велик и всеобъемлющ как писатель и мыслитель. Но в нашу задачу не входит рассмотрение его политических воззрений, тем более художественных достоинств. Его отношение к лагерю так называемых прогрессистов и демократов показывает уже одна фраза, где он называет их лагерем «либералишек и прогрессистов». Показательно и то, что свой «Дневник» (1877) он начинает главой «Несчастливцы и неудачники», где сразу идут строки: «Трудно представить себе более несчастных людей, как французские республиканцы и их французская республика. Вот уже скоро сто лет тому, как в первый раз появилось на свет это учреждение, и с тех пор каждый раз (теперь уже в третий), когда ловкие узурпаторы конфисковали республику в свою пользу, никто-то не вставал серьезно ее защищать, кроме какой-нибудь кучки. Всенародной сильной поддержки ни в один раз не было».

Хотя воспринимать революцию по Досто-

евскому и не совсем верно, но он довольно точно угадал направление. Глубоко чувствуя страдания, боль и горе миллионов униженных и оскорбленных, он не мог не видеть несправедливости существующих в России порядков. Как писатель он радеет о личности, как мыслитель — о народе. Эту особенность подметил Бердяев в работе «Миросозерцание Достоевского». С одной стороны, тот придает исключительное значение личностному началу, будучи, можно сказать, «фанатиком личного начала». С другой стороны, в его книгах высока роль соборности и коллективности. Правда, Бердяев обвиняет художника в ложной идеализации русского народа, его коллективизма. На деле русскому народу, это подтвердил трагический опыт XX в., порой не хватает личной ответственности, самодисциплины, духовной автономии. Достоевский соблазняет читателя русским коллективизмом, слиянием с почвой, в которой он надеется обрести высшую правду. Несмотря на это, человек у него все же остается на первом месте. Н.А. Бердяев придерживается художественно-антропологического взгляда на произведения писателя: «В романах Достоевского нет ничего, кроме человека и человеческих отношений, — так пишет он. — Это должно быть ясно для всякого, кто вчитывался в эти захватывающие дух антропологические трактаты». Или в другом месте: «Глубоко поставлен у Достоевского лишь вопрос о человеке. Вопрос об обществе и государстве у него ставится не очень оригинально... Выше всего и первее всего для Достоевского —

Каторжники на строительстве Транссиба

**Письменный стол Ф.М. Достоевского
в доме-музее писателя**

душа человеческая, она стоит больше всех царств и всех миров, всей мировой истории, всего прославленного прогресса». Никто так глубоко, как Достоевский, не проникал в мир мыслей и образов, надежд, страхов и иллюзий революционеров из самых низов народа.

Что же касается близости к западникам или славянофилам, то Достоевский все-таки был ближе к последним, хотя и писал, что западничество «реальнее» славянофильства. Видимо, узрел в славянофилах родственную ему душу. Но сумел ли в конце «скорбного пути» он, как это утверждал С.Н. Булгаков, примирить положительный универсализм христианства, национализм и демократизм — большой вопрос. Ведь соединить достижения западной демократии, дисциплины, законов и свобод с некой самобытностью российской цивилизации, особенностями Востока оказалось тогда делом трудно достижимым, если и вообще возможным. Так, С. Булгаков писал: «Достоевский вместе с Аксаковым разделял все предрассудки славянофильства, согласно которым наибольшая народная свобода достижима при отсутствии всяких юридических ее гарантий, существующих на Западе. Но, считая западную свободу для нас недостаточной, Достоевский практически оказывался политическим реакционером». Однако в его выступлениях, в его «выходах против всей Европы» была, на наш взгляд, и интуитивная правда. Ведь поставить высшей нормой международных отношений начала любви, а

не ненависти народов друг к другу практически так и не удавалось ни Европе, ни Америке. И менее всего способна к этому алчно-воинственная и циничная капиталистическая цивилизация. Европа и Америка, похоже, так и не научились любить или хотя бы уважать Россию. Достоевский же считал возможным соединить в русском народе лучшие качества человеческой цивилизации.

В черновиках к «Подростку» (Бердяев скажет о романе: «Вот «Подросток», одно из самых гениальных и недостаточно еще оцененных творений Достоевского») писатель говорит о том, что глубоко волновало ум: «Версиров о неминувости коммунизма. Жизнь людей разделяется на две стороны: историческую и ту, какая бы должна быть (оправданную Христом, явившимся во плоти человеческой). Та и другая стороны имеют неизменные законы. По этим законам коммунизм восторжествует (правы ли, виноваты ли коммунисты). Но их торжество будет самую крайнюю точкою удаления от царства небесного. Но торжества надо ждать. Его, однако же, никто не ждет из правящих судьбами мира сего...» Что-то заставило его верить в пришествие коммуны.

Власти никогда не ждут того, что должно произойти! А между тем Европа уже 20 лет жила в революционных порывах и демократических устремлениях! Достоевский гениально выразил еще одну из сторон революционной личности, а именно его «сатанинскую» ипостась. В 1872 г. им был закончен роман «Бесы». Материалом к роману послужило убийство С. Нечаевым некоего Иванова. Правда, в дневнике писатель сказал: «Лицо моего Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящего Нечаева». Незадолго перед тем тот вернулся из-за границы с выданным ему лично Бакуниным мандатом «Русского отдела всемирного революционного союза» и «Катехизисом революционера». Их Нечаев и использовал для саморекламы, организации «боевых пятерок», в дальнейшем ставших костяком терроризма в России. В романе делается попытка нарисовать строй социалистов и коммунистов (так, как это тогда виделось Ф.М. Достоевскому). Эти «бесовские планы» сфокусированы в личности и монологах П. Верховенского. Он так рисует

образец будущего мироустройства: «Шигалев — гениальный человек, у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов; не надо высших способностей! Их изгоняют или казнят. Цицерону отрезается язык, Копернику выкалываются глаза. Шекспир побивается камнями — вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина! Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отседа...» Критики этой теории возражают, что Шигалев (т.е. революционеры) ставит своей целью разделить человечество на две неравные части: 1/10 получают свободу личности и безграничное право над остальными 9/10. Те же «должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо». Далее объясняется методика революционной работы: «Мы проникнем в самый народ... начнется смута!»

Вся Русь «затуманится», и уже не от социализма, который является «старой песней», от иной силы — еще и не слыханной! Методом едкого сарказма писатель пытается так наперчить «горькое блюдо революции», чтобы оно непременно было отвергнуто массами. Он рисует образ революции уродливо, надеясь, что само ее уродство оттолкнет народ, а некрасивость убьет саму идею. Народ будет средством. Верховенский говорит: «Народ — средство, мне до него никакого дела нет. Я знаю, что смуту теперь можно сделать в народе, и все тут...». Писатель ошибся в одном: идеолог террора и бунта Ставрогин не покинул Россию, не уехал в Швейцарию, чтобы там повеситься «от бессильной злобы», а вернулся... И массы от него не только не отвернулись, но и подняли его на пьедестал власти и славы. Видно, не совсем понимал великий писатель, какая бездна ненависти скопилась в сердце угнетенных масс, какие дикие чувства рождаются там. Достоевский в образе Ставрогина вывел конкретную историческую личность, представителя революционного направления Спешнева, входившего в круг

И. Репин. «Арест пропагандиста»

Петрашевского. В романе «Бесы» писатель, безусловно, осуждал методы революционного террора. Своим острием роман был направлен против революционеров. Чего стоят хотя бы эпиграфы к роману, взятые из Евангелия (о бесах, что по воле Иисуса из безумца вошли в свиней) и из стиха Пушкина «Бесы»: «Хоть убей, следа не видно; / Сбились мы. Что делать нам! / В поле бес нас водит, видно, / да кружит по сторонам...»

Однако читатели, пожелавшие заглянуть в роман глубже, чувствовали глубокую внутреннюю боль писателя. Бесы-то ведь везде — и там, и тут! В этом все дело! В том вся суть! Ф.М. Достоевский в «Дневнике» признавался, что в молодости он и сам мог бы стать нечаевцем. Поэтому-то не раз и возвращался к теме «нечаевского чудовища», желая понять его корни. В бесах-революционерах тоже заключена частица Божьей воли... Кстати, так это и понимал С. Булгаков, некогда «очарованный» социализмом: «Нет, здесь «Бог с дьяволом борется, а поле битвы — сердца людей», и потому-то трагедия «Бесы» имеет не только политическое, временное, переходящее значение, но содержит в себе зерно бессмертной жизни, луч немеркнувшей истины, как все великие и подлинные трагедии, тоже берущие себе форму из исторически ограниченной среды, в определенной эпохе». Сказано точно и верно. Это — Трагедия!

Не будучи революционером, надеясь, что «красота спасет мир», и что великая роль в этом принадлежит Христу, Достоевский не мог обойти и те явления, что лежали на поверхности социальной жизни. Соглашаясь с тем, что в романе «Братья Карамазовы» немало провидческого, он заявил, что работает над его продолжением. Мало того, за несколько месяцев до смерти Достоевский признался издателю, А. Суворину, что намерен написать новый роман, где Алеша Карамазов должен выступить в роли цареубийцы. Алеша должен будет покинуть место святого уединения, присоединиться к нигилистам и стать убийцей царя. Так молодой человек, боголюбец и монах, становится революционером и атеистом. Писатель, видимо, сам того не желая, сумел предугадать ряд деталей и судеб будущих героев, палачей и мучеников

революционных событий, верно описав методы и психологию поведения не только иных большевиков, но и белогвардейцев-буржуев, а также «демократов». Еще в большей степени он «угадал» методы и тактику царского правительства, что погрязло в шпионстве, провокаторстве, доноситељстве, интригах и прочих «замечательных» особенностях полицейского режима. Царизм — крестный отец тех методов, что в дальнейшем будут успешно использованы и усовершенствованы советской системой.

Достоевский — исключительное явление, хотя явление во многом «катастрофическое»... В суть революционных устремлений широких масс он глубоко вникнуть не пожелал, хотя и был «фанатиком личного начала». Возможно, как считают иные, этот величайший из русских литературных гениев находил удовольствие в создании своего рода подземелья российского общества. Точнее будет сказать — ада и чистилища, в лабиринтах которого блуждают людские души. Возможно, именно поэтому он «такой тяжелый, подземный художник» и, как писал поэт и мыслитель В.И. Иванов, «так редко... бывает в его творениях светлое лицо земли, ясное солнце над широкими полями». Художника более влекло чистилище души российского народа. Позже на схожие темы будут писать Крестовский («Петербургские трущобы»), Горький («На дне»), Короленко («Дети подземелья»), Гиляровский («Москва и москвичи») и др.

Но кто «бесы»? В глаза угнетенного и ограбленного русского народа солнце жизни и довольства заглядывало крайне редко, а потому для него «бесы» — не революционеры, а плутократы. Один из основателей социологии в России, Н.К. Михайловский, справедливо упрекнул писателя, что тот не захотел показать в книгах «бесов национального богатства» — капиталиста, фабриканта, банкира, эксплуататора. Михайловский говорил ему: «Вы не за тех бесов ухватились». Михайловского особенно занимала тема «героев и толпы». Знаменательны его слова из статьи «Герои и толпа» (1882), где он пишет: «Без сомнения, великие люди не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам. Их создает та же среда, которая выдвигает и толпу, только

концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания». В «Мирозерцание Достоевского» Н. Бердяев пишет о ложной идеализации Достоевским русского народа и народного коллектива как носителя духа. События русским коллективизмом, писатель, возможно, не вполне себе отдавал отчет в том, что «бунтующий безликий коллективизм» особенно опасен для наших людей, склонных к отрицанию, нигилизму, а то и топору и бунту. Однако запретный плод сладок. И русское общество сочло себя внутренне близким «достоевщине», вступая в неё как в некое масонство. Бердяев заметил: «Наше мироощущение сделалось катастрофическим. Это Достоевский нам его привил». И уже поздно было задаваться вопросом: «Может ли быть Достоевский учителем?» Тот им стал. «Достоевский многому нас научает, многое нам открывает. Мы принимаем духовное наследие Достоевского. Но он не учитель жизни в строгом смысле слова. Нельзя идти путем Достоевского, нельзя жить по Достоевскому. Трудно извлечь из него научение пути жизни. «Достоевщина» таит в себе для русских не только великие духовные сокровища, но и большие духовные опасности. В русской душе есть жажда самосжигания, есть опасность упоения гибелью. В ней слаб инстинкт духовного самосохранения» (Бердяев). В самом деле, русский человек не только готов убить старуху процентщицу, а с нею весь клан перекупщиков, спекулянтов и биржевых маклеров, но и считает сие чуть ли ни своей национальной задачей, высшей миссией.

Вряд ли какой иной писатель, за исключением Герцена и Толстого, оказал такое влияние на формирование российского общества, как Ф.М. Достоевский. Поэт А. Майков в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году», сопоставляя Достоевского и Гоголя, писал: «И Гоголь, и г. Достоевский изображают действительное общество. Но Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский — по преимуществу психологический. Для одного индивидуум важен как представитель известного общества или известного круга; для другого самое общество интересно по влиянию его на личность

индивидуума». Однако именно то обстоятельство, что Достоевский «проникал в душу», и было причиной, по которой революционная молодежь, как вспоминал народник И. Попов, не очень жаловала Достоевского: «Мы, молодежь, признавая талант и даже гениальность писателя, относились к нему скорее отрицательно, чем положительно». Но не только одно это было причиной. Вся его жизнь, прямо скажем, не укладывается в идеальный образец для подражания. Натура его была, мягко говоря, слегка подпорченная... Он прошел чистилище игрока, проигрывая немалые суммы в Баден-Бадене, затем пребывал в тюремной камере в роли каторжника. Несомненно, в нем самом «бог и дьявол» как-то сосуществовали, как они уживались и в душе всей России!

Достоевский вкладывает в уста князя Мышкина в «Идиоте» слова: «Я действительно, пожалуй, философ, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею (право) поучать...» По мнению Б.П. Вышеславцева, писатель вложил в эти слова «все лучшие свои пророческие идеи». Пусть даже и так... Но представьте себе, что вы — молодой человек последней четверти XIX века, причем из трудовой семьи. Представьте, что жизнь ваша состоит из трудов праведных, когда не только необходимо прокормить себя, но и семью, заработать деньги на получение приличного образования. И вот вы каким-то чудом заглянули в «Дневник» 1867 г. жены Достоевского, А.Г. Достоевской... Перед вами предстает картина пребывания «святого семейства» в Европе, в Швейцарии и Германии, где те проживали 4 года. На какие же «шиши»? Оказывается, у матери его жены, шведки, было несколько доходных домиков на окраине Петербурга, которые та и эксплуатировала. Молодые живут в Европе, и Федор проводит дни и ночи за рулеткой в казино... Далее идут записи жены: «Наконец, пришла страшная суббота, в которую надо платить хозяйке за квартиру; заплатить нечем... Денег тоже нет совсем, ...да и сахар весь вышел, потому я сегодня не пила утром чаю, не с чем было... Лежали мы на постели и толковали о нашем дурном положении... денег нет ни копейки, вещи заложены и могут пропасть, тесные комнаты, звук надо-

В.М. Васнецов. С квартиры на квартиру

евшего колокольчика, книг нет, а в виду еще возможность лишиться обеда. Да, вообще очень, очень дурное положение». Ну а что же Федя? «Бедный, бедный Федя! Он такой милый, талантливый, такой благородный, и ему приходится сидеть у каких-нибудь жидов» (прося займы денег). Как же ведет себя сей «милый, талантливый, благородный» в отношении той, которую он и сам называл «просто ангелом-хранителем»? Держит ее в ежовых рукавицах, забывая даже об элементарных ее нуждах. Жена пишет: «Мне нужно что-нибудь купить, я хожу в рваном платье, в черном, гадко одетая, но я ему ничего не говорю, что мне, может быть, очень хотелось бы одеваться порядочно. Я думаю, авось он сам догадается, авось сам скажет, что вот надо и тебе купить платьев летних, они же здесь ведь так недорого стоят. Ведь о себе позаботился и купил в Берлине, и в Дрездене заказал платье...» Куда там! Скорее за стол, за рулетку! Ах, деньги... Проиграл, ну так и что?! Так это пустяк — твоя

маман выйдет, никуда она не денется... «Тут я ему рассказала, сколько прислано, но он меня утешил, сказав, что если мама обещает нам выслать, то нам нечего и беспокоиться, потому что мама, вероятно, позаботится о нас, как постоянно о нас заботится, что тосковать нечего. И посоветовал мне написать письмо, чтобы она приискивала деньги...» Правда, случилось, Феденька выигрывал. Так нет бы ему остановиться, и тут же уехать... «Но мы ведь фантазеры, это положительно известно; мы никогда не можем остановиться, нам непременно нужно идти до самого конца...» Замечу, что его жена была беременна и ждала ребенка. В нем самом сидел бес. Достоевский признался в письме А.Н. Майкову: «А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная. Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил». Но, с другой стороны, что делать, если таков народ, готовый во всем дойти до последнего предела; если же услышит глас истины, то готов и

Племя бесов

предел перейти! Так что брать себе в учителя жизни Ф. М. Достоевского?! Нет уж, увольте! Поищем в ином месте «ключи счастья»!

Ответ, почему молодежь в России, как правило, не желала (и не желает) принимать на веру действия правительства, лежит не только в области политики, экономики, психологии, но и в сфере воспитания молодежи. Отцы в итоге пожидают то, чему сами обучили своих детей. Полагаю, дети разночинцев вовсе не желали видеть себя в будущем в образе «бедных людей» или «маленьких человечков», а тем более «трутней», коими зачастую предстают многие герои Достоевского. Нет, мир трущоб и уж тем более мир казино молодых людей не привлекал... Да и «бедные люди» не были их героями, как, впрочем, и «идиоты»... В.В. Крестовский в «Петербургских трущобах» писал: «Да, милостивые государи, живем мы с вами в Петербурге долго, коренными петербуржцами считаемся, и часто случалось нам проезжать по Сенной площади и ее окрестностям, мимо тех самых трущоб и вертепов, где гниет падший люд, а и в голову ведь, пожалуй, ни разу не пришел вам вопрос: что творится и делается за этими огромными каменными стена-

ми? Какая жизнь коловращается в этих грязных чердаках и подвалах? Отчего эти холод и голод, эта нищета, разъедающая в самом центре промышленного, богатого и элегантного города, рядом с палатами и самодовольно-сытыми физиономиями? Как доходят люди до этого позора, порока, разврата и преступления? Как они нисходят на степень животного, скота, до притупления всего человеческого, всех не только нравственных чувств, но даже иногда физических ощущений страданий и боли? Отчего все это так совершается? Какие причины приводят человека к такой жизни? Сам ли он или другое что виной всего этого?» Молодые люди (тогда и сегодня) не только хотели найти ответы на эти вопросы, но и готовы были сделать буквально все, от них зависящее, чтобы с этим положением покончить. Лучше уж быть в числе героев, борцов с самодержавием, пусть даже мучеников и страдальцев в неминуемой жестокой борьбе, но только не «бедным человеком». Примерно таковы же мысли и нынешних молодых людей. Только сегодняшняя молодежь ищет решения и ответы в иных устах и на иных путях. Пола-

Русские в игорном доме в Париже

Обломов. Гравюра К. Ольшевского.

гаем, это неплохо — и для них, и для России.

Еще А. Ф. Бестужев, писатель и просветитель, отец декабристов Бестужевых, отмечал, что дети подражают «тем людям, которые ими управляют». И если «родители непостоянны и без нравов», если на воспитание детей оказывают влияние вредоносные предрассудки, это действует сильнее, чем «часто повторяемые уроки добродетели». Взгляните на героев нашей литературы. Если русский — значит лентяй Обломов, бездельник Митрофанушка, если военный — то Скалозуб, если градоначальник — то Угрюм-Бурчеев, не знающий иных фраз, кроме «разорю» и «не потерплю». «Отцы» — узколобые реакционеры и консерваторы. Зато дети — умны, смелы и ужасно прогрессивны. Все иностранцы — штольцы, все революционеры — сплошь инсаровы и рахметовы, смелые критики и истинные отрицатели — базаровы. В отношении одного из героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», Рахметова, Г. В. Плеханов скажет: «И вот Чернышевский выставляет перед нами в Рахметове настоящего аскета. Рахметов положительно мучает себя. Он совсем «безжалостный до себя»... Он решается даже попробовать, сможет ли вынести пытку, и с этой целью лежит всю ночь на войлоке, утыканном гвоздями. Многие, и в том числе Писарев, видели в этом простое чудачество. Мы согласны, что некоторые частности в характере Рахметова могли быть изображены иначе. Но вся совокупность характера остается все-таки вполне верной действительности:

почти в каждом из выдающихся наших социалистов 60-х и 70-х годов была немалая доля рахметовщины». Даже для нас, живших уже в XX в., эта фигура, как мне представляется, сохраняла свое обаяние — русского стоика, готовящего себя к подвигу. К слову сказать, сам Рахметов — не русский, а татарин, потомок знатного татарского рода. Увы, сегодня рахметовых и рудинных в нашей действительности не увидишь вовсе, зато чичиковых и скалозубов сколько угодно. Наследники митрофанушек ныне подвизались на биржах, аукционах, наследники чичиковых облюбовали министерства госимущества, финансов и транспорта, Скалозубы занимают посты замминистра обороны по интендантской части, а Плюшкины скупают футбольные клубы, яхты и подмосковные угодья у жуликов или же продают их, а потом бегут в Америку или в Англию, как министр финансов Московской губернии. У этих животных напрочь отсутствует ген нравственности. Они холодны, как сталь, и бесчувственны, как глыба арктического льда. Бессмысленно взывать к их совести и чести. Их у них просто нет. Их надо бросить в ковш, в горн, переплавить, а затем сконструировать иное племя...

Вон и И. С. Тургенева упрекали порой за то, что он возвел на пьедестал таких людей, как Инсаров, человека «железного». Но ведь и век близился «железный». Герои романов «Отцы и дети» (1862) и «Накануне» отражали настроения тех лет. Поэтому они были близки сердцу читательской аудитории. По выражению автора, произведения попали в настоящий «момент нашей жизни, словно масло в огонь»... При этом если правые увидели в Базарове карикатуру на демократическую молодежь, ужасное существо, чуть ли не дьявола, то левые, напротив, узрели «личность беспощадного отрицателя», с которым никто не может сравниться «ни по силе ума, ни по силе характера» (Писарев). Идеи Базарова пробивают дорогу в жизнь. Хотя позже сам же Тургенев сделает любопытное признание: «Мне кажется, главный недостаток наших писателей — и преимущественно мой — состоит в том, что мы мало соприкасаемся с действительной жизнью, то есть с живыми людьми». Говоря о разнице во взгля-

И.С. Тургенев 1859

дах, можно сослаться на извечную «проблему отцов и детей». Однако такое объяснение не удовлетворит, ибо только возрастом нельзя объяснить эти разногласия. Молодежь хотела жить иначе, чем старшее поколение, хотела больше свобод, больше возможностей для реализации творческих и экономических интересов. В идейно-политическом смысле помещик И.А. Тургенев, конечно же, не был революционером, но был сторонником конституционализма, т.е. парламентской власти дворянства и буржуазии. Ленин скажет о нем (после победы большевиков), имея в виду и российскую социал-демократию: «...их так же тянет к благопристойному буржуазному

Скалозуб. «Горе от ума» А.С. Грибоедова

парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского».

Нельзя не заметить, что великая литература, созданная русскими гениями XIX в., могла и должна была «исцелить» и воспитать российское общество. Это произошло, но не так, как мыслили иные умы. Причина в том, что к ней не желала прислушиваться ни одна из тех влиятельных групп, реально делавших политику в России. Возможно, ими восхищались (когда не сажали в острог!), но при этом игнорировали. М.О. Гершензон справедливо заметил: «Истинный художник прежде всего внутренне независим, ему не предпишешь ни узкой области интересов, ни внешней точки зрения; он свободно воспринимает всю полноту явлений и всю полноту собственных переживаний. Свободны были и наши великие художники, и, естественно, чем подлиннее был талант, тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской общественно-уравнительной морали, так что силу художественного гения у нас почти безошибочно можно было измерять степенью его ненависти к интеллигенции: достаточно назвать гениальнейших — Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета. И разве не стыдно знать, что наши лучшие люди смотрели на нас с отвращением и отказывались благословить наше дело?» Возможно, это пренебрежение интеллигенцией и подтолкнуло часть радикалов на крайний фланг. В свою очередь, и интеллигенция не очень-то жаловала гениев, творя над ними суд, вынося приговоры: «Тютчеву — на невнимание, Фету — на посмеяние, Достоевского объявляли реакционным, а Чехова индифферентным». Будь она чутче, увидела бы: народ ее не понимает, ненавидит, как человекоподобных чудовищ, пожирающих его, как племя людоедов. Хотя в действительности такого отношения та не заслужила. Не все дворяне «бездельники». И тут были исключения. К потомкам стародворянских родов принадлежали Б.Н. Чичерин, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, А.Н. и Н.Н. Бекетовы, В.И. и Г.В. Вернадские и т.д. Они пошли в науку, не видя для себя иной цели в жизни, кроме слу-

жения своей стране и человечеству. Эти люди стали гордостью России. И разве ни дворянство создало идейную основу Октябрьской революции? Если смотреть в корень, как учат классики, выяснится: революционная часть дворянства одолела реакционную.

Заметной фигурой на революционном фланге был писатель и публицист Чернышевский. Н.Г. Чернышевский (1828—1889), прозаик и философ, рожден был в семье священника. С 14 лет обучался в Саратовской духовной семинарии, а затем поступил в Петербургский университет (на отделение общей словесности философского факультета). В университете (1846—1850) пришел к выводу о неизбежности революции в России и стал готовиться к революционной деятельности, по его словам, став убежденным «партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев...». После университета какое-то время работал в качестве преподавателя в Кадетском корпусе, затем в Саратовской гимназии. Тут начал вести активную пропаганду революционных идей: «Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгой» (1853). На занятиях он внушает молодежи мысли о необходимости отмены крепостного права, введения политических свобод и др. В 1853 г. переезжает в Петербург, где сотрудничает с «Отечественными записками», а затем начинает работать в журнале «Современник» вместе с поэтом Н. Некрасовым. Одна за другой появляются в журнале его критические статьи на политические, экономические, философские темы. Параллельно он готовится к защите магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Планирует вместе с Герценом издавать «Современник» за границей. Он становится вождем и идеологом революционной демократии в России. В.И. Ленин писал о нем, что никто в России так не мог подцензурными статьями «воспитывать настоящих революционеров». Однако, не имея все же возможности самым подробнейшим образом останавливаться на его политических взглядах, приведем красноречивый отрывок из его дневника (20 января 1850 г.). Там Чернышевский признается, что не знает точно, к какой именно партии социал-демократов он принадлежит, «став

Н.Г. Чернышевский

не то черным, не то красным». Тем не менее он безусловный противник монархии и всей аристократической верхушки в России. Они друг друга поддерживают и стоят друг друга. Его вердикт в отношении царизма бескомпромиссен и суров: «Итак, теперь я говорю: погибни, чем скорее, тем лучше; пусть народ не приготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее приготовится; пока ты не падешь, он не может приготовиться, потому что ты причина слишком большого препятствия развитию умственному даже и в средних классах, а в низших, которых ты представляешь на совершенное угнетение, на совершенное иссосание средним, нет никакой возможности понять себя людьми, имеющими человеческие права». Этот антимонархический манифест завершается призывом к революции: «Вот мой образ мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хотя я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т.д. — что нужды? — Человек, не ослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошлому и благословляющий известные эпохи прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может устрашиться этого; он знает, что иного и нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно». Далее он с поразительной точностью угадал социальные последствия будущей революции, которую совершит партия социал-демократов: «Я даже думаю, что на самом деле торжество этой партии доставит более блага низшим

классам, двинет человечество несравненно более вперед, чем я думаю, принесет гораздо менее бедствий при своем введении, т.е. кровопролитий, войн, бунтов и терроризма, гораздо менее, чем я ожидаю; итак, немало из того, что обещают, ожидаю я, как исполняющегося со временем, на деле от торжества этой партии. Но я всей душою предан этому новому учению, хотя не могу сказать, чтобы верил в него относительно догматов его, не только относительно следствий». Такой образ мыслей не мог не вызвать ответной реакции со стороны царизма. Чернышевского 7 июля 1862 г. арестовывают, заключают в Петропавловскую крепость, где он продолжает работать. В каземате крепости революционер пишет роман «Что делать?» (1863), делает переводы зарубежных исторических и литературных трудов.

Самодержавие подвергло его «гражданской казни». Чернышевского под конвоем везут на каторгу в Сибирь, где он пишет роман о будущей революции («Пролог»). Популярность его в народнической среде была поистине огромна. Народники считали его своим «учителем и богом». Трудно переоценить ту роль, которую сыграл Чернышевский в подготовке и нового поколения революционеров. И не случайно патриарх российской социал-демократии Г.В. Плеханов посвятит ему серию работ, где будет писать о великом предшественнике с уважением и любовью: «Мое собственное умственное развитие совершалось

под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни». Говоря о его значении в культурной жизни России, Плеханов скажет: «Жизнь Н.Г. Чернышевского в самом деле принадлежит истории, и его имя никогда не перестанут вспоминать с благодарностью все те, которые интересуются судьбами русской литературы и которые умеют ценить ум, талант, знания, мужество и самоотвержение». Позже эти слова почти буквально повторит Луначарский: «Мы безоговорочно можем провозгласить Чернышевского нашим идейным предком по прямой линии. Влияние на формирование мысли передовых людей нашей страны, на наш материализм, на нашу революционную ненависть к гнету и мраку, влияние на устремление лучших сил нашей страны к социализму, которое оказал Чернышевский, было необъятно и, вероятно, превышает влияние какого бы то ни было другого мыслителя, предшествовавшего марксизму и ленинизму». А западный историк М.М. Карпович писал: «Изначально революционное движение 60-х и 70-х годов находилось под влиянием социалистов. В течение этих десятилетий социализм приобрел как определенное учение, так и боевую организацию. По своей теории и практике он значительно отличался от западноевропейского социализма того же периода. Он базировался не на учении Карла Маркса, а на идеях русских писателей, подобных Герцену и Чернышевскому.

И. Репин. Под конвоем

Чернышевский разделял веру славянофилов в особенности русского исторического развития и рассматривал русского крестьянина, жившего в сельской общине, как социалиста по инстинкту и традиции, чьей миссией было спасение России от капитализма». Другой чертой «русского социализма» было глубокое и полное недоверие к парламентской демократии. Пожалуй, в этом пункте взгляды революционеров были очень близки взглядам и монархистов. Перефразируя писателя, скажем тут, что революция и болтовня — вещи разные, противоположные. Знаменательно, что царь Александр III после обращений ряда организаций и деятелей культуры все же разрешил переезд Чернышевского в Астрахань. Резкая перемена климата сказалась на его здоровье, но тот продолжает работать, появляются статьи и переводы. Чернышевский в «Письмах без адреса» писал тогда, что надеждой России являются либерализм и либеральное дворянство, хотя, откровенно говоря, не думаю, что он был вполне искренен. Это компромисс. В 1889 г. ему разрешено вернуться в родной Саратов, где он вскоре и умирает.

Согласно его теории, в России был возможен переход к социализму через крестьянскую общину, как бы минуя капитализм. При этом он хорошо видел, что Россия, как и другие страны, встает на капиталистический путь развития. Так, Н. Чернышевский писал (1857): «Достоверно, что развитие экономического движения, заметным образом начинающееся у нас пробуждение духа торговой и промышленной предприимчивости, построением железных дорог, учреждением компаний пароходства и т.д., необходимо изменит наш экономический быт, до сих пор довольствовавшийся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею, мы должны будем в материальном быте жить, как живут другие цивилизованные народы». Он впервые в России ясно и четко показал, что основы классовой борьбы составляют непримиримость интересов и различия в положении двух классов — капиталиста и работников. «По выгодам, все европейское общество, — писал он, — разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая — своим собственным;

**Чернышевский пишет роман «Что делать»
в Алексеевском равелине**

первая благоденствует, вторая терпит нужду. Это разделение общества, основанное на материальных интересах, отражается и в политической деятельности». Политика любого класса определяется материальными интересами. Политическая надстройка, включая депутатов, обслуживает правящий класс везде и всюду. «Мнение нации и решение парламента — две различные вещи, очень часто нимало не сходные при нынешней системе выборов и нынешнем распределении депутатов», — писал Чернышевский.

В его лице Россия обрела коммунистического пророка, апостола большевизма... Многие его идеи, образы и даже отдельные фразы вошли в словарь большевизма: от книги «Что делать?», название которой взято впоследствии В.И. Лениным для своей статьи, до слов: «Будет в конце концов все-таки и на нашей улице праздник» (И. Сталин). И, разумеется, особой популярностью среди революционеров пользовался роман «Пролог», в котором был сформулирован главный тезис программы перехода земли в России в собственность народа: «...вся земля мужицкая, выкупу никакого! — Убирайся, помещики, пока живы!»

Государственный преступник – Н.Г. Чернышевский

Вспоминаются и слова А. де Токвиля о роли писателей во французских событиях: «Впервые в истории человечества целый народ получил политическое образование исключительно стараниями писателей, и именно это невиданное прежде обстоятельство сообщило, по-видимому, Французской революции ее своеобразие и привело ее к тем результатам, которые мы наблюдаем по сей день. Писатели не только подсказали народу идеи, они поделились с ним своим темпераментом и настроениями. Долгое время пребывая под их влиянием и не имея других руководителей, будучи полностью отлученной от политической жизни, вся нация, читая писателей, заражалась их причудами, образом мыслей, вкусами и даже природными изъятиями, так что, когда наконец настала пора действовать, французы применили к политике вся свою литературную выучку». О том же говорил и И. Тэн, указывая на распространение философии в обществе явными и тайными путями, через романы, пьесы, стихи, песни и эпиграммы. Роже Шартье в «Культурных истоках Фран-

цузской революции» заключает: «Если французы конца XVIII столетия совершили Революцию, то произошло это потому, что книги изменили, «сделали» их — книги, где речь шла об абстрактных материях, далеких от деловой практики, критиковали традиционные взгляды, подрывали тем самым доверие к авторитетам». Таким образом, мы отвечаем утвердительно на вопрос: «Могут ли книги произвести революцию?» Могут. Это же имело место во Франции в эпоху, предшествующую Великой Французской революции. Это было и в России, где народ, редко доверяющий властям и их слугам, часто видит в писателях божественное око — и хочет услышать в их речах истину. Тем более что русское слово иной раз разит куда сильнее меча. Конечно, хорошо, кто же будет спорить, когда к голосу умных и честных писателей начинают прислушиваться умные и честные политики. Если таковые есть. Тогда Россия быстрее идет в направлении разумных перемен. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, затем Русь-тройка так полетит, что дух захватывает!

Глава 7. Рост крестьянских волнений. Народовольцы, террористы и убийство Александра II

Социализм в России не был случайностью или, как говорят иные, «занесен извне». Явление это выстрадано многими поколениями революционеров и писателей: Герцен, Огарев, Писарев, Бакунин, Некрасов, Достоевский, Чернышевский, Ткачев, народовольцы, Плеханов, Лавров, Ленин и др. Все они выполнили данную ими «аннибалову клятву» — бороться против самодержавия. Каждый из них понимал просветительскую и политическую миссию по-своему. Но то, о чем И.С. Тургенев писал Герцену, в той или иной форме все же воплощалось в жизнь: «Роль образованного класса в России — быть передателем цивилизации народу, с тем чтобы он сам уже решал, что ему отвергать или принимать — эта, в сущности, скромная роль — хотя в ней подвизались Петр Великий и Ломоносов, хотя ее приводит в действие революция — эта роль, по моему, еще не кончена. Эх, старый друг, поверь: единственная точка опоры для живой, революционной пропаганды — то меньшинство образованного класса в России, которое Бакунин называет и гнилыми, и оторванными от почвы, и изменниками. Во всяком случае, у тебя другой публики нет». В середине XIX в. другой публики для революционной пропаганды в России не было. К слову сказать, только эта публика, в основном, и читала. В воспоминаниях Э.Ж. де Гонкуров приводятся слова того же И.С. Тургенева за 1875 г.: «Русский император (речь идет об Александре II. — Ред.) никогда не читал ничего печатного. Когда у него появляется желание прочесть какую-нибудь книгу или газетную статью, ему ее переписывают красивым четким канцелярским почерком».

Шли годы, менялась Россия, менялись экономические, политические условия. Появились новые герои революционных битв, решительные и беспощадные. Мирный тип реформатора либерально-народнического толка постепенно отходил на второй план.

Почему это случилось? Старые методы убеждения не работали. Нужны были иные, радикальные. У Герцена в «Былом и думах» есть фраза, в свете наступления эпохи кровавого террора обретающая зловещий смысл. Подводя итог воспитательной работе с молодым поколением, он сказал: «Я с внутренней боязнью осматриваюсь назад, точно на поле сражения — мертвые да изуродованные» Осмысливая опыт своей жизни, он признавался Огареву: «Мы сложились разрушителями... мы ничего не создали, ничего не воспитали». Почему, несмотря на сдвиги в политике, несмотря на усилия царя, в того вместо слов благодарности полетели бомбы и пули? Многие были очарованы, заколдованы пением «революционных сирен». Вспомним, как Герцен в письме к Прудону, упиваясь вседозволенностью, называл себя «настоящим скифом», что с радостью видит, «как гибнет этот разваливающийся старый мир». В статьях «Русское крепостничество» и «Революция в России» Герцен напоминает и о словах Пугачева, когда лидер крестьянского восстания скажет генералу, собственноручно нещадно истязавшему закованного в кандалы вождя: «Я только вороненок, стервятник еще летает в поднебесье». И этот «стервятник» вскоре возмужает и окрепнет, а затем набросится на самодержавие с угроенной свирепой силой...

А.Н. Плещеев. 1825—1893

Вспомним, как поэт А. Плещеев призывал молодежь поднять «святое знамя жизни новой»:

Когда ж пробьет желанный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас!

19 февраля 1861 г. опубликовано «Положение», отменившее крепостное право в России. Крестьяне говорили, что помещики их обманывают, не дают «настоящей воли». Надо тут подчеркнуть, что в результате реформы, во-первых, более 80 % бывших помещичьих крестьян получили наделы, недостаточные даже для нищенского существования (т.е. около 7 S десятин на душу), что относило их к группе разоренного крестьянства. «Крестьянина так «освободили» в 1861 году, что он сразу попал в петлю к помещику... ему остается либо умирать с голоду, либо идти в кабалу», — писал В.И. Ленин. Кроме того, во-вторых, помещики получили за землю суммы, превысившие реальную стоимость на 56 % в черноземных, на 121 % в нечерноземных губерниях. В-третьих, за полученную ссуду (на покупку земли) сами крестьяне должны были выплатить суммы, в несколько раз превышавшие её действительную стоимость.

Среди помещиков часто встречались типы, подобные знаменитому Порфирию Владимировичу, помещику-крепостнику из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головле-

вы». Автор пишет о герое без симпатий: «Он любил мысленно вымучить, разорить, обездолжить, пососать кровь. Перебирал, одну за другой, все отрасли своего хозяйства: лес, скотный двор, хлеба, луга и проч., и на каждый созидал узорчатое здание своих притеснений, сопровождаемых самыми сложными расчетами, куда входили и штрафы, и ростовщичество, и общие бедствия, и приобретение ценных бумаг, словом сказать, целый запутанный мир праздных помещичьих идеалов». Но большая часть этих помещиков принялись тут же просаживать полученные ими за землю бешеные и шальные деньги. Сидя где-нибудь в Париже, Лондоне или Ницце, они только и подгоняли управляющих — *Vendez Russie vite, envoyez d'argent!* («Продавайте скорее Россию, высылайте денег!»). По оценкам С.Г. Струмилина, русское золото в 1860—1867 г. сплошным потоком лилось за границу. И это был самый настоящий вывоз капиталов... Разве эти «торжествующие свиньи» по терминологии Щедрина, зачастую не ведут себя с народом и поныне так же?!

К слову сказать, сам Михаил Евграфович, будучи настоящим русским патриотом, никогда не позволял себе взирать на отечество, как на пирог, который следует как можно скорее разделить и проглотить... Что же до пребывания в России или за границе, он писал: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себе где-либо кроме России. Хорошо там, а у нас... положим, у нас хоть и не так хорошо... но, представьте себе, все-таки выходит, что у нас лучше. Лучше, потому что больней. Это совсем особенная логика, но все-таки логика, и именно — логика любви». Такая логика не понятна космополитам — она вызывает в них приступы бешенства. Как можно что-то на свете так любить, а уж тем более Россию, да чтобы при этом еще и поступиться собственным благополучием и деньгами!!! *C'est par trop fort!* (франц. — Это уже слишком!)

Против помещиков-кровососов начались волнения... 2 апреля 1861 г. в ответ на волнения крестьян в селе Бездна Казанской губернии сюда послали отряд графа Апраксина, генерала царской свиты. Тот потребовал выдать бунтовщика Петрова. Крестьяне отве-

тили отказом. Граф приказал стрелять в безоружную толпу, убив 91 человека и 350 ранив. Это только в дальнейшем стало ясно, что все, что делается в России наверху, делается, как правило, с согласия «батюшки-царя». Но в народе сохранялись иллюзии, что царь — хороший. В.Г. Короленко так объяснил ситуацию: «Александр II в начале царствования казался настоящим народным царем... В 70-е и начало 80-х годов... множество мужиков с просьбами направлялись к царю. В народе жила вера в царя, который освободил его. Он не хотел поверить, что и этого царя отдалили навсегда от народа... Деревенские ходоки целыми тучами, как мотыльки на огонь лампы или как морские птицы на фонарь маяка, стремились в Петербург. Там их не допускали к царскому дворцу, ловили, отправляли по этапам. Я лично в своей молодости встречался в ссылке с такими ссыльными мужиками из ходоков». Один из них, Ф. Богдан, излил ему душу: «Когда я сидел в своей деревне и пахал землю, то думал, что и весь хороший народ сидит дома и спокойно занимается своими делами, а в тюрьмах сидят только дурные люди. А как погнажи меня за мою веру в царскую правду по тюрьмам да по этапам, то мне кажется, что и весь хороший народ теперь в тюрьмах и этапах. Кого тут я ни перевидал: и мужики, и студенты, и рабочие, и один член земской управы. Не воры и не мошенники, как я не вор и не мошенник. Вся земля хочет правды, да, видно, ее опять спрятали». У нас на Руси какой строй ни устрой, какого царя ни выбери, а правды народу, похоже, так и не добиться. Может, нынче что-то переменится в российском царстве-государстве? Вот чудо-то будет.

Однако «шестидесятники» и не думали опускать руки. Н.П. Огарев публикует статью в «Колоколе», где ставит задачу: «Народу нужны земля и воля». Он призвал русскую молодежь «рассыпаться по России» и принести в народ «все средства, которые дала... наука». Обращаясь к студентам-борцам, изгнанным из университетов, Герцен взывал: «В народ! В народ!» Велика была роль народовольцев в пробуждении интереса общества к политическому будущему России. Суть их идей состояла «в переходе от капитализма, который они считали чуждым и губительным продуктом

западной культуры, к русскому крестьянскому социализму, общинному землевладению и хозяйствованию». Да, Россию они подталкивали к бунту и революции. Вопрос в том: кто больше постарался в этом смысле — царь и окружавшая его сановная бюрократия или революционеры! Мы полагаем — первые... Разумеется, до того, чтобы троны зашатались, было еще далеко. Во-первых, история показала, что русские цари (и при наличии самых благих намерений) никогда не были свободными субъектами права. Они в большинстве случаев оказывались слугами и данниками окружения и сами же запутывались в тенетах бюрократического строя. Во-вторых, Россией в силу ее огромности, громоздкости, национальной пестроты, многоукладности, конфессий, особенностей истории, поведения, психики и т.п. управлять «демократическими методами» проблематично. Все политические силы это понимали... Рано или поздно. Те же, кто не желал этого понять, были выброшены на задворки истории (как это случилось в октябре 1917 г. с монархистами, кадетами, либералами и как это же случилось с новыми поколениями российских «либералов» и «демократов» в конце XX в.).

Российское общество оказалось перед крайне сложным выбором — какой путь избрать... Как говорил в 60-е годы XIX века Бакунин — «Кого предпочесть: Пугачева, Пестеля или Романова»? Встать ли ему на путь капитализма, что диктовалось тогда требованиями индустриализации и технико-экономического прогресса, а это значило: поставить крест на общине и основах национального бытия русского народа, на Христе и социализме; или же, напротив, сделать упор на общинное землевладение, общественную собственность и благо, на народ в ущерб капиталистам, бюрократам и олигархам!? Один из современных авторов, говоря о попытках реформаторов в России в конце XIX в. и в конце XX в., писал: «И перед нынешней российской властью, как и перед последними российскими царями, стоит тот же выбор: либо возврат к национальным корням, либо дальнейшее разрушение страны, бессмысленное сопротивление революционному движению и, наконец, гибель в ходе революции. Только вряд ли эта

П.Л. Лавров Расстрел коммунаров

власть, ставящая помпезные памятники царям из династии Романовых, в состоянии вынести соответствующие выводы из исторической неудачи этих первых капиталистических модернизаторов России». Думается, России все же ближе народный социализм (по духовному складу народа, социально-общественному воспитанию и, если угодно, даже типу личности), хотя, возможно, и с капиталистическим уклоном. Не думаю, что монополистическо—олигархический капитализм окажется сильнее народа, добившегося столь ярких прорывов в мировой политике, культуре, образовании и науке в советское время... Российское общество, скорее всего, перемелет и эту новую буржуазию, и уродливый бюрократический капитализм, порождение ненавидящих народ псевдодемократов.

Следует отдать должное самоотверженности и упорству русских социалистов, что вели работу среди пролетариата... Немало ярких умов работали над тем, чтобы народ России глубже осознал свои экономические и политические интересы. Осознанию пролетариатом его роли в значительной степени способствовал и антрополог, историк, философ, математик, социолог и публицист П.Л. Лавров (1823—1900). После покушения на Александра II его сошлют в Вологодскую губернию под надзор полиции. «Исторические письма» сделали его знаменитым в кругах революционеров. Лавров лично знаком с Марксом и Энгельсом. Он участник I Интернационала, Парижской коммуны (1871), показавшей, что пролетариат может стать движущей силой революции. Сей «ветеран

революционной теории» искал ответы на вопросы, касающиеся будущего общественно-экономических отношений в России. Он писал в упомянутых «Исторических письмах»: «Без ясного понимания экономического процесса производства, обмена и распределения богатств историк никогда не может сделаться историком народных масс, которые преимущественно подчинены условиям экономического обеспечения», — и что «социальный переворот сам собою подготавливается в России, как во всем цивилизованном мире, самими успехами капиталистического строя». Он считал, что в России революция будет иметь совсем иной характер, чем на Западе (больше борьбы против власти, больше заговорщических элементов, больше проявлений красного террора и т.д.).

Интерес вызывали у читателя и такие работы П.Л. Лаврова, как «Государственный элемент в будущем обществе» (1876), его письмо к народолюбцам в Россию (1875), где уточняются характер социальных отношений и функции государства как важнейшего инструмента по удовлетворению потребностей человека. Хотелось бы особо обратить внимание на мысль Лаврова о необходимости ликвидации «государства чиновников». Суть его идеи такова: после победы революции очень может случиться так, что победой народа воспользуется чиновничество. И тогда задача народа будет состоять в том, чтобы ликвидировать эксплуататорский элемент, паразитирующее чиновничество как класс. Власть будет существовать в обществе как форма руководства всякой коллективной деятельности, но эта власть, которую будут вынуждены «употреблять», не будет иметь возможности принять «бесчеловечную форму», так как «не будет ни одного человека, который был бы властью во всех проявлениях своей жизни...». Второй важный момент в его политической философии — проведение в жизнь экономической диктатуры, которая введет частную собственность в строгое русло федеральных и особенно региональных интересов, т.е. интересов людей на местах. В основе системы управления находится не клан олигархов, а трудовая община, решающая главные вопросы развития, жизни страны.

И хотя он считал, что в России не было истинных философов, но у его народа «есть все-таки своя врожденная, природная философия», но она, увы, заключается в слове «авось», т.е. в опоре на неопределенное, аморфное, неуловимое, бессистемное, полуанархическое начало в личности. Самое поразительное, так оно и было, так оно и продолжает во многом оставаться и в XXI в. Но если это так, то выход из подобного состояния требует в высшей степени суровых и решительных мер: такую философию и общество, такую личность нельзя поставить на службу национальным интересам России — без жестокого принуждения и суровой дисциплины. Но тогда идеи о либерализме и прекращении «управления человека человеком» чистой воды фикция.

Как мы убедимся позже, все его надежды на то, что массы уже на другой день после победы революции забудут старые преступления режима, что они изыщут какие-то новые способы воздействия на своих противников, «остатков паразитов старого общества», что они не станут прибегать к «старым приемам» (законы, суды, тюрьмы, полиция и т.д.), все эти упования П.Л. Лаврова рухнут в одночасье, как карточный домик. С другой стороны, победители, став властью, порой готовы злоупотреблять сознательно или бессознательно властью. Дело в том, что эти люди, конечно же, совершенно сознательно идут во власть, чтобы использовать ее воз-

можности на благо прежде всего себе, а не народу. И многое из того, о чем писал Лавров, пророчески исполнится в красной и «демократической» России.

Сочиненная Лавровым «Новая песня» стала одной из популярнейших в годы революции.

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог!
Мы пойдем в ряды страждущих братий,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем:
Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед, вперед, рабочий народ!

Среди многих парадоксов и культурных потерь революции назовем гибель уникальной библиотеки работ Лаврова, писем, заметок, газетных и проч. вырезок, брошюр, речей, энциклопедических словарей, над которыми работал Лавров, массы книг с автографами за 50 лет, собранных самым обстоятельным знатоком творчества Лаврова Ф.И. Витязевым. Того арестовали в 1930 г. по так называемому «академическому делу» (по нему проходил директор библиотеки Академии наук академик С.Ф. Платонов, всего арестовано было 115 человек). Все это большевики «обезличили», смешали в кучу и неизвестно куда дели... Витязев в отчаянии восклицает: «Разве это не преступление, величайшее вредительство и вандализм?!» Все письма и картотеку Витязева после повторного ареста сожгли, а сам он в 1938 г. погиб в тюремном застенке. Таковой оказалась для него, увы, цена «большевистского прогресса». Одним из тех, в чьи объятия попадала тогда молодежь, жаждущая социальной правды и справедливости, был и идеолог народничества П.Н. Ткачев (1844—1886), творец «русского бланкизма». Будучи сыном помещика, он поступил учиться в Петербургский университет (1861). Далее за участие в сходках буквально через неделю он попал в Петропавловскую, а

В цепях

П.Н. Ткачев (1844—1886)

затем в Кронштадтскую крепости, где пробыл 2 месяца. О том, как повлиял арест царской охраны на его философию и психологию, свидетельствуют слова его сестры: по выходе из крепости «он находил, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет». И хотя в дальнейшем он отказался от этого человекоубийственного плана, от дикого замысла, но все-таки находил, что ради общего блага не только можно, но даже и должно пожертвовать «отдельными личностями». И, как убедимся, анализируя ход событий в России, это не было вовсе шуткой.

Такая позиция отвечала призывам и построениям радикальной части революционеров. «Если, — писали в своей прокламации Шелгунов и Михайлов, — для осуществления наших стремлений — для раздела земли народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно». Слова эти, конечно, не могут не покори́ть сердце демократа. Но историк — не кисейная барышня, он обязан иметь в виду и следующее коренное обстоятельство. Все познается в сравнении... Те же авторы указывают на то, что Крымская война «стоила нам 300 000 народу, что она разорила целый край» и «стоила лучших сил страны». Помещики в России стояли насмерть, защищая свои привилегии. Будучи основой строя, они не желали никаких реформ. Один показательный пример... Певец свободы, друг революционеров и «ужасный сокрушитель» ца-

ризма П.Я. Чаадаев за год до смерти, в 1855 г., когда составлялось его духовное завещание, не только не пожелал освободить крепостных, тем самым избавив их от «стольких ужасов», заключенных в слове «раб», но и, воспользовавшись правом помещика-крепостника, сдал бедных крестьян в солдаты, выручив 9000 рублей от продажи новобранцев и тем самым поправив свои денежные дела. А ведь какой уж был этакий-разэтакий «демократ»!!! Поэтому циничная болтовня о мирной модернизации самодержавия не могла никого убедить. Как она не очень-то убеждает и сегодня.

Работы, письма П.Н. Ткачева (1844—1881) пробуждали у молодежи ненависть к тирании, эксплуататорам народа. Ткачев называл себя первым марксистом. Ознакомившись с «Капиталом» Маркса, он стал приверженцем «экономического метода». В конце 60-х гг. Ткачев проникся убеждением того, что «все явления политического, нравственного и интеллектуального мира в последнем анализе сводятся к явлениям экономического мира и «экономической структуре» общества, как выражается Маркс». Мыслитель и бунтарь, Ткачев выпускает в Лондоне брошюру «Задачи революционной пропаганды в России» (1874), где утверждал, что освобождение от старого порядка возможно лишь при помощи революционно настроенного меньшинства: «Насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само создало свои потребности, но когда оно решает, так сказать, навязать ему это сознание, когда оно

Народнические издания

старается довести глухое и постоянно присущее народу чувство недовольства своим положением до взрыва». Далее идут спор и обсуждение опасностей, что это меньшинство, «захватив власть в свои руки, внезапно превратится в народного тирана». Он показывает и доказывает, что положительные идеалы российского крестьянства «еще не революционны; они не могут быть идеалами революции», добавляя, что даже «самое полное и беспрепятственное применение их к жизни очень мало пододвинет нас к конечной цели социальной революции — к торжеству коммунизма». В народном идеале, по его словам, тщетно было бы искать новые элементы и факторы развития. Они могут сформироваться только в революционном меньшинстве, которое должно властвовать над народом. «Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала; поэтому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Эта роль и значение принадлежат исключительно революционному меньшинству». В народе П. Ткачев видел лишь разрушительную силу, которая ненавидит власть и помещиков и может уничтожить их и всех охранителей status quo. В переводе Ткачева впервые на русский язык появился Устав Международного товарищества рабочих. В теоретических работах «Революция и государство», «Народ и революция» (1876) Ткачев формулирует свое видение революции и средств, с помощью которых победа в революционной борьбе может быть достигнута в России.

В одном из своих стихотворений Ткачев прямо заявлял:

Нет, не смирение, не любовь
Освободят нас от оков,
Теперь нам надобен топор,
Нам нужен нож — чтоб свой позор
Смыть кровью притеснителей!..
Мы будем рушить, рушить всё,
Не пощадим мы ничего!
Что было создано веками,
Мы сломим мощными руками

И грязью в идол ваш священный
Рукою бросим дерзновенной!

После разгрома народолюбцев П.Н. Ткачев сошел с ума, и прогрессивный паралич мозга свел его в могилу. Его похоронили в Париже, на кладбище Иври... Однако все основные идеи Ткачева будут унаследованы партией большевиков и успешно применены. Ф. Степун пишет: «Его своеобразный анализ социальной структуры России был, бесспор-

Венецианов. Крестьяне.

но, верен. Он первый высказал мысль, что в России нет ни фабричного пролетариата, ни буржуазии, что страдающий народ и деспотическое правительство стоят в ней лицом к лицу, лишенные примиряющего посредничества среднего сословия. Считая при наличии таких условий решительно бесполезным созданием массовой революционной организации рабочих, он безоговорочно защищал идею сплоченной, централистически организованной партии, которая, не гнушаясь насилием, применяла бы его не только во время революции, но и после ее победного окончания. Совершенно в духе ленинской теории Ткачев предостерегал против разрушения государственного аппарата противника. Ему казалось целесообразным, победив этот аппарат изнутри, использовать его для постройки нового мира». Многие положения его теории стали азбукой коммунизма.

Подобные призывы находили отклик среди революционеров. Хотя те начинали вроде бы мирно. Молодые люди мечтали «идти

Александр II

в народ», лечить и учить, ведя аскетическую жизнь. В 60-е гг. было едва ли полтора десятка таких попыток сближения. В 70—80-х гг. XIX века наряду со стихийно возникавшими известиями, толками о событиях общегосударственного масштаба среди крестьян появляются слухи, нарочито распространяемые народническими агитаторами, что собирались «жиды и поляки для страшных дел». В 1873—1874 гг. крестьяне-революционеры Г. Крылов, А. Васильев, С. Зарубаев создали сеть крестьян-пропагандистов в Тверской губернии, распространителей революционной литературы. В деревне Глинкино Старицкого уезда крестьянин П. Григорьев организовал под видом кузницы центр, где народники встречались с крестьянами. В 1874 г. Г. Крылов предлагал крестьянину Гаврилову внушать мысль о том, что царя не будет, землю у помещиков отберут и разделят между крестьянами. В 1879 г. «находящийся под наблюдением полиции за антиправительственные настроения в Новоторжском уезде Дьяконовский распространял между крестьянами слух о разделе помещичьих земель, чем вызвал отказ крестьян платить выкупные платежи». Говорили о наделении крестьян помещичьей землей бесплатно... Учитель земской школы из Белозерского уезда Новгородской губернии Е. Иванов, в частности, заметил: «Один из вредных слухов, а именно — об отобрании от помещиков земель и наделении ими крестьян, циркулирует уже давно и до сих пор держится

упорно между малоземельными и вовсе безземельными крестьянами. Вред таких слухов сказался в том, что многие из крестьян, надеясь на даровую землю, не старались приобрести себе собственную, когда окружающие их земли продавались помещиками по весьма низкой цене».

Толчок к новому витку конфронтации дало и первое покушение дворянина Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.). Террорист принадлежал к тайному обществу «Ад», т.е. был, как ныне говорят, сатанистом. Правда, тогда крестьянин успел толкнуть под руку стрелявшего в царя — тот промахнулся, однако «адский выстрел» явился выстрелом в судьбы реформирования. Герцен осудил этот акт, сказав, что выстрел 4 апреля 1866 г. ему не по душе. Признался, что ждет бедствий. Каракозова называли «сумасшедшим», «фанатиком», озлобленным человеком из дворян. Однако тревогу вызывала уже сама тенденция. Надежды, что революционно-террористическое безумие утихнет, не оправдались. С конца 70-х гг. XIX в. репрессии против революционеров заметно усиливаются. После покушения переменился и царь Александр II. Шефом жандармов, главным начальником III отделения стал граф П.А. Шувалов, противник либерализма и всяких реформ. Народная молва окрестила его «Аракчеевым Вторым». Уволен прежний министр народного просвещения, либерал А.В. Головнин. Министром назначили обер-прокурора Синода графа Д.А. Толстого. Та была, безусловно, победа противников преобразований, видевших в Головнине не только либерального министра, но и вдохновителя по крестьянскому делу великого

Выстрел Каракозова в Александра II

князя Константина Николаевича. Так важное и первостепенное для начатого реформирования дело оказалось оттеснено на обочину политики. И хотя общего пересмотра внутриполитического курса не произошло, реформаторский процесс с середины 60-х гг. XIX в. утратил прежнюю напористость. Стало ясно, что либеральное крыло в системе управления и либеральные общественные силы терпят поражение. Это вызывало сожаление.

Не менее противоречивы были представители консервативной мысли. Пожалуй, наиболее показательны в этом смысле позиции известного публициста М.Н. Каткова (1818—1878). Сын мелкого чиновника и грузинки, он окончил отделение словесности Московского университета, увлекся философией, примыкал к кружку Станкевича, даже одно время был близок к Бакунину и Белинскому. Катков занимался переводами произведений Гейне, Гофмана, Шекспира. Выступал он и в «Отечественных Записках» со статьями «О русских народных песнях», «Об истории древней русской словесности Максимовича» и т.п., написанных в приподнятом национальном духе. Белинский был так ими восхищен, что усмотрел в авторе «великую надежду науки и русской литературы». В «Прописях», сборнике, издаваемым Леонтьевым, появилось философское сочинение Каткова «Очерки древнего периода греческой философии» (1852). При поддержке князя П.А. Вяземского, товарища министра народного просвещения, удалось получить разрешение на издание «Русского Вестника» (1856). Но деятельность М.Н. Каткова как публициста была отмечена постоянными колебаниями и метаниями: то он за реформы, то против них. В 1866 г., когда за русским царем шла настоящая охота со стороны террористов, он писал, что «истинный корень мятежа не в Париже, Варшаве или Вильне, а в Петербурге», и в деятельности тех лиц, «которые не протестуют против сильных влияний, способствующих злу». Окончательный поворот в его политических настроениях произошел в начале 70-х годов. Если ранее он усматривал все зло в польской и заграничной интриге, что свила гнездо наверху, в административных сферах, то теперь он восстал против русской интеллигенции вообще

и «чиновничьей» в особенности. «Как только заговорит и начнет действовать наша интеллигенция, мы падаем», — говорил он. Он него крепко достается суду и печати. Не мудрено, что эта же самая интеллигенция нарекла его «реакционером». Его призывы к мирному согласию и взаимопониманию ею не были услышаны, когда тот на пушкинском празднике (в июне 1880 г.) призывал, что «минутное сближение... поведет к замирению», и что «на русской почве люди, так же искренно желающие добра, как искренно сошлись все на празднике Пушкина, могут сталкиваться и враждовать между собой в общем деле только по недоразумению». Увы, речь Каткова не встретит сочувствия у присутствующих. Говорили, что известные деятели оппозиции даже не захотели с ним после этого выступления сесты и выпить (как полагалось в таком случае).

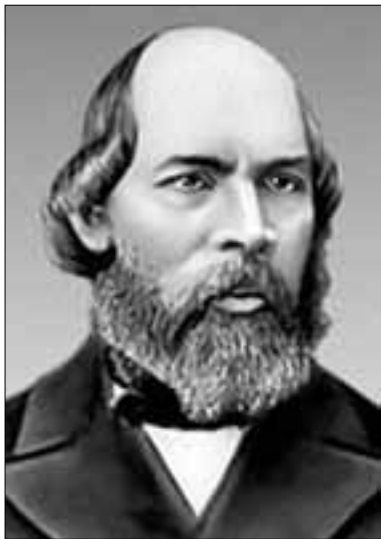
Впрочем, и сам он был не всегда последователен в оценке действий российской администрации во внутренней и во внешней политике. Так, будучи в начале 80-х годов горячим сторонником Бисмарка, которого он называл «более русским, чем наша дипломатия, не имеющая под собой национальной почвы», он в 1886 г. уже восстает против той же дипломатии за то, что она не желает ссориться с Германией, и говорит о «статьях, узурпаторски названных правительственными сообщениями». Он нападал на финансовое ведомство, обвиняя его в том, что состоит из антиправительственных деятелей (Н.Х. Бунге), на правительствующий Сенат, чувствующий особую нежность ко всяким прерогативам земского самоуправления, и на Государственный совет, усматривая в критическом отношении его к законопроектам доктринерство и obstructionism, упрекая оный за «игру в парламент», т.е. за деление на большинство и меньшинство. Уже из сказанного видно, что Катков постоянно менял свои убеждения. На протяжении своей 30-летней публицистической деятельности он из умеренного либерала превратился в крайнего консерватора; но последовательности нет и тут. И такова немалая часть российской интеллигенции, которая сама точно не знает, чего же ей больше хочется: то ли «свободы и вольности» в кулуарной болтовне, застольных речах, статьях и

Казанский университет

спичах, то ли немалых денег и надежного положения в удобных креслах тех или иных палат. Сегодня такие слова М.Н. Каткова, пожалуй, верны как никогда: «Наше варварство — в нашей иностранной интеллигенции».

А между тем успехи в образовании имели место, хотя процесс шел и не так быстро. Вот что писал в отчете о состоянии симбирских школ отец будущего великого революционера В. Ленина, Илья Николаевич Ульянов, давая итоговую картину народного образования в губернии: «Число учащихся обоего пола в 430 сельских школах губернии простирается до 9717... Обучающихся мальчиков с лишком в пять раз больше девочек... Крестьяне, даже из чуваш, начинают сознавать пользу грамоты для мальчиков, но... не могут понять, для чего нужна грамота женщинам. Для этой цели постепенно вводится в женские школы обу-

И.Н. Ульянов — отец Ленина

чение простому рукоделию... Женские школы... (располагаются) или в домах священно- и церковнослужителей, или в крестьянских избах, или в церковных караулах, иногда сырых и холодных... в сырых и холодных караулах нельзя ожидать успешного хода учения... Число учащихся в губернии 526, в том числе: священников 294, мулл 3, учителей с их помощниками 199 и учительниц 30. Учителя большей частью из крестьян (59), затем из духовного звания (31), мещан (20); есть также сельские церковнослужители, чиновники, сельские писаря и унтер-офицеры... Губернское земское собрание, заботясь об улучшении народного образования по всей губернии, открыло педагогические курсы при Симбирском уездном училище с целью приготовления народных учителей, для чего и ассигновало в прошлом, 1869 году 1850 руб. Степень сочувствия крестьян школе находится в прямой зависимости от пользы, приносимой училищем их детям, а польза, в свою очередь, прямо обуславливается личными качествами и добросовестным ведением дела преподавателя». В конце шла подпись симбирского губернского инспектора — И.Н. Ульянов (отец будущего вождя революции Ленина).

Это был во всех отношениях замечательный человек, гуманист, подвижник, основавший почти полтысячи новых училищ, школ, гимназий, сеявший умное, доброе, вечное... Когда он вступил в должность, в губернии было 320 школ, когда же ушел с поста, в Симбирской губернии насчитывалось уже 430 школ. И всё это достигнуто при его непосредственном участии. Разумеется, почтенный и законопослушный царский служащий, ненавидевший террор и по-своему любивший царя, и помыслить себе не мог, что его дети свернут с его пути и выберут иную дорогу. Что-то сломалось в эстафете поколений. Не думал старший Ульянов, что меж ним и сыновьями проляжет пропасть. Он умер за полгода до казни сына, Александра, и его младший сын, Владимир, на похороны отца не приехал... Возможно, сын поступал в соответствии с девизом Герцена: «Все мы беспощадны, и всего беспощаднее мы, когда правы». Идеи порой дороже родства... Если учесть еврейские корни семьи Ульяновых-

Бланк, тут уместнее слова из Талмуда: «Ничто так не размягчает сердца, как сознание своей вины, и ничто так не окаменяет его, как сознание своей правоты».

В России наступала какая-то иная эпоха... В 1856 г. поэтесса Е.П. Ростопчина, жена графа А.Ф. Ростопчина, напишет элегию, где, обращаясь к царям, скажет: «Не бойтесь нас, цари земные: / Не страшен искренний поэт, / Когда порой в дела мирские / Он вносит божьей правды свет». Поэт, может, и не страшен... Но в России уже не «стрелы слова своего» метали в царей и министров, а бомбы, разрывающие на куски тела жертв — сильных мира сего, «сатрапов» или же просто невинных людей... Зачастую и студенты углублялись не в глубины наук... Студент Саблин сделает подкоп на Малой Садовой (с целью заложить туда динамит и взорвать царя). Его пытаются арестовать, он застрелится при обыске на Тележной улице, где арестуют и его пассию, еврейскую фурию Гельфман... Выяснится: он бывший студент Московского университета, привлекавшийся в качестве обвиняемого по делу «о 193 лицах». Тогда-то и была установлена тождественность его личности, причем при предъявлении снимка самоубийцы подполковнику Саблину, главе батальона лейб-екатеринославского гренадерского полка, который признал в нем родного брата... Александр III заметил не без едкой иронии: «Приятно иметь такого брата». Убийства входят в моду.

А.И. Герцен писал: «Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами». Но наши фанатики террора стали на путь убийств. Народовольцы организовали ряд покушений на царя: А. Березовским (1867), А. Соловьевым (1879), организован взрыв царского поезда (1879), наконец, взрыв в Зимнем дворце, дело рук С. Халтурина (1880). В течение только четырех месяцев 1880 г. организовано было четыре покушения. Князь В.П. Мещерский вспоминает, что более всего его потрясала та легкость, с которой действовали цареубийцы, причем буквально под носом у жандармов и генерал-губернаторов. Как бывает в таких случаях, случилось обычное российское разгильдяйство. Жандармы, даже когда случай отдал террористов в руки

Подкоп бомбистов на ул. Малой Садовой

охранки, не удосужились провести расследование — подготовка к взрывам в Москве и Александровске продолжалась. Но наша бюрократия демонстрировала роковое бездействие, роковое бессилие. Александр вынужден был учредить Верховную распорядительную комиссию для борьбы с террором во главе с графом Лорис-Меликовым. Кроме репрессивных мер, о которых кричала пресса, его программа предполагала проведение реформ (понижение выкупных платежей с крестьян, предоставление им ссуд, облегчение условий переселения из густонаселенных губерний на новые, пустующие земли и т.д.). Логика революционной борьбы неумолима... Народовольцы переходят от пропаганды к террору. А. Михайлов так объяснил мотивации террористов: «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки». Думается, дело в ином... Хождение народовольцев «в народ» не приносило ожидаемых результатов. «Народ безмолвствовал как в «Борисе Годунове» Пушкина» (Г. Плеханов). Он равнодушно созерцал, как арестовали по всей России летом 1874 г. 4 тыс. человек. Правительство начало подготовку грандиозного политического процесса народовольцев (так называемое дело «193-х»). И тогда было решено сменить тактику, запустили механизм террора... Прозвучал выстрел Веры Засулич в московского градоначальника Трепова. Тот был ранен. В народе ходили стишки: «Грянул выстрел-отомститель, опустил божий бич, и упал градоправитель, как подстреленная дичь!» Причиной выстрела Засулич стала месть за высеченного студен-

Д.Ф. Трепов

та. Навестившему его Александру II Трепов сказал: «Эта пуля, быть может, назначалась вам, ваше величество, и я счастлив, что принял ее за вас».

Один из свидетелей на процессе В. Засулич писал о настроениях в обществе («Процесс первой русской террористки»): «Впечатление от этого первого террористического акта было в Петербурге необычайно сильное. Все чувствовали, что этот выстрел кладет начало целой новой полосе революционной деятельности подпольных партий, и много надежд повсюду возлагалось на эту полосу». Общество восхваляло террористку, словно оперную диву или балетную примадонну, прекрасным образом исполнившую сольную партию. Ее называли «ангелом мести». Собы-

Вера Засулич

тие это, по словам С. Степняка-Кравчинского, имело огромное значение в последующем развитии терроризма в России: «Оно озарило его своим ореолом самопожертвования и дало ему санкцию общественного признания». Но, позвольте, по какому праву террористы совершили это преступление?! Если на Руси стрелять за каждую побитую физиономию и посеченный зад, то у нас людей не осталось бы вовсе. В Древней Греции за ничтожные провинности секли юношей — и из них выходили герои и воины. О взглядах интеллигенции говорит такой факт — в день оглашения приговора осужденной на смерть В. Фигнер Успенский шлет ей записку: «Как я вам завидую! Глеб Успенский». В очерке «Выпрямила», превознося красоту Венеры Милосской, сей

С.М. Кравчинский**Н.В. Мезенцов**
Глава III отделения и шеф жандармов

служитель муз не нашел ничего лучше как воспеть красоту «подвига» Фигнер (героини). Вся эта зараза и тогда к нам шла нередко из Лондона, где работали разведки против России, а суфражистки кричали: «Мы будем добиваться своих прав убийствами».

Это был выстрел не в Трепова, а в Русское государство, ибо тот был защитником оно-го. Верную характеристику генералу Д.Ф. Трепову дал П.В. Струве в статье «Легенда и трагедия» (1906). Он так оценил роль этого человека, умершего в дальнейшем в общем «порядке», т.е. от «грудной жабы»: «Трепов не был вовсе реакционером по убеждению. Достаточно сказать, что введение университетской автономии и опубликование манифеста 17 октября 1905 г. состоялись благодаря влиянию Трепова. Было бы смешно в этих исторических актах видеть полицейскую провокацию. Но из участия в них вовсе не следует, что Трепов был либералом. Из этого участия не следует, наконец, что Трепов, не будучи ни реакционером, ни либералом, обладал особенной политической дальновидностью, которая ставила бы его рядом с государственными людьми крупного калибра, вроде Бисмарка». Конечно, пестовал Зубатова, «командировал рабочих в Зимний дворец», но разве это может быть основанием для убийства?!

В следующие месяцы после покушения на Трепова (24 января 1878 г.) организовывается еще ряд покушений: на главу одесских жандармов барона Г.Э. Гейкинга, киевского прокурора М.М. Котляревского, агента сысской полиции А. Никонова. При этом Гейкинг и Никонов были убиты, а прокурор Котляревский уцелел случайно. 4 августа 1878 г. перед царским Михайловским дворцом, в центре Петербурга, Степняк-Кравчинский, редактор «Земли и воли», революционер, народник, заколол шефа жандармов Н. Мезенцова. Общество потрясено и испугано. Столица очутилась тогда чуть ли не на военном положении. Царь приказал отыскать убийцу. Тот, словно бросая вызов судьбе, остается в Петербурге, где пишет и издает брошюру «Смерть за смерть» (с изложением мотивов покушения на главу жандармов). В конце концов ему все же пришлось бежать в Швейцарию. Отту-

да он пересылал своим товарищам в Россию крайне «ценные советы», как им завоевать на свою сторону общественное мнение Европы (1882): «Нужно наконец помирить Европу с кровавыми мерами русских революционеров, показать, с одной стороны, их неизбежность при русских условиях, с другой — выставить самих террористов такими, каковы они в действительности, т.е. не каннибалами, а людьми гуманными, высоконравственными, питающими глубокое отвращение ко всякому насилию, на которое только правительственные меры их вынуждают». Не с тех ли пор у европейцев стало складываться превратное представление о террористах в России и их моральном облике (как о кристально чистых и честных борцах против «страшного русского режима»)?! Степняк-Кравчинский погиб в Лондоне, попав под поезд. Показателем состояния духа интеллигенции было то, что убийца стал прообразом главного героя знаменитого романа «Овод» Э. Войнич, героем романа Эмиля Золя «Жерминаль».

Террор продолжался... 9 февраля 1879 г. в Харькове Г. Гольденберг застрелил генерал-губернатора князя Д.Н. Кропоткина. 26 февраля 1879 г. в Москве М. Попов и его товарищи казнили провокатора-виртуоза, гордость царского сыска Н. Рейнштейна. Тот погубил «Северный союз русских рабочих» и подкапывался под «Землю и волю». 13 марта 1879 г. в Петербурге произошло покушение на шефа жандармов А.Р. Дrentельна (хотя оно не удалось), а 2 апреля 1879 г. террорист А. Соловьев в течение нескольких минут гонялся за царем по Дворцовой площади, расстреляв в него всю обойму, но лишь продырявил царю шинель. Общероссийский размах обрела деятельность «Народной воли» среди интеллигенции, главным образом среди учащейся молодежи и студенчества. Их группы действовали в Петербурге, Москве, Киеве и т.д.

Они и должны были ударить набатом в колокол революции. Явилось племя, которое, говоря словами Герцена, стало «промежуточным кольцом, вышедшим из былого, не дошедшим до грядущего». Однако через него, как через кольцо Кашея, и будет пропущена Россия. Они не считали себя «отрядом обреченных». Ведь в их составе были представители самых

различных социальных слоев. В движение «Земли и воли» волечены даже помещики. Например, одним из создателей партии стал бо-

гатый помещик Д.А. Лизогуб (1850—1879), передавший все состояние на дело борьбы за счастье народа. Никаких преступных действий

Охота на царя

А.И. Желябов**Софья Перовская****Н.А. Морозов «Народная воля»**

(убийств и т.п.) он не совершил, тем не менее его повесили. После раскола «Земли и воли» создается «Народная воля». Программа ее содержала требования демократических преобразований, созыва Учредительного собрания, введения всеобщего избирательного права, постоянного народного представительства, свободы слова, печати, совести, замены армии ополчением, передачи земли крестьянам. Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в который входили: А.Д. Михайлов, Н.А. Морозов, А.И. Желябов, А.А. Квятковский, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, М.Ф. Фроленко, Л.А. Тихомиров, М.Н. Ошанина, А.В. Якимов и др. Ему подчинялись множество кружков и групп, располагавшихся в пятидесяти городах.

Организация, по мнению народовольцев, должна состоять из «героев» и «толпы». Первые — это узкое сообщество революционеров (около 500 человек), с жесткой программой и уставом. Вторые — «партия», круг единомышленников, связанных с организацией менее жесткими узами (2 тыс. человек). Организация имела печатный орган, газету «Народная воля» (октябрь 1879–октябрь 1885 г.). В 1878 г. руководителями «Народной воли» А. Желябовым и П. Колодкевичем были заложены основы военной организации. Та оформилась в 1880 г., когда возникла группа из офицеров Н. Суханов, А. Штрюмберг, Н. Рогачёв, А. Буцевич, М. Ашенбреннер, члены исполнительного комитета «Народной воли». Целью военных было привлечение и использование воинских сил для борьбы с царским

правительством, затем помощь революционерам в момент захвата власти. В структурном отношении организация представляла собой сеть подпольных кружков в воинских частях. Она подготовила планы военного восстания в целях захвата власти и передачи ее народу. В ней насчитывалось около 400 человек членов, включая офицеров армии и флота, в задачу которых входило вести пропаганду в офицерской среде. Кружки организации были в 41 городе России: в Петербурге, Кронштадте, Москве, Одессе, Николаеве, Орле, Самаре и на Кавказе. Создание военной организации «Народной воли», пользовавшейся авторитетом среди передовых офицеров, указывало на дальнейшее углубление кризиса самодержавия в России и способствовало революционизированию передовой части офицерского состава армии и флота. Опыт работы народовольцев учтен большевиками при работе в армии. Английская «Daily Telegraph» писала в 1875 г.: «Дознание в русском социальном заговоре прошедшей осени закончено. Министр юстиции составил рапорт. Обвинены 788 человек. Сообщение об этом названо ложным в официальных телеграммах. Министр народного просвещения издал циркуляр, говорящий о коммунистических заговорах в 37 губерниях и требовавший удерживать юношей от «заразы» коммунистических учений. Правительство обнаружило следы революционной пропаганды в Московском полку, в конной гвардии и в саперном батальоне, все в гвардии его величества». Об этом Огарев сообщал Лаврову

С.Н. Халтурин

как о конкретных и убедительных признаках пробуждения России.

Многие за рубежом и в России видели в народовольцах буревестников социальной революции. Слова Энгельса довольно точно отражают ситуацию, сложившуюся в России на рубеже 1870—1880-х годов: «В России в те времена было два правительства: правительство царя и правительство тайного Исполнительного комитета... заговорщиков-террористов. Власть этого второго, тайного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким» (1894) Личности типа Степана Халтурина, устроившего взрыв в Зимнем дворце, были популярны. Их восхваляли прежде всего те, кто и сам был таким же террористом и убийцей. Степняк-Кравчинский пел осанну террору: «Среди коленопреклоненной толпы он один высоко держит свою гордую голову, изъязвленную столькими молниями, но не склонявшуюся никогда перед врагом. Он прекрасен, грозен, неотразимо обаятелен, так как соединяет в себе оба высочайших типа человеческого величия: мученика и героя. Он мученик. С того дня, когда в глубине своей души он поклялся освободить родину, он знает, что обрек себя на смерть». На Руси, где в традициях религиозно-народного сознания было мученичество, страдание за правду и отшельничество, эти черты удивительным образом сделали террор популярным.

К ослаблению России вела и внешнеполитическая ситуация. Подавление Польского восстания в 1863—1864 гг. подтолкнуло правительство Александра II к ужесточению внутривнутриполитического курса. И все же царствование его можно назвать одним из самых успешных царствований. Россия стала выбираться из пропасти крепостничества. Российская дипломатия сумела свести до минимума потери России в Крымской войне. Проведены либеральные реформы в княжестве Финляндском. Александр II на открытии Сейма в Гельсингфорсе в 1863 г. произнес: «Вам, представители Великого княжества, предстоит доказать достоинством, умеренностью и спокойствием в прениях, что в руках народа мудрого, готового действовать заодно с Государем своим в практическом смысле для развития своего благосостояния либеральные учреждения не только не опасны, но составляют залог порядка и благоденствия». При большем понимании и уважении к политике императора со стороны всех политических сил России иной могла бы стать ее судьба. Но

Издание партии «Народная воля»

говоря об достоинстве и умеренности, можно было предположить, что сам монарх покажет всем пример достойного поведения. К сожалению, наши цари говорят одно, а делают в жизни иное. Царя занимали более важные проблемы, т.е. — интимного характера.

Говоря о семействе Романовых, нельзя не коснуться их нравственных качеств... Так повелось в истории, что, коль речь заходит о главе великой державы, об императоре, полководце, президенте, мыслителе, писателе или художнике, одним словом, о некоей весьма значительной и заметной общественной фигуре, перо, кисть запечатлевают черты, что носят социально значимый след (талант, воля, ум, храбрость, мужество, стойкость, гуманизм, щедрость или же противное этому — глупость, алчность, безволие, трусость, жестокость, бессердечие и т.д.). Художник и историк редко уделяют внимание личным качествам человека. А ведь это, пожалуй, то главное, из чего складывается личность царя, полководца, чиновника или его «царства». Читая воспоминания тех лет, поражаешься, с каким презрением относились современники к членам царской семьи. Скажем, государственный секретарь А.А. Половцов в дневнике рисует императорскую фамилию и высшую бюрократию в крайне непривлекательном виде, называя Александра II слабоумным. Такого же мнения он и о сыновьях Александра-освободителя (за исключением Александра III, хотя и называет его недалёковидным). Особенно негативные эмоции вызывал у Половцова проконсул московский, великий князь Сергей Александрович. «Если два старших его брата (Владимир и Павел) имеют презрение к человечеству, — пишет он в дневнике за 1897 г., — то третий (Сергей) всецело пользуется презрением человечества». Даже лучший из них, Владимир, «с детства был склонен к лени, рассеянности, обжорству».

Однако ведь и дыма без огня не бывает... Высший свет России и в самом деле порой представлял собой довольно непривлекательную картину... Александр II открыто жил с княжной Е. Долгорукой, хотя у него еще жива была законная жена. В Зимнем дворце из личных покоев императора на втором эта-

же к княжне вела тайная лестница, куда он обычно и спускался после вечера с родными и близкими. Конечно, понять его можно. Жена была больна (туберкулез), интимной жизни меж ними фактически давно не было, а тогда, как и сейчас, адюльтерами никого не удивишь — ни в России, ни в мире. Но все же, что ни говори, царь-государь, помазанник Божий... Понятное дело, пошли пересуды и слухи. Говорили, что княжна невероятно развратна, что сей «ребенок» приворожил к себе императора, который почти на 30 лет ее старше, что она танцует пред ним на столе обнаженная и даже посетителей принимает почти раздетой, что «готова отдаться первому встречному» за бриллианты и т.д. и т.п. Ее называли то Мессалиной, то куртизанкой. Царю — завидовали, Екатерину — осуждали.

Ну ладно бы только царь... Однако в том же духе вел себя и родной брат царя, председатель Государственного совета, великий князь Константин Николаевич, открыто живший с бывшей балериной Анной Кузнецовой, от которой у него были дети. Между тем его жена, Александра Иосифовна, считавшаяся в 1850—1860-е годы одной из первых красавиц, уже в свои 40 лет от походов дорогого муженька стала совсем седой. А тот вскоре впал в маразм. Три последних года его жизни она ухаживала за ним, фактически заточив себя в Павловске с больным мужем. Великий князь уже не отличал ночи от дня — и только мычал... Вдобавок ко всему старший сын, умный, воспитанный великий князь Николай Константинович (1850—1918), «Никола», влюбился в заезжую певичку из Америки, еврейку Фанни Лир, осыпал ее деньгами и подарками и собирался на ней жениться. Наконец, не убоившись и гнева Господня, сынуля, ее светоч, похитил с оклада их фамильной иконы в Мраморном дворце драгоценные камни, а затем долго лгал и отпирался, пытаясь свалить вину на других. Чтобы спасти престиж семьи, его объявили сумасшедшим, взяли под арест и выслали из столицы... Другой брат царя Александра II, великий князь Николай Николаевич (старший), генерал-фельдмаршал, командующий войсками гвардии и Петербургского военного гарнизона, также «пал жертвой» балерины — Екатерины Числовой.

Княгиня Екатерина Долгорукая и император Александр II

Будучи полностью на его содержании, та вертела им, как хотела, и, говорят, время от времени крепко поколачивала. Князю она родила 4 детей. Ради них тот забыл законорожденных детей (князей Николая Николаевича и Петра Николаевича). Жену свою, великую княгиню Александру Петровну (1838—1900) муж фактически выгнал из дому. Та долго скиталась, наконец несчастная приняла монашество и поселилась в Киеве. Все про-

«Много сладостных отрад»

делки великодержавной родни от царя долго скрывали. Когда же он узнал об этих забавах, разразился скандал... Однако что он мог сказать братьям, если сам вел двойную жизнь на глазах света и своего народа?! 22 мая 1880 г. императрица Мария Александровна умерла в одиночестве и в тиши, попросив не делать из похорон юбилейное торжество: «Не люблю я этих пикников возле смертного одра». После смерти жены Александр II, несмотря на то что объявили годичный траур, уже через 40 дней решил жениться на Долгорукой. Приспичило ему... Давнишний его друг, министр императорского двора граф Адлеберг, и тот опешил от столь скоропалительного решения. Он открыто заявил, что такой шаг поведет к падению престижа династии и империи. Увещевать царя было напрасно, он был упрям и 6 июля 1880 г. бракосочетание состоялось.

Его жене и незаконорожденным детям дана фамилия Юрьевские (указ Сената долго держался в тайне и был опубликован только через 6 месяцев). Нет, мы не встаем в позу «жены цезаря», но есть все же какие-то божеские, наконец, человеческие, нравственные каноны. Да, от любви никто не застрахован. Но жениться через шесть недель после смерти жены... Ни цесаревич Александр, ни его жена Мария Федоровна, ни общество не могли оправдать столь отвратительную

«карамболь». И дело не только в том, во что обошлись народу Русскому царские забавы, дома, драгоценности фавориток и любовниц. Ясно, что те влетели государству в копеечку. Хуже другое: это ведь был еще и удар по династии, наконец, по Российской империи. Уже тогда между Александром II и будущим царем Александром III и его женой Марией Федоровной установились холодные, даже враждебные отношения. Нежелание сближаться с новой семьей царя, новой его женой и ее «бастардами» было понятно. К тому же стали ходить слухи, что уже заказан вензель для новой императрицы — «Е. III». Понятно, это не прибавило симпатий ни императору, ни дому Романовых в целом. Разве не показательно, что именно тогда-то и участились покушения на царя? И это «святое семейство» фарисеи пытаются представить в белоснежных одеждах. Хотя подобные семейные нюансы еще не предлог убивать тех, кто изменил в интимном плане. У личной жизни — свои сердечные законы. К тому же, если казнить за каждый любовный роман на стороне, так и народу не останется.

Накануне смертельного покушения на Александра II его министр внутренних дел Лорис-Меликов уверял государя в том, что последний заговорщик схвачен; теперь, мол, императору никто и ничто не угрожает. Лорис-Меликов утверждал: свершилось чудо, спустя лишь 6 месяцев нахождения во власти он «достиг таких успешных результатов, что ныне Россия может спокойно вступить на путь мирного развития». Жандармский офицер Спиридович в «Записках» отмечал:

**Взрыв второй бомбы
брошенной Гриневецким**

«Подчинив себе корпус, Лорис-Меликов не сумел, однако, целесообразно использовать его силы в то тяжелое время. Охрана государя была поставлена преступно небрежно. Ею ведали чиновники Секретного отделения канцелярии обер-полицмейстера. В упоении всеподданнейших докладов, красиво изобразил государю то успокоение и благополучие, которого он достиг якобы в империи своими либеральными мерами, смешав непозволительно для государственного человека в одну кучу народ, либеральное общество, политиков и революционеров. За тот знаменитый доклад, образчик безграничного самомнения, легкомыслия и политического невежества со стороны министра внутренних дел, Россия заплатила спустя немного времени жизнью своего царя-освободителя». Успокоенный этими докладами, в некоем самообольщении, Александр II подписал указ о пожаловании министру ордена Андрея Первозванного. Предложен был и проект конституции (1881 г.). Будь она принята, возможно, это позволило бы России войти в число демократических государств. Но бомба террориста Гриневецкого убила царя-освободителя. Это были «бесы революции». Ниже мы еще остановимся на национальном облике (национальной физиономии) иных господ революционеров, когда речь пойдет об этнической принадлежности бундовцев, эсеров, большевиков. Л.А. Тихомиров писал: «Поляки упорно называли его Грюневекский и причисляли к своим. Он

Игнатий Гриневецкий

сам, однако, называл себя литвином, а не поляком; по-русски говорил прекрасно, как и по-польски, и был вполне русский народник. Официально его, конечно, нужно считать поляком, потому что по вероисповеданию он был католик».

Однако не это главное. «Дело» было сделано. 1 марта 1881 г. император Александр II был убит... Плеханов в 4 часа утра 2/14 марта 1881 г. разбудил в Париже народника Лаврова, еще спящего, чтобы сообщить ему «радостную весть» — об убийстве царя. Захлебываясь от восторга, доносит он «благую весть» После этого страшного события в России последует разгром Исполкома «Народной воли», аресты ее членов. К лету 1883 г. арестовали до 200 членов организации. Одни были казнены, другие отправлены на каторги и в тюрьмы. Но кого винить? Разве не сама власть воспитала эти поколения?! Разве не она сама толкала в тюрьмы, на каторгу и на эшафот, под розги, в могилы тех, кто отчаянно сопротивлялся ее тупому и мертвящему дыханию?! Н. Шелгунов, М. Михайлов пишут в «Воспоминаниях» о горькой судьбе Чернышевского, Добролюбова, Писарева и др. Писарев, едва ступив на стезю журналистики, тут же попал в тюрьму за свои вольнолюбивые взгляды (20-летним юношей!). Через 4 года он выходит оттуда «с надорванными силами, а через полтора года друзья и почитатели его плачут над его могилой». Говорили, что он «утопился в душевно-расстроенном состоянии». Можно его понять... Ну а Чернышевский, Добролюбов, Полежаев, Тарас Шевченко!!! Они и сотни других отважных и умных людей погибали от того, что их народу, да и им самим было плохо... Погибали от того, что были честными людьми и не желали терпеть издевательств. Чернышевский так и сказал на похоронах своего соратника: «Добролюбов умер от того, что был честен».

В рядах революционеров оказывались грамотные, яркие, талантливые люди. Теоретиком терроризма стал блестящий ученый Н. Морозов, который вскоре и оказался в тюрьме. Другой великий ученый, Н. Кибальчич, принял участие в покушении на императора Александра II и по приговору суда был повешен. В рассказе старого еврея Зунда (на-

Н. Кибальчич — ученый

родовольца Зунделевица) предстает трагедия Кибальчича, ученого, родившегося слишком рано, чтобы воплотить в жизнь свои грандиозные мечты. Когда революционеры создали в конце 1879 г. «Народную волю», он, сочувствуя им, решил оказать посильную помощь как ученый... Возбуждаясь, старый революционер рассказывал, как формировались взгляды Кибальчича, который по случайности оказался в тюрьме (3 года вели следствие, держа его в камере, а когда все выяснили, посадили его... на 1 месяц). «Да, да, именно как ученый! ...С чего он начал? С тщательно-го изучения теории и практики взрывчатых веществ. Перечитал всю литературу об этом на русском языке, потом изучал английский, французский и немецкий языки и перечитал всю литературу об взрывчатых веществах, имевшуюся на этих языках. Далее он проделал массу опытов с изготовлением взрывчатых веществ в домашних условиях. Особенно увлекался он нитроглицерином. В конце концов Кибальчич сумел стать великолепным специалистом по взрывчатым веществам, и когда позднее на суде ему пришлось спорить с царскими экспертами по техническим вопросам, он без труда положил своих противников на обе лопатки. Да, Кибальчич был замечательный ученый, гениальный ученый!» Но не грустно ли, когда в стране молодежь стремится не к звездам и музам, не к искусству, наукам и созидательному труду, а к бомбам, револьверам или к миллионам?! Безусловно, это — тревожный симптом для царизма...

Но кто бы мог подумать, что в числе террористов вдруг окажется Н.С. Тютчев, сын двоюродного брата Ф. Тютчева, к слову сказать, учившийся в Петербургской медико-хирургической академии и в Петербургском университете на юриста. Революционную деятельность он начинал в Симбирске, где проживал у родственников (можно сказать, рядышком с В.И. Ульяновым-Лениным). Будучи народником-бакунистом, Н.С. Тютчев считал себя сторонником пропаганды действием. И вот однажды он подошел к партии арестантов, шедших в сопровождении конвоя, вытащил пистолет и стал стрелять в воздух. При этом, кивая на охранников и, обращаясь к арестованным, он еще и приговаривал: «Вот как надо, ребята, с ними обращаться...» Тогда Тютчев отделался лишь штрафом. Но вскоре его арестовали по делу Н.И. Кибальчича (по ошибке). В 1876—1878 гг. Н. Тютчев выступал в роли «деревенщика», т.е. занимался пропагандой среди пролетариев и крестьян. Потомственный дворянин древнего рода аристократов оказался среди «убийцев», борцов против шпионов и III отделения. Именно его, Н.С. Тютчева, посчитали вначале убийцей Александра II. Газета «Голос» писала 9 марта 1881 г.: «Нам сообщают, как слух, что умерший в Конюшенном госпитале злоумышленник, бросивший вторую бомбу, повергшую всю Россию в траур, есть беглый преступник по фамилии Тютчев». Но Н.С. Тютчев давно находился в ссылке. Во время беспорядков 2 марта 1878 г. на Новой бумагопрядильной фабрике в Петербурге при нем нашли заряженный пистолет. Так родственник великого поэта Ф. Тютчева попал в Сибирь — в ссылку. О том, сколь серьезными были политические, да и семейные разногласия, говорит и такой факт. Все тот же Н.С. Тютчев примет затем участие в подготовке покушения на своего кузена, питомца двух университетов, Московского и Петербургского, выдающегося оратора и министра юстиции России Н.В. Муравьева, к слову сказать, человека прогрессивных взглядов, автора судебных реформ.

Трагедией для России стало то, что писатели, поэты, ученые пели хвалу террору и насилию. Но ведь на Руси царедворцы, по-

Убийство Александра II 1 марта 1881 г.

мещики, буржуа, окружение царя и сам царь зачастую иного языка просто не понимают... Правящий слой у нас всегда словно «без царя в голове». Доведет людей до ручки, до нищеты или вымирания, а потом начинает волосы на себе рвать и стенать на весь мир, обвиняя народ — какой, видишь ли, тот подлый: до суда их, мерзавцев, не доводит, сразу расстреливает, рушит их усадьбы и дворцы (сплошь и рядом выстроенные на наворованные деньги). Ну так заслужили... Если власть плюет на народ, на его беды, бедность, трагедии, то она сама и воспроизводит «тварь циничную». И «тварь» эта рано или поздно потащит их, господ, на виселицу, поставит к стенке или на худой конец упрячет за решетку! И не по решению продажных судов и полиции, по воле народа.

Попытались объяснить народу, правительству причины террора и народоуловцы... Через несколько дней после убийства Александра II (10 марта 1881) Исполком «Народной воли» обсудил, а затем и опубликовал письмо к наследнику престола, Александру III (13 тысяч экземпляров письма было разослано всюду, включая царский дворец). Там говорилось, что нелепо и несправедливо стремление властей объяснить трагедию «злоумышлением отдельных личностей» или действием «шайки». Главными причинами, которые вынудили революционеров пойти на сей террористический акт, является «всеобщее неудовольствие народа, стремление России к новым общественным формам». Авторы-народоуловцы конкретизируют их претензии к реформам, превозносимым монархистами и буржуазными либералами. Они утверждали: «Императорское правительство... отдало мас-

Александр II в гробу

сы во власть дворянству, в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все больше эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор; самые возмутительные грабежи остаются без наказания». Правительство не позволяет вести пропаганду их взглядов тем представителям интеллигенции, которые указывают на язвы общественной жизни, на коррумпированность, произвол чиновников, на тяжелое положение народа. Обращаясь к новому царю, те говорили: «Вы знаете, ваше величество, что правительство покойного императора нельзя упрекать в недостатке энергии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые

десятки так называемых вожakov переловлены, перевешаны... Какую пользу принесла правительству гибель долгушинцев, чайковцев, деятелей 1874 г.? На смену им выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессалии вызвали потом на сцену террористов 1878—1879 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершеннолетних организаций вырабатываются только более крепкие формы. Появляется наконец Исполнительный комитет». «Народной воле», которая выразила общественные настроения, не откажешь в известной логике.

Авторы письма предостерегают нового царя против такого курса: «Из такого положения может быть только два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной

власти к народу». «Народная воля» предпочла бы второй путь. Но для этого правительство должно будет предоставить политическую амнистию всем политическим преступникам, а также решиться на создание подлинно народного органа власти, избранного самим народом от всех классов и сословий, избранного свободно и без всяких ограничений. После избрания демократического органа власти исполнительный комитет «Народной воли» должен был прекратить деятельность. Другими словами, на месте монархии в результате мирных перемен должна была бы возникнуть народно-демократическая республика. Таковы были планы народовольцев, конечно же, утопические, ибо никто и никогда добровольно не отказывался от привилегий и власти. Их было немного. Как писал П. Якубович: «Горсть храбрых на тьмы ополчилась врагов...» Путь народовольцев — прямой путь на виселицу. Это — дурной пример. Позже, кажется, Жданов вспоминал сказанные Сталиным по поводу убийства С.М. Кирова слова: «Если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, мы воспитаем террористов...».

В покушении на царя Александра III принял участие и брат Владимира Ульянова-Ленина, Александр. Трагедия брата оставила неизгладимую печать на всей последующей

жизни и деятельности Ленина. Сказать, что он обожал своего брата, значило бы ничего не сказать. Он и его брат представляли собой единое целое... Владимир следовал за Александром во всем (в стремлении к знаниям, в науке, спорте, в идеях). Но и Ленин был всеобъемлющим талантом, которому давалось все: «Греческий — отлично, немецкий — отлично, алгебра — отлично!» Читал он запоем, поглощая книгу за книгой... Особенно любил классиков (Пушкина, Толстого, Тургенева). Ему пригодится и знание иностранных языков, и знание алгебры, алгебры революции! Отношения между членами семьи были доверительными... Но вот Александр, подававший такие большие надежды, принимает решение убить царя Александра III. Убийство должно было состояться 1 марта 1887 г., в годовщину гибели Александра II. Так как средств у заговорщиков не было, он решает продать свою золотую медаль за 100 рублей (ею удостоил его университет, за курсовую работу о пресноводных кольчатых червях). На эти деньги террористы купили два браунинга и смастерили три бомбы. В заговор были вовлечены и поляки, братья Пилсудские, студенты университета (им поручат приобрести азотную кислоту). Как известно, в дальнейшем Юзеф Пилсудский станет диктатором Польши, а брат Александра, Владимир Ульянов-Ленин — диктатором России.

Представляют интерес мотивы действий террористов... О них хладнокровно поведал на суде сам Александр Ульянов, идеолог покушения. Взяв всю вину на себя, он говорил, словно рубил топором: «...Только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепились, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно». Но почему для этого нужен террор?! Ответ недвусмысленный: «Наша интеллигенция настолько слаба физически и не организована, что в настоящее время не может вступать в открытую борьбу и только в террористической форме может защищать свое право на мысль и на

Петербург. Спас на крови

Часовня на месте убийства. Камни с мостовой, где был убит Александр II

интеллектуальное участие в общественной жизни. Террор есть та форма борьбы, которая создана девятнадцатым столетием, есть та единственная форма защиты, к которой может прибегнуть меньшинство, сильное только духовной силой и сознанием своей

правоты против сознания физической силы большинства. Русское общество как раз в таких условиях, что только в таких поединках с правительством оно может защищать свои права». Среди народа всегда найдутся люди, любящие родину, преданные своим идеям, готовые ради нее умереть.

На эти слова хотелось бы обратить особое внимание... Россия — действительно страна на удивление патриотичная. Даже в самые, казалось бы, продажные и гибельные эпохи в ней всегда найдутся те силы и те люди, которые восстанут против существующего строя, если тот оказался враждебен народу, большей его части. И готовы будут пожертвовать собой...

Об этом писал и Г. Исецкий (партийная кличка Соломон), знавший семью Ульяновых, так сказать, изнутри. «Все семейство Ульяновых еще до тех пор, пока В.И. Ульянов (Ленин) не стал играть видную роль в российском революционном движении, пользова-

Александр Ульянов

лось в радикально-революционных и просто либеральных кругах большой известностью и даже престижем. Причиной этого была трагическая смерть погибшего на виселице в юном возрасте талантливого (по словам некоторых, близко знавших его, даже гениального) Александра Ильича Ульянова, которого считали душой всего дела. Все пять заговорщиков были приговорены к повешению. Эта смерть старшего и самого любимого сына во цвете лет и таланта произвела на его мать, по рассказам того же Елизарова (с остальными членами семьи Ульяновых я, конечно, никогда не говорил об этой семейной трагедии), потрясающее впечатление, которое нисколько не притупилось с годами. Узнав о приговоре, Мария Александровна, сдержав себя могучим усилием материнской любви, обуреваемая одной мыслью — спасти сына, бросилась хлопотать. Она имела силу и мужество при свиданиях с сыном обнадеживать его. Но это был мужественный человек и самоотверженный революционер. Начиная дело, Александр заранее знал, на что идет. И свою судьбу он принял просто и без жалоб. Несмотря на просьбы и мольбы матери, он категорически отказался, так же как и все его товарищи, от подачи прошения царю о помиловании. А между тем матери власти заявили, что жизнь его будет спасена, если он подаст это прошение. Все старания, все униженные мольбы матери о пощаде были отвергнуты...

Впрочем, будучи атеисткой, а точнее, агностиком, отрицая все, кроме веры в себя, в собственную избранность, та тем самым вдохновила их на подвиг. Ленин поддался культу матери, и, находясь в ссылке, а затем за границей в качестве эмигранта, он писал матери нежные (совсем не похожие на него) письма. «И в разговоре со мной в Брюсселе, коснувшись своей семьи, он, ко всему и вся относившийся под углом «наплевать», сразу изменился, заговорив о матери. Его такое некрасивое и вульгарное лицо стало каким-то одухотворенным, взгляд его неприятных глаз стал мягким и теплым, каким-то ушедшим в себя. И он полушепотом сказал мне: «Мама... знаете, это просто святая». А далее произошла эта ужасная трагедия». Мать Ульяновых проявила железную волю. Такая деталь. Что-

П. Владимиров. Арест

бы оплатить казнь собственного сына, она продала каминные часы и мебель. Пуританскую эту суровость ее сын унаследует в полной мере. Казнь брата разовьет в нем черты, ставшие определяющими — упрямство, дерзость, воля, самовольство, презрение к окружающим, безжалостность к людям, равнодушные. Смерть брата зажгла в сердце Ленина пламя неугасимой ненависти к царю и самодержавию. Хотя надо признать, что царизм проявил себя в данном случае великодушно. Александр III уже через месяц после казни допустил в университет брата казненного террориста, а мать и семья продолжали получать пенсию, на которую семья Ульяновых жила несколько лет.

В той тяжелой ситуации, в которой оказалась семья рано умершего И.Н. Ульянова (1886), весьма достойно повел себя их друг Ф.М. Керенский, директор гимназий, в которых учился Ленин и его сестра Ольга. Когда семью Ульяновых постигло несчастье (А. Ульянов повешен), Ф.М. Керенский сделал все возможное и невозможное, чтобы оказать помощь семейству. «Казнь старшего брата совпала по времени со сдачей Владимиром и Ольгой Ульяновыми выпускных экзаменов на аттестат зрелости. Оба успешно сдали все экзамены, получив высшие баллы. Решением педагогической конференции симбирской Мариинской женской гимназии, под председательством Ф.М. Керенского 15-летняя Ольга представлена к награждению золотой медалью. Возглавляемый им педсовет Симбирской мужской классической гимназии постановил «за отличное прилежание и успехи» наградить 17-летнего Владимира Ульянова золотой

Заседание особого присутствия Правительствующего Сената по делу о злодеянии 1 марта

медалью. Факты как нельзя лучше говорят о порядочности отца Керенского, ведь медали давались сестре и брату государственного преступника, казненного за покушение на императора» (Ю.В. Козлов).

Сказанное указывает на то, что и отдельные представители дворянства, средних слоев общества все с большим скептицизмом стали воспринимать действия правящей в России верхушки. Это подтверждает и заявление графа Льва Толстого, заявившего писателю В.Г. Короленко. «Счастливый вы человек, Владимир Галактионович, — сказал он ему

при встрече и пояснил: — Вот вы были в Сибири, в тюрьмах, в ссылке. Сколько я ни прошу у Бога, чтобы дал и мне пострадать за мои убеждения, — нет, не дает этого счастья». Это же можно сказать о Г.В. Плеханове (1856—1918). Сын помещика, потомственного дворянина, он начал революционную деятельность с работы пропагандистом-народником. После периода активной работы среди рабочих руководство «Земли и воли» направило его в 1877 г. за границу. Там он начал переводить «Манифест Коммунистической партии». Завершив перевод (1881 г.), через того же Лаврова попросил Маркса и Энгельса написать к переводу предисловие. Те восприняли просьбу русских товарищей положительно, заметив: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе». Правоверным марксистом он стал в 1882 г., а в 1883 г. в Женеве им создана группа «Освобождение труда» — первая организация российских марксистов (5 человек). В работе «Наши разногласия» он дал глубокий анализ состояния общественных отношений в тогдашней России (1885). Плеханов был убежден, что в России развивается капитализм.

Т. Назаренко. Казнь народовольцев

Страна «уже вступила на путь естественного закона своего развития», и какие-либо другие пути «для нее закрыты». Анализируя взгляды русских революционеров, зачинателей революционного народничества, Плеханов делает вывод, что наступила эра пролетариата. На повестку дня встал вопрос создания рабочей партии: «...возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию». По его инициативе в 1895 г. был создан «Союз русских социал-демократов за границей». Революционной литературы в России тогда, пожалуй, за исключением плехановских «Наших разногласий», которыми наводнена Россия, почти не было. Кстати, вплоть до II съезда РСДРП 30 июня 1903 г. в Брюсселе (он же его и открыл) Г.В. Плеханов продолжал оставаться лидером, «первым номером» российской социал-демократии. Затем по ряду причин, о коих говорить не будем, переходит на позиции меньшевиков.

Чтобы ниспровергнуть, сокрушить царизм, считал он, следует опираться не на интеллигенцию, а на класс пролетариев, класс, революционный по своему тяжкому экономическому положению, революционный по своей сущности. Он не захотел сотрудничать с большевиками в силу тактических разногласий, хотя Ленин упорно добивался этого, говоря, что Плеханов идейно, на 9/10 во взглядах согласен с большевиками. Возможно, так оно и было. Хотя оба революционера различались не столько в идейном отношении, сколько в существенных компонентах личности. Они, как разные породы в природе, состояли из несхожих компонентов. Плеханов, в разбор работ которого (как и Ленина) мы, разумеется, не можем вдаваться, если угодно, был ближе к буржуазии, ближе не только своим жизненным кредо, но и философией, нравственностью, культурой.

В статье «Идеология мещанина нашего времени» (1907) Плеханов произносит символичную, полную глубокого смысла и надежд фразу: «Мысль Белинского о том, что Россию спасет только буржуазия, казалась

П. Белоусова. Мы пойдем другим путем

русским ученикам Маркса в высшей степени замечательной как мысль, доказывающая, что неистовый Виссарион снова — и уже значительно лучше подготовившись к этому, нежели в начале сороковых годов, — порывал с утопическим социализмом. Но как люди, знакомые с теорией Маркса, они уже не могли довольствоваться таким неопределенным заявлением насчет «буржуазии». Они анализировали русские экономические отношения и утверждали, что только развитие этих отношений приведет к изменению старого порядка. Это их пророчество блестяще подтвердилось историей..., той, которая имела место в действительности». Согласимся, читая слова Плеханова не в 1907—1908 гг., а сто лет спустя, в 2008 г., переживаешь гамму сложных чувств. И тут легко встать на путь, с одной стороны, проклятий в адрес глупых большевиков-ленинцев, с другой — посыпания головы пеплом и готовности тут же пересмотреть «всю историю». Однако, поверьте, не стоит спешить с приговором «явлениям жизни». У англичан есть выражение: «The right man in the right place!» («Надлежащий

Г.В. Плеханов

человек в надлежащем месте!) Очень верное выражение... Россия — страна странная и удивительная тем, что тут в любое время одновременно возможны два пути развития — от ничтожества и погибельности до величия и всемирного торжества. Все зависит от Чело-

века, все в нем! Сто лет назад так сложились исторические обстоятельства, так сработал *perpetuum mobile* общественной мысли, что власти дум в России, не желая ничего и слышать, говорили: «*Pereat mundus et fiat justitia!*» (лат. — «Пусть погибнет мир, но свершится справедливость!»)

Царизм же упорно цеплялся за прошлое, как слепой за посох поводыря... После убийства Александра II было создано Петербургское охранное отделение с чинами корпуса жандармов. Предупреждение покушения на жизнь Александра III в марте 1887 г. на пути проезда государя явилось большим успехом в деятельности корпуса жандармов. Терроризовавшая правительство «Народная воля» разгромлена. Жандармы приняли на себя новую важную обязанность — вести расследования без участия прокурорского надзора. В итоге совокупностью энергично принятых мер «достигнуто было успокоение» в стране. О результатах их деятельности можно судить, представив политический портрет «ре-

Разгром полицией типографии

Петербургский городской

волюционной дружины» 60—90-х гг. В монографии Н.А. Троицкого «Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895 гг.», в общих чертах дан социальный, возрастной, образовательный и национальный составы жертв политических процессов 1866—1895 гг. Примерно таким же был состав участников процессов и последующих лет. Социальное положение из 1246 лиц, проходивших по 226 процессам, было установлено у 1202 лиц. Из них дворян 435 человек, или 36,1 %. Видимо, философ Ф.А. Степун был прав, говоря, что так называемых «нающихся дворян» можно было бы по праву считать «дрожжами революции». Основную массу подсудимых в эти годы составляли разночинцы — т.е. получившие образование дети мещан, купцов, мелких священнослужителей, крестьян, казаков, унтер-офицеров и солдат. Эта группа составляет 583 человека, т.е. более 50 %. Удельный вес дворян в политических процессах неуклонно уменьшается: с 362 из 909 подсудимых в 1866—1882 гг. (39,8 %) до 73 из 293 подсудимых в 1883—1895 гг. (24,9 %). На политических процессах 1866—1895 гг. рабочих было 158 (плюс 7 ремесленников), подсудимых из крестьян (если не брать в расчет 45 участников Чигиринского заговора 1877 г.) один — И.А. Глуш-

ко. И даже те, кто по паспорту значился «крестьянин», были либо рабочими (П. Алексеев, С. Халтурин, Я. Потапов, Т. Михайлов), либо представителями интеллигенции (И. Прыжов, А. Желябов, С. Ширяев, Ф. Лермонтов), либо солдатами. Большинство подсудимых — молодежь до 25 лет (574 человека) и от 25 до 30 лет (415 человек). Лиц старше 30 лет было 221 из 1210 революционеров, возраст которых установлен. По меркам того времени они были людьми образованными. Так, из 846 человек, о которых имеются сведения, 52 закончили высшие учебные заведения, 364 учились в университетах и институтах, 212 имели законченное среднее образование и 122 учились в гимназиях, семинариях, военных и прочих училищах. Можно сказать, что неграмотных в революционных рядах (точнее, на скамье подсудимых, которых осуждал царизм) было тогда лишь 93 человека, включая 33 чигиринских крестьянина и 40 морозовских ткачей. В национальном отношении среди подсудимых преобладали русские — 664 человека из 1029. На втором месте — украинцы (162 человека), далее — евреи (93 человека), поляки (59), белорусы (8), финны, грузины, армяне, немцы, латыши, азербайджанцы, молдаване, греки, литовцы, эстонцы, татары, сербы, итальянцы, французы и т.д. Добавим: из 1246 лиц на 226 процессах были 160 женщин. М. Гернет в «Истории царской тюрьмы» дает список узников Шлиссельбургской крепости за 22 года (1884—1906 гг.), всего-то 69 фамилий. Сюда попадали осужденные за важнейшие

Шлиссельбургская крепость

Петербург. Манифест об объявлении войны Турции в 1877 г.

государственные преступления (т.е. члены партии «Черный передел», «Земля и воля», «Народная воля»). Половина всех заключенных погибли в крепости (из них 15 казнены, 4 кончили жизнь самоубийством, 15 умерли естественной смертью). По классовому составу узников такая картина: 24 человека — дворяне, военнослужащие и их дети; лиц духовного звания — 8; мещан — 7; рабочих — 5; крестьян — 2 человека, образовательный ценз каторжан: у 42 шлиссельбуржцев было высшее или незаконченное высшее образование, половина из них во время ареста была еще студентами, у 17 человек образование было среднее, низшее образование имелось только у 3 человек (о 7 узниках данных нет). Самые краткие сроки заключения узникам назначали уже в XX веке. Но пройдет немного времени — и состав и тип заключенных в тюрьмах изменится. Прежде всего это касалось национального состава революционеров. Русский тип уходит в тень. Все заметнее присутствие лиц еврейской национальности. По данным английского исследователя Раппопорта, с марта до ноября 1904 г. через Александровский равелин прошли 384 политических заключенных. Из них евреи составляли 53,9 %, русские — 26,4 %, поляки — 10,4 %. И почему-то особенно страстно «отдавались революции» еврейки — 64,3 % заключенных

женщин были еврейками. По словам Плеханова, что вернулся из эмиграции в Россию, генотип революционера изменился: ранее то были голубоглазые блондины, теперь вот «товарищи все какие-то черненькие, с южным акцентом». Это означало одно: революция в России стала все более ориентироваться на евреев и кавказцев.

Внешнеполитическая обстановка была не очень благоприятна для России. Хотя надо принять во внимание тот факт, что она для нее, как правило, почти всегда неблагоприятна... Александр II решил ответить на происки народовольцев и террористов в России победоносной национально-освободительной миссией в Европе — освободить от турецкого ига «братьев-болгар». Он заявил: «Мы идем в Болгарию, чтобы принести им свободу, а не революцию». Похвальное намерение. Добавим только, что свобода, привнесенная на чьих-то штыках, редко бывает, во-первых, желанной и, во-вторых, не вызывает благодарности у освобожденных. Тем более приходилось учитывать, что в самой Болгарии существовали, условно говоря, три группы населения, которые придерживались зачастую противоположных позиций в отношении будущего страны и ее союзов... Одна, куда входили воспитанники славянских комитетов и учащиеся русских учебных заведений и училищ, действительно, видела будущее Болгарии в союзе с монархической Россией, другие были ориентированы на Запад, третьи, связанные узами брака и корнями с турками, считали, что уж пусть лучше Болгария остается под патронажем Турции. В подобной ситуации освобождать весь народ — значило вызвать неудовольствие какой-то части населения в любом случае, не говоря уже о Турции и странах Европы. Те вообще недовольны всякий раз, когда видят русского в Европе, если только он не богат и не готов сорить золотом направо и налево. Хотя намерения русских в плане дальнейшей судьбы Болгарии были и в самом деле в высшей степени благородны. О них говорил князь А.М. Черкасский, один из руководителей этой миссии: «Я желаю только устроить сильную администрацию, вернуть порядок и предоставить массе населения возможность

улаживать свои общественные и частные дела при торжестве христианских принципов управления. Все остальное полагал бы предоставить самому болгарскому народу, который потом разберется в финансовых, судебных и других делах. Чем меньше мы предприм в этом смысле, тем меньшая ляжет на нас ответственность за несовершенное устройство. В будущем связь Болгарии с Россией-освободительницей должна быть основана на высших соображениях, а не на мелочном и надоедливом вмешательстве во внутренние дела». Император присовокупил: «Я именно этого и желаю».

Однако, строя планы в отношении завоевания свободы для кого-либо, и уж тем более для чужого народа, хорошенько взвесьте: а во что обретение ее обойдется вашему собственному?.. Стольких жертв стоили оборона Шипки, три штурма Плевны, поход на Адрианополь, когда русские стояли уже в виду турецкой столицы — Стамбула! Генералам солдат не жалко. Известна фраза генерала

Ф.Ф. Радецкого, который, проводя время за игрой в винт, докладывал начальству, что «на Шипке все спокойно». А в это же время его солдаты, «святые серые скотинки», в окопах и траншеях замерзали на ледяном ветру, превращались в ледяные сосульки. Там, на Шипке, где все совершенно «спокойно», без всяких сражений, русские войска потеряли около 11 тысяч человек больными и обмороженными, в одной 24-й дивизии погибли 6 тыс. человек. Дивизию пришлось отправить в тыл. Как видим, и у Шипки есть шипы...

К счастью, у русской армии в тот момент был замечательный командир — генерал М.Д. Скобелев, «белый генерал». Его отношение к солдатам было сродни суворовскому... Зная, что мы уступаем туркам в техническом оснащении, он вооружил наши войска отнятыми у турок ружьями; вместо неудобных тяжелых ранцев велел изготовить удобные холщовые мешки; создавал базы с провиантом и запасом вьючных лошадей; приказал запастись дровами во время перехода через горы, что уберегало его войска от обморожения и т.д. Началось знаменитое шипкинское сидение, продолжавшееся с 15 августа по 27 декабря 1877 года. В военных сводках шли неизменные сообщения: «На Шипке все спокойно». Но пушечная стрельба там не умолкала ни днем, ни ночью. Защитники Шипки, пишет В.И. Виноградов, подвергались беспрерывному обстрелу турецкой артиллерии. Русские гибли, в основном, не от огня противника, а от болезней, которые были следствием плохого питания и гнилого обмундирования. Из-за нерасторопности интендантов защитники Шипки не были своевременно обеспечены теплой одеждой и обувью. Тем не менее, несмотря на тяжелые условия, солдаты самоотверженно несли боевую вахту.

Сестра милосердия Духонина, находившаяся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в Габрово, 2 сентября записала в дневнике: «Прибывшие с горы св. Николая сообщают, что там нет решительно ни офицера, ни солдата здорового, все страдают или лихорадкой или дизентерией и, несмотря на это, несут свою тяжелую боевую долю, и, что особенно удивительно, бодрость духа их не оставляет. Говорят, они поют песни, вооду-

В.В. Верещагин. На Шипке все спокойно

Худ. В. Мирошниченко. М.Д. Скобелев

шевяля друг друга». С наступлением зимы положение защитников Шипки еще более ухудшилось. От мороза и вьюги негде было укрыться. Особенно трудно приходилось защитникам Орлиного гнезда. Неприятель находился в 700 шагах от русских позиций. С начала декабря начались крепкие морозы и метели. Солдаты замерзали на ледящем ветру, полки превращались в батальоны, батальоны в роты. Так, в 94-м Енисейском полку до прихода на Шипкинский перевал в каждом батальоне насчитывалось 1074 солдата и офицера. После двухмесячного сидения на Шипке в третьем батальоне осталось только 65 человек. 7 декабря в дневнике полка появилась следующая запись: «На «Николае» сильный мороз при страшной вьюге. Число заболевших озноблением рук и ног приняло ужасающие размеры; сообщение с «Николаем» прекращено метелью; огня нигде нельзя разводить, одежда нижних чинов представляет толстую ледяную кору; сгибание рук почти невозможно, ходьба весьма затруднительна, свалившийся с ног человек без посто-

ронней помощи подняться не в состоянии, в 3—4 минуты его заносит снегом, приходится отыскивать или откапывать». Несмотря на тяжелейшие погодные условия, солдаты самоотверженно защищали Шипкинский проход. Участник обороны полковник Духонин в донесении писал: «...Ружья покрыты сплошной ледяной корой, и с чрезвычайным усилием солдаты поддерживают в хорошо смазанных маслом ружьях исправные действия затвора и выбрасывателя, постоянно приводя их в движение своими оковевшими пальцами». Благодаря беспримерной стойкости, мужеству и героизму русских солдат, оборонявших Шипкинский перевал в тяжелых условиях осенних дождей, зимних метелей и стужи, важнейший горный проход на Балканах был удержан. Он потом и послужил исходным рубежом для зимнего наступления через Балканский хребет в Южную Болгарию. Однако осуществить его русская армия смогла только после взятия Плевны. Тогда войска генерала Скобелева находились в 12 км от Стамбула, но взять столицу турок русским не дала Европа. Впрочем, и император Александр II понял всю серьезность положения и остудил горячие головы, заявив: «Константинополь — это новая война».

Великий Скобелев! Как будет неоставать России в скором времени его таланта, гения, любви к солдатам и офицерам, любви к России. Он был душой близок к солдату и офицеру, не позволял рукоприкладства, старался разъяснить всем, включая унтер-офицеров, суть маневра. Он говорил: «То, что приобретено кровью, не должно быть растрчено». Ах, как быстро мы позабыли эти слова. Какое право имеют иные вчерашние правители даже ходить по нашей земле, если они отдавали с легкостью то, что завоевано Россией в течение 100—200 лет истории! В 1882 г. Скобелева не стало. Ходили разные слухи о его гибели, говорили, что его отравили. «Русский Гарибальди» якобы чуть ли не замыслил переворот и свержение династии Романовых... Историю поведал председатель I Госдумы С.А. Муромцев. И. Аксаков выступил в газете «Русь» с некрологом: «Скобелев скончался!.. Наша народная слава, наша надежда — во цвете лет, в полном развитии своих

А. Попов. Защита «Орлиного гнезда». Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

замечательных дарований, когда, казалось, он стоял на пороге еще более блестящего поприща как будущий защитник России против всех ее внешних, замышляющих нашу гибель врагов! Одно имя его стоило целых армий... Как содрогнется от этой ужасной вести вся Россия, весь русский народ и весь Славянский мир и как возликует все, что точит ковы на Русь и Славянство!.. Не живет на нашей Русской земле талантам — только посредственности раздолье!.. Скорбно, скорбно...» В другой статье он же произнес фразу, которая действительно могла крепко напугать правящую верхушку: «Дайте мужикам топоры и скажите им, что ими командует Скобелев, — у вас готовое против врагов войско!» Не исключено, что этого как раз и испугались круги, которые, по словам Немировича-Данченко, «считали этого будущего Суворова опасным для российского самодержавия». Можно себе представить, что было бы, если бы такой человек, обожаемый армией, держал в руках все вооруженные

силы России. Это были бы уж действительно «его солдаты». Он мог претендовать на высшую власть. «И именно его, т.е. Русский народ, видел Скобелев в русском войске, не отделял интересов армии от интересов народных и задач военного ведомства от задач общерусских. Это был не только военный гений вообще, но русский военный гений — с русским сердцем, с тою широкою русскою душою, какую создает подчас беспредельно широкая Русь... Да, он был от народа, был порождением его мощного исторического духа, который создал Русское государство. В нем, по прекрасному выражению преосвященного Амвросия, «бился пульс народной жизни». Вот почему он понимал... что вся сила, залог всей будущности России — ни в чем, как в росте и развитии русской народности». Может, поймут наконец, что будущие успехи, победы России зависят прежде всего от роста и развития русской народности, ее талантов, способности! Русская народность — наш последний оплот!

**Н. Дмитриев-Оренбургский.
Генерал М.Д. Скобелев на коне. 1883**

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. была последней победоносной войной русской империи... Она имела громадное значение не только для болгар и славян, но и для России. Война подтвердила, что Россию рано списывать со счета, как было решили европейские политики после наших поражений в Крымской войне. Эта война ставила своей целью обеспечить удобные плацдармы для российских интересов в регионе... Вот такая характерная беседа состоялась между М.Д. Скобелевым и В.И. Немировичем-Данченко. Генерал так сформулировал свои взгляды, с позиции силы: «Я бы созвал сюда (в Константинополь. — Ред.) конгресс и сам бы председательствовал на нем. А вокруг триста тысяч штыков на всякий случай... Тогда бы и разговаривать можно! — А если бы Европа пошла против нас? — Бывают в истории моменты, когда нельзя, даже преступно быть благоразумным, т.е. слишком осторожным. Наша честь не позволяет нам отступить».

Нужно еще несколько столетий ждать, чтобы обстоятельства сложились так же выгодно, как теперь». Давно известно: «Cuis regio, eius religio!» (лат. — «Чья власть, того и вера!») Но стоит ли склонять в свою веру или подданство силой оружия? Ни в коем случае! Толку от этого нет. Другое дело — земли и проливы.

У Ф.М. Достоевского в «Дневнике» (1877) есть совершенно замечательное место, что так и просится на бумагу: «Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. сущность Восточного вопроса) — значит, все равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Это было бы даже и не революцией, а просто уничтожением, а потому и немислимо даже, потому что нельзя же уничтожить такое целое и вновь переродить его совсем в другой организм. Идею эту не видят и не признают теперь разве уж самые слепые из русских европейцев, да вместе с ними, и к стыду их, биржевики. Биржевиками я называю здесь условно всех вообще теперешних русских, которым, кроме своего кармана, нет никакой в России заботы, а потому взвизгивающих и на Россию единственно с точки зрения интересов своего кармана. Они кричат теперь хором о торговом застое, о биржевом кризисе, о падении рубля. Но если б эти биржевики наши были настолько дальновидны, чтоб понимать кое-что вне своей сферы, то они бы и сами догадались, что если б Россия не начала теперешнюю войну, то было бы им же хуже. Чтoбы были «дела», даже биржевые, надо, чтоб нация жила в самом деле, то есть настоящей живою жизнью и исполняя свое естественное назначение, а не была бы гальванизированным трупом в руках жидов и биржевиков. Если б мы не начали теперешней войны после всех цинических и обидных нам вызовов врагов наших и если б мы не помогли истязуемым мученикам, то сами же себя стали бы презирать. А самопрезрение, нравственное падение и за ним цинизм — мешают даже «делам». Нации живут великим чувством и великою, всех единящею и все освещающею мыслью, соединением с народом, наконец, когда народ невольно признает верхних людей с ним

Памятник героям Плевны в Москве

заодно, из чего рождается национальная сила — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля. Чем богаче духовно нация, тем она и материально богаче... А впрочем, что ж я какие старые слова говорю!» Думаю, что эти слова великого Достоевского знали или, бесспорно, почувствовали наш народ и наши вожди, идя на выручку нашим братьям, осетинам и абхазам! Русские войска не только разгромили агрессора! Они показали всему миру, что также теперь будет поступать Россия с каждым авантюристом и подонком у границ России! Россия триста лет владела тем, чем владела — и должна будет владеть этим вновь. Такова правда истории! И Европа с США, как говорят в таких случаях, скрежеща зубами, промолчали, ибо справедливость за нами.

Вместе с тем представляется, что русско-турецкая война имела своим последствием и ряд крайне негативных моментов. Во-первых, она стоила русскому народу больших жертв,

что вряд ли оправдано (особенно учитывая политику Болгарии в последующий период). Во-вторых, война настроила против России не только Турцию, но и европейские державы, не упустившие случая представить Россию в глазах мирового общественного мнения как империалиста и агрессора. В-третьих, она не достигла тех имперских целей, что ставила перед собой. Что мы получили в итоге? Правда, Турция оказалась ослаблена, утратив контроль над большей частью Балкан и Средиземноморьем. Но ведь и Россия не получила в руки эффективного контроля за регионом. Более того, в итоге Балканы превратились в пороховую бочку, где малые страны, получившие независимость фактически из рук России, стали играть с огнем, нисколько не задумываясь о последствиях их геополитических авантур. Мудрый канцлер А.М. Горчаков, как отмечал в дневнике военный министр при Александре II, Д.А. Милютин, убеждал, что в результате войны с Турцией «для самой России не предвидится никакой цели, никакой выгоды от самой удачной кампании». Горчаков полагал, что не стоит вести дело к войне, но его не послушали. Недовольство и разочарование достигнутыми войной результатами было всеобщим. Хотя последствия русско-турецкой войны выявятся не сразу.

И тем не менее Сан-Стефанский договор, подписанный 19 февраля 1878 г., помимо прямой своей цели — освобождения балканских славян, принес России существенные приращения. Вмешательство Европы, ревниво следившей за успехами России, Берлинским трактатом, правда, заметно сузило размеры захваченной территории, но все же они оставались еще очень значительными. Россия приобрела придунайскую часть Бессарабии и пограничные с Закавказьем турецкие области с крепостями Карсом, Агдаганом и Батумом, обращенным в порто-франко. Правда, наших дипломатов обвиняли в измене. Славянофил И.С. Аксаков упомянул о «предательстве в поведении русской дипломатии на конгрессе», обвинив ее в добровольном и чуть ли не злонамеренном отказе от успехов, добытых кровью наших солдат. После Берлинского конгресса даже столь опытный дипломат, как князь Горчаков, назвал конгресс «самой чер-

Открытие памятника императору Александру II в Софии

ной страницей» в своей служебной карьере. Царь согласился с такой оценкой, добавив: «И в моей тоже». Вместе с тем ряд видных ученых высказались более сдержанно в отношении результатов войны. Скажем, известный ученый Б. Чичерин весьма убедительно доказывал, что такой компромиссный исход наиболее разумен, ибо он не загонял Турцию в угол окончательно. В противном случае новая война с нею была бы неизбежной, а этого и без того ослабленная кровопролитной войной Россия не должна была допустить. Чичерин решительно возражал против того, чтобы глубоко углубляться в восточный лабиринт. Хотя Россию волновала проблема черноморских проливов, в случае захвата Константинополя она увязла бы на Востоке всерьез: «Центр тяжести перенесся бы на юг, и Россия перестала бы быть Россией». Любопытно, что Александр II подчеркнул это место в статье Б.Н. Чичерина, заметив: «Совершенно справедливо». Тем не менее, как мы еще убедимся, сторонники «радикального» решения «восточного вопроса» в России не желали отказываться от опасной мечты (т.е. взятия Кон-

стантинополя). Идея впоследствии захватила и Николая II, втянув нас в балканский капкан. Но тогда возобладало мнение дальновидных политиков (дипломат Н.К. Гирс, военный министр Д.А. Милютин, министр финансов Н.Х. Бунге). Мудрые и опытные государственные мужи видели опасность противостояния России с Турцией, Англией, Францией, и ратовали за восстановление союза с Германией.

Однако тот же Милютин не оставлял надежд на решение балканских проблем в духе господства России на Балканах, невольно подыгрывая нашим славянофилам. Российский историк С. Сказкин справедливо охарактеризовал планы России по созданию Балканской федерации как «политический романтизм». Он писал, что такие идеи Д.А. Милютина (присущие русской дипломатии да и верховной власти в лице императора), т.е. вмешательство в дела Балкан, «исполнены были того политического прекраснодушия, той непрошеной заботы о судьбе других народов и государств, которые чаще всего являются основой для плохой политики».

Европа восприняла эту победу русских войск крайне болезненно. Очень точно оценил их реакцию Ф.М. Достоевский в «Дневнике». Они писали: «Об России же самые образованные европейские государства со страстью распространяют теперь совершенные нелепости. В Европе и прежде нас мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвещенные народы так мало интересуются изучить тот народ, который они же так ненавидят и которого постоянно боятся. Эта скудость европейских о нас познаний и даже некоторая невозможность Европы понять нас во многих пунктах — всё это в некотором отношении было для нас до сих пор отчасти и выгодно. А потому вреда не будет и теперь. Пусть они кричат у себя о «позорной слабости России как военной державы», вопреки свидетельству десятков их же корреспондентов с самого поля войны, удивлявшихся боевой способности, рыцарской стойкости и высочайшей дисциплине русского солдата и офицера; пусть самые возможные, хотя бы и значительные, ошибки русского штаба в начале войны, они считают не только непоправимыми, но и органическими всегдашними недостатками нашего войска и нации (забыв, как часто мы их бивали в битвах за все последние два столетия). Пусть, наконец, самые серьезнейшие из их политических изданий сообщают Европе за точную

истину об огромном бунте народа, предводимого нигилистами, на Выборгской стороне в Петербурге, и о вытребованных русским начальством двух полках по железной дороге из Динабурга, для спасения Петербурга, — пусть это все говорят они в слепой своей злобе. Повторяю, нам это даже выгодно, так как сами они не ведают, что творят. Ведь, уж конечно, им бы хотелось возбудить у себя повсеместно к нам ненависть «как к опасным противникам их цивилизации», — и вот они же представляют нас в упавшем виде, в смешном до позора слабосилии как военной державы и как государственного организма. Но ведь кто так слаб и ничтожен, тот может ли возбуждать опасения и против себя коалиции? А им именно нужно настроить против нас свое общество. Стало быть, во вред же себе говорят, а коли так, то приносят нам не вред, а пользу. Мы же подождем конца». Читаешь эти строки и не перестаешь удивляться — как же мало меняется Европа в своей неприязни к России! Но и нам не нужна её ненависть!

Тем временем общественно-политическая, культурная атмосфера становилась все тягостнее в России, несмотря на громкие победы над турками, пленение Осман-паши, освобождение болгар. Вот как описал то время князь П. Кропоткин. Многие литераторы — Чернышевский, Михайлов, Лавров — были в

Павшие за свободу болгар русские воины

ссылке или, как Писарев, сидели в крепости. Другие забыли о своих демократических «дурствованиях» и склонились к «отеческому самодержавию». Они надеялись, что Александр II и Александр III еще станут преобразователями. Однако на первом месте у них были практические задачи по достижению личного благополучия. Они больше всего на свете боялись, что запретят журнал, сошлют издателей и вообще как-то еще накажут. При этом те, кто «сильнее радиканичал» 10 лет назад, более других теперь трепетали. «Правилом прогрессистов на ущербе стало «довольствуйся, что жив» или, точнее, «радуйся, что выжил». Вскоре они, как и та безличная толпа, которая десять лет тому назад составляла силу прогрессивного движения, отказывались даже слушать «про разные сантименты». Они спешили воспользоваться богатствами, плывшими в руки «практических людей». После освобождения крестьян открылись новые пути к обогащению, и по ним хлынула жадная к наживе толпа. Железные дороги строились с лихорадочной поспешностью. Помещики спешили закладывать имения в только что открытых частных банках. Недавно введенные нотариусы и адвокаты получали громадные доходы. Акционерные компании росли, как грибы после дождя; их учредители богатели...» Однако при этом вкусы «общества» падали все ниже и ниже. Ко всему добавок после выстрела Каракозова наступила реакция. Крепостники ожидали суда, который вернет на круги своя чуть видоизмененное крепостное право. Всеми делами в стране управлял Муравьев-вешатель. Возникла пропасть не только между революционной молодежью, но и между 20-летними и 30-летними. Оставалась только горстка молодежи, готовая на все. «А мы, молодежь, готовы были начать борьбу, действовать, рисковать, если нужно, жертвовать всем». В это время Кропоткин отбывал ссылку в Сибири. Однако он не мог не видеть, что русское крестьянство, в значительной части своей, шло к полному обнищанию. В их среде росло недовольство.

Все вышесказанное позволяет прийти к нескольким важным выводам... Движущей силой революционного движения в последней трети XIX в. все еще оставался дворянско-

Александр II

разночинный элемент, а не рабочие и крестьяне. П. Струве писал: «После пугачевщины и до этой революции (революции 1905 г. — Ред.) все русские политические движения были движениями образованной и привилегированной части России. Такой характер совершенно явственно присущ офицерской революции декабристов». Представлять дело так, что маятник революций в России раскачивали темные и неграмотные мужики, по меньшей мере, глупо. Нет, то были люди мужественные, преимущественно образованные, грамотные, обладавшие талантом, даже даром предвидения, «чутьем гениального социолога», как говорил о Белинском Плеханов. Среди революционеров оказываются даже такие люди, как П.А. Кропоткин, происходивший по прямой линии от Рюриковичей. О нем, шутя, говорили, что он имеет больше прав на престол, чем Романовы. В их числе была и Софья Перовская, принадлежавшая к аристократии, к младшей ветви рода Разумовских, отmorganатического брака императрицы Елизаветы Петровны (ее дед был министром просвещения, а отец занимал ни много, ни мало пост генерал-губернатора Петербурга).

Однако с годами в движении все заметнее рост числа рабочих. Пролетариат стал все более осознавать свою политическую силу. Инженер А. Голгофский так охарактеризовал рабочих (1896): «Проезжая по любой нашей железной дороге, окидывая взглядом публику на станциях, невольно обращаешь внимание на группы людей, выделяющихся из обыч-

ной станционной публики, носящих на себе какой-то особый отпечаток. Это люди, одетые особым складом: брюки по-европейски, рубашка цветная навывпуск, поверх рубашки — жилетка и неизменный пиджак; на голове — суконная фуражка; затем это люди большей частью тощие, со слабо развитой грудью, с бескровным цветом лица, с нервно бегающими глазами, с беспечно ироническим на все взглядом и манерами людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй... Везде, где только существует фабрика, вы встретите этот тип людей... Он, этот фабрично-заводской рабочий так сформировался и обособился в среде других классов населения России, что вы сразу узнаете его между сотнями и тысячами других...». Крестьяне оставались еще на периферии классовой борьбы, хотя их участие в акциях протеста против помещиков становилось все заметнее и порой принимало яростные и угрожающие формы. С другой стороны — и тотальное отторжение нашей бюрократии от народа становилось все очевиднее.

И тут, как и в случае со Столыпиным, реформаторам не хватило сил и всей их жизни. Жизнь царя-освободителя прервали насильственно. Затем и реформы Лорис-Меликова, где он настаивал на расширении полномочий земских и городских органов управления, на упразднении III отделения, на изменении цензурных правил, отмене ограничений на

Граф П.А. Валуев

публикации в периодической печати и т.д. и т.п., не были воплощены в жизнь. Ушли и реформаторы. Ушел в отставку Лорис-Меликов, сломленный окончательно, морально и физически. Его законопроект по созданию палат парламентского типа был похоронен... Выдающиеся государственники — члены правящего кабинета Александра II — завершали путь в безвестности. Великий князь Константин Николаевич, отставленный от всех своих должностей, закончил жизнь как частное лицо. Горчаков, сломленный последним ударом судьбы и недугами, доживал дни в Баден-Бадене, Валуев — в Петербурге, в полнейшей бедности и забвении. Громкие деяния эпохи, куда следует отнести освобождение крестьян от крепостного права и победную русско-турецкую войну 1877—1878 гг., не избавили Россию от тяжелых экономических и социально-политических проблем. Скорее, их усугубили. Надо было бы бросить силы на освобождение собственного народа, на улучшение его экономических и жизненных условий, но царизм продолжал пребывать в эгоистическом ослеплении. Народ нес все тяготы и жертвы, а плоды просвещения и прогресса доставались, в основном, правящим верхам.

Итогом этой неразберихи, этого системного противостояния стал закономерный раскол в образованной части России — не только между западниками и славянофилами (т.е. между образованным классом), но и внутри партий власти... Сей раскол после 1861 г. еще более усилился. За долгие годы высшая власть так и не сумела сблизиться со своим

Л.А. Тихомиров

Князь А.П. Горчаков

народом. Воспитанные греками, немцами, французами, англичанами, бог знает еще кем, наши бюрократы и дворяне свыклись с мыслью, что прогресс может прийти к нам только с Запада. Потому они учились и жили в европейских городах, там проигрывали деньги, полученные с крестьян и их поместий, там же заводили любовниц, там занимались фрондерством или спекуляциями (в промежутках между роскошным обедом и ужином за бокалом рейнского, или пинтой пива). Идеологи западничества целенаправленно работали в направлении отрицания всего русского. Идеи эти обрели определенную силу в нашем образованном слое, проникая, хотя и в уродливой форме, в народ... Л. Тихомиров, и сам в молодости «грешивший» революционными идеями, писал в «Монархической государ-

ственности» о русском «обезьянничанье», о космополитизме, выразившемся в усвоении внешних форм «общечеловеческой культуры». Но вся проблема была в том, что эти-то космополиты по сути дела и были высшим правящим классом России: «Эта обезличенная часть образованного класса численно стала постепенно преобладающей, и если она не успела до сих пор совершенно упразднить русское своеобразие, то исключительно по трудности задачи». Этой слабостью, этим пороком правящей касты и воспользовались в дальнейшем революционеры. Сначала в теории, а затем на практике они стали требовать замены, ликвидации класса управленцев (на том основании, что тот стал классом в себе и для себя). Заметно меняется и облик «господ революционеров»... Если на первом этапе революционного движения ядро его составляли, в основном, русские, то на втором этапе, особенно с начала XX в. мы видим стремительное насыщение революционного раствора евреями. А это значило: постулаты и максимы революции и практические способы воплощения идей социализма и коммунизма будут иметь черты еврейского цадика, ортодоксального иудея. Подобное «обевреивание» революционной верхушки, как мы увидим, не обещало ничего хорошего ни русскому народу, ни России.)

Глава 8. Александр III, или Несбывшаяся надежда монархической России

Если бы у руля Российского государства продолжал оставаться еще 15—20 лет Александр III, ход событий в мире и России мог бы стать совершенно иным. Уже почти 150 лет либерально-демократическая «публика» (чуть было не сказал «сволочь») произносит это имя в России, Европе с презрительно-шепелявым присвистом. Иные уверяли, что его политика была политикой «обратного хода» (Г. Флоровский). Мы так не думаем. То был не немец, не иудей, не иностранец, а настоящий русский царь. При нем и подобных ему Россия, возможно, процветала бы, избегнув рук безжалостных палачей начала, середины или плутократических уродов конца XX в.

Россия слишком велика и обильна, чтобы ею мог править слабый политик. И в этом смысле удачей для России стало восшествие на царство консерватора и националиста Александра III. Правление его, писал замминистра внутренних дел генерал В.И. Гурко, «представляло разительный пример того огромного значения, которое представляет для государства определенная, не подверженная никаким уклонениям политическая линия. Именно этими свойствами отличалась политика Александра III, и только благодаря им, невзирая на то, что она не соответствовала многим вождениям передовых кругов общественности, она, тем не менее, не вызвала ни резких протестов, ни открытых выступлений. Та внешняя мощь, которой дышала богатырская фигура Александра III, соответствовала силе и твердости его характера и воли. Бороться с этой волей — передовая общественность это чувствовала — было столь же бесполезно, сколь небезопасно».

Особенно очевидно это становилось при сравнении его с последующим царем, Николаем. Россия принесла свободу болгарам, оказала поддержку черногорцам. По словам Пушкина, это «племя злое» боролось за независимость и в итоге обрело ее. Российская империя первой из великих держав признала Черногорию, установила с ней дипломатиче-

ские отношения и открыла в столице, г. Цетинье в 1881 г. свое посольство. При помощи России фактически были созданы вооруженные силы этой маленькой, но гордой страны, а в 1910 г. между двумя странами была заключена военная конвенция. В ней предусматривалась защита черногорского народа в случае нападения иной державы. Многие дела России, под главенством Русского царя!

И.С. Тургенев говорил об Александре III, что он «обладает многими из тех существенных качеств, которые создают если не великих, то, по крайней мере, хороших и настоящих государей» (1881). Возможно, и так...

Но что же это за качества? И.С. Тургенев писал: «Он в расцвете сил, здоров телом и духом... Характер у него спокойный, рассудительный, энергичный и уравновешенный. Отличительная черта его... это честность, честность щепетильная, абсолютная, без компромиссов и без примесей. Достаточно его увидеть, чтобы почувствовать, что он порядочен с ног до головы, без скрытых мыслей, полный суровой откровенности; но эта чрезвычайная прямота не лишена оттенка упрямства, которое является как бы ее последстви-

ем... Он принялся за работу с замечательным упорством и силой воли, стараясь сделаться достойным великого трона... Новый царь скорее склонен сомневаться в себе, в своих знаниях и уме, — это истинная скромность перед лицом того высокого положения, куда возводит его судьба, — скромность, не исключающая, однако, ни последовательности, ни энергии в проявлении воли. Единственный, пожалуй, из всего своего рода, он целомудрен и всегда был таким... Люди, которые воспитывались вместе с ним, уверяют, что даже ребенком он никогда не лгал... Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский... все в нем — язык, привычки, манеры, даже самая физиономия отмечены отличительными чертами (этой) расы. Где бы его ни увидели, везде назвали бы его родину... Он любит и покровительствует только русскому искусству, русской музыке, русской литературе, русской археологии. Он основал в Москве большой национальный музей. По той же причине он и ревностный православный; его благочестие искренне и непритворно. В своей стране большую часть своей любви он отдает крестьянам... Но если его благодеяния должны коснуться крестьян, то его строгость неизбежно настигнет всю, сверху донизу, русскую бюрократию, о хищениях и гнилости которой ему все известно. Когда ему пришлось командовать войсками, он не мог сдерживать своего честного возмущения хищениями, свидетелем которых он был даже в своей собственной семье. Повидимому, он твердо решил положить этому конец; и чистка продажных чиновников даже уже началась... Возможно также, что щепетильная честность нового императора побудит его вслед за тем произвести и значительные финансовые реформы. Они, несомненно, распространятся даже на военный бюджет; они же остановят скандальное расхищение уделных земель, которое производилось посредством фиктивных продаж и тысячью других мошеннических приемов... Что касается внешних отношений, то можно утверждать, что царь будет придерживаться политики совершенно мирной, почти замкнутой, крайне осторожной. Он постарается сохранить добрые связи с Германи-

ей... Франция может рассчитывать, несомненно, на более ярко выраженную симпатию... Новые отношения России с Англией примут, почти наверное, характер большей сердечности... Делаются всяческие попытки уже теперь предугадать, какие влияния будут воздействовать на ум молодого государя. Все эти предположения ни на чем не основаны. Его независимый нрав поможет сбросить с себя всякий нажим, откуда бы он ни исходил... Социально-политическое и финансовое положение России в самом деле серьезно, и недаром в первом своем манифесте Александр III говорит о тяжелой задаче, выпавшей ему на долю. Самодержца, даже гениального, могла бы здесь постигнуть неудача, но, опираясь на живые силы нации и призвав их себе на помощь, всякий честный правитель может рассчитывать на успех». К честности надо бы добавить еще волю, мужество, ум и силу правителя, которые позволяют ему награждать достойных и карать безжалостно виновных, не взирая на лица.

В малоизвестной статье выдающегося русского историка, мыслителя и психиатра П.И. Ковалевского (1849—1923) «Александр III — царь-националист» дается объективная оценка этого монарха. Проживи тот дольше, как знать, может быть, он спас бы Россию от многих трагических событий XX века. Он сумел совершить то, что и сегодня, как нам кажется, не мешало бы повторить плеяде политиков, конечно, если они русские политики и служат народу, а не кучке богатеев-миллиардеров. Им введено земство, особое внимание обращено на образование, положение школ, им явлена забота об отечественной фабрично-заводской промышленности, учрежден фабричный инспекторат, чьи обязанности — охрана здоровья и труда рабочих, отменены ночные часы работы для женщин, улучшено как питание, так и лечение трудящихся. Правительство покровительствовало и русским промышленникам. «При помощи правительства на русских заводах из русского материала и русскими рабочими стали изготавливать такие предметы, кои раньше выписывались из-за границы за большие деньги: машины, огнестрельные орудия, боевые снаряды и т.п.». Мы и сейчас

И.Е. Репин. Прием волостных старшин императором Александром III

не можем в промышленности похвастаться подобным подходом. Но главным было то, что «русский царь решил в России заводить немецкую...». Исконным русским городам немецкого названия императором даны прежние русские названия. Он упорно, настойчиво и систематически повел дело «обрусения» России (хотя это многим не нравилось). Словно предвидя будущее, он воспротивился процессу, когда «евреи под собственный шум и гвалт о притеснении их, потихоньку и незаметно не только нарушили черту оседлости, но успели «ожидовить» столь русские города, как Москва и проч. Тогда-то и вспыхнуло в народе «русское моление и вопль» об избавлении русских в России от нашествия двенадцати колен израилевых». Хотя понятно, что те же самые шаги вызвали к нему неприязнь среди евреев, да и у всей «либеральной Европы»... В 1881 г. Ф.М. Достоевский поместил в записной книжке такую грустную, но глубоко верную заметку: «Нам все не верят, все нас ненавидят, — почему? Да потому, что Европа инстинктом слышит и чувствует в нас нечто новое и на нее несколько не похожее. В этом случае Европа совпадает с нашими западниками...»

Александр III внял мольбе его подданных... К слову сказать, и Ф.М. Достоевский в письме к будущему царю Александру III (тогда еще наследнику), препроводив ему отдельное издание «Бесов», словно подсказывал ему, в ком следует видеть бесов. Он писал: «Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложный закон исторический, состоящий в том, что без всякого высокомерия о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации... тем-то именно и пригодились миру..., что остались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самобытными». Александр III внял мольбе своих подданных... Вышел строжайший указ — водворить «всех незаконно проживающих в России евреев за черту оседлости». При этом «особенно много было выселено евреев из Москвы. Целые тысячи их поселились в Варшаве...». Ранее же императорский двор был полон инородцами и иноземцами. «Там господствовали немцы, шведы, финляндцы, поляки и прочие и даже русская аристократия была только терпима. Высшие государствен-

Ж. Беккер. Коронация императора Александра III и императрицы Марии Федоровны.

ные должности были в большинстве в руках инородцев или русских, не умеющих говорить по-русски». Наша интеллигенция, во многом как раз и состоящая из инородцев, была либеральна, космополитична, то есть глубоко антинациональна. Русская молодежь была нигилистична... И вот явился царь, который все это стал менять. Его свита должна была говорить по-русски, читать русские книги, любить русских художников, с почтением относиться к русской науке и т.п. В ходу была легенда, что когда министр финансов Бунге употребил в докладе большое количество иностранных технических слов, Александр III якобы сказал: «Пришлите мне человека, умеющего говорить по-русски...» Легенда ни на чем не основана. Его ум был реальным, он не уклонялся в сторону фантазий и отвлеченности... во всем любил порядок и правильность. Долг свой он выполнял честно, с ясным взглядом и чистым сердцем. Александр III обладал цельным характером, в вопросах внутренней и внешней политики непреклонен, в действиях руководствовался не личными симпатиями

и антипатиями, а справедливостью, пользой народа, нравственным долгом. Он постоянно занимался государственными делами, вникал в каждую мелочь, изучал военное дело, интересовался археологией, помогал научным экспедициям, способствовал обнародованию важнейших исторических документов, был председателем Русского исторического общества, принимал активное участие в заседаниях и изданиях, знал иконографию, следил за русской литературой, помогал русским писателям и ученым, поощрял русский и малороссийский театры, любил русскую живопись и русскую музыку. Он отличался необыкновенною личною храбростью, был неустрашим и непоколебим, и вообще являл собой сочетание многих ценнейших качеств, присущих славянской нации, но более всего русским (мужество, храбрость, любовь, милосердие, самопожертвование и сострадание, выдержка). «Царь Александр III, безусловно, является самородком», — делает в заключение вывод П.И. Ковалевский.¹ Возможно, с ним у России была бы иная судьба... Александр III

был последним великим богатырем русской монархии. Либералы считали его ярким реакционером. Роль этого самодержца в истории объективно оценил внук Карамзина, писатель, издатель-редактор «Гражданина» В.П. Мещерский. Оценка им Александра реалистична: «Царь Александр III был великим Русским Государем».

Лишь один человек на всю Россию отказался присягать ему, писатель В.Г. Короленко, заявив: «Я Александру III не буду присягать, я никогда не лгал, а это было бы ложью». Но ведь он, строго говоря, и русским-то не был («Не великоросс», — так прямо и сказал о нем Л. Толстой). «Александр III был велик не громкими и славными делами, он был велик духом своего царствования, духом своего служения России, проникавшим постепенно не только во все пути и тропинки духовной жизни государства как целебное, успокаивающее врачевание, но шедшее дальше, за пределы России, как волшебный двигатель и миролюбия, и умиротворения, и сила этого духа была так велика, что уже после первых годов царствования Александра III вся Европа с Бисмарком во главе, знавшим толк в вопросе о величии, сознавала, что Россия растет государственной мощью, отражая в себе рост своего Монарха. Историограф его призван невольно сопоставлять это действие Царя, названного своим народом миротворцем, на Европу. И это признание Европой роста и возвышения России от роста ее Монарха — с другим царем Александром, с Александром I, тоже названным Россией и Европой великим, и со-

поставлять, говорю я, для того, чтобы наглядно изобразить различие между сими двумя великими Александром. Первый свое величие и свою славу в мире добыл во главе своего войска торжественным шествием через всю Европу при громе побед, возвеличивших победителя величием побежденного. Но эта победа была куплена дорогой ценой, ценой многочисленных жизней героев и тяжелым ослаблением экономических сил государства, надолго замедлившим его внутренний рост. Александр III, в продолжение царствования не вынув меча из ножен, добыл свое величие, тоже свершая победоносное шествие через Европу, но это шествие и эти победы совершал волшебным его дух, и об этом шествии и об этой победе свидетельствует громко летопись всего света, вещающая, что благодаря влиянию русского монарха Александра III, не извлекшего меча из ножен, и в Европе мечи не вынимались из ножен и во славу мира ни капли солдатской крови не было пролито». Последнее обстоятельство кажется крайне важным при определении исторической роли любого властителя, царя.

Поэтому считаю в высшей степени несправедливым отношение к нему так называемой либеральной интеллигенции. Та величала его не иначе как «венценосным Митрофаном», «карой нации», «бегемотом в эполетах», «царем-удавом» (А. Кони). Ну а, может, ему не могут простить фразу: «Конституция? Чтоб русский император присягал каким-то скотам!» Эти господа никак не могли простить ему убежденную веру в миссию русского народа. Организаторами погромов были пущены слухи, что царь разрешает «бить жидов» из мести за убийство его отца «еврейскими революционерами». Хотя показательно и то, что популярность террористов при нем сошла на нет. Кстати, за 13 лет его правления были задержаны всего около 4 тысяч человек, и казнены 17, да и то — участники убийства императора Александра II и покушения на Александра III (при 120 млн населения). У нас за день убивают и лишают свободы больше людей, чем при царе за все время его правления. И ничего, «демократия», ядрена вошь!

По нашему разумению, его ранняя и преждевременная смерть означала конец всех

Русские купцы

Мария Федоровна и Александр III

надежд на переход России в лоно и русло конституционно-монархического капитализма. Причины крушения поезда Александра III до сих пор не совсем ясны... 17 октября 1888 г. он возвращался с семьей и свитой в Петроград из Крыма. Поезд свалился с насыпи между станциями Тарановка и Борки (68 раненых, 21 человек погиб). Сразу возникли и стали шириться слухи о покушении. Мысль о покушении пришла в голову и адвокату А.Ф. Кони: «Мысль о террористическом выступле-

нии и всех, обычно им вызываемых, печальных практических и моральных последствиях в направлении нашей государственной и общественной жизни невольно мелькнула у меня». Одной из главных причин катастрофы поезда Александра III стала недобросовестная работа капиталистов-евреев. Тогда все почти открыто говорили о теракте, о наличии так называемого еврейского следа.

Тем не менее именно «красному Кони», как его называли иные, поручили расследование причин катастрофы. То, что он увидел и узнал на месте, буквально потрясло его... У него произошел открытый и доверительный разговор с Н.А. Кронебергом, правительственным инспектором железных дорог. Тот долго молчал, наконец его прорвало... Знаете ли, что ко мне поступали неоднократно заявления о злоупотреблении господ евреев, Полякова и Гана, глав правления компаний железных дорог. Через два месяца правительство решило выкупить дорогу и при этом обещало владельцам выплачивать ежегодно сумму, равную среднему годовичному доходу за последние пять лет. А за последние 8 лет доход правления вырос в 16 раз. За счет чего? — спросите вы. Дело очень просто: доход поднимали путем уменьшения расходов на эксплуатацию

Царь Александр III в открытом ландо. 1888

всего. «Вместо песка сыпали шлак, шпалы, давно вышедшие из строя, не меняли, укладывали гнилые и маломерные, покупая их по дешевке. За шесть лет понизили издержки

на ремонт паровозов и вагонов на миллион рублей. Машинисты проводят в пути по восемнадцать часов и валяются с ног от усталости». Вот вам порой и все секреты еврейской

В. Маковский. Императрица

**Крушение поезда царя Александра III
под Харьковом. Ст. Борки**

«гениальности» в бизнесе: жульничество, и ничего более.

Впрочем, будем реалистами... Возможно, что и сей «царь-богатырь» не смог бы изменить антинародный характер самодержавной власти. При всей симпатии к нему нельзя уходить от объективного анализа действительности и от фактов. Своим рескриптом Александр III подчеркнул первенствующее место дворян в структуре общества, назвав их главной опорой самодержавия. При нем стал действовать циркуляр министра народного просвещения И. Делянова («О кухаркиных детях»), что возвел стену, как говорили критики, на пути к высшему образованию перед юношами из низших сословий. Сохранились установки старого положения, ограничившие рамки образования, получаемого в школах (1874 г.). «В других странах существует так называемый образовательный минимум, обязательный для всех детей. В России, напротив, имеется максимум, за пределы которого не дозволено выходить. Строго запрещено давать крестьянским детишкам больше, чем элементарное знание катехизиса и Священного Писания, чтения и письма, а также четырех правил арифметики», — писал Степняк-Кравчинский в «России под властью царей».

Некоторые историки склонны, правда, считать, что жизнь крестьянства после реформы 1861 г. значительно улучшилась. Такой «еретический вывод» делает С. Хок (США). Но можно ли признать успешной экономическую политику страны, если вспомнить страшный голод, поразивший 40 губер-

ний России в 1894 г., в год смерти Александра III?! Тогда вымирали целые деревни и волости, а помощь голодающим со стороны правительства была организована из рук вон плохо. И все же это был царь, обладавший, как сказал Витте, «благороднейшим — мало сказать благороднейшим, — он обладал именно царским сердцем». Думаю, он более других был склонен к установлению «правды на Руси». Этот человек в отличие от Николая II «мучительно страдал от сознания, что этой правды нет на Руси». Когда О.Б. Рихтер, управлявший канцелярией его величества, пользовавшийся большим доверием государя, раскрыл ему всю картину злоупотреблений, в основе которых безнаказанность и преступность высших чиновников, государь, по его словам, «застонал от страдания». А стонать должны были бы они — чиновники! И кровью своей умыться!

При Александре III несколько упрочились финансы, получила дальнейшее развитие и промышленность. Благодаря усилиям того же Н.Х. Бунге (царь всячески его поддерживал и защищал от бешеных нападков как справа, так и слева) страна быстрее стала развиваться. Именно при нем Россия обрела ту динамику роста, на которую будут потом ссылаться все специалисты. Витте, докладывавший в конце декабря 1894 г. на заседании Госсовета о финансовых итогах царствования Александра III, сделал вывод о значительном повышении доходов казны. Хотя тот же Бунге, зная действительное положение, отмечал «эфемерность блестящих цифр кассовой на-

И. Репин. Адвокат А.Ф. Кони

Александр III

личности», а также высказал убеждение, что «экономическое благосостояние поднимется только тогда, когда громадная крестьянская масса получит управление и организацию, основанные на возможности осуществления гражданских прав, подобно тому, как это происходит в государствах Западной Европы». Получалось, что прогресс не затронул крестьянства, а освобождение крестьян и другие Великие реформы так и не дали ожидаемых результатов.

Правда, Россия освободила болгар от турецкого ига, за что ей честь и хвала, но оказалось, что свобода болгарских братушек далась ей немалой кровью. Итог его правления, царя-мироотворца, при котором Россия не только ни разу не обнажила своего меча, но ни разу им и не пригрозила, в целом позитивен. Можно предположить, что велика вероятность того, что при нем Россия не влезла бы ни в Русско-японскую, ни в Первую мировую войну. Историк В. Ключевский подметил еще одну удивительную черту императора. Он был уважаем в Европе. Согласимся, это стоит многого, учитывая постоянную, я бы сказал даже патологическую нелюбовь к нам европейцев. «Нация отведет императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской исто-

риографии, скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее добиться победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покориł общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее».

Решать давно назревшие проблемы империи нужно было бы постепенно, не допуская войн, революций и потрясений... Если кто-либо и мог сделать это, то, вероятно, все же русский царь Александр III, проживи он лет на 20 больше. Ведь ушел-то он из жизни, по сути дела, еще молодым — ему и 50 лет не было! Нам кажется, верную оценку его правлению и его эпохе дал историк А.Н. Боханов: «В стране с лихвой хватало нищеты и отсталости. Важно другое: заметный разрыв между Россией и западноевропейскими странами по уровню жизни медленно, но неуклонно сокращался. Александр III знал о социальных проблемах, как и о трудностях, возникавших постоянно в делах государственного управления по их преодолению. Искренне стремился добиться изменений. Все время он задавался вопросом: как достичь лучшего? Необходимые варианты, как потом выяснилось, не всегда оказывались оптимальными. При запутанных, сложных и противоречивых реалиях русской жизни идеальные мог изобрести лишь кудесник. Потом появятся утверждения, что царь не «понял потребности времени» и, «по наущению черного кардинала» Победоносцева, лишь «заморозил Россию». Об этом всегда много писали отечественные и зарубежные «профессиональные разоблачители царизма», возлагая особую вину на Александра III, якобы «не желавшего преобразований». Такие тезисы не верны и по сути, и по форме. На самом деле, никакой консервации «негатива» при Александре Александровиче не наблюдалось. Смысл и направление политики были совсем иные: неустанно, но лишь постепенно, шаг за шагом, без резких кренов и рывков преодолевать отсталость и несуразности. Внутренний (как и

И. Тюрин. Н.Х. Бунге

внешний) курс России этого периода можно с полным правом обозначить как «спокойную политику». Никакого «анабиоза» социальной, экономической, культурной жизни в империи не наблюдалось». И все же еще недостаточно быть русским, чтобы проводить динамичную и эффективную, умную и конструктивную политику. Нужно уметь еще и окружить себя яркими и сильными личностями, деятельными и трудолюбивыми, всей душой болеющими за дело России.

Бесспорно, Александр III — самый сильный лидер в последние сто лет империи Романовых. Он не только укрепил экономику страны. Император-миротворец способствовал росту флота и промышленности и авторитета державы. И, пожалуй, главное: за его короткое, 13-летнее правление страна ни разу не ввязалась (или не была вовлечена) в войны. Если учесть, что глупые и ненужные войны погубят царскую Россию, это фактор — наиважнейший. Возможно, дело было и в том, что он умел прислушиваться к мнению умных людей. Говорят, что царь находился под влиянием историка С. Соловьева, автора 29-томной «Истории России с древнейших времен». Понятно, почему Александр III — любимейший царь русских патриотов (как белых, так и красных). Многие называли его «первым национальным русским монархом», который «подобно Иоанну III, свергнутому татарское иго, сверг иго неметчины, иго западноевропейское». Старался ограничить засилье иностранцев в России, и жаль, что

ему не суждено было свергнуть другое «иго», куда более страшное.

Тем не менее власть самодержавия пошатнулась. Это признавали даже самые преданные и верные его слуги. Министр внутренних дел П.А. Валуев заносит в дневник: «Как будто совершилась революция между двумя эпохами. Наши борзописцы толкуют о 19 февраля. Нет, не отмена крепостной зависимости крестьян, сколь ни велико это дело, составляет главную грань между настоящим и прошлым. Падение крепостной зависимости духа — вот, что их разделяет. Взгляды и понятия изменились. Сила тяготения к центральному солнцу власти уменьшилась. Каждый начинает смотреть на самого себя как на самостоятельную единицу». Власть в России не уважают, ибо власть не уважает граждан. Из уст Валуева вырвалось и такое признание: «Самое тяжелое чувство в том, что я почти никого не уважаю. Во всех делах отсутствие твердых начал, преобладание мотивов личных и мелочных приемов». Высшая же власть, словно в насмешку над народом, назначает на высокие посты глупцов или мерзавцев... «Неужели нет других!» — в отчаянии заносит министр в дневник свои мысли. Хотя ведь и он сам приложил руку к такому положению. «Никогда, — писал И.А. Аксаков, — цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный». «Особое наставление» 1862 г. лишало прессу возможности касаться насущных вопросов в жизни страны, если в ней высказывали взгляды, не соответствующие позиции правительства. Любопытно, что скептически оценил будущее императорской России и сам защитник самодержавия. «Я считаю, — писал граф П.А. Валуев, — нынешнюю Российскую империю фактически обреченной на органическое изменение, быть может, даже на изменение с насильственным решением».

Показательна позиция обер-прокурора Синода К. Победоносцева, о котором Блок сказал: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Это в его лице, по словам Н.А. Бердяева, мы увидели самого искреннего идеолога «нигилистического отношения русской официальной церкви и государства к жизни». К примеру, 21 февраля 1883 г. в письме

Николай II открывает памятник Александру III

ме к Александру III Победоносцев, настаивая на запрете театральных постановок, говорит: «Ваше Величество! Я уже в последний [раз] беспокою Вас этими строками по настоящему делу. Но долг моего звания и моей сердечной заботы велит мне сказать еще раз: впечатление будет тяжкое. Оно было бы менее тяжело, если б разрешение последовало после, через год или через несколько лет. Но теперь... теперь люди в первое время откажутся верить. Притом коронация готовится в Москве, а из Москвы вышло главное ходатайство о закрытии театров в пост, и в Москве разрешение спектаклей отозвалось всего чувствительнее. Необходимо побережь народное чувство в религиозном его элементе именно теперь, когда оно так настроено перед коронацией. Так жених бережет перед браком стыдливое чувство невесты... Немало найдется людей, которые будут говорить, что это пустые капризы со стороны Синода, что это поповский фанатизм, и т.п. Синод ничего и не знает о настоящем случае, и дело не в нем, а в народном чувстве, которое ни за что не поймет, как могут быть спектакли в те дни, когда ежедневно в церкви читается: «Господи, владыко живота моего»... Не поймут также простые люди, как могло вдруг измениться царское слово, встреченное всем народом с такою радостью в дни траура и плача». Вашего Императорского Величества верноподданный К. Победоносцев. Или же вот он делится с императором «прогрессивными мыслями» об открытии университета в Сибири. «Каких профессоров

достанут в Сибири, когда и для здешних университетов не знают, где достать серьезных и надежных людей, особливо юристов! (А в Сибири предполагается открыть именно юридический факультет.) Очевидно, туда поедут, увлекаясь высокими окладами, лишь очень молодые и слабосильные люди. Захотят напупить университет и на первых порах вынуждены будут принимать и в студенты кого попало, а затем станут просить от казны денег на стипендии. Общество томское состоит из всякого сброда; можно себе представить, как оно воздействует на университет и как университет на нем отразится. Граф Игнатьев писал мне от 8 октября о его проезде через Томск: «Осмотрели пресловутый Сибирский университет. Здание чрезмерно-роскошное; не знаю, наполнится ли оно и кем? и что из всего этого выйдет?»» (1886 г.). Таковы оценки состояния страны политическими и духовными деятелями России!

В 1887 г. товарищ обер-прокурора Н.А. Хвостов пишет Победоносцеву о наболевшем («О чем теперь болит душа у всякого истинного русского»). После ареста терро-

Памятник Александру III

К.П. Победоносцев

ристов с бомбами на Невском началась лихорадочная деятельность полиции. Стали брать всех, кто первым попался под руку. Говоря о положении студенческой молодежи, Хвостов пишет: «Уж не говоря о высылках, производимых без разбора, по фантазии всяких полицейских властей, положение всей массы самое бесправное. Нельзя даже в гости ходить». Запретили игру в карты. Но все эти тупые меры не помешают, «кому нужно, и собраться, и бомбы приготовить». Тут нужны иные меры. И если бы кто захотел нарочно избрать такой способ действий, который «может создать и для будущего запас горючего материала, то лучше трудно придумать». В конечном счете Хвостов заключает: «Я боюсь университета. Боюсь не бомб и товарищества... Я опасаясь порядков, совершенно нелепых». В то же время Победоносцев, будучи человеком умным, признавал: в самодержавной России «все сгнило», а среди бюрократии — «кто ноне не подлец». Жестокостью души он был сродни Николаю II. Когда зимой 1901 г. костромской архирей умолял его не закрывать семинарии (имели место беспорядки), не выдворять провинившихся семинаристов, ибо те могут умереть с голода, Победоносцев ответил телеграммой: «Пусть умрут». Всеми правдами и неправдами пытался он отсрочить конец старого прогнившего мира монархии, противодействуя демократическим стремлениям, направленным на разумные перемены в обществе.

Выступая против реформирования России в демократическом направлении, он от-

мечал в письме к Николаю II: «Началось ввиду общего недовольства безумное стремление к конституции, то есть к гибели России. Это стало в умах какою-то заразой: русские люди, сохранившие еще разум и память прошедшего, ждали в страхе, что будет, ибо покойного Государя (Александра III. — *Ред.*) склонили уже совсем к этому гибельному шагу». Вся деятельность Победоносцева была направлена на то, чтобы задуть инициативу тех, кто хотел сделать хотя бы что-то полезное для России. Он «ложился поперек всякого живого течения воды» (В.В. Розанов). Священник Г. Петров (лишенный сана в годы первой русской революции) писал, имея в виду явно личность К.П. Победоносцева (хотя он и говорил вроде бы об Испании): «Такое же впечатление получалось и от его государственной деятельности. Благодаря своему уму, редкому образованию..., он пользовался сильной поддержкой... и потому и сам у себя на родине был большой силой. Но эта громадная сила загадочным образом мешала и стране, и делу... церкви она приносила одни только роковые беды. Она не давала никому и ничему хода вперед; держала и духовенство, и народ в невежестве, вызвала общее раздражение, действовала разлагающим образом на жизнь страны. Интеллигенция озлоблялась против церкви, теряла веру, становилась безбожной, враждебною ко всему, что только напоминало о религии; люди, искренно верующие, томились духом, приходили в отчаяние, а натуры слабые, колеблющиеся, пугливо сторонились и думали лишь об одном, как бы уцелеть самим... Все, что было честного и талантливого в стране, все сторонилось изможденного старика. Ему приходилось брать (тех), кто шел к нему сам, и подбор получился ужасный. Ни одного искреннего, убежденного, идейного, одушевленного делом веры человека. Сплошь почти все были казнокрады, взяточники, в лучшем случае — черствые карьеристы, бездушно холодные и к Богу на небе, и к Божьему делу на земле».

Победоносцев, верный слуга императорского дома, в письмах к Александру III хотя и эпизодически, но рисует объективную картину положения России. В письме от 22 июня 1891 г. «вернопреданный» (так он подписывал

Лев Толстой-непротивленец

письма царю) сообщает: «Слава Богу, в нынешнем году Псковская губерния принадлежит к числу счастливых, в надежде на хороший урожай — и все в этой надежде веселы. Но из средней России, особливо из степной полосы, приходят отчаянные, страшные вести. Во многих уездах Самарской, Пензенской, Симбирской губерний уже теперь голод, хоть и страшно произность это слово, а цены на хлеб повсюду растут с каждым днем». Он же 1 ноября 1891 г. решает сообщить Его Величеству «о предметах неутешительных», в частности, говорит о «тлетворном влиянии» проповедей Л. Толстого: «Толстой — фанатик своего безумия и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей. Сколько вреда и пагубы от него произошло, трудно и исчислить. К несчастью, безумцы, уверовавшие в Толстого, одержимы так же, как и он, духом неукротимой пропаганды и стремятся проводить его учение в действие и проводить в народ. Таких примеров уже немало, но самый разительный пример — князя Хилкова, гвардейского офицера, который поселился в Сумском уезде, Харьковской губернии. Он роздал всю землю крестьянам и, основавшись на хуторе, проповедует крестьянам толстовское евангелие, с отрицанием церкви

Перст власти

и брака, на началах социализма. Можно себе представить, какое действие производит он на невежественную массу! Зло растет и распространяется до границ Курской губернии, в местности, где в народе давно замечен дух беспокойный. Хилков успел развратить около себя целое население села Павловки и соседних деревень. Он рассылает и вблизи, и вдали вредные листы и брошюры, которым крестьяне верят. Народ совсем отстал от церкви: в двух приходах церкви стоят пустые и причты голодают и подвергаются насмешкам и оскорблениям. В приходе 6000 душ, и в большие праздники, например, в Покров, были в церкви всего 5 старух». А это, к слову сказать, о последующих нелепых обвинениях в адрес большевиков, что якобы убили «святую веру» в русском народе. Вот она — вера.

«Я сознаю, — говорил сам Победоносцев Николаю II (по воспоминаниям великого князя А.М.), — что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии (тут налицо близость к К. Леонтьеву. — В.М.). Малейшее теплое дуновение ветра, и все рухнет». В другой раз, при встрече с Д.С. Мережковским (по поводу закрытия в 1903 г. Религиозно-философских собраний) Победоносцев произнес фразу: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек». Однако «ледяная пустыня», как тот изволил выразиться, не была такой уж пустыней. Скорее, ту Россию можно было бы сравнить с землями возле ог-

Заседание Общества любителей древней письменности. 1900-е гг.

недышащего вулкана Везувия, что готов пробудиться и выплеснуть наружу лаву народного гнева. не победу, а поражение несли они!

Но, безусловно, виной тому не только радикальная интеллигенция, революционеры, либералы и даже не отдельные консервативные личности типа Победоносцева, которого называли «божьей карой», но прежде всего сам царизм, ставший «злым роком России». Автор очерка о Победоносцеве, Ю.В. Готье писал: «Он пересидел свое могущество, ушел под шум революционного движения 1905 г. и умер два года спустя, почти забытый». В известном смысле те же слова следует отнести к царизму — тот «пересидел свое могущество»! Царизм демонстрировал все признаки вырождения и слабости. Но вот уходить никак не хотел... Наполеон как-то сказал: «Слабость верховной власти — самое страшное из народных бедствий». Верно. Это стало особенно очевидно, даже пугающе ясно с воцарением на русском троне Николая II. Хотя к началу XX века стало очевидно и другое... В прошлое уходила и эпоха бесспорного гла-

венства революционной интеллигенции. На авансцену истории выходят трудящиеся массы... С ними и будут связаны в первую очередь будущие судьбы отечества. Это и понятно... Во-первых, интеллигенция, будучи даже искренне предана «народному делу», защищала не столько насущные интересы народа, сколько свои представления о них. Ведь она не стояла у очага горна, станка, плуга, в массе своей будучи все же далека от народа. Поэтому для нее было проблематично стать выразителем народных чаяний. Во-вторых, в ней сильна была обломовская жилка. И. Гончаров так говорил о своем герое: «В робкой душе его вырабатывалось мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты и ни одна не разработана до конца. А между тем он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, теперь уже умершее, или лежит оно, как золото в недрах горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело завален клад дрянью, на-

Трудовой народ России в 70-е-80-е гг. XIX века

носным сором. Кто-то будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища. Что-то помешало ему ринуться на попрание жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли. Какой-то тайный враг наложил на него тяжелую руку и далеко отбросил от прямого чело-

веческого назначения... И уж не выбраться ему, кажется, из глуши и дичи на прямую тропинку... Ум и воля давно парализованы и, кажется, безвозвратно». Конечно, эти люди не могли идти на баррикады, не могли в принципе... Обоснованные сомнения на счет господ выразил Н.А. Белоголовый, корреспондент

Рабочие на строительстве железной дороги в России

народника П.Л. Лаврова. В 80-е годы XIX в. он писал своему другу: «Наша интеллигенция самым добродушным образом ковыряет у себя в носу, а Вы все ждете, что она вот-вот двинется на какие-то баррикады. Ну и ждите. Вы — блаженноверующие!» И далее уверенно добавлял: «Настоящая русская жизнь ни Вас, ни нас знать не хочет». Конечно, была и есть совсем другая, трудовая интеллигенция — труженики, бойцы, стоики.

На авансцену вышел пролетариат, создатель богатств мира. И в России главную роль в предстоящих революционных событиях предстояло сыграть уже не интеллигенции, а российскому пролетариату (прежде всего его грамотному авангарду в лице металлистов, железнодорожников, рабочих оборонных

предприятий и т.п.). В 1910 г. на предприятиях с числом рабочих более 500 в России было занято 53 %, в 1916 г. 56,5 % общей численности рабочих. Концентрация рабочих на предприятиях Россия неуклонно росла. Это была благодатная среда для революционной пропаганды. Десятилетия работы радикалов-пропагандистов среди рабочих давали результаты. Рабочие поднимались на борьбу. Шла яростная борьба за души людей. И тут нельзя обойти вниманием, особенно в связи с близостью идей Христа и социализма, тему участия в этой битве за души православной церкви... Как повела себя церковь в условиях революционного подъема и роста активности масс? Ведь за ее плечами был крупнейший исторический опыт, века окормления народа верой.

Глава 9. Христианство и социализм в России: глубокая и сложная взаимосвязь.

К сожалению, тема христианства и социализма, в их теснейшей взаимосвязи, ныне редко привлекает внимание. Хотя близость социалистических идей положениям и постулатам христианства очевидна. Один из краеугольных камней социализма — возникшие в недрах христианства идеи земного равенства. Известный советский постулат — «кто не работает, тот не ест» — также восходит к изречению апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес., 3, 10). Конечно, и русская прогрессивная мысль искала и находила в идеях Христа нужный и полезный материал для обоснования, как ныне принято говорить, «утопий». Если христианство, во всяком случае самые ранние течения оного вроде ессеев, дало миру некую мечту, в свое время недостижимую, то русский народ нашел в себе силы и волю, чтобы извлечь из толщи христианства, как из тонн пустой породы, крупинцы истины. Россия «жила догмой» (Ф. Степун). Но все же в глубине сознания, так сказать, в святая святых души, Русь жила не догмой, а мечтой, идеалом, устремлением к справедливой и праведной жизни. Пусть мечта эта и была уделом меньшинства, но к нему, к декабристам, народникам, революционерам-большевикам, к социалистам наших дней массы чутко прислушались. Клич свободной русской души, социалистического идеала звучал и со страниц первого номера газеты народников «Земли и воли»: «Социализм — высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья, какая только когда-либо вырабатывалась человеческим разумом. Нет для него ни пола, ни возраста, ни религии, ни национальности, ни классов, ни сословий! Всех зовет он на чудный пир жизни, всем дает он мир, свободу, счастье, сколько каждый может взять! В этом, и только в этом та непреодолимая, чарующая сила, которая влечет в ряды социалистов все свежее, чистое, бескорыстное. Только вера в свое служение всему человечеству способна возбудить тот пламенный, чисто религиозный фанатизм, который воодушевляет социалистов и делает

их неодолимыми, непобедимыми, потому что самые гонения превращаются для них в источник высочайшего блаженства на земле — блаженства мученичества и самопожертвования». Статья эта выражала, скорее, общесоциалистический, социально-экономический, и культурный, а вовсе не религиозный идеал народа.

В дальнейшем один из лидеров народо-вольцев высказался еще определеннее в плане целей и задач их организации: «Основная задача социально-революционной партии — установить на развалинах теперешнего государственно-буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они выразились в мелких и крупных народных движениях и повсеместно присущи народному сознанию, составляют вместе с тем справедливейшую форму общественной организации» (И. Мышкин). Сразу же скажем, что сей революционный Мышкин резко отличался от милого и деликатного князя Мышкина у писателя Достоевского, чувствующего себя лишним в жестоком мире из-за присущего ему благородства и высокой порядочности. Вообще к концу XIX века все заметнее эволюция сознания в России — пусть от сомневающегося, но все еще верящего в Бога и даже в батюшку-царя — декабриста к неверующему, бескомпромиссному и максималистски настроенному революционеру, для которого уже все средства законны и хороши в деле освобождения народа от деспотии монархии, буржуазии и капитала. Многих это настора-

Всешутейший собор Петра I

живало и пугало.

Церковь в России все последние века находилась в обороне. Вот и Г. Федотов сожалел, наблюдая «потускнение богочеловеческого смысла христианства». Но кто тому виной?! У всего есть свои причины. Напомним известные факты... Со времен Петра I православная церковь подчинялась единоличной воле монарха (указ Сената от 9 марта 1720 г.). Отныне самые важные, насущные вопросы церкви решались с учетом прямой воли царя. Царь игнорировал церковь. Показателем этого пренебрежения стал знаменитый «Всешутейший собор Петра». Верхушка церковной иерархии в этих условиях не могла и фактически перестала выполнять соборную волю русской церкви и автокефальных православных церквей. Но в первую очередь она перестала воспринимать Русский народ как носителя божественной идеи. Вот и произошло «отлучение» от длаи Господней. Кроме того, зачастую не очень-то хороший пример подавали народу и сами верховные иерархи... Новгородский архиепископ, архимандрит Феодосий, вице-

президент Синода, за дела свои непотребные даже попал в ссылку. Тайная канцелярия царя предъявила ему обвинения в воровстве, и на вполне законных основаниях: «Феодосий велел ободрать и переплавить в слитки оклады с многих икон в соборной и других церквях и монастырях; забрал и перелил в слитки древнюю серебряную посуду в церквях и монастырях; отобрал и распродал колокола из многих церквей и монастырей; вынул жемчуг и драгоценные камни из старинных архиерейских митр и омофоров; выжигал серебро из древних саккосов и митр; идучи из Москвы в Санкт-Петербург, распилил образ Николая-чудотворца в Никольском монастыре, что на столпе; называл идолопоклонниками весь русский народ за поклонение святым иконам; на мосту у дворца, где не велено было пропускать по утрам едущих, чтобы не препятствовать опочиванию императрицы, яростно бранил часового и махал на него тростью; в приемном покое во дворце императрицы кричал на караульного капитана и прочих за то, что не пустили его во внутренние покои, и на-

зывает их шелудивыми овцами; когда же объявили ему, что императрица не имеет времени принять его, то сказал, что он в дом ее величества никогда впредь не пойдет; когда в Синоде... объявлен указ императрицы, чтобы все синодальные члены были к служению в день четырехдесятницы для поминовения по усопшем императоре, то сказал: «Чего-де Церковь Божия дождалась, что мирская власть повелевает духовной молиться, и хотя он служить будет, только услышит ли Бог такую молитву?» С Феодосия тогда сняли архиерейский сан, и было велено его расстричь. Так же и даже с использованием той же самой терминологии будут действовать комиссары-атеисты в годы преследования церкви, проводя в церквях конфискацию имущества! Мудрено ли, что милость Божья покинула эту церковь?!

Главный же ее грех в ином... Церковь встала на путь безвольного пособничества царизму и его антинародной политики... Разумеется, это не могло не сказаться на интел-

лектуальном и моральном облике ее адептов. Может быть, лучше иных книг и статей поведают об этом картины иных художников-передвижников: В. Перов. «Сельский крестный ход на Пасхе», И. Репин. «Отказ от исповеди», И. Крамской. «Христос в пустыне» и т.д. Идеалу духовного человека, и уж тем более облику «посланца Бога» не очень соответствовал тип русского монаха конца XIX-начала XX в. К тому же, обычный русский человек предпочитал верить в «живого Бога нашей души» (П. Новгородцев), а не быть заложником культа. Да и образ монашества той эпохи был далек от идеалов христианства. Притчей во языцах были те же диаконы... Протоиерей М.Н. Казанский писал: «Диаконы худы — это большое место нашей церковной жизни. Причина дурного поведения диаконов — ничегонеделание. Священники часто виноваты, что не дают диаконам участвовать во внутренней жизни прихода». А еще раньше и Московский митрополит Филарет вы-

В. Перов. Сельский крестный ход на Пасхе

За упокой души или за здоровье

разился так: «Диакон — это язва церковная». Протопресвитер Г. Шавельский в его книге «Русская Церковь пред революцией» (1935) отмечал: «Диаконы, как диаконы, в том, что они не отвечали своему назначению, не так уж были повинны. Более повинна была церковная власть, не принимавшая нужных мер, чтобы возвысить, облагородить и поставить в нужные рамки диаконский институт. А затем повинны были дурные вкусы прихожан, желавших, чтобы в храме диакон потрясал своим голосом своды, а в домах прихожан был лихим участником в кутежах и даже в дебошах. Всякие же свадебные, поминальные, крестильные и иные празднественные трапезы давали отцам диаконам массу возможностей для такой практики». Ничуть не лучше были порядки, царившие в церковных учебных заведениях. Архиепископ А. Храпо-

вицкий по ходу ревизии духовных академий в 1907 г. (по поручению Синода) рисовал нелицеприятную картину: «...Учащиеся в академиях попы целыми месяцами не ходят в церковь, едят перед служением колбасу с водкой (утром), демонстративно, гурьбами ходят в публичные дома, так что, например, в Казани один из таковых известен всем извозчикам под названием «поповский бордель»; и так его и называют вслух. В Казани вдовье попы пригласили весной 1907 г. женатых с женами; один вдовец начал целовать и мять чужую попадью, получил от мужа по морде, дал сдачи, тот снова, и пошла поповская драка с десятками участников, на полу остались клочья волос, кровь и зубы, а затем студенты объявили попам выговор за поведение, закончив его стихами, коих последняя строфа (звучала следующим образом. — Ред.):»:

Вперед наука, иереи,
К чужим женам не приставайте,
Поменьше пейте, будьте скромны
И церковь чаще посещайте...

И далее святой отец, иерарх Православной церкви, потеряв надежду, в отчаянии пишет митрополиту Флавиану: «И вот толпы таких звероподобных экземпляров наполняют наши школы в виде законоучителей». Если представить всю эту картину, стоит ли удивляться тому, что случилось в 1917 г.?

Христианство пряталось за форму, догму, иллюзорность, за все те «чудеса во спасении», что обещает церковь, не делая почти ничего или делая ничтожно мало для воплощения смысла веры. Хотя в начале XX в. и делались робкие попытки преодолеть возникшую между интеллигенцией, обществом и церковью пропасть. Православный философ В. Тернавцев на I заседании «Религиозно-философских собраний» (Петербург, 1901 г.) прочел доклад «Интеллигенция и Церковь». Вышла и книга Д.С. Мережковского «Жизнь, творчество, религия». Члены-учредители «Религиозно-философских собраний» обратились к обер-прокурору Святейшего синода К. Победоносцеву за разрешением на подобные регулярные собрания. Тот разрешил, но при этом скептически заметил: «Да знаете ли вы вообще, что такое Россия? Ледяная пустыня, и ходит по ней лихой человек». Лис консерватизма в чем-то был прав. Действительно, человек, живший в России, ох, как лих. А недаром русская пословица гласит: «Не буди лиха, коль хочешь жить тихо».

Первые же собрания философов показали: новая поросль интеллигенции не хочет мириться со старыми канонами. Тот же В. Тернавцев обличал Церковь за подмену евангельской истины «загробным идеалом», старался обратить ее внимание на положительную ценность «общественного дела». «Наступает время открыть сокровенную в христианстве правду о земле, ибо теперь наступило время для религиозного учения о государстве, о светской власти, об общественном спасении во Христе. Это должно свершиться, дабы, по слову апостола Павла, все небесное и земное соединить под главою — Христом». Что

означали сии слова? Общество призывало церковь к мирскому служению, стремясь возложить на нее социально-политические задачи, задачи светской власти. Образно говоря, иные хотели бы обрести в церкви чуть ли не «православного Ленина», который издал бы декреты о земле и мире («Правду о земле»). Сей призыв весьма показателен. В нем слышны голоса миллионов верующих со всей России. И как же ответила на этот призыв церковь? Как и следовало ожидать - предпочла отойти в сторонку. Правда, епископ Сергей заявил, что церковь участвует в земном строительстве и даже в культурном творчестве, но делает это лишь в соответствии со своими представлениями и установками. Ее задача — «явить миру конечную правду царства небесного», а не заниматься достижением земной правды... Заметим, вопросы о справедливом социальном устройстве общества на Западе церковью в то время уже поднимались. Так, первая из серии папских энциклик, посвященных социальному вопросу, — «Рерум новарум» папы Льва XIII, относится к 1891 г. Там звучало требование: законом обуздать бесконтрольную власть буржуазии и капиталистических хозяйств. Церковь в странах Запада требовала принятия законов, которые защищали бы рабочих от эксплуатации, поднимала вопросы условий труда женщин и детей, поддерживала профсоюзного движения. В России же церковь раболопно молчала, а власть отреагировала в обычном духе: закрыла собрание и «исчерпала вопрос».

В «Очерках по истории Русской церкви» известный историк А.В. Карташев, говоря о силе нравственного примера церкви, писал: «Правда, все указанные и им подобные примеры столь успешных нравственных влияний церкви говорят только о редких единицах, а не о всей массе русского народа, но практически было дорого то, что эти примеры стали для массы конкретными воплощениями новых христианских идеалов, и если вообще «*exempla trahunt*» («примеры учат»), то для простых русских людей, не привыкших к отвлеченному мышлению, близкие национальные образцы добродетелей в особенности служили могущественными нравственно-воспитательными уроками». Однако он же

Папа Лев XIII

дальше признавал, что «не было такого готового идеала и в русском светском обществе». События 1905 г. еще отчетливее поставили вопрос о соотношении веры и политики, о роли царя небесного и земного. После расстрела рабочих 9 января 1905 г. Святейший синод колебался несколько дней, а потом 14 января выступил с бесцветным обращением. В послании к «возлюбленным чадам» речь шла о беспорядках рабочих, вызванных подстрекательством «людей злонамеренных» или даже «подкупамии со стороны врагов России». И ни слова о самом чудовищном расстреле, ответственности властей или хотя бы сочувствия семьям убитых. Это значило одно: царь земной — палач, а царь небесный и слуги царя небесного далеки от народа, от его бед, трагедий, переживаний. Философы В. Эрн и В. Свенцицкий создают «Христианское братство борьбы» для сопротивления союзу самодержавия и православия. Передовая часть науки и духовенства, тяжело переживавшая «упадок христианства и церковности», обратилась к иерархам Москвы, Петербурга в надежде найти поддержку. Напрасные усилия: церковные генералы перепугались до смерти и спрятались за сутану трусости. «Иерархи ужасались, сочувствовали и, по-видимому, глубоко презирая себя за трусость, твердили одно: «У меня на такие подвиги сил нет. Вы молодцы—поработайте!». Свенцицкий отошел от дел, а блистательный Эрн умер.

Иные в социализме видели близость торжества христианства. Белинский в записке к Гоголю называл Христа чуть ли не провозвестником лозунгов и идей Французской революции. Достоевский, говоря о решении социальных вопросов на религиозной основе, считал, что православие — русский социализм, «пресветлое единение во Христе». И даже Герцен, рассуждая о двойственной роли церкви в истории государства Российского, признавал, что «не мог читать Евангелие без слез». В.С. Соловьев писал о правде социализма, предостерегая властителей: «Поддерживая во что бы то ни стало из эгоистического интереса социальные неравенства, вы оправдали бы реакцию ненависти и зависти обездоленных классов». Тем самым вы, правители мира, обращаете помазанников Господа «в мятежных рабов». Иные грезил о новом царстве Христовом, которое должно появиться из искупительного пламени мировой войны. С.Н. Булгаков (1871—1944), в прошлом семинарист, знакомый с Каутским, Бебелем, Либкнехтом, стал членом Социал-демократической партии. В Петербурге им был прочитан доклад «Религия человекобожества в русской революции» (1908). В брошюре «Христианский социализм» С. Булгаков призывал всех искать и непременно найти «положительное соотношение» между христианством и социализмом. Философ писал: «Вообще идеи «христианского социализма» сейчас имеют для себя очень благоприятную почву в России как среди православного духовенства, так и среди православного народа». И добавлял: христианству «нет никаких причин бояться социализма», если только тот не сопровождается насилием и сообразен со здравым смыслом. Общий вывод таков: надо принять социализм как социальную реформу, направленную на борьбу с общественным злом. Доверие к христианству как к некой бесспорной догме, о которой можно было заявлять: «Верую, пусть даже и абсурдно!», безвозвратно ушло. П. Флоренский, в котором, по словам Булгакова, «объединялась церковность и культурность», что было вызовом господствовавшей в начале XX в. атеистической «интеллигентщине», писал: XIX в. изменил характер исторической критики, «характер

С.Н. Булгаков и П.А. Флоренский

нападок неверия против церкви», перенеся центр борьбы из области философии в область истории. Но теперь спор шел не только вокруг подлинности или неподлинности того или иного источника, но вокруг того, а что собственно сделала церковь для изменения условий социальной жизни народа. Иначе говоря, народ устал слепо верить и захотел увидеть зримые плоды сей веры в своей жизни. Он требовал от церкви действий.

В словаре Брокгауза-Эфрона христианский социализм определен как учение, признающее существование «социального зла в современном общественном строе и стремящееся исправить его при помощи подъема религиозно-нравственных начал в различных слоях народа, не выходя из рамок нынешних государственных форм и сохраняя господство частной собственности». Таким образом, весь христианский социализм выражается в благотворительность, в которой социалистическая идея выхолащивается. Отсюда вывод: социализм и христианство — разные вещи. В истории не было движения, органично сочетающего христианство и социализм. Митрополит Владимир (Богоявленский) говорил: «Если бы все блага земли были в общественном распоряжении и общее было бы обрабатывание земли, тогда немислимо было бы хорошее и правильное хозяйство, ибо каждый стал бы избегать труда и слагать его на других; каждый стал бы надеяться на другого, естественная леность и праздность

достигли бы тогда высшего своего развития, и ослабела бы охота к труду, так как личный труд никому не приносил бы особенной пользы». Именно частная собственность стимулирует упорный труд: «Частная собственность составляет сильнейшее побуждение к производительному труду» (протоирей Н. Загорский). Профессор Прохоров писал: «Христианский социализм стремится к сочетанию идей социализма с идеями христианства. Нечего и говорить, насколько это трудная и прямо-таки непосильная работа. Для того чтобы социализм стал христианским, он должен отказаться от своего правового принципа (мое — мое, а твое — твое), от конечной цели («диктатура пролетариата»), от своих неприемлемых для христианства методов борьбы (ненависть, зависть, насилие). Но если социализм от этого откажется, что от него останется? Здесь не перекраивание уже, а полное перерождение. Если это так действительно и обстоит, то мы не будем спорить о словах, примем такой христианский социализм и будем всеми силами распространять его идеи». Критики социализма обвиняли его сторонников в том, что те не имеют прав говорить об особой исторической миссии социализма, как не имеют оснований притязать на решение социального вопроса. Противники марксизма подвергали жесткой критике борьбу рабочих с капиталистами, осуждая при этом не только вооруженные выступления, террор, но стачки и демонстрации, используемые рабочими против классового врага. Как так, восклицали они: с одной стороны, социалисты проповедуют принцип любви к страдающему, униженному человечеству, а с другой стороны, готовы «пролить потоки человеческой крови и сделать несчастными целые поколения людей, чтобы достигнуть результатов, польза которых в высшей степени проблематична». Как можно достичь торжества любви, справедливости с помощью насилия?! Возможно ли гармоничное устройство социальной жизни, где люди привыкли добиваться целей путем насилия? Вопросов больше, чем ответов.

Ссылаясь на французскую революцию XVIII в., Парижскую коммуну 1871 г., иные считали методы, предлагаемые социалистами для решения проблем, нелепыми и опасными.

Крестный ход. Начало XX века

С. Булгаков в докладе, прочитанном на заседании Отдела внутренней и внешней миссии Православной церкви (1918 г.), подверг капитализм жесточайшей критике: «Провозгласив своекорыстие высшим и даже единственным рычагом человеческой воли, поклонившись мамоне вместо Бога, эти служители золотого тельца весь мир стали рассматривать единственно как поприще для обогащения, а вверенных их заботе тружеников — как выючных животных. Эти ревнители наживы последовательно привели человечество к тому, что весь мир теперь охвачен пламенем губительной войны, а вся энергия человеческого труда отдается на изготовление орудий смерти. Своей нечистой похотью эти служители золотого тельца заразили и отравили трудящиеся массы, которые прониклись ответной завистью и злобой, и вот мы видим весь мир, распавшимся на два стана своекорыстных себялюбцев: владеющих и хотящих овладеть. И это ослепление себялюбия потрясает весь мир, оно губит и нашу родину. Все эти бедствия происходят от того, что люди забыли Бога и поклонились золотому тельцу, личную корысть возведя в закон жизни. До тех пор пока мир не откажется от этой лжи и не освободится от сего греха, ему не победить бушующую стихию». Однако одновременно он предъявил суровые претензии и к социализму: «Таковым же служением мамоне, поклонением золотому тельцу является безбожный социализм, учение коего ныне отравляет народные массы. Он открыто исповедует взамен веры в Бога поклонение пустым и суетным стихиям мира, вселяя надежду, что сама хозяйствен-

ная жизнь в своем развитии освободится от вражды и приведет к общему согласию людей. Вместе с тем социализм внушает народным массам, что вообще не существует никакой иной основы для отношений между людьми, кроме себялюбия и корысти, единой или классовой. Поэтому он стремится организовать корысть неимущих против корысти имущих, зажечь социальную войну и превратить человечество в грызущую стаю волков, как это ему уже и удалось в России. Отдавая душу безбожия, зависти и злобе, социализм обещает в то же время наступление земного рая со всеобщим довольством и гармонией». Это как раз тот случай, когда все ставится с ног на голову. История показала: именно капитализм и империализм в последние два века, как убедимся, и являются главными виновниками войн, насилия и убийств.

Вызывало глубокое удивление, что в упрек социализму ставились сами начала братства, равенства, которые тот поднимал на щит. К примеру, известный юрист, историк, философ Б.Н. Чичерин (1828—1904), сын тамбовского помещика, признав всю привлекательность для масс постулатов социализма и коммунизма, отмечал: «Он (коммунизм. — Ред.) хочет весь экономический строй общества основать на начале братства. Тут любовь перестает быть свободным влечением сердца; она становится принудительным началом. Все обязаны быть братьями, ибо все по закону общежития признается общим всем.

Диалоги о христианском социализме

Большей тирании невозможно себе представить». По его логике выходило, что когда царят законы «человек человеку волк», тирания такого общества вроде бы уже и не является тиранией. Серьезнее звучал довод, что при социализме и коммунизме, нет стимула к труду, ибо такой строй будет не эффективен экономически. «Не может быть речи о замене экономических побуждений нравственными в области материального производства. Бескорыстная любовь к ближнему столь же мало может заступить место стремления к хозяйственной выгоде, как она может заменить в искусстве творческую силу и чувство красоты» (Чичерин). Конечно, столь выдающийся ум, каковым был Б.Н. Чичерин, указывал на опасные подводные камни стремления все и сразу перестроить в новом обществе. В книге «Собственность и государство» (1881) он, в частности, особенно предостерегал нас, русских, от необдуманных и поспешных шагов: «Для нас, Русских, при нашей малой научной подготовке, дело представляется гораздо более затруднительным. Мы привыкли выбирать себе какой-нибудь современный кумир и затем уже слепо идти за ним, не разбирая, куда он нас ведет. Чем новее и чем одностороннее воззрения этого кумира, тем более мы склонны ему повиноваться». В дальнейшем он подробнее останавливается на источниках опасений (глава VI. «Равенство»): «Почему, в самом деле, не разрушить разом все существующее экономическое здание, также как был разрушен старый политический быт? Если равенство состояний представляется идеалом человеческого общежития, то почему же не осуществить его на земле даже в настоящее время? Такова именно была цель заговора Бабёфа, которым ознаменовался последний период движения 1789 г. Заговорщики исходили от того положения, что природа дала каждому человеку одинаковое право на вкушение всех жизненных благ. Отсюда требование равенства. Но для того чтобы равенство не осталось пустым словом, недостаточно одной равноправности, надобно уничтожить всякие преимущества одного человека перед другим. Поэтому не только материальные средства должны быть у всех равны, что достигается общением имуществ,

*Редактор журналов «Новое слово»
и «Начало» П.Б. Струве*

но и умственный уровень должен быть одинаковый у всех. Иначе дух неравенства неизбежно поведет к разложению общества...». Позволю себе заметить, что налицо явная подмена категорий. Равенства ума, как, скажем, и равенства талантов, в природе быть не может. Хотя говорят, что каждый человек талантлив по-своему. Но чтобы получить равные условия для развития, обязательно нужны примерно и одинаковые условия материального обеспечения людей. Иначе тот, кто неизмеримо богаче, создаст для своих чад все преимущества, которых народ будет лишен.

Пытался ответить на вопрос о соотношении религии, экономики, социализма другой известный историк, экономист и социолог П.Б. Струве. О нем Д. Лутохин, впоследствии известный экономист, говорил: «Для моего поколения... имя Струве ближе и дороже имен Белинского и Гоголя...». Социализм, считал Струве, — не христианство, он «меньше, беднее, плоше христианства». Формальная аналогия с христианством остается верной. В другой статье, «Религия и социализм» (1909) Струве вновь обращается к вопросу: «Что же такое социализм: религия или начало, абсолютно противоположное религии?» Струве видит в социализме «один из методов усовершенствования человеческой жизни путем ее разумного внешнего устройства». Ответственность за жизнь и руководство ею перелагается с отдельного лица на общественное целое. Религиозная же оценка социализма, на его взгляд, довольно проста. Религия опирается

Иоанн Восторгов

на идею ответственности человека за себя и за мир, в то время как социализм вне религии, как железные дороги или телефон. Тут Струве вынужден сделать важную оговорку. Он признает, что с точки зрения позитивного детерминизма это «иллюзия, но без этой иллюзии нет религии». Струве мог бы развить свою идею, если бы пожелал. Почему же так называемая религиозная ответственность не остановила ни страшных войн, ни расстрелов, ни Кровавого воскресенья, ни безумного эгоизма царей, помещиков и бюрократов? С точки зрения религии нет власти не от Бога. Народ же должен терпеть и покоряться любой власти, живя лишь иллюзией. Насквозь живая идея!

Конечно, всех нельзя ставить на одну доску. В России 40 тысяч священников. Тут и высший клир, и нищее духовенство. Взгляды тех и других различны. Многие церков-

Обер-прокурор Синода В.К. Саблер

ные журналы критиковали правительство и с презрением писали о «черной сотне». Глава «Союза русского народа» доктор Дубровин обвинял митрополита С.Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) за поощрение им радикалов и отказ благословить «черную сотню». Святой отец на эти обвинения ответил без обычной уклончивости: «Я считаю вас террористами». Надо признать, что ряды сомневающихся в правильности политики русской церкви множились и росли, росли и множились. В ее рядах появлялись отверженные. В 1908 г. пресса сообщила: «Сегодня состоялось особое совещание Святейшего синода, на котором священник Г. Петров был лишен духовного сана. Решение сформулировано так: «Принимая во внимание такой противоцерковный и революционный характер этой брошюры (письмо его к митрополиту Антонию), Святейший синод определил: лишить священника Петрова сана, как недостойного носить оный, и исключить его из духовного звания, а о поругании Петровым в его брошюре существующего государственного строя России, об отрицании им существующей власти предоставить синодальному обер-прокурору сообщить... властям». И такие случаи в России уже не редкость.

Противники социализма указывали, что все видные идеологи социализма и коммунизма противопоставляли их идеологию учению Христа. В «Коммунистическом манифесте» Маркса вера наравне с законом и нравственностью объявлена буржуазным предрассудком. А. Бебель говорил: «Христианство и социализм враждебны друг другу, как вода и огонь» («Христианство и социализм»). И. Дицген: «Христианство и социализм так же различны, как день и ночь». Ф. Энгельс утверждал: «Первое слово религии есть ложь». Иерархи церкви платили социалистам той же монетой (Иоанн Восторгов, Иларион (Троицкий), митрополит Владимир (Богоявленский), архиепископ Платон (Рождественский), священники Н. Стеллецкий, Н. Загоровский, П. Альбицкий, А. Бронзов, московский епархиальный миссионер И.Г. Айвазов, обер-прокурор Св. синода В.К. Саблер; ряд религиозных публицистов: Генц, Москаль; представители либерального

Петров--Водкин. 1918 г. Петроградская мадонна

крыла церкви: М. Тареев, протоиерей Светлов; философы Б. Чичерин, А. Введенский и др.). Все они считали социализм безусловным злом, несовместимым с христианством. Чичерин упрекал социалистов в том, что они исполнены ненависти и разжигают страсти, говорил, что социализм неосуществим, что в мире есть вещи, о которые утопии разобьются, так как высшее развитие человечества возможно «только на почве свободы». Восторгов писал: «Социализм, как религиозное учение, есть нелепость, и основываться на христианской нравственности, на Евангелии, он не имеет ни малейшего права. Сходство его с христианством видимое, случайное, внешнее; по своей сущности, социализм совершенно противоположен христианству, несоединим с ним» /1: 83/. «Быть христианином и вместе быть социалистом невозможно, как нельзя в одно и то же время служить Богу и сатане»

/2: 147/. Восторгов пришел к заключению: «Его (социализма) слово — смерть» /1: 144/.

О «несовместимости христианства и социализма» писал прот. П. Светлов /3: 9/. И. Айвазов: отмечал: «Итак, на арену жизни выступила новая могучая сила, объявившая всякой религии и христианству смерть. В этом смертельном приговоре одна из двух главных задач современного социализма. Церковь и государство — вот его враги» /54: 28/. Саблер писал: «Господствующие ныне в социализме учения прямо враждебны христианству» /4: III/. Архиепископ Иларион (Троицкий): «Говорить о каком бы то ни было соглашении социализма с христианством верующий совершенно не может» /21: 83/. Само понятие «христианский социализм» — «такая же бессмыслица, как сухая вода или мокрый огонь» /30: 155/, «противоестественное сочетание понятий» /6: 148/, «внутреннее

противоречие» /21: 83/, которое заключает «в одном наименовании два враждебных взаимоисключающих понятия» /4: III/. А так как в социализме воплощается не дух Христа, а дух антихриста /56: 166/, то «следует объявить социализму войну не на жизнь, а на смерть» /53: 148/. А. Бронзов: «Самый непримиримый враг социализма — это христианство, против которого он, посему, и борется с редкой ожесточенностью» /53: 143/. И далее: «Каждая минута промедления может быть пагубной, неся зло непоправимое» /53: 142/. Айвазов: «Нужна борьба, борьба неотложная и сложная. Недостаточно заявить, что современный социализм противен христианству. Нет, надо броситься в пучину волн социализма, и если не разбить их совершенно, то хотя бы смирить их ропот настолько, чтобы спасти возможно большее число утопающих и захлебывающихся мутью их». Господа готовы были осуждать любое политическое волеизъявление народа, если только оно принимает форму революции. Как бы ни был материально богат человек при социализме, он «поразительно беден духом». Религия же учит, что главной

целью человеческой жизни является духовное совершенствование; все материальные ценности могут быть использованы как средства для достижения этой цели. Утопические мечты социалистов о создании экономического рая на земле с научной точки зрения несостоятельны. По мнению критиков, в том и состоят принципиальная ошибка и ложь атеистического социализма (М. Тареев) .

Однако церковь уже не могла сохранять монополию на господство над умами. Священнослужители понимали и то, что им отмахнуться от несправедливостей и, как говаривал Толстой, от «мерзостей окружающей жизни» так просто не удастся. Митр. Владимир (Богоявленский), выступая на собрании московского духовенства, вынужден был признать: церковь огульно отрицает доводы социал-демократов и тем самым «еще более укрепляет богатых в неотзывчивости на нужды бедных» (1906). «Что же удивительного, — восклицал он, — если поколебалось доверие уважение к Церкви, если стали называть ее злой мачехой бедняков, а священников — союзниками буржуазии, адвокатами богатых

Н.В. Орлов. Монополия

и знатных?». «Вопиющую несоразмерность между богатыми и бедными видит каждый, кто хочет видеть», в силу чего нужно (жизнь заставляет!) придать евангельской проповеди социальный характер. А между тем ранее, выступая перед началом религиозных чтений для рабочих Москвы, он ни словом не обмолвился о наиболее острых социальных вопросах, волновавших российское общество в тот момент (1902 г.). Но в 1907 г. (подчеркнем: после революции 1905—1906 гг.) он уже посвятил одну из брошюр рабочему вопросу, где защищал права работника и порицал эгоистические настроения работодателей.

Православная церковь не всегда вела себя по-христиански в отношении собратьев (из числа православной братии). Примеров тому более чем достаточно. Начиная с Собора 1666—1667 гг., церковь рекомендовала светской власти подвергать раскольников казням египетским, «телесному озлоблению». Это нередко и совершалось — огнем, утоплением или тем, что наши летописи знают под названием «гладной нужи» (т.е. голодом). Как писал А.Ф. Кони, лишь в XVIII в. власть и церковь несколько смягчат положение раскольников, точнее, постепенно обратят их «из гонимых и истребляемых в угнетаемые». Конечно, это никак не способствовало укреплению православной веры. В число раскольников зачисляли и старообрядцев, хотя те зачастую ближе к Божьим заповедям, чем многие православные. И даже Победоносцев не мог умолчать о том отрицательном, что есть в иных православных чадах: «Являясь великим народом вообще и особенно в важные и тяжелые минуты государственной жизни, русский народ по свойству своего характера в обычной своей жизни предается нередко и немало то лени, праздности и сонливости, то шумному разгулу, пьянству и нераздельным с ними — буйству, сквернословию и т.п. В ряду других пороков необходимо отметить порчу семейных нравов. Святость брака часто попирается, и нарушение супружеской верности — явление не редкое». За что подвергали гонениям староверов? Конечно, не за то, что молились по старым книгам и крестились двумя, а не тремя перстами, не за то, что отправляли богослужение по старому обряду.

Старообрядчество. Епископ Аркадий.

Их вина была в том, что не признавали они высшей церковной иерархии, а значит, не признавали и высшей власти над собой. Они были, как бельмо на глазу. А ведь жили-строверы строго, по законам высокой нравственности и фактически лишены многих из упомянутых «родимых пятен». И тем самым, смею думать, были особенно неприятны церкви, которая едва ли не главной своей работой считает исповедь и отпущение грехов. Ведь если не грешит паства, то какой в ней прок для святых отцов?! Уже не говорим о том, что староверы оказались не только надежнейшими носителями традиций, крепкой веры, но многие из них еще являли собой образец предпринимательской культуры, став основателями предпринимательских кланов в Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Киеве, Харькове, Сибири и т.д. Многие крупнейшие промышленники старой России, так сказать золотой фонд русского капитала, как известно, вышли из лона старообрядцев.

Так задумайтесь, почему при всей, казалось бы, прочности православия в России, вместо Бога и самодержавия в 1917 г. воцарились коммунизм и диктатор? Не потому ли, что церковь, на словах возражая социалистам и осуждая их на каждом углу, ничегошеньки не сделала для исправления ситуации в России практически! Народу она предлагала ждать нового пришествия Христа, а с ним,

возможно, справедливости. Вспомним и стихи Вяземского, дающие, прямо скажем, нелепый облик русского Бога (1828).

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.
Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог.
Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский бог.
Бог грудей и жоп отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он, русский бог.
Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он, русский бог.
Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бог в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он, русский бог.
К глупым полон благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он, русский бог.
Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог за ужином, с горчицей,
Вот он, вот он, русский бог.
Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский бог.

Так не явилось ли одной из главных причин падения авторитета религии подчинение церкви государству, а с этим и принятие оной на себя функции защиты узкополитических, сословных, классовых интересов правящих классов «в ущерб общерусской культурной и социальной жизни» (Ф. Степун)? Конечно! Церковь защищала царизм, «кровавое чудовище», с амвона и в печати. Но как это делалось? В записке председателя Комитета

министров С.Ю. Витте «О современном положении Православной церкви» (февраль 1905 г.), в частности, говорилось, что церковь «после двухвековой политики религиозных стеснений...вступает на путь широкой веротерпимости». Однако же, при этом она не в состоянии найти общий язык с большей частью образованного общества России: «Но во всяком случае пред нами тот печальный факт, что духовенство оказалось бессильным примирить с Церковью и подчинить ее влиянию значительную часть образованного общества, что оно недостаточно подготовлено к борьбе с неблагоприятными Церкви умственными и нравственными течениями современной культуры... Значительная доля вины за это падает, по сознанию вполне компетентных органов духовной печати, на нашу духовную школу. Духовная школа совсем мало занимается современными течениями общественной мысли. Из ученических библиотек тщательно исключается всё, что знакомит с современными отрицательными культурными течениями. Но прятать от будущего священника литературу, отрицательно относящуюся к религии и государству, не значит ли просто обезоруживать его?.. Принадлежащих запросам общественной мысли священнику необходимо подробное критическое ознакомление со всеми современными течениями культурной мысли, необходимо, в частности, обстоятельное знакомство с условиями социальной жизни и с науками общественными, которое совсем не дает духовная школа. В превосходство нашего государственного строя над формами западно-европейской социальной жизни наше духовенство верит, но только детскою верою...» А в итоге, она если и защищает оный, то столь неумело и даже наивно, что «вместо желательного результата производит только отрицательное действие, клонящее ко вреду государства, ибо неумелая защита принципа — лучшее средство уронить его в глазах общества. Государству нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов, а не наивная вера в современное положение».

В 1882 г. в журнале «Русская мысль» (№ 5) была опубликована «Исповедь» Л. Толстого, в которой он изложил основы своего вероуче-

И.Е. Репин. Отказ от исповеди

ния, вступавшего в известные противоречия с догматами Русской православной церкви. На номер был сразу же наложен арест, что показало, каким путем предпочитает власть церковная и светская бороться с инакомыслием. И тогда Л. Толстой стал нелегально распространять свои духовные сочинения. Ответом на это стало отлучение Л. Толстого от церкви. Не грех тут вспомнить и борьбу Вл. Соловьева против «сидячего православия», и слова Достоевского о том, что церковь «в параличе», и статью Бердяева, озаглавленную «Гасители духа», обращенную к Синоду. Если бы церковь возложила на себя хотя бы защиту духовной и социально-политической свободы людей, то, может, и смогла бы встретиться с русской свободолоубивой интеллигенцией «на полпути». Если бы, да кабы! Но церковь не встала на сторону народа. Почему

Православная церковь не стала социальным рупором идей Христа в угнетенной России? Правда, В. Эрн скажет, что вся Россия «изнутри существенно православна». «Все тело народное проквашено религией Слова». О да, что-то, а «квасить» у нас умеют! О да, слов на Руси было много! А дела? Почему дворяне с помещиками не захотели дать крестьянам землю на божеских условиях? Почему царь втянул нас в войны? Почему приказал расстрелять свой народ 9 января 1905 года, который шел к нему с иконами и его портретами? Почему Временное правительство не выполнило обещаний и не прекратило смертоубийственной мировой войны?! Философ Н.Ф. Федоров в начале XX в. назвал открытый призыв к разрушению церкви «первым ужасом». Однако он же затем констатировал смерть церкви как опоры трона и морально-

Русский мыслитель Н.Ф. Федоров (1828—1903)

го авторитета, в отчаянии воскликнув: «Уж не все ли мы стали антихристами?»

Характерны и слова из письма Д.С. Мережковского к дочери Розанова, Н. Розановой (после смерти В.В. Розанова), где он говорил: «Мне очень больно, что я не успел написать В.В. Вы, вероятно, знаете, что между нами были глубокие и сложные отношения. Он знал, что я его люблю и признаю одним из величайших религиозных мыслителей, не только русских, но и всемирных. И вместе с тем между нами лежал тот меч, о котором сказано: „Не мир пришел Я принести, но меч“. Всю свою огромную гениальную силу В.В. употребил на борьбу со Христом, чей лик казался ему „темным“, и Кого он считал „Сыном Денницы“, т.е. Злого Духа. Я хорошо знал и теперь знаю еще лучше, что это было страшное недоразумение. Я не сомневаюсь, что подобно пророку Валааму В.В. благословлял то, что хотел проклясть; и если он умер, как Вы пишете, „весь в радости“, то радость эта была Христова, и он, умирая, понял все до конца» (15.02.1919). Буржуазия и церковь об этом умалчивают. Внятного ответа на эти вопросы мы так и не услышали, что наглядно указывает на то, какому «богу» служат эти господа. И вряд ли откровенную исповедь мы когда-либо вообще услышим... Ведь толстосумы, власть имущие, иерархи, «элита» лишь от простого народа требуют — «Покайтесь!» Хотя им бы самим надо бы больше и чаще каяться. Грехов за ними во много раз больше, чем у простого люда! Скорбят, что церковь не уберегла Россию от «религиозного мракобесия ленинизма». Большевики во главе с Лениным, что бы о них ни говорили, взва-

лили на себя решение коренных социально-политических задач России. И сделали это пусть жестким и даже жестоким образом, но ведь сделали. А цари и буржуи едва ни привели к развалу и гибели всю Россию! Эту правду все золото мира, все продажные писаки, вместе взятые, никогда не смогут опровергнуть! И я уверен, что не конъюнктурными соображениями вызвано то, что в 1918 г. Андрей Белый пишет поэму «Христос воскрес». В ней ход революции символически им изображен как крестные муки Христа, как своего рода «Голгофа», а новая Россия — это «Богоносица, побеждающая Змия». Не потому ли поэт Блок дерзнет даже поставить Христа во главе отряда красногвардейцев (стихотворение «Двенадцать»)?! Мировая мистерия, революция духа. Россия вытащила тяжкий жребий, но это был великий и судьбоносный жребий! А что марксизм?

Проблема состояла в том, что эта новая «религия» пришла в Россию в облике иудейской ортодоксии, во многом чуждой традиционным, христианским православным верованиям русского народа. С.Н. Булгаков заметил в статье «Карл Маркс как религиозный тип» (1906), что роль еврейства при капитализме есть «эмпирическая оболочка... религиозной психологии еврейства». Хотя и Карл Маркс

В белом венчике из роз впереди Иисус Христос

признавал, что барышничество — «мирской культ евреев», а его «светский бог» — деньги. Поэтому те, кто воплощал спекулятивный дух капитализма, естественно, и идеи социализма стали подавать в спекулятивном духе. В Советской России роль евреев как политическо-го диктатора, идеолога и гегемона на новом этапе развития исключительно важна, если ни сказать определяющая. Министр культуры в Советском правительстве Луначарский позже назвал марксизм «пятой мировой религией, сформулированной иудейством». Антихрист — ведь тоже революционер... Подчеркивая, что у Вл. Соловьева антихрист, между прочим, подается как социальный реформатор и социалист, Булгаков говорит: «И в социализме, как и во всей линии нашей культуры, идет борьба Христа и антихриста...» Говоря конкретно о роли Маркса в истории человечества, он замечает, что в нем наряду с благими и Христовыми началами была и энергия совершенно иного порядка, «зловещая и опасная». Его социализм, направленный к защите людей обездоленных в капиталистическом обществе, к преобразованию общественного строя на началах справедливости, равенства и свободы, направленный «для созидания Царствия Божия», выливается в движение для «разрушения святости в человеке». На месте святости оказывается «социалистическая диктатура еврейства» как победителя в споре.

Бердяев, критикуя взгляды С. Булгакова, отмечает, что тот «очень русский и пережитый им религиозный кризис имеет значение для судьбы русского сознания». Он считал, что в итоге русская интеллигенция «порывает со своим атеистическим и материалистическим прошлым и переходит к религиозному сознанию и христианству». На деле происходило иное: она отдалялась и от христианского сознания, заменяя веру в Бога на веру в Революцию и в Отца народов. Булгаков высказал тайную мысль представителей тогдашней интеллигенции — мысль о невозможности «возродить старое православие так, чтобы это имело значение для судьбы России, для судьбы мира». Не обошел темы и философ Б.П. Вышеславцев (1877—1954), о котором говорили как об «одном из самых блестящих дискуссионных ораторов среди

Б.П. Вышеславцев

московских философов». Приват-доцент Московского университета, «артист-эпикурец», юрист «широкий европеец», начинавший с изучения Платона, Гегеля, Фихте, писавший «Этику преображенного эроса», похоже, он понял «жизненный трагизм, развертывающийся в истории и, быть может, повторяющийся в каждом из нас», лишь тогда, когда его в 1922 г. вместе с группой коллег-философов марксисты-ленинцы вышлют из России, где он напишет в отместку «Философскую нищету марксизма». После отъезда из России проявлял интерес к религиозной философии («статья «Религия и безрелигиозность», 1924), и в начале 20-х гг. сблизился с Бердяевым. Под «религиозной философией» он понимал не богословскую догматику, скорее, чуждую ему, а свободное обсуждение религиозных проблем, где чувствовалось влияние древней философской традиции и классического образования. Находясь за границей, он считал, что философия должна стать «не изложением малодоступных для людей теоретических проблем, но учительницей жизни». Он умрет за рубежом от туберкулеза и его последние слова будут: «Возвращаюсь к истокам бытия... Все понял... Как это просто».

Даже те, кто составлял надежду и опору культурной, в том числе религиозной России зачастую не могли найти общий язык друг с другом. Вл. Соловьев хотя и правильно критиковал эгоизм нашей интеллигенции за ее

«притворное служение народным интересам, а в религиозной жизни — за утверждение, что одна лишь вера может привести к спасению», называя это сектантским тщеславием, хотя все это вернее было бы назвать обывательско-мещанской гордыней, но и сам Вл. Соловьев был не без греха, называя, скажем, статью «О свободе и вере» В.В. Розанова — «елейно-бесстыдным пустословием». В свою очередь в пылу полемики и В. Розанов называл его то «танцором из кордебалета», то «слепцом, ушедшим в букву старины», то «блудницей, бесстыдно потрясаящей богословием», то «татем, прокравшимся в церковь» или «свято-татцем» и т.д. и т.п. Зачастую их риторику еще можно понять. Но откуда эта скрытая неприязнь, даже ненависть среди элиты! А ведь ею жила и дышала интеллигенция, вместо декларируемого ею христианства.

Радикальная часть интеллигенции стояла на атеистических позициях. Успехи науки и просвещения часто свидетельствовали от-

нюдь не в пользу церкви. Тезис «Неведение — мать благочестия» не мог быть всерьез воспринят просвещенными умами. С.Г. Струмилин так выразил суть их сомнений: «Святым отцам нужно было, чтобы, запуганные адом, миряне вынуждены были всю жизнь, от колыбели до могилы, прибегать к ним за помощью для совершения разных треб и обрядов, без которых давно уже нельзя ни родиться, ни умереть христианину. Они знали, конечно, что, прибегая за помощью к своему духовному отцу, мирянин не посмеет явиться к нему с пустыми руками, без обильных приношений. И они не ошиблись. Мирянин крепко боялся черта и ада. Ему не приходила еще тогда в голову столь обычная несколько позже, в эпоху реформации, мысль: да уж не малюют ли попы столь страшного черта «ради своего пропитания»? Темный мирянин не задумывался о том, что ни Христос, ни его апостолы никогда никаких обеден, панихид и молебнов не служили... Он... набивал своими трудовыми грошами поповские карманы... Наряду со всевозможными молебнами и панихидами духовенство имело, однако, и еще один, не менее важный козырь по части того, как заставить народ «изумляться, преклоняться» и являться к своим пастырям с обильными приношениями. Таким козырем являлись разные «чудотворные» иконы, мощи и тому подобные святыни, в изобилии фабрикуемые по церквям и монастырям ради привлечения богомольцев. Беззастенчивость этой фабрикации доходила до того, что мощи некоторых из особо чтимых святых обретались зачастую одновременно в нескольких монастырях. Таким образом, по общему подсчету, у каждого из этих святых могло бы оказаться по несколько голов, по дюжине-другой рук и ног и т.д. Да и то ли еще бывало. В качестве священных реликвий верующим предъявляли «перо из крыла архангела Гавриила» и «вздых Иосифа-плотника». В нескольких монастырях было по терновому венцу Спасителя; в 11 монастырях хранилось по копыю, прободавшему его бок; крестоносцы вели выгодный торг молоком Богоматери, а один из иерусалимских монастырей мог предоставить зрителю даже подлинный палец самого святого духа!.. Вы изумитесь, читатель».

Чудеса Христовы

М.В. Нестеров. Святая Русь

«...Вы скажете, что у духа не может быть пальцев, вы скажете, что это было бесстыднейшим по своей кощунственной наглости обманом. Но что же поделаешь? «Народ непременно хочет, чтобы его обманывали», — заявлял еще в начале V в. один из отцов церкви — епископ Синерий. Как же, дескать, его не обманывать... На самом деле народ, конечно, «хочет», чтобы его обманывали не больше, чем караси «любят», чтобы их поджаривали». И даже Б.Н. Чичерин, отнюдь не социалист, скорее, монархист в «Истории политических учений» писал: «...христианская церковь, являясь среди языческого мира с учением совершенно чуждым всему, что господствовало в то время, не выступила враждебно против установленного порядка. Напротив, она признала его законность и требовала для себя только свободы духовной. Среди гонений и бедствий, которым она подвергалась, она проповедовала повиновение гнетущим ее властям. Впоследствии, когда она восторжествовала над язычеством, она сохранила неизменным догмат о божественном происхождении власти. Это краеугольный камень ее политического учения». Тем не менее,

монархисты и церковники в России предпочитали воспринимать социализм и тем более коммунизм как «геенну огненную»... В начале XX века «из горнила французской революции вышла на жизненную арену т.н. демократия, которая, под знаменем сперва рационализма, а затем и естественно-научного материализма, вступила в жестокую борьбу с христианством из-за обладания миром». В 40—60-х гг. она вырождается, в лице известного «немецкого экономиста Карла Маркса, в новейшее мировоззрение, получившего название научного социализма или экономического материализма» (И.Г. Айвазов). Конечно, куда как проще во всех недовольствах и желании народа изменить условия жизни видеть козни революционеров и евреев.

Старая религия у значительной части народа исчерпала себя. А, как известно, свято место пусто не бывает. Должна была явиться «новая религия», каковой и стал коммунизм. Тот изгнал Христа, но постарался приблизить учение к решению насущных задач политической и социальной жизни России. Нет ничего странного. Ветхий Завет несет требования социальной справедливости (Ам. 5,11; Иез.

И. Репин. Крестный ход в Курской губернии

39,10). Эти требования были взяты на вооружение социал-демократами. Хотя для ортодоксальных верующих сама мысль, что «имя Маркса можно заменить именем Христа, а Капитал — Евангелием», звучали кощунственно. Но разве звучали не кощунственно для угнетенных увещевания церковников, что царящий в России социальный и экономический порядок неизменен и свят?! Ведь такая позиция не только является исторически реакционной, но еще и оскорбительна для России.

Все сказанное выше вело к уменьшению влияния религии и церкви в России. Стадо Божье явно выходило из повиновения... По данным П.Н. Милюкова, при относительном росте числа верующих в России, с 16 млн в 1738 г. до 44 млн в 1840 г. и 72 млн. в 1890 г. подпитка церковным аппаратом верующих заметно снизилась. На каждого православного жителя империи к концу XIX в. насчитывалось вдвое меньше церквей, в 2,5 раза меньше монахов, в 6 раз меньше монастырей, чем полтора века тому назад. Беда не в том, что монахов и церквей стало меньше, а в том, что веры к ним и в то, что они помогут, не стало вовсе! У такой Церкви, к тому же обезволенной самодержавием и «стреноженной» Сино-

дом, не было ни сил, ни воли, ни знаний предложить народу значимые и понятные ориентиры развития и веры. Поэтому С.Н. Булгаков в 1918 г. устами героя «На пиру богов» скажет: «А я снова повторяю, что уж если искать виноватых в той народной беде, которая связана с революцией, то наиболее тяжелая ответственность лежит на русской церкви. Я даже не говорю о раболепстве и молчаливстве высшей иерархии, — это уж у всех на

Поклонение пастухов

зубах... Но церковь обнаружила здесь и свою культурную несостоятельность, прямо оказалась в историческом банкротстве. Как ни мало было оснований верить грезам о народе-богоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось то, что церковь была устранена без борьбы, словно она недорого и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе. Слой церковной культуры оказался настолько тонким, как это не воображалось даже и врагам церкви. Русский народ вдруг оказался нехристианским...». Почти атеистом. И как следствие этого церковь была низвергнута «в низины революционной юдоли», где ревели адские волны классовой ненависти и социального возмездия. А чего вы хотели? Покорности и поклонения?

В ряду оценок деятельности и роли Церкви в России немалый интерес представляет и оценка событий той поры социалистом Гапоном (одно из главных действующих лиц событий 1905 г. — Кровавого воскресенья). Он подчеркивал, что жестокая политика насилия со стороны самодержавия, его упорное нежелание идти на уступки народу «вынуждает все классы населения, каждую национальность на самозащиту против военной силы, и, делая из этого вопрос жизни и смерти, правительство готовит нам революцию, перед которой Великая французская революция покажется борьбой лилипутов. Что сделал царь и бюрократия, чтобы избежать этой беды? Абсолютно ничего. Каждый указ о реформе немедленно дискредитировался какой-нибудь уловкой и еще более тем, что исполнение его поручалось тем самым лицам, преступления которых вопиют к небу о мщении. Так, на-

Б. Кустодиев. Большевик

**Г. Гапон и градоначальник Петербурга
И. Фуллон среди рабочих**

пример, изданный указ о свободе совести не разрешал свободы религиозных диспутов, он не касался шести миллионов евреев, многих миллионов магометан и других нехристианских вероисповеданий. И эта частичная свобода, данная христианским вероисповеданиям, в большинстве случаев была сведена к мертвой букве местными чиновниками, не получившими инструкций». Это и привело его в ряды рабочих. Тогда-то он и решил встать во главе рабочих масс, но не с красным знаменем, а с иконой и хоругвью. В действительности, его мотивы были скорее низменными и честолюбивыми. Он желал того, чего многие иереи желают и по ныне — власти и денег.

В этих условиях желание и стремление найти замену христианству (пусть и в облике социализма) естественно. Вероятно, в этом для угнетенных и отверженных масс было больше надежд, если угодно исторического оптимизма, нежели в слепом уповании на «чудо». Понятны и попытки революции воплотить завет Христова учения, заменив Христа Лениным. И даже те, кто считал большевизм «отрицательным, дьявольским, планетарным порывом», подмечавшие страшные его язвы, и те признавали, что у этих «бесноватых» было какое-то отчаянное, искание истины, что они обладали внутренней правдой и силой. А вот христиане, казалось, поддерживаемые Богом, всей мощью православной «родной церкви», такой правды не имели! «Вековая болезнь духа» — это слова, попытка укрыться за ничего не значащими фразами. Стоять «под куполом и крестом» — не подвиг! Подвиг — подняться над куполом неба, в мирском и духовном смысле этого слова! Взойти на крест мученичества — страшно и больно, но в нравственном и даже в интеллектуальном смысле не так уж трудно. А вот снять с «креста мученичества» Тела Народов Мира — вот это Подвиг! И тут нужна Вера! И, разумеется, знания — огромные знания, что по плечу разве что только богам. Поэтому, возможно, и правы те, кто говорит: «Эту задачу — просвещения и критики народа — взяла на себя русская литература, ставшая, по существу, для русского общества второй церковью... Святыми с XIX в. (в России) стали не иереи, а писатели». И даже не столько писатели, а ученые и революционеры, что и окропят Русь святою своею и чужою кровью.

Часть вторая.

НАСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ И ТЕРРОРА

Глава 10. Кровавое воскресенье. Революционные выступления 1905—1907 гг.

Мыслители предреволюционной поры в силу высокого уровня компетентности и порядочности сто лет назад писали о причинах надвигавшейся революции куда объективнее, нежели иные современные историки и социологи пишут о революции *post quem* (лат. — после того как). Разумеется, в том, что все больше людей становились адептами социализма, было нечто большее, нежели просто мода. Социализм становился веянием эпохи. В основе задач и целей движения лежали интересы абсолютного большинства народа, а не кучки избранного класса или привилегированных слоев. Люди хотели иметь больше прав, больше свобод, больше справедливости в распределении материальных благ. Они хотели быть уравнены в правах и собственности. «Развитие цивилизации — это процесс уравнивания, подобный тому, что осуществлял в Древней Элладке покойный Прокруст», — сказал Л. Гумилев. Однако монархия этого не понимала. Везде именно пороки двора и начинают революцию (А. Ривароль). Власть продолжала видеть в социализме козни «жидов», а то и самого антихриста, отождествляя его с марксистской социал-демократией. Конечно, и правые видели, что в России «весь напор идет со стороны социал-демократии» (П.Л. Ухтомский), и что «социал-демократическая партия — это зерно нашей революции» (митрополит Владимир). Страшились союза марксизма и пролетариата.

Наступала эпоха, получившая наименование «пролога» социалистической революции. Призрак коммунизма «бродил» уже не только по Европам, но объявился в матушке России.

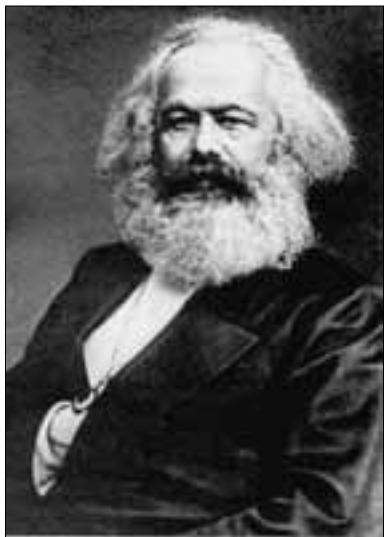

1 марта 1898 г. в Минске на квартире рабочего тайно собрался I съезд социал-демократов. Этот тогда еще небольшой провинциальный город был далек от полицейской слежки. Съезд революционеров длился 3 дня, в нем приняли участие представители Петербурга, Москвы, Киева, екатеринославского «Союза борьбы», Бунда, группы киевской «Рабочей газеты». Съезд принял решение об образовании Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Избран Центральный комитет (ЦК) из трех человек, утвержден манифест РСДРП. В основе теоретических воззрений участников — идеи западных социалистов и коммунистов, и прежде всего К. Маркса. Среди делегатов и выходец из народа, из купеческой среды, Н. Русанов, увлекавшийся марксизмом и мечтавший, говоря словами Достоевского, о «скором подвиге». Русанов вспоминал, как в середине 70-х гг. среди русской интеллигенции, как пороховая дорожка, из столиц в провинциальные центры России бежала молва о «великой книге», о «Капитале» К. Маркса. Эта книга, восторженно сообщала друг другу молодежь, «как бы отменяет весь старый экономический завет

Вставай, поднимайся, рабочий народ!

и вводит новый». Ему поручили ознакомиться с книгой и сделать реферат. Он вспоминал: «И вот я за Марксом. У меня билось сердце, когда я приступил к чтению книги; мне было 14 лет, и я верил, что в «Капитале» я найду разгадку всей жизни, решение всей задачи революции; вместе с тем я чувствовал огромную ответственность перед товарищами,почтившими меня доверием».

Карл Маркс

Пройдут годы и годы, Русанов изменит точку зрения на многие вещи. И все же и в 1925 г. он честно признавался: «О, не смейтесь, читатель, я с 13—14 лет считал себя «социалистом» и «революционером» и, разумеется, врагом существующих порядков. А разве было мало тогда таких вот пылких юношей по всей России?! Они и составили костяк будущих рядов партий. Манифест РСДРП был подготовлен социологом, экономистом, публицистом, издателем П.Б. Струве (1870—1944). Его судьба если и не типична, то весьма показательна для представителей революционной интеллигенции рубежа XIX—XX вв. Сын пермского губернатора, он обучался на двух факультетах Петербургского университета, а затем в Австрии (у известного социолога Л. Гумпловича); в 1889 г. создал марксистский кружок. В 1894 г. он знакомится с В.И. Ульяновым. Это уже позже, гораздо позже, в 1930-е гг. в эмиграции, он назвал его «думающей гильотиной», а сам большевизм — «смесью русской сивухи с пойлом из Карла Маркса».

Однако ранее и Русанов и Струве еще полны надежд и революционных восторгов. В манифесте российских социал-демократов говорилось: «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капита-

лизмом и буржуазией до полной победы социализма...» И хотя там не очень четко проводились идеи о завоевании пролетариатом политической власти, о руководящей роли рабочего класса и его союзниках в борьбе против царизма и капитализма, манифест сыграл большую роль как первое открытое заявление партии, ставившей задачу объединить рабочих России. В.И. Ленин отметил историческую заслугу I съезда РСДРП: «Партия возникает в 1898 г. как «российская» партия, т.е. партия пролетариата всех национальностей России». Налицо пролетаризация революционного движения. Ленин в статье «Попытное направление в русской социал-демократии» (1899) говорил, что в то время, как образованное общество теряло интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих, напротив, все заметнее проявлялось «стремление к знанию и к социализму». Среди рабочих появляются настоящие герои. Они находят в себе достаточно и силы воли, и характера, чтобы «учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». Свою статью он закончил формулировкой целей

группы «Освобождения труда» и социал-демократической партии: прогнать царя, завоевать в России политическую власть, «передать все средства производства в руки всего общества и заменить капиталистическое хозяйство социалистическим». Ранее и Г. Плеханов скажет, что кроме буржуазии и пролетариата не видит других общественных сил, на которые могли бы опереться «оппозиционные или революционные комбинации».

В России каждый понимал социализм по-своему. Л.А. Тихомиров писал в «Тенях прошлого»: «революционная интеллигенция, называвшая себя «социалистической», совершенно не знала социализма и, по существу, не интересовалась им». Она имела убеждения и даже готова была отдать за них жизнь, но социализм просто пристегивала, как галстук, ибо это было модно. Передовой человек должен был стать «социалистом». Называя себя сторонником эволюции, он писал: «Мы же искали такую революцию, которая создавалась бы не внешними условиями, а силами личности и создавала бы такой строй, при котором самостоятельность и значение личности возрастали бы еще больше». Известно: кто слы-

В.И. Ленин среди товарищей

Выступление Ленина на II съезде РСДРП (Г.В. Плеханов сидит за столом)

шать не хочет, тот не услышит, хоть трубами иерихонскими ему труби в уши... Любящая сокрушать то, чему вчера еще поклонялась, наша интеллигенция, усевшись словно ящик на облучке революционной идеологии, с этакой кабацкой удалью неслась к гибели. Иные, правда, порой одумывались, подобно Л.А. Тихомирову. Прощенный царем, тот стал убежденным монархистом... Обращаясь к революционерам, взывавшим к заговорам и пулям, он пытался вразумить их, предложить мирный путь: «...много ли республик, которые в течение 26 лет сделали бы так много улучшений, как сделал император Александр II? На все такие факты у нас только и находятся жалкие фразы, вроде того, что это сделано «вопреки самодержавию». Но если бы даже и так: пусть, не все ли равно, «благодаря» или «вопреки», коль скоро прогресс, и очень быстрый оказывается возможен?» На эти слова социалист Г.В. Плеханов не нашелся ничего ответить, обвинив одумавшегося коллегу,

ныне сторонника монархии, в том, что тот ренегат, «премудрый сторонник эволюции!»

В начале XX в. социалистические силы в России были представлены когортой видных деятелей революционного движения (Кропоткин, Плеханов, Ленин, Засулич, Мартов, Аксельрод, Троцкий и др.). Во главе движения оказались совершенно разные люди. Зная наши традиции, это могло означать одно: Россию в будущем ждет диктатура одной партии и, возможно, даже одного человека, а для прихода к власти будут использованы революционное насилие и террор. Партия должна была стать подобием нечаевской ячейки, она-то и даст сигнал к восстанию. Так как одной партийной группе просто не под силу прийти к власти в огромной стране, надо завоевать на свою сторону пролетариат. Отсюда и лозунг диктатуры пролетариата. Мария, сестра Ленина, говорила, что Ильич — человек одной идеи, и эта идея — «власть пролетариата». Пролетариат

должен быть стать мечом, орудием сокрушения старого строя.

В России всегда действовало и действует железное правило: «Каков царь, такова и страна!» Как и Наполеон, Ленин был рожден для личной диктатуры. Уже на II съезде РСДРП в Лондоне проявилось стремление все держать в своих руках, всем управлять. Статьи пестрят местоимениями «Я», «Я», «Я»... Непримирым в отношении коллег. Из такого теста, скажет Плеханов, и получаются Робеспьеры. Но Робеспьер, как известно, отправлял на гильотину даже вчерашних соратников и друзей. Ленин был и тут на несколько голов выше француза. Пока же на съезде в Лондоне Ленин «фактически уничтожил двух своих верных соратников», Мартова, ближайшего товарища по работе, и свою покровительницу, легендарную Веру Засулич (ее он фактически выдворил из «Искры»). Ленин той поры — вовсе не сусальный ангел, не христолобец, а жесткий, порой грубый политик. Он кричал на товарищей, часто шел напролом. Его обвинили в бонапартизме. Безусловно, в нем есть такие черты. Чего стоит хотя бы следующий фрагмент его заметок на съезде, где он, по сути, рисует облик будущей партии коммунистов: «Прав нет никаких у членов партии. Ответственность». Это означало: партию в железной узде будет держать вождь, и на вершине партии будет находиться один человек — Цезарь, Петр, Наполеон, Бог, Ленин, называйте, как хотите. Возможно, по словам Р. Пейна, он уже тогда был «тяжело больным человеком». Скорее тут синдром диктатора.

Да он и сам признавал, что в этих обвинениях в его адрес есть доля правды: «Самодержец..., бюрократ, формалист, сверхцентр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый». Иначе говоря, уже в 1903 г. обозначилась перспектива: в случае успеха Ленина его диктатура может стать не только угрозой для партии и окружения, но и для всего народа — для крестьян, пролетариата, интеллигенции. И как итог: Плеханов покидает ряды большевиков и переходит к меньшевикам, Мартов был им выброшен. На их место заступил Троцкий, сбегавший из иркутской ссылки. В 1904 г. Ленин остался почти один. Нечто подобное случит-

Д.С. Сипягин

ся с ним позже, когда он будет уже во главе Советской России, через 15 лет, но по другим причинам и в иной ситуации. Правда, Ленин был умным человеком, понимал: «Через народ перепрыгнуть нельзя. Только мечтатели, заговорщики думали, что меньшинство может навязать свою волю большинству».

«Разъяснял» позиции народу и царизм, хотя и по своему... Воцарение Николая II на престоле ознаменовалось в 1896 г. Ходынской катастрофой, когда погибли из-за халатной организации торжеств 1389 человек и увечья получили 1300 человек. Страшное предзнаменование... А тем временем в народе нарастало недовольство самодержавным правлением, засильем помещиков. В Петербурге забастовка рабочих Обуховского сталелитейного завода вылилась в «обуховскую оборону», переросшую 7 мая в столкновение с полицией и войсками (1901). Это было одно из первых политических выступлений русского пролетариата. Оборона свидетельствовала о возможности уличной борьбы с полицией и войсками, возросшей организованности рабочих и чувстве пролетарской солидарности. Конференция Международного социалистического бюро в Брюсселе специальной резолюцией приветствовала обуховцев, заявив протест против политики правительства. В 1900—1904 г. в России произошло 1205 волнений крестьян. Тысячи крестьян громили помещичьи усадьбы. 2 апреля 1902 г. членом боевой организации эсеров С.В. Балмашевым в Маринском двор-

**Московский генерал-губернатор
князь Сергей Александрович**

це в Петербурге был убит министр внутренних дел Д.С. Сипягин (его сочли ответственным за русификацию окраин, за насаждение «зубатовщины», за организацию еврейских погромов). Назначенный после убийства Сипягина министром внутренних дел В.К. Плеве (1846—1904) предпринимает энергичные действия, подавляет волнения крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях.

Плеве считал, что «Россия имеет свою отдельную историю и свой специальный строй», и выражал надежды, что она «будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий». Ни того, ни другого добиться не удалось. Это были слуги империи, павшие на посту. Но В.И. Ленин делал самые оскорбительные выпады в адрес Плеве, говоря о нем и Сипягине как о «гнусных проходимцах». В то же время Ленин критиковал террористов за мелкий масштаб их действий. В статье «Революционный авантюризм» (1902) он писал: «Не правда ли, как это удивительно умно: отдать жизнь революционера за месть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве — это крупная работа. А готовить, напр., массу к вооруженной демонстрации — мелкая».

Среди террористов большинство были эсеры... Партия эсеров стала набирать силу

в конце XIX в.; возникла из слияния трех организаций: «Заграничного союза», «Рабочей партии политического освобождения России» и «Союза социалистов--революционеров». Организаторы первой — евреи Раппопорт и Хаим Житловский, второй — еврей Гершуни (Герш Исаак Ицков), третьей — Аргунов (русский). В 1889 г. в списке членов заграничной революционной эмиграции из 146 революционеров 50 по меньшей мере — евреи. Иначе говоря, во главе партии убийц, у кровавой купели, стояли евреи. Главными деятелями «народнической русской партии» были евреи: Гоц, Минор, Гершуни, Рубанович, Азеф, Натансон. Киевский комитет эсеров, по данным Спиридовича, состоял преимущественно из евреев. Радикальная еврейская интеллигенция тогда, словно обезумев, буквально «брехала террором», что объяснялось их жаждой власти и ростом еврейских погромов.

Начало XX в. и выход на историческую арену социалисты-революционеры ознаменовали громкими террористическими актами. В феврале 1901 г. эсер П.В. Карпович смертельно ранил министра народного просвещения Н.П. Боголепова. Тот за месяц до этого подписал приказ об отдаче в солдаты 183 студентов Киевского университета. В мае 1903 г. эсер Е. Дулебов убил генерал-губернатора Н.М. Богдановича. 15 июля 1904 г. эсер Е.С. Сазонов убил министра внутренних дел В.К. Плеве, бросив в него бомбу. Раненый Сазонов был арестован. Это убийство обошлось эсерам и тем, кто за ними стоял в 30 тыс. рублей. Наконец, в начале 1905 г. эсер И.П. Каляев бросил бомбу в Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. По постановлению боевой организации эсера А.А. Биценко в конце 1905 г. застрелила усмирителя аграрных волнений в Саратовской губернии, генерала В.В. Сахарова. Террористические акты совершены и против начальника охранного отделения Нижнего Новгорода, губернатора Уфы, командира Семеновского полка генерала Г.А. Мина. Мин был застрелен эсеркой З. Коноплянниковой на станции Новый Петергоф (1906) на глазах его жены и дочери. Это такая вакханалия террора, перед которой бледнеет Варфоломеевская ночь. Хотя куда уж нам до Европы!

На Руси всегда хотели видеть в должностном лице если не «отца-благодетеля», то по крайней мере хотя бы справедливого судью. Увы, действительность, как правило, почти не оставляла людям таких надежд. С другой стороны, и интеллигенция немало постаралась, науськивая народ на слуг государевых. В. Вейдле вообще-то справедливо в «Мыслях о русской душе» отмечал: «Для русской литературы губернатор, околоточный, делопроизводитель — либо исчадия ада, либо чело-веческие существа, начисто изъятые из того мира, к которому они принадлежат по должности. Толстой ненавидит суд, Салтыков — администрацию, Чехов терпит лишь тех профессионалов, которые не терпят своей профессии. Понятие городского в уме русского интеллигента приобрело метафизический смысл, зачеркнувший его бренное естество: Февральская революция, как известно, была «бескровной», хотя трупы городских, сложенные, как дрова, на невском льду, исчислялись сотнями. Наши террористы были добрые молодые люди, готовые даже и жизнь положить за будущее счастье человечества, но для которых представитель государства уже не был частью человечества».

Быстро революционеры прошли путь от мирных посиделок и горячих дискуссий, когда среди верующих считалось бунтарством и вольнодумством есть куличи на Страстной неделе, во время строгого поста, от миролюбивых походов в народ — до террористических актов против слуг чиновников и императора! Но почему? Дело в том, что чиновников в России, как больших, так и малых, казалось бы, невозможно убедить иным способом. Суть их такова, что они не слышат гласа народа. Тот для него зачастую — пустое место. И гоголевский «Ревизор» никогда не произвел бы столь оглушительного воздействия на общество, если бы не был списан с натуры — с сотен и тысяч областных и губернских чиновников.

Спору нет, чиновник чиновнику рознь... Иные такие страшилища, такие «сарданапалы», что и ни приведи Господь... Вспомним хотя бы рязанского губернатора Болдырева, с которым служил Салтыков-Щедрин, которого «за глупость в губернаторы поставили». Почему-то высшее начальство на Руси очень

даже ценит в подчиненных это качество... В итоге тот был уволен за то, что его люди избили несчастного крестьянина, который, не узнав губернатора, осмелился повысить голос (чтобы не портил ему рожь), когда тот во время охоты заехал на его поле. Крестьянину переломали все ребра и «отправили на тот свет», а затем и быстро похоронили, чтобы скрыть все следы. Но местный прокурор (и тогда среди них были честные люди) возбудил против губернатора дело. Мертвеца вырыли из могилы — и тут-то все и обнаружилось. Но так как у губернатора в столице были дружки и громадная протекция, убийцу «в наказание» перевели из губернаторов управляющим Московским государственным коннозаводством. У нас в России и сегодня таких случаев не десятки и не сотни, а тысячи! Власть своих мерзавцев ни за что не отдает и на праведный суд! С другой стороны, было немало несчастных и забитых чиновников... Салтыков-Щедрин описал этих вообще-то бедных людей, что зачастую теряли даже и облик божий, утешаясь тем, что забрасывали весь «бумажный хлам» и прикладывались к шкафчику, где стояли бутылки и закуска. Потом всей гурьбой шли в ближайший трактир на «генеральную попойку». Великий сатирик называл их — «запьянцовские»... Будучи главой Рязанской казенной палаты, он даже жалел этих несчастных... Современник писал о тех временах: «Рассказывали, что было время, когда по субботам провинившихся чиновников пороли розгами по приказанию «председателя», как тогда назывался управляющий палаты, а также сажали под арест, заключая в комнату, находящуюся в нижнем этаже палаты, где был архив со старыми делами и где производились экзекуции над чиновниками. Чтобы те не убегали из-под ареста, с них снимали сапоги. Салтыков со всем этим покончил. При нем не брали взяток или так называемых благодарностей, не имели кружек (куда, как и ныне, опускали деньги «благодарные просители». — *Ред.*), не пороли чиновников, не сажали их под арест». Понимая, сколь тяжела в материальном отношении жизнь мелких чиновников, он никогда не отказывал в ходатайстве ближайших начальников служащих о повышении тем жалованья. Однако все это

Памятник М.Е. Салтыкову-Щедрину

очень не нравилось тому самому рязанскому губернатору-извергу, убийце, что на каждом шагу жаловался на М.Е. Салтыкова-Щедрина в Петербург, не забывая называть писателя «социалистом и нигилистом».

И все же считаем ошибочным тезис тех, кто полагает, что государство «изначально противостоит русскому человеку как нечто враждебное и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть; обещания, данные государству, можно не выполнять», «с ним можно бороться разными способами...» (К. Касьянова). Тезис сей ошибочен и даже вреден, если не сказать более — губителен для России. Все зависит от высшей власти. И опять же — в том числе и от тех же чиновников, среди которых и ныне немало найдется умных, достойных и честных людей. Хотя и сегодня тема, поднятая теми же Салтыковым-Щедриным или Добролюбовым, никак не потеряла своей актуальности. Н.А.

Добролюбов даже ставил вопрос в гамлетовском духе «Быть или не быть?» «Быть или не быть благоденствию России», — это зависело от того, будет или не будет служить становым честный пристав Фролов... Никто, кажется, исключая г. Щедрина, не вздумал заглянуть в душу этих чиновников — злодеев и взяточников — да посмотреть на те отношения, в каких приходится их жизнь. Никто не приступил к рассказу об их подвигах с простою мыслью: «Бедный человек! Зачем же ты крадешь и грабишь? Ведь не родился же ты вором и грабителем, ведь не из особого же племени вышло, в самом деле, это так называемое крапивное семя?» И далее Добролюбов попытался перевести разговор в социально-экономическую плоскость. «Ныне у нас решения просты: если люди воруют, значит — полиция плохо делает свое дело; если взятки берутся, значит — начальник колпак... и т.п. А тогда выходило иной раз: ворует человек от того, что работы не нашел себе и с голоду умирал; взятки берет, чтобы пятнадцать душ семейства прокормить». Чиновничество — своего рода бич Божий для России? Так было когда-то...

Понятно, что в нынешней России XXI в. ситуация кардинально иная... Во-первых, число чиновников намного превзошло их количество не только в царской, но и в Советской России. Во-вторых, никаких 15 душ в семьях давно нет, кроме как, возможно, где-то на Кавказе. Ни у кого из наших чиновников-воров «семеро по лавкам» — не сидят... В-третьих, воруют не потому, что с голоду умирают. Воруют потому, что у государства легче всего украсть, можно украсть больше, чем где-либо

Доходное место (по пьесе А.Н. Островского)

еще, а, главное, украсть почти безнаказанно. Алчность потому столь велика, что все позволено. При этом скотское общественное мнение в лице ублюдочных героев («Хочу стать миллионером!») еще и подталкивает к тому, чтоб захватить как можно больше и как можно быстрее. Открыто и гласно! Страха нет, а тюремный срок в 3—5 лет (да еще без конфискации) чиновнику не страшен. Смех да и только! Ну а начальство, с которым тот честно делился, был покорен, верен и раболепен, как рабыня в турецком серале, после отсидки не оставит его сердешного, поможет.

Александр III говаривал, что у России только два преданных друга и союзника — это ее армия и флот. Считаю необходимым расширить формулировку, сказав: «У России действительно два верных союзника и друга — это ее Народ и его Государство». Не государство, а дурной чиновник, взяточник, вор, убийца, преступник во власти противостояли, противостоят нам. Наш смертельный враг — ельцины, гусинские, березовские, касьяновы, гайдары, козыревы, чубайсы — это алчное племя взяточников, демагогов и воров. Государство — спаситель. Только от него и от народа можно ждать справедливости и сурового наказания виновных. Почему до сих пор жив в сердцах образ Сталина? Он посылал на плаху сановную элиту, до которой рука простого люда не доставала. Не каждый же раз удастся революция. «Демократия» же их пальцем не тронет, еще и прикроет своей грудью!

Кровавый туман нависал над страной... Конечно, в революцию шли разные люди. Среди революционеров были и провокаторы. Азеф, зачисленный в 1893 г. на службу в Департамент полиции, получил от С.В. Зубатова, главы Московского охранного отделения задание — пропагандировать идеи террора. У охраны были свои далеко идущие планы. С помощью провокаций хотели покончить с революционным движением одним махом. Убийства и покушения совершались Боевой организацией при ЦК Партии социалистов-революционеров. Ею готовились покушения на Н.К. Римана, генерал-губернатора Москвы Ф.В. Дубасова, министра внутренних дел П.Н. Дурново. С 1902 по 1911 гг. в России более двухсот раз рвались эсеровские бомбы

и раздавались выстрелы. Объектами террора стали 2 министра, 33 губернатора, генерал-губернатора, вице-губернатора, 16 градоначальников, прокуроров, полицмейстеров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрем и других тюремных чиновников, 26 приставов, исправников и их помощников, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 шпионов и провокаторов. Среди участников террористических актов было 62 рабочих, 9 крестьян, 14 представителей интеллигенции и 18 учащихся. Складывалась невероятная ситуация... В России полицейский агент, причем по прямому заданию начальства, занимался подготовкой покушения на императора и премьер-министра! При этом ему было еще и обещано, что ни один член его организации не будет арестован. И, надо сказать, договор сей выполнялся неукоснительно. Царь жил в охраняемом Петергофе, а когда он собирался выезжать, начальник Департамента полиции выяснял у Азефа, находятся ли в столице террористы. Если Боевая группа оказывалась на месте, то царь отменял поездку. Полиция давала царю «добро» на каждый шаг. При этом охота на царя еще и щедро «спонсировалась». Так, из 300 тыс. рублей, которые эсеры украли в Государственном казначействе, 100 тыс. они передали Азефу. Это была настоящая банда, между членами которой порой могли возникнуть «теоретические разногласия». Но все были «идейные». Подчеркнем, что среди агентов и провокаторов почти не было идейных борцов с самодержавием. Агенты работали только за деньги. Известен случай с З. Жученко (Гернгросс) из партии эсеров. В 1909 г. ее разоблачил В.Л. Бурцев. По ходатайству П. Столыпина перед царем Николаем II ей назначили пожизненную пенсию в размере 3600 рублей в год из секретных сумм Департамента полиции. Столь солидные суммы получали только выдающиеся и важные фигуры политического сыска. Обычные агенты вынуждены были довольствоваться ничтожными заработками (15—30 руб. в месяц).

В итоге получалась странная картина: кто за кем охотился, кто кого использовал — было не ясно. Говоря о симбиозе охраны и

революционеров, Ф.М. Лурье писал: «Следовательно, в Департаменте полиции превосходно знали, что их агент — руководитель Боевой организации (эсеров) — не доносил им всего известного ему о террористических намерениях эсеров. Азеф сообщал лишь о том, что никак не могло бросить на него и тени подозрений со стороны партийных соратников. Охранники мирились с его нечистой игрой, он был для них незаменим. Удавшимися покушениями Азеф «аккредитовал» себя у революционеров, а доносами на них зарабатывал в политическом сыске личную безопасность и щедрые вознаграждения. Но ему удалось не просто «аккредитовать» себя, он сумел взрастить в душах эсеров любовь и уважение к себе и абсолютное доверие к своим действиям. Особенно помогло ему в этом участие в убийстве В.К. Плеве. Оно превратило его в вождя партии, перед ним преклонялись, его ставили выше Желябова и других легендарных народовольцев». Связь охраны с террористами крепла. Хотя, разумеется, у проводников террора, тем более у заказчиков были свои политические планы.

Радикалы мечтали «освободить Русь» и ради этого не останавливались перед новыми убийствами... Савинков доказывал, что Боевая группа должна продолжать их подготовку («Террористов нельзя засаливать впрок!» — вещал он). Правда, Азеф вроде бы высказывался против продолжения террора. Однако до прекращения боевых действий он мечтал сделать последнее «великое дело» — взорвать Охранное отделение. «Но одно дело еще осталось. Единственное дело, которое имело бы смысл. Оно логически завершило бы нашу борьбу и политически не помешало бы. Это взорвать на воздух все Охранное отделение. Кто может что-нибудь против этого возразить? Охранка — живой символ всего самого насильственного, жестокого, подлого и отвратительного в самодержавии. И ведь это можно сделать. Под видом кареты с арестованными ввезти во внутренний дом охраны несколько пудов динамита — так, чтобы и следов от деятельности всего этого мерзкого учреждения не осталось». Желание взорвать Охранное отделение и уничтожить документы, изобличающие связь Азефа с охранкой,

Предатель Е.Ф. Азеф

вполне объяснимо. Агент не мог спать спокойно, зная, что там хранится. Охранного отделения Азеф не взорвал, но отказываться от террора партия передумала. Всякая иная работа, помимо террористической, была партией эсеров объявлена несущественной.

Так вот эсеры оказались заодно в компании с этим «королем провокаторов», своего рода исповедником «всех таинств и причастий» в деле «борьбы с царизмом». Эсеры с самого начала были игрушкой в руках охраны и предателей революции. Итоги эсеровского террора оказались равны нулю. Террор не помешал ни наступлению реакции, ни прекращению карательных экспедиций в деревне, ни смягчению репрессий против революционеров. «Без рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы», — говорил В.И. Ленин. Террор — оружие обреченных.

Впоследствии дело неожиданно получило огласку после того, как отставной директор Департамента полиции А.А. Лопухин сообщил социалистам-революционерам имя предателя. Лопухина за это даже привлекали к суду. Объясняя мотивы своего поступка, тот заявил, что поступил так во исполнение долга порядочного человека «не покрывать молчанием гнуснейшие из преступлений, к числу которых относятся совершенные Азефом». Отношение к Азефу тот высказал в беседе с начальником С.Петербургского охранного отделения генералом А.В. Герасимовым. «Вся жизнь этого человека, — сплошные ложь и предательство. Революционеров Азеф предавал нам, а нас — революционерам. Пора уже положить конец этой преступной двойной

А.А. Лопухин

игре». Жандармский генерал А.И.Спиридович также видел в Азефе не сотрудника, а, скорее, провокатора. В мемуарах он отмечал: «Азеф — это беспринципный и корыстолюбивый эгоист, работавший на пользу иногда правительства, иногда революции; изменявший и одной, и другой стороне в зависимости от момента и личной пользы; действующий не только как осведомитель правительства, но и как провокатор в действительном значении этого слова, то есть самолично учинявший преступления и выдававший их затем частично правительству корысти ради».

Когда разоблачили Азефа, эсеры, как партия провокаторов, так и не смогли оправиться от удара. Среди эсеров тогда, по выражению их лидера В.М. Чернова, господствовали идейный столбняк, растерянность, недоумение. Известный террорист Б. Савинков, ближайший друг провокатора, заявлял: «Дело Азефа — тяжелый удар для партии и революции. Но этот удар тяжел не тем, что подорвано моральное значение террора, террор Каляева чист, — и не тем, что террор как форма борьбы невозможен: не будет Азефа — будет террор. Этот удар тяжел и страшен другим. В эти темные дни торжества палачей легко упасть духом, легко отречься от старых заветов, легко забыть свое прошлое. Дело Азефа поколеблет слабых, оно может смутить и сильных. Нужна большая любовь, чтобы поднять наше старое знамя, нужна горячая вера. Но ведь вера без дел мертва, честь и победа только за теми, в чьих руках меч». Спустя много лет, находясь в заключении, Савинков будет вспоминать, по-

сыпая главу пеплом: «Азеф действовал как купец, придерживая товар и набивая цену. Трусость и алчность — вот разгадка двойственности Азефа. Так я думал в 1909 г., так я думаю и теперь, когда даже и об Азефе возможно на расстоянии 16 лет говорить *sine ira et studio*». Но тогда все его боготворили. А. Гоц говорил об Азефе: «Интеллигентный, тонко и сильно чувствующий, способный человек». М. Гоц клялся его именем: «Можете ему верить, как мне самому». С. Лазаркевич заявлял: «Это был человек со страшно железным характером. Он подавлял все». П. Левинсон: «Что он мне прикажет, то я и сделаю». В.Н. Фигнер в нем просто души не чаяла, а М. Селюк так расчувствовалась, что пустила «слезу»: «В его поведении сказывались большая доброта и чуткость — это подкупало и ценилось».

Более точную характеристику давали ему противники. Разоблачитель Азефа, В.Л. Бурцев говорил: «Это была продажная шкура, и ничего более!» Это был двуликий Янус. Есть люди, в которых живет органическая потребность предавать, играя на струнах душ человеческих. Они обожают дурачить людей (к тому же еще на этом зарабатывать). Б.И. Николаевский писал в отношении зловещей фигуры: «Его образ вырисовывается много более простым и естественным: он был и остался типичным мещанином и коммерсантом по призванию — ловким, сообразительным, обладающим большой осторожностью и выдержкой, умеющим, когда нужно, многим рисковать — в жизни, как в карточной игре, — но никогда не играющим ва-банк; умеющим разбираться в людях, обладающим известной инициативой, и даже организаторским талантом, — всем, что нужно хорошему «деловому человеку», но не больше. Ни «героичности», ни «демоничности» в его натуре не было и крупницы — он был сделан из совсем другого теста». Очень точно выразил суть натуры предателя шлиссельбуржец Г.А. Лопатин, революционер-народник, друг Маркса и первый переводчик «Капитала»: «По-моему, Азеф вовсе не изменник и не предатель: это вовсе не человек, который когда-нибудь был революционером, а потом изменил, нет. Это человек, который совершенно сознательно выбрал себе профессию полицейского агента точно так же, как люди выби-

рают себе профессию врача, адвоката и т.п. Это практический еврей, почуявший, где можно заработать, и выбравший себе такую профессию». Одним словом, наверху всегда надо крепко думать, кому вручать в партии бразды правления. С той самой поры партия эсеров, в которой был особенно влиятелен еврейский элемент, стала de facto изгоем на политической арене России как партия предателей и провокаторов. В.Л. Бурцев вспоминал: «После бегства Азефа негодование против эсеров было огромное. Им приходилось объясняться ежедневно и с отдельными лицами и на собраниях. Их обвиняли в том, что они сознательно укрывали Азефа». Похоронили этого «первоклассного агента» — вне родины, на кладбище Германии, по второму классу, как собаку: ни таблички, ни памятника.

Какой трагедией могла бы завершиться судьба России, если бы все эти азефы, гершуни, черновы, савинковы, гоцы, гапоны взяли верх. Хотя от провокаторов не были застрахованы и большевики. В IV Думе усилиями Департамента полиции в Думу был избран провокатор и агент охраны Р. Малиновский (от рабочих). Он стал руководителем фракции большевиков в Думе. Ему доверял Ленин. В 1914 г. товарищ министра внутренних дел Джунковский потребовал его ухода из Думы. Малиновский уехал за границу. Председатель Думы Родзянко, хотя и знал о провокаторе, промолчал. Для РСДРП и лично для В.И. Ленина это известие было подобно ушапу холодной воды. Ленин телеграфирует Г.И. Петровскому: «Известие ошеломляющее. Ждем подробностей. Ничего не понимаем. Объясняйте переутомлением. Во всяком случае, не падать духом. Объясняется личным кризисом». Эта история получила громкую огласку. Малиновский, ловко очистившись от обвинений перед партийной следственной комиссией (Ганецкий, Ленин, Зиновьев), уехал в Варшаву. Там был мобилизован в русскую армию, сражался с немцами, был контужен, попал в германский плен, откуда, из лагеря военнопленных, и вел переписку с Лениным и Зиновьевым. Позже Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства обнаружила в архивах документы, уличавшие Малиновского в предательстве (в 1917 г.). 22 октября 1918 г.

Л. Троцкий в тюрьме в 1906 г.

Р. Малиновский с партией военнопленных вернулся в Петроград, сдался властям. После судебного процесса 5—6 ноября 1918 г. он расстрелян большевиками по приговору революционного трибунала. Расстрелян, несмотря на то, что выяснилось, по словам чина полиции С.Г. Виссарионова, что его деятельность в пользу социал-демократии как «дельного социал-демократа» (слова Крыленко) была весомее его роли осведомителя тайной полиции.

К этому времени относится и приобщение к революции Лейбы Бронштейна. Родился он 25 октября 1879 г. (и революцию «приурочил» к этой дате, 7 ноября по новому стилю). «По какому-то капризу истории он родился в день будущего Октябрьского переворота, в котором В.И. Ленин и Л. Троцкий сыграли главную роль. Л. Бронштейн родился... в семье землевладельца и земельного арендатора Давида Бронштейна, который был неграмотным, но предприимчивым евреем. Лишь к концу жизни Давид научился читать по слогам с единственной целью: разбирать заглавия книг и статей своего знаменитого сына. Мать Троцкого была еврейской мещанкой, получившей скромное образование. Из восьмерых ее детей, кроме Льва, выжили лишь его две сестры и брат. Первым учебным заведением

для будущего председателя Реввоенсовета республики был традиционный еврейский хедер. Затем его отдали в реальное училище в Одессе, в котором, как говорили, он «шел первым учеником». Не без способности юноша. Бронштейн пописывал стишки, переводил на украинский язык басни Крылова».

К сожалению, и его роль в истории России мало напоминала сказки Крылова, скорее, тут подошли бы сцены из фильмов ужаса Хичкока. Троцкий приобщился к революционному движению, становившемуся тогда поветрием среди горячий еврейской молодежи. Будучи в ссылке, как напишет он в автобиографии, изучал Маркса, лениво «сгоняя тараканов с его страниц». В тюрьме Лейба Бронштейн и становится марксистом. Места лишения свободы фактически и стали его университетами. В августе 1902 г. он совершил побег из ссылки с поддельным паспортом на имя Троцкого. «Я сам наудачу вписал это имя, — рассказывал впоследствии Троцкий, — не предвидя, что оно станет моим именем на всю жизнь. Я назвал себя по имени старшего надзирателя одесской тюрьмы». Своеобразный «одесский юмор молодого революционера». В кругах подпольщиков он известен под кличкой «Перо». В дальнейшем он станет «пером» красного террора. Напомним, что среди уголовников «пером» называют нож — орудие убийц. Вскоре Троцкий примкнул к меньшевикам, но в свои 22 года уже считался «ветераном» среди подпольщиков.

Евреи и масоны быстро находили общий язык. В воспоминаниях А. Амфитеатрова,

принятого в ложу масонов «Космос» (1905), сказано, что ее возглавлял «некий доктор Николь», француз, похоже, из евреев. Политическое масонство, которое вело во Франции подготовку террористов, будущих «борцов за освобождение России», состояло из русофобов. Амфитеатров не принадлежал ни к одной из революционных партий (из-за отвращения ко всякой партийной дисциплине), но стоял на крайнем левом фланге тогдашней революционной эмиграции, сочувствуя эсерам-боевикам. Он славил террор и террористов. И, конечно, такого человека не принять в «вольные каменщики» было бы грешно. «После нескольких незначительных вопросов, — вспоминал Амфитеатров, — кто-то из присутствующих спросил по-русски с мягким еврейским акцентом: «Как вы относитесь к убийству Плеве? Одобряете ли его и находите ли нужным дальнейшее развитие террора? Он ответил утвердительно, и тотчас новый брат был с триумфом принят в ложу масонов. Эсеры убивали не только антисемитов. Но в этих случаях их ликованию и восторгам не было предела. Когда убили министра внутренних дел В.К. Плеве, евреи устроили пир горой, заявляя: «Это ему за Кишинев».

Конечно, у евреев были основания ненавидеть царское правительство и его слуг... С 1890 г. евреев лишили права избирать и избираться в органы местного самоуправления (земства, городские думы). Особенно болезненны были для них ограничения в допуске к образованию. С 1886—1887 гг. в

Погромщики

Жертвы погромов

высших и средних учебных заведениях для евреев определили так называемую процентную норму: 10 процентов в черте оседлости, 5 вне ее и 3 в столицах (в 1908-м, а затем 1915-м столичную норму слегка повысили). Вспомним теперь и о погромах... Первая волна еврейских погромов прокатилась по югу России в 1881—1884 годах. В 1903-м мир потряс чудовищный погром в Кишиневе. В 1905—1907 годах «черная сотня» свирепствовала в десятках городов. В одной Одессе убито свыше трехсот евреев». По свидетельству кишиневского губернатора князя С.Д. Урусова, царская бюрократия и офицерство рассматривали погромы как «естественное явление», «пример борьбы здорового народного организма с внедрившейся в него заразой». Полиция, войска безучастно наблюдали за вакханалией убийств, насилий, грабежей, вандализма, пока не получили приказа «прекратить беспорядки». Большинство судей в России разделяли позицию правительства. Поэтому и погромщики, захваченные на месте преступления, оправдывались «за недостатком улик», приговоры осужденным были смехотворно мягки, почти все они в дальнейшем получали монаршее помилование. Одним из проявлений государственного антисемитизма были фабрикуемые время от времени дела по обвинению евреев в так называемых ритуальных убийствах... Дискриминация, преследования, унижение человеческого достоинства выталкивали евреев из России (с 1881-го по 1914 год — 1,9 млн человек). Это и толкало еврейскую молодежь в ряды революционного движения. Понятно, «процент евреев среди революционеров был много выше их доли в населении. Однако члены революционных организаций составляли численно ничтожную часть российского еврейства. Шире распространились сочувствие или по меньшей мере терпимость к революционной деятельности. И это вполне понятно — ведь из левого, революционного лагеря исходили изъятия солидарности, осуждение антисемитизма, обещания полного равноправия. Там, и только там евреи принимались на равных». Евреи с сочувствием прислушивались к словам Ленина («О погромной травле евреев») и Троцкого, призывавших и рабочих и ев-

реев оказывать решительный вооруженный отпор шовинистам. Показательно и то, что, несмотря на яростную пропаганду националистических партий «Бунд», «Поалей Цион», еврейская пролетарская молодежь местечек и городских гетто становилась на сторону большевиков.

Роль масонов в политической жизни страны вначале была слабой (8 человек из 518 депутатов во II Государственной думе). И тем не менее именно из их числа будет избран председатель Государственной думы — земский деятель и масон Ф.А. Головин, а летом 1917 г. в большинстве крупных городов эсеры-евреи будут избраны городскими головами (мэрами): в Москве — Минор, в Петрограде — Шрейдер. Во главе Петроградского совета в 1917 г. от эсеров оказался еврей Абрам Гоц. Эта партия получала немалые деньги из США, от евреев. «Гершуни говорил о лицах, дающих десятки тысяч рублей партии, но не желающих стать ее членами. Партия получила также значительную поддержку из США, где в таких центрах, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, были крупные колонии русских евреев, крайне враждебных царизму». К тому же значительная часть капитала находилась в руках, как мы ныне говорим, олигархов (и прежде всего еврейских). Революционеры получали мощную поддержку из рук еврейских финансистов. Еврейские капиталисты финансировали господ революционеров в надежде на то, что те, придя к власти, окажутся благодарными к бывшим благодетелям. Скорее всего, вопрос уже тогда стоял еще более определенно и четко: вкладывая деньги в революцию, еврейская диаспора за рубежом хотела захватить власть в России! Политическую власть! Американский промышленник и сенатор Марк Ханна (1843—1904), сам из евреев, как-то заметил: «В политике имеют значение только две вещи. Первая — это деньги, а какая вторая — даже и не припомню».

Такова была общественно-политическая обстановка в России, когда священник Гапон вывел санкт-петербургских рабочих и их семьи на площадь перед Зимним дворцом в Петербурге для встречи с Николаем II. Рабочие надеялись мирно вручить царю петицию, подписанную 135 000 человек. В ней

Последний оплот (Гапон, Витте, Дурново)

содержались просьбы даровать народу политические свободы, разрешить амнистию политическим заключенным и 8-часовой рабочий день (общепринятой практикой тогда был 14—15-часовой рабочий день). В петиции имелись требования реформы налоговой системы, введения подоходного налога, предложения о созыве Учредительного собрания. Царю все еще верили, на него надеялись, к нему обращали свои чаяния и надежды. В петиции говорилось: «Государь! Мы, рабочие и жители города С. Петербурга разных сословий, наши жены, и дети, и беспомощные старцы родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук. И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы не много просили, мы желали только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказа-

ли, — нам также отказали в наших просьбах: уменьшить число рабочих часов до 8 в день; устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия; рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов; увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до 1 руб. в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега. Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для них. Государь, нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Отказали в праве и говорить о наших нуждах, (заявив), что такого права за нами не признает закон».

«Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помо-

Матушка Русь. 1906 г.

щью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, измученного человека — значит совершить тяжкое преступление. Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать

в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов. Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть — умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты — эксплуататоры рабочего класса и чиновники — казнокрады и грабители русского народа. Вот, что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу...

Но это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем

В. Маневский. 1905 год

Трупы задавленных на Ходынском поле во время коронации

только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли Русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, — и для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание

происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера все же не может залечить наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России... Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей Родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организовать защиту своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена,

Николай II пьет чарку водки на параде гвардейских частей на Ходынском поле.

а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и не-зачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу».

Но к тому ли человеку они обращались? Был ли царь в состоянии их понять? Напомню, что в день коронации Николая II произошла знаменитая трагедия на Ходынке, когда были затоптаны и изувечены 3—5 тыс. человек. Царь явил тогда поразительное равнодушие. Вечером император танцевал на приеме у французского посла и пил водку. Как-будто ничего не случилось! Кони писал: «В ужасный день Ходынки по улицам Москвы развозили пять тысяч изуродованных трупов, погибших от возмутительной по непредусмотрительности организации его (Николая II. — В.М.) «гостеприимства», хотя его предупреждали». Но нам и сегодня подлецы и циники говорят: «Он этого не хотел». Продолжают возводить Николаю памятники.

Но разве от этого легче тем, кого уничтожали по его приказу, давили с его молчаливого согласия? Все казнимые и расстреливаемые были для него безликой и серой массой. Последний самодержец был не только недалеким, но и трусливым человеком. Ныне утверждают, что Николай II ничуть не испугался. Телевизионные пифии, ведущие по каналу культуры исторические антрепризы (Ф. Разумовский «Кто мы?»), хотят уверить нас, что, дескать, это был мужественный человек. Ложь. Мужества в нем как в государственном деятеле не было ни на грош, ибо он

всегда убегал от принятия решений. Он хотел подавить волю народа, но бежал от крови, которая должна была неминуемо пролиться. Поэтому Николай II и сбежал из столицы, перепоручив «тонкое дело» усмирения толпы великому князю В.А. Романову. Так поступают заказчики убийств, поручая палачам прикончить намеченную ими жертву, сами же при этом оставаясь в тени. Меня, дескать, на месте убийства не было. А ведь можно было поступить иначе, будь он мужчиной.

Найди царь в себе мужество в 1905 г., выйди к народу, пусть и в окружении охраны, ход XX в., считают некоторые, мог бы быть иным. Поговори с народом, вырази сочувствие, как некогда сделал при начале своего царствования, глядишь и сгладил бы тревожную ситуацию. Но тот позорно бежал... С. Минцлов записал в дневник: Николай мог разом повернуть курс истории в его пользу, но проиграл все, сделав врагами даже вчерашних сторонников. Барон Н. Врангель вспоминал, как ему пришлось наблюдать за отъездом государя из Петербурга накануне Кровавого воскресенья. Картина была возмутительная: «Я находился у антиквара Смирнова, на Вознесенском, как раз против Александровского рынка. Дело было к вечеру. Рынок уже закрывали, толпа выходила из рядов. Вдруг мы услышали хохот, пискливое «ура» мальчишек. Какая-то карета не рысью, а сумасшедшим карьером, как мчатся только пожарные, во все лопатки улепетывала по направлению к вокзалам. В ней сидел Государь... Прохожие смеялись, мальчишки свистали, гикали: «Ату его! «Седой

отставной солдат с двумя Георгиями на груди печально покачал головой: «До чего дожили! Сам помазанник Божий!»»

Конечно, существуют разные версии относительно событий, что произойдут позже. Барон продолжал и в его словах много правды: «Одно мне кажется несомненным: выйди Государь на балкон, выслушай он так или иначе народ, ничего бы не было, разве то, что Царь стал бы более популярен, чем был. Но, как оказалось, во все свое царствование благоприятными обстоятельствами он пользоваться не умел. Как окреп престиж его прадеда, Николая I, после его появления во время холерного бунта на Сенной площади! Но этот Царь был Николай II, а не второй Николай». К слову сказать, дочь Николая I, королева Вюртембергская, кронпринцесса Ольга, во время революции 1848 г. в Европе смело вышла на балкон и обратилась к возбужденной толпе со словами: «Я — дочь императора Николая I и поэтому ничего не боюсь: он обеспечит мою защиту». Ее любили, а соотечественники называли «солнышком для русских». Так начался 1905 год. «Расстрел на Дворцовой площади окончательно отдалил народ от Царя. До сих пор с ним все меньше считались, теперь его стали еще и не уважать. «Не только править не умеет, но и своего народа боится», — говорили во всеуслышание».

На Руси царь должен быть силен духом и крепок, как могучий дуб. В противном случае — беда падет на его голову, тут уж и партии не помогут... В адрес Николая бро-

сят однажды слова, сказанные некогда царем Иваном Грозным сыну: «Пономарем бы тебе родиться, Федя, а не царевичем!» Конечно, помня трагедию Ходынки и попытку непосредственного общения с толпой недалеко от Саровского монастыря (по случаю канонизации Серафима Саровского), царь испытывал животный страх перед толпой. Напомню, что тогда около 500 тысяч крестьян со всей России прибыло в Саров. Когда Николай II приблизился к собравшейся 150-тысячной толпе, та едва его не поглотила, чуть не затоптав графа Фредерикса из его свиты.

Движение к Зимнему дворцу рабочих возглавил священник Гапон. Он стал, как считали многие рабочие, небесным рупором, божьим гласом, с помощью которого те надеялись быть услышанными самодержцем. Автор книги о Григории Гапоне, И.Н. Ксенофонтов, описывая настроения и состояние рабочих в те дни, отмечал: «Когда читаешь эти строки, то становится ясным, что в эти дни происходило, по сути дела, присягание рабочих на верность заключительным строкам их петиции к царю: «У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу». Думается, что в нашей истории мы вряд ли найдем еще такой небольшой по времени отрезок революционного подъема огромных народных масс, где бы их готовность умереть за свободу и обновление жизни была бы пронизана таким торжественным религиозным настроением. По словам очевидцев, вечером 8 января в Шлиссельбургском отделе, помещение которого не могло вместить всех желающих, Гапон вышел

П.Д. Святополк-Мирский

Граф В. Фредерикс, министр Двора

на двор к толпе и при свете фонаря вместе с председателем отдела читал и толковал петицию, говорил о бесправии рабочих, и делал это так, что у многих «слезы катились по лицу» и раздавались отчаянные крики: «Помрем на площади!» То, что за два-три дня Гапону удалось убедить, отомобилизовать огромную толпу, свидетельствует, с одной стороны, о глубине заблуждений русского народа, сохранившего веру в «доброту батюшку-царя», с другой, о том, что готовились к сугубо мирному и верноподданному шествию. Они даже запретили революционерам брать с собой красные флаги, оружие, перочинные ножи.

Только хоругви и портреты царя и царицы... Утверждения ряда представителей высшего общества, обвинявшего народ в том, что тот якобы вел себя «угрожающе» и «вспыхнул мятеж», являются вымыслом и ложью. Даже член черносотенного «Русского собрания» Дьячков вспоминал: «Картина была такова, что у меня, как у человека православного, преданного самодержавному государю, любящего родную историю и предания старины о единении самодержавного царя с преданным ему народом, не оставалось никакого сомнения, что стрелять не будут, стрелять не посмеют». Гапон убеждал власти: «Царю нечего бояться». И далее звал: «Пусть он выйдет, как истинный царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук у нас нашу петицию». В противном случае может порваться нравственная связь, что веками связывала царей и народ России. Уместным представляется тут привести и мысли самого Достоевского, как они сформулированы в набросках к «Бесам»: «Новая мысль — это не англосаксонское право, не демократия и не уравнивательная формула французов (романского мира). Это естественное братство. Царь во главе слуг и свободных (Апостол Павел). Никогда русский народ не может подняться против царя... Россия не республика, не якобинство, не коммунизм (этого никогда не поймут иностранцы и русские иностранцы). Россия есть не что иное, как телесное воплощение души православия, того православия, в котором живут крестьяне..., тысячелетнее царство». Но, оказывается, они ошибались.

Гапон — герой или провокатор?

То, что на воскресенье 9 января 1905 г. назначено массовое шествие рабочих к Зимнему дворцу для передачи царю петиции с изложением их нужд, не было секретом ни для кого. Манифестация обещала быть мирной. Копию петиции рабочих Гапон заблаговременно передал властям — в ней не было ничего крамольного. Как же повели себя в той ситуации власти Петербурга и страны? Казалось, к демонстрации следовало отнестись благосклонно. Но когда всем стало ясно, что демонстрация примет небывалый размах, власти охватила паника. Царь наплевал в душу его народа. Расстоптал и корону, и православие, и тысячелетнее царство. И случилось это 9 января 1905 года... С тревогой наблюдали власти за походом к Зимнему дворцу людских масс (несмотря на хоругви, царские портреты, намерения просить у царя «правды и защиты»). В забастовках, охвативших в 1904—1905 гг. Россию, участвовали 3 млн рабочих. Разумеется, это добавило страхов. Царь был напуган масштабами шествия и забастовкой (в столице бастовали 150 тыс. человек). К тому же, отмечен рост массовых выступлений пролетариата в ряде городов — в Петербурге, Харькове, Баку, Тифлисе, Сормове, Одессе, Николаеве, Вильно. Стачка железнодорожников парализовала 14 железных дорог (в ней приняли участие 700 тыс. рабочих и служащих). К ним присоединились рабочие заводов, печатники, горняки. 8 января вечером князь П.Д. Святополк-Мирский собрал совещание, на котором был

принят план градоначальника Фуллона и генерал-губернатора Трепова. Это и в самом деле было самое нелепое из всех возможных решений: не препятствовать демонстрантам идти по улицам города, но вот на Дворцовую площадь их не допускать, да еще загородить подходы к ней полицейскими кордонами; а в случае отказа разойтись, пустить в ход оружие. Если намеренно хотели устроить кровавую баню народу, «нельзя было изобрести лучшую ловушку». Правда, ходили слухи, что Гапон лелеял «революционные планы»... «Мы скажем царю, что надо дать народу свободу. Если же не пропустит, то мы прорвемся силой. Если войска будут стрелять, мы будем обороняться. Часть войск перейдет на нашу сторону. Тогда устроим революцию. Разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму, займем телеграф и телефон. Эсеры обещали бомбы, и наша возьмет». Когда это стало известно, паника охватила верхи. Никто не стал разбираться, верны слухи или нет, а великий князь В.А. Романов прямо заявил: «Лучшее средство от народных бедствий — повесить сотню бунтовщиков». Сам же «храбрый российский государь» заблаговременно убрался в Гатчину, подальше от опасности.

9 января многотысячная толпа рабочих направилась к Зимнему дворцу, несмотря на мороз, шли с непокрытыми головами, пели церковные гимны, над головами реяли хоругви. Все были без оружия. Это подтверждали полицейские, позже обыскавшие трупы расстрелянных людей. Вперед пропустили детей и городских с питерских окраин (они, вызвавшиеся охранять процессию, тоже не знали о приказе войскам стрелять на поражение). И те, и другие погибли от пуль солдат первыми. В течение часа были убиты и получили ранения тысячи человек. Царь и его окружение пошли на массовое убийство. В «Последнем самодержце» В. Обнинский справедливо возложил вину за расстрел на самодержавно-бюрократический аппарат России: «Ряд поколений воспитал в себе духовную слепоту, и нет мудреного в том, что, когда суровая действительность приподняла 9 января 1905 года пред Николаем II завесу, он не увидел за ней более того, что подсказали ему окружавшие

его насильники и организаторы кровавой бани, пред которой Варфоломеевская ночь и сицилийские вечерни были лишь детскими забавами. Это они, избранники бюрократизма, играли на струнах души дегенерата, поощряя лишь темные инстинкты». Власть решила расправиться с безоружными рабочими: 20 тысячам пехоты, 2,5 тысячи конников раздали патроны и утром 9 января 1905 г. отдали приказ: «Стрелять!» Можно сколько угодно домысливать о наличии тайных планов у заговорщиков (эсеров, евреев и т.д. и т.п.). Но совершенно очевидно, что к дворцу народ шел с самыми мирными намерениями (ремесленники, рабочие, крестьяне, интеллигенция, женщины, дети — 300 000 человек). Многие одеты по праздничному. Кое-где пели молитвы — «Отче наш», «Спаси, господи, люди твоя» и «Царю небесный». Десятки тысяч людей стояли чинно и спокойно — не было ни пьяных, ни ругани. В 1916 г. столичный генерал-губернатор Д.Ф. Трепов сделал красноречивое признание: «Со времен Петра Великого и знаменитой Тайной Канцелярии именно полиция провоцировала всегда народные волнения, чтобы приписать себе затем честь спасения режима». Кто автор провокации — до сих пор остается тайной. Возможно, в ней были заинтересованы все стороны.

Свидетелем событий тех роковых дней оказался и Керенский. 9 января он был в

К. Маковский. Кровавое Воскресенье

Д.Ф. Трепов

толпе, уйдя с площади за несколько минут до первого залпа. Он отмечал, что «никогда не видел такой дисциплинированной, тихой, серьезной, религиозно настроенной толпы». Расстрел был неожиданным и от того особенно чудовищным и страшным. Открыв огонь по мирной демонстрации, солдаты убили более 2 тыс. и ранили 3 тыс. человек. Приводят данные министра внутренних дел П.Н. Дурново и министра финансов В.Н. Коковцова, где указывались иные цифры: 96 человек погибло и 333 ранено. Историк пишет: «Враги же Трона и Династии во много раз завысили количество жертв и говорили (и до сих пор пишут) о «тысячах убитых». Вряд ли стоит принимать эту версию. У нас вообще принято занижать цифры потерь. Святополк-Мирский передал Николаю II список убитых, в котором было лишь 120 фамилий. Однако по подсчетам специально образованной комиссии число убитых и раненых составляло около 5000, среди них было и несколько полицейских. Но разве сам факт массового расстрела в «правовом государстве» не ужасен?! Даже пристав Жолткевич, потрясенный, бросился к стрелявшим солдатам с возгласом: «Что же вы делаете? В крестный ход стреляете, в портрет государя?» (он был ранен). По словам Горького, после залпов в народе паники не было, были только «холодный» ужас и «тоскливо бессильная злоба», крепко сжатые кулаки и резкие, полные ненависти речи... Когда два месяца спустя после тех событий адмирала Дубасова, подавившего «восста-

ние», спросят: «Разве полиция и правительство не были предупреждены?» — тот прямо и недвусмысленно ответил: «Знали». Так почему же не нашли мирного решения? Увидели в мирном шествии рабочих, что шли со стороны Путиловского завода, подобие русских санюлотов, готовых начать великую Русскую революцию? Почему стали стрелять в крестный ход (и в портрет самодержца)?! Попытки обелить и спасти реноме если не самодержавия, то царя-батюшки тщетны. Расстрел совершен по прямому указанию (пусть и негласному) российского императора. Подавление народных выступлений стало главным средством борьбы у самодержавия. В циркуляре от 30 ноября 1905 г. министр внутренних дел потребовал не производить никаких дознаний и допросов, а ограничиваться протоколом, где следовало указать причины ареста и краткие сведения, удостоверяющие виновность. Предписание властей гласило: «В случае необходимости самым решительным образом разгонять протестующих силою, с употреблением, согласно закону, если нужно, оружия». Тем самым январский расстрел был закреплен юридически. Залпы по безоружной и мирной толпе, совершенные по приказу царя, к которому народ нес сокровенную веру и надежду, должны были встретить ответ в яростном кровахарканье красных револьверов и взрывах бомб, что беспощадно уничтожат царскую семью в

Адмирал Ф.В. Дубасов

Жертвы Ленского расстрела

подвале Ипатьевского дома. По нашему глубокому убеждению, такова была если уж не воля Божья, то воля народа!

«В Николае II не было личной жестокости», — с пеной у рта уверяют нас сегодня его защитники и адвокаты. Николай II просто желал царствовать, не отвечая перед народом и историей ни за что. Этот человек не знал цены ни вещам, ни людям. Убийство сотен и тысяч, а затем и миллионов людей его ничуть не волновало. О планируемой демонстрации 9 января 1905 г. и о готовящемся ее расстреле властями знали буквально все в Петербурге — от градоначальника и полицмейстера до царя. Знали даже в Париже. 8 января 1905 г. одна их эмигранток пишет в дневнике о предстоящей манифестации рабочих и возможных ее последствиях: что будет? Царь после страшной трагедии занес в дневник пустые и бездушные фразы: «9 января. Воскресенье. Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска

должны были стрелять в разных частях города. Было много убитых и раненых». В письме императрице Марии Федоровне (19 окт. 1905 г.): «Ты, конечно, помнишь январские дни, которые мы провели вместе в Царском Селе, — они были неприятны, не правда ли?» Ничего не скажешь, хорош царь. Как будто речь идет о легком насморке или об известном женском недомогании. Неприятно?!

Однако он же дико переживал, когда при приближении к алтарю во время акта миропомазания у него вдруг расстегнулась застёжка ордена Святого Андрея Первозванного, и орден упал к его ногам. Сколько было волнений и страхов. Несколько дней ходил сам не свой. От природы Николай II был фаталистом, уверовавшим, что «все в руке Божьей». Затоптали сотни людей во время коронации — «... великий грех» (запись в дневнике 18 мая 1896 г.), но такова воля Господня; сдали Порт-Артур — «На то, значит, воля Божья!» и т.д. Ему свойственны черты, недопустимые для облеченных властью: полнейшее равно-

душие к судьбам и страданиям подданных и даже родственников. Казалось, он чтит отца своего и даже преклонялся перед ним, но не успел Александр III отойти в мир иной, как через день после его смерти Николай настоял на своей свадьбе. Еще гроб с не остывшим телом отца стоял на 1-м этаже, а сынок уж готов был пировать на 2-м!

Волновало его лишь одно: сохранение самодержавия. Если для этого нужны расстрелы — так тому и быть, нужна мировая война — ничего не поделаешь, будет война. Вспомним и то, что расстрелы стариков, женщин, детей, составлявших толпы голодных и недовольных верноподданных, были и до, и после Кровавого воскресенья (события 1903 г. в Златоусте — 69 убитых, 250 раненых, Ленский расстрел 1912 г. — 202 убитых, 170 раненых, в Костроме в 1915 г. — убиты 12 человек, 45 ранены, в Иванове — 30 человек убиты, 53 ранены). Добавьте карательные «подвиги» генерала А.Н. Меллера-Закомельского, что послан 1 января 1906 г. (со спецзаданием премьера Витте) — навести любым способом «порядок» на Сибирской железной дороге. На станции Иланской, где рабочие хотели передать генералу петицию с их требованиями, по приказу Меллера открыли пальбу (19 рабочих убито, 70 ранено, 70 арестовано). Одних, членов стачечных комитетов или телеграфистов, расстреливали, других пороли и избивали. Генерал инструктировал палачей: «Только, пожалуйста, не тратьте даром патронов — стреляйте в затылок и больше трех патронов на человека не тратьте». Полунемец-полуполяк, он готов был с легкостью устроить русским кровавую баню. Люди генерала казнили большевика И.В. Бабушкина (правда, его взяли с двумя вагонами винтовок, предназначенных для вооружения рабочих, отпора карателям). Полагаю, поляк втайне лелеял мечту отомстить проклятым русским генералам, что потопили в крови Польское восстание в XIX столетии. Именно он хотел распространить репрессии на весь командный состав русской армии, говоря: «Остаюсь при твердом убеждении, что генералы, подобные Линевицу, Казбеку, Холщевникову, Путяте, Румшевичу и пр., могут погубить армию и государство; надо их расстреливать». И это 1906, а не 1937—1938 г. А в России царит еще Николай II, а не Иосиф Ста-

лин! Эти и многие другие факты говорят: данное царю народом прозвище — Николай Кровавый — имело под собой веские основания.

В тех трагических событиях роль провокатора, возможно, и невольного, сыграл Гапон... Как-то его спросили о связях с царской властью, на что он ответил так: «Меня усиленно зовут на службу, обещают крупное место и большие деньги, но я не пойду, хотя бы мне сулили груды золота. Я знаю слишком много партийных тайн, чрезвычайно важных, — вот почему меня и зовут, но они ошибутся, — я не выдам ни одной тайны. Я могу не соглашаться с тактикой партий, могу ссориться с отдельными лицами, но дело революции для меня все же дороже всего...». Любопытно, что Гапон одно время сумел очаровать даже Ленина. Тот имел с ним долгие беседы в 1905—1906 гг., отметив, что тот сочувствует русским рабочим. И посоветовал ему учиться. Взгляды Гапона были радикальны: мол, стоит вручить столичным рабочим оружие — и начнется революция. Историки до сих пор спорят, знал ли Гапон о мерах по усмирению «бунта». Особо стоит отметить роль его знакомых, «профессиональных революционеров» и провокаторов, эсеров Рутенберга и Дикгофа-Деренталя. Хотя за их спинами маячили тени других лиц, «короля террора» Савинкова и «короля провокации» Азефа. Если имя Гапона на слуху, другая фигура практически не известна читателю. Речь о Пинхасе Рутенберге (1879—1942), революционере, предпринимателе, сионисте, инженере и, конечно, не миротворце. Автор статьи о нем, М. Носоновский назвал его одним из организаторов русской революции 1905 г. Этот человек шел во главе процессии рабочих во время Кровавого воскресенья, затем организовал убийство попа Гапона. Он же был одним из организаторов Американского еврейского конгресса, а затем вместе с Жаботинским в 1914 г. создавал Еврейский легион, разрабатывал план электрификации Палестины, создал и возглавил существующую и сегодня в Израиле электрическую компанию «Хеврат Хашмаль». В качестве главы Национального совета еврейских поселенцев подмандатной Палестины был посредником между Бен-Гурионом и Жаботинским, вел тайные переговоры с арабами, встречался с королем

Кровавое воскресенье в России в 1905 г.

Иордании Абдаллой. В подмандатной Палестине Рутенберг стал в последствии влиятельнейшей фигурой.

...Пьяные солдаты еще топтали хоругви и иконы, а эсер П. Рутенберг уже увлекал обезумевшего от страха Гапона в питерские под-

Войска стреляют в демонстрантов

воротни. Его охраняли боевики-эсеры. Для маскировки обрезали ему волосы, а стоявшие рядом рабочие оберегали «драгоценного Гапона» как некую реликвию и святыню... Попа-расстригу, находившегося в глубочайшей прострации, увезли на конспиративную квартиру (писателя М. Горького), а затем в телеге под рогожей в пригород. Потом его вывезут за границу. Можно предположить, что сделать все это в объявленном на военном положении городе было непросто. И без покровительства определенных сфер дело тут не обошлось. Несомненно, и для него 9 января было большой трагедией. Лежа на снегу, Гапон хрипел: «Нет больше Бога! Нет больше Царя!» Нет больше веры ни в министров, ни в законы! В открытом письме он призвал к свержению самодержавия, заявив, что для этой цели годится все: «Бомбы и динамит, террор единичный и массовый — все разрешаю». Любопытна и реакция М. Горького, на квартире которого спрятался Гапон. Горький писал вечером 9 января: «Гапон каким-то чудом остался жив, лежит у меня и спит. Он теперь говорит, что царя больше нет, нет Бога и церкви... Это человек страшной власти среди путиловских рабочих, у него под рукой свыше 10 тысяч людей, верующих в него, как в святого. Он сам верил до сего дня — но его веру расстреляли... Итак — началась русская революция, мой друг (Е.П. Пешкова. — Ред.), с чем тебя искренно и серьезно поздравляю. Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новый цвет только кровью. Завтра ждем событий более ярких и героизма борцов, хотя, конечно, с голыми руками — немного сделаешь». Слова русского писателя, который тогда был на гребне популярности, говорили о многом. Вы видите, что обе стороны — царизм и общество — по сути в равной степени жаждут крови и ведут дело к конфронтации. История вся пропитана кровью!

Никто и не думал о народе... Его предали все ответственные лица. Предали царь, министры, чиновники — не сделали попытки отговорить людей от шествия. Предала народ и либерально-демократическая печать, не став печатать петицию рабочих, не объяснив власти хотя бы мотивы поведения манифестантов. Предала церковь, не пожелав вмешать-

ся и предупредить кровопролитие. Кстати, нелишне сказать, что программа обращения Гапона к рабочим была передана ему Витте, а деньги на поездку за границу «демократ» Витте выделил из личных средств, передав Гапону через Мануйлова (700 рублей). Витте, человек умный, но выжига и циник (ныне из него сделали «сусальную картинку»), презиравший русский народ, безжалостно заявил корреспонденту газеты «Дэйли Ньюс» Диллону: «Русскому обществу, недостаточно проникнутому инстинктом самосохранения, нужно дать хороший урок. Пусть обожжется; тогда оно само запросит помощи у правительства». Все это действительно сильно отдавало «сознательной провокацией». Воззвание к рабочим было напечатано в огромных количествах по указанию опять же председателя Совета министров Витте. Все это указывает на участие в «операции» высоких сфер. В этой истории остается немало загадок. К примеру, Гапон однажды проговорился чинам полиции, что эсеры, которые его опекали, во время мирной беседы рабочих с царем якобы планировали расстрелять царя. Правда, сведения эти не подтверждаются источниками. Однако заметим, что пока демонстранты мирно шли

Гапон у Нарвской заставы. 9 января 1905 г.

Н.А. Касаткин. Последний путь шпиона. 1905 г.

к Зимнему дворцу, в других районах города возводились баррикады и шли интенсивные погромы. Это делали совсем иные люди.

Итог таков... Историко-политические последствия Кровавого воскресенья были катастрофичны для монархии. Три века правления Романовых в одно мгновение были перечеркнуты в сознании народа. Православную веру убили: и не кто иной, как священник повел их на бойню. Священник в жизни русского народа фигура особая. К нему идут на исповедь, доверяя ему страхи, заблуждения, ошибки, ища у него опоры и поддержки в трудные минуты. Конечно, разные лица встречались среди духовной братии, но в целом народ издавна взирал на них с почтением. Так кем же был Гапон — подлым провокатором или отважным народным героем? В. Короленко писал о Гапоне: «Нет ничего легче, как окрашивать человека каким-нибудь одним, простым и слишком определенным цветом, и мы слишком часто прибегаем к таким одноцветным квалификациям, как «злодей, лицемер и крамольник». Но и далее: «...Несомненно, что фигура священника Гапона, метавшегося в страстных порывах между семинарскими мятежами и

покаяниями, из статистики переходившего к алтарю и от алтаря на площадь, представляет психологию необыкновенно сложную и не укладывающуюся в простые клички... Священник Гапон стал отголоском широкого массового движения, увлекающим массу и сам ею увлеченный». Строго говоря, он не был агентом охраны (по крайней мере в архивах отечественного Департамента полиции компрометирующих документов на него не найдено). Скорее Гапон служил своего рода прикрытием деяний провокатора Азефа. В 1905 г. Азеф, которого прикрывал Департамент полиции, выдал царской охране почти весь состав Боевой организации эсеров, предотвратив тем самым покушения на Дурново и Николая. Немаловажной деталью в деле являлось то, что еврей Азеф выдавал царским властям главным образом русских — Аргунова, Колосова, Баранова, Чернова. Видный французский социалист Жан Лонге, немало сделавший для Гапона в Париже, писал: «Падкий на лесть и удовольствия, развращенный шумихой известности, Гапон без руля и ветрил вступил в бесчестную связь и оказался игрушкой в руках тех, кого он хотел, может быть, сам обмануть».

Но как изменились и время и люди. У Н. Тургенева в «России и русских» говорилось об отвращении императора Александра I к секретному надзору. Служащему по секретному ведомству чиновнику хотели дать орден или повышение. Об этом доложили царю, его реакция оказалась бурной. При упоминании его имени государь вскричал: «На отставку я согласен, но орден — это невозможно! Этот человек был шпионом». Теперь же вот агенты и шпионы — в большом почете. Надо подчеркнуть, что политика провокаций стала едва ли ни главенствующей линией в тогдашней России. Ф.М. Лурье, как представляется, справедливо пишет (со ссылкой на источники): «При участии этих лиц чины Департамента полиции, Охранных отделений и Жандармских управлений совершают террористические акты, устраивают лаборатории бомб, ставят типографии, фальсифицируют, таким образом, большие политические процессы, в которых фигурируют обыкновенно завлеченные жертвы, — и за все это охранники не только не попадают в арестантские роты,

как следовало бы по существующим законам, но... получают награды и повышения в чинах... Эти «дела» дают сытую жизнь охранникам, поэтому а priori ясно, что учреждение политического сыска не брезгует никакими средствами для фабрикации «политических дел». Самый простой и доступный ленивому и тупому сонмищу «охранителей» способ создания таких дел заключается в провокации». Итоги такой политики успешными не назовешь. Ни для кого». Далее автор продолжал.

«Мелким преступным людям, нищим духовно и слабым, провокация лишь иногда, временно помогала удовлетворять карьеристские страсти, но ни один провокатор, ни один ее сторонник, соприкоснувшись с нею, не избежал отмщения... Дегаев сорок лет прятался от людей. Окладскому не удалось избежать возмездия, Судейкина, Плеве, Сипягина и Столыпина убили при участии их же агентов, Гапона повесили, Зубатов и Бердо покончили с собой, Татарова зарезали, Курицына застрелили, Рачковского дважды прогоняли со службы, отправили в небытие, он

Внешний вид дачи, где повешен Г.А.Гапон

Повешенный Гапон

умер, не дожив до шестидесяти, масса мелких и крупных провокаторов убиты...»

Эсеры казнили Гапона руками рабочих, которые слушали за стенкой признания самого Гапона о том, как он брал деньги на провокации и предавал товарищей. В протоколе описания места убийства Гапона сказано: «Обнаружен повешенный или повесившийся человек, по всем признакам и по сличению с фотографической карточкой напоминавший бывшего священника Георгия Гапона. Ветка, на которой висит тело, обыкновенная, для сушки белья, довольно толстая, повешена на незначительную железную вешалку, тело находится в сидячем положении». Труп Гапона провисел на даче в Озерках более месяца. После похорон на его могиле поставили крест со словами: «Герой 9 января 1905 г.» и «вождь революции». В дальнейшем могилу «попа Гапона» сровняли с землей, а крест убрали. Вместе с верой в царя окончательно развеялись и остатки народных надежд на церковь как примирителя и высшего судью того, что происходило в тогдашней России!

Надо признать: все надежды на эволюционный путь развития России были похоронены самодержавием именно 9 января

1905 года. Генерал А.И. Спиридович тогда же заметил, что в те дни государственные мужи России «прозевали лестное для монарха народное движение» и в слепой погоне «за десятками подлинных революционеров проглядели десятки тысяч верноподданных рабочих». Расстреляв народ, шедший с верой и миром к царю-батюшке, власть сама же сунула голову в петлю. Описывая свои впечатления от событий 9 января 1905 г., А.Е. Карелин говорил: «Люди, не только молодые, но и... старики топтали портреты царя и иконы. И особенно топтали и плевали те, кто прежде заботился о том, чтобы перед иконами постоянно лампы горели, масла в них подливал». В помещении гапоновского «Собрания» рабочие сбрасывали со стен царские портреты, а их места занимали красные флаги и знамена. Карелин со страхом наблюдал за метаморфозой, когда «в душах людей пришел конец и царю, и Богу». Социалист А.Ф. Керенский спустя несколько дней после трагедии напишет: «Да, «эти дни» в Петербурге останутся памяты всем, кто их пережил, на всю жизнь. Теперь — тишина, но, безусловно, перед бурей... Это ужасное братоубийство совершено вполне сознательно для того, чтобы сразу подавить, утешить, но, самое гнусное то, что теперь вину за эти события свалили на «либералов, студентов и японские дела». Знаете ли вы, что здесь... науськивают чернь уличную на избивание студентов и некоторые уже пострадали!» Острым воспоминаний очевидцев тех лет: «Какой-то подросток снял с ворот трехцветное знамя вместе с древком, оборвал синюю и белую полосы и высоко поднял красный остаток «национального» флага над толпой. Он нашел десятки подражателей. Через несколько минут множество красных знамен поднималось над массой. Белые и синие лоскуты валялись везде и всюду, толпа попирала их ногами... Мы прошли через мост и вступили на Васильевский остров. На набережной образовалась огромная воронка, через которую нетерпеливо вливалась необозримая масса. Все старались протесниться к балкону, с которого должны были говорить ораторы. Балкон, окна и шпиль университета украшены красными знаменами».

Царский павильон на Ходынке

Иные утверждают ныне, что события 9 января 1905 г. не были для самодержавия такой уж «вселенской катастрофой». Вот и В. Булдаков в «Красной смуте» пишет: «Разумеется, ни «Ходынка», ни Кровавое воскресенье, ни революция 1905—1907 гг. не поколебали самодержавия в глазах простых людей как принципа властвования». Народу те события показали многое. До них массы, многие политические деятели, лидеры ряда партий были уверены, что монархизм — «неискоренимая основа» рабоче-крестьянского менталитета. Кровавое воскресенье помогло миллионам

людей разобраться как в царе, так и в сути самодержавия... События тех дней — ключ к пониманию ближайшего будущего России, в том числе грядущих революций, последующего прихода к власти большевиков. Повторяю, в Кровавом воскресенье, как в ларчике Кошечья Бессмертного, был сокрыт ключ к смерти Романовых и гибели династии. И хотя вскоре Николай II даровал народу «незыблемые основы гражданской свободы», разрешил Государственную думу, а расстрелянному им народу милостиво заявил о том, что «его прощает», слова эти после столь дикой расправы звучали издевательски. Было ясно: теперь надо ожидать страшных потрясений. Близилась революция. Миллионы людей должны будут заплатить жизнью за просчеты царя, но не в духе оперы Глинки «Жизнь за царя», а самым жестоким и чудовищным образом.

Но, чтобы понять мотивы поведения Николая II в те роковые дни, мне кажется, допустимо сделать предположение... Николай II попытался представить себя на месте предка — Николая I. Ведь тот очутился примерно в схожей ситуации и, возможно, рассуждал примерно так же. Г. Чулков в «Психологиче-

Е.А. Сорокин. Кровавое воскресенье

ских портретах» так описывал ощущения Николая I: «Он знал, что решается участь самодержавной монархии — быть ей или нет. И он чувствовал каким-то звериным инстинктом, что надо сделать во что бы то ни стало последние усилия, сломить врага, раздавить его или самому погибнуть. И этот инстинкт внушил ему мысль, что надо непременно сосредоточить всех бунтовщиков здесь, на площади, дать им возможность собраться вместе. Тогда будет видно, как действовать... Огромная народная толпа, устремившаяся на площадь, пугала Николая. Он понимал, что, если бы мятежники разбросили свои силы шире, их поддержала бы «чернь» и весь город запылал бы в страшном мятеже». Долго колебался царь, дважды командовал «Пальба орудиями!», и дважды давал команду «Отставь!», и только на третий раз отдал приказ стрелять. Возможно, тот же звериный инстинкт двигал Николаем II в роковые дни. Кроме того, нельзя забывать, что шла Русско-японская война.

Хотя некоторая надежда на мирное развитие оставалась. Время дало царизму некоторую отсрочку. Было ли спасение в том, если бы Россия встала на путь парламентаризма, как и многие другие страны Европы? Вопрос достаточно сложный и, скорее, гипотетический. Европа встала на путь полного или частичного парламентаризма еще в XIII-XIV вв. Но и Россия вовсе была не чужда соборного правления, что, кстати говоря, парламентаризмом в европейско-американском смысле слова никак не является. Известна и работа русских городских и провинциальных собраний (Новгород, Псков, Смоленск, Киев). Монархия же явилась к нам в более или менее утвердившемся виде только с Петра I, возможно, с Ивана Грозного. До этого у нас было скорее соборное правление (вспомним Новгородское вече). Слово «вече» восходит к праиндийскому глаголу «вач» (священная речь). Но Петр I прерывает парламентскую линию развития, заявив: «Его Величество есть Государь самовластный, никому на свете за свои дела ответ давать не должный. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять». Такая абсолютная власть царя хороша в одном случае: если царь

Большевик Н. Бауман, убитый агентом охраны

с головой, если он обладает железной волей, если он готов подавить бунт не только народа, но и самих бояр, готов заточить в тюрьмы ближайших родственников и лично рубить головы непокорным, чтобы корыстное чиновное племя боялось его пуше смерти.

Маркиз де Кюстин писал: «Русское правительство — это абсолютная монархия, ограниченная убийством». Теперь же Россия стала монархией, убийствами неограниченной. Близилась решительная схватка с Армагеддоном, царизмом... Ответ рассвирепевших масс на расстрел 9 января 1905 не заставил себя ждать. Обе стороны, царизм и народ, считали думу и конституцию «бессмысленными мечтаниями». Было ясно, что никакими думами не остановить гневную волну восстания. Вопрос права и свободы народа решался в России не в думах, а на баррикадах. В стране разворачивалась Всероссийская октябрьская стачка, левые партии (большевики) требовали мобилизации политических сил для подготовки вооруженного восстания... Роль лидеров взяли на себя московские пролетарии и радикалы.

Мы жертвою пали в борьбе роковой

В Москве были сильны леворадикальные партии (около 10 тыс. социал-демократов, эсеров), им сочувствовали центристы (20 тыс. кадетов и октябристов). Московские пролетарии стали инициаторами Всероссийской октябрьской политической стачки. 8 декабря бастовало 150 тыс. человек. Ленин пишет: «За один первый месяц 1905 года число стачечников вдесятеро превысило среднее годовое число стачечников за предыдущие 10 лет (1895—1904), а от января к октябрю 1905 г. стачки росли непрерывно и в огромных размерах». Вот они зримые гроздьи гнева, последствия массового расстрела своего народа!

Справедливости ради заметим, что и сами революционеры не оставляли правительству выхода. Судя по всему, социал-демократы следуют рекомендациям Ф. Энгельса, «большого специалиста» по уличным баррикадам и беспорядкам. В работе «Социализм в Германии» тот говорил о необходимости спровоцировать власти на кровавые действия. Энгельс указывает, что в условиях, когда армия «ускользает» из рук властей, те готовы преступить все рамки законности: «Гораздо скорее возникает вопрос, не нарушат ли эту законность именно буржуазия и ее прави-

тельство, чтобы раздавить нас при помощи силы? Поживем — увидим. А пока: «Стреляйте первые, господа буржуа! « Без сомнения, они будут стрелять первыми. В один прекрасный день немецким буржуа и их правительству надоест пассивно наблюдать всевозрастающий подъем социализма; они прибегнут к беззаконию, к насильственным действиям. Что это даст? При помощи насилия можно задушить маленькую секту, действующую на ограниченной территории; но нет еще такой силы, которая была бы в состоянии уничтожить партию в два миллиона человек, рассредоточенных на всем пространстве огромной империи. Насильственная контрреволюция может, пожалуй, задержать на несколько лет победу социализма, но лишь для того, чтобы затем эта победа стала еще более полной и прочной».

Именно по такому сценарию будут разворачиваться революционные события в России. После Кровавого воскресенья в январе 1905 г. революционное движение в России быстро стало набирать силу. С января по март 1905 г. бастовали около 1 млн. человек. Выступления проходили под экономическими и политическими лозунгами. Весной 1905 г. в связи с празднованием 1 Мая по стране прокатилась мощная волна стачечного движения. Крупным событием стала начавшаяся 25 мая 1905 г. всеобщая забастовка текстильщиков в г. Иваново-Вознесенске, продолжавшаяся 72 дня. В ходе забастовки создан Совет рабочих уполномоченных, деятельность которого направляли большевики Ф.А. Афанасьев и М.В. Фрунзе. Совет не только руководил стачкой, но и стал органом рабочей власти в городе. Настроение фабрично-заводских комитетов и ячеек было в пользу вооруженного восстания. Полиция разгоняла митинги, арестовывала участников, но те дерзко заявляли: «Мы готовы ответить на вызов правительства всеобщей забастовкой, надеясь, что она может и должна перейти в вооруженное восстание».

Мощной опорой восстания стали 100 тыс. рабочих Москвы. Город не случайно оказался в самом эпицентре первой русской революции. Во-первых, тут была наиболее мощная в России концентрация сил пролетариата

(из 2-миллионного населения Москвы около 1/5 часть составляли пролетарии). Тут сосредоточился решительно настроенный, «худой и горбастый» рабочий класс. В большевистской газете «Вперед» один из рабочих передавал настроение масс: «Чего тянуть — начинать бы уж». Забастовку и восстание поддерживали все революционные партии (эсеры, большевики, меньшевики). Москва, и это во-вторых, слыла и цитаделью настроенной оппозиционно к самодержавию русской буржуазии. Не случайно сюда в 1917 г. устремятся после победы вооруженного восстания и захвата власти большевиками в Питере члены Учредительного собрания и силы контрреволюции. В стране развернулось формирование боевых дружин. По подсчетам историков, к концу 1905 г. вооруженные дружины рабочих были сформированы более чем в 300 городах, рабочих поселках и на железнодорожных станциях. Иные считают, эти данные далеко не полные. Общее число дружинников, вероятно, составляло как минимум несколько тысяч человек. Общее же число жандармских войск в России не превышало 10—15 тыс. Слова рабочего железнодорожных мастерских показывают, до какой степени радикально были настроены рабочие: «Мы всю ночь ковали и куем оружие. Если вы и дадите приказ воздержаться от вооруженного выступления, мы все равно выйдем; рабочий класс готов биться». Рабочих всячески подогривала и революционная интеллигенция. Чего стоят хотя бы сцены, которые наблюдались на митинге в Московской консерватории 18 октября 1905 г. «В вестибюле уже шел денежный сбор под плакатом «На вооруженное восстание». На собрании читался доклад о преимуществах маузера перед браунингом». И это там, где должна была звучать музыка Чайковского и Глинки. Самое поразительное, что взносы на оружие для революции вносили не только «пролетарский писатель» М. Горький (15 тыс. руб.), но и капиталист, «красный фабрикант» С. Морозов (20 тыс.), и владелец мебельной фабрики, социал-демократ по убеждениям Н.П. Шмидт (15 тыс.). Московский университет дал трибуну для глашатаев и горланов революции, а Высшее техническое училище и Реальное училище Фидлера становятся

Д.Ф. Трепов в 1905 г.

штаб-квартирой по техническому обеспечению восстания. Попытки представить революции 1905—1917 гг. как «заговор кучки партийцев», полагаю, это очевидно для всех, обман и явное искажение истории. Странно, что даже наблюдательный и умный Витте писал на страницах «Освобождения» (1905): «Революционного народа в России еще нет». Такова вот хваленая «прозорливость» высшей власти.

Накал антиправительственного движения усиливался. Ненависть к царизму на окраинах была ничуть не меньшей, чем в центре: 13 января во время столкновений с войсками в Риге погибли 70 человек, 14 января — убиты 93 человека в Варшаве. По словам одного из эсеровских лидеров, В. Зензинова, ситуация к концу 1905 г. напоминала сцену дуэли, когда дуэлянты уже готовятся сделать выстрел. «Революция и правительство — как два человека, нацелившихся уже один в другого из пистолета. Весь вопрос в том, кто первый нажмет на собачку». Но выстрелы были сделаны — и первыми «нажало на собачку» царское правительство. По стране прокатилась волна арестов революционеров. 26 ноября 1905 г. в Петербурге был арестован председатель Петербургского совета рабочих депутатов Г.С. Хрусталева-Носарь. Тогда же фактический руководитель этого Совета, социал-демократ

И. Владимиров. На баррикадах Москвы

Л. Троцкий выступил с грозной резолюцией о подготовке вооруженного восстания. Вскоре появился Финансовый манифест, содержавший призыв к населению изымать вклады из сберегательных касс. Это означало требование к властям расплачиваться за все золотом (включая выплату зарплаты). Речь тем самым шла о финансовом бойкоте царской власти. Начались массовый процесс оттока средств из сберкасс и рост эмиссии бумажных денег.

В Петербурге генерал-губернатором был назначен генерал Д.Ф. Трепов, который в ответ на Всероссийскую политическую стачку в октябре 1905 г. произнесет знаменитые слова, ставшие своего рода ответом царя на революцию: «Патронов не жалеть, холостых залпов не давать». Масла в огонь революционной ситуации добавило и вспыхнувшее восстание солдат Ростовского полка, расквартированных в Москве (2—4 декабря 1905 г.). Солдаты требовали от власти предоставления им гражданских прав, права выбирать взводных командиров и фельдфебелей. Они отказались принимать участие в подавлении рабочих и крестьянских волнений. Событие всколыхнуло всю Россию. После ареста Совета рабочих депутатов в Петербурге 3 декабря 1905 г. власти получили право применять самые строгие меры к подстрекателям забастовок. Впрочем, речь шла не только о

забастовках, но и о выступлениях на улицах. В обществе сложилось хрупкое равновесие сил. Власть напугана и колеблется. Скажем, вот как происходил арест вожakov рабочих Петербурга, собравшихся в помещении Вольного экономического общества... Л. Троцкий, увидев полицейских, пришедших арестовывать членов Совета, с поразительной наглостью заявил тем, что заседание будет продолжено. И тут же предложил им покинуть зал и ожидать окончания «их действия». Полиция покорно выполнила его указания. Паузу члены Совета использовали для уничтожения компрометирующих Совет документов, а также для приведения в негодность имевшегося личного оружия. Только потом уже глава Совета милостиво позволил полиции провести процедуру ареста. Пройдет всего 12 лет, и в России начнут брать поголовно всех, правых и виноватых, не дав проститься с семьями.

В Москве развернулись боевые действия. Эсеры бросили бомбы в помещение охранного отделения в Гнезниковском переулке. У Страстного монастыря произошла перестрелка между боевыми дружинами рабочих, с одной стороны, драгунами и черносотенцами, с другой. Драгуны в упор расстреляли там же толпу митингующих рабочих. «Вся площадь залита кровью, пожарные смывают ее», — сообщал М. Горький, находившийся в

те дни в Москве. На Чистых прудах в реальном училище Фидлера сконцентрировались около 500 дружинников. Завязалось настоящее сражение с использованием артиллерии. Восстание 10—19 декабря 1905 г. стало кульминацией революционных событий тех лет. Николай II отметил в дневнике «невиданное побоище между войсками и революционерами». Потрясенный событиями 1905 г., великий князь Александр Михайлович писал: «Вся Россия была в огне. В течение всего лета громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать о том, что темный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства и они решили стереть помещиков с лица земли. Рабочие бастовали. В Черноморском флоте произошел мятеж, чуть не принявший широкие размеры... Латыши и эстонцы методически истребляли своих исконных угнетателей — балтийских баронов... Полиция на местах была в панике... Было убито так много губернаторов, что назначение на этот пост было равносильно смертному приговору».

И.А. Владимиров. Дружинник

Убиты сотни людей, разграблено 3000 магазинов, разрушены дома.

Таковы неизбежные последствия революций, которые «не делаются в белых перчатках». П. Краснов писал, как в те годы «снизу враги России, не русские, евреи, поляки и другие народы, покоренные силой нашего орудия, стали смущать народ. Отзывчивая на все молодежь охотно слушала тяжкие обвинения правительству, волновалась и шумела. Давно не испытывала таких тяжелых дней Россия... В Москве обезумевшая молодежь стреляла по солдатам, ломала фонари, валила вагоны, строила завалы и сражалась на них с солдатами; в Кронштадте, Либаве, Севастополе, Владивостоке и других приморских городах бунтовали матросы, объявляя нелепые, дерзкие требования». Смута росла и усиливалась.

Дал свое описание событий в Москве и кадет П.Н. Милюков: «Уже днем появились на улицах «боевые дружины» и начались стычки с войсками. К вечеру забастовка перешла в открытое восстание; началась постройка баррикад. Небольшая горсть рабочих сражалась за этими игрушечными сооружениями в течение целых пяти дней против войск, находившихся налицо в Москве. На шестой день приехал гвардейский Семеновский полк, вызванный из Петербурга. Против него заседавшие на Пресне смельчаки — всего две-три сотни — продолжали вести бой еще в течение пяти дней, пока, наконец, восстание не было подавлено окончательно. Это стоило разрушения целого квартала и гибели сотен случайных прохожих, попадавших под такой же случайный обстрел. Произведенное этими приемами усмирение волнения было гораздо сильнее, чем впечатление от самого восстания, которого давно ждали и которым (как потом стало известно) руководили несколько членов с.д. партии большевиков. 14 декабря я начал свою передовицу в повышенном тоне: «В древней столице России происходят невероятные события. Москву расстреливают из пушек. Расстреливают с такой яростью, с таким упорством, с такой меткостью, каких ни разу не устаивались японские позиции. Что случилось? Где, где неприятель?» Далее он говорит, что Москва переживает дни, пе-

Г. Савицкий. Бой у Горбатого моста в Москве

ред которыми «меркнут наполеоновские дни 12-го года». Очевидно, Милюков тогда еще не понял всей серьезности и трагичности событий, которые, как вскоре станет ясно, были отнюдь не «игрушечными».

Ситуация в Москве была предреволюционной. Вот что говорили листовки «Советы восставшим рабочим», выработанные Боевой организацией при МК РСДРП большевиков. «Советы» распространялись по районам, а затем их списки были опубликованы в «Известиях Московского совета» (11 декабря 1905 г.). В «Советах» давались четкие установки по тактике и стратегии вооруженного восстания. Звучали они жестоко, в них ощущался привкус крови, причем большой крови: «Каждый офицер, ведущий солдат на избиение рабочих, объявляется врагом народа и ставится вне закона. Его, безусловно, убивайте. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах. Там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу — конные

или пешие, вооруженные или безоружные, — смотрите на них как на злейших врагов и уничтожайте их без пощады. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте. В борьбе с полицией действуйте так. Всех высших чинов, до пристава включительно, при всяком удобном случае убивайте. Околоточных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городских только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а нам. Дворникам запрещайте запираť ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если не послушают, то первый раз побейте, а во второй — убейте...» Что это как не фактическое объявление царизму свирепой, безжалостной гражданской войны! Однако ранее та уже объявлена народу царем и его сатрапами! Вместе с тем, за этими кровавыми рекомендациями четко просматривается чья-то руководящая и направляющая «Скрытая рука».

Стоит привести еще одну историю, свидетельствующую о том, сколь глубоко революционные идеи проникли в молодежь, в том числе и в «приличное общество». Один из ге-

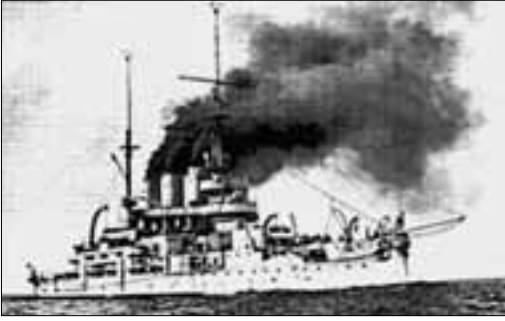
роев революции 1905 г. был прозван «истребителем городских». Это был некий сорви-голова Володя, знаменитый среди московских революционеров, 24-летний В. Мазурин, будущий максималист--экспроприатор. В числе его громких революционных титулов был и «истребитель городских». Этого представителя известной московской купеческой фамилии, бывшего студента Московского университета, близко знавшие современники (среди них и писатель Л. Андреев) запомнили как «прирожденного бунтаря», человека «отчаянного мужества». Хотя можно только представить его моральный и нравственный уровень. Его товарищи, убийцы-головорезы (одного из них, безработного Е.Г. Зверева, в своем кругу так и называли «Зверем») отличились не только на Пресне, но на Чистых прудах, на линии Казанской железной дороги. После подавления Декабрьского восстания Мазурин бежал из Москвы, но скрывался недолго. В революционных кругах о нем снова заговорили в марте 1906 г., когда он организовал и возглавил невиданное по дерзости ограбление Московского купеческого общества взаимного кредита на Ильинке. «Экспроприированные» при этом 875 тысяч рублей пошли на организацию взрыва казенной дачи премьер-министра П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге, произведенного максималистами 12 августа 1906 года. Вскоре Мазурин был арестован и 1 сентября повешен в Таганской тюрьме по приговору военно-полевого суда. Причем в закономерности такого решения властей не усомнились даже ближайшие соратники Володи.

Кровавое воскресенье стало поворотным пунктом российской истории XX в. Чашу терпения народа переполнило и то, что в февралемарте 1905 г. русская армия потерпела от японцев поражение, разыгралась трагедия Цусимы, Россия потеряла Порт-Артур, затем и Южный Сахалин. Нередко именно военные поражения России и приводят к революциям и катаклизмам. А.А. Брусилов в «Воспоминаниях» определил эту связь: «Эта проигранная нами война, закончившаяся революцией 1905—1906 гг., была ужасна для наших вооруженных сил еще в том отношении, что мы готовились упорно к войне на Западном

фронте и в то же время неосторожно играли с огнем на Дальнем Востоке, фронт которого нами совершенно не был подготовлен. Только в самое последнее перед Русско-японской войной время мы наспех сделали кое-что «на фуфу», рассчитывая лишь поугубить Японию, но отнюдь с нею не воевать. Когда же вследствие нашей неумелой, ребяческой политики и при усердном науськивании императора Вильгельма война с Японией разразилась, наше военное министерство оказалось без плана мобилизации и без плана действий на этом фронте. Можно смело сказать, что эта война расстроила в корне все наши военные силы и разбила вконец всю работу Ванновского и Обручева. Не место и не время перечислять тот страшный сумбур, в который ввергла эта злосчастная война армию России». 1905 г. ознаменовался волнениями в армии (всего их насчитывалось порядка 195). Произошло восстание лейтенанта П. Шмидта на Черноморском флоте, в Севастополе, подавленное через 5 дней. В июне 1905 г. восстал броненосец «Потемкин», поднявший красный флаг.

Н. Касаткин. Рабочий боевик

Броненосец «Князь Потемкин Таврический»

То, что произошло на броненосце, известно... На протесты матросов против гнилого мяса старший офицер Гиляровский приказал всем недовольным: «Стать под брезент!». У команды захватило дух: на глазах команды за то, что не соглашались употреблять мясо с червями, готовились без суда и следствия перебить, как крыс в мешке, безоружных матросов. Приказ Гиляровского означал, что товарищей накроют пеньковым брезентом и дадут по ним несколько залпов. «В каждом из бледных матросов, столпившихся у башни, сердце колотилось в груди от жалости, ужаса и гнева, но никто не знал, что делать. Вдруг раздался громкий крик одного из матросов: «Братцы, что они делают с нашими товарищами?... Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!» Только этого и ждали. Команда бросилась в батарейную палубу, забрала винтовки, но не было патронов. Поднялся крик: «Давай скорее патроны!» Зарядив ружья, ринулись на ют освобождать товарищей, но наткнулись на караул и трех офицеров (командир Голи-

Матросы на «Потемкине»

ков, старший офицер Гиляровский, старший артиллерист Неупокоев). Те загородили путь команде, пытаясь не выпустить матросов с батарейной палубы. И тут раздалось: «Ура!», «Да здравствует свобода!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!».

Командир обращается к матросу: «Что тебе нужно? Поставь ружье!». Матрос отвечает: «Я брошу тогда ружье, когда буду не живым существом, а трупом!». — «Уходи с корабля!». — «Это корабль народа, не твой!» В результате восстания корабль был очищен от офицеров. Попытки командования Черноморским флотом задержать революционный броненосец не увенчались успехом. Тот прорезал строй эскадры и, держа оба адмиральских корабля в прицеле орудий, ушел. Выстрелов, однако, не потребовалось. Команды кораблей эскадры отказались стрелять в восставших товарищей и вопреки запретам командиров вышли на палубы и приветствовали проходящий «Потемкин» криками «ура!». И на этот раз царским адмиралам не удалось расправиться с восставшим кораблем. Учитывая настроение других экипажей, адмирал Кригер приказал дать полный вперед и на большой скорости стал уводить эскадру в открытое море. Рядом с «Потемкиным» — броненосец «Георгий Победоносец»; после переговоров с потемкинцами команда и там арестовала офицеров и присоединилась к восставшим. Позднее среди моряков «Победоносца» произошел раскол, тот отстал от «Потемкина» и сдался властям. Так ранее писали о восстании на броненосце «Потемкин».

Конечно, сегодня пишут о том, что сцен, показанных в фильме «Броненосец «Потемкин»» С. Эйзенштейном, якобы не было в природе, о том, что лейтенант Шмидт, которого евреи прочили в протекторы независимой Южной республики, предстает вовсе не тем отважным героем, как его потом изображали большевики. Чрезвычайно любопытны воспоминания и писателя С. Орлицкого (1907). Тот пишет о разговоре с неким С.С. Цукербергом, евреем из одесских подпольщиков. Войдя в раж, тот выдал свои сокровенные мечты. Орлицкий спросил его, на чью же помощь рассчитывает комитет. Цукерберг ему в ответ: «Моряки уже с нами за освобо-

П. Страхов. Восстание на «Потемкине»

длительное движение. Сегодня, надеемся, в собрании будет и brave лейтенант Шмидт. Вот увидите и услышите будущего адмирала Черноморского флота, когда мы завладеем эскадрой!» Орлицкий: «А когда вы завладеете эскадрой?» Цукерберг: «Матросы на нашей стороне. Офицеров, которые не согласны, Шмидт обещает побросать в воду. А раз броненосцы будут наши — весь юг будет наш. Здесь создается Южная республика с Кры-

Казнь матроса

мом и плодороднейшими землями Волыни и Подолии... Пусть старая насильница, некультурная Москва погибает от внутренних раздоров. Это нас, южан, не касается... У нас будет чудное, незамерзающее море и лучшие пшеничные земли, виноградники и шелководство, первоклассные порты и крепость Севастополь с броненосным флотом». Орлицкий поинтересовался: «А народ Южной республики?» Цукерберг ему в ответ (с явным презрением): «Народ! Эти хохлы-волопасы пойдут за интеллигенцией... У нас капиталы, наука, энергия; мы господа в торговле и политике. Заставим, коли добром не уживутся...» Орлицкий: «Выходит, ваша Южная республика со столицей Одессой будет царством евреев?» Цукерберг в ответ, ничего не скрывая и не утаивая, даже с вызовом: «А хотя бы и так! Пусть будет снова царство семитов. В России его основать удобнее, чем в песках Палестины или где-нибудь в Уганде. На Черном море воскресим Карфаген. Мы, евреи, создадим торговое государство, создадим капиталы, торговлю, коммерческий флот... Занимать деньги со временем Европа будет у нас, в Одессе, а не в Париже или Берлине... Богачам евреям, которые сейчас скупятся на революцию, достанется! Их склады сожгут, дома разграбят. Будут убитые, раненые, оскверненные синагоги. Мы к этому готовы. Это не больше, как расплата за грядущее восстановление царства семитов на Черном море. Не в далекой Палестине или Аргентине оно должно воскреснуть, а здесь, где миллионы евреев живут уже сотни лет». Заметим, что евреи долго носились с идеей отобрать у России Крым, заселив его «избранным народом» (в XX в.), вытеснив русских и татар!.

Лейтенант П. Шмидт называл себя внепартийным социалистом, отстаивал конституционную монархию и был сторонником Учредительного собрания. 2 ноября 1905 г. он арестован за выступления на митингах матросов, рабочих и солдат, участие в политической демонстрации. Но рабочие избрали Шмидта пожизненным депутатом Севастопольского совета рабочих депутатов и 16 ноября 1905 г. добились его освобождения. 20 ноября Шмидт получил отставку и чин капитана 2-го ранга. С началом Севастопольского

Лейтенант Шмидт.

восстания Военная организация социал-демократов предложила Шмидту стать военным руководителем восстания. 27 ноября он прибыл на крейсер «Очаков». На корабле были подняты красный флаг и выпел командующего флотом. К взбунтовавшемуся крейсеру пристали броненосец «Пантелеймон», несколько других судов. Шмидт обратился к императору с требованием Учредительного собрания и заявлением, что отныне флот перестает повиноваться министерству. Броненосец «Князь Потемкин-Таврический» был одним из лучших кораблей флота, год назад вошедшим в строй, что тоже показательно. Ну и реакция власти была соответствующей. Царь 15 июня записал в своем дневнике: «Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца «Князь Потемкин-Таврический» взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится». Правда, как отмечает В. Шигин в статье «Неизвестный лейтенант Шмидт», в попытке выйти из сложившейся ситуации Шмидт едва не взорвал Севастополь, пытаясь подвести к «Очакову» минный транспорт «Буг» (с 300 боевых мин и 1200 тонн пироксилина). В результате этого безумства он мог погубить тысячи людей. Главнокомандующий Черноморским флотом Чухнин (точнее генерал

Миллер-Закомельский) подверг суда обстрелу шрапнелью. На «Очакове» канонадой был произведен пожар; уцелевшая часть экипажа стала спасаться на шлюпках. Шмидта схватили и предали военно-морскому суду. Шмидт и 3 матроса были приговорены к смерти и 19 марта 1906 г. расстреляны на острове Березани (близ г. Очаков). Что же касается сводного брата того самого П. Шмидта, контр-адмирала В.П. Шмидта, то тот принимал активное участие в Гражданской войне на стороне Белого движения и в 1920 г. ушел с Черноморской эскадрой в Бизерту. Вместе с ним ушел и сын Шмидта Евгений, который самым активным образом воевал в Белой армии и был яростным врагом советской власти.

Конечно, была и другая сторона его жизни, для обывателя ничуть не менее интересная. Сын адмирала, в 1888 г. он совершил поступок, который должен был поставить крест на его военной карьере. В Морском кадетском корпусе в Петербурге у него случались психические припадки и срывы. Став мичманом, Петр Шмидт женился на проститутке Доминикии Павловой. Родным и сослуживцам он заявил, что будет ее перевоспитывать. Естественно, что офицеры корабля, на котором служил мичман Шмидт, потребовали его немедленного увольнения. Но дядя, известный адмирал Владимир Петрович Шмидт, бывший в тот период членом Адмиралтейств-совета, замаял дело. Переживая за сына, который своими поступками порочил славную военно-морскую фамилию, свели в могилу и его отца, адмирала Шмидта. Понятно, что давние увлечения им не были забыты и позже. Став командиром отряда из двух устаревших миноносцев, базирующихся в Измаиле, Шмидт похищает отрядную кассу, в которой всего-то 2,5 тыс. золотых рублей, и отправляется «путешествовать» по югу России. «Бравый моряк» быстро прокутил деньги на бегах, в ресторанах Киева и на юге, растративая неудовлетворенный пыл в объятиях еврейки Иды Ризберг, которая, видимо, и сделала из него «революционера». Позже Б. Пастернак напишет поэму «Лейтенант Шмидт» (1927), водянистую и безвкусную, как еврейская маца. Талантливые Ильф и Петров выведут в блистательном романе «Двенадцать стульев»

героя, их неуязвимого Остапа Бендера в образе «сына лейтенанта Шмидта».

Выступления были и в других частях России. Возникла Сочинская республика во главе с большевиком Поярковым в Сочи. Ее глава также не принадлежал к числу доблестных воинов. Он дезертировал из полка, дислоцированного на фронте в Маньчжурии, вступил в одну из социал-демократических боевых организаций, а затем, прибыв в Сочи, стал вести революционную пропаганду среди окрестных крестьян и городских рабочих, где стал популярен. Его избрали председателем революционного комитета. Под его предводительством была толпа (200 человек). Обе-

зоружив немногочисленную сочинскую полицию, пограничников, они арестовали начальника округа и 2—3 представителей власти. Затем над тюрьмой и окружным управлением ими были подняты красные флаги, а Сочи объявлены социалистической республикой, отделившейся от России. «Республика» просуществовала всего 36 часов. Когда на следующий день к Сочи подошел миноносец, навел орудия на город и потребовал капитуляции, революционеры во главе с Поярковым бежали в горы, а горожане торжественно встретили десант из 40 казаков хлебом-солью.

Волнения перекинулись и на Кавказ... Так, в прокламации «Рабочие Кавказа, пора

Кустодиев. Вступление в 1905 год

**Крест на месте убийства великого князя
Сергея Александровича**

отомстить!» говорилось (1905): «Прибавьте к этому волнения запасных в России, их революционные демонстрации в Одессе, Екатеринославе, Курске, Пензе и других городах, протесты новобранцев в Гурии, Имеретии, Карталинии, южной и северной России, обратите внимание, что протестующих не останав-

ливают ни тюрьма, ни пули (недавно в Пензе расстреляны за демонстрацию несколько запасных), и вы легко поймете, что думает русский солдат... Царское самодержавие теряет главную опору — свое «надежное воинство»! С другой стороны, день за днем пустеет царская казна. Поражения следуют за поражениями... Итак, царское самодержавие теряет и вторую главную свою опору — богатую казну с питающим ее кредитом! Вместе с тем день за днем растет промышленный кризис, закрываются фабрики и заводы, миллионы рабочих требуют хлеба и работы. С новой силой охватывает голодовка измученную деревенскую бедноту». На Кавказе большевики сделали попытку пополнить запасы оружия для боевых дружин. Ими была сделана попытка ограбления кутаисского цейхгауза. «В начале сентября 1905 г., — говорится в биографической справке о М.А. Гогодзе, — вместе с Захарием Чодришвили, Маро Бочаридзе, Бабе Лошадзе (он) отправился в Кутаиси с заданием снять в аренду дом, расположенный против военного цейхгауза, устроить подкоп и вынести из цейхгауза 2000 винтовок. Подкоп был начат, но не доведен до конца вследствие неблагоприятных почвенных условий». Одним из руководителей дерзкой акции был И. Джугашвили (Сталин). Террор стал массовым.

Бомбист

Глава 11. Террор эсеров как крайнее средство борьбы с самодержавием

Вообще история революций в России — это такой исторический детектив, перед которым бледнеют все известные ранее и ныне мастера увлекательного жанра... Скажем, известна история с закупкой оружия в Англии Гапоном. По слухам, деньги на покупку оружия для революции дали американские миллиардеры, пожертвовавшие миллион франков. Деньги поступили через финна-социалиста К. Циллиакуса, связанного с русскими эмигрантами-революционерами. Тот провоцировал Гапона на кровавые жертвы: «Смотрите, зажигайте там, в Питере, скорее — нужна хорошая искра! Жертв не бойтесь! Вставай, подымайся, рабочий народ! Не убыток, если повалится сотен пять пролетариев, — свободу добудут. Всем свободу!» Причина горячего сочувствия финнов русской революции очень даже понятна. Находясь в составе Российской империи, они хотели получить полную независимость, для чего и нужно было сокрушить Русскую империю. После официального объявления войны с Японией, 9 февраля 1904 г., японский военный атташе в России полковник Мотодзиро Акаси покинул Петербург и обосновался в максимальной близости от российских границ, в Стокголь-

ме. В том же феврале полковник Акаси познакомился с основателем и лидером Финляндской партии активного сопротивления Конни Циллиакусом. В ходе разговора атташе вежливо предложил финским и любым другим революционерам японскую помощь для организации в России вооруженного восстания против царизма. Циллиакус вызвался наладить контакты со всеми революционными партиями и обеспечить координацию их действий в выгодном для японцев направлении. Из доклада полковника Акаси в японский Генеральный штаб: «К концу июня (1904 г.) отношения между Циллиакусом и основными оппозиционными партиями созрели. Он и я почти одновременно отправились в Париж, где вместе с представителями партии «Са-

Бои в Москве. Восставшие отстреливаются из здания, разрушенного пушками

картвелло» (Грузинской партии социалистов-революционеров и федералистов), Деканози и партии «Дрошак» (Дашнакцутюн, армянской партии) графом Лорис — Меликовым совещались по поводу плана беспорядков в России. Затем Циллиакус отправился в Лондон на переговоры с Чайковским. <...> Я обещал Циллиакусу, что выплачу ему 3000 иен на печатание прокламаций». Помимо эсеров, Акаси с Циллиакусом всячески старались привлечь к сотрудничеству другую крупную, собственно российскую революционную организацию — РСДРП. Но ее лидеры Г. Плеханов и Ю. Мартов категорически отказались от сотрудничества с японцами.

Одним словом, то ли на японские деньги, то ли на американские, но финский социалист Циллиакус и эсер-грузин Деканози помогли-таки Азефу и Гапону закупить динамит, 3000 револьверов, 15 000 ружей, а затем и переправить их в Россию на пароходе. Представители нелегального союза «Войма» в их программном заявлении писали: «Мы надеемся, что все финские племена, населяющие Россию, будут на нашей стороне и присоединятся потом к великой Финляндской республике» (сюда должны были влиться не только соседи, карелы и эсты, но и глубинные российские марийцы, пермяки, удмурты, мордва). Одним словом: да здравствует великая Финляндия! Из перехваченной жандармами секретной переписки между членами союза было ясно, что в районе Куопио у них спрятано 4600 винтовок, 6 горных орудий и 4 пулемета («для внутреннего пользования»). Для пересылки в Россию были приготовлены 10 000 винтовок и несколько десятков орудий. Это оружие планировалось направить в Петербург, где рабочие организации и должны были устроить в городе вооруженные стычки и беспорядки. Однако пароход наскочил в финских шхерах на мель. Вдобавок большевики опоздали на место прибытия из-за халатности организаторов акции. Позже М. Литвинов с сожалением пишет Ленину: будь у них эти деньги (100 000 р.), которые финны затратили на «несчастный пароход». Мы сами обеспечили получение оружия. И прямо называл это авантюрой. Команда взорвала корабль и разбелась кто куда...

Ленин и Камо (слева)

Финские рыбаки затем подобрали оружие и с выгодой продавали его российским революционерам.

Таким образом радикалы пытались использовать спад в экономике, проигранную войну с Японией, ну и, конечно, страшную январскую трагедию. Эсеры в 1902 г. создали Боевую организацию для подготовки и организации покушений на крупных администраторов, членов царской семьи, включая Николая II. Эсеры показали себя, пожалуй, главными провокаторами и врагами России на революционном фланге. Историк Г.З. Головков пишет: «Необходимо пояснить, что в объединении социалистических партий, могущих выступить единым фронтом против правительства, была крайне заинтересована Япония, находившаяся с Россией в состоянии войны и, естественно, желавшая ослабления России любым способом. Японская разведка в России ассигновала на это «объединение» 100 тыс. иен». Деньги на подрывную деятельность получали руководители Финляндской партии активного сопротивления, Грузинской партии социалистов-федералистов и революционеров, польские деятели типа Пилсудского и, конечно, партия эсеров. В эти года началась карьера и Юзефа Пилсудского (Зюка). Он был не поляк, а урожденный литвин — шляхтич литовского и белорусского происхождения, получивший русское образование, считавший Российской империю главным узурпатором польского королевства. С 1904 года с началом русско-японской войны Пилсудский, как истинный политик, всячески старался использовать трудности

России на благо Польши. В короткое время установил контакты с японскими посольствами в Вене, Лондоне и Париже, клеветал на Россию и предлагал провокации и террористические диверсии в русском тылу руками польских социалистов. За это на него обратили внимание враги России и даже дали возможность съездить в Токио. Он съездил. Старался и там: уговаривал и убеждал в своей полезности. Японцы согласились выплачивать по 90 фунтов людям Пилсудского за разведывательные данные, за шпионаж. За несколько месяцев польскими «старателями» было получено 200 тысяч фунтов, а также оружие, амуниция и взрывчатка. Все шло в дело. Всё — для гибели России.

Ибеспартийный Гапон (формально он стал эсером после), крайне популярный в массах священник, похоже, также служил каналом, через который японские деньги попадали к

террористам. Его использовали и при закупке оружия за границей на вооруженное восстание за японские деньги. Социал-демократы организовали Боевую техническую группу для ввоза оружия и распространения в России (1905). Боевики изучили технологию производство бомб. Скосаревский привез чертежи чугунной бомбы-македонки, которую наметили к производству. Во Франции закупают запалы и бикфордов шнур. Технической группой руководили Н. Буреник, а затем С. Познер (уж не из предков ли иных нынешних господ-«демократов»?!). От ЦК большевиков этот процесс курировал Л. Красин, хозяин завода, инженер по образованию. В Финляндии же были созданы базы для производства и хранения оружия.

Револьверы и ружья добывали, где могли, провозя через границу контрабандой. С оружейных заводов (Ижевского, Тульского, Се-

И. Сталин (Коба) выступает перед рабочими

Красин Л.Б.

строречского) шли трехлинейные винтовки, из Киева — наганы (при содействии офицера Ванновского). Большая партия револьверов была доставлена через Транспортное общество. Патроны боевики получали с Охтинского завода. Революционные организации закупали оружие и в Бельгии, где оно было дешевле. Посредник процент от сделок брал себе... Когда революционеры возмущались, секретарь Международного социалистического бюро Понсманс заметил по-купчески: «А что же, он бесплатно должен этим заниматься? Революция само собой, а гешефт есть гешефт». За границу приезжали закупать оружие известные впоследствии революционеры — Стасова, Литвинов и ставший впоследствии «легендарным» боевик Камо.

Количество закупаемого революционерами оружия поражает воображение. В ходе одной из таких операций, по словам посредника, болгарина В. Стомонянова, боевиками куплено 60 тысяч винтовок. Будущий советский дипломат М. Литвинов через международного авантюриста Тюфекчиева смог собрать в Варне большую партию оружия и

отправить в Россию. Акция кончилась неудачей: пароход был выброшен штормом на один из островов Черного моря, вблизи Румынии. В 1907 г. в Берлине полиция накрыла квартиру боевиков-революционеров. Там обнаружили 8 тонн подпольной литературы, ящик парабеллумов, 3 тысячи разрывных пуль, адскую взрывную машину и подложные бланки. Б.В. Савинков описал в мемуарах последствия взрыва, когда террорист М. Швейцер, готовивший бомбы к использованию, все же погиб: «Швейцер под фамилией Артура Генри Мюр Мак-Куллона погиб в ночь на 26 февраля 1903 года в гостинице «Бристоль» в Петербурге той же смертью, что Покотиллов 31 марта 1904 г. в «Северной» гостинице. Он заряжал бомбы для покушения на великого князя Владимира Александровича. По поводу его смерти в № 61 «Революционной России» появилась заметка: «В ночь на 26 февраля в С.Петербурге, в меблированных комнатах «Бристоль», погиб от случайного взрыва». Бывало и так, что левые получали оружие из рук самодержавия... Одесские эсеры записывались в боевые дружины «Союза русского народа» и получали оружие по удешевленной цене, используя его для своих целей. Среди эсеров затесался и молодой Керенский, у которого при обыске в декабре 1905 г. нашли прокламации, множительную технику и заряженный револьвер. Того три месяца продержали под стражей. Эсеры-боевики носились с идеей использования в террористических целях самолетов, намного опередив тут террористов XXI в. В.Н. Фигнер вспоминала об отношении к этой затее Савинкова и Гершуни

Группа полицейских у кареты казначейства после нападения на нее эсеров

Григорий Гершуни в Акатуе

в 1907—1908 гг.: «Савинков рассказывал мне и об аэроплане, строившемся в Баварии, о котором Азеф говорил мне в Аляссио. Савинков ездил к изобретателю-инженеру, Сергею Ивановичу Бухало, был в мастерской, в которой сооружался аэроплан. Он верил в инженера, в целесообразность и выполнимость изобретения. «Я полечу на этом аэроплане», — говорил он мне и, подобно Азефу, с гордостью подчеркивал, что последнее слово науки будет отдано в руки партии на дело революции. О таком полете год спустя мечтал и Гершуни. «Я полечу, — говорил он, — с Иваном (Азефом. - *Авт.*), и мы восстановим его честь». Метод взял на вооружение XXI dtr!

Об этих методах борьбы революционеров писал в «Круге первом» Солженицын: «Из всей революции Коба особенно полюбил именно эксы. И тут никто, кроме Кобы, не умел найти тех единственных верных людей, как Камо, кто будет слушаться его, кто будет револьвером трясти, кто будет мешок с золотом отнимать и принесет его Кобе совсем на другую улицу без принуждения. И когда выгребли 340 тысяч золотом у экспедитора Тифлисского банка — так вот это и была пока в малень-

ких масштабах пролетарская революция, а другой, большой революции ждут — дураки». И хотя взгляд на революцию автора, простите, крайне примитивен и не за эти «эксы», конечно, Ленин назвал Сталина «чудесным грузинном», в целом экспроприаторская сторона деятельности им показана верно.

Деньги экспроприировали не только у буржуев, капиталистов, банков. Грабежам подверглись даже кассы университетов (Казанский и Московский университеты). «Русский голос» писал в марте 1907 г.: «Что случилось в Казани, то вчера повторилось и у нас в Москве. В час дня в казначейство при университете, находящееся во втором этаже, с Моховой улицы вошли, кто говорит — 4, а кто — 7 молодых людей. Все вооружены револьверами. В казначействе находились старик казначей, несколько служащих и значительная группа студентов. — «Руки вверх! Ни с места! «И в ту же минуту на казначея и служащих были направлены револьверы нежданных гостей. — Требуем выдачи денег, находящихся в кассе! — обратились гости к казначею. А в кассе лежало полтора-два тысячи рублей, в том числе — деньги, собранные со студентов за лекции. Казначей исполнил требование, передав «экспроприаторам» несколько пачек — тысяч до сорока. «Волнуясь и спеша», они взяли деньги и, пятясь, с револьверами, наведенными на присутствовавших, стали выходить в двери. В это время в университет шел по делам службы околотовный надзиратель 2-го участка Тверской части, ничего не подозревая. Экспроприаторы же подумали, что он идет их задерживать. Встреча произошла в коридоре. — Руки вверх! Ни с места! — скомандовали (они) и тут же открыли по нему стрельбу из револьверов. Тот упал, сраженный пулями... Мучаясь в предсмертной агонии, свернувшись клубком, несчастный стонал. Портфель его отлетел в сторону, шапка — в другую. Экспроприаторы, перешагнув через его тело, убежали. Выстрелы привлекли внимание множества народа со двора и с улицы. Никому не пришло в голову задерживать удалявшихся молодых людей. Прибыла полиция и оцепила университет. Многих выходивших из университета обыскивали, но обыски не дали никаких результатов».

Обыск подозреваемого

Если не прямо, то косвенно подталкивала массы к вооруженному восстанию и террору, как это ни удивительно, сама царская охранка... В реальной жизни эти «величественные попытки», «хитрые игры» всегда кончались чьей-то трагедией и болью. Вот несколько примеров: в Кишиневе убит пристав, в Одессе ранены полицеймейстер и пристав, в Красноярске — полицеймейстер, в Ростове — жандармский полковник, в Уфе убит губернатор. Гомельские эсеры убили исправника и бросили бомбу в дом зубного врача — за его отказ дать деньги на нужды партии. В Саратове эсеры создали мастерскую по изготовлению бомб. Их учительница З. Конопляникова доставляла на место. После ее задержания в чемодане обнаружили кислоты, гремучую ртуть, нитроглицерин, оболочки для бомб, динамит, паяльник и пр. Этого хватило бы на создание 20 бомб. Ее повесили за убийство генерала Мина, подавившего восстание 1905 г. в Москве. На эшафоте она читала стих Пушкина: «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья». При убийстве генерала Неплюева погибли десятки людей, включая невинных детей. Столбовая дворянка Измайлович убила генерала, ну а затем была расстреляна взводом солдат.

Затем последует убийство террористом И. Каляевым (по кличке Поэт) великого князя С.А. Романова (1857—1905). В 1891—1905 гг. князь исполнял обязанности московского генерал-губернатора и командующего войсками Московского военного округа. Говорят, тот якобы отличался антисемитизмом, массовыми репрессиями, гонениями на левую печать. Все это ложь. Был он истинно православным и добрым человеком. А убили его за подавление восстания в Москве в 1905 г., и еще за то, что закрыл синагогу (еще не известно, за что больше). Последняя история куда менее известна. В 1891 г. благодаря пожертвованию банкира и мецената Л. Полякова, естественно, еврея, открылась Хоральная синагога — одна из самых больших синагог в России, главная еврейская достопримечательность Москвы. Но радость еврейской общины продлилась недолго. Через несколько месяцев синагогу закрыли. Виной всему недоразумение. А дело было так: как-то солнечным утром великий князь Сергей Александрович, губернатор Москвы и дядя Николая II, как обычно, ехал в открытой двуколке по Москве и в центре города увидел блеснувший в небе золотой крест. Как принято у православных, он тут же истово перекрестился. Каково же было его возмущение, когда адъютант изволил ему робко заметить: сияние, которое тот принял за крест, на самом деле — золотой знак на куполе новой синагоги. В тот же день еврейской общине было предложено убрать звезду Давида вместе с куполом. Община подчинилась, но синагогу это не спасло.

Ее закрыли на целых пятнадцать лет. Вслед за закрытием синагоги последовала массовая высылка евреев из Москвы. Евреи великому князю этого не простили. А так как они привыкли зло делать чужими руками, то вложили оружие в руки русского Ивана — Каляева. Перед виселицей он вспоминал, что, когда жена князя стала стыдить толпу, собравшуюся поглазеть на убитого мужа, эта толпа открыто рассмеялась ей в лицо. А кто-то даже бросил тогда в адрес убиенного великого князя и градоначальника фразу: «Наконец-то пораскинул мозгами». Шутку подхватила еврейская пресса. Но как же повел себя наш «святой» — Николай II? Всего через пару часов после ди-

Каляев — убийца С.А. Романова

кого убийства дяди и свояка Николай II и князь Сандро дико хохотали, спихивая друг друга с дивана. Свидетелями этой безобразной и циничной сцены стали иностранные послы. Что это — приступ жестокости, кретинизма?.. К слову сказать, великая княгиня, жена князя Сергея Александровича после похорон мужа, а затем и убитого кучера, во время которых она прошла за дрогами 20 верст, направилась в тюрьму, к убийце Каляеву... Вначале тот встретил ее грубо и агрессивно. Однако она пробудила в нем нотки раскаяния. Террорист упал перед ней на колени, стал слезно молить о прощении. Княгиня ходатайствовала о смягчении приговора, но Каляева все же повесили (и правильно). Тем не менее великая княгиня продолжала помогать семье убийцы.

Террористка стреляет

Пресса взывает к милосердию (1906)

Благородство русского человека не знает границ. Порой оно вредит и самим русским. Такова жизнь и смерть русского патриота, адвоката Луженовского. Автор очерка о нем, А. Иванов пишет: «С нападением Японии на Россию Г.Н. Луженовский стал одним из организаторов сбора пожертвований в Тамбовской губернии на восстановление русского флота. Как рассказывал видный деятель монархического движения, активный член Союза русского народа Н. Жеденов, когда в Тамбовскую губернию пришли первые вести о неудачах русского оружия, в среде местных адвокатов произошел следующий характерный случай. Адвокат Вольский, происходивший из польских евреев, с нескрываемой радостью по случаю первых поражений нашего флота заявил буквально следующее: «Наконец-то нас проучили. Давно бы пора. Так нам и надо. Ура, началось! Так погибнет и весь русский флот...» Луженовский (тоже адвокат) при этих словах весь вскипел. Он вскочил с места и, выпрямившись во весь свой богатырский рост, громко крикнул на него: «Как смеешь ты... при нас, русских, радоваться русскому горю, русскому поражению? Только низкий изменник или жид может радоваться унижению своего отечества!» Вид Луженовско-

Г.Н. Луженовский

го был настолько внушителен и грозен, что адвокаты, разделявшие мнение Вольского, сразу притихли, а Вольский поспешил ретироваться. — «Уничтожат одни броненосцы, соберем денег на другие», — кричал ему вслед Луженовский. В июне 1905 г. Г.Н. Луженовский, находясь в Москве, ознакомился с деятельностью черносотенного Союза русских людей и по возвращении в Тамбов стал одним из инициаторов создания Тамбовского отдела Союза, учредительное собрание которого проходило на его же квартире... Вслед за назначением Луженовского помощником В.Ф. фондер Лауница, в августе 1905 г. в губернию прибыл назначенный вице-губернатором, переведенный из Уфы горячий и энергичный монархист--патриот, сын известного правого деятеля генерала Е. Богдановича, — Н.Е. Богданович. В Тамбовской губернии образовался триумвират верных царю слуг, энергично взявшийся за искоренение очагов нестабильности и революционной анархии.

После Манифеста 17 октября 1905 г. и новой волны революционных выступлений Луженовский получил приказ властей пресечь аграрные беспорядки, вспыхнувшие в Тамбовской и Саратовской губерниях. С двумя ротами солдат Луженовский прошел 500 верст, решительно прекращая волнения, считая, что «или зверь--революция сметет государство, или государство должно смести зверя». Луженовский начинал с убеждения, взывая к совести и религиозным чувствам поднятых революционными агитаторами крестьян, но если слова его не дава-

ли результатов, что бывало редко, прибегал к мерам физического воздействия — порке. За 22 дня беспорядки были полностью прекращены, а революционные банды разгромлены. В ходе экспедиции Луженовский захватил революционного «генерала», одетого в мундир с орденами и призывавшего крестьян от имени «царя» громить помещиков. Кстати, имение Луженовских добровольно охраняли крестьяне-черносотенцы... На вынесенный ему террористами смертный приговор, мать Луженовского Мария Гавриловна ответила через газету публично: «Несчастные, ослепленные люди! Не думайте запугать убийствами из-за угла тех, кто любит святую Русь. Я благословила своих двух сыновей отдать жизнь свою за Православие и Царя, без которых погибнет наше Отечество. И если Господь допустит убийство моих сыновей, то безропотно буду доживать свой век без детей». 14 декабря 1905 г. в Тамбове эсеры выстрелами в спину смертельно ранили вице-губернатора Н.Е. Богдановича, вскоре скончавшегося от ран.

А через месяц и до Луженовского добрались террористы. 16 января 1906 г. охотившаяся за ним эсерка М.А. Спиридонова, переодетая гимназисткой, на перроне Борисоглебска расстреляла губернского советника, всадив в него пять пуль. Первые две пули попали Гавриилу Николаевичу в бок; после того как он обернулся, Спиридонова выстрелила ему в грудь, а затем еще два раза в уже

**М.А.Спиридонова в тюрьме.
Рисунок из газеты сионистов**

упавшего Луженовского. Казаки, не сумевшие уберечь их начальника, которого успели горячо полюбить, стали избивать Спиридонову. Но смертельно раненый Луженовский отдал последний приказ: «Не убивайте!», затем, узнав, что в него стреляла женщина, перекрестился и произнес: «Господи, прости ей. Не ведает, что творит». «Если бы он, — показывали потом казаки, — не крикнул: «Оставьте, не убивайте», от нее клочка бы не осталось...» Как рассказывал председатель Тамбовского Союза русских людей М. Попов, Луженовский, не получив от врача четкого ответа на вопрос, проживет ли он до приезда семьи, сказал казаку Н.Д. Аверьянову: «Если я не увижу более семьи, скажите ей, что я... отдал свою жизнь за Веру, Царя и Отечество». Стрелявшая М. Спиридонова оказалась тамбовской дворянкой, членом партии социалистов-революционеров. Она сообщила, что стреляла по постановлению Тамбовского комитета партии за порку крестьян во время аграрных и политических беспорядков и «за организацию «черной сотни» в Тамбове». Эсеровская банда будет стрелять и в Ленина. Но как же героизировали этих убийц! Так, М. Спиридонова писала в воспоминаниях о товарищах-убийцах, словно это были ангелы во Христе: «Печальна судьба, постигшая по освобождении ряд лучших, самых дорогих и любимых наших товарищей: Петро утонул, Григорий Андреевич Гершуни умер от саркомы легких, очень мало прожив на воле после побега из Акатуя, Прошьян унесен тифом в цвете лет, сил и надежд, П. Карпович погиб в начале 1917 г. при взрыве миной парохода, на котором мчался в Россию к долгожданной радости — революционно-строительной работе. Карпович высидел после своего акта в 1901 г. (убил министра народного просвещения Боголепова) в Шлиссельбургской крепости 5 лет и, погав туда безусым студентом-юношей, вышел большим серьезным мужчиной с темной бородой по пояс». И эта дикость, иначе ведь и не скажешь, этот *terreur rouge* (франц. — «красный террор») были восторженно восприняты почти что всем «цивилизованным обществом» в России.

Убийцы обрекали на смерть все новые и новые жертвы... 9 февраля 1907 г. при вы-

**С.В. Александровский —
пензенский губернатор**

Полковник С.В. Зубатов

ходе из театра убит пензенский губернатор В.А. Александровский. К нему в толпе подобрался какой-то молодой человек и выстрелил в затылок. При попытке задержать его погибли еще несколько человек. Убийца, припертый к стенке, застрелился. И тут выясняется еще одна любопытная деталь: пули, выпущенные из револьвера убийцы, были надрезаны и отравлены цианистым калием. Такой же метод будет использован и при попытке убийства Ленина... Мораль анархистов и террористов-революционеров до удивления прямолинейна, жестока и нелепа: «Ради революции и повисеть не грех! Жить в предвкушении виселицы — как это прекрасно!»

Н.И. Верхотуров. Рассказ очевидца. 1905 г.

«Мне никого и ничего не жаль!» — заявила на суде террористка Н. Климова. Эта «нежная овечка», «интеллектуалка» — убежденная вегетарианка, последовательница учения Л. Толстого, заповеди «Возлюби ближнего», была дочерью крупного царского сановника. Половина убийств террористами государственных слуг в России совершалась такими вот одержимыми и полубезумными женщинами-нигилистками.

Революция 1905—1907 гг. показала неспособность верховной власти действовать в критической ситуации, ее растерянность, трусость. Сменилось с января 1905 по июнь 1907 гг. 5 директоров Департамента полиции. Министр внутренних дел П.Н. Дурново в 1905 г. отмечал, что «многие жандармские управления почти совершенно, как бы сами себя, упразднили и перестали заниматься возложенным на них делом», а «железнодорожная полиция почти везде оказывалась не на высоте лежащих на них задач: она не только не сумела предугадать забастовки железных дорог, но

при их возникновении повсеместно исчезала и не оказывала никакого противодействия забастовщикам». Удивляться тут нечему... Подготовка полицейских работников в государстве была поставлена из рук вон плохо. Тех брали чуть ли не с улицы. По свидетельству московского градоначальника А.А. Рейнбота, нижние слои полицейского ведомства не имели «никакой предварительной подготовки, так как резерв существовал лишь номинально и в нем ровно ничему не учили... Самый состав городских был совершенно неудовлетворителен». Это в столицах, а в провинции уровень, положение полиции были еще более нищенскими. Полицейских чинов от околоточного и ниже по уровню жизни вполне можно было квалифицировать как нищих (Ю. Реента).

Причиной столь нелепейшего положения, когда охранять порядок в государстве оказалось фактически некому, стали тупость и патологическая жадность нашей бюрократии. Та все, что можно, гребла под себя... Имея небольшие доходы, защитникам государства пла-

тила жалкие копейки. Профессионалов фактически можно было пересчитать по пальцам. Готовить кадры — это и трудно, и накладно. Проще сорвать «банк» одним махом. И брали всех, кто попадался на удочку. Заработком не брезговали и студенты. Впрочем, этому обстоятельству никто особо и не удивлялся. Не только зубры политики, но и студенты, «племя молодое, незнакомое», охотно шло на сотрудничество с полицией. Полковник жандармского отделения Коттен даже жаловался: дескать, нет отбоя от желающих продаться Охранному отделению, есть немало студентов, служащих в охранке всего-то за 5 руб. в месяц. «Все это так постыдно и противно вспоминать, когдаходишь в аудиторию...» Но «летописи» этого почтенного ведомства вряд ли скоро увидят белый свет в новой России.

Коррупция в полиции и кабинетах сановников уже тогда была на устах у всех. Помощник градоначальника Москвы генерал-майор Будберг был снят с должности не только в связи с тем, что «пользовался крайней нелюбовью жителей за грубость», но и за проявление «материальной некорректности», а попросту говоря за взятки. По тем же мотивам двух полицеймейстеров пришлось отправить в отставку, а полковника Аршева даже официально уволить за взяточничество. В итоге

же, как отмечают историки, к началу революции 1905—1907 гг. полицейские структуры в Москве оказались «обезглавленными». Министры и высшие чины охранки следили порой не столько за революционерами, сколько за юбками, т.е. за любовницами высших особ. Так, по личному поручению П. Дурново, главы Департамента полиции, его агент пробрался в бразильское посольство, чтобы выкрасть любовную переписку пассии шефа. Пришлось в связи с международным скандалом главу освобождать от должности. Несмотря на то что, оставляя свой пост в Департаменте полиции, тот (по слухам) прихватил с собой 75 тыс. рублей, предназначенных на тайную агентуру, несмотря на то что позже он вывез казенную мебель из служебной квартиры (так же повел себя и тов. Троцкий в Вене, не заплатив за мебель), Дурново назначили министром внутренних дел.

Противники самодержавия, разумеется, использовали все эти промахи... Любые средства оправданы для победы... К тому же, они были согласны в принципе с Ткачевым, заявившим в статье «Роль мысли в истории», что образование и эрудиция вовсе не обязательны для революции и захвата власти. Среди получивших «аттестат зрелости», вообще образованных, больше тех, кто сомневается

Н. Касаткин. В коридоре окружного суда

Похороны убитых рабочих. 1905

во всем. Этим людям «не хватает решимости, безоглядной смелости». Организовавшие это и другие покушения эсеры считали террористическую деятельность средством агитации и дезорганизации правительства. При этом они подчеркивали, что индивидуальный террор не есть «самодовлеющая система борьбы», которая «собственной внутренней силой неминуема должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции...». Эти действия должны не заменить, а лишь дополнить массовую борьбу. Защищая тактику индивидуального террора, эсеры упрямо доказывали, что толпа якобы бессильна против самодержавия. Против «толпы» у того есть полиция и жандармерия, а вот против «неуловимых» террористов не поможет никакая военная сила. Проповедники террора утверждали, что «каждый поединок героя» будит в массах «дух борьбы и отваги». В результате террористических актов «чаша весов» перевесит — и революция неумолимо победит. Гершуни писал: «Сбылось предсказание: последние да

будут первыми. Россия сделала гигантский скачок и сразу очутилась не только рядом с Европой, но впереди нее». В чем вот вопрос!

Партийные организации эсеров играли заметную роль не только в организации террора, но и в организации пропаганды и антитимонархических выступлений. Иных потрясло то «жуткое, нездоровое единодушие, с которым вся оппозиция, и социалисты и либералы, отказывалась осудить террор». Дело доходило до того, что террористы из самых высоких сфер имели информацию о маршрутах царского поезда, путях и возможностях попадания на дачу премьер-министра Столыпина и т.п. Денег на террор убийцы не жале... Азеф с января 1904 г. по декабрь 1907 г. получил из кассы ЦК 320 тыс. франков. Пожертвования на «центральный террор» передавались Боевой организации эсеров. Скажем, Б. Савинков в своей автобиографии, написанной им в 1924 г., в Лубянской тюрьме в Москве, с гордостью хвалился: «...в 1903 году бежал за границу, в Женеву, где вступил

Н.П. Боголепов — ректор Московского университета, министр просвещения

П.В. Карпович — убийца ректора МГУ Боголепова

в ПСР и вошел в ее Боевую организацию. Вернувшись нелегально в Россию, я принял участие в убийстве Плеве (15.VII.1904), а потом в убийстве великого князя Сергея Александровича (4.II.1905), а также во многих других террористических актах, в том числе в покушении на Дубасова, Дурново, Чухнина, Столыпина и в нескольких покушениях на Николая II». Моральную и материальную поддержку террору оказывала и наша интеллигенция... Когда в Саратове террористы убили посланного царем для подавления беспорядков генерала Сахарова (причем жандармы заранее знали о покушении), присяжный

поверенный демонстративно и вызывающе прислал убийце в камеру цветы. Убивали не только жандармов, губернаторов, генералов, но даже и ректоров университетов.

Поразительно, как эти господа своими руками выстроили себе будущий эшафот, нисколько не задумываясь о судьбах своих детей. Поразительно то, что именно еврейская буржуазия финансировала покушения на царских сановников и слуг царизма. По словам Савинкова, «дело Плеве» стоило партии 30 тыс. руб., «дело великого князя Сергея Александровича» — 7 тыс. руб. Деньги эти

Нерчинская каторга

На царской каторге

большей частью поступали из-за границы (как финансируют бандподполье и ныне). Разумеется, деньги были необходимы революционерам, не имевшим тех источников, которыми обладает мощное государство. Справедливость все же придет, хотя и в лице большевиков, которые будут сотнями и тысячами пускать в расход всю эту эсеровско-террористическую гниль. Эти, коих и людьми-то не назовешь, заслужили смерть.

А вообще следует откровенно сказать: все крупные силы оппозиции в большей или меньшей степени использовали террор как сильное, страшное и эффективное орудие против политических оппонентов. Обычно в число прямых пособников террора зачисляли народовольцев, левых эсеров, ну и, разумеется, большевиков. Хотя В.И. Ленин в статье «Революционный авантюризм» (1902) и резко осуждал и высмеивал террористов за агитацию типа «каждая молния террора просвещает ум», выступал против «террористических предприятий», доказывал бессмысленность замены одного слуги царя на другого, «негодяя Сипягина» — «негодяем Плеве». Но разразилась революция 1905 г. — и Ленин требует решительных и безжалостных действий. Он советует вооружаться револьверами, самодельными бомбами, тряпками с керосином, ножами — и беспощадно убивать шпионов, устраивать взрывы полицейских участков,

нападения на банки в целях конфискации и бить городских. «Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны как непосредственной задачи грядущих выступлений — значит обессиливать и себя, и народ». Признавая право на террор в работе «Что делать?», он называл попытку захвата власти с помощью «устрашающего» террора — «величественной».

В терроре были заинтересованы и сторонники буржуазии, включая господ-демократов. Вспомним полосу громких процессов, в которых ее адвокаты буквально лезли из кожи вон, чтобы оправдать убийц, террористов, и тем самым спасти их от законной виселицы. Вот, скажем, многоуважаемый А.Ф. Кони, звезда юриспруденции, прокурор и судья, которого власти называли «красным». В задачу его входило укрепление государства, но он делал все возможное, чтобы «выжать слезу» из присяжных заседателей и оправдать террористку Засулич: «Обсуждая основания для снисхождения, вы припомните раскрытую перед вами жизнь Засулич. Быть может, ее скорбная, скитальческая молодость объяснит вам ту накопившуюся в ней горечь, которая сделала ее менее спокойной, более впечатлительной и более болезненной по отношению к окружающей жизни, и вы найдете основания для снисхождения». Господин Кони ловко и умело использовал, говоря его же словами, выраже-

Адвокат А.Ф. Кони

ние Шекспира: «Нет в мире виноватых! Одень злодея в золото — стальное копье закона сломится безвредно». И Засулич оправдали. При всех его достоинствах Кони избрал гибельный путь, оправдывая, по крайней мере морально, террор. Как-то он заявил, гордясь своей смелостью, что вместо того чтобы лобызать августейшую руку, предпочел держать в своей руке «всю русскую уголовную юстицию». На самом деле он направлял (и так ли уж бессознательно?) руку террора. И вот его посадили в Сенат (так же как в нынешней России туда нередко попадают те, кто «прославился» грязными делами на прежних должностях, типа губернаторов, зам Генерального прокурора, зам министра финансов, нередко откровенных прохвостов, взяточников и жуликов). Буренин сказал о его назначении:

В сенат коня Калигула привел,
Стоит он убранный и в бархате, и в злате.
Но я скажу: у нас — такой же произвол:
В газетах я прочел, что Кони есть в сенате.

Наши российские адвокаты, эти проходимцы, надо отдать им должное, всегда умели «одеть злодея в золото», особенно если онный щедро им платит полновесным золотом. Так, один такой демагог, присяжный поверенный Л.А. Куперник с пеной у рта доказывал генерал-губернатору г. Киева М.И. Черткову, вознамерившемуся по закону (разумеется, по приговору суда) повесить шестерых убийц-террористов, что смертная казнь как мера искоренения крамолы, мол, теоретически несостоятельна и практически бесплодна. «Примерность и устрашительность смертной казни более чем сомнительна в делах политических». Он советовал губернатору, «отступая от шаблона и рутины, взглянуть на дело по-человечески» и отменить негуманную смертную казнь. При этом мерзавец от юриспруденции ни словом не обмолвился о невинно загубленных душах людей, верой и правдой служивших своему отечеству — России... О.А. Платонов в книге «Покушение на Русское царство» справедливо возмущается тем, как депутаты Думы, призывая к отмене смертной казни за политический бандитизм и убийства, по сути дела, обнаружили прямую связь между собой и этими убийцами. Наглядно это показал процесс по делу о террористи-

Вера Засулич

Адвокат В.Д. Спасович

ческом акте в Севастополе, где в коменданта генерала Неплюева бросили бомбу. В результате акции террористов погибли 8 человек, включая 2 детей. Но депутаты пролили крокодиловы слезы, требуя спасти убийц и «предотвратить пролитие крови». Голос этих «демократических» циников можно слышать в России и сегодня. Крашенинников из «Единой России», защищая убийц и коррупционеров с пылом, какого мы за ним не замечали при защите сотен тысяч жертв убийц, насильников и воров, внес в Думу закон об отмене смертной казни в России. И ведь примут, если не вмешаются боги, ибо свои шкуры этим тварям дороже, чем какой-то там «народ»!!

Ну а подлинную суть и цель политики такого рода выболтал адвокат В.Д. Спасович... Во время процесса «50» он с поразительным цинизмом озвучил истинные цели защитников террористов. Пусть эти убийцы работают на ослабление Российской державы, а мы пожнем плоды их деятельности. Точные его слова звучали так: «Знаете ли вы, — говорил он И.С. Джабадари, — что все-таки работаете не для социальной революции, нет, она еще далеко, а расчищаете путь нам — «буржуа-либералам», как вы нас называете, и только. Мы воспользуемся вашим трудом и вашими жертвами». В нормальной человеческой жизни это называется идти к власти по трупам! Не так ли и сегодня среди сторонников отмены смертной казни видим самых злостных врагов России, хотя и умело маскирующихся под

друзей, желающих сохранить «бесценную жизнь» убийц, террористов, коррупционеров, крупных воров, тех, кто фактически неподсуден и презирает и власть и продажный трусливый суд! Пора распахнуть двери тюрем для нечестных судей, адвокатов, прокуроров, губернаторов, мэров, «ментов» и капиталистов, превративших Русь в собственный удел! Самодержавие также всячески потворствовало этим силам — и погибло...

Революция стала отражением глубочайшего кризиса, поразившего самодержавие. Кто виноват? Полагаю, виноваты все. Царизм сделал рабочих, крестьян, интеллигенцию непримиримым врагом, не желая разумной и взвешенной политикой исправить положение, снизить накал недовольства. Однако и интеллигенция с буржуазией с оглядкой на Запад требовали передачи им всей полноты власти. Желая провести либеральные реформы и укрепить государственную власть, Столыпин, выступая перед депутатами, заявил: «Все ваши нападки сводятся к двум словам: «Руки вверх». На эти слова правительство может ответить тоже только двумя словами: «Не запугаете». На самом деле те и другие действовали, упоая на «силовой вариант». Демократы «канонизировали революцию». П.Б. Струве, глава «критического направления» в русском марксизме, считал, что идеи компромисса и эволюции обязательно утвердятся в России, но... только после свержения самодержавия. Правда, и он испытал на своей «шкуре» преле-

С.Я. Кишиневский. В кутузке. 1906 г.

И.А. Владимиров. На Пресне. Военное положение

сти царизма, когда во время участия в 1901 г. в демонстрации интеллигенции у Казанского собора был жестоко избит полицией. Его арестовали, выслали в Тверь (под надзор, с запретом проживать в столицах и университетских городах). Бердяев характеризует Струве как одного из «самых мужественных, по характеру своему наименее оппортунистических писателей России». Конфронтация усиливалась. Стороны вели настоящую охоту друг за дружкой, фактически начав гражданскую войну задолго до 1917—1918 гг. В сборнике «Вехи», этом «крупнейшем скандальном успехе в интеллектуальной истории России», Струве писал об отношении русской интеллигенции к царизму и самодержавию: «В ту борьбу с исторической русской государственностью и с «буржуазным» социальным строем, которая после 17 октября была поведена с еще большею страстностью и в гораздо более революционных формах, чем до 17 октября, интеллигенция внесла огромный фанатизм ненависти, убийственную прямолинейность выводов и построений и ни грана — религиозной идеи». У безрелигиозности были причины, о которых речь пойдет позже. Одно было ясно: интеллигенция в своем неистовстве готова сокрушить главные опоры Русского государства, поддер-

живавшие его на протяжении веков, — самодержавие и веру. Причины прозаичны: опоры эти подгнили. А потому в момент революционного подъема часть мелкобуржуазной интеллигенции России, по словам Ленина, «качнулась влево», идя «к революционной борьбе с самодержавием».

Вот одна из тех многочисленных заметок, что появлялись в газетах (18 августа 1906 г.): «В тюрьмах. Все тюрьмы в Петербурге переполнены. Так, например, во время обыска у некоего Гершевского, при котором были обнаружены бомбы, арестован некий Маршак. В течение 8 часов Маршака водили по тюрьмам, и повсюду его встречали заявлением: «Мест нет». Маршак был освобожден, по заявлению жандармов, за отсутствием мест в тюрьме». П.Б. Струве скажет: революция «бросилась в атаку на политический строй и социальный уклад самодержавнодворянской России». Быстрота событий подействовала «опьяняюще на интеллигенцию», и та вообразила себя полным хозяином исторической сцены. Им тогда казалось, что речь шла лишь о том, чтобы одним «последним пинком раздавить гадину». Эти господа, которые вращались и вращаются в так называемых политических и околополитических кругах,

почему-то себя и своих присных величающие интеллигенцией, хотя за всю свою жизнь не сделали ничего интеллектуально путного для России, — самая гнусная, поганая и опасная часть общества. Ключевский, возможно, в чем-то был прав, говоря: «Интеллигенция не создает жизни и даже не направляет ее. Она не может ни толкнуть общество на известный путь, ни своротить его с пути, по которому оно пошло». Псевдоинтеллигенция(!) тут как тут при раздаче теплых местечек, мест в правительстве, в советах крупных компаний. Ни ума, ни идей, ни принципов, ни трудолюбия, одна лишь жажда денег и власти. Их сила — в посредственности, готовности услужить.

Каковы же итоги первых революционных усилий? В результате «красного террора» в 1906 г. «революционерами» убиты 768 и ранены 820 человек. Только за пару лет в ходе террора убиты 17 тыс. человек, из них 8 тыс. случайных и невинных жертв, свыше 7 тысяч чиновников, жандармов, солдат. В свою очередь, и царизм осудил на смертную казнь 5666 террористов. Надо признать, что в России «борьба народа с реакцией приняла форму открытой гражданской войны» (Л.Б. Каменев). В декабре 1905 г. погибли на улицах Москвы 1060 человек, революцио-

неров и мирных жителей, в их числе 220 детей и женщин. Потери войск правительства за все время восстания в Москве составили 20 человек убитыми и 46 ранеными. Среди палачей свирепостью выделялись тогда командиры-иноземцы (Н. Рима́н, фон Сиверс, Е. Обермиллер, П. Линдер, А. Остен-Дризен, Мин и др.), хотя были и свои, русские (С.К. Гурьев, С.Н. Макаревский, Н.Н. Мансуров, К.Д. Нарышкин, командир гвардейцев, князь С.И. Васильчиков). По словам очевидцев, Рима́н собственноручно пристреливал пленных революционеров. Народ не забыл их участия в подавлении восстания и мстил в годы революций и Гражданской войны.

Это противостояние, эта чудовищная бойня вызывали неприятие у порядочных людей. Л. Толстой писал, что бесчеловечные насилия и убийства, кроме прямого зла, несут в себе огромное косвенное зло, ведя к тому, что жестокость распространяется по всему народу, словно пожар по сухой соломе. Особо заметно это среди рабочих. Зло страшно тем, что оно поддерживается теми учреждениями, которые ранее в глазах людей обладали ореолом справедливости и даже святости, — Сенатом, Синодом, Думой, Церковью и Царем. Эти преступления властей, по словам Л. Тол-

Генеральная репетиция Октябрьской революции

Участники вооруженного восстания в тюрьме

стого, в сотни раз превышают преступления обычных, простых воров и разбойников и всех революционеров, вместе взятых. Итог: российское общество этой политикой готовится к массовой бойне. «О казнях, повешениях, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение». Гимназисты, почти дети, идут с готовностью на экспроприации, готовы убивать с той же легкостью, с какой помещики шли на

охоту. Многим представляется самым верным разрешением земельного вопроса — взять да и перебить крупных землевладельцев, чтобы завладеть их землей. Другая сторона также считает грабеж, воровство, ложь, мучительства, убийства делами «самыми естественными, свойственными человеку». Нисколько не оправдывая революционеров с убийствами, бомбами, подкопами, грабежами денег, Толстой заявлял правительству: «...но они ничего не делали и не делают такого, чего бы вы ни делали, и не делали в несравненно большей степени». Разница в том, что царь и его окружение хотели бы, чтобы «все оставалось, как было и есть, а они хотят перемены». И делают это с одной целью — «чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете и которое вам кажется благом». Толстой говорил от лица миллионов голодных, обездоленных, нищих и преследуемых. Ленин впоследствии назвал великого писателя зеркалом русской революции.

Одно время показалось, что после поражения революции 1905 г. наступит мирная

К. Санадзе. Арест Сталина

Ф.Э. Дзержинский в тюрьме

полоса общественного развития. Условия для перевода развития России на эволюционные рельсы были. Часть общества, заглянув в бездну, испугалась того, что увидела. Возможно, под впечатлением кровавых событий, вызвавших ужас либеральной интеллигенции и даже легальных марксистов, П.Б. Струве напишет, что самым «замечательным процессом, переживаемым в настоящее время человечеством, является глубокий внутренний кризис, происходящий в социализме». Ему привиделась даже «*facies hippocratica* социализма» (лицо, на котором лежит отпечаток кончины, «маска Гиппократата») . Но мысль о кончине социализма в России была преждевременной. Для этого нужен был какой-то социальный консенсус в обществе; он, увы, полностью отсутствовал. Радикалы готовились ко второй волне революции. Правда, Г. Плеханов после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г. укорял коллег: «Не нужно было браться за оружие». Но Ленин в статье «Первые уроки» (1905) ему возразил: «Первая волна революционной бури отходит. Мы стоим накануне неизбежной и неминуемой второй волны. Пролетарское движение все ширится, раскинувшись теперь по самым далеким окраинам. Брожение и недовольство охватывают самые разнообразные и самые отсталые слои общества. Парализована торгово-промышленная жизнь, закрыты учебные заведения, бастуют по примеру ра-

бочих земцы... Правительство бросается от политики кровавой плети к политике посулов. Оно старается обмануть хоть кое-кого из рабочих комедией царского приема депутации». И в марте 1906 г. Ленин выступил с лозунгом продолжения революции и восстания, потребовал провозгласить гражданскую войну и клеймил конституционные иллюзии, настаивая на «последнем решении вопроса».

Большевики не дали ввести себя в заблуждение «думскими уловками». Находясь в тюрьмах, свято верили в победу пролетарской революции. Ф.Э. Дзержинский в «Дневнике заключенного» оставляет в апреле 1908 г. следующую запись: «Где выход из ада теперешней жизни, в которой господствует волчий закон эксплуатации, гнета, насилия? Выход — в идее жизни, базирующейся на гармонии, жизни полной, охватывающей все общество, все человечество; выход — в идее социализма, идее солидарности трудящихся. Эта идея уже близится к осуществлению, народ с открытым сердцем готов ее принять. Время для этого уже настало. Нужно объединить ряды проповедников этой идеи и высоко нести знамя, чтобы народ его увидел и пошел за ним. И это в настоящее время насущнейшая из задач социал-демократии, задач той горсточки, которая уцелеет. Социализм дол-

Ф.Э. Дзержинский за книгой. Вильно. 1896 г.

Полицейские

жен перестать быть только научным предвидением будущего. Он должен стать факелом, зажигающим в сердцах людей непреодолимую веру и энергию...». Будущий «главный чекист» сидел тогда в цитадели Варшавской тюрьмы. 21 мая он пишет: «Какую колоссальную работу проделала уже революция! Она разлилась повсюду, разбудила умы и сердца, вдохнула в них надежду и указала цель. Этого никакая сила не в состоянии вырвать! И если мы в настоящее время, видя, как ширится зло, с каким цинизмом из-за жалкой наживы люди убивают людей, приходим иной раз в отчаяние, то это ужаснейшее заблуждение. Мы в этих случаях не видим дальше своего носа, не сознаем самого процесса воскресения людей из мертвых. Японская война выявила ужасную дезорганизацию, развал русской армии, а революция только обнажила зло, развращающее общество, и это зло должно было обна-

ружиться, — чтобы погибнуть. И это будет! Для того чтобы ускорить этот момент, необходимо вселить в массы нашу уверенность в неизбежном банкротстве зла, чтобы ими не овладело сомнение, чтобы они пережили этот момент в стройных, готовых к борьбе рядах. Это задача теоретиков. А задача других — обнажить и выявить это зло, обнажить страдания и муки масс и отдельных, вырванных врагом из их среды борцов, придать им то значение, какое они имеют в действительности и которое дает им силу все перенести мужественно, без колебаний. Только этим путем можно вдохнуть в массы мужество и моральное сознание необходимости борьбы, и нужны как те, кто воздействует на умы, так и те, кто вливает в душу и сердце уверенность в победе. Нужны ученые и поэты, учителя и агитаторы».

К сожалению, порой умные, известные люди предпочитали видеть причины недовольства не в политике царизма, а в неких темных силах. Русский историк, публицист Иловайский после царевубийства 1 марта 1881 г. в «Петербургских ведомостях» писал, желая обнаружить источник той темной силы, что «отняла его у России». Иловайский высказал убеждение, что русские «нигилисты и социалисты» — только «грубое, нередко бессознательное орудие», что их направляют на преступные действия «не столько враги собственности и общественного порядка,

И. Бродский. Похороны рабочего. 1906 г.

В.В.Мазуровский. Разгон рабочей демонстрации в Польше 1906 г.

сколько внутренние и внешние враги Русского государства, русской национальности». Выходило, что великороссы в этой «подпольной шайке» являются панурговым стадом. Они, мол, единственный элемент, не имеющий в этой борьбе национальных мотивов. «Каракозовы, Соловьевы и Рысаковы — суть именно те грубые, бессмысленные орудия, которые действительно уловлялись в сети с помощью социальной пропаганды, которые сами не знали, для какого дела, для каких целей они служили орудием». Среди внутренних врагов России Иловайский на первое место ставил поляков. «Второй элемент,— писал автор выдержавших десятки изданий школьных учебников, — ясно выдающийся и даже бьющий в глаза, это революционеры из евреев. В последних процессах, убийствах, покушениях и университетских беспорядках они выступают едва ли не самым деятельным элементом». Спорить с этим трудно, хотя даже убежденный юдофоб Иловайский, одним из первых отчетливо сформулировавший мысль об «инородческом» характере русской революции, отводил евреям все же 2-е место

среди губителей России. Это значит, что те еще не играли в освободительном движении главной роли. По крайней мере, на первоначальном этапе революционного движения.

Но два десятилетия спустя ситуация резко изменилась. В 1903 г. в беседе с Теодором Герцлем председатель Комитета министров С.Ю. Витте указал ему на то, что евреи составляют около половины численности революционных партий, хотя их всего 6 млн. в 136-миллионном населении России. Возможно, Витте хватил через край, и его утверждение, неоднократно приводившееся в научной литературе, не было подкреплено сколь-нибудь серьезными расчетами. Однако сомневаться в активнейшем участии евреев в русских оппозиционных партиях и революциях, разумеется, не приходится. По данным, которые приводит американский историк Норман Неймарк, в начале века среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи составляли около 30 %. Евреи составляли и около 15 % членов партии социалистов-революционеров, да и некоторые «максималистские и анархистские

террористические группы почти полностью были еврейскими». В составе организаций эсеров-максималистов было 19 % евреев при 76 % русских и украинцев. На V съезде РСДРП (Лондон, 1907) около трети делегатов были евреями. Правда, как писал Будницкий, со ссылкой на Горького, «есть... тысячи доказательств в пользу того, что уравнение «еврей=большевик» — глупое уравнение, вызываемое зоологическими инстинктами раздраженных россиян». Как мы убедимся впоследствии, не столь уж оно и глупое. Конечно, виной тому вовсе никакая не «зоология», а статистика, причем, увы, неумолимая и неоспоримая.

Все же согласимся: если бы борьба за социализм ограничивалась стремлениями отдельных лиц и борцов за права трудового народа, если бы все дело было в десятках террористов, авантюристов или «жидов», никакой бы революции в России не случилось... Но возник пролетариат, численность которого в России быстро возрастала. Как известно, Карл Маркс и Фридрих Энгельс увидели в нем «могилищика капитализма». Как этот класс проявил себя? Каково было его социальное и общественное положение в Рос-

Подписка на газету «Правда». 1912 г.

сии? В.И. Ленин дал ответ, написав известный труд «Развитие капитализма в России» (1899). В предисловии Ленин заявил (1908), что написанная им в период кануна революции работа неумолимо доказывает: «Тот анализ общественно-хозяйственного строя и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения». Сказанное вождем социалистической революции в основе своей верно. Хотя опять-таки вспоминаются слова Петра Ткачева о революционном меньшинстве (в данном случае представленном партией РСДРП), которое освободит народ из-под гнета гнетущего страха и ужаса перед властью предрержающей, откроет возможность проявить «разрушительно-революционную силу», а затем, пользуясь силой и авторитетом, внесет «новые прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни».

Такое революционное меньшинство и было представлено эмигрантской колонной, относительно многочисленной. По данным Пушкаревой, общее число политических эмигрантов, пребывавших за рубежом после поражения первой русской революции, составило 10 тысяч. Причем если первая волна эмиграции была представлена, в основном,

Большевистская пресса

Бегство евреев из Одессы

дворянством, то во второй и третьи волнах — не только разночинная интеллигенция, но и рабочие, матросы, крестьяне (попавшие за границу после участия в баррикадных боях или в восстании на броненосце «Потемкин»). Если в начале 80-х годов в эмиграции было около 500 человек, то за четверть века это число по меньшей мере утроилось. Все больше людей покидало Россию, и прежде всего по экономическим причинам. Причем более половины выехавших из России в конце XIX в. осели в США (с 1820-го по 1890 г. сюда прибыло 424 тыс. подданных России). Показательно, что и тогда отъезжали из России, в основном, «инородцы». Среди уехавших русские — 2 %, евреи — 38 % (за 1881—1914 гг. Россию покинуло 2 млн. евреев), поляки — 29 %, финны — 13 %, прибалты — 10 %, немцы — 7 %. Да и отток православных людей невелик (за 1890—1900 гг. выехали

1200 человек). Исключение представляли духоборы и сектанты, которые, по данным В.Д. Бонч-Бруевича, с 1826-го по 1905 г. покинули Россию в количестве 26,5 тыс. человек. Уезжали те, кто испытал на себе гонения властей и официальной церкви (штундисты, молокане, члены группы «Новый Израиль» и др.). Причем до 56 % лиц, выехавших из России в 1905—1913 гг., уехали не в Европу, а в заокеанские страны. Заметим и то, что если среди русских уровень реэмигрантов был довольно высок, то среди евреев и немцев он был ничтожен и практически не наблюдался. Новое положение сложилось после победы большевиков в Октябрьской революции, когда по призыву «своих» в Россию на руководящие посты хлынули представители «избранного народа» (и преимущественно из США).

Наплыв революционеров из-за границы вполне объясним. Они там чувствовали себя очень комфортно. За рубежом имелись все условия для подготовки кадров. В частности, в залах знаменитой Британской библиотеки любил работать Ленин, предпочитая ее французской Национальной или тем более Краковской, которую считал отвратительной. Революция 1905 г. стала прологом (как говорили, «альфой», определившей «омегу») не только к Февральской или Октябрьской революции, но и прологом к Гражданской войне, захлестнувшей просторы России кровавым тайфуном в 1917—1922 годах. Война классов не утихала, она только набирала обороты. Но у России еще был шанс стать на рельсы мирного развития и капиталистической модернизации. Могла ли ей в этом помочь Дума? Был ли у Государственной думы шанс стать своего рода *nervus probandi* (лат. — главное доказательство), после которого наступит *raх sempiterna* (лат. — вечный мир)?!

Глава 12. Царизм и Госу-

дарственная дума.

Возможен ли был парламентский путь в России?

В XVII в. многие парламентские страны Европы перешли к абсолютизму. Политические и промышленные революции в Европе, однако, не дали покончить с конституционализмом, который набирал силы. Еще декабрист Н. Тургенев в середине XIX в. писал: «Мы вовсе не считаем необходимым приступать к уничтожению всего без разбора; ... но нельзя не видеть, что в современных учреждениях Российской империи нет ничего, достойного сохранения ни в практике, ни еще менее в теории». Казалось, реформы Александра II создавали благоприятные условия для перехода от абсолютистской к представительной-соборной или конституционной модели в России. После освобождения крестьян неограниченное самодержавие было уже невозможно, но на практике мало что изменилось в рутинной работе русской бюрократии. Н. Врангель в «Воспоминаниях» заметил: «Мыслящая Русь это понимала, народ это инстинктивно чувствовал. Но сами самодержцы этого не поняли или понять не хотели». Ни царь, ни верхушка сановной бюрократии поступиться своими правами и прерогативами не желали, видя в неограниченном самодержавии святая святых. И тем

не менее шанс на примирение был. Но между кем и кем? Между царем и частью образованного общества? Так те всерьез никогда и не ссорились. Ну, посиживали порой в тюрьмах, так это ведь дело житейское. Да и то более для проформы. Поэтому эта часть российского общества и мечтала о конституции как о некой сказочной птице счастья, что спустится на землю России из поднебесья, и вмиг все в России преобразится. Как говаривал один из героев Ф. Сологуба в «Мелком бесе»: «Ах, все мы в молодости желали конституции».

Однако же далеко не все... Известно, что философ К.Н. Леонтьев (1831—1891) высказывал серьезные сомнения в отношении планов изменить ситуацию в России с по-

Избиратели у подъезда Гордумы во время выборов выборщиков в I Государственную думу

П.Н. Миллюков

мощью конституции и либеральных реформ. В статье «Как надо понимать сближение с народом?» (1880) он писал: «Нельзя, разумеется, не отчаиваться в будущем славянства, когда слышишь, например, что множество русских людей ожидают спасения России от «дальнейших либеральных реформ» или скажем яснее — от демократической конституции». Проблема заключалась в том, что шли годы, мир менялся, обновлялся, а облик российской монархии не менялся. Страна выглядела как подмороженная, как царство арктическо-монархического вечного холода. Поэтому многие, естественно, желали привести Россию в соответствие с требованиями времени. Они «ждали конституции, парламента, как когда-то иудеи ждали Мессию». Но русские — не иудеи, покорно слоняться 40 лет по пустыне они не будут. Да и русские евреи — это вам не их палестинские предки. В России все острее, жестче, непримиримее, воинственнее... И дело не в интеллигенции, а в народе. Народу наплевать и на конституцию, и на Думу, и на Земский собор.

Значительная часть реформаторской части общества последующую судьбу России связывала с партиями «третьей возможности» или «третьего пути». 12—18 октября 1905 г. состоялся Учредительный съезд партии конституционных демократов (кадетов),

главой которой стал ученый и политик П.Н. Миллюков (1859—1943). Это была личность, бесспорно, яркая, но неоднозначная. Автор трехтомника «Очерков по истории русской культуры», приват-доцент Московского университета, член многих московских обществ, популярнейший лектор, был изгнан за свои взгляды царским правительством из университета. В дальнейшем читал с триумфом лекции в России, Болгарии, США, Англии, став в открытую оппозицию к самодержавию. Позже другой видный кадет, А.А. Кизеветтер, скажет о нем: «Придет время и наш отдаленный потомок напишет историю нашей бурной и страшной эпохи». В книге об Октябрьской революции — и в главе о политической борьбе того времени, и в главе о Гражданской войне в России — господину Миллюкову будет отведено немалое число страниц, «исполненных захватывающего содержания».

Популярность П.Н. Миллюкова только возросла, когда царское правительство заключило его в «Кресты». Когда же власти попытались его приручить, намекнув (через министра внутренних дел В.К. Плеве) о возможности его назначения министром народного просвещения, тот отказался, сказав, что «на этом месте ничего нельзя сделать». Но зато изъявил готовность стать министром внутренних дел! Вот они, наши «либералы»: дай им волю, помани во власть — и они тотчас же норовят схватиться за дубинку или свисток. И такой человек, болтун, имевший репутацию «политического гастролера» и «отпетого революционера», возглавил партию кадетов, конституционных демократов. На страницах нелегального журнала «Освобождение» он писал в 1904 г.: «Будем патриотами для себя и для будущей России, останемся верными старой народной поговорке — Долой самодержавие! Это тоже патриотично...» Впрочем, иные были в восторге от его слов, заявляя: «Слушать Миллюкова всегда было наслаждением. Был он оратором англо-саксонского типа: говорил спокойно, избегая всяческого пафоса, цветистых образов, красивых фраз, почти не жестикулировал, не пользовался звуковыми модуляциями... Форма всегда подчинялась содержанию его речи... И вместе с тем как-то естественно получалось, что с точ-

ки зрения стилистической выступления Милюкова всегда были блестящими. Он говорил на прекрасном, очень точном русском языке». Однако слова его не могли ничего спасти или создать. Как не смогли создать ничего путного «демократические» воры и прохвосты, что пришли во власть в 90-е гг. XX века на волне отрицания социализма. Где они сегодня?!

Впоследствии Милюков писал о своих намерениях в тот период: «Я мирил конституцию с революцией, видя в сближении обеих единственный шанс политической победы». Но примирения не получилось, ибо наивно-безнадежна была сама попытка в условиях разгоравшейся в России классовой борьбы скрестить ужа и ежа, царское самодержавие и левые революционные силы. Программа новой партии кадетов представляла собой курс «золотой середины». Будучи представителями русских «интеллигентских традиций, кадеты» не желали идти ни с правыми (служившими «узкоклассовым» интересам помещиков и капиталистов), ни с левыми, исповедующими «чисто классовую доктрину пролетариата». Изданный царем Манифест 17 октября одни бурно приветствовали, другие отвергали. Кадеты во главе с Милюковым требовали, чтобы формальное провозглашение политических свобод в Манифесте было дополнено реальными шагами (конституция, создание правительства парламентского большинства, амнистия, отмена исключительных законов, созыв Учредительного собрания). Это был курс на демократизацию страны. И как таковой его следовало бы приветствовать, если бы у него была хоть какая-то возможность быть реализованным на базе примирения всех сторон.

Стороны вроде бы хотели найти выход... Так, председатель Совета министров Витте пригласил Милюкова на беседу для переговоров. Однако вскоре стало ясно: на пути политических перемен в стране стоит самодержавие. Милюков скажет, что ответ Витте был недвусмыслен: «Он ответил мне просто и ясно: «Я этого не могу, я не могу говорить о конституции, потому что царь этого не хочет». Я так же просто сказал ему: «Тогда нам не о чем говорить»! В итоге Россия оказалась в политическом тупике. Другой яркой фи-

Проект русской конституции 1905 г.

гурой среди кадетов был И.И. Петрункевич (1843—1928). Выпускник юридического факультета Петербургского университета, он проникся либеральными идеями с юности, хотя в «пугачевском духе» не был настроен. «Мы мечтали о конституционном строе... но вовсе не мечтали о революции», — писал он. В невозможности сохранения самодержавия в России его убедила и личная встреча с Николаем II. В 1905 г. И.И. Петрункевич избран председателем Союза союзов. Союз ставил целью максимально способствовать успеху реформ. Из усилий либералов, собственно, и выросла партия, которая затем получила наименование «Конституционно-демократической», или «партии Народной свободы». С этой партией будет связана вся дальнейшая жизнь и деятельность Петрункевича. Октябрь 1905 г. он воспринял как величайшую победу демократии. По его словам, «Манифест 17 октября означал капитуляцию царского самодержавия, победу над рабством, права над произволом, т.е. всего того, о чем пять поколений русских людей не только мечтали, но ради чего приносили столько жертв». Но вскоре все иллюзии испарились. Провозглашенные царем свободы были лишь писать на бумаге. Напомним, что царь пошел на некоторые шаги по демократизации общественной жизни в России лишь после Крова-

Свобода печати

вого воскресенья.

Напомним и то, что еще Бакунин предупреждал: «В 1863 году быть в России страшной беде, если царь не решится созвать все-народную земскую Думу». Самодержавию потребовалось 45 лет, чтобы все же прийти к пониманию справедливости этих слов (хотя и вынужденному). Сначала оно пролило море крови, а потом пошло на жалкие уступки. Оставались надежды на созыв Государственной думы, нового представительного органа власти, где кадеты могли бы быть представлены довольно весомо. Уже и высший класс России проявлял все большее недовольство политикой царя, становясь в оппозицию. С.Ю. Витте вспоминал о сентябрьских настроениях 1905 г.: «Смута увеличивалась не по дням, а по часам, революция все грознее

и грознее выскакивала на улицу, она завлекала все классы населения». Земские, городские деятели открыто стали говорить: «Спасение России лишь в конституции». Не кто иной, как С.Ю. Витте (вместе с князем А.Д. Оболенским и Н.И. Вуичем) пишет известный манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Будущий председатель I Государственной думы, профессор С.А. Муромцев говорил: «Только конституция может умиротворить и успокоить, а потому надлежит ее требовать». Говорили, что это Витте и Трепов заставили царя подписать 17 октября 1905 г. «Манифест». В послании к царю Витте заметил, что государству Российскому грозит страшная опасность. «Выбора у власти нет: ...или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ними наступит дикий разгул низменных человеческих страстей». По мнению ряда ученых, шаг сей, тогда спас страну от хаоса гражданской войны, а самодержавие — от краха. Через два дня Витте назначен председателем только что созданного Совета министров. В этой роли он выступил организатором подавления революции, рекомендовав на пост генерал-губернатора Москвы вице-адмирала Ф.В. Дубасова, который сразу же заявил, что в борьбе с крамоллой и революцией не остановится «ни перед какими самыми крайними и самыми суровыми мерами». Однако даже и этот человек, подавивший мятеж в Москве, говорил о необ-

Жетон в честь публикации манифеста Николая II

И. Репин. 17 октября 1905 г.

ходимости менять «отживший строй».

27 апреля 1906 г. I Дума была созвана. И что? Акт 17 октября не был ни добровольным, ни продуманным действием царя. Говорили, что Манифест 1905 г. подписан царем под давлением великого князя Николая, который в присутствии царя и Витте якобы угрожал застрелиться, если тот не будет подписан. Эту легенду распустила царица. В любом случае Манифест являл собой вынужденную уступку, как говорили, «итог позорной войны и внутренней смуты». После принятия Манифеста Витте скажет, что, раз «над Россией прогудел голос 17 октября, его не потушить ни политическими хитростями, ни даже военной силой». Россия будет конституционным государством. Вопрос в том, «совершится ли это спокойно и разумно или вытечет из потоков крови». С. Витте утверждал, что «Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы», и сожалел, что Думу не создали еще в 80-х гг. XIX в., поскольку властям «тогда не пришлось бы делать теперь сразу такого скачка». Но и он занимал уклончивую позицию, лавировал, угождал, советуя царю бросить Манифест в пасти тех, кто хочет его «сжрать», — как кость собаке!

Поэтому, несмотря на уверения тех, кто

пытался представить Манифест как важный рубеж, давший свободу и права русскому обществу, с этим утверждением согласиться трудно. В тех условиях не могло возникнуть ни «самодержавной конституционности», ни «думской монархии». Принятый в 1905 г. закон о выборах в Государственную думу являл собой прямую насмешку и издевательство над идеей народного представительства. Посудите сами: возможность участвовать в голосовании на выборах в Думу из 140 млн населения страны получали всего лишь 4 млн, т.е. 3 % населения. Между политическими лагерями существовала глубочайшая пропасть. И преодолеть ее оказалось невозможно. Ведь дело не только в революционерах. Как монархисты, так и либералы, расходясь в видении будущего устройства России, единодушны в одном — в неприятии компромиссов. К примеру, лицо, наиболее приближенное к императору Николаю II, дворцовый комендант генерал-майор Трепов считал, что все проблемы России — это «выдумки интеллигентов, жидов и франкмасонов». По его мнению, все решалось «очень просто» (любимейшее его выражение). Если, скажем, крестьяне бунтуют, жгут усадьбы помещиков, захватывают земли, надо их сечь, вешать и расстреливать. Полезли евреи, «господа жида», в револю-

цию, так чего же проще: надо «...всех жидов выгнать из России, а кто не выедет, тех истребить». Столь же мало оригинальны и рецепты октябристов. К примеру, в 1905 г. церемониймейстер двора барон П.Л. Корф, один из столпов октябризма, умолял премьера С.Ю. Витте: «Немедленно, граф, поставьте пушки на Невском и на других улицах и расстреливайте, расстреливайте». Граф И.И. Толстой напрасно удивлялся тому, что либералы в России, т.е. люди так называемых передовых убеждений, либеральны только на словах, на деле же мало чем отличаются от реакционеров. С.Н. Булгаков, христианин и либерал, должен был вроде бы приветствовать выход России на конституционный путь развития. При известии о Манифесте 17 октября он в порыве восторга устремился с толпой студентов и, как признается сам, даже нацепил красный бант. Но в какой-то момент «почувствовал совершенно явственно веяние антихристового духа» и, придя домой, тут же выбросил красный бант в ватерклозет. Поэтому сегодня трудно с полной уверенностью говорить о том, что именно тогда все же «родилось» в России. Похоже, что из бездонного и жуткого омата Кровавого воскресенья и революции 1905 г. могло явиться лишь дитя страха и взаимной ненависти. Тем более что, как заметил Бертран Рассел: «Ненавидеть врагов легче и увлекательнее, чем любить друзей». Но Аристотель ведь говорил: «Если гнев врачуетса временем, то ненависть — неизлечима».

Манифест восторженно встречен либеральной буржуазией и крайне негативно — правыми. Вот оценки правых — в записях начальника канцелярии Министерства императорского двора А. Мосолова... Министр двора граф Фредерикс, присутствуя на открытии Думы в Таврическом дворце, прямо заявил ему: «Депутаты произвели на меня впечатление шайки бандитов, которые только и ждут момента, чтобы наброситься на министров и перерезать им горло. Никогда больше не появлюсь среди них». Хотя и думцы, чей скромный облик резко контрастировал с «величественными одеяниями министров и высших сановников», также взирали на царедворцев с неприязнью. Церемония «наполнила сердца депутатов завистью и ненавистью». Возникло тревожное ощущение, что

1 Государственная дума (1906).

3-й слева В.Д. Набоков,

4-й — председатель Думы С.А. Муромцев

дарование царем народу горсти политических свобод ничего не даст: слишком глубоки разногласия между сторонами. Мосолов подчеркнул, что ко времени роспуска II Думы стало ясно, что «выборы новой Думы ничего не дадут — она не обеспечит сотрудничества депутатов и правительства, то есть того, для чего создавалась». Соглаasia не получалось.

Акт царя никого не удовлетворил, ни наверху, ни внизу... Бывший на открытии I Государственной думы, А. Кони ехал домой с чувством, что он присутствовал «при погребении самодержавия». Витте рассматривал это решение как «брошенную кость» (Где общество — это стая собак). Фраза Витте звучала так: «Прежде всего постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость, которая все пасти, на вас устремленные, направит на себя. Тогда обнаружится течение, которое сможет вынести нас на твердый берег». Дело не в том, говорил ли он так или иначе. Суть — политика была именно такой. Витте не верил в успех думского «предприятия» (как и самодержавного строя), заявив журналисту «Новой жизни» Л. Львову, интерпретировавшему его беседу с царем: «Во-первых, ваше сообщение не вполне правильное, а, во-вторых, вы же сами понимаете, что с этим кретином (его буквальное выражение, адресованное Николаю II) иначе ничего не поделаешь». 17 октября — вынужденная уступка буржуазии со стороны царя.

Этому способствовали некоторые личные качества императора. Сегодня говорят о вос-

питанности, добродуший, мягкости, божьей кротости последнего русского царя. Прямота подвижник, что просится в канонические святцы как святой или великомученик. Но и палач, говорят, добродушен и мягок с жертвой перед казнью оной. Давая характеристику помазаннику, мы охарактеризовали бы его как «сентиментальный палач». Упрямство и мягкость в сочетании с желанием душевного комфорта приводили к тому, что он не любил слушать, а главное — говорить правду. Этот человек предавал всех. Молва справедливо создала ему славу неискреннего и лживого человека. И даже горячая и неизменная любовь к жене — женщине, психически не уравновешенной, глупой, но возмнившей, что она — Жанна д'Арк, которая призвана спасти Россию и наставлять ее слабого мужа, а поэтому имеет право вмешиваться в государственные дела, находившиеся в ведении государя, — эта любовь его привела в итоге к полнейшей дискредитации верховной власти. И его и ее возненавидели все. Не способствовало престижу власти и то, что мистически настроенная царица «для общения с Богом» выбирала проходимцев и шарлатанов типа Папюса или конокрада, пьяницу и развратника Распутина. Тщетно великий князь Александр Михайлович, приехав после убийства Распутина к ней в Царское Село, убеждал императрицу отойти от политики, а царя — сформировать приемлемое для Думы правительство. Императрица настаивала на том, что для истинного самодержца невозможно делить власть с парламентом. Великий князь на это со всей откровенностью, по-родственному, скажет: «Ты слишком заблуждаешься, Аликс. Твой муж перестал быть самодержцем 17 октября 1905 г». Думаю, Николай II никогда им не был. Это гораздо ближе к истине.

Отрицательно отнеслись к решению царя о созыве Думы и монархисты. Так, Н.Е. Марков охарактеризовал суть манифеста, как «ловушку, изданную в минуту страха». Н.А. Павлов заявил, что «Дума есть революционный аппарат, в ней заседают 500 Пугачевых». «Мы хотим привести русский народ в то движение, которое остановить невозможно», — заявил член Думы Аладын в 1906 г. Туда шли для того, чтобы не столько помогать

народу, сколько заниматься лоббированием, получая парламентскую неприкосновенность. Слова о «новой пугачевщине» не сходят со страниц правой прессы. Редактор «Киевлянина» Д.И. Пихно, что, по словам Шульгина, выступал против либерального движения, так откликнулся на Манифест: «Будет каша, будет отчаянная каша... Там, в Петербурге, потеряли голову из страха или ничего, ничего не понимают... Я буду телеграфировать Витте, это бог знает что они делают, они сами делают революцию. Революция делается от того, что в Петербурге трясутся. Один раз хорошенько прикрикнуть, и все станут на места... Это ведь все трусы, они только потому бунтуют, что их боятся. А если бы увидели твердость — сейчас спрячутся... Но в Петербурге не смеют, там сами боятся. Там настоящая причина революции — боязнь, слабость. Теперь бухнули этот Манифест. Конституция! Думают этим успокоить. Сумасшедшие люди! Разве можно успокоить явным выражением страха. Кого успокоить? Мечтательных конституционалистов? Эти и так на рожон не пойдут, а динамитчиков этим не успокоишь. Наоборот, теперь-то они и окрылятся, теперь-то они и поведут штурм. Я уже не говорю по существу. Дело сделано. Назад не вернешь. Но долго ли продержится Россия без самодержавия — кто знает. Выдержит ли «конституционная Россия» какое-нибудь грозное испытание... «За веру, царя и отече-

Редактор «Киевлянина» Д.И. Пихно

Дума в России... А воз и ныне там

ство» — умирали, и этим создавалась Россия. Но чтобы пошли умирать «за Государственную думу», — вздор». Заметим, верно схвачена дилемма России, что ни слабому царю, ни пусть даже демократической Думе народ все равно не верит. Вскоре выяснилось, что даже созыв Думы по большому счету ничего не решал.

Хотя в этой же оценке, как в капле воды, отразилось непонимание твердолобыми монархистами важности парламентаризма как отражения воли народа. Хотя многое тут верно подмечено, объясняя будущий крах Учредилки. Действия царя оттолкнул от него буржуазию. Керенский писал: «Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. разорвало узы между рабочими и короной. 8 июля 1906 г. (ропуск Думы. — Ред.) был нанесен смертельный удар по вере русского крестьянства в царя как в справедливого и беспристрастного защитника народных интересов». Народ во всякого рода думские затеи тоже не верил, ибо членство в буржуазных партиях, тем более представительство в Думе было доступно преимущественно обеспеченным или богатым людям. И тогда, и сегодня! Деньги и тогда были нервом политики. А.П. Веретенников, член ЦК Союза 17 октября («октябристов»), выступая на заседании в Петербурге 28 сентября 1906 г., открыто напоминал, что партия нуждается в средствах, ибо без денег никакой

эффективной политической борьбы не бывает. Надо, чтобы член Союза 17 октября проникся ясной и простой идеей: «Давая деньги Союзу, он как бы страхует свою жизнь, свое имущество и спокойствие от всех ужасов, порожденных нынешней неурядицей» Иначе говоря, клади деньги, вступай в партию, получай себе парламентскую неприкосновенность — и дальше делай, что тебе заблагорассудится (воруй, грабь), ты — неподсуден!

Недавно в России пышно отпраздновали 100-летнюю годовщину создания Думы. Говорили о ней, как о событии чуть ли не эпохальном. Приводили слова лидера кадетов В.А. Маклакова, правда, сказанные им уже в эмиграции: мол, с тех пор «Россия стала конституционной страной» и отныне Россия могла бы развиваться «только по линии соглашения между исторической властью и обществом». Но на деле документ продемонстрировал, что соглашение между царем и обществом невозможно. По большому счету Дума была вообще не легитимна. Дума избиралась выборщиками, составившими 3,3 % населения России, женщины были исключены из выборов, парламент не имел прав выбирать правительство, имущественный ценз огромный и т.д. и т.п. Поэтому слова Маклакова, что конституция, мол, «стала воспитывать и власть и самое общество» — глупость, чистейшая ложь. Никого она не

представляла, кроме кучки буржуазных деятелей, интеллектуалов и политиков. Характерно, что даже октябрист Гучков очень точно назвал ее «хилым цветком».

К слову сказать, у того же Маклакова встречается верное видение последующего хода российской истории (post factum): «Она (Дума. — Ред.) могла предлагать «последние слова» теорий и практик цивилизованных стран; могла не думать о том, с какими затруднениями встретится в России их применение. Но с 1906 года Россия от «теорий» перешла в период практического осуществления, ибо Дума была не посторонним наблюдателем, а частью государственной власти. Положение власти тогда было трудное. По пятам за реформами, чересчур опоздавшими, уже бежали революционные волны; они стремились добить старую власть, даже заменить привычного для России Государя интеллигентской Учредилкой. Эти революционные волны ударили уже не по старому самодержавию, а по вновь объявленному конституционному строю. Это обычный порядок вещей. Когда в 1917 году пала монархия и создалось правительство революции, революционеры все-таки продолжали «углублять революцию», ослабляя созданную власть... и после объявления конституции и созыва Думы в России усилилось то, что ораторы называ-

ли «гражданской войной». Революционная стихия хотела вовсе не мира, а полной победы». Причины тех разногласий и конфликтов сложнее и глубже, но ход вещей улавливается верно. Объясняя причины недальновидной политики кадетов, накануне Первой мировой войны Маклаков признавался: «Но что показала либеральная общественность в лице кадетской партии в эпоху Первой Государственной думы? Она оказалась способна только мешать; мешала в их деле и революционерам, и реформаторам... А своих государственных людей она не выдвинула потому, что свою созидательную силу они могли бы показать только в сотрудничестве с исторической властью, а этого кадетская партия не захотела, так как легкомысленно вообразила, что власть «повержена» и «подняться не может», «революционеры» им подчинятся, и что они все смогут одни. И жизнь прошла мимо этих детских претензий». Значительная часть вины за подобное положение, бесспорно, лежит на царе, поскольку правящий слой за все отвечает. Ну и, конечно, на буржуазии!

Позже многие будут недоумевать: как же так получилось, что политические силы в России не смогли договориться, достичь компромисса?! А причина проста: все они жили «в разные эпохи». Об этом сказал Салтыков-Щедрин, заметив, что он «писатель семнадцатого века».

Государственная дума. Таврический дворец. 1906

У нас царь, его окружение все еще продолжали пребывать в XVI в., дворянство — в XVII—XVIII, купцы, крестьяне, буржуазия — в XIX в., а пролетарии и социалисты — в XX в. Такая вот социальная чехарда! Н.Бердяев, «эта многострунная личность», впоследствии скажет, что всякий народ живет в разные времена и разные века. «Но нет народа, в котором соединялись бы столь разные возрасты, которые так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни». А правильнее было сказать, что Россия представляла собой разные народы — не только в смысле языка, веры, культуры, но и разные по внутренним и ценностным установкам, по культуре и условиям жизни. Все они жили, словно в разных мирах. Но так долго не могло продолжаться... Народ и государство тогда крепки, когда они едины.

Между левыми и правыми — непримиримые и острейшие разногласия... Правые объединились вокруг националистического Союза русского народа, настаивали на применении жестких мер против революционеров, на подавлении выступлений и смертной казни за революционные действия. Их цель — защита помещичьего землевладения. Хотя все маскировали демагогическими призывами к равноправию, свободе и т.д. Дворяне понимали: ставка больше, чем жизнь, ведь левые, готовя переворот в России, покушаются на их вековые права. Конечно, у Союза русского народа были и здравые идеи... Как известно, среди основополагающих идей Союза были такие, как: незыблемость царской власти, ведущая роль православия в государстве и частной жизни граждан России, единство и неделимость империи, специфичность и своеобразие путей развития русского народа и государства. В программе подчеркивалась необходимость сохранения за русской нацией преимущественного положения среди других народностей. Ведь русские были главными собирателями, устроителями империи, ее защитниками. А потому им в первую очередь и «принадлежит право государственного строения и управления». Их роль должна быть решающей в высших учреждениях, Земском соборе, Думе и Кремле. Союз провозглашал

Общественный деятель А.И. Дубровин

целостность и неделимость России в ее «теперешних границах», а при управлении окраинами империи, без ложных скромностей и стеснений, должно ставить на первое место «общегосударственные пользы и выгоды и поддержку законных прав русских людей».

В программе Союза подчеркивалось, что никто не желает нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народов, оставляя неприкосновенными «их

Значок Союза русского народа

веру, язык, быт, благосостояние и землю», признав специфику народностей, живущих на окраинах, оставляя им «особую общественность». Союз считал эти народности «равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями и сородичами». В частности, Союз выразил «свое благорасположение» всем, «содержащим Магометов закон». Близок был по воззрениям к Союзу Русского народа и Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНС), возникший в марте 1908 г. в результате раскола Союза русского народа. РНС стоял на началах главенства идей самодержавия, чистоты православной веры, единства империи, не признавал различий «между великороссами, белорусами, малороссами и червоноруссами». Союз полагал, что Государственная дума должна быть носителем чистых русских идеалов, а русские должны поддерживать все сословия и состояния «как в духовном, так и в материальном отношении». Одним из основателей Союза русского народа был не кто иной, как великий русский ученый Д.И. Менделеев. К сожалению, русский национализм не смог сплотить свои ряды. Не сумел, а должен был взять в руки власть, взять крепко и навсегда.

В деятельности Союза русского народа, повторяю, было немало разумного, полезного для России. Его члены мощно работали в области просвещения, пропаганды (газета «Русское знамя»). Члены Союза объединялись в боевые дружины, защищали порядок по стране, борясь с революционерами; проявили себя при разгроме антирусского восстания в Севастополе и Одессе. Создавались ими и боевые дружины на заводах. Местные отделения Союза русского народа содействовали правоохранительным органам России в борьбе с преступностью и спаиванием народа, конфискуя нелегальную водку в шинках (обычно — еврейских). Всем отделам «союза Русского Народа» предлагалось, в случае нарушения российских законов, выносить на собрания постановления «О выселении евреев, являющихся вредными для русских интересов, из данной местности». Возбуждались и уголовные дела против явных преступников. Число членов Союза доходило до 400 тыс. человек (и это только актив), а в целом по стра-

Член-корреспондент РАН Д.И. Менделеев

не составляло к концу 1907 г. не менее 2 млн человек. Русские люди были недовольны тем, что в действиях террористов слишком уж отчетливо «торчали уши» еврейских радикалов. На начало 1906 г. в России выходило около 90 патриотических газет и журналов. Оные имели хождение в городах и деревнях. Возникли и другие общества, работавшие в русле Союза русского народа (Союз русских рабочих, Союз русских женщин, Двуглавый орел, Всероссийский национальный союз, православные братства, общества хоругвеносцев). В одной Московской губернии было 40 тыс. хоругвеносцев, возникли общества трезвости, созданные Православной Церковью.

Рано почил великий Менделеев, светлая ему память. Какая простая и великая мысль: уделить внимание самому главному элементу Российской державы — Русскому Народу! Делать это нужно постоянно, умно, настойчиво и упорно. О том же мечтал В.В. Розанов, не особенно надеявшийся на всякого рода конституции, парламенты или учредительные собрания, до которых люду далеко как до Луны. В статье «Как торжествует «русский национализм»» (1911) В. Розанов не оставил камня на камне от планов тех, кто пытается на русских костях въехать в еврейский рай: «Росту народной русской культуры вредит засилье

В.В. Розанов

националистов. После битвы при Калке татары связали пленных противников, положили их под доски и сами сели на (эти) доски обежать. Современные националисты вошли в роль этих татар. Связав инородцев, они на их костях ораторствуют и пишут на тему: «Россия для русских»... Так я прочел в «Речи», за подписью социал-кулябки Философова, статью против себя, против А.А. Столыпина, покойной княжны Дондуковой-Корсаковой, с которой... отказались говорить шлиссельбуржцы,

против Пушкина и его «Клеветников России», против Лермонтова и его «Бородин», против Толстого и его «Войны и мира»: все мы «осатанели» (слово Философова), все сидим на костях инородцев и жирно едим, жирно пьем, когда Мережковский и Философов похристиански постятся над тем местом, где зарыт прах Мордки. Сидим, веселимся и кушаем, а косточки инородцев трещат... Встал (я тогда) — и пошел к гипсовой маске, снятой с покойного русского философа Страхова, где у меня хранятся нужные бумажки. И достал документ о притесненных инородцах: это — «Повестка о назначении дела генерала Петрова против меня к слушанию»: «На основании 882-й ст. уст. уг. суд. Защитником ему, Розанову, председателем назначен присяжный поверенный Аркадий Львович Зильберштейн». При повестке был приложен на отдельном листочке «Список, составленный на основании 589-й ст. уст. уг. суд. «... Текст: «Именной список гг. судей и товарищей прокурора 2-го уголовного д-та сбп. Судебной палаты. Председатель д-та А.И. Руадзе, члены палаты: Л.В. Позен, И.Д. Архангельский, М.В. Лешко-Попель, И.П. Савастьянов, В.В. Граве, и Г.И. Орлов. Товарищи прокурора М.С. Тлустовский, А.С. Червинский, И.Н. Шведер, М.П. Мякин, Е.О. Шарко, Н.А. Громов и М.В. Литовченко.

Основатели Союза русского народа

Депутаты Госдумы под арестом. Хорошо сидят...

За секретаря В. Зек»... Вот вам и «лежат под досками»... Не нашлось «Ивановых», «Семановых», «Вознесенских» для суда в столице Империи... Но какой же «Иванов» не дурак и какой же «Зильберштейн» не умница...» Далее Розанов описывает неприглядную картину, что предстала перед ним, когда он вошел в зал судебной палаты, где «судили» брошюру «Русская церковь». Тут было сплошное засилье евреев, какой-то библейский потоп, исход господ евреев — почти ни одного русского лица!

«Зрелище, которое мне открылось, было до того внушительно и страшно, что, признаюсь, я потерял способность следить за ходом защиты моей брошюры: плохо освещенный большой зал весь наполнился темным людом, с адвокатскими значками, между которыми не было ни одного русского лица, с этакою «русскою бороδοю» и русской походкой, словом, — признаки есть, ошибиться нельзя... Весь русский суд уже захвачен нерусскими, и тут «так сложилось дело», что вновь приходящему русскому «не просунуть и носа»... Ну, есть Андриевский, есть Карабчевский, еще, конечно, найдется десяток, может, два десятка на весь Петербург, которых уж никак нельзя было не пустить, сила у них большая, талант слишком яркий... Но все, что не «сом», все, что помельче «сома», — все это не пушено, в сущности, вовсе не «сомами», а «Зильберштейнами», которые «умны» и «подходящи» просто потому, что они «Зильберштейны», и что тут «свой своего держит и чужого топтит». Любопытно, что хотя членами Союза русского народа были император (он имел членский билет № 1) и святой Иоанн

Кронштадтский, не только евреи-сионисты, а и чиновники считали русские союзы едва ли не главными противниками империи.

У нас происходило (происходит) сращивание русского, еврейского, грузинского и т.д. вора, подлеца-чиновника, с плутократом... Враждебны России все эти люди. После Февральской революции, давшей «свободу», в Петропавловскую крепость был заточен по ложному обвинению Дубровин. В дальнейшем еще увидим этих шведеров и швондеров, зеков и заков, «замечательных грузин». Вслась попируют на костях Русского народа в Советской России... Ох, как затрещат тогда эти кости, кости «народа-Богоносца»!

«Государственная Дума есть учреждение только политическое. Ни с русской национальностью, ни с каким-либо вероисповеданием она прямо не связана. В составе Думы находят одинаковое место и атеисты, и еретики, и инославные, и магометане, и евреи. Такое-то учреждение получило огромную власть в государстве, от правительства которого, безусловно, зависит Православная церковь при современном построении Ее управления», — писал «Московский голос» (1906 г.). Но правые в чем-то были правы, считая Думу политиканствующей и продажной. В ней они видели заразную болезнь. Средства лечения от «болезни» предлагались соответствующие уровню их политической культуры. Глава Союза русского народа А.И. Дубровин предложил развернуть строительство домов для умалишенных с последующим размещением там иных депутатов Думы, «всех одержимых сумасшедшим бредом представителей наро-

да в Государственной думе», как вошедших туда по недосмотру. В итоге нападков на Думу правых депутатов в согласии с мнением царя 9 июля 1906 г. I Государственная дума была распущена. Надо сказать, что этот шаг царя одобрили не только царедворцы, но многие рабочие, поскольку в составе Государственной Думы тогда, да и сейчас, таковых невозможно отыскать днем с огнем. После прихода к власти большевиков-евреев А.И. Дубровин был заключен в тюрьму, где подвергся истязаниям и зверски убит.

Кстати, расхожее мышление было то, что почти все рабочие — за большевиков. Но это не совсем так. В классовом плане многие, конечно, разделяли их взгляды, но методы и в особенности национальный состав партийцев вызывал отторжение. К концу 1905 г. значительная часть рабочих устала от политических потрясений; ситуация изменилась, и влияние рабочих-патриотов в Уфимских мастерских стало доминирующим (в их рядах насчитывалось до 1400 рабочих, у социал-демократов и эсеров, соответственно, — 658 и 53 человека). Несмотря на угрозы со стороны боевиков, рабочие-монархисты сотрудничали с полицией, указывали ей на лидеров революционных организаций, выступали свидетелями по делу о восстании в Уфимских железнодорожных мастерских в декабре 1905 г. Против них террористы применяли террор. 10 декабря 1905 г. они бросили бомбу в рабочего-монархиста Кудряшева за то, что тот донес на них коменданту. Пострадавший остался жив, но взрывом ему оторвало ухо и повредило череп. Избили слесаря С. Корнеева за его отход от «идеалов революции». В свою очередь, сторонники «русской России» ловили и били террористов и их пособников. Как сообщили газеты Одессы, 24 января 1907 г. в районе университета в течение нескольких часов патриоты-дружинники, рассыпавшись на небольшие группы, ловили и избивали студентов. Некоторые спасались бегством. Вслед им посылались выстрелы... Делались попытки организации рабочих в боевые дружины. Умный царь давно роздал бы оружие таким рабочим и перестрелял бы всех террористов-бунтовщиков. 6 декабря 1905 г. рабочие Уфимских железнодорожных мастерских об-

разовали Патриотическое общество мастеровых. В телеграмме они писали царю: «Мы верим и детей наших научим верить, что православный русский царь всегда был, и есть, и будет — Царем милосердия, правды, законности и порядка». Тот с удовольствием прочитал телеграмму и поблагодарил Патриотическое общество рабочих за выраженные вернопо-данные чувства. Хотя после Кровавого воскресенья такие чувства редки.

Промонархические настроения выражали и другие национальности, в том числе и такой мощный, культурный, многочисленный народ, как татары. Если бы тогда монархисты сумели объединиться и направить объединенные рати русских и татар против единого врага, иной стала бы и русская история... Однако для этого нужен был сильный, жесткий царь. Взгляды специалиста по татарской «этноистории» Р.У. Амирханова нам понятны, когда он говорит о том, что «у татар не было ни черносотенных партий, ни прочих организаций типа, скажем, Союза русского народа, Палаты Михаила Архангела и т.п.». Этим он, в частности, объясняет тот «феномен», что «в татарской прессе не было крайне правых, точнее сказать, черносотенных изданий». Грандиозной демонстрацией поддержки идеи единства России стало участие татаро-мусульманского населения в патриотической манифестации 22 октября 1905 г. (в День Казанской иконы Божьей Матери), ставшей продолжением манифестации 21 октября, положившей конец так называемой Казанской республике и восстановившей законную власть в городе.

Иные упрекают татар за сокрытие истины... «Нынешние татарские историки пытаются умолчать или «переоценить» этот эпизод в угоду новым националистическим парадигмам» (И. Алексеев). Но шила, как известно, в мешке не утаишь. Вот как описал участие татар в событиях 22 октября 1905 г. ректор Казанской духовной академии, епископ Чистопольский Алексей (А.Я. Дородницын). «И вот еще не успел господин начальник губернии закончить свое приветственное слово, — повествует он, — как взоры всех устремились к воротам кремля, оттуда по направлению к собору двигалось необычайное шествие. То в строгом и чинном порядке следовали пред-

Мусульмане в России. 1905. Казань.

ставители благоразумного мусульманского населения, пришедшие заявить о своей полной солидарности с русским населением в деле проявления верноподданнических патриотических чувств! Сначала, предводительствоваемые муллами, шли попарно почтенные, убеленные сединами, старцы и несли портрет Государя, флаги национальных цветов и знамена с патриотическими надписями; за ними следовали солидные, серьезные мужи; шествие замыкали молодые юноши с ясными, радостными взорами, бросавшие сочувственные взгляды и улыбки русскому населению. На всем пути следования из Забулачной части города они пели... мусульманские религиозные песнопения и останавливались для краткой молитвы не только пред мечетями, но и пред христианскими храмами. Достигнув соборной площади, они чинно присоединились к русскому населению и с обычными почтительными восточными поклонами приветствовали представителя Царской власти и собравшееся множество мирных манифестантов. Русские граждане, в свою очередь, сочувственными взглядами приветствовали такое единение с ними мусульман в проявлении преданности Венценосному Монарху.

Почтенный представитель мусульманского населения г[осподин] Сайдашев явился пред губернатором выразителем тех чувств, которыми было одушевлено казанское мусульманство. В краткой, но трогательной

речи на русском языке он высказал, что его единомышленники и единоверцы — непоколебимы в своей твердой преданности законному Русскому Государю, и никакие революционные происки не в состоянии ослабить эту преданность. Россия — их дорогое отечество; в нем они спокойно могут исповедовать свою религию, особенно со времени полного укрепления начал веротерпимости (17 апреля 1905 года), и заниматься своим честным трудом. Большого и лучшего они не желают и поэтому вполне присоединяются к молитве русских за Державного Монарха, от всей души радуясь тому, что снова в городе восстановлено повиновение законным, от Его Величества поставленным властям! Буря сочувственных восклицаний со стороны русского населения: «Спасибо, мусульмане», «Мусульмане — наши друзья», «Мы их любим, и они нам ни в чем не мешают» — едва позволила расслышать ответную краткую речь г[осподина] Губернатора, благодарившего мусульман за их патриотические чувства и... пожимавшего руки представителям мусульманского населения. Близко стоявшие друг к другу русские и мусульмане также спешили обменяться сочувственными рукопожатиями, а воздух оглашался радостными криками «ура», «да здравствует Царь! «». Но проявление столь искренних чувств между татарами и русскими делает честь тем и другим как патриотам России!

Государственная дума

Во II Государственной думе, открытие которой состоялось 20 февраля 1907 г., правому крылу удалось завоевать четверть голосов выборщиков, но они все же заметно уступали объединению так называемых прогрессивных партий (24,8 %), «левому блоку» (25,8 %). Кадеты в Думе представлены известными идеологами (Струве, Новгородцев), учеными (Кизеветтер), юристами (Маклаков, Гессен, Тесленко) или специалистами (Кутлер, Герасимов). Соотношение сил в новой Думе складывалось в пользу левых. Их было большинство, и они не скрывали ненависти к правым. Противостояние еще более обострилось. Глава II Государственной думы Ф. Го-

ловин говорил о правом крыле Думы: «Здесь прежде всего бросались в глаза лукавые физиономии епископов и священников, злобные лица крайних реакционеров из крупных землевладельцев-дворян, бывших земских начальников и иных чиновников, мечтавших о губернаторстве или вице-губернаторстве, ненавидевших Думу, грозившую их материальному благополучию и их привилегированному положению в обществе». Исчерпывающую характеристику II Государственной думе России дал философ и историк С. Булгаков. В «Автобиографических заметках» он писал о думском периоде своей жизни: «Для меня было необходимо пережить Государственную думу, да и, разумеется, я имел достаточные данные, а потому и обязанность вложить и свои силы в общую работу. Однако препятствием оказалась партийность. По вышеуказанным причинам, став боком к революции уже тогда, я не мог примкнуть ни к одной из политических партий, всецело стоявших на почве революционного или контрреволюционного мировоззрения... Моя очередь пришла во II Госдуму, куда (я) и выбран по родной Орловской губернии, как беспартийный «христианский социалист». Я получил наконец депутатское крещение, и четырехмесячное сидение в «революционной» Госдуме совершенно и окончательно отвратило меня от революции. Из Госдумы я вышел таким черным, как никогда не бывал. И это было понятно. Нужно было пережить всю безнадежность, нелепость, невежественность, ник-

**Председатель Государственной думы
Ф.А. Головин**

В. Караулов, депутат-дворянин III Думы и, как бывает на Руси, бывший каторжник

ченность этого собрания, в своем убожестве даже не замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни для какого дела, утравшего в бесконечной болтовне, тешившего самые мелкие тщеславные чувства. Я не знал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Гос. Думы, где потом достойно воцарились бесовские игрища советских депутатов». «Бесы» — в Думе?!

С. Булгаков продолжал далее: «Разумеется, сам я совершенно не годен в депутаты и потому, может быть, с таким ужасом вспоминая эту атмосферу. Однако я сохранил достаточную объективность и бесстрашие, чтобы видеть там происходящее. И нет достаточно сильных слов негодования, разочарования, печали, даже презрения, которые бы мне нужны были, чтобы выразить свои чувства. И это — спасение России?! Это — уличная рвань, которая клички позорной не заслуживает. Возьмите с улицы первых попавшихся встречных, присоедините к ним горсть бесильных, но благомыслящих людей, внушите им, что они спасители России, к каждому слову их, немедленно становящемуся предметом общего достояния, прислушивается вся Россия, и вы получите II Государственную думу. И какими знающими, государственными, дельными представлялись на этом фоне деловые работники ведомств — «бюрократы». Одним словом, II Госдума для меня явилась таким обличием лжи революции, что я и политически от нее выздоровел. Однако я еще не стал монархистом... В мою «почвенность»

идея монархии и монархической государственности отнюдь не входила. Вопрос о монархии есть, в существе дела, вопрос о любви и нелюбви (ведь есть любовь и в политике), а я не любил Царя. Мне были гнусны, разумеется, рев и рычание революционной Думы, но я ощущал как лакейство, когда некоторые члены Госдумы удостоились царского приема где-то с заднего крыльца. Но, выйдя из Госдумы, после банкротства и разочарования в ней, куда мог я пойти? В Госдуме на меня произвел сильное впечатление своей личностью, смелостью, своеобразной силой слова (особенно на фоне жалкой брехни) Столыпин. Я совершенно не сочувствовал его политике, но я сохранил веру, что он любит Россию и, в конце концов, не солжет. И с этой — последней — надеждой я вышел из Таврического Дворца». В.И. Ленин тоже баллотировался во II Государственную думу, но не прошел, что окончательно убедило его в бесполезности буржуазных парламентов. Наша беда в том, что многие достойные русские интеллигенты, не желая иметь ничего общего с рево-

Годовое жалованье члена Думы 1906—1917 годов составляло 4200 рублей			
Цены...			
1 кг хлеба	1 кг мяса	Визит к врачу	
12 копеек	50 копеек	20 копеек	
...жарилеты (железные) так лет в рублках			
Сельского учителя, священника	Рабочего	Земского врача	Никемра
150—200	200—300	1500	2000—3000

Годовое жалованье члена Думы в 1906—1907 гг.

люциями, становятся «боком» и «спиной» не к Думе (это уж ладно!), а к народу России.

Левые и правые мечтали о единоличном управлении Россией. В битве мнений на первое место выступали интересы того или другого политических кланов. Правда, правительство в 1906 г. вдруг явило поразительный «радикализм»: Министерство Двора, дабы сократить расходы на аппарат, уволило 150 лакеев из Зимнего дворца, Петергофа, Царского Села, назначив им до приискания занятий субсидию по 25 руб. ежемесячно. Конечно, себе царедворцы и, глядя на них, господа депутаты только прибавляли.

После роспуска II Думы Совет министров под председательством Столыпина высказался против пересмотра избирательного закона. Но Николай, науськиваемый реакцией, своим окружением из числа крупных землевладельцев, упорно гнул линию на ограничение прав народа. Причем из трех проектов нового «Положения» царь умудрился выбрать самый реакционный, где первую скрипку должны были играть крупные помещики. Даже министры царского правительства называли сей проект не иначе как «бесстыжим». Тем не менее тот был утвержден императорским указом Сенату (3.06.1907) одновременно с роспуском II Думы без рассмотрения Думой и Госсоветом, т.е. с грубыми нарушениями основных государственных законов. И тогда царь издает «Манифест 3 июня 1907 года», который многие называли государственным переворотом. Что же лежало в основе нового закона?

«Положение о выборах 3 июня 1907 г.», на основании которого и будут проводиться выборы в III и IV Государственные думы, показательно. Николай и председатель Совета министров И.Л. Горемыкин пришли к выводу, что предыдущее «Положение о выборах» 1906 г. было «слишком демократичным» («широким»). Тем не менее их с «победой» поздравили члены персидского парламента («Меджлиса»): «Народные представители Персии спешат выразить свои живейшие поздравления Думе по случаю ее счастливого открытия. Либеральный дух, одушевляющий оба собрания, один и тот же. А так как все народы, стремящиеся проложить себе путь к справедливости — братья, то молодая персидская палата

**Бадамшин Г.С. —
депутат от Казанской губернии**

депутатов счастлива выразить самые искренние пожелания успеха своей старшей сестре и присоединить свой голос к ее голосу, чтобы вместе воскликнуть: «Да здравствует свобода народа, да здравствует справедливость!». Посмотрим, какова же она.

Преобладающее влияние в Думе получали депутаты от 50 центральных губерний (91 %). К выборам не были допущены Туркестанский, Степной края (кроме Уральского казачьего войска), казахская Внутренняя Орда Астраханской губернии, калмыки, Туруханский край, Якутская область и удаленные районы Дальнего Востока (Чукотка, Камчатка и т.д.). Избирательных прав лишались иностранцы, все женщины, лица, не достигшие 25 лет, военные, учащиеся, кочевые и бродячие инородцы, лица, виновные в преступлениях, отрешенные от должности по суду, состоящие под следствием, лишенные духовного сана, звания. В курии не попадали крестьяне и казаки, не являвшиеся домохозяевами, крестьяне-иногородцы в казачьих областях и на Кавказе, батраки, не имевшие отдельных квартир в городе, не служившие интеллигенты, ремесленники и рабочие ремесленных, транспортных, мелких промышленных предприятий, прислуга, а также деклассированные элементы. Учитывая необходимость наличия соответствующего ценза, в Думу могли попасть преимущественно очень состоятельные лица: крупные земельные собственники, дворяне, священники, что в иных случаях составляли около 4/5 уполномочен-

ных. Правда, одновременно не допускались к выборам и губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники, их помощники и чины полиции. Такое ощущение, что преследовали цель — вызвать всеобщее негодование Думой. Как среди народа, так и среди начальства! Что это как ни признак идиотизма!

В итоге выборщики от землевладельцев имели абсолютное большинство в избирательных собраниях, выбиравших 261 депутата (59%). В.А. Демин, говоря о последствиях принятия властью данного «Положения», справедливо отмечал: «Установление преобладания в Думе либеральных помещиков, имевших опыт участия в местном самоуправлении и управлении, в краткосрочном плане привело к упрочению политического и социального порядка и создало основу для существования представительного правления в форме конституционной монархии, что содействовало успешному развитию страны». Возможно, какой-то смысл в том был, но в долгосрочном плане последствия от «Положения 3.06.1907» оказались весьма и весьма спорными. «Произвольные нормы представительства значительно уменьшили легитимность Думы. Это привело к уменьшению ее влияния и замедлению преобразований, скорость которых перестала устраивать общество, в котором усилились радикальные настроения. Лишение крестьян большинства голосов способствовало ослаблению у них монархических настроений и уничтожило надежды на решение земельного вопроса через Думу. Крайне неравное голосование приводило к росту недовольства в образованном обществе». Ленин писал, что городской рабочий класс, деревенская беднота, батраки, бездомные крестьяне вовсе не участвовали ни в каких выборах. Он сформулировал и отношение левых партий к этой Думе: «Русский народ получает первые маленькие уроки конституционализма. Цена всяким законам о выборах народных представителей — медный грош, пока нет фактически завоеванного самодержавия народа, полной свободы слова, печати, собраний, союзов, пока нет вооружения граждан, способного обеспечить неприкосновенность личности. Мы сказали выше, что Государственная дума есть издевка над народным представительством. Это несо-

М.Я. Герценштейн. 1906.

менно так с точки зрения теории самодержавия народа. Но этой теории не признают ни самодержавное правительство, ни монархическая либеральная буржуазия (освобожденцы или конституционно-монархическая партия)».

Но пока в России наступил период «потухания революции» и реакции. Столыпин разослал в наиболее беспокойные части России так называемые карательные экспедиции, которые, по словам Милюкова, залили «кровью безрассудных расстрелов» свой путь и оставили по себе «самую тяжелую память». Тогда возникли организации «белых» террористов («белые стрелы»), которые повели настоящую охоту за революционерами и евреями (убийство Герценштейна и Иоллоса, соредатора «Русских ведомостей»). Фактически дело шло к роспуску и этой Думы, которая не могла устроить и удовлетворить ни правительство, ни царя. Пуришкевич разослал по отделам Союза русского народа секретный циркуляр, где предписывал отделам Союза, как только появится знак креста в органе Союза, «Русском знамени», тут же начать бомбардировать государя императора и Столыпина требованиями роспуска Думы. Хорошо, что дело еще не дошло (пока не дошло) до нанесения креста на дома революционеров и левых, как

это некогда проделали католики с домами гугенотов в Варфоломеевскую ночь.

Ход мыслей и характер поведения политических оппонентов в России были очень схожи. П.Н. Милюков писал: «Черный крест действительно появился 16 марта — и в тот же день был убит из подворотни известный сотрудник «Русских ведомостей» Г.Б. Иоллос, разделивший участь своего друга Герценштейна. Циркуляр пугал всех тем, что «более 250 террористов» Думы разъедутся на летние каникулы и «подготовят восстание к осени». На мое печатное обвинение, что эта партия «насилованного переворота признана главной опорой русского правительства», официоз ограничился двусмысленным опровержением. Забегая вперед, напомним, что тот же В.М. Пуришкевич заявил в печати в конце мая, что задание официозных переворотчиков исполнено. «Если не через десять дней, то через две недели Дума будет распущена» (она была распущена через три дня). Таким образом, правительство подчинилось «требо-

ванию» дворянства и «черной сотни». Как видите, даже представители буржуазии не могли между собой договориться. Столыпин ввел практику военно-полевых судов, что было, возможно, единственным средством ввести в более спокойное русло революционно-террористическую реку, грозившую совершенно выйти из берегов. Надо было как-то поставить на место это вконец озверевшее стадо. Однако зверели, не забудьте, обе стороны... Царь, это очевидно, и подтолкнул народ к кровавому восстанию. Видимо, С. Кара-Мурза не так уж и далек от истины, написав книгу «Столыпин — отец русской революции».

Хотя Дума получила в народе наименование «Думы народного гнева», таковой она не стала да и быть не могла. Правда, думские вожди направили в адрес правительства 400 запросов, осуждающих действия оно-го. Но правительству их бумаги негодились даже для мест общего пользования. Поэтому демарш ни к чему конкретному и не привел...

Обвал в Думе в 1907 г.

И.Н. Дурново

И.В. Гурко

Генерал Кауфман

Не устраивала Дума и умеренных националистов. В.В. Розанов в статье «Космополитизм и национализм» (1911) вообще-то прав, когда писал, что можно было распустить I и II Думы и вообще распускать подобные Думы без всяких поводов и юридических мотивов — по мотиву этнографическому: именно, что эти Думы (1-я и 2-я) «не выражали русского образа мыслей и, следовательно, не представляли русский народ». И далее он подчеркивает, что Думы оказались «случайны» по отношению к русскому народу.

Но позвольте, кто сделал такую «машину выборов»? Кто устроил все так, что «печь», сделанная в русском доме и для печения русских хлебов», печет не русский калач или ржаной каравай, а немецко-польские «крэндельки» или, извините, «еврейскую мацу»? Вся бюрократическая машина империи работала так, что огромные массы людей в России все более проникались недовольством к существующей системе. А.Ф. Кони обвинял царское законодательство в том, что оно «спит мертвым сном». Он пытался объяснить и причины вовлечения молодежи в революцию. «Где же ваша законодательная деятельность, могущая доставить удовлетворение чувству, возмущенному зрелищем народных тягот и лишений?» — скажет молодой человек... Мы ему ответим, что надо погодить, что придет время, что когда-нибудь законодательная наша машина двинется скорее, и т.д. Но так, господа, может рассуждать человек, охлажденный годами, в котором сердце бьется мед-

ленно и для которого пожизненная пенсия может уже сама по себе представляться завидным и вполне отрядным результатом занятий законодательной комиссией, но так не думает, так не может думать человек, в котором «сил кипит избыток». Он отвертывается в сторону, где вместо слов предлагают дело, и бросается в объятия революционера, который его давно сторожит и указывает ему на путь, на котором написаны заманчивые для молодого сердца слова: «борьба», «помощь народу», «самопожертвование» и т.д...». Предлагал Кони принять и первоочередные меры: 1) изменение системы народного образования, возвращение к гимназиям уваровского типа; 2) решение назревших вопросов народной жизни, решение действительное и скорое, без вечных недомолвок и оттяжек. Однако легко сказать, но как этого добиться в условиях войны всех против всех?!

Необходимо было реформировать Россию... Все хотя бы мало-мальски разумные люди это понимали. Но политика самодержавия в области реформирования была чрезвычайно неубедительной и робкой. Порой и убежденные монархисты советовали пойти навстречу желаниям широких общественных слоев. Генерал-губернатор Петербурга и товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов (тот, что в 1905 г. приказал «патронов не жалеть» при расстреле народа) пытался убедить великого кн. Николая Николаевича, что успокоения страны «можно достичь лишь при даровании народу ряда свобод — т.е. консти-

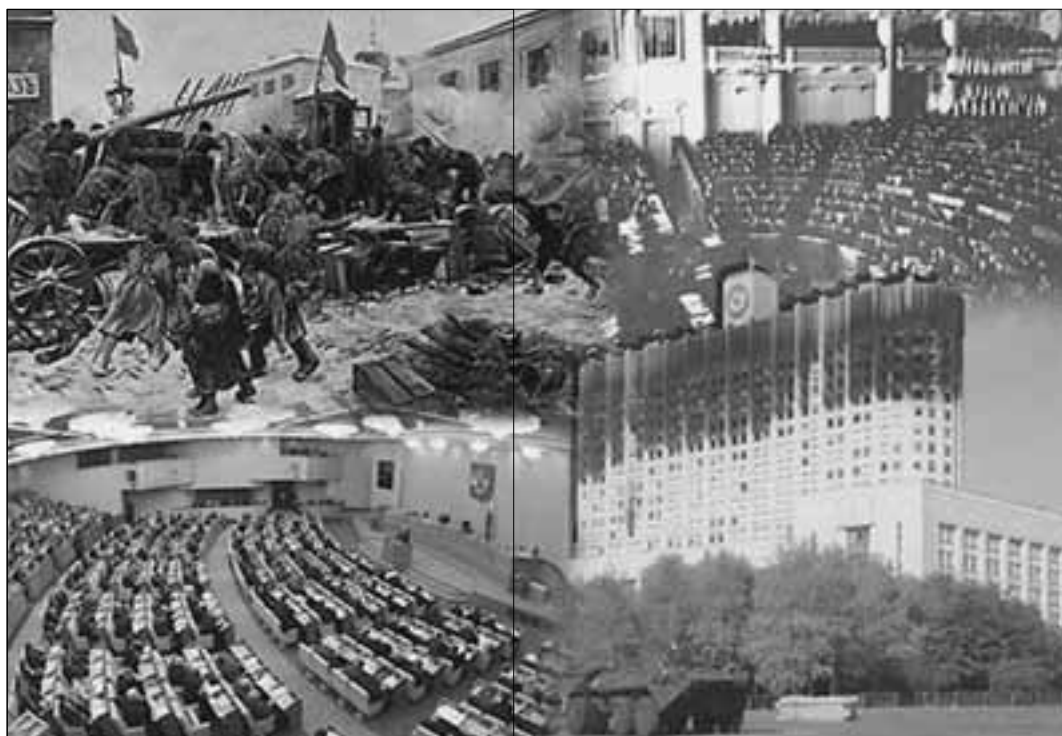
туции». По его мнению, серьезные уступки могли бы привести к восстановлению порядка. Пытался донести до царя эту мысль (через вдовствующую императрицу) и министр иностранных дел А.П. Извольский, убеждая царя «в необходимости уступок — пока еще не поздно — разумным требованиям умеренной либеральной партии». Другая часть ближайшего окружения царя (Дурново, Гурко, Кауфман и др.) продолжали твердолобо утверждать, что население страны «не доросло» до самоуправления и «не созрело» для восприятия конституции. Они уверяли его, что русский народ вообще в свободах и всяких там самоуправлениях «вовсе не нуждается». Столыпин выступил на стороне этих сил. Мосолов писал: «Столыпин... убедил царя распустить ее (II Думу. — *Ред.*) — это и был предлагаемый им переворот сверху. Шаг этот таил в себе огромную опасность — он мог сильно поколебать авторитет царя. Ведь не прошло и двух лет после принятия конституции, как один из ее главных принципов подвергся пересмотру. Царь согласился с предложением Столыпина. Я не знаю, понимал ли он в пол-

ной мере, к чему это может привести. Переворот сверху обязательно влечет за собой переворот снизу». Поражает это упрямство правящей верхушки, бюрократической камарилы. Верно говорится: «Всякая власть развращает, абсолютная же власть развращает абсолютно» (Дж. Актон). И еще одно справедливо в случае царя: «Трусам нужна власть, ибо без нее страшно».

В Москве тогда случилось наводнение. Наверху же было не наводнение, а целый «потоп»... Кабинеты правительства наводнили никчемные людишки, которые думали только о прибылях и карьере. Неразбериха и путаница, двуличие и неуверенность в будущности страны и строя. Один из деятелей режима, Дурново, писал (1905): «Мы живем, как в осажденном лагере, мы перестаем быть национальной властью и превращаемся в каких-то поработителей-татар». «Жизнь народа, предъявляемые ею разнообразнейшие требования переросли силы бюрократии, переросли и форму государственного правления», — признался другой сановник, В. Гурко. Многие признавали, что царь совершенно лишен дара «быть само-

С. Масловский. Арест бунтовщиков. Весна 1905 г.

Печальная судьба парламентаризма в России. Коллаж.

держцем». Гурко скажет, что фактически при Николае II самодержавие «перестало существовать», а власть сосредоточилась в руках «кучки сменявшихся олигархов», поглощенных борьбой друг с другом, абсолютно равнодушных к судьбам страны. Очень похожая ситуация повторилась у нас спустя 100 лет... Даже близкие к царю чиновники (Редигер) считали, что для пользы России нужно «ограничение его власти». Однако при этом своих прав правящий класс не хотел уступать народу ни на йоту, хотя желал выглядеть в глазах общественности не столь одиозно и консервативно. Препятствием

становилась сама монархия, представлявшая отживший исторический реликт, к тому же имеющая во главе государства безвольного полудиота! В итоге страну бросало из огня да в полымя — из ледяной купели монархической деспотии в огонь войн и революционных потрясений. Дальновидные люди пытались убедить царя в том, что в случае продолжения прежнего курса дело может кончиться гибелью монархии, династии Романовых и трагедией для всей России. Видно, он ощущал опасность. Так явились вестники призрачной надежды — Витте и Столыпин.

Глава 13. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин: их роль в политической жизни России

В политике царского правительства обозначилось две линии: одна — министра внутренних дел В.К. Плеве, другая — министра финансов С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Первый предполагал поддерживать помещиков передовых капиталистических предпринимателей. Витте и Столыпин предполагали сделать крестьянина собственником земли и полновластным хозяином, переселив крестьян на свободные, неосвоенные земли. Своевременность такой политики подтверждали и события 1905—1907 гг., когда крестьяне пожгли шестую часть помещичьих усадеб (около 16 тысяч). Они всем «миром» ломали амбары помещичьих экономий, растаскивали зерно и имущество и т.д. и т.п.

На конец XIX — начало XX вв. пришлась активная фаза деятельности такого талантливого государственного деятеля, как С.Ю. Витте (1849—1915). Он родился в Тифлисе, в семье чиновника. Витте закончил математический факультет университета в Одессе, что не только дало ему хорошее образование, но сделало из него человека, по меньшей мере умеющего считать (чего

правители на Руси почти никогда не умели делать; вспомни в этой связи Николая II, который, по его собственному признанию, не знал цены ни деньгам, ни вещам). Витте сделал карьеру еще при Александре III. Тогда же он получил титул «дерзкого». Став директором Юго-Западной железной дороги, Витте сумел сделать ее прибыльной. Он установил нужные тарифы перевозок (чего и до сих пор не умеют делать наши чиновники). В книге «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» (1883) он показал, как надо грамотно работать. Юго-Западные железные дороги в короткий срок превратились в образцово-показательные для всех стальных магистралей тогдашней России. Он первым в Европе заставил паровозы работать по 20 часов в день без перерыва, ввел сменные бригады машинистов. В решительные моменты он действовал энергично. Так, в июле 1877 г. обеспечил быструю переброску 110 тыс. русских войск в направлении Плевны, для чего ему пришлось нарушить инструкцию и посылать эшелон за эшелонном через каждые 15—20 минут. Если в 1880 г. дороги Юго-Западного края имели доход в 470 тыс. рублей, то в 1889 г., когда Витте перебрался в Петербург, доход их составлял уже 13 миллионов рублей. Витте довольно быстро стал экономически независим. В «Воспоминаниях» он отмечал: «Когда я был управляющим Юго-Западных железных дорог, я был весьма доволен своим положением, потому что получал очень большое содержание — гораздо больше, нежели я потом получал в качестве министра и председателя Комитета министров».

Его сравнивали со Сперанским и Бисмарком. А.В. Шишов пишет о нем как о «финансовом гении». Высокого мнения о нем и П.Н. Милюков: «Витте оказался в истории Российской империи, при императорах Александре III и Николае II замечательной личностью в делах управления державой. Он оставил в ее историческом летописании поистине знаковые вехи: золотая денежная реформа, винная монополия, Транссибирская железнодорож-

ная магистраль, Китайско-Восточная железная дорога, Портсмутский мирный договор с Японией и Манифест 17 октября 1905 г. Все же главная заслуга графа С.Ю. Витте перед Российской империей заключается в том, что он стал для нее подлинным финансовым гением». Многие отмечали его недюжинные знания в разных областях. Милюков писал: «Как всякий самородок, Витте был энциклопедистом. Он мог браться за все, участь попутно на деле и презирав книжную выправку. Со своим большим здравым смыслом он сразу отделял главное от второстепенного и шел прямо к цели, которую поставил. Он умел брать с собой все, ему нужное: людей, знания, чужие советы, закулисные интриги, коварство друзей, завистников и противников. Он прекрасно умел распознавать людей, нужных для данной минуты, организовать их труд, заставлять их работать для себя, для своей цели в данную минуту. Большое умение во всем этом было необходимо, потому что и дела, за которые он брался, были большого масштаба». Насколько обоснованны эти громкие титулы, оценки?

Витте — фигура неоднозначная, хотя, безусловно, талантливый менеджер, яркая личность. К. Победоносцев говорил, что этот умный человек «весь составлен из кусочков». Разобраться в этой «мозаике» непросто. К примеру, одно время он отстаивал идеи исключительности, самобытности России, развитие которой, как он считал, должно идти своим путем, отличным от Запада. Потом же Витте заявлял, что существуют общие закономерности, типичные для всего мира. Подобно европейским государствам Россия встала на путь капитализма, и с этим нужно считаться. «В России теперь происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон». С.Ю. Витте убеждал оппонентов, что пальма первенства в стране все заметнее, решительнее переходит из рук землевладельцев, сельского хозяйства к промышленности и банкам. Страна находится у начала того движения, которое нельзя остановить «без риска погубить Россию». Гигантская сила современной промышленности и банков, уверял он,

Сожжение обветшавших кредиток

подчиняет аграрный сектор экономики. И выход для дворянства лишь один — обуржуазиться, т.е., помимо земледелия, заняться еще и отраслями хозяйства. Участники совещания проигнорировали призывы министра финансов. Его оппонентом выступил лидер консерваторов, товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве. Россия, говорил он, имеет «отдельную историю и специальный строй». От идей Витте он отмахивался, как от «гадательных» и неопределенных... По его мнению, «имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий».

Дальнейшее развитие России показало — Плеве ошибался. За это и поплатился головой. Но позиция его вызывала сочувствие в правящих верхах и у царя. По свидетельству Витте, Николай «по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолюбливал и даже не переносил лиц, представляющих собою определенную личность, то есть лиц, твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях». Причин для недовольства было несколько. Во-первых, Витте задумал учить уму-разуму помещиков. Те хотели не всяких там «умствований», а спокойно продолжать стричь купоны с продукции их крестьян и далее. Он же толкал их в капитализм, где надо было думать головой и, как принято ныне говорить, «крутиться». Тем не менее этот «выскачка из Малороссии», несмотря на яростное сопротивление членов Государственного совета, сумел протолкнуть в жизнь денежную реформу, которая дала стране золотую валюту взамен ранее безраздельно господствовавших и вконец обесценившихся кредиток.

Казалось, дело благое, взаимовыгодное. Но это вызвало ненависть со стороны поземельного дворянства. Ларчик просто открывался. Помещики расплачивались с крестьянами дешевыми российскими рублями, а за хлеб, проданный за границей, получали золотом. С. Шарапов, идеолог дворянства, даже призвал предать Витте Верховному суду, как государственного изменника, а Союз русского народа травил его до конца дней, как изменника, и дважды пытался устроить покушение на его жизнь. Витте активизировал

Слухи среди чиновников

деятельность кредитных учреждений по выдаче ссуд землевладельцам и сельским хозяевам. За 1895—1905 гг. объем долгосрочных ссуд, выданных ипотечными банками под залог земли, превысил миллиард рублей. Много внимания уделял Витте и подготовке кадров для промышленности и торговли. При нем к 1900 г. были учреждены и оснащены оборудованием 3 политехнических института, 73 коммерческих училища, учреждены или реорганизованы несколько промышленно-художественных заведений, в том числе знаменитое Строгановское училище технического рисования, открыто 35 училищ торгового мореплавания. При самом активном участии Витте были разработаны и приняты законы об ограничении рабочего времени на предприятиях (2 июня 1897 года), о вознаграждении рабочих, потерявших трудоспособность в результате несчастного случая на производстве (2 июня 1903 года), о введении на фабриках и заводах института фабричных старост (10 июня 1903 года), которые при всей ограниченности их полномо-

чий были все же шагом вперед в разработке рабочего законодательства.

Он хотел установить полный контроль над положением дел в промышленности, начиная от технического состояния предприятий и кончая сферой социальных отношений. Конечно, его нельзя заподозрить в особом благоволении к рабочим. Как вспоминал в заметке-некрологе Н. Ланговой, вице-директор департамента торговли и мануфактур, «в деле организации рабочего труда он терпеть не мог «крайностей» по поводу «утрирования» гигиены труда». Витте и водку, эту «святую водицу русского народа», поставил на службу государству... Идея питейной монополии, по словам Витте, принадлежала Александру III [5]. С мыслью о питейной монополии император обращался к министру финансов Н.Х. Бунге (министр до 1888 г.). Но тот посчитал дело невыполнимым. Обращался Александр III и к последующему своему министру финансов, предшественнику Витте — И.А. Вышнеградскому (министр 1888—1892 гг.). Но и тот тоже уклонился от решения этого вопроса. Как только Витте вступил в управление Министерством финансов, государь поручил ему, кроме строительства Сибирской железной дороги, еще и исполнение реформы питейного дела, так как «его крайне мучает и смущает то, что русский народ так пропивается и что необходимо принять какие-нибудь решительные меры против этого пьянства». Воз сей и поныне там (имеем в виду пьянство).

Витте сознавал опасность отставания законодательства России от таковых в передовых странах Запада. Объективную характеристику реформатору дал лидер кадетов П.Н. Милюков. «Он стоял головой выше той правящей верхушки, сквозь которую ему приходилось пробивать свой собственный путь к действию. А действовать — это была главная потребность его натуры. Как всякий самородок, Витте был энциклопедистом. Он мог братья за все, учась попутно на деле...» Обладая здравым смыслом, он легко отделял главное от второстепенного, что позволяло ему идти прямо к цели. «Он прекрасно умел распознавать людей, нужных для данной минуты, организовать их труд, заставить их работать... Дела, за которые он брался, были

большого масштаба. По мере удач росла его самоуверенность, командующий тон, крепла сопротивляемость... При неудачах он становился страстен и несправедлив». Эту черту характера отмечал в нем и В. Тимирязев — член Государственного совета, много лет проработавший рука об руку с Витте: «Мы, звавшие его близко, не можем забыть его исключительно прекрасной души и редкой отзывчивости к нужде ближнего». Высоко оценивал его и П. Струве: «Его способность понимать самые трудные вопросы, находить самые разумные решения в запутанных областях управления, выбирать нужных людей — было выражением гениальной интуиции». Даже император Вильгельм II говорил: «Если бы у меня был хоть один такой министр, я бы сделал в Германии чудеса». Реформы Витте дали результат. За время пребывания Витте на посту министра финансов бюджет страны вырос с 1169 млн до 2108 млн рублей, обороты внешней торговли увеличились с 1049 млн до 1683 млн рублей. В 3 раза выросла добыча угля, в 2 раза — нефти, а выплавка стали — в 2,5 раза. Сеть железных дорог — важный показатель экономики — увеличилась с 29 157 верст до 54 217 верст, большая их часть принадлежала казне. В ходе реформ Витте сумел поднять так сказать тонус предприимчивости внутри страны и заинтересовать отечественную промышленностью ряд иностранных инвесторов.

Вместе с тем, однако, как человек трезвого ума, он понимал, что самодержавие сохранить в прежнем виде уже невозможно, что Россия этого не хочет. «В конце концов, — писал он в мемуарах, — я убежден, что Россия делается конституционным государством *de facto*, и в ней, как и в других цивилизованных государствах, неизбежно водворятся основы гражданской свободы... Вопрос лишь в том, совершится это спокойно и разумно или вытечет из потоков крови. Как искренний монархист, как верноподданный слуга царствующего дома Романовых, как бывший преданный деятель императора Николая II, к нему в глубине души привязанный и его жалеющий, я молю бога, чтобы это свершилось бескровно и мирно». Вместе с тем налицо противоречивость взглядов и непоследовательность.

«Сердцем я за самодержавие, — признавался он своему биографу, журналисту-историку Б. Глинскому, — умом за конституцию. Самодержавию я всем обязан и люблю его, а умом понимаю, что нам нужна конституция». Будучи председателем правительства, Витте находился в сложном положении. Приходилось все время лавировать между царем и куда более близкой ему по духу и интересам российской буржуазией. А та страстно желала заполучить в свои руки рули управления страной. Вот Витте и уверял, что народ благоденствует, распинаясь перед Государем в верноподданстве: «Как бы ни судили современники о настоящем, беспристрастная история внесет в свои скрижали великие дела Ваши на пользу Богом вверенного Вашему Величеству народа. В Ваше царствование Россия получила прочную денежную систему, в Ваше царствование расцвели отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в Ваше царствование с народа сняты многие тяготы — уничтожены выкупные платежи и круговая порука и проч., и проч. Но что русский народ никогда не забудет, покуда будет жить, — это то, что Император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам. Это Ваша бессмертная заслуга перед русским народом и человечеством!» Уверения эти далеки от истинных чувств Витте-царедворца, к которому вполне можно отнести его же собственное определение людей, окружавших тогда царя, — люди *foi ni loi* (франц. — беспринципные).

Судьбы реформаторов редко на Руси бывали удачными. Исключением не стал и граф С.Ю. Витте... Профессор И.И. Толстой писал: «Мы видели, как с первых шагов Витте, в качестве доверенного со стороны Государя руководителя внутренней политики, встретился с недоверием к нему общества. Это недоверие сопровождало в качестве лейтмотива всю его шестимесячную деятельность, вплоть до его отставки. Характерно при этом то обстоятельство, что, тогда как русские сограждане отказывались верить ему в чем бы то ни было, он был единственным русским государственным человеком, с которым находила нужным считаться вся Европа и даже Америка, человеком, которому цивилизованный мир до-

Сатира «Витте и Николай II»

верял и которого он признавал отчасти даже героем, принимая во внимание трудности, с которыми ему приходилось бороться. Как это ни странно при данных обстоятельствах, он, однако, верил в русский народ, особенно в его серую массу, а потому довел два почитавшихся им главными дела, ему порученных, несмотря ни на какие трудности, до конца: а именно — осуществление созыва Государственной думы, свободно, без давления центральной администрации избранной, и спасение России от финансового банкротства. Ни то ни другое не было поставлено ему... обществом в заслугу: напротив, публика... отказывалась верить, что Дума будет созвана, а когда открытие ее состоялось, готова была скорее признать, что она сама заставила правительство созвать ее, чем отдать хотя бы долю справедливости почину правительства и усилиям Витте; что касается займа, спасшего сотни тысяч граждан от разорения, то он был поставлен ему даже в вину, как средство,

помешавшее свободному и победоносному шествию русской революции».

Два мощных движения влекли страну в разных направлениях. В этой ситуации даже Витте не мог усидеть на 2 стульях. Царь убрал Витте с постов, выделив «отступные» — 400 тыс. руб. Печать, находившаяся в оппозиции к царизму, оплакивала первого русского премьера, устраненного с арены. Среди заслуг министра назовут: денежную реформу 1896 г., винную монополию, Портсмутский мир, ну и, конечно же, Манифест 17 октября. Насколько большое значение придавал он документу, свидетельствует тот факт, что в одной из бесед с журналистом А. Румановым он заявил: «Если бы меня спросили, что я хочу, чтобы было написано на моем надгробном памятнике, не задумываясь, сказал бы: «Объяснительная записка Манифеста 17 октября»». Мрачные мысли во многом объяснялись отношением к нему царя и попыткой покушения на него. Витте говорил, что главные и истинные виновники двукратного покушения на его жизнь не предстали на суде

не потому, что их не могли обнаружить, а потому, что органы царя не захотели их найти.

Недрузи бурно приветствовали его уход. «Одним вредным для России человеком стало меньше», — откликнулось на смерть Витте «Русское знамя», выразив вслух чувства Николая II. «Я уезжаю с таким спокойствием на душе, — писал Николай в тот день жене, — что даже сам удивляюсь. От того ли это происходит, что я беседовал с нашим Другом (Распутиным) вчера вечером, или же от газеты, которую Бюкенен дал мне, от смерти Витте, а может быть, от чувства, что на войне случится что-то хорошее (тогда шла Русско-японская война. — Ред.), — я не могу сказать, но в сердце моем царит истинно пасхальный мир». Место Витте в его сердце к тому времени занял Распутин. Тот потом хвастался, что перед ним заискивал «сам Виття». Но в ряде случаев действия и самого Витте нельзя называть иначе, как двуличными. Вспомним хотя бы Указ 12 декабря 1904 г., обещавший важные преобразования в России, но выбросивший наиважнейший пункт о представи-

Дом графа С.Ю. Витте

тельстве. Наряду с указом был опубликован текст правительственного сообщения, в котором всякая мысль о политических реформах и представительных учреждениях объявлялась «чуждой русскому народу, верному исконным основам существующего государственного строя». В свое время Витте обвинял К.П. Победоносцева в провале в начале 80-х годов проекта конституции графа М.Т. Лорис-Меликова, что привело, по его мнению, в конечном итоге к революции.

Неприглядным было поведение Витте и в начале января 1905 г., когда ему представилась возможность повлиять на ход событий, приведших к революционному взрыву. Знал и о готовящемся шествии рабочих к Зимнему дворцу, и о содержании их петиции. Накануне, 8 января, у министра внутренних дел состоялось совещание по этому вопросу, на котором Витте, ссылаясь на отсутствие официального приглашения, не был. Вечером того же дня к нему пришла депутация общественных деятелей и писателей, убеждавших его предпринять какие-либо шаги, чтобы избежать трагедии. В ответ на просьбу Витте заявил, что это дело его никак не касается, оно не входит в компетенцию председателя Комитета министров. Зато после 9 января он стал во всем винить правительство (в первую очередь Святополк-Мирского) за слабость и нераспорядительность. В беседе с Коковцовым заявил, что не имел никакого представления о готовящейся демонстрации (на деле об этом знали все, включая его). Он резко осуждал МВД и неоднократно произносил фразу: «Расстреливать безоружных людей, идущих к своему Царю с его портретами и образами, — это просто возмутительно...» Об этом же Витте поведал в ряде интервью для западной прессы, утверждая, что если бы он был во главе правительства в то время, то поручил бы кому-нибудь принять петицию и предложить рабочим разойтись. Но на такой, казалось бы, простой шаг никто из представителей правящих кругов, в том числе и Витте, не пошел, что является еще одним веским доводом в пользу предположения о преднамеренном доведении властями событий до кровавой драмы. Вспомним и то, что он тому же Гапону вручил деньги на его «акции». Опять-таки видим двойную игру, двуличную политику.

Шарж на Ф.В. Дубасова

В разгар революции 1905 г. Витте писал: «Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспримерного испытания, — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма — они будут неудачны, но они будут несомненно, — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права». У него был дар предвидения. Он пытался искоренить революционную заразу и выступил за упрощенное применение военно-полевых судов (но тогда его законопроект не прошел) против революционеров.

Витте писал: рабочие попали «под руководство революционеров и действовали наиболее активно там, где нужно было действие физическое; все инородцы, а ведь в Российской империи инородцев около 35 % всего населения, видя столь сильное расслабление

империи, подняли головы... крестьяне подняли усиленно вопрос о безземелии и вообще об их утесненном положении...» Это по его совету царь назначил в бунтующую Москву генерал-губернатором решительного Ф.В. Дубасова. По его рекомендации для подавления Московского вооруженного восстания в 1905 г. был направлен из Петербурга гвардейский Семеновский полк. По инициативе С.Ю. Витте посылались поездные карательные экспедиции по Сибирской и Екатеринбургской дорогам, установлен военный контроль на важных железнодорожных узлах, был осуществлен призыв казачьих частей второй и третьей очередей, а в губерниях вдоль Сибирской магистрали вводилось военное положение. Председатель Совета министров поддержал посылку карательных частей в Прибалтику и Польшу, высказался за введение военного положения в Туркестане, за усиление русских войск на Кавказе, за организацию «кордона» с целью помешать ввозу революционерами оружия из Финляндии, за возвращение армии из Забайкалья. И вообще он рекомендовал местным начальникам и властям в эти тревожные дни проявлять больше решительности и беспощадности в борьбе с бунтарями. Как скажет В.И. Ленин, оценивая деятельность С.Ю. Витте на посту премьер-министра: «Царю одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подманивать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте — для обещаний, Трепов для дела; Витте для буржуазии, Трепов для пролетариата». Власть в России всегда колеблется между двумя полюсами — витте и треповыми, не зная, кого из них предпочесть. Умная чаще выбирает первых, глупая — чаще вторых.

Хотя и те и другие в равной степени ее недолюбливают... Взгляните, как подло повел себя Витте по отношению к царю. А.А. Лопухин, бывший в то время директором Департамента полиции, говорил, что Витте в разговоре с ним даже намекал на возможность устранения Николая II, при этом рассчитывая вновь войти в фавор в случае воцарения Михаила, с которым был в хороших отношениях. После убийства эсерами 15 июля 1904 года В.К. Плеве он, по свидетельству современников, предпринимал энергичные попытки возгла-

вить МВД. Для наведения порядка в империи, считал он, необходимо объединение министерств в форме кабинета во главе с премьером, которым Витте видел себя. Планам его не дано было осуществиться, но возможность оказывать влияние на ход событий и судьбы страны у него осталась. Не только падкая на сплетни дворцовая челядь, но и царь, и даже Вильгельм II были уверены, что Витте хочет стать президентом республики. Николай II не любил Витте, а вскоре и возненавидел. После его смерти, зная о существовании мемуаров, царь заявил (через генерал-адъютанта) вдове, что хотел бы ознакомиться с бумагами покойного. Та отказала, заявив, что мемуары мужа хранятся за границей. Следует обыск на заграничной вилле С.Ю. Витте в Биаррице, произведенный чиновником русского посольства в Париже (в отсутствие хозяев), но безрезультатно. Витте, зная повадки русской полиции, хранил их в парижском банке. Витте в своей деятельности был таким же, как и его почерк — неопределенным, нечетким, уклончивым и неясным (в бытность его министром для расшифровки резолюций шефа создавались целые совещания из чиновников министерской канцелярии). Впрочем, таковы едва ли не все царские министры и монархические особы. Хотя определенные заслуги у него перед Россией, бесспорно, были, что нельзя отрицать. О чем он, конечно, не преминул напоминать при всяком удобном случае. Будучи не бедным человеком, Витте ничуть не стеснялся клянчить на бедность у Николая II 400 тыс. рублей. Но на общем фоне наших чиновников этот деятель должен быть выделен. Граф И.И. Толстой, бывший в год его смерти городским головой Петербурга, говорил: «Смею выразить уверенность, что будущий историк нашего времени, как бы строго он ни отнесся к характеру деятельности Витте и председательствуемого им Совета министров, разобравшись в документах, не откажет в признании действительно огромной суммы добросовестной, если и не всегда удачной, работы».

К слову сказать, до сих пор в Петербурге ждет своего часа уникальнейшая, состоящая из 2500 томов библиотека Витте, поступившая в соответствии с его желанием после его

Здание Российской национальной библиотеки в Санкт Петербурге

смерти в Петроградский политехнический институт (1915 г.). Силою исторических обстоятельств (Первая мировая война, революции, приход большевиков) это книжное собрание, важнейший срез российской жизни конца XIX начала XX в., отражающее опыт реформирования русской государственности и экономического уклада в соответствии с концепцией «виттевско-менделеевского капитализма», попало в «отвалы истории» (В.В. Чепарухин). «На протяжении восьми десятков лет оно не только оставалось за пределами внимания высших руководителей государства, но и просто специалистов в области государственного строительства, экономики, финансов, промышленной и аграрной сфер. Оно полностью было исключено из нормального научнокультурного оборота, хотя во всем мире аналогичные по статусу книжные собрания всегда есть национальное достояние. Благодаря усилиям библиотекарей оно чудом уцелело, несмотря на вложенные в кни-

ги рецензии типа: «Книга, безусловно, вредна и подлежит изъятию» (рецензия 1954 г. на книге «Проблемы конституции и парламентаризма в России»). «Растворенное» пока в многомиллионном фонде Фундаментальной библиотеки, оно может быть восстановлено как единое целое собрание, как это мыслилось в момент его передачи в институт с целью обучения будущих управляющих экономикой и промышленностью. Нет средств на необходимую мебель для размещения 2500 томов единственного в своем роде собрания, «наверняка вызвавшего бы на аукционе Сотби мировую сенсацию»! Да мало ли у нас сокровищ, что ждут своего часа, чтоб на них пролился златой дождь разума!

Все больше умных и деятельных людей в России склонялись к идее перемен. На стороне земцев, общественных деятелей, профессуры был торгово-промышленный класс, некоторые богатые люди, предприниматели. Иные из них (Морозовы, Четвериковы, Те-

решенко и др.) производили денежные пожертвования и выплаты в пользу революцию. Разумеется, все они полагали, что льют воду на мельницу буржуазной революции. Этим и объясняется их так сказать классовая слепота. Мы уже не говорим о писателях, многие из которых «подались в революцию», не только Горький, но и Блок, Брюсов, Серафимович. Последний был одним из зачинателей рабочей темы в литературе 1890-х-начала 1900-х годов. В годы первой революции он воспевал «гордую силу, познавшую самое себя», выступив с рассказами «Бомбы», «Похоронный марш», «На Пресне» и др. Все и вся, и даже многие чиновники, объединялись тогда в неприятии существующего в России режима.

Как это ни странно, такое неприятие царизма шло на фоне немалых успехов в экономическом и социальном развитии России. Хотя однозначных (позитивных или негативных) оценок тут быть не может, но прогресс в

области экономического развития в тот период не вызывает сомнений. Так, к примеру, отставание России от Англии за 1885—1913 гг. уменьшилось втрое, а от Германии — на четверть, хотя разница в уровне жизни все еще оставалась значительной (в 2,6 и в 3 раза, соответственно). В мировом промышленном производстве доля России составляла в 1913 г. 5,3 % при населении 10,2 % от населения земного шара. Россия решительно взяла курс на «догоняющую индустриализацию» и уже к 1913 г. уверенно вошла в пятерку наиболее высокоразвитых стран мира. Как выразился П. Рябушинский, русские предприниматели строили их фабрики, как средневековые князья и бароны строили родовые замки. В итоге же Россия из страны, еще в 1877 г. ввозившей даже обычные мешки, превратилась к 1913 г. в страну, удовлетворявшую на 56 % потребности в станках и оборудовании за счет внутреннего производства страны.

С. Иванов. Бунт в деревне

Богач и бедняк

Работы ряда российских и западных ученых указывают на то, что в 1861—1913 гг. Россия в социально-экономическом отношении развивалась довольно успешно, не уступая передовым европейским странам, отставая только от США (П. Грегори). За эти годы национальный доход ежегодно увеличивался на 2,6 % и за отмеченный период вырос в 3,84 раза, и при этом на душу населения — в 1,6 раза. К концу 1901 г. в стране насчитывалось уже более 1,5 тыс. компаний с общей суммой капиталов в 2467 млн руб., что составляло 2/3 всех промышленных капиталовложений, среди которых доля иностранных инвестиций была более 1/3. Доля России в мировом промышленном производстве увеличилась с 3,4 % до 5 %. Мы почти сравнялись с Францией. Правительство пыталось улучшить и положение фабричных рабочих. По инициативе Витте и Плеве был принят закон 2 июня 1903 г. о страховании рабочих от несчастных случаев (за счет капиталистов). Несмотря на яростные возражения предпринимателей, инвалиды, получившие травмы на производстве, сохраняли 2/3 среднего заработка. За-

метим, что повышение рабочим заработной платы происходило, как правило, только после забастовок. Витте приходит к выводу, что Россия встала на тот же путь развития, что и Западная Европа и вообще весь промышленный мир. «В России теперь происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон» (1897). Силой, которой предстояло стать хозяином новой жизни, по мысли Витте, должны были стать новые богачи из предпринимательского класса.

Свыше 4/5 населения России к моменту революции 1905 г. составляли крестьяне. Поэтому крестьянский вопрос и был в центре внимания политических сил. С кем и куда пойдет крестьянская Россия? Народовольцы видели в крестьянской общине России чуть ли не готовую модель, которую социализм может с успехом использовать. Настолько сильным и глубоким было это убеждение, что даже К. Маркс проникся этой идеей. О возможностях «идеальной общины» говорил Г. Плеханов, на нее надеялись большевики во

главе с В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Так, Плеханов еще в 1885 г. в «Наших разногласиях» заявил, что теперь «пора нам кончать с общиной» и что хотя главный поток русского капитализма пока еще невелик, но в него со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса водоема огромна и «быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению». Но и после революции крестьянское государство должно оставить в неприкосновенности не только торговый, но в значительной степени и промышленный капитал (Г.В. Плеханов). Решить этот ключевой вопрос попыталось правительство Столыпина.

Оппозиция уже чувствовала вкус власти. Во многом надежды правящего класса были связаны с появлением на арене фигуры П.А.Столыпина (1862—1911). Крупный землевладелец, выпускник Петербургского университета, он принадлежал к старинному дворянскому роду. Род Столыпиных известен с конца XVI в. Среди предков его много заслуженных и известных людей. Брат его деда, Николай Аркадьевич Столыпин (1814—1884) был дипломатом, представлял Россию в ряде немецких княжеств, а затем в Нидерландах. Среди предков П.А. Столыпина по материнской линии были дипломат А.М. Горчаков и Д.П. Горчаков, известный писатель и поэт XVIII века, которого ценил сам А.С. Пушкин. Поэт М.Ю. Лермонтов и адмирал Н.С. Мордвинов — также его родственники. Трое предков Петра Аркадьевича участвовали в обороне Севастополя во время Крымской войны, в том числе и его отец. Отец П.А. Столыпина Аркадий Дмитриевич участвовал и в войне с Турцией в 1877—1878 годах. Он был всесторонне развитым человеком: кроме военной службы, отец сочинял музыку, играл на скрипке, увлекался скульптурой, писал книгу «История России для народного и солдатского чтения», интересовался вопросами богословия. С 1884 г. П.А. Столыпин был причислен к Министерству внутренних дел, с 1886-го — к Департаменту земледелия и сельской промышленности. С 1902 г. занял пост губернатора Гродно, затем Саратова, став самым молодым губернатором России (получил столь важный пост в 40 лет). За ним

закрепилась репутация «либерала», человека «мягкого» и «демократа». Это был смелый и решительный человек, настроенный в пользу перемен капиталистического характера. На примере западных губерний он видел: условия жизни крестьян тут лучше, а уровень благосостояния выше, ибо тот полный хозяин на своей земле. Общинное же землевладение обеспечивало лишь минимальный прожиточный уровень, а не богатство. Столыпин был одержим идеей направить Россию на путь капиталистического развития. Царизм в его лице обрел энергичного, сильного, умного защитника. В 1906 г. П. Столыпин стал министром внутренних дел, затем сменил Горемыкина в должности председателя Совета министров, сохранив при этом портфель министра внутренних дел. Этот горе-премьер, И.Л. Горемыкин, сам позже признавался: «Не знаю, почему, но меня третий раз вынимают из нафталина». В отличие от него П.А. Столыпин — сильная личность.

Будучи еще саратовским губернатором, П.А. Столыпин писал о событиях в губернии в мрачных тонах: «Сплошной мятёж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками... Пугачевщина!.. До чего мы дошли. Убытки — десятки миллионов. Сгорели Зубриловка, Хованщина и масса исторических усадеб. Шайки вполне организованы... Все будет уничтожено. Вчера в селе Малиновке осквернен был храм, в котором зарезали корову и испражнялись на Николая Чудотворца». А вот как примерно в то же время, в 1906 г., описывала настроения крестьян М.С. Барятинская, жена флигель-адъютанта Николая II А. Барятинского: «Следующим летом, в 1906 году, которое мы провели в имении в Воронежской губернии, в уездах повсюду бушевали мятёжи. Мы сами были в большой опасности. Все имения вокруг нас были в огне, включая и поместья графини Паниной, князя Мещерского, князя Васильчикова и князя Орлова. У последнего были знаменитые конюшни «Пади», где он выводил своих знаменитых рысаков, и все эти конюшни сгорели дотла. Жестокие крестьяне поджигали хвосты лошадям, и бедные животные метались в своих стойлах и изжаривались до смерти. С кры-

ши своего дома мы видели пламя пожарищ, и зрелище было действительно душераздирающее... мой муж телеграфировал в Воронеж с просьбой прислать солдат. Военная помощь вовремя прибыла и смогла восстановить порядок в нашем уезде и в самом деле спасла нам жизнь». Полыхала почти что вся Россия.

Помещиков охватила дикая паника... Однажды управляющий Барятинских, бледный и дрожащий, ворвался в покои. Не попадая зуб на зуб от страха, заявил, что на их усадьбу «идут прямоиком» революционеры. Когда же посмотрели в бинокли, выяснилось, что идет стадо коров. Но далеко не всегда это были безобидные животные. Классовое расслоение усиливалось. Напряжение нарастало. Сгустки ненависти зависали в воздухе, как тучи комаров... Многие понимали: так дальше продолжаться не может, надо что-то делать. И вот сделанным еще до революции 1905 г. предложениям Витте дан официальный ход. Иначе говоря, лавры реформатора Столыпин получил не совсем заслуженно. Эту реформу разрабатывал заместитель Столыпина (товарищ министра) Гурко при Витте. Поэтому у Витте были основания чувствовать себя «обокраденным». «Столыпин, — ревниво писал он, — обладал крайне поверхностным умом и почти полным отсутствием государственной культуры и образования. По образованию и уму... Столыпин представлял собою тип штык-юнкера. Витте и Столыпин — это антиподы. Видение ими будущего России различно. Первый надеялся больше на закулису, за границу, на развитие промышленности, на еврейский капитал, второй — на рост богатого

Петр Аркадьевич Столыпин

крестьянства, развитие сельского хозяйства. Облик его героя — «хозяйственный мужик». Но и тут надо кое-что уточнить. Что имелось в виду под словосочетанием «хозяйственный мужик»? Будучи саратовским губернатором, он набросал портрет одного мужика (1904): «В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, по образному выражению — мироеда». Как видите, тут и язык и слог у Столыпина едва ли не коммунистический. Если не знать имени автора, подумаешь — говорит В.И. Ленин.

Если даже согласиться с тем, что «в области идей он не был творцом», то в его начинаниях все равно было немало разумного и дельного. Так, нельзя не признать разумной мысль, высказанную в 1907 г. в речи Столыпина в Государственной думе. Он заявил тогда: «Нас тут упрекали, что правительство желает в настоящее время обратить свою деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидательной, что оно не желает подложить фундамент права — то правовое основание, в котором, несомненно, нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство наряду с подавлением революции задалось задачей поднять население до возможности

Г. Горелов. Разгром помещичьей усадьбы

на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы. Для того чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы малая доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги — это чеканная свобода»... Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской общины; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток». Однако эта его идея не реализовалась, как и идея децентрализация империи. Спорная сама по себе, ибо для ее воплощения нужен более высокий уровень культуры и управления, она должна была, по словам С.Е. Кржижановского, дать простор действиям местных творческих сил. В идеале это

могло иметь определенное значение, давая возможность применять в разных местах свои системы выборов, приспособленные к особенностям уклада и обычаев народа. Столыпин намерен был добиться и отделения Польши (примерно к 1920 г.). Депутаты Думы не хотели об этом даже слышать (особенно в той части, где речь шла об уступке Польше части Гродненской губернии). Тем не менее правительство начало реформы, главной из которых была аграрная. Суть ее состояла в том, чтобы убрать крестьян на хутора и отруба, взвалив на плечи государства уплату части процентов за землю. Главной его заботой было сохранение помещичьего землевладения, что понятно, ибо он сам с женой были крупнейшими помещиками. Конечно же, так оно и было. Когда сегодня рассуждают о Столыпине, совершенно не учитывают эту сторону вопроса. Опора на богатого и умелого это, конечно, хорошо. Но что из этого выйдет в стране нищей и бедной?

К тому же у социалистов были контраргументы. Газета «Пролетарий» опубликовала

Дом Министерства земледелия на Исаакиевской площади. Фото 1900-х годов

статью революционера--большевика Л.Б. Каменева (Розенфельда), будущего председателя Совнаркома, где тот полемизировал с кадетами В. Маклаковым и Е. Трубецким (1909 г.). Е. Трубецкой назвал правительство Столыпина «достойным детищем русской революции» и видел выход в налаживании союза всех кадетов и либералов со Столыпиным. «Как же нам не радоваться, когда лет через двадцать миллионы хуторян--землевладельцев загудят в унисон с П.А. Столыпиным. «Я сам помещик!» — восклицал он. Это будет достойный ответ врагам внутренним — социалистам». П. Струве видел в Столыпине могильщика старопомещичьей России, но, отвлекая «от мрачных картин сегодняшней Гражданской войны к блестящим перспективам третьего десятилетия, к тому времени, когда «миллионы хуторян» будут фактом, а не мечтой только», сохранял надежды на эволюцию. Маклаков сожалел, что правительство «вовремя не успело» разрешить проблемы с новой революцией. Ужас современного положения России в том, что «весь внутренний порядок держится страхом». Каменев им возражал: «Реакционный буржуа, которому феодальная реакция не кажется достаточной гарантией от врагов внутренних и внешних, сказал почти все: он побоялся назвать лишь то, на что сам указал пальцем. Гражданская война помещичьей контрреволюции, диктатура военщины — вот что увидел наконец буржуа за парадным подъездом 3 июня. В чем же спасение?... Пять быстрых лет показали, что нельзя в современной России найти среднего пути между диктатурой революции и диктатурой контрреволюции». Надежды на то, что за 15—20 лет удастся переломить сознание народа, росшего веками в условиях общины и крепостничества, полагаю, были просто наивными. В итоге, из этих затей ничего не вышло.

Все повторяют фразу Столыпина (1907): «Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» Красивая и верная фраза. Но какие реалии за ней стояли? После раз-

Три старых колониста. Криворожье

рушения общины земля должна была перейти в собственность крепких мужиков. В то же время разорившиеся должны были пойти на работу в городскую промышленность или переселиться на окраины страны. Но попробуйте даже сегодня переселить семью куда-то за тридевять земель! Скажем, из страны, где «Грузия для грузин!» или «Прибалтика для прибалтов!» Нужны немалые средства. Даже богатая Россия не всегда может это себе позволить. Что уж говорить о царской России! Несмотря на его усилия и талант, Столыпину удалось перевести на хутора и отрубать лишь малую часть крестьян--общинников. С 1906-го по 1915 г. из общины выделилось до 1/4 хозяйств, давших половину рыночного хлеба. Использование техники и удобрений повысит эффективность сельского хозяйства. Но Столыпину так и не удалось стать русским Бисмарком. Причин несколько: отсутствие социальной базы для реформ, консерватизм как помещичьего, так и мелкокрестьянского хозяйства, дефицит времени. И, возможно, правы те, кто говорил: «Жизнь показала, что масса русского крестьянства до последней возможности держалась за общину, рассматривая ее как институт социальной защиты мужика от помещика (а отчасти и кулака), стихийных бедствий и разорительных налогов, а также как важный инструмент своей консолидации в процессе борьбы за землю и волю. Нельзя сбрасывать со счетов и приверженность крестьянства тем остаткам общинной демократии, которые сохранялись в деревне, а также притягательную силу идеи уравнительного трудового землепользова-

ния, которая дожила до 1917 г. и с которой был вынужден считаться Ленин, приступая к осуществлению аграрных преобразований после победы советской власти».

Даже такой сильный политик как Столыпин, наталкиваясь на преграды, вынужден был отступить. Усилия его не дали желаемых результатов. Характерно признание члена Госсовета Д.Н. Шипова (из письма к его дочери): «Разбиты все надежды на мирное преобразование социального и политического строя. Я вижу, как наша любимая, несчастная родина приближается к пропасти, в которую ее толкает правительство. В то же время во мне поколеблена вера в народ, в его дух и творческие силы. Страшно делается, когда видишь деморализацию, проникающую во все классы населения. Причина ее коренится в лицемерии и неправде, составляющих основу деятельности нашего правительства, в эгоизме привилегированных классов. Благодаря этому пропасть, отделяющая власть от страны, все расширяется, а в людях воспитываются чувства злобы и ненависти, заглушая в них и веру, и любовь... Столыпин не видит или,

скорее, думается мне, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти. Но путь этот в конце концов приведет только к революции, но революции уже народной, а потому — ужасной. Недовольство все растет, народ видит причину своих разочарований в «господах» и «барской» Думе, а потому предстоящая неизбежная революция легко может вылиться в пугачевщину. И мне кажется, чем скорее грянет этот гром, тем он будет менее страшен».

Тогда левые потребовали отставки правительства. В ответ на это Столыпин решительно потребовал отстранить от заседаний Думы 55 социал-демократических депутатов, а затем и высказался за разгон Думы. Предложение Л.Тихомирова сделать из Думы совещательную ассамблею он назвал теоретическими изысками, которые на практике могут привести лишь к началу новой революции. Тогда же черносотенец В.М. Пуришкевич потребовал отправить на виселицу преступников социал-демократов. Тревожную атмосферу усилило и убийство депутатов-кадетов (евреев) М. Герценштейна и Г. Иоллоса. Пла-

К.И.Филькович. Карательная экспедиция

Столыпин в Таврическом саду. 1907 г.

нировали убийство Столыпина. Узнав о том накануне, Герасимов лично отправился сначала к Столыпину, а затем к Лауницу — предупредить об опасности, убедив их не появляться на торжествах. Столыпина он убедил, а Лауница — нет. Тот ответил самоуверенно: «Меня защитят русские люди!» Россия вступала в полосу затяжного конфликта, из которого уже не было мирного выхода. В годы революции 1905—1907 гг. Лауниц руководил подавлением крестьянских волнений, приняв против террористов-революционеров суровые меры. В России был издан указ о военно-полевых судах. Судебные слушания шли при закрытых дверях, подсудимые не имели права ни на защитников, ни на свидетелей, судопроизводство завершалось в 48 часов. В состав суда входили 5 офицеров, приговор исполняли в 24 часа, царизм применил тактику террора в отношении террористов. (Сталин все упростил, доведя количество судей до 3-х — «тройки»). В 1907 г. во время торжеств по случаю освящения Медицинского института фон Лауница, нового градоначальника Петербурга, известного карательными рейдами против крестьян Тамбовской губернии, убили. По подсчетам исследователей, с августа 1906 г. по апрель 1907 г. вынесено 1102 смертных приговора. Виселицу стали называть «столыпинским галстуком».

Поляризация сил возрастала. Правые откровенно призывали к роспуску Думы. Через

три дня после открытия Думы (23 февраля 1907 г.) «Русское знамя» писало: «Правительство сейчас же должно решить, можно ли работать с такой Думой, где столько революционеров...» 24 мая 1907 г. аграрная комиссия Думы высказалась за обязательное отчуждение помещичьих земель. Следует ответ правых: 3 июня 1907 года II Дума распущена, изменен избирательный закон (свершился «Третьеиюньский переворот») . О характере отношений между политической верхушкой Российской империи и Думой говорит и признание жены деятеля ЦК кадетской партии А.А. Кизеветтера, профессора Московского университета: «Вот в каком котле приходится все время вариться нашим депутатам! Точно в трясику попал: только начнешь выкарабкиваться, вот-вот одну ногу вытащил, глядь (тут же), другая завязла. Думу бранят, бранят, что она не работает, все только говорят, а не понимают, сколько сил, сколько времени, сколько ума надо только для того, чтобы протаскивать эту самую Думу через все препятствия, которые сыпятся на нее, как шишки на бедного Макара, и сохранять ее. Это просто какой-то заколдованный круг. Чтобы зацепить Россию за конституцию, за народное представительство, надо деятельностью Государственной думы создать в стране сознание необходимости этой Думы, а деятельность эта все время тормозится и засоряется со всех сторон. То правые подбросят на пути этой деятельности кучу навоза, то левые куч-

В.Ф. фон Лауниц

Дача Столыпина после взрыва

ку щебня, то Столыпин вставит палки в колеса» (Е.Я. Кизеветтер). Монархисты и левые, т.е. главные силы противостояния, конечно же, и не могли найти общий язык.

Удивительно другое... Против Столыпина ополчился мощный тандем придворной бюрократии, включая супругу Николая II. Твердая позиция премьера восстановила против него дворянство. Кроме того, попавший под влияние Распутина Николай II почему-то считал, что премьер его «предал» («заслоняет его») и хочет передать власть буржуазии. Известна была фраза Столыпина, сказанная им П. Струве после октябрьского Манифеста: «О восстановлении абсолютизма не может быть и речи». Немудрено, что царь, бюрократы и помещики, чьим «приказчиком» иногда называли Столыпина, делали все возможное, чтобы погубить-таки его, их своего возможного спасителя.

Знаете ли не устаешь удивляться глупости, нет, тупости правящего класса. Эти люди

не видят ничего, кроме своих денег, поместий и власти. Им кажется, что так будет вечно. Надо только «держаться и не пускать!» Окружение царя умело подбрасывало царю слухи и сплетни (Спиридович и компания). То донесут, что в Английском клубе Столыпин будто бы жаловался на царя: «Я как лакей... В любой момент государь может прогнать меня»; то вкрадчиво нашепчут царю: «Видите, ваше величество, молятся только ему, забыв, что над премьером есть государь». Николай II не любил Столыпина, в частности, и за его неоднократные попытки добиться равноправия для евреев. Хотя вряд ли он был большим союзником этого племени. Сменивший Столыпина последний премьер-министр России В. Коковцев в мемуарах приводит резолюцию Николая II на докладе Столыпина по этому вопросу: «Несмотря на вполне убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому вопросу — внутренний

голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя меня никогда не обманывала». Но правые целили в Столыпина, говоря: «Уж очень он любил евреев!» Смерть предрекал ему и всесильный Распутин, вещал: «Смерть за ним идет!».

В августе 1906 г. совершено первое из 11 предпринятых на него покушений. Три «максималиста» бросили бомбы в окна дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове. Чудовищный взрыв унес жизни 27 посетителей (сам Столыпин вел тогда прием населения), 32 человека ранены, включая детей Столыпина. Тот спасся чудом. Ходили слухи, что эсеровское руководство поручило летчику Мациевичу, взлетев на самолете с премьером, совершить катастрофу (1910). Премьер повел себя самым естественным образом. Стал вешать убийц! Хотя правосудие в России шло по законам военного времени, масштабы репрессии явно мифологизированы советской и «демократической» общественностью. Превеличенное количество жертв военного положения (при Столыпине) не идет ни в какое сравнение с коммунистическим или «демократическим» геноцидом. Царская власть защищалась гораздо менее свирепо, чем действовали террористы: «Число смертных казней за 1906—1909 гг. составило 2825 человек. Число жертв террора было еще больше, за три года было 26 628 покушений, 6091 убийство

должностных и частных лиц, свыше 6000 раненых» (С. Рыбас). Пройдет всего пять-шесть лет. Маховик террора в России заработает на полную мощь. Ни аресты, ни карательные экспедиции, ни «столыпинские галстуки» (виселицы), ни акции генерала Дубасова, подавившего мятеж в Москве (хотя тот был против «безбожных мер» премьера), не остановили разгула террора. Оправдывая действия террористов, Л.Б. Каменев (Розенфельд) писал: «Прежде били помещиков; теперь, наоборот, берут реванш помещики. В свое время левые бросали бомбы, чтоб их не вешали, теперь правое правительство задалось целью повесить всех тех, кто может бросать бомбы. Противники стоят на общей почве». Естественно, это вызвало с обеих сторон еще большее озлобление. На террор «красных» правые ответили «черным террором». Столыпина возненавидели не только революционеры, но, как ни странно, его возненавидели и «правые», слуги царя, называя «Пугачевым в кресле премьера». Надо было пойти на серьезнейшие экономические и социальные преобразования в России, перестрелять всех революционеров, террористов и воров, — революций и не было бы! Но царизм с буржуазией упрямые, бездарные и тупые — в итоге погибли.

Отметим роль, которую играли в событиях студенты. Жажда революции одолевала молодые умы. Смерть Толстого стала предлогом для политических выступлений. В эти дни

Прощание с Л.Н. Толстым. Процессия в Ясную Поляну. 1910 г.

студенчество, вместо того чтобы выразить скорбь по писателю, устраивало сходки, собрания, многотысячные уличные демонстрации (7 ноября 1910 г. произошла огромная демонстрация студентов в Томске, 8 ноября — в Киеве). 9 ноября — в день похорон Толстого — в Москве забастовали рабочие заводов Листа, Менделя, Бромлея, Вестингауза и некоторых других промышленных предприятий. Забастовка придала движению новую силу. Толпы учащейся молодежи Москвы устремились к дому Толстого в Хамовниках, но были разогнаны полицией. В Харькове демонстрация студентов разогнана казаками. Бурные демонстрации студентов произошли в тот день в Одессе и Варшаве. В Петербурге после панихиды в Армянской церкви студенты устроили шествие к Казанской площади, но полиция заставила их разойтись. В Киеве, Петербурге, Москве к демонстрантам присоединялись рабочие. Всюду властью отменены концерты и вечера, закрыты театры и кинематографы, прекратили торговлю книжные лавки и магазины. В Петербурге отдельные учебные заведения послали делегатов к рабочим, требуя присутствия их на демонстрациях. Представители студенчества рассматривали политические выступления 7—8 ноября как начало новой революционной бури.

Большевики предостерегали рабочих от обольщения «ненадежным, шатким настроением интеллигенции»: «Товарищи! Быть может, и среди нас найдется теперь не один человек, который, обрадовавшись настроению студенчества, готов будет пойти с ним на демонстрацию и подставить свою грудь под пули и штыки. Но что будет затем? Во всяком случае, не победа — будет то, что нас оцепят новыми узами: расстреляют, закроют наши рабочие общества и лучших наших представителей бросят в тюрьму. И, таким образом, демонстрация, имевшая целью благородный протест против зла, превратится в великую провокацию. Не обольщайтесь ненадежным, шатким настроением интеллигенции. На него нужно смотреть, как на признак того, что много еще искр революции тлеет и там, где казались они погасшими. За вспышками маленьких искорок не последует тот класс, в котором теперь, хотя и скрыто, таится целое

Д. Богров после покушения на Столыпина.
Фото из архива полиции

пламя революции. Будет время, когда это пламя разгорится снова и снова повлечет за собой все посторонние огни. Пролетариат не против такой демонстрации, которая вооруженной силой правительства способна будет противопоставить свою хорошо организованную и вооруженную массовую силу и нанесет последний удар деспоту — правительству. Знайте, товарищи, лишь железом и сталью творятся великие завоевания, а наша сталь — в нашей организованности. Теперь трудно, почти невозможно учесть, когда должен наступить этот момент — в период ли ожидаемого подъема промышленности, в период ли нового кризиса, который неминуемо последует после этого расцвета, но этот момент неизбежен, к нему ведут все внутренние силы развития капитализма и требования пролетариата. И лишь тогда, когда гигантский молот нашей политической и других организаций разрушит самодержавие, — тогда мы возвысим свой голос против смертной казни вообще... Лишь тогда, в день своего могущества, мы сможем устроить достойную тризну и великому протестанту против смертной казни Толстому, и великому протестанту и учителю нашему Марксу. И всем тем учителям, товарищам, которые неслышно делали свою трудную работу, томились и умирали в тюрьмах, — всем самоотверженным жертвам великой пролетарской борьбы. А теперь организуйтесь, товарищи, в нелегальную партию и легальные общества! Долой самодержавие! Да здравствует социализм! Да здравствует

Российская социал-демократическая рабочая партия и революционный пролетариат!»

По приезде премьера в Киев охрана не могла справиться с нахлынувшим народом. Оцепление на Крещатике не раз прорывалось толпой — все хотели увидеть царя-батюшку. Пришлось срочно вызывать сотню уральских казаков, считавшихся надежными. Но атмосфера оставалась тревожной. Опасения усилились, когда застрелился из револьвера задержанный подозрительный мужчина, которого даже не успели допросить. Все сочли, что это, мол, «не к добру». Тем не менее охрана не предприняла никаких мер. Настроение Столыпина в воспоминаниях описал В.Н. Коковцов: «На утро... получивши печатные расписания различных церемоний и празднеств, я отправился к Столыпину и застал его далеко не радужно настроенным. На мой вопрос, почему он сумрачен, он мне ответил: «Да так, у меня сложилось за вчерашний день впечатление, что мы с вами здесь совершенно лишние люди, и все обошлось бы прекрасно и без нас».

1 сентября 1911 г. в Киевском театре Столыпин был смертельно ранен евреем Мордкой Богровым. Отец Богрова, домовладелец, «Митька-буржуй» (его состояние оценивалось в 500 тыс. рублей), был членом городского еврейского общества в Киеве и Дворянского клуба. Его сын окончил гимназию, знал иностранные языки, кое-как учился в Киевском, а затем в Мюнхенском университетах. В анархисты попал под влиянием двоюродного брата и его жены. Интересно, что в 1904 г. его брат, С.Е. Богров, часто встречался в Женеве с Лениным. В.И. Ленин дал ему и кличку, — по имени супруги, Валентины Львовны, — «Валентинов» (в 1905 г. та являлась секретарем Петербургского городского комитета партии большевиков). Вот как об убийце пишет С. Резник: «В 1905 году восемнадцатилетний юноша, внук известного русскоеврейского писателя и сын состоятельного адвоката и домовладельца с солидными связями в высшем киевском обществе, поступил в Киевский университет и сразу же попал в среду революционно настроенной молодежи. Из боязни, что опасные увлечения доведут до беды, отец вскоре услав его за границу, в Мюнхенский университет, где уже учился старший брат

Дмитрия, Владимир. Но Дмитрий почти не посещал университетских занятий; он просиживал все дни в библиотеке, проникаясь революционным дурманом. По свидетельству брата, его кумирами стали теоретики анархизма: Кропоткин, Реклю, Бакунин. Вернувшись в 1906 году в Киев, Богров вошел в кружок киевских анархистов-коммунистов, но вскоре «разочаровался» в них и предложил свои услуги охранке. Полковник Еремин, сделавший карьеру на провокаторе Рыссе, уже занимал высокий пост в Петербурге, а на его место был назначен Н.Н. Кулябко. С 17 лет Д. Богров увлекся карточной игрой, затем примкнул к экспроприаторам, растратил награбленные деньги и, оказавшись в капкане, сдал друзей охранке и в конечном счете стал с ней активно сотрудничать. Богрова взяли «на службу» и стали платить по 150 рублей в месяц, присвоив агентурное имя — Аленский. Но Богров не был Азефом, он был маленьким «азефиком».

И этому аморальному типу, что пять раз лежал в психиатрической лечебнице, был одержим манией убийств, охранка поручает (среди сотен других агентов во время торжественных празднеств в Киеве) охранять царя и Столыпина! Чудеса да и только! Богрова спасли от преждевременного разоблачения многочисленные ошибки жандармов. Они не установили за ним наблюдения, не проверили его квартиры, где якобы скрывались террористы, допустили его в театр, где тот свободно разгуливал. Входной билет в театр он получил от начальника Киевской охраны полковника Кулябко, куда его вызвали якобы для охраны Столыпина. Все это делалось с полного ве-

П.А. Столыпин за 6 часов до гибели

Н.И.Шестопалов. На заре

дома высших чинов охраны на торжествах: чиновника особых поручений при министре внутренних дел обер-вице-директора департамента полиции М.Н. Веригина, начальника дворцовой охраны генерал-майора А.И. Спиридовича и товарища министра внутренних дел, шефа охраны П.Г. Курлова.

Итак, Столыпин был убит Богровым, состоявшим на службе в охране агентом внутреннего освещения. Хотя загадок по преступлению остается масса. Все происходило в атмосфере подозрительности и интриг. Курлов плел интриги против премьера и шефа жандармов, будучи его замом. Киевский губернатор А.Ф. Гирс вспоминал: «За театр можно было быть спокойным, так как та публика, которую предложено было допустить туда, была строго профильтрована». Зрительный зал и подсобные помещения были тщательно проверены задолго до спектакля. Жандармы даже вскрывали пол, осмотрели бархатную обшивку барьеров и хрустальную люстру —

не подпилили ли ее злоумышленники, чтобы обрушить на головы зрителей. В театр допускали по именным билетам. Причем далеко не все местные начальники были удостоены приглашения. Но в числе «профильтрованной публики» оказался Богров. Он был допущен в театр якобы для того, чтобы раскрыть и выдать террористов, что должны были совершить покушение на жизнь Столыпина. «Кулябко утверждал, что билет был выдан по просьбе самого агента с разрешения генерала Курлова и его помощников. Однако товарищ министра говорил, что не подозревал о присутствии секретного агента в театре. Тут явное лжесвидетельство». То, что не охранялся один из выходов из театра и именно туда направился Богров после убийства премьера, говорит в пользу версии, что к убийству были причастны высшие чины охранки. Самое нелепое то, что Столыпин сделал многое для того, чтоб предоставить евреям шансы для нормальной жизни в России. Он — инициатор

отмены многих ограничений против них. Столыпин говорил, что эти ограничения «питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противорусской пропаганде со стороны самого могущественного еврейского центра — в Америке». Впоследствии Шульгин заметил: «Убив Столыпина рукою Богрова, я думаю, евреи поспешили. Поспешили не только на беду всем нам, но и сами себе. Кто знает, что было бы, если бы Столыпин остался жить и руководил бы русским правительством в мировую войну».

Во всяком случае при Столыпине расцвела и усилилась еврейская диаспора. При нем значительно выросло и число городов, где евреи имели право свободно жить и работать, — со 101 после 1903 г. до 291 в 1911 г. С 1909 г. повышена норма для приема евреев в высшие и средние учебные заведения, причем в торговые, художественные, ремесленные и технические заведения не ограничивался вовсе. Правда, Витте и в этих мерах ревниво видел «геноцид». Он писал: «В августе же месяце (1909 г.) было утверждено положение об особом приеме евреев в средние учебные заведения. Это было новое ограничение евреев и сделано вопреки закону, помимо Государственной думы и Государственного совета». Однако именно тогда евреи из состоятельных семей заполнили частные высшие школы. В 1912 г. в Киевском коммерческом институте были 1875 студентов-евреев, а в Психоневрологическом — «тысячи». Эти распоряжения были сделаны при прямом участии главы правительства, что вызвало к нему ненависть со стороны реакции. Весной 1911 г. лидер правых Пуришкевич предлагал Думе провести даже карательно-дискриминационную акцию против евреев России. Он зывал: «Евреям следует строжайше воспретить занятие в Империи каких-либо должностей в области государственного управления по любому из ведомств... в особенности на ее окраинах... Евреи, избалованные в посягательстве на занятие любой должности по государственному управлению, привлекаются к судебной ответственности». Увы, это антисемитское, недостойное русских и их культуры высказывание кое у кого находило поддержку. Воз-

М.О. Меньшиков

можно, в этой связи стоит вспомнить и слова Д. Богрова, которые ныне идентифицируют с его именем: «Наконец, в вопросе о терроре. Киевская группа отказалась от классификации его на «мотивный» и «безмотивный» считая, что всякий акт классового революционного протеста достаточно мотивируется всем укладом современной буржуазной жизни. Поэтому при выполнении того или иного террористического акта, направленного против класса эксплуататоров — представителей власти и капитала, приходится его рассматривать лишь только с точки зрения классовой целесообразности в данный момент» (май 1909, его заметка в журнале «Анархист»).

Слова Д.И. Пихно, редактора «Киевлянина», сказанные им по поводу принятия 18 октября 1905 г. «конституции» в России, еще до прихода к власти Столыпина, когда радикалы, где было немало инородцев, рвались разгромить его газету в Киеве, понятны. Тот восклицал: «Но кто меня поражает — это евреи. Безумные, совершенно безумные люди. Своими руками себе могилу роют и спешат, торопятся — как бы не опоздать... Не понимают, что в России всякая революция пройдет по еврейским трупам. Не понимают... Не понимают, с чем играют. А ведь близко, близко...» Так и будет. Но позже, гораздо позже... По поводу же личности убийцы русский пу-

блицист М.О. Меньшиков писал: «Возвращаясь к Мордке Богрову, прошу заметить, что ни русская культура, ни христианская гимназия, ни христианский университет, ни знание нескольких христианских языков, ни полноправие с русскими христианами не вытравили в нем еврейской души. Он давно уже никем не был гоним, никакой черты оседлости не знал, давно был равноправен и богат и все-таки ненавидел Русское государство по-еврейски. Есть, конечно, и чистокровные русские ненавистники государства, но русских «азефов», кажется, до сих пор не было... Богров непременно берет на себя роль фальсификатора, роль Иуды. Ведь и тот предатель, который погубил Христа, сначала фальсифицировал в себе Его апостола. Стало быть, в лице... Богрова мы имеем основание видеть не только государственного преступника, но и тот вечный тип, который Тацит называл «всесветным врагом». Талантливому русскому публицисту все это евреи припомнят — и, когда уж возьмут власть, расстреляют его без суда и следствия. За спиной Богрова стоял сионизм!

Убийство евреем-provокатором сильно и умного премьера-реформатора ставило сразу несколько целей. Первая цель очевидна: убрать с политической арены яркого русского человека, который, возможно, мог бы спасти Россию, сделав ее сильной и процветающей. Вторая цель состояла в желании посеять панику и нерешительность в рядах самих защитников монархии на всех уровнях. Третья цель заключалась в стремлении усилить в обществе недоверие народа к самодержавию, настроить народ против евреев, а евреев против власти. После убийства Столыпина премьер Коковцов ввел войска в Киев, а всем губернаторам в черте оседлости дал телеграмму: «Принять энергичные меры к предупреждению погромов. В выборе этих мер прибегать по обстоятельствам ко всем допустимым законом способам, до употребления в дело оружия включительно». Погромов тогда не случилось. С.С. Ольденбург заметил, что опубликованные уже после революции данные о Д. Богрове (и в особенности книга его брата) убедительно вскрывают истинный замысел убийцы: «Он хотел не только устранить Столыпина, но в то же самое время посеять смуту в рядах сторон-

ников власти, внести между ними взаимное недоверие, заставить их начать стрельбу «по своим». Убийца сказал о Столыпине: «При нем евреям было бы хуже». Были ли у него основания так заявить? Сказать наверняка трудно. Свое намерение смягчить антиеврейское законодательство, да еще по 87-й статье, то есть в порядке чрезвычайной срочности, Столыпин объяснил просто: «Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного Манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок». Отметим и такой зловещий факт: накануне убийства Столыпина Богров ужинал в ресторане не с кем-либо, а с Л.Д. Троцким, будущим палачом казачества и русского народа. Троцкий хотел нанести смертельный удар ненавистному строю, ускорить его гибель. «И он действительно достиг обеих своих целей». И Ленин в 1918 г., видимо, не зря помогал Валентине Львовне и брату Д. Богрова, Вл. Богрову («мученикам царизма»), бежать из Советской России в Германию. Он говорил, что если бы реформы Столыпина удались, революции не было бы в России. Ну а евреи тем выстрелом расчистили себе путь в кабинеты правительства Советской России.

Однако фактом остается и то, что убила русского премьера П.А. Столыпина в результате интриг, игр с законом охранка. Департамент полиции России работал внутри революционных и террористических организаций, пытаясь выявить их планы и связи. Это была общепринятая практика работы тайных служб и полицейских подразделений во всем мире. Царское правительство не было исключением. И оно внедряло агентуру всюду, где только появлялась такая возможность. Так охранка проникала в область интеллектуальной и социальной жизни заподозренных лиц, приняв «личину сочувствия и единомыслия». Н. Милюков писал: «В 1912 году правительство подкинуло думским большевикам шпиона и provокатора Малиновского, и охранка сочиняла для него его революционные речи». Агент охраны Петров убил начальника пе-

Покушение на генерал-губернатора

тербургской жандармерии полковника Карпова. По распоряжению Курлова эсеру А. Петрову устроили побег из тюрьмы, снабдили его деньгами и оружием. Полиция рассчитывала, что тот заменит Евно Азефа. Однако за время агентурной службы эсер не дал ценных сведений и повел двойную игру. Обещая раскрыть план грандиозного покушения, Петров попытался заманить на конспиративную квартиру на Астраханской улице директора Департамента полиции и товарища министра внутренних дел. Начальник Петербургской охраны полковник С.Г. Карпов клюнул на «наживку». Но, на свое несчастье, 19 декабря 1909 г. во время встречи на конспиративной квартире Карпов попросил агента заменить несвежую скатерть на обеденном столе... Под скатертью были скрыты электрические провода, что вели к динамитному заряду...

Испугавшись, что обман будет раскрыт, Петров взорвал начальника охраны. Возникла версия, что Петров был игрушкой в руках жандармского генерала Герасимова, который якобы пытался расчистить для себя место товарища министра. Убийцу, чтобы не сболтнул лишнего, быстро отправили на тот свет.

Не поэтому ли прикончили и Богрова, хотя смертельно раненый Столыпин просил сохранить тому жизнь, желая выяснить истоки заговора? Богрова повесили через 5 дней, в экстренном порядке, чтобы скрыть подлинные заказчиков преступления. Картина того, что представляла собой «охранная система» самодержавия, в самом деле выглядит удручающе. Плеве убит при участии собственного агента. От рук террористов погибли Судейкин, Сипягин, Курицын, Татаров и др. А. Зубатов — «крестный отец» метода борьбы с революционной крамолой, оставшись у разбитого корыта, застрелился. Уверяют, что к началу Первой мировой войны численность внедренных и перевербованных агентов достигла цифры в 40 тыс. человек.

Однако большая часть агентуры числилась только на бумаге, будучи фикцией. Деньги, что должны были идти на ее оплату, чины полиции и жандармерии преспокойно клали в карман... В январе 1910 г. произошел скандальный случай. Когда начальник охраны рапортовал об отсутствии в городе социал-демократических групп, Департамент полиции «препроводил подполковнику Куляб-

ко прокламации и секретные документы, не оставляющие сомнения в том, что в Киеве существует серьезная социал-демократическая организация, имеющая 15 рабочих кружков, студенческую фракцию, пропагандистскую коллегию и типографию и издающая журнал и прокламации». Глава Киевского отделения жандармов Кулябко — фигура одиозная. Благодаря покровительству генерала Курлова он быстро рос в чинах. Отставному подпоручику как начальнику районного охранного отделения подчинялись даже два генерала и несколько полковников. В 1909 г. он получил чин ротмистра, а менее чем через год — подполковника. Командир корпуса жандармов Курлов получал сигналы о неудовлетворительной работе своего протеже. В 1909 г. генерал Герасимов докладывал о результатах инспекторской поездки в Киев: «Господа офицеры совершенно не занимаются агентурой, а ею ведает начальник отделения и филер Демидюк. Занятий и руководства агентурой нет». Инспектор экзаменовал старшего филера: «Задавал вопросы по знанию его партийных уставов и, не слыша ответов правильных, спросил: «А что такое анархия?» И когда Демидюк ответил: «Не знаю», — генерал Герасимов приказал ему уйти вон». Положение не

улучшилось и через 1,5 года. Проверка расходов данного ведомства в Киеве показала, что на так называемую агентуру бесполезно расходовалось по 1300—1600 руб. в месяц. Куда шли деньги, не трудно догадаться даже по кличкам агентов — Ликерный, Водочный, Пивной... Перед киевскими торжествами Спиридович рапортовал дворцовому коменданту о заслугах зятя: «Охранное отделение отлично осведомлено обо всем местном; полное освещение, полный учет». Освещение в ресторанах действительно было преотличное. Ужины с певицами в кабинетах проходили весело. Велся учет как «допросов с пристрастием» местных девиц, так и «потерь». Полицмейстер получал рапорты от городских такого вот содержания: «Возвращаясь в «Европейскую» гостиницу на простом одноместном извозчике под утро, г-н Веригин упал с дрожжек около Николаевской улицы».

Из книги генерала Герасимова, опубликованной в 1933 г. в Берлине, становится ясно, что зачастую сами же высшие представители власти России и прикрывали воров, заговорщиков, убийц, пьяниц, с которыми были тесно повязаны. Они плевали на законы морали и больше всего боялись, что всплывут их старые аферы. В.А. Маклаков вспоминал: «Общая картина ясна... Дело не ограничивалось моральной грязью всякого предательства, которой не брезговали пользоваться представители законной власти России; они пошли дальше: они совершали «преступные действия», законом караемые, охраняли и выпускали из тюрем «преступников», давая им возможность беспрепятственно организовывать, если и не доводить до конца преступления. Если бы то делали только низшие агенты, на свой собственный страх, государство должно было бы их судить как пособников или попустителей; их могли оправдать ввиду специальных «мотивов» поступка, могли дело замять, закрыть глаза на то, что узнали, и тем внешне приличие соблюсти. Мало ли что за кулисами делается, и все-таки терпится. Но дело происходило не так. Это делал не только Герасимов, это знал и одобрял высший представитель государственной власти — Столыпин... О деятельности Герасимова Столыпин доложил Государю, и Государь сам пожелал

Е.Е. Лансере. Тризна

его видеть. В своих воспоминаниях Герасимов говорит, что он Государю сделал о ней подробный доклад... после аудиенции Герасимов был произведен в «генералы».

В запросе социал-демократической фракции Государственной думы по поводу убийства Столыпина отмечена эта поразительная особенность действий «молоха русской полицейской государственности». Нигде в мире не совершалось столько убийств высших сановников при содействии чинов политической охраны, как в России за последнее десятилетие. В документе, который привел в книге «Годы» Шульгин, к слову сказать, дворянин-монархист, сказано: «Охрана стала государством в государстве, правительством среди правительства, министерством в министерстве. Товарищ министра, заведующий полицией, стал хозяином положения, перед ним стал трепетать и сам министр внутренних дел. Таким образом, охрана, созданная правительством как орудие грубого насилия против политически пробудившегося народа, усилила разложение, деморализацию и анархию в высших правительственных органах. Она стала орудием междоусобной борьбы лиц и групп правительственных сфер между собою. Самым ярким проявлением этой анархии органов государственной власти является факт убийства в Киеве председателя Совета министров Столыпина. Столыпин, который открыто перед страной защищал необходимость для современного русского правитель-

Столыпин встречает в Киеве царя. 1911 г.

ства существующей системы политического сыска и охраны, Столыпин, который, по словам князя Мещерского... говорил при жизни: «Охранник меня убьет», Столыпин, создавший культ охраны, погиб от руки охранника, при содействии высших чинов охраны...»

Впрочем, удивляться зависимости царей от жандармов и охраны не стоит. В России жандарм хотя и считался среди интеллигенции *persona non grata*, но был и остается особой почти «неприкасаемой». Жандармы даже занимались перлюстрированием писем государя императора Александра II. Если называть вещи своими именами, высшая власть в России если и не являлась прямым убийцей, то нередко выступала пособником убийц, пусть и косвенным. Видимо, из ближайшего круга Николая II последовало негласное распоряжение по ликвидации сначала графа Витте, а затем и П.А. Столыпина. Известно, что 29 января 1907 г. в печных трубах дома графа Витте были найдены бомбы с часовым механизмом. Хотя бомбы подложили эсеры В.Д. Федоров и А.С. Степанов, выяснилось, что эти «адские машины» были изготовлены отнюдь не революционерами. Известно, что председатель Союза русского народа Дубровин, лидер правых, незадолго до покушения приказал раздобыть план дома Витте, намекнув, что делается по поручению «августейшей особы». Бомбы вручил исполнителям агент охраны, черносотенец А.Е. Казанцев.

В ту же игру играл Столыпин... С. Резник прав, говоря: «Столыпин, конечно, не избрал провокации. Он унаследовал ее от Пле-

Кортеж сановников

ве, Рачковского, Зубатова, Дурново и более ранних предшественников. Но при нем она достигла расцвета. Герасимов, Трусевич, их коллеги, непосредственные организаторы провокаций, ничего не делали без одобрения Столыпина. Глава Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов почти ежедневно являлся к нему с обстоятельными докладами, сопровождал его в поездках к царю, стал доверенным человеком семьи». А.В. Герасимов признавался: «В записной книжке Казанцева имелись адреса конспиративных квартир Московского охранного отделения. Не было сомнения, что и динамит получен оттуда же и что все предприятие организовано с ведома начальника этого отделения полковника Климовича. Все эти данные были мною собраны и препровождены в департамент полиции, где они и были похоронены». Вспомним, что и провокатора Азефа прикрывал не только начальник Петербургского охранного отделения Герасимов, но и сам министр внутренних дел Столыпин, подавая этого господина как своего «агента». «Под надзором» держал он и своих родственников. «Это была практика чрезвычайно скверная, потому что служила личным интригам», — писал С.Е. Кржыжановский. В итоге, сам же Столыпин и пал жертвой своих же провокаций. Если же вспомнить, как Столыпина поносили С.Ю. Витте, П.Н. Дурново, В.Ф. Трепов (особы, приближенные к государю), не говоря уж о евреях, что все виновные начальники не были осуждены, а лишь уволены в отставку и на защиту начальника дворцовой охраны Спиридовича грудью встала сама царица, становится ясно: нити заговора вели наверх. А посмотрите, как подло повели себя в этой ситуации царь и царица — Николай II и Александра Федоровна. Царь даже не подошел к раненому премьер-министру... Это означало одно из двух: перед нами трус или негодяй (а, скорее всего, и то и другое, вместе взятые). Не изменил царь и программы торжеств, отбыв в Чернигов в увеселительную поездку (как ни в чем не бывало). Заехав раз в больницу, царь даже и не подошел к постели умирающего Столыпина.

Причина одна: совесть не чиста... Отбывая на отдых в Ливадию, царь не пожелал и на день задержаться, чтобы хотя бы поприсут-

ствовать на похоронах своего председателя Совета министров. Когда преемник Столыпина, Коковцов, выразил императрице сожаление по поводу гибели этого государственного деятеля России, та резко оборвала его фразой: «Верьте мне, не надо так жалеть, кого не стало...» Показательно и то, что в январе 1913 г. Николай повелел прекратить дело в отношении главных обвиняемых, допустивших смерть премьера (Курлова и компании). Царь еще и поблагодарил Курлова «за верную службу». Так почему мы должны жалеть господ Романовых, что не жалели ни народа, ни слуг своих?! «Верьте — не надо так жалеть!»

Находясь в эмиграции, будучи тяжело больным, Гучков говорил, диктуя воспоминания, что охранка убила Столыпина потому, что тот назначил ревизию секретных фондов Департамента полиции. Матерые жандармские волки разгадали уловку Богрова, но решили воспользоваться его услугами, чтобы, как говорится, сразу убить двух зайцев. Это позволило бы, во-первых, удовлетворить пожелания высших придворных кругов и самого царя и, во-вторых, убрать с дороги въедливого премьер-министра. Поэтому слова А.И. Гучкова, сказанные тогда на заседании Государственной думы и описывающие состояние дел в «силовых структурах», полагаю, и сегодня звучат злободневно. Он не побоялся бросить в лицо этой «государственной мафии» обвинение: «Для этой банды существовали только соображения карьеры, интересы личного благосостояния, расчеты корысти. Это были крупные бандиты (из высшей бюрократии), «жадной толпой стоящие» (у трона), но с подкладкой мелких мошенников. И когда они увидели, что их распознали, когда они почувствовали, что им наступают на хвост, что стали остригать их когти, стали проверять их ресторанные счета, то они предоставили событиям идти своим естественным течением». Главная проблема в России: как замыслы великих реформаторов провести через тысячи чиновников, которые нередко лезут из кожи вон, чтобы дискредитировать и провалить прекрасный замысел. Мотивы их действий понятны. Успех реформ — смерть их как класса, класса-пиявки! Говорят, окружение Николая II и царь, не соответствуя уровню

Столыпина и завидуя популярности, не смогли разглядеть в нем фигуру «русского Наполеона». А может, как раз разглядели и боялись этой сильной личности?!

Сегодня проверять и вскрывать нужно, понятно, не ресторанные счета, а счета бешеных состояний иных нуворишей, компаний и структур. Опухли эти Российскому государству, лидерам новой России придется еще не раз вскрывать (железом и с кровью). Хотя дело это, понятно, смертельное, но на террор крупных воров и бандитов, на «террор капитала» и коорупции народ должен отвечать еще более беспощадным террором.

Смерть премьера и все то, что ей сопутствовало, означали не только отказ от реформирования России «сверху», мирным путем, но и нечто тревожное для самой будущности страны. Россия поняла, что царь и его окружение — это банда интриганов и бездарей, которые во имя карьеры и собственной выгоды, а то и из-за обычной зависти предадут, сдадут кого угодно, в том числе и ближайших сподвижников! В результате в системе самодержавной власти воцарились разброд, разлад, анархия, предательство, измена. Корни поразившего всех предательства Николая II при его отречении в 1917 г., думаю, восходят именно ко времени предательства царем его премьера-бонапартиста. Какую проблему не возьми, везде — фигура Николая II. Эта политическая и человеческая мокрица не давала ничего сделать своевременно, верно, умно и четко. Такая монархия была обречена.

Это было, как «выстрел в десятку»... Жандармерия и полиция стали ненавистны не только господам революционерам и «максималистам», но даже тем, кто ранее был настроен вполне лояльно к монарху и правительству. Как можно иметь дело с администрацией и ее аппаратом, если они уничтожают или по меньшей мере способствуют убийству своих же защитников?! Как можно защищать самодержавие, если оно само не желает, чтобы его умно, талантливо и искренне защищали! Так, гений политического сыска П.И. Рачковский, сумевший обратить в самодержавную веру не кого-либо, не какого-то тупого террориста, а умницу Л. Тихомирова, превратившегося в итоге из народовольцев в убежден-

ного монархиста, был отставлен от службы по интриге «провидца» Филиппа, уговорившего государыню, а та — Плеве (Рачковский, де, «замахнулся на Ложу»). Плеве уволил Рачковского, ну и вскоре был убит террористами. Правда, после гибели Плеве Рачковского на какое-то время вернули в строй. Однако пришел Столыпин и вновь уволил его. Как нам представляется, царская верхушка, сдав Столыпина в руки убийц, фактически тем самым сама подписала себе и царю смертный приговор. Царизм оказался бессилен перед лицом террора и потому был обречен. Но стоит ли сожалеть и о гибели Романовых, если эти... даже не пожалели того, кто на протяжении нескольких лет служил верой и правдой Империи, не пожалев своей жизни! Этот строй был уже нежизнеспособен. Конечно, среди представителей Охранного отделения были и достойные люди. Одним из них был товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский. Именно он прекратил деятельность провокатора Малиновского и заставил того убраться за границу, запретил вербовку учащихся средних учебных заведений в осведомители. По его инициативе расследовали и деяния Г. Распутина, который, по его твердому убеждению, «расшатывал трон». Джунковский был противником грязных методов и провокаций, к которым прибегала охранка в России. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии он заявил: «Провокацию я считаю такие случаи, когда наши агенты сами участвовали в совершении преступления... Сами устроят типографию, а потом поймают и получают ордена. Вот относительно таких вещей я был немилосерден». Но такие люди всегда были редкими «экземплярами» в системе российской бюрократии. К тому же их обычно быстро выживали с места работы (В.Ф. Джунковского увольят в 1915 г.)

Жизнь его после революции, как и многих деятелей царского режима, сложилась трагично. Московский революционный трибунал 30 ноября 1920 г. приговорил его к пяти годам лишения свободы. 28 ноября 1921 г. по постановлению ВЦИК он был освобожден из-под стражи. По свидетельству С.М. Голицына, разговаривавшего с людьми, хорошо знавшими Джунковского, «никогда ни о ком он не

Жандармские офицеры

давал порочащих сведений». После 1921 г. работал сторожем, давал уроки французского языка, писал воспоминания о своей жизни. Бытует мнение, что он принял монашество, хотя документальных подтверждений этому не имеется. Утверждали, что положение 1932 г. о паспортном режиме в СССР было разработано если не лично Джунковским, то, во всяком случае, с его помощью. В конце 1937 г. Джунковский был вновь арестован и специальной «тройкой» НКВД приговорен к расстрелу. В 1938 г. приговор приведен в исполнение. Так погиб верный слуга империи.

Однако политикой П. Столыпина были не довольны и на правом фланге политики. Мы имеем в виду крупных капиталистов и промышленников России. Тонкий аналитик Ю. Семенов в «Гибели Столыпина», на наш

взгляд, верно подметил причины серьезной озабоченности российских капиталистов политикой премьер-министра. Он писал, выражая мнение московских заводчиков и фабрикантов: «Московские миллионщики, как утверждает наиболее доверенная агентура высшего ранга («сверхагентура»), выражают убеждение, что Столыпина интересует лишь «положение знати, ста семейств»; он хочет сконструировать общество таким образом, чтобы кулаки гарантировали прочность порядка и безопасность самых крупных землевладельцев, взяв на себя практическую работу «экономических жандармов». Но это, как считает Китай-город (центр московских заводчиков и предпринимателей именовал себя в пик Уолл-стриту Китай-городом. — Ю.С.), есть утопия чистейшей воды, до тех пор пока

В.Ф. Джунковский

не признают хоть какие-то права «низших братьев», то есть рабочих. «Сверхагентура» полагает, что такого рода оппозиция Столыпину есть не что иное, как дань западноевропейской «тенденции» московской заводско-банковской группы. Попытки Столыпина решить все проблемы России через национальный вопрос, говорил в доверительных беседах заводчик Мамонтов, есть чистейшая химера. «Помогли он нам обрести реальную власть в империи, так мы ловчее его прижмем всех конкурентов, как польских с иудейскими, так и армяно-татарских, включим их в себя, подчиним своим интересам. Понятие «не пущать» к экономике и банковскому делу неприложимо, допрыгается Петр Аркадьевич». В этом замечании есть немалая доля истины, хотя, как показала история, предприниматели и банкиры не очень-то готовы, по крайней мере в большей своей части, честно служить России без ока, а то и «кнута государева».

По свидетельству академика Г. Рейна, во вскрытом завещании Столыпина, написанном им задолго до смерти, в первых строках было сказано: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют...» По одной из версий, он выразил это пожелание устно: «Похоронить

меня... в Киеве — в этом городе хорошо лежать». Из других литературных источников известно, что «перед смертью Петр Аркадьевич высказал свою волю быть похороненным в Киеве, следуя всегдашнему желанию быть погребенным там, где настигнет смерть. По воле Государя Императора, место вечного успокоения избрано в Киево-Печерской лавре, подле исторических могил Кочубея и Искры. Так и сделали: 9 сентября 1911 г. Столыпин был похоронен у Трапезной церкви, где, по слухам, некогда находились могилы Искры и Кочубея, верных слуг народа!».

Отношение к Столыпину в российском обществе продолжает оставаться неоднозначным. Одни продолжают видеть в нем «вешателя», другие — «истинного отца русской революции». Многие по-прежнему видят в нем гениального реформатора и едва ли не возможного спасителя России. Скажем, М.О.Меньшиков давал ему такую оценку: «По политической наружности Столыпин был человек мужественный, непреклонный, не способный к сдаче, но... следя за его политикой, я чувствовал часто ничем не объяснимую его доверчивость, непонятную нерешительность, причем множество драгоценного времени упускалось невозвратно. После адского покушения на Аптекарском острове, кажется, уже ясно было, с какой силою Столыпин борется. Но и тут его связывали странные колебания. Арестовываемые злодеи, покушавшиеся на его жизнь, щадились, надзор за ними был так плох, что они один за другим бежали с каторги. Симулируя сумасшествие, бежала Рагозинникова, впоследствии убившая началь-

Траурная процессия во время похорон Столыпина

П.А. Столыпин

ника Тюремного управления Максимовского. Бежала из Якутской области Роза Рабинович, бежала Лея Лапина; избежала ареста Фейга Элькина и т.д. Перечитайте ужасную летопись покушений и заговоров на жизнь Столыпина, напечатанную... в «Новом времени». Возмущенное русское общество не один раз требовало диктатуры, и даже сам Столыпин в одной из речей соглашался, что к диктатуре прибегнуть придется, но на слишком крутую борьбу у него не хватало сил. Не в осуждение говорится это убитому страдальцу — он поистине все отдал Родине, включая жизнь свою, — но к числу коренных и глубоких причин его гибели следует отнести недостаток тех грозных свойств, которые необходимы для победы. Постепенно правая — от левого октябризма к правому национализму, — Столыпин, к чести его, оставался твердым сторонником конституции. Неизвестно, какую эволюцию пережил бы этот быстро правевший конституционалист — может быть, из него выработался бы «наш Бисмарк», — но я лично, признаюсь, мало питал на это надежды. Великие характеры не делаются, а рождаются. П.А. Столыпин едва ли сделался бы «железным князем». Он был слишком культурен и мягок для металлических импульсов сильной власти». Может, надо было бы найти в себе силы и встать на путь диктатуры, физически ликвидировав не только значитель-

Монархист Л.А. Тихомиров

ную часть террористической публики, но и большую часть правящей «элиты»?! Однако не подходил Столыпин на эту роль. Большевиком он не был. Один из современников верно заметил: «Наши опасности и задачи так огромны и сложны, что перед ними задумались бы и Бисмарк, и Гладстон, и Кавур. А у нас вместо Бисмарков и Гладстонов... Столыпина с широтою взглядов провинциальных губернаторов, убеждениями и нравственными качествами И.А. Хлестакова».

Убийство П.А. Столыпина многие считают серьезной потерей для России, видя в его лице сильного и мужественного политика, который мог не допустить вступления России в мировую войну, а следовательно, не допустить перехода той роковой черты, за которой трагические и страшные события стали необратимыми. Можно согласиться с известной оценкой Л. Тихомирова, который писал: «Были лица более глубокие в смысле философии государства, более, конечно, твердого характера, более обширных знаний и, конечно, более определенного миросозерцания. Но правителя, соединившего такую совокупность блестящих качеств, необходимых в то время, когда одному приходится заменять десятерых, правителя такого самоотвержения, такой напряженной сердечной любви к России — я не видел». Однако эти верные слова, прекрасные мысли, благие идеи Меншикова,

Семья охотника-промысловика

Розанова, Менделеева, Тихомирова высвечиваются совсем в ином свете, если все же бросить более широкий и честный взгляд на положение общественных классов России.

Идеализировать Столыпина, делая из него этакого «героя греческой трагедии, поставленного на котурны», не стоит. При всех достоинствах этой личности ему все-таки не удалось добиться коренного перелома в модернизации России. Картина его правления отнюдь не лучезарна. Один из просчетов Столыпина заключался в том, что в условиях авторитарического режима он строил планы повышения благосостояния крестьян с помощью методов капитализма, т.е., как заметил Толстой, «утверждением земельного насилия». Толстой считал, что надо признать землю «равной собственностью всего народа», установить единый для всех налог и тем самым «успокоить народ и сделать бессильными все усилия революционеров, опирающихся теперь на народ». Потому-то и разговора у писателя с реформатором не получилось. Попытки же насильственного насаждения частной собственности в деревне и разрушения общины натолкнулись на упорное сопротивление как на правом, так и на левом флангах российского общества. Да и задачи капиталистической модернизации России не встречали сочувствия в массе крестьян, являвшейся главным оплотом самодержавия и монархии. Идеи Столыпина не очень вписывались

в реалии жизни крестьянской России. Подтверждает эту мысль и высказывание барона Б. Будберга, активного участника колчаковского правительства. Описывая настроения большинства крестьян в Сибири в 1919 г., «белый барон» говорит: «Восстания и местная анархия расползаются по всей Сибири; говорят, что главными районами восстания являются поселения столыпинских аграрников, не приспособившихся к сибирской жизни и охочих на то, чтобы пожить за счет богатых старожилов». Слова эти особенно ценны, ибо автора не назовешь сторонником социалистических идей.

Крестьянство остро нуждалось в земле, в сносных условиях существования, поскольку с ростом населения (в 1860 г. в 50 губерниях Европейской России оно составляло 50,3 млн, а в 1900 г. уже 86,1 млн человек) средняя величина душевого надела упала с 4,8 дес. в 1860 г. до 2,6 дес. в 1900 г. Реформа 1861 г. *de facto* не улучшила, а ухудшила положение большинства рядовых крестьян.

Т.М. Бондарев, крепостной, отданный в солдаты, отправленный на поселение в Сибирь, писал в книге «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» о бедах русских крестьян, «бедных хлебопашцах», у которых «без всяких на то прав нагло отняли... землю да помещикам да millionaireм продали». Кстати, то же самое делает наглая буржуазная демократия в нынешней России, отнимая земли у народа, передавая ее в руки воровской буржуазии, нуворишей, разбогатевших на коррупции и на бессовестном грабеже страны! Уже Витте понимал, что лежит в основе народных беспорядков, а точнее, массовых крестьянских восстаний 1905—1906 гг. «Студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающею на нас крестьянскою пугачевщиною» (1905). Именно возмущение основной массы крестьян и рабочих и вызовет первую русскую революцию.

Не заостряя внимание на «горах злобы и ненависти» (Ленин), скажем: попытки представить события 1905—1906 гг. как желание кучки террористов уничтожить великую Русскую империю — ложь, в которой удивительным образом сплелись голоса монархи-

стов, либералов, демократов, церковников, «патриотов», евреев и бог знает кого еще. Крестьянин да и любой труженик на Руси как ненавидел, так и ненавидит перекупщиков. Дай в руки народа оружие — и завтра же эту сволочь прикончат по всей стране! Вот мнение крестьян Самары (их приговор) в июне 1906 г.: «Нам кажется, что нужно изменить земельный порядок теперь же и так, чтобы земля была доступна всем, кто желает работать сам, и совсем бы была отобрана от того, кто наймом обрабатывает или же сдает землю в аренду. Земля — дар божий, а не создание рук человеческих, и потому она вся должна принадлежать всему народу и не составлять собственности небольшого числа лиц». Ту же мысль высказали пензенские крестьяне: «... земля как дар божий должна принадлежать только трудящимся. Владение кучкой людей миллионами десятин земли, по нашему крестьянскому разумению, не может ничем быть оправдано». Сегодня эти слова звучат еще более актуально, ибо век иной, а нравы те же!

События 1905—1906 гг. несут на себе знак «революционного правотворчества народных масс». Община подняла голову, потребовала коренных экономических и политических преобразований. Образно говоря, коллективный крестьянский Пугачев вышел из закоулков Яицкой степи на просторы России! Прав историк И.Я. Фроянов, говоря о событиях тех лет как о русской аграрно-демократической революции, основным пафосом которой стало отрицание буржуазной собственности на землю, мира кулака, мироеда, капиталиста. Фроянов пишет: «Мы не разделяем столь хвалебной оценки деятельности Столыпина как реформатора. С точки зрения конкретного момента она, быть может, достигла преследуемой цели, ослабив революционный накал в стране. Но в плане исторической оценки, причем, как показало время, даже ближайшей, эта деятельность оказалась пагубной для старой России, обострив до крайнего предела противоречия в русской деревне и подготовив таким образом Октябрьскую революцию».

Столыпин хотел, назовем вещи своими именами, сломать русского крестьянина. Точнее, он вышвырнул его на произвол судь-

бы, говоря: кто выживет, тот будет богат и счастлив! Крестьянин сопротивлялся, ибо он не самоубийца. Великий труженик прекрасно понимал, что государство даст ему крохи и забудет о нем (так и случилось, поэтому из столыпинских выселенцев и выйдет масса красных партизан в Сибири!). Но власть с упорством старого самодура продолжала гнуть свое. Сподвижник премьера Столыпина, октябрист М.В. Красовский прямо сказал в Госсовете: «Мы стоим за решение принудительное, насильственное, навязанное». Но в России не любят ничего делать из-под палки. Так и не потому ли, как известно, за 1906—1909 гг. даже в самых охваченных реформой губерниях из общины вышло лишь 9,4 % крестьянских дворов да и к 1916 г. число порвавших с общиной земледельцев не составляло и половины от крестьян, владевших землей на общинном праве! Крестьянин видел, ради кого правительство предпринимает реформы. П.Н. Зырянов писал: «Из авторов и проводников столыпинской реформы, пожалуй, никто с такой откровенностью не говорил о ее насильственном характере. Как и многие деятели «Объединенного дворянства», Красовский не скрывал, что община разрушается прежде всего ради спасения помещичьих имений». К тому же необъятные расстояния России, суровая природа, характер обитания и работы на больших просторах среди разных людей и народов делало общину не только привлекательной, но зачастую единственно возможной формой существования социума. То была особая форма ведения хозяйства и,

Столыпин и крестьяне

скажем больше, своя форма коллективного мировоззрения и коллективной философии.

Хотя и отдельные успехи, безусловно, имели место. Известна деятельность Крестьянского банка в 1906—1916 гг. Тот выделял из своих средств деньги на обзаведение крестьян землей. За 1906—1915 годы из земельного запаса банка было продано крестьянам 3,7 миллиона десятин (60,4 процента земельного запаса). Среди покупателей банковской земли преобладали единоличники, на которых приходилось 78,7 % от общего количества проданной банком земли. Больше половины земли из земельного запаса банка было продано отрубам (54,9 %), а одна четвертая часть — хуторами (23,8 %). К 1915 г. на землях банка было образовано 7,7 тысячи хуторов и 14,3 тысячи отрубов. Для хуторян были введены дополнительные льготы — ссуда выдавалась на полную стоимость земли, а «отрубникам» нужно было вносить сразу 5 % наличными. Стимулируя образование хуторов и отрубов, банк не только предоставил им льготы при выдаче ссуд, но при отсутствии у покупателя свободных денег для немедленного взноса задатка сдавал ему участок в аренду сроком до 3 лет. Тем самым крестьянину предоставлялась возможность «подняться и собраться с деньгами».

Постепенно среди части крестьянства стал назревать определенный «поворот» в сторону частной собственности на землю. Банк ведь своей земли никому не навязывал, напротив, покупщики допускались с тщательным отбором. Отказы местного населения от покупки банковских участков в революцию 1905—1907 со временем стали редким явлением. Если в первые два года с начала Столыпинской реформы, пишет Н. Проскуракова, распродажа подготовленного имения растягивалась на многие месяцы и требовала иногда призыва переселенцев из других губерний, то в дальнейшем эти участки разбирались за несколько недель. Причем банку при составлении списка покупателей земли иногда даже приходилось прибегать к жеребьевке просителей, определяя тех, кто отвечал бы установленным требованиям как будущий хозяин. Причина же краха идей Столыпина заключается не только в малых сроках опыта, но, видимо, и в том, что запад-

ный фермерско-хуторской образец не мог прижиться в России с ее общинным укладом мысли и хозяйствования. Кроме того, как известно, непрерывно росла стоимость десятины арендуемой земли. Земляное «утеснение» заметно усилилось. С конца 80-х до конца 90-х годов XIX в. арендная плата увеличилась на 38 %, а к 1912—1914 гг. — еще на 41 %. Помещичьи латифундии оказались малоэффективны и жили во многом за счет налоговых привилегий и государственных подачек, осуществляемых через Дворянский банк. Хотя царь продал правительству 1,6 млн гектаров «своей» царской земли с тем, чтобы правительство продало землю на легких условиях крестьянам, а его примеру вроде бы хотели последовать помещики, ни того, ни другого не произошло. Добавьте сюда то обстоятельство, что на плечи крестьян ложилось содержание царской бюрократии (включая самого Столыпина). К примеру, только на содержание волостного управления крестьяне Европейской России ежегодно расходовали 28 млн рублей. Все это, вместе взятое, не могло ни настраивать большинство крестьян против царской монархии и помещиков, что и проявится в полной мере в ходе революций 1917 г. Несмотря на то, что, казалось, и природа улыбнулась царству: с 1906 по 1911 гг. погода была в России чрезвычайно благоприятной, в результате чего крестьянин получил самые высокие урожаи в истории России. Но все это не давало нужного эффекта.

Л. Толстой заявлял, что Столыпин «влюблен в виселицу». Это не так. Любви к виселице у него не было, как не был он «обер-вешателем». Он — уполномоченный и приказчик русского дворянства, возглавляемого «первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым» (В.И. Ленин). Сомнений нет. Как нет за ним и никакой моральной правоты, ибо он и царь стали выразителями идеи удержания земли в руках паразитов и кровососов! Шульгин потом витийствовал о «моральной правоте» Столыпина, который раздавил первую русскую революцию, и видел в нем «предтечу Муссолини». Итог: Муссолини вздернул народ, а Столыпина застрелили!

И все же воздадим ему должное... Даже С.Ю. Витте, не любивший его, говорил о нем

Киев. Памятник П.А. Столыпину. 1913 г.

как о человеке храбром. Прекрасно означении П.А. Столыпина сказал и В.В. Розанов: «Что ценили в Столыпине? Я думаю, не программу, а человека; вот этого «воина», вставшего на защиту, в сущности, Руси. После долгого времени, долгих десятилетий, когда русские «для успехов по службе просили переменить свою фамилию на иностранную» (известная насмешка Ермолова), явился на вершине власти человек, который гордился тем именно, что он русский, и хотел работать с русскими. Это не политическая роль, а скорее, культурная... Хотя, конечно, никто из русских «в правах» не обделен, но фактически так выходит, что на Руси русскому теснее, чем каждому инородцу или иностранцу; и они не так далеки от «привилегированного» положения турок в Турции, персов в Персии... Везде на Руси производитель — русский, но скупщик — нерусский, и скупщик оставляет русскому производителю 20 процентов стоимости сработанной им работы или выработанного им продукта. Судятся русские, но в 80 процентов его судят и особенно защищают перед судом лица не с русскими именами. Везде русское население представляет собою темную глыбу, барахтающуюся и бессильную в чужих тенетах. Знаем, что все это вышло «само собою», даже без ясных злоупотреблений; скажем — вы-

шло беспричинно. Но в это «само собою» давно надо было начать вглядываться; и с этою «беспричинностью» как-нибудь разобраться... «Все места заняты», «все работы исполняются» людьми, которые умеют хорошо толкаться локтями. Это самое обычное зрелище; это зрелище везде на Руси. Везде русский отталкивается от дела, труда, должности, от заработка, капитала (и сто лет назад, да и теперь! — В.М.), первенствующего положения и даже от вторых ролей в профессии, производстве, торговле и оставляется на десятых ролях и в одиннадцатом положении. Везде он мало-помалу нисходит к роли «прислуги» и «раба»... незаметно, медленно, «само собою» и, в сущности, беспричинно, но непрерывно и неодолимо. Будущая роль «приказчика» и «на посылках мальчика» в своем же государстве, в своей родной земле невольно вырисовывается для русских. Когда в то же время никто русским не отказывает ни в уме, ни в таланте. Но «все само собою так выходит»... И вот против этого векового уже направления всех дел встал большой своей и массивной фигурой Столыпин, за спиной которого засветились тысячи надежд, пробудилась тысяча маленьких пока усилий... Поэтому, когда его поразил удар, все почувствовали, что этот удар поразил всю Русь; это вошло не основную частью, но это вошло очень большою частью во впечатление от его гибели. Вся Русь почувствовала, что это ее ударили. Хотя главным образом вспыхнуло чувство не к программе, а к человеку... На Столыпине не лежало ни одного грязного пятна: вещь страшно редкая и трудная для политического человека... Все чувствовали, что это — русский корабль и что идет он прямым русским ходом». Увы, к тому времени «корабль Россия», судя по всему, походил на спешивший к гибели «Титаник»: размеры и солидность того, не уберегли его от катастрофы, ибо капитан-царь был самоуверен, небрежен и глуп.

Усилия Столыпина как реформатора нельзя признать безрезультатными. В 1908 г. Дума приняла предложение правительства о повышении зарплаты учителям начальных школ, утвердила программу Министерства народного образования о введении всеобщего обучения; окончательное ее завершение на-

**Торговцы "фруктами":
подпольная типография в России**

мечалось на 1922 г. В 1912 г. в окончательной форме принят закон о рабочем страховании (уже после смерти премьера). К 1914 г. 9 млн крестьянских хозяйств в России владели собственной землей. Но все это были частные успехи, не решавшие главной проблемы — малоземелья. П.А. Столыпин («Русский Бисмарк», как иные его величали) не сумел дать России того «вечного покоя», к которому столь страстно призывал в политике и от которого пытался уйти в экономической жизни. Причины его фиаско, как и фиаско класса «новых собственников», лежат на поверхности. Новое капиталистическое вино вливать в вековые меха монархическо-бюрократического устройства старой России нельзя. К тому же реакционный характер утверждаемой им системы был слишком очевиден, вызывающе очевиден. Столыпин создал политическую систему, в которой роль рабочих и крестьян

оказалась урезана. По избирательному закону П.А. Столыпина, число выборщиков от крестьян по отношению к общему числу выборщиков по всей империи в 1907 г. достигало 22 % вместо 43 %, а рабочие выборщики составили 2,3 % вместо 3,4 % (по закону С.Ю. Витте). Товарищ министра внутренних дел (1906—1911 гг.) С. Кржыжановский, допрошенный следственной комиссией Временного правительства (10 июля 1917 г.) прояснил взгляды Столыпина на будущее России. В документе были такие слова: «Всякое колебание и коллегиальное обсуждение судеб страны перед лицом страны в революционное время чревато опасностями...» «Если принять классовую систему выборов, то каким путем избежать преобладания евреев в этих городских куриях? В-третьих, нельзя ли для распределения числа выборщиков по куриям принять за основание для крестьян и землевладельцев пространство владения землей, а для горожан численность населения?»

Столыпин хотел переделать народ. «Но таких чудотворцев, помимо Бога, жизнь не знает. Политики и государственные деятели могут гнуть, ломать, калечить русский народ, но переделать его они не в состоянии». Жажда обогащения, холодный расчет, буржуазные инстинкты и вытекающий из них индивидуализм чужды массовому сознанию русского крестьянства, хотя, безусловно, присутствуют. Но даже нынче не определяющие!

В 2006 г. о необходимости завершить основные положения столыпинских реформ в России заявил на заседании оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 100-летию реформ Столыпина, первый вице-премьер РФ Д.А. Медведев, ныне президент. По его словам, «сегодня перед Россией стоят схожие задачи». Медведев даже подчеркнул, что между временами Столыпина и современностью присутствует «незримая связь, которая сегодня объединяет нас и тех, кто начинал реформы в начале XX века». И речь идет о реформах, «которые, к сожалению, по известным причинам были прерваны и основные положения которых, по всей вероятности, нам предстоит претворить в жизнь». В посылке его, в принципе, есть здоровое ядро.

Новая Дума, но старые "сосуды"

Но, во-первых, сегодня мы имеем совершенно иную образовательную, культурную, технологическую основу развития, во-вторых, даже сегодня «путь Столыпина» сложен и потребует серьезной поддержки государства и властей на местах. Чтобы не получилось так: один едет на пашню или завод, а другой наваливается на него с бандой перекупщиков или рейдеров. Нужно изменить экономические, финансовые, социальные условия труда, работы, жизни села и города. Уберите паразитов, предмет народной ненависти! Дайте дорогу труженику, производителю, деятелю, творцу — и Россия воспрянет, а вскоре и преобразится!

В.И. Ленин заметил: «Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути». Но тот же Ленин, будучи умным и прозорливым человеком, побаивался успеха реформ Столыпина, говоря: «После «решения» аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может». Сам Столыпин в интервью французскому журналисту Г. Дрю так определил свою позицию: «Да, я схватил революцию за глотку и кончу тем, что задушу ее, если... сам останусь жив». Борьба действительно шла не на жизнь, а на смерть. Но ему так и не удалось

схватить за горло ни революцию, ни террористов. Нужно было, видимо, действовать более решительно... Однако легче сказать, чем сделать. Столыпин не смог обуздать революционный шторм. По большому счету, и террор не помог ему (хотя в 1908 г. были казнены 782 человека, а в 1911 г. — всего 73 человека). Однако это внешнее «успокоение» было в действительности, затишьем перед бурей. Маховик, запущенный его инициативами, хотя некоторое время крутился, но в итоге стал замедлять ход. Монархисты, определявшие политику, хотели вернуться к порядку, существовавшему до 1905 года, т.е. никаких перемен конституций и парламентов. Только царская воля и воля его окружения! Да, парламентский институт они были готовы позволить в России, но только как ширму. Когда же началась Первая мировая война, активно обсуждался новый правительственный переворот, направленный на дальнейшее ограничение функций Думы. За оставшиеся до краха империи годы не появилось ни одного серьезного предложения по существенному изменению российского законодательства, которое исходило бы от высших правящих кругов. «Опыт Первой мировой войны выявил всю сущность царского правительства — некомпетентного и коррумпированного в той же мере, как реакционного и лакейского». Насколько велики были шансы либерализма реформировать Россию?

Глава 14. Идеологи либерализма и консерватизма.

Возможности либерального реформирования России в начале XX века

Корни идеологии либерализма в России уходят, вероятно, еще в разработки того течения, которое известно в литературе как «западники». В практическом же отношении у истоков российского либерализма стояла такая могучая фигура, как М.М. Сперанский. Напомним, что в 1802 г. он высказал мысль, что государства, противодействующие прогрессу, могут прийти к катастрофе. Политики конца XIX—XX вв. в России были бы не прочь повторить главную политическую тему его «Введения к Уложению...» (1809 г.), где ставилась задача реформировать политическую систему в соответствии с требованиями экономической и социальной жизни. Полагая, либералы охотно подписались бы под словами Сперанского: «Сколько бедствий, сколько пролития крови можно бы было упредить, если бы правители держав... не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа». Этой теме посвящены и его «Заметки», копия которых датирована 1839 г., где говорилось о необходимости развивать экономику и просвещение страны. А разве либеральные деятели новой волны в России не хотели, говоря словами Сперанского, содействовать движению монархии от заблуждения к истине и тем самым содействовать и прогрессу общества?! В работах начала XIX в.—30-х гг. М.М. Сперанский, как известно, доказывал необходимость изменения устаревших (нерациональных) правил общественной жизни. Говоря о судьбе этого политика, историк замечает: «В его судьбе

видна смена исторических эпох: от века просвещенного абсолютизма к современной европейской государственности». Примерно те же задачи стояли перед либералами. Подобно тому, как в 1835 г. Сперанский стремился внушить цесаревичу мысли о правомочности и естественности утверждения в России закона человеческой свободы, а также необходимости усовершенствования бытия народа, так же спустя семьдесят лет деятели либерального движения будут доказывать Николаю II необходимость принятия конституции... Но теперь мысли Сперанского о необходимости учитывать «возраст» общества, степень его развития и в первую очередь давнюю волю и стремление народа к свободе на протяжении стольких лет звучали во сто крат актуальнее. Известно, что Сперанский был масоном с 1810-го по 1822 г., когда масонство в России было строжайше запрещено. Возможно, это-то и стало причиной его отстранения от службы и ссылки в 1812 г. Возвращенный императором к службе, он вынужден принять участие в суде над декабристами и в составлении документа, требующего казни декабристов через повешение (по крайней мере документ сей был написан рукой Сперанского). Как творец проектов и инструкций, он, безусловно, ответствен и за создание системы российской бюрократии. Биографы, называющие «Свод законов Российской империи», составленный Сперанским, главным подвигом его жизни, не могли, видимо, предполагать, что система эта в будущем вырождается в главное проклятие Российского государства. Точно так же и составители ряда манифестов и проектов, как и всякого рода директив, установлений в Российской империи в начале XX в. не вполне оценили долгосрочные последствия актов. Некоторые историки и сегодня готовы видеть в либерализме силу, способную на серьезные и конструктивные усилия по модернизации страны. Либерализм, демократия, если их ис-

пользовать умно, дозированно, с учетом нужд эпохи и задач, могу быть очень полезны.

Наиболее емкое определение понятия «либерализм» встречаем у итальянского историка философии Гвидо Де Руджеро (1888—1948) в его работе «Что такое либерализм». Он писал так: «Прежде всего, либерализм выступает как признание самого факта свободы. Любой мыслительный прием, любой метод, любое искусство предполагает этот единый акт, являющийся первым органическим элементом либерального существования. Но признать свободу других может лишь тот, кто сам свободен. Только человек, ощутивший ценность собственной разумной и независимой личности, в состоянии понять право другого утверждать себя как личность. Под такого рода пониманием, признанием права другого подразумевается не просто теоретическое наблюдение; оно подразумевает также уважение к наблюдаемому объекту — личное нравственное сопереживание. Homo homini res sacra (лат. — «Человек человеку свят») сказал один древний автор — и это взаимное почтение возможно установить лишь благодаря чувству глубинного человеческого самоотождествления, возникающего в нас до того, как оно возникнет между нами. Но акт признания, взятый сам по себе, не достаточен...» Автор говорит о многочисленных сложностях и трудностях, с которыми неизбежно придется встретиться обществу при «самоуправлении посредством свободы». В этих словах, если их приложить к реальному миру, видишь как позитив, так и негатив либерализма. Идея прекрасна, спору нет. Но проблема в том, что в мире больше тех, и прежде всего на вершинах власти и собственности, кто не только не хочет в другом видеть «свободную личность», но еще под разными предлогами пытается ее поработить, унижить, сломать, подчинить себе и своему клану... Так действовали и действуют почти все системы...

Действительно, либералы являли на определенном этапе важную часть политико-культурного спектра российского общества. В их числе такие фигуры, как А.И. Тургенев, А.Д. Градовский, А.Н. Бекетов, Н.А. Белоголовый, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.А. Муромцев, Ф.Ф. Кокошкин, М.М. Ковалевский,

**М. Сперанский — идеолог и помощник
Александра I**

Д.И. Шаховской, И.И. Петрункевич, П.Н. Милюков, В.И. Вернадский, С.А. Муромцев, В.А. Маклаков, В.А. Гольцев, П.Д. Долгоруков, А.И. Чупров, Д.Н. Шипов, П.А. Гейден, И.И. Янжул. В книге «Человек и власть: перекрестки российской истории» исследователь А.В. Оболенский пишет: «Так вот, по нашему мнению, русские либералы рассматриваемого периода были наиболее зрелой и передовой в политическом отношении общественной группой тогдашней России. Для их политического мышления характерны глубина социального анализа явлений русской общественной жизни, острота критики режима и в то же время готовность к диалогу с любым сколько-нибудь склонным к модернизации правительством. Либералы унаследовали персонцентристскую этику лучших представителей поколения декабристов, но одновременно усвоили и негативный опыт их политического радикализма. При всем том социально-политическая программа либералов носила отнюдь не косметический характер, а была направлена на изменение самих

основ механизма осуществления власти и общественных отношений в России».

Среди либералов были видные экономисты, юристы, историки. В их числе был Н.А. Милютин (1818—1872), вдохновитель «великих реформ», честный и искренний патриот страны, коему Некрасов посвятил стихотворение «Кузнец--гражданин». Александр II согласился на его назначение временно исполняющим товарища министра внутренних дел, но сделал это крайне неохотно. Тот находился под подозрением. Царь в глубине души считал его «красным». Показательно и то, что буквально через месяц после оглашения реформы 1861 г. в Манифесте его уволят и отправят с семьей в годичный отпуск за границу («для поправления здоровья»). В письмах к брату, Д.А. Милютину, он высказывает опасение за судьбу реформ и будет ратовать за создание в стране партии центра, ибо нет «большого несчастья для России, чем выпустить инициативу из рук правительства».

Он видел и реальную расстановку политических сил в России... «Последние известия из России, — особенно при их отрывочности, неясности и неточности, — не могли не расстроить тот душевный мир, которым без того я наслаждался бы здесь в такой полноте и невозмутимости. Брожение у вас сильное — сильнее, чем следовало ожидать. Но, признаюсь, опасности я еще не вижу нигде, разве что в одном только неразумии будущих правительственных действий. Революционные замашки были бы просто смешны, если б не обнаруживали в обществе глубокого пренебрежения к моральной силе правительства. Даже характеристические черты обрисовывают, как мне кажется, нашу русскую оппозицию, охватившую, по-видимому, все общество: во-первых, наружу выходят только крайние мнения (по аналогии можно, пожалуй, употребить выражение: *extreme droite et extreme gauche* (крайне правые и крайне левые)), во-вторых, либеральные стремления не получили еще определенных образов, все это слишком общо, смутно, шатко и исполнено противоречий. Такая оппозиция бессильна в смысле положительном, но она, бесспорно, может сделаться сильною отрицательно». Это его заключение напоминает вердикт опытно-

Д.А. Милютин

го врача, наблюдающего за состоянием больного.

Перед Россией остро стояла проблема кадров и системы управления, как и сто лет тому назад, при Александре I. Упомянутый Д.А. Милютин (1816—1912), историк, генерал, занимавший при Александре II в течение 20 лет пост военного министра, признал, что воплощение реформ в России, в том числе в управлении, идет недопустимо медленно... «Из всех предстоявших преобразований в государственном устройстве, — подчеркивал он, — ближайшую связь с отменой крепостного состояния имело устройство местного управления вообще, в особенности же полиции. По этой части в Министерстве внутренних дел разрабатывались проекты преобразования полиции, городской и земской, и новых учреждений земских. По обоим этим предметам работы были давно уже предприняты в министерстве; ими занимался с особенной заботливостью мой брат Николай, который весьма скорбел о том, что ему не привелось осуществить свои мысли по обоим вопросам, имевшим в его глазах чрезвычайно близкое отношение к крестьянской реформе. С удалением брата обе работы велись уже обычным канцелярским порядком, то есть без общей руководительной мысли положенной в основу дела одной самостоятельной головой. К сожалению, весьма многие из совершив-

шихся у нас преобразований носят на себе именно эту черту — отсутствие общей основной мысли». Чтоб иметь основную мысль, надо еще быть способным мыслить.

В первую очередь, это касалось идеи земства и земского самоуправления. Когда-то Московский земский собор просил первого Романова принять из их рук царский венец. Теперь его наследники не желали идти навстречу земству. Правящий класс пугали последствия такой свободы. А ведь у нас были хорошие специалисты, хотя и всегда ощущался их недостаток. Они были и могли при желании снабдить власти инструментами перемен. Видным теоретиком государственного права был Ф.Ф. Кокошкин (1871—1918). Блестящий ученый, он слушал лекции и работал в библиотеках Гейдельберга, Страсбурга, Берлина, Парижа. По словам А.А. Кизеветтера, это был «глубокий юрист, знающий все конституции мира, как свои пять пальцев». Он читал лекции в Московском университете, в Лицее цесаревича Николая, был секретарем Московской городской думы, видным земским деятелем. Внес большой вклад он и в научную разработку проблем государства и права. Суть прогресса он видел в уменьшении принудительной роли государства в отношении личности, в большей свободе человека. Кокошкин был уверен, что в России должен быть осуществлен переход от абсолютизма к конституционной монархии при неременном утверждении принципа разделения властей. В составе группы юристов он принял участие в подготовке «Основного государственного закона Российской империи» (1904). Под его редакцией издана книга «Тексты важнейших основных законов иностранных государств» (1905). Говорят, он был прекрасным оратором. Тем не менее, уповав на правовое государство, он подчеркивал: «Народа, нации в политическом смысле этого слова у нас нет. Нация — необходимый фундамент современного правового государства. Она у нас организуется фактически, но нужно ее организовать и объединить юридически, нужно создать русский народ в юридическом смысле этого слова, нужно создать нацию, а таковой в наше время может быть только союз свободных, равных граждан». Отстаивая лозунг

«единой и неделимой империи», он возражал как против требований политического самоопределения наций, так и против федеративного устройства государства. Если страна встанет на этот путь, ее неминуемо ожидают развал и анархия. Как видим, в долгосрочной перспективе в отношении имперской России он оказался прав: после триумфа «социалистического интернационализма» страна распалась, потеряв окраины. Впрочем, известно, развитие цивилизации идет по спирали.

Могла ли либеральная буржуазия укрепиться и одержать победу? Теоретически да... Но либералы, стремясь добиться утверждения в России идеалов свободы и демократии, встретили ожесточенное сопротивление на левом и правом флангах. Против них с одинаковым жаром и рвением боролись помещики, бюрократия, церковники и революционеры. Одним из наиболее известных их идеологических противников был философ Константин Леонтьев. Он говорил, что вместе с либералами придет господство денег, плутократии и мелкой учености, которая есть не что иное, как грубая и невежественная «грамотократия» (т.е. чисто внешняя грамотность и образованность). Леонтьев старался удерживать Россию от «равенства и либерализма», высказывая пожелание «подморозить хоть немного Россию, чтобы она не «гнила»». Весь свой гнев он направлял против людей, которые слепо подражают Западу, уничтожая оригинальное и самобытное. Однако в позиции его были изъяны.

Желал он того или нет, но писатель отчаянно сопротивлялся естественным требованиям

Константин Леонтьев.

жизни. Возьмите, к примеру, совершенно нелепую его посылку: «Для нас вопрос решается так: если культурная солидарность наша с Западом неотвратима и неисцелима, то национальное дело наше раз навсегда проиграно». Почему?! Конечно, у нас с западной цивилизацией масса проблем и противоречий. Говорить о полном слиянии интересов сложно. Порой наши интересы в корне противоположны. Неприятие русскими либерализма очень даже понятно. Либерал — «западник», который желал бы все у нас сделать на западный манер, превратить Россию в Германию, Швейцарию, США, если уж не в Англию или Италию, так хотя бы в Монако. Только бы Русью не пахло. За этим видится полное презрение к своему народу, нежелание работать с ним и для него. Зачем?! Побыл, помучился, наворовал, пострадал, хочешь, так и покайся, и прочь, прочь, на воды — на Сейшелы, в Ниццу, в Лондон, Нью-Йорк, Куршавель... Таков наш «благородный» либерал по сей день. Леонтьев считал: либералы и демократы как раз и извлекли наибольшую пользу и корысть из разрушения отечества, государственности, культуры, вековых устоев и веры. «Так их много, и так мало нужно ума, познаний, таланта и энергии, чтобы стать в наше время либералом!» Ему вторил и известный консервативный деятель М.Н. Катков, писавший: «Как только заговорит и начнет действовать наша интеллигенция, мы падаем». Эти грехи у либералов имеются.

Не будучи, конечно, в восторге от иных сторон либерализма, заметим: жаль, что иные здравые идеи либерализма не нашли поддержки в тогдашней России. Хотя можно ли ожидать иного при той всеобщей обструкции, том уровне воспитания и культуры правящего класса и народа?! Но отсюда нельзя еще делать вывод, что у нас нет и не было с Европой ничего общего. Напротив, культурная, духовная, экономическая солидарность с Западом, не с любым Западом, а с просвещенным, передовым, разумным составляет важную сторону нашего развития, нашей истории. И все ж почему М.Е. Салтыков-Щедрин назвал либералов «мучениками злонравия»?

Потому, что большая часть либеральной интеллигенции, увы, плохой работник и еще

более плохой организатор. Философ, историк и богослов русского зарубежья Г.П. Федотов (1886—1951) в цикле статей «Письма о русской культуре» писал: «Сложнее была судьба интеллигенции в узком смысле слова. Прежде всего этот класс, во всей яркости своего необычайного типа, не дожил даже до революции. После 1905 года он быстро разлагался, сливаясь с «культурным» слоем. Он не мог пережить крушения политической мистики, профанированной жалким русским конституционализмом; новая блестящая религиозно-философская культура русского ренессанса XX века, лишенная всякого этического пафоса, деморализовала его своими соблазнами. Война вовлекла его в поток нового для него национального сознания. В 1917 году революционный энтузиазм интеллигенции был подогретым блюдом. Его корни были неглубоки, и объем этой социальной группы — единственный, на которую могло вполне опереться Временное правительство, — очень сжался. Октябрьский переворот ударил по ней всей своей тяжестью». Решающий голос принадлежал крестьянам и рабочим, на чьи плечи, конечно, ляжет вся тяжесть мировых, гражданских войн, революций, да и процесса модернизации.

Возможно, царизм еще можно было спасти, если бы тот сумел создать более широкую и крепкую земскую структуру, которая смогла бы возложить на себя функции управления на местном уровне. Председатель Новгородской губернской земской управы Н.Н. Сомов высказывался в том духе, что после введения мелкой земской единицы «земство станет истинно народным учреждением». Тогда его нельзя уже будет сломить никакими силами властвующей бюрократии, «как нельзя сломить начала, положенные в основание освобождения крестьян, потому что начала эти стали народным достоянием». В масштабах России, где до иных районов и точек в начале XX в., как говорится, семь лет скачи и не доскачешь, роль самоуправления могла быть особенно значимой и весомой. Однако бюрократия более всего в России боялась и боится самоуправления. Тем более что сразу возникли попытки рассматривать земства как вполне не зависящие от государства организации

Профессор С.А. Муромцев

(И.М. Страховский). Согласно этой теории, на местах должны были пройти широкие выборы и появиться независимые органы власти (с правом налогообложения). Постепенно земская деятельность, пишет Л.А. Жукова, охватывала бы все стороны местной жизни и стала бы преобразовывать провинцию. Важным моментом было и то, что гласные из земств не принадлежали ни к профессиональному чиновничеству, ни к бюрократии, а были выбраны населением. Так возник «третий элемент», значительный слой «образованных людей», названный писателем П.Д. Боборыкиным интеллигенцией. Однако властным третьим сословием в России он так и не стал, не успел стать. Самодержавие и коронная бюрократия встречала этих людей в штыки, относясь с подозрительностью к их деятельности. Анализ основных законодательных и нормативных актов, с 1865 г. по начало XX в. направленных против земств, указывает на то, что главной задачей правительства было сдерживание, а отнюдь не помощь земствам и земской интеллигенции. Не удивительно, что при подобном отношении к этому слою людей принципы самоуправления так и не получили должного развития в России.

Надо признать, что причина отторжения земства властью была и в том, что по отношению к монархии земство России было настроено непримиримо и враждебно. Достаточно привести положения речи князя Г.Е. Львова, которую тот надумал произнести на съезде думцев в конце 1916 г. В этой речи

(впрочем, так и невысказанной) Львов хотел было обратиться к общественному мнению, к царю с такими словами: страна ждет полного обновления и перемены «самого духа власти и приемов управления», «власть стала совершенно чуждой интересам народа», она «бездействует, ее механизм не работает, она вся поглощена борьбой с народом». Власти в стране нет, ибо правительство не имеет ее и не руководит страной... «Безответственное не только перед страной и Думой, но и перед монархом, оно преступно стремится возложить на него, монарха, всю ответственность за управление, подвергая тем самым страну угрозе государственного переворота... Стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и Думой правительством». Хотя правительство отменило съезд земских представителей (их совещание прошло нелегально), положения речи Львова, размноженные и распространенные, дошли до царя и окружения. В итоге разъяренная императрица Александра Федоровна требовала от царя распустить Думу, а самого возмутителя спокойствия, князя Львова сослать в Сибирь («с чистой совестью перед всей Россией»).

Значок земства

Чувства земцев можно понять... Либералы делали все возможное, чтобы в России активизировались силы демократии. Правительство с крайней подозрительностью взидало на их деятельность. Им запрещали проводить съезды в Петербурге и в Москве. А ведь эти люди действительно хотели наладить самоуправление и решать конкретные, насущные вопросы на местах. Но высшие чиновники относились к ним с едва скрываемым презрением, называя «вторым» или «третьим» элементом. Известный западный ученый М. Вебер посвятил этому слою статью «К состоянию буржуазной демократии в России» (1906). В ней он писал, что как раз эти 50 тысяч бюрократов и обеспечивают рутинную земскую работу. «Иностранец, знакомясь с объемом земской статистики, может, конечно, прийти в отчаяние от невозможности ориентироваться в этом мире и понять, что тут важно и что нет. Но в то же время идеализм и бескорыстие земских работников, единственной группы, действительно «живущей с народом одной жизнью», есть, возможно, самое лучшее и достойное уважения в сегодняшней России». И что же? Вместо того чтобы опереться на земство, государственная бюрократия относится к ним, как будто перед ней террористы, и преследует их вот уже 25 лет! Это уже даже

не глупость, а преступление против России и народа. Мне представляется, что такая политика царизма и высших чиновников, т.е. самого ближайшего окружения царя и приведет в конечном счете к тому, что всю эту монархическо-бюрократическую банду будут преследовать как зараженных чумой крыс. Взгляд крупного социолога выхватывает и главную причину такого неприятия либерала-земца царской бюрократией. Эти ленивые и часто бездарные господа просто не привыкли или не умеют как следует работать. Отсюда зависть и страх в отношении земских структур.

По сравнению с земствами «государственная власть», несмотря на ряд превосходств по части бюрократической техники, «кажется попросту паразитом», единственный смысл которого в том, чтобы «поддержать существующий баланс политических сил в обществе». У нее «нет почти никаких функций, кроме некоторой финансовой политики, и она смотрит с глубоким недоверием на своих конкурентов». Ревность становится все сильнее под надзором и гнетом полиции и в конце концов все губит (образование, медицину, работу по призрению). В итоге распространение земства на Малороссию и Белоруссию так и не состоялось. Следует добавить, что, с другой

Мясоедов. Земство обедает

Н.В. Орлов. Переселенцы

стороны, и деятельность революционеров и партий пролетариев наносило им, земцам, удар в спину. В итоге земство, а с ним и культурная буржуазия Россия оказались «офицерами без солдат».

Позже благодаря законодательной инициативе Думы земское самоуправление было все-таки введено: в 6 губерниях Белоруссии и Правобережной Украины (1911), в Оренбургской, Астраханской и Ставропольской губерниях (1913), городское самоуправление — в Новочеркасске (1912). Новые земства были бессловесными. Думе удалось вдвое понизить ценз при выборах в Земское собрание в западных губерниях (Госсовет отклонил поправку для юго-восточных губерний). Отклонены были предложения о создании земств в Области Войска Донского, Архангельской губернии, в Сибири и на Дальнем Востоке. Тем не менее Думе удалось все же добиться увеличения казенных субсидий на работу местного самоуправления: в

1907 г. они составляли 2 млн руб., а в 1913—1914 гг. уже 41 млн руб. Как видите, постепенно права земства в России все же крепили и расширили. Нужно было время...

Модернизация в России началась с большим опозданием приобрела скачкообразный неравномерный характер. Если в Европе процесс формирования системы гражданского общества был более длительным и равномерным, то у нас процесс начался с опозданием на 50—80 лет и проходил в сжатые сроки. Все это требовало от либералов куда большей энергии и способности работать в сложных условиях полуполиции, а то и подполья. Этого у либералов не было и быть не могло, а потому их дело было изначально обречено. Возглавлявший партийную фракцию кадетов, И. Петрункевич уже на первом заседании Думы выступил с требованием амнистии всем политзаключенным. Ну и результат такого демарша не заставил себя ждать: Думу тут же распустили, а само-

И.И. Петрунkevич

го Петрункевича лишили избирательных прав и упрятали в тюрьму на несколько месяцев... Потеряв в тюрьме здоровье, «патриарх и рыцарь правовой государственности» уехал в Крым. Впоследствии Петрункевич бесценно возглавлял Центральный комитет партии кадетов с 1909-го по 1915 г., навещая в российские столицы лишь эпизодически. Так вот царское правительство поступало с умеренными, либеральными и умными деятелями российской политической элиты. Однако мечты прогрессистов и либералов о конституционном правлении в России Николай II называл «бессмысленными мечтаниями». Царизм продолжал рассматривать либеральную Думу не как союзника, но как злейшего врага и противника. Николай II действовал в духе прусских реакционеров, когда Вильгельм I накануне выборов в прусский ландтаг с прямотой «бурбона» заявил (1861): «Если изберете демократов — будете сломлены». «Против демократов помогают лишь солдаты».

А между прочим программа кадетов в главном вопросе (вопросе аграрной программы, предполагавшей добавочное наделение земель крестьян, страдающих от недостатка земли) была близка к той точке зрения, что «испокон века защищали антилиберальные элементы правительственных кругов». Программа предполагала создание фонда из казенных и царских поместий, из земель, полученных путем отчуждения боль-

Г.Е. Львов

ших частных поместий и из монастырских земель. Против кадетов горой стали все крупные земельные собственники. Стало ясно: любые попытки кадетов объединить «сознательные элементы общества» обречены на провал, ибо слишком острыми и глубокими были разногласия между конфликтующими сторонами. В итоге самодержавная Россия, замороженная или подмороженная царем и бюрократией, благополучно сгнила — и это «протухшее мясо» было брошено в бульон Первой мировой войны, а затем и Гражданской... Вот как приходится платить народу за просчеты разума и воли у бюрократии. А в это время окружавший мир, как клещ, набухал злобой, ненавистью и кровью. Вл. Соловьев писал: «Смерть и Злоба царят на Земле. Ты владыками их не зови». Думали: а может, пронесет. Ее приход с затаенным дыханием, холодком в груди предвещал и ощущал Н. Гумилев. В стихотворении «Смерть» из сборника «Романтические стихи» (1903—1907) он писал:

Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей.
Не такой тебя встречал я прежде
В трубном вое, в лязганье мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,
Обнажив сверкающую грудь.
Ты среди кровавого тумана
К небесам прорезывала путь

К.Д. Кавелин**М.М. Ковалевский**

Разногласия и непонимания обнаруживались даже между родственниками, самыми родными людьми. Вновь встала проблема отцов и детей. Князь Д.И. Шаховской (1861—1939), один из создателей и руководителей Союза освобождения, партии кадетов, автор «Писем о братстве» (1886), секретарь Государственной думы (1906), затем министр государственного призрения Временного правительства, активный участник земского и кооперативного движения, энергичный человек, занимавшийся философией, психологией и русской литературой, умевший, как никто, спланировать людей, оставил любопытное свидетельство. Он активно помогал голодающим (1891—1892), создал в годы I мировой войны крупнейшее в России потребительское общество «Кооперация». Соратники называли его «собирателем», «земским князем» или «летучим голландцем». Его батюшка, И.Ф. Шаховской был генерал-адъютант — сын известного декабриста Ф.И. Шаховского (1796—1829), одного из основателей «Союза Спасения» (Д. Шаховской — внук декабриста). Как оценил положение России он? В письме отцу (1884) сын говорит: «Я думаю, что во всяком развивающемся обществе дети должны знать кое-что лучше своих родителей, и особенно это имеет место у нас. Со всяким поколением сумма знаний в обществе увеличивается; кроме того, все условия развития общества, вся обстановка для каждого поколения настолько изменяются, что выросшие на ста-

рых порядках кое-что непременно хуже понимают в порядках новых, не так легко могут постигнуть новые потребности... И еще особенно это относится к тем двум поколениям, к которым принадлежим Ты и я. Я думаю, русское общество никогда не переживало такого огромного перелома в области жизни экономической, социальной, научной, религиозной, как в последние 25 лет...» Он пытается объяснить отцу причины, как он выражается, «беснования молодежи». В оценке, полагаем, верно схвачены экономические, социально-политические, культурные причины приближающегося переворота в жизни России. Среди представителей высшей знати нет столь системных и глубоких оценок ситуации. Поэтому приведем ее максимально полно: «После 1861 года самая главная привилегия дворян пала, их материальное обеспечение кончилось, следующими преобразованиями и ходом развития русского общества значение дворянства еще пало. Всюду вторгается разночинец. Процент недворян становится все больше между писателями и учеными, чиновниками и офицерами, студентами и гимназистами; дворянские земли переходят в руки купцов и крестьян, все больше власти забирают разные капиталисты: русские, евреи и иностранцы. Одним словом, всюду вторгается разночинец, и особенно в ученом мире, и теперь чем ученее дворянин, тем он ближе к разночинцу. Об этом опять можно сожалеть или радоваться, но нельзя не признавать это-

Князь Д.И. Шаховской

го. И объяснить это явление опять нетрудно (я буду здесь говорить больше о вторжении разночинца в интеллигенцию, а меньше о переходе к нему капиталистов).

Потребность в образованных людях в России все растет, дворянство и не может уже поставить потребное количество их на всю Россию, преграды для получения образования с разночинца сняты — и он все лезет в гимназии и университеты. Даже среди дворян оказывается множество народу негодного, значит, тем больший процент мест, требующих интеллигентных заместителей, переходит в руки разночинцев. Наконец, вот два весьма важных соображения: Россия — страна очень бедная, она не может оплачивать, в сущности, своих интеллигентных людей так хорошо, как на Западе, а дворянский склад жизни требовал больших издержек, «порядочности», очень дорого обходившейся. Разночинец дешевле стоит и поэтому оказывается более подходящим занять место русского интеллигента. Второе соображение то, что дворянство привыкло жить на всем на готовом, в большинстве своем мало привыкло к постоянному упорному труду и мало умеет делать настоящее дело. А все это теперь требуется от русского интеллигентного человека (хотя он по этим двум статьям — роскоши, неразборчивости и неумению делать дело и во всей массе еще очень плох). Поэтому: 1) русская интеллигенция по необходимости должна состоять чуть ли не главным образом из разночинцев; 2) дворяне, вошедшие в русскую новую интеллигенцию, должны во

многом перевоспитать себя и приблизиться к разночинцам. Я очень хорошо понимаю, что русский дворянин во многом лучше русского разночинца: он благороднее его, честнее, независимее, менее склонен к наживе материальной; но кое в чем он и хуже: в нерасчетливости, жизни сверх потребностей и неумении делать какое-либо дело и упорно, неустанно трудиться». Далее автор письма выражает надежды, что эти два круга, дворяне и разночинцы, сблизятся, сойдутся с «остальными элементами». «И если я хочу сблизиться вполне с русским средним интеллигентным кругом, то мне совсем необходимо зажечь его жизнью — жизнью, которою живут мелкое русское дворянство, духовенство, купечество... русскому интеллигентному дворянину необходимо упростить жизнь свою и привыкнуть к упорному труду... Затем просто мне предстоит зарабатывать честным трудом кусок хлеба, и я хочу приучиться довольствоваться простым самым хлебом, чтобы сохранить свою независимость». Однако честные и благородные порывы юного аристократа, как показало вскоре время, окажется трудно, а порой даже невозможно реализовать в рамках самовластья дворянского класса в России. Дворянство не только не захочет этих «утопий», но будет яростно и с оружием в руках отстаивать старые «ценности», представления, и прежде всего свое экономическое положение. Потому Д.И. Шаховской признаётся с глубокой грустью, что, отказавшись «от старых людей, мы не пристали к каким-либо новым, усомнившись в старом, мы не выработали в себе еще нового мирозерцания. Поэтому мы одиноки и слабы». Письмо, думается, еще глубже раскрывает подоплеку, вообще-то довольно ясную, и Октябрьской революции и Гражданской войны.

Заметим, что после Октября 1917 г. он стал организатором Союза возрождения России (1918), самым энергичным образом боролся против власти большевиков, забыв и о «куске хлеба», и о своем юношеском желании «стать учителем». Та интеллигенция говорила красиво, но жила мирскими заботами, думая о насущном хлебе, отгородившись высоким забором от происходящего. Последующий страшный ход событий в России неизбежен... Правящий

класс должен был уступить место общенародной власти. Точно так же «новая буржуазия» России в XXI в., «дворянство толстых кошельков, лимузинов и роскошных особняков», если, конечно, хотим прогресса России, неминуемо должна будет уступить бразды правления «новым разночинцам», образованной, волевой, патриотичной поросли, что сильна не капиталами батюшек и матушек, а собственным умом, жаждой знаний, талантом.

В России была и есть интеллигенция, представляющая собой талантливейшую, лучшую часть народа. Если дворянство имело поместья и ими кормилось, высшее и среднее чиновничество имело источник существования в виде высоких зарплат и мзды, капиталисты и банкиры имели их капиталы, то российские ученые и деятели образования зависели и зависят от государства, т.е. от народа. Поэтому они любят Россию, свой народ, глубоко преданы им и служат верой и правдой. Одной из такой заметных фигур на ниве образования был академик Российской академии наук, профессор МГУ И.И. Янжул (1845—1914). Блестящий ученый-экономист, он стал одним из известнейших специалистов, интересовавшихся вопросами промышленности и торговли. Получив подготовку в Германии и Англии, проводя дни в Британском музее («Британский музей для нас есть старый учитель», — как говорила о музее его жена, Е. Янжул, известный специалист в сфере образования), он вырос в крупного ученого. Янжул близко сошелся и завоевал симпатии другого экономиста-либерала — Н.Х. Бунге. Именно ему В.К. Плеве решил было поручить создание в рамках Министерства внутренних дел Центрального бюро труда (Центральный статистический комитет), которое занималось бы рабочими вопросами в самом широком смысле слова. Однако в силу ряда причин этому плану не удалось претвориться в жизнь. И.И. Янжул вспоминал об этом с сожалением, хотя говорил: «Таким образом, к моему, может быть, личному благополучию, не состоялся план, составленный Вячеславом Константиновичем, который, в принципе, мне кажется, несомненно, оказался бы небесполезным при его осуществлении для предупреждения многих

Министр внутренних дел В.К. Плеве

эксцессов и крайностей в эпоху освободительного движения 1905 г. и ближайшего к тому времени. Мне представляется, что если бы рабочие, в то время как думал и говорил об этом министр, получили действительно некоторые права, им желательные, союзов, сговоров и т.п., то это явилось бы в значительной степени предохранительным клапаном против крайних требований их последующего революционного настроения и способствовало бы более мирному ходу и решению нашего рабочего вопроса...» Однако и после убийства В.К. Плеве ситуация не только не улучшилась, но стала еще более тяжелой. В «Воспоминаниях» Янжул писал: «Вопросы — рабочий, университетский и еврейский, как известная тройка из басни Крылова — лебедь, рак и щука, не подвинулись с тех пор ведь ни на йоту вперед благодаря ужасной катастрофе с В.К.П. (В.К. Плеве. — Ред.), вызванной революцией». Таким образом, усилия либералов, направленные на реформирование России, как видим из этих отрывочных примеров и зарисовок, ощутимых результатов тогда не дали.

Одним из ярчайших людей той плеяды был и Б.Н. Чичерин. Главный его труд, «История политических учений» (5 тт.), увидел свет в 1902 г., незадолго перед смертью. Жизнь его сложилась удивительным образом. Он пожал

Прогулка у Кремля

плоды свободы и вольномыслия, учась в Московском университете, в «лучшую эпоху московской жизни, эпоху умственного движения сороковых годов, когда всюду, и в литературе, и на университетской кафедре, и в гостиных, кипели умственные интересы и происходили блистательные ристалища славянофилов и западников». Молодость его протекала среди старого дворянского быта, в тамбовском имении, в усадьбе в европейском вкусе (с английскими парками, павильонами в готическом стиле, гротами, разного рода башенками англо-саксонской архитектуры, оранжереями, теплицами, библиотеками, часовнями). В обычаях тех лет и той среды были вечные семейные праздники и вечные гости («Помещики объезжали весь край, везде гостили по несколько дней, а более близкие — по целым неделям»), а также разного рода веселые затеи: леса, освещаемые ночью разноцветными фонарями и бенгальскими огнями, пиры с угощениями и плясками крестьян, и тут же «тонкость литературных интересов, блеск и остроумие беседы, самые утонченные плоды

умственной культуры». Так говорится в статье Бахрушина, которая предваряет издание «Воспоминаний» Б.Н. Чичерина. Можно сказать, что Б.Н. Чичерину повезло: он не дождался революций и катаклизмов с их ужасами.

Будучи городским главой столицы в 1882—1884 гг., он лучше других понимал связь между политикой и властью. Понятно, что ему был чужд «социализм». Вся его среда и культура его круга выступали против этого. Чичерин считал, что социализму как учению присущ радикализм, а это, мол, противоречит самой природе человека. Желая облагодетельствовать род человеческий, социализм превращает человека «в слепое орудие всеохватывающей машины». Всякое личное начало, энергия, инициатива якобы тут подавляются. «Во имя свободы происходит полнейшее отрицание свободы, во имя нравственности водворяется всеобщее принуждение, то есть полнейшая безнравственность; во имя обилия всех земных благ проповедуется порядок вещей, который может иметь последствием только повальную нище-

ту». Соглашаясь с выводами Чичерина, сегодня иные пишут: «Исторический опыт нашего столетия показал дальновидность предостережений Чичерина. Совершенно очевидно, что наиболее опасным врагом человеческой свободы оказались...секуляризованные, атеистические формы старой хилиастической мечты о земном рае. Наиболее грозной среди них была та форма коммунистического движения, которая пыталась осуществить свой идеал при помощи сплоченной, строго дисциплинированной организации, специально созданной для этой цели, принципиально оправдывающей неограниченное насилие». Социализму сопутствует, полагал он, низкий уровень политической мысли, низкий уровень образования народных масс, низкий уровень благосостояния. Против социализма надо бороться путем постепенного распространения «благосостояния в массах». Чичерин надеялся, что эта борьба будет вестись в рамках государственных предписаний, в виде парламентских дискуссий и словесных декораций. Рабочие и крестьяне, которым доступ в туда был закрыт, хотели реальных сдвигов, перемен в своем положении. Царское же правительство игнорировало их требования. Партия рабочего класса взяла дело в свои руки, к ней присоединились и бедные слои интеллигенции («умственный пролетариат»). В результате случилась революция.

В «Истории политических учений» представляется знаменательным один отрывок. Говоря о трактатах Мильтона о свободе совести и мысли, которые он относит к лучшим его произведениям, Б.Н. Чичерин пишет: «Что касается до сочинений, в которых он излагает свои демократические теории, то нельзя не сказать, что это более страстные памфлеты, нежели основательные исследования государственных вопросов. Все доводы в пользу народной власти сводятся здесь, в сущности, к одному: Милтон утверждает, что в силу природенной людям свободы каждый народ имеет право управляться по своему изволению и устанавливать у себя тот образ правления, какой ему угодно. Это признавали в первоначальных обществах и защитники монархии; но они выводили отсюда, что народ может установить у себя и неограниченную

Профессор Б.Н. Чичерин

монархию, когда он видит из этого для себя пользу. Милтон же отвергал самую возможность подобного всецелого перенесения власти, говоря, что это было бы безумием. По его учению, всякая производная власть вверяется не иначе, как в виде доверенности, которая по воле народа всегда может быть отнята. Подобное положение, идущее наперекор всей исторической жизни народов, не есть доказательство. Если свободный народ имеет право устанавливать у себя всякий образ правления, то почему же не монархию, даже неограниченную, если она кажется ему сообразною с истинною пользою общества?» И далее Чичерин говорит, что естественный закон вполне может сделать «верховным судьей в общественных делах» одно или несколько лиц. Все эти формы «одинаково совместны с существом верховной власти». Самое потрясающее, что именно так и случится в России, и всего-то через 10—12 лет после ухода из жизни одного из столпов либерализма. Старый либерал был мудр и знал Россию. Народ изгнал монарха и самодержавие и заменил его, конечно же, не демократией, а чем-то более ему привычным и понятным!

Либералы порой страдали за свои политические высказывания. П.Н. Милюков за умеренную критику строя, за выражение пожеланий реформ в государственном устрой-

А.А. Шахматов

стве России несколько раз сидел в тюрьме («Кресты»), хотя и недолго. Профессоров, позволявших себе смелые высказывания о существующих порядках, нередко увольняли из университета. Президент Академии наук, великий князь К.К. Романов в ответ на опубликованную в «Нашей жизни» (1905) «Записку о нуждах просвещения в России» («Записка 342 ученых») бросил упрек тем ученым, заметив, что они «из науки делают орудие политики», возбуждают студенчество к беспорядкам, нарушают закон и вообще «кусает руку, которая их кормит». Ученые обиделись. Филолог А. Шахматов заявил: «Это жалование дается не для того, чтобы мы не порицали правительство, а для того, чтобы мы работали на благо русского народа и Русского государства». Геолог Ф.Н. Чернышев осудил то, что наука зависит исключительно от воли и усмотрения министра финансов: «В стране, где устройство научных институтов еще недавно всецело зависело от усмотрения министра финансов, наука была терпима для декора, но не как тот стимул, без которого немислим умственный прогресс народа. Кто не знает, что в России нередко бросались значительные суммы на бесполезные, но бьющие в глаза затеи, в то время как наши высшие школы и научные институты лишены возможности сделать самые необходимые затраты... В наших университетах с введением устава 1884 г. благодушевствовали сплошь и рядом бездарные и отставшие от науки профессора

и в то же время изгоняются талантливейшие люди, вынужденные затем или окончательно бросить профессорскую деятельность, или читать лекции на чужбине». Похоже, то перманентная беда России всех времен.

Конечно, нельзя забывать, что XIX-начало XX вв. были «серебряным веком» для науки и культуры Российской империи. Поэтому это время иные по праву называют «золотым веком» или «русским ренессансом». Литература дала мировой культуре великие имена Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, поэзия — Вяч. Иванова, А. Блока, С. Есенина, русский балет прославился знаменитыми балеринами и постановщиками, живопись явила плеяду художников — Васнецов, Поленов, Репин, Серов, Крамской, Левитан, Кустодиев, русская наука породила гений Д. Менделеева, И. Павлова, Сеченова, К. Циолковского, В. Вернадского, философия — Н. Бердяева, Вл. Соловьева, Н. Федорова, В. Розанова, П. Флоренского и т.д. О них разговор должен вестись отдельно, ибо то была, конечно же, целая «вселенная высокой культуры». Развивается система лицеев и высшего образования. Русские ученые посещали университеты Великобритании, Германии, Италии, Франции, Америки. Это же можно сказать о деятелях культуры. Бердяев писал о «русском культурном ренессансе» начала XX века. Хотя при этом он отмечал отдаленность русской интеллигенции от политической жизни и от актуальнейших политико-социальных задач страны: «Несчастье культурного ренессанса начала XX века было в том, что в нем культурная элита была изолирована в небольшом круге и оторвана от широких социальных течений того времени. Это имело роковые последствия в характере, который приняла русская революция. Я сам себя чувствовал в этой изоляции, хотя у меня никогда не исчезал социальный инстинкт и сохранились социал-демократические связи». Русские люди того времени, по его словам, жили как бы в разных веках да и в разных социальных условиях («в разных этажах»). «Культурный ренессанс» не затронул социальных струн нашей интеллигенции, хотя та вроде бы и «сочувствовала революции». Однако при этом за громкими фразами, словесами, либерально-прогрессивными взглядами,

позой ощущалась укорененность царско-самодержавного и полукрепостнического мировоззрения. В кругах интеллигенции, по признанию Бердяева, «миросозерцание осталось старым». По сути своей мещанским...

Культурные слои российского общества, несмотря на бурную деятельность в профессиональной сфере, в политическом плане оказались на обочине дороги и не смогли сколь-либо серьезно повлиять на расстановку основных борющихся сил. Можно сказать, в силу их индивидуализма они психологически и интеллектуально не были приспособлены к политической борьбе. Правда, за границей вышел номер нелегального журнала «Освобождение», образуется Союз освобождения, в рамках которого либералы и попытались выработать единую программу действий (1903). В 1905 г. образовалась и кадетская партия, куда вошли наиболее видные деятели

либерализма, включая известного историка и публициста А. Корнилова, избранного секретарем ЦК партии. Но революция 1905 г. и последовавшие затем годы реакции вызвали в партии, по словам последнего, «глубокий упадок духа». Либералы ушли из политики в тень. Тот же А. Корнилов предпочел отойти от партийных дел, читая курс русской истории в Петербургском политехникуме.

Одну из причин такого поведения либералов подметил еще А.И. Герцен. Он писал, что при Александре II «литераторы в первый раз увидели возможность и удовольствие оставаться при всех выгодах либерализма без всяких невыгод оппозиции». Сказано не в бровь, а в глаз. Либерализм в те годы, во-первых, если и был возможен, то только сверху, при согласии царя, что резко ограничивало возможности и перспективы; во-вторых, вовсе не был столь жестко организованным

Б.А. Кустодиев. Балаган на ярмарке

Либералы перед высоким начальством

движением, каким стало движение социал-демократов; в-третьих, носил половинчатый, зачастую явно идеалистический характер. Либерал в представлении многих, в том числе и большинства радикалов и революционеров, — это карась-идеалист (определение, данное ему Салтыковым-Щедриным в истории города Глупова) или умный трус. Авторитет либералов в народе был невысок, их чаще воспринимали как болтунов. Поскребите любого либерала в России, в начале XX в. и даже XXI в., под их нежно-розовой ухоженной кожей, пахнувшей дорогими духами, заграницей и комфортом, скрывается воинствующий мещанин, равнодушный к судьбам народа и России. В то же время и самодержавие ненавидело либералов и считало их «красными». Круг замкнулся. В этих условиях либералам не оставалось иного выхода, кроме как пойти на

союз с социалистами. Степняк-Кравчинский писал в «Подпольной России»: «Иллюзии либералов рассеялись, как дым; и тогда-то они обратили свои взоры на единственную партию, которая боролась против деспотизма, — социалистическую. Первые их попытки к сближению с революционерами с целью образования союза относятся к 1878 году».

Далеко не все одобряли фрондерство либералов, их заигрывания с революцией. Д.И. Менделеев в начале XX в. выступил решительным противником коммунистов и их революции «больших кулаков» (1905). Революция эта, считал великий ученый, будет революцией демагогов. Победят те, кто хочет все получить готовеньким — в виде подарка сверху или снизу. А серьезный прогресс предполагает высокое образование, упорный труд, риск и упорство. Если из такого напора и натиска ничего не получится, если манна небесная не свалится с небес, начнут тут же искать злодеев, искать виновных в срыве планов. Более всего ученый опасался «за качество науки и всего просвещения», а также за нравственное воспитание всего народа. Способ, который предлагают сионисты, «избранный народ», к добру не приведет. Он был не прочь собрать всех возмутителей спокойствия и выслать их на необитаемый остров. Опора на пролетариат — не панацея. Нужны знания, включая «знание частных, постоянное изучение, труд, преимущественно мозговой, доверие и капиталы». Он предлагал во главе Министерства торговли и промышленности России поставить других людей, более чутких к требованиям наук и новых технологий. Социалистов отправить на необитаемый остров. Предлагал он отправить на необитаемый остров и евреев, которые наводнили партии социал-демократов, социалистов-революционеров в XX в. *Le cri du Cœur!* (крик сердца) Насколько справедливы были эти и другие идеи, и должно было показать время — и, разумеется, история.

Глава 15. Положение евреев в России. Рост их влияния и экономической мощи

Влияние евреев в России стало особенно заметным с начала XIX века... Как известно, правление императрицы Анны Иоанновны в России ознаменовалось суровыми репрессиями по отношению к евреям. В 1740 г. она подписала указ о высылке евреев из Малороссии. 2 декабря 1742 г. именным указом Елизавета не только подтвердила тот указ Екатерины I, но еще и потребовала «высылки всех жидов как из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень с их имуществом». При Екатерине II перемен в их положении не произошло. С конца 70-х годов XVIII в. вокруг предпринимателя А. Перетца группируется первая еврейская община Петербурга, выходцы из города Шклова. Они и были приглашены в Петербург как представители еврейского населения для участия в работе созданного в 1802 г. Еврейского комитета. Вместе с ними в столицу приехали члены их семей, служащие и домашняя прислуга. Евреи приобрели у лютеранской общины тогда и часть земли под еврейские захоронения на Волковом кладбище.

С этого года и ведет свой почти официальный отсчет история Петербургской еврейской общины. Еврейские депутаты и их окружение были временными, но весьма заметными еврейскими жителями столицы начала XIX века и проживали в Петербурге легально. Но гораздо большее число евреев — подрядчиков, купцов, ремесленников, разумеется, обосновывались в столице вопреки официальному запрету: столица бывшей империи продолжала привлекать евреев как важнейший центр деловой, политической и культурной жизни. Всего же к 1826 г. в Петербурге проживали 248 евреев. Кстати говоря, еврейские общины существовали не только в центре России, в городах Запада, но и на Востоке. Крупная еврейская община была создана в Сибири, в селе Зима Иркутской губернии. Тамошние евреи («жидовствующие») не отличались одеждой или занятиями от односельчан. В графе «вероисповедание» в паспорте у них было написано

Абрам Перец — один из основателей первой еврейской общины в Петербурге

«иудейское — субботнической секты». После Февраля 1917 г. сионистская организация зиминской общины участвует в выборах на Всероссийский еврейский съезд и посылает своих представителей на Всесибирский сионистский съезд, который состоялся в 1919 г. в Томске. Как известно, к числу русских подданных относились около 5,5 миллиона евреев. Все они стали подданными империи в начале XIX столетия. В то время они занимались преимущественно торговлей, арендой, маклерством, посредничеством и содержанием питейных заведений. Разумеется, среди них тогда еще не было ни землевладельцев-помещиков, ни крупной буржуазии, ни людей со светским образованием. Днем с огнем не сыскать среди них людей физического и сельскохозяйственного труда. Предоставим слово автору очерка о положении евреев в России в XIX в. Хотя в России не стало крепостных рабов, закабаленных и привязанных навечно к их владельцам, 2 миллиона евреев оказались заперты в 17 губерниях чертой оседлости. Многие ожидали «великой реформы» еврейской жизни, но этого не произошло. Власти ограничились частичными мерами. Но и это было достижением по сравнению с царствованием Николая I. Еврейских детей уже с 1856 г. перестали брать в кантонисты, забирать в армию штрафных рекрутов за не-

Царь Кир освобождает иудеев

доимки общины, запретили сдавать в солдаты «пойманных беспаспортных единоверцев» и т.д. Детей кантонистов, сохранивших свою веру, разбирали по домам их родители, родственники, просто знакомые, но обращенных в православие детей не разрешали возвращать в еврейские семьи, отдавая их на попечение христианам. Власти ликвидировали и казенные еврейские училища. Взамен них появились начальные еврейские школы, а раввинские училища в Вильно и Житомире превратились в институты для подготовки учителей. «Пусть религиозно-нравственное учение евреев остается при них, — писал в те годы правительственный ревизор. — Пусть его преподают детям меламеды, а взрослым

Царь Александр II

объясняют и проповедуют их раввины. Христианское общество не имеет даже права и разумного основания контролировать их в этом деле». Иначе говоря, те пользовались в вопросах религии полной свободой.

Власти вскоре позволили евреям основывать типографии, закрытые при прежнем императоре; открыли для их поселения пятидесятиверстную полосу на западной границе и отменили секретное распоряжение Николая I, запрещавшее принимать евреев на государственную службу. «Последнее распоряжение, — писал тогда современник, — служило неисчерпаемой темой для разговоров, и фантазия разыгрывалась до крайности. Моего двухлетнего сына, выказавшего хорошие способности, уже прочили в министры...» Александр II приказал «пересмотреть все существующие о евреях постановления для... слияния сего народа с коренными жителями, поскольку нравственное состояние евреев может сие дозволить». Николай I добивался этого «слияния» карательными мерами против «бесполезных» евреев, Александр II добивался того же расширением прав «полезных» евреев, чтобы «отделить от общей массы еврейского населения людей влиятельных по богатству и образованию». В обоих случаях сохранялось деление народа на разряды, но при новом императоре объявилась лазейка для некоторых категорий евреев, и они этим тут же воспользовались. Особо стоит остановиться на мерах экономической свободы для евреев. Сначала — для привлечения еврейского капитала во внутренние губернии — разрешили евреям-купцам первой гильдии переселяться туда на постоянное жительство со своими семьями. Эта малая группа была выделена из «массы народа непросвещенного и непроизводительного», а чтобы купцы не привели во внутренние губернии «целое колено израильское», позволили взять с собой ограниченное число еврейских слуг и приказчиков. Затем разрешили селиться вне черты оседлости лицам с высшим образованием, а также фармацевтам, акушеркам, фельдшерам и дантистам. Это же право получили отставные «никалаевские» солдаты и их потомки; получили его и евреи-ремесленники, механики и винокуры, которые должны были предоставить цеховое

свидетельство о знании ремесла и полицейский отзыв о своем благонамеренном поведении. Но устранение черты оседлости для всех российских евреев власти сочли «невозможным, пока не свершится нравственное их преобразование». Современник писал о тех временах: «С конца пятидесятих годов началось переселение богатых еврейских купцов в столицы и другие города вне черты оседлости... а за ними потянулась вереница служащих и доверенных, которые, в свою очередь, привлекали туда родных и знакомых. Таким образом, в Петербурге... возникла новая община взамен прежней, управлявшейся николаевскими отставными солдатами». Так описывают в общих чертах специалисты процесс расселения и закрепления евреев-поселенцев на территории России.

Еврейский вопрос и Россия — тема сложная и болезненная... М.Г. Моргулис, бывший на протяжении многих лет общепризнанным лидером еврейской общины г. Одессы, очевидец погромов 1871, 1881 и 1905 годов, сравнивая различные подходы к еврейскому вопросу современников, указал на один существенный их недостаток — односторонность и узость их подходов. «Еврейский вопрос, — писал, в частности, он, — является вопросом исключительно еврейской национальности, когда его рассматривают с точки зрения обособленной, всегда имеющей при этом в виду не выяснение вопроса, а достижение целей, вопросу посторонних. Если же подойти к вопросу, окрашенному названием «еврейский», с точки зрения более широкой, он окажется настолько глубоко коренящимся в общих, государственных, социальных и экономических условиях той страны, в которой евреи живут, что изучение его не в связи с этим последним представляется немыслимым». Никто и не отрицал, что имели место и гнет и предубеждения против еврейского народа. Решение правительства (закон 28 марта 1891 г.) о запрещении евреям-ремесленникам проживать в Москве и Московской губернии, в результате чего из древней столицы были выселены тысячи людей, послужило аргументом в пользу того, что евреи в значительных количествах ринулись в политику. В государственную высшую школу России не пускали преподавателей иудейско-

го вероисповедания, в стране установилась, по словам Витте, атмосфера «жидоедства». В дальнейшем мы вернемся к вопросу о положении евреев в российском обществе и о той непропорционально большой роли, которую они сыграют в судьбах революции и России. Евреи империи были ущемлены в различных правах более чем по 650 позициям относительно прочих царских подданных, позорные «ограничения» преследовали еврейского бедняка, не имеющего средств на взятку чиновникам. Евреи могли проживать лишь в пределах «черты оседлости» 15 губерний, они не имели права избирать и избираться в органы местного самоуправления (земства, городские думы), их не принимали на государственную службу, евреев ограничивали и в доступе к образованию. Но у русских еще больше ограничений!

Получив шанс, евреи ринулись, но «не в народ», а в Петербург и Москву. Один из евреев-старожилов так объяснил результаты «вторжения» евреев в столицу (весьма откровенно): «Что прежде был Петербург? Пустыня. А теперь же это — Бердичев!» С выходцами из черты оседлости происходила удивительная метаморфоза: откупщик тут же превращался в банкира, подрядчик — в предпринимателя высокого полета, а их служащие — в столичных денди. Многие вороны напялили на себя павлиньи перья; выскочки из Балты и Конотопа через короткое время считали себя «аристократами» и смеялись над «провинциалами»... Биржа, в которой только что начала развиваться спекуляция ценными бумагами, приводила к расточительности. За всяким эфемерным барышом в несколько сот рублей следовал роскошный обед с товарищами в ресторане у «Додона». Образовалась фаланга биржевых маклеров «зайцев», производивших колоссальные воздушные обороты... Некоторые тогда же составили себе состояние, другие погибли в этом водовороте...» Отметим, что в годы правления Александра II экономика страны развивалась. Все слои населения приняли в том посильное участие. Евреи — в числе тех, кто не терял времени зря.

С семидесятых годов девятнадцатого века «сахарные короли» братья Лазарь и Лев Бродские, Иона Зайцев, Герц Балаховский и другие стали строить на Украине сахарные

Либералы--евреи «идут в народ»

заводы. Они закупили в Европе новейшее оборудование, приглашали на работу химиков и прочих специалистов высокого класса, вырабатывали новинку тех времен — сахар-рафинад, и с ними, конечно же, не могли конкурировать сахарные заводишки местных помещиков, на которых старыми методами,

на старом оборудовании по-прежнему производили лишь песочный сахар. Новые сахарные заводы изменили характер земледелия на Украине, где стали выращивать огромное количество сахарной свеклы. Четвертая часть всех сахарных заводов Юго-Западного края принадлежала евреям, и на этих заво-

Винный откуп

дах производили миллион двести тысяч пудов сахара в год. А к 90-м гг. XIX века, пишут исследователи, на заводах братьев Бродских выпускали около четверти всего сахара, производимого в Российской империи. В черте оседлости евреи развивали мукомольное производство, особенно в Полтаве, Киеве и Одессе. Они были владельцами или арендаторами сотен паровых и водяных мельниц и первыми стали вывозить муку в другие страны. Евреи арендовали тогда в черте оседлости около 90 % винокуренных заводов. Им же принадлежало большинство пивоваренных заводов Литвы и Белоруссии, где работали пивовары-специалисты из Чехии и Германии. Многие табачные и махорочные фабрики Юго-Западного края были еврейскими, а также кожевенные заводы и лесопилы. В Лодзи и Белостоке евреи занимались обработкой шерсти и хлопка, вокруг Ковно было много щетинных фабрик, что славились своей продукцией и рассылали ее по всему миру. После строительства железной дороги в Курской и Орловской губерниях евреи в корне изменили в тех краях торговлю хлебом. До этого местные купцы скупали зерно у крестьян и помещиков по весьма дешевой цене, складывали его на хранение в ожидании высоких цен, не торопились с оборотом капитала и получали прибыль до тридцати процентов.

«С появлением же евреев, — писал исследователь, — (появились они буквально с первыми поездками в Курск и Орел) конкуренция понизила барыши в четыре и больше раз, и хлеб не залеживался более месяца или двух. Чтобы зарабатывать хорошо, нужно было закупать много и оборачиваться быстро, но в этом соперничество с евреями вряд ли возможно». Производитель получал теперь больше, купец — меньше, хлебная продукция стоила покупателю дешевле. Уже в 1878 г. евреям принадлежало 60 % экспорта хлеба из Одессы, и они потеснили греков — монополистов в торговле хлебом. Евреи вывозили хлеб и из Николаева, Херсона, Ростова-на-Дону, через порты Балтийского моря. «Если русская хлебная торговля... вошла составной частью в мировой торговый оборот..., то этим страна обязана главным образом евреям, выполнившим это сложное и важное дело вопреки

Богач и Лазарь

всем препятствиям, которые ставились... на пути их деятельности». Все это наглядно показывает, сколь велика их роль в экономике и торговле уже в XIX в.

Одним из примеров такой карьеры была семья Гинцбургов... Сын витебского раввина Евзель (Йосель) Габриэлович Гинцбург (1812— 1878) поначалу занимался винными откупам в Бессарабии, Киевской и Волынской губерниях. Уже в 1833 г. юный Евзель стал купцом 1-й гильдии в Витебске. Затем он живет в Петербурге, где является советником коммерции. За услуги, оказанные правительству, Евзелю Гинцбургу с женой Расей, сыновьями и дочерью по инициативе министра финансов Ф. Вронченко пожаловано потомственное почетное гражданство. В период Крымской войны Е. Гинцбург держал винный откуп в осажденном Севастополе, оставив южную сторону Севастополя одним из последних, чуть ли не одновременно с комендантом гарнизона (но вместе с кассой). Командующий одной из русских армий в Крымскую кампанию свидетельствовал: Е. Гинцбург «оказывал постоянное особенное усердие к безостановочному продовольствию

Гораций Гинцбург

войск винною порцією, содержал для себя значительные запасы вина в указанных интендантством пунктах и вообще без всякого промедления удовлетворял всем требованиям войск, в разных пунктах расположенных и часто с одного на другое место передвигаемых, отпуская притом вино по ценам не только не выше высочайше утвержденных для мирного времени, но и с уступкою». Так что наркомовские сто грамм эпохи Великой Отечественной войны имели предшественницу в виде винной порции, выдаваемой в период обороны Севастополя. За заслуги Гинцбурга во время Крымской войны и содействие чиновникам и царю (на торгах на питейные откупа) министр финансов П.Ф. Брока представил откупщика к награде. Император Александр II наградил его золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на андреевской ленте. Хотя для полной объективности следовало бы добавить к этой записи слова: «За усердие в кабацком деле».

Это вторая правительственная награда предпринимателя. Первую свою золотую медаль за усердие, проявленное по отношению к интересам казны, Евзель Гинцбург получил в 1854 г. Разумеется, своего интереса, как и всякий еврей, он не забывал. Его быстрое обогащение спровоцировало донос на него, дошедший до императора. В нем некий аноним

утверждал, что Гинцбург заработал на откупках ни много ни мало — около 8 млн руб. серебром. Заметим: со дня существования России не было еврея, который имел бы состояние на миллион рублей... Либерал Александр II оставил донос без последствий. Евреи занялись и лесной торговлей. Часть леса они отправляли по рекам в южные безлесные губернии России, другую часть сухим путем — в Польшу и Германию, а морским путем — в страны Европы. По закону им не разрешалось арендовать на железнодорожных станциях участки земли для лесных складов, поэтому они перевозили лес не по железным дорогам, а сплавляли его по Днепру, Неману и Западной Двине. Пользоваться русскими портами Балтийского моря им не давали; те нашли выход — обходной путь через прусские порты. Несмотря на трудности, сумели развить торговлю лесом, та стала важной статьёй дохода российского экспорта. Сегодня же мы отдали лесную промышленность России в руки бандитов, от чего беды, громадные убытки, позор.

По всей империи основывались во множестве банкирские и промышленные ком-

**Французская карикатура:
еврей верхом на русском**

Самуил Поляков

пани, во главе которых стояли вчерашние помещики и представители самых аристократических фамилий страны. «После освобождения крестьян, — писал современник, — открылись новые пути к обогащению, и по ним хлынула жадная к наживе толпа. Железные дороги строились с лихорадочной поспешностью. Помещики спешили закладывать имения в только что открытых частных банках. Акционерные компании росли, как грибы после дождя, и учредители богатели. Люди, которые прежде скромно жили бы в деревне на доход от ста душ, теперь составляли себе состояния или получали такие доходы, какие во времена крепостного права перепали лишь крупным магнатам». Россия вступала на путь промышленного развития, и евреи сыграли в ее экономическом расцвете немалую роль. Накопленный еврейский капитал пошел на учреждение банков и акционерных обществ, на строительство фабрик, заводов и первых железных дорог России. По всей черте оседлости евреи скупали в деревнях сельскохозяйственные продукты и вывозили их на внутренний и на внешний рынок. «Не будь еврея, — писал один из исследователей того времени, — крестьянину и некому, и негде было бы продать избыток своего ничтожного хозяйства, неоткуда было бы достать денег. Запретить евреям таскаться со двора во двор, от села к селу, с базара на базар, значило бы разом остановить промышленность целого края, которую они одни только поддерживают». «Справедливость требует сказать, — вторил ему другой исследователь, — что одни

Лазарь Поляков

только евреи сообщают Бессарабии торговое движение, и без них был бы совершенный застой», а в Новороссийском крае и в Малороссии «уездные города превратились бы совершенно в деревни, если бы их не оживляли евреи деятельностью». Даже недоброжелатели признавали, что евреи «обладают большей подвижностью, энергией и предприимчивостью сравнительно с великороссами». Хотя, понятно, были и те, кто в этой их активности видели одну голую эксплуатацию.

Наконец, главная сила современно-го мира — деньги всегда являлись предметом самого пристального внимания евреев. «Деньги — бог-ревнитель Израиля, пред лицом которого нет места никакому другому богу», — скажет Ф. Меринг. И этот бог всегда благоволил евреям... Важнейшая веха триумфа еврейских банкиров — в 1859 г. в Петербурге основан банкирский дом Гинцбургов, один из крупнейших банков страны. Банк сотрудничал с Ротшильдами и другими еврейскими финансистами Европы. Затем Евзель Гинцбург и его сын Гораций учредили Коммерческий банк в Киеве, Учетный банк в Одессе и Учетно-ссудный банк в Петербурге. Гинцбург открыл в Петербурге сразу три банка в 1860 г.: коммерческий, кредитный, ученый, а Лазарь Поляков сделался учредителем Московского земельного банка. Банкирский дом Гинцбургов финансировал строительство и эксплуатацию железных дорог России и создал в Сибири прииски по добыче золота и платины — Ленский, Забайкальский, Миасский, Березовский, Алтайский и другие. Бра-

Марк Шагал. Над городом

тя Самуил, Лазарь, Яков Поляковы основали Московский и Донской земельные банки, Орловский коммерческий банк, Промышленный банк в Киеве и прочие банки. Поляковы, став в дальнейшем некоронованными королями российских финансистов, пожелали, говоря словами Г.В. Плеханова, «утвердить Сион не в Палестине, а в пределах русского государства». Они были и в числе первых частных строителей железных дорог, построив железнодорожные линии Козлов—Воронеж—Ростов, Курск—Харьков—Азов, Орел—Елец—Грязи — для экспорта зерна из черноземных губерний России. Одну из железных дорог длиной в семьсот шестьдесят три версты Поляковы проложили в рекордный срок — за 22 месяца, а для сравнения можно сказать, что первая в России Царско-сельская железнодорожная ветка протяженностью всего лишь в 25 верст строилась более двух лет, а Николаевская железная дорога Москва—Петербург — 9 лет. Налицо явно полезная и чрезвычайно важная для России

работа еврейских банкиров и промышленников. В 1857 г. французские евреи учредили «Главное общество по постройке российских железных дорог» и с помощью еврейских банков Петербурга и Варшавы проложили 4000 верст железнодорожных путей. А. Соловейчик учредил Сибирский торговый банк. И. Блюх основал Варшавский коммерческий банк, вложив деньги в строительство железных дорог Петербург—Варшава и Киев—Брест. Еврейские банкирские дома Варшавы и Одессы брали концессии на строительство железных дорог Варшава—Тирасполь и Москва—Брест. На строительство железных дорог евреи подрядчики поставляли также железо, шпалы и прочие материалы.

Евреи способствовали развитию судоходства по Днепру, Неману, Висле, Западной Двине (в черте оседлости). Банкирский дом Гинцбургов учредил «Общество судоходства по реке Шексне». Еврей Самуил Поляков основал «Общество Южно-Русской каменноугольной промышленности», а Гри-

горий Поляк создал в Нижнем Новгороде пассажирско-грузовое пароходство и первым построил наливные суда, которые перевозили нефтяные продукты из Каспия вверх по Волге. Не имея права эксплуатировать нефтяные источники на Кавказе, евреи занялись обработкой нефти и вывозом ее в другие страны. Фирма Дембо и Каган проложила первый в империи нефтепровод. Еврей Калонимос Вольф Высоцкий основал в Москве самую крупную фирму по торговле чаем. В юго-западных районах черты оседлости торговля скотом была сосредоточена в руках евреев, а на северо-западе они скупали лен и отправляли его на фабрики России и Европы. Поощряя развитие экономики, правительство России поначалу не делало национальных различий. Историки пишут: «Говоря о социально-сословных и этнических параметрах указанной группы, следует подчеркнуть, что значительное число предпринимателей являлись иностранцами (по происхождению или подданству) и (были) представителями еврейской буржуазии. Многие из них уже давно, некоторые на протяжении нескольких поколений были интегрированы в российской экономической системе и являлись составной частью деловой элиты России».

Еврейские капиталисты принимали участие и в благотворительных акциях. Как пишет исследователь Е. Коголовская, главной целью, к которой стремился Лазарь Поляков, были отнюдь не деньги, иначе не растратил бы на благотворительность большую часть своего состояния. И вот 31 мая 1912 года в Москве состоялось торжественное открытие Музея изящных искусств. Каждый зал великолепного музея был назван определенным именем — членов императорской семьи или людей, вложивших в создание музея значительные финансовые средства. Идея именных залов появилась у создателя музея, профессора Московского университета И. Цветаева. Цветаев надеялся привлечь к благородной задаче крупных российских благотворителей. Особые надежды он возлагал на Морозовых, но из большой семьи московских промышленников откликнулся лишь владелец Тверской мануфактуры Михаил Морозов. Отказался от предложений И.В. Цветаева и очень

Депутат еврей О.Я. Пергамент

богатый московский торговец железом Лев Готье. Отказался Василий Хлудов, владелец огромного состояния, многие другие. Капитализм в России и тогда был довольно прижимист, себе на уме. И все же идея совместного участия в создании нового художественного музея в столице нашла отклик. Среди тех, кто внес свою лепту, был председатель Московского еврейского хозяйственного правления, московский банкир Л. Поляков. Его благотворительная деятельность не ограничилась взносом в сооружение музея. Он вносил щедрые пожертвования в Фонд попечительства детских приютов Рязани, в Фонд Арбатского отделения попечительства бедных в Москве, помогал еврейским общинам родного города Орши Могилевской губернии и Москвы. На его деньги была открыта еврейская больница на Воронцовской улице, построены Большая хоральная синагога в Москве и синагога в Петербурге (2-ая по величине в Европе). В 1906 г. привлек для оформления большого молитвенного зала синагоги архитектора Р.И. Клейна, с которым, видимо, он контактировал по делам музея. Л. Поляков организовывал дома попечительства, строил школы и ремесленные училища, покровительствовал искусствам, учреждал госпитали, поддерживал неимущих и назначал стипендии одаренным студентам. Такова память, которую Л.С. Поляков оставил в истории российского предпринимательства и всей еврейской общины в России. Как видим, русские евреи не-

Хоральная синагога в Петербурге

мало способствовали расцвету России. И мы все же надеемся, где-то в глубине русской души, что поспособствуют этому и впредь.

Однако эта бурная деятельность евреев в торговле, банках и промышленности одновременно вызвала недовольство прочих купцов и фабрикантов в России. Эту естественную конкуренцию евреев стали называть «еврейской эксплуатацией коренного населения». Напряжение нарастало, где-то оно, конечно, должно было прорваться наружу. В 1871 г. оно вылилось в Одессе в жестокий погром. В этом городе давно уже существовало торговое соперничество с греками, которых евреи вытесняли из внешней торговли. Нужен был только повод, и на Пасху пустили слух, будто евреи кидали камни в церковь и украли крест с ее ограды. Греки бросились бить евреев (а опыт у них был: те громили еврейских ростовщиков еще в Александрии египетской две с лишним тысячи лет тому назад), присоединились к ним и все желающие. Вместе стали они громить дома и грабить еврейские лавки. Три дня продолжался погром. Разграблены и разрушены более 500 лавок и 800 домов. Полиция не вмешивалась, многие жители

города поощряли и даже награждали громил, а некоторые учителя объясняли своим ученикам, что евреи сами во всем виноваты. Власти начали действовать лишь на четвертый день. На базарную площадь привезли возы с розгами, солдаты ловили погромщиков, секли их на виду у всех и таким оригинальным способом навели порядок в городе. Но еще несколько лет после этого на одной из улиц Одессы стоял разграбленный еврейский дом с выбитыми стеклами, следами дикого буйства, как напоминание всему городу — по желанию владельца этого дома. Один из очевидцев писал про тот погром в Одессе: «Он не отличался жестокостью и диким изуверством грядущих погромов. До повальных убийств, до вколачивания гвоздей в черепа, до насилования дочерей в присутствии матерей, до распарывания животом беременным женщинам тогда еще не дошло». Однако погром стал предупредительным сигналом и он не мог не встревожить.

Еврейский вопрос по понятным причинам по сей день волнует как еврейское, так и русское, мировое сообщество. Власть также уделяет ему особо пристальное внимание. Один из историков пытался ответить на вопрос, почему именно евреям уделяли столько внимания цари и царицы, губернаторы и чиновники. «Не успела Екатерина II появиться в Сенате, как ей сразу подали проект устава о евреях. За тридцать лет царствования Николая I о евреях было издано около 600 (!) правительственных указов. И это в то время, когда существовало крепостное право, велись войны, возникали революционные выступления, бедствовал народ, падало международное влияние России». Причина тревоги не в том, что евреи «пьют кровь христианских младенцев», а в том мощном, подавляющем и порой даже исключительнейшем влиянии на экономическую, политическую, культурную, всякую иную жизнь России, чего, конечно, не могли допустить ни цари, ни комиссары, ни президенты-демократы. Хотя отделить злаки от плевел в сей щепетильной теме трудно.

Известно, что политэконом В. Зомбарт оценивал весьма позитивно роль евреев в торговле и промышленности: «Точно солнце, шествует Израиль по Европе, куда он приходит, там пробуждается новая (капиталистическая)

А.А. Половцов

жизнь, откуда уходит, там увядает все, что до сих пор цвело». Но все имеет свои границы и пределы — даже и «еврейское солнце»! Если вся экономика полностью попадает в их руки, если они заправляют везде и всюду, народу от этого лучше не становится. Скорее, наоборот... Нигде в Европе в конце XIX — начале XX в. евреи не занимали столь значительного, мы бы даже сказали, подавляющего экономического, юридического, а то и политического положения, как в России. Витте, говоря об «атмосфере жидоедства, в которой мы находимся», вместе с тем не мог не видеть провокационного характера действий сторонников еврейской гегемонии в России и Польше. Все имеет свои причины. Экспансия динамичного, но агрессивного народа в ряде случаев была встречена с тревогой, опасением и с ненавистью многими (и не только в России). П.Б. Аксельрод (еврей) справедливо заметил, что не стоит прикрывать «грубо эгоистические мотивы своей ненависти к еврейскому народу en masse лицемерными фразами». Так попросим же его самого ответить на непростой вопрос... По его словам, «ключ к пониманию ненормального отношения к евреям со стороны христианской массы в особенностях их экономической роли в России». Какова она? Она значительна, а в ряде случаев и просто подавляюща. Аксельрод признает, что и другие нации всюду и повседневно сталки-

Граф Н.П. Игнатьев

ваются с еврейским населением в качестве конкурентов, а то даже крайних притеснителей. Высшими и средними классами «евреи ненавидимы, как конкуренты в деле всевозможных видов эксплуатации народного труда», массами — «ненавидимы, как одна из наиболее близких и осязательных сил, экономически враждебных (им)». Вывод: еврейская масса «в среднем выводе чуть не наполовину функционирует в роли непроизводительного элемента, сидящего на шее низших классов России». Вывод точен и верен (такого вы не прочтете и в нынешней «демократической» прессе, даже и «русской»; хотя имеется ли таковая в России — это еще большой вопрос).

Почти все важнейшие и крупнейшие отрасли промышленности и торговли, и не только в «черте оседлости», но в значительной степени и по всей России, оказались полностью в еврейских руках (или же в них доминировал или преобладал еврейский капитал). Точный процент их наличия не всегда можно определить, ибо евреи скрывались под личиной «русских предприятий». Нередко сама обстановка и русское чиновничество вынуждали их становиться «хамелеонами поневоле», ибо для еврейских предприятий существовал ряд ограничений. Русское высшее чиновничество всегда отличалось непомерной коррумпированностью и особой алчностью. К примеру, известно, что и члены Государственного со-

вета Российской империи довольно неплохо обогатились благодаря Гинцбургам — Александр Половцов по дешевке скупил их имущество, а граф Николай Игнатьев регулярно вымогал у еврейских капиталистов взятки.

С другой стороны, не очень-то сладко жилось на Руси русским промышленникам и бизнесу. Примеров господства евреев в промышленности можно привести сколько угодно. Отмечается, что из 518 сахарных заводов — 182 (31,5 %) принадлежали евреям. Это относится к заводам с бесспорным еврейским капиталом, но и во всех остальных в той или иной степени или форме участвовал еврейский капитал. Ни для кого не было секретом то, что одно из крупнейших в России акционерных обществ — «Зерно-Сахар», — владевшее многими сахарными заводами и ведшее крупную торговлю хлебом, принадлежало известному московскому еврею сионисту Златопольскому. Дикий продолжает далее: «Но председателем правления в нем был один граф, а членами — лица неиудейского вероисповедания. И формально всё было в порядке. Явление это было не единичным, а типичным; и не только в свеклосахарной промышленности, но и в других секторах хозяйственной жизни. Главным образом, в «черте оседлости»; в меньшей степени — во всей России. В мукомольном деле, торговле зерном, лесом, а, в особенности, в банковском деле... В мукомольном деле 365 крупных паровых мельниц были в еврейских руках; в пивоварении — 22% всех пивоваренных заводов принадлежали евреям; в текстильной индустрии — 30%; хлебная торговля была почти исключительно в еврейских руках (на 1000 торгующих зерном — 930 были евреи). Торговля лесом, по словам И.Дижуря, была «одним из главных промыслов евреев». Речное судоходство по Днепру — 70 % грузоподъема — было в руках еврея Марголина. В банковском деле, играющем такую огромную роль в хозяйственной жизни страны, только два банка в России не имели в составе своих правлений евреев: это Московский Купеческий и Волжско-Камский банки. Отсюда зачастую произвольный выплеск и ненависти к евреям. Тогда в иных не очень-то далеких и диких умах возникает «революционная

*Разжалование еврея Дрейфуса в 1895 г.
Франция*

мысль»: не та или другая «категория евреев заслуживает повального истребления, а вообще все, что кровно связано с еврейством, все «жиды» поголовно, как нация». В такой ненависти неожиданно оказались едины многие, «рассчитывая таким путем избавиться от неприятных конкурентов в торговле, промышленности, адвокатуре, вплоть до научно-педагогической деятельности на университетских кафедрах и т.п.». Правильно ли это? А ведь среди евреев было и есть немало тружеников, не имеющих к ростовщичеству, кабакам никакого отношения. И эти люди живут обычной, трудовой жизнью, испытав те же лишения, проблемы, беды, что и русский, хохол, белорус и т.д. В конце концов, говоря словами Шолом Алейхема, «не к каждому же еврею заглядывает Ротшильд».

Болезненная тема — еврейские погромы. Подчеркнем тут, что антиеврейские выступления имели место по всей Европе и миру. Известна история с евреем Зюссом: финансовый советник герцога вюртембергского Карла Августа, он ввел ряд государственных монополий и реформировал финансы. Тем не менее он был повешен при большом стечении народа в 1738 г., а в 1998 г. одна из небольших площадей в Штутгарте была названа

именем Йозефа Зюсса. Ему посвятил свой известный роман писатель Лион Фейхтвангер, а поэт Городецкий писал, что «в стороне германской власти такой ни один не добивался еврей».

Факты антисемитизма у нас, как и во всем мире, имели место. Первая волна погромов прокатилась по югу России в 1881—1884 г. «Таким образом, возник фактический гнет, который вызвал еврейские погромы в начале 1881 г., возмутительные по своему проявлению, но обнаружившие ненормальность установившихся отношений между евреями и остальным населением». В еврейских кругах усиленно насаждалась мысль, что виной тому правительство России и даже сам государь. В наши дни можно прочесть утверждения французского историка М. Ферро: «На Украине, как и в России, погромы начались еще до убийства Александра II. Однако с 1881 г. власти и полиция стали поощрять их». Считают это аксиомой. Но положение с погромами евреев в России было не столь и однозначным.

В исторической литературе прослеживаются две позиции. Одна гласит, что еврейские погромы сознательно инициировались

Департаментом полиции. Бывший директор одного С.П. Белецкий признавался, что Министерство внутренних дел России финансировало деятельность черносотенных организаций, инициировавших еврейские погромы. Оно полагало, что погромы приносят «существенную пользу в деле борьбы с революционным движением, ...благотворно влияли на крестьян и удерживали их от насилия над помещиками». М.С. Коган, участник революционного движения, говоря о руководителе Заграничной агентуры Рачковском, также утверждал: «Он — душа московского разгрома (декабрьского восстания 1905 года) ...Идея о еврейских погромах en grand (в крупном масштабе — франц.) — дело его сатанинского замысла». Другие говорили, что фактов, свидетельствующих о сознательном поощрении погромов правительством или чинами полиции, в природе не существует. Так, С.Ю. Витте отмечал, что «правительство не занималось науськиванием русского населения на евреев; происходило же это стихийно, помимо какого бы то ни было влияния правительственных агентов». Напротив, оно смотрело на погромы, «против кого бы они ни были направлены — против русских или против евреев», как на очевидное зло, и вызванные войска «расправлялись с беспорядками жестоко». Однако, видно, дыма без огня не бывает. Директор Департамента полиции А.А. Лопухин на фактах и цифрах показывал Витте и Столыпину факты участия сотрудников полиции в провоцировании евреев (путем выпуска листовок погромного содержания жандармским ротмистром Комиссаровым). В качестве меры наказания деятельного Лопухина уволили из департамента, сослали в Сибирь, иные же работники ушли сами. С.Ю. Витте вспоминал: «Со своей стороны защищать Лопухина я никоим образом не могу, так как о Лопухине я довольно отрицательного мнения, ибо, когда он был при Плеве директором Департамента полиции, то он значительно произволил, много совершил несправедливостей, многих людей сделал несчастными, но тем не менее я не могу не сказать, что над Лопухиным был устроен суд крайне несправедливый, и недаром суд этот называется судом «Варвариным»... я слышал

Высылка еврея из Германии

Пурим

от члена совета Министерства внутренних дел, бывшего очень близким к Столыпину, что после осуждения Лопухина Столыпин передавал из секретных сумм 5 тыс. руб. Варварину» (главе особого присутствия Сената, судившего Лопухина).

Царь вел себя по отношению к евреям осторожно... Николай II даже запретил, солидаризируясь с Синодом, постановку драмы «Царь Иудейский», созданную великим князем Константином Константиновичем (1912). Сделал это на том основании, что подобная драма может вызвать в зрителе «потрясающие чувства», и именно это и делает ее постановку на публичной сцене недопустимой. С другой стороны, Николай II был членом Союза русского народа и патронировал погромщиков. Но и чувства народа трудно было скрыть! А в народе было широко распространено мнение, что еврей — главный эксплуататор. После волнений 1905 г. царь доверительно сообщал матери: «Результат случился непонятный и обыкновенный у нас: народ возмущился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как 9/10 из них жида, то вся злость обрушилась на тех — отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким единодушием и сразу это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда, — старая, знакомая басня! Но не одним жидом пришлось плохо, досталось и русским агитаторам: инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям. Случаи в Томске, Симферополе, Твери и Одессе ясно показали, до чего может дойти рассвирепевшая толпа, когда она окружала

дома, в которых заперлись революционеры, и поджигала их, убивая всякого, кто выходил». Вон даже и Витте, который относился очень даже тепло к ним, говорил, что евреи из своей среды дают 50 % революционеров при 5 процентах в населении России.

Справедливо ли утверждать, что погромы евреев имели источником лишь происки полиции, черносотенцев, «козни славянофилов»? Ш. Эттингер писал: для славянофилов «антиеврейство, антииудаизм, а позже антисемитизм стали одним из принципов их подхода не только к частным вопросам гражданского устройства России, но и к общим политическим и моральным проблемам». Дело не только в этом. В еврейских погромах отразились настроения народных масс, недовольных ростом капитализма в тех формах, в которых он происходил в России. Новые экономические отношения воспринимались как «безнравственные» и «крайне несправедливые» большинством населения. Многие верили, что евреи капиталисты эксплуатируют русский народ, что новые капиталистические отношения чужды «русскому укладу жизни», а связанные с ним «ценности» навязаны извне Западом, инородцами. Все это имело аналогии в истории России. Некогда поэт и сенатор Г. Державин проводил расследования о жизни в Минской губернии. Его оценку приводит Солженицын: «Жида, езда по деревням, а особливо осенью при собирании жатвы, и напоив крестьян со всеми их семействами, собирают с них долги свои... пьяных обсчитывая, обирают с ног до головы». Расследование Державина

В.Г. Перов. Последний каба́к у заставы

Винопитие в России

вина, объективно отразив ситуацию, выявит причину, делавшую крестьян легкой добычей шинкарей. «Она хорошо знакома и жителям нынешней России. Нищета. Оказывается, торговцы подкупали помещиков, и те заставляли крестьян приобретать товары в три раза дороже их стоимости, а продавать урожай тем же спекулянтам в три раза дешевле. Обобранным до нитки людям оставалась одна дорога — в шинок». Хотя пили все.

Эти выступления показали, что в основе недовольства экономической политикой евреев — отторжение народом их социально-экономического социально-политического курса. Все люди были убеждены, что евреи — богачи, богатство которых достигнуто не честным трудом, а воровством, спекуляциями и ростовщичеством, тогда как трудовой народ вынужден пребывать в рубищах Лазаря. И то, что погромы охватили юго-запад России, объясняется густотой еврейского населения в этом районе, более тесным контактом евреев с русским населением, а также характером и динамикой тех сложных социальных и экономических процессов, что происходили в тот период в южных регионах Российской империи. Как заметил С. Боровой, «в степных районах России развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве началось раньше и шло интенсивнее, чем в любой другой части страны». Тысячи разорившихся

крестьян, ставших жертвой капитализации сельскохозяйственного производства, в поисках заработка хлынули в крупные города, неся сюда психологию патриархального уклада, общинного землепользования и чувство ненависти к новым, капиталистическим отношениям. Заодно у них формировался образ классового врага, каковым в тех условиях, конечно, становились капиталисты и евреи, бюрократы и сам император. Схожие мысли в отношении евреев выражали рабочие, крестьяне, офицеры, купцы, духовенство, дворянство. М. Шульгин писал, что «русских торговцев, русское третье сословие, сильное русское мещанство... еврейство вытеснило, перевело в низший социальный класс; омужило». Наконец, о политическом влиянии евреев, заверявших, что те гонимы, он сказал: «Еврейство за это время (четверть века перед революцией) прибрало к своим рукам политическую жизнь страны... завладело политической Россией. При всех «ограничениях» евреи овладели душой русского народа». Но душой — это уже вряд ли!

В статье «Эффект бумеранга: еврейские погромы и судьбы либеральной идеи в России» С. Секундант пишет, что возникший в России внутренний кризис, имевший глубокие социально-психологические корни и последствия, кое-кто из консерваторов решил объяснить происками внутреннего врага, на

роль которого лучше других и подходили «зарвавшиеся евреи». Как отмечали либеральные газеты, погромщики руководствовались ненавистью к евреям не как к роду-племени, а как к владельцам «еврейской собственности». Газета писала: «Толпа, состоявшая из мещан, мастеровых и крестьян и занимавшаяся уничтожением еврейского имущества, ничего не брала себе; она не хотела даже пользоваться вручаемыми ей деньгами евреев; приняв деньги, она разбрасывала монету и рвала кредитные билеты на клочки». У погромщиков были и «нравственные мотивы». «Нападали сперва на кассы ростовщиков и богатых евреев, на питейные заведения, на винные оптовые склады, на публичные заведения, на лавки, принадлежавшие евреям, а потом уже на все остальное, что принадлежало евреям и попадалось на глаза». Газета указывала и на «поджигательный материал»: «Единственно, чем пользовалась толпа, — водкою». Не желавшие возвращать награбленное мародеры заявляли старостам, что «жидовское добро — це наша крив». Крестьяне на вопрос, зачем взяли чужое имущество, простодушно отвечают: «Чтоб не валялось, все равно пришлось бы пропадать; не отдавать же жидам».

Отношения между русскими и евреями складывались все более напряженно. Евреи финансировали революционную прессу, сотрудничали с террористами и сами в немалых количествах пополняли ряды радикально-экстремистских групп. Бросить бомбу в Александра II должен был еврей Гольденберг. Его кандидатуру, правда, сами же евреи и отвергли, опасаясь взрыва народного гнева. После убийства террористами Александра II (1881) на юге страны вспыхнули погромы, охватившие 6 губерний. Их масштабы заметно превзошли аккерманское «побоище» 1862 г. и одесский погром 1871 г. Например, в Одессе на выходку еврея Брейтмана, т.е. 15-летнего Сашки-сапожника, бросившего бомбы в православную процессию, русские ответили массовым убийством евреев. Попытки ряда военных остановить действия погромщиков не увенчались успехом. Погромы отмечены более чем в ста городах России. Особо широкую огласку получили погромы в Кишиневе и Гомеле. В Кишиневе 6—7 апреля 1903 г., в

*И. Мигурский с картины В. Вахренова
«Еврейский погром»*

день Пасхи, убиты 45 евреев, 74 — тяжело ранены, пострадали около 350 человек. При этом были разгромлены 700 жилых домов и 600 магазинов. 29 августа — 1 сентября в Гомеле, где большинство населения — евреи, на почве националистических распри столкнулись евреи и русские (4 убитых, 5 раненых русских; 2 убитых и 9 раненых евреев). Многие разделяли и такую точку зрения: «Паразитов всегда преследуют, во всяком случае, они этого заслуживают. Широко разрекламированные «погромы» в России были не более того, что паразит вправе ожидать — запрет возвращаться к паразитической практике». Убивали и революционеров. Итоги: 600 погромов, 4 тыс. убиты, 10 тыс. искалечены, денежные потери — 52 млн рублей.

Евреи объявили (надо говорить прямо) войну не на жизнь, а на смерть не только царю, самодержавию, помещикам, чиновникам, но и русской интеллигенции. Во всех «погромных грехах» они обвинили министра внутренних дел Плеве, опубликовав подложное письмо (выведя его в нем в роли чуть ли не организатора погромов). И хотя власти привлекли к суду 314 погромщиков и убийц, значительная часть евреев после событий активно двинулась в ряды террористов и революционеров. В кассы их организаций, «Бунда» и т.п. широким потоком потекли еврейские деньги. Деньги отозвались выстрелами: 6 мая 1903 г. в Уфе убит губернатор Богданович. 25 апреля 1906 г. в Екатеринославе один из убийц генерал Жолтановского, 16-летний еврей Раппопорт, позже сознался, что хотел убить депутата Способного, избранного членом Государственной

думы от города, но не смог, а потому убил приговоренного евреями революционерами к смерти Жолтановского. В Белостоке в июне 1906 года «кто-то стрелял или бросил бомбу в проходящую церковную процессию». Наконец, как уже сказано, еврей Мордко Богров убил главу правительства Столыпина. Однако когда в Государственную думу внесли запрос об обстоятельствах этого убийства, депутат-еврей Несселовича нагло стал выражать протест, и не по поводу факта убийства премьера, но почему, мол, думцы не скрыли, что убийцей главы правительства являлся еврей — бывший студент Богров. «Караул! — верещал господин Несселович, это — антисемитизм!»

Идеолог сионизма В. Жаботинский, выступая в Петербурге (1905) на съезде Союза еврейского народа, жаловался, что среди русских почти нет тех, кого волнуют проблемы евреев. Напрасно к ним обращаться: «Они оглохнут, промолчат, они нас не услышат и не поймут». Выход один: обращаться только к евреям, к другим можно «повернуться спиной». И далее заявил: «Как человек определенного знамени, я твердо верю, что объединенный еврейский народ признает своим идеалом идеал сионизма. Для меня и моих единомышленников тот день, когда будет провозглашено это признание, будет великим праздником». Этот талантливый еврей, знавший семь языков, учившийся юриспруденции в Берне и Риме, бывший в семинаре у самого Ч. Ломброзо, тот, чьи прозаические опыты высоко оценивали Короленко, Бунин и Брюсов, о котором А. Куприн сказал, что он может вырасти со временем в «орла русской литературы», стал признанным вождем сионизма — и позвал евреев в Израиль. Однако каково это было слушать русскому народу — для него-то день торжества сионизма в России поистине мог стать и вскоре, как мы убедимся, действительно стал «судным днем»! К тому же, еще вопрос: было бы русским лучше, если бы евреи покинули страну. Мы убеждены в обратном. Этот талантливый народ, что бы там ни говорили, служит России! И будет служить!

Как бы там ни было, а притеснения и гонения рождали аналогичные «пылкие чувства», чем-то напоминавшие кавказскую родовую месть. Евреи и не скрывали своей ненависти.

Идеолог сионизма В. Жаботинский

Витте привел пример. «Перед приездом государя во Франкфурт в доме на очень видном месте, была показываема картина, недурно нарисованная, — погром евреев в Киеве после 17 октября 1905 г., нарисованная каким-то польским художником, причем вдали виднелась фигура императора Николая II». Картина должна была недвусмысленно показать, что в еврейских погромах виновен царь. Царя, хотя и не только, евреи были готовы разорвать на части. Причем, «вся полув еврейская пресса... вообразила, что теперь власть в их руках, а потому самозабвенно нахальничала». В. Шульгин вспоминал, как в Киеве радикальная «толпа, среди которой наиболее выделялись евреи, ворвалась в зал заседаний (Думы) и в революционном неистовстве изорвала все царские портреты, висевшие в зале. Некоторым императорам выкалывали глаза, другим чинили всякие другие издевательства. Какой-то рыжий студент-еврей, пробив головой дырку в портрете царствующего императора, носил на себе пробитое полотно, иступленно при этом крича: «Теперь я — царь!» Однако дело, разумеется, не в том, что «еврей в народном понимании — это бес», или же некий черт, проникший нелегальным путем в праведное тело России и сделавший все не так. Дело и не в том, что «еврей — объективированный первородный грех России, от которой она все

Сионистский комитет в Вене (в центре — Т. Герцль)

время хочет и не может очиститься», не в том, что «метафизика русской души... пытается в который раз вернуться в первоначальное, русское состояние» (А. Синаевский).

Евреи чувствовали себя полными хозяевами... Даже, находясь под арестом, они заявляли полиции, что, дескать, у них есть «пра-

ва человека», а потому не смейте их трогать. «Еврей стал кричать, что его ни за что тащат сыщики в охранку, просил публику, в которой было 2—3 студента, помочь ему отбиться, но в это время он уже был втискан нами в сени нашего извозчика. Толпа обступила нас, требуя дать ей объяснение, по какому поводу задерживаем «ученика»... Из публики послышались разного рода комментарии, извозчик же наш, уловив минуту, погнал, и мы благополучно доставили его в отделение, где произвели личный обыск, но находившихся при нем чугунных часов не отобрали. После чего к нему вышел ротмистр Сазонов, которому он заявил, что сыщики везли его, как собаку, положивши поперек саней. Ротмистр Сазонов, по всей вероятности, улыбнулся на эту фразу, а еврей моментально сорвал с себя часы, бросил их со страшной силой в лицо ротмистра Сазонова, но к счастью промахнулся».

Т. Рузвельт Николаю II: «Прекратите преследования евреев». 1904 г.

С каждым годом все больше евреев вовлекалось в жернова революции. Жандармский генерал А. Спиридович, служивший в Киеве перед первой русской революцией, вспоминал о киевских евреях: «Весь молодой еврейский Подол был, в сущности, организован... старое небогатое еврейство с беспокойством поглядывало на эту социалистическую молодежь, которая уже с 9—10 лет попадала в кружки, читала прокламации, разбрасывала их, выполняла разные революционные поручения. Она считала себя сознательной, организованной, смеялась над стариками и в большинстве не признавала синагоги. Ветхозаветные старики качали головами. Богатое же еврейство, ослепленное блеском золота, веря только в свое всемогущество, не замечало, какой враг, единый по крови, нарождался у него». Чем объяснить столь активное участие евреев в борьбе против самодержавия? Если попытаться ответить одним словом: те ощущали себя в России «угнетенной нацией». Так говорят. Так принято считать и по сей день. Конечно, в какой-то мере так и было. Хотя правительство для их успокоения предпринимало ряд мер. 19 октября 1881 г. был образован Комитет о евреях под председательством товарища министра внутренних дел Д.В. Готтцева (МВД). Правда, участники заседаний пришли к выводу, что задача полного слияния евреев с остальными российскими подданными, поставленная правительством в начале XIX в., нереальна и невыполнима в условиях

Н.Х. Бунге

России. Возобладало мнение: «Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит». Комитет предложил принять временные меры по ограничению прав евреев. Предполагалось запретить им проживание, владение, аренду недвижимого имущества, приобретение, строительство домов, питейную торговлю вне городов, местечек и т.д. Но предложения руководства МВД встретили возражения почти всех руководителей других ведомств (1882). Крайне резко возражал против проекта Игнатьева министр финансов Н.Х. Бунге (1823—1895). Он считал, что для пользы России лучше включить евреев в жизнь страны.

В основе его возражений лежали отнюдь не либеральные убеждения. Признавая, что «евреи дозволяют себе разные злоупотребления, особенно чувствительные в тех частях империи, где еврейское население скученно», он говорил о том, что исключение евреев из социально-экономической жизни России нашей стране ничего, кроме вреда не принесет. Если «Временные правила» будут приняты, это может плохо отразиться на финансах. Мера окажется крайне непопулярной среди еврейских банкиров на Западе, что, в свою очередь, может привести к падению курса русских ценных бумаг и подорвать столь необходимый России международный кредит. Мудрый Бунге понимал, что евреи за рубежом представляли собой «самую крупную и влиятельную группу заграничных капиталистов». С другой стороны, нельзя не отметить и некие

Евреи в России

Праздничная трапеза в сукке.

реалистичные оценки евреев. В «Загробных заметках» он остановился на причинах отторжения евреев и бурного недовольства ими основной массы населения в России. По его убеждению, корень проблемы заключался в том, что иудеи стремятся к господству над другими народами, в том числе и над русскими... Еврейство в России фактически представляет собой «космополитический общественный союз», проникнутый глубокой верой в богоизбранность «сынов Израиля». Они живут по своим собственным законам, по канонам Талмуда — «гражданского кодекса, исполненного дикого фанатизма и бессмысленных предрассудков». У них есть мощное оружие, с помощью которого они одевают ярмо угнетения на другие нации, — это деньги! Они из «золотого тельца» сделали веревку, которую набрасывают на шею угнетаемых ими «гоев». Тревожило его и то, что все попытки предоставить евреям в России равноправие ведут к противоположным результатам. Не удовлетворяясь равноправием, те не только усиливают свое влияние, но и рвутся к абсолютному господству в Европе, США, России. Н.Х. Бунге отметил наметившееся уже при Александре II засилье евреев в России, и прежде всего среди лиц свободных профессий — пе-

чать, торговля, адвокатура, банки, железнодорожные компании. Золотые прииски в их руках. Директором-распорядителем золото-промышленного товарищества на Лене стал Г. Гинцбург, владевший 680 из 900 паев. Хотя и дело велось с размахом, внедрялись передовые технологии. К примеру, уже в 1889 г. на частных приисках впервые была произведена гидравлическая промывка золотого песка, а на приисках Ленского товарищества была построена первая в Сибири электростанция. Такая же картина была с добычей платины, в каковой самое активнейшее участие принял еврейский капитал, как русских евреев, так и иностранный (англо-французский). В сущности, это также был «капитал европейских евреев, точнее, им распоряжались крупнейшие еврейские банки, делавшие инвестиции в России». Тут видим опасения не черносотенца, а видного и умного экономиста. И тем наблюдения ценны.

Все это, может, и неплохо, но если экономика страны оказывается в руках исключительно национальной группировки (не обязательно евреев), естественно, та тут же начинает подчинять страну и политически. Она подкупает глупых, но алчных политиков, каковых на Руси пруд-пруди. В России это была, пожалуй,

самая привилегированная нация и преуспевающая часть общества, своего рода новое столбовое дворянство (где ранг и вес определяется столбцами денег). Немало их успешно работали и в политическом истеблишменте. Выросли они и в численном отношении. За столетие с небольшим проживания под русской короной — с 1800-го по 1914 год — численность евреев в России возросла восьмикратно! С 820 тысяч до 5 миллионов (плюс полтора миллиона евреев, эмигрировавших в США). Как-то плохо согласуется, не кажется ли вам, бесспорная цифирь с постоянным воплем притеснения. «Трудно бубнить о «невыносимых условиях», в которых гонимый народ будто бы жил «в этой стране»». Все это верно как для XX в., так и для XXI в. И вот тогда они начинают чувствовать себя полновластными хозяевами в России. А это совсем и не хорошо, и не верно. Не верно потому, что ни один народ в мире так не теряет голову при сочетании полной экономической и политической власти и полной безнаказанности, как евреи. Христос становится Иродом!

Тесно переплелась с деятельностью евреев и жизнь досточтимого С.Ю. Витте, талантами которым ныне столь восхищается некая часть российского финансового и научного бомонда (понятно какая), чья политика, по сути дела, явилась удавкой на шее России. Этот выходец из Голландии, вознесенный российским самодержавием в 1892 г. на самый верх управленческой пирамиды империи, стал министром путей сообщения и министром финансов. В системе страны ему, по словам С. Ольденбурга, предназначалась важная роль руководителя народного хозяйства... Как только у нас что-то и где-то не ладится, власти в России сразу призывают голландцев, немцев, евреев, янки... Витте избрал девиз: «Привлечем зарубежные капиталы — поспособствуем развитию России!» Капиталы привлекать надо. Спору нет. Но посмотрим, во что вылилась его деятельность. В невиданную «панаму», во главе которой лично оказался и сам министр финансов. Все сделки совершались фактически при его личном участии: из 240 иностранных компаний, действовавших в России, 205 были созданы лично при министре финансов Витте. Он же

Генри Форд

отдавал предпочтение зарубежным фирмам и при ведении работ внутри России. В 1900 г. казенными железными дорогами, Морским и другими ведомствами было сделано заграничных заказов на 50 млн рублей. Большинство заказов могло быть выполнено в России, но деньги стремительно уходили за рубеж. Особое покровительство Витте оказывал еврейским торговцам и банкирам, за что получил у русского общества довольно-таки меткое прозвище — «жидовский министр».

«Центр иудейской силы и главные осуществители иудейской программы находятся в Америке», — писал известный американский промышленник Г.Форд. Кому, как не ему, знать положение дел в родной стране. Но это же прекрасно понимал и Витте. В частности, именно при нем потоки русского золота хлынули в Америку, спасая от банкротства американских банкиров и спекулянтов, переживавших тогда далеко не лучшие дни в США. Как это происходит и сегодня. Кстати, это и сами американцы признавали. Выступая в Комиссии по иностранным делам палаты представителей Конгресса США, А. Уайт говорил: «Я знал одного великого русского, Сергея Витте. Это он в бытность свою министром финансов наделал нас в Америке во время президентства Кливленда для под-

Граф С.Ю. Витте

держания нашей валюты многими и многими миллионами золота на самых сходных условиях». Сейчас мы также держим часть денег в США, укрепляя доллар. Хотя ныне ситуация и иная... Президент США Т. Рузвельт говорил, что, родись Витте в США, он непременно стал бы президентом Америки. Разве не те же речи слышим из-за океана сегодня!? Но что стоят те миллиарды долларов, которые Россия держит в США, чья ценность постоянно падает, ибо США ведут войну в Ираке и Афганистане?! Недавняя катастрофа с крупнейшими американскими компаниями и банками, уверен, заставила задуматься даже тех из нас, кто мало что смыслит в экономике или в политике. Американский гигант болен, очень болен. И это опасно... В правление Витте разразилась война и революция. После окончания Русско-японской войны и смуты финансы России «начали трещать», а в итоге россияне перевели сотни миллионов долларов за рубеж. Вероятно, и сам Витте не верил в крепость финансов России. А потому личные свои сбережения он держал в немецком банке еврея Мендельсона-Бартольди, как их ныне держит за рубежом большая часть наших богачей. Средства у Витте были немалые, и всё же он обратился в 1912 г. к Николаю II с просьбой выделить ему 200 тыс. рублей — «в связи со стесненными обстоятельствами». И царь, как это обычно для российской власти, удовлет-

ворил просьбу «бедного министра». Ах, эти «бедные министры!» Кстати, Николай II с началом Первой мировой войны деньги свои и семьи перевел из Англии, где те находились, в Россию, считая неэтичным нахождение их в годину испытаний за рубежом. Почему же наши капиталисты держат свои капиталы за рубежом даже в мирное время?!

Чем вызваны симпатии, которые С.Ю. Витте оказывал еврейскому капиталу? Витте, как уже сказано, евреем не был, но в их сети все ж попал, влюбившись до беспамятства в еврейскую красавицу, мадам М. Лисаневич. Как заметил один из героев Достоевского, тоже либерал, «я и всех русских мужичков отдам в обмен за одну Рашель». Как сказал один любитель рифмы: «Краса красот сломала член, и интересней вдвое стала...» Вот Витте и женился на ней и даже дочь ее от первого брака удочерил. В мемуарах он писал о своей любви в высшей степени прозаически: «Я уговорил госпожу Лисаневич разойтись с мужем и выйти за меня». И всего-то?! Хотя брак чиновника его ранга с разведенной женщиной в православной стране отдавал скандалом. То, что мадам Лисаневич была еврейкой, пусть даже крещеной, могло поставить крест на всей его административной деятельности. Но Витте заплатил г-ну Лисаневичу двадцать тысяч рублей отступного — и тем самым решил проблему. Поистине верно сказано: «Деньги — ключ ко всем вратам, кроме небесных». Брак благословил и Александр III. Царь добродушно заметил: «По мне, женитесь хоть на козе. Лишь бы дело шло. Пусть Победоносцев поможет с разводом». И Матильду Ивановну развели в три дня. Связь интимная с годами распространилась и на еврейское сообщество. Еврейским банкирам он давал неограниченные кредиты, и те охотно этим пользовались. «Давать всем!» — опасная финансовая политика. В итоге в России разразился финансовый кризис (1900). Одно за другим акционерные общества, банковские, торговые дома, товарищества объявляли себя банкротами. Угроза банкротства нависла над банками Полякова. Проведенная ревизия Министерства финансов показала, что сумма долгов «Банкирского дома» (53 миллиона 513 тысяч рублей) намного превышал сум-

му активов (37 миллионов 715 тыс.). Налицо критическая ситуация. Когда обнаружили махинации Полякова в 1901 г., первым на его защиту бросился не кто иной, как министр финансов Витте. Он спас его от тюрьмы, предоставив средства государства в обеспечение фиктивных сделок и жульнических операций банкира. По мнению министра финансов, «приостановка платежей этими банками, существующими уже более тридцати лет, не только бы разорила множество вкладчиков, разбросанных по всей России, но и нанесла бы сильный удар по всему капиталу». Заметим, Витте гораздо больше заботило положение банкиров, а не простых россиян. Одним словом, как сказано у Пушкина, «Проклятый жид, почтенный Соломон» выкрутился.

А господин министр Витте оправдал доверие еврейского лобби, начав операцию по спасению «драгоценной жемчужины», принадлежавших Полякову крупных банков: Орловского коммерческого, Международного торгового, Московского земельного. Те для возможно большего покрытия убытков были слиты в один Соединенный банк (1908). Возможно, Витте не мог забыть, что его дед и отец неудачно вложили деньги в компанию Чиатурских угольных копей, и некогда его благополучная семья оказалась почти нищей после краха. Витте делал все возможное, отстаивая интересы Ротшильда в ущерб казне России. Так что в «заслугу» министру можно поставить две вещи: то, что самые прибыль-

ные отрасли и естественные богатства страны попали в руки иностранцев, и то, что народ при нем стали усиленно спаивать. Три четверти фирм, владеющих нефтеносными землями и экспортирующих нефть за границу, находились в руках иностранных компаний и лиц (Ротшильд, Нобель). Большая часть прибыли от продажи оседала за рубежом, а цены на нефтепродукты (из нашей нефти) внутри самой России были выше, чем за рубежом. «Московские ведомости» имели все основания писать о завоевании инородцами Кавказа: «Они захватили в свои руки нефтяную промышленность. Едва где-либо откроются залежи нефти, английское общество уже готово и уже получило их в аренду прежде, чем об их существовании узнают в центре России. Не ограничиваясь нефтью, они вместе с немцами и бельгийцами захватывают все естественные богатства, как то: рудники марганцевые, каменноугольные, серебросвинцовые, медные, скупают сруб леса, устраивают мельницы, маслодельни, сахарные и хлопкоочистительные заводы; заграничная продажа знаменитого нарзана сделалась монополией английского синдиката. Шелковая промышленность, курорты, рыбный промысел переходят также к иностранцам, которые являются на готовое дело, оттесняя русских предпринимателей с помощью ведомств финансового и государственного имущества, а также кавказской администрации». Россия попала в еще большую зависимость от иностранцев и евреев.

Нефтяные промыслы в Баку

Русский мужик стал больше пить. По словам француза М. Ферро, Витте считал, что если мужик работает плохо и пьет, то государство «выгадывает еще больше, так как деньги от продажи водки поступают в государственную казну». Между 1893—1899 гг. в России 24 % правительственных доходов давала водка. Такова оборотная сторона доходов Российской империи, деятельности г-на Витте.

Витте был крупнейшим министром финансов дореволюционной России. По существу, он был первым российским экономистом в современном понимании этого слова, который стал мыслить категориями макроэкономики. Он управлял Российской империей только при помощи финансовых рычагов. В 1897-м он ввел золотое денежное обращение, и в Россию потекли иностранные капиталы. Неисчерпаемым источником дохода для государства стали косвенные налоги и винная монополия, введенная Витте. Только в 1913-м казна получила 700 тысяч рублей «винных» денег. Финансовое ведомство было государством в государстве, сверхмонополией, с банками, таможней, теплоходами и паровозами. Кроме торговли, промышленности и финансов, министерство еще и занималось пограничными и таможенными службами и даже внешней политикой.

Кстати говоря, именно магнаты-евреи не только эксплуатировали русских рабочих и инженеров нещадным образом, а и захватывали в свои руки все новые и новые компании, банки, страховые общества, сахарно-водочные, золотолитейные и прочие заводы. На них и приходилось самое большое число крупных хищений и афер в России. Доверять евреям банки и промышленность — это значит заранее обречь и отрасль, и все дело на катастрофу. Вспомним хотя бы катастрофу на железной дороге, принадлежавшей евреям, когда едва не погиб царь Александр III и были убиты и ранены многие люди. И что же, наказали их?! Вместо того чтобы отправить еврея Полякова и всю его компанию за решетку, на каторгу, господин министр Посьет выдал его дороге (разумеется, за крупную взятку!) похвальный аттестат, заявив о ее якобы «хорошем техническом состоянии!». Когда неподкупный Кони дал этим фактам

Спекулятивный капитал

ход, жулики тут же нашли себе защиту в лице харьковского губернатора Петрова. Умасленный еврейским золотом, тот встал горой на защиту негодяев-аферистов. Губернатор-подлец еще и направил министру внутренних дел Толстому донос на Кони, заявив, что тот будто бы преследует «невинных евреев» и «возбуждает рабочий вопрос». Сто с лишним лет тому назад это были братья Поляковы и компания, а сегодня это евреи братья Абрамовичи, возглавлявшие крупнейшую в России компанию-аэроперевозчик «Эрйонион». С помощью русских воров и взяточников из Росавиации и Министерства транспорта (в лице высших чиновников) на глазах всего честного народа, Кремля, правительства спокойно обворывали сотни тысяч людей в последние два-три года. И ничего... Высшая власть знала и молчала, словно набрав в рот воды! А воры-чиновники, «курирующие» компанию, вместо того чтобы гнить на каторге и лишиться имущества, победоносно улыбаются в телекамеры! И у кого-то еще поворачивается язык называть это «демократией» (властью народа)?! «И все то благо, все добро?! (Державин).

Уверения о финансово-экономическом «процветании России» на деле оказывались пустышкой. Россия все глубже запутывалась в сетях международного, в том числе и еврейского капитала. Либеральный экономист П. Мигулин писал в 1902 г., что за десятиле-

тие пребывания Витте во главе Министерства финансов заграничная задолженность России возросла более чем на 1 млрд руб. Вскоре последствия этого скажутся: франко-британско-еврейское золото втянет Россию в совершенно ненужную ей Первую мировую войну. А как же — за все надо платить! Затем начнется Великая Смута. Еще более крупная задолженность у России перед Западом возникла в наше время — и снова Смута. В статье «Европейский капитал и самодержавие» (1905) со ссылкой на статью в «Times» («Платежеспособна ли Россия?») Ленин показал углубляющуюся зависимость царской России от европейского капитала. Он не без иронии писал, давая такую оценку русскому капитализму: «В статье обстоятельно доказывалась «хитрая механика» финансовых проделок гг. Витте, Коковцова и компании. Они хозяйничают вечно в убыток. Они вывертываются, только входя глубже и глубже в долги. При этом выручка от займов помещается на время от одного займа до другого в Государственное казначейство, и на «золотой запас» с торжеством указывают, как на «свободную наличность». Золото, полученное займы, показывается всем и каждому как доказательство богатства и платежеспособности России! Неудивительно, что английский купец сравнил эту проделку со штучкой знаменитых мошенников Эмберов, которые показывали занятые или мошенничеством добытые деньги (или даже шкаф якобы с деньгами) для того, чтобы заключать новые займы! «Частые появления русского правительства в качестве должника на континентальных рынках, — писала «Таймс», — вызываются не недостатком капитала, не потребностью производительных предприятий или временными и исключительными расходами, а почти исключительно нормальным дефицитом национального дохода. А это значит, что при таком положении дел Россия прямоком идет к банкротству. Ее национальный баланс с каждым годом погружает ее глубже в долги. Все ее долги перед иностранцами превышают народные средства, и у нее реального обеспечения этих долгов нет. Ее золотой запас есть колоссальный эмберов шкаф, пресловутые миллионы в котором ссужены жертвами обмана и служат для дальней-

Портрет И.И. Левитана

шего их обманывания»». Оценка «Таймс» говорит о многом. Нелишне это напомнить иным нынешним пифиям, что, жонглируя фразой о золотых запасах России, вновь хотят уверить всех и вся в колоссальных успехах русской буржуазии в начале XX в. Критики, с опасением взиравшие на возрастающую зависимость России от зарубежного капитала, были правы. Россия сваливалась в «долговую яму», то есть фактически шла в кабалу к иностранным монополиям, государствам, становясь их рабом. Но напрашивающиеся аналогии с нынешним временем не совсем уместны. Сегодня мы имеем и другую страну, и другое (надеюсь, более умное) правительство, и иную политическую ситуацию.

Не скажу, что «евреи приятнее Богу, чем ангелы», но, конечно, и представлять всю еврейскую буржуазию и уж тем более народ в виде гнусного, отвратительного и гибельного чудовища неправильно и не очень справедливо... Напомним слова П. Струве из его статьи «Интеллигенция и национальное лицо» (1909), где он, в частности, доказывал: «При всей силе отталкивания от еврейства широких слоев русского населения из всех «инородцев» евреи всех нам ближе, всего теснее с нами связаны. Это культурно-исторический парадокс, но это так. Русская интеллигенция всегда считала евреев своими, русскими и — не случайно, недаром, не по «недоразумению»... Я не

И. Крамской.
Оскорбленный еврейский мальчик

сочувствую несколько сионизму, но я понимаю, что проблема «еврейской» национальности существует, что она есть, пожалуй, в настоящее время даже растущая проблема. А в то же время нет в России других «инородцев», которые играли бы в русской культуре такую роль, какую играют евреи. И еще другая трудность: они играют ее, оставаясь евреями». К тому же нельзя забывать, ведь большая часть русских евреев относилась к трудовому населению, честно зарабатывая на жизнь трудом. К слову, среднегодовой доход еврейского ремесленника в 1900 г. составлял всего 150—300 руб., тогда как аналогичный доход крестьянина равен был 400—500 руб. в год. По официальным данным, примерно около 19 % евреев могло бы быть даже отнесено к пауперам, к еврейской бедноте. И при чем тут еврейские дети, что порой становились жертвами жестоких гонений и травли?! Мудрено ли, что те стали революционерами.

Нельзя забыть о значительном вкладе евреев в русскую экономику и искусство. Хотя Л. Пастернак в одном из писем сказал, что ев-

И. Левитан. Вечерний звон

рейского искусства в России в ту пору еще и не было: «Быть оно может только на родной своей земле, ибо всякое национальное искусство исходит из родной жизни и ею живет». Но Россия была и остается, конечно, родной землей для евреев. Думаю, что более родной, чем даже Израиль! Да простят мне мою inseparable дерзость... И с этой точки зрения как армянин Айвазовский, так и евреи Антокольский и Левитан — русские художники. П.Б. Струве сказал: «И хотя я вовсе не антисемит, я скажу: Левитана я люблю именно за то, что он русский художник». Картину «Вечерний звон», одну из самых проникновенных его работ, Исаак Левитан написал в 1892 г., в пору изгнания евреев из Москвы (из Москвы выселены 20 тысяч евреев — практически все, кроме купцов 1-й и 2-й гильдии). Оказавшись в Ницце, где он жил в силу состояния здоровья, Левитан с тоской писал художнику А.М. Васнецову: «Воображаю, какая прелесть теперь у нас на Руси — реки разлились, оживает все... Нет лучше страны, чем Россия!» (1894)... Такие вот евреи, несмотря на все упреки и бичевания с нашей стороны евреев-мерзавцев, воров или оголтелых предателей-руссофобов, — это же наши, русские чада!

Вспомнился удивительно трогательный чеховский рассказ «Скрипка Ротшильда»... Герой, гробовщик Яков Бронза, дивно играл на скрипке. Поэтому его приглашали играть в «жидовский оркестр» Шахкеса (лудильщика). Рядом с ним играл «рыжий тощий жид», носивший фамилию всем известного богача Ротшильда. «И этот проклятый жид даже самое веселое умудрялся играть жалобно». Яков без всякой видимой причины, мало-помалу стал проникаться ненавистью и презрением к жидам, а особенно к Ротшильду; он начинал придирается к нему, бранить его нехорошими словами и раз даже хотел побить его. Вдобавок эта ненависть съедала его самого («Житья нет от пархатых!»). Но главная проблема Бронзы была не в евреях — вся жизнь его как-то не задалась. Бизнес (гробы и похороны) верного

А.П. Чехов

дохода не давал. Одни только убытки. А тут еще заболела и умерла жена. Стали посещать невеселые мысли: «Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу». Вскоре и сам он захворал, да так, что сразу понял — пора собираться в дальний путь... Вышел Яков на улицу и заиграл напоследок. Играл и плакал. Жалко было любимую скрипку: в могилу не возьмешь, ведь пропадет... И тут возник Ротшильд с приглашением пойти сыграть на свадьбе. Но бедный Яков играл уже на своих похоронах. Перед смертью вспомнились ему все грехи, лицо жены Марфы, «отчаянный крик жида, которого укусила собака». И тогда он едва слышно молвил батюшке: «Скрипку отдайте Ротшильду». С тех пор талант скрипача Яшки, его грустные, трогательные песни стали звучать в мелодиях старого еврея. И знаете, мне показалась символичной, верной эта история. Уж не для того ли посадил господь в России еврея, чтоб вызвать к жизни и претворить в реальность тысячелетнюю мечту всех народов?!

Глава 16. Русские предприниматели в царской России. «Золотой век» капитализма

Картина развития капитализма в России в конце XIX — начале XX вв. сложна и противоречива. Несмотря на успехи промышленности, правительство сдерживало творческую самостоятельность капитала и предпринимателя: «Все нити народного хозяйства сходились в кабинете министра финансов: без его соизволения и даже указания ничего нельзя было предпринять. Власть и вмешательство чиновников становились все более невыносимым». В России установился чиновничий капитализм. Порой во главе правительства оказались люди не без таланта (типа С.Ю. Витте), но и они во многих решениях были несвободны, противоречивы и далеко не бескорыстны. Политика российского министра финансов и премьера, как выше отмечалось, строилась с перспективой на то, что первую и главную скрипку в российской экономике должны будут играть иностранные капиталисты. Так, если общая сумма иностранных вкладов в экономику России выросла с 1894-го по 1901 г. в 4 раза, то в нефтяной промышленности за те же годы она увеличилась более чем в 30 раз — с 2,6 до 83,4 млн рублей. А ведь это была одна из наиболее развитых отраслей производства, и важный источник доходов казны. В народе в ходу пословица: «Нет церкви без попа, нет фабрики без Кноппа». Понятно, что такое поло-

жение вызвало у многих резкий протест. Против политики Витте выступила газета «Русский труд», заявившая, что все действия министра финансов России «преступны» и что «рука, их направляющая, служит не России». Известные основания для подобных упреков были. Ряд стратегических производств и банки России тогда попали в руки иностранных капиталистов. Это мы видели и в конце XX в.

Сегодня многозначительно говорят: «А ведь русский рубль был тогда золотым!» — а затем столь же многозначительно прикладывают палец к пустой голове. Нет бы добавить, что золотое содержание определялось не столько собственным золотым запасом, но прежде всего иностранным золотом. Придется подробнее остановиться на этой странице истории. Это тем более настоятельно необходимо, что, как говорили, упорно насаждается мысль о прогрессивности, эффективности русского капитализма в начале XX века. Придется многих разочаровать, показав на конкретных примерах и цифрах, что успехи тогдашней российской модернизации были не однозначны. Царское правительство с конца 80-х годов фактически являлось должником. К этому его привели чудовищные суммы, выплаченные помещикам после отмены крепостного права и передачи части их земель крестьянам, необходимость вести железнодорожное строительство, перевооружать промышленность и армию, огромные расходы на войну с Турцией 1877—1878 гг. и т.д. и т.п. У России просто не было своих денег на осуществление всех этих амбициозных планов. Сегодня они у нее, к счастью, есть. И если мудрым руководителям страны все же удастся вдолбить нашим господам-капиталистам, которые привыкли сосать соски матушки-природы и получать бешеные прибыли, почти ничего не вкладывая в дело, и бюрократии, то Россию может действительно ожидать взлет, которого еще не знала история!

Царизму это не удалось. Историк Р. Пайпс убедительно рисует картину того, как царизм вместе с буржуазией попали в безвыходную ситуацию. Когда во главе Министерства фи-

Б. Кустодиев. «Купец-сундучник»

нансов стал С.Ю. Витте (1898), он понял, что выжимать деньги из крестьян в тех масштабах, как это было раньше, невозможно и опасно (к тому же в 1891—1892 гг. страну еще и поразил голод). Налоги едва покрывали обычные традиционные расходы казны. В 1914 г. общий долг российского правительства составлял 8,8 млрд. рублей, из которых приблизительно 48 %, или 4,2 млрд (2,1 млрд долларов, или 3360 тонн золота), — по иностранным займам. Это было тогда самой крупной иностранной задолженностью в мире! Мы были вынуждены идти на зарубежные заимствования. Этому помогло принятие Россией в 1897 г. золотого стандарта (бумажный рубль можно в случае необходимости обратить в золото). Законом от 8 мая 1895 г. стоимость империала (золотого 10-рублевика) была определена в 15 руб. кредитными билетами, полуимпериала — в 1 рубль 50 копеек. Государственному банку и его подразделениям предоставили право размена кредитных билетов на золотую монету по курсу, установленному 8 мая. В 1897 г. был опублико-

На базаре

ван закон «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет», который привел в соответствие обозначение номинальной стоимости золотых монет с их курсом в кредитных купюрах. Вследствие этого империалы и полумпериалы прежних лет стали равноценны выпущенным (только в 1897 г.) в 15 рублей и 7 рублей 50 копеек. С 1897-го и по 1911 год эмитировались 10- и 5-рублевки по паритету в 2/3 и 1/3 нового номинала. Шаг укрепил надежность русской валюты, повысил интерес к России у мировых заимодавцев, но за это пришлось заплатить большую цену.

«Россия, — отмечал видный экономист М.И. Туган-Барановский, — поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растрченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года». Упомянутый бурный рост российской промышленности также во многом объяснялся притоком иностранного капитала. Иностранцы в 1892—1914 гг. поместят в российские предприятия 2,2 млрд руб. (1,1 млрд долларов), что составляло почти половину вложений в эти предприятия. Основная масса денег — 80 % в государственных облигациях — была предоставлена России Францией, остальные английскими, немецкими, бельгийскими инвесторами. Сам же С.Ю. Витте подсчитал в 1900 г., что приблизительно половина всего российского промышленного и торгового капитала была иностранного происхождения. Французский капитал составил 32,6 % этих денег, английский — 22,6 %, германский — 19,7 %, бельгийский — 14,3 %. Как оценить такое положение? С одной стороны, капитал (пусть и иностранный) работал на страну, и это не дает нам оснований утверждать, что Россия непременно стала бы колонией Европы. К тому же, привлекая иностранный капитал, страна могла ввозить с Запада не только новую технику, но и специалистов-инженеров. С другой стороны, географические условия России, ее пространства, уровень подготовки населения выдвигали особые требования и к условиям экономического роста и развития. Климатические условия России были суровее, чем в Европе. Это надо учитывать при строитель-

стве железных дорог, заводов, городов, тепловодов. Требовались и иные стройматериалы. При обработке туркестанского хлопка нужны были иного рода машины, чем при обработке американского хлопка. Донецкий уголь по своему химическому составу существенно отличался от импортируемого из Англии. Особенности русских почв требовалось учитывать при конструировании машиностроения и т.д. и т.п. Но, главное, уровень культуры и производительности труда уступал европейскому.

Более того, можно говорить, что благодаря вливаниям иностранного капитала в России стала расти промышленность, более чем удвоились доходы казны (в период с 1892-го по 1903 год — с 907 млн до 2 млрд рублей), появились новые рабочие места, стала расти заработная плата рабочих и служащих и т.д. Стоит вспомнить, что европейские вложения в Соединенные Штаты в середине 1914 г. составляли 6,7 млрд долларов, то есть в 2 раза превышали то, что европейцы вложили в Россию. Американцы умело и должным образом использовали эти вложения для развертывания промышленности и инфраструктуры. При этом никто не обвинял европейцев в том, что те хотят «закабалить Америку». Однако все это верно при прочих равных условиях. Ключевой вопрос — производительность труда тех, кто использует заемные деньги. Мы в этом отношении заметно отставали от Европы и США. Косвенным показателем этого являлось хотя бы потребление на душу населения: потребление угля на душу населения в России в 1910 г. составляло 4 % от американского уровня, а стали — 6,25 %. Зато у нас отмечали больше всего церковных праздников. Не только в столицах, но и в провинции существовали стойкие празднично-православные традиции. Правда, в начале XX в. царские власти вынуждены говорить «о вредном влиянии на производительность земледельческого труда в России чрезмерного числа праздничных, нерабочих дней». Действительно, в самых разных регионах Европейской России число дней, празднуемых православным населением в течение года, достигало 120—140 дней, причем на время основных сельскохозяйственных работ при-

Б. Кустодиев. Трактир

ходило до 74—77 праздников, значительная часть которых вообще не имела оснований в церковном уставе, а была связана с местными обычаями и поверьями. Поэтому в феврале 1903 года было доведено до сведения крестьян «высочайшее соизволение» разрешить добровольные работы в праздники и запретить сельским властям и полиции «воспрещать обывателям добровольное исполнение работ» в эти дни. Сельским священникам предписывалось склонять прихожан к труду и отклонять от празднований, не установленных ни церковными, ни гражданскими законами, если те не имеют «религиозно-нравственного значения». Конечно, эта специфика отнюдь не способствовала росту производительности труда, а без этого все — пустые мечты.

А что же русское предпринимательство? Почему эта могучая сила, которая по многим показателям выдвинула Россию в конце XIX-начале XX вв. на одно из первых мест в Европе, не смогла противопоставить растущим силам социализма и пролетариата свою собственную политическую волю? Ответ на

серьезный вопрос требует обстоятельного и глубокого анализа, который вряд ли тут возможен. Но несколько, как нам представляется, главных причин все же попробуем назвать. Первой и главной причиной, бесспорно, является молодость, т.е. относительно позднее развитие капитализма, а главное — отставание в политическом оформлении и закреплении власти. Царизм повязал по рукам и ногам российский капитал, требуя от него лояльности, личной преданности в обмен на привилегии, и капитализм вынужден был тащиться в его фарватере. Вторая причина — эгоизм и индивидуализм, хотя, конечно, без того и другого не было бы и капитализма. Даже Герцен не отрицал целесообразности и законности действий индивидуализма и эгоизма: «Какой смысл... разглагольствований против эгоизма, индивидуализма? Что такое эгоизм? Что такое братство? Что такое индивидуализм? И что любовь к человечеству? Разумеется, люди — эгоисты, потому что они — лица; как же быть самим собою, не имея резкого сознания своей личности? Лишить человека этого

Б.М. Кустодиев. Купчиха за чаем

сознания — значит распустить его, сделать существом пресным, стертым, бесхарактерным. Мы — эгоисты и потому добиваемся независимости, благосостояния, признания наших прав, потому жаждем любви, ищем деятельности... и не можем отказывать без явного противоречия в тех же правах другим. Проповедь индивидуализма разбудила век тому назад людей от тяжелого сна, в который они были погружены под влиянием католического мака. Она вела к свободе, как смирение ведет к покорности. Писания эгоиста Вольтера больше сделали для освобождения, нежели писания любящего Руссо — для братства». Но капитализм в России родился довольно поздно. Когда же у нас разыгралась буря, не имевшее глубоких корней капиталистическое древо оказалось вырвано из почвы.

В книге П.А. Берлина «Русская буржуазия в старое и новое время» (1922) отмечалось, что бюрократия, поддерживая и поощряя крупную промышленность самым широким и щедрым образом, «убивает в ней стремление к политическому переустройству страны». Вряд ли такое заявление соответствует истине. Все ведущие страны мира поддерживали и поддерживают свою промышленность. Кто этого не делает, тот не входит в число великих и развитых стран! Другое дело, что чиновник зачастую выступает «официальным паразитом». Ведь он не участвует в процессе тру-

да, не принимает участия в работе капитала. Даже когда он подвизается на ниве предпринимательства, это, как правило, происходит только в виде участия в акциях или в получении взяток (святая святых российского чиновничества во все времена). Во-вторых, русское предпринимательство, по крайней мере, в лице своих лучших представителей, всегда чувствовало близость к народу. Но и эти слова следует воспринимать с известными оговорками, ибо, выйдя из народа, многие представители крупного капитала вскоре забывали о своем нравственном долге и о совести. Об этом можно написать немало книг (и написано). Конечно, старый русский капитализм мог бы дать сто очков вперед иным нынешним российским миллионерам и миллиардерам. Десятки промышленников и капиталистов служили городу и обществу не за страх, а за совесть (Найденковы, Алексеевы, Третьяковы, Морозовы, Прохоровы, Сытины и т.д.). Иные (и прежде всего старообрядцы) свято соблюдали человеческие и евангельские заповеди. И это было их убеждением.

В. Прохоров говорил: «Живите не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смирении. Брат брата любите». *Публицист и писатель А.Ф. Бестужев-Рюмин отзывался о*

Б.М. Кустодиев. Русский купец

нем: «...Вот купец Прохоров, лица которого я не знаю, но который выше для меня всякого вельможи... Живи, продолжай свои благодеяния...». Они открывали школы ремесленных учеников, технические училища, классы для рабочих, бесплатную лечебницу, фабричный театр, проявляли заботу и о рабочих. Широкой благотворительностью была отмечена деятельность «хлебного короля» Н.А. Бугрова. В некрологе на его смерть говорилось: «Нижегородская беднота потеряла в нем родного отца, толпы народа со слезами шли за гробом». П.А. Бурыйшкін отмечал, что отношение русской буржуазии к своему делу было «несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность смотрели не только или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою». И далее он добавлял: «Нужно сказать вообще, что в России не было того «культа» богатых людей, который наблюдается в западных странах». Предприниматель Найденов говорил, что Москва ни ростовщиков, ни откупщиков не любит. Казалось, при таком облике этот так называемый патерналистский капитализм, капитализм «с человеческим лицом» должен был обрести в народе если не любовь, то хотя бы популярность. Конечно, добрые отношения труженика к отдельным представителям буржуазии и капитала сохранялись. Во время кровавых событий 1905 г., когда казалось, что от фабрики Прохоровых на Пресне не останется камня на камне во время боев, ведь правительственная власть в Москве тогда фактически отсутствовала, рабочие фабрики к управляющим не проявили насилия, ничего не разгромили и не разграбили, хотя там и находился эпицентр восстания. Тут мы видим два в корне различных подхода к капиталисту и предпринимательской деятельности.

Легендарной фигурой был известный фабрикант С.Т. Морозов (1861—1905) ... Это был человек высоко образованный. В семье купцов-старообрядцев, родоначальник рода коих В.Ф. Морозов был захоронен в Москве, установились с самого начала высокие требования к умственному, деловому и нравственному облику личности. Основателем морозовского дела стал С.В. Морозов (1770—1860),

который в 1797 г. создал свою шелкоткацкую мастерскую, пригласив нескольких наемных ткачей. К.А. Кривошеин писал о Морозовых: «На всем общественном выдвижении Морозовых, от крепостной зависимости до руководящего положения в купеческой Москве, лежит печать старообрядчества, из поколения в поколение накопившейся статической энергии упорства, выливавшейся затем в динамическую энергию творчества». Наряду с энергией род Морозовых, как только возникла такая возможность, потянулся и к знаниям. Дети в семье получили классическое образование. Мальчики, помимо английского и французского, изучали и немецкий. Бывали в доме и великие историки — В.О. Ключевский и С.М. Соловьев. Тянулись Морозовы и к научно-техническому прогрессу. Как отмечал в воспоминаниях А.В. Кривошеин, «настоящий коммерческий гений Морозова проявился в том, что этот отдаленный старообрядчеством от европейской культуры, воспитанный на Домострое, бывший крепостной понял, что или его дело воспримет все новейшие достижения иностранной техники, или перестанет существовать». Это был тип предпринимателя и фабриканта, который ныне почти и не встречаются в России... О нем многие говорили: «В С.Т. Морозове чувствуется сила. И не сила денег только — нет! От Морозова миллионами не пахнет. Это просто даровитый русский делец с непомерной нравственной силищей». Надо все же заметить, что и в семье Морозовых были капиталисты иного рода. О деде своем, Савве Васильевиче, С.Т. Морозов отзывался без особого почтения, говоря, что тот печатал фальшивые деньги и на них строил часовни да фабрики. Младший сын Саввы Васильевича, Тимофей, получил в наследство крупнейшее семейное предприятие — Никольскую мануфактуру, где проявил себя как беспощадный и жестокий эксплуататор. Он буквально замучил рабочих штрафами, выжимал из них все соки — и сумел вдесятеро увеличить унаследованный капитал. В 1885 г. вспыхнула знаменитая «морозовская стачка», где на суде из зала в адрес хозяина раздались полные ненависти выкрики: «Изверг! Кровосос!» От растерянности и страха тот упал навзничь, решил навсегда по-

Савва Тимофеевич Морозов

кинуть дело и передал управление фабрикой сыну, С.Т. Морозову. Создается впечатление, что С.Т. Морозов, помня пример отца, всю жизнь хотел опровергнуть представления о капиталисте как о бессовестном грабителе и эксплуататоре.

Создав синдикат металлургических, машиностроительных и железнодорожных предприятий, он прокладывал путь русскому капиталу и промышленности. В случае развития успеха синдикат мог бы дать толчок дальнейшему развитию России. Заслугой Саввы Тимофеевича стало создание Ярославско-Архангельской железной дороги в 1897 г., с которой профессор И.В. Цветаев связывал «всю грядущую счастливую судьбу нашего Европейского Севера». Его брат, С.И. Моро-

Фабрика Морозовых

зов субсидировал журнал «Мир искусства» и состоял деятельным «членом-учредителем» Музея изящных искусств в Москве (всемирно известный ГМИИ им. А.С. Пушкина). На морозовских фабриках в 1890 г. было занято 39 тысяч рабочих, производящих изделия на 35 млн рублей. На средства братьев Морозовых, а также К.С. Алексеева (Станиславского) и других был создан Художественный театр (1898). Жертвовал он деньги и на сооружение памятника Александру III в Москве, на площади перед храмом Христа Спасителя. Будучи председателем Нижегородского ярмарочного комитета, он был одним из активных лидеров торгово-промышленного класса России. В одной из своих речей он сказал: «Богато наделенной русской земле и щедро одаренному русскому народу не пристало быть данниками чужой казны и чужого народа.... Россия благодаря своим естественным богатствам, благодаря исключительной сметливости своего населения, благодаря редкой выносливости своего рабочего может и должна быть одной из первых по промышленности стран Европы». К сожалению, тогда этим пророческим словам не удалось воплотиться в жизнь, ибо события тому помешали. Печальной оказалась судьба и самого С.И. Морозова. Правительство, вместе с Витте, которого называли «вице-царем», повело настоящую охоту на Морозовых и вообще на русских предпринимателей.

Есть основания видеть в кознях против С.И. Морозова руку Витте. На это указывает в том числе и записка А.А. Лопухина, русского интеллигента, который, можно сказать, случайно стал главой Департамента полиции (1902). В 1909 г. его обвинили в оказании содействия тайной революционной организации, приговорили к пяти годам каторжных работ, замененных ссылкой в Сибирь (где тот пробыл до 1912 г.). Дело С.И. Морозова он знал досконально и в записке честно говорил об обстоятельствах той истории. Ситуация с постройкой дороги действительно «пошатнулась до пределов катастрофических», так как С.И. Морозов и акционеры «прибегли к способам, законом запрещенным». Путем ряда комбинаций, в которых «главную роль играли фиктивные сделки, фиктивные счета», они умудрились «перебрасывать деньги из кассы

Морозовская стачка

дороги в кассу заводов и обратно и создавать на бумаге декорум их кредитоспособности». Крах казался неминуем. Но тут им была дана концессия на Северную железную дорогу Петербург-Вологда-Вятка. Все было сделано при одобрении Госсовета и лично министра финансов и путей сообщения С.Ю. Витте, который и выступил инициатором. Но буквально через несколько месяцев он же отобрал концессию у С.И. Морозова, что привело к «финансовой гибели» железнодорожного общества и его акционеров. А в Комитете министров всем тогда заправлял Витте. Выходило, что министр финансов России, прекрасно зная о противозаконных финансовых комбинациях акционеров, сначала дал им «зеленую улицу», а затем не только остановил, но и возбудил уголовное дело против Мамонтова и его коллег. В чем была причина? А.А. Лопухин пишет о причинах такого «странного поведения» министра. Выдача концессии на Петербурго-Вятскую линию подняла на бирже акции общества С.И. Мамонтова. Акции находились в банке. Отобрание же концессии и уголовное преследование вызвали панику на бирже. Акции покатались вниз. Их отсудили в казну по убыточной для акционеров цене. В итоге С.И. Мамонтов был разорен, а Витте, вероятно, нагрел на этом руки и получил солидный «навар». Выяснилось и то, что дали крупную взятку директору Железнодорожного департамента Министерства финансов, возглавляемого Витте, а важнейшую часть ветки Петербург-Вологда-Вятка строил родственник жены Витте инженер Быховец,

Архангельско-Ярославской дорогой управлял другой ее родственник — врач Леви. Под прикрытием громких фраз об интересах государства обделяют у нас собственные дела и делишки. Вряд ли ситуация в России спустя 100 лет коренным образом изменилась.

Стоит ли в этой связи удивляться, что на средства С.Т. Морозова издавалась ленинская «Искра». Поддерживал большевиков всем, чем мог, и Н.П. Шмит, родственник Морозова, крупнейший мебельный магнат. Он отправил на баррикады Красной Пресни рабочих своей фабрики. За эти действия был заключен в тюрьму, где и погиб в ночь на 13 февраля 1907 г. «Новое время» писало: «Известный фабрикант Шмит, которому приписывалось участие в вооруженном восстании на Пресне, найден вчера, в 6 час. утра, в своей камере в тюремной больнице с перерезанной сонной артерией, без признаков жизни. Шмит содержался 14 месяцев в одиночном заключении. За это время состоялось пять медицинских за-

Ярославский вокзал в начале XX века

И.Е. Репин. П.М. Третьяков. 1901.

ключений о том, что содержание его в тюрьме грозит опасностью для его жизни. Покойному было 23 года». Злые языки утверждали, что большевики (видимо, в качестве благодарности) выбили из семьи убитого Н.П. Шмита 500 тыс. золотых рублей (около 20 млн долларов). Такие слухи ходили. Достоверно известно было только то, что официально, согласно завещанию, деньги и имущество Шмита перешли к его родным сестрам, Екатерине и Елизавете. Первая тут же передала часть наследства Большевицкому центру (БЦ) в 1908—1909 г., вторая — в 1909—1911 г. В борьбе за наследство представители БЦ (Таратута) «использовали приемы, вызывавшие моральное осуждение». Острейший спор за наследство Шмита развернулся и между большевиками и меньшевиками, с одной стороны, и бундовцами, и даже между самими большевиками (точнее, сторонниками В.И. Ленина и А.А. Богданова) — с другой.

Почему революционеров финансировали русские предприниматели, типичные «русски»? Могло показаться в высшей степени необычным, даже ненормальным то, что владелец огромного состояния, питомец Московского и Кембриджского университетов вдруг проникся симпатией к революционерам... Однако, по зрелому размышлению, в том не было ничего необычного. Ведь это страна совершенно особая — Россия! В самом деле, там, где некогда лучшие дворянские фамилии во

имя будущего народа шли на бунт, а затем и на виселицу (декабристы), где образованнейшие люди своего времени ради освобождения народа предпочли вместо сытой и беззаботной жизни в поместьях уйти в эмиграцию (Герцен и Тургеневы), где князь, потомок Рюриковичей, проповедовал бунт и анархию (Кропоткин), где семинаристы и богословы становились неистовыми революционерами и атеистами (Белинский и Сталин), не мудрено, что иные капиталисты готовы были идти на поклон хоть к Марксу, хоть к Ленину (во имя того же народа). В беседе с М. Горьким С. Морозов не раз заявлял о симпатиях к Марксу, в котором он видел «воспитателя нового поколения». Размышляя о будущем России, С.Т. Морозов говорил: «Наверное, будет так: когда у нас вспыхнет революция, она застанет всех нас врасплох и примет характер анархии. А буржуазия не найдет в себе сил сопротивляться, и ее сметут, как сор». Революцию он считал неизбежной. Любя свой народ «физиологически», считая его изумительно талантливым, он изо всех сил стремился сделать все, что в его силах, для помощи ему и его спасения.

Судьбы Морозова и Мамонтова типичны. Деятельность талантливого, яркого капиталиста С.И. Морозова закончилась трагически. Известно, что он покончил жизнь самоубий-

С.И. Щукин.

Здание Художественного театра

ством за границей. Известно и то, что он по-полнял казну большевиков. Состояние его оценивалось в 1 400 000 рублей. Эмиссары большевиков навещали его в Каннах и, по сообщению полиции, шантажировали его. Перед отъездом С.Т. Морозов рассорился с Горьким, который, к слову сказать, не только был известнейшим писателем, но и расположил в доме бомбовую мастерскую. Вдаваться в обстоятельства гибели С.Т. Морозова нет возможности. Известно лишь, что незадолго перед своей смертью Морозов застраховался. И эти 100 000 рублей достались большевикам. Л. Красин, который активно работал с С. Морозовым, получил кличку «мокрых дел мастер» (показательное прозвище). Впрочем, лучше услышать эту историю из уст непосредственного участника событий тех лет, актрисы Марии Андреевой, подруги Горького. В 1938 г. она писала: «Верно, что С.Т. Морозов считал меня «нелепой бессребреницей» и нередко высказывал опасение, что с моей любовью все отдавать я умру когда-нибудь под забором нищей, что обдерут меня как липку «и чужие и родные». Вот поэтому-то, будучи уверен в том, что его не минует семейный недуг — психическое расстройство, — он и застраховал свою жизнь в 100 000 р. на предъ-

явителя, отдав полис мне. Я предупреждала его, что деньги себе не возьму, а отдам, на это он ответил мне, что ему так легче, с деньгами же пусть я делаю, что хочу — он «этого не увидит». Никаких завещаний, само собой разумеется, он не делал, но, когда он умер, мне хотелось, чтобы люди думали о нем как можно лучше, так же думал и Алекс. Макс., прекрасно знавший всю историю полиса. Когда Савва Тимофеевич, несомненно, в припадке недуга застрелился и Красину удалось все-таки получить по полису деньги, я распорядилась: 60 000 р. отдать ЦК нашей фракции большевиков, а 40 000 распределить между многочисленными стипендиатами С.Т., оставшимися без всякой помощи, так как вдова Морозова сразу прекратила выдачу каких-либо стипендий. Сколько-то еще из этих денег ушло на расходы по процессу. Ведал всеми этими операциями — Красин». Тогда и капиталисты были иные, и интеллигенция, и революционеры были людьми чести, больше думая об интересах народа.

Широкой известностью пользовалась и фамилия Алексеевых. Они дали России, Москве двух городских мэров или голов, А.В. Алексеева (1840—1841) и Н.А. Алексеева (1881—1893). О них написано мало: нет сведений ни в энциклопедии Брокгауза-Ефрона, ни в энциклопедии братьев Гранат, ни даже в книге В. Гиляровского «Москва и москвичи». Хотя именно на их деньги созданы в Москве известные больницы, училища, театры, библиотеки, пущен в действие лучший в Европе муниципальный трамвай. Впоследствии великий русский певец Ф. Шаляпин, находясь за рубежом, в Париже, написал: «...И ведь все эти русские мужики — Алексеевы, Мамонтовы, Сапожниковы, Сабашниковы, Третьяковы, Морозовы, Щукины, — какие все это козыри в игре нации. Ну, а теперь это — кулаки, вредный элемент, подлежащий беспощадному истреблению» («Маска и душа»). Подчеркну: эти купцы были яркими созидателями и творцами... Мамонтов выстроил Ярославский вокзал, гостиницу «Метрополь», оставил в наследство нам великолепный музей в Абрамцеве; Морозовы создали «Дом дружбы с зарубежными странами» на Воздвиженке, дворец приемов МИДа на ул. А. Толстого,

Режиссер К.С. Станиславский (Алексеев)

помогли построить МХАТ; Н.А. Алексеев, по сути дела, явился инициатором и вдохновителем создания здания Верхних торговых рядов (знаменитое здание ГУМа в Москве), он же выстроил здание городской Думы (позже тут разместился музей В.И. Ленина). «Одного сооружения городской Думы, грандиозно задуманного и исполненного, достаточно было бы, чтобы отвести Николаю Александровичу (Алексееву) особое место среди всех предшествовавших ему городских голов», — писали «Московские ведомости». При нем в городе были построены водопровод, бани, канализация, психиатрическая больница. Москва буквально преобразилась. По словам академика М. Богословского, с тех пор Москва «перестала быть большой деревней, какой была, и становилась действительно городом». Этого умницу и атлета убил некий сумасшедший в день, когда того должны были переизбрать на третий срок главой города Москвы. И было ему всего 40 лет. Последние его слова: «Умираю, как солдат на своем посту. Я служил верой и правдой». К семейству Алексеевых принадлежал и великий театральный деятель России, режиссер К.С. Станиславский.

Знаменитыми купеческими фамилиями были Третьяковы и Щукины. Первые, два

брата Павел и Сергей Третьяковы, оставили русскому народу великую Третьяковскую галерею. А ведь их семьи не считались особенно богатыми! П.М. Третьяков в заявлении в Московскую городскую думу о передаче его галереи и галереи покойного брата Москве писал, что делает это, «желая способствовать устройству в дорогом мне городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию». С.И. Щукин собрал для России значительную часть картин французской живописи — Гогена, Ван Гога, Матисса и их предшественников: Ренуара, Сезанна, Моне, Дега и т.д. Когда эту его коллекцию большевики вознамерились продать за границей, он, волнуясь, признавался П. Бурышкину: «...я собирал не только и не столько для себя, а для своей страны и своего народа. Что бы на нашей земле ни было, мои коллекции должны оставаться там». Купец Нечаев-Мальцев потратил на музей 2 млн рублей, Третьяковы — 2,5 млн рублей. Замечательной личностью был и Савва Иванович Мамонтов (1841—1918). А.Н. Бенуа считал, что «Мамонтов по натуре и дарованию художник». Хотя и тогда большая часть чиновничества и крупной бюрократии России, хотелось бы это подчеркнуть, не понимала мотивов поведения меценатов. Так,

А.А. Бахрушин — создатель музея

Витте все удивлялся, зачем это Савва Мамонтов содержит театр. «Это несерьезно», — говорил он. Мамонтов же возражал ему в том духе, что культура — это даже серьезнее, чем железные дороги, ибо она, как и театр, есть школа воспитания. Судя по всему, такой мотив совершенно не понятен нынешнему поколению миллионеров и миллиардеров России, которые (за некоторым исключением) в XXI в., похоже, думают куда больше о своем благополучии и богатствах, живя в дикой роскоши, каковая даже и не снилась старым русским богачам-просветителям и великим меценатам!

Широкой известностью пользовался и наш русский промышленник, банкир Николай Второв, прозванный «русским Морганом» за деловую хватку. По версии «Форбс», он являлся обладателем самого большого состояния России начала XX века (более 60 млн золотых рублей). После смерти отца в 1911 г. он единолично владел торговым домом «А. Второв и сыновья» (крупная торговля Сибири), десятками скупал банки и компании. Н. Второву принадлежали специализировавшийся на военных заказах АО «Поставщик», Московский промышленный банк (1916), Донецко-Юрьевское металлургическое общество. Он же основал и первую в России фабрику химических красителей, завод «Электросталь». В партнерстве с Рябушинским они основали АМО, ныне ЗИЛ. Во время Первой мировой войны военные заказы ему принесли огромные сверхприбыли. После Октябрьской революции 1917 г. выразил лояльность большевикам, в 1918 г. был убит при невыясненных обстоятельствах.

ВХХв. «на арену» вышла целая плеяда предпринимателей, сторонников конституционно-монархической формы правления, или так называемые буржуазисты (Морозовы, Гучковы, Рябушинские и др.). Рябушинские в течение трех поколений поднялись на вершину делового успеха. Родоначальником их династии был М. Яковлев, приписанный в начале XIX в. к московскому купечеству. После перехода в старообрядчество он получил официальную фамилию — Рябушинский. Учившийся, как говорили, на «медные деньги», он до конца жизни был не в ладах с грамотой, но сына

М. Врубель. Портрет Саввы Мамонтова

выучил, и при Павле Михайловиче семейное дело переживало бурный рост за счет прежде всего развития фабричного производства. На хлопчатобумажной фабрике П.П. Рябушинского (1871—1924) в Вышнем Волочке Тверской губернии трудились тысячи крестьян. В 1901 г. он вместе с братьями приобрел Харьковский земельный банк, третий по величине акционерный ипотечный банк в России. В 1902 г. организовал Банкирский дом братьев Рябушинских (в 1912 г. тот был преобразован в акционерный коммерческий Московский банк с капиталом в 25 млн руб.). В итоге к 1917 г. Московский банк Рябушинских занимал 13-е место в списке крупнейших банков империи, став центром притяжения национального капитала (в противовес «космополитическому» Петербургу). Семья Рябушинских вскоре расширила сферу влияния в промышленном секторе, утвердившись в льняной отрасли. Они осваивали природные богатства России. В годы Первой мировой войны на Севере России они купили лесопильные заводы, начали разведку нефтяных месторождений в районе.

Н.А. Второв

Жажда дела была наследственной чертой этого семейства, стремившегося вывести Россию на путь скорой индустриализации. «При всех наших делах и начинаниях, — писал один из братьев, и эти слова целиком относятся и к фигуре П.П. Рябушинского, — мы никогда не рассчитывали на ближайшие результаты нашей работы. Нашей главной целью была не нажива, а само дело, его развитие и результат, и мы никогда не поступились ни нашей честью, ни нашими принципами и на компромисс с нашей совестью не шли». П.П. Рябушинский стал инициатором создания умеренно-прогрессивной партии, издавал популярную газету «Утро России», орган либерально-оппозиционных предпринимате-

П.П. Рябушинский

лей. В партию входили такие люди, как А.И. Коновалов, будущий министр Временного правительства, внучатый племянник великого мецената С.Н. Третьякова, автор воспоминаний о Москве купеческой П.А. Бурыйшкін и др. На страницах «Утра» печатались статьи против полицейского произвола, засилья дворянства и чиновников в эшелонах власти. В 1912 г. Рябушинский предложил премьер-министру, министру финансов В.Н. Коковцову «убрать рогатки с путей жизни».

«Прогрессисты» выступали за усиление экономических рычагов в политике (правовое государство с развитым рыночным механизмом, политические свободы и т.д.). П. Рябушинский создал в Думе к лету 1915 г. «Прогрессивный блок». Но положение на фронтах Первой мировой войны складывалось неудачно для России. Он призывал промышленников приложить все усилия для победы русского оружия: «Мы уже не можем заниматься своим повседневным делом. Каждая фабрика, каждый завод — все мы должны только о том думать, чтобы сломить эту вражескую силу». Съезд принял постановление о создании сети военно-промышленных комитетов для мобилизации усилий частной индустрии России на нужды войны. Рябушинского избрали председателем Московского военно-промышленного комитета и председателем Московского биржевого комитета. Среди предпринимателей новой волны был и Н.А. Терещенко. В юности он занимался тем, что на волах возил хлеб в Крым, из Крыма привозил соль и рыбу, благодаря чему быстро разбогател. Существовала легенда, что Терещенки в 1850 г. нашли клад. Так это или нет, неизвестно, но то, что он сумел извлечь выгоду из реформ 1861 г., — это факт. Он воспользовался тем, что большинство помещиков так и не смогли правильно наладить свое хозяйство, чтобы то приносило прибыль. В 1870 г. в его руках было более 10 сахарных заводов, включая сахарные заводы князя Бярытинского, помещика Левшина, Кочубея. Известен он был и общественной деятельностью. Более 20-ти лет Н.А. Терещенко стоял во главе самоуправления, завоевав уважение земляков. Особое внимание уделял благотворительным делам — помощь детским при-

ютам, городской больнице и т.п., осуществлял и попечение за тюремным людом в России.

Ключевой вопрос: мог ли капитализм в России занять место самодержавия? Вопрос вопросов. Могло ли царское правительство дать простор для развития созидательного трудового капитала, капитала русского, не ростовщическо-спекулятивного? В начале XIX в. купец Пономарев, глава «Торгового дома Пономарева и К», обратился к Александру I с прошением о выдаче из Государственного земельного банка ссуды в размере 100—150 тысяч руб. сроком на 20 лет под 8 процентов годовых, говоря о засилье в российской внешней торговле английских купцов и отсутствии достаточных оборотных средств у отечественных торговцев. Чтобы исключить зависимость «от воли и расположения иностранцев и особенно англичан», предлагал открыть особое кредитное учреждение — Дисконтный банк, наподобие тех, что были

в Лондоне, но «в пользу россиян и торговли их продуктами». Но правительство царя так и не смогло осуществить весомую, серьезную поддержку отечественному производителю.

К тому же выяснилось, что биржевые новшества, с успехом используемые западными биржевыми воротилами, где ростовщик и спекулянт — давняя традиция, не очень приживается у нас. В России купечество часто само выполняло функции биржи. В России, как и в восточных странах, купцы и коммерсанты пользовались большим уважением, чем в Европе. Крупные купцы и промышленники сами представляли товар на бирже и заключали сделки. Для них обман партнера, сделка по «несправедливой цене» были недопустимы и недостойны. Они не могли позволить запятнать честь фамилии и предков, в течение столетий создававших себе доброе имя. Подавляющее число сделок в Москве совершалось на товарном рынке. Торговля ценными бумагами

Бывшее здание московской купеческой биржи

в Москве была развита слабо. Самостоятельной котировки тут не было, а биржевыми бумагами торговали немцы и евреи, в основном. Торги же производились по курсу Петербургской биржи или Берлинской биржи. Большая часть русского купечества считала их занятием малодостойным. Конечно, было бы глубоким заблуждением заявлять, что капитализм к началу XX в. исчерпал себя. Цифры говорят об ином... В период промышленного подъема 1890-х гг. объем промышленного производства в России увеличился в 2 раза, а за время предвоенного подъема 1909—1913 гг. вырос в 1,5 раза. После принятия закона о мелком кредите в 1904 г. активизировалось и кооперативное движение. Если в 1906 г. в России насчитывалось 2189 товариществ, то к 1 июля 1915 г. их число возросло до 15 159 с числом членов более 10 млн человек.

Однако нельзя бросаться и в другую крайность, идеализируя образ русского предпринимателя. Слова о том, что в России сплошь и рядом только честные предприниматели, капитал которых имел исключительно «чистое» происхождение, что они не прибегали к аферам, что им был присущ высокий моральный стандарт, что общественные интересы у них превалировали над личными, что они близки «образу христианского аскетоподвижника», вряд ли в полной мере отвечают реалиям и соответствуют действительности. В эпоху бешеного накопления капитала и в России, разумеется, появилось немало аферистов. Некий купеческий отпрыск, душа которого, видимо, отторгала отцовские идеалы накопительства и обогащения, записал в дневнике: «Был у тятеньки на фабрике и ночью в окнах все до одного стекла перебил! Давно я эту мысль в уме своем лелеял!» На эту хулиганскую акцию можно реагировать по-разному. Но она говорит о том, что старый русский идеал «кающихся купцов» в массе российских предпринимателей, видимо, уступил место новым «идеалам», идеалам «хищника» и «циника», которому наплевать на народ. [Такой тип капитализма явился в России в конце XX-начале XXI вв.] В итоге русский купец «хозяйственно погиб в революции, как погиб в ней старый русский барин». да и высоко оцененный нами П.П. Рябушинский не чурался, если благоприятство-

вали обстоятельства, прибрать к рукам то или иное выгодное дельце. После знаменитого краха и самоубийства банкира и предпринимателя Алчевского в 1901 г. в его руки после махинации перешел Харьковский земельный банк. При этом московский деятель направил в Харьков «группу робяток» (т.е. рейдеров), которые, овладев 5 процентами акций, сумели так ловко провернуть дело, что им досталось подавляющая часть акций (292 из 296), ну а с ними и весь банк.

А случались и вовсе отъявленные жулики типа нашумевшего в 1914 г. г-на Коровко. В контору, как его величали, «Костинженера» (окончил 2 института), в Петербурге, на Невском, деньги текли рекой... Главными вкладчиками компании были простые люди из глубинки, старики и старушки («божьи коровки»), несшие свои скудные и часто последние сбережения... Как и в случае с МММ, в результате действий афериста 3 млн 200 тыс. народных денег, пущенных в спекулятивный оборот, растворились в воздухе, а точнее, пошли на роскошный особняк афериста, выстроенный им на украденные деньги. И эти аферы продолжались до тех пор, пока загипнотизированные жуликом люди не решились обратиться в полицию... В мае 1914 г. внимание России привлек процесс супругов Коровко. Но показательно то, что, несмотря на огромный ущерб, что был нанесен тысячам людей (иные из пайщиков покончили жизнь самоубийством, иные из доверившихся аферисту вскоре скоростижно скончались), приговор «справедливейшего и демократического» российского правосудия был смехотворен. Г-н Коровко получил всего 3 месяца тюрьмы... Образ этого афериста не только стал прототипом героя романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок», но и прекраснейшим образом живет и здравствует в «демократической» России. Но какой прогресс — Мавроди получил не 3 месяца, а 4 года, зато теперь что называется «ходит гоголем!» Сыграла роль и многолетняя пропаганда народничества против капитализма в России. «Корысть — гений денег» (Бальзак). Но там, где деньги, как правило, нет и не бывает Гения. А потому Гений и должен держать капитал в железной узде, в ежовых рукавицах!

Кабинет фабриканта А. Путилова

Иные утверждали, что России нечего опасаться капитализма: у нас, де, нет ни тех темпов производства, ни напряженных отношений между трудом и капиталом, ни завершенности капиталистических форм. Иные были уверены, что Россия судьбы Западной Европы не повторит, тем самым опровергая слова Н.И. Зиберы, что в России «не произойдет ничего такого, что бы не произошло в Европе». Все они уповали на общину, т.е. на особое призвание России и на собственный путь реформирования. Когда знаток Маркса Н. Русанов услышал упрек «западников», что, дескать, в России нет революционной буржуазии, которая могла бы помочь захватить в свои руки земли помещиков и наладить крупное производство, он решительно возразил: «Мы можем обойтись и без буржуазии для того, чтобы средства производства перешли в руки непосредственных производителей». Делать акцент на том, что Карл Маркс допускал возможность некапиталистического пути развития России «при исключительных обстоятельствах», будет и В.И. Ленин.

Как видим, среди капиталистов в России были люди, которые готовы были заняться серьезной политикой. Однако большинство так называемых людей дела все же не хотели

идти в политику и во власть, зная хорошо, что та собой представляет. Политика вызывала в них отвращение или страх. Одни «охладели к политической миссии», другие хотя и пытались соединиться в прогрессивно-экономическую партию, целью которой была бы «борьба с социализмом», с их «естественным врагом», но делали это робко и непоследовательно. Немудрено, что из этой затеи ничего и не вышло. Их потуги завершились ничем. Никто среди образованной умеренной буржуазии в России, боясь за их жизнь и капиталы, не желал тесно ассоциировать себя с «партией плутократов и капиталистов». Психологически и сами «буржуазисты» не чувствовали полной уверенности в их победе. При третьем поколении русских «хозяев», признал В. Рябушинский, на смену патриархальному единению работодателя и работника пришла социальная конфронтация: «Расхождение верхов и низов, губительное для самого существования собственности в России, завершилось разрывом при внуке основателя рода». Они чувствовали раздвоенность души: старый идеал «благочестивого богача» был наивен и не вписывался в суровые рамки капиталистической действительности.

Разумеется, все это не прибавляло уверен-

Промышленник А.И. Путилов

ности капиталистам... Один из них, А.И. Путилов (1866—1937), глава Русско-Азиатского банка, пользовавшийся почти непререкаемым авторитетом в деловом мире России, «король» отечественных банкиров, делавший немало для ускоренного ее развития (заводы, производство вооружений, развитие тяжелой индустрии, железные дороги), признавая наличие потенциала у предпринимательского класса, говорил: «Нам надо научить народ уважать собственность, как частную, так и государственную, и тогда он будет бережно охранять каждый клочок достояния страны». Однако в политическом отношении и он считал монархию отыгранной картой, «списал ее». Дни царизма сочтены и революция неизбежна: «Поводом послужат военная неудача, народный голод, стачка в Петрограде, мятеж в Москве, дворцовый скандал... все равно».

Заметную роль в судьбоносных переменах в России сыграла интеллигенция. Хотя многого она не сумела понять или тем более предвидеть. П. Струве, говоря об опыте развития России в 1905—1910 гг., писал: «Русская интеллигенция воспитывалась на идее безответственного равенства. И потому она никогда не способна была понимать самого существа экономического развития общества. Ибо экономический прогресс общества основан на торжестве более производительной хозяйственной системы над менее производительной, а элементом более производительной системы является всегда человеческая личность, отмеченная более высокой степенью

годности. Так, русская интеллигенция в целом не понимала и до сих пор не понимает значения и смысла промышленного капитализма. Она видела в нем только «неравное распределение», «хищничество» или «хапание» и не видела в его торжестве победы более производительной системы, не понимала его роли в процессе хозяйственного воспитания и самовоспитания общества». Но далее он все грехи своего клана попытался переложить на русский народ, утверждая, что тот виноват в том, что «идеал человека — «Иванушка-дурачок» быстро проник в массы... У нас не любят «силы» и «качества», того, в чем и состоит идея годности, экономического роста и прогресса». В словах, конечно, доля правды есть. Но нам видится непонимание самим Струве духовной и нравственной сути нашего народа. Потому-то он и окажется в конце концов на чужбине, в эмиграции, с последней своей мечтой — поскорее умереть.

Менделеев писал: «Если бы, чего не дай Бог, в каком-нибудь виде осуществились где-нибудь утопии социалистов и коммунистов, то число одних тех, которые будут распределять работы, сгонять на них и наблюдать за ними, равно как и за общими порядками, стало бы, наверное, во много, много раз превосходить число современных служащих. Народ России должен осознать потребность разумного и свободного труда, почувствовать к нему вкус. Работу экономики лучше строить, опираясь не на монополию всего государства, а на складочные капиталы работников и потребителей. Стране нужно спокойствие». В ином месте: «Мне думается, что так было и с землей: сперва действовал сильнейшим образом революционный вулканизм, а потом постепенно стали брать верх эволюционные силы». Вот и П.П. Рябушинский призывал «впечатлительные массы», увлеченные социалистическими идеалами, «погодить с революцией»: «Еще не настал момент думать, что мы можем все изменить, отняв всё у одних и передав другим, это является мечтою, которая лишь многое разрушит и приведет к серьезным затруднениям». И вообще Россия не готова к социализму, уверял он. Нужно бы еще «пройти через путь развития частной инициативы». К пониманию этих разумных идей Россия придет

100 лет спустя. Скажу иначе: только сегодня, думаю, она созрела — образовательно, интеллектуально, культурно — к решению сей задачи.

Тогда же, да и сегодня многие не понимают простой вещи: Россия была обязана пройти курс революционного уравниательства, и причем, пройти ускоренно(курсив мой. — В.М.) В противном случае у нас не было шансов сегодня, в XXI в. Массы потому и не захотели мирно дожидаться того часа, когда заработает менделеевский «постепеновско-эволюционный» механизм. У сторонников революционной точки зрения были веские основания ратовать за смену главной формы собственности и методов управления в царской России. П. Кропоткин в статье «Наши богатства» писал: «Мы видим, таким образом, что простой факт захвата богатств небольшим меньшинством отражается на всей общественной жизни в целом. Человеческие общества должны — под угрозой гибели, какая уже постигла немало государств в древности, — вернуться к основному принципу, состоящему в том, что раз орудия производства представляют собою продукт труда всего народа, то они должны перейти в руки всего народа. Частное присвоение их и несправедливо, и бесполезно. Все принадлежит всем, так как все в нем нуждаются, все работали для него по мере сил, и нет никакой фи-

**Строительство броненосца
на Обуховском заводе**

зической возможности определить, какая доля принадлежит каждому в производимых теперь богатствах». Эта посылка казалась столь очевидной и почти бесспорной — особенно для неимущих классов.

Глава 17. Противоречивый характер российского капитализма XIX — начала XX вв.

Экономико-политическую обстановку в России начала XX в. подают как крайне благоприятную для развития страны, и на этом основании делают важнейший вывод о необходимости и целесообразности сохранения монархии. В Нью-Йорке полвека тому вышла брошюра Общероссийского монархического фронта — «Б. Бразоль. Белая книга России. Царствование Николая II. 1884—1917. В цифрах и фактах. Ответ клеветникам, расчленителям и русофобам» (1958). В ней утверждалось, что царизм давал широкий простор развитию русского капитализма. Экономист Э. Пери заявлял, что если бы у России дела и в дальнейшем шли так, как между 1900—1912 гг., к середине XX в. она уже доминировала бы в Европе в политическом, экономическом и даже в финансовом плане. Насколько точны и беспристрастны эти слова и цифры о прогрессе России? Может быть, монархию в России и в самом деле следовало сберечь и сохранить во что бы то ни стало? Ведь Маркс когда-то заметил в предисловии к «Критике политической экономии» (1859): «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которой она дает достаточно простора». Бесспорно, прогресс России заметен. И весьма существенный... Росли города. Если даже сегодня пройтись по Москве, окажется, что в общем объеме дореволюционного жилого фонда города застройки 1900—1917 гг. со-

ставят приблизительно 75 процентов. Города росли, как на дрожжах. Строились новые заводы и фабрики, университеты, лицеи, школы и больницы, расширялась сеть железных дорог. Увеличивалось городское население. К 1917 г. 18 процентов населения жили в городах, тогда как лет за пятьдесят до 1917 г. горожанами были всего 4 процента. Однако эти 18 процентов жили совершенно в иных условиях, нежели остальная Россия. То были фактически словно бы два разных мира.

Довольно высоки темпы индустриализации. По данным немецкого Конъюнктурного института, с 1860-го по 1900 год продукция русской промышленности увеличилась в 7 раз, промышленное производство Германии — в 5 раз, Франции — почти в 2,5 раза и Англии — в 2 раза. Расчеты темпов роста «народного дохода» Европейской России за 1900—1913 годы, произведенные С. Прокатовичем, давали результаты, близкие к 5 % в год. Россия переживала и невиданный культурный подъем. Достаточно сказать, что число выпускаемых газет с 1900-го по 1913 гг. увеличилось с 12 до 1130. Периодические издания выходили на 75 языках народов мира. Этому способствовала и отмена цензуры по закону от 3 ноября 1905 г.

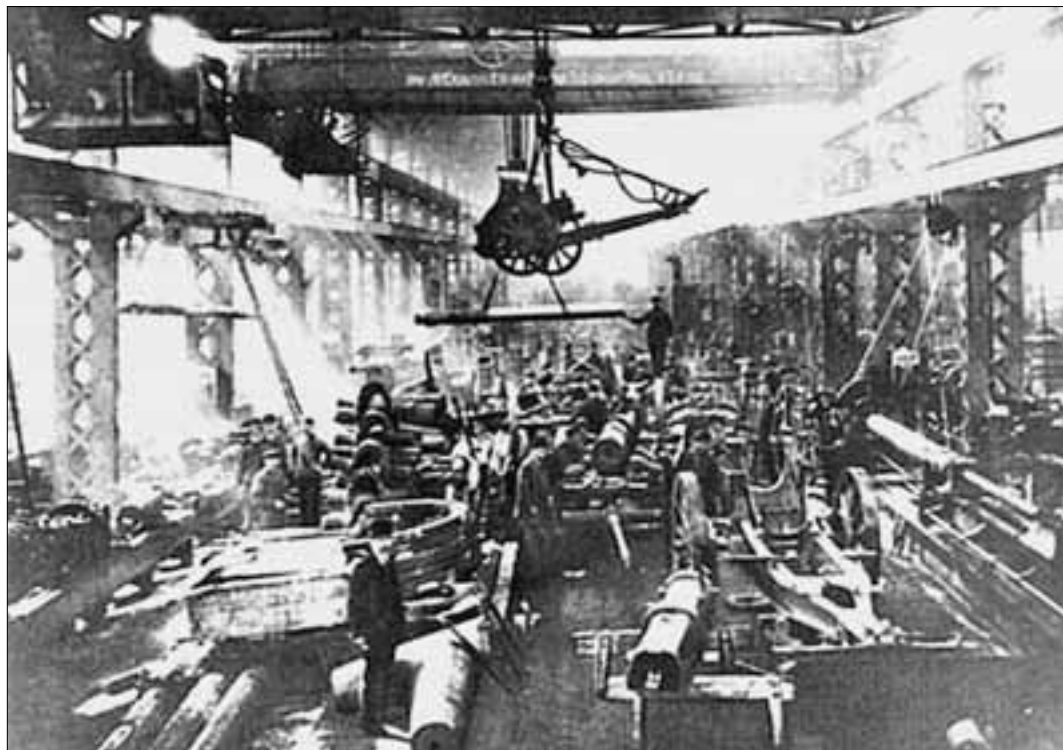

Донбасс в начале XX в.

Возросло в 2,2 раза число типографий, и к 1914 г. издавалось ежегодно около 107 млн экземпляров книг и брошюр. Народ потянулся к книге. Если в 1904 г. в стране насчитывалось 15 тыс. библиотек, то к 1914 г. их стало 76 тысяч. В России к 1914 г. было уже до 4 тысяч кинотеатров, куда ежедневно ходили до 2 млн зрителей. К середине 1890-х годов золотой фонд России вырос до 873 млн рублей (600 млн давала отечественная добыча драгоценного металла, а остальные 273 млн рублей выходили по итогам внешнеэкономических расчетов). Однако были и теневые моменты. Выясняется: то, чем восхищались, восхищаются сторонники монархии, имело и оборотную сторону. Так, массу восторгов вызвало введение золотого денежного обращения. Хотя введение золотых рублей куплено ценой кабальных займов, за которые казне приходилось выплачивать бешеные проценты. Росло финансовое бремя. «Золотой мост» имел характерные особенности. Часть золотого запаса Государственного банка и

валютного резерва Министерства финансов для обслуживания внешних займов передали заграничным банкирам, так сказать, комиссионерам российской казны, прежде всего французско-еврейским. Отметим два характерных и опасных момента в развитии самодержавной экономики: 1) Денежная система царской России «базировалась исключительно на иностранных займах и на притоке иностранных капиталов в хозяйство»; 2) «денежная система находилась в состоянии крайней неустойчивости и была очень мало приспособлена к грядущим военным событиям, особенно к войне европейской и мировой».

К 1914 г., т.е. к началу Первой мировой войны, на таких заграничных счетах осело 635 миллионов рублей, в том числе 431 миллион во Франции. Член Финансового комитета П. Шванебах, определяя сумму платежей по размещенным за границей бумагам и займам в 140 млн рублей в год, писал: «Дань, доколе не удастся ее покрывать избытком товарного отпуща (т.е. форсированным экспортом хлеба,

Пушечный цех на Путиловском заводе

Царский золотой червонец 1900 г.

минерального сырья и т.д.), остается поэтому дамокловым мечом...». Перед началом Первой мировой войны эта дань возросла до 400 млн рублей, а весь внешний государственный долг России за 1900—1913 гг. — с 4 до 5,4 млрд рублей, что сделало царское правительство одним из крупнейших должников в мире. Многолетний «бездефицитный бюджет» России (с 1908 г.) на самом деле был типичной российской подтасовкой, ибо во-первых, содержал скрытые расходы, которые прямо в статистике не фигурировали, а, во-вторых, осуществлялся путем неуклонного роста налогов. Это вовсе не было, как уверял нас Б. Бразоль, развитие «без роста налогового бремени». К тому же, большие запасы золота в банках, как и наши нынешние запасы золотых резервов, вовсе еще не показатель разумной, эффективной, сбалансированной политики правительства и уж тем более уровня благосостояния населения страны. Налоговая политика страны напоминала «пьяного возникшего», что давил всех и вся. III Государственная дума ввела шесть новых налогов. Зная наш «ндрав», согласно коему, «веселие на Руси есть питье», государственные мужи подняли налог на вино, благодаря чему казна стала дополнительно получать на 100 млн рублей в год больше. «Сухой закон» 1916 г. — хотя и благое начинание — был писан лишь на бумаге и так и не успел воплотиться в жизнь. Причем, по данным министра финансов Кокцова, основная часть винного налога, т.е. 70 млн рублей, пришлась на беднейшие слои

населения, т.е. на самых бедных и на самых пьющих. Еще более точно об «эффективности» работы государственной и чиновной бюрократии России говорит и быстрый рост государственного долга России с 1900 г. и по 1913 г. до 12,7 млрд рублей.

В итоге бурной деятельности Витте, этого «финансового гения», Россия оказалась скована по ногам и рукам заграничными займами и долгами — и подобно могучему, но глупому и покорному быку была загнана на мировую бойню. А затем грянут революции и Гражданская война. Вот что происходит с тем, кто слепо верит «финансовому гению» министров, полностью повязанных Западом, имеющих там свой гешефт. Отсутствовало и еще одно из главных условий стабильности — соответствие торгового баланса с расчетным. Внешняя торговля не покрывала платежей по расчетному балансу за 1908—1913 гг. на чудовищную сумму — в 1212 млн рублей. Об этом положении России писал блестящий русский экономист С.Ф. Шарапов (1855—1911). В основе идей русского ученого лежит простая, но абсолютно верная и точная мысль — экономика никоим образом не может сводиться лишь к теории максимальной прибыли, но должна в первую очередь зиждиться на разумной достаточности, эффективности, сбалансированности и, что немаловажно, на общественной нравственности. Шарапов связывал будущее России с возрождением «национального, исторического русского самодержавного строя», с которым в стране утвердятся начала и навыки самоуправления, присущие некогда русской общине и русской трудовой демократии. В тех условиях задача эта была невыполнима.

На пути этого встали два главных противника России — еврейские капиталисты и еврейские революционеры. Именно так он считал. Иные из его оценок настолько современны, что просто диву даешься. Он писал о том, что в России труд человека обесценен. «Политическая экономия определяет капитал как концентрированный труд... Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала, отделяет, отсекает его от труда будущего, обесценивает, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит элементы празд-

С.Ф. Шарапов — русский экономист

ные в положение, господствующее в стране, элементы трудовые — в рабство им. Примеряя эти соображения к жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россию, где только благодаря западной финансовой доктрине, отводившей глаза русскому Финансовому ведомству за последнюю четверть века, вместо старого добродушного крепостного права юридического создано новое, в тысячу раз тяжчайшее — крепостное право экономическое. Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантье, чиновники. Рабы: землевладельцы, земледельцы, промышленники, рабочие. Вот прямые последствия недостатка денежных знаков и вместе с тем его точные признаки». Разве эта ситуация не напоминает нынешнее положение с капиталом, который упорно не дает русскому человеку применить присущие ему силы и способности в труде, творчестве, а не в рэке, воровстве или коррупции. Шарапов говорит о русских тружениках, что они «протягивают руки за капиталом», но «сидят без работы», «могли бы работать, да нечем, инструмента нет...» На пути этих сил стоит паразитический капитал и бюрократия, отчужденные от государства и переданные в нерусские «поганые» руки, привыкшие к спекуляциям, махинациям, ростовщичеству. Даже на Западе «биржа так жадна», «капитал так бессердечен, что наряду с непомерными богатствами Ротшильдов и других, пролетариат во

Франции, Англии, Германии и повсюду страшно беден и фактически голодает». Обратите внимание, слова эти принадлежат никакому не социалисту и не коммунисту (напротив, он был уверен, что «в социализме нет... абсолютно никакой творческой стороны, а исключительно разрушительная» и что это — «учение, построенное на лжи, вражде и ненависти»). При нормальной и прогрессивной власти в России от капитала «не отнимется ни возможность промышленного творчества, ни возможность нормального роста», ему будет отведена область частной предприимчивости, тогда как все «государственное творчество и всю общественную власть, ныне захваченную капиталом, а в социальных теориях — трудом, Русское государство оставляет за собой». Именно такая русская власть и должна будет, и, главное, способна модернизировать страну.

В результате же либеральной революции, что имела место в России в конце XIX в. (а затем в конце XX в. — В.М.), произошло «затопление России еврейством». Тут воцарились «три новых типа граждан» — еврей крупный капиталист и экономический деятель, еврей-ремесленник, еврей с высшим образованием, захвативший власть над «важнейшими умственными отправлениями страны» (адво-

катура, медицина, профессура, печать). Последнее, по мнению Шарапова, является самым опасным и страшным. «Прибежал еврей-капиталист и захватил все экономические центры жизни: банки, биржи, акционерные компании, комиссионерства, железные дороги, страховые и транспортные предприятия, оптовую торговлю». «Именно в это время шло гигантское разорение России. Сколько лесов сведено при посредстве евреев, сколько уничтожено усадеб, мелких промышленных дел, сколько разорено и высосано имений! Полвека не прошло с первого легкого послабления евреям в России, а уже оккупация ими нашей бедной Родины, можно сказать, закончена!» Не только в столицах, но и во всех мелких и крупных центрах «евреи засели территориально и капитально, когда ликвидировать их землевладение и домовладение уже фактически немислимо». Как видим, ситуация схожа с нынешней до деталей. Вместе с тем следовать во всем без исключения советам Шарапова не представляется разумным. Конечно, нужно держать в своих руках ключевые отрасли управления страной, экономикой, вооруженными силами, банками, спецслужбами и т.д. Но, скажем, освобождать «захваченную евреями печать, сцену, эстраду, аптеку, лабораторию» (и в особенности, науку), а уж тем более лишать их права жительства и удалить «вновь за черту сотни тысяч так называемых ремесленников» — не резон. Хотя почистить авгиевы конюшни антирусского еврейства, что работает против России, против ее национальных интересов (печать, средства информации), не мешало бы! И не только не мешало бы, но и крайне необходимо.

От лидеров государства и капиталистов Шарапов требовал руководствоваться в экономической деятельности и нравственным началом... В качестве позитивного примера он называл братьев Третьяковых, давших России прекрасную национальную галерею, ряд американских капиталистов: давших деньги на постройку прекрасной обсерватории Лика, создателя крупнейшего университета в Калифорнии Станфорда-старшего. Его слова могли бы прозвучать укором иным нынешним миллиардерам России: «Не много нужно просвещения и патриотизма, чтобы делать даже

огромные пожертвования на пользу своей родины, если богачу некуда иначе девать свои деньги и если не строить обсерваторий и картинных галерей, то кроме битья дорогих зеркал и посуды ровно ничего не остается». Но эти господа книг не читают! И на общественное мнение плюют! Меценатов надо делать под дулом закона и конфискации, если нет нравственного закона в душе. По сути дела, Шарапов, как и ныне патриоты, выступал с позиций народно-государственного капитализма, при котором русское государство процветает, а наши народы богатеют и живут комфортно и интересно.

Главная задача государства и состоит в том, чтоб отнять у капитала «всякую возможность хищной, спекулятивной наживы», т.е. не давать «возможности Ротшильду» наживаться на простом народе. На место «его хищных капиталов, ищущих миродержавства», выставить свои собственные державные средства, перевести «в христианскую мирскую собственность всей православной Руси величины, соответственные тому или части того, что грабят у западного человечества евреи и на чем они же основывают свою над ним так непомерно растущую безнравственную и погибельную власть»... Финансисты-евреи «эпохи контрреволюции» склонны разрушить старую финансовую систему, поощряя не труд, а залезая по уши, словно кот в сметану, в спекуляции и аферы. Государство «добровольно само себе связало руки и фактически отключилось от управления денежным обращением». Мало того, сельское хозяйство, фабричная и заводская промышленность или торговля, одним словом «весь наш народный быт и труд во всех его видах» оказался в чужих и враждебных России руках. Поразительно точно воспроизведена ученым схема закабаления России в начале и вот теперь.

О том же писал и другой наследник славянофилов, Г.В. Бутми в книге «Кабала или свобода». Вместе с Шараповым предпринял усилия по обоснованию и развитию экономического учения славянофилов. В труде его встречаем вещие слова, когда он пишет о спасителях России: «Это будут не те люди, что ныне терзают Россию, дабы преступными руками захватить власть над ней, и не те,

Г.В. Бутми

которые трусливо убегают за границу или изменнически переводят туда свои капиталы, нажитые народным трудом. Ни тех, ни других народ не пошлет в Земский собор. Народ пошлет тех «последних людей», о которых говорит летописец, которые не власть хотят захватить, а только установить строгий порядок. И теперь, как триста лет тому назад, не сановные самозванцы и не темные агитаторы, а именно эти «последние люди», представители народнохозяйственных интересов страны, спасут Россию. Они... установят строгий порядок и беспощадное применение законов, одинаково грозных для великих злодеев, как для мелких преступников». Если русский мир (татарский, славянский и т.д.) крепко возьмет всю полноту власти в стране, включая Минфин, Министерство экономики и промышленности, а так же банки, можно с легкостью не только обойтись «без всяких займов и процентных бумаг», но и жизнь народа разительно изменить в лучшую сторону. Капитал — всенародная сила и должен служить ему. Полагаю, ныне мы, имея достойных русских вождей, достаточно близко подошли к такому периоду, когда поглощение давней народной мечты вполне может стать, становится реальностью.

С.Ф. Шарапов и Г. Бутми подвергли суровой критике всю западную систему политической экономики и финансовых наук за ее бездуховность. В этой системе на первом месте стоят деньги, злато, а дух и совесть тут на-

прочь отсутствуют. Наши великие экономисты утверждали, что системы, стоящие на спекуляциях и биржевиках, на болоте монетаризма, в итоге неминуемо провалятся, а все эти международные спекулянты и дельцы, что держат в руках лишь мировые денежные потоки, состоящие из зачастую обесцененных бумаг, разорятся, а с ними рухнут и их страны. Ученые не оставили камня на камне от идеи любезной либералам перехода России на золотую валюту. Страна со слабой экономикой в итоге становится должником и вассалом более сильных стран. Переход на золотую валюту, куда нас и подтолкнул министр финансов С. Витте, был путем катастрофы (Г. Бутми. «О финансах и денежной валюте»). Зависимость от французского, английского и американского золота в конечном счете и вынудила нас влезть в войну с Германией, а это в свою очередь привело к войнам, страшным людским потерям и революциям.

По мнению С. Шарапова, переход на золотую валюту означал установление главенства ростовщического, банковского и финансового капитала над капиталом промышленным и производственным. Это победа «нового культа мамоны над старым христианским строем человечества». М. Антонов в статье «Неправда денег» пишет: «Формально власть там (в странах, где правит финансово-ростовщический

капитал) находится в руках президента или короля, правительства и парламента. Но подлинная власть — у биржи (точнее, у ее хозяев), а государство выполняет лишь роль городского (или ночного сторожа), следящего за порядком». В этой стране вскоре наступит «эпоха величайшего политического разврата и нравственного разложения, причем выхода из этого тупика нет». Именно вот в такой ситуации и оказалась нынешняя Россия, раба любви к доллару. Эта хищная рыба выедает внутренности нашей экономики, обгладывая весь каркас народного хозяйства. Ту роль, которую в начале XX в. играло золото, ныне играет доллар США. Пока враждебные России силы, опирающиеся на США и доллар, возглавляют финансы и экономику, удушение России будет продолжаться. События осени 2008 г., когда рухнули, словно вавилонская башня, башни-близнецы Торгового центра в Нью-Йорке, ведущие американские компании и даже некоторые ведущие банки, наглядно показывают справедливость слов русских экономистов. Сегодня у России есть все возможности стать одним из ведущих и надежных экономических центров.

Другой важный момент — обстановка в России. Как известно, деньги любят мир, порядок, спокойствие. Революции и потрясения лишают страну доверия своих и иностранных вкладчиков. К сожалению, таких толковых иностранцев как А.Л. Штиглиц или тот же Л.Г. Кноп, о котором говорили, что нет промышленности без немца и «нет фабрики без Кнопа», в России немного... В «Дневнике» госсекретаря А.А. Половцов писал: (1884): «Вечер с умным стариком Кнопом, приехавшим из Москвы, сообщающим невеселые известия о положении промышленности и торговли. Он в 1841 г. построил первую в России хлопчатобумажную фабрику и выписал машины из Англии, причем заплатил 90% сверх цены тому, кто тайком вывез эти машины из Англии, так как вывоз машин был строго запрещен теперешними фритредерами, еще не находившими выгод в свободе торговли». Главный учредитель Кренгольмской мануфактуры барон Л.Г. Кноп принял на себя труд директора-распорядителя, который исполнял с 1857 г. по день кончины, последовавшей 16 августа

*В первом ряду (сидят):
Г.И. Хлудов, А.И. Хлудов, К.Т. Солдатенков;
второй ряд — Л.Г. Кноп, Р.В. Барлов, Э.Ф. Кольбе*

1894 г. Благодаря его постоянным заботам, знанию промышленного дела, опыту при анализе рынков, его инициативе по постепенному расширению фабрик, обеспечению оных сырьем и умелому сбыту изделий, Кренгольмская мануфактура строилась, развивалась, совершенствовалась и стала одним из крупных центров мировой хлопчатобумажной промышленности. Барону Л. Кнопу рабочие мануфактуры обязаны, устройством школы, больниц, яслей, аптеки, врачебной помощью. Этому выдающемуся деятелю русской промышленности, хотя и немцу, которому в делах сопутствовал успех, был поставлен памятник в Кренгольме работы Чиждова (1899).

Александр Людвигович Штиглиц

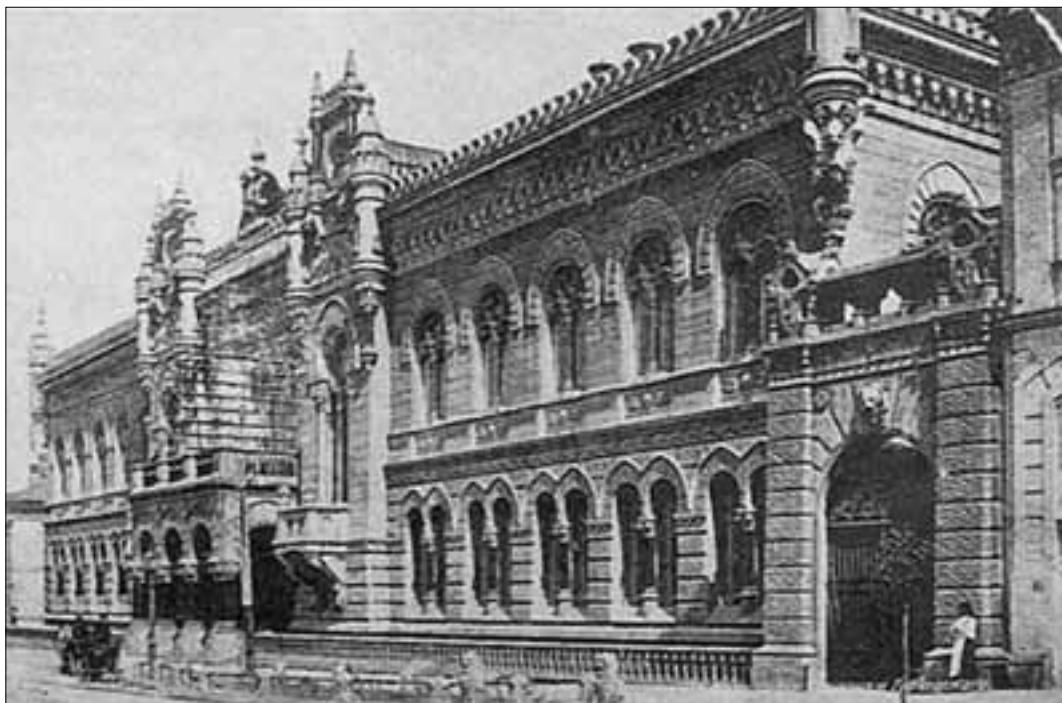
Были и другие предприниматели, вроде барона А.Л. Штиглица, служившие России не за страх, а за совесть. Империя добилась значительного прогресса благодаря их усилиям и инвестициям. Россия не отличалась от стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с опозданием. В XIX в. с их помощью совершила рывок в индустриальном развитии и Германия. А.Л. Штиглиц был неординарной и яркой фигурой. Вся Россия ходила тогда, одетая в мундиры сукна барона фон Штиглица. В профессиональном отношении фабрикант известен был как человек скрупулезный и абсолютно честный. Свет, общество ему завидовало, зато рабочие его относились к нему прекрасно. Он строил для них дома, училища и школы, создавал кассы взаимопомощи, выплачивал труженикам крупные премии. Когда же начались известные волнения рабочих на Кренгольмской мануфактуре, работники фабрик Штиглица (а на его фабриках в Нарве работали 2000 человек) не только не пожелали принять участие в той забастовке, но не пустили на территорию ни одного агитатора-смутьяна. Он построил железные дороги в Петергоф-Гатчину, в тогдашние цар-

ские резиденции. Проявил себя Штиглиц и как выдающийся деятель культуры.

Тогда в ряде стран Европы организовывались музеи нового типа, музеи художественных ремесел (Kunstgewerbe Museum): в 1864 г. — Музей искусства и промышленности в Вене, в 1867 г. — Художественно-промышленный музей в Берлине, в 1877 г. — Музей искусств и ремесел в Гамбурге. Купец 1-й гильдии Александр Людвигович Штиглиц (1814—1884), видя, какие крохи получает от государства культура, хотя и был немец, но пожелал послужить России делом. С этой целью обратился к царю с просьбой принять пожертвование в 1 млн рублей для создания в Петербурге музея и Училища технического рисования. Царь ответил согласием: «Мне приятно выразить Вам особенное благоговение Мое за этот подвиг просвещенной благотворительности Вашей...» И 29 декабря 1881 г., в трагический год убийства Александра II, словно вызов террористам, состоялось открытие Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица. В музее были представлены «различные его коллекции, а также множество образцовых вещей,

Училище технического рисования — любимое «детище» барона А.Л. Штиглица

Державный банк в г. Киеве

пожертвованных Училищу и временно выставленных в его музее лицами, принимавшими к сердцу художественное преуспевание отечественной промышленности». Немало людей жертвовали в музей отдельные предметы и даже коллекции, не только русские, но и иностранцы — коллекция античных предметов прислана была Шлиманом. Музей Училища Штиглица располагал одним из лучших в столице собраний предметов искусства. Переданная в дар училищу сумма в 10 млн рублей сделала оное самым состоятельным учебным заведением в России. В 1896 г. было выстроено и новое здание музея, выполненное талантливым архитектором и педагогом М.Е. Месмахером. К чести тогдашних русских предпринимателей, они не жалели средств на образование и культуру. В фонд музея таким путем попали бесценные китайские и японские вазы 13—17 веков, фламандские шпалеры, картины старинных художников, майолика, эмали и т.д.

Наряду с раритетами сюда поступали многочисленные копии великих произведений искусства (тех, что имелись в различных музеях

мира). К 1886 г. Музей уже насчитывал более 10 тысяч предметов искусства. Критик Л.Г. Антокольский писал в 1899 г.: «Даже столь знаменитый Европейский музей прикладного искусства, как Musée Cluny в Париже, во много раз превосходящий наш по богатству и цельности своих коллекций... значительно уступает ему, однако, в наружном великолепии». Современники сравнивали здание музея училища Штиглица с двумя постройками венецианского зодчего эпохи Возрождения Д. Сансовино: палаццо Кернер делла Ка Гранде и библиотекой Сан-Марко в Венеции. Одним словом, барон А.Л. Штиглиц чем-то напоминал великих деятелей эпохи Возрождения.

Такая конструктивная и чрезвычайно успешная деятельность русско-немецкого капитала на благо России не всем нравилась. Хотя усилиями Штиглица в России созданы прекрасные высшие учебные заведения, детские приюты, глазные клиники. Он щедро оплачивал труд преподавателей и студентов, внес 5 млн рублей на создание Художественного музея. Царь попросил его возглавить Государственный банк. К тому же он посмел пере-

йти дорогу еврею-банкиру Ротшильду, закрыв тому путь в Россию. Этого еврейский капитал, стремившийся сосредоточить в своих руках все финансы страны, уж стерпеть не мог. Тут же вся еврейская пресса и капиталисты стали третировать и всячески обливать грязью барона. Позже мы увидим, как эти «космополиты» сделают все, чтобы сравить русских и немцев. Именно в таком положении и очутилась Россия в эпоху событий 1905—1917 гг.

Можно подвести и предварительные итоги рассматриваемого периода. К концу XIX-началу XX вв. Россия встала на капиталистический путь развития. Казалось, успехи на этом пути очевидны. Наблюдались подъем благосостояния, улучшение техники, рост кооперации (кредитные кооперативы к 1914 г. увеличили в 7 раз свой основной капитал против 1905 г. и насчитывали до 9 млн членов), росли цены на рабочие руки. В России создавались предпосылки для эволюционного развития, «врастания в капитализм», расширения и углубления демократических реформ и свобод. В 1911 г. впервые открылись и двери Московского народного банка (МНБ). Его офис располагался на Мясницкой улице. Председателем совета нового финансового учреждения избран видный деятель русской кооперации Н. Гибнер, принимавший актив-

ное участие в создании МНБ. В совет банка вошел русский экономист-теоретик А. Анцыферов, один из «отцов» Моснарбанка и основной разработчик его устава. Как предполагалось, 90 % акций Финансового института приобрели кооперативы. Банк координировал их деятельность, предоставлял кредиты и гарантировал займы. В результате через четыре года работы МНБ стал одной из крупнейших финансовых организаций: его оборот увеличился с 22,7 млн руб. до 1,2 млрд руб., а валюта баланса — с 2,3 млн руб. до 83,8 млн руб. Привлеченные средства составляли 90 % пассивов в форме разного рода вкладов. За первые два года деятельности сумма вкладов выросла в 16 раз. Моснарбанк активно привлекал средства денежного рынка, в Первую мировую войну размещал государственные займы. То были первые всходы буржуазно-либеральных посевов. И, казалось, многообещающие для России... Но потом случилась страшная буря, что буквально с корнями выворотила самодержавие. Буржуазия вдруг очутилась, к своему недоумению и ужасу, в какой-то совсем чужой и совершенно непонятной стране. Но кто же в этом виноват?!

Разве она сама не проявила полное отсутствие мудрости, стремясь к захвату власти? «Но чем обеспеченнее становилась жизнь на-

Центральный банк России

Уборка хлеба тракторными косилками. 1914 г.

селения, чем больше богатели банкиры и промышленники, чем демократичнее и свободнее становилось внутреннее законодательство, тем больше становилось отчуждение царя и общества, царя и народа. Богатеющая русская буржуазия, обязанная своим богатством царской власти, была ей не союзником, но врагом. Всем известен факт финансирования революционных партий русскими миллионерами... Россия накануне Первой мировой войны представляла собой феномен стремительного развития двух центробежных сил: революции промышленной сопутствовала революция духовно-нравственная. Силы этих двух революций стремились к лидерству в обществе и к захвату власти». Власть оказалась некоей самоцелью. Для политических сил в России были неприемлемы самодержавие и царь. Причины понятны: взнуздав коня революции, рассчитывали въехать на трон «Наполеоном»! Горький в «Несвоевременных мыслях» (1918) назовет большевиков «Наполеонами от социализма», но, милостивые государи, ведь были в России и «Наполеоны от буржуазии» и «Наполеоны от монархизма».

Главное противоречие эпохи оставалось неразрешенным. Россия, оставаясь преимущественно крестьянской страной, всю политическую и экономическую власть сосредоточила в руках дворянско-самодержавной элиты. Казалось, крестьянам грех было жаловаться на экономическое положение. Ведь сельскохозяйственное производство за 1881—1905 гг. прибавляло на 2,55 % в год, в 2,5 раза обгоняя рост населения. Экспорт хлеба рос еще быстрее, а потребительский фонд зерна на душу населения увеличился за эти годы в 1,3 раза. Отмечалось существенное повышение уровня жизни: рост производства товаров на душу населения на 25 %, поденной заработной платы сельскохозяйственного рабочего — на 14 %, а промышленного рабочего — на 32 % (судя по Петербургу, хотя столица тут и не показатель). Недоимки по выкупным платежам крестьян за землю, полученную в результате отмены крепостного права, у всех категорий крестьян значительно уменьшились, в том числе и у бывших помещичьих крестьян: у последних они снизились с 23,9 % от оклада в 1862—1865 гг. до 4,9 % в 1901—1904 гг.

Заметим также, что в целом в 1901—1912 гг. на долю крестьянства приходилось лишь 32 процента всех налогов и платежей, его доля в населении превышала 83 процента. Норма обложения у сельского населения России к началу XX в. резко понизилась и стала в 3,6 раза меньше, чем у горожан. Иначе говоря, выходит, что в пореформенное время норма обложения крестьянства прямыми налогами уменьшилась в 3,9 раза. Норма обложения к 1912 г. была ниже, чем во всех великих державах, кроме лидера — США. В статье Б. Миронова «Униженные и оскорбленные», откуда нами берутся эти данные, указывается и на то, что с 1851—1860 гг. по 1901—1910 гг. средний рост 20-летних российских новобранцев увеличился на 4 см — со 165 до 169 (как и у женщин-работниц), а их вес — примерно на 4 кг. Автор на этом основании делает вывод о существенном улучшении материального положения преобладающего большинства населения России, включая крестьян. А затем следует резюме:

системный кризис в России— миф, выдуманный большевиками. Так все-таки давайте же определимся: были или нет основания для серьезного недовольства царизмом у широких масс народа? Или виной всему «козни»?!

Как мы уже убедились, недовольство подтверждается самим фактом существования оппозиции самодержавию во всех слоях общества. Класс помещиков, капиталистов сказочно богател. И это бесспорно. Но за счет кого? За счет трудового народа, и прежде всего крестьянства. Само застойное крестьянское хозяйство выступало тормозом развития. Островки передовых хозяйств, конечно же, были. Но какой вот ценой обеспечивался этот прогресс и за счет кого? Выясняется, что после 1861 г. помещики России заставили крестьян выплатить за полученную ими землю, по сведениям Е. Домара, в 3—4 раза большие суммы, нежели ранее называли официальные власти и статистика. Причем в среднем это превышение цен было более чем трехкратным, а «в нечерноземных

Жатва помещичьего поля

и черноземных зонах крестьяне переплачивали в 4 раза, и только на Западе им повезло и им удалось выкупить землю всего лишь за двойную цену». Домар был потрясен увиденным, тем, что эти фантастические соотношения были реальностью и «царский режим мог совершить такой обман». Сие значило то, что большая часть крестьян получила в итоге «дырку от бублика». Это позволяет лучше и яснее понять, почему крестьяне России в массе своей поддержали не столько большевистскую, сколь антипомещичью и антидворянскую революцию. Крестьянин России при всех его сомнениях и колебаниях все же чаще выступал как противник капиталистического строя. Ф. Энгельс писал: «В качестве фактора политической силы крестьянин до сих пор проявляет себя в большинстве случаев только своей апатией, которая коренится в изолированности деревенской жизни. Эта апатия широкой массы населения есть сильнейшая опора не только парламентской коррупции в Париже и Риме, но также и русского деспотизма... Мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели. Он — будущий пролетарий».

Другой миф связан с образом России как мирового производителя хлеба и чуть ли не «царства всеобщего изобилия». Говорят, «в 1909—1913 годах Россия получала хлеба больше, чем Аргентина, Канада и Америка вместе взятые», что русское производство главнейших видов зерновых превышало на 28 % продукцию трех вышеназванных стран, вместе взятых. По темпам роста производства хлеба Россия опережала США (в России оно выросло на 36 %, в США — на 25,5 %). Но Америка производила при этом на 79 млн человек населения 6,4 млрд пудов зерна, а Россия на 178 млн человек — 5,4 млрд пудов. Вместе же взятые три страны американского континента (Аргентина, Америка, Канада) произвели в 1913 г. 8,0 млрд пудов зерна, а Россия — 5,6 млрд тонн, т.е. менее на 30 %.

Но главным было то, что наш хлеб, будучи основной статьей потребления, хотя и экспорта тоже, почти весь вывозился. Вспомнилась одна сцена — между Гоголем и Надеждиным, проф. Московского университета. Профессор специально приехал в Рим, чтобы увидеть великого писателя и порассуждать с ним о высоких материях. Он уже предвкушал сладость от погружения в беседу. Но Гоголь

Г. Мясоедов. Страдная пора

Великий Сибирский путь

возьми да спроси ученого мужа: «А каковы ныне, Николай Иванович, в России цены на хлеб?» Так как обстояли у нас дела с потреблением хлеба? По данным Святополка-Мирского (1907), в центральных и восточных губерниях потребление хлеба на душу населения было 13 пудов (пуд — 16,3 кг), во Франции — 22,3, в Германии — 19,45, в Великобритании — 18,39 пуда (с учетом расходов на корм скоту). В потреблении предметов первой необходимости мы заметно отставали от передовых стран. За минувшие после отмены крепостного права годы запашки земель России уменьшились более чем наполовину, их урожайность снизилась, количество кормов

уменьшилось, скотоводство в ряде районов пришло в упадок. Крестьяне хотя, возможно, стали жить чуть лучше, но жили все-равно плохо. Россия превращалась в крупнейшего должника. Надувательством выглядели и цифры, указывающие на превышение доходов над расходами за предвоенное десятилетие в 2,4 млрд руб. (на деле превышение было ничтожным, равняясь 0,13 млрд руб.). Это означало, что, как и в 90-е гг. XX вв., страна фактически вынуждена была урезать если и не все, то многие жизненно необходимые социальные, культурные и промышленные программы развития. С 1900 по 1913 г. государственный долг России увеличился вме-

Укладка пути рабочими вручную

сте с внешним долгом на 4,8 млрд, достигнув 12,7 млрд рублей. Одним словом, денежная система была плохо приспособлена к грядущим событиям, в том числе к близкой войне европейской и мировой. Россия была и оставалась фактически сырьевой страной.

Правда, наблюдался прогресс в добывающих областях: рост добычи угля и нефти имел место (угля — с 853 млн пудов в 1899 г. до 2214 млн пудов в 1913 г.; нефти — с 338 млн пудов в 1895 г. до 560 млн пудов в 1914 г.). Особенно заметен был прогресс в производстве меди: с 1899-го по 1908 г. с 7600 т меди до 16 800 т, т.е. рост в 2,2 раза. Однако вот что интересно: и в самом деле, добывая довольно значительные объемы природных полезных ископаемых уже в то время, страна их использовала главным образом для продажи на внешних рынках, а не для внутреннего производства. Показательно положение с марганцевой рудой: в 1910 г. все континенты выдали «на-гора» 122,6 млн пудов, а Россия только одна — 44,7 млн пудов, или более трети мировой добычи. Однако при этом она вывезла в другие страны в 1910 г. 41,8 млн пудов, или 93,5 %. На внутреннее потребление пошло лишь 2,9 млн пудов, т.е. 6,5 % своей руды. Это значит, что мы были сырьевым придатком развитых стран, и в гораздо большей степени, нежели ныне. Та же ситуация была и с чугуном, производство которого возросло в России в 1894—1914 гг. с 73 до 254 млн пудов, т.е. в 2,5 раза. Все это не позволяет нам подобно В. Бразолю утверждать, что факты бурного развития России столь уж неоспоримы. Все у нас как всегда: капиталисты вывозили сырье, нимало не заботясь о развитии технологий, сложных производств и т.п.

Особенно наглядно выявляется отставание России от ведущих капиталистических стран в производстве и использовании всех без исключения ключевых ресурсов в расчете на душу населения: меди потребляли в 19 раз меньше на душу населения, чем США, и т.д. и т.п. Подчеркнем, что 4/5 заводов по производству меди в России полностью или частично находилось в руках у иностранцев (включая заводы по производству штыковой меди, продажа которой была монополизирована немцами — «Торговый дом Вогану»).

Неважно обстояло дело и с производством машин и с/х машиностроения. Машины были дороги и, как правило, для крестьян почти недоступны (их приходилось брать в прокат). Машины покупали за рубежом.

Положение о том, что Россия XIX — начала XX в. стремительно преодолевала давнее историческое отставание от стран Запада, далеко не всегда подтверждается при обращении к конкретным областям и конкретным фактам. Конечно, Россия в 1914 г. почти ничем не напоминала Россию 1904 г., превращаясь в страну-производителя, да и валовой национальный продукт России в 1913 г. был на 219 % выше уровня 1900 г., но в целом мы основательно отставали от передовых стран, в том числе и особенно в вопросах капитализации промышленности и торговли. Так, общий капитал промышленных и торговых компаний России (за исключением банков и железных дорог) ко времени революции 1917 г. составил примерно 2 миллиарда долларов, что составляло лишь одну девятую капитала, инвестированного в США только в их железные дороги. К примеру, капитал лишь одной корпорации США — «Юнайтед Стил корпорейшн» — равен совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России, а совокупный капитал британских компаний, компаний страны с населением в три раза меньше, чем в России, составлял 12 миллиардов долларов. В России накануне революции было 2 тысячи акционерных компаний, а в Британии — 56 тысяч. В 1914 г. Россия, страна с населением в 160 млн человек, имела в наличии систему дорог, пропускная способность которых едва превосходила систему дорог Канады (с 8 млн. населения). И по объему промышленного производства на 1 человека и годовой выработки рабочего (по качественным показателям) Россия в 5—10 раз уступала ведущим промышленным странам — США, Германии и Великобритании. И по степени урбанизации населения (т.е. показатель жителей города среди стран индустриального уровня) Европейская Россия и Великобритания были на последнем месте среди ведущих индустриально-аграрных стран мира (уступая им в 2—4 раза).

Румянцевская библиотека в Москве

Русская наука, правда, уже добилась ощутимых результатов, а порой и выдающихся мировых достижений. Одно лишь перечисление имен наших ученых XIX — начала XX вв. составило бы несколько страниц. Назовем лишь некоторые из них... Н.И. Лобачевский стал создателем неевклидовой геометрии, проложив путь целой плеяде русских и советских математиков. Открытие Д.И. Менделеевым (1869) периодического закона явилось эпохой в развитии химической науки. Труды В.В. Марковникова (с 1881 г.) и Н.Д. Зелинского (с 1886 г.) способствовали развитию органической химии и легли в основу нефтехимии. В 1876 г. П.Н. Яблочков изобрел дуговую лампу без регулятора, став одним из «отцов» электрического освещения. А.Ф. Можайский в 1881 г. впервые в мире создал самолет в натуральную величину. А.Г. Столетов создал первый фотоэлемент, открыл первый закон фотоэффекта (1888—

1889 гг.). А.С. Попов создал прототип радиоприемника в 1895 г., П.Н. Лебедев — первую русскую школу физиков. Группы А.Ф. Иоффе, Д.С. Рождественского, П.П. Лазарева организовали первые научные группы в области исследования фотоэффекта и свойств кристаллов. М.А. Бонч-Бруевич вел работу по созданию мощных электронных ламп и проектированию радиостанций (1918). В области палеонтологии, эмбриологии, зоологии известны имена В.О. Ковалевского, К.М. Бэра, И.И. Мечникова, в области физиологии животных и человека — имена И.М. Сеченова, Н.Е. Введенского, И.П. Павлова. В список необходимо включить «отцов» космонавтики К. Циолковского, телевидения — В.К. Зворыкина, И.И. Сикорского — одного из основоположников самолетостроения, а затем и вертолетостроения, выдающегося экономиста современности, «отца» микроэкономики В.В. Леонтьева, великого

Н.Д. Зелинский***П.Н. Яблочков******А.С. Попов******И.П. Павлов***

русского социолога П.А. Сорокина, руководившего первым социологическим факультетом в США и т.д. и т.п. Имена этих ученых вызывают у нас законную гордость достижениями русского гения, хотя присутствует и горечь от того, что после революции 1917 г. многим из них придется творить и работать уже за рубежом, а не у себя дома.

Но при этом нигде в мире, среди самых развитых стран того времени, пожалуй, уже не было такой чудовищной пропасти между этим авангардом научной и культурной мысли и уровнем мышления монарха, его окружения и бюрократии. И как следствие: величайшие способности гениев, великого народа тонули (и тонут) в косно-тупой, близорукой и воинствующей массе посредственных чиновников. Получалось, что, достигнув немалых успехов в науке и культуре, в социальном смысле мы оставались на уровне самых зам-

шелых монархий XVIII века, а то даже и средневековых царств.

Поэтому Россия и не успела «взлететь экономически». Хотя вон граф Апраксин в 1891 г. хотел удивить Россию и мир техническим изобретением — сверхаэростатом. Годы и годы с помощью инженеров создавал он чудо техники, но когда пришел миг запуска, тот возьми да сорвись, при этом погибли несколько рабочих... Так и с Россией: подняться она не успела, ибо строй многопудовыми гирями висел на ее ногах и руках. Великим ученым приходилось тяжело в условиях самодержавной системы. Лишь единицы получали поддержку. Циолковский успел опубликовать основную часть труда «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

Однако чтобы иметь хоть какую-то пусть даже скромную возможность заниматься своей любимой наукой, ему приходилось зараба-

Российский историк С.М. Соловьев

тивать на жизнь учителем. Живя в Москве, в окружении сытых, преуспевающих дельцов, едва сводя концы с концами, он питался кое-как и иногда месяцами не ел ничего, кроме воды и черного хлеба, каждую копейку бросая на приборы и опыты. По возвращении домой, в Вятку из Москвы домашние изумились его черноте. Циолковский писал: «Дома обрадовались, только изумились моей черноте. Очень просто: я «съел» весь свой жир». А Кибальчича «съел» сам царизм. По числу учащихся на 1 тыс. человек Россия уступала США в 3 раза, по общей численности научных работников отставала от США более чем в 3 раза. Ученых и специалистов в области химии у нас было в 12 раз меньше, чем в США, и в 6 раз меньше, чем в Англии и Германии. По другим важным научнотехническим и социальным показателям мы отставали от высокоразвитых стран — Великобритании, Франции, Германии и США — в 3—4 раза, а от развитых государств — Италии и Австро-Венгрии — в 1,5—2 раза. Ученых и специалистов в области химии у нас было в 12 раз меньше, чем в США, и в 6 раз меньше, чем в Англии и Германии. По совокупным показателям Россия, как отмечал «Вестник финансов, промышленности и торговли», принадлежала даже не к группе «просвещенных» стран, а едва дотягивала до группы стран, обозначенной как «обездоленные». Иначе говоря, при таком отношении к науке и образованию, как в начале и конце XX в., Россия была и будет обречена на ката-

строфы, неудачи, военные поражения.

Ну а на другом полюсе, разумеется, и к гадальке ходить не нужно, было полное изобилие... В Москве среди 65 крупных предпринимателей доля лиц с капиталом свыше 1 миллиона рублей составляла почти половину (что много для тех лет). Преимущественно то был капитал старообрядческого толка, и держался он особняком. Особенно преуспевал и процветал еврейский капиталист. И все же силы капиталистического класса на фоне российского социума довольно невелики. К крупной буржуазии можно отнести лишь 4—5 тысячи руководителей из 1,5 тысяч акционерных и частновладельческих компаний, работавших в различных отраслях народного хозяйства. Очевидна и относительная малочисленность крупной буржуазии в России. Отсюда робость и неуверенность российской буржуазии (в центрах ее концентрации и влияния).

По оценкам, в Москве имелись 313 богачей с общим доходом 74,6 млн рублей (более 240 тыс. на персону), в Петербурге — 236 с суммой 71,6 млн рублей. Показательно и то, что в начале XX в. все больше богачей «рекрутировались» из мещан и чиновников. По данным городской переписи 1902 г., в Москве насчитывались 1394 заводчиков и фабрикантов, хозяев торговых и кредитных учреждений — 7869 и рантье, живущих от доходов с денежных капиталов, — 7290, т.е. из учтенно-

К.Э. Циолковский

го переписью населения города (1 092 360) к относительно крупным предпринимателям можно отнести 16 553 (около 1,5 %) . Большую часть богатых людей составляли помещики и так же, как и в нынешней России, самые крупные чиновники: из 345 членов Государственного совета, министров, товарищей министров, директоров департаментов и сенаторов дети купцов составляли 7 человек, не превышая 2 %. «Ее пороки коренились в самом ее формировании, в особенности развития русского капитализма: сохранении наиболее грубых форм эксплуатации, обширности сферы, оставленной торговому капиталу, — писал Д.Боффа. — Подлинным центром российской предпринимательской буржуазии была Москва, но даже здесь, в месте средоточия своей силы, русская буржуазия не сумела создать вокруг себя того густого переплетения мелких дополнительных, побочных интересов, той социальной ткани, которая послужила бы ей опорой». В некоторых районах буржуазия даже не была русской или преимущественно русской. В Польше та была немецкой, польской и еврейской, в Прибалтике — немецкой или латышской, а в портовых городах юга России ее национальный состав был крайне неоднородным. Как пишет одесский торговец мануфактурой П.П. Котляревский в дневнике (1903—1905): «21 июля, пн. /.../ из Кишинева слышно мало веселого, многие евреи эмигрируют в Америку и увозят с собой наши деньги. Забастовки у нас мешают правильному ходу дел. Нужно

было бы блестяще торговать, а мы еле-еле тянем. По всей России какое-то тревожное настроение, несмотря на то, что цари усердно молятся новоявленному чудотворцу Серафиму Саровскому». Правда, в провинции буржуазия была преимущественно русской, но составляла очень «очень незначительную по удельному весу и почти изолированную группу населения, занимающаяся предпринимательской деятельностью главным образом в таких отраслях, как транспорт и торговля». В том и была едва ли не главная проблема развития России. Стране нужно было расти, а ее капиталы находятся преимущественно не в русских руках. Что делать? Одно из двух: или сделать капитал патриотическим, национальным и заставить служить России или ликвидировать капиталистических паразитов, что не выполняют своей исторической задачи.

В делах общественных и меценатстве участвовали, в основном, русские и немцы. П.А. Бурышкин писал, что в дворянстве, чиновничестве и в кругах радикальной интеллигенции, как правой, так и левой, отношение к толстосумам-евреям было недружелюбным, насмешливым, даже слегка свысока. Как ни прискорбно, неприязнь эту разделяли русские капиталисты, торговцы и промышленники. Во всяком случае «торгово-промышленники» «отнюдь не пользовались тем значением и не имели того удельного веса, которые они должны были иметь благодаря руководящему участию в русской хозяйственной жизни и которыми пользовались их

Царскоесельское реальное училище имп. Николая II

Вокзал в России. Начало XX в.

западные, европейские и особенно заокеанские коллеги в своих странах». Причина была понятна — евреи стояли как бы в стороне от социально-значимых и культурных проектов. Бесспорно, окажись судьба чуть более щадящей к русскому капитализму (т.е. не будь трех войн и двух революций), тот смог бы вырасти, набраться сил и укрепиться. Как скажет один из Рябушинских: «В последние годы стали выступать и заставили себя выслушивать люди, почерпнувшие в идеалах дедов веру в идею хозяина, но эти люди опоздали... или пришли слишком рано: удержать лавину они, конечно, не смогли — и старый русский купец хозяйственно погиб в революции, как погиб в ней и старый русский барин». Нельзя сбрасывать со счетов и то, что зависть к более состоятельному классу предпринимателей и финансистов набухла, словно кровавый прыщ, как слева, так и справа, и должна была рано или поздно прорваться, что, собственно, и произошло в 1917 году.

Страна шла вперед благодаря усилиям таких государственных руководителей, как С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов и др. Но это было движение трудное, когда приходилось больше сил отдавать возне, противоборству, борьбе с бюрократией, корпоративными чиновничьими интересами.

Но пока удавалось еще удерживать на плаву корабль России. Задача нелегкая, если учесть те трагические события, о коих говорилось и будет сказано выше (Кровавое воскресенье, Русско-японская война, массовый террор, Ленский расстрел рабочих, Первая мировая). Коковцов (1853—1943), занимавший пост министра финансов, а затем и председателя правительства, в мемуарах говорил, что в те времена, когда он находился во главе Финансового ведомства России (1904—1914), можно различить два различных периода. В период 1904 г. — середины 1907 г. невозможно было и думать о какой-либо созидательной политике, об укреплении, исправлении финансового положения страны, развитии ее производительных сил, о накоплении народного богатства (из-за Русско-японской войны и революции 1905—1907 гг.). Более благоприятным периодом для развития России стало время с середины 1907 г. по начало 1914 г. Правительство смогло добиться известного равновесия в бюджете.

Эволюционный путь развития, несомненно, был выигрышным и перспективным. Столыпин и Витте считали, что нам нужно «лет на 20—25 заняться самими собою», идя по пути реформ, чтобы укрепить поступатель-

ное движение страны. В условиях мирного развития Россия могла бы осуществить эти и другие намеченные реформы. Накануне войны Россия демонстрировала высокие темпы экономического роста и культурного развития. По словам Коковцова, хотя значительные средства выделялись на оборону (так как наше военное хозяйство, сухопутная армия, ее организация были расстроены вконец неудачной Русско-японской войной), в то же время отрасли государственной жизни, ведающие культурными и образовательными вопросами, получили такое развитие, какого не знали все предшествующее время. В особых журналах Совета министров Российской империи за 1912 г. содержатся предложения об открытии новых университетов в городах Тифлисе и Ростове-на-Дону, политехникумов в Самаре, Перми, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде, высших сельскохозяйственных училищ в Курске, Красноярске, ветеринарных институтов в Томске, Омске, планируют сельскохозяйственный институт в Воронеже, горный институт в Екатеринбурге, медицинский факультет в Ростове-на-Дону и физико-математический факультет в Тифлисе. В то

же время отмечалось: в России наблюдается «крайний недостаток научных сил». В этом суть вопроса, ибо «высшее учебное заведение создается не широкими ассигнованиями, не штатами и даже не наличностью достаточного числа учащихся, а авторитетным в научном отношении преподавательским составом». Действительно, ассигнования на народное просвещение в России увеличилось с 1902-го по 1912 г. на 216 %. Но вот по уровню грамотности (28—30%) даже центральные районы Российской империи, не говоря об окраинах, занимали последние места среди ведущих стран. Известно, например, что Россия вступила в XX в. с 80% неграмотного населения. По числу учащихся на 1 тыс. человек Россия уступала США в 3 раза. По общей численности научных работников Россия отставала от США более чем в 3 раза. Возьмем лишь один аспект проблемы — данные о числе неграмотных на 1000 рекрутов в армии. С 1875 г. по 1911 г. Германия сократила неграмотность среди солдат в 100 раз, Швейцария и Нидерланды — в 9 раз, Франция — в 5 раз, Италия — на 37 %, а Россия — только на 25—27 %. Как были неучами, так и остались.

Петербургский университет

Румянцевский музей

Между тем даже существующие вузы не были обеспечены профессорами в должной мере. В наших 11 университетах пустовало 125 кафедр. Таким образом, наличных ученых сил оказывается недостаточно для занятия кафедр в нынешних высших школах, не говоря уже о новых. В журналах говорилось, что вследствие балканских событий и обострения международно-политической обстановки необходимо безотлагательное осуществление некоторых мер по усилению боевой готовности нашей армии, а также принятие законов, рассчитанных «на более успешную, чем ранее, борьбу с чрезвычайно развившимся военным шпионством». В России продолжали действовать слабые законы, не позволяющие наказывать строго виновных, а это неизбежно открывало широкое поле для злоупотреблений. Премьер В.Н. Коковцов продолжал: «К концу мирного периода, закончившегося войной 1914—1918 г., народное образование достигло высоты, о которой мало кто был осведомлен за границей. С 1910 г. правительство вступило на путь подготовки введения в России всеобщего обучения, и бюджетные ассигнования на эту потребность имели в виду достигнуть этой цели в самый короткий срок.

Не утопией представляется это заявление, так как по утвержденному в законодательном порядке плану введения обязательного обучения в России оно должно было быть осуществлено к 1920 году на всем пространстве империи, если бы разразившаяся война не разрушила всего этого плана. Также весьма значительные суммы отпущены за то же время на дело землеустройства, на переселение, на развитие земледелия, на улучшение методов обработки земли, на распространение в населении удобрительных туков, сельскохозяйственных машин, не говоря уже о том, какое развитие получило в эту пору русское земледельческое машиностроение».

Положительный эффект и определенные надежды на будущее развитие страны давали и полученные в 1909—1910 г. хорошие урожаи, что заметно упрочило экономическое положение России. Тенденции эти предстояло развивать и укрепить. Многие специалисты поэтому ратовали за продолжение капиталистического развития России. К примеру, П. Струве писал еще раньше, в конце XIX в.: «Вся современная материальная и духовная культура тесно связана с капитализмом: она выросла или вместе с ним, или на его почве.

*Фигуры из серии «Народы России». С.-Петербург.
Императорский фарфоровый завод. 1909—1913 гг.*

Мы же, ослепленные каким-то непомерным национальным тщеславием, мним заменить трудную культурную работу целых поколений, суровую борьбу общественных классов, экономических сил и интересов построениями нашей собственной «критической мысли», которая открыла трогательное совпадение народно-бытовых форм со своими собственными идеалами».

Известный английский писатель М. Беринг, проведший несколько лет в России и в целом неплохо ее знавший, писал в 1914 г. в книге «Основы России»: «Не было, пожалуй, еще никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем в настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело, казалось бы, меньше оснований для недовольства... У случайного наблюдателя могло бы явиться искушение воскликнуть: да чего же большего еще может желать русский народ!» Он же отмечал, что недовольство действительно широко распространено, но главным образом в интеллигентских кругах и, как ни странно, даже в высших классах. Вот и публицист-народник Бунаков писал: «Подъем крестьянского благосостояния в связи с ростом земледельческой культуры и развитием кооперативной организации — вот те глубокие социальные сдвиги русской деревни, которых так обидно почти не заметила наша городская интеллигенция». Либеральные круги попрежнему усматривали в русской действительности только «гнет и произвол самодержавия, нищету народа, подавление всякой самодеятельности». Причина тому глубокий разрыв между верховной властью и большей частью образованного общества. Властителями дум были яростные обличители существующего порядка. Верха общества пребывали в состоянии духовной депрессии и недовольства, хотя как раз им-то лучше всего и жилось. Критика вполне справедливая. Но почему все-таки Россия была «недовольна собой» (П.А. Столыпин)?

Дело в том, что Россия никогда собой не представляла единого и прочного государственного образования, прежде всего именно в классовом и национальном отношении. Это вам не Европа, где немец безоговорочно господствует в Германии, француз — во Фран-

ции, испанец — в Испании и т.д. и т.п. Бросим взор на Российскую империю с учетом всего разнообразия ее национального состава. Три национальности — русские, украинцы (малороссы), белорусы (белороссы) — составляли костяк Российской державы. Их называли «русскими», и вместе они насчитывали 2/3 населения империи (83 933 567 человек). Собственно русские составляли примерно 48 % населения (55 667 — русские, 22 381 — украинцы или малороссы, 5886 — белорусы или белоруссы). Проживали они в Европейской России и Сибири. Пятую часть населения составляли украинцы. Большая группа населения представлена была в 1897 г. поляками — 7,9 млн человек (Польша входила в состав России), на четвертом месте шли белорусы — 5,9 млн. Народы тюркской группы (татары, башкиры, чуваша) составляли около 6 млн (в их числе — 3,7 млн татар). Влиятельной группой были евреи, насчитывавшие в 1915 г. 5,5 млн. Селились евреи, в основном, за чертой оседлости — в привисленских и белорусских губерниях, на территории Новороссии. Подчеркнем, что число евреев в России за период 1815—1915 гг. возросло в 6 раз, тогда как общее число народонаселения России за те же сто лет выросло в 4 раза: в 1815 г. общее количество население — 45 млн., в 1915 г. — 180 млн. Среди других наций отметим: киргизов и казахов — 4,1 млн, латышей — 1,4 млн, грузин — 1,3 млн, литовцев — 1,2 млн, армян — 1,2 млн, азербайджанцев — около 1 млн, эстов — 1,0 млн, чеченцев — 226 тыс, турок — 209 тыс., осетин — 172 тыс., кабардинцев — 99 тыс., абхазов — 72 тыс., ингушей — 47 тыс., черкесов — 46 тыс. В Средней Азии жили узбеки — 724 тыс., таджики — 350 тыс., туркмены — 281 тыс., каракалпаки — 108 тыс. Россия издавна, так уж сложилось, место обитания и многих других народов: алтайцев, хакасов, якутов, бурятов и т.д. Все это указывает на чрезвычайно пестрый национальный состав населения Российской империи.

Большая часть жителей Европейской России, Сибири были православными (80 %), в Средней Азии около 90 % населения исповедывали ислам. На Кавказе — половина населения была православными, и 34,5 % —

магометанами. Сравним по религиозным признакам основные группы населения: православие исповедывали 69,35 % (добавьте сюда 1,75 % староверов), ислам — 11,70 %, римско-католическую веру, в основном в привисленских губерниях — 9,13 %, иудейство — 4,15 %, лютеранство — 2,84 %. Приведем еще ряд цифр, имеющих существенное значение для понимания специфики России. Сельское население заметно преобладало: в 1913 г. городских жителей (без Финляндии) — 26,3 млн, сельских — 148,8 млн. При этом в 1897 г. в России неграмотными было 72 % населения (не считая детей до 9-летнего возраста), т.е. свыше трех четвертей лиц сельских сословий были неграмотны (в основном, крестьяне). Особенно низким был уровень грамотности и культуры народов окраин (3,6 % грамотных). Уровень грамотности дворян, чиновников и духовенства был в 3—4 раза выше, чем у лиц сельских сословий. Уровень же грамотности в трех прибалтийских губерниях — Курляндской, Лифляндской и Эстляндской — был высок, составляя 70—78 %, что в 5 раз превышало даже показатели четырех губерний Центральной России и Украины.

Это означало, во-первых, что любой власти в России приходилось иметь дело с массой, в основном, неграмотного крестьянского населения, что крайне затрудняло решение фактически всех вопросов (от обучения до уровня подготовки кадров и войск, от наук до модернизации российской экономики, промышленности и сельского хозяйства); во-вторых, сама власть находилась в двусмысленном положении: она вынуждена была или искать опору среди населения, представленного привилегированными слоями (дворяне, чиновники, священники, военные), или в случае острой необходимости должна была найти адекватную замену этим господам, обратясь к лицам нерусской национальности (немцам, евреям, полякам, латышам, т.п.), а их отношение к России, если брать в целом, можно сравнить с отношением чужих детей к нелюбимой мачехе; в-третьих, все это осложнялось стремлением многих «нацменов» к полной национальной независимости, что было вполне возможно только в одном случае, если сотни больших и малых народов и народно-

стей вдруг окажутся подхвачены ветром революции, войны или какой-то громадной катастрофы, что собьет Россию с ног.

Животрепещущий вопрос о ценах и зарплатах, скажем, долгое время вообще не волновал ни экономистов, ни историков. В советское время для общественной науки был принят постулат марксистской политэкономии, согласно которому жизненный уровень трудящихся при феодализме, капитализме все время понижался. Известный экономист, академик С.Г. Струмилин писал, что в металлургической промышленности России еще в 1647 г. реальная зарплата была в 18,4 раза (!!!), а в 1860-м — в 2,46 раза выше, чем в 1913-м. При этом странным образом выходило, что в 1913 г. реальная зарплата российских рабочих была выше, чем в западно-европейских странах, лишь на 15 % уступала американской. В результате неясно, как конкретно менялись цены, зарплата и доходы россиян за все время существования Российского государства. Ныне же политические полюса поменялись — и наши славные научные «барды» поют уже иные «песни»... Превозносят царя-батюшку и капитализм...

Историки, экономисты, социологи, философы, политологи, юристы акцентируют внимание на том, что отвечает требованиям дня и политической конъюнктуры, выхватывая отдельные удобные цифры и подавая их как единственную истину. Такой подход нелеп. Но что поделаешь... Статистика, экономика, политология, что девки: иную из них напомажь да насурьми, приодень да подуши, — так они вроде бы и загляденье... Но стоит их раздеть, смыть все «прикрасы» и видишь — то тут кость, то там провисает. Так и наша наука, что никак не наберется духу сказать правду.

С начала XX в. положение рабочего класса в России стало улучшаться. Уровень жизни заметно поднялся. Однако росли и потребности... Участник стачки 1902 г. Заломов говорил на суде: «Потребности эти все увеличиваются, так как просвещение, хотя и медленно, но все же проникает в народные массы. Народные библиотеки могут доказать, насколько сильна жажда знаний среди рабочих... Насколько сильно желание у рабочих прилично одеваться, видно из того, что многие отказывают себе

даже в пище ради приличного платья... Несоответствие условий, в которых приходится жить рабочим, с запросами, предъявленными к жизни, заставляет их сильно страдать и искать выхода из ненормального положения, в котором они находятся благодаря несовершенству существующего порядка». Ни царизм, ни буржуазия не смогли предложить достойных условий существования, соответствующих новым ожиданиям народа. И хотя сегодня демагоги уверяют, что рабочий в царской России преуспевал (ссылаются даже на слова Н.С. Хрущева), но ни им, ни Хрущеву верить не рекомендуем. Серьезные ученые пишут: «Публицистика последних лет поспешила и по этому вопросу внести свою «лепту» и «переосмысление» прежних точек зрения. Так появились высказывания о том, что рабочие до 1917 г. якобы жили хорошо. Эта точка зрения не соответствует действительности и не может быть подкреплена фактическим материалом. Предметов первой необходимости в магазинах и на рынке, скажем, накануне Первой мировой войны было много, цены были относительно невысокие, но и уровень заработной платы был относительно низким. Чернорабочий завода «Треугольник» в Петербурге в 1913 г. получал 1 руб. - 1 руб. 25 коп. в день, а обед в чайной стоил тогда же 15—20 коп.». При этом, разумеется, зарплата рабочего класса в России продолжала уступать уровню передовых стран и была в 5 раз меньше, чем в США, и в 3,5—3 раза меньше, чем в Великобритании и Франции. Заметно росла и безработица.

Особо тревожным было состояние массы крестьян (80 % населения России) ... Будучи неоднородной массой, крестьяне и жили по-разному. Потому и реформы Столыпина они восприняли так настороженно: лишь 26, 9% воспользовались правом выхода из общины; и из 2,5 млн дворов 914 тыс. сразу продали наделы, чтобы переселиться за Урал, купить землю через Крестьянский банк или переехать в город. Те же, кто поддержал его реформу, по оценкам, приобрели себе лишних врагов, угрожающих им смертью или поджогом. Порой эту реакцию объясняли недопониманием, непониманием интересов или чувством зависти. Однако тут или «забывают» или сознательно умалчивают вот о чем...

К группе преуспевающих принадлежали состоятельные крестьяне, так называемые кулаки, «державшие за ведро водки весь «мир» в своих руках», ко второй — те слабые люди, а часто просто и совестливые люди, которые сознают, насколько такого рода хозяйство выгоднее сильному работнику, эксплуататору и невыгодно бедняку. А ведь даже зарубежные аналитики, скорее, настроенные в капиталистическом духе, признают: «...несомненно то, что модификации, внесенные в проект преобразования деревни, свидетельствовали о повсеместной привязанности крестьян России к основным элементам традиционного общинного режима землепользования. В другой работе я утверждаю, что такие модификации реформы можно понимать как часть более принципиальной крестьянской оппозиции аграрной политике царизма. Открытое или скрытое отвержение реформы, с одной стороны, и принятие реформы — с другой, зачастую были разными сторонами медали; и то, и другое — продукты крестьянского сопротивления любому вмешательству в дела деревни со стороны государства» (Дж. Пэллот). Впрочем, это традиционное недоверие крестьян к российскому государству мы увидим и в дальнейшем. Но тут оно будет перенесено уже на советскую власть. Эта настороженность к любой власти сидит у нас в крови.

Упомянем и извечное недоверие крестьян к богатею-кровососу... Как говаривал народ: «Москва ни откупщиков, ни ростовщиков не любит». Но это же отношение утвердилось в России и к богатым людям вообще. Это так или иначе понимали и ощущали и некоторые вожди монархистов... К примеру, лидер Союза русского народа А.И. Дубровин предостерегал власти, что реформы Столыпина не только еще более ускорят процесс расслоения крестьянства, но и вызовут обострение классовой борьбы. Однако же и октябристы и националисты бурно рукоплескали реформам Столыпина, рассчитывая в дальнейшем опереться на класс мелких собственников. Пусть даже так, продолжал Дубровин: «Допустим, что план удастся. Но к какой партии примкнут 90 млн обезземеленных крестьян? Тоже к октябристам или националистам?

И. Богданов. «За расчетом».

Нет, это — будущие социал-демократы или социалисты-революционеры». Как бы кто ни относился к этому националисту и черносотенцу, но он оказался на все сто процентов прав; как говорят в таких случаях, как в воду глядел. В ходе двух революций и, разумеется, мировой войны, эти настроения и возобладали. Все это прямо указывает на то, что, несмотря на некоторые успехи в ее развитии, пусть даже и очевидные, в России назревал серьезнейший кризис, в основе которого лежали чудовищные диспропорции в социально-экономическом положении огромных масс населения. Восстания масс, подчеркнем, имеют истоком не только вопиющую бедность и нищету, но и жуткую и несправедливейшую дифференциацию в доходах.

На эту опасность обратил внимание еще «легальный» марксист С.Н. Булгаков в первой его работе, «О рынках при капиталистическом производстве» (1898). Молодой ученый очень точно нащупал болезненную точку Рос-

сии в наступающем XX в., мы же думаем, что и в XXI веке... Он писал: «Одни... утверждают существование закона прогрессирующего обнищания бедных при обогащении богатых, а другие подобным же законом считают как раз обратное — смягчение противоречий. Оставляя без обсуждения праздный вопрос о подобного рода «законах», представляющий плод логического недоразумения, мы считаем стоящим вне спора, что новейшими статистическими данными о распределении доходов совершенно прочно устанавливается факт растущей неравномерности в распределении имущества, углубления этой пропасти, увеличения социальных неравенств. Неверно или по крайней мере не доказано (это начинают признавать теперь и самые бывшие сторонники этого воззрения), чтобы прогрессивно росла нищета в смысле абсолютного обеднения; если бы это было верно, рабочий класс давно должен был бы просто вымереть. На самом деле уровень достатка беднейших

слоев, по крайней рабочего населения, хотя и медленно, однако повышается, но при этом гораздо быстрее растет богатство богатых. Поэтому можно утверждать это безо всякого колебания, что и по данным статистики имущественное неравенство увеличивается, контраст богатства и бедности (относительной) подчеркивается больше и больше. Страшный, роковой контраст, способный еще потрясти мир неслыханным социальным ураганом и землетрясением, в котором разрушится и сгорит многое из того, что теперь кажется нам незыблемым. Вскроется назревший социальный нарыв и обольет мир ядовитым своим гноем. Найдется ли тогда в этом мире достаточно нравственных сил и здоровых соков, чтобы справиться с этой ядовитой отравой... или же на развалинах Вавилона, наполнившего своей мерзостью мир, поднимется последнее царство грядущего зверя... Это вопрос уже не экономического, а религиозного и морального сознания. Но бесспорно, что вся теперешняя культура утверждается на готовом разверзнуться кратере».

А что тогда представляла собой царской бюрократии? Это был пораженный множеством болезней жестокий дракон. Бюрократическая гидра в эру капитализма унаследовала все самое дурное, что нес с собой капиталистической строй. Роковым образом Россия обрела все гадости капитализма без его достоинств. Как и нынче, воровство и коррупция наверху были тотальными... П. Кропоткин писал: «Повсеместно в министерствах, а в особенности при постройке железных дорог и при всякого рода подрядах грабеж шел на большую ногу. Таким путем составлялись колоссальные состояния. Флот, как сказал сам Александр II одному из своих сыновей, находился «в карманах такого-то». Постройка гарантированных правительством железных дорог обходилась баснословно дорого. Всем было известно, что невозможно добиться утверждения акционерного предприятия, если различным чиновникам в различных министерствах не будет обещан известный процент с дивиденда. Один мой знакомый захотел основать в Петербурге одно коммерческое предприятие и обратился за разрешением куда следовало. Ему прямо сказали в Министерстве внутренних дел,

Гидра бюрократии в России

что 25 % чистой прибыли нужно дать одному чиновнику этого министерства, 15 % — одному служащему в Министерстве финансов, 10 % — другому чиновнику того же министерства и 5 % — еще одному. Такого рода сделки совершались открыто, и Александр II отлично знал про них. О том свидетельствуют его собственноручные заметки на полях докладов государственного контролера... Но царь видел в этих ворах своих защитников от революции и держал их, покуда их грабежи не становились слишком уж гласны».

Что же касается уровня жизни людей, то и тут картина была противоречивой. Достигнут определенный прогресс в уровне потребления и заработках. В период между 1867—1913 гг. наблюдается уменьшение смертности населения России, что, по мнению американского исследователя С. Хока, было связано с улучшением его питания. Но регулярные эпидемии голода, поражавшие Россию в конце XIX в.-первой трети XX в., говорят об истинной цене этого «улучше-

ния». В конце концов, как сказал один историк, важно не то, что ходит по пастбищам или лугам, и не то, что произрастает на нивах, а то, что попадает народу в рот. Как известно, в 1891 г., а затем и в 1894 г. в России разразился самый настоящий голод. От недорода пострадали 26 губерний с населением до 40 млн человек. Тогда в стране вымирали целые волости и деревни. В России голод был постоянной величиной. В деревне порой голодали 87 % населения. Людям там не хватало «хлеба» из лебеды, который не пожелали бы есть кошки и собаки. О да, Россия экспортировала хлеб: 1891—1895 гг. в среднем в год — 7 млн тонн хлеба, в 1902 — даже 9,3 млн тонн хлеба. Но за счет чего и кого? За счет недоедания значительной части населения. Министр финансов России И.А. Вышнеградский (1887—1892) руководствовался циничным принципом — «недоедим, а вывезем», что

отвечало законам капитализма. Вот и сегодня мы газифицируем всю Европу и Азию, в то время как собственные деревни еще стоят без тепла и света (как было еще при царе). Крестьяне вынуждены были продавать больше хлеба, но сами при этом жили впроголодь, 80 % средств уходило на скудную пищу, барачное жилье или «одежду», приобретаемую у старьевщиков. Росли и налоги на предметы потребления. И когда стало абсолютно ясно, что облагать крестьян еще больше чревато недовольством и революцией, С.Ю. Витте после недородов 1891—1892 гг. должен был изыскивать другие средства для пополнения казны. Мировая война, оторвавшая крестьян от земли и хозяйств, катастрофически ухудшила положение трудового народа, и прежде всего крестьян. Зато ох как привольно и сладко жилось сонму бюрократических бездельников — дворянам, купцам, крупным буржуа.

С.А. Коровин. В присутствии.

Голод в царской России

Положение крестьян ничем не напоминало тех благостных картин, рисуемых историками и социологами, основывающими свои доводы исключительно на голой статистике... И это справедливо для всей России... Проф. политэкономии Дж. Мейвор, автор двухтомной книги «Экономическая история России» (Лондон, 1914), принимавший активное участие в деле переселения духоборов в Канаду, знавший Л. Толстого и бывавший у него, писал: «Я часто бывал в деревне Ясная Поляна, которая вытянулась в одну улицу к западу от круглых столбов - ворот поместья. Иногда я ходил туда с Толстым, иногда один. Я убедился, что крестьяне, в основном, жили в условиях довольно примитивных даже для России. Они пахали сохой, которую клали на спину своим лошадям, когда утром устало брели в поле, а вечером — домой. Надель крестьян были небольшими; все они работали на полях поместья. Насколько я мог установить, среди них не было состоятельных, все были бедными. Деревенские дома представляли собой в основном типичные избы русских крестьян; каждая изба имела двор, огороженный плетнем. Было там два или три кирпичных дома, построенных Толстым в виде эксперимента. В то время плата за работу в поле и по хозяй-

ству была очень низкой: обычно двадцать копеек в день. Крестьяне работали по воскресеньям, однако отдыхали по многочисленным церковным праздникам. Дешевизна домашнего труда в ту пору позволяла землевладельцам содержать если не большую, нежели до освобождения крестьян, часть челяди, то значительно больший штат слуг, чем тот, который сохранился в подобных хозяйствах Западной Европы». И это у народника Толстого!

Очевидец, живший в начале XX в. века на поселении в Красноярском крае, наблюдал и там поголовную бедность крестьян. Те жили исключительно за счет охоты и рыбной ловли. Культурнообразовательный уровень обитателей тех мест был невысок. «Деревня была поголовно безграмотной в буквальном смысле этого слова. Мальчики очень рано впрягались в работу, а девочкам грамота «не для чего». Школа находилась далеко, в 50 верстах от Федина, в деревне Яр. Насколько я припоминаю, никто из фединцев туда своих детей не посылал. Единственный грамотей в деревне, кроме ссыльных, был стражник. Ни ча-

Дети в школе: раздумье над будущим

совни, ни церкви в Федине не было. Пару раз в году появлялся поп со своей свитой и сразу отпевал умерших, крестил детей и пр. Поп во время своих редких приездов в обиду себя не давал: он брал все — пушнину (белку), холст и прочее. Никаких молитв фединцы не знали. Вся их религия сводилась главным образом к иконе и к тому, что они крестились до и после еды... Медицинскую помощь населению оказывал фельдшер, приезжавший один раз в году... По воскресеньям и праздникам —

осенью и зимой — шло поголовное пьянство». Бедность и горе свое почти беспросветное у нас заливали водкой... Газета «Русь» привела данные по последствиям алкоголизма в России, не где-то в глуши, а в столице империи. Непомерное употребление спиртных напитков родителями оказывало огромное влияние на смертность детей в Петербурге. Смертность эта выразилась за период 1897—1904 гг. в следующих чудовищных цифрах — умерли на 100 родившихся:

	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.
до 1 года	29,9	30,1	28,4	30,3	31,7	31,8	31,7	30,7
от 1 до 5 л.	15,6	13,8	15,1	15,4	18,1	15,5	17,3	17,4

Добавьте к безрадостной картине оценку учеными состояния медицины, здравоохранения в России. Ученый-естествоиспытатель А.А. Иностранцев (1843—1919) заметил: «Русский крестьянин вообще не любит больницы, а в малонаселенных местах их и совершенно нет; нет и врачей. Точно так же тот же крестьянин не верит и в заразные болезни и заразных не изолирует, а потому остановка в крестьянских избах требует известной осторожности, без которой легко схватить заразу». Таковы реалии «великого процветания» XIX в. — начала XX в., о котором ныне пишут.

Вспоминаются и слова русского ученого, А.Н. Энгельгардта, земледельца и писателя. Выпускник Михайловского артиллерийского училища, он был помещиком и рос на Смоленщине. Его «Письмами из деревни» в последней трети XIX в. зачитывалась Россия. Правда, в его оценках «бедный» и «забитый» русский мужик предстал, пожалуй, в ином виде. Он писал: «У нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дороги ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь, в деревне, выросшее, окрепшее. Мало того, я, веря в русского человека, убежден, что это так и будет, что мы, русские, именно совершив это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья». Но это были мечты

скорее, «ангела» (фамилия Энгельгардт — «сад ангелов», «рай»). Россия, увы, таковым раем не была, и народ у нас не ангельского чину, а потому и потомку ливонского рыцаря, коим был Энгельгардт, трудно было смириться с русскими реалиями. Тем не менее он создал в Петербургском земледельческом институте прекрасную химическую лабораторию, ставя перед студентами конкретную задачу — способствовать развитию русского сельского хозяйства исследованиями и своей научной работой. Один из его учеников, А.С. Ермолов станет в дальнейшем первым министром земледелия России, напишет четырехтомный труд «Народная сельскохозяйственная мудрость». Об этом труде даже в середине XX в. советские колхозники будут вспоминать с уважением и говорить: «Вот были дворяне так

А.Н. Энгельгардт

Писатель Л.Н. Толстой за рабочим столом

дворяне». И вот такой светлый ум (я говорю о А.Н. Энгельгардте) стал членом «Земли и воли». Царь его, без вины виноватого, сослал. В 1871 г. он ехал мимо смоленских деревушек и видел всюду запустение и разрушение. Жизнь деревни была темна и беспросветна.

Труд крестьян оплачивался по низким расценкам, те трудились почти даром на помещика, получая в хозяйствах редко когда более 15 коп. в день. Работали дурно, без всякой охоты. И вот тогда Энгельгардт сделал попытку создать интеллигентную колонию-коммуну, куда он и позвал молодых представителей интеллигенции из числа «кающихся дворян». Позвал самих «сесть за землю», заняться «мужицким трудом». И что же?! В общей сложности у него перебивали в имении около 80 человек. Сам он, взявший в жены крестьянку, завещал сыну: «Вот что — иди и паши землю, зарабатывай собственными руками хлеб свой». Но господа интеллигенты, конечно, и не думали трудиться на земле. Он говорил: «И с чего такая мечта, что у нас будто бы такой избыток хлеба, что нужно только улучшить пути сообщения, чтобы конкурировать с американцем?.. У американца и насчет земли свободно, и самому ему вольно, делай, как знаешь, в хозяйстве. Ни над ним земского председателя, ни исправника, ни непрямого урядника, никто не начальствует, никто

не командует, никто не приказывает, когда и что сеять, как пить, есть, спать, одеваться, а у нас насчет всего «положение»... Американский мужик и работать умеет, и научен всему, образован. Он интеллигентный человек, учился в школе, понимает около хозяйства, около машин. Пришел с работы — газету читает, свободен — в клуб идет. Ему все вольно. А наш мужик только работать и умеет, но ни об чем никакого понятия, ни знаний, ни образования у него нет. Образованный же, интеллигентный, человек только разговоры говорить может, а работать не умеет, не может, да если бы и захотел, так боится, позволит ли начальство. Какая-нибудь дьячковна, у которой батяка зажился, довольно пятаков насбирал, стыдится корову подоить или что по хозяйству сделать: я, дескать, образованная, нежного воспитания барышня». У немцев вон и земля, как у нас на Смоленщине, а урожаи втрое-вчетверо выше. Говорил он и о реакции мужика на бурный экспорт хлеба. Тот был мрачнее тучи. «Что это за порядки, — молвил он, — все крестьянство покупает хлеб, а хлеб везут мимо нас к немцу. Цена хлебу дорогая, не подступиться, что ни на есть лучший хлеб пережигается на вино, а от вина-то и всякое зло идет». «Прогресс». Ему предрекали, что он сопыется в деревне. «Я не спился, но понимаю, как спиваются и отчего спиваются», — гово-

рил он. Так и не дождался поворота к новой жизни. Умер Энгельгардт в «голодные годы» (1893). Великий труженик...

В защиту народа выступал и писатель Л. Толстой... По мнению знавших его, отношение Л. Толстого к государству было даже более непримиримым, чем отношение анархиста Кропоткина. «Он пришел к этой точке зрения не через Бакунина, как Кропоткин, а самостоятельно» (Д. Мейвор). В адрес российского правительства обращал он немало справедливых, кипящих праведным гневом слов. Он писал: «Теперь только малая часть, часть, имеющая власть, пользуется благами цивилизации, а большая лишена этих благ. Увеличить блага, и тогда всем достанет. Но дело в том, что люди, имеющие власть, уже давно пользуются не тем, что им нужно, а тем, что им не нужно, всем, чем могут. И потому, как бы не увеличились блага, те, которые наверху, употребят их все для себя. Употребить нужного нельзя больше известного количества, но для роскоши нет пределов» (1890). Толстой все еще надеялся, что мысль о возможности революции или страх перед ней «заставит богатых поделиться». Не тут-то

было. Эти люди не понимают человеческих слов... Мерзавцы захватили Храм, имя которому Россия, и устроили в нем торжище. Их оттуда нужно гнать. Толстой вопрошал: «Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят?» Толстой выступил с разоблачительными статьями «О голоде» и «Голод или не голод?». Редактору «Русских ведомостей» он писал, что положение большинства нашего крестьянства таково, что можно назвать голодом, это не является нормальным состоянием. Обычными картинами в русской деревне стали: голодающие люди, мать, готовая зарезать родного сына из-за невозможности его прокормить. Увы, в России власть добровольно никогда не «слезала» с шеи народа. Ее надо «сковыривать» штыками!

Цинизм российских помещиков, дворян, казнокрадство чиновников, засилье кулаков-мироедов — повсеместны. Поступавшая для спасения людей помощь раскрадывается. В статье «Не могу молчать» (1908) «голос русской совести и правды», Лев Толстой перечислял пороки царизма. Он писал о казнях

Голод в России в XX веке.

Сбор средств в помощь голодающим.

крестьян, напавших на усадьбу землевладельца в одном из уездов. «Двенадцать человек из числа тех самых людей, трудами которых мы живем, тех самых, которых мы всеми силами развращали и развращаем, начиная от яда водки и той ужасной лжи веры, в которую мы не верим, но которую стараемся всеми силами внушить им, — двенадцать таких людей задушены веревками теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...» Все сказанное, добавляет писатель, относится не к одним двенадцати казненным, а к тысячам, в последнее время убитым и задавленным людям. По тюрьмам, крепостям и каторгам с хладнокровной жестокостью все это совершается в уверенности, что «эти дела — дела полезные и даже необходимые». За статью «О голоде» царское правительство едва не посадило великого писателя в Суздальскую тюрьму. Но помещение Льва Толстого в тюрьму, это они понимали, дорого обошлось бы самому самодержавию — столь велика его слава... Издатель и журналист А. Суворин как-то заметил, что в России два царя — Николай II и Лев Толстой, но если Николай с Толстым ничего сделать не может, то тот с царем может. Он любил народ и поклонялся истине. Вот и последние его слова к сыну были: «Я люблю истину! Очень люблю истину!»

А между тем, голод, о котором говорил Толстой, в Поволжье повторялся периодически каждые несколько лет. Особенно тяжелая ситуация сложилась в 1906 и 1911 гг. В 1906 г. наиболее пострадали поволжские губернии — Самарская, Казанская, Уфимская, Симбирская, Саратовская, из внутренних губерний — Тамбовская, Нижегородская, Пензенская. Урожай хлеба там был настолько плох, что его нельзя было ни жать, ни косить. Колосья приходилось вырывать руками, вырывать с корнем... Порой годовой урожай зерновых на семью из 8 человек составлял всего 60 кг. Крестьяне питались ржаным хлебом, испеченным наполовину с гороховой мукой. Порой «для объема» в хлеб подмешивали опилки и даже глину. От дурного питания в народе начала свирепствовать эпидемия тифа. Отмечались случаи самоубийств людей, которые не могли найти ни еды, ни работы. Благодаря содействию местных властей и Красного Креста были открыты бесплатные столовые и питательные пункты, выдавшие за время бедствия 270 млн обедов и пайков. Но голод 1911 г. вновь принес в деревню ужасные бедствия. Летом наблюдались сильная жара и засуха, горячие ветры-суховеи наиболее тяжелы были в Поволжье и на Дону. Суровая зима 1911—1912 гг. с буранами и

необычный весенний разлив рек еще более ухудшили положение. Была собрана только треть урожая против среднего уровня. Неурожай охватил обширную территорию всего Поволжья (от Нижнего до Астрахани), Камский район, Приуралье и Западную Сибирь. Тогда пришлось оказывать помощь в 60 губерниях, особенно в Самарской, Оренбургской, Пермской, Донской области. Число нуждающихся, по самым приблизительным подсчетам, составило 8,2 млн человек. Видный врач-публицист Д.Н. Жбанков написал: «Болезни и случаи голодной смерти, разорение и повальное нищенство, калечение нравственного облика — грабежи, поджоги, торговля детьми и собой, самоубийства и полная физическая и духовная прострация — все это приносят с собой неурожай в России». В этот раз голодающим было выдано 222 млн порций. Под руководством священников и учителей только в Поволжье было открыто более 7 тыс. столовых при школах, где детям выдали 24 млн обедов. И каждый раз такие катаклизмы, как голод, война, революция, порождали толпы беспризорных детей, потерявших семью или оторвавшихся от семьи. Массы голодных людей устремились из деревень в города на заработки. В поисках куска хлеба дети примыкали к бродягам, шайкам бандитов, учились жить кражей, ловчить — короче, выживать любой ценой. Кто шел в бурлаки,

кто в армию... Призыв миллионов лиц мужского населения в армию наносил страшный удар по семьям. «В то время, когда отцы умирали под неприятельскими ядрами и пулями, их дети в еще большем количестве падали под ударами самой судьбы, умирая и превращаясь в нравственных калек, инвалидов». Крестьянская Русь, словно бурлак на Волге, тянула «телегу» Российской империи, на которой и восседал. Роскошествуя, прожитая жизнь, правящий класс.

Причины экономической бедности России, честные люди это хорошо понимали, — вовсе не в «национальных чертах характера», лени или пьянстве. Это — скорее, производное, следствия условий труда и жизни. В.Г. Короленко писал: «Основная же сущность крестьянства, как класса, состояла не в пьянстве, а в труде, и притом труде, плохо вознагражденном и не дававшем надежды на прочное улучшение положения». О том же говорил и М.О. Меньшиков: «В течение последних тридцати лет мне, как и каждому политическому писателю, приходилось много раз свидетельствовать о том, что народ русский заброшен и беспомощен в самых важных своих нуждах. Питание народное нигде в культурном свете не обеспечено так шатко, как у нас. Учеными исследованиями обнаружены систематическое недоедание простонародья, пониженность пищевой нормы, доходящей местами до

Илья Репин. «Бурлаки на Волге»

Святой Иоанн Кронштадтский

13 % среднеевропейского потребления. Не только качество питания у нас гораздо хуже, чем на Западе, но и количество значительно меньше, а между тем первое условие физического развития — хорошее питание. В течение тех же тридцати лет нами, публицистами, беспрестанно указывается на губительные санитарные условия, в какие поставлена Россия, — неизмеримо худшие, чем на За-

паде. Следствием этого являются не только губительные эпидемии, уносящие ежегодно сотни тысяч и миллионы жизней (если вспомните детскую смертность), следствием санитарной запущенности является постепенное обессиление расы, ибо даже богатырский организм, разъедаемый всевозможными заразами, наконец истощается в борьбе с ними. В течение тех же тридцати лет беспрестанно указывается нами... ужасное действие народного пьянства, поддерживаемого плохо обдуманной финансовою политикой. Ученые (напр., профессор Сикорский) установили постепенно растущее алкогольное вырождение нашего простонародья, очень напоминающее то самое алкогольное вырождение, от которого вымирают австралийские и сибирские дикари». Таково было положение народа, если заглянуть «за кулисы» пропаганды.

Наконец, приведу слова не большевика, социалиста, эсера, или кадеты, а человека божьего — Иоанна Кронштадтского. Окончив Петербургскую духовную академию, тот в 1855 г. приступил к пастырскому служению в Андреевском (Морском) соборе Кронштадта. Там он преподавал Закон Божий. Занимался и благотворительностью: основал «Дом трудолюбия» (рабочий дом с мастерскими), школу для бедных, женскую богадельню, детский

Русский народ в конце XIX в. — начале XX в.

Венчание Николая Второго и императрицы

приют. Отец Иоанн занял выдающееся, уникальное место в русском обществе, объединяя толпы верующих и погружая их в состояние молитвенного экстаза. Соборная связь с народом укреплялась даром целителя. Многочисленные документальные свидетельства это подтверждают. Ко всему этому следует добавить талант проповедника: в точных и достаточно простых, лишенных риторической красоты словах он призывал общество к покаянию, живописуя ближайшую историческую перспективу как грядущий «всемирный потоп», в котором «мир Божий вооружился в месть Божиим врагам». Скончавшийся в 1908 г. протоирей прославлен Русской православной церковью и причислен к лику святых. Вот что писал Иоанн в дневнике: «Был я в селах и видел крестьянское житье. Какая бедность везде, какие рубища, с бесчисленными заплатами! Какие изможденные лица от недостатка питания! Какие скорбные лица! Что это — пасынки, а не чада Божии? Богачи

и смотреть на них не хотят, не хотят их одеть, напитать, утешить!» «Какова душа богатого! Как она противна Богу человеколюбивому. Не ублажай богатого, не льсти, не завидуй ему, а плачь о нем, как о самом жалком человеке». Эти люди, богачи, не знали жалости.

1905 год... В Москве уже стреляют, царская семья подумывает о бегстве. Главный уполномоченный Красного Креста, князь Васильчиков уверен, что царя в столице не застанет, а Кабинет министров в полном составе будет повешен на Марсовом поле. Так надо ли удивляться, что XX в. стал веком не хваленой русской буржуазии, а победившего пролетариата и крестьянства! Но и сегодня это отнюдь не риторический вопрос. Ведь и сегодня пропасть между богатейшей и правящей частью общества и низшими слоями населения безумно велика, куда больше, чем накануне революции! У русского человека царь, помещик, капиталист вызывали подозрение, и часто небезосновательное, ибо те

Жизнь простого народа в России в начале XX в.

добывали свои богатства не «энергией, умом и любовью к работе», не «зажигая свеч в душе людей», а путем спекуляций, обмана, грабежа населения, демонстрируя полнейшее отсутствие морали. Потому господа вызывали в сердце простого труженика лишь гнев и ненависть. Царизм же продолжал пребывать в эйфории, что Россия все еще находится в XVIII—XIX вв., а ведь «на дворе», как говорится, был уже XX век. Экономическая и политическая власть в мире сосредоточилась в руках крупной буржуазии. Этого же, конечно, страстно жаждала и русская буржуазия. Но Россия, находясь, так сказать, географически, в основном, за Полярным кругом, продолжала и в социально-политическом плане пребывать как бы в подмороженном состоянии. Николай II не желал идти на уступки ни либеральным кругам, ни демократии, ни народу. Он упивался своей вседозволенностью и могуществом, хотя и призрачными. Хотя правители в Европе и в Америке давно уже были вынуждены вести себя иначе, демократичнее, жить скромнее, соотнося запросы и расходы себя и семьи с уровнем жизни народа. Русский царь не понимал, что нельзя в години катастроф, революций, расстрелов и голода устраивать пышные балы. Но ведь он — почти наместник Бога на земле. И, разумеется, ему ни законы морали, ни

законы совести, ни мнение какого-то там народа не указ.

Начальник дворцовой канцелярии последнего русского царя А. Мосолов так описывал январский бал, первый бал года в Николаевском зале Зимнего дворца Петербурга. На бал, что отличался исключительной пышностью аксессуаров и великолепием обстановки, приглашались до 3 тыс. человек. Картина была впечатляющая... «Это было как в сказке... Январь. Лютый мороз. Все три гигантских здания Зимнего дворца залиты светом. Огни горят и вокруг Александровского столпа, гранитной колонны, увенчанной фигурой архангела. Одна за другой подлетают кареты. В открытых санях подъезжают офицеры, которым не страшен мороз. Лошади покрыты голубой сеткой, чтобы в лица ездоков не задувало снег... Видны женские силуэты, спешащие преодолеть те несколько шагов, что отделяют карету от входа, некоторые из них грациозные и легкие, другие — согнутые от старости... А какие меха — милостивый Боже!.. Это настоящие русские меха — соболя, песцы, чернобурки... Головы у замужних дам не покрыты — на них надеты диадемы, а волосы незамужних украшены цветами. За движением экипажей наблюдают жандармы, указывая кучерам, где встать... Слуги (в белых чулках, кожаных туфлях и мундирах,

Н. Касаткин. Бедняки собирают уголь. 1894 г.

украшенных императорскими орлами из галуна) тихим голосом называли залу, где владельцев будет ждать их одежда. Эти слуги были великолепно вышколены, они двигались по паркету совершенно бесшумно. Гости поднимались по огромным лестницам из белого мрамора, застеленным мягкими бархатными коврами. Белые и алые мундиры, шлемы с орлами из золота и серебра, бесчисленные эпoletы, великолепные национальные костюмы гостей из Венгрии, шитые золотом кунтуши маркиза Велепольского и маркиза Гонзаго-Мышковского, бешметы кавказских князей, обутых в чувяки (сапоги с мягкой подошвой, в таких сапогах эти горцы танцевали совершенно бесшумно), белые доломаны, отороченные бобровым мехом, и, наконец, придворные мундиры, тяжелые от золотого шитья, с короткими штанами-кюлотами и шелковыми чулками... Гости все прибывают. Весь высший свет столицы поднимается по широким мраморным лестницам. На дамах придворные платья с большим декольте и длинным шлейфом. В ту пору женщины были скромнее, чем теперь, и никто не являлся на бал только для того, чтобы похвастаться своими прекрасными плечами и шеей. В то время не было моды на бронзовый загар, и там, где коже полагалось быть белой, она была белой, как каррарский мрамор. На левой стороне корсажа дамы в соответствии со своим рангом носили «шифр» (императорский вензель, усыпанный бриллиантами, — отличительный знак фрейлин) или «портрет» в бриллиантовом обрамле-

нии (высокий знак отличия, предоставляемый дамам за особые заслуги, их называли за это «портретными дамами») ... Гости проходили между двумя рядами казачьей гвардии в алых мундирах и мимо придворных арапов — огромных негров в турбанах. Их называли арапами просто по привычке, на самом деле это были эфиопы-христиане.

Церемониймейстеры, серьезные и изящные, медленно двигались в толпе, помогая вновь прибывшим. Выполняя их обязанности, они держали в руках жезлы — длинные трости из черного дерева с шаром из слоновой кости наверху, двуглавым орлом и ярко-голубым бантом (андреевским узлом)». Завершая описание бала, глава дворцовой канцелярии А. Мосолов говорит: «Когда я смотрю голливудские фильмы, изображающие великолепие русского двора, мне хочется плакать — или смеяться, так это все убого». Простому люду было вовсе не смешно, ибо он понимал, на чьи деньги устраиваются все эти балы и празднества. Конечно, можно говорить о силе традиции и т.д. и т.п. Это была целая система, система двора. Ф.-Д. Лиштенан писал о нравах царского двора в России в начале XVIII века: «Русский двор блистал роскошью, но благополучие это было мнимым. Придворные разорялись на покупке драгоценностей; сановникам первых двух классов вменялось в обязанность устраивать развлечения для императорского семейства, прежде всего маскарады, которые государыня особенно любила». Наш народ устал от такой безумной и паразитарной системы и только и мечтал о том, чтобы покончить с ней. Возможно, он испытывает схожие чувства, взирая на роскошные виллы и приемы нынешних миллиардеров... Его охватывает бешеный гнев, когда он сравнивает роскошные лимузины, яхты, дворцы с жалкими, разрушающимися от ветхости домами миллионов и миллионов простых сограждан! Кажется, писано не сто лет назад, а в 2008 г., когда «пропасть между упивающимся богатством и нищенствующей бедностью, «богатым и Лазарем», стала несравнимо глубже и страшнее, и «гниение этой пропасти наполняет нашу моральную атмосферу ненавистью, завистью неимущих, жадностью имущих». Если так, то, возможно, недалек час и социальной революции!

Мужицкий труд русских баб: вынесет все...

Духовно-политический и экономический кризисы в России нарастали — и в канун Первой мировой войны обострились до крайнего предела. Словно предчувствуя эту катастрофу, Столыпин говорил: «...мы потеряли с устройством крестьян 20 лет, драгоценных лет, и надо уже лихорадочным темпом наверстывать упущенное. Успеем ли наверстать? Да, если не помешает война». Говорят, он ощущал, что Россия вскоре окажется втянута в войну, за которой последует катастрофа. В 1911 г. он писал послу в Париже А. Извольскому, бывшему министру иностранных дел: «Нам необходим мир, война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели будут не понятны народу, станет роковой для России и для династии. И наоборот, каждый год мира укрепляет Россию не только как военную и военно-морскую державу, но и с экономической и финансовой точек зрения. Кроме того, и это еще важнее, Россия год от года внутренне меняется; крепнут самосознание народа и роль общественного мнения. Нельзя сбрасывать со счетов и наши парламентские установления. Сколь бы они ни были несовершенны, их влияние тем не менее вызвало в России радикальные изменения, и когда придет время, страна встретит врага с полным осознанием своей ответственности. Россия выстоит и добьется победы лишь в народной войне». Царь пытался остановить новую революцию, обрушившись на революционеров. Вероятно, Николай II решил, что лучшим «лекарством» против революции могут стать войны, которые «отвлекут» народ от мятежных мыслей, и тогда в условиях военного положения с ним легче будет справиться.

Как заметил С.Е. Трубецкой: «...все революции в истории случаются не столько от мощи напора разрушительных сил, сколько от слабости сопротивления сил охранительных. Русская революция 1917 года является яркой иллюстрацией этого». Причин для революции много. В России самодержавию так и не удалось создать противовеса революции в лице класса средних собственников. Народ же в массе своей жил и бедно и плохо. Голод 30 млн. крестьян зимой 1911—1912 гг. стал еще одним подтверждением, по сути, провала столыпинского курса. По стране прокатились забастовки студентов. Число стачечников удвоилось по сравнению с 1910 г., достигло 105 тыс. человек. 300 тыс. пролетариев приняло участие в выступлениях протеста. В 1906—1912 гг. были закрыты 600 профсоюзов, 1000 газет и журналов, многие деятели революционных или даже и либерально-демократических организаций оказывались в тюрьмах, ссылках или в подполье.

Быстро растущее население России также прибавляло проблем. По оценкам француза Р. Тери, прирост населения страны с 1900 г. по 1912 г. составил 26 %, более 2 % в год. Крестьяне, составлявшие основу населения России, жили, руководствуясь старыми божьими заповедями. «У кого детей нет — во грехе живет». Баба должна рожать, если она и ее мужик не какие-то там «порченые». В миру так говорили: «Бабенка не без ребенка, не по-холостому живем: Бог велел». Рост населения — это, конечно же, хорошо: оно и кормилец, и защитник. Но ведь это еще и дополнительные рты. А потому и тут надо бы смотреть глубже. Как накормить семью, коли

Вербный базар на Красной площади. 1912 г.

И. Репин. Не ждали

баба с дитем сидит? Да и с работой в России дело обстояло неважно. Так, за 1897—1917 гг. плотность населения в Европейской России увеличилась в 2 раза, а избыток рабочей силы в иных районах достигал 76 %. Многие уходили в поисках работы и лучшей доли в другие районы. По переписи 1897 г., свыше 10 млн. человек проживали не в тех губерниях, уроженцами которых являлись.

Иные уезжали из России... Если народу живется хорошо и сытно, если он чувствует себя достаточно комфортно, он предпочтет оставаться на привычном месте. Сказано: от

добра добра не ищут. Но если люди начинают покидать насиженные и привычные родные места и устремляться в чужие страны, видимо, что-то не так на родине... С начала 90-х годов миграционный баланс Российской империи с другими государствами становится отрицательным (в 1891—1900 гг. — 260 тыс. человек). Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, резко уменьшился приток иностранцев (в 1891—1900 гг. равнялся 466 тысячам человек, в их числе подданных Германии было 120 тысяч, Австро-Венгрии — 40 тысяч). Во-вторых, значительно возросла эми-

грация российских подданных (725 тысяч, и из них в страны Нового Света — 693 тысячи человек). Доминировали среди эмигрантов жители Царства Польского, Литвы, Финляндии и отчасти Правобережной Украины (Воынской губернии). Правда, в начале XX в. приток в империю иностранцев увеличился (1901—1910 гг. — 708 тыс., 1911—1915 гг. — 543 тыс. человек), но преобладали граждане Персии и Турции. А вот эмиграция российских подданных приобрела массовый характер. В 1901—1910 гг. число переселившихся в Новый Свет достигло 1,8 миллиона, а в 1911—1915 гг. — 1,1 миллиона человек, вследствие чего общий миграционный баланс стал отрицательным: 1900—1910 гг. — 1,6 миллиона, 1911—1915 гг. — один миллион человек. Взаимодействие двух миграционных потоков в XIX в. - начале XX в. привело к тому, что страна за этот период потеряла только 400 тысяч человек (из страны выбыли 4,6 млн

русских подданных и въехали 4,2 млн иностранцев). Русских, украинцев, белорусов, к слову сказать, в общем числе мигрантов было мало. В 1899—1920 гг. в США поселилось около 210 тысяч человек (или 8 процентов всех российских эмигрантов). А разве не так же бегут нынче, бегут куда глаза глядят, из так называемых демократических стран Балтии, Украины, Грузии, Молдавии их обитатели, что наконец-то освободились от «русских оккупантов»?! Хотя к черту на рога, но только бы прочь из этой, будь она трижды проклята, «благословенной демократии»!

Наряду с капитализмом крепла год от года и социалистическо-коммунистическая линия... Ей и предстояло сказать решающее слово в теории и практике революционных движений. Вопросы равноправия и модернизации вышли на первый план как ключевые вопросы развития и преобразования России. Должна была явиться политическая сила, которая

В Америку — за работой

возьмет на себя, возьмет осознанно, решительно и твердо, решение этих исторических задач. Россия — страна, где удивительным образом уживалась и сочеталась вера в Христа и в социальную справедливость. Причем, на этой платформе сходились почти все, понимая каждый по-своему и справедливость, и модернизацию. В той или иной мере на социализме, как на Христе, сходились самые знаменитые умы (Ф. Достоевский, Н. Бердяев, Г. Плеханов, П. Кропоткин, В. Ульянов-Ленин, П. Струве, В. Розанов, С. булгаков, И. Сталин, Ф. Дзержинский, А. Луначарский, М. Туган-Барановский и др.). Автор книг «Промышленные кризисы» и «Русская фабрика в прошлом и настоящем», М.И. ТуганБарановский видел политический идеал России на путях социализма. Он писал: недостаточно людей объявить равноправными и заявить, что наступила эпоха демократии. Нужно «их сделать реально равноправными, нужно обеспечить за ними возможность реально использовать их права; а так как в основе индивидуальной и общественной жизни лежит хозяйство, вне которого невозможно никакое реальное обеспечение права, то социализм, естественно, приходит к требованию преобразования современного устройства хозяйства. Пока одни классы общества будут присваивать труд других классов, пока сохранится эксплуатация трудящихся классов имущими, до тех пор фактическая равноправность всех, к которой стремится социализм, не будет достигнута». Иные, вроде Н. Бердяева, указывали на то, что и Достоевский, хотя и был христианином, но уж, скорее, близок к православным социалистам. Правда, его христианский социализм во всем противоположен социализму революционному, обращен к грядущему Граду Божьему.

Социализм не победить на почве буржуазных интересов, ибо в нем сокрыта своя правда по отношению к этим «буржуазным» интересам. Социализм упрекали в том, что он «идет на смену христианству», «хочет заменить собою христианство». Не заменить, говорим мы, а наполнить бытие конкретным содержанием, созданием и творчеством. И не случайно старец

Зосима у Достоевского, духовный наставник Алеши, в проникнутых пафосом христианской любви к людям речах высказывает важную мысль о невозможности социализма «без Христа». Конечно, если бы монархия или демократия, их главные творцы, смогли бы воплотить в жизнь эти великие идеи, если бы самодержавие и демократия сумели бы на деле продемонстрировать эффективность в период суровых испытаний, каковыми стали для России войны с Японией, Германией, все эти социалистические устремления и упования могли бы так и остаться теорией. Однако те вместо решения острейших социальных, экономических, технических, культурных задач втравили народы России в губительные и нелепые войны. К тому же непонятные своей ненужностью войны царем были проиграны в пух и прах. И вот теперь в России предстояло вывести уже другую, более жизненную и актуальную формулу: «Нет Христа в России без социализма!» Царизм себя исчерпал, да и времени для мирного вращивания страны в демократию не оставалось. Мировая война поставила крест на надеждах прогрессистов, квазипатриотов и демократов на преобразование России, на вхождение страны в лоно демократических народов. Нас ожидала Революция.

Встал вопрос: найдутся ли в России (тогда и сейчас) политические силы, что обеспечат быструю, эффективную, поддержанную народом модернизацию державы? Это ключевая проблема для нашей страны. Царизм и буржуазия удовлетворительно ответить на него не смогли... И были сметены восставшим трудовым народом. Суровый урок... Но это не означало, что, ступив на путь революций, мы ушли на тупиковую ветвь историко-цивилизационного развития. Нет, и еще раз нет! Напротив. В чреве войн и революций вскоре родится новое дитя. Можно сказать, что все в России ожидали наступления этого часа... Его ждали и боялись — одни с великой надеждой и верой, другие со страхом или опасением — дите войн и революций, для появления на свет коего понадобилось кесарево сечение Революций и Гражданки.

Часть третья.

РОССИЯ В ПЕРИОД ВОЙН, ПОТряСЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

Глава 18. Войны России начала XX века — путь к социальной и экономической катастрофе.

Мир в начале XX века все более напоминал гору Олимп, на которой большие и малые боги Земли вели спор за место рядом с Зевсом... Распри «элит» становились все ожесточеннее, свирепее. Земли, ресурсов не хватало. Прожорливые пасти новых фабрик и заводов нуждались в нефти, угле, золоте, бокситах, алмазах, каучуке, хлебе, мясе. Никто при их дележе не хотел уступать. Все хотели новых колоний, территорий, концессий, рабочих рук и капиталов. Но говорить об этом прямо, открыто не принято — дурной тон... Первая мировая война явилась следствием конфликтов между ведущими странами мира. Вспоминается известное выражение философа Гераклита «Война — начало всего». Все в этом мире враждовало со всеми, стремясь урвать кусок побольше и повесомее (в промышленных спорах, в торговле, на биржах, в военном соперничестве). В 1890 г. Ф. Энгельс в письме к Г. Шлютеру пророчески заметил: «Мы... достаточно быстро идем навстречу или мировой войне, или мировой революции, или тому и другому вместе». В политике, экономике, идеологии обычной для этих хищников стала двойная мораль. Отъявленные грабители и бандиты более всех при этом витийствовали

о миролюбии и пацифизме... Так, президент США Т. Рузвельт, империалист по прозвищу «Тедди большая дубинка», легко развязывал разбойничьи войны против малых незащищенных стран, но миру представлялся «христианской голубкой»: «Полагаю, что как раз настало время сказать кое-что об отношении американского правительства к проблеме мира. Войну мы все более и более рассматриваем как прискорбное и злодейское явление, если взять ее саму по себе. Бессмысленная или бесполезная война, чисто агрессивная война, одним словом, любые военные действия, начатые или осуществляемые бессовестным образом, должны быть осуждены как исключительно жестокое преступление против человечества» (1905). Средства информации яростно соревновались в том, кто кого превзойдет в «словесном пацифизме». Но пацифистскую маску тут же сбрасывали, когда дело доходило до ножей. В основу международной практики положены идеи господства, милитаризма, силы. Отсюда непрерывные войны. Вся атмосфера пронизана флюидами захватов, грабежей, убийств, разделов или переделов тогдашнего мира. Поэтому войны следуют одна за другой: греко--турецкая (1897), испано-американская (1898), англо-бурская (1899—1902), китайская (1900), русско-японская (1904—1905), Первая балканская (1912), Вторая балканская (1913). Заправила мира ожидала большой войны, энергично к ней готовились.

Английский премьер Ллойд Джордж в «Военных мемуарах», оценивая ситуацию, говорил, что перспектива большой войны, ка-

Премьер Англии Д. Ллойд Джордж

жется, более всего пугала двух: престарелого кайзера Франца Иосифа, который «менее всего хотел европейской войны», и слабого и простоватого, но искреннего русского царя, не хотевшего войны. Однако тут же добавлял: «В каждой стране находились могущественные круги, которые жаждали войны». В предыдущие годы царствования, при Александре II и Александре III, Россия проводила миротворческую политику в Европе и, если не считать русско-турецкой войны, пыталась решать назревавшие проблемы мирным путем... По крайней мере тотальной войны цари себе не позволяли, понимая, что платить за это пришлось бы российскому народу. Хотя и Александр III не всегда предвидел ход событий, не всегда отдавал себе отчет в том, во что могут обойтись России ее военные «затеи». В одном из писем Победоносцеву в 1877 г. (с полей сражений в Болгарии) будущий Александр III признался: «Что делается и говорится в Петербурге? Часто теперь вспоминаем милую родину. Не думали мы, что так затянется война, а начало нам так удалось и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна, этот кошмар войны». Впрочем, еще ранее, в 1875 г., наметились серьезные трещины в Союзе трех императоров. Правда, царь-миротворец Александр III воздерживался от стычек с европейскими державами, не хотел увязнуть в военных конфликтах. Вильгельм II

Президент США Теодор Рузвельт

предложил ему «поделить мир между Россией и Германией». Тот не кшлянул... Видя все последствия подобного шага, царь сказал: «Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся-ка на себя в зеркало». Но после смерти великого старца Вильгельма I и ухода от власти Бисмарка власть унаследовал Вильгельм II. Этот предпочел игнорировать завет деда и позабыл его: «Люби и уважай Императора Александра, нам лучше будет от добрых отношений с Россией». К тому же был отстранен, давно ушел на покой великий Бисмарк. А когда на смену великим умам приходят недалекие, жди катастроф.

Преждевременная смерть 50-летнего русского царя привела к власти царя-гробовщика... На словах Николай II был миротворцем... В начале царствования (1898 г.) он действительно выступил с мирной инициативой, направленной на прекращение тогдашней гонки вооружений. В документе, который был сделан достоянием всей мировой общественности, говорилось: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами вооружений являются при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств... Императорское правительство полагает, что в настоящее время положение весьма благоприятно для изыскания, путем международного обсуждения, наиболее действительных средств обеспечить всем народам истинный и прочный

Александр III

мир и, прежде всего, положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений». Представляется, что известное влияние на Николая II оказали труды русских ученых-пацифистов (М. Энгельгардт, Ф. Мартенс, Я. Новиков, М. Таубе, И. Блюх, Б. Чичерин). Те уверяли, что в мире наблюдается смягчение нравов, рост солидарности, альтруизма, хотя одновременно все заметнее и рост жадности, жестокости, лицемерия и коварства. Пока в жизни народов существуют классовые и социальные различия, война является абсолютно неизбежной. Соперничество держав, где нет места альтруизму, сопровождается проявлением жестокости, алчности, хищности.. Демагоги говорят высокие слова о братстве людей, но сами же грабят, убивают и истязают невинных. Войны — вот виновник всех бед и зол. Это они порождают неравенство, дифференциацию, ненависть, дикие инстинкты. В них превалирует отношение к людям «как к клопам или тараканам, которых можно давить походя» (М.А. Энгельгардт).

Что можно этому противопоставить? По мысли ученого, творческим началом и преобразующим моментом может стать наука. М.А. Энгельгардт писал: «Наука обнаруживает ненужность зверства, грызни, войны, — невыгодность их для индивидуумов, классов и наций; а главное, покорив человеку мир, она создала новые материальные условия исторического процесса». Сообразно новой научной морали должны, установиться и новые

Вильгельм II

политические формы, новый экономический строй и юридические отношения. Говоря о России, Энгельгардт подчеркивал, что ее слава должна зиждиться не на военной основе, достигаться не военными потасовками и боями, а, в первую очередь, завоеваниями в духовной сфере. «Какой нам еще славы, — воодушевленно восклицал он, — когда произведения Толстых и Достоевских завоевывают Европу и порождают новые направления в западной литературе, а открытия Менделеевых и Мечниковых преобразовывают европейскую науку?» Правда, он признавал, что борьба наций и индивидуумов, видимо, все же останется двигателем прогресса, но только «в смысле соревнования» умов и талантов. Ее победителями должны быть народы, те, кто увеличивает благосостояние людей (Эдисон, Менделеев, Пастер, Гельмгольц). При этом теория Мальтуса как бы «опровергается» благодаря колоссальному развитию и росту промышленности и науки. Вечные приготовления к войнам, сами войны и состояние «вооруженного мира» губительно отражаются на уровне жизни и морали наций.

Им приводились и убедительные цифры, подтверждающие данную точку зрения.

Высшее общество

Крымская кампания Англии, Франции и Турции против России обошлась Европе в 6 млрд франков, война 1870 г. стоила Франции 15 млрд франков, война 1878 г. против Турции отняла у России 1 млрд рублей. За несколько месяцев боев были пущены на ветер 2—3 года народного труда. Ученый высказал надежду, что в новых исторических условиях будут созданы и основы для утверждения мирного характера общественных отношений. Нации нуждаются в мире, ибо представляют собой «одно целое». Таким образом, единственным выходом для всех народов в XX веке становится «прекращение войн, т.е. разоружение». Возможно, XX век и будет более цивилизованным, нежели предыдущие эпохи. Хотя в книгах «Прогресс как эволюция жестокости», «Вечный мир и разоружение» (1899) М. Энгельгардт рисует не очень радужную картину развития человечества «от некультурного ягненка древне-

каменной эпохи до благовоспитанного тигра современной Европы». Интересные мысли о необходимости коренного поворота в характере международных отношений содержатся и в трудах русского промышленника Я. Новикова, считавшего войну одной из главных причин деградации человеческого рода. К слову сказать сюда он относил и классовую борьбу. Идеалом народов, утверждал он, должна стать не классовая борьба, в основе которой лежат идеи социал-дарвинизма, при котором часто торжествует «дикарь», а борьба изобретений и исследований. Такая борьба пойдет на пользу всему человечеству. Казалось, умные люди понимали корень проблем. Но, во-первых, не ученые управляют миром, а капиталисты (а те ради прибыли не побоятся пол-мира превратить в развалины), и, во-вторых, власть зависит от капиталов, т.е. от тех же капиталистов, и поэтому часто идет у них на поводу.

В.Н. Ламздорф, А.И. Извольский, С.Д. Сазонов — руководители внешней политики России

Идеалисты типа философа В.С. Соловьева (1853—1900), «самого выдающегося» русского философа XX в., надеялись, что Россию минует чаша сея. В работе «Духовные основы жизни» (1897) он писал: «...Человек живет не одною личиною, но и общею жизнью — он живет в мире. Живя в мире, он должен жить в мире. Но как жить в мире, когда над миром царит раздор, когда весь мир во зле лежит? Прежде всего не нужно верить в это зло, будто оно есть что-то непреложное. Напротив, оно ложно и преложно. Не в нем смысл мира. Смысл мира есть мир, согласие, единодушие всех». К духовному человечеству, по его мнению, может привести наличие двух условий: личное нравственное самосовершенствование и улучшение общественных отношений. Эта величайшая цель может быть достигнута «только сообща, всем миром». Но как этого добиться в реальной жизни? С помощью усилий власти, закона, свободы и веры. Необходимо, чтобы «класс лучших людей» соблюдал нравственные и христианские нормы, а не ставил себя в привилегированное положение господина во всем и надо всем. Этот «рыцарь-монах», «неутомимый искатель правды на земле», не мог не видеть, что в мире полным-полно мерзости, несовершенства, несправедливости. В борьбу вовлечены как имущие классы, так и народные массы. Он все же надеялся, что человечество вырвется из порочного круга насилия, классовой и национальной ненависти. Хотя и боялся, что все это может закончиться войной всех против всех, т.е. неким «усложненным каннибализмом». Тогда уж не придется ожидать расцвета

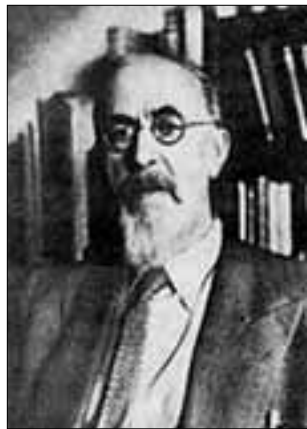
любви. Соловьев задавался и извечным вопросом: «Откуда же взяться на земле миру?»

Но чтобы достичь мира, нужно вырвать корни войны. В труде «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1901), написанном в форме сократовских диалогов, Вл. Соловьев доказывал, что война перестала быть неизбежной в силу общего повышения культурного уровня человечества. Конечно, война может произойти где-то в Африке или Азии, где есть дикари, но только не в Европе. Тут она невозможна хотя бы потому, что просто невыгодна, будучи дорогим и крайне рискованным предприятием. Это де устаревший способ решения конфликтов. Он высказывал мнение, что «нации не только не хотят, но, главное, перестают уметь воевать». Война потеряла и мистический ореол, следовательно, и национальная драчливость должна исчезнуть. С удивительной смелостью, за которой скрывается полнейшее незнание того мира, который его окружает, философ говорит: «Военный период истории кончился!» Разумеется, ныне о немедленном разоружении не может быть и речи, но он твердо уверен, что ни он, ни его дети больших войн — настоящих европейских войн — не увидят, а внуки о маленьких войнах — где-нибудь в Азии или Африке — также «будут знать только из исторических сочинений». Правда, тут уж политику возразил генерал: «Погодите, пусть столкнутся две настоящие военные нации, и вы увидите, какие опять пойдут бюллетени!» Что можно сказать на сей счет? Мир нисколько не меняется.

Нисколько не принижая высокой значимости трудов и мыслей великого философа,

В.С. Соловьев

заметим лишь, что он был чрезвычайно далек от реалий как политики, так и жизни. Сей «совершеннейший демократ» жил в полном одиночестве, иной раз спал «не то на ящиках, не то на досках», а пить чай ездил на вокзал. Полнейший бесребренник и умница, философ вечно был без гроша. Свойство, характерное для людей неординарных, талантливых и увлеченных. Беда, однако, в том, что Соловьев не знал ни нравов народа, ни мировых законов. Не знал, и все тут. Свидетельство тому в том числе и наглое поведение слуги Алексея, что постоянно его обкрадывал. И даже уличив того в воровстве, он все еще надеялся: а может, тот все же явится к нему с повинной — «как это было бы хорошо!». Тот, конечно, и не думал каяться и в душе глубоко презирал «интеллигента». Кажется удивительным, что эти люди, словно и не знающие истории и канонов политики, с легкостью решаются строить фантазии, давать прогнозы поведения мира. Мира, живущего насилием, убийством, грабежами и войнами на протяжении всей истории! Людишки везде за кусок земли, торговые доходы, концессии, нефть, газ, за политическое, экономическое, военное влияние, повторяем, преспокойно и пол-Земли перережут — и ничуть не содрогнутся! Да еще цинично назовут это «свободой и демократией». Опасны отвлеченные утопические иллюзии. При всей его прозорливости Соловьев был загипнотизирован якобы прочностью цивилизации, веря в нерушимую надежность мира в Европе. Он просто проглядел «рост

С.Л. Франк

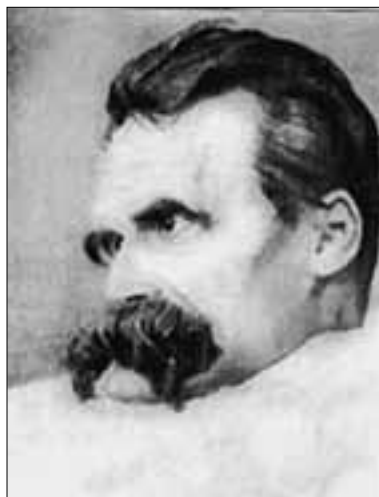
империализма, готовившего мировую войну; особенно империализма духа, отрицающего ценность любви к человеку». Совершенно не заметил не только Бисмарка, Маркса, Ницше, но и целые сонмы бесов-империалистов и милитаристов — Вильгельма, Шлиффена, Ллойд Джорджа, Пуанкаре, Рузвельта, Николая II и т.д. Европа давно уж привыкла решать все глобальные вопросы «методом антихриста» (Г. Федотов). И вновь вспомнился Ф.М. Достоевский с его «Бесами», а также с его «высшими либералами», что «впадали и в общечеловеческое, строго рассуждали о будущей судьбе Европы и человечества».

Отшельник, кончивший жизнь в безумии, стал символом наступавшей эпохи безумия... В беседах о зле, военной и мирной борьбе он, правда, пророчески заметил, что, возможно, еще наступит последнее проявление зла в истории. «Историческим силам, царящим над массой человечества, еще предстоит столкнуться и перемешаться, прежде чем на этом раздирающем себя звере вырастет новая голова — всемирно объединяющая власть антихриста, который будет говорить громкие и высокие слова и набросит блестящий покров добра и правды на тайну крайнего беззакония в пору ее конечного проявления, чтобы — по слову Писания — даже и избранных, если возможно, соблазнить к великому отступлению. Показать заранее эту обманчивую личину, под которой скрывается злая бездна, было моим высшим замыслом, когда я писал эту книжку», — скажет Вл. Соловьев. Он был

типичным представителем той самой российской интеллигенции, что десятилетиями, из поколения в поколение, выступая в защиту светлых идеалов и народа, не заметила, как в политических кружках и партиях, провозглашавших идеалы правды и справедливости, и у буржуазии отрастала «голова зверя».

Их было немало во всех странах, тех, кто восхваляли войну и торопили ее приближение... Немец Штейнметц начнет «Философию войны» словами: «Всякая война необходима, как всякое другое явление». Политики, философы, историки, литераторы спешили доказать себе и другим, что того «вечного мира», о котором писал немец И. Кант, в природе нет и быть не может. Кант однажды заметил: «Все древние философы требовали от человека не более того, на что способна его природа, поэтому и их закон не имел чистоты». Это же можно сказать и о мышлении философов XIX–XX вв. Хотя они говорили о духе, любви и мире, но сами упивались войной и разбоем, воспевали, скорее, силу, чем разум. Немецкий философ Ницше вообще не оставил места слабому человечеству — ни в истории, ни в жизни. Идеалом его и станет «белокурая бестия», Заратустра. «...Историю могут вынести только сильные личности, слабых же она совершенно подавляет».

Даже «христианский социалист» С. Булгаков будет выстраивать «софиодицею войны», соединив творение и разрушение в неразрывный процесс. Он напишет (правда, уже позже, во время Второй мировой войны) «Размышления о войне», где сравнивал войну с актом Божественного творения. Лучшие умы восхваляли войну, словно завидуя графу Л. Толстому, сумевшему сделать роман «Война и мир» настольной книгой человечества. Е.Н. Трубецкой воспекает войну, считая, что та создает сверхчеловека: «Во время войны все живут с удвоенной силой — и личности, и общественные группы, и целые народы». Философ С.Л. Франк находил самые добрые слова в адрес воинствующих групп, что подталкивали мир к роковой бездне. В то же время он же с тревогой писал в статье «De profundis», что «благородно-мечтательный идеализм русского прогрессивного общественного мнения породил лишь изуверское

Фридрих Ницше

насилие революционизма и оказался бессильным перед ним». На деле идеализм имел червоточину, ибо был поражен вирусом эгоизма, мещанского прагматизма, жаждущего жертв изуверского насилия буржуазии?!

Одним словом, пусть погибнет мир — и свершится справедливость. Если немцы получили в лице Ницше своего «подпольного человека», то у нас в России к началу XX в. таких расплодилось сотни и тысячи. Ницше как-то обронил: «Я мог бы стать Буддой Европы, что, конечно же, контрастировало бы с индийским». Но Ницше писал все ж для немногих («satis sunt pauci», «достаточно немногих»). Наши же пророки хотели завоевать общественное мнение всей России, даже мира. Возможно, даже предстать Христом для России. Так не говорили, но так думали. Л. Шестов уловил эту связь между Достоевским, Ницше, войнами и революциями. Он писал: «Итак, pereat mundus, fiam, пусть весь мир погибнет, подпольный человек не откажется от своих прав и не променяет их на «идеалы» сострадания и все прочие блага в том же роде, специально для него уготованные современной философией и моралью... У Ницше это новая и величайшая «декларация прав»... Отсюда и жестокость Ницше. Он стремится избавить себя и людей от «страданий».

В 1899 г. состоялась Гаагская мирная конференция, созванная по инициативе России, в которой приняли участие 27 государств.

Российская делегация на Гаагской мирной конференции в 1899 г.

По итогам ее работы тогда были приняты три конвенции: 1) о мирном разрешении международных споров, 2) о законах и обычаях войны, 3) о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. Особое значение имела первая конвенция. В соответствии с ней согласились приложить усилия к обеспечению мирного разрешения споров, конфликтов, наметив средства для достижения указанной цели: добрые услуги, посредничество, международные следственные комиссии, международный третейский суд. Все это были общие, ничего не значащие фразы. Секретарь русской миссии на конференции М. Шиллинг (в будущем директор канцелярии, 1-го политического отдела МИДа) посвятил конференции страницы дневника. Общий вывод: конференцию ее участники всерьез не воспринимали, довольствуясь прогулками и роскошными обедами.

Уйма миролюбивых фраз. Все отрешаются от войны, как черт от ладана. Сонмы писателей, поэтов, философов упивались «эоловыми лучами мира». Даже и прожженные дипломаты, знающие досконально таинства,

хитрости и уловки политических авантюристов и эквилибристов, казалось, находились в неведении. Так, прослуживший на дипломатическом поприще в Пекине, Афинах, Штуттгарте, Мадриде, Цетинье немало лет Ю.Я. Соловьев признался, что еще осенью 1913 г. он «не думал, что мы уже почти накануне войны и в преддверии ряда столь тяжелых лет». Д. Кончаловский в очерке «Состояние русского общества перед войной 1914 г.» уверял, что российская дипломатия, в отличие от германской, французской, английской «в случаях, когда дело шло о Европе, большей частью бродила подобно странствующему рыцарю по белому свету, преследуя фантастические планы, радуя о чужих интересах и целях, беспричинно создавая себе врагов, иногда даже выращивая таковых себе на будущее время за счет усилий и жертв собственной страны». Но так ли это? Искренни ли они? Впрочем, дипломатия и искренность редко уживаются под одной крышей. Хотя кажется невозможным, чтобы мир сознательно и будучи в здравом уме пошел бы на такую чудовищную вивисекцию, каковой является мировая война. Однако в XX в. эту

операцию вопреки желаниям народов, империалисты и капиталисты проделали дважды. И готовы проделать вновь.

Представлять войну России с Японией как нелепую случайность или глупость русского царя неверно. Писатель В. Вересаев, фокусируя мнение русского общества об этой войне, говорил: «Война была вызвана, конечно, не Японией, война всем была непонятна своей ненужностью, — что до того?» Неверное заключение... В основе ее лежало столкновение интересов крупнейших держав Дальнего Востока и мира. Обе страны — Япония и Россия — посчитали Маньчжурию да и Китай сферой своих исключительных интересов. Этому предшествовали более ранние события, когда Британия захватила Гонконг, Франция — Кантон, Германия — бухту Цзяочжоу. Напомним, ранее талантливый русский дипломат-панславист, граф Н.П. Игнатьев (1832—1908), используя военное вторжение англичан и французов в Китай, сумел убедить

китайцев в дружеском отношении России и заключил в 1860 г. в Пекине договор, по которому за Россией признавались все земли на левом берегу Амура, а также территория между рекой Уссури и Тихим океаном. Известно, что наследник русского престола, цесаревич Николай (будущий царь Николай II) совершил путешествие по ряду стран. Начав свой маршрут в Греции, группа, вместе с цесаревичем преодолев огромные расстояния, посетила страны Африки, Азии и Дальнего Востока (Египет, Греция, Индия, Цейлон, Сингапур, Сайгон, Китай, Япония). Князь Э. Ухтомский в труде «Путешествие» описал вояж. Образованный и состоятельный человек, он был знатоком и поклонником культуры буддийского Востока, а кроме того издавал газету «Петербургские ведомости».

Князь Ухтомский — сторонник активной восточной политики России. Будучи близок к царской семье, он старался убедить цесаревича в том, что будущее России тесно связано

Наследник-цесаревич Николай в Индии

В Маньчжурии началось строительство КВЖД

с Азией. Именно ему принадлежит высказывание: «Между Западной Европой и азиатскими народами лежит огромная пропасть, а между русскими и азиатами такой пропасти не существует». Он писал: «Там, за Алтаем и Памиром, та же неоглядная, не исследованная никакими исследователями ещё допетровская Русь с ее непочатой шириной предания и неиссякаемой любовью к чудесному, с ее смиренной покорностью посылаемым за греховность стихийным и прочим бедствиям, с отпечатком строгого величия на всем духовном облике». Ухтомский замечал, что «для Всероссийской державы нет другого исхода: или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно пойти на пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы будут еще опаснее, чем западные иноплемenniки». Воистину пророческая, верная мысль! В нее бы вникнуть нашим политическим оракулам.

Правительство России одним из первых подключилось к империалистическому переделу мира. И, можно сказать, даже выступило в авангарде империализма, его ударным отрядом, что не позволяет говорить о царе и его окружении как о миротворцах и миролюбцах, якобы только и помышлявших что о благе России, пользе ее народа и спасении душ. Как и все прочие, Россия была заинтересована в захвате территорий, в сохранении своих зон влияния — как на Востоке, так и в Азии или в Европе... Генералы, воротилы бизнеса, спекулянты, царедворцы — все они страстно мечтали принять участие в переделе

мира и как можно более нажиться на войне. *Miseriam servitutem pacem appellant* (жалкое рабство называют миром. — лат.). Все грезили захватами и присоединением новых земель — в Азии, Африке, на Дальнем Востоке, в Иране, Китае, Корее. Полковник А. фон Шварц писал в книге «Осада Порт-Артура»: «Ход естественного развития Русского государства издавна двигал его в сторону наименьшего сопротивления — на восток, к берегам Тихого океана. В середине XIX столетия Россия приобрела Южно-Уссурийский край с гаванью, где был основан Владивосток. Но гавань эта замерзала и не могла служить хорошим портом для Сибирской магистрали, к постройке которой приступили в 1891 г. Необходимо было приобрести гавань незамерзающую, открытую для судов круглый год. Таковую можно было найти только на юге: в Корее или на Китайском побережье Тихого океана». Россия арендовала у Китая в 1898 г. Порт-Артур и Далянь на 25 лет. Николай II решил, что дальневосточная политика России найдет поддержку у европейских держав.

Как выше отмечалось, в 1896 г. был заключен тайный русско-китайский договор. Россия получала право на строительство Китайско-Восточной железной дороги и обрела массу торговых льгот вплоть до разрешения на эксплуатацию угольных месторождений. Правда, спустя некоторое время министр Ли Хунчжан был с треском отправлен в отставку, а его ближайший помощник еще и казнен. Не пощадили даже китайского посла в Санкт-Петербурге, почтенного доктора философии Сюн Кинчшена: его отозвали в Пекин и там публично повесили. В Китае не церемонятся с дипломатами-предателями, не то что в России... Но Витте все же добился, чего хотел: концессии на железную дорогу. В 1900 г., подавляя восстание боксеров, русские войска (вместе с немцами и англичанами) вошли в Пекин. Во дворце, в спальне богдыханши был найден тот самый тайный договор за подписью Витте. В 1900 г. Россия ввела войска в Маньчжурию, получив право на строительство железной дороги в Маньчжурии. Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) построил инженер А.И. Югович (ее длина 3000 км, 107 станций, мосты и тунне-

ли, города Харбин, Дальний). Харбин (1898) был главным русским центром КВЖД. Затраты России на строительство дороги были внушительны. Ясно, что спор шел вокруг зон влияния и собственности... Китайский губернатор из Цицикара Шоу Шань предупредил, что «сравниет Харбин с землей, уничтожит русских, войдет в Хабаровск». 2 июля 1900 г. с китайского берега по Благовещенску был открыт артиллерийский огонь, началась мобилизация населения в Приамурье. В ответ на действия китайцев власти раздали русскому населению оружие. Русские в ответ увеличили число войск для охраны КВЖД до 8000 человек. Губернатор Амурской области, генерал К.Н. Грабовский отдал приказ уничтожать китайские погранзаставы: те были уничтожены вместе с ближайшими поселениями — за неделю русские стали хозяевами Амура. Затем штурмом был взят Айгунь и военный министр шлет генералу Н.И. Гродекову в Хабаровск телеграмму N 3036 следующего содержания: «Государь император Николай II сказал: «Айгунь должен быть снесен». Последовал лаконичный ответ «Айгунь будет снесен, новые Земли получают Русские переселенцы». К.Н. Грабовский отдал приказ — выбросить за Амур всех китайцев, и «чтобы ни один китаец не остался на нашей стороне!» Русская полиция и крестьянские дружины стали прочесывать города и сёла. Действовали жестоко, если не сказать более — свирепо. Китайцев выбрасывали из их домов, а многих поубивали. Вооруженные топорами дружины загнали в Амур первую партию китайцев (6000) и приказали им плыть (4 июля 1900 г.). Тех, кто отказывался, изрубили шашками. Вдобавок еще и казачий разъезд открыл огонь по несчастным китайцам. В итоге реку переплыли только с десятков китайцев. Начались массовые вылазки русских за Амур.

Назревали широкомасштабные военные действия. В 1900 г. у Китая было 750 000 солдат, 500 новейших орудий, магазинные ружья. Русские же сосредоточили в Китае армию в 176 000 человек при 336 орудиях и 8 пулеметах. Отбита китайская контратака на Харбин. Русские войска одержали победу над китайцами в Дагу и Танцзине. Военная подготовка китайских войск, вероятно, была не на высоте.

2600 русских солдат, германская рота, французский батальон (3000 человек) выбили из города 25 000 китайцев. Отряды генералов В. Сахарова, Н.А. Орлова, П.К. Ренненкампа, Д.И. Суботича, вице-адмирала Е.И. Алексеева заняли китайские города Саньсин, Ажэ-хэ, Хайлар, Цицикар, Хуланьчен, Мэргэнь, Гирин, Мукден, Хунчунь, Нингут, Омосо, захватили перевал на Малом Хингане, очистили от китайцев КВЖД. 1 августа 1900 г. ночью отряд генерала Василевского (6600 человек) захватил Пекин. При штурме города погибли 21 русский. Правительство, императрица и наследник Китая бежали из города в провинцию Шэнси. Потрясенные столь быстрым покорением страны, 1798 чиновников Китая покончили жизнь самоубийством. Разбив десятки тысяч китайских солдат, русские взяли и богатую военную добычу. Были освобождены 1009 европейцев. Пекин поделен на зоны оккупации: Восток — под русским контролем, Юг — под английским и американским, Север — под японским. 15 августа 1900 г. прошел и парад объединенных сил оккупантов у стен священного Запретного города.

«Захваты Порт-Артура, Квантунской области прошли гладко, но отношение к России в Китае резко изменилось. Население из дружелюбного превратилось во враждебное. Началось восстание, которое принесло много

Русские драгуны против китайских повстанцев

Войска интервентов в Китае. 1900

материальных потерь и стоило немало жизней служащим КВЖД и ее охране. Но Петербург ликовал: появился повод для новых захватов. Под предлогом усмирения боксеров Россия ввела войска в Маньчжурию, был разграблен Пекин, в том числе императорский дворец, спешно покинутый его обитателями. Боксеров усмирили, но уходить из Китая не собирались. Генерал А.Н. Куропаткин... уверял, что Маньчжурия так и останется российской — на правах Бухарского ханства. Правда, историки наши уверяют нас, что войска России не проводили в Китае «никаких массовых репрессий по отношению к мирному населению, беспощадно подавляя очаги восставших ихэтуаней, группы китайских войск и хунхузов». Но это примерно то же, что взять и заявить: дескать, царизм не проводил никаких массовых репрессий против мирного русского населения, но беспощадно подавлял выступления недовольных крестьян, казаков, поселенцев, рабочих и студентов в разные периоды истории России. И все же это был акт безусловной агрессии.

Правительство Циньского двора вынуждено было подписать «Договор Синьчоу». Китай становился фактически колонией, на него возложена огромная контрибуция, в сумме 1 000 000 тыс. лянов серебра. Уничтожались крепости, запрещался ввоз оружия в Китай. Иностранные оккупационные войска получали право занимать любые пункты в Китае. Ни у кого в мире не вызывал сомнения тот факт, что это была империалистическая агрессия! «В китайском сознании царская Россия стала самым агрессивным захватчиком», — справедливо заключает М. Лазырин.

Можно в какой-то мере согласиться и со словами классика политологии XX в., немца К. Хаусхофера, что во введении к работе «Границы в их географическом и политическом значении» (1927) прямо скажет: «То, что кажется само собой разумеющимся лидерам младокитайцев относительно крупных концернов — грабителей мира, в 1914—1918 гг. вырвавших новые, более выгодные для себя границы, и что побудило их сказать с мрачной иронией: «После того, как они ограбили мир, они предложили ему приостановить грабеж», — это еще не стало ясным сегодня большинству населения Центральной Европы». Заметим, что цели империалистов уже не составляли тайны ни для последовательных социалистов (Ленин), ни для самих народов стран, поработанных мировым капиталом.

Дела на Дальнем Востоке осложнялись тем, что «насушенные интересы русского народа», как это частенько у нас и бывает, узурпировала группа дельцов, политических проходимцев. В 1896 г. купец Бринер из Владивостока получил от корейского правительства концессию на эксплуатацию лесов по берегам р. Ялу — пограничной реки между Кореей и Китаем. Сей Бринер и организовал Корейскую лесную компанию, однако, не сумев наладить там работу, продал дело отставному полковнику А.М. Безобразову, имевшему большие связи в самых высших сферах Петербурга. В свою очередь, тому удалось заинтересовать в проекте и министра внутренних дел В.К. Плеве. «Это предложение давало возможность, Во-первых, сосредоточить на концессиях под видом рабочих войсковые части, на которые могла бы быть возложена задача по первоначальному удержанию японцев при завязке войны, и, во-вторых, захватить прилегающий к реке Ялу район, якобы богатый золотыми россыпями, которые могли бы быть обращены в собственность романовской фамилии», — писал в книге «Русско-японская война» комбриг Н.А. Левицкий (1938). Заручившись мощным покровительством Плеве, А.М. Безобразов обратился непосредственно к царю и убедил его в возможности — при содействии частного, но втайне протектируемого правительством коммерческого предприятия — фактически

завладеть всей Кореей. Однако на эти же земли претендовала и Япония. Правительство этой страны усмотрело в деятельности русской компании угрозу его геополитическим интересам на Корейском полуострове. Начались трудные переговоры между Россией и Японией, попытка как-то сопрячь интересы. Восточная политика России почти целиком определялась закулисными советниками в лице отставных кавалергардов, и та следовала своему опасному курсу в уверенности, что Япония воевать все же не решится. Правящие круги, как видим, ошиблись.

Царизм вел экспансионистскую политику. В.Е. Голенищева-Кутузова пишет: «Сначала введя войска в Китай, Россия впоследствии поспешила отмежеваться от коалиции, чтобы осуществлять собственную политику на Востоке мирным путем. В ходе военных действий Китай оказался разделенным на зоны влияния. Воспользовавшись этим, страны-участники коалиции предложат план колониального раздела всей страны. Но Николай II отказался от участия в разделе Китая и распорядился увести русские войска в Маньчжурию, находящуюся под российским мандатом. Там и продолжалось строительство КВЖД. Но политическая обстановка обострилась — авторитет

Маньчжурской династии был подорван, а Россия была обвинена Западом в одностороннем выходе из войны. Таким образом, европейскими государствами — участниками подавления восстания (Англией, Францией, Германией, Японией) решено было лишить Россию всех приобретений в Китае. А вскоре при поддержке Европы Япония начала против нас войну, печальные последствия которой нам хорошо известны — Россия лишилась Ляодуня, Порт-Артура и Маньчжурии».

Конечно, хотелось бы оправдать политику России в Китае и Корее. Но факты, упрямая вещь, и они соответствуют реальному положению дел больше, нежели болтовня о миролюбии... Генерал-лейтенант А.А. Игнатьев в книге «Пятьдесят лет в строю» писал: «Не раз говаривал отец (граф А.П. Игнатьев) еще до войны, что не доведут Россию до добра затеи этой компании и что когда-нибудь за их жажду наживы, за их лесные концессии, которые они взяли на Ялу, под самым носом у японцев, привыкших считать себя уже здесь хозяевами, придется дорого расплачиваться всему государству». Цели войны были сформулированы еще накануне Русско-японской войны 1904—1905 гг. Сам государь в доверительной беседе с принцем Генрихом, братом

Русские моряки в Порт-Артуре

Строительство моста в Сибири

Вильгельма II (октябрь 1901 г.), высказался недвусмысленно: «Я не хочу брать себе Корею, но никоим образом не могу допустить, чтобы японцы там прочно обосновались. Это было бы *casus belli* (лат. — предлог к войне). Столкновение неизбежно, но надеюсь, что оно произойдет не ранее, чем через четыре года, — тогда у нас будет преобладание на море. Это — наш основной интерес. Сибирская дорога будет закончена через 5—6 лет».

В дневнике военный министр А.Н. Куропаткин записал беседу с Витте. У них обоих не осталось сомнений в отношении откровенно экспансионистских намерений российского самодержца. Читаем далее откровения: «У нашего Государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы... Мы министры... задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний и все разочаровываем, он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России». Однако их усилия, если таковые и были, оказались безрезультатны или явно ничтожны. После Боксерского восстания, когда в Китай под предлогом наведения порядка вторглись иностранные войска, Россия обрела контроль над большей частью Маньчжурии. Аппетит разыгрался еще более. В 1902 г. русские двинулись в Корею и захватили там целую область (1903). То была, как ее ни называй, экспансия. В 1904 г. японцы согласились считать Маньчжурию сферой русских интересов, если мы уйдем из Кореи. Россия тянула с ответом, дипломаты и пра-

вительство вели двойную игру, рассчитывая, что успеют нарастить силы на Дальнем Востоке. Генерал Куропаткин требовал 6—7 лет для подготовки. Однако времени не было.

Надо сказать, что даже будущие главные лица в войне с Японией были настроены весьма пессимистично в отношении российского вмешательства в дела Юго-Восточной Азии. Будущий командующий на Дальнем Востоке генерал А.Н. Куропаткин в 1903 г. посетил Японию и под впечатлением своего визита написал «Японские дневники», где есть любопытные признания: «...если мы из-за Кореи начнем войну с Японией, то мы истинные интересы России на Дальнем Востоке по важности поставим в обратном порядке и за это и будем наказаны войною. Даже победоносная война с Японией будет тяжким наказанием для России, и история никогда не простит тем советникам государя, которые убедили его принять настоящие решения, если они приведут к войне. Это будет наказание за то, что мы поставили сравнительно ничтожные для России интересы в Корее выше интересов Маньчжурии, выше интересов Приморского края. Это будет в особенности заслуженное наказание за то, что в делах Дальнего Востока мы не разобрались в коренном для России вопросе: мы, принимая решения, не взвешивали относительной важности этих дел с делами внутренней России и, в особенности, с делами, определяющими безопасность России на западной границе. Силы и средства России уже тяжело напряжены. Если мы даже без войны вновь затратим большие силы и средства

Генерал А.Н. Куропаткин

на Дальнем Востоке, то будем в силах это сделать, только одновременно ослабляя себя на западной границе. Это будет игра в руки врагов наших». Тут впервые видим и слышим из уст военных некое предвидение того, что вступление в войну с Японией может привести к роковым последствиям для нас в будущей войне на Западе, если таковая случится.

А всему виной спекулянты и биржевики... Участник и свидетель событий тех лет, И.В. Кулаев писал: «Виновником Русско-японской войны, если не прямым, то косвенным, часто называют Безобразова, весьма известное в Петербурге лицо. Этот энергичный деятель получил в Корее, в бассейне реки Ялу, большую лесную концессию, для эксплуатации каковой составил товарищество, в которое вошли крупные и важные столичные персоны. Этиго господа и были против каких-либо уступок Японии — особенно в корейском вопросе — и довели Россию до войны».

Поройтесь в секретных документах любой войны, и вы за каждой крупной войной обнаружите интересы маклеров и дельцов. Немецкий канцлер Бюлов, говоря об истинных причинах начала Русско-японской войны, писал: «Граф Остен-Сакен, старый опытный дипломат, не без основания еще осенью 1903 г. сравнивал в разговоре со мной трения между Россией и Японией с началом мексиканской авантюры. Русско-японская и мексиканско-французская войны имеют сходство в том, что обе начались из-за нечистых биржевых спекуляций. Они имеют сходство и в том, что эти инсценированные биржевыми дельцами военные предприятия драпировались патристическими фразами, как дальновидные политические начинания. Во Франции Руэ назвал мексиканскую экспедицию «величайшей мыслью царствования». В России камарилья, окружавшая царя, великие князья, которые хотели нажить деньги... и все придворные уверяли, что русская экспансия на Дальнем Востоке напоминает великую политику великого Петра или великой Екатерины. Тем понятнее было неудовольствие панславистов, которые хотели бы, чтобы Россия собрала и сберегала все свои силы для Европы, в особенности же для Балкан. Император Николай влип в войну с Японией». Тем не менее

Генерал Е.И. Алексеев

патристическая печать России уверенно и легкомысленно заявляла о быстрой победе над японцами, утверждая, что нашей армии и флоту не составит труда «утереть нос» Японии. Близость войны с Японией была для всех очевидна. Россия постаралась предстать в глазах общественного мнения как пострадавшая сторона. В дневнике царя читаем: «Вечером получил известие о прекращении переговоров с Японией и о предстоящем отъезде ее посланника отсюда» (24 января); «Утром у Меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим...».

Итак, война у ворот, а царь занимает позицию страуса, сунувшего голову в песок и делающего вид, что не в курсе. Нашкодил — и в кусты. Наместник России на Дальнем Востоке Е.И. Алексеев всем своим поведением так же лишь провоцировал войну с Японией. Сей чинуша сделал карьеру в салонах царствующей династии. Началу его карьеры послужили «подвиги» в публичном доме. Во время пребывания в Марселе с в. кн. Алексеем возник скандал. Великий князь устроил в борделе свалку и попал в полицию. Дело явно грозило перерасти в международный скандал. Алексеев, тогда еще молодой морской офицер, взял вину за инцидент на себя и тем самым спас «честь династии». И такой вот горе-адмирал и возглавил борьбу против японцев. Витте в сердцах как-то посоветовал генералу Куропаткину арестовать Алексеева и тем самым избавить войско от всевластия этого идиота. И таких было немало.

Япония напала на Россию без объявления войны. Акт вероломный, но это и не удиви-

Россия утрет Японии нос. Наш предвоенный плакат

тельно, зная практику агрессоров. Правительство, «славный генералитет» и господа адмиралы оказались неподготовлены к этой войне (точнее, к этой тоже). Война началась так, как было изображено на ура-патриотических плакатах... Но с точностью до наоборот... Кстати говоря, подобные плакаты были и у японцев, но те изображали обычно Россию в виде сильного и агрессивного зверя, медведя и тигра, тогда как у нас Япония представлялась таким маленьким, беззащитным, «пушистым» зверьком или хрупким солдатиком.

Россия ввязалась в войну, к которой была совершенно не готова, в войну с умелым, умным, упорным противником, каким, бесспорно, была империалистическая Япония, быстро набиравшая вес. Россия с устаревшим вооружением, слабой технической оснащённостью флота, порой неумелым командованием, не столь эффективной, а часто и слабой разведкой отставала по многим показателям. Высшая власть и за ухом не чесала, как это было и в конце XX в. Тем самым она прямо или косвенно играла на руку врагам. В ночь с 26 на 27 января 1904 г. японские эсминцы атаковали русскую эскадру на рейде Порт-Артура и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер, на следующий день в корейском

порту Чемульпо превосходящие силы японцев атаковали крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец».

Несмотря на то что Россия обладала численным превосходством, ее в войне с Японией ждало поражение. У поражения были веские причины. К примеру, перед началом войны с Японией в Тихоокеанской эскадре наблюдался недокомплект личного состава: офицеров — от 16 до 39 %, инженеров-механиков — от 25 до 29 %, минеров — от 17 до 20 %, кондукторов — до 76 %, артиллеристов — от 11 до 31 %, машинистов — 16 %. Командующий русской Тихоокеанской эскадрой докладывал в Петербург о некомплекте личного состава. Чиновники отправляли директивы и тут же о них забывали, мало заботясь о действительном состоянии армии и флота. Налицо нехватка снарядов к пушкам (к иным орудиям недокомплект составлял от 83 до 100 %). Существенной слабостью русской армии было полное пренебрежение тактическими учениями. Японцы, в отличие от нас, ежегодно проводили большие и тщательно подготовленные маневры. В это время российская интеллигенция даже радовалась превосходству японцев. «Хорошая, брат, страна Япония! Вторую книгу читаю о ней, —

прекрасная страна!», — выражал писателю Андрееву свое восхищение японцами во время Русско-японской войны Горький.

Когда во главе армии и флота поставлены вопиющие бездарности и карьеристы, страна дорого платит за эти просчеты... К. Мартин пишет в «Русско-японской войне» об отсутствии элементарных норм бдительности у русских накануне войны. Русские в Порт-Артуре оказались совершенно неподготовлены к японской атаке: торпедные сети в бухте не были поставлены, тяжелые орудия на корабли не погружены, экипажи в момент атаки японских миноносцев мирно спали вместо того, чтобы быть у расчетов. Стоявший на страже в бухте крейсер «Паллада» был расцвечен огнями, как новогодняя елка — прекрасный ориентир в ночи для атак японцев. Как скажет впоследствии адмирал А.В. Колчак, бывший тогда в Порт-Артуре: «Наша эскадра стояла так, чтобы быть утопленной без остатка...» Только после успешной атаки японских миноносцев на наши корабли (ими были поражены крейсер «Паллада», линкоры «Цесаревич» и «Ретвизан») командиры наконец-то отдали приказ по флоту: «К бою!» Однако орудия на момент начала боя были в смазке. Когда начался бой, командиры не сделали даже попытки напасть на врага. Опять все та же наша проклятая надежда на авось. Автор пишет: «Как только огонь прекратился, адмирал Старк в Порт-Артуре начал оценивать потери. Броненосцы «Новик», «Аскольд», «Диана», «Баян» были атакованы и получили повреждения, особенно серьезно был поврежден «Новик». Но гораздо важнее был психологический эффект от этого поражения. Русские морские силы на Дальнем Востоке были разбиты, три больших корабля сели на мель и были серьезно повреждены, четыре получили менее серьезные повреждения. Японцы не потеряли ни одного корабля, хотя несколько военных кораблей были повреждены прямым попаданием снарядов». Итог битвы русского флота с японцами следует признать катастрофическим... Эскадра вице-адмирала Рождественского была разбита в пух и прах с минимальными потерями для японцев, а имя «Цусима» стало нарицательным, как символ позора нашей армии и флота.

Дадим слово независимому автору. К. Мартин в «Русско-японской войне 1904—1905 гг.» писал: «Из двенадцати основных русских боевых кораблей восемь были потоплены и четыре захвачены противником. Четыре русских крейсера были потоплены, один сел на мель, и три были интернированы в Маниле, и только один сумел уйти во Владивосток. Из девяти эсминцев четыре было потоплено, один захвачен, один интернирован в Шанхае, два пришли во Владивосток. Было шесть специальных обслуживающих судов, сопровождавших флот. Три из них были потоплены, два дошли до Шанхая... Разбив русский флот, адмирал Того потерял три торпедных катера, несколько больших кораблей было подбито, но все они остались пригодны для дальнейшей службы. Русские потеряли 216 офицеров и 4614 матросов убитыми, 278 офицеров и 5639 матросов (включая раненых) были взяты в плен, 70 офицеров и 1783 матроса интернированы властями нейтральных стран. Японцы потеряли 110 офицеров и матросов убитыми и 590 ранеными. Таких жутких поражений на море Россия еще не знала в своей истории. Впервые весь ужас Русско-японской войны стал доходить до высших кругов России. Эта война на суше и на море, пока ею занимались профессионалы и резервисты, но не цвет русского войска, была от них далеко. Тогда известнейшие русские гвардейские дивизии не шли на Дальний Восток; цвет морских сил не погибал в Дальневосточной эскадре. Но теперь... В Балтийском флоте, что пришел сражаться в Тихий океан, были представлены первые семейства России. Офицеры с «Александра III» являлись элитой российского дворянства, и из этих моряков спаслось только четверо». Это был страшный удар по престижу военной элиты.

Конечно, в боевом да и в морально-нравственном отношении многие рядовые матросы, офицеры вели себя достойно. В Цусимском сражении экипажи явили и дух и несгибаемое мужество. Пример высочайшей отваги продемонстрировали моряки броненосца «Сысой Великий», крейсера «Дмитрий Донской», миноносца «Громкий», «Князь Суворов» и других. Когда к разрушенному снарядами флагманскому броненосцу «Князь

Последний бой крейсера «Варяг»

Суворов» за раненым Рождественским, офицерами штаба подошел миноносец «Буйный», лейтенанты Н.П. Богданов и Н.А. Вырубов — офицеры «Князя Суворова», как и оставшиеся в строю матросы, не пожелали покинуть пылавший корабль. Они попросили миноносец поскорее отойти и не подвергать угрозе жизнь других. Отважные моряки ушли на дно вместе с кораблем, отражая атаки врага.

Вместе с броненосцем «Адмирал Ушаков» погиб и его командир, капитан 1 ранга В.Н. Миклухо-Маклай (брат известного путешественника, исследователя Новой Гвинее). Когда все возможности сопротивления были исчерпаны, командир броненосца приказал открыть кингстоны. Капитан 1 ранга Миклухо-Маклай еще мог спастись, но он отказался покинуть мостик и погиб вместе с кораблем. Перед капитуляцией моряки взрывали корабли, уничтожали склады и оружие. На внешнем рейде русскими были затоплены броненосец «Севастополь», канонерская лодка «Отважный», на

входном фарватере крейсера «Джигит» и «Разбойник». Миноносцы «Статный», «Смелый», «Властный», «Сердитый», «Бойкий» и катера смогли прорваться сквозь ряды японцев и уйти в китайские порты. На миноносце «Статном» были отправлены из Порт-Артура знамена, флаги, секретные документы. Русские моряки достойно показали себя в неравном бою с японцами («Варяг», «Кореец»), продемонстрировав отчаянное мужество. В Зимнем дворце 29 апреля 1904 г. царь Николай II подсластил пилюлю, чествуя моряков «Варяга». В тот день впервые и звучала известная ныне песня, ставшая в дальнейшем «гимном» русских моряков:

Наверх, вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Все вымпелы вьются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,

Адмирал Того

Готовятся к бою орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкая!
Свистит и гремит, и грохочет кругом.
Гром пушек, шипенье снарядов,
И стал наш бессмертный и гордый «Варяг»
Подобен кремешному аду...

Корень поражения русских войск и флота в Русско-японской войне, как нам представляется, сокрыт в худшей организации и управлении армией, флотом, в техническом отставании, в пассивном образе действий Верховного командования. «Ванновский (из видных специалистов в военной области. — Ред.) говорил про войну японскую, что мы в Маньчжурии были многочисленнее японцев, что артиллерия была лучше японской, что тяжело сознаться, что всему виной беспечность русских; чувство самосохранения преобладало в нашей армии, патриотизм отсутствовал, дисциплины не было никакой». Конечно, то, что эти строки принадлежат перу генералыши Богданович, лишний раз подчеркивает, что генералы во всех поражениях готовы винить солдат и матросов, не свои ленивые генеральские задницы или бездарные головы. Верную оценку дал один из участников тех событий, офицер-полковник: «Нельзя приписывать особых качеств японцам. Мы были поражены самими собой. Отправили в ужасный путь эскадру; бой ее сломил только наполовину, наполовину же она была разбита тяжелым переходом; восстановить её полную силу

Адмирал З.П. Рождественский

мог бы хотя и самый непродолжительный отдых. Война была нам не нужна; мы дрались из-за какой-то... Кореи, когда для японцев победа или поражение — был вопрос жизни и смерти. Сознание одного этого уже укрепляло японцев». Не лучшим образом проявило себя и военное командование. Командующий Куропаткин, проявляя недоверие к войскам и командирам, отличался осторожностью и медлительностью. За шесть недель до войны генерал Куропаткин поразил одного из собеседников следующим замечанием: «Нам выгоднее отдать японцам Южно-Китайскую железную дорогу, даже Порт-Артур, чем рисковать войной». Как можно выиграть войну с таким ничтожеством! В итоге он потерпел провал под Мукденом. Порой это походило на обычную трусость. Эти черты командующего самым негативным образом сказывались на положении войск. Его манера командования становилась притчей во языцех. Один из иностранцев, подполковник фон Лауэнштейн отступление от Ляояна объяснял, с одной стороны, «недоверием Куропаткина к запасу нравственных сил своей армии, а с другой — страхом перед призраком больших сил Куроки».

Совсем иного типа военным был С.О. Макаров. Талантливый полководец и умелый инженер, он заметно превосходил многих тогдашних флотских и сухопутных командиров. Однако и он полагал почему-то, что сила флота не в бронированных армадах и пушках, а «в

Гибель броненосца «Петропавловск»

духе и сердцах». Тем не менее и Макаров прекрасно видел, что русская эскадра не только не обучена умелым совместным военным действиям, но и плавать-то по-настоящему как следует не умеет. Примером тому может служить хотя бы паника, охватившая эскадру адмирала Рождественского, которая шла еще по Северному морю, направляясь на Дальний Восток. В ночь с 21 на 22 октября 1904 г. ей встретилась флотилия из полусотни безобидных рыбачьих лодок. Армаду, которой всюду теперь виделись японские миноносцы, охватила дикая паника. И корабли принялись всаживать в ночную мглу снаряд за снарядом. Один баркас был потоплен, несколько повреждены. В этой сумятице еще большие повреждения получили русские корабли. «Бит-

ва при Доггер-банке», которая продолжалась 12 минут, вызвала международный скандал, заставив краснеть моряков больше, чем от Цусимы. Адмирал Макаров попытался что-то исправить, стремился вдохнуть веру, энергию и отвагу в сердца моряков и защитников Порт-Артура. К сожалению, уже в начале военной кампании этот замечательный русский флотоводец погиб.

Примеров русской безалаберности и разгильдяйства можно привести сколько угодно... Так, 13 марта 1904 г. из-за слабой подготовки офицерских кадров столкнулись два броненосца — «Пересвет» и «Севастополь», чуть не потопив друг друга. Наши миноносцы прямо у себя под носом пропустили к Порт-Артуру отряд японских миноносцев — и те

Вице-адмирал С.О. Макаров

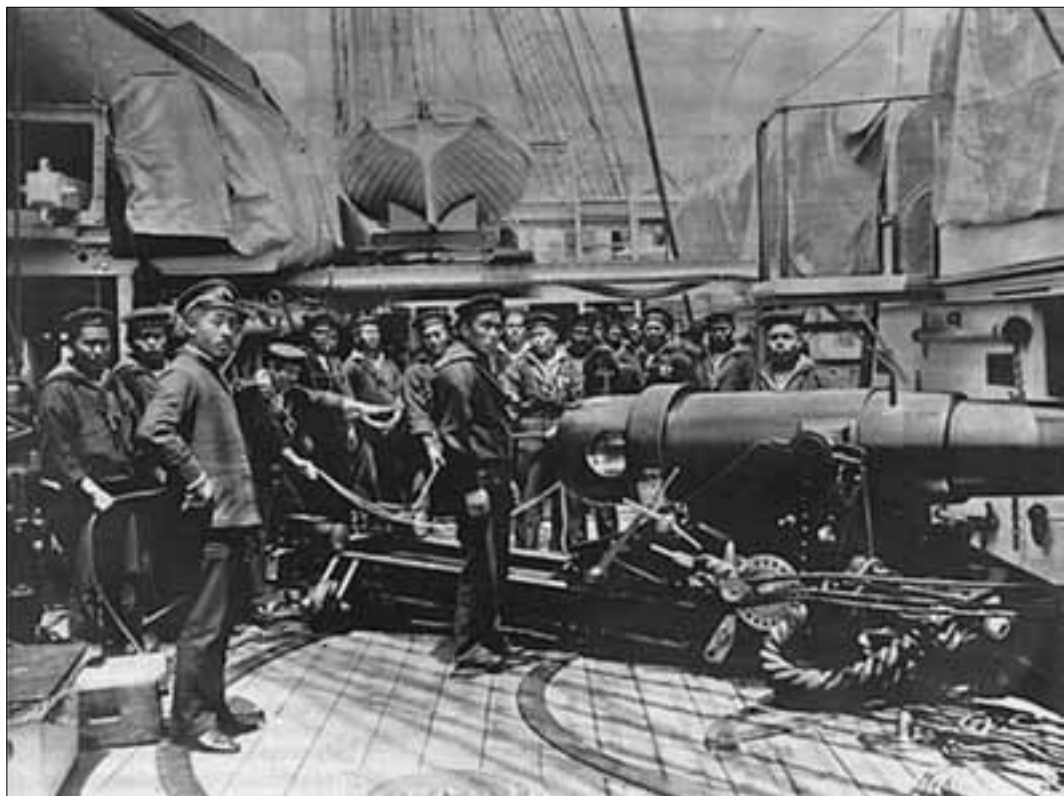
почти в упор расстреляли наши корабли. Или вот еще пример. Командир миноносца «Страшный» отстал от своих и пристал ночью к японцам, приняв японские суда за свои. Удивившись такой безалаберности, японцы потопили миноносец (почти никто из экипажа не спасся). Это — не просто халатность. Такое действо по законам военного времени следовало бы классифицировать как преступление. За такую «службу» господ офицеров и командиров надо расстреливать, как это и делалось в годы Великой Отечественной войны при Иосифе Виссарионовиче Сталине. Да и гибель «Петропавловска», на котором приняли смерть Макаров, Дукельский и еще 600 матросов и офицеров, произошла потому, что сам сам главком принял японские катера, ставившие мины, за свои миноносцы. Первым же взрывом адмиралу снесло голову, подорвалась и «Победа».

Правда, все же кое-что Макаров успел сделать. Еще накануне Русско-японской войны генерал-адмирал русского флота великий князь Алексей Александрович, дядя царя, получил от начальника Кронштадтского порта адмирала Макарова рапорт с предупреждением о недопустимости содержания русских кораблей на внешнем рейде Порт-Артура, где те могут стать удобной мишенью для внезапной ночной атаки японцев. Однако, отличаясь безразличием к делам вверенного ему флота, князь не придал этому

Художник В.В. Верещагин

значения. Рапорт не был рассмотрен, а через месяц с небольшим японцы без объявления войны произвели ночную атаку на русские корабли в Порт-Артуре и потопили их, что стало печальным началом несчастной для нас Русско-японской войны. П. Лазаренко в дневнике писал: «За короткое время пребывания Макарова в Артуре им вооружены даже все катера. Деятельность в порту стала кипучей, в штабе адмирала разрабатываются всевозможные проекты дальнейшей борьбы. Всюду царят воодушевление, уверенность в успехе». Даже командир японского корабля «Акацуки» Нирутаки в дневнике честно признался: «Как переменялось положение вещей с тех пор, как Макаров принял командование! Дать генеральное сражение неизбежно, как бы мы при этом ни рисковали, иначе русские со дня на день будут становиться все решительнее, опытнее и опаснее». Но Макаров, как было сказано, почти сразу же после прибытия погиб на «Петропавловске», плоды его трудов быстро были забыты и исчезли, как и его флагман-броненосец, за две минуты ушедший под воду. На место погибшего адмирала Макарова должен был срочно заступить адмирал Н.И. Скрыдлов, отозванный по сему поводу с поста командующего Черноморским флотом. Но тот тянул почти месяц. Еще и направился не в Порт-Артур, а в С.Петербург, устраивая проводы и освящая образ «Торжество Пресвятой Богородицы». Итог плачевен.

Мощные японские орудия

31 марта погиб Макаров, и лишь в первой декаде мая во Владивосток прибыл наконец новый командующий флотом. К тому времени японцы высадили десанты у Дальнего (50 км от Порт-Артура) и перерезали путь.

Выявилась и наша проклятая техническая отсталость. По словам очевидцев, большинство снарядов «не взрывались ни в воде, ни на японских кораблях», а орудия «Корейца» вообще не доставали до японских кораблей. Мы уступали японцам в маневренности, подготовке экипажей и скорости мышления, в разведке. Иные наши военачальники (не Рождественский, конечно, а адмирал С.О. Макаров) в знаниях, морских навыках, изобретательности не уступали самым прославленным флотоводцам Японии — адмиралам Того и Камимура. Макаров прошел школу генерала Скобелева, чей Георгиевский крест, подаренный ему «генералом победы», он с гордостью носил на груди до последнего смертного часа. Но один флотоводец не делает погоды.

Конечно, у наших моряков была за плечами и школа побед (Ушаков, Нахимов, Корнилов). Но в той войне многое, если не все уже зависело от уровня техники и технологий. Кроме того можно сказать, что Россию преследовало некое «дьявольское наваждение». Наш флот преследуют роковые неудачи — погибли вице-адмирал Макаров и адмирал Витгефт 28 июля 1904 г. 1-я Тихоокеанская эскадра, которой командовал адмирал Витгефт, пошла на прорыв из Порт-Артура во Владивосток. В случае успеха прорыва осада японцами с суши и блокада с моря пустой базы в значительной мере утрачивала бы смысл. Господство на море они потеряли бы, скорее всего, безвозвратно. Прорыв русских тогда почти удался. Будущий цусимский триумфатор японский адмирал Того собирался отдавать своим кораблям приказ об отступлении... Но в этот момент шальной снаряд попал в боевую рубку флагманского русского броненосца «Цесаревич», убив Витгефта и весь его

штаб. Лишенная командующего, эскадра вернулась в Порт-Артур, где и погибла от огня наземной артиллерии японцев, захвативших господствующие высоты вокруг базы. Это обрекло на гибель 2-ю Тихоокеанскую эскадру, шедшую с Балтики, поскольку та была направлена на Дальний Восток на помощь, а не на замену 1-й эскадре. Русский военный флот на Дальнем Востоке в итоге фактически прекратил существование.

Относительно более успешными были действия русских войск на суше. Хотя и в Мукденском сражении, где с обеих сторон участвовали более полумиллиона человек, русские действовали даже без намеченного и выверенного плана. Правда, штаб Куропаткина разработал-таки (январь 1905 г.) план наступления на Сандепу, но управлять войсками генералы и офицеры в условиях маневренного боя как следует не научились. Под Мукденом вышло так, отмечал А.А. Игнатьев, что Куропаткин «как бы добровольно передал

с самого начала инициативу в руки Ойямы (Ойяма — японский главнокомандующий), а тот уже играл с нами, как кошка с мышкой». Из-за тумана полки сбились с курса и вместо востока двинулись на юго-запад, обстреливая другую деревню. Японцы отразили все наши атаки, а 14-я дивизия потеряла при этом свыше 1100 человек. А между тем солдаты и офицеры сражались, не щадя жизней. По словам П. Краснова, буквально на его глазах славный 1-й Сибирский корпус пополнился 40 % состава за непрофессионализм высшего командования. И такое случалось не раз и не два. Бездарность верхушки очевидная.

Другой пример. В августе 1904 г. русская и японская армии сошлись у гор. Ляоян. На 10-й день сражения командующий японской армией маршал Ояма принял решение отступить и уж готов был отдать приказ. Только командовавший русской армией генерал Куропаткин отдал аналогичный приказ на два часа раньше. Русские, потерявшие в этом

Русские на укреплениях Порт-Артура

Мукденский бой

сражении в полтора раза меньше людей, чем противник, ушли на север, лишившись шансов на прорыв к Порт-Артуру да и на победу. Все эти «случайности», конечно, можно объяснять военной удачей или неудачей. Но в битвах, где чаша весов поражений и побед колеблется, любое действие или же бездействие, любая мелочь (прежде всего упорство командиров, воинов) предопределяют исход.

О мужестве русских солдат в битвах 1904 г., в том числе донских казаков, писал П.Н. Краснов: «Месяц оправлялась японская армия, и месяц оправлялись и мы. Сибирские казаки Самсонова и забайкальцы генерала Ренненкампа заглядывали далеко в тыл японцам. Генерал Куропаткин готовился к наступлению... В конце сентября наша армия столкнулась с японской, и десять дней, почти без перерыва, шел страшный бой на реке Шахе. Ни та, ни другая сторона не могла осилить. Количество убитых и раненых дошло до 50 тысяч. Никогда и нигде еще не было такого упорного боя. Люди изнемогали от усталости, винтовки раскалялись от непрерывной стрельбы; японцы по пять раз подряд кидались на наши окопы, усыпали осенние желтые поля телами убитых и не могли сломить упорства наших солдат. Наконец, усталость начала брать свое. Не хватило снарядов, и

знаменитый бой на Шахе окончился вничью. Мы остались на своих позициях, японцы на своих». Заметим еще раз: при мужестве солдат как раз царские генералы и демонстрировали их неподготовленность и непрофессионализм.

Сказалось и преимущество японцев в разведке. Японцы за 10 лет до войны наводнили Дальний Восток и Маньчжурию огромным числом шпионов и диверсантов. Называют имя военного атташе в Петербурге полковника Акаси, что позаботился о том, чтобы Россия не перебросила на Восток 20 элитных корпусов. Японцы вообще продемонстрировали отличные навыки разведки. В книге М. Алексеева читаем: «Борьба со шпионами затруднялась в высшей степени еще тем обстоятельством, что японцы могли пользоваться для интересов тайной разведки своими соотечественниками. Эти последние, по наружности похожие на китайцев, переодевались в китайское платье, привязывали косу и в среде настоящих китайцев делались не узна-

Битва за Порт-Артур

Японский маршал Ойяма**Генерал Р.И. Кондратенко****Командир «Варяга» Руднев**

ваемыми для неопытного глаза наших войск. Местное население их не только не выдавало, но даже часто скрывало. Случаи поимки таких шпионов были очень редки, за всю кампанию — 4, и всегда были случайными». Замечу, что даже по данным Отчета разведывательного отделения, вопрос организации борьбы со шпионами противника в течение почти всей Русско-японской кампании был поставлен крайне неудовлетворительно. Русская разведка, конечно, работала, но только с большим запозданием. Впрочем, когда русские разведчики и контрразведчики получали поддержку в лице умного руководства, они были на уровне требований времени. Японский профессор Ч. Инаба в статье по истории разведки в Русско-японской войне писал, что, несмотря на все принятые японской стороной меры предосторожности, российской контрразведке удалось наладить перехват и расшифровку телеграфной переписки японских дипломатов (в делах Департамента полиции ГА РФ содержится 350 японских телеграмм). Русские осуществляли перехват не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. В свою очередь, японские разведчики и агенты работали активно по перехвату русской военно-экономической корреспонденции. Японцы тем не менее остались очень высокого мнения о достоинствах русской разведки: «Таким образом, первенство в этом «деликатном деле», безусловно, принадлежало ей, в силу чего она была информирована о планах Японии лучше, чем противная сторона. Осо-

бую значимость это превосходство имело во время мирных переговоров». Но при всем уважении к нашим разведчикам отмечу: политическое руководство царской России чаще оказывалось не на уровне поставленных задач (иначе обстояло дело в СССР). Хотя и делать из японской разведки всесильного *lupus in fabula* (волка в басне) не стоит, что вскоре и покажет время.

Что касается человеческих качеств русских командиров, то и тут видим разные примеры поведения. Одни вели себя героически, близки по духу солдату и матросу (генералы Белый, гений обороны Кондратенко, Макаров, командир «Варяга» Руднев и др.). Организатор и вдохновитель обороны Порт-Артура, генерал-лейтенант Р. Кондратенко считал правилом: гарнизон укрепления защищает его до последнего человека; пусть даже погибает, но не сдается. Пока он был жив, Порт-Артур стоял. Но с его гибелью из обороны словно бы вынули некий стержень — крепость пала. Посмертно ему дадут чин генерал-лейтенанта. У нас великим защитникам и героям России если что-то и дают, то, как правило, посмертно. И преспокойно забывают... Именем Кондратенко названы эскадренный миноносец Балтийского флота и 25-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, что дислоцировался в Иркутске. На карте Владивостока есть и полуостров Кондратенко. В годы революционных потрясений русский генерал, «душа обороны Порт-Артура», фактически был предан забвению. 25-й стрелковый полк расформировали.

Гибель души обороны Порт-Артура, генерал-лейтенанта Р.И. Кондратенко

Эсминец пустили на металлолом. Фамильный склеп в Александро-Невской лавре разграблен и уничтожен, а обелиск — снесен. Только после Великой Отечественной войны на могиле Р.И. Кондратенко появилась небольшая колонна с Георгиевским крестом. Сегодня в России остался только полуостров, носящий имя генерала. Причем многие ныне даже и понятия не имеют, в честь кого он был назван (Ю. Барабаш). Офицерский корпус был пестрым.

Защитники монархии предпочитают не говорить о том, что в царской армии были отъявленные мерзавцы, позорившие честь армии и флота, но все же остававшиеся на службе. Среди генералов, офицеров нередки типы, подобные Рейценштейну, капитану 1-го ранга, начальнику отряда крейсеров. Его открыто презирали. «Рейценштейн поражал всех своей бестолковостью и почти всегда был пьян», — писал лейтенант С.Н. Тимирев, служивший на «Победе». Не намного лучше выглядят другие схожие фигуры. Особенно возобладали пораженческие настроения

после прихода к командованию Стесселя и Фока. Если Кондратенко называли душой обороны, то Фока звали ее злым гением... При них вкоре сдали и Высокую гору, с которой рейд Порт-Артура как на ладони. Эскадра и Порт-Артур были обречены. Бездарность, трусость, предательство, жадность, тупость... Стессель потребует затопить флот и уничтожить его. Напрасно генерал Смирнов настаивал на обороне Порт-Артура до тех пор, пока не съеден последний сухарь (муки хватило бы на 1,5 месяца), а начальник артиллерии крепости генерал Белый говорил, что снарядов хватит еще на два штурма. Начальник обороны Порт-Артура Стессель подписал акт капитуляции с Японией. А ведь еще не так давно тот же Стессель отсылал царю победоносные реляции. Николай удовлетворенно сообщал императрице Марии Федоровне: «У этих уродов (т.е. японцев. — В.М.) было из строя более 10 тысяч человек» (22.09.1904). И это глас христианина?! Никакая Богородица не поможет и не дарует

дарует воинству побед при таких бездарных царях и командирах.

В романе А. Степанова «Порт-Артур» выведены эти фигуры (Фок, Стессель, Рейс и др.). В «Порт-Артуре» описывается сцена, когда командующий Стессель, получив от японца Ноги согласие на капитуляцию русских войск в Порт-Артуре, дал офицерам право выбора — идти в плен вместе со своими солдатами и матросами или вернуться в Россию с личным оружием, денщиками и определенным количеством вещей. Правильнее сказать, Николай II предоставил участникам обороны право выбора: «Генерал-адъютанту Стесселю. Я разрешаю каждому офицеру (опять-таки — офицеру! — В.М.) воспользоваться предоставленной привилегией возвратиться в Россию, под обязательством не принимать участия в настоящей войне, или разделить участь нижних чинов. Благодарю Вас и храбрый гарнизон за доблестную защиту. Николай». Одни генералы и офицеры выбрали плен, заявив подобно генералу Белому: «Я перестал бы уважать себя, если бы вернулся до окончания войны в Россию». Однако Стессель и др. предпочли уехать в Россию, прихватив «все ценные вещи из Артурского казначейства» (на 800 тыс. рублей), хотя раньше весь Порт-Артур облетела его громкая фраза:

«Я умру в последнем рву». Но жена успокоила мужа-главнокомандующего: «В России, слава богу, еще генерал-адъютантов не вешают, а если они проштрафятся, то направляют их в Государственный совет». Показательны и слова капитана Вамензона. Тот отказался делить тяготы и лишения плена с солдатами, цинично заявив: «В течение всей осады мы делили с нижними чинами все невзгоды и лишения. А как они нам отплатили за это? Оскорблениями, угрозами и даже нападениями, чему мы были свидетелями... Что может быть общего между мною и этими, извините за выражение, скотами, которые понимают лишь матерную брань и зуботычины? Нет, господа, я считаю: ничто нас не связывает с этой бандой неблагодарных животных, и, конечно, отправляюсь в Россию». Об этом ныне сирены демократии умалчивают.

А ведь благодаря именно этим «животным» русские войска так долго держали Порт-Артур, а японцы положили тут почти целую армию (70 тыс. человек убитыми и ранеными). Уже тогда среди солдат и матросов на Дальнем Востоке слышалось: «Продали нас генералы вместе с Артуром!» Естественно, что среди солдатской массы возникло глубокое недовольство отношением к ним «белой кости». И даже ненависть... Придет время —

Оборона Порт-Артура

Генерал Ноги и генерал Стессель

и офицеры на себе почувствуют правоту пословицы «Как аукнется, так и откликнется». Сахалин также был не подготовлен для обороны и достался Японии как «бесплатный приз». Между тем дворянство, духовенство, промышленники, сенаторы в один голос умоляли царя не заключать позорного для России мира. Они страстно желали «довести войну до победы». При этом, если понадобится, изъявляли готовность «положить живот свой за родного Царя и многострадальную Русь». Разумеется, никого из них ни в окопах, ни на боевых кораблях, в сражениях, никто никог-

да и не видывал. Демагоги и подлецы. Знать у нас вообще не привыкла отвечать за ее деяния. Адмирал Рождественский, вернувшись из японского плена, был оправдан царским судом. Говоря о причинах трагедии Цусимы, он всю вину возложил на бывшее начальство и до революции 1905—1907 гг. ходил едва ли не в кумирах «революционной России». Стесселя, сдавшего Порт-Артур, правда, судили и приговорили к пожизненному заключению!

Россия войну проиграла... И на флоте, как и по всей России, скоро наступят иные, смутные и дикие времена — бунты, мятежи, восстания, убийства офицеров. Тихоокеанский флот как таковой, т.е. как боееспособное объединение, фактически прекратил существование. Такова плата за поражение. Поражение было неизбежно в условиях самодержавного строя, хотя Россия имела численное превосходство в войне с Японией. Мы проиграли войну, хотя японцам не удалось ни разу — повторяю — разгромить русские войска, окружить или тем более обратить в бегство. Так, на суше Япония в ходе войны потеряла убитыми — 47 387, а Россия — 25 331.

Россия крайне болезненно восприняла поражение от японцев. Узнав о падении Порт-Артура, царь записал в дневник с чувством полной обреченности: «Получил ночью

Руки вверх!

потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники — все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то, значит, воля Божья!» И главным виновником поражения все посчитали Николая II, хотя виновата была вся система. Один из авторов скажет: «Как заклинания, повторялись слабые стишки: «Наш Царь — Мукден, наш Царь — Цусима», и никому в голову не пришло ответить: «Наш Царь — железные дороги, наш Царь — самые низкие в мире налоги, наш Царь — народное образование, наш Царь — самое демократичное рабочее законодательство, наш Царь — высшая свобода и честь Родины». Бесспорно, значительную часть вины за это поражение следовало бы возложить не только на царя, но, повторим еще и еще раз, и на российскую правящую элиту. «Хороша», впрочем, была и наша интеллигенция. В книге В.В. Вересаева «На японской войне» есть признание, наводящее вдумчивого читателя на размышления: «Кругом, в интеллигенции, было враждебное раздражение отнюдь не против японцев. Вопрос об исходе войны не волновал, вражды к японцам не было и следа, наши неуспехи не угнетали; напротив, рядом с болью за безумно-ненужные жертвы было почти злорадство. Многие... заявляли, что для России полезнее всего было бы поражение. При взгляде со стороны, при взгляде непонимающими глазами, происходило что-то невероятное: страна борется, а внутри страны ее умственный цвет следит за борьбой с враждебно-вызывающим вниманием. Иностранцев это поражало, «патриотов» возмущало до дна души, они говорили о «гнилой, беспочвенной, космополитической русской интеллигенции». Но у большинства это не было истинным, широким космополитизмом, способным сказать родной стране: «Ты не права, а прав твой враг»; это не было также органическим отвращением к кровавому способу решения международных споров. Что тут действительно могло поражать, что теперь с особенною яркостью бросалось в глаза, — это та невиданно-глубокая, всеобщая

Так кто же кому «надрал уши»?

вражда, которая была к начавшим войну правителям страны: они вели на борьбу с врагом, а сами были для всех самыми чуждыми, самыми ненавистными врагами». Таковы наши «либералы» и «демократы»: они всегда радуются позору и унижению России. Это у них — как врожденный сифилис!

Последствия разгрома были для России печальными. Фактически страна после поражения надолго выпала из разряда ведущих стран мира. Особенно тяжелы были внешне-неполитические итоги. Японцы потребовали от России огромной контрибуции, подобной той, что получили от Китая, и настаивали на передаче Россией Японии Уссурийского края с Владивостоком в придачу. Требования Японии удалось нейтрализовать с большим трудом. Однако тяжесть и горький осадок от этого унижительного поражения оставались. Царь записывает в свой дневник: «Должен сознаться, что радостного настроения не чувствовалось!» Решающую роль в войне сыграла лучшая военная подготовка японцев, более совершенная техника, что была у них на вооружении. Японские крейсера, обладая более мощной артиллерией, беспрепятственно в бою при Цусиме расстреливали русские корабли издалека. «Последний парад» русских войск на Дальнем Востоке завершился полным конфузом и падением престижа.

На полях Маньчжурии закончилась эта непонятная, чуждая народу война. Вот что вспоминал очевидец событий тех лет, русский предприниматель И.В. Кулаев, который по делам ездил в штаб командующего театром военных действий, генерала Куропаткина. «При остановках поезда на станциях следовавшие эшелонами на фронт призванные в армию бородачи нередко подходили ко мне небольшими группами и спрашивали меня: «Скажите, пожалуйста, господин, зачем нас гонят в чужую землю? Кого и что тут мы должны защищать? Сами мы ведь ничего не знаем»... Такими вопросами солдаты ставили меня в тупик. Что я мог ответить им на это? А отвечать все же приходилось. Давал я им объяснения, какие и сам порой не считал резонными, например: правительство, мол, находит, что нельзя выпускать японцев на материк, иначе они зайдут далеко, до самого Байкала... Верили ли солдаты моим словам, не знаю, скорее, кажется, что нет, не верили». Конечно, не верили. Далее автор приводит ряд сцен, которые свидетельствуют, как война влияла на нравы солдат и офицеров. Вот пьяный офицер гоняется за солдатом с револьвером. Особенно впечатляет кровавое убийство солдатами, возвращавшимися с Маньчжурского театра военных действий, группы манифестантов. Манифестанты шли с красными знаменами, протестуя против царского строя. Солдаты, раздраженные тем, что паровозы замерли и они не могли ехать далее, набросились на рабочих и железнодорожников. При этом 10 человек манифестантов были убиты. Подчеркнем, что все солдаты были трезвыми. Газета «Народная летопись», перепечатывая материалы издательства «Новый мир», отмечала, что «Русско-японская война — это авантюра бюрократического произвола». Вот что писал об отношении к армии фейерверкер 3-го Сибирского армейского корпуса: «Я жалею, что поехал сюда (в тыл), я теперь так же злостно настроен ко всему окружающему, да оно и понятно... сочувствия и уважения мы здесь (в тылу. — Авт.) не найдем... Бедные те наши братья-товарищи, которые жизнь положили за честь Родины — их она не помянет. Родина кричит: к черту войну, глупцы, дураки те, крестики которых одиноко рассеяны по сопкам, долинам Маньчжурии...».

Один офицер вспоминал в «Русском инвалиде»: «Шестнадцать месяцев тревог, волнений, страшных лишений, бесконечно ужасных, потрясающих картин войны, способных свести человека с ума; щемящее чувство боли от незаслуженных обид, оскорблений, потоков грязи, вылитых частью прессы на нашу армию, безропотно погибающую на полях Маньчжурии; оскорбление раненых на улицах... толпою; презрительное снисхождение нашей интеллигенции к жалким, потерпевшим по своей же глупости, вернувшимся с войны — все это промелькнуло передо мной, оставив глубокий след какой-то горечи... Вы радовались нашим поражениям, рассчитывая, что они ведут вас к освободительным реформам. Вы систематически развращали прокламациями наших солдат, подрывая в них дисциплину и уважение к офицерам». Стоит добавить, что и солдаты, и офицеры видели или по крайней мере догадывались, что они положили свои жизни не ради России, а во имя прибылей подлых и нечистых на руку предпринимателей и чиновников. Эти господа покупали кожу на изготовление сапог или что-либо еще на нужды армии (но по ценам в 3—4 раза ниже их стоимости в документах). «Могу сказать, что сапоги для армии заготавливались десятками тысяч даже в таких городах, как Тяньцзинь и Шанхай, где в этом случае происходила настоящая вакханалия; многие спекулянты, не имевшие никакого понятия ни о кожевенном, ни о сапожном деле, зарабатывали на этих поставках здесь большие деньги. Шили сапоги китайцы; как они их шили, из какого материала — один Бог знает. Однако поставщики товар сдавали, а комиссии принимали». Усталая, разбитая, озлобленная армия тем часом возвращалась в Россию, полная гнева, злобы, отчаяния... И неслась к Шахэ, Ляояну, Мукдену, Вафангоу скорбная мелодия вальса «На сопках Маньчжурии»:

Тихо вокруг,
Сумрак на землю лег,
Дремят во мгле Маньчжурские сопки,
Тучей закрыт восток...

Видишь кресты?
Это герои спят...
Песню над ними ветер поет
И звезды с небес глядят...

Русские моряки в плену в Японии

Кому нужна была Маньчжурия!? Капиталистам, буржуям, крупным сановникам, вора и бюрократам! Ну а платить, ясное дело, эта сволочь заставляет трудовой народ — «серую скотину»! Кровью и потом! После окончания войны России с трудом удалось добиться сносных условий мира. Наверху у нас никто всерьез и не задумается, во что выльются для России поражения и проигранные войны. Хотя Витте и писал, впрочем, весьма двусмысленно: «Тем не менее величайшая заслуга государя, что он возбудил этот вопрос, но, конечно, будет еще большая заслуга, если в дальнейшем царствовании своим он своими действиями покажет, что мирное предложение, им сделанное, представляет не только внешнюю форму, но содержит в себе и практическую реальность. К величайшему сожалению, надо признаться, что на практике пока мысль о мирном разрешении вопроса осталась в области разговоров, Россия сама делает пример, совершенно обратный тому, что было предложено ее монархом, ибо несомненно, что вся Русско-японская война и кровавые последствия, от этого происшедшие, не имели бы места, если бы мы не на словах,

а на деле руководствовались мирными великими идеями»(1911—1912). Втавив Россию в кровавые войны, наши бюрократы показали истинную цену своих «мирных устремлений». Так кто кому надрал уши? Конечно, Япония — России. Последствия будут трагические.

Видный русский социолог П. Сорокин позже скажет: «К сожалению, здесь я не могу пускаться в интерпретацию нашей истории с точки зрения влияния войны на исторические судьбы России. Скажу только, что влияние это было роковым. Итоги ему подвела последняя Русско-японская война. Она показала, что наше величие мнимое, что наша культура — показная, а наше невежество — безбрежно. Последние войны нас доконали». В Портсмуте удалось добиться сносных условий мира с Японией. Витте сумел сыграть на противоречиях между Японией и Западом. За его усилия он был высочайше пожалован титулом графа. В народе его величали «графом Полусахалинским». Царь наградил его еще и орденом Александра Невского и на средства царской казны купил виллу в Биаррице. Человек, бывший одним из виновников, обласкан и приближен высшей властью. В дневнике

С.Ю. Витте. Переговоры о мире

генеральши А.В. Богданович, что бы о них ни говорили, действительно порой встречаем точные зарисовки жизни «правящих кругов». По поводу назначения Витте министром следует недвусмысленная его оценка: «...это — темная личность, в полном смысле слова. Витте — взяточник. В день своего назначения он телеграфировал Ададурову: «Поздравьте, я назначен министром». Эта депеша много разъясняет и по делу Козлово-Саратовской дороги, когда говорили, что Витте взял взятку, чтобы так защищать интересы Дервиза и Ададурова». То, что в России в министры часто попадали за взятку (конечно, при царском режиме) ни для кого не было секретом. Наш чиновник вовсе не из гоголевской шинели вырос — из взятки. Ею кормится — «страдалец».

Подводя некоторый итог Русско-японской войне, нужно прямо сказать, что она была Японо-русской, т.е. по всем статьям японская императорская армия, ее военачальники, организаторы, офицеры и адмиралы, равно как технические специалисты переиграли Россию, ее бесславный, бездарный царский аппарат и офицерство. Чтобы это признать, нужно немалое мужество, нужно быть патриотом, говоря бездарям, вора, предателям и народу в глаза правду... Объясняя причины поражения царской России в той войне, обратимся к фактам и суммируем их, сведя к некоему общему, что ли, знаменателю... Во-первых, большое значение имел уровень образования. Неграмотность среди солдат, матросов и даже офицеров в России (несмотря на культуру части русской интеллигенции) в целом была очень высока. Вы скажете: «А как

же Пушкин, Толстой, Достоевский, Чайковский, художники?» Но и поэты, и писатели, и композиторы не ходят строем. Напомним, что в нашей армии более половины личного состава были неграмотны, в Германии — один неграмотный, во Франции — 68, в Австро-Венгрии — 220 человек на 1 тысячу. И совсем иная картина в Японии... Адмирал С.О. Макаров писал: «В Японии уже пять столетий нет ни одного неграмотного. О таком народе нельзя сказать, что он не просвещен. Из поколения в поколение японцы и китайцы привыкли учиться, вот почему японцы так быстро научились всему европейскому в такой короткий срок». Во-вторых, во главе Российского государства стояли в начале XX в. такое ничтожество, как Николай II, семья и свора князей с крайне низким культурным, образовательным и интеллектуальным уровнем (за редким исключением). В-третьих, царя совершенно не интересовало положение в армии и на флоте, вопросы их оснащения, не говоря уже об управлении и снабжении войск, разведке и т.д. и т.п. Японию и за границу изучать они и не думали (несмотря на известную поездку в бытность его цесаревичем). В дневнике царя нет ни фразы по вопросам боевого обеспечения армии и флота.

Хотя наша страна технически заметно и отставала от Японии. Так, российский флот был оснащен допотопными машинами, имел неважную броню, малое число современных дальнометров и устаревшие орудия. Экипажи не умели обращаться с дальнометрами. Офицеры и наводчики стали знакомиться с ними только на местах. Иные оказались такого убогого качества, что после первых же выстрелов наводчики вынуждены были сбивать их топорами, ибо выяснилось, что надежнее выходит прицелиться на глазок, как в войне с Наполеоном... На ряде кораблей пушки все еще стреляли дымным порохом. Об уровне «мастерства» командиров говорит и тот факт, что во время учебной стрельбы по плавучим щитам (в районе Мадагаскара) ни один снаряд в щит не попал, но эти «умельцы» ухитрились поразить собственный крейсер «Дмитрий Донской», ранив 10 человек (в другом случае). Даже снаряды у нас были чугунные, а не стальные, коих было мало. По свидетель-

Император Японии Муцухито

ствам, при стрельбе взрывалось не более 25% русских снарядов. Зато разрывались пушки (при первом же залпе по японцам у Порт-Артура на «Аскольде» разорвалась бортовая 152-мм пушка). Нехватка снарядов приводила к тому, что войска и корабли находились постоянно под огнем противника, а сами не могли ему эффективно ответить. Все передовые страны давно уже перешли на бездымный порох и более мощные виды взрывных веществ. Казна не нашла 2,5 млн рублей на производство современных взрывчатых веществ. Хотя балерине Кшесинской поклонниками из высших сфер, включая царских особ, подарено одних только бриллиантов на несколько миллионов рублей. В-четвертых, организация работы по добыче информации и дело разведки в России были поставлены из рук вон плохо. Хотя были и у нас мастера своего дела. Все портил глава государства... У нас всегда все начинается с гнилых голов на верхах... Такой вот вопиющий факт. Перед самым началом войны с Японией Николай II не нашел ничего умнее, как поехать в Дармштадт, куда взял своих военного министра, министра иностранных дел и генералов с походной канцелярией. Оттуда руководили действиями наместника Алексева на Дальнем Востоке, который готовился к войне с Японией. Все депеши и указания быстренько разгадывались немцами дешифровщиками, поступали на стол кайзеру, а тот, желая связать руки России на Дальнем Востоке, передавал японскому Генеральному штабу (по крайней

мере частично). Витте пытался обратить внимание царя на опасность перехвата секретной информации, но безуспешно. Все осталось, как и раньше. В-пятых, в нашей армии не было единоначалия... Все пытались командовать армией и флотом — от Николая II, генерал-адмирала Алексея Александровича и вел. кн. Александра Михайловича до наместника, ген. Алексева, Куропаткина, Стесселя, Фока, Рейса, Смирнова, адм. Рождественского, Макарова, Иессена, Старка, Витгефта... Иные из них выказывали свое «геройство» лишь при подавлении восстания китайцев («боксеров») или при расстреле безоружных рыбаков, с испугу приняв оных за японцев. За это их потом осыпали наградами (Алексеев получил орден Белого орла, золотую саблю, стал генерал-губернатором и был произведен в полные адмиралы). В-шестых, если свести вместе все многочисленные факты, то становится понятно: везде и всюду у нас наблюдались обычные российские головотяпство и разгильдяйство... Скажите на милость, как оценить то, что лишь единицы русских кораблей сумели дать японцам хотя бы подобие боя и прорваться, уйдя затем в нейтральные порты. Лишь «Севастополь», его команда повели себя достойно. Не сдались. Остальные или были расстреляны японцами, или же просто затоплены. Крейсер «Варяг», тот самый, что «врагу не сдается», фактически был сдан японцам, а «достопауный» Руднев, которого так прекрасно сыграл актер Б. Ливанов, открыл кингстоны и затопил свой корабль, не нанеся никакого вреда противнику. Об этом японцы писали: «неприятельские снаряды ни разу не попали в наши суда, и мы не понесли ни малейших потерь». Потому-то Руднев и вынужден будет в итоге подать в отставку: флотские офицеры не приняли его в свои ряды (в Чемульпо). В-седьмых, всюду царили шапкозакидательство и пренебрежительное отношение к противнику, начиная с императора. Царь презрительно называл японцев «макаками», говоря, что в случае войны от тех останется мокрое место. И песня «Варяг» начиналась словами: «Где ждут желтолицые черти».

Но уже при первой встрече с противником многих генералов и адмиралов охватила дикая

Карикатура. «Где ждут желтолицые черти...»

паника. Японцы быстро сбили их браваду. Генерал-губернатор Келлер пожелал поохотиться на «макак»-японцев. Он выехал на позицию, как на заячью охоту, и был изрешечен шрапнелью. Командир крейсера «Изумруд» капитан 2-го ранга Ферзен с испугу взорвал свой крейсер (после того как сам же напоролся на камни). Наверху царят ложь и сплошная некомпетентность. Прав был прапорщик Шанаренко (с борта «Изумруда»), записав в дневнике: «Если возвратимся благополучно на родину, то вранья будет по горло. А истина опять будет не известна для России... Ту-неядцы и бездельники опять возьмут безнаказанно все выдающиеся места и снова поведут Россию к разорению и гибели. Печально и жутко!.. Мы чувствуем, что командир боится идти во Владивосток и выжидает здесь — авось мир будет заключен». Команда пешком добрела до Владивостока, ее встретили музыкой оркестров, будто ими была одержана невиданная победа, а Ферзен получил в награду золотое оружие с надписью: «За храбрость» и стал вице-адмиралом... Потом японцы поднимут наши корабли, введут в строй под своими знаменами и именами. Надо не бояться

смотреть в глаза истине! Не надо сотворять кумиров из ничтожеств! Они и губят Россию! В-восьмых, в отличие от нас Япония серьезно готовилась к войне. Ею проведены огромные работы по перевооружению армии, обучению личного состава. Пресса настраивала нацию на победу над русскими «варварами». Играла роль и древняя культура самураев, упорная подготовка нации к войне, целью которой объявлено было создание «великой Японии». Газета «Ници-Ници» писала: «Бейте, гоните дикую орду, пусть наше знамя водружится на вершинах Урала». Японская разведка работала, как у себя дома. У нас же вообще не было на полях сражений подразделений контрразведки. Работали единицы. Верховная власть не понимала роли разведки и контрразведки (главой контрразведки был ротмистр Лавров, т.е. подполковник), особенно в условиях современной войны. В-девятых, налицо и факт откровенного предательства ряда офицеров и генералов царской армии. Почти открыто говорили, что Стессель и Фок за капитуляцию Порт-Артура получили от японского генерала Ноги взятку в 5 млн долларов. Масса косвенных улик также свидетельствует в пользу таких вот печальных выводов. К примеру, японцы не только с миром отпустили Стесселя, но даже охотно выделили специальный поезд, в котором тот и увез в Петербург награбленные им в Китае в 1900—1901 гг. золото и драгоценности. И такой еще факт... 2 января 1945 г. на торжественном параде в Порт-Артуре комендант крепости японский ген. Ота коснулся истории сдачи Порт-Артура. Он сказал, что взятие крепости произошло не только благодаря храбрости и мужеству японских воинов, но и благодаря (sic!) «искренним» отношениям между японским генералом Ноги и немцем Стесселем... Еще бы. Порт-Артур сдали, несмотря на превосходство в артиллерии. Японцам достались годными 357 орудий и 133799 снарядов. Так почему же нынче буржуазно-монархическое отребье в России (со страниц прессы, экранов ТВ) вопит о «пломбированном вагоне» Ленина и его «измене», не вспоминая «подвиги» царских генералов и адмиралов!

Большевики не сдавали ведь своих крепостей без отчаянного боя. В-десятых,

это крайне важно, в Японии утвердилась к тому времени относительно справедливая социально-общественная система, что находило отражение в единстве армии и народа, какового уже не было в русской армии. Наш пленный, оказавшись на японском корабле, вспоминал: «...нам бросилось в глаза отсутствие между офицерами и солдатами той розни, какую на каждом шагу встречаешь у нас; там же, наоборот, чувствовались между ними какая-то сплоченность, родственный дух и общие интересы. Тут только впервые мы и узнали по-настоящему, с кем мы имели дело в бою и что такое японцы». Историк А. Широкоград говорит: «Версия о предательстве получила широкое распространение в русской прессе уже в первые годы после окончания войны... Это не предательство, а «разруха в головах», как сказал профессор Преображенский в «Собачем сердце». Вирен, Стессель и

К боевали, как их учили, начиная с Пажеского, Кадетского или Морского корпуса. Виновата была система. Спихнут с трона придурка, и уже в Гражданскую войну в головах (все тех же) господ офицеров, луганских слесарей и веселых махновцев появится больше мыслей, чем у всех деятелей Русско-японской войны, включая «гениального Макарова». Научатся задира́ть ствол орудия с 15 до 45 градусов, ставить пулеметы на тачанки, тяжелые орудия на бронепоезда и «шаланды, полные кефали», ставить дым завесы и т.д. и т.п.».

И все же предательство имело место быть, причем самое широкомасштабное. Предателями были царь и его камарилья, включая высшее звено управления империи! Самое позорное другое... Главные виновники позора Мукдена и Цусимы, сдачи Порт-Артура, проигрыша кампании оправданы, отсидели символические сроки и были выпущены.

На сопках Маньчжурии. Победы советской армии!

Рождественского уволили с правом ношения адмиральского мундира и пенсией, Смирнова и Рейса оправдали, Фоку объявили выговор. И даже Стесселя, приговоренного к смертной казни, выпустили на свободу уже через год. Так же поступит власть с командирами тех кораблей, что были сданы японцам (на иных наши командиры подняли японские флаги перед сдачей)! Мерзавцы! Не в адмиралы надо таких господ (с правом ношения мундира) производить, а стрелять и вешать за трусость и предательство. Россия потеряла не только 185 млн руб. и территории, но, и главное, сотни тысяч жизней. Вот вам и «славное царское офицерство». В-одиннадцатых, как вела себя наша «демократическая публика»? Один пример. При начале Русско-японской войны профессор Петербургских высших женских курсов звал своих учениц отслужить молебны о даровании победы России... Курсистки созвали сходку, на которой единогласно отказались от участия в молебне. А несколько девиц еще и послали поздравительную телеграмму микадо. Поздравительный адрес японскому императору направила и группа петербургских студентов-путейцев. А в одной из витебских гимназий, когда учитель стал рассказывать о нападении японцев, гимназисты вскочили с мест с криками: «Да здравствует Япония!». Стыд и срам! Вы можете себе представить, чтобы кто-то (в здравом уме) послал поздравление Гитлеру или японцам за нападение на нашу страну, на СССР?! И этот строй, т.е. николаевское самодержавие, мерзавцы из профессорско-писательских и журналистско-телевизионных клоак осмелились превозносить и воспевать! А надо было бы, повторяю, стрелять таких адмиралов, генералов, князей и царя, как и всю эту «демократию». Остались от той поры только позор да вальс «На сопках Маньчжурии» (музыка — И. Шатрова, слова — С. Скитальца).

Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...
На сопках Маньчжурии воины спят,
И русских не слышно слез...
Страшно вокруг,
Лишь ветер на сопках рыдает.
Порой из-за туч выплывает луна,

Могилы солдат освещает.
Белеют кресты
Далеких героев прекрасных,
И прошлого тени кружатся вокруг,
Твердят нам о жертвах напрасных.
Средь будничной тьмы,
Житейской обыденной прозы,
Забуть до сих пор мы не можем войны,
И льются горячие слезы.
Героев тела
Давно уж в могилах истлели,
А мы им последний не отдали долг
И вечную память не спели.
Так спите ж, сыны,
Вы погибли за Русь, за Отчизну.
Но верьте, еще мы за вас отомстим
И справим кровавую тризну.
Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена,
Плачет вся Русь, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня...

И когда мы с вами будем говорить о Великой Октябрьской революции и приходе к власти большевиков, может, кто-то из совестливых читателей все же вспомнит, что в памяти миллионов солдат и матросов, прошедших и переживших две эти страшные войны, не могла не укорениться глубокая ненависть к ее виновникам (царизму и буржуазии).

Следует назвать еще одну причину, о которой редко пишут или вообще не пишут исследователи. Капитал в России (прежде всего еврейский, игравший уже тогда в России доминирующую роль) и в Русско-японскую войну показал свою полную несостоятельность

Подсудимые: (слева) Смирнов, Рейс, Фок, Стессель и защитник ген.-лейт. Домбровский

Поражение русских войск в битве с японцами в 1905-1906 гг.

и враждебность России... Последствия этого самым печальным образом сказались в войнах против Японии и Германии. Приведем слова русского экономиста Г. Бутми, автора получивших широкую известность книг «К вопросу о денежной реформе» (1896) и «Золотой монометаллизм и его значение для России» (1897). Он показал, какие беды ждут Россию в случае передачи экономических рулей управления родиной в руки еврейских политиков и банкиров. «Во время войны доставку угля нашему флоту доверяем иудею Гинцбургу, который снабжает им за наш счет японцев. Посылаем в Портсмут; для переговоров о мире, против которого протестуют народ и армия, иудейского ставленника Витте, который совещается с американскими иудеями о вопросах внешней политики, касающихся чести и достоинства всего русского народа и России как великой державы. Этот предатель похваляется заранее

не уступить «ни одной пяди Русской земли, ни одного рубля контрибуции», неожиданно уступая Японии лучшую половину Сахалина, включая богатейшие рыбные ловли, часть русской железной дороги и много миллионов негласной контрибуции... Вместо того, чтобы отдать такого дипломата, министра под суд, как государственного изменника, вверяем ему бразды правления и проведение реформы всего государственного строя». Беда в том, что вся система денежных обращений России оказалась в руках еврейских банкиров. И те сдали Россию, как Иуда — Христа! М. Туган-Барановский писал: «Россия поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса... непроизводительно растраченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года». Выводов из той истории мы, похоже, так еще и не сделали.

Глава 19. Подготовка России к Первой мировой войне и ее начало

Когда говорят о главных виновниках начала Первой мировой войны, каждая из сторон, прямых участников конфликта правящих кругов, т.е. преступной бойни миллионов людей, пытается обелить себя и переложить всю вину за войну на другую, противоположную сторону... В этом их помощниками выступают ученые, историки, политологи, философы, социологи, писатели. Удивляться нечему. Индивид, живя в национально-социальной группе, неизбежно становится заложником или даже рабом этой группы, правящих слоев, каст и их интересов. Живя в Англии, Франции, Германии, России, Японии, США, он вынужден всячески защищать свое отечество (точнее будет сказать, свой клан), безотносительно от того, право оно или нет, ибо мир вступил (хотя и давным-давно) в полосу жесточайших империалистических схваток, кровавых противоборств... Крупнейшие страны рвали Землю на части. В стае этих прожорливых и ненасытных хищников империализма выделялись лидеры — Англия, США, Франция, Россия, Германия, Япония. Меж ними развернулся спор. Германия, лишь недавно набравшая военную мощь, опоздала к разделу колониального богатства. Ну а доставшиеся ей жалкие крохи, вроде установления протектората над рядом территорий в Африке и захвата мелких кусочков земли в Китае и Юго-Восточной Азии, явно не могли удовлетворить Германскую империю. Та желала предела колоний.

Позицию империалистических кругов, да и значительной части немецкого народа обозначил проф. О. Ниппольд в книге «Германский шовинизм», где он привел следующую выдержку из резолюции, принятой на собрании империалистов (1912): «Мы не можем переносить более положение, при котором весь мир станет владением англичан и французов, русских и японцев. Мы не можем также верить, что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую уделила нам судьба сорок лет назад. Времена изменились — и мы не остались теми же... Ныне для Германии больше не представляет важности вопрос, как она ведет свои дела в мире... Только приобретением собственных колоний мы можем обеспечить себя в будущем». И, собственно, если исходить из общепринятой логики империализма, немцы были абсолютно правы. В конце концов «война есть продолжение политики другими средствами» (Клаузевиц), а великие вопросы, в том числе, конечно же, вопросы владения огромными территориями земли, «могут быть разреше-

Карикатура на Вильгельма II и империализм

ны не речами и подачей голосов, но мечом и кровью» (Бисмарк). Немцы, как и все другие западные «демократии», хорошо усвоили истину, что сила и интересы являются для страны и наивысшим правом («Unser Interesse ist unser Recht»). Потому крупнейшие игроки на мировой арене ради достижения этих самых интересов вооружались бешеными темпами. Половину бюджета Германии составляли расходы на военно-промышленный комплекс (1914). В свою очередь и другие страны, соперники Германии, стремились сломить и сокрушить военное могущество немцев, видя в них угрозу своим владениям и рынкам. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов заявил еще до начала войны: «Основной целью союзников должно быть уничтожение германской мощи, а также притязаний Германии на военное и политическое господство». Война при таких условиях становилась абсолютно неизбежной. И Ленин тысячу раз прав, назвав ее преступной со стороны всех участников.

В мире запахло новой войной... Каково отношение к ней Николая? Казалось, он не должен был желать войны, понимая всю ее губительность для России. Недавние жестокие поражения от Японии должны были чему-то научить царя и правящую элиту. Во всяком случае риторика его направлена на сохранение мира. В беседе с русским послом в Болгарии Неклюдовым Николай II заметил: «А теперь, Неклюдов, слушайте меня внимательно. Ни на одну минуту не забывать тот факт, что мы не можем воевать. Я не хочу войны. Я сделал своим непреложным правилом предпринимать всё, чтобы сохранить моему народу все преимущества мирной жизни. В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне. Нет никаких сомнений в том, что мы не можем ввязываться в войну — по крайней мере в течение ближайших пяти-шести лет, — до 1917 г. Хотя, если жизненные интересы и честь России будут поставлены на карту, мы сможем, если это будет абсолютно необходимо, принять вызов, но не ранее 1915 года. Но помните — ни на одну минуту раньше, каковы бы ни были обстоятельства или причины и в каком положении мы бы ни находились». Насколько он был искренен в этих словах?

Понимали это и такие люди, как Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой и др. Говоря о несчастных для России войнах, Б. Чичерин писал в «Вопросах политики» (1900): «Подавление общественной самостоятельности никогда не обходится даром. Если в обществе есть живые силы, то насильственное их стеснение кончается взрывом; если же правительству удастся окончательно их сокрушить, то и общество, и государство погружаются в состояние полного отупения, из которого может вывести их только полная внешняя катастрофа. Таково было для Пруссии значение Йенского поражения, таков же был для нас урок Крымской кампании. В то же время он послужил нам на пользу; желательно, чтобы мы его не забывали». Но в 1905 г. мы потерпели еще более жестокое поражение — от Японии, от соперника, которого власти в России почему-то решили не воспринимать всерьез.

Хотя даже поэты понимали ситуацию лучше, чем Николай II. Блок писал:

Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым январем...
(1911)

Но и этот урок не пошел царизму впрок — и Николай II вместе со знатью вновь «влип», на этот раз уже в мировую войну. Желая сгладить горечь поражения от Японии, он решил отыгаться в Европе, водрузив крест православия на куполе Святой Софии в Константинополе. Идея захвата Константинополя-Царьграда и изгнания турок из Европы имеет давнюю историю. Она восходит чуть ли не ко временам князя Олега, водрузившего щит на врата Царьграда. Иван Грозный грозился «сломить турок». Сюда же отнесем «проект Миниха»: «Завоевать Константинополь и выгнать турок из Европы». В этом направлении мыслила и Екатерина II, измышлявшая «греческий проект», целью которого могли бы стать изгнание турок с территории Европы, освобождение Греции и создание Греческой империи, своего рода Новой Византии, во главе с православным императором, которым должен был стать ее второй внук, Константин.

Вспомним и болтовню беглеца из России В. Печерина. Он писал: «...Я воспитан в России, нет у меня воспоминания, которое бы не соединялось с понятием о русском, нет надежды, не основанной на русском быте. Это одно невольно сливает мою будущность с моим отечеством». Тем не менее он стал католиком и преклонялся перед Западом. Особо восхищался он «великой иудейскою нацией». Благодаря ее необыкновенному уму и хитрости та смогла «надуть весь образованный мир: и древний и новый». Отстаивая бредовую идею захвата Константинополя, Печерин писал И.С.Аксакову: «Я знаю, я уверен, что у русского народа испокон веку есть одна заветная, задушевная мысль — пойти на Царьград и водрузить крест на куполе Святой Софии. Это согласно со всеми нашими преданиями, с тех пор как Олег прибил свой щит к стенам Царьграда. Народы живут не выводами чистого разума, но страстными стремлениями, роковыми увлечениями, которых никакая дипломатия ни предвидеть, ни остановить не может». Идея овладела тогда многими умами. Российские политики, военные, церковники подыгрывали прожекту, ведя себя, как авантюристы, всерьез говоря об овладении Константинополем и захвате нами проливов.

Зачем им понадобилась «бедная» Турция? Желание помочь славянам освободиться от ига Турции понятно: примешивается культура, православная вера. Но те уже были свободны... Однако ставить задачу ликвидации Турции в Европе, не говоря уж о том, чтоб вступить «в единоборство с Западной Европой» означало сунуть голову прямо в петлю и самому же выбить у себя из-под ног табурет. Ведь в Крымской войне эти замыслы уже закончились крахом! Надо было все же подумать: во что обойдется эта авантюра Русскому народу. Но идеологи панславизма слепо уповали на создание Всеславянского союза во главе с Россией (В.И. Ламанский, Н.Я. Данилевский, М.П. Погодин и др.). Скажем, вот Погодин говорит о создании нового славянского союза со столицей в Константинополе: «Восемьдесят с лишком миллионов — почтенное количество! Порядочный союзец! Славяне были затерты Историей, Славяне были затерты Географией, Славяне были затерты ди-

пломатией и политикой, но наступает, видно, время, когда, по слову Писания, последние должны сделаться первыми». Далее «совершенно замечательное», фантастическое, хотя и далекое от реальности мечтание. «Да! Novus nascitur ordo! Новый возникает порядок, новая эра наступает в истории... Владычество и влияние уходят от одних народов и достается другим». Подразумевается и даже прямо имеется в виду, что владычество отныне перейдет к России. Мысль, может, и приятная, спору нет. Но есть ли силы для таких свершений? Не переоцениваем ли себя?

Николаю II вторила императрица Александра Федоровна, подталкивая его к решению развязать войну. Ради чего!? «Ради обедни». Она так и заявила: «О, что за великий день, когда будет отслужена опять обедня в Св. Софии... Только ты дай приказание, чтобы не разрушалось и не портилось ничего, принадлежащее магометанам. Мы должны уважать их религию, так как мы христиане, слава Богу, а не варвары». И эта «христианка», по ее словам, якобы «более русская, нежели многие иные», так не желавшая причислить себя к варварам, отчего-то ни на миг не задумалась о том, а чьей же кровью придется платить России за эту кровавую обедню! Также и русский посол в Константинополе А.И. Нелидов угваривал только вступившего на престол царя воспользоваться тогдашней смутой в Турции и захватить Босфор (1896). Николай встретил тогда предложение посла на ура и чуть было не развязал новую войну с Турцией. Опасные иллюзии поддерживал в своих целях и болгарский царь Фердинанд I: «Восстановить крест на Св. Софии». Дипломат К. Леонтьев (он был назначен в 1864 г. управлять Адрианопольским консульством) в его «Воспоминаниях о Фракии» вводил русское общество в заблуждение, говоря, что якобы греки и болгары только и мечтают о том, как бы им поскорее войти в состав России (если не прямо, то косвенно). Со ссылкой на некое лицо он говорил о примирении греков с болгарями во Фракии, но «без затей, посредством почти прямого подчинения России». В итоге Фракия должна была бы «подчиниться полурусскому правлению с русским князем на престоле, а Босфор и ближайшие его окрестности дол-

женствовали быть захвачены Россией во что бы то ни стало, хотя бы ценою самых страшных жертв». Он уверяет, что даже «местным туркам будет приятнее и выгоднее зависеть от России», чем от вчерашних их рабов. Мол, «эти осиротелые без султана турки всегда лучше поймут Белого царя и его генералов». Фантастика! А ведь, казалось бы, умный человек. И такой бред! Три века Турция яростно боролась с Россией. Какая уж любовь!

Схожие идеи подбрасывали царю и блестящие иерархи Русской православной церкви. Так, не чужд был идее русской экспансии митрополит Храповицкий, уверявший, что Константинополь в обязательном порядке должен быть передан грекам после победной войны. Он ратует за присоединение Святой Земли к России (Палестины, Дамаска), хотя где-то и опасается превратностей мировой войны. Не оставались в стороне и братья-писатели. «В конце концов, это (и есть) те униженные и оскорбленные, которым Достоевский давал утешеньице: «Терпите, Константинополь будет наш, и се буде, буде!» Конечно, тут не в словах дело. Мало

кто из них и знал, что такое Константинополь (разве что понаслышке. — В.М.) и на что он нам нужен, важно то — это слово создает моральное состояние, сознание какой-то общей правды, за которую в ближайшие наши годы умерли сотни тысяч людей. Так что будем называть этот город». Эти мысли не могли не повлиять на амбициозного и слабого монарха, сыграв роковую роль. Английская пресса, конечно же, преувеличивала, когда писала — «каждый русский спит и видит себя в Константинополе и на берегу Индийского океана». И все же то, что у русской буржуазии и российского самодержавия были небескорыстные интересы, несомненно... Либералы вроде князя Г. Трубецкого, правоведа и дипломата, пытались спор политиков перевести в некую отвлеченную сферу, вроде овладения в Константинополе храмом Св. Софии (мол, «евангельская жемчужина» и проч., ради чего Россия должна быть готова «отдать все, что имеет»). Все эти трескучие фразы и пустые рассуждения скрывали истинные цели правящего класса. Будучи посланником России в Сербии, Трубецкой, конечно, по-

Св. София в Константинополе

Турция в объятиях русского медведя

нимал цену вопроса: свобода славян — это, конечно, хорошо, но вопрос-то в другом — в выгодах от торговли... В телеграмме министру иностранных дел России С. Сазонову он обращает внимание на то, чем чреват для России факт захвата черноморских проливов той же Англией и Францией. Закрытие выхода в Черное море для торговых и военных судов фактически означало бы блокаду русской торговли, поскольку украинское зерно, нефть с Кавказа, марганец и молочные продукты из Сибири имели в Европу единственный удобный путь — через Босфор и Дарданеллы.

Ну а толпу, как это всегда бывает, можно увлечь и «святыми патриотическими лозунгами». О том, что эти идеи крепко гнездились в голове российского монарха, свидетельствует и письмо Николая II к великому князю Николаю Михайловичу (24.08.1916): «Только правильным разрешением польского и чешского вопросов у нас на западе и балканского у нас на юге, я думаю, Россия наконец получит надежный заслон своих европейских границ. А владея прочно проливами и небольшою областью вокруг Царьграда, с полного... согласия наших союзников мы этим отрежем навсегда Германию от поползновений в Малой Азии!» И что это такое, позвольте полюбопыт-

ствовать, как ни чистейший империализм, в котором веры и православия ни на йоту.

После взятия балканскими славянами Адрианополя Невский проспект заполнили толпы с плакатами: «Крест на Св. Софию!» Поэт Вяч. Иванов также носится с мечтой — водрузить крест на храме Святой Софии Цареградской: «Расступитесь, каменные стены! Ты земли явись, потир Софии!» И кто только тогда не вертел этой Святой Софией, как целовальник мензуркою. Понятно, что на «Софию» буржуазии было наплевать. Волновало то, что ее сухопутный транспорт с товарами обходится в 25 раз дороже на пути в Европу. Это она понимала. Тем более что за десятилетие до 1912 г. вывоз русских товаров через проливы составлял 37 % всего экспорта. Поэтому буржуазия и была обеими руками за войну. Правящий класс России ответственен за развязывание мировой войны. Лидер кадетов П. Милюков видел в войне средство окончательного решения задач ближневосточной политики России, т.е. «полного приобретения Босфора и Дарданелл... вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов». Как видим, «босфорский мираж» оказался прекрасной приманкой в руках у всех участников конфликта. Министр Временного правительства П.Н. Милюков, сторонник захвата Константинополя и Проливов, впоследствии получил в народе точную кличку — «Дарданелльский».

Так готовилась мировая война, результат столкновения разных экономических и геополитических интересов в стане мировой буржуазии: капиталисты, военные, политики, пресса делали все, чтобы втянуть в войну миллионы и миллионы людей. Каждый преследовал свои цели. Англия, Франция, Германия, Италия боролись за рынки и колонии. Англия стремилась любыми способами не допустить Россию к Константинополю, проливам. Россия и Австро-Венгрия хотели царствовать на Балканах. Свои цели, конечно, были и у Германии. США мечтали стать мировым лидером, когда прочие будут окончательно измотаны. К услугам милитаристов-убийц готовы невиданные средства разрушения. Мировая выставка промышленности в Париже (1867 г.) стала вернисажем самых современных воо-

ружений, новых орудий уничтожения. С каждым годом те все более совершенствовались. Певцов гонки вооружений становилось все больше и больше в передовых странах мира. Немецкий генерал Шлиффен в статье «Современная война», не скрывая восторгов, писал: «Техника вооружения празднует сейчас блистательный триумф. Но того, к чему стремятся Германия и Франция и чего хотят все остальные державы, т.е. облегчения боевых действий, превосходства над противником, она никому не дала. Распределяя равномерно и беспристрастно свои драгоценные дары между всеми, она дала всем величайший шанс повергнуть ниц и уничтожить своего противника с помощью такого эффективного вооружения. Но нелегко разрешить проблему, как самому при этом избежать гибели» (1909). Будучи во главе Генштаба Германии в течение 15 лет, он фактически взрастил и воспитал целое поколение немецких генштабистов, мечтавших воплотить в жизнь его «стратегию уничтожения», что легла в основу германской военной доктрины. Шлиффен — один из инициаторов и самых ревностных сторонников начала первой мировой войны.

Уверения пацифистов, что технические усовершенствования остановят войну, выглядели просто наивно. В истории сила оружия еще никогда не останавливала войны, скорее, ее приближала. Но еще хуже его отсутствие. Сегодня нам говорят, что у нас нет врагов, тогда как Запад (США) ведет дело к войне против России. Попытки «посадить в острог» национальную вражду не удавались и потому, что об этом никто всерьез и не задумывался. К сожалению, политика редко бывает уделом умных людей. Туда идут люди определенного склада, своего рода корыстолюбивые безумцы, которые, говоря словами Ницше, легко усматривают «невинное в так называемых злых действиях». Он уверял, что «причинение страданий само по себе» не существует, кроме как в мозгу философа. Но тогда почему-бы ради достижения своих целей не развязать войну?! Были и трезвые голоса. И.С. Блох писал: «Неужели не достаточно того, что в XIX в. война поглотила в Европе 12—15 млн человеческих жизней и сотни миллиардов денег». На Блоха тут же обрушилась вся правая

Глава немецкого Генштаба генерал А. Шлиффен

печать. Витте позволил себе грубо назвать пацифиста необразованным подрядчиком-еврейчиком, хотя тот и был заметной фигурой в деловом мире России, железнодорожным королем, крупным промышленным деятелем, главой банковской конторы, учредителем Коммерческого банка в Варшаве, председателем правления Общества Юго-Западных железных дорог. Понятно, война Блоху и его бизнесу была не нужна, ибо мешала его банковской и промышленной деятельности. Его «империя» находилась, в основном, на землях Польши, а Варшава в случае войны оказалась бы в эпицентре конфликта. Проигрышная карта. Точно также и Европе сегодня надо бы быть поосторожнее в «играх» с НАТО и США. Америка мечтает развязать войну, лучше локальную европейскую — может, ей и удастся выскользнуть из жесточайшего системного кризиса.

Военные твердили: Блох не понял «своеобразного мира войны». Они говорили, что «еще на много столетий вперед великие международные вопросы будут разрешаться борьбой на жизнь и смерть, с оружием в руках» (увы, но это так), и призывали его усматривать «стройную гармонию на арене гибели и разрушения». Военные, возражая И.В. Блоху, называли его взгляды «вредными» для молодых людей. Участвуя в войнах, те, мол, «учатся жизни и патриотизму». Если они и учатся там чему-то, то искусству убивать — и ничему более. Еще откровеннее высказался генерал Сухотин, заявив: главное предназначение

Промышленник и банкир И.В. Блох

России — война... Страна наполняет историю «почти исключительно наступательными походами» (из 200 лет ее войн наступательные войны в истории России заняли 122 года) .

Россия старалась удержаться от вмешательства в европейский конфликт, который в результате борьбы славян, греков, турок, австрийцев, французов, англичан, немцев все более выходил из-под контроля. Так называемый Балканский узел все больше напоминал кровавый и страшный нарыв, что в любую минуту мог прорваться. Несмотря на то что общественное мнение России (либералы и консерваторы) призывали царя оказать «реальную помощь братьям-славянам», лично председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко и лидеры крупнейших думских фракций умолял и Николая II вмешаться в войну (потом те же самые лица поставят ему это же в упрек и на него возложат всю вину), поначалу царь сопротивлялся и не спешил влезать в конфликт. Но, отделенный от народа глухой стеной бюрократии, царь имел превратные представления о настроениях общественного мнения. Народа же своего не знал и вовсе. Утверждают, что Распутин предупредил его об угрозе царской династии, которая может возникнуть в том случае, если Россия все же ввяжется или будет втянута в военный конфликт с могущественными соседями.

Необходимо понять, хотя бы в самых общих чертах, как и почему сложились два

мощных союза, которые будут вести Первую мировую войну. Как известно, Россия в конечном счете вступила в союз с Францией, отказавшись от союза с Германией, хотя ранее держалась германской проориентации. Кто виноват в этом? Бисмарк называл виновников того, что Россия бросилась «в объятия Франции»: «До 90-го года обе империи были в полном согласии относительно того, что если одна из них подвергнется нападению, другая должна будет сохранять благожелательный нейтралитет. После (моего) ухода эта договоренность не была возобновлена, и если мы верно осведомлены о тогдашних событиях в Берлине, то вовсе не Россия, недовольная сменой канцлера, а граф Каприви отказался от продления договора взаимной страховки, в то время как Россия была к этому готова... Так в Кронштадте зазвучала Марсельеза; первое сближение абсолютистского царизма с Французской республикой было вызвано, на наш взгляд, исключительно промахами политики Каприви». Этих слов не достаточно.

Бисмарк не договаривает, не называя тут имени Вильгельма II... В другом месте, правда, он откровеннее объяснял причины, по которым старался не разрушать мост между Германией и Россией. Мысль проста: Тройственный союз недостаточно силен, чтобы противостоять странам Антанты. 18 марта 1890 г. в прошении об отставке «каменный Роланд» открыто выразил несогласие с новым курсом внешней политики Германии. Бисмарк заявил: «...я не мог принять на себя выполнение предписанных вашим величеством в этой записке распоряжений относительно внешней политики. Этим я поставил бы под вопрос все те важные для Германской империи успехи, которых при неблагоприятных условиях наша внешняя политика в течение десятилетий достигла в наших отношениях с Россией в духе обоих усопших предшественников вашего величества». Интересны мотивы его решения: «Я совершенно не могу понять тех людей, которые говорят о возможности войны с Россией. Станем же на реальную почву. Несомненно, что полмиллиона немецких солдат, которые вторгнутся в Россию, причинят ей неизмеримо меньше вреда, чем полмиллиона русских солдат, которые могут

оказаться на германской территории. Я видал русские деревни и города; они выгорают так же легко, как и обстраиваются заново. У нас же, с нашим плотным населением, дело будет обстоять совсем иначе». Но вскоре Бисмарк умер. «Почил в бозе» и Александр III (1894) — и бедная Россия оказалась в руках слабого и безвольного монарха, Николая II.

Всерьез принимать заверения и клятвы о мире никто не думал. Говоря о мире, призвали всадников Апокалипсиса! Все грезили войной, словно это радостное торжество и веселый пир! Вот о чем писал П.Б. Струве, коего многие считали учителем, идейным вождем российской интеллигенции. Взгляните, что внушает он общественному мнению! Куда толкает страну «волхв демократии»: «Россия имеет свои вполне определенные задачи при ликвидации Турции в Европе, и их надо поставить в полном объеме перед обществом. При этом вовсе не требуется барабанный бой, но нельзя подражать и дипломатам: они на то и существуют, чтобы производить подходы, а роль общества открыто выражать свои желания по существу. В настоящее время Россия должна выступать в защиту своих интересов, которые совпадают с интересами славян, больше болгар, чем сербов, — это вопрос о проливах... Мы снова вступаем в единоборство с Западной Европой, но при более благоприятных условиях, чем, например, в 1855 г.... в финансовом отношении мы — одна из могущественных стран, мы могли бы говорить таким языком, что все бы притаились в норе. Надо бросить лозунг в народ и зажечь его». И этого, как мы говорим, поджигателя войны буржуа нарекли «мудрецом». И в голову не пришло ему, что если русский народ «зажечь», то вот «погасить» его, ох, как трудно.

Для многих в России не было тайной, кто главные конкуренты России в Европе и мире. Таковыми выступали Англия, Германия, Франция, США и Япония. Выступая в Государственном совете России, посол в Токио граф Розен заявил: «Вам, господа, известно, что уже два десятилетия Европа живет под режимом двух союзов, в которые две непримиримо враждебные державы (Франция и Германия) сумели втянуть остальные большие державы... Един-

ственный выход — либо в устранении этого коренного антагонизма, интересам России совершенно чуждого, либо в вооруженном столкновении, от которого России, всегда верной принятым на себя обязательствам, отклониться будет невозможно. Никому не дано предрешать будущее, но такие чрезвычайные меры, как миллиардный налог на вооружение, свидетельствуют о том, что наступление кризиса является уже не столь далеким. Но, во всяком случае, в одном можно быть уверенным: этот час наступит тогда, когда мы всего меньше его будем ждать». И у России был интерес.

Близилось и время перезаключения торгового договора России с Германией, заключенного еще в 1904 г. и в совокупности дававшего большие преимущества немецким промышленникам и торговцам. Промышленники России и крупные помещики требовали от царя пересмотра условий договора в их пользу. Так или иначе, но все страны были в той или иной степени вовлечены в конфликт. Англии и Франции удалось втянуть Россию в войну с Германией на своей стороне. Безусловно, то был чрезвычайно удачный политический ход, который должен был вывести из строя двух главных конкурентов и соперников. Напомним, что немецкий канцлер Бюлов писал Вильгельму II: «Если Англия и Япония будут действовать вместе, они могут сокрушить Россию... Но им следует торопиться, иначе русские станут слишком сильными» (1901 г.). Интересно, что все видели в России конкурента и пытались в той или иной комбинации, но постараться нанести ей поражение.

Говорят, что мировую войну предсказал еще за 40 лет до ее начала ученый А. Пайк. К 1914 г. неизбежность надвигавшейся войны чувствовалась всеми. Группа стран (Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Россия) открыто готовилась к войне и тем самым упорно ее приближали. Д. Менделеев в труде «К познанию России» (1906), прерванном его смертью, с надеждой писал: «А если бы достиглось хотя какое-нибудь общее соглашение между всеми шестью названными мировыми державами, то, наверное, общие цели, т.е. внешний мир и внутренний порядок, были бы достигнуты наиболее простыми, верными и легкими

Франц фон Матш. Франц Иосиф I в 60-й годовщину царствования. 1908. Хоффбург

способами». Дело как раз в том и заключалось, что у мировых держав цели хотя и были общие, однако в корне противоположные. Иначе говоря, каждый хотел, сохранив свое, заполучить еще и то, что имелось у другого, прихватив побольше кусочек.

А «внешний мир» и «внутренний порядок» — это уже величины второго или даже третьего уровня значимости по сравнению с первыми. Поэтому войны и являются «последним доводом» могущественных держав. Все вели собственную игру, надеясь перехитрить противника. Чемберлен предложил немцам оформить англо-германский союз (1898). Понятно, что альянс был бы направлен против России. Вспомним и то, что точно также Англия предложила союз Японии, результатом чего явилось втягивание Японии в войну с Россией. Все союзы Англии почему-то направлены против России. Так чем же не угодила Англии Россия? Дело в том, что в конце XIX в. Россия построила Закаспийскую железную дорогу, что вела к границам Персии

(а там недалеко и до Индии). Затем Россия приступила к строительству Транссибирской железной дороги, а с 1896 г. и к строительству КВЖД. Выход ее в районы влияния и господства Великобритании и укрепление России как мощной евразийской державы встревожили Англию. Та увидела в этом серьезный вызов своим позициям в Индии, Китае, Иране. Следует учесть, что в 1905 г., уже после нашего поражения в Русско-японской войне, давний спор Англии и России за влияние в Иране неожиданно склонился в пользу России. Шах Ирана принял решение окончательно занять сторону России. Кстати, Россия к тому времени уже вложила в Персию около 70 млн рублей. Теперь же шаху нужно было дать еще 10 млн рублей, чтобы Мохаммед Али-Шах и в дальнейшем смог избежать экономической зависимости от Англии. Следует учесть, что англичане с 1899-го по 1900 г. не раз пытались внедрить в Персии «преимущества» британского капитализма, что, разумеется, усиливало соперничество Англии и России в этом

районе. Военный министр России предложил обеспечить Персию оружием, чтобы та могла защититься от агрессоров. На специальном совещании по иранскому вопросу Россия приняла пакет мер, которые закрепляли прочные, взаимовыгодные отношения между Россией и Ираном. Британия этого не ожидала и была изумлена. Подумать только, страна, только что потерпевшая военное поражение от Японии, сотрясаемая стачками, революциями, погромами, осмеливается еще и вести активную внешнюю политику. Конечно, и России был нужен выход к Персидскому заливу. Но Россия пыталась достичь этого мирным путем, заключив экономическое соглашение с Персией, решительно отвергая предложения англичан поделить Иран на две зоны влияния. Борьба за Иран не прекратится.

Хотя о том, что представляли собой действительные интересы русской буржуазии в Персии, недвусмысленно заявила газета «Голос Москвы», выражавшая интересы торговцев и промышленников России: «Нам нет дела до того, кто правит Персией и как он ею правит, но нам важно, чтобы каждая капля нашего труда, каждая копейка, пущенная в ход, были и сохранены и обеспечены». Газета заявляла: «Возможно, что недалеко то время, когда общественное мнение России поставит правительству строго определенное требование соблазну русские интересы в полной мере, не задумываясь над путями и способами, какими это может быть достигнуто» (1910 г.). И далее господа октябристы (т.е. крупные буржуа) прямо «расшифровали», что имелось в виду под такими средствами: «Сентиментальность в этом деле излишняя, и если для устранения мятежа нужно поставить в Тавризе ряд виселиц — пусть будут виселицы» («Голос Москвы», 11 декабря 1911 г.). И для защиты интересов России в июне 1908 г. в Персию был введен ограниченный контингент войск под командованием полковника Ляхова. Это был вызов Британии, объясняя многое в поведении ее по отношению к России, в том числе и политику в отношении Романовых. Верен вывод Казима-Заде, автора книги «Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии»: «Коллапс России предоставил (бы) Британии

уникальную возможность полностью восстановить свое положение в Персии».

Хотя борьба за Кавказ тогда и не была в центре внимания главных соперников, Кавказ и тогда играл важную роль в балансе мировых сил. Народы Кавказа были, бесспорно, скорее, на стороне русских. Причины этого очень даже понятны... О них пишут российские авторы: «1795 год был ознаменован вторжением на Кавказ войск иранского хана Ага-Мухаммеда. Быстро пройдя Карабах, агрессоры захватили Тифлис. Целых шесть дней персияне бесчинствовали в городе: жгли, насиловали женщин, резали пленных и убивали грудных младенцев, перерубая их пополам с одного размаха, только лишь с той целью, чтобы испытать остроту своих сабель. В результате Тифлис был полностью превращен в руины, половина его населения была перебита, около двадцати трех тысяч грузин уведено в рабство. Полностью опустошены и разорены прилегающие земли. Запуганные участью Тифлиса, многие кавказские правители обратились за военной помощью к России». Ныне все забыли «благодарные грузины»

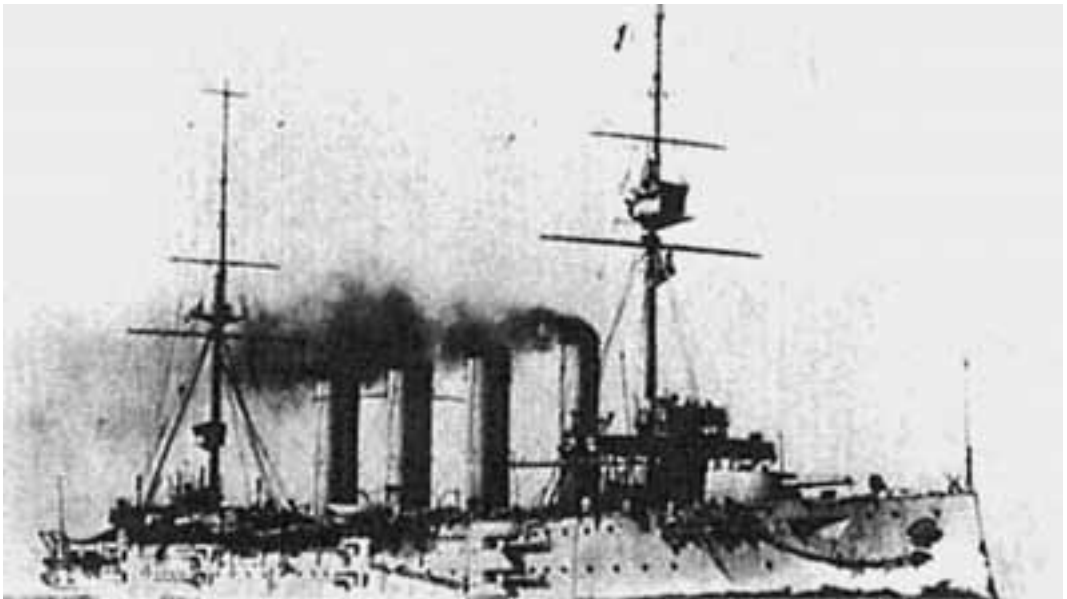
А тут еще перспектива установления дружеского союза с Германией и Востоком. Англия и США смертельно боялись этого, ибо Россия в этом случае становилась державой номер один в мире. Экономист А. Брукс (США) весьма откровенно назвал причины глубоких тревог американцев и англичан: «Обширное германо-руско-восточноазиатское объединение, которое может быть достигнуто в результате проведения грандиозной трансконтинентальной политики железнодорожного строительства с конечными пунктами на побережье Китая, создало бы такую опасность для возрастающей англизации мира, против которой были бы бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие силы». Единственное, что могло помешать напрашивавшемуся сближению и созданию мощной «евразийской оси» — Россия, Германия, Китай, Индия, Корея, Иран — стали бы страшные внутренние и внешние войны между странами Евразии и Европы, прежде всего в России!

Понятно и то, кому были более всего выгодны войны между Россией и Японией,

Россией и Германией, Японией и Китаем. Они были выгодны только Англии, Франции, США. Тем самым ослаблялась мощь соперников. Немцы терпеть не могли англосаксов, видя в них главных своих противников. Писатель Э. Людвиг в книге «Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II)» приводит фразы германского императора, что тот бросает в лицо Англии: «Ложь!», «Лжет собака Англия!», «Дядя! Очаровательный господин этот король Эдуард VIII!», «Неслыханная дерзость!», «Фарисей!», «Чушь!», «Ерунда!», «Ура, попались эти британские мерзавцы!». За этими фразами — нескрываемая ненависть друг к другу мощных и агрессивных конкурентов на мировой арене (в торговле, вооружениях и т.д.). Причем обе страны, Англия и Германия, непрерывно и быстро вооружались. Никто не хотел да и не намеревался отступать в этих вопросах, прекрасно зная, что мир в XX в. живет согласно древней римской формуле: «Хочешь мира — готовься к войне!» Поэтому кайзер и скажет в 1911 г.: «Добиться лучшего тона по отношению к Германии можно только созданием большого флота, внушающего британцам основательный страх». Естественно, и Англия, являвшаяся «владычицей морей», не пожелала уступать свои рынки и террито-

рии конкуренту. Поэтому Черчилль, не имея иллюзий в отношении будущего, говорил: «Это непрерывное вооружение вперегонку должно в течение ближайших двух лет привести к войне». Собственно так и случилось.

Союзники и противники России усиленно вооружались... Германия и Франция реализуют программу перевооружения. В 1913 г. Германия приняла в рейхстаге закон о военных кредитах на армию. Вильгельм II на приеме русской правительственной делегации во главе с премьером недвусмысленно, с солдатской прямоотой заявил ему о приближающемся конфликте двух рас, романо-славянской и германской (1913 год). Не выгораживая ни одной из вовлеченных в войну сторон, признаем, что Германская империя, как и все другие, хотела силой оружия утвердить свое господствующее положение в Европе и мире. В предвоенной Германии активным образом насаждался культ милитаризма. Генерал Бернгарди выразил мнение большинства немцев, заявив накануне войны: «Наши политические задачи не выполнимы, не разрешимы без удара меча». К войне стремились и французы, желавшие отомстить немцам за поражение в войне 1870—1871 гг. и вернуть себе Эльзас и Лотарингию. Естественно, в гуще конфликта

Английский броненосец

находилась и Англия, которая к тому времени владела колоссальной империей. Ей было что терять. Ее политики думали: «Пусть уж лучше погибнут принципы, чем колонии».

«Патриотический» психоз, увы, был присущ и русским. Хотя России следовало бы воздержаться от втягивания в губительный конфликт. И для этого в 1905 г. была уникальная предпосылка, когда на яхте у Выборга Вильгельм II предложил русскому царю подписать союзнический договор с Германией. В каюте яхты «Полярная Звезда» Николай II оный подписал. Он даже воскликнул со слезами на глазах: «Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и Вашей». Кайзер Вильгельм также проследил, донельзя довольный тем, что удалось разрушить близость России с этой, как он говорил, «французской потаскушкой». Казалось, прочный мир между Россией и Германией обеспечен. Согласно документу, стороны обещали прийти друг другу на помощь всеми сухопутными, морскими силами в случае нападения на нее противника, обязываясь не вступать ни в какие сепаратные соглашения. Сегодня можно прочесть и еще более удивительные вещи о той встрече императоров. Оказывается, в начале XX в. начальник личной разведки императора Николая II граф А.Г. Канкрин совместно с вице-адмиралом С.О. Макаровым, изучив засекреченный журнал Беллинсгаузена, составил научную записку. Ее он и передал царю, который направлялся на встречу с двоюродным братом, кайзером Вильгельмом II. «После торжеств и совместного парада двух флотов братья-монархи уединились, и император предложил кайзеру сотрудничество в освоении шестого континента. Вильгельм II внимательно изучил проект совместного исследования земель и строительства объектов в Антарктиде, после чего дал согласие. Как пишет Ольга Грейг в книге «Секретная Антарктида», это историческое соглашение между двумя монархами и положило начало взаимному сотрудничеству по освоению Антарктиды. Сотрудничеству, которое не прерывалось, невзирая на все трудности XX столетия». Эти сведения очень даже интересны, особенно в свете нынешнего разворачивающегося спора за сокровища

Николай II и кайзер Вильгельм II

Севера. Но следует помнить и иное: немцы и русские дважды не сумели договориться в XX веке. Итогом стали две чудовищные мировые войны... И сегодня Европу вновь подталкивают к конфронтации с Россией опять все те же «лучшие друзья» — Великобритания и Соединенные Штаты Америки!

«Всякий стоящий у государственной власти обязан избегать войны точно так же, как капитан корабля избегает кораблекрушения» (Ги де Мопассан). Но почему Николай II влез в мировую войну? Царь передал дипломатию в руки сановников. Глупо и опасно. Результат — закулисная деятельность министров В.Н. Ламздорфа и С.Ю. Витте. Имея собственные экономические интересы, те убедили русского царя отказаться от договора с немцами и тем самым втянули Россию в войну. Витте оказался успешнее Ламздорфа, хотя он из политики уже ушел, созданные им союзы пережили его. В основе их — французское золото и размещенные во Франции еврейскими спекулянтами займы, ценные бумаги, намертво привязавшие Россию к Франции цепями кабального долга. Хотя, разумеется, это лишь одно из звеньев куда более длинной цепи взаимоотношений. Историки отмечали, что «русский» МИД частенько осуществлял фактически антирусскую политику, действуя против интересов России. В 1895 г. МИД направил послу в Берлине директиву, где гово-

рилось, что в случае попыток кайзера возобновить существовавший ранее политический договор надо сразу же дать понять немцам, что Николаю II «не угодно возобновлять какое-либо письменное соглашение», поскольку оно оказалось бы «в некотором противоречии с установившимися отношениями нашими и Францией». Хотя на какое-то время и удалось наладить отношение с Германией и кайзером, но англо-французское золото в карманах наших чиновников перевесило!

Мемуаристы отмечают «мирные настроения» русского царя. В этом нас уверяет и он сам, и посол Англии в России Дж. Бьюкенен, говоря, что с ним царь «ни разу не обмолвился ни одним словом, которое дало бы повод обвинять его в агрессивных намерениях против Германии». Напротив, он всегда выражал «свое искреннее желание жить с нею в хороших отношениях». Николай II полушутливо сказал как-то германскому послу Пурталесу: «У меня теперь для Германии только приветливые улыбки» (14.I.1914). На докладе посла по поводу этого замечания царя в Берлине кайзер Вильгельм II раздраженно и вообще-то довольно справедливо заметил: «Только это мы от него всегда и видели!» Но к началу XX века от былого пацифизма Николая II не осталось и следа... В российском обществе насаждалась активная германофобия. Даже Вильгельм II в беседе с директором Кредитной канцелярии Л. Давыдовым в 1913 г. жаловался на тон «русской печати», что может сделать войну неизбежной. Тогда будет «совершенно безразлично, кто начнет ее». И в самом деле, «русская печать», находившаяся в руках евреев, англо-франко-американских хозяев царя, сознательно стравливала Германию с Россией. К тому же, надо прямо сказать: Россия, как говорится, давала авансы «и вашим и нашим». В 1905 г. на встрече в Бьорке император Вильгельм II убедил Николая II подписать соглашение о том, что Россия обязуется защищать Германию во время войны. Это было правильно. Но такой же договор был заключен Россией и с противником Германии — Францией. Как нашкодивший ребенок, Николай три месяца не показывал документа ни Витте, ни министру иностранных дел. Когда история эта раскрылась, обоих

едва не хватил инфаркт: договор с Германией, не с Францией пришлось аннулировать. А России нужен договор со всеми странами!

Положение России, очутившейся между двумя воинственными лагерями, было очень непростым. У правящих кругов Германии имелись свои интересы, которые также могли привести к военному столкновению с Россией. Конфликт не был какой-то неожиданностью или случайностью. В меморандуме 1902 г. (за 12 лет до начала Первой мировой войны) немецкий канцлер Булов писал: «Бесспорно, к самым примечательным явлениям момента принадлежит постепенное выявление антирусского течения, даже там, где этого меньше всего ожидаешь... Для меня растущая русофобия — установленный факт, в достаточной мере объясняющийся событиями последней четверти века». Чем объяснить эти откровенно русофобские настроения? Булов так объяснял причины растущей тревоги со стороны Германии в отношении России: проникновение ее на Дальний Восток и Ближний Восток, рост русской мощи в Азии. По сути, к тому же стремились и немцы, на что указывали амбициозно-агрессивные планы пангерманистов, изложенные в трудах Дельбрюка — «Наследство Бисмарка», генерала П. Рорбаха — «Немецкая идея в мире», «Война и германская политика», Т. фон Бернгарди — «Германия и следующая война» и др.

Планы их были таковы... Пространство «Великой Германии» должно было включить в себя территории Австро-Венгрии, Бельгии, Голландии, части Франции, Балканы, ну и земли России — Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ и Крым. Германия планировала наложить руку и на колонии в Африке, а также на земли Китая и Южной Америки. Это был план передела и покорения мира немецкой «высшей расой». Немецкая военная машина была направлена в первую очередь против славян, русских и галлов. Начальник германского Генштаба фон Мольтке прямо заявил: «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». В том же духе высказывался кайзер, сравнивая немцев с древними германцами, некогда сокрушившими непобедимый Рим: «Глава вторая Великого переселения народов

закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы». Немцы говорили языком открытой агрессии, похожим на язык иных нынешних недругов России. Пышным цветом расцвел расизм. Германский идеолог Бернгарди, плотоядно поглядывая на Россию, заявлял: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». Ему вторил другой апологет пангерманизма — П. Рорбах, не скрывая целей войны: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». К слову сказать, даже лидеры тогдашней немецкой социал-демократии, А. Бебель и В. Либкнехт призывали всю Европу «встать на защиту европейской цивилизации от разложения ее примитивной Россией». И это несмотря на то, что тот же Бебель восторженно встретил революцию 1905 г. и даже призвал немцев учиться у русского пролетариата бесстрашию в борьбе. «То, что делают русские братья, — заявил он в одной из своих речей, — мы считаем своим делом. Долой царизм!»

Мы видим, что именно высшие круги империй и вели дело к войне. Ну а народы подхватывали эти военные мелодии... О том, что эти настроения находили отклик и в массе немецкого народа, убедился и генерал А.А. Брусилов. В канун мировой войны он отдыхал в курортном немецком городе Киссингене и стал там свидетелем весьма показательной сцены. На центральной площади города был воздвигнут макет Московского Кремля. Затем немцы под звуки оркестра и овации публики подожгли его со всех сторон. «Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренились и валились наземь... Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу же при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела национальный гимн». Все это, конечно, было частью большой и

комплексной пропагандистской кампании против России, суть которой прямо сформулировал Мольтке: «Следует лучше обеспечить народный характер войны против России».

Правда, один из главных идеологов немецкого милитаризма генерал Э. Людендорф, чей вклад в победы Германии на фронтах Первой мировой войны весьма внушителен, позже утверждал, что у немцев отсутствовали планы мирового господства, те якобы помышляли только о мире. Верить его заверениям было бы смешно. Впрочем, сие понятно уже из его понимания мира: «На самом деле германское правительство в период после правления Бисмарка не имело никакой другой, более важной внешнеполитической цели, кроме сохранения мира на земле. О господстве в международных делах оно и не помышляло, хотя, быть может, и стремилось расширить колониальные владения Германии. Немецкому народу было вполне достаточно воссоединения немецких земель и создания собственного государства. Увеличение колониальных владений и повышение мирового статуса Германии через приобретение новых рынков сбыта диктовалось насущной необходимостью. Но достичь этого можно было только силой... Как оборонительную войну можно выиграть только нападая, так и мир сохранить можно лишь проводя ясную энергичную внешнюю политику, руководствуясь четкими критериями». Ясно, что при таком понимании «мира» до большой войны, можно сказать, рукой подать.

Поэт Александр Блок накануне событий с глубокой тревогой писал, предвидя надвигающуюся беду — Первую мировую войну:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призраки в вышине...

1914 год выбран Германией для начала войны не случайно. Немцы уже завершили перевооружение армии и флота, России же

требовалось для этого по меньшей мере еще 3—4 года. 8 декабря 1912 г. Вильгельм II на совещании военных высказался определенно в отношении планов Германии, обозначив тему своего доклада: «Наилучшее время и метод развертывания войны». Генерал Мольтке настаивал на нападении на Россию не позже 1914 г., поскольку «после 1917 г. мощь России окажется неодолимой». Она может оказаться «доминирующей силой в Европе» и будет немцам не по зубам. Сейчас же еще можно победить ее, так как Россия не успела развернуть свои мощности и силы. Перед самым началом войны статс-секретарь германского МИДа фон Яглов писал (июль 1914 г.): «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия тоже не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем вероятным предположениям, Россия уже будет боеспособной. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа между тем все более слабеет».

Тогда же вышла в свет книга Ф. Листа «Международное право в систематическом изложении». В 1912 г. ее перевели на русский язык и издали в Дерпте. В книге утверждалось деление мира на цивилизованные, получивилизованные и дикие державы. В отношениях между первыми использование силы исключалось, но в отношениях с якобы получивилизованными и дикими использование силы считалось приемлемым. По этой квалификации Запад относил Россию к получивилизованным державам. Каждый желал войны, но никто «не думал», что война примет характер мировой. Это был полнейший провал дипломатии. Хотя дипломаты не могут сделать больше того, что хотят верха и правящие круги. А поэтому все знали: война будет. Конечно, ход событий мог быть иным, если бы только осуществилась фантастическая мечта Павла I, который предлагал решать все противоречия между правящими элитами в странах путем дуэлей между царями, правителями, банкирами (премьерами, министрами финансов и т.д.), не губя в войнах невинные души. Постреляли бы друг друга — и вздохнули бы народы.

Россия не могла пройти мимо столь явных и неприкрытых угроз. В 1913 г. была принята

Пожар Первой мировой войны

большая военная программа, предусматривавшая увеличение армии на 40 % к 1918 г. Русские предполагали создать внушительный морской флот, мощную тяжелую артиллерию, проложить железные стратегические дороги и т.д. Конечно, перед битвой все пытались взвесить силы сторон. Приняты были к сведению и данные германской комиссии, изучавшей последствия реформ П.А. Столыпина. «Объехав землеустроительные работы в целом ряде губерний, германская комиссия представила своему правительству отчет. Нам удалось узнать его содержание, — общал Д. Любимов. — В нем говорилось, что если землеустроительная реформа будет проводиться при ненарушении порядка в империи еще 10 лет, то Россия превратится в сильнейшую страну в Европе». Вывод подтвердил М. Зеринг, заявив, что «по завершению земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой другой державе». При всех расхождениях по оценке реальных сил России почти все сходились в том, что Россия на данном этапе продолжает заметно отставать от Германии в техническом оснащении. Учтены были все факторы. Немцы не хотели допустить наращивания мощи России.

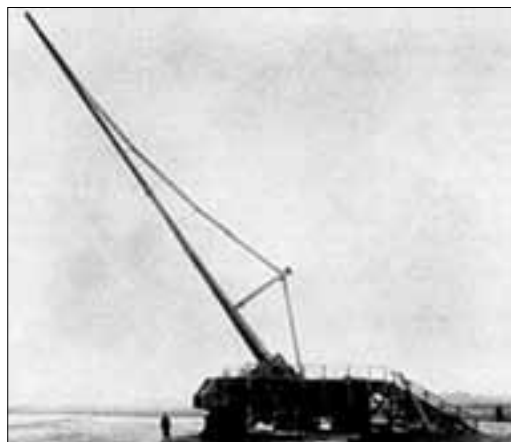
Можно сказать, они учли положение Маркса, заметившего, что слабость России в том, что та не прошла «через долгий инкубационный период развития машинного производства». Поэтому они решили не дожидаться усиления России и начать войну первыми...

К этому немцы пришли в результате нехитрых подсчетов. Между героями романа П.Н. Краснова «Ненависть» (человека военного, хорошо знавшего состояние дел в русской армии) состоялся знаменательный диалог... Один из русских накануне Первой мировой войны убеждал другого: «Мы не должны воевать. Большая военная программа и наполовину не выполнена. Армия не снабжена полевыми тяжелыми пушками. Мало пулеметов. Аэропланы только-только появляются у нас. И противостоять величайшей военной державе, сорок четыре года в полном мире готовившейся к войне. Это невозможно... Это самоубийство... Государь должен это понимать». Но собеседник ему возражает: «Именно потому, что мы не готовы — Германия и объявит нам войну... Старые рыцарские времена бесследно миновали. Теперь никто не скажет «иду на вас», но именно захватит врасплох, когда нам неудобно, а им удобно — вот когда объявляют войну и император Вильгельм этого, конечно, не упустит». Все аргументы собеседника типа, что можно «уклониться от войны, сославшись на Гаагский трибунал», скептик разбивает без труда. Но кто же в таких вопросах слушает какой-то там Гаагский трибунал! Это смешно. Кроме того, в конце приводится и совершенно «убийственный аргумент» империалистов: «А наш вечный, исконный долг защиты славян? А наши интересы на востоке?.. Так нагло нарушила их Германия своей Багдадской дорогой. Наша торговля на востоке сведется к нулю. Мы потеряем свой престиж в Персии. Все это... не пустяки».

Перед лицом военной опасности Россия вынуждена была тратить огромные средства на оборону и вооружение. Говорили, что ее военные расходы — самые высокие в Европе. Однако во всем этом была одна «загвоздка». Дело в том, что заявленная программа должна была быть выполнена лишь к осени 1917 г., т.е. Россия была бы готова к войне, но в самом конце. Если ложка дорога к обеду, то

меч нужен к началу сражения. В противном случае победа уж точно достанется врагу... Б.М. Шапошников писал: «Большая программа по усилению армии»... утверждена в октябре 1913 г. и предусматривала проведение до осени 1917 г. мероприятий по коренному преобразованию армии, особенно в области ее технического оснащения (количественное и качественное усиление артиллерии, развитие авиации, автомобильного транспорта и т.д.). С началом Первой мировой войны выполнение программы было отменено». По «Большой программе» вооруженные силы Российской империи в мирное время необходимо было увеличить на 480 тыс. человек, то есть на 39 %. При этом: пехоту — на 57 %, кавалерию — на 8 %, артиллерию — на 27 %, а технические войска, включая и авиационные, на 3 %. Однако она была свернута, когда подписи на плане ее реализации еще не высохли. Россия вынуждена была вступить в мировую битву, сражаясь, в основном, старым оружием. Наши же «великие» стратеги полагали, что война продлится максимум полгода.

Немецкая армия к середине 1914 г. представляла собой грозную силу, будучи полностью отоброширована и прекрасно вооружена. Хуже обстояли дела у Австро-Венгрии, где к перспективам будущей войны с Россией многие относились скептически и даже с опасением. Начальник австрийского Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф полагал, что его страна вряд ли сможет вести в ближайшие 5 лет успешные военные действия против

«Парижская пушка» немцев

России. Противником войны с Россией был и австрийский наследник престола, эрцгерцог Франц Фердинанд, говоривший начальнику своего штаба: «Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонаристы, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов». Это был, бесспорно, умный политик, и он предвидел ход событий. Поэтому его и убили силы, которые стремились к войне (не только и не столько сербы). Император Франц Иосиф, видимо, не ждал войны с Сербией, но престарелого императора Австро-Венгрии сановники и министры-капиталисты слушали примерно так же, как и Николая II. К тому же и ставка была очень высока, а именно: кому будут принадлежать Балканы, чье влияние в центре Европы будет решающим. Правящий класс Австро-Венгрии, как и правящие классы Англии, Германии, Франции, США, России, хотел с помощью оружия захватить рынки и удержать за собой земли со славянским населением, заставив его подчиняться себе.

Перед началом войны в печати Австро-Венгрии появилась статья австрийского военного писателя, выступившего под многозначительным псевдонимом Кассандер. В ней эта австрийская Кассандра озвучила приказ правительства Австро-Венгрии и военных кругов. Статья закончилась словами, с восторгом воспринятыми военными и промышленниками: «Вооружайтесь, вооружайтесь. Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобрести. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть. Наше тяжелое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы как исключительную, нам принадлежащую колонию для сбыта нашего промышленного производства, вывоза излишка населения и нашего духовного перепроизводства. Вооружайтесь, вооружайтесь... Приносите (нам) деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и сере-

Австрийский военный плакат

бро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Иначе дни Австрии сочтены». В том же духе выступали и остальные милитаристы и империалисты. Поэтому нелепо утверждать, что «война была спровоцирована русской военной партией» (Покровский). Конечно, не ей одной.

А что же Россия? Быть может, она стоит особняком в этой схватке интересов? В ходу тезис, что Россия вступилась за «бедных сербов», которые подверглись нападению. Конечно, уже отмечалось, что в общественном мнении России были сильны убеждения, что русские обязаны играть роль всеславянских защитников. Один из многочисленных примеров таких настроений — телеграмма русского посла Гирса министру иностранных дел Италии в Риме: «Я объяснился с Соннино по поводу отношения Италии к Сербии. Я высказал ему, что Россия не может не быть крайне чувствительной ко всему, что касается этого родственного нам героического славянского народа. Всякая нанесенная ему обида и несправедливость больно отзываются в русских сердцах и вызывают в них негодование». А поскольку у Сербии и Черногории есть горячие друзья в лице русского народа, а у России имеется такая союзница, как Франция, этот военный конфликт «может разрастись». Эти аспекты имелись, но, полагаю, не они играли главную и определяющую роль.

В деле поддержки братьев-славян имели место империализм и гегемонизм и со стороны России. В мире никто и никому в междunarодных делах, как правило, не помогал и не помогает без того, чтобы так или иначе, а получить с этого какие-то дивиденды. Ю.Я. Соловьев, отдавший дипломатической службе четверть века, писал, что царская Россия пыталась было покровительствовать всем балканским странам, выстраивая своего рода политику качелей. При этом Россия заходила так далеко в советах и указаниях, что иные выглядели как прямое вмешательство. Он вспоминает, как министр иностранных дел России В. Ламздорф прислал «вассалам» строгую телеграмму: «Лишь одна мощная покровительница славян Россия знает, какого рода договоры должны быть заключаемы между славянскими странами». И такого рода стереотипы были широко распространены в российском обществе. Это льстило нашему самолюбию, хотя и не имело ничего общего с реальным положением дел. Ю. Соловьев в заключение писал: «Это уже было прямое вмешательство в дела этих стран, и подобное вмешательство не могло не задевать самолюбия балканских правителей. Плачевные результаты такой политики царской России всем хорошо известны». Нет бы политикам задуматься, а не становится ли

в результате такой вот «помощи» сама Россия и ее народ «рабами» и «заложниками» тех, кого они почему-то считают своими «слугами» или «союзниками»?!

Международная ситуация коренным образом отличалась от русско-турецкой войны 1877—1878 гг., все-таки пользовавшейся большей поддержкой общественного мнения в России. Но и та война (после того как западные державы постарались свести на нет итоги русской победы, желая максимально снизить уровень нашего влияния на славян в Европе) больших дивидендов в политике нам не принесла. Характерно признание князя Д.А. Оболенского, который писал после заключения Россией мира с Турцией (1879): «Неудавшийся мир, заключенный в прошлом году Берлинским договором, осудит история и без всяких комментариев определит характер и политическое достоинство руководителей внешней политики... Ожидаемого чуда не свершилось, а потому дела приняли естественный оборот. Ложь и лицемерие обнаружались. Правительство вело войну за идею, в которую оно не только не верит, но которой оно по инстинкту своему враждебно. Сам государь увлекся словами и даже, может быть, на одну минуту заразился общим народным настроением и энтузиазмом к идее, которая

Янычары турецкой армии в Стамбуле

Болгарские войска в Первой мировой войне

ему, в сущности, инстинктивно противна... С небывалою до сих пор легкостью принимались важнейшие политические решения. Никто никогда не был призываем на совет. Даже министры все, кроме военного, были в совершенном неведении о том, что делается».

Но и славянские государства на Балканах ничуть не стеснялись оборачивать в свою пользу заступничество России. Дипломатия знает немало примеров того, как во имя решения мелких династических проблем правящие круги славянских стран порою очень успешно играли на струнах славянского братства в России. Скажем, в 1912 г. Болгария вступила в войну с Турцией, преследуя захватнические интересы, а заодно и выполняя директивы правителей Европы. Туркам передано и требование Европы, чтобы области Турции с христианским населением получили автономию, во главе которой должен быть поставлен губернатором бельгиец или швейцарец! Хорошенькая независимость! При этом и болгары нападали на пограничные укрепления и

позиции Османской империи. По сути дела, именно борьба за перераспределение территорий и стала главной причиной Балканских войн 1912—1913 гг. Первая велась Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией против Турции с 9 октября по 3 декабря 1912 г., вторая в том же составе — с 30 января по 14 мая 1913 г. Третья Балканская война шла уже между Болгарией, с одной стороны, Грецией, Румынией и Сербией — с другой с 30 июня по 10 августа 1913 г. Так малые страны, многие из которых числились в наших ближайших союзниках, и разжигали постепенно костер большой мировой войны, которая и вспыхнет 1 августа 1914 года. *Ad notam* (к слову сказать), все большие войны начинают с малого. И в политике зачастую хвост крутит собакой.

Нет сомнений, что болгарская сторона помышляла в моменты развязывания войн уже не о свободе от турецкого ига (завоеванной с помощью героических русских «братушек»), но о создании Великой Болгарии, о чем почти открыто говорили и в штабах ее армии. У воен-

ного корреспондента Н. Мамонтова состоялся в 1912 г. с одним болгарским полковником откровенный разговор: «Скажите, полковник, слова болгарского митрополита Мефодия об «императоре» сказаны под влиянием минуты, или они отражают собою настроение «в сферах». — «Никто, пока, еще и не помышляет об «империи» Болгарской. Быть может, у некоторых энтузиастов и появилась такая идея, но она преждевременна. Надо раньше разбить козни враждебной нам европейской дипломатии и создать объединенную Болгарию, затем поработать еще добрый десяток лет, а тогда будет видно, какую роль призвана играть Болгария на Балканах». — «Роль Пруссии в Германском союзе?» — «Дай Бог, чтобы так», — крепко пожал мою руку полковник». Автор очерка в «Балканской войне» резонно заключает: «В то время, когда болгарский народ, веря в слова манифеста царя Фердинанда, героически умирал за «свободу своих братьев в Македонии» — в «сферах» уже в самом начале войны мечтали вовсе не о свободе македонцев, а о «Болгарской империи», о первенстве Болгарии на Балканском полуострове». В том же духе вела себя и Черногория, царь которой Николай клятвенно заверял русского императора, что «выполнит его волю». В действительности Черногория, несмотря на то что между нею и Генеральным штабом России имелось соглашение, предусматривавшее согласование всех военных действий с Россией, в одностороннем порядке объявила в октябре 1912 г. войну Турции, а затем через год, в июне 1913 г., вступила в новую войну с Болгарией. И тем не менее черногорский монарх в 1913 г. вновь стал добиваться, как-будто так и надо, благосклонности к нему со стороны России. Такое поведение объяснялось нуждами страны: правительство Черногории остро нуждалось в деньгах, а финансовая помощь из России в рамках военной субсидии фактически составляла две трети всех поступлений в бюджет Черногории.

И тем не менее отношение со стороны короля Николая было пренебрежительным и лицемерным. Тот не только произвольно тратил русские кредиты на собственные нужды, игнорировал все советы российских специалистов, но еще и чинил им препятствия, вы-

Царь Болгарии Фердинанд I

двигая на ключевые посты лично преданных ему родственников. Процесс же обучения войск военным наукам он просто игнорировал, с усмешкой говоря: «Учитесь, учитесь, дети мои, но не забывайте, что вы — воины от рождения, а потому можете прожить и без всякого обучения». К 1 апреля 1915 г. Россия поставила Сербии и Черногории в порядке помощи 1 млн пудов пшеничной муки и 1 млн пудов кукурузы. Помогала она и Болгарии. В итоге, как мы знаем из истории, это отнюдь не помешало Болгарии выступить на сторо-

Черногорский князь Николай

не Германии и держав Тройственного союза (вот и сегодня та упала в объятия НАТО, туда же движется и Сербия). Да и прочие братья-славяне преследовали свои политические цели. Иные рассчитывали после войны с помощью России обрести независимость. Среди них были и чехи. При этом ожили идеи западного панславянства. Чехи, к примеру, даже высказали пожелание: «...чтобы Россия, верная своей исторической роли — защитницы славян, помогла чехословакам отстаивать свою национальную самобытность, а во время чешской манифестации в Москве один из представителей местных чехов заявил, что все чехи и словаки охвачены одним горячим желанием помочь России, и верят, что русский народ и русский царь станут во главе единения славян». Как выражение этого патриотического порыва в России была создана «Чехословацкая дружина» (1600 человек). Помощь «существенная», учитывая, что Россия мобилизовала 19 млн человек, а будущий чехословацкий корпус (пленные чехи) стал сражаться на стороне врагов России. Но тогда делегация чехов заявила Николаю II о желании видеть «свободную и независимую корону Св. Вацлава сияющей в лучах короны Романовых» (Кремль, август 1914).

Буквально единицы среди русских ученых или писателей видели мир в реальном свете... Н. Ульянов в статье «Роковые войны России» показывал, как использовали славянские братья «святое заступничество» России. Позже он же написал: «Но спасенные русскими войсками от гибели болгары чуть ли не на другой же день превратились во врагов России. Факт этот, хорошо известный деятелям эпохи Николая II, не послужил предостережением и не предотвратил в 1914 г. русского заступничества за Сербию, которую Австрия намеревалась аннексировать. Это из-за нее Россия объявила мобилизацию, послужившую предлогом для выступления Германии и начала мировой войны... Не прошло и года, как в Ставке российского Верховного главнокомандующего стало известно, что Сербия, из-за которой успели погибнуть сотни тысяч русских солдат, готова заключить мир и перейти на сторону врагов. Этого не случилось, но духом балканских измен повеяло ясно». Так

кому даем и помогаем? У кого забираем? Сербия нам близка... Но ведь ее народа уже тогда жил лучше, чем наш русский мужик. А. Фет вспоминал, как в 1877 г. слушал впечатления офицера от путешествия в Сербию: «Знаете ли, я только что из Сербии, для которой мы собираем вспомоществование; но я там нигде подобной нищеты не видел...» А.Н. Хвостов, говоря о наших славянских братьях, отмечал, что те «не испытывают и десятой доли нужды и бедствий нашего разоренного крестьянина», а жизнь их «отчасти напоминает быт наших мелкопоместных помещиков». О том же сообщал русский посланник в Белграде Н.В. Чарыков: «В этой стране... нет бедных, нищих и безземельных». И эту страну мы пытались «цивилизовать» и втянуть в славянский союз. Нам бы «поправить наше горе, размыкать русскую печаль!». Позже Бунин, будучи изгнанником-эмигрантом, писал с возмущением, что сербы помогали им, русским беженцам, только тем, что меняли денкинские деньги (так называемые колокольчики) на девятьсот динар каждый. К слову, напомним, что в 1918 г., после победы стран Антанты в Первой мировой войне сербам предоставили право создать «Великую Сербию», увеличив ее территорию более чем в шесть раз, с 48 до 296 тыс. кв. км! И все это сделано в том числе и за счет крови русских солдат! Так, может, хватит, господа политики, кровью русских людей и нашей мощью питать их шовинистический угар и их национальный гонор!

Войны обладают одной особенностью: они даже умных людей превращают в безумцев... Даже умные, хотя вряд ли дальновидные люди становятся заложниками ура-патриотического идиотизма. Вот и В.В. Розанов в книге «Война 1914 года и русское возрождение» уверял, что Россию ждут всенепременная победа и духовно-нравственное обновление. Почитаемый нами философ И. Ильин сравнивал первую мировую войну с войнами 1812—1815 гг. и 1877—1878 гг. (хотя это были абсолютно разные по характеру, технике и нравственному тону войны России). Мало того, он заявил, что «настоящая война наша с Германией есть война духовно-оборонительная и останется ею даже в том случае, если русские войска вой-

**Союз германского кайзера
и австрийского императора**

**Александр I —
принц-регент Сербии**

дут в центр Германии и если мир присоединит к России польские и славянские земли». Чтобы понять всю нелепость и дикость таких вот заявлений, замените объекты в упомянутой фразе Ильина. И тогда выходит, что для захватчиков типа Наполеона, Гинденбурга или Гитлера «настоящая война с Россией» также была войной духовно-оборонительной «и останется ею даже в том случае», если немецкие или французские войска войдут в центр России и присоединят к себе наши восточные земли. Правда, и иллюзий в отношении культурной миссии немцев в этой войне не было. Философ В.Ф. Эрн в статье «От Канта к Круппу», говоря о немецкой культуре, выступил против упрощенного понимания истории. После начала мировой войны под «мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные кровожадные когти». Далее он развивал мысль «о глубочайшей философичности орудий Круппа». Эрн дает оценку немецкому империализму, одетому в несокрушимую броню милитаризма. По его словам, «географическая карта Земли предстала германскому воображению огромным и

сладким «меню» не виданного и не слыханного в истории мирового пиршества». Далее он описал восстание германизма «как военный захват всего мира, как насильственная гегемония manu militari». Тут он был прав. Однако вот в другой части его послылки Эрн уязвим. И дело не в мелочах или философских дефинициях. Под его пером в предисловии к книге «Меч и крест» две наши страны, Россия и Германия, предстают как противоположности: «Гордая, материальная, внешняя идея Германии сталкивается со смиренной, духовной и внутреннею идеей русских». Не так уж и смиренна Россия (и слава Богу!) и не так, увы, духовна. Первая мировая война должна пониматься «как величайшее духовное боре-ние, как тяжба всемирно-исторических начал». Знаете ли, судьба все же наказывает недалеких людей. Жестоко обошлась судьба с нашими «пророками». В результате мировой войны Ильин вынужден был покинуть Россию, уйти в эмиграцию, Эрн встретил Morg occasionalis в 1917 г., а Розанов буквально через два года после окончания войны умер от голода в Петрограде.

И. Ильин**В.В. Розанов****В.Ф. Эрн**

Мало, слишком мало тех, кто не разделяли восторгов и упований наших господ «патриотов» в отношении «полезности» мировой войны. Первым в ряду тех, кто понимал особые цели и задачи России, возможно, стоял еще Чаадаев, писавший: «Нам незачем впутываться в происки Запада, ибо мы не от Запада. Россия, если она понимает свое призвание, должна иметь почин всех благородных идей, потому что у нее нет привязанностей, страстей, идей, интересов Европы... Провидение сделало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами. Оно поставило нас вне интересов национальностей и возложило на нас интересы человечества». И далее настоятельно рекомендовал будущим правителям: «Дело вовсе не в том, чтобы мы бежали за другими». Впрочем, ведь и г-н Чаадаев «поумнел» только к концу своих дней, тогда как ранее буквально в рот смотрел той же Европе! Видно, те, кто намеренно втягивал Россию в эту гибельную мировую войну (и те, кто ныне еще прикрывает и оправдывает убийц), считают себя «очень умными». Но величие страны не дает основания делать из нас, ее народа круглого идиота. В Первой мировой войне Россия была использована, а затем принесена в жертву малой и большой Европе. Хотя и наша империя намеревалась заполучить большие куски на Балканах и в Персии. Вот единственная правда, которую надо не скрывать и не упрятывать в тайники демагогических хитросплетений! Великую страну из-за преступников, алчных воров и предателей, словно безвольную рабу, поволокли на казнь... В 1907—1910 гг. в Вар-

шаве вышла книга члена Русского географического общества, генерала В.А. Мошкова «Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики». В ней была представлена любопытная теория развития человечества. Согласно ей, государства и народы имеют строго определенные циклы развития — по 400 лет. Затем они повторяют новый цикл снова. Сам цикл делится на две части — восходящую и нисходящую.

В первую половину 400-летнего цикла государство растет и крепнет, во вторую наступает пора его деградации и упадка. Согласно этой модели, Россия также имеет свои циклы развития. Империя Романовых воцарилась в начале «золотого века». В начале XX в. она переживала свой «железный век», т.е. век упадка. В.А. Мошков писал: «Через два года, то есть в 1912 г., мы вступаем в «железный век». Для ближайшего к нам времени можно с большой вероятностью предсказать: постоянное вздорожание всех предметов первой необходимости и в особенности съестных припасов, которое будет усиливаться с каждым годом. В результате его последуют расстройство всей финансовой системы и задолженность всех слоев общества, а особенно городских жителей и интеллигенции. Промышленные и торговые учреждения будут банкротиться одно за другим и прекращать свою деятельность или переходить в руки иностранцев. В результате таких явлений начнутся голодовки, особенно среди беднейших слоев город-

ского населения. Несмотря на помощь со стороны правительства и благотворительность, множество народа будет умирать с голода и от тех эпидемий, которые обычно сопровождают голод. Голодная чернь, доведенная до отчаяния не правительством и не кем-либо из людей, а роковым процессом вырождения, будет искать мнимых виновников своего несчастья и найдет их в правительственных органах, в состоятельных классах населения и в евреях в западном крае. Начнутся бунты, избиения состоятельных и власть имущих людей и еврейские погромы. Провинции, населенные инородцами, воспользуются этим замешательством и будут поднимать то здесь, то там знамя восстаний, но все эти попытки нарушить целостность государства успеха иметь не будут». Многие из пророчеств генерала станут скоро явью. Хотя все разговоры о вырождении как причине социальных конфликтов и восстаний следует воспринимать осторожно, если только не согласиться с тем, что вырождение наблюдалось и в правящей элите. Он предсказал и то, что Россия в первой половине XX в. будет вовлечена в две мировые войны. Кстати, он чуть ошибся в отношении России наших дней: «Между 2000 г. и 2012 г. надо ожидать периода полной анархии, соответственной блаженной памяти Смутному времени, которым и закончится текущий исторический цикл». Как мы знаем, период смуты у нас пришелся на 10 более ранних лет. Поистине, *le prophete du future!*

Подготовка к войне шла полным ходом... Австро-Венгрия увеличивает за год военный

Священники благословляют офицеров Австрии

бюджет вдвое — с 400 млн крон в сентябре 1913 г. до 754 млн в апреле 1914 г. Министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин назвал виновником мировой войны Россию («Россия создала безвыходное положение и вызвала мировую войну»). Милитаризм и империализм процветали всюду. Сербия хотела отторгнуть от Австро-Венгрии части территории, населенные славянами. В австро-венгерском и германском штабах вопрос ставили ребром: «Не пора ли раз навсегда обезвредить Сербию посредством применения силы?» И сами же утвердительно ответили: «Пора!» Начальник австро-венгерского Генерального штаба перед нападением на Сербию прямо заявил, что «вслед за Сербией наступит черед Черногории». Министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд учитывал то, что война против Сербии может повлечь в войну Россию. Но Россия, по его мнению, сама в этом виновата, ибо ведет политику, цель которой, это ясно, образование союза балканских государств, чтобы затем использовать его против Австро-Венгрии.

Глава 20. На фронтах мировой войны: Россия против Германии и Австро-Венгрии

Мировая война неизбежна, когда власть оказывается в руках глупцов... Настал час, когда война вырвалась на простор. И тотчас же потребовала человеческих жертв, как только «народ ожесточенный хватался вдруг за меч военный» (М. Лермонтов). Была ли эта война неизбежной? Вероятно, нет. Была ли она справедливой? Безусловно, нет. Хотя, скажем, Наполеон утверждал: «Неизбежные войны — всегда справедливые войны». К сожалению, и до сих пор нет осмысления этого события, которое трансформировало мир в нечто дикое и варварское. И дело ведь не только в том, что *inter arma silent leges* (лат. — когда говорит оружие, законы молчат). Развернувшаяся во вселенском масштабе война означала: отныне никто не сможет пребывать в мире и спокойствии. Напомню опубликованную в английском журнале «Truth» («Правда») в рождественском номере за 1890 г. карту. Под картой была подпись «Сон Кайзера». На самой карте три еще на тот момент существовавшие — империи, Российская, Германская и Австро-Венгерская — представлены несуществующими. Давняя и сокровенная мечта англосаксов. На этой карте Германия оказа-

лась раздроблена на отдельные республики, Австро-Венгрия представлена в виде ряда отдельных государств, что возникли после заключения Версальского договора. Место же России было закрашено красной краской, и на этом месте красовалась зловещая надпись — «Русская пустыня». В углу карты три бывших венценосца — императоры России, Германии и Австро-Венгрии — покорно шествуют в «Работный дом», под арест, потеряв короны. К. Родзаевский, приводя эти данные, пишет: «Так мечтали англичане, евреи и масоны в 1890 г. А в 1914 г. разразилась Первая мировая война, столкнувшая ненавистные им три империи так, чтобы германизм и славянство уничтожали друг друга во славу Англии и мирового еврейства». Антанта показала всем, что всякое там «Entente cordiale» (франц. — «сердечное согласие») — блеф. Никакого согласия между ними нет и быть не может, когда речь шла о такой добыче. Победитель получал все. Наивную мечту Шиллера «Обнимитесь, миллионы!» заменил куда более жизненный тезис «Война — самый убедительный довод, *ultima ratio* королей и крупнейших держав». Словно всадники Армагеддона, вой-

Франц Фердинанд с женой

на неслась по земле, оставляя за собой кровь, смерть, ненависть и страх. Жирарден сказал: «Война есть убийство, война есть грабеж, которым вместо эшафота строят триумфальные арки». Только теперь уже почти всему земному шару предстояло стать одним «театром войны». И Россия выступит на нем, увы, одним из ведущих трагических «актеров». На полях сражений под Мукденом, в битве у Цусимы, в Порт-Артуре, Пруссии, Галиции, под Верденом, где цари, императоры, буржуазные премьеры, капиталисты и военные, нагромождали горы черепов, и поднимется страшный посев будущих революций.

28 июня 1914 г. в Сараево сербские националисты в результате покушения убили наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену. Покушение на эрцгерцога организовали Илич, Мехметбашич, Чубринович, Габринович, Принцип. Принадлежали они к террористической организации «Черная рука». Сначала ими была брошена бомба, но первая попытка не удалась. Только лишь пули серба Принципа достигли цели. Однако, кто именно стоял за убийцами, до сих пор покрыто мраком истории. Война была выгодна крупным банкирам и монополистам. Поэтому есть резон в вопросе К. Родзаевского: «Я спрашиваю историков этой войны: где стенограммы допроса убийцы австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги — Принципа и снабдившего его оружием Габриловича, в которой они сознались в масонской инспирации и в своей принадлежности к масонству?» И хотя сербское правительство, видимо, ничего не знало о тайных планах террористов, на Сербию возложили всю ответственность за это убийство. Началом войны стало предъявление Сербии австро-венгерского ультиматума. Это убийство и стало тем камнем, за которым последовал обвал катастрофических событий... В основе конфликта лежали более веские причины, нежели гибель наследника престола... Австро-Венгрия ощущала давление народов, входивших в состав ее империи. Начальник австрийского Генерального штаба и глава военной партии в Вене фон Хетцендорф недвусмысленно заметил, что дело не в рыцарской дуэли с «бедной маленькой» Сер-

бией, как та себя называла, и не в наказании за убийства. Вопрос стоит о престиже великой державы, и притом великой державы, которая постоянным терпением и уступчивостью (в этом была ее ошибка) создавала впечатление бессилия и «делала своих внутренних и внешних врагов все более агрессивными, вследствие чего они все стали настойчивее добиваться разрушения старой империи». Новая уступка после насильственного акта, совершенного Сербией, даст волю стремлениям, которые давно «подтачивали здание империи, — южно-славянской, чешской, русофильской и румынской пропаганде и итальянскому ирредентизму...». Генерал заявил, что убийство эрцгерцога и его жены разрушило карточный домик, где Австро-Венгрия считала себя в относительной безопасности. После того как монархию «схватили за горло», ей пришлось выбирать между неприятными альтернативами: или «быть задушенной» или сделать последние усилия, чтобы предотвратить свою гибель.

15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну, а 16 июля австрийцы подвергли Белград бомбардировке. И предлог был: «Der Karnikel hat selbst angefangen!» (Кролик сам начал). Конечно, эта акция задевала интересы России. Союз ее с Сербией обусловлен был экономическими и дипломатическими соображениями. Атака на Сербию была воспринята некоторыми кругами у нас как нападение на Россию. Тут же в прессе «патриоты» разразились настоящей истерикой. Глядя на все это, порой согласишься: «За пламенными патриотами остаются пепелища». Но настолько ли важна была эта страна, чтобы ради нее влезать в страшную войну, которая закончится гибелью империи! Тем не менее, 16 июля 1914 г. Россия объявила частичную мобилизацию, призвав 4 западных округа против Австро-Венгрии, а 24 июля 1914 г. Сазонов констатирует: «Это — европейская война!» Министр иностранных дел России С. Сазонов, заговорщик и масон, приложил немало усилий, чтобы втянуть Россию в войну. Во главе МИДа России, как это ни печально, нередко даже в недавние времена, оказывались враги и предатели интересов России. Это были пристяжные англо-французской, австрийской,

Глава МИД России С. Сазонов

англо-американской дипломатии. Одним из таких мерзавцев в дипломатическом фраке был и Сазонов. М.А. Таубе писал: «Итак, С.Д. Сазонов вперед обрекал русские мирные переговоры на руководство тем, «истинно-русским» дипломатом, который и по-русски объяснялся с трудом, а в самом его министерстве был известен под кличкой «Grey m'a dit» («Грей мне сказал»). Грей — министр иностранных дел Англии), а также «второго британского министра иностранных дел». И такой человек («с клеймом Форин офис») занял важнейший государственный пост в России! Это безумие!

И что это у нас за идиотская привычка: назначать в министры иностранных дел «иностранцев» — Нессельроде, Чарторыйский, Каподистрия, Шеварнадзе, Козырев и т.п. Как правило, все они так или иначе предают Россию, торгуя ее интересами, втравливая ее в авантюры или беды. Или более нет у нас русского Горчакова?! Историк В. Лопатников писал об эпохе царских мидовцев: «О какой закрытости в разработке и осуществлении политической или военной стратегии можно было вести речь, если, к примеру, посол России в Австрии Петр Мейендорф был зятем Буоля — министра иностранных дел этой страны, а министр иностранных дел России Нессельроде в течение десятилетий был убежденным сторонником, едва ли не креатурой австрийского канцлера Меттерни-

Министр иностранных дел К. Нессельроде

ха...» Хотя и иной русский министр, как показал пример того же Сазонова, охотнее готов служить интересам чужой страны. Иные из них взяли себе за правило торговать Россией «из каждого дипломатического окна», подтверждая справедливость высказывания: «Идеальный дипломат — это профессиональный мошенник с благородным сердцем» (В. Швёбель). Во всяком случае, в том числе и на совести российского МИДа лежала немалая доля ответственности за вовлечение России в ту страшную военную авантюру.

Итак, то, что всем казалось невозможным, все же свершилось: мировая война началась. В русской армии уже и на начальном этапе Первой мировой войны выявились многочисленные огрехи. В высшем руководстве не было единства. Кроме того, в отличие от Отечественной войны 1812 г. против Наполеона в 1914 г. Россия начала войну без серьезных причин и оснований, которые могли бы быть поняты народом. На нашу страну немец не нападал. Поэтому ни о какой народной, освободительной, отечественной войне не могло быть и речи. Все это не могло не отразиться на отношении солдат и даже офицеров с генералами к Первой мировой войне, которая, если не считать первых дней экстаза и возбуждения, настроений ура-патриотизма (прежде всего у буржуазии), была непопулярной. Война с Германией во всех отношениях была

Президент Франции Р. Пуанкаре

безумием. Министр внутренних дел России Н.А. Маклаков позже признавал: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти». Величайшее несчастье для страны иметь во главе руководство, которое элементарно не могло просчитать последствий ссоры России с Германией. Хотя факты буквально кричали, требуя не войны с Германией, а союза с ней! Германия владела половиной русской торговли в 1914 г. (49,6 %). Наша страна в гораздо большей степени зависела в вопросах модернизации своей промышленности от немцев, нежели от англичан и французов. В Германии имелась и влиятельная прорусская партия. Немало немцев (генерал Сект, будущий военный министр веймаровской Германии) понимали, что у России есть многое из того, чего нет у Германии. К тому же в России тогда проживали 170 тысяч германских подданных и 120 тысяч австро-венгров (против 10 тысяч французов и 8 тысяч англичан). Одним словом, Германия по вкладу немцев в строительство и обустройство России, по влиянию в экономической сфере и торговле значительно превосходила вклад двух других партнеров России — Франции и Англии. Чистое безумие — начинать войну со своим важнейшим и ключевым торговым партнером.

Французы преследовали свои цели. Президент Франции Р. Пуанкаре писал: «Если

союз с Россией с самого начала был благоприятно встречен общественным мнением в целом, то потому, что в нем видели постоянную гарантию против провокаций и угроз его зазнавшегося предшественника — Тройственного союза». Вопрос союзов и союзников — это почти всегда вопрос денег. Кто больше даст, тот и союзник. Эту циничную формулу дополняет другая: «Кто платит, тот и заказывает музыку». Когда в 1905—1906 гг. Россия решала, с кем ей «дружить», она выбирала, в основном, среди трех главных стран Европы — Германии, Англии, Франции — и США. Соперники яростно боролись за благосклонность «русской красавицы». В октябре 1905 г. в Петербург прибыл англичанин, лорд Ревельсток, прибыл с намерением «в союзе с международной группой банкиров заключить заем для России». Царь отреагировал как истинный бюрократ: цена вопроса — достижение соглашения о сферах влияния в Азии. Однако за скобками осталась главная тема — участие России в войне на стороне Антанты. В итоге Россия получила 2250 млн фр. (844 млн руб.), из которых французы подписались на половину, другую должны были дать англичане. Причем Россия играла на чувствах стран Антанты, прибегая, по сути, к шантажу: не дадите, мы снова обратимся к Германии. К слову сказать, Ротшильд старался торпедировать сделку, играя «на понижение», против России. Д. Спринг (Великобритания) считал, что плоды действия «экономической Антанты» для России невелики. В основном, британские капиталовложения носили «более спекулятивный» характер, а французские, немецкие или бельгийские инвестиции были «более выражены и оказали большее влияние на социальное и промышленное развитие страны». Понятно, что на усиление России Великобритания работать категорически не желала. В то же время сама Россия оказалась в плену у более дорогостоящего французского денежного рынка.

Экономические и политические займы — это всегда где-то мышеловка. Вот и Россия оказалась в таком долгу у франко-английских капиталистов, что практически потеряла право голоса. Это признавал и премьер-министр России В.Н. Коковцов, отмечая: «С Вольфом

Премьер России В. Коковцов

(главный редактор и владелец «Берлинер Тагетблат») было труднее. Он прямо заявил мне, что не станет спрашивать меня о вопросах внешней политики, хорошо понимая, что я могу только повторить то, что говорилось в Париже. Зато он забросал меня вопросами, о внутреннем положении России и в особенности просил меня высказаться, как смотрю я на сохранение внутреннего спокойствия России, так как германские сведения говорят, по его мнению, о том, что революционное движение гораздо глубже, нежели оно кажется по его поверхностным проявлениям. Я старался пояснить ему, что Россия идет по пути быстрого развития своих экономических сил, что народ богатеет». И вообще, мол, не стоит беспокоиться за будущее России, которая крепка, как никогда.

В финансировании войны участвовали, разумеется, еврейские банкиры и капиталисты... А.В. Кривошеин, рассказывая о визите трех еврейских банкиров к министру финансов П.Л. Барку, резюмировал содержание той отнюдь не эзоповской беседы: «Дайте (нам) — и мы дадим». И комментировал так: «Нож приставлен к горлу, и ничего не поделаешь». То есть три еврея-банкира приставили нож к горлу если уж не всей Российской империи, то по крайней мере к горлу ее Совета министров. Далее Кривошеин продолжал: «Нас пока еще вежливо просят, и мы можем ставить условия... Я считаю необходимым использовать случай и извлечь из нашей уступки наибольшие выгоды. Надо предъявить представителям евреев в ответ на их намеки

(с ножом к горлу!) не менее откровенный ультиматум: мы даем вам изменение правил о черте оседлости, и притом весьма существенное, а вы пожалуйста нам денежную поддержку на русском и иностранных рынках и окажите воздействие на зависимую от еврейского капитала печать (это равносильно почти всей) в смысле перемены ее революционного тона». Министр иностранных дел С.Д. Сазонов говорил: «Союзники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями». Ему вторил Щербатов: «Мы попали в заколдованный круг. Сейчас мы бессильны, ибо деньги в еврейских руках, и без них мы не найдем ни копейки, а без денег нельзя вести войну». Урок был дан ясный и жесткий: «Если Россия хочет быть действительно независимой, ее деньги не должны находиться в еврейских руках». В противном случае, ею будут вертеть так, как заблагорассудится тем, кто является главными их держателями.

Вовлечение России в мировую войну диктовалось и серьезными (с точки зрения правящего класса) внутривнутриполитическими причинами. Казалось, битва за Царьград даст возможность царю загнать мужиков в окопы и там их удержать. Вся правящая верхушка России сходилась во мнении относительно

**Москва. Красная площадь.
Начало I мировой войны**

Мобилизация запасных офицеров. 1914 г.

того, что только блестящая победа в войне в состоянии спасти царизм и русский империализм от катастрофы. Цифры, факты, свидетельства очевидцев (от ярых монархистов до революционеров) указывают на то, что война рассматривалась правящими кругами стран Европы как средство удержания масс от революции, как инструмент предотвращения краха режимов. Так, Витте в «Воспоминаниях» прямо связывал неудачную войну против Японии и поражения царизма с последовавшей затем революцией 1905 года: «Конечно, всем этим весьма воспользовалась анархия для своих революционных целей; она сбила с толку многих темных людей, даже более темные массы. Это содействовало революции, которая готовилась уже многие годы и которая вырвалась наружу благодаря преступной и бессмысленной войне, показавшей всю ничтожность государственного управления. Кто виноват в этой войне? В сущности, никто, ибо единственно, кто виноват, это и самодержавный и неограниченный император Николай II.

Он же не может быть признан виновным, ибо он не только, как самодержавный помазанник божий, ответственен лишь перед Всевышним, но, кроме того, с точки зрения новейших принципов уголовного права, он не может быть ответственен, как человек, если не совсем, то, во всяком случае, в значительной степени, невменяемый». При этом каждый норовил снять лично с себя ответственность за поддержку империалистической политики. Витте после переговоров в Портсмуте (США), когда Япония получила многое от России (хотя мир был довольно щадящим для нас), направляет льстиво-патриотическую телеграмму царю, говоря о «мудрых и твердых решениях» венценосца. Телеграмму, как и другие, он сначала подписал только фамилией, но, подумав, добавил: «Ваш верноподданный слуга».

Правительство пребывало в тенетах иллюзий, ощущая воодушевление от того, что на мобилизационные пункты явились 96 % подлежащих призыву людей. Английский посол в России Дж. Бьюкенен писал в 1914 г.:

«Россия объявила всеобщую мобилизацию, это правда, но только после того, как она узнала о секретных военных приготовлениях Германии, а также об угрожающей позиции Австрии. Германия была прекрасно осведомлена о том, что военная программа, которая начала реализовываться в России лишь после того, как в 1913 г. Германия приняла новый закон об армии, не будет завершена до 1918 г., а также о том, что русская армия не имеет современных вооружений. Это был хороший психологический момент для нанесения удара, и Германия им воспользовалась». Жребий брошен.

В первые дни страну охватил мощный патриотический подъем. То, что Германия первой объявила войну России, способствовало тому, что и в массовом сознании россиян война стала восприниматься как справедливая, оборонительная и направленная на отражение германской агрессии. Патриотическое настроение выражали фразы тех лет: «Ежели немец прет, то как же не защищаться?» и «Нам чужого не надо, но и своего не отдадим». В го-

родах, поселках, крупных селах проходили патриотические манифестации, шествия, молебны о даровании победы над вероломным врагом. Особенно мощные патриотические манифестации прошли в столице Российской империи — Санкт-Петербурге. 20 июля на Дворцовой площади собрались тысячи людей из разных сословий и дружно опустились на колени перед императором и императрицей, вышедшими на балкон Зимнего дворца. Николай II объявил Манифест о вступлении России в войну. И первым из мобилизуемых воинов торжественно принял присягу царь по форме присяги императора Александра I в 1812 г. — на Евангелии. Позднее М.В. Родзянко, председатель Государственной думы, вспоминал: «В день Манифеста о войне с Германией огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы Государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием не кончать войны, пока хоть одна пядь Русской земли будет занята неприятелем. Громовое «ура» наполнило дворец и по-

Волонтеры-немцы в августе 1914 г.

Император Николай II

катилось ответным эхом в толпе на площади. После молебствия Государь вышел на балкон к народу, за ним императрица. Огромная толпа заполнила всю площадь и прилегающие к ней улицы, и когда она увидела Государя, ее словно пронизала электрическая искра, и громовое «ура» огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями «Да здравствует Россия и славянство!» склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед царем на колени. Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, передние ряды затихли, но шум толпы, не смолкшее «ура» не дали ему говорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения царя со своим народом, потом повернулся и ушел в покои. Выйдя из дворца на площадь, мы смешались с толпой. Шли рабочие. Я остановил их и спросил, каким образом они очутились здесь, когда незадолго перед тем бастовали и чуть ли не с оружием в руках предъявляли экономические и политические требования. Рабочие ответили: «То было наше семейное дело. Мы находили, что через Думу реформы идут слишком медленно. Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему царю как к нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами». О том же писал и Керенский: «В 1914 г. народ воспринял конфликт с Германией как свою собственную войну... Войну, которая означала, что судьба России поставлена на

карту... Эта вторая война за национальное выживание (первая была в 1812 г.) предоставила царю уникальную возможность протянуть руку дружбы народу, обеспечив тем самым победу».

Многих это тогда привело в состояние крайней эйфории и восторга... Генерал-лейтенант Н.Н. Головин, будучи уже в эмиграции, издал ряд книг, где пытался воссоздать подлинную картину тех дней. Давая характеристику патриотическому подъему, что наблюдался в осенние месяцы 1914 г. в России, он писал: «...Все, кто был свидетелем войны России с Японией, не может не быть пораженным огромным различием в народных настроениях в 1904 г. и в 1914 г. Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас. Миротлюбивый тон русского правительства по отношению к немцам был широко известен, и поэтому нигде не могло зародиться сомнений, подобных тем, какие имели место в Русско-японской войне. Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения. Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного Сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того «панславизма», о котором любил упоминать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове «братушка», которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербов — и те же немцы напа-

ли на нас. Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа». Такие чувства в народе, конечно, были, но они уже не были столь горячи. Тут было больше возбуждения, патриотического пыла, экзальтации, позы. К примеру, поэт В.В. Маяковский призывал, взобравшись на памятник Скобелева, «стереть вражью кровь на русских саблях шелковым бельем берлинских кокоток».

Наряду с введением «сухого закона», власти закрыли «Правду», другие большевистские издания, подвергли аресту думских депутатов — большевиков. Не обошлось и без погромов... «На войну людей уже гонят, как скот на бойню... Насильно сажают в теплушки, отправляя куда попало: причем зачастую семьи — в одно место, часть — в другое. В столицах взяты на подозрение все, носящие некоренные русские фамилии. Отмечают, многие служащие, даже видные, вынуждены были переменить свои фамилии; другие это делают из трусости и угодливости. Так, вместо Саблера появился Десятовский, вместо Эбель — Эбелов, вместо Шульца — Шульцинский... «Нужно сказать, что пример этому маскараду исходил свыше». Град Петербург был переименован в Петроград. Так вот верхи боролись с «немецким засильем». С началом войны толпа громит германское посольство в Петербурге. Град избавят от немецких корней, а заодно и от немцев. Немцы России в спешном порядке вместе с евреями стали менять немецкие фамилии на русские.

Социал-демократии в России предстояло действовать в новых и крайне тяжелых условиях. Тем более что большевики встали на позиции пораженчества. Хотя даже Л. Троцкий выступал против поражения России в статье в «Новом Слове» (1915), «Военная катастрофа и политические перспективы». При этом он аргументированно доказывал политическим оппонентам: «В таких условиях реформы, проведенные сверху, в результате разгрома, могут дать серьезный толчок развитию прогрессивных общественных классов. Но война является слишком противоречивым, слишком обоюдоострым фактором исторического развития, чтобы революционная партия, чувствующая твердую классовую почву под ногами и уверенная в своем будущем,

могла видеть в пути поражений путь своих политических успехов. Поражения дезорганизуют и деморализуют правящую реакцию, но одновременно война дезорганизует всю общественную жизнь, и прежде всего ее рабочий класс... Наконец, выросшая из поражений, революция получает в наследство вконец расстроенную войной хозяйственную жизнь, истощенные государственные финансы и крайне отягощенные международные отношения». Но тут же он отмечает, что после ряда поражений царская армия будет разбита, а война Россией «проиграна».

И тем не менее выбор был сделан в пользу войны, и миллионы солдат под марш «Прощание славянки» грузились в товарные вагоны с грифом — «40 человек или 8 лошадей». Бодро звучала быстро ставшая популярной песня (та станет в народе особенно популярной и даже обретет черты национального гимна в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов, в битве с гитлеровскими армиями):

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С тевтонской силой темною,
С германскою ордой!

Вспомнились строки Ахматовой: «Сроки страшные близятся. Скоро станет тесно

Гвардейцы отправляются на фронт

Николаевская академия Генерального штаба. 1900—1902 гг.

от свежих могил» (июль 1914 года). Дурные предчувствия ее не обманывали. Хотя царская армия и претерпела заметную эволюцию с начала XIX века. Русская армия начала XIX столетия, как отмечал военный специалист Н. Морозов, «по многим сторонам своей жизни была армией Великой Екатерины», где наряду с победоносной практикой талантливых генералов проявлялась и «громкая самостоятельность начальников и почти полное отсутствие контроля». Однако недостаток контроля порождал «колоссальные злоупотребления и распушенность». В деле укрепления воинской дисциплины уповать только на безупречный подбор командных кадров было недальновидно, в особенности учитывая всевозраставшее расширение численного состава офицеров (численность офицеров с 1801-го по 1856 г. выросла в 2,8 раза). Офицерский корпус российской армии в годы Первой мировой войны находился якобы в состоянии духовного подъема, что вряд

ли было так, учитывая итоги Русско-японской войны. Правда, казалось, опыт ее изучен и учтен. Офицеры старались принять на вооружение новинки военного искусства. Армия училась и переучивалась, стремясь к восстановлению былой военной мощи. Существенно и то, что изменился социальный состав армии. Е. Месснер (1891—1974), три года провоявавший в Первую мировую войну и три года в Гражданскую войну, писал о молодых офицерах перед той войны: «В национальном, в военнонациональном порыве молодежь устремилась в военные училища, чтобы, ставши офицерами, творить основу будущей славы России. Эта молодежь отказывалась от возможности стать инженерами, юристами и избирала военную карьеру, обрекая себя на полунисенство... Уже в последние десятилетия XIX в. обнаружившийся наплыв в корпус офицеров так называемых разночинцев усилился, и перед войной в нем были лишь 40 % потомственных дворян. В область преданий

отошел тот стиль офицерской жизни, когда дворянско-помещичье сословие содержало своих детей-офицеров. Теперь 90 % офицерского состава — и дворяне, и разночинцы — довольствовались скудным офицерским жалованьем и вели тяжелую жизнь, отдавая все свои силы, все свое время царской службе. Гордилось этой службой, любя Царя и Россию». Он уверял, что офицерство всей душой и телом предано царю и даже гордилось тем, что, презрев оскорбления со стороны общественности, прессы и ряда ораторов в Государственной думе, помогло Государю подавить революцию 1905—1906 гг. Офицер был тверд и в строевых действиях по охране или по восстановлению порядка, законности в военных судах, каравших революционные проявления и действия террористов. Офицеры вовсе не были «аракчеевыми», но были «фрунзовыми солдатами», преданными без лести, без аффектации и позы государю. Жизнь однако вскоре покажет, что такие оценки были чересчур оптимистичны!

Сказанное если и верно, то для меньшей части офицерства, да и то на первых этапах войны. А надо бы заглянуть за парадный фасад российского офицерства, которое было далеко не однородно. Скажем, американский исследователь Р. Пайпс уверяет нас, что выпускники юнкерских училищ в октябре 1917 г. «явили себя самыми верными защитниками демократии». Но ведь юнкера — это еще не вся армия. А ему следовало сказать, что во время революции не юнкера, которые вскоре и разошлись по домам, а масса солдат, матросов, рабочих и немалая часть бедного полупролетарского офицерства как раз и явились главным противником, ликвидатором строя буржуазной «демократии» России. Лишь половина офицеров действительной службы принадлежала в конце XIX в. к потомственному дворянству. В армии все больше оказывалось зеленых юнцов, выходцев из юнкерских училищ, людей низших социальных слоев, не сумевших по той или иной причине закончить среднюю школу (как правило, из-за бедности). Да, они были готовы

поначалу нести тяготы офицерской службы, что называется «тянуть лямку». Но взгляните, как к ним относилось государство, которое они были призваны защищать. Ванновский писал: «Непрерывный и в высшей степени тяжелый труд офицеров не вознаграждается сколько-нибудь удовлетворительно не только по сравнению со всеми другими профессиями, но даже по отношению к самым ограниченным повседневным потребностям офицерского быта. Тяжесть экономического положения офицеров особенно резко стала сказываться в последние годы вследствие непомерно возросшей дороговизны». Командирам батальонов и ротным жалованье увеличили, но общее экономическое положение офицерских чинов осталось удручающе низким. При годовом бюджете 600—653 рубля офицер зачастую не мог позволить себе даже такую «роскошь», как завтрак, и вынужден был ограничиваться чаем с булкой. Поэтому Те и другие в ходе кровавой мясорубки войны увидели, что все они, солдаты, крестьяне, офицеры, — одной крови!

Разумеется, совсем иным было положение гвардейских офицеров. В гвардии служили, в основном, дети родовитого дворянства. Тут иные расходы и, конечно, иной уровень жизни. Гусары или офицеры гвардейской кавалерии на обычных извозчиках не ездили, — только на лихачах. В театрах они занимали

К. Юон. Тройка у Старого Яра

Юнкера

дорогие места. Гусары устраивали роскошные пирушки, попойки, покупали дорогих рысаков, имели возможность тратить на роскошных женщин и дам полусвета и т.д и т.п. Яркий пример их развеселой жизни привел офицер императорской кавалерии В. Литтауэр: «Как-то вечером я остался дома и уже собирался лечь спать, когда ко мне буквально ворвался корнет Поляков и, выставив на стол несколько бутылок вина, возбужденно прокричал: «Я только что купил чудесную собаку с выдающейся родословной! Потрясающая удача. Давай отметим покупку. Поедем в «Яр». Я приглашаю». Мы отлично поужинали и примерно в час ночи решили возвращаться домой. И тут Поляков, ощупав карманы, заявил: «Знаешь, а я забыл бумажник». Хорошенькое дело: счет на каких-то тридцать пять рублей, а два гусара не могут его оплатить. Что было делать? Мы пошли в кабинет, пригласили цыган, заказали море шампанского и, когда счет превысил несколько сотен рублей, очень довольные, подписали его. С легким сердцем мы отправились домой, считая, что не посрамили чести полка». Нужно ли добавлять, что отец того молодого гусара был владельцем крупной собствен-

ности в Петербурге, разного рода сырьевых кампаний и т.п.? Так вот жили и веселились «сливки общества», в том числе в армии, в гвардии и у гусар. А вот экономическое положение бедного офицерства, по сути дела, ничем не отличалось от положения тех же рабочих и крестьян. Скажем, ежемесячный оклад пехотного поручика в размере 41 рубля был почти равен заработку квалифицированного рабочего. При этом армия регулярно использовалась для подавления гражданских беспорядков, восстаний крестьян и рабочих. Так, в 1903 г. треть пехоты и две трети кавалерии, расквартированных в европейской части России, задействованы царизмом в репрессивных акциях против народа. И опять-таки очевиден «классовый след» — против рабочих и крестьян бросали тот же «скот».

Царизм рассчитывал, что русские офицеры и солдаты будут бестрепетно умирать во имя «бога, царя, отечества». Сохранялся старый взгляд на солдата как бессловесное животное. Так, документы подтверждают существование среди русских генералов начала XX в. сторонников карательных, самых устрашающих методов поддержания дисциплины, после того как телесные наказания были отменены в 1904 г. В то время далеко не все рисковали высказываться публично в защиту палочной традиции. Однако при опросе, проведенном на рубеже 1907—1908 гг. одним из структурных подразделений Военного министерства, почти половина опрошенных генералов выступили за введение телесных наказаний в военное время. В их числе оказался и знаменитый впоследствии генерал А.А. Брусилов, объяснявший это желанием «избежать потом нужды в расстреливании». Кроме того, военачальник считал, что следует «ввести новое наказание — ставить под ружье с мешком песку на спине пуда в 2 весом, раза 2 в день, с исполнением служебных обязанностей». В войне видели и радикальное средство излечения от всякого рода революций. К примеру, один из ведущих политиков России В. Маклаков прямо связал войну и удержание власти в руках правящей буржуазии. Он заявил Шульгину: «Вот что нам нужно: война с Германией и твердая власть». Вояки из Морского министерства

И. Репин. М.И. Драгомиров

России также видели в мировой войне почетный приз, который можно будет показать народу и тем самым подсластить пилюлю потерь, как бы «в награду» за страдания и муки: «Мы должны вернуться с войны с чем-нибудь, ясно говорящим всякому русскому сердцу и в то же самое время действительно важным для отечества, иначе эта чудовищная война родит внутри России не сплочение, а раздор». Просто поразительно, как государственные деятели могли всерьез подумать, что простому русскому мужику нужны Константинополь, какие-то там Дарданеллы, проливы, о коих он никогда в жизни даже и не слышал. Во имя чего он должен был бросить хозяйство, семью, детей и идти умирать куда-то за тридевять земель — за «чертовы» Дарданеллы? Поэт В. Хлебников в стихотворении скажет о зачинщиках Первой мировой войны:

С родины на устах,
Обмахиваясь веером военно-полевого устава,
Вами нагло выведена война
В круг Невест человека...

Правящие круги России и ее союзники уповали на «палочку-выручалочку» — русского солдата. Споры нет, русский солдат известен миру как мужественный и умелый воин. Будучи обучен и воспитан в традициях великих полководцев А. Суворова и М. Кутузова, он привык побеждать. Однако суворовская «Наука побеждать», носившая, скорее, афористичный характер, как раз высшими кругами армии и даже значительной частью офицерства усвоена так и не была или уже

прочно позабыта. Как следствие этого она не была развернута в систему. А.В. Суворов говорил: «От немогузнайки много, много беды!» и «Ученье — свет, а неученье — тьма!»

На пренебрежительное отношение России к военной мысли указывал и генерал М. Драгомиров (1830—1905), известный военный теоретик и практик. Он писал в «Стратегии духа», отмечая особую важность подготовки высших звеньев, которые могли бы умело и талантливо управлять армией. Обращал внимание и на важность обеспечения и снабжения армии, без чего не может быть и высокого боевого духа у офицеров и солдат: «Большую половину боевых неудач должно отнести на счет недоразумений, порожденных несоответственно отданными приказами. Отличительные черты хорошо отданного приказа следующие: 1) оно должно быть кратко, точно, указывать ясно цель, не вдаваясь в мелочи исполнения; 2) должно быть отдано внушительно и в порядке постепенности». Он заметил: «Итак, господа, имейте прежде всего в виду здравый смысл... берегите и уважайте солдата, но не балуйте его и постоянно держите в руках, будьте внимательны к малейшим его потребностям, даже предрассудкам, но рукою закона карайте беспощадно за отступления от военных обязанностей; решайтесь быстро, без колебаний, действуйте так, чтобы для вас не было середины между гибелью и победой; не допускайте мысли о возможности поражения в самых отчаянных положениях — и смело можете быть уверены в том, что выйдете с честью из встречи с любой армией». Мысли и заветы Суворова и Скобелева — бить врага не числом, а умением! — были почти забыты в России. А кроме того, и это главное, с тех пор, как Суворов произнес свою фразу «Пуля дура, штык молодец! У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает... Богатыри! Неприятель от вас дрожит!» — много воды утекло в военном деле и развитии военной техники.

Высшему военному начальству давно уж надо было понять, что мир перешел уже в совершенно новую эпоху. В войнах XX в. многое уже зависело от технической и материальной оснащенности войск. Военные сражения стали вестись с применением невиданной,

Переход Суворова через Альпы

убийственно-смертоносной техники — пулеметы, скорострельные и тяжелые орудия, танки, самолеты, отравляющие газы. В условиях дистанционной битвы старые доблести солдата (мужество, отвага и терпение) хотя и сохраняли значение, зачастую отступали на второй план перед техникой. Иные жили представлениями о былой мощи русской армии, воевавшей храбро, но достигавшей побед за счет крови солдат. С. Витте писал: «Кто создал Российскую империю, обратив Московское полуазиатское царство в самую влиятельную, наиболее доминирующую великую европейскую державу? Только сила штыка армии. Не перед нашей же культурой, не перед нашей бюрократической церковью, не перед нашим богатством, благосостоянием преклонялся свет. Он преклонялся перед нашей силой». Слова эти, во многом верные, позволяют более критично взглянуть на состояние нашего «полуазиатского царства» (и армии). В нынешнюю эпоху одной силой штыка или кавалерийским наскоком успеха и победы не добьешься. Битвы в новых условиях — дело, пожалуй, более трудное, чем переход войск через Альпы.

В предвоенные годы каждая из сторон вела интенсивную пропаганду, целью которой было: с одной стороны, представить свою страну сильной и могучей, с другой стороны — обвинить противников в наращивании сил и в агрессивности намерений. Примером такого рода стала и статья военного министра России В.А. Сухомлинова в «Биржевых новостях» (28 февраля 1914 г.). Статья «Россия хочет мира, но готова к войне» получила одобрение Николая II. Министр уверял в ней, что «России не страшны никакие окрики». Он далее приводил аргументы, которые должны были убедить всех в силе русской армии и оружия: «... на случай войны... идея обороны отложена и русская армия будет активной... упраздняется целый ряд крепостей, служивших базой по прежним планам войны, но зато существуют оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением»; «Офицерский состав армии значительно возрос и стал однородным по образовательному цензу...»; «Русская полевая артиллерия снабжена прекрасными орудиями, не только не уступающими образцовым французским и немецким орудиям, но во многих отношениях их превосходящими»; «Осадная артиллерия организована иначе, чем прежде, и имеется при каждой крупной боевой единице»; «В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов...»; «...и кто же не знает, что военная автомобильная часть поставлена в России весьма высоко. Военный телеграф стал достоянием всех родов оружия. У самой маленькой части есть телефонная связь...». «Русская армия, мы имеем право на это надеяться, — подчеркивал Сухомлинов, — явится, если бы обстоятельства к тому привели, не только громадной, но хорошо обученной, хорошо вооруженной, снабженной всем, что дала наша техника вооружений». Павлин в воинственном азарте!

Таковы были оптимистические надежды военного министра. Военный министр Сухомлинов — конечно, не Суворов, но... Пройдет немного времени, и депутат Думы Половцов бросит в его адрес упрек, что он «обманул всех лживыми уверениями в готовности к страшной войне», «сорвал с чела армии ее лавровые венки и растоптал их в грязи лихоимства и преда-

тельства». «Такова ли была подлинная готовность и оснащённость русской армии?» — вот в чем вопрос. Позже с горькой иронией все повторяли его фразу: «Мы готовы до последней пуговицы». Сомнения в готовности России были и у германских военных. Авторитетное прусское лицо, откликаясь на статью, заявило: «Что русская армия находится в хорошем состоянии, никто в Германии не оспаривал... Тем не менее позволительно сомневаться, все ли указания относительно боевой готовности России соответствуют действительности». Признаемся, подобного рода сомнения, как показали дальнейшие события, имели под собой основания. Однако в высших эшелонах власти и среди представителей высшего военного командования царили шапкозакидательские настроения, там говорили: «Мы покажем этим гуннам!»

Это тем удивительнее, что российская армия и государственная служба, как известно, в значительной мере состояли из немцев. Мы не говорим о тех, кто натурализовались, стали русскими. В этом были и свои плюсы. У немцев были прекрасная профессиональ-

ная подготовка и, так сказать, прирожденная «военная косточка». Д.А. Милютин, военный министр, канцлер времен Александра II, эпохи Вильгельма I и канцлера Бисмарка, с восхищением отзывался о военной подготовке немцев... Правда, Пруссия тогда еще не обладала большой военной мощью, которую она будет иметь спустя 40—45 лет. Может, потому немцы и позволили Д.А. Милютину посетить их военные учебные заведения. Он вспоминал: «В этом отношении, признаюсь, нам следовало бы несколько позаимствовать у немцев именно в преподавании военных наук и других прикладных знаний, хотя вообще прусскому типу в педагогическом деле я не мог сочувствовать». На него произвело огромное впечатление и то, какое внимание уделялось немцами изучению географии и статистических данных по России. Немецкие военные работали «над исправлением карты наших железных дорог», а также российских железнодорожных станций. С неприкрытым восхищением он пишет, что «тут не пренебрегают никакими мелочами, не пропускают без внимания никаких данных».

Русская кавалерия

Кстати, в русской армии было немало немцев... Иные из них подобно генералу Э.И. Тотлебену, герою обороны в Севастополе, служили России верой и правдой. Казалось, и русская армия не очень-то могла обходиться без немцев... Судить об этом, прямо скажем, ныне трудно, ибо в паспорте графы «национальность» ранее не существовало. Лишь в 1912 г. в «Военно-статистическом ежегоднике армии на 1912 г.» графа «национальность» появилась. По сведениям ежегодника, из 1299 генералов немцами (правильнее говорить — германцами, так как на самом деле в русском языке под словом «немец» подразумевался не конкретно гражданин Германии, а иностранцы вообще, одним словом, чужестранцы) были 61 человек (6,55 %), из 8 340 штаб-офицеров — 212 (3,26 %), из 38 976 обер-офицеров — 878 (2,61 %). Сюда отнесены немцы, имевшие неправославное вероисповедание (в основном, лютеране, евангелисты и реформаты). Фактически немцев было больше, так как немцев, имевших православное вероисповедание, по нормам того времени, причисляли к русским (точно так же, как и лиц других национальностей, исповадовавших православие). Таким образом, в списках российского офицерского корпуса среди русских офицеров можно было увидеть немало известных немецких фамилий. Естественно, большая часть немцев были обрусевшими и не мыслили их жизни без России... Один из лидеров русских правых, убежденный монархист, министр внутренних дел П. Дурново в записке Николаю II о необходимости ориентации на Германию, а не Антанту докладывал, что немцы быстро русеют. «Посмотрите на французов и англичан: многие, почти всю жизнь прожившие в России, так и не могут освоить русский язык. А немец, чуть поживший у нас, уже художно, коверкая слова, но бегло говорит по-русски». Между германцами и русскими, как ни парадоксально, много общего. Да и не стоит этому уж очень удивляться, если со времен Петра I российские императоры женились, в основном, на германских принцессах, и таким образом, являлись немцами по крови, а в самой России были многочис-

Русская открытка

ленные колонии немцев-поселенцев. Все это требовало союза с немцами, а не войны с ними. Конечно, были и те, для коих интересы России были чужды.

Среди них немцы совсем иного рода. Так, еще Вильгельм I выхлопотал согласие Александра II на прикомандирование к русской армии 2—3 германских офицеров. Одним из них был граф Пфель. Он командовал батальоном, носил форму Преображенского полка и был полковником. Н.А. Вельяминов пишет, что этот самый Пфель в 1890-м или в 1891 г. уехал в отпуск в Германию и больше в Россию не вернулся. Вскоре в Берлине появилась его книга о русской армии «с не особенно лестными отзывами о ней». Этот немец «в форме русского полковника гвардии, несомненно, почти открыто занимался шпионством... Вот пример, какими способами пользовались немцы, чтобы готовиться к войне с Россией, которая и вспыхнула через 22 года». За эту услугу «фатерланду» немец получил высокую должность в германском главном штабе.

Однако мы по-прежнему благодушествовали. Такова Россия. А немцы были хорошо осведомлены о состоянии русской армии и общества... В секретной записке германского Большого Генерального штаба отмечалось, что

у русских после войны в Маньчжурии в военном деле наметился подъем. В связи с быстрым хозяйственным ростом России появилась некая возможность предоставить управлению армии средства, значительно превосходящие расходы всех других держав на оборону страны. Удалось устранить ряд пробелов материального оснащения, осуществить вооружение, снабжение армии современными военнотехническими вспомогательными средствами и довести ее таким путем до уровня больших западноевропейских армий. Потрачены немалые средства на устранение отсталости, существовавшей еще в некоторых областях; в первую очередь — на увеличение количества тяжелой артиллерии в действующей армии и на вооружение крепостной и осадной артиллерией. Увеличены были оклады жалованья, пенсии, были достигнуты омоложение и увеличение офицерского корпуса. Создан почти не существовавший ранее унтер-офицерский корпус. Проведена и коренная реорганизация армии. Она коснулась всех, повлекла значительные изменения в составе высших войсковых соединений, затронула подготовку русских к мобилизации, экономику, как и под-

готовку офицерского состава. Коренному изменению подверглись все уставы, был совершенно изменен устав боевой службы и введен новый метод обучения. При этом были учтены французские и в еще большей степени немецкие взгляды, приспособленные к своеобразию русских условий. После поражений в Русско-японской войне отчасти под давлением общественного мнения отношение к службе стало внимательнее... Однако подъем военного дела в России ограничивается недостатками русского народа, которые невозможно устранить ни при помощи денег, ни путем организационной работы. Эти недостатки: нежелание заниматься методической работой, боязнь ответственности, отсутствие инициативы и слабое чувство долга. Русский народ тем не менее обладает хорошими и даже завидными военными качествами. Людской материал в целом надо признать хорошим. Русский силен, непритязателен, храбр, но неповоротлив, несамостоятелен и умственно не гибок.

Он легко теряет (свои хорошие) качества при начальнике, который лично ему незнаком, и в соединениях, к которым не привык. Поэтому хорошие качества русской пехоты

Кайзер Вильгельм и генерал-полковник Г. Эйхгорн в Вильно в 1916 году

Русский солдат получил оружие

в сомкнутых соединениях могли проявиться при прежнем методе боя лучше, чем теперь. Тем не менее русский солдат даже после неудач может быстро оправиться и быть способен к упорной обороне. Офицеры обладают личной отвагой, но у них нет чувства долга и ответственности. Необходим постоянный контроль старших начальников всюду и во всем, чтобы не допустить всяческого рода служебных беспорядков. Преимуществами русских офицеров являются присущие им хладнокровие и крепкие нервы. Но русский офицер очень любит личные удобства, вял физически и умственно, несамостоятелен и беспомощен при внезапных событиях. Наименее надежны — военные чиновники. Так, продажность и небрежность интендантства окажутся также и в будущем худшим врагом русской армии. К числу недостатков следует отнести и медлительность передвижения русских войск. От русских командиров нельзя ожидать умелого использования оперативного положения, как и точного выполнения войсками маневра. Русскому командованию в бою свойственны постоянная медлительность, ожидание приказов, стремление действовать по одной схеме. При столкновении с русскими германское командование сможет осмелиться на маневры, которых оно не

позволило бы себе против другого равного противника». Хотя в том же документе особо отмечено, что, опираясь на опыт последней войны, русские достигли все же неоспоримого прогресса в военном деле. В целом сей документ следует признать объективным.

Многие делают акцент на том, что русская армия была «одной из сильнейших в Европе и во многих отношениях подготовленной лучше своих противников». Однако вряд ли со столь категоричным заявлением можно согласиться. В самом деле, если судить по числу штыков, то Россия имела величайшую в мире армию (1,4 млн человек). Но ведь сила армии складывается не только из числа солдат и офицеров, а из множества компонентов. Военный министр Д.А. Милютин в «Воспоминаниях» отмечал, что сокращение военной сметы «должно иметь известный предел» и что дальнейшие сбережения в бюджете необходимо обратить на удовлетворение насущных нужд Военного ведомства и на некоторые новые расходы, которые «долго откладывать решительно невозможно». В их числе министр называл: улучшение крайне скудного содержания военнослужащих, в особенности строевых офицеров, повышение качества обеспечения армии, хозяйственные рас-

ходы, постройка казарм, перевооружение войск, усовершенствование крепостей и т.д. Большое значение приобретала тяжелая артиллерия, пулеметы, связь, техника и прочие средства. Россия опоздала с ее усилиями по подготовке к схватке. Правительство утвердило программу финансирования перевооружения армии на сумму в 1,1 млрд. руб., но это было сделано лишь к 1914 г. Кроме того на эти цели была необходима сумма в два раза большая. Программа развертывания вооружений решительно запоздала, ибо утверждена царем буквально накануне войны — 22 июня 1914 года. Не находите ли вы весьма символичной эту дату, если вспомнить, что в тот день в 1941 г. Германия вероломно нападет на СССР?! Заслуживает внимания и оценка генерала А. Деникина, говорившего, что русская армия оставалась «в полном смысле беспомощной» до 1910 г., и только в самые последние перед войной годы работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил «подняла их значительно». В 1907 г. Николай II утвердил программу строительства новых кораблей на 4 года, выделив на эти цели 31 млн. рублей. Программа была расширена в 1911 г., но главные усилия по созданию военно-морских сил России сделаны накануне войны, к 1914 г. (на 4 программы отпускатось 820 млн рублей, и завершиться они должны были к 1917—1919 гг.). Морские программы завершились бы в 1917—

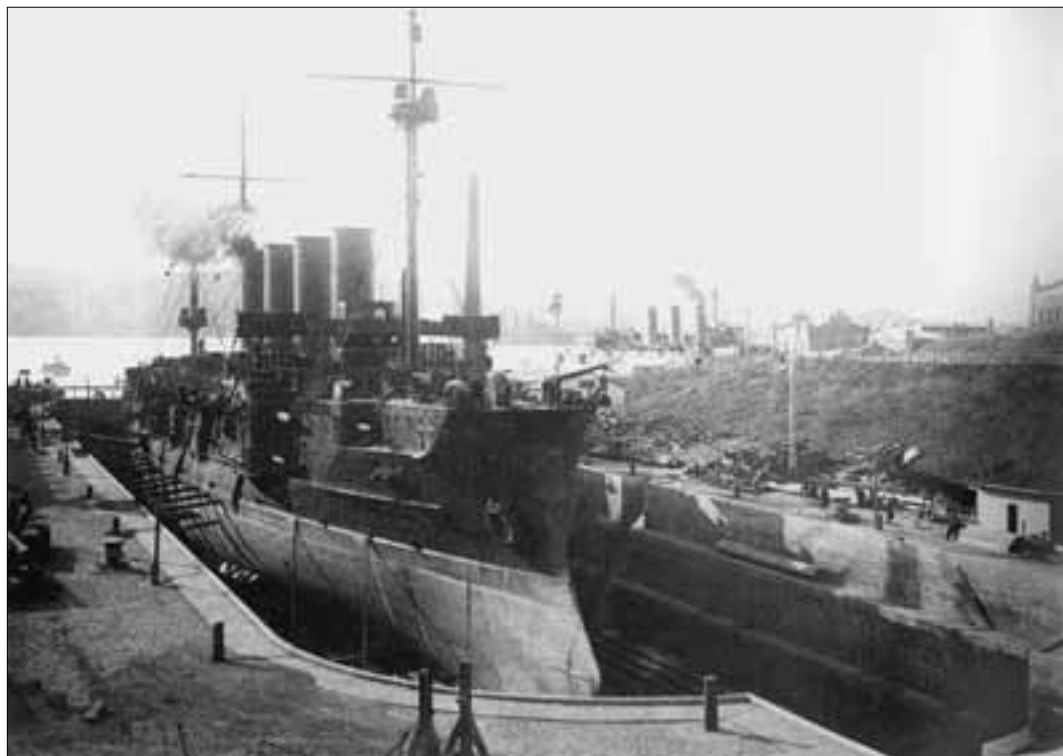
Морской министр адмирал И.К. Григорович 1913 г.

1919 гг. У русской армии имелись сухопутные силы (3,2 млн. штыков), развернутые против Германии и Австро-Венгрии, внушительные силы авиации (у России — 263, в Англии — 258, в Германии — 232, во Франции — 156 самолетов), крупнейшие на то время линейные корабли «Севастополь» и «Императрица Марии». Но постройка судов, как признал адмирал Колчак, шла без всякого плана в зависимости от отпускаемых на эти цели средств. Дело доходило до абсурда: строили не тот корабль, что нужен, а тот, что отвечал размерам отпущенных средств, благодаря чему в итоге выходили «какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем». Надо признать: комплексная, системная подготовка русской армии к мировой войне, как и к войне с Японией, не была осуществлена. Финал неизбежен — обе войны мы проиграли.

Мало того, что планирование отставало в сроках, воплощалось плохо, но и планов совместных действий с союзниками фактически не было. Премьер Англии Ллойд Джордж на исходе кампании 1916 г. писал: «Ответственные руководители центральных держав и их союзников все время встречаются для обсуждения планов, выработки новых и пересмотра старых. Подлинные военные руководители России ни разу не имели случая в течение хотя бы пяти минут переговорить с военными Запада. Те сообщения, которыми они обменивались и которые мне случалось читать, обнаруживают значительные расхождения в основных вопросах стратегии... Имеются вопросы не только стратегии, но и снаряжения, кото-

Русская подводная лодка «Крокодил»

Корабль России

рые никогда еще не обсуждались представителями Верховного союзного командования на происходивших совещаниях. Я не считаю обсуждение русского вопроса с генералом Жилинским или даже с генералом Палицыным обменом мнений между Востоком и Западом. История посмеется над нами за то, что мы не позаботились о том, чтобы настоять на свидании военных и политических руководителей различных фронтов в течение трех кампаний. Вся политика союзников должна быть согласована, должно быть установлено полное понимание между Востоком и Западом». Традиционные русское авось, умственная лень, тупость бюрократии в конечном счете обернутся для России смертью и увечьями миллионов и миллионов.

У руля руководства русской армией нередко оказывались наряду с талантливыми и грамотными командирами непрофессионалы, а то и явные бездарии... К примеру, наш Генеральный штаб, планируя перед войной

наступление против Германии, отчего-то так поставил дело, что большая часть русской армии предназначалась им для вторжения в Австро-Венгрию (52 %). Выходило, что правая рука генералитета совершенно не ведала, что делает рука левая. К тому же отмечали низкий общеобразовательный уровень не только солдат, но и офицеров. На это указал генерал Куропаткин после возвращения с Дальнего Востока в 1903 г. (хотя ему в меньшей степени, чем кому-либо еще, позволено было выступать критиком). Великий князь Константин Константинович после вступления в должность начальника Главного управления военно-учебных заведений в приказе подчеркнул: «Не могу не обратить внимания на малограмотность не только кадет, но и юнкеров военных училищ. Дурное правописание и отсутствие элементарного навыка в письменном изложении мыслей — самая слабая сторона преподавания в наших военно-учебных заведениях. Успехи по иностранному языку тоже заставляют желать

еще очень многого» (1901). Уровень знаний иных выпускников военных училищ оставался желать лучшего. Так, в Нижегородском кадетском корпусе гр. Аракчеева в 1898—1899 учебном году неуспевающие составляли 42,37 %. Правда состояла и в том, что Кадетские корпуса добивались в смысле знаний значительно худших результатов, нежели гражданские гимназии и реальные училища. Возможно, дело в том, что Военное министерство делало упор на подготовку скорее «пушечного мяса», нежели специалистов и «умных мозгов». Во всеподданнейшем докладе по Военному министерству (за 1882 г.) было приказано сократить объем учебного курса кадетов, чтобы «излишним напряжением умственных занятий воспитанников не повлиять разрушительно на развивающийся юный организм». Там говорилось, что для военных самое главное — уметь переносить усиленные физические нагрузки и вообще лишения, тогда как всякие там «хитрые курсы наук» — дело десятое. Зато исключительное внимание уделялось пажескому корпусу при государе императоре...

По словам генерала В.Ф. Новицкого (1869—1929), командующего Северным фронтом во время Первой мировой войны, офицерский состав русской армии был в образовательном плане очень неоднороден: «Общий образовательный уровень нашей армии весьма невысок и оставляет желать весьма и весьма многого. Это обстоятельство, без сомнения, должно было неблагоприятно отражаться на постановке всего нашего военного дела и затруднять доведение подготовки наших войск до степени, соответствующей современным требованиям». К этой безотрадности служебного положения главной массы офицеров следовало добавить их скверное материальное положение, бедность, неустроенный быт. Все это можно дополнить цифрами общего положения с образованием у населения России. Если в Германии на 1 тыс. жителей приходилось 150 учеников народных школ, то в России — 41. Неграмотных новобранцев, поступивших в войска, в Германии было 0,02 %, а в России — 61,7 %. Россия в начале XX в. по числу неграмотных (789 неграмотных из

Русские офицеры в Первой мировой войне

каждой тысячи человек) входила в тройку самых отсталых стран Европы, занимая третье место после Румынии (884 неграмотных на тысячу), Сербии (830 неграмотных — на 1000), Португалии (786 — на 1000). По числу неграмотных новобранцев в Европе нас опережала Румыния. У 2/3 новобранцев в России отсутствовала начальная военная подготовка. В экономическом плане мы отставали еще больше от передовых стран. И ряды такого рода, прямо скажем, без радостных примеров велики.

Высший командный состав оставлял желать лучшего, а в ряде случаев оказался ниже всякой критики. Фаворитизм, давняя язва русского строя, разъедал армию. На высшие командные посты часто назначались люди не по талантам и знаниям, а по принципу близости к монарху и личной преданности. Это сыграло коварную «шутку» с военной верхушкой и армией. Не любивший русских Энгельс писал, что «среди офицеров русской армии есть очень хорошие и очень плохие, но первые из них составляют бесконечно малую величину по сравнению с последними». Эти язвительные замечания классика-еврея, конечно, следует воспринять критически. Русские офицеры, когда их не предавали политики, били лучшие офицерские кадры мира. Это не исключает того, что и среди наших офицеров встречались и встречаются всякие.

Чиновники в министерствах и в штабах зачастую вообще не очень утруждали себя трудом умственным и презирали его. В Академии Генштаба перед Первой мировой войной обучение велось, в основном, на базе опыта наполеоновских войн! Не учитывался даже опыт Русско-турецкой войны — комиссия по ее изучению еще не закончила работу к 1910 г., не говоря уже о Русско-японской войне. Генерал В.И. Гурко, блестящий офицер, командующий Западным фронтом, отмечал, что лишь в марте 1916 г. Главная квартира приступила к изданию наставлений, касающихся действий воинских частей в позиционной войне. «Эти обязательные к исполнению документы, вообще говоря, были составлены на основе французских руководств с частичным использованием германских наставлений,

причем все материалы не были в достаточной степени приспособлены к условиям русского театра военных действий». Объективную оценку дал генерал Б.М. Шапошников.

В самые тяжелые для СССР годы войны с гитлеровской Германией он возглавлял Генеральный штаб. Выходец из донских казаков, Шапошников прошел школу царской армии, окончил Академию Генерального штаба и причислен к Генеральному штабу. Он писал в «Воспоминаниях»: «Читающий эти строки вправе спросить: какова же была русская доктрина в 1910—1912 гг.? Таковой, по сути, не было. Был разброд в тактике и уж тем более в стратегии. Немного позднее профессорский коллектив начал создавать проект Полевого устава, который, однако, был сильно попорчен редакционным карандашом Сухомятина при содействии Бонч-Бруевича. В 1912 г. устав вышел в окончательной редакции. Чем же мы, слушатели, руководствовались в академии? Большинство из нас склонялись к германской школе с ее грубыми приемами наступления, встречного боя, нежели к изящной школе фехтования французов. Помимо лекций Незнамова, переводов тактики Балка, Шлихтинга, большой популярностью пользовались переведенные на русский язык «Тактические задачи» Альтена и «Тактические письма» Гриппенкерля. В области ведения большой войны внимательно изучалась книга Фалькенгаузена о современной войне. «Канны» Шлиффена были нам известны по рефератам. Поэтому для нас, офицеров Генерального штаба, приемы немцев в мировую войну, в особенности в ее начале, не были новинкой, мы знали их хорошо. Другое дело — генералы русской армии, большинство из них этих приемов не знало, а на войне, как известно, дело решают не капитанские головы». Такова оценка уровня знаний русского генералитета человеком, подтвердившим в дальнейшем свой высокий профессионализм и авторитет в битвах с тем же и даже еще более грозным противником, т.е. с гитлеровской Германией.

После всеобщей мобилизации в российской армии числились 6,5 млн солдат, но винтовок в наличии было лишь 4,6 млн. Впрочем, забегаю вперед скажу, что у нас и

в первые годы Второй мировой войны солдаты нередко ходили в атаку с палками вместо винтовок! Но и наша буржуазия, о которой сегодня говорится столько хвалебных слов, воочию показала, что она корыстолюбива и не может сама по себе толково планировать работу промышленных предприятий и выполнять намеченные планы. У нее для этого нет ни образования, ни опыта, ни любви к родине. Одна алчность. Об этом говорит и отношение к оборонным заказам. В 1908 г. частная промышленность не использует 73 % ассигнованных кредитов, в 1909 г. — 60, в 1910 г. — 43, в 1911 г. — 33 %. Частники капитала проиграли битву еще до начала мировой войны. Не намного лучше выглядели при царе государственные заводы оборонного назначения. Три государственных оружейных завода (Тульский, Ижевский, Сестрорецкий) давали армии знаменитую винтовку Мосина. Но в 1911, 1912, 1913 гг. они работали лишь на 7,9 и 12 % мощности. В первые семь месяцев 1914 г. самый мощный, Тульский завод (при мощностях, позволяющих обеспечить выпуск 250 тыс. винтовок в год) выдал 16 винтовок! Уже спустя 4 месяца после начала боевых действий полностью опустели склады артиллерийских снарядов, и наши заводы не успевали их пополнять. Снарядов заготовили на полгода (Генеральный штаб решил, что столько продлится мировая война). Ту же ошибку допустил Гитлер, думая разгромить СССР в полугодовой военной кампании. Патронами русская армия была обеспечена удовлетворительно (в войну вступила с запасом в 3 миллиарда патронов, и в 1915 г. заводы дали 1 млрд патронов). Но передового вооружения — пулеметов и самолетов — в достатке не было. Всю войну воевали преимущественно на английских самолетах. Что касается пулеметов, на фронте вспоминали с горькой усмешкой Куропаткина, чьи слова символичны: «Они нас пулеметами, а мы их молебнами!» Хотя русская военная мысль и инженерный гений уже имели в наработках, чертежах виды нового оружия (граната Зеленского, танки, прототип ранцевого огнемета, созданный капитаном русской армии Зигер-Корном в 1898 г., но отвергнутый чиновниками). К началу Первой мировой войны

Германия имела на вооружении три типа огнеметов: малый ранцевый, средний ранцевый и большой передвижной. И все та же косность военно-политического руководства царской России да и техническая отсталость страны явились препятствием «к принятию на вооружение танка, способного преодолевать зону огня по изрытой окопами и снарядами местности» (хотя русские тут были пионерами). По той же причине мы значительно отставали по количеству пулеметов системы Максима, тяжелой артиллерии. За время войны число пулеметов во французской армии возросло в 20 раз, в германской — в 9, в русской — в 6 раз. Все это в совокупности не могло не сказаться на итогах мировой войны. Такова экономическая и военно-техническая ситуация в военной промышленности России.

Известный специалист, генерал А.А. Маниковский не случайно открыл свою работу «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.» фразой: «Россия проиграла эту войну из-за недостатка боевого снабжения». Стоит заметить, что Германия в 1911 г. тратила на одного гражданина 59 руб. бюджета в год, тогда как Россия — лишь 15. Отметим и то, что в Германии на 100 кв. км приходилось 11,6 км железных дорог, у нас — 0,3 км. Добавим, что по основным показателям оснащения войск Россия не дотягивала до среднемирового уровня, значительно уступая не только армиям самых высокоразвитых держав, но и армиям стран так называемого второго и третьего эшелонов — Италии, Австро-Венгрии, Японии. Причем по таким важнейшим видам оружия, как пулеметы, аэропланы, автомобильная техника и боевые корабли, Россия отставала от Германии и Франции в 2—5 раз. По качественным показателям военно-технического потенциала Россия занимала среди стран, как и Япония, последнее место, пропустив вперед Италию и Австро-Венгрию. Ставить Россию в какое-то исключительное положение, тем самым как бы желая оправдать наши поражения, нам бы не хотелось. Правда, пусть и болезненная, приносит куда больше пользы, чем подслащенная ложь. В той или иной степени недокомплект вооружений испытывали все воюющие страны. Премьер-министр Р. Франции Пуанкаре, скажем, тоже сетует на не-

Надо сказать, что характер сражений, развернувшихся на полях Европы и России, ничем не напоминал битвы прошлых лет. Изменилось все и вся — тактика, стратегия, число потерь, и прежде всего вооружения. Еще за два десятилетия до начала Первой мировой войны социалист Ж. Симон сказал: «...теперь речь идет не о войне героической, а о войне научной. Слава, которая прежде завоевывалась храбростью, теперь завоевывается механизмами и количеством». Впервые на поля сражений войны выползли бронированные динозавры-танки. В дни союзнического наступления на Сомме, когда потери с двух сторон перевалили за миллион, немецкие солдаты думали, что бредят: «На их окопы, грохоча, надвигались ползучие стальные дома, увенчанные орудийными башнями». То был дебют английских танков. Впрочем, немцам грех жаловаться на отсутствие технической сноровки. Под бельгийским г. Ипром они впервые использовали в военных целях газ (1915). Газ, позднее прозванный ипритом, являлся предшественником «Циклона Б», что задействуют в душегубках Освенцима гитлеровцы. Иприт «сжег легкие пятнадцать тысячам англичан и французов, треть из им отравленных погибли». На полях сражений Первой мировой войны творилось нечто невообразимое. Смешались все представления людей о реальном и фантастическом. Под Верденом, казалось, воплощается пророчество Иоанна Богослова о гибели народов и бронированной саранче: тут сошлись два миллиона человек, и их расстреливало 6600 орудий!

Перед нами карикатура, на которой изображен русский солдат, задающий порку кайзеру Вильгельму II. Но что было на самом деле? О том, порой просто отчаянном положении, в каком очутилась русская армия в кампанию 1915 г., говорят воспоминания военного, генерал-лейтенанта Н.Н. Головнина (1875—1944)... В них он писал, что действительные потребности русской армии за все годы войны превзошли мобилизационные расчеты по вооружениям более чем на 150%. Иначе говоря, в войсках отсутствовали даже винтовки (не говоря уже о пулеметах, тяжелой артиллерии, самолетах) в необходимом или хотя бы приемлемом количестве... «В 1915 г. это явление приобретает характер катастрофы. Насколько велика была эта катастрофа, можно судить из прилагаемой к этой главе копии донесения британского военного агента своему правительству. Это свидетельство одного из представителей наших союзников очень показательно. Составитель

Французский солдат

упоминаемого донесения приходит к выводу, что во всей Русской армии, растянувшейся от Ревеля до Черновиц, в начале октября 1915 г. имелось только 650 000 действующих ружей. Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась Русская армия в кампанию 1915 г. Только часть бойцов, находящихся на фронте, была

Битва под Верденом

вооружена, а остальные ждали смерти... товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки винтовку. Высшие штабы изощрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы... Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 г. телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки; предполагалось, что роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии. (Почему еще не предложили вооружить вилами?! — В.М.) Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий, генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистов» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась Русская армия в кампанию 1915 г.». Военный министр Сухомлинов, даже когда неготовность промышленности обеспечить армию нужным количеством ружей стала очевидной, приостановил и приобретение за границей готовых ружей. Когда ж спохватились, рынки, где можно было приобрести столь необходимые винтовки и патроны, оказались уже заняты иными странами, участвующими в конфликте. Как всегда, наша бюрократия запоздала с решениями.

Куда уж тут следовать заповедям великого Суворова («Каждый воин должен понимать свой маневр»), если у русского солдата зачастую в руках даже простой винтовки не было! Головин отмечал, что «граду снарядов германского барабанного огня мы могли противопоставить в среднем только 5—10 выстрелов на легкую пушку в день». При таком соотношении сил «наша оборона фактически являлась невозможной». Но до сих пор мы слышим речи мерзавцев, невежд и глупцов (из числа слуг новой буржуазии и плутократии), что защищают, ничтоже сумняшеся, с пеной у рта, эту бездарную клику. Почему? Потому, что они сами из той же породы спекулянтов и воров, что и буржуазия начала века. Та купе

с бюрократией не смогла обеспечить защиту отечества, и эти не смогут. Надеяться на буржуазию в защите Отечества — это все равно что искать любви и верности у шлюх...

Одной из причин тяжелого поражения русских армий стало подавляющее превосходство немцев в тяжелой артиллерии. К началу войны Россия имела 959 батарей при 7088 орудиях, Франция — 4300 орудий. Но немцы и австрийцы заметно превосходили русских и французов по общему числу орудий (Германия — 9388, Австро-Венгрия — 4088 орудий). Особенно большим было преимущество Германии по тяжелой артиллерии — 3260 тяжелых орудий, у Австро-Венгрии — примерно 1000, у России — 240 тяжелых орудий. Напомним, что в Первую мировую войну 75 % потерь войска понесли от огня артиллерии. На отдельных участках фронта противник превосходил русских в мощи артиллерии в 40 раз. Корпуса Макензена прошли затем по Галиции до Перемышля... Граду немецких снарядов русские войска, несмотря на громкие заявления министра Сухомлинова, смогли противопоставить лишь 5—10 выстрелов на легкую пушку в день. Генерал Головин писал: «Как громадный зверь, немецкая армия подползала своими передовыми частями к нашим окопам, но лишь настолько, чтобы приковать к себе наше вни-

Тяжелые орудия

мание, и в то же время готовая немедленно же после очищения окопов занять их. Затем зверь-гигант подтягивал свой хвост — тяжелую артиллерию. Последняя становилась в районы, малодоступные для нашей легкой артиллерии, часто даже вне достижимости ее выстрелов, и с немецкой методичностью начинала барабанить по нашим окопам. Она молотила по ним до тех пор, пока те не были сровнены с землею, а их защитники перебиты. После этого зверь осторожно вытягивал свои лапы — пехотные части — и занимал окопы; в это время тяжелая артиллерия держала под жестоким огнем наши батареи и наш тыл, а выдвинувшаяся легкая артиллерия и пулеметы охраняли выдвигающуюся пехоту от наших контратак».

П.Д. Долгоруков вспоминал: «Уже в начале 1915 года, когда я со своим передовым отрядом Союза городов был в Галиции, на

Русские артиллеристы

сотни германо-австрийских снарядов мы выпускали десятки, а потом единицы. Снарядов не было. Мы всю зиму проработали в Тарнове на Дунайце под ударами 16-дюймовой «Берты», которая образовывала воронки в десять аршин диаметром, дробила окна, засыпала нас землей и камнями... И нельзя было в таких случаях показаться не только автомобилю, но и пешим, чтоб не быть заброшенными снарядами. А у нас Радко Дмитриев, командующий 3-й армией, объезжая фронт, все время только и говорил: «Берегите снаряды!» Невольно сопоставишь тут эту фразу с тревожской «Патронов не жалеть!» на Дворцовой площади». Другой участник боев вспоминал: «Не хватало боеприпасов. Из трех снарядов, выпущенных нашей батареей, два не взорвалось. Немцы ответили несколькими залпами тяжелой артиллерии». Такое положение с вооружением, снарядный голод деморализующе влияли на армию и вели к падению духа русских войск. И напрасно царь сотрясал воздух речами и проклятиями: «Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет — наступать надо, а наступать нельзя». Конечно, тут словами не поможешь — нужны были жесткие меры и твердая рука.

Просчеты в полной мере проявились в ходе боев в Восточной Пруссии, когда 4 ав-

густа 1914 г. русская армия вторглась в пределы Пруссии (а не Германия вторглась в Россию). Командир корпуса, генерал Зуев, вспоминал: «Немцы вспахивают поля сражения градом металла и ровняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников с землею. Они тратят металл, мы — человеческую жизнь. Они идут вперед, окрыленные успехом, и потому дерзают; мы ценою тяжких потерь и пролитой крови лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех». С самого начала стало ясно: немцы лучше подготовлены к войне в организационном и техническом плане. Вот что писал один из непосредственных участников боев с немецкой армией: «С германцами воевать трудно, теперь это видно каждому простому солдату, потому что у них все предусмотрено против нас. Ежедневно можно видеть массу германских аэропланов, строго предусматривающих все для осведомления своих войск. У них масса минометов и ручных бомб, которыми они нас засыпают. По ночам предусмотрительно освещается вся местность многочисленными прожекторами и светящимися ракетами, у нас же последних почти совершенно нет. Господствует и его артиллерия. Нашей же хватает едва на

Танки первой мировой войны

выстрел-другой... Наше начальство часто даже стрелять запрещает. В обычной окопной жизни у них приспособлены грелки для приготовления чая и кофе, а нам никак нельзя показать дыма, потому что он изроет все окопы...» При этом в признаниях русских слышится даже восхищение уровнем технической оснащённости немцев: «Эх, наши солдаты только завидуют ихней технике, как бы это было у нас, давно бы немцам был конец... Вот они себе построили такие машины, называются «тэнги» (танки). Эту машину пули не берут, она величиной с паровоз на железной дороге, и на нем устроены пулеметы и орудие, его не задержат ни проволочное заграждение, ни окопы».

Что оставалось делать? Обращаться к Богу! Тот почему-то не спешил защитить христолюбивое воинство от пуль и снарядов противника. Может быть, потому, что и тут и там воевали христиане... У профессора Н.Н. Головина есть прекрасные строки о значении нравственного фактора в войнах. «Это свойство войны, — пишет профессор Головин в своем «Исследовании боя», — вызывать усиленную духовную деятельность само по себе уже наталкивает на мысль, что духовная сторона играет в боевой деятельности человека большее значение, чем в какой-либо другой отрасли его деятельности. Как же не изучать эту духовную деятельность человека на войне? Как же не подойти к вопросу о важности для всякого военного начальника — военной психологии? Изучаем же мы артиллерию, баллистику, исследуем свойства ручного и огнестрельного оружия, изучаем тактику. Но мы до сих пор как-то проходили мимо, быть может, самого важного знания — человеческой души на войне. Мориц Саксонский считал, что «человеческое сердце есть отправная точка во всех военных делах. Чтобы их знать, надо изучить его». Суворовская «наука побеждать» вся проникнута идеей значения духовной стороны. Наполеон считал, что во всяком военном предприятии успех на

Генерал Н.Н. Головин

3/4 зависит от данных морального (духовного) порядка и только на 1/4 от материальных сил. Почему же до сих пор не изучали этой духовной стороны ни в военных училищах, ни в Академии России? Почему и сейчас она не входит особым предметом в программу французской военной школы в Сен-Сире? История развития наук, — продолжает Головин, — показывает, что оно идет в порядке степени возрастающей их сложности. Явления общественной жизни непосредственно связаны с явлениями духовной жизни. Мир же духовных явлений настолько сложен, что в область этих явлений только едва начинает проникать луч исследования. Общественные науки, имеющие дело с коллективной психологией, имеют объектом исследования самый сложный предмет, каким только может заниматься человеческий разум. Вот почему на последнем месте среди наук по своему развитию стоят науки об обществе... Каждая наука, находясь в младенческом состоянии, представляла из себя не столько исследование, сколько описание, а затем ряд практических правил и крайне условных обобщений и выводов...

Глава 21. Победы и поражения русских: Брусиловский прорыв и Мазурские болота

Первая мировая война велась главным образом на сухопутном театре военных действий. Там и шли главные сражения. К концу 1914 г. Россия уже потеряла убитыми, ранеными, пропавшими без вести или пленными 1,2 млн человек. Но Первая мировая знала и победы русского оружия. Во многом они были связаны с именем генерала А.А. Брусилова (1853—1926). Участник русско-турецкой войны, в начале мировой войны Брусилов получил назначение командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. Боевой генерал, ранее отмеченный за успешные действия руководимых им войск двумя орденами — Святого великомученика и Георгия Победоносца, — хорошо понимал всю меру своей ответственности. Он писал жене: «Мне, военному, всю мою жизнь усердно изучавшему военное искусство, хотелось принять участие в этой великой народной войне и этим завершить военное и земное поприще... Но из этого не следует, чтобы мне не было часто страшно тяжело». Однако главные испытания и «звездный час» генерала Брусилова и русского воинства были впереди. 10 августа 1914 г. развернулась битва за Галицию, в ходе которой

русские прорвали оборону австрийцев, взяли Львов, крепость Галич, продвинулись вглубь на 280—300 км, выйдя в район Кракова.

Под командованием генерала А. Брусилова на Юго-Западном фронте была осуществлена успешная наступательная операция, так называемый Брусиловский прорыв (3 июня — 22 августа 1916 г.). 22 мая 1916 г. мощная артиллерийская канонада возвестила начало наступления войск Юго-Западного фронта русской армии. Боевые припасы в мае 1916 г., по словам генерала Иванова, были в таком количестве, в каком никогда за войну еще не было. «Одним словом, пошли удачи, но потери были большие, комплектование приходило необученным». Знаменитая Галицийская битва действительно по масштабам того времени была грандиозной. Военные действия шли на фронте шириной до 400 км в течение 35 дней. Русские армии Юго-Западного фронта под командованием генерала от артиллерии Н.И. Иванова, наступая тремя группами, продвинулись на 300 км. 8 августа перешли государственную границу Австро-Венгрии. Тогда случилось самое масштабное и кровавое кавалерийское сражение Первой мировой войны. В битве под Ярославцем во встречном бою сошлись две дивизии, 10-я кавалерийская дивизия генерал-лейтенанта графа Ф.А. Келлера и 4-я кавалерийская дивизия австро-венгерской армии. Русские одержали полную победу. Немец Келлер был одним из тех офицеров, коими по праву гордилась русская армия. Будучи добровольцем русско-турецкой войны, он награжден за выдающуюся храбрость солдатскими Георгиевскими крестами. [Во время Первой русской революции террористы бросили в него бомбу, но тот каким-то чудом уцелел. В апреле 1917 г. генерал откажется привести к присяге Временному правительству свой корпус, и будет уволен за «монархизм». Генерал, сторонник «великой и неделимой» России, должен был возглавить белую Северную армию, но не успел. Возглавив оборону Киева от войск Петлюры, он был схвачен пет-

люровцами и тут же расстрелян, у памятника Богдану Хмельницкому.] Русские одержали победу под Люблином, у Тарнавки, где отличился Гвардейский корпус генерал-майора Н.М. Кисилевского. О кровопролитном характере боев говорит и следующий факт. За два дня боя лейб-гвардии Московский полк потерял убитыми и ранеными 63 офицеров и 3200 нижних чинов. Лейб-гвардии Гренадерский полк, одержав победу, потерял 50 офицеров и 2500 нижних чинов. Бригада гвардейской пехоты, атаковавшая в штыки австрийцев, сумела их опрокинуть в бою, но при этом лишилась двух третей состава. Были и другие победы локального значения.

Немцы явно не ожидали столь драматического поворота событий. Произошел, писал немецкий генерал М. Гофман, недопустимый скандал, стоивший Центральным державам потери Галиции и Буковины, 1,5 млн человек убитыми, ранеными и пленными. Брусиловское наступление 1916 г. продолжалось около 4 месяцев. Тактические результаты битвы были громадными. Взята важнейшая крепость австрийцев — Перемышль. Поэт В. Хлебников писал: «Вы помните, мы брали Перемышль —

Пушкинианской красоты...» Русские взяли в плен 8924 офицера, 408 тыс. нижних чинов, захвачены 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов, минометов. Австрии потеряла территорию более чем в 25 000 кв. километров. Таких результатов не достигала ни одна наступательная операция союзников России в 1915, 1916 или 1917 годах. Русские армии добились громких побед на Юго-Западном фронте против Австро-Венгрии. Но эти победы оказались выгодны прежде всего союзникам России, а не ей самой. Кроме того, мы знаем, что эта «пушкинианская красота» стоила России и другим странам моря крови.

Особо следует отметить роль в этом победном сражении генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Ханжина, начальника артиллерии Юго-Западного фронта. Многие именно его называли, так сказать, главным «виновником» брусиловской победы. М.В. Ханжин стал георгиевским кавалером. Отличились в боях и другие высшие офицеры. Генерал Деникин за проявленную при захвате Луцка доблесть получил редкую тогда награду — «Георгиевское оружие, бриллиантами украшенное» (1916). За руководство боевыми операциями генерал

Взятие русскими войсками крепости Перемышль: пленные австрийцы

М.В. Ханжин

Каледин был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени. Многим казалось: наконец-то намечился долгожданный перелом в ходе Первой мировой войны. Войска поверили в успех командиров, более 200 укомплектованных и боеспособных дивизий были готовы сокрушить неприятеля, превосходя противника в численном отношении. По оценкам, к концу 1916 г. русская армия достигла по численности и по техническому снабжению всем необходимым «наибольшего за всю войну развития».

Н.Е. Врангель писал, что на театрах Первой мировой войны солдаты и офицеры русской армии дрались, как львы. В первые годы, что бы там ни толковали, а солдаты и офицеры «жили душа в душу», уверял он, и дисциплина была образцовая. Потом, по мере выбытия кадровых офицеров и замены их офицерами военного времени, она расшаталась. Во время одного из боев немалое мужество проявил и поэт Н. Гумилев. 331-й Орский полк 83-й пехотной дивизии, в котором он служил, взял в плен более 800 вражеских солдат и 20 офицеров. За этот бой приказом по второй Гвардейской кавалерийской дивизии от 5 декабря 1915 г. Н. Гумилев был награжден Георгиевским крестом третьей степени № 108 868. А в приказе № 528 по Уланскому полку от 26 декабря 1915 г. отмечено, что Гумилев как кавалер Георгиевского креста «повышается в унтер-офицеры». Николай Гумилев пишет

жене из села Заболотцы: «Мы были в резерве, но дня за четыре до того перед нами потеснили армейскую дивизию, и мы пошли утрясать дело. Вчера с этим управились, кое-где выбили врага и теперь снова отошли валяться на сене и есть вишни. С австрийцами намного легче воевать, чем с немцами. Они скверно стреляют. Вчера мы хохотали от души, глядя, как они обстреливают наш аэроплан. Снаряды рвались по крайней мере верстах в пяти от него. Сейчас война приятна, неприятности доставляют лишь пыль во время переходов и дожди, когда лежишь в лаве. Но и то и другое бывает редко. Здоровье мое отличное...»

До 11 июля полк, в котором он воевал, стоял в селе Беличи. После этого началось отступление на север вдоль Западного Буга. Оттуда Гумилев пишет Анне Ахматовой: «А мы все воюем, хотя теперь и не так яростно. За 6-е и 7-е наша дивизия потеряла до 300 человек при 8 офицерах, и нас перевели верст за пятнадцать в сторону. Тут тоже непрерывный бой, но много пехоты, и мы то в резерве у нее, то занимаем полевые караулы и т.д. Тут каждый день берут по несколько сот пленных, все германцев, а уж убивают без счета, тут отличная артиллерия и много снарядов. Сол-

Поэт Н. Гумилев

П.Н. Нестеров

даты озверели и дерутся прекрасно... Я все читаю «Илиаду»; дивно своевременное чтиво. У ахейцев тоже были и окопы, и заграждения, и разведка. А отдельные описания, сравнения и детали сделали бы честь любому модернисту. Нет, неправ был Анненский, когда говорил, что Гомер как поэт умер». Античные сравнения вполне к месту в данном случае, особенно если вспомнить такие строки из «Илиады»: «Множество пышных оружий, множество юношей красных плавало мертвых». Правда, Гумилев еще не ведал, что события, которые произойдут в России, превзойдут в их трагизме «Илиаду» и «Одиссею». Но пока еще для молодого поэта «залитые кровью недели ослепительны и легки».

В первые месяцы войны в армии сохранялись эйфория и уверенность в победе. Царь в письме к жене из Ставки сообщал (9 сентября 1915 г.): «Здесь я могу судить правильно об истинном настроении разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается». Армия гордилась ее национальными героями: знаменитым летчиком А.А. Казаковым, сбившим 12, а возможно, и 32 самолета противника (он же первым в мире совершил воздушный таран, оставшись при этом в живых); летчиком П.Н. Нестеровым, применившим таран и погибшим; донским казаком, первым георгиевским кавалером К.Ф. Крючковым, уничтожившим в неравном бою 12 немцев; штабс-капитаном лейб-гвардии Гренадерского полка Н.Г. Воробьевым, посмертно на-

Русский ас — А.А. Казаков

гражденным за мужество при атаке противника в районе Тарнавы 27 августа 1914 г. и т.п. Первая мировая война знает массу примеров доблести солдат, офицеров, явлений массового героизма. Стойкость, мужество и самоотверженность русских солдат и офицеров общепризнаны. Брусилов, веря в русского солдата, писал: «Я больше 50 лет служу русскому народу и России, хорошо знаю русского солдата и не обвиняю его в том, что в

Таран летчика П.Н. Нестерова

Маршал Ж. Жоффр

армии явилась разруха. Утверждаю, что русский солдат — отличный воин, и, как только разумные начала воинской дисциплины и законы, управляющие войсками, будут восстановлены, этот самый солдат вновь окажется на высоте своего воинского долга, тем более, если он воодушевится понятными и дорогими для него лозунгами». Он имел основания заявить: «Наступление без жертв может быть инсценировано только на маневрах, в настоящее время не было действий, предпринятых наудачу, и враг понес тяжелые потери от нас... но поражение противника или разгром его мы можем осуществить только с потерями, и они могут быть значительными». Все это были хотя и важные, но частичные успехи, не отражавшие всей полноты картины. А между тем потери русских войск в ходе той операции были внушительными — 500 000 человек. Общие потери русских войск в течение зимы, когда войска продолжали наступать, были

еще тяжелее — 1 200 000 убитыми. Блестяще задуманная и осуществленная фронтовая операция могла бы дать лучший результат, если бы командующие трех других фронтов поддержали войска активными действиями и сумели бы сковать остальные силы противника.

Однако, полагаю, пора уже взглянуть на военные события с геополитической и стратегической точки зрения. Что дали России эти победы? Кому они были выгоднее? Выполняя роль «парового катка», скорее даже спасательного круга для Антанты, русский народ своею кровью оплачивал вождельные аппетиты западных и отечественных монополистов и правителей. В 1915 г. французы потребовали отправлять на Западный фронт 400 тыс. русских солдат, по 40 тысяч ежемесячно, чтобы те воевали там за французов (требовали они и присылки рабочих). Жоффр заявлял генералу Жилинскому: «Войну ведет только одна Франция, остальные лишь просят у нее содействия». Брусиловский прорыв 1916 г. помог Антанте добиться дальнейшего перелома в войне в свою пользу. Напомним, в ходе наступления 1916 г. Юго-Западного фронта русские войска нанесли ощутимое поражение противнику, хотя и сами понесли немалые потери. Наши потери составили около 0,5 млн человек, в том числе 65 тыс. убитыми и около 60 тыс. пропавшими без вести, но потери врага были гораздо серьезнее — 1,5 млн человек, в том числе свыше 400 тыс. пленных. Россия демонстрирует пример союзнической верности, послав войска на помощь Франции, на полях которой в Первую мировую воевал 45-тысячный Экспедиционный русский корпус. Первая бригада приняла бой против немцев у Реймса в июле 1916 г. Особое мужество проявили русские в ходе боев за крепость Помпель. В 1918 г. знаменитый русский Легион чести перегородил дорогу немцам, прорывавшимся на Париж. При этом Легион потерял 85 % личного состава и всех офицеров. Маршал Фош писал: мы будем всегда помнить, что достигнутые Францией в первые годы войны успехи стали возможны во многом благодаря военному союзу с русскими и их участию в борьбе против немцев. Увы, память оказалась короткой.

Русские, погибшие за свободу Франции

Перед Второй мировой войной Франция вместе с Англией немало способствовали тому, чтобы столкнуть Германию и Россию. Более 7 тыс. русских солдат, павших за Францию, покоятся ныне во французской земле.

Чтобы восстановить фронт, залатать страшные бреши в обороне, немцы перебросили с Западного фронта на Восток 34 немецких и австро-венгерских дивизий, убрав от Вердена 18 дивизий. Русские, которых после понесенных ими год назад поражений ни противники, ни союзники не рассматривали в качестве решающей силы при планировании кампании 1916 г., нанесли неожиданный и, как первоначально предполагалось, вспомогательный удар. При этом едва не вывели из войны Австро-Венгрию, спасли итальянцев в Трентино, заметно облегчили положение французов под Верденом, побудили Румынию отказаться от политики нейтралитета и присоединиться к державам Согласия. Эта победа сыграла решающую роль в общей победе союзников над странами Тройственного бло-

ка, позволив Антанте добиться в битве перелома в ее пользу. Русские спасли и европейскую культуру. Немцы показали, что на самом деле представляют собой Европа и Германия. В.Ф. Эрн справедливо как-то заметил, что если Германия не Европа, то Европы вовсе нет. И далее он писал: «Итак, Германия — Европа? И те ужасы, зверства, бессмысленные массовые расстрелы, разрывные пули, предательское злоупотребление белым флагом, приканчивание пленных, сжигание казаков живыми, калечение бельгийских детей, насиливание женщин, систематические грабежи, метание бомб в беззащитные толпы горожан, отравление колодцев, допросы пленных с пытками, сокрушение огнем и мечом величайших памятников культуры — все это тоже Европа, тоже проявление ее исторической сущности?» О, досточтимый, наивный, славянофильствующий Эрн, разве можно говорить о Европе и Америке такие жестокие слова! Это только русские, на худой конец славяне или азиаты, могут быть варварами и дикарями!

Это их Европа и США могут упрекать в дикости и кровожадности! А то, что европейско-американско-еврейские и прочие капиталистические мерзавцы вот уже сколько столетий подряд набивают карманы золотом, — жирея и процветая на войнах, конфликтах, крови и трупах, так это же Цивилизация и Культура! Не те, ох, не те мертвые души описал в своем произведении наш великий писатель Николай Васильевич Гоголь!

Следует отметить и ряд важных побед русского оружия на Кавказском фронте против войск Турции. После вступления Турции в войну на стороне Германии турки начали боевые действия силами 3-й турецкой армии. Развернулась знаменитая Сарыкамышская операция (с 9 декабря 1914 г. по 3 января 1915 г.), в ходе которой русским удалось полностью уничтожить 9-й турецкий корпус и нанести большие потери 10-му и 11-му корпусам противника. Всего турки потеряли свыше 90 тыс. человек (из них 30 тыс. человек замерзли) и свыше 60 орудий. Потери же русских войск составили около 20 тыс. человек. Участник боев на этом фронте, русский офицер-разведчик Н.Г. Корсун, впоследствии сражавшийся в рядах Красной Армии, писал: «Сарыкамышская операция имела весьма важное значение не только для России, но и для Антанты: положе-

ние России на Кавказско-Персидском театре упрочилось; произошло усиление турецких войск, направленных против Кавказской армии, что облегчило действия англичан в Месопотамии и по обороне Суэцкого канала». «Кавказцы» успешно воевали и на Западном фронте. Дивизия, составленная из воинов-джигитов народов Кавказа («Дикая дивизия»), к слову сказать, наголову разгромила знаменитую «Железную дивизию» немцев, дивизию самого кайзера! На Кавказе во всем блеске показали себя и казацкие войска, в том числе так называемые пластуны. Турки называли их «шайтанами в юбках» (т.е. в черкесках). Действовали те просто: подходили без выстрела, а потом — в штыки. Знаменитый генерал Гулыга говорил своим врачам: «Раненого пластуна не надо переворачивать без толку — входных ран в спину у пластуна не может быть!» А военные действия на Турецком фронте были особенно тяжелыми. Тут в европейском смысле не было дорог, и расстояния определялись «не верстами, а часами». Но русские казаки и тут проявят удивительные примеры мужества, выносливости, отваги. Так, казаки Ф.И. Елисеева прошли с боями пол-Турции, дошли они до самой южной точки — до истока Тигра. В записках Елисеева немало примеров умелых, смелых, эффективных действий русских против турок.

Полный георгиевский кавалер (ордена Св. Георгия)

Геноцид армян со стороны турок

Но нам показались самыми характерными и гуманными следующие его слова, характерные для русского человека: «А турки... бедные турки! Бедные люди... такие же, как и мы, воины, у которых есть и свое отечество-государство, есть и свои святые обязанности перед ним, как и у нас, казаков. Есть у них своя отличная воинская дисциплина, и свои семьи, и свои хаты... Семьи томительно будут ждать от их вести с фронта «об их здоровье и благополучии, но... их они уже никогда не получат!» И ведь такие были всюду.

Велика роль и Эрзерумской операции 1915—1916 гг., в ходе которой была взята сильная турецкая крепость — Эрзерум. Битва имела огромное стратегическое значение, ибо победа позволяла России, в случае успеха в войне, выйти к морю и захватить обширную береговую полосу Черного моря и г. Синоп (лучшую турецкую морскую базу на Черном море). Кроме того, от успеха в той операции, можно сказать, зависели жизнь или смерть армян, которых турки хотели включить в «независимую» Великую Армению в пределах своей империи, что и завершилось, как известно, резней. В итоге русские взяли 327 орудий, крепостную и значительную часть полевой артиллерии, до 137 офицеров и 13 000 солдат, 6 знамен регулярных полков,

3 знамени курдских конных полков, большие запасы продовольствия и разного рода имущества. Эта победа особенно ценна с учетом тяжелых боев на германском фронте, нехватки у русских оружия и боеприпасов. В той битве русские защищали жизнь и будущее братского им народа. Хотя в этой вражде обе стороны не знали пощады. Когда русские войска подошли к г. Ван, поделенному на две части (армянскую и турецкую), увидели, что «весь турецкий город сожжен армянами, армянская часть города совершенно не пострадала». Это к слову — о турецком геноциде.

К успехам русского оружия отнесем и другие действия на Кавказском театре военных действий (скажем, взятие Трапезунда). Командующий Черноморским флотом, вице-адмирал Колчак осуществил минную блокаду Босфора и Варны, что снизило активность немецкого флота в районе. Но и на Турецком направлении не все шло так уж ладно. Историк пишет: «Еще более показательным было сражение под Саракамышем зимой 1914—1915 годов. Вновь русское командование пропустило момент перехода противника в наступление с решительными целями. Энвер-паша, искусно сосредоточив свои войска зимой на Кавказском фронте, нанес неожиданный удар, имея целью захватить город и

станцию Саракамыш, через которую проходили все коммуникации русской армии. Потеряв Саракамыш, армия была бы оттеснена к впадине Аракса, что означало бы в условиях снежной и холодной зимы ее полное физическое уничтожение. Уяснив всю опасность наступления противника, исполняющий обязанности командующего Кавказской армией генерал Мышлаевский отдал приказ об общем отступлении и, поручив оборону Саракамыша случайно оказавшемуся на этой станции полковнику Букретову, бежал в Тифлис. Эх, да у нас у нас на каждом шагу Мышлаевские... Это не отдельный неудачный пример командования, а почти правило. Хотя многое зависело от уровня подготовки войска, сотен иных причин, среди которых наиважнейшая — характер и содержание социального строя государства Россия!

Первую мировую войну многие в Европе называют Великой. Но для России война закончилась великой катастрофой. Вспомнились и некоторые прогнозы, что были сделаны еще лет за десять до Первой мировой... Российский дипломат, министр иностранных дел В.Н. Ламздорф (1900—1906) отмечал в дневнике, как германский кайзер с возмущением писал русскому царю о том, что в парижском салоне некий русский генерал на вопрос, что будет, если Россия все же стол-

кнется с Германией, с присущей военному прямоотой заявил: «Нас разобьют вдребезги, ну что же, тогда и у нас будет республика». Если таковы были настроения у высших чинов российской империи, то что же можно сказать о солдатах, которым война эта вообще была не нужна!

Все эти объективные моменты, просчеты и пробелы в подготовке и поставили русскую армию на грань катастрофы. Демагоги в генеральских мундирах обещали «быструю и скорую победу, к Рождеству 1914 г.», а привели страну к катастрофе и революции. Очевидно, что, если не брать в расчет явно шапкозакладательские настроения, многие понимали возможность и поражения. И. Солоневич, называвший себя «русским империалистом», пытался объяснить причины поражения России в войне с Германией ее технической отсталостью. «России была навязана война, превышавшая не моральные ее силы, а ее технические возможности: машинная война. Русскому мужику пришлось воевать почти безоружным — нехватка снарядов, патронов, винтовок и прочего». Он делает вывод: «В этом никто не виноват, кроме нашей истории». Удобная позиция — сваливать все на историю. Если страна терпит поражение, виновата не история, а люди, которые действуют в истории и, прежде всего, вожди!

Немецкие генералы Гинденбург и Людендорф

Вскоре выяснилась, давайте еще раз подчеркнем это обстоятельство, определенная неготовность нашего генералитета и офицерства к большой войне. Вслед за триумфом лета 1916 г. наступили тягостные осенние неудачи под Ковелем, когда десятки тысяч русских гибли в лобовых атаках на сильно укрепленные позиции австро-немецких войск. В битве немцы перешли к обороне, затем нанесли нам поражение. В результате после первых успехов и победы у Гумбиннена, когда армия генерала Притвица была разгромлена и готова была оставить Восточную Пруссию и уйти за Вислу, немцы сменили командующего. Им стал опытный, умный и волевой воин генерал Гинденбург. С Западного фронта немцы сняли ряд корпусов, перебросили на Восточный фронт. Франция тут же вздохнет свободнее. Гинденбург же тем временем создал мощный кулак и внезапно ударил в стык между русскими армиями.

Причиной того, что наступление русских захлебнулось, был комплекс причин, включая слабое управление армией со стороны высшего командования. Фронтовая разведка была организована никудышным образом, а переговоры между штабами в ходе боевых действий велись по радио открытым текстом. Сегодня можно прочесть о том, как прекрасно работала наша разведка. Один из авторов пишет: «Уже к июлю 1915 г. русская агентурная сеть в рейхе охватывает ряд крупнейших военных предприятий Берлина, Кельна, Лейпцига, Дрездена, Мюнхена, держит под своим контролем тесно связанные с отечественной оппозицией кружки и группы типа «Мир», «Благоденствие и процветание», «Великий Восток народов России». В Подунавье на Петроград нелегально работали высокопоставленные чиновники оборонных структур, москвофилы Буковины и Закарпатья, ряд влиятельных политических деятелей чешской Богемии. В Дании тщательно отслеживались контакты левых радикалов с германскими пропагандистскими службами, в Норвегии нейтрализовалась преступная агитация в Христиании (Осло) и Экерзунде, в Швеции, под «крышей» полковника Кандаурова, обреталось до 6 групп оперативного реагирования. Швейцарских нелегалов возглавлял

генерал-лейтенант Головань, руководивший действиями таких асов политического сыска, как прапорщик Ленкшевич («Брут») и некоторые другие. На территории Нидерландов аналогичные же функции выполнял ротмистр Мейер, успешно боровшийся с попытками неприятеля «обложить» подчиненных ему людей своими дезинформаторами. В тени Эйфелевой башни притаилось «Специальное бюро» графа Павла Игнатьева, куда стекались соответствующие донесения из Португалии, Испании, Италии, Болгарии, а служебный персонал так называемых русских квартир Лондона контролировал информацию, поступающую не только из самой Великобритании, но и из Исландии, Бельгии, Люксембурга. На Востоке признанным центром русской разведки считался иранский город Мешхед, где подполковнику Скуратову 30 сентября 1914 года удалось даже раскрыть обширный заговор, «связывавший воедино преступные элементы Бухары, Афганистана и Китая». Нет, не зря участники описываемых здесь событий в один голос называли царское МВД самой грозной силой на земле». Так почему же мы потерпели поражение?!

Лепту в пораженческие настроения внес позорный разлад, что господствовал в окружении царя и среди генеральской братии. Чего стоит хотя бы заявленное, сделанное командующим фронтом Куропаткиным генералу Брусилову: «Далось вам, батенька, это наступление! И чего вам, батенька, нейдет? У вас без того прекрасная репутация, не рискуйте!» Или, скажем, Ренненкампф, командующий армией, будучи в двух переходах от гибнущей армии генерала Самсонова, не стесняясь, бросает своему штабу в адрес Самсонова слова: «Сам залез в г... пусть сам и вылезает, а нам и тут г... хватает». Причина же реакции тривиальна: 10 лет назад, в годы Русско-японской войны (в битве под Ляояном), Самсонов фактически подставил под удар японцев правый фланг войск Ренненкампфа. Обиды и неприязнь перевесили на чаше весов долг и честь. В итоге, 13—18 августа 1915 г. в Восточной Пруссии, под Сольдау, разбита 2-я армия Самсонова, затем Гинденбург нанес поражение генералу Ренненкампфу, и тот вынужден отступить из Восточной Пруссии. Россия по-

Генерал П.К. Ренненкампф

теряла погибшими на поле боя 200 тыс. солдат и офицеров, и 60 тысяч попали в плен. Очевидец событий тех лет, командующий Западным фронтом генерал В. Гурко писал, что генерал Самсонов «в самом буквальном смысле умер от того, что его сердце разорвалось» от горя и позора.

Как уже сказано, генерал Ренненкампф мог прийти на помощь армии Самсонова, но его 1-я армия не сдвинулась с места, что вызвало огромное облегчение в немецких штабах. Генерал Людендорф писал, что он пережил «нервное напряжение, вызванное постоянной угрозой нападения со стороны армии Ренненкампфа». Но тот, по словам Гурко, бросил свой штаб и трусливо бежал в Ковно (с двумя любовницами), «полностью отказавшись от управления войсками и предоставив им пробиваться назад самостоятельно, ведя тяжелые и рискованные арьергардные бои». Хотя отметим, что Ренненкампф — из числа лучших генералов царской армии и считался «военной звездой первой величины». Что уж говорить о других! Высшее командование осуществлял военный министр Протопопов, чьи военные знания ограничивались юнкерским училищем. В Военной академии он не учился, а карьерой обязан связям наверху и неожиданно свалившемуся на голову богатству. Он больше занимался коммерцией и сделал из поста военного министра синекуру, при каждом удобном случае проводя все свое время за границей. Невысокого мнения Гурко и о будущем командующем Белой ар-

Генерал А.В. Самсонов

мией генерале Алексееве, считая его не пригодным к командованию армией (провоевал с ним 2 года и хорошо знал его способности). Таковы фигуры первого ряда в царской армии. Вспомним, что Керенский поставил родственника В.Л. Баграновского (брата его жены) начальником своего Военного кабинета. В 1915 г. тот был еще подполковником, а в 1917 г. при Керенском «за отличия по службе» стал уже генерал-лейтенантом (в сентябре 1918 г. он вступил в РККА, но в 1931 г. был осужден и умер в Сиблаге).

Неважно, если не сказать больше, работала и служба связи в русской армии. Генерал-лейтенант Н.Н. Головин (1875—1944), отмечая неразбериху в тылу и на передовой, приводил слова А. Гучкова, сказанные тем после посещения в декабре 1914 г. линии фронта: «Вожди далеко за телефонами. Связи с войсками не имеют. Убыль в пехоте, в офицерах, огромная. Есть полки, где (остались) несколько офицеров. Особенно тревожно состояние артиллерийских запасов. Читали мне приказ командира корпуса не расходовать более 3—5 снарядов в день на орудие. Пехоте, осыпаемой снарядами противника, наша артиллерия не помогает. Укомплектования не своевременны. Одна стрелковая бригада не получала укомплектования три месяца. Во время боев, когда германцы прорвались из мешка, на правый фланг прислали укомплектование — 14 000 человек без ружей...» Хотя сам же Гучков и был в числе главных авантюристов войны. Другие очевидцы и

участники той войны писали: «Хотя в течение 1916 г. и произошли некоторые улучшения в деле снабжения нашей армии вооружением, огнестрельными припасами и техническим снабжением, но улучшения эти очень мало коснулись вопроса снабжения русских войск тяжелой артиллерией и авиацией. А между тем для наступательных действий в сфере укрепленных позиций необходимо именно наличие большого количества могущественной артиллерии, богато снабженной снарядами и хорошо корректируемой при стрельбе. Из-за бедности наступательных средств также гибли десятки и сотни тысяч русских людей, гибли в их стремлении облегчить положение союзников». Об уровне «надежности» и «скрытности» секретной информации русских говорят и слова генерала Э. Людендорфа: «24 августа (1914 г.) нам передали захваченную радиogramму русских, в которой открытым текстом излагался план действий противника на ближайшие дни». Это не могло не оказать влияние на общий ход военных

действий в битвах Первой мировой войны. Хотя воля и отвага русских воинов порой перешивали просчеты и приносили победы.

Военная инициатива вскоре полностью перешла в руки немцев... Итогом стало отступление русских армий по всему фронту, похожее скорее на паническое бегство... Катастрофический доклад о положении дел на фронте в ходе заседания 16 июля 1915 г. управляющий Военным министерством (и.о. военного министра) генерал А.А. Поливанов начал со слов: «Считаю своим долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности...» Сообщение повергло министров в шок. Яхонтов, что вел запись, счел необходимым сделать ремарку, что при дальнейшей записи у него дрожали руки. На просьбу председателя Совета министров И.Л. Горемыкина разъяснить, в чем же там дело, Поливанов сказал: «Наше отступление развивается с возрастающей быстротой, во многих случаях принимающей характер чуть ли не панического бегства...», «пользуясь огромным преобладанием

И. Горюшкин-Сорокопудов. На позициях Первой мировой войны

артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем», «неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами». А вот данные за 30 июля 1915 г.: «На театре войны беспросветно. Отступление не прекращается... Вся армия постоянно передвигается внутрь страны и линия (фронта) меняется чуть ли не каждый час. Деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры». «...Мы не знаем, как глубоко придется нам очистить Россию и скоро ли прекратится эвакуационно-беженский период военных действий». 4 августа 1915 г.: «По-прежнему ничего отрадного, бодрящего. Сплошная картина разгрома и растерянности». «Уповаю, — мрачно заявил А.А. Поливанов, — на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси». Напомню: князь В.П. Мещерский как-то очень точно подметил, что первый министр в России — это всегда Николай Чудотворец... А Ф.И. Тютчев мрачно пошутил, что должность Русского Бога — не синекюра. Вновь и вновь мы вынуждены обратить ваше внимание на то, что главная вина ложится на Ставку и на буржуа, которые подготовились к ведению большой войны из рук вон плохо. Как скажет А.В. Кривошеин, отступление и «великое переселение народов влекут Россию в бездну, к революции и гибели».

А чего стоит хотя бы позорнейшая сдача нами Новогеоргиевской крепости — и это ровно через год после начала войны. Тогда ведь русская армия еще не успела «устать от войны». Говорят, что подготовка фортификационных сооружений была завершена лишь на 30 %, говорят, что был недостаток в боеприпасах и т.д. и т.п. Одним словом, обычные отговорки пораженцев. Но дадим слово А. Смирнову: «Эта крепость — памятник позора русской императорской армии! 6 августа 1915 года ее комендант — генерал Бобырь — сдался в немецкий плен и уже оттуда отдал приказ гарнизону о капитуляции. Не исчерпав всех возможностей для обороны, цитадель с 1206 крепостными и полевыми орудиями сдалась. В немецком плену оказались тогда 83 000 человек, включая 23 ге-

нералов и 2100 офицеров (благодаря самоотверженности русских военных летчиков в последние дни осады из крепости были вывезены и спасены от позора полковые знамена окруженных дивизий). Примера столь многочисленной и организованной сдачи в плен русская регулярная армия не знала с петровских времен! Но поражает и другое... Из более чем двадцати генералов, блокированных в крепости, не нашлось ни одного, кто бы смог воодушевить войска если не на оборону, то хотя бы на прорыв! Никто не попытался сплотить вокруг себя тех, кто не хотел сдаваться в плен!» Будут у нас и более страшные потери, чудовищные сдачи в плен огромных масс войск и во Второй мировой войне. И все же! Как не вспомнить подвиг другой русской крепости — Брестской! С куда более грозным противником по сути те же самые солдаты и офицеры бились, как герои, стояли на смерти!

Разумеется, это не исключало того, что русские воины проявляли себя в сражениях с немцами и австрийцами, как правило, лучшим образом. Так, в начале кампании 1914 г. ни австрийцы, ни немцы не смогли остановить наступление русских войск. Пришлось им снимать с французского фронта ряд корпусов. В воспоминаниях генерала Э. Людендорфа то и дело встречаются горькие сетования на то, что «немцы не приобрели жизнейстотых боевых союзников», что «двуединая монархия неизлечимо больна» и что для немцев «обернулся серьезной бедой союз с такими отмирающими империями, как Австро-Венгрия и Турция». Однако в 1914 г., несмотря на успехи русских войск, «немцам удалось вырваться из мешка и спастись» (Гурко). Причем в плен тогда чуть было не попал даже один из сыновей императора Вильгельма, его переправили на самолете через линии русских войск. Далее следуют высокие оценки Людендорфом действий наших войск: «Под мощным давлением русских» австро-венгерская армия откатывалась назад; «Русские не отставали ни на шаг»; «Их мощь и упорство доставили нам массу неприятностей». И даже в трагическом сражении, в Восточно-Прусской операции 1915 г. (сражение в Мазурии) немцам так и не удалось полностью разбить 10-ю русскую армию. Тому «виной» отчаянное мужество

XX русского корпуса ген. Булгакова (4 ослабленные русские дивизии шли против 9 немецких). Наша 10-я армия сумела выйти из котла, хотя весь геройский XX корпус погиб.

Наступали мы и в дальнейшем. Говоря о действиях русских войск в марте 1916 г., Людендорф писал: «Уже к концу марта наступательный порыв русских стал заметно ослабевать, захлебнувшись буквально, как тогда говорили, «в болотах и крови». Потери противника были чрезвычайно велики, просто огромны. Находившиеся в меньшинстве, но хорошо подготовленные немецкие солдаты, руководимые опытными офицерами, превосходили по всем статьям плохо обученные армии противника, подменявшего умение тактикой массового нажима». У нас нет оснований не верить словам известного немецкого военачальника. Да мы и сами знаем, что слишком часто в военной истории наши генералы брали не умением, а числом. Но в этом случае наказанием были поражения и гибель империи. Поэтому не удивительно, что к таким генералам царской армии у солдат был свой особый счет. Итоги слабого руководства отозвались растерянностью на всех фронтах. Палеолог заносит в дневник 26 августа 1915 г.: «Германцы овладели Брест-Литовском... Русская армия отходит на Минск». Затем запись 30 августа 1915 г.: «У меня было совещание с генералом Беляевым, начальником Главного штаба. Вот содержание его ответов на мои вопросы: 1. Потери русской армии громадны. С 350 000 человек в месяц в мае, июне, июле они поднялись в августе до 450 000. Со времени первых поражений на Дунайце, русская армия, таким об-

Буржуев и милитаристов — в окопы!

разом, потеряла около 1 500 000 человек...» 30 июля 1915 г. Палеолог отмечает: «Из всех губерний доносится тот же возглас: «Россия в опасности. Правительство и верховная власть ответственны за военный разгром». Русская армия понесла колоссальные людские и материальные потери (в результате отступления 1915 г. Россия потеряла 15 губерний с необрунным урожаем, а затем последует еще и недород 1916 г.). Но буржуа и в ус не дуют. 1 сентября 1915 г. собрание Московского торгово-промышленного съезда, окончив заседание, принимает резолюцию с призывом: во-первых, жизненные интересы России требуют продолжения войны до победы; во-вторых, потребовав полной свободы действий, тут же подает царю «верноподданнический голос». Немцы предложат заключить почетный мир. Царь же увидел в этом только свое «политическое самоубийство». Эх, взять бы да и посадить всех милитаристов и буржуев в окопы. Пусть познают вкус бойни, которую они развязали!»

Глава 22. Причины поражения русских войск. Николай II и его окружение

Спросим себя: «А чем и как проявила себя торговая и промышленная буржуазия, столь пылко и сладкоречиво призывавшая к войне и ее прославлявшая?» Служивший в императорской Ставке М.К. Лемке писал в дневнике (27 января 1916 г.): «Когда сидишь в Ставке, видишь, что армия воюет, как умеет и может; когда бываешь в Петрограде, в Москве, вообще в тылу, видишь, что вся страна...ворует. В этом главное содержание моих впечатлений. Всё ворует, всё грабит, всё хищничает». С глубокой иронией и А.И. Деникин отмечал: «Петербург «устал» от войны больше, чем армия». И. Солоневич рисует в «Белой империи» типичную сцену, характеризующую российскую правящую элиту. Более всего потрясло его обилие шкурников и спекулянтов, что, словно жирные пьяные тараканы, сновали из конца в конец по улицам Москвы и Петербурга... На биржах, в разного рода «товариществах» одни и те же лица, о которых писал еще Ф. Достоевский: «Стало быть, недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше — конечно, известно и самим евреям: близится царство, полное их царство. Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов». Но разве же вина в том одних евреев? А русские что ж?

Организация такой гигантской «работы», как война, да еще мировая, велась у нас из рук вон плохо. Армия была скверно снабжена, плохо организована и плохо управлялась. Как это часто у нас бывает, все и вся делалось спустя рукава. Боеприпасов не хватало, из-за нехватки снарядов все начинания часто сводились на нет. В откликах с мест боев слышались жалобы: «Мы голые». Общее мнение таково: «И вообще казенное добро слишком плохое в носке». Обстановка в тылу жуткая: небрежность, недобросовестность, злоупотребления, как всегда, взятки. Взятничеством особо славилась чина артиллерийско-инженерного ведомств. Один из авторов пишет («картина маслом»): «Тыловые склады были забиты до предела, но войска на фронте постоянно испытывали их нехватку. Кстати, стоит задуматься — не теми ли снарядами, которые были «сэкономлены» Маниковским со товарищи, снабжалась все годы Гражданской войны артиллерия Красной Армии?»

Уже первые месяцы войны показали, что между фронтом и тылом не было глубокой и органичной связи. Хотя ведь для успеха войск необходим целый ряд условий. В любой войне надо не только изготовить достаточное количество вооружения, обмундирования, и причем добротного качества, но еще и вовремя доставить их на место сражений. Однако вплоть до 1917 г. единой системы подвоза материальных средств не было. В начале войны боеприпасы подвозились на фронты готовыми комплектами непосредственно на станции выгрузки войск. Другие виды материальных средств подвозились из окружных складов также в адрес корпусов. С 1915 г. положение несколько изменилось. Наступление австро-германских войск на Восточном фронте весной и летом 1915 г. показало всю глубину кризиса боеснабжения русской армии. Неспособность сановной бюрократии и царя решить проблему экономического обеспечения войны становилась все очевиднее.

В этих условиях буржуазные круги попытались было взять на себя руководство делом

военно-экономической мобилизации. В мае 1915 г. IX съезд представителей промышленности и торговли принял решение о создании военнопромышленных комитетов, которые должны были заниматься переводом частных предприятий на военное производство. Политически активные круги российской буржуазии — главный образ представителей делового мира Москвы — стремились использовать военно-промышленные комитеты для усиления своего влияния на управление страной. Царское правительство, вынужденное санкционировать создание этих организаций, ограничило их деятельность. В итоге комитеты в развитии военного производства большой роли не сыграли, хотя кое-что сделали для обеспечения армии вещевым и интендантским довольствием, для мобилизации мелких и средних предприятий. В целом доля военно-промышленных комитетов в общей массе заказов военного ведомства в 1915—1917 гг. составила лишь 3—5 %, а в фактических поставках — не более 2—3 %. Ряд военно-хозяйственных функций выполняли возникшие еще летом 1914 г. Всероссийский земский и Всероссийский городской союзы. Для координации деятельности в 1915 г. был образован Главный комитет по снабжению армии (Земгор). Но и их усилия были недостаточны. Поскольку местные парки были израсходованы, боеприпасы стали подвозиться на фронтовые склады, там они формировались в местные парки и уже оттуда подвозились на станции. С конца 1916 г. установился и единый порядок подвоза всех видов материальных средств. В тылу за пределами театра военных действий развернуты распределительно-сортировочные станции для размещения грузов по тыловым базам фронтов. У тыловой границы фронтовых тыловых районов развертывались фронтовые тыловые базы. И тем не менее на фронте и в прифронтовой полосе продолжала царить полная неразбериха. Во время одной из инспекторских поездок на малом участке фронта обнаружили на оставленной позиции 8 миллионов вполне исправных патронов. Или приведем другой пример. За всю войну армия получила более 65 миллионов пар сапог, но что дошло до солдат — большой во-

прос. На войне наживался, кто только мог. Нехватка обуви в армии случилась не потому, что армейских сапог было мало, а вследствие развала тыла. Почти вся Россия, писал Брусилов, ходила в тех сапогах, и большая часть прибывавших на фронт легко продавала их по пути обывателям, часто за бесценок, получая на фронте новые. «Такую денежную операцию некоторые искусники умудрялись делать по два-три раза. То же самое происходило и с одеждой, которую, не стесняясь, продавали. Зачастую солдаты, отправленные из тыла вполне снаряженными и отлично одетыми и обутыми, на фронт приходили голыми. Против таких безобразий никакие меры не принимались или меры недостаточные, не дававшие никаких благих результатов».

К великому сожалению, армия, и прежде всего ее тыловые службы, это место — где легче всего украсть и списать огромные материальные ценности. Поэтому зачастую «тыловики» и являются сборищем самых отъявленных воров, взяточников, негодяев (во все времена). Военное ведомство продемонстрировало это в Русско-японскую и Первую мировую войны. Экономист И.Х. Озеров (1869—1941), профессор Московского университета, в монографии «Как расходуются народные деньги?» писал о тщетности усилий государственного контроля проконтролировать военное ведомство и как-то упорядочить его деятельность. Военные всячески уклонялись от такого контроля, зная, что у них «рыльце в пушку». Озеров упоминает об одном таком визите госконтроля на японский фронт. В одном полку обнаружилось, что «55 % валенок после носки в 1—15 дней пришли в полную негодность. Подошвы валенок были сделаны из древесной стружки, в результате — массы отмороженных ног» (Отчет госконтроля за 1904 г.). Фонд Самарского губернского управления сохранил одно из солдатских писем с фронта: «Одежда плохая — шинель ластиковая на легкой бумазейной подкладке, вся ползет. Каждый день починаю, легка, холодна, только от солнца холодок делать. Фуражка старая, расстрепана, ворона на гнездо не возьмет, папах не дают. У сапог голенища не брезентовые, а тряпочные. Те уже порвались, и на солдата я не похож, больше на какое-то чучело страш-

Русские солдаты в окопах. 1916 г.

ное...» Мы уже не говорим о такой «прозе», как вши, — «вшей берешь горстью и бросаешь в снег». Мысли в царской армии тогда лишь раз в месяц.

Но, предположим, воина ранило, и он попал в госпиталь... Кузина Николая II Мария Романова, к слову сказать, честно отработавшая какое-то время в войсках главной медсестрой, принимавшая участие в операциях, поведала о том, что видела в военных госпиталях: «Получая сообщения о позорной запущенности и плохом управлении делами в этих военных госпиталях, я решила вскоре после своего приезда в Псков предпринять расследование. Я могла провести его только поверхностно, так как у меня не было официальных полномочий. Но я начала без предупреждения посещать военные госпитали, всегда стараясь приехать неожиданно. Во время этих своих неожиданных визитов по страху чиновников и служащих этих госпиталей я видела, что у многих совесть неспокойна. Особенно отчетливо я помню одно мое такое посещение казарм, где находились несколько сотен больных и раненых военнопленных, трудностью было найти дежурного врача. Наконец он прибежал с заспанным и распухшим лицом. Белье в палатах, так же как и сами пациенты, было грязным. Очевидно, и кормили их плохо, потому что все они выглядели измученными и слабыми. В перевязочной было далеко до чистоты. Все было в таком беспорядке, что я посчитала необходи-

мым в этом случае позабыть о своей робости. Я послала за главврачом и громко отругала его. Это был первый раз в моей жизни, когда я кого-то ругала. Главврач, гинеколог по специальности, был так перепуган, что от заикания едва мог отвечать на мои вопросы. Несколько таких инспекций убедили меня, что военным госпиталям нужна помощь хотя бы постельным бельем и перевязочными материалами. Я написала письмо императрице, спрашивая ее, не может ли она для них что-нибудь сделать. Ей это было легко: в прошлом та организовала в Зимнем дворце мастерскую и кладовую для хранения постельного белья и перевязочных средств. Но ее ответ на мое предложение не был обнадеживающим. Она намекала, что я вмешиваюсь не в свое дело... Императрица все-таки приехала в Псков, но это не изменило к лучшему ситуацию в военных госпиталях». Если такова была реакция на призыв великой княжны, то о каком там влиянии простого народа или нижних чинов на ситуацию можно было вести речь! Конечно, были сотни отважных русских женщин (из всех слоев общества). Они не жалели ни сил, ни средств, чтобы как-то помочь раненым воинам. Около 60 тыс. русских женщин работали в лазаретах и госпиталях за время Первой мировой войны. Многие из них шли на передовую, как русская героиня Р. Иванова, спасая от смерти немало солдат.

Ощущалась нехватка и железнодорожного подвижного состава. После мобилизации

Р. Иванова — русская героиня

до половины вагонов на нужды фронта в стране возникли острые транспортные проблемы. Было затруднено обеспечение предприятий и подвоза продовольствия в города. Не хватало лазаретов, кроватей, одеял, лекарств. Всюду царили неразбериха, бардак, воровство. Экскурс в прошлое. Врач С.П. Боткин, пробыв 7 месяцев на Балканском фронте во вре-

мя Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в качестве лейб-медика при царской Ставке, писал о том, в каком положении было обеспечение русской армии лекарствами и средствами материального довольствия: «Бывший печальный опыт в Крымской кампании, очевидно, не послужил ни к чему... До сих пор не мог добраться, где находится настоящий корень всех этих безобразий, где и в чем лежит вся механика, почему пропадают бесследно вагоны с теплыми вещами, почему пропадает транспорт с хинином и т.д. В прошлую Крымскую войну безобразия до такого размера не доходили — я по крайней мере этого не помню». Боткин не смолчал и попытался донести горькую эту правду до царя — «о громадном скоплении народа (раненых) в Зимнице, о том, что там из-за скверных условий хирурги не могут взять нож в руки; о том, что здесь даже не хватает лекарств, не доставляют больным хлеба, целые палатки по целым дням не видят врача и пр.». Это не понравилось царедворцам и той ворующей публике, что в России всегда крутится вблизи Ставки и высших лиц государства, получая наибольшие

Русские офицеры у санитарного поезда

прибыли. Через 35—40 лет описанные Боткиным сцены повторились. Это же самое наблюдалось в годы Первой мировой, но только, конечно, в более крупных масштабах.

Причиной тому тотальный хаос и воровство, царившее в системе управления, но особенно преуспели на этой ниве «славные российские интенданты». И.В. Кулаев, хорошо знавший ситуацию в Харбине, где он прожил четверть века (1900—1925), в мемуарах писал, что он «полностью осведомлен о том, как велось хозяйство в армии в годы войны». Среди этой мерзостной публики царило правило, сформулированное одним из крупных военных поставщиков, неким Манасевичем: «Нужно непременно поставлять все скверное и в значительно меньшем количестве, чем следует по договору, — тогда, может быть, кое-что и останется». словно пауки, раскинули сети дельцы типа генерала Ланге, интенданта Виленского военного округа, Манасевича, главы продовольственного отдела Харбинского интенданства, капитана В. Каппеля, А. Циклинского, Л. Трофимова, Слаута, Носова и проч. и проч. Мало того, что из глубины России было невозможно двинуть войска на театр военных действий, за совершенной неприспособленностью железнодорожных путей к воинским перевозкам, так этим перевозкам еще и мешали начальники складов, отделов, станций, спекулянты. Понятно, все это делалось с одной, единственной целью — прибрать к рукам поставки, сбывать их спекулянтам и заработать на этом огромные деньги. Так, скажем, на Иннокентьевской станции Забайкальской железной дороги во время Первой мировой войны «творились колоссальные хищения, можно сказать, прямо грабежи». Торговали скопившимися грузами сами начальники и местные чиновники. Они нарочно задерживали вагоны с имуществом, продавая их кому ни попадя. За продвижением грузов никто в России не следил, и никто за них не отвечал... «По окончании войны было установлено, что на станции Иннокентьевская было за военное время расхищено товаров частных лиц на 7 миллионов рублей». В итоге бесцеремонного взяточничества и массовых хищений такое богатое и важное предприятие, как Китайско-Восточная железная дорога, оказалось совершенно па-

рализовано. Паровозы «были переморожены, составы вагонов приведены в негодность, и неизвестно было даже, где таковые находятся. О точном выполнении расписания поездов и правильности их движения не могло быть и речи... Положение казалось совершенно безнадежным». Порой случались люди типа инженера Б.В. Остроумова, назначенного управляющим Китайско-Восточной железной дороги. «Как было бы хорошо, если бы в свое время и вся Россия смогла обрести для себя подобного энергичного «управляющего», твердого духом премьер-министра». Ему удалось навести порядок, пресечь царившие там хищничество и взяточничество. Но это было, повторяем, редкое, нет, редчайшее исключение на фоне общей картины лихоимства чиновной сволочи. Вор-чиновник — вот истинный царь в России!

Спекулянты чувствовали себя прекрасно. Как рыба в воде... Хотя каждый день на фронте тысячами погибали кто-то из «черни», за их порочный *permis de sejour* (фр. — дозволение на проживание). Воровство высших военных чинов становилось обычным и заурядным явлением. Скажем, вот одна из историй обогащения на крови воря из снабженцев: «В эти годы жил в Гродно генерал Р., тогда еще полковник. Поехал на войну. Еще до конца войны его жена купила доходный дом и стала строить особняк на Кирочной улице. О том, что у этого генерала ни гроша за душой не было, знали все. После войны в его нажитый на русской крови особняк ездили все. Его принимали «в лучших домах». Все это видели, не могли не видеть солдаты его полка, которые, как и «все общество», прекрасно знали, из каких изменнических и кровавых источников выстроен этой сволочью особняк. Но «общество» никак не реагировало. Суд не реагировал никак: Военное ведомство, честь офицерского мундира, сор из избы — совершенно то же самое, что сейчас процветает в РОВСе. По тогдашним законам нельзя было отдать под суд подчиненного без согласия его начальника — за служебные преступления, конечно. А начальники тоже строили себе особняки, соответственно чину. «Инстинкт грабежа и убийства» по адресу этого генерала был бы вполне законным проявлением государственного и национального инстинкта: нужно было гене-

рала повесить, а дом конфисковать». Там же приводятся данные, как «Морское ведомство в Русско-японскую войну приобретало уголь «у жида Гинзбурга» по цене 140 шиллингов за тонну. После Цусимы тот же уголь был продан тому же «жиду» за 30 шиллингов тонна, да еще с рассрочкой платежа на срок один год. Кто-то заработал на этом деле гигантские деньги: мировая цена на уголь не могла, конечно, упасть больше чем в четыре раза». Такие сцены видим не только в 1904—1905 гг. Масштабы мировой войны были куда большими — и более грандиозными были случаи воровства, обмана государства и народа со стороны мафии промышленников, государственных чиновников и генералов. На войне и на торговле эта торгово-бюрократическая и капиталистическая мафия обогащалась безмерно. Деньги эти заработали те самые люди, что нынче «находятся в эмиграции», говорил Солоневич. Так вешать надо господ интендантов за воровство казенного имущества России, тем более в столь крупных размерах! Сохранять строй воров и подонков было бы преступлением против народов России.

«Раскаившийся монархист» Л. Тихомиров записал в дневник 27 февраля 1916 г.: «Мне даже надоело размышлять и беседовать с самим собой об одном и том же безысходном вопросе — о войне и о судьбах России. Но что делать? Как избавиться от этого кошмара, давящего тебя днем и ночью? Нет сил примириться с гибелью родины, а между тем перед всеми умами стоят самые грозные предвидения. Во-первых — исход войны. Теперь, кажется, уже нет ни единого человека, верующего в возможность победы. Наше положение на войне решительно всем кажется безнадежным. Совершенно ясно бедствие армии. Отсутствие военных дарований видно ясно. Невозможно не видеть бесталанность генералов, скверное качество офицеров — и, наконец, даже солдат. Хотя солдаты при хороших офицерах могли бы быть хороши, но при таких начальниках — плохи. Масса сдающихся в плен поражает всех. Итак, даже полная военная катастрофа не удивила бы, а успех возможен только при какой-нибудь не от нас зависящей и непредвидимой случайности. Еще хуже дело внутри. Неумение

устроиться грозит голодом и истощением сил не Германии, а нам. Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, проводимые евреями, наполняют тревогой. Черви и бактерии разъедают тело». Все ждали окончания войны со страхом. «Тогда, по общему ожиданию, произойдет внутренний разгром в форме некоторой пугачевщины. Настроение солдат в этом отношении тревожное. Они после войны будут «бить господ», как они выражаются, забирать землю и имущество. Крайне распространено мнение (вероятно, распространенное немецкими пособниками и нашими революционерами), будто бы Россия объявила войну, а не Германия, и что война нужна собственно «господам», которые теперь и наживаются (на ней)... Вот после войны с ними-то и будет расправа. А умирять пугачевщину нечем, солдаты — это сами же «мужики», своих стрелять не станут. Это разговоры солдат в больницах. Весь наш верхний класс, дворянский и промышленный — ловкий на всякое хищничество, — лишен идеи, самосознания, идеалов. Энергии нигде нет. Бороться энергично не может ни с кем. При опасности каждый будет спасаться сам, не заботясь о гибели других, а потому все составляют легкую добычу каждого свирепого и энергичного врага. Авторитета не существует. Духовный чин провален и опозорен и все больше падает в глазах народа», — печально заключает Л. Тихомиров. К этим словам нечего прибавить. Такое отношение народа к этим генералам и капиталистам понятно.

Непростым вопросом является тема участия евреев в войнах и революциях в России. Одним из мифов было утверждение, что евреи — прирожденные уклонисты от военной службы («русский воюет, а еврей в лавке торгует»). Возможно, что в мирные времена евреи и предпочитают денежную и «непыльную» работу. Как говорится, дыма без огня не бывает. Да и основания для таких слухов имелись. Ежегодно правительственная статистика сообщала о значительном недоборе евреев по сравнению со списками подлежащих призыву. По данным Главного штаба, в 1885 г. 38, 8% евреев уклонились от призыва в армию. В 1886 г. процент уклонившихся

от призыва упал до 13,4 %, в 1890 г. до 8,6 %. Главный штаб объяснял это явление введением в 1886 г. 300-рублевого штрафа, налагаемого на семью не явившегося к призыву новобранца. Затем процент уклонившихся от призыва евреев начал опять быстро расти и достиг в 1909 году 27,9 %. Главный штаб связывал этот рост с тем, что евреи научились обходить наложенный на них штраф. Однако были и иные причины. В русской армии евреи не допускались к производству в офицеры. Нижние чины — евреи (или, как их называли, «исповедующие Еврейский Закон талмудисты») к поступлению в военные и юнкерские училища не допускались, а евреи вольноопределяющиеся (их в частях не должно было быть более 3 % от общего числа) не допускались к держанию офицерского экзамена. Вопрос об отношении к евреям срочной службы в армии со стороны командиров и товарищей-солдат освещается в воспоминаниях по-разному. По словам М.В. Грулёва: «При самом поступлении на службу он (еврей) встречал уже атмосферу обычной, преследующей его всюду вражды и ненависти... главным образом со стороны начальствующих офицеров. При первой же беседе с новобранцами ротный командир не преминет прибавить, при обращении к новобранцу еврею что-нибудь ироническое, дышащее глумлением и недоверием... Солдаты старались, конечно, подражать начальству». С началом Первой мировой войны антисемитизм принял новое направление. Весной и летом 1915 г. многие евреи высланы из прифронтовых регионов. Введена система заложников: евреи отвечали за выдачу ими русских граждан в оккупированных немцами районах.

Свирепствовала и полиция... В 1917 г. жандармский полковник Громыко попытался уличить служащих еврейского госпиталя в планировании сброса вируса холеры и сибирской язвы в водопровод г. Смоленск. Он же обвинял евреек в том, что те соблазняют русских солдат, заманивая их в постель — с целью сбора и передачи военных секретов немцам. Возбужден был и ряд уголовных дел по поводу «массовой скупки изделий из меди с целью отправки во враждебные державы». Евреев обвиняли в «искусственном вздорожа-

Знак военного пилота Германии

нии предметов первой необходимости и исчезновении из обращения звонкой монеты». Дела прекращены из-за отсутствия состава преступления. Купца Мелиаха Полянского посадили на 2 недели в тюрьму лишь за то, что тот отправил сына учиться в Палестину. Разумеется, все это настраивало евреев резко антимонархически. Хотя, по свидетельству А. Шнеера, автора работы «Плен», к октябрю 1917 г. в составе русской армии служили около 450 тыс. евреев, т.е. без малого 10 % еврейского населения. Тем не менее мнение об уклонении евреев от воинской службы было широко распространено. Замечу, что за отвагу на полях боев в годы Первой мировой 3 тыс. евреев были награждены Георгиевскими крестами. При этом 11 человек были удостоены полного банта — т.е. всех четырех степеней высшей солдатской награды. С. Медведовский награжден 4 Георгиевскими крестами, Георгиевской медалью и получил звание подпрапорщика. Более высокие офицерские звания в царской армии имели лишь крещеные евреи. Народ ничего против евреев не имел, резко выступая против царя, дворян, бюрократов, буржуазии... Слышались речи: «Генерала, капиталиста, чиновника и монополиста повесить, его дом, компанию конфи-

сковать»! Так должен был бы действовать здоровый «национальный инстинкт» гражданина новой России!

Первые же годы показали, что генеральский состав царской армии ниже всякой критики. Хотя, конечно же, во все времена были и есть разные солдаты, офицеры и генералы. Великий князь А.В. Романов писал о генерале Данилове: «Главное, что Данилов (черный) — сухой педант. Жизни не знает. Нравственного элемента, который составляет главный успех боя, он не понимает и с ним не считается. Ведь на карте, на которой он орудует, нет людей. Есть кружки, означающие корпуса. Есть известное между ними расстояние, а всякий успех, стоивший десятки тысяч жертв, отражается на карте только тем, что наносится новый кружок впереди старого. И печатают в газетах: такой-то город взят. А что это стоило усилий, потерь — эта ему область недоступная. Ведь что нам стоила эта стратегическая операция отхода всех армий за Сан и Вислу. Сколько напрасных жертв, а главное — моральных страданий для тех войск, которые должны были отступить назад, бросив кровью взятые места. Кто возместит эту нравственную муку? А без этой нравственной веры победы не бывает. Видел я сам эти бедные корпуса бывшей 1-й армии, ныне 10-й. Как им трудно снова поверить в свои силы. Насколько они потеряли веру в начальство. А почему отступили - вина тут Штаба Верховного главнокомандующего, того же Данилова. Он нашел нужным им отойти (стратегические соображения). И не мог этот сухой муж понять, что он наносит своим же войскам куда больший удар, нежели неприятель».

Впрочем, даже и главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич ничем не блеснул в период его командования русской армией. Хотя немцы видели в Николае Николаевиче опытного и умелого солдата. Генерал Людендорф писал: «Великий князь был настоящим великим полководцем и стратегом». Однако итоги его «великих трудов» говорят, скорее, об обратном. Он привел армию на грань катастрофы. П. Мультатули в книге «Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов» писал: «История знает множество мифов. Эти мифы бывают иногда

**Великий князь Николай Николаевич —
в облике героя**

настолько живучи, что их воспринимают как истину. Мифы эти создаются конкретными людьми ради конкретных целей, но затем они уже начинают жить как бы сами по себе. Бороться с ними бывает крайне нелегко. К числу таковых относится миф о «выдающемся полководце великом князе Николае Николаевиче». Великий князь всегда противопоставлялся Царю, их сравнивали, желая принизить и всячески умалить роль Императора Николая II в управлении войсками. Возражения и протесты против подобных утверждений тонули в панегириках, воздаваемых великому князю Николаю Николаевичу. Причем авторами этих панегириков были люди, перед авторитетом которых невольно отступали на второй план разоблачители». Подобное славословие не принесло пользы ни русской армии, ни российскому государству, ни самому семейству Романовых.

Среди тех, кто внес свою лепту, был и уважаемый генерал А.И. Брусилов, писавший в воспоминаниях: «Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич. По моему мнению, в это время лучшего Верховного главнокомандующе-

го найти было нельзя. Это человек, всецело преданный военному делу, и теоретически и практически знавший и любивший военное ремесло». Генерал Ю.Н. Данилов: «Великий князь Николай Николаевич! Кто не слышал этого имени? Первый русский Верховный главнокомандующий в период участия России в мировой войне. Лицо, стоявшее во главе огромной пятимиллионной армии; человек, имевший на своей ответственности задачу защиты огромного государства, составлявшего 1/6 часть всей суши земного шара. Через ряды этой армии за все время командования ее Великим Князем прошли, по крайней мере, еще столько же миллионов людей, собранных со всех концов России. Подчиненную ему армию он умел вести к победам; ее достоинство он умел сохранить и в период тяжких неудач. Великий князь Николай Николаевич поражал всех, впервые его видевших, прежде всего своей выдающейся, царственной внешностью, которая производила небывалое впечатление. Чрезвычайно высокого роста, стройный и гибкий, как стебель,

с длинными конечностями и горделиво поставленной головой, он резко выделялся над окружавшей его толпой, как бы значительна она ни была. Тонкие, точно выгравированные черты его открытого и благородного лица, обрамленные небольшой седеющей бородкой клинышком, дополняли его характерную фигуру». Но за этой скульптурной статуей, за гусарской бравадой скрывался жалкий, бездарный, безвольный человечек. Когда в мае 1915 г. только разворачивалось наступление немцев, Николай II приехал в Ставку. Там он застал картину полнейшего уныния. Высшее военное командование России было полностью деморализовано. Вот слова Николая II: «Бедный Н. (великий князь Николай Николаевич. — Ред.), рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком».

Великий князь и его штаб несут личную ответственность за провал успешно начатой кампании 1914 г. и за кровавое отступление 1915 г. Россия весной и летом 1915 г. ока-

Николай II, великий князь Николай Николаевич, ген. Н.Н. Янушкевич, В.Е. Воейков в Ставке, осень 1915 г.

залась перед угрозой военного поражения. Это его руководству обязана Россия тем, что оставлены огромные территории, сотни тысяч мирного населения вынуждены стать беженцами. Факты говорят, что после отстранения князя от Верховного командования ситуация стабилизировалась и в 1916 г. стала меняться в лучшую сторону. Хотя это улучшение и было недолгим. Великий князь Александр Михайлович писал о брате: из всех членов императорской семьи великий князь Николай Николаевич имел, пожалуй, большее влияние на государственные дела, отличался редкой честностью, но и ограниченностью ума, он «был превосходным строевым офицером, но никудышным политиком». При этом не устал активно вмешиваться в государственные дела. Говорили, что того в молодости, обучая езде на лошади, ефрейторы секли его по ногам. Видно, секли не там, и секли недостаточно. Хотя руководить армиями в бою, конечно, тяжелее, чем управлять лошадью.

А были в царской армии и такие с позволения сказать «отцы-командиры», что раз за разом бросали войска на верную смерть. В. Литтауэр вспоминал командира бригады, генерала, что звонил каждые полчаса и спрашивал, перешли ли войска в наступление. Командир полка Гротен требовал поддержки артиллерии, но ее не было... И тогда сверху последовал его категорический приказ — наступать. «Что ж, — в бешенстве закричал Гротен, — если им необходимы потери, я обеспечу их потерями!» И отдал приказ. Конечно, наступление потерпело неудачу. Половина эскадрона увязла в болоте, половина остановилась. Полковник Гротен называл подобные приказы генералов довольно точно — «пускать в расход». Вот она хваленая царская армия — причем в начале войны. Потом солдаты «пустят в расход» уже генералов.

Мы привыкли думать, что заградительные отряды и расстрелы бегущих солдат в России — это изобретение Сталина. Но это не так. В начале XX в. эту практику применял и царизм. Так, М. Кушников в статье «За ценой не постоим» («Родина», № 7. 2005) пишет о том, как генералитет русской армии поступал с солдатами и офицерами, когда выяснилось, причем в самом начале войны (зимой 1914 г.),

что те не жаждут класть головы за царя и буржуазию. Из приказа по 2-й армии: «Все сдавшиеся в плен, какого бы они ни были чина и звания, будут по окончании войны преданы суду... О сдавшихся в плен немедленно сообщать на родину, чтобы знали родные о позорном их поступке и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была немедленно прекращена. Приказываю также: всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдающимся огонь оружейный, пулеметный и ружейный». Или же из приказа по 4-й армии: «...Пресечь возможность сдачи в плен, укоренив у нижних чинов убеждение, что сдающиеся добровольно будут уничтожены огнем собственных пулеметов». Начальник штаба 3-й армии доносит, что, «пользуясь отсутствием патриотизма и сознания долга у наших солдат, германцы и австрийцы широко комплектуют пленными свои тыловые учреждения... Доходит до того, что немцы переодевают наших пленных, едущих при полевых кухнях и обозах, в германскую форму, на что те безропотно соглашаются». В донесении с беспощадностью и лютой ненавистью (не думая ни о «европейской культуре», ни о «тысячах жизней» и «озерах крови», о которых будет потом стенать Горький), сказано, что надо, «отбросив в сторону всякие гуманные соображения, совершенно не допустимые при условиях настоящей войны, немилосердно расстреливать забывших присягу». Причем уже в Русско-японскую войну сообщалось о повальной сдаче в плен целых батальонов, даже полков. Сотни тысяч бездарно загубленных жизней. Генералам и в голову не приходит мысль, которую выскажет одна из героинь у Н. Лескова: «...Простых людей ведь надо беречь, простые люди все ведь страдательные».

Не мудрено, что солдат с таким бездарным генералитетом не хотел воевать. Не удивительно, что эти же солдаты, когда наступит их час, не пощадят таких царских генералов. Их будут без жалости топить, стрелять, поднимать на штыки! В конце 1917 г. арестован и убит в Смоленске бывший командующий Западным фронтом генерал от инфантерии А.Е. Эверт, будет убит конвоирами по дороге в Петроград и генерал от инфантерии Н.Н.

Бой между русскими и австрийскими войсками в Карпатах. Русский лубок

Янушкевич, та же участь постигла в Таганроге генерала от кавалерии П.К. Ренненкампа, виновника позора армии у Мазурских болот, генералы от инфантерии Н.В. Рузский, Р. Дмитриев убиты в Пятигорске. Случайность? Нет. Так не поступают с генералами-победителями, и случаи массового убийства офицеров и генералов в Германии не известны, хотя та и испытала поражение и революцию. Кроме того, увидим, как многие генералы и полковники царской армии будут верой и правдой служить их народу в годы Гражданской войны, пользуясь огромным, заслуженным авторитетом Красной Армии.

Вскоре по России разнеслась сенсационная весть. Командование русской армией на себя решил принять Николай II... Немцы удивились. Союзники обрадовались. Приезд царя в Ставку означал, что Россия будет биться «до последнего солдата» (до конца империи). Наставник царевича Алексея, П. Жильяр писал: «Он (Николай II — Ред.) повторил клятву, которую принял в самом начале войны, и тем самым поставил на кон свою корону. Во Франции и Англии известие об этом было воспринято с удивлением и не без опаски. Однако этот его поступок расценили как клятву, которая Россия (в лице царя) связывала себя с

Антантой. Это было как раз в тот момент, когда серия военных неудач послужила толчком к зарождению сепаратистских настроений. Все ведущие газеты стран Антанты подчеркивали важность принятого царем решения. Выражалась надежда, что оно поднимет дух русского войска и будет способствовать победе в войне. Русские газеты пестрели восторженными статьями, однако на самом деле поначалу мнения резко разделились. В самой армии, как мы увидим, присутствие царя способствовало подъему духа войска и придало новый импульс военной кампании. Когда-нибудь история покажет, каковы были политические и военные последствия этого шага, который, без сомнения, со стороны царя являлся актом мужества и веры». Однако каких еще оценок можно ожидать от приближенных? Последствия этого шага вскоре стали понятны — и они были не в пользу России.

По мнению некоторых историков, якобы основным мотивом для Николая II, решившего возглавить командование, была не забота об общем благе, а зависть к Николаше, которого любили в армии и вообще считали сильной личностью в императорской родне. Доходили до Николая II слухи, что Николай Николаевич не опровергал высказываний, что он будет

коронован на царство как Николай III. Однако сразу же после решения возглавить армию «на полях сражений» восемь министров направили в адрес царя слезное письмо, прося его отменить решение: «Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями». Николай так объяснил решение великому князю, бывшему главнокомандующим русской армии: «Сейчас, когда враг проник глубоко в страну, которую Бог вручил мне, мой долг перед ней заключается в том, чтобы я принял на себя Верховное главнокомандование вооруженными силами, нес тяжесть и труд войны с моей армией и помог ей защитить Русскую землю от вторжения врага. Пути Господни неисповедимы; но мой долг и мое собственное желание укрепляют меня в решении, которое внушено заботой об общем благе». Царь и в годы войны с Японией рвался в ряды сражающейся армии. Тогда его отговорили. Теперь все уговоры оказались напрасны. Царь решил все ж стать во главе армии. Нсколько был оправдан сей шаг?

Но тут надо быть Суворовым или Кутузовым, на худой конец Наполеоном. Для такой личности, как Николай II, это был даже не столько смелый, сколько самоубийственный шаг. В этом случае царь просто обязан был выиграть войну, т.е. стать царем-победителем. Масштаб, цена сражений Первой мировой войны были несравненно большими, нежели битвы Русско-японской или турецкой войн. Речь шла о самом существовании империи...

Отсюда и иные социально-политические последствия в случае поражения. То, что он взял на себя всю ответственность за русскую армию и за исход войны в иной ситуации можно было бы поставить ему в заслугу. Возможно, основанием для принятия такого решения было и то, что на войне героически погиб его родственник, князь Олег Романов. Смерть правнука императора Николая I на поле битвы явилась вызовом царю — того могли обвинить в трусости. Но, как отмечает Р. Мэсси, уехав в армию, за сотни миль от местопребывания правительства, царь полностью утерел контроль над делами государства. Возможно, он просто сбежал от острых проблем в столице. Об этом говорят его слова: в Ставке спокойнее и не надо думать. Роковые последствия этого шага для Николая II вскоре не преминут сказаться. Ведь царь в России, надолго покидающий столицу, перестает быть царем. Сталин, если не ошибаюсь, лишь дважды выезжал на фронт из Ставки в годы Великой Отечественной войны (хотя бывал на фронте в годы Гражданской войны), что не помешало ему сохранить управление армиями и, в конечном счете, одержать великую историческую победу. Ясно, что такой подход более к лицу умным правителям, которые хотят Россию и в самом деле «поднять на дыбы», т.е. заставить стремительно перестроиться и развиваться. Тут надо держать руку на пульсе державы. *Conditio sine qua non!*

1916 год не принес улучшений на фронте... Общее мнение в Германии и России таково, что «военное положение России очень

Николай II в Ставке верховного главнокомандования. Могилев. 1914 г.

Мы — «счастливы»!

плохо». Реакцией на поражения стала смена премьера. Во главе правительства стал обрусевший немец Штюрмер. В этом решении царя все, в том числе немцы, увидели признак желания начать переговоры о мире. Так считал германский кронпринц, убеждавший правительство, что «необходимо как можно скорее схватиться за протянутую руку...» Летом и в начале осени 1916 об этом велись частные переговоры, говорили об этом как о чем-то «само собой разумеющемся», что может упустить только «самая бездарная дипломатия». К глубокому сожалению, миссия Штюрмера оказалась невыполнимой. Виной тому действия продажной части российской бюрократии, генералитета, еврейских финансистов в России. Тысячами нитей они были связаны, как и ныне, с западным капиталом. Поэтому и настаивали на продолжении самоубийственной войны с Германией. Они — главные виновники будущих революций и кровавой Гражданской войны в России. Буржуазия не хотела подумать о своем народе, и была готова воевать «до последней капли русской крови», относясь к подданным, как к скоту, который обязан по первому мановению царской руки покорно взойти на жертвенник. Показательны слова главнокомандующего русскими войсками, того же Николая Николаевича. Так, после гибели армий Самсонова и Ренненкампа

в Восточной Пруссии это *teufelsdröck* (нем. — дерьмо дьявола), в котором иные видят «великого русского патриота и достойного носителя русской национальной идеи», сочло уместным заявить ген. Лагишу, военному атташе Франции, с небрежностью богача, галантно преподносящего фаворитке пару дорогих безделушек: «Мы счастливы принести такие жертвы ради наших союзников». То, что за ними — горы раненых и убитых — его не волновало. «Если бросить только беглый взгляд на события, происходившие на русском фронте с конца 1915 г. и в течение всего 1916 г., без особого углубления в их существо, то может получиться впечатление, что год этот протек для русской армии в томительном сидении в окопах, изредка прерывавшемся хотя и очень кровавыми, но довольно бесплановыми наступлениями с целью вырваться из удручающей обстановки позиционной войны. На самом деле это было вовсе не так, и всякая наступательная операция русских армий на протяжении указанного времени хотя и не диктовались прямыми интересами собственного фронта, но имела всегда своей целью оказание помощи то Сербии, то Франции, то Италии, то, наконец, Румынии. Такой способ действий вызывался условиями коалиционной войны. Эта малочетная роль вынуждала между тем русские войска вести ряд очень

трудных операций тактического характера, выполняемых в условиях крайней торопливости и недостаточной подготовленности, что, в свою очередь, вело (армии) к излишним кровавым потерям», — комментировал ситуацию генерал Ю.Н. Данилин.

Царь все более склонялся к идее сепаратного мира с Германией. Это была неплохая идея, да что там, превосходная идея... Войну надо было заканчивать как можно скорее... Прежде всего во имя России! В этом направлении работал единственный умный человек в царской семье — великий князь Николай Михайлович (может, был еще один, князь К. Романов, «псалмопевец Давид»; умер в 1915 г.). Николай Михайлович сидел в архивах, писал сам и прекрасно знал русскую историю! Пожалуй, он единственный, с кем считался Николай II. В оценках Первой мировой войны, как и путей выхода из нее, были единодушны, как ни странно, две большие головы России — великий князь Николай Михайлович Романов, желавший сохранить империю и династию, видевший гибельность продолжения этой войны, и враг царизма В.И. Ленин, пытавшийся их уничтожить. Большевики, опасаясь умного Н.М. Романова, после революции его расстреляли... Профессор, историк, юрист М.А. Таубе писал в мемуарах: «Великий князь задумывал, вероятно, вести в Стокгольме через Папкова доверительные переговоры с идеологически совершенно преданным России тамошним германским послом бароном Люциусом, чтобы подготовить возможные переговоры о сепаратном мире с Германией, — тот, кого в Петербурге считали самым умным из членов императорской фамилии, не мог не видеть, что по военной и политической обстановке 1916 года единственный шанс для России избежать дальнейших военных неудач и революции, заключался в прекращении во что бы то ни стало опротивевшей всему народу войны. Бесспорно, что Николай II, так тесно связанный своими союзниками, не мог и никогда не пошел бы на такое решение вопроса, но не думал ли великий князь Николай Михайлович, что государь, в конце концов, осуществит теперь свое дав-

Великий князь Николай Михайлович — историк. 1859—1919

нишнее желание отказаться от престола, и что тогда Регентский совет при несовершеннолетнем Алексее Николаевиче мог бы осуществить эту меру, при проклятиях Лондона и Парижа, но в силу абсолютной политической необходимости. Разве в Лондоне и в Париже не поступили бы так же, если бы находились в тогдашнем нашем положении». Надо упомянуть и вот еще что: 12 декабря 1916 г. последовало и предложение мира со стороны Германии: «Эта катастрофа, которую не могли сдержать узы совместной тысячелетней цивилизации, грозит человечеству в его наиболее ценных достижениях. Она угрожает превратить в обломки духовный и материальный прогресс, который составлял гордость Европы в начале двадцатого столетия». Немцы вспомнили и о достижениях цивилизации и об опасности «превратить в обломки» прогресс. И все же продолжать войну до победного конца с немцами означало класть в могилы новые сотни тысяч русских людей. И, главное, во имя чего? Это же не 1941 год! Конечно, ради Антанты. То, что обязаны были сделать умный царь и монархия, так это послать *ad bene placitum* (по своему желанию) всю антантовскую Европу, этих *sons of a bitch*, к... Если бы усилия немецкой и русской сторон по заключению мира друг с другом увенчались успехом, Россия и Германия избегли бы позора поражения, революции и развала.

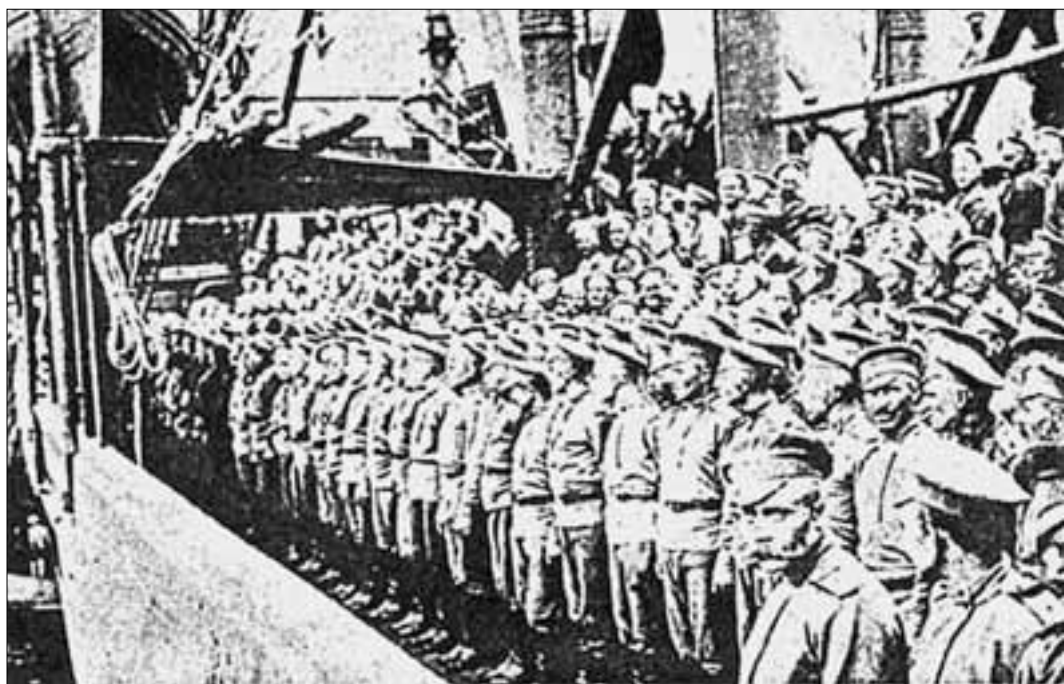
Глава 23. Роль России, ее союзники и противники. Последствия Первой мировой войны

Важно понять, кто был более всего заинтересован в мировой войне. Буржуазия России действовала под давлением стран Антанты. В мировую войну русских втянули французы, англичане, желая получить огромные дивиденды. Царизм оказался данником зарубежного, французского, английского и еврейского капитала. Кому принадлежал французский капитал, рассказывает Дрюмон в книге «Еврейская Франция». Ссылаясь на книгу Р. Бекура (1835), тот писал: «Со времени дарования прав евреям во Франции, их число настолько возросло, что в провинциальных городах, где их было не более нескольких сотен, их теперь насчитывают тысячами. Чего только не охватил их хищный взгляд? В какой только отрасли торговли их скрытые и искусные хитрости ни погубили множества почтенных негодяев? Спросите у несчастных, пользовавшихся некогда благосостоянием, куда делось их богатство?» Далее Дрюмон пытается ответить на вопрос, откуда явилось их богатство, которого у них не было, когда они пришли из Германии как мигранты. Источниками их успеха стали торговля, спекуляции и засилье в печати. Евреям во Франции «теперь принадлежит почти вся пресса». Их влияние становилось все заметнее и в правительственных кругах. Когда разразилась Франко-

прусская война, никто так не нажился на ней, как евреи. Одни мерзли, погибали и болели в окопах, другие стригли купоны. «Миллиарды, которые несчастные французы без счета вносили для военного бюджета, были разграблены, все усилия были употреблены для того, чтобы посеять раздор и ненависть в сердцах, армию искусным образом довели до полного расстройств, ничего не было готово, и это сделалось очевидно...» Если кто-то что-то тот перепутает и подумает, что речь идет о России, мы вынуждены его поправить, напомним: Дрюмон пишет о Франции конца XIX в. Далее он говорит, что в результате этих махинаций даже «самые нуждающиеся из евреев давали понять, что наступают времена, когда и у них будут замки, отели и охоты».

Ученые показали, как буржуазия и правительство Франции сознательно вводили в заблуждение народ, побуждая покупать облигации царских займов. В «Лионском кредите» тогда писали: «Не покупайте облигаций, выпущенных городом Парижем, не приобретайте ренту французского государства. Вот русская империя — она хороша и надежна». С другой стороны, и в Санкт-Петербурге говорили: «Мы знаем, что должны уплатить 25 % чаевых; нам нужно еще 25 % на комиссионные. Великая русская нация, видя поступление лишь 50 % сумм, на деле выплаченных здесь, начала говорить, что если царский режим может продолжать свое существование, то только потому, что сообщником империи, русского кайзеризма, сообщником Распутина и его режима является Французская республика!» Было совершенно очевидно, что эти господа жизнь людей ставили ни во грош. Прибыль решала все. Но и Николай Романов на деньги капиталистов Европы и США вел эту войну. Благодаря этим деньгам он и смог продержаться до 1917 г. Буржуазия со всех сторон продолжала богатеть и набивать карманы, а миллионы людей продолжали погибать, получать увечья, теряя все в этой жизни — ради улады богачей.

Первая русская бригада прибывает в Марсель

Министр иностранных дел Временного правительства П. Миллюков 4 марта 1917 г. посылает депешу дипломатам за рубеж, где выражает полную решимость правительства продолжать войну до победного конца... М. Палеолог, посол Франции в России, занося в дневник впечатления от разговора с Миллюковым и Коковцовым, отправляет в Париж своему правительству телеграмму: «Если, как я того боюсь, русское правительство станет от нас добиваться пересмотра наших прежних соглашений об основах мира, мы, по-моему, должны будем без колебаний объявить ему, что мы энергично стоим за сохранение этих соглашений, заявив еще раз наше решение продолжать войну до окончательной победы...» И далее он же заявляет: «В самом деле, в случае, если мы вынуждены были бы продолжать войну без участия России, мы могли бы извлечь из победы за счет нашей отпадающей союзницы совокупность в высшей степени ценных выгод. И эта перспектива уже в сильнейшей степени волнует многих русских патриотов. В противном случае я боюсь, что Петроградский совет быстро делается хозяином положения и при содействии паци-

фистов всех стран мира навяжет нам общий мир». Сказанное послом Франции, позиция российских правительств того периода (как царского, так и буржуазного) доказывают: для международной и русской буржуазии мировая война была вопросом экономических торга, коммерческих расчетов и выгод.

Русских почему-то всегда хотят надуть... Перед началом боевых действий в 1914 г. англичане пообещали России полную помощь и военную поддержку на случай войны. С началом же боевых действий предоставляемая ими нам помощь упала до 10 % от предвоенного объема. Впрочем, русские военные считали, что Англия привыкла «загрывать жар чужими руками» и на нее очень-то рассчитывать не приходится. Так же считали во французском Генеральном штабе, отмечая перед началом войны: «Англия не обеспечила своего сотрудничества определенным образом и даже не пожелала дать никакого письменного обязательства. На море можно рассчитывать на ее флот. На суше соглашение между генеральными штабами предусматривает содействие на крайнем левом фланге нашего расположения, шести дивизий пехоты, четырех

На полях Первой мировой войны

артиллерийских бригад и одной кавалерийской дивизии. Содействие это является, однако, сомнительным, и благоразумнее на него не рассчитывать». Тем более нечего было рассчитывать на такое содействие России. Англичане — наши конкуренты. В записках Е. Месснера есть слова о том, как те в Первой мировой войне (он называл их «союзнички») самым безжалостным и циничным образом эксплуатируют российскую армию и народ. Он привел цифры, голые цифры потерь воюющих сторон. Англичане за первые 8 месяцев войны теряли 17 500 убитых и раненых в месяц, русские же — по 140 000 убитыми и ранеными. Французы в Верденских битвах теряли по 20 000 солдат в месяц убитыми на протяжении 20 месяцев, немцы — примерно по 30 000 солдат. Россия же на протяжении 31 месяца войны (до Февральской революции) теряла убитыми по 50 000 воинов в месяц, потеряв в общей сложности в результате войны 1 650 000 человек. В то же время союзники, Антанта и США, выполнили заказы России на винтовки на 5 процентов, на патроны — на 1 процент. Такой вот дебит-кредит.

В 1922 г. делегация РСФСР оценил понесенный Россией ущерб от невыполнения союзниками обязательств в области материально-технической помощи России в 3 миллиарда рублей. Россия в ходе войны с Германией получила от британцев 776 орудий всех калибров, 2,7 млн снарядов, 208 локомотивов и вагонов, займы в 568 млн фунтов стерлингов (треть британских займов периода войны). Но этого с учетом масштаба битвы было недостаточно. Британский министр вооружений Ллойд Джордж в «Военных мемуарах» признал: безразличие к военным нуждам

России обошлось дорого союзникам и русскому народу: «Если бы мы послали в Россию половину снарядов, впоследствии потерянных на Западе, и одну пятую пушек, стрелявших ими, не только было бы предотвращено поражение России, но (и) по немцам был бы нанесен жестокий удар». И еще: «История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в его эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей на гибель, тогда как Англия и Франция легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе».

Усилия русских войск, сражавшихся против держав Тройственного союза, весьма внушительны. Документы из военного представительства России в Париже показывают: в то время как от начала войны до сентября 1915 г. неприятельские силы на Западе по числу дивизий не увеличились, держась на цифре 83 пехотных дивизий, в это время на Восточном фронте против нас число неприятельских дивизий возросло с 50 до 137. Уже эти цифры свидетельствуют: во многом благодаря жертвенности и отваге русских солдат, заливших своей кровью поля Галиции, Восточной Пруссии и Франции, англичане, французы и янки одержали победу в битве с тевтонами, а французы сумели сохранить национальную независимость и получили контрибуцию. Позднее французский маршал Фош в порыве откровенности признал: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России».

В долгой истории наших взаимоотношений с Западом были разные страницы, как позитивные, так и негативные. Замечу только, что России лишь тогда удавалось наполнить их в полном смысле слова конструктивным и полезным содержанием для нас, когда страна была сильной, когда во главе ее стояли талантливые, волевые и умные люди. В противном же случае, выходил, как писал великий Байрон, the great humbug (англ. — «великий обман»). Обманутой стороной при слабых ничтожных правителях в России всегда оказывался и оказывается русский народ!

Со дна цивилизации поднялась мутная волна одичания, а вместо торжества гуманности и соблюдения заповедей Христовых

Маршал Франции Ф. Фош

мир погряз в грязи и смраде окопной жизни. В 1914 г. Кони пишет о том, с каким ужасом наблюдает он то, как народ переходит «von Humanität durch Nationalität zur Bestialität». Война была и остается дикостью и варварством. И если к ней относились как к чему-то вполне естественному, чуть ли не извечно данному, то только потому, что политикам и сильным мира сего чрезвычайно выгоден подобный стереотип, позволяющий посылать на верную смерть миллионы невинных людей. Если бы народы одновременно с объявлением несправедливой войны прикончили всех глав

держав, капиталистов, кабинеты министров и парламентариев, их вызывающих и порождающих, таковых не было бы вовсе. Мировая война привела ряд наций и народов на край гибели. Поэт Хлебников уподобил юношей, гибнущих на войне, «последним оленям», на которых идет охота. Бердяев скажет: война ставит вопрос о русском национальном самосознании. Он говорит о том, что Россия — «особенная страна, не похожая ни на какую страну мира». Россия еще не играла «определяющей роли в мировой жизни», она «не вошла еще по-настоящему в жизнь европейского человечества». Он делает предположение, что «в очистительном огне мирового пожара многое сгорит, истлеют ветхие материальные одежды мира и человека», а затем последует и «возрождение России к новой жизни».

Героиня романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», показывая, сколь изменила война весь уклад ее жизни и психологию, говорит: «Мы женились перед самою войною, за два года до ее начала. И только мы зажили своим умом, устроили дом — объявили войну. Я теперь уверена, что она была виною всего, всех последовавших, донине постигающих наше поколение несчастий. Я хорошо помню детство. Я еще застала время, когда были в силе понятия мирного предшествующего века. Принято было доверяться голосу разума.

Могильный червь вместо свадебного венца

Беженцы Первой мировой войны

То, что подсказывала совесть, считали естественным и нужным. Смерть человека от руки другого была редкостью, чрезвычайным, из ряда вон выходящим явлением. Убийства, как полагали, встречались только в трагедиях, романах из мира сыщиков и в газетных дневниках происшествий, но не в обыкновенной жизни. И вдруг этот скачок из безмятежной, невинной размеренности в кровь и вопли, повальное безумие, в одичание каждодневного и ежечасного, узаконенного и восхваляемого смертоубийства. Наверное, никогда это не проходит даром». Но кто тому виной? Плата будет чудовищной, и правящий класс должен будет заплатить по счетам!

Едва-едва начавшую оправляться от позорного поражения в войне с Японией Россию втянули в жернова еще более страшной битвы, закончившейся ее поражением и развалом. Помимо того что эта война принесла общегуманитарную катастрофу, для России она обернулась серьезными политическими и социальными последствиями. В результате жестоких боев первых лет войны, побед и поражений, миллионы были убиты и пленены. Выбита была практически половина кадрового офицерского корпуса (25 из 49 тыс.), то же с элитными гвардейскими и лейб-гвардейскими частями, которых задействовали на самых горячих участках боев. В дальнейшем на смену кадровой армии (1,4 млн кадровых военных и 5,6 млн лиц запаса) в армию пришли 10,6 млн наспех мобилизованных, наскоро обученных, плохо вооруженных, не желающих воевать лиц. В гигантской «мясорубке» перемалывались жизни и судьбы.

В книги «Население России в XX веке» сказано: «В целом около половины населения Российской империи непосредственно или в виде солдат, беженцев, высленцев или жителей оккупационной зоны стали жертвами Первой мировой войны». Эвакуация промышленных предприятий из западных губерний в центр России еще добавит горючего материала. Вся эта масса людей, включая представителей тех народов, что попали в плен в России и были тут интернированы, была взбудоражена катастрофой (последовала серия немецких и еврейских погромов, подавление восстания в Туркестане и т.д. и т.п.). Под ружье призваны миллионы гражданских лиц, крестьян, оставивших дома, семьи, хозяйство. Усилились миграционные процессы. В непропорционально больших количествах в столицы хлынули «инородцы», которых ранее не брали в армию. К тому же в России появились свыше 2 млн человек военнопленных чужих стран. К ним добавилась масса беженцев, покинувших родные дома и земли и оказавшихся в бедственном и крайне наэлектризованном состоянии. Общая численность их была, по самым скромным подсчетам, 20 млн человек. Эти факторы обрели решающее значение и «для общей радикализации масс, которая причудливо преломилась через мировосприятие отдельных социумов».

Массу людей оторвали от мирного труда: 20 млн человек были мобилизованы на войну и оборонные работы, из них 17,6 млн призвали в вооруженные силы (12,8 млн крестьян). Свыше 10,8 % населения России прошли школу кровавых боев, школу ненависти, вшей, окопов, смертей, увечий, лагерей военнопленных. В годы Первой мировой войны 67 млн (36,1 %) оказались на оккупированной территории; от 5 до 7 и более миллионов мирных жителей (3—4 %) были насильственно выселены из прифронтовой полосы или эвакуированы на восток. Из них около 0,5 млн евреев выселят из прифронтовой полосы, порой по надуманному обвинению в шпионаже. Хотя были и такие легендарные личности, как Мата Хари, нидерландка, служившая не одной разведке. После развода с мужем, шотландским офицером, что был старше ее на 20 лет, она танцевала в Мадри-

де, Монте-Карло, Берлине. Ей посылал цветы сам Пуччини, а Массне писал: «Я счастлив, когда смотрю, как она танцует!». Газета «Курьер Франсэ» писала: «Даже оставаясь неподвижной, она околдовывает зрителя, а уж когда танцует, ее чары действуют магически». Во время танца она постепенно снимала с себя роскошное восточное одеяние, оставаясь лишь в жемчужном ожерелье и сверкающих браслетах, игрой тела воздействуя на публику. В то время стриптиз был настоящей сенсацией, и вот уж весь Париж лежал у ног прелестной танцовщицы. Газеты называли ее экзотический танец «индийской религиозной мистерией». Она покорила многих знатных особ, выступая в дорогих кабаре, в самых роскошных салонах, в том числе у барона Ротшильда, в прославленном театре «Олимпия». Будучи двойным агентом (Франции и Германии), она была расстреляна в октябре 1917 г. Но все это разумеется, не имело никакого отношения к страданиям и трагедии десятков миллионов людей.

Война изуродовала Европу и мир, забрав миллионы жизней и у России (3,3 млн непосредственно на поле боя или же в плену). По подсчету, сделанному одним из членов Государственной думы, получалось такого рода соотношение: число убитых из состава солдат выразилось цифрой 15 %, но в отношении офицерства этот процент выразился цифрой 30 %, а раненых еще больше; по соотношению состава офицеров и солдат — число убитых офицеров во время войны было в два раза больше. В боях и плену побывала огромная масса людей. К примеру, в период 1915—1916 гг. в плену у неприятеля было около 2 миллионов солдат, а дезертиров с фронта в России насчитывалось к тому времени около 1,5 миллионов человек. Это означало, что страна потеряла около 4 млн боеспособных людей. Процентное отношение пленных ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20%, между тем как по отношению к офицерам это обозначение должно быть только 3%, дезертиров-офицеров не было вовсе... Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25 % в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие

Расстрел немцами женщин.

в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров. Заметим, эти данные приведены представителем заинтересованной в войне российской буржуазии. Если принять во внимание потери России за все 3,5 года войны: 68 тыс. 994 генерала и офицера, 5 млн. 243 тыс. 799 солдат, добавив сюда около 4 млн. пленных, станет понятной, мягко говоря, непопулярность сей военной кампании. Цифры красноречиво указывают на значительную степень деморализации русской армии. Массовое убийство нашего народа!

По миру, как ядовитый смог, распространилась ненависть... В письме к деятелю рабочего движения Л. Франкелю Г.В. Плеханов, защищая А. Бебеля за нападки на Россию, писал: «Он нападал на официальную Россию, на самодержца всея Руси, морящего голодом свой народ, на поставщика виселиц. Не нам вставать на его защиту. В нашей несчастной стране интересы правительства диаметрально противоположны интересам народа, все, что делается на пользу правительства, делается во вред народу и, vice versa, все, что наносит удар царизму, выгодно народу. Вот почему мы можем только быть благодарны нашим друзьям-немцам за то, что они лишний раз обличили наше варварское правитель-

ство, и мы говорим им: браво, друзья, бейте крепче, обличайте, как можно чаще, вы таким образом окажете большую услугу нашему народу». И выражал надежду, что «германские братья» захотят дать свободу русскому народу, что настанет время, когда «социалистические германские батальоны придут освободить русский народ, как армии французского Национального Конвента приходили разбить ярмо тирании тогдашних народов-рабов». Иллюзия. Немцы пришли тогда на русскую землю не для освобождения, а для закабаления народа. Ленин был прав, заявив в работе «Социализм и война»: «Германия сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций. Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их». Что ждало русских солдат, попавших в плен к немцам и австрийцам? Среди бумаг, попавших в следственную комиссию, созданную в начале войны, были и письма убитых солдат германской армии домой. Те откровенно писали родным, что «...в том случае, когда наступление делается слишком трудным, мы берем пленных русских и гоним их перед собой на их же соотечественников, таким образом, они по крайней мере несколько сокращают наши потери...». «Мы не знаем, куда девать пленных. Отныне каждого сдающего в плен русского будут выгонять впереди линии наших укреплений для расстрела их...» В свирепости немцев сомневаться не приходится. Так, к примеру, когда 2 июня 1916 года в деревне Госсензас 500 пленных русских отказались рыть для неприятеля окопы, офицер отдал приказ расстрелять каждого десятого. Когда 4 человека расстреляли, другие русские военнопленные ради спасения своих жизней согласились работать.

О жестокости немцев говорит и признание начальника Разведуправления германского Верховного командования во время Первой мировой войны, небезызвестного полковника В. Николаи. «Уже Мольтке сказал относительно гуманности, что во время войны наиболее гуманным является — как можно скорее расправиться с врагом. Чем беспощаднее мы

воюем, тем скорее кончится война. Чем быстрее мы расправляемся с противником, тем меньше его мучения. Такова единственная форма гуманности, доступная во время войны». Впрочем, свирепостью по отношению к русским отличались не только немцы, но и австрийцы, и даже поляки... Когда во Львове скончался польский адвокат С. Загурский (1925), газета «Dziennik Ludowy» писала, что «без содрогания трудно писать о его деяниях»: «Доктор С. Загурский, адвокат во Львове, председатель Союза защитников Львова, в роли судьи австрийской армии вынес более 100 приговоров смерти. В памяти галицкого населения, как польского, так и украинского, живы еще кровавые оргии беззакония, какие совершали австрийские войска с населением, массово гонимым за мнимый шпионаж и пособничество русским войскам. Тысячи невинных людей вывозились на Запад, чтобы держать их без суда в тюрьмах и ужасных лагерях для интернированных много лет; тысячи невинных людей гибли на основании спешно и массово вынесенных смертных приговоров; тысячи гибли без приговоров — просто написто их убивали фронтовые войска по приказу их военачальников. Чем трусливее вели австрийские войска ввиду вооруженного неприятеля, тем свирепее и мстительнее они вели себя с мирным гражданским населением. Время мировой войны — период разнузданного преступления и беззакония на Галицкой Руси». Когда русские сибирские полки отбили немецкое наступление на Варшаву (к слову сказать, немцы намеревались сделать из Польши придаток Саксонии, унаследовав корону польских королей, и даже подготовили автомобиль для короля Саксонии), поляки в Варшаве ликовали и провозглашали здравицы в честь славных русских воинов.

Хотя и русские войска в немецком Гумбинене в ходе наступления войск Ренненкамппа действовали не лучшим образом, но, конечно же, зверств там не допускали. «Некоторые семьи, очевидно, решили покинуть город. Их пожитки были нагружены в повозки, стоявшие посреди дворов, или были разбросаны на улице среди сена и соломы. Там и сям на улице валялись вещи, которые уронили или забыли; солдаты тщательно разглядывали эти вещи и,

как правило, немедленно присваивали их, независимо от их величины или полезности... Я никогда не забуду этот город. Внешне немногие дома пострадали; на первый взгляд аккуратные немецкие кирпичные строения казались чистыми и нетронутыми. Но внутри все было иначе: не было ни одной не разграбленной квартиры. Покосившиеся двери были раскрыты, замки взломаны, посудные шкафы зияли пустотой, одежда разбросана по полу, глиняная посуда и зеркала лежали разбитыми, мебель была перевернута и проткнута штыками». Особую «пикантность» откровенному признанию добавляет автор — великая княжна Мария Романова: «Я сама подобрала новенький кофейник и гордо показала его своим спутникам, как свой трофей. Я засунула его себе подмышку и долго пользовалась им, всегда рассказывая историю своей находки». Если уж царская семья воспринимала в таком ракурсе имперские задачи, так называемой «великой войны», то что уж говорить о простом солдате! Русский солдат тоже не ангел во Христе! Ему присущи черты далеко не ангельские. Как говорит один из героев писателя И. Бунина в очерке «Записная книжка»: «Не можем себе волю давать. Взять хоть меня такого-то. Ты не смотри, что я такой смирный. Я хорош, добёр, когда мне воли не дано. А то я первым разбойником, первым разорителем, первым вором окажусь». Недаром пословица гласит — «своя воля хуже неволи». Война и высвободила всю эту грязь и дикость, будя в народе зверя.

По словам историков, в плену умерли 190 тыс. русских военнопленных. Во многом причиной потерь были болезни и скудное питание. Вернувшийся из немецкого плена солдат поведал о питании русских пленных. Ежедневное меню пленных выглядело так. Понедельник: завтрак — болтушка из отрубей, обед — нечищенная морковка, ужин — «болтушка из костей»; вторник: завтрак — кукурузная болтушка, обед — каштановый суп, ужин — похлебка ячменная с лузгой; среда: завтрак — болтушка с бобовой лузгой, обед — брюквенный суп, ужин — селедка и 5/8 фунта (фунт — 409,5 грамма) картофеля в мундире; четверг: завтрак — серая болтушка (из чего приготовлена, определить нельзя), обед — суп с болотной травой, ужин —

Пленные немцы на Невском в Петрограде

1/16 фунта тухлого сыра с кофе; пятница: завтрак — чечевичная похлебка, обед — суп с нечищенной толченой картошкой и луговой травой, ужин — желтая болтушка; суббота: завтрак — кофе без всего, обед — гороховые стручки, ужин — картошки 3/8 фунта, чистенной, толченой, политой чем-то кислым; воскресенье: завтрак — мучная болтушка, обед: суп с фасолью и конским мясом. Кроме того, каждый день дают 1/2 фунта хлеба с картофелем и другой какой-то примесью... Впрочем, много и ожидать нельзя было. А между тем для немцев пленные значили очень много как дармовая рабочая сила. Хотя генерал Людендорф и уверяет, что они «не стремились угнетать другие народы железной рукой завоевателя», все это чепуха. Он тут же признает: «Для всей нашей экономики военнопленные значили чрезвычайно много; без большого числа русских, захваченных на Восточном фронте, германская экономика не смогла бы как следует функционировать». Война и тут собирает свою жатву.

Все большее число людей на Земле понимали, что мировой империализм стал и мировым угнетателем и поработителем... «С 1876-го по 1914 г. шесть «великих» держав награбили 25 миллионов кв. километров, т.е. пространство, в 2,5 раза больше всей Европы! Шесть держав поработают свыше полумиллиарда (523 миллиона) населения в колониях. На каждые 4 жителя великих держав приходится по 5 жителей в «их» колони-

ях. И всем известно, что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплуатируют тысячами способов (посредством вывоза капитала, концессий и т.п., обмана при продаже товаров, подчинения властям «господствующей» нации и так далее и тому подобное». Первая мировая война была — в том числе и со стороны России — войной разбойничьей и грабительской! Печально, но факт! Грабили на фронте и в тылу. Моральный уровень народа резко снизился. Эпидемия разлада, подозрительности, ненависти разъедала тыл и фронт, исподволь готовя Россию и мир к Февралю, Октябрю, к новым потрясениям, грабёжам, кровавому террору против буржуазии и к диктатуре.

Народ страшно устал от войны. Разложение русского фронта и войск шло стремительно... Г. Федотов, говоря, что «на третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию», ставит вопрос апокалипсически — «Будет ли существовать Россия?». Вот и начальник Штаба немецкого Восточного фронта генерал М. Гофман в апреле 1917 г. записывает в дневник: «Россия — настоящий бедлам, все гниет,

Немцы в окопах

всюду беспорядок и хаос». Анархия, неповиновение, братание. И дело, конечно, не в злом умысле Ленина и большевиков, что призывали «развивать братание (не позволяя немцам обманывать русских)». В сражающихся армиях миллионы людей все чаще задавали вопрос: «Зачем воюем?» Особенно часто он возникал среди солдат. Мировая война велась ради интересов буржуазии, крупных капиталистов и мировых спекулянтов. Это стали понимать уже и в войсках, причем по обе стороны фронта.

Все чаще воюющие стороны задавались вопросами: «Сколько крови пролито? Какие результаты достигнуты? Кто больше страдает в эту войну? При решении этих вопросов руки опускаются и уныние заполняет душу». Народ не хотел воевать. Душевный вопль доносится со страниц тысяч солдатских писем — «Хотим мира!» Взять бы да почитать бы их нынешним буржуазным весталкам, лживым профессорам, писателям и журналистам, что на экранах ТВ, в прессе, в теплых аудиториях престижнейших университетов (где нередко нынче сидят ленивые и бездарные буржуазные оболтусы, делающие вид, что они учатся, на папины или мамины деньги) цинично рассуждают: «Надо было бы заставить чернь довоевать и доубивать!» *Pecunia operarum! Scientia ancilla pecuniae!* (лат. — Плата за службу! Наука — служанка капитала!) Кто-то хорошо платит этим предателям, все еще обманывающим народ... Те, кто хочет снять с самодержца и царской бюрократии ответственность за бездарную, кровавую, преступную политику, вершат исторический подлог.

Известно же, как истово требовала от народа буржуазия войны до победы — «до последнего солдата». Этой же линии придерживался и Николай II, заявив послу Франции Палеологу: «Что касается меня, то я буду бороться до последней крайности. Для того чтобы достичь победы, я пожертвую всем, вплоть до последнего рубля и солдата. Пока останется хоть один враг на Русской земле или на земле Франции, до тех пор я не заключу мира». Разве же не вправе был народ отплатить царю той же монетой — пожертвовать последним Романовым?!

Глава Думы М.В. Родзянко во вступитель-

И. Воронцов-Дашков — наместник Кавказа

ной речи на думской сессии 1 ноября 1916 г. заявил: «Мы собираемся здесь в пятый раз с начала мировой борьбы. Война должна быть выиграна, чего бы это стране ни стоило, во что бы то ни стало. Этого требуют народная честь и народная совесть; этого повелительно требует не только государственная безопасность, но и благо грядущих поколений». Обращение к совести народа — демагогия. Война служила интересам помещиков и капиталистов. И только им! Рабочий депутат верно заметил: «Товарищи! Господин Родзянко говорит о том, чтобы мы русскую землю спасали. Так это понятно... У Родзянко есть, что спасать. Не малый кусочек у него этой земли в Екатеринославской губернии, да какой земли! Так Родзянко и другим помещикам из Государственной думы есть, что спасать». Не в бровь, а в глаз! Было, что спасать, конечно, и семейству министра дворца и уделов, Воронцову-Дашкову с женой, земельные владения которых достигали 484 946 десятин. Им принадлежал и знаменитый Воронцовский дворец в Алушке с винными подвалами. Было, что спасать крупным землевладельцам В.П. Орлову-Давыдову (220 тыс. десятин земли), М. и Н.И. Челищевым (120 и 110 тыс. десятин земли, соответственно) и т.д.

Родзянко, будучи председателем Комитета членов Думы по оказанию помощи раненым и пострадавшим от войны (1914), председателем Комитета по надзору за распределением военных заказов (1915), председателем Комитета общественного содей-

ствия военным займам, одним из инициаторов создания и членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, Родзянко, как никто другой, вскормлен войной. Он походил на жирного паука, раскинувшего паутину и высасывавшего кровь народа. В дни Февральской революции 1917 г. он возглавил Временный комитет Государственной думы и безуспешно пытался придать ему функции верховного органа власти. Он же после Октября 1917 г. стал в ряды Добровольческой армии, участвовал в 1-м Кубанском походе и пытался создать «опору власти» в лице депутатов Думы всех созывов при Белой армии. Однако тот же самый Родзянко, не забывайте, был во главе тех, кто и предал столь восхваляемую им на словах монархию!!! Воры, предатели и убийцы!

Свидетель той эпохи, поэт Блок писал: «Что такое война? Болота, болота, болота... Люди глазекот на все это, изнывая от скуки, пропадая от безделья... Европа сошла с ума: цвет человечества, цвет интеллигенции сидит годами в болоте, сидит с убеждением (не символ ли это?) на узенькой тысячеверстной полоске, которая называется «фронт». Люди — крошечные, земля — громадная. Это вздор, что мировая война так заметна: довольно маленького клочка земли, опушки леса, одной

М.В. Родзянко (1859—1924)

Раненый

полянки, чтобы уложить сотни трупов людских и лошадиных. А сколько их можно свалить в небольшую яму, которую скоро затащит трава или запорошит снег! Вот одна из осязаемых причин того, что «великая европейская война» так убога». И эту мерзость, состояние полного одичания сегодня воспевают?!

Особенно рост напряженности и массовой озлобленности чувствовался в армии. Это естественно, ибо народ уже три с лишним года вынужден был смотреть в лицо смерти. А близость смерти проясняет даже недалекие головы. И даже самые яростные трубадуры войны не могли не понимать, что терпение народа на пределе... Родзянко с тревогой слушал исповедь своего сына, фронтового офицера. Тот говорил: «В армии все чувствуют, что положение... ухудшается: (и хотя) боевой дух личного состава в прекрасном состоянии, нет недостатка в оружии и боеприпасах, но головам генералов не хватает серого вещества... Ставке никто не доверяет. Никто не доверяет тем, кто главенствует над ней... Мы готовы умереть за Россию, но не за капризы генералов... Все наши солдаты и офицеры думают одинаково — если положение не изменится, мы не добьемся победы. Раскрой глаза императору на все это». В начале Первой мировой войны отчетливо обозначились серьезные неполадки в управленческих звеньях Российского государства. Дальнейшие события только их усугубили. В резуль-

тате председатель Думы Родзянко направил командующему Брусилову нечто похожее на меморандум, где отмечал никудышное планирование операций Ставкой, слабую работу разведки, плохую методику организации дел в наступлении и обороне, случайные назначения начальников на высокие посты, игнорирование потерь боевого состава и т.п.

Война без потерь не бывает. Тут, безусловно, сходятся «две правды», каждая из которых не всегда понимает другую... Генерал Н.Н. Головин, комментируя годы спустя сей меморандум, писал: «Читая сейчас эти строки, трудно представить, что их писали после великой победы, не имеющей себе равной в сравнении с военными успехами любой из стран Антанты в 1914, 1915, 1916 гг.». Конечно, надо бы спросить: «А чего стоили эти великие победы?» Как бы там ни было, а подобные критические оценки действий военных гражданской властью, да еще в ходе ожесточенной битвы с врагом, конечно же, не могли добавить ни уверенности, ни надежности действиям русских войск на полях сражений. И тем не менее русские демонстрировали примеры отваги как на суше, так и на море. Сюда отнесем битву у Моонзунда... Немцы послали тогда на Балтийский театр две трети своего флота и очень рассчитывали на победу. Она дала бы им двойной выигрыш: «Мы убиваем русскую революцию и ликвидируем германскую в самом ее начале». Револю-

ция уже стучалась и к ним... На «Вестфалене» вспыхнул бунт, матросы швырнули командира за борт, команда «Нюрнберга», следуя примеру «Потемкина», арестовала своих офицеров, а затем попыталась укрыться в норвежском фиорде. Экипаж «Принца-регента Луитпольда» объявил голодовку, а на «Пилау» объявили стачку, будто на заводе (В. Пиккуль). Но битва при Моонзунде перечеркнула все планы немцев. Бой линкора «Слава» и других русских кораблей привел к тому, что немцы потеряли тогда одну пятую личного состава эскадры.

По мере того как молох войны поглощал новые жертвы, обескровливая Россию, очевиднее ослабление самодержавия и системы власти. Война перепахала традиционное сознание, в котором вчера еще теплилась вера в Бога, отечество и царя. Все это сопровождалось всеобщей усталостью. Выяснилось, что за два с лишним года войны ресурсы России почти полностью иссякли. И в первую очередь, это относилось к людским резервам. Россия несла в боях наибольшие потери. А вот возможности восполнить эти потери у нее были наименьшими. За всю войну в России были мобилизованы 8,7 % населения, во Франции — 17 %, в Германии — 20,7 %, в Австро-Венгрии — 17,1 %. Казалось, у России возможности наращивать усилия в этом направлении есть. Но надо учесть, что в русских семьях тех лет было большое количество детей, то есть процент взрослых мужчин в общей численности населения был ниже, чем в вышеперечисленных странах. Уход взрослых производителей и кормильцев означал подрыв экономического благосостояния семей да и страны в целом. Дети и женщины не могли заменить в тех условиях мужчин. В Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. они совершат такой подвиг, но то будет уже иная, не «буржуйская» страна, где народ твердо знал, кого и что он защищает.

Известный деятель тех лет, Г. Катков писал: «Дальнейшее пополнение вооруженных сил людьми угрожало уменьшить поредевшую рабочую силу до такой степени, что работа военной промышленности и транспорта стала бы невозможной». Не следует забывать, что именно Первая мировая война была тем событием, за которым Россия сползла в про-

пасть убийств, жестокостей, дикости, «калик перехожих». В Петрограде постепенно наступал паралич власти. Война обескровила силы нации. Признаков хозяйственной и организационной неразберихи и хаоса становилось все больше. Возникли перебои с хлебом... Правда, в дальнейшем министр земледелия Временного правительства А.Н. Наумов заявлял, что в 1916 г. государственный запас зерна был огромен (равен 900 млн пудов).

Другими словами, имелся излишек «не менее одной трети годовой потребности». Как писал сын Столыпина — А.П. Столыпин, «эти 900 млн. пудов избытка, — пожалуй, последнее, что отец завещал России». Однако запасы хлеба оставались лежать мертвым грузом за Уралом, на элеваторах Западной Сибири, Казахстана и Алтая. Трагическая нехватка крестьянских и рабочих рук часто приводила к тому, что хлеб осыпался на корню, гнил при складировании или же при транспортировке... Правительство же вместо того, чтобы ускорить строительство начатой еще в 1911 г. Южно-Сибирской магистрали, осенью 1915 г. ввело продразверстку и послало в ряд европейских губерний воинские команды для принудительного изъятия хлеба у крестьян. Временному правительству, а не большевикам принадлежит «почетная пальма первенства» посылки продотрядов. К началу марта 1917 г. «были минуты, когда оставалось хлеба на несколько дней в Петрограде и Москве и были участки фронта с сотнями тысяч солдат, где запасов хлеба оставалось на полдня». Только «видимость правительства» заседает в Марииинском дворце, писал генерал Маниковский в 1916 г. В 1917 г. он же скажет: «Условия работы все ухудшаются: заводы не получают металла, руды, угля, нефти; рабочие — продовольствия и одежды... Общее настроение здесь — подавленное и гнусное. А сильной власти — всё нет как нет!» Поэт Вл. Маяковский в поэме «Облако в штанах» (заключена в июле 1915 г.), уловив суть грядущих событий, очень точно выразил настроения трудящихся масс:

Где глаз людей обрывается куций,
Главой голодных орд,
В терновом венце революций
Грядет шестнадцатый год

А между тем наша холеная и пресыщенная буржуазия процветала и лоснилась от удовольствия и сытости, словно специально откармливаемый для бойни и пока еще довольно хрюкающий боров... В. Пикуль писал в романе «Нечистая сила» о том времени: «Россия уже привыкла к тому, что гладко никогда не бывает, но война обнажила самые гнусные язвы бюрократии и капитализма. Народ... еще не знал, что банкир Митька Рубинштейн стоит во главе подпольного синдиката, который через нейтральные страны перекачивает в Германию русские запасы продовольствия». Когда солдаты, офицеры и матросы на фронтах, рабочие на фабриках и заводах не получали даже самого необходимого, богачи устраивали пиры немислимые. Пир во время военной чумы! «И никогда еще богатые люди не ели так вкусно, не пили таких вин, как в это время. В моду вошли гомерические застолья, на которых процветали нравы периода упадка Византийской империи, в этих

пирах чувалось что-то жуткое — из легенд об оргиях Сарданапала, и голые красавицы в одних чулках и туфельках, подаваемые в конце ужина на золотом блюде в виде десерта, — это лишь слабенький мазок, не способный точно воспроизвести жирную и сочную картину тогдашнего разврата буржуазии, жирующей, пьющей и сыто рыгающей». И эти пиры и оргии продолжались на фоне истекающей кровью, измученной войной и разрухой страны. А. Боханов пишет в «Сумерках монархии»: «В 1916 г. уже стало очевидным, что у власти нет будущего. Это была трагедия системы и людей, которых она производила». У царя и монархии оставалось все меньше защитников, а потому и крушение монархии в России оказалось фактически неизбежным, исторически запрограммированным. Иного выхода у народа России просто уже не было.

Война завершалась... Итоги ее следует признать трагическими... В общей сложности она продолжалась 1568 дней. В ней участво-

Безымянные жертвы войны

вали 38 государств, в которых проживали 70 % населения земного шара. Вооруженная борьба велась на фронтах общим протяжением 2500—4000 км. Первая мировая стоила человечеству больше жертв, чем войны целого тысячелетия, от Карла Великого до Мольтке. Можно вопрошать: откуда эта бессмысленная ненависть к другим народам, откуда эта жажда убийств и грабежа? Дело не в том, что, как заявил врач-психиатр, причиной войн XX в. была «жажда практической деятельности у человека, которому цивилизация закрыла все пути для осуществления подобной самодеятельности». Чепуха! Век дал уникальные возможности для развития человека. Но правители мира предпочитали смотреть на людей, как на стадо баранов. Войну жаждали милитаристы и империалисты, это они, строя планы по захвату территорий, переделу сфер влияния и подчинению других стран, породили войну. В этой войне впервые в истории всех войн нашли широкое применение танки, самолеты, подводные лодки, зенитные, противотанковые орудия, минометы, бомбометы, огнеметы, сверхтяжелая артиллерия, ручные гранаты, химические и дымовые снаряды, отравляющие вещества. Потери всех воевавших стран составят порядка 9,5 млн человек убитыми и 20 млн человек ранеными. Мы видели, как «цивилизированный мир» в итоге поистине титанических усилий избавил от «страданий» сначала 10, а потом и 50 млн человек... И, возможно, что это не предел, учитывая наличие невиданных ранее орудий уничтожения... И вся подлая и гнусная либерально-демократическая интеллигенция даже и рта не раскрыла по поводу чудовищного убийства миллионов невинных людей. Вся буржуазия Европы, Америки и России должна была бы быть распята на крестах — от Лондона и до Москвы.

В войне, если уж ты ввязался, надо побеждать, ибо в России проигравший платит и состоянием, и жизнью! Но более всего в проигрыше оказывался народ. Известны слова Черчилля: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань уже была видна. Она уже пережила бурю, когда все обрушилось на нее. Все жертвы были принесены, вся работа

завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления закончились; снарядный голод побежден; вооружение шло широким потоком; более сильная, более многочисленная, гораздо лучше снабжаемая армия держала огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией, а Колчак — фронтом. Кроме того, никаких особенно трудных действий больше не надо было предпринимать; нужно было оставаться на посту; оказывать мощное давление на широко растянувшиеся позиции германских войск; удерживать слабеющие силы противника на своем фронте, не проявляя притом особой активности; иными словами, надо было удерживаться; вот и все, что стояло между Россией и плодами общей победы». Мы специально приводим эти слова, чтобы вы могли убедиться, как плохо понимали иностранцы реальное положение дел в тогдашней России, если даже столь незаурядная и одаренная личность, как Черчилль, писал, что в марте 1917 г. фронт обеспечен, победа казалось бесспорной, режим, который Николай II олицетворял, во главе которого стоял и «которому своим личным характером он придавал жизненную искру, к этому моменту выиграл войну для России».

Слова Черчилля о корабле «Россия», что пошел ко дну, когда уже был виден берег, эти его уверения, что если бы Россия «еще напряглась», ей не надо было бы платить репараций, давать хлеб, топливо Германии, стоявшей на грани поражения, неверны и нелепы. Дело даже не в «сослагательном наклонении», которое невозможно в истории. На деле все было совсем не так. Существовавший в России строй сгнил на корню. Режим, именно режим проиграл мировую войну. Николай II, при полном отсутствии характера, не только не придавал стране, народу, армии «жизненной искры», но распространял вокруг себя миазмы гниения, неуверенности, поражения, гибели. Нужно понять, что являла Россия. Мировая война добила царизм — вот и все.

«Сущность войны заключается в том, что торжествует всегда не тот, кто прав, а тот, кто сильнее» (Ш. Рише). Победа останется за Антантой, но без России... Англия, США и Фран-

П. Соколов-Скаля. Мира!

ция, одолев Германию, Австрию и Россию, да, да — и Россию, не только не принесут мир, но вызовут революции и гражданские войны, закрепят вражду между побежденными и победителями. Мы убеждены, что Первая мировая война не только сорвала процесс мирной конструктивной модернизации России, но и фактически подготовила почву для жесточайшей гражданской войны всех против всех. Россия с тяжкими потерями кое-как вышла из проигранной бюрократией и ее генералитетом Русско-японской войны. Но вот проигранную Первую мировую народ ее вынести уже не мог. И он жаждал мести! Мировая война привела к полнейшей дегуманизации всех отношений в обществе. Продление существования бездарной царской бюрократии и элиты, да еще ценой жизни тысяч и тысяч русских людей, было бы величайшим преступлением и трагедией перед лицом истории. Первая мировая война — величайший силы «исторический двигатель», но этот двигатель породил «невиданный кризис, голод, неисчислимые бедствия» (Ленин). Ту войну капитали-

сты и вожди всех воюющих стран и лагерей вели с разбойничьими целями.

После Февральской буржуазной революции, оценивая событий тех лет, Ленин скажет: война на 30 лет приблизила социалистическую революцию (война «за три года подтащила нас вперед лет на тридцать»). В 1915 г. в Циммервальде социалисты 11 стран подписали манифест, призывающий все стороны к прекращению войны. Манифест заканчивался словами: «К вам, рабочие и работницы, к вам... раненые и искалеченные, к вам всем, жертвам войны, взываем мы: протяните друг другу руки через все пограничные линии, через поля сражений, через руины городов и сел. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Среди результатов Первой мировой войны было и то, что после нее полностью изменился баланс сил в мире. Англия, Франция, Германия, Россия вынуждены были уступить пальму первенства Соединенным Штатам Америки. США вступили в войну на самой последней стадии, хотя и «к шапочному разбору», но вовремя, когда шел дележ мировых богатств. Поскриптумом к той войне можно считать недавние вести из Франции и Германии... 12 марта 2008 г. в возрасте 110 лет скончался последний «пуалю» — солдат-фронтовик Первой мировой войны Лазар Понтичелли (Lazare Ponticelli). 1 января 2008 г. в Германии в возрасте 107 лет умер последний немецкий ветеран Первой мировой войны Эрих Кестнер, а 20 января 2008 г. во Франции умер предпоследний, 110-летний ветеран Первой мировой Луи де Казенав (Louis de Cazenave). Луи де Казенав не любил вспоминать о той войне, и лишь в последние годы жизни дал несколько интервью на эту тему. Одной из газет он сказал, что ничто не может оправдать мировую войну, назвав любые военные действия абсурдом. Поистине, как верно заметил германский политик Ханс фон Секст: «Война — не продолжение политики, а поражение политики». Поражение завершилось крахом монархии.

Глава 24. Рост протестных настроений в России. Николай II, царица, Распутин

Мировая бойня приведет к глубоким переменам в жизни нации. Бердяев в «Душе России» (1915) скажет: война «остро ставит вопрос о русском национальном самосознании». Россия еще не играла «определяющей роли в мировой жизни», она «не вошла еще по-настоящему в жизнь европейского человечества». И тем не менее она — «особенная страна, не похожая ни на какую страну мира». Бердяев делает предположение, что «в очистительном огне мирового пожара многое сгорит, истлеют ветхие материальные одежды мира и человека», а затем последует и «возрождение России к новой жизни». Впоследствии, уже находясь в Берлине, в эмиграции, он пишет этюд, который назовет «Новое Средневековье» (1923 г.). В этой небольшой книжке, переведенной на 14 языков, Бердяев попытался объяснить причины того, что произошло с Россией в 1917 г. Там есть и такие знаменательные строки: «Россию погубило превращение народа в войско. Войско разрушило государство... Буржуазно-капиталистический милитаризм сам себя разрушил... Войны роковым образом превратились в революцию...». Философ не мог отрицать того, что войны, во-первых, прямое следствие преступной политики, которую веками проводили представители буржуазии и милитаризма ведущих стран мира, во-вторых, наступавшая эпоха означала отход от того, чему поклонялись (разумеется, только на словах) те же буржуазные политики, — от свобод, демократии и либерализма. Бердяев очень точно уловил дух времени: «Мы живем

в эпоху цезаризма». Однако мы бы дополнили философа: «Россия жила в эпоху разлагающегося цезаризма». Цезаризм как система власти, возможно, и законен, если цезарь силен. Когда же он слабеет или терпит поражения, его убивают. Так было в Древнем Риме, так произойдет в Третьем Риме — России. Россия потерпела поражение в первой мировой войне, что было очевидно. Случайных поражений не бывает. Но за них правящий класс побежденной страны, во имя интересов которого, собственно, и велась эта чудовищная война, должен был заплатить свою цену!

Правящая элита России, похоже, еще не вполне осознавала, что ей угрожает... Свидетельство тому и слова премьера России В. Коковцова, сказанные буквально перед революцией. Споря с немцем Вольфом, главным редактором «Берлинер Тагетблат», он высказал мнение, что революционное движение в России носит поверхностный характер и ничем всерьез не угрожает. «Я старался пояснить ему, что Россия идет по пути быстрого развития своих экономических сил, что народ богатеет, промышленность развивается и крепнет, в земледелии замечен резкий переход к лучшей обработке, что использование земледельческих машин и искусственных удобрений растет, урожайность полей поднимается и самый существенный вопрос земельный — стоит на пути к коренному и мирному разрешению. На вопрос Вольфа,

Россия «богатеет». В ночлежке

М. Туган-Барановский

какое значение придаю я революционным вспышкам, я сказал ему, что ни одна страна, не свободна от этого явления, но что в России оно гнездится преимущественно в крупных промышленных центрах и не идет далеко от них. Я прибавил, что России нужен мир более, чем какой-либо другой стране уже по тому одному, что во всех проявлениях своей внутренней жизни она чувствует, как усиленно бьется ее пульс, насколько велики результаты, достигнутые за последние 6—7 лет в ее экономическом развитии, и насколько была бы прискорбна всякая остановка, в этом прогрессе. Я хорошо помню, что, отвечая на вопросы Теодора Вольфа о... внутреннем положении, я употребил выражение, подхваченное потом князем Мещерским, вышученное им и сделавшееся даже заголовком одного из его дневников, посвященных нападению на меня. «Поверьте мне», сказал я Вольфу: «что все доходящие до Вас вести о грозном революционном движении внутри страны крайне преувеличены и исходят, главным образом, из оппозиционной печати. Отъезжайте радиусом на 100—200 километров от крупных промышленных центров, каковы Петербург, Москва, Харьков, Киев, Одесса, Саратов, и Вы не найдете того революционного настроения, о котором Вам говорят Ваши информаторы». Однако события вскоре опровергли столь радужные заверения премьера и стали развиваться совсем в ином направлении.

Мировая война сделала идеи социалистов еще актуальнее и востребованнее. Все надежды, что социализм «отошел в прошлое», были преждевременны. Социализм становился популярен, как и требования экономического равноправия в обществе. С. и Б. Веббы в «Промышленной демократии» (1897) показали, что рабочие союзы могут влиять на регулирование заработной платы. Более того, не только эти союзы, но и государство под давлением требований жизни начало действовать в этом направлении, задавшись целью путем специального законодательства не дать заработной плате упасть ниже определенного уровня. Тут взгляды марксистов совпадали со взглядами сторонников теории предельной полезности. И в самом деле, если заработная плата является лишь видом цены, законодатель должен отказаться от попытки воздействовать на ее высоту, поскольку такая попытка обречена на неудачу: разве под силу государству устанавливать товарные цены своими законодательными актами? Но реальная жизнь показывала, что в ряде случаев, когда старая теория не согласуется с новыми фактами общественной жизни, требуется изменение теории. Однако Россия и тут пошла, похоже, все-таки своим путем.

В 1914 г. вышла книга П. Кропоткина «Великая Французская революция. 1789—1793» (в Лондоне и на русском языке), где идеолог анархизма писал: «В истории всякого народа неизбежно наступает когда-нибудь такое время, что глубокое, существенное изменение

П. Кропоткин за рабочим столом

во всем строе его жизни становится неизбежным. Так было во Франции в 1789 г.: королевский деспотизм и феодализм доживали свой век. Долее удержать их было невозможно, надо было от них отказаться. Но тогда представлялось два возможных выхода: реформа или революция. Всегда в таких случаях бывает минута, когда реформа еще возможна. Но если этой минутой не воспользовались, если правители страны, вместо того чтобы пойти навстречу новым требованиям, упорно сопротивляются проявлениям новой, возникающей жизни и вследствие этого кровь начнет литься на улицах, как это случилось 14 июля 1789 г., — тогда начинается революция. И раз началась революция, т.е. не простой политический переворот, а нечто более глубокое, революция неизбежно разовьется до своих крайних последствий, т.е. до той точки, до которой она может достигнуть хотя бы на короткое время при данном состоянии умов в данный исторический момент. Так и было во Франции». Схожая ситуация складывалась в России. Ученые обратили внимание на социализм как на метод модернизации. М.И. Туган-Барановский рассматривал социализм «как положительное учение». В работе «Теоретические основы марксизма» он писал: «Капиталистическое хозяйство не заключает в себе моментов, которые могли бы сделать его дальнейшее существование невозможным... Я не допускаю возможности наступления такого экономического положения, при котором капиталистическая организация хозяйства стала бы экономически невозможной и из капиталистического пепла возродился бы, как Феникс, новый общественный строй... Капитализм никогда не умрет естественной смертью — ему может быть нанесен смертельный удар лишь мыслью и волей человека». Такой «смертельный удар» и будет вскоре нанесен капитализму в России.

Правда, в начале XX в. многие рабочие имели очень смутное представление о социализме. Историк Ю. Кирьянов приводит данные, говорящие о том, что рабочая масса плохо понимала, что это за «зверь» — социализм. Один из корреспондентов писал в «Искру»: «В настоящее время о конечных целях движения (люди) говорят неохотно, а если

Социализм в образе Прометея

и говорят, то конфузясь и краснея» (1901). В письме из Тулы упоминалось о том, что пролетарии в массе не знают, что такое социализм, и «считают его ругательным словом» (1902). О полном невежестве в этом вопросе рабочих говорят и другие факты. Однако то, что социализм должен представлять собой справедливое и равноправное общество, это уже крепко засело в головах рабочих, особенно среди наиболее активной и сознательной их части. Вот что писал в стихотворении один из членов Иваново-Вознесенского рабочего союза (1895).

Мы, как члены славной партии
Социальной демократии,
Мы прогресс желаем ей. Мы — гроза
купцов, царей... Мы — враги такого
строя, где бездельники царят,
А рабочих, все создавших, —
страшным голодом морят.
Нашей партии задача: ниспровергнуть
этот строй, а на месте стона, плача
Создадим мы строй иной,
Строй такой, где люди будут
Все всеобщее иметь: и землей, и
капиталом сообща будут владеть.

Будут все равно трудиться, и
 Продукты от труда будут поровну
 Делиться меж рабочими тогда.
 Всю нетрудящуюся сволочь
 Пошлем мы к черту!.. И тогда
 Осуществим мы царство мира,
 Свободы, равного труда.

Однако в России историки, философы, юристы, деятели церкви как ни в чем не бывало продолжали петь осанну самодержавию, словно молитву, твердя слова о даровании государю императору долгих лет царствования и здоровья. Романович-Славатинский писал: «Совершив свои реформы, совершила ли Самодержавная власть свою историческую миссию, исчерпала ли она уже все те реформы, в которых нуждается родная земля? Нет и нет! Пока стоит Россия, она будет ее палладиумом, «дницей доброму стоянию всего народа», как выражался некогда Крыжанич, главным цементом, связывающим громадные разбросанные пространства в единую и цельную русскую государственную территорию и претворяющим разноразличные и разновольные ее племена в мощную русскую нацию, природенную защитницу и руководительницу всего славянства. Пока будет стоять русское Самодержавие, оно будет охраной равноправия русского народа, защитой слабых, убогих и малых от сильных, богатых и больших...» Неограниченное самодержавие есть основа государственного устройства России, своего рода «залог светлого будущего русского государства» (П.Н. Семенов). Н.И. Черняев писал, что незыблемость самодержавия — главный догмат государственного права и нашей государственной мудрости. Член III Государственной думы В.А. Образцов заявил: «Не в первый раз потрясается до основания Царство наше, не в первый раз становится оно на край гибели от врагов внешних и внутренних, но общим порывом религиозного воодушевления, установлением единодержавия и утверждением самодержавия спасались Русь, Самодержавный венец и Глава великого Царства нашего. Кто хочет поразить Главу, хочет поразить все тело. Россия без Самодержавия будет великим трупом, который расклюют хищные коршуны. Недаром в то время, когда

мы слышали крики «долгой Самодержавие», торжествующие преждевременную победу враги наши кричали также «мы растопчем русский народ». Недаром в то время, когда оскорблялись храмы наши, когда расстреливались и разрывались царские портреты, одновременно с этим поднимались портреты Гирша и Ротшильда и православный русский народ, как рабов, заставляли поклоняться им и кричали: Вот «цари наши и ваши». Господа, поражая Самодержавие, нам готовят иноземное иго». Декан юридического факультета Императорского Новороссийского университета П.Е. Казанский (1866—1947) в книге «Власть Всероссийского Императора» писал о том, что враждебные России избрали пролетариат орудием сокрушения страны.

Монархисты критиковали абстрактный социализм, отождествляя его с марксистской социал-демократией. В их социально-футурологической перспективе он предстал некоей враждебной универсальной силой, призванной вобрать энергии социалистического и эгалитарного протеста. Правые видели, что в России «весь напор идет со стороны социал-демократии» (П.Л. Ухтомский), и что «социал-демократическая партия — это зерно нашей революции» (митрополит Владимир). Они видели опасность, побаивались последствий ориентации марксистов на промышленный пролетариат, но взамен ничего не могли предложить трудящимся. Социалистическое движение представлялось им дикой и возмутительной атакой на их строй. Монархист, протоиерей И.Г. Айвазов так описывал эпоху рождения социализма. Из горнила Французской революции на арену вышла так называемая демократия, под знаменем сперва рационализма, а затем и естественно-научного материализма вступив в борьбу с христианством «за обладание миром». В XIX в. благодаря немецкому экономисту К. Марксу эта идеология воплотилась «в новейшее мировоззрение, получившее название научного социализма или экономического материализма». Пока шли споры теоретиков, в обществе крепили и консолидировались две самые мощные силы, которые и должны были решить: в чьих же руках окажется власть — в руках буржуазии или пролетариата. Буржуа-

**Икона Божией Матери Самодержавная.
Конец XIX в.**

зия России, еще не вполне сформировавшись как класс, пришла к эпохе революций 1905—1917 гг. со смутными и неопределенными политическими целями. По словам Г. Федотова, эта новая сила «не предъявляла никаких притязаний на власть».

Это не так. К 1917 г. в российском обществе созрели предпосылки для решения вопроса о власти, на которую претендовали три силы: 1) царь и монархические круги; 2) буржуазия и ее партии; 3) революционеры, крестьяне и пролетарии. Каждая из них была свято убеждена, что историческая правда на их стороне. У участников конфликта возможности договориться практически не было. 50—85 % всех властных структур (монархисты, высшая бюрократия, т.п.) были помещиками. Правда, к началу века эта часть общества заметно оскудела, но тем яростнее цеплялась она за остатки силы, влияния, равно как и собственности. А как говаривал еще Макиавелли, «люди обыкновенно скорее забывают смерть отца, чем потерю наследства». И далее: «Если не трогать имущество и честь людей, то они вообще довольны жизнью, и приходится бороться только с честолюбием немногих, которое можно обуздать разными способами и очень легко». Но в России как раз и случилось то, что надо было затронуть и собственность и «честь» верхних эшелонов

власти. Буржуазия хотела убрать от власти монархистов, ибо те мешали им всем заправлять и умножать их капиталы. Однако против нее были настроены не только монархисты, но и разночинное чиновничество, живущее взяткой и цеплявшееся за царизм как за спасительную соломинку. Наконец, против тех и других выступала разношерстная команда революционеров (меньшевики, эсеры, большевики). Желая захватить власть, те используют силы пролетариата, солдат, матросов, крестьян, одним словом, всю неимущую братию, включая люмпенов, в качестве дубинки. Вопрос стоял на удивление просто: кто из них победит? Падет монархия в результате атак буржуазных легионеров или красногвардейских толп? Вопрос отнюдь не риторический.

Гораздо позже, спустя 35 лет после крушения монархии в России известный русский философ И.А. Ильин задавался вопросом: «Почему же сокрушился в России монархи-

Молитва о грядущем Государе

Большая монархия

ческий строй?» Среди причин он называл природный анархизм народа, его нежелание более терпеть, отсутствие в нем дисциплины, недостаток крепкого и верного монархического правосознания, многое другое. Он писал: «Монархический лик русского простонародного правосознания как бы поблек и исчез в смуте, а вперед выступила страшная и кровавая харя всероссийской анархии». При всей кажущейся справедливости упреков Ильина они неверны в сути своей. В народе это монархическое сознание исчезало, испарялось вместе с новыми поражениями и палаческими действиями монархии, ее слуг. А эксплуатировать образ абстрактной монархии вечно нельзя. Монархия везде конкретна, а на Руси тем более. Этот царь оказался на редкость слабым, неумным, неумелым. Естественно, облик его «поблек». Усилия сторонников конституционной монархии сохранить самодержавие были тщетны. Это не удалось сделать ни Победоносцеву, обер-прокурору Синода, «идейному Дон Кихоту», стороннику неограниченного самодержавия, сражавшемуся против социалистов, нигилистов, либералов, критику «говорильни» (земства), ни П.А. Столыпину, ни предпринимателям-монархистам, ни даже господам банкирам. Политически правые силы слабо консолидированы, отличались шовинизмом, узостью мышления и больше занимались склоками и сведениями счетов с соперниками. Дело же было вовсе не в том, чтобы попытаться создать на земле рай, который, как уверяет К. Поппер, «неизбежно приводит к созданию преисподней».

Россия менее всего напоминала рай. Тут все и проще и прозаичнее: надо было из преисподней сделать нечто, что хотя бы отдаленно походило на разумную цивилизацию.

Слабость самодержавной власти заключалась и в том, что государь в России попал в полную зависимость от ближайшего окружения, чиновников и слуг. В свое время еще де Кюстин в книге «Россия в 1839 году», говоря о тирании бюрократии в России, писал (и, видимо, справедливо): «Из своих канцелярий эти незаметные тираны, эти деспотичные пигмеи безнаказанно угнетают страну, даже императора, стесняя его в действиях; тот хоть и понимает, что не столь всемогущ, как о нем говорят, но, к удивлению своему (которое желал бы сам от себя скрыть), порой не вполне сознает, насколько ограничена его власть. Болезненно ощущая этот предел, он даже не осмеливается сетовать, а ставит ему этот предел бюрократия, страшная всюду, ибо злоупотребление ею именуют любовью к порядку, но в России более страшная, чем где-либо». Более других самодержцев России к данному типу подходил Николай II. Итог очевиден: от него, как от зачумленного, готовы были отшатнуться даже свои. Почти все были единодушны в неприятии самодержавия и режима Николая II. Нелицеприятную оценку правления Николая II и самодержавия давал и известный царский генерал К. Дитерихс. Он утверждал, что, начиная с Екатерины I, русские цари, помазанники Божии все дальше и дальше отдалялись от простоты общения с народом. Это отчуждение от народа привело к тому, что царь стал уже не отцом народа, а политиканом, личным самодержцем. Иначе говоря, он превратился в инородное тело для России, утратил «духовное обязательство служения людям». Он был не нужен уже никому, кроме своей семьи. Именно эта сторона его личности и деятельности обычно выпадает из оценок современников. Тогда и сейчас люди обычно переводят русло разговора в личные, житейские характеристики. Мол, был царь вполне приличный и не злой человек. Одним словом, будто пред нами какой-то Акакий Акакиевич.

Вот что говорила о нем К. Битнер, учительница царских детей в Тобольске (в сви-

Вырубова и царица

детельских показаниях следователю Н.А. Соколову). «Государь производил на меня чарующее впечатление. Он был человек образованный, весьма начитанный. Он хорошо знал историю. Он производил впечатление человека необычайно доброго и совсем простого. В нем не было ни малейшей надменности, заносчивости. Он был замечательно предупредительный человек. Если я иногда по нездоровью пропускала урок, не было случая, чтобы он, проходя утром через нашу комнату, не расспросил бы меня о моем здоровье. С ним я всегда чувствовала себя просто, как век знала, привыкла к нему. Он вызывал у меня чувство, что хочется сделать ему что-нибудь приятное. Так он относился ко всем окружающим его. С офицерами нашего отряда он был прост, вежлив, корректен. У него была поразительная выдержка характера. Его недостаток, мне думается, заключается в его бесхарактерности, в слабости характера. Он, видимо, сам не решал никаких вопросов, не посоветовавшись с Александрой Федоровной. Это была его обычная фраза: «Я поговорю с женой». Он, мне думается, не знал народа. У него было такое отношение к народу: добрый, хороший, мягкий народ. Его смутили худые люди в этой революции. Ее за-

правилами являются «жиды». Но это все временно. Это все пройдет. Народ опомнится, и снова будет порядок».

Ускорило падение отсутствие у Николая сильной гражданской воли, без которой на Руси на престоле делать вообще нечего! Сказано же в Библии: «Над многим тебя поставлю» (Матфей 25: 21). Но тогда за многое с тебя спросится! «Кто сеет привилегии, пожинает революции» (К. Тилье). Весь трагизм ситуации состоял в том-то, что правящие слои всячески препятствовали получению права остального народа на достойную жизнь и в конечном счете и довели Россию до революции. Полагать, что империя «столетиями стояла скалой» — и рухнула «в три дня» или «слиняла в два дня», — конечно, пустое объяснение, непозволительное даже неразумному дитяти, не то что ученому или политику.

Показательно, что с именем Николая II стали связывать все беды в России. Такова психология народа — во всех бедах винить царя-батюшку. Царь давно уже выглядел в глазах российской, мировой общественности как позор России, как ее наказание и даже

Портрет Распутина

Николай II с женой

проклятие. Такая же картина складывалась в СССР в России и в эпоху жалких «самодержцев» конца XX в. Интересные воспоминания о Николае II оставил А.Ф. Кони: «Перебирая впечатления, оставленные во мне павшим так бесславно Николаем II и, быть может, обреченным на гибель, и воспоминания о его деятельности как человека и царя, я не могу согласиться ни с одним из господствующих о нем мнений. По одним — это неразвитый, воспитанный и укрепившийся в безволии человек, соединявший упрямство с привлекательностью в обращении: *un charmeur* (франц. — очарователь). По другим — коварный и лживый византиец, признающий только интересы своей семьи и их эгоистически оберегающий, человек, недалекий по кругозору, неумный и необразованный. Большая часть этих определений неверна... Можно сказать, что из пяти (качеств) мыслительной способности человека: инстинкта, рассудка, ума, разума и гения, он обладал лишь средним и, быть может, бессознательно первым. Мне думается, что искать объяснения многого, приведшего в конце концов Россию к гибели и позору, надо не в умственных способностях Николая II, а в отсутствии у него сердца, бросающемся в глаза в целом ряде его поступков». Добавим сюда и еще одну характеристику, составлявшую, на мой взгляд, главную суть его натуры. Как сказал один из правых членов Государственного совета о Николае II в 1906 г.: «Это трусость, он — трус!» («*C'est un lache, et un lacheur*»). Если мы соединим две эти половинки, мы получим, как мне пред-

ставляется, и самую точную характеристику последнего царя, Николая Романова — бессердечный трус и эгоист!

Важным моментом было и то, что Николай стал ассоциироваться в сознании общества как полное ничтожество и «баба». Народ рассуждал просто, обсасывая иные «подвиги» Распутина в кругу Анны Вырубовой и царицы: «Как царь такое похабство у себя в доме терпит?!» В 1922 г. в Лондоне вышла небольшим тиражом книга Ю. Ден «Подлинная царица», где показан характер многочисленных и грязных сплетен, что подобно потоку нечистот подмывали здание монархии. «До меня доходили самые отвратительные сплетни, касающиеся Ее Величества: якобы в порыве жертвенности Она сама отдалась Распутину и отдала ему милых своих Девочек для того, чтобы доказать, что плотская жертвенность угодна Богу». В русских штабах все показывали листовки немцев, на которой Вильгельм метром измеряет длину снаряда, а Николай, стоя на коленях, меряет длину детородного органа у Распутина. Оставим это прочь, но... Вместо того чтобы предстать в образе победителя (мужика и героя), он предстал в роли вечного неудачника. Николашку бьют и «имеют» все, кому не лень (япошки, европейцы, немцы, Распутин, евреи). Но слабый царь для России страшнее чумы. Пусть уж лучше его управляют кухарки, чем такие цари.

Среди множества причин поражений России заметную роль играл и личностный фактор. Можно сказать, две «особы дамского пола» погубили старую Россию — Европа и Александра Федоровна... Роль царицы оказалась роковой. Всем женщинам свойственно желание повелевать. Если умные ограничиваются чаще лишь сердцем и кошельком мужчин, иным подавай еще и царство. Это была нервная, психически не уравновешенная женщина, склонная к гипнотизму. Как сказала о ней одна из дам, Занотти: «Государыня была больна, как мне кажется, истерией... Чем именно питалась истеричность императрицы, я не могу сказать. Может быть, у нее была какая-либо женская болезнь (вокруг нее все время вились гипнотизеры, целители, шушера)». Русская царица, что случается с недалекими, но властными женщинами,

Александра Федоровна

чувствуя слабость мужа, решила выступить, видимо, в роли то ли Клеопатры, «жены Цезаря», то ли Екатерины Великой. Оскар Уайльд заметил: «Семья чаще всего распадается от здравомыслия мужа». Не знаю, от чего та распадается (причин не счесть), самодержавная Россия распалась от недомыслия царя.

Александра Федоровна решила подчинить себе почти полностью деятельность правительства и монарха. Современник писал: «В сущности, известно только одно лицо, сумевшее вполне овладеть личностью последнего русского монарха. Это была жена, императрица Александра Федоровна, Аликс, как звали ее император Николай и неофициально вся царская семья. Эта полубольная женщина постепенно завладела умом, сердцем, всеми поступками и мыслями мужа, который перед ее волей стушевался окончательно. Впитав в себя преклонение перед самодержавием и веру в какую-то неземную связь русского царя с его народом, она приблизила к своей царственной семье Распутина, простого сибирского мужика, который вследствие своего крайнего невежества и аморальности явился проводником к царскому престолу самых темных влияний, сгубивших в конце концов Россию». Но ведь дамы в подобных ситуациях нередко и сами становятся «рабами рабов».

Царь выпустил из рук бразды правления страной. С 1915 г. прослеживается особенно настойчивое вмешательство царицы и Распутина в министерские назначения, и оно «все усиливается в геометрической прогрессии». «Подумай, женушка моя, — писал Николай II Александре Федоровне 25 августа 1915 г. — не прийти ли тебе на помощь муженьку, когда он отсутствует? Какая жалость, что ты не исполнила этой обязанности давно уже или хотя бы во время войны! Я не знаю более приятного чувства, как гордиться тобой, как я гордился все последние месяцы, когда ты неустанно докучала мне, заклиная быть твердым, держаться своего мнения». Один из эмигрантов, крупный историк, монархист по убеждениям, изучая переписку царицы, отмечал: «Письма царицы в полной мере подтверждают, что Александра играла решающую роль в установлении курса внутренней политики и в деле правительственных назначений». День за днем, сначала неопределенно, но затем «все с большей уверенностью эту роль (т.е. роль преемника самодержца. — Ред.) приняла на себя императрица Александра Федоровна». К тому же, Николай II был еще и упрямее мула... С. Мельгунов заметил: «На условные традиции Двора могли оказывать влияние и личные свойства монарха: как часто бывает у людей слабой воли, Николай хотел царствовать «сам». Однако во всем и всегда он невольно подчинялся более властной жене». Советы великих князей, как и просьбы о конституции, были отклонены. Разговор родных сестер — царицы и Елизаветы Федоровны, на долю которой в июле 1918 г. также выпадет ужасная судьба, закончился скандалом. Хлопнув дверью, Елизавета Федоровна бросит своей сестре пророческую фразу: «Вспомни судьбу Людовика XVI и Марии Антуанетты». Мария Федоровна говорила о сыне: «Царь слушает лишь льстецов». С царской четой в резкой форме говорил и великий князь Александр Михайлович. Он посоветовал царице ограничить заботы чисто семейными интересами и не лезть в государственные дела. «Я вижу, вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем! — воскликнул вскипевший князь и добавил: — Но не забывайте о нас! Вы не имеете право увлекать за собой ваших родственников в

пропасть!» Не помогли ни уговоры матери царя, Марии Федоровны, ни советы брата и царских дядьев.

Негативную роль в событиях тех лет сыграл Распутин. Конечно же, не стоит демонизировать эту фигуру. Современник, к слову сказать, разделявший мнение тех, кто хотел убить старца, писал: «Императрица — нервная женщина, и часто бывали люди, которые имели на Нее влияние, но никто никогда не имел подобного влияния. Распутин действует даже не только непосредственно на государя. Сила его такова, что я

видел, как государь, когда императрица шла от Распутина требовать от него чего-нибудь, прятался от нее, так как знал, что не в силах будет отказать. Эта сила обнаружилась не сразу, но теперь она в полном развитии, и никто Распутина не сможет заменить; поэтому устранение Распутина будет иметь хорошие последствия. Если Распутин будет убит, императрицу придется через несколько дней посадить в дом для душевнобольных; ее душевная жизнь поддерживается только Распутиным; она вся рассыплется, когда его уберут; а если императрица будет сидеть в

Посещение царским семейством госпиталя

больнице и не сможет влиять на государя, то по своему характеру он будет очень недурным конституционным государем».

Не думаем, что Николай II был в восторге от этого. Известны его письма, где он умолял жену не вмешиваться бесцеремонно в государственные дела. Однако тут же он поступал и наоборот, идя на поводу у любой ее прихоти и пожелания. Дочь П.А. Столыпина вспоминала, как морщился ее отец всякий раз, когда слышал о Распутине, хотя при нем тот еще не достиг такого влияния на царя и царицу. Он говорил: «Ничего сделать нельзя. Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя. Но вот что он мне недавно ответил: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». Конечно, все дело в этом». Столыпин пришел к царю и потребовал удаления Распутина от двора, указав на непристойное поведение последнего в кругу отнюдь не самых достойных дам, а император на это заметил: «Я знаю, что он и там (в банях) проповедует Священное Писание». Когда же тот ушел, царь бросил в камин доклад с компроматом на Распутина, что был собран полицией. Влияние «нечистой силы» росло... Вскоре Александра Федоровна стала активно вмешиваться в дела государства. И Николай это поощрял. Министерская чехарда стала показателем все усиливающегося кризиса власти (за время Первой мировой войны в России сменились 4 премьера, 6 министров внутренних дел, 4 военных министра, 4 министра юстиции). Учитывая краткость его пребывания в столице (9 месяцев — в Ставке, 4 месяца — в разъездах), вопреки логике и даже чувству самосохранения, Николай II поручил царице функции контроля и надзора. «На твоей обязанности, — писал он царице в 1916 г., — лежит поддерживать согласие и единение среди министров — этим ты окажешь огромную пользу мне и нашей стране! О бесценное солнышко, я так счастлив, что ты наконец нашла себе подходящее дело. Теперь я, конечно, буду, спокоен и не буду мучаться, по крайней мере, во внутренних делах». А ведь еще великий Владимир

Мономах внушал своим сыновьям: «Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой».

Ситуация в стране складывалась драматическая. Царское семейство («семья») все более воспринималось как злейший враг России, который может ее погубить и привести к революции. Против Николая была настроена даже его мать. Надо ведь постараться, чтобы мать стала в ряды твоих противников. Известно отношение вдовствующей императрицы Марии Федоровны (Дагмар, супруги Александра III и матери Николая II) к тому, что происходило в семье царя. Витте выделял в ней такие качества как ум и дипломатические способности. Умница, она еще обладала редким обаянием. Мария Федоровна вела большую попечительскую и благотворительную деятельность, возглавляя Отдел институтов императрицы Марии, Общества Красного Креста, помогая, в частности, Марининской больнице для бедных в Москве. Мария Федоровна пользовалась, в отличие от императрицы, жены Николая и самого Николая II, большой симпатией в самых различных кругах. Она умоляла сына расстаться с Распутиным, прося запретить царице вмешиваться в государственные дела. В адрес своей невестки говорила: «...несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвести несчастье». Та возомнила себя Екатериной III.

Императрица и Распутин вмешивались даже в военные решения... 25 июля 1916 г. она пишет Николаю: «Наш Друг (Распутин) находит, что лучше будет не наступать слишком настойчиво, так как потери будут слишком большими». 8 августа 1916 г.: «Наш Друг надеется, что мы не перейдем Карпат и не будем пытаться захватить их, так как, он повторяет, потери опять будут большими». Николай покорно отвечал: «Я сказал Алексею, чтобы он приказал Брусилову остановить наши безнадёжные атаки». Новейшая история России не знала еще столь позорного подчинения царя и главнокомандующего прихотям темного мужика и обезумевшей императрицы. Этого не позволяла себе и Екатерина Великая, оставлявшая военные вопросы в компетенции

сведущих в этом деле военных. Вскоре царь, правда, отменил прежнее решение, уступая настояниям Брусилова и Алексеева... А чтобы вы могли отчетливее понять и представить себе нелепость подобной ситуации в новую эпоху в принципе, спросите себя: можете ли вы себе представить, чтобы Н.К. Крупская или Н. Аллилуева давали бы Ленину или Сталину указания по военным вопросам или составу правительства?! Впрочем, царица демонстрировала: в полном составе семейство изволило посещать раненых. Жены правительства СССР сидели в тюрьмах, это да.

Распутину и его роли в истории России уделяется слишком много внимания... Возможно, причиной тому «жареные факты», до коих охоча наша публика. Затаив дыхание, сплетницы слушали истории о половой мощи «сибирского гиганта», о том, как он пил ведрами мадеру или как заставлял великосветских красавиц раздеваться догола и мыть в бане у него, простого мужика, чресла и т.п. Будет правильнее сказать другое: в кругах шла ожесточенная борьба за право влиять на царицу и царя. Не случайно вокруг Распутина закрутили дьявольскую карусель евреи. Личным его секретарем был еврей Симанович. Как считал следователь Н.А. Соколов, они тем самым не только увиливали от службы в армии, но и служили тайным целям еврейской диаспоры. Впрочем, тот же Симанович был невысокого мнения о Распутине: «Каким представляли Распутина современники? Как пьяного, грозного мужика, который проник в царскую семью, назначал и увольнял министров, епископов и генералов. К тому же еще дикие оргии, похотливые танцы среди пьяных цыган, а одновременно непонятная власть над царем и его семьей, гипнотическая сила и вера в особое назначение. Это было все!» Л. Тихомиров писал: «Этот Гришка, столь себя рекламирующий как необычайная влиятельная сила, говорят, сам находится на службе у достойной компании — кн. Андроникова, еврея Мануса, и еврея Рубинштейна». Смерть Распутина стала следствием борьбы различных сил. Разные люди, желая управлять Россией, хотели нейтрализовать Распутина и приняли решение убрать влиятельного старца.

Старца хотели убрать. Великий князь Ни-

Спиридович А.И.

колай Николаевич, люто ненавидевший Распутина, в ответ на предложение того приехать в Ставку и освятить икону, телеграфировал «старцу»: «Приезжай. Я тебя повешу!» Говорили, что он даже отдал приказ своим офицерам: «Если же Григорий Ефимович появится в Ставке или хотя бы в прифронтовой полосе, повесить его на первом суку с последующими извинениями перед царской четой». Заговор вызревал давно. Убийство было задумано молодым Юсуповым и явилось результатом сложного заговора, в котором, кроме Юсупова, участвовали великий князь Дмитрий Павлович, монархист М. Пуришкевич, член Государственной думы и промышленник. Распутину убили в квартире молодого князя Ф.Ф. Юсупова, в доме его отца, на Мойке, в Петрограде. Убийство описано в монографии «Распутин», написанной А.И. Спиридовичем, начальником дворцовой охраны царя. Та опубликована в Париже (1935). А.И. Спиридович описал историю его убийства... В ночь на 17 декабря 1916 г... «Продиктованное любовью к родине, наивно задуманное с целью спасения России, плохо и несерьезно продуманное, выполненное же гадко и аморально, это убийство явилось не спасением России, а началом ее гибели. Стрельба по Распутину явилась первым выстрелом русской революции и даже больше».

В ту роковую ночь князь Юсупов, прельстив Распутина обещанием познакомить его со своей женой (в действительности та нахо-

дилась в Крыму), привез его к себе в гости, где для него уже была приготовлена западня. Юсупов услаждал Распутина пением цыганских романсов под аккомпанемент гитары, усердно угощал отравленным цианистым калием вином и пирожными. Распутин пил и ел много, но яд не действовал. Обескураженный князь посоветовался с сообщниками. Вынул револьвер. Заинтересовав Распутина красивым распятием, он дважды выстрелил в него, когда тот рассматривал распятие. Тяжело раненный, Распутин упал, но когда Юсупов стал его ощупывать, он очнулся, поднялся. В ужасе Юсупов побежал к сообщникам. Распутин как-то выбрался во двор и направился к воротам. За ним погнался Пуришкевич. Сделав по нему несколько выстрелов, добил. Над трупом еще и надругались. Юсупов пережил нервный припадок. Затем труп втащили в дом. Во двор заглянул привлеченный выстрелами городской. Ему ответили сначала, что ниче-

го не случилось, а затем Пуришкевич, назвав себя, объявил ему, что это он убил Распутина, и просил никому об этом не докладывать. Городовой ушел. Труп одели в шубу, завернули в ковер, свезли на Петровский мост, что через Невку. Участвовали: доктор Лазаверт, служившие у него в санитарном поезде поручик Сухотин, солдат из поезда, сам Пуришкевич. Доставил их туда великий князь Дмитрий Павлович на своем автомобиле. Там труп бросили в реку, в полынью, что заранее облюбовал Пуришкевич. «Казалось, что теперь, в буквальном смысле и «концы в воду». Но это только казалось». Оценки Спиридовича имеют особый вес, если вспомнить, что тот был главой Киевского охранного отделения, когда при его прямой и «неусыпной бдительности» Богров, еще один «друг России», убил Столыпина. Смерть Распутина вызвала бурю ликования в светских кругах... «...Офицерство в Ставке ликует. В столовой потребовали

Окружение Распутина (из наставляемых им дам)...

Феликс Юсупов

шампанского. Кричали ура». Глупо создавать вокруг этой фигуры ореол величия и мистической тайны. Нелепы слова Керенского: «Без Распутина не было бы Ленина». Нелепы инсинуации иных «разоблачителей тайн». Но это нравится толпе, что разломала на похоронах крышку гроба «святого старца» и растащила ее на сувениры. Но и представлять его в образе невинного мученика с «искренним сердцем и правдой веры» глупо.

Куда важнее политические аспекты убийства... Распутин трезвым умом мужика понял, что война кончится трагедией для России и монархии. В последнее время возникла версия, что Распутин мог быть причастен к секретным переговорам с немцами о возможности сепаратного мира с Германией. К нему в июне 1916 г. из Берлина отправилась делегация, «неофициально, для связи с элементами русского двора, которые имели стремление добиться заключения сепаратного мира с Германией». Целью поездки балтийского барона Эстена, члена тайного общества «Балтикум», и прибывшей с ним в Петроград группы стало: «Воспользоваться тяжелым внутренним положением России и предупредить влиятельные элементы русского двора, что от грядущей революции может спасти только выход России из войны с Германией и

некоторые внутренние реформы. Ему было поручено в случае необходимости, работать вместе с другими лицами над проведением дворцового переворота и устранением Николая II от трона, так как последний был лично противником сепаратного мира с Германией». Угроза революцией выглядела как открытый шантаж русской монархии... Тем временем множились слухи о наличии измены в царской семье. Говорили о наличии прямого телеграфного кабеля между Петербургом и Берлином. Это обеспокоило военных, и те решили проверить. Председатель Петроградской цензурной комиссии Адабаш решил нарушить покой датских граждан и 14 июня 1916 г. дал указание об удалении иностранных граждан от обслуживания кабеля на русской территории. Русские специалисты внимательно изучили устройство системы и, к изумлению, действительно обнаружили якобы случайное подключение германской телеграфной сети к аппаратам станции в Александровске. В тот же день они приняли 14 немецких телеграмм (в том числе и шифрованных), отправленных из Берлина и Щецина! Было возбуждено расследование. Возникал вопрос: кто посылал и кто получал телеграммы? Несомненно, что речь шла о выходе России из войны, даже, возможно, о тайном дворцовом перевороте... К концу декабря 1916 было решено подписать сепаратный мир с Германией! Англичане и французы, конечно, этого допустить не могли.

Стали известны новые сенсационные факты о его смерти. Оказалось, в убийстве Распутина, сторонника прекращения войны с Германией, принимали активнейшее участие английские разведчики О. Рейнер, Дж. Скейл и др. Вероятно, они спланировали убийство и тайно направляли его. Мотив действий понятен. Англичане не могли допустить, чтобы немцы перебросили на Западный фронт 350—500 тыс. войск. Английский медэксперт Дж. Кален и русский коллега В. Жаров провели обследование тела Распутина. Они обнаружили на лбу убитого след от третьего, по сути, контрольного выстрела. Пуришкевич и Юсупов сделали два выстрела, третий же, вероятно, сделал друг Юсупова, английский разведчик О. Рейнер.

Депутат Думы М. Пуришкевич

Великобритания, естественно, хотела предотвратить любую возможность заключения мира с немцами, когда еще можно было что-то сделать. В декабре 1915 г. Распутин написал царю: «Я чувствую, что расстанусь с жизнью еще до 1 января следующего года. Государь земли Русской, если ты услышишь звон колокола, который возвестит тебе, что Григорий убит, ты должен знать, что, если это будет твой родственник, который причинил мне зло, тогда никто из твоей семьи, никто из твоих детей не останется в живых. Не пройдет и двух лет, они будут убиты русским народом». Повторяю, интимная сторона жизни Распутина не интересна. Оставим ее извращенцам желтой прессы. Убили его самые что ни на есть представители «голубых кровей», высших дворянских семей — бездельник-князь, герой бомонда Ф. Юсупов, капиталист М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. Ну, не символично ли это: три столпа монархии! Когда Дмитрия Павловича спросили, нет ли на нем крови, тот клялся и божился, что нет: «Вот те крест!» Именно политическая деятельность и вызвала насильственную смерть Распутина, а вовсе не то, что он, как пишет Э. Радзинский, прогневил Бога, «соединив секс с молитвою».

По словам А. Блока: «Пуля, прикончившая Распутина, попала в самое сердце царствующей династии». Поэт явно преувеличил значение события. Утверждать, что убийство Столыпина и убийство Распутина

сокрушили Россию?! Конечно, не их смерть сокрушила царя и династию. О смерти Распутина одна из эпиграмм тех лет скажет и проще и точнее: «...И нет Григория. Sic transit gloria» (лат. — «Так проходит слава»). Политический и социальный строй императорской России сначала пошатнулся, а затем и рухнул в силу, разумеется, куда более серьезных причин и факторов. Бездарность власти, бремя мировой войны, атмосфера взаимной ненависти и подозрительности среди политиков, их аморальность и авантюризм, но главное — упорная борьба трудовых масс против царского режима, их ненависть к самодержавию, утысаченная страшными жертвами, понесенными в войнах, и ускорили приход русских революций. Было очевидно: колокол звонил не по Распутину. Звонил по монархии и царскому режиму. Звонил по старой России!

Распутина добил британский шпион О. Рейнер

Труп Распутина

Николай II — Государь всея Руси

Надежды царя, дворян, буржуазии на победоносную войну развеялись, как дым. Все, без исключения, авторы согласны с тем, что решающие условия для революции сложились после вовлечения России в мировую войну. Таким образом, говоря словами У. Черчилля, Николай II «везде потерпел поражения». А надо знать психологию нашего народа. Россия скорее смирится с тираном, но с тираном сильным, властным, упрочившим ее политическое, военно-экономическое, духовное могущество, чем воспримет безвольную бабу-демократку. Если слаб, не можешь быть царем, президентом, премьером — уйди в небытие, не губи народ России!

Общественно-политическая обстановка в России накануне 1917 г. указывала: революция назревала, близилась иная эпоха. Генерал Брусилов писал: «Господь мой!.. Где Россия, где моя страна, прежняя армия?.. В то время я еще не понимал, что революции нашей, русской, уже нет, что не она нас прихлопнула окончательно, дело нахлынуло совсем иное — всемирная борьба антихристианская, желающая уничтожить весь свет Христов во имя тьмы сатанинской. Совершенно для меня ясно, что не только многие большевики, но и множество евреев решительно не знают, в каком тупике очутились, на кого работают! Кто-то верно сказал, что большевики очутились в темной прихожей того большого антихристианского движения, которое ими руководит, и

они сами не знают, кто дает им свои директивы. Не знаю и я, масоны это или сам сатана!» Вот и любимец государя, его флаг-капитан, адмирал К.Д. Ниллов пророчески заметил: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было». Барон Н.Е. Врангель, элитарный гвардейский офицер, верой и правдой служивший России, в роду которого в Европе 7 фельдмаршалов, 7 адмиралов и более трех десятков генералов, так описал состояние, в котором оказалась страна перед Февральским переворотом: «Наступил 1917 год, четвертый год кровопролитной, небывалой по своей жестокости войны. Погибли уже миллионы людей. Народ страдал, мечтал о мире, но, верный еще своему Царю, терпеливо нес тяготу. Армия, еще мощная, веками сплоченная, закаленная в боях... истекала кровью. Но победы не было, оружия и снарядов не хватало... Царь Николай II царствовал, был Верховным главнокомандующим, но государством не правил, армией не командовал, быть самодержцем не умел. Государством правила его жена, а ею правил Распутин. Распутин внушал, Царица приказывала, Царь слушался... Дурно управляемая страна беднела, роптала, приходила в уныние... Излишними необдуманными наборами деревни были опустошены, поля оставались невозделанными. Реквизированные для нужд армии продукты гнили на местах. Промышленность нелепо исполненной эвакуацией была расшатана. Десятки тысяч рабочих были лишены заработка. Миллионы запасных и новобранцев, без надобности призванные, наполняли города. Скверно кормленные, плохо одетые, размещенные в тесноте и грязи, они оставались без присмотра, делу не обучались, томились от бездействия и развращались. Словом, разруха была во всем, и всем становилось очевидно, что рано или поздно катастрофа неминуема; но близости ее никто не предвидел».

В России все были «задеты революционностью», хотя многие находились в состоянии «политического младенчества» (Б. Зайцев). Это ощущали представители монархического лагеря. В январе 1917 г. Маклаков передал царю записку члена Государственного совета Говорухи-Отрока, где дана точ-

ная, мы бы даже сказали, пророческая картина того, что может случиться с Россией. Отстаивая идею сохранения и укрепления неограниченной монархии, автор просил не обольщаться в отношении либерально-демократических сил: «Будет ли собрана Госдума в январе (1917), будет ли она вновь распущена, будут ли продлены ее полномочия или назначены новые выборы, положение остается столь же нетерпимым, как и в настоящее время!.. Оно, несомненно, будет даже ухудшаться с каждым днем, и перед Монархом... и правительством будет стоять все та же трудноразрешимая задача: остановить ли поступательное движение в сторону демократической республики либо положить на волю Божию и спокойно ожидать государственной катастрофы. В обществе и даже в среде самого правительства последних лет в этом отношении существует довольно прочно установившееся убеждение, что стоит Монарху даровать действительные, настоящие конституционные права и гарантии, пойти навстречу заявленным требованиям об ответственном министерстве... тотчас же настанут для России светлые дни... Такого рода мнение совершенно ошибочно, и вовсе не потому, как думают некоторые из представителей противоположного течения мыслей, что цели... умеренно либеральных партий... идут гораздо дальше фактического захвата ими власти... Дело в том, что сами

эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно... Совершенно иное положение партий левых... Несмотря на совершенную нелепость их настоящих представителей в Думе, несмотря даже на то, что нет такого с.д. или с.р., из которого за несколько сот рублей нельзя было бы сделать агента Охранного отделения, опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная. Эта толпа часто меняет свои политические убеждения, (она) с тем же увлечением поет «Боже, Царя храни», как и орет «Долой самодержавие», но в ненависти к имущим классам... в так называемой классовой борьбе — толпа эта крепка и постоянна; она вправе потом рассчитывать на сочувствие... крестьянства, которое пойдет за пролетариатом тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю...» Согласитесь, довольно верное понимание интересов большинства русского народа (крестьян и пролетариата). Но министр внутренних дел назвал мысли «отрока» чистейшей утопией. Далее монархист продолжал свои рассуждения: «Можно без всякого преувеличения сказать, что обнародование акта (т.е. акта о создании ответственного министерства) сопровождалось бы прежде всего, конечно, полным и окончательным разгро-

И.Е. Репин. Заседание Государственного совета в день 100-го юбилея. 1903 г.

Да здравствует революция!

мом правых партий и постепенным поглощением партий промежуточных..., партией кадетов, которая поначалу и получила бы решающее значение. Но и кадетам грозила бы та же участь. При выборах в пятую Думу эти последние, бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие все свое влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева... А затем... Затем наступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погром имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник. Можно бы идти в этих предсказаниях и дальше, и после со-

вершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление самодержавной царской, но уже мужичьей власти в лице нового царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского, коему уготована была бы судьба Галиции и Хорватской Руси». Умный противник социалистов и либералов внутренним чутьем ощутил ход истории. Немного уж осталось до начала поголовной резни, воцарения анархии, а затем и появления в России «мужичьей власти» в лице «нового царя». Одним словом, все, так или иначе, подталкивали монархию к пропасти. По словам А.И. Деникина, «врагом народа его (Николая. — *Ред.*) считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты...». Одни делали это совершенно открыто и вызывающе, другие же осторожно, трусливо, коварно, с оглядкой. Но более всего постарались сам царь Николай II и его супруга, которые и привели страну и монархию в конечном итоге к гибели.

Путь народов к миру стал возможен через революцию и Гражданскую войну трудящихся против угнетателей. В.И. Ленин в годовщину первой русской революции на собрании рабочей молодежи в Цюрихе сказал (9 января 1917 г.): «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией». Его предвидение, как известно, вскоре сбылось. Пройдет немногим более месяца, и в России в феврале 1917 г. произойдет буржуазно-демократическая революция. Самодержавие будет низвергнуто. Затем придет Октябрь, где гегемоном революции будет рабочий класс, а руководителем и организатором — партия большевиков.

Глава 25. Февральский буржуазный переворот в России. Низложение Николая II

Напряжение в стране нарастало... Сегодня иные пытаются уверить в том, что линия на национальное согласие была определяющей в политическом курсе буржуазии. Называют и имя Милюкова, который, «как и вся культурная элита страны, поддержал патриотический порыв, заявив, что в такой момент все различия между партиями должны уйти в тень... Французы называют этот *L'Union sacrée* — священное единение». Газета крупного бизнеса «Утро России» провозгласила, что с начала войны в стране якобы «больше нет ни правых, ни левых, ни правительства, ни общества, есть лишь единая Русская нация». Октябристский «Голос России» взывал, патетически бия себя в грудь: «Настал момент, когда все партийные различия отходят на второй план, в России может быть лишь одна партия — Русская». В первые месяцы, возможно, эти настроения превалировали. Но скоро буржуазия и бюрократия забыли о национальном единстве и интересах страны и стали реализовывать собственные финансовые и политические интересы. Те, кто больше всего кричал о нуждах родины, оказались в числе предателей и изменников. Истина требует — сорвать с них лживую маску демократов и патриотов. П. Милюков в политическом плане мелок, тщеславен и злопамятен. Сей масон всегда работал против России, стремясь развалить и погубить ее. Перед нами — человек абсолютно беспринципный, предатель и интриган. И эти ничтожества, лишенные чести и совести, еще пытались наставить Россию на путь парламентаризма! Сегодня более всех о парламентаризме, свободе говорят у нас в России те, кто больше всех обогатился в ходе дикой, грабительской приватизации.

От царизма отшатнулась и либерально-демократическая элита, к которой принадлежал и уже упомянутый нами П.Н. Милюков (1859—1943). Судьба П.Н. Милюкова во многом показательна для нашей интеллигенции... Дворянин, православный, русский. Учился на Историко-филологическом факультете Московского университета. Затем был аре-

П.Н. Милюков

стован за участие в студенческом движении в 1881 г. и исключен из университета (с правом поступления на следующий год). Выехал в Италию для знакомства с искусством раннего Возрождения. Окончив Московский университет, с 1886 г. работал там приват-доцентом, и в 1892 г. защитил магистерскую диссертацию по реформам Петра Великого. Тогда же награжден премией С.М. Соловьева. Он трудился на ниве образования, самообразования, писал в «Русской мысли», «Вопросах философии и психологии», в газете «Русские ведомости». Член Общества истории и российских древностей, Московского археологического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1895 г. уволен из Московского университета (за цикл лекций «Об общественных движениях в России») без права преподавания... Милюков, заметная фигура тех лет, работал в ссылке над трудом — «Очерки по истории русской культуры». Царское правительство выслало его за границу на 2 года (вместо 1 года тюрьмы). Но и в Болгарии и Македонии, где он читал курсы лекций по всеобщей истории, археологии и истории, царизм не

Тюрьма «Кресты»

давал ему работать (по требованию посла России его уволили). Вернувшись в 1899 г. в Россию, он поселился в Санкт-Петербурге. Царизм сажает его в тюрьму в 1901 и 1902 г. (за речи в память о П.Л. Лаврове). Сидел в «Крестах», откуда был освобожден по ходатайству историка Ключевского. В 1905 г. он вновь попал в «Кресты», где просидел 1 месяц за разработку Конституции и за обсуждение в печати положения о Государственной думе. Милюков - инициатор создания партии кадетов, Конституционно-демократической партии (октябрь 1905 г.), автор ее программы партии и фактический ее лидер. Зная эти моменты его биографии, можно понять личную неприязнь и непримиримость Милюкова к институту монархии и к Николаю II. Видимо, не смог простить царю своего заключения в «Кресты». И мстил он за себя, не за Россию.

Стараясь развенчать образ самодержца в сознании народа, он использует для этих целей негативные стереотипы, в одной из статей (1915) не жалея красок при описании тупости и кичливости германского императора Вильгельма II. Кайзер — Гогенцоллерн, характерной чертой которого была и остается кичливая династическая спесь. «Ни один из Бурбонов, ни один из Габсбургов не верил более твердо в свое божественное право

управлять народом по своему усмотрению. Гогенцоллерн может снизойти до того, чтобы пользоваться помощью людей гениальных в ниспосланном ему Провидением деле, но он будет смотреть на этих гениальных людей как на орудие достижения своих целей и тотчас даст им отставку, как только они перестанут быть послушными орудиями». «Я иду своим путем, — объявил Вильгельм в самом начале своего правления, — только мой путь правильный». «Всякого, кто попытается чинить препятствия моим намерениям, я сокрушу». П.Н. Милюков специально показывал Вильгельма II в неприглядном свете, причем делал это так, чтобы читателю было ясно: в умственном и психологическом отношении тот фактически сродни Николаю II. Два сапога пара...

Н.Е. Марков 2-ой вспоминал: «Еще в 1905 г. вожди российского либерализма, масоны Милюков, Струве, Маклаков добились в Париже, чтобы России было отказано в займе для успешного окончания Русско-японской войны, а в 1912 и 1913 гг. недавние пацифисты и пораженцы выказывают себя показными патриотами, требуют скорейшего создания Черноморского Флота, заговаривают о проливах и Константинополе, напоминают об исторической миссии России на Балканах». Эти люди и втирали

Россию в войну, а затем ее предали. Миллюков, ярый оппонент царизма перед Февральской революцией, ведет переговоры с великим князем Михаилом Александровичем о сохранении монархии, затем кончает тем, что в 1918 г. ведет переговоры с немцами — о борьбе против России. В 1916 г. он резко выступил против действий правительства и вмешательства в дела страны императрицы, произнеся в Думе (1.12.1916) нашумевшую речь «Что это — глупость или измена?». Миллюков обвинил правительство в пособничестве врагу и измене. Любопытна оценка, которую Миллюков дал Николаю, императрице и их окружению: «Николай II был, несомненно, честным человеком и хорошим семьянином, но обладал натурой крайне слабОВОЛЬНОЙ. Царствовать он вообще не готовился и не любил, когда на него упало это бремя. Этикет двора он, как и его жена, ненавидел и не поддерживал. Добросовестно, но со скукой выслушивая очередные доклады министров, он с наслаждением бежал после этих заседаний на вольный воздух — рубить дрова, его любимое занятие. Как часто бывает со слабОВОЛЬНЫМИ людьми — как было, например, и с Александром I, Николай боялся влияния на себя сильной воли. В борьбе с нею он употреблял то же самое, единственно ему доступное средство — хитрость и двуличность. Яркий пример того, как, лавируя между влияниями окружающих, он умел скрывать свою действительную мысль, мы только что видели. Я не знаю, как она сложилась бы, если бы около него не было другой сильной воли, которой он, незаметно для себя, всецело подчинился: воли его жены, натуры волевой, самолюбивой, почувствовавшей себя сразу изолированной в чужой стране и забронированной от всех, кроме тесного круга единомыслящих. Оба супруга сошлись на одинаковом понимании своей жизненной цели как передачи сыну нерастраченного отцовского наследства... Оба не могли не заметить, что идут против течения и, благодаря императрице — «единственному человеку в штанах», как она рекомендовала себя позднее в письмах к Николаю, вступили с этим течением в борьбу, как могли и умели. Это привело к тесному подбору семейных «дру-

зей»; в большинстве это были люди крайне невысокого культурного уровня. Вне этого тесного круга были одни недоброжелатели и «враги». Это была неприступная крепость, доступная лишь воздействию потустороннего мира — в формах юродства и мистики, готовой воспользоваться приемами магии. Какой иной развязки, кроме случившейся, можно было ожидать от этой царственной психологии, скудной идеями и богатой лишь верой в судьбу, предрежденную Промыслом? В критический момент истории в России не нашлось иных людей, способных вывести ее на новый путь ее развития». П.Н. Миллюков выступал противником Первой мировой войны (на словах), однако потом встал на позиции поддержки правительства, гибельного курса «войны до победного конца».

Столь же примечательной личностью был и А.И. Гучков (1862—1936), выходец из купеческой семьи. Отец его работал в конторе Московского банка и был избран старшиной биржевого комитета. Сын окончил историко-филологический факультет Московского университета, учился в двух университетах Германии. Фигура яркая. В нем жил дух авантюризма. Гучков служил членом Московской городской управы, совершил путешествие в Османскую империю, охранял КВЖД в составе казачьего отряда, путешествовал по Монголии, Китаю, Тибету, Средней Азии, участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров, взят в плен англичанами. Затем в ходе Русско-японской войны оказался в плену у японцев. Раненых солдат не покинул и оставался с ними в госпитале до конца. Такой человек повел себя решительно в политике. А.И. Гучков выдвинулся как один из крупнейших деятелей либерального движения в 1905 г., участвовал в создании Союза 17 октября, став идеологом «октябризма». С 1906 г. он председатель ЦК этой партии, участник работы всех ее съездов и конференций. В политическом отношении его относят к сторонникам конституционной монархии, к апологетам «единой и неделимой» империи с сильной центральной исполнительной властью. В 1907 г. А.И. Гучков избран депутатом III Государственной думы, возглавляя свою фракцию и комиссию Думы по обороне.

А.И. Гучков в действующей армии 1915

С марта 1910-го по март 1911 г. он являлся председателем Государственной думы. Характер у него был трудный, что не раз приводило его к столкновениям с коллегами: вызвал на дуэль П.Н. Милюкова, дрался с графом Уваровым, подвергал резкой критике деятельность Военного министерства и Министерства внутренних дел, Синода, великих князей, Распутина. Его высказывание в отношении своей же партии Союза 17 октября лестным не назовешь: «Девять десятых ее — сволочь, ничего общего с целью Союза не имеющая». Эти обличения вызвали ответную ненависть к нему в окружении царя и всей его камарильи. По свидетельству В.Н. Коковцова, Николай открыто радовался провалу Гучкова на выборах в Думу осенью 1912 г. Тем не менее его избирают членом Государственного совета от торгово-промышленной курии в 1915 г. В годы Первой мировой войны Гучков занялся организацией госпиталей, снабжением меди-

каменами, оборудованием, помощью армии (в роли уполномоченного Российского общества Красного Креста). Он являлся членом Особого совещания по обороне государства, создателем и председателем Центрального военно-промышленного комитета. Именно Первая мировая война и убедила его в необходимости смены власти в России. Он говорил об этом 25 октября 1915 г. на заседании президиума Прогрессивного блока, объединившего многих деятелей Государственной думы и Государственного совета в оппозиции к власти. «Режим фаворитов, кудесников, шутов», — так называл он правящие круги России в 1915 г. В августе 1916 г. Гучков делился мнением с генералом М. Алексеевым, оценив самодержавие как «слабую, дрянную, слякотную власть». Однако сам Гучков, как только оказался в правительстве, нанес армии удар, который не смогли нанести японцы и немцы вместе взятые. П.Н. Врангель отмечал: «Первые шаги Александра Ивановича Гучкова в роли военного министра ознаменовались массовой сменой старших начальников — одним взмахом пера были вычеркнуты из списков армии 143 старших начальника, взамен которых назначены новые, не считаясь со старшинством. Мера эта была глубоко ошибочна. Правда, среди уволенных было много людей недостойных и малоспособных, сплошь и рядом державшихся лишь от того, что имели где-то руку, но тем не менее смена такого огромного количества начальников отдельных частей и высших войсковых соединений одновременно и замена их людьми, чуждыми этим частям, да еще в столь ответственное время, не могли не отразиться на внутреннем порядке и боеспособности армии». Или же сегодня: на каждом углу вы услышите «ужасные рассказы», как подло и коварно работали большевики против имперской России, выступая с пораженческих позиций. А кто-нибудь из вас что-либо слышал о том, что те же превозносимые ныне в печати и на ТВ буржуазные круги выступали за наше поражение в Русско-японской войне?! Нет?! «Японцы казались нашим союзником против самодержавия, и на их нападение либеральное общество ответило почти сплошным пораженчеством», — писал впоследствии В.

Французская революция — хлебный бунт

Маклаков. Получается очень даже «здорово». Когда это бывает выгодно нашей буржуазии, она выступает за поражение России в войне, а когда власть окажется уже в руках, она потребует от народа новых жертв и вновь погонит его в горнило чудовищной бойни, уверяя всех в том, что это — *Homicidium necessarium* (лат. — убийство, совершенное по необходимости).

Со времен Римской империи толпа руководствуется лозунгом «Хлеба и зрелищ!». Не что подобное можно было видеть в дни Великой французской революции во Франции и в Петрограде накануне и в дни Февральской революции в 1917 г. В январе 1917 г. вступило в силу постановление о хлебной продразверстке и в столице встал «хлебный вопрос». Цены на хлеб стали расти, кое-где возникли очереди. Некоторые стали выпекать белый хлеб в домашних условиях. И хотя, по свидетельству Г. Каткова, 12-дневный запас муки для булочных столиц «не падал ниже средней нормы», по городу ползли панические слухи. В результате хлеб в булочных исчез. Напрасно газеты убеждали людей не поддаваться панике. Хлебные «хвосты» росли... Как верховная власть, так и оппозиционные политики не придали этому никакого внимания. Керенский утверждал, что разум толпы просто затемнен «желанием погрызть корку черного хлеба». Императрица презрительно брюзжала: «Это — хулиганское движение; мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба. Если бы погода была еще холоднее, они

все, вероятно, сидели бы по домам». И ушла на могилу Распутина, повторяя, словно заклинание: «Все будет хорошо, солнце светит так ярко». Следствием плодящихся слухов стала крайне нервная политическая атмосфера. Ее подогревали и «телефонные страсти».

Компрадорская буржуазия уже в силу своей природы склонна к предательству. И лучший тому пример Россия... Если французская, английская и немецкая буржуазии все же честно сражались за их победу до конца, не думая «менять на переправе лошадей», то русская буржуазия решила, что война — самое удобное время для захвата власти в стране. В начале «Великой войны», как она любила выпендренно заявлять, буржуа приступили к организации династического переворота в России. Но и об этом вам не расскажет печать! Что из этого вышло, мы скоро увидим... Конечно, никто из этих господ и не помышлял о прекращении войны, тем более не предлагал осуществить кардинальные социально-экономические реформы в стране. Решили идти по накатанной дорожке, как давно заведено было в России. Правда, вначале попытки Гучкова, Милюкова, их сторонников привлечь кого-то из высших офицеров к планам отстранения от государственных дел Николая II успехом не увенчались: большинство генералов, даже сочувствующих идее переворота, в тогдашних условиях наотрез отказались от участия в заговоре. Хотя известно, что осенью 1916 г. определенные круги уже составили и план — «выкрасть царя из Ставки, перевезти в Москву и заставить присягнуть

Февраль 1917 Петроград. Очередь за хлебом

На передовой

конституции». Впоследствии Гучков скажет, что русское общество в лице руководящих кругов в тот момент еще недостаточно полно созревало «необходимость этого переворота» и предоставило возможность «слепым стихийным силам... выполнить эту болезненную операцию» — свержение самодержавия. Признания ключевого деятеля Временного правительства ясно указывают на то, кто на самом деле был главным инициатором и фактическим руководителем антимонархического переворота, т.е. смены власти.

В 1917 г. во Временный комитет Государственной думы вошли давние враги Николая II — П.Н. Миллюков, А.И. Гучков, социалист А.Ф. Керенский. Комитет был преобразован во Временное правительство. В Петрограде шли массовые митинги, на которых доминировал один лозунг: «Долой самодержавие!» Хотя митинги и не затронули всей России, но массовое недовольство разрасталось, как снежный ком... Все сплелось в один тугой узел: поражения армии, алкоголик-император, дядя-гомосексуалист, Распутин, царица, вертящая

царем Николаем II (царь подписывал письма к ней словами: «Твой слабый, безвольный муженек»), голод и бездарные министры — все это, вместе взятое приближало революцию (переворот). К тому же в руках у миллионов оказались винтовки. Забастовали путловцы... Улицы Петрограда полны женщин с лозунгами: «Верните мужей из окопов! Долой войну! Долой царя!» Февральская революция родилась из клича масс: «Хлеба!»

Трудно дать название тому, что именно произошло в России в феврале 1917 г. Некоторые хотят представить события, свалившие некогда могучую империю, чуть ли не как цепь случайностей. Историк В. Булдаков в книге «Красная смута», где дана «несколько гиперболизированная картина катастрофического прошлого», уверял нас, что беды начались «со случайности»: монархию свалили снежные заносы, поставившие под угрозу продовольственное снабжение столицы, слухи, что власть не может накормить народ, действие агитаторов. В. Шамбаров в книге «Белогвардейщина» уверяет, что: «Февраль, в отличие от Октября, был

стихийным явлением. Как в грозовой туче: накопилась разность потенциалов — и грянуло». А. Боханов характеризует события весны 1917 г., как «безрассудный порыв». Сам Николай II причины революции, корень всех зол увидел в действиях смутьянов: «Всюду происходит та же самая история — два-три скверных коновода мутят и ведут за собою всех остальных». Ну с Николая, понятно, что взять!

Но наши историки изумляют. Ведь мужи опытные, умные, умелые, знающие... У них горы фактов, подтверждающих закономерность явлений. Налицо и неопровержимые данные, опровергающие фактор случайности. Тут и полнейшее неприятие народом войны и Николая II, и презрение к нему масс, и ненависть к царице, Распутину, что нашло выражение в язвительно-обидной шутке: «Царь с Егорием, а царица с Григорием», и уверенность в том, что царь безумен, слабоволен и не способен к осуществлению функции миропомазанника Божьего, а потому должен быть низложен. Полностью подтвердилась оценка, данная Николаю II еще за 16 лет до революции братом Вильгельма II, принцем Генрихом Прусским. Общаясь с русским царем, он вынес такое впечатление от

его личности: «Он в своей стране ровно ничего не может сделать» (1901). При этом мы тут уже не говорим о массовых крестьянских выступлениях, сопровождавшихся захватом земель, уничтожением дворянских поместий и усадеб, наконец, о глубокой боли и позоре от бездарно проигранных сражений и войн на протяжении периода его царствования. «Паралитики власти» и породили «эпилептиков революции». Безумие, алчность и тупость одних неизбежно порождают ненависть, вражду и состояние, близкое к безумию, у других. Этот закон работает и в наши дни.

Когда же для монархии в России наступил поистине роковой час — февраль 1917 г., — правые, ранее в своем «верноподданничестве» громившие всех и вся, не только не нашли в себе моральных и духовных сил встать на защиту царя, но фактически предали его. Почти все покинули корабль монархии. Поразительный исторический феномен. Практически никто в стране не проявил готовности поддержать и протянуть руку помощи теряющему власть Николаю II. Иные монархисты еще и объясняли свое предательство чуть ли не как знак физического и нравственного возрождения дворянства. А правильное (и честнее)

Заседание IV Государственной думы. 1912 г.

было бы сказать, что дворяне и буржуазия решили сделать российского самодержца козлом отпущения за все грехи, в том числе за свои собственные. А потому, возможно, правы те, кто утверждал: «Православная Россия и царствующая династия своей гибелью обязаны только дворянскому правящему слою». Эти господа сами же и выдернули одну из главных опор царского трона. В письме А.И. Деникина сказано было откровенно (1915): «На родине стало из рук вон худо. Своеручно рубят сук, на котором сидят спокон веку». Генерал В.И. Гурко писал: «Многие предсказывали после окончания войны неизбежную революцию при условии, что не будет проведено перемен в государственном управлении. Нет, однако, никакого сомнения — никто даже в то время не мог и помыслить, что революция произойдет так, как это случилось в действительности». И тем не менее сук рубили все.

В сложной цепи причин и обстоятельств, которые привели к краху царизма и самодержавия, одной из главных причин стали нежелание и неспособность царя пойти на конструктивное, умное приспособление к новым социально-политическим и экономическим реалиям мира в XX веке. Посол Великобритании Дж. Бьюкенен в книге «Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата» писал о Николае II и его политике следующее: «Его главной и основной ошибкой была неспособность понять, что сегодняшняя Россия не может управляться тем же способом, что и во времена Петра Великого. За это время произошло огромное территориальное расширение империи. Ее население превысило 160 миллионов человек; произошли освобождение крепостных, зарождение промышленности в больших городах с вытекающим отсюда увеличением численности пролетариата и ростом влияния интеллигенции. Уже действовали новые силы, и надежды народа росли вместе с ними. Старая политика централизованного управления была уже непригодна, и самоуправление было единственным эффективным средством. Однако бюрократия противилась передаче земствам части полномочий по управлению их областями, поскольку к тому моменту она сосредоточила в своих руках все административные функции. Более

А.И. Гучков в рабочем кабинете в 1900-е гг.

того, у самого императора не было желания проводить такую политику, да еще сталкиваясь с противодействием сил, которые видели в этом посягательство на свои привилегии. Хотя он и не мог лично контролировать административный аппарат огромной империи, он нес ответственность за все огрехи и упущения бюрократии, которая управляла Россией от его имени». Николай II не понял всей меры своей ответственности или, точнее, понимал ее в сугубо авторитарном, цесарском стиле. К тому же давно известно, что, чем слабее государь, тем он самовластнее (Климент XIV).

Заметную роль в кульминационном акте монархической драмы в конце февраля — начале марта 1917 г. сыграл все тот же Гучков, «русский Ллойд Джордж» (как его назвала в 1915 г. «Таймс»). Князь А. Оболенский рассказывал: как-то, находясь в Сибирском торговом банке, он встретил там знакомого еврея. Тот сообщил ему о скором перевороте. Слова потрясли князя: «Мало-помалу он указал мне день, когда вспыхнет восстание при помощи иностранной державы. С большим знанием всего намеченного он говорил о всех последствиях революции, уверяя, что за Россией пострадает вся Европа и что Англия погибнет последняя. Написав эти строки и пройдя все революционные мытарства, я теперь вижу, насколько был хорошо осведомлен мой знакомый, посвященный в тайны, может быть, мирового заговора». После этого князь направился на квартиру к Гучкову, члену Государственной думы и председателю

лю ЦК партии октябристов (у того умер сын, и князь пришел выразить соболезнование). Когда он рассказал Гучкову о заговоре и назвал день восстания, тот не стал отпираться, вытащил кучку писем из переписки с ген. Алексеевым, которому слепо доверял государь и показал их ему. «Я понял, что попал в самое гнездо заговора. Председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев были во главе его. Принимали участие в нем и другие лица, как генерал Рузский... Другим человеком, чем я знал его раньше, представился мне Гучков. Умеренный, убежденный конституционный монархист стал открытым злобным революционером, настроенным больше всего против особы Государя Императора. Под чьим давлением действовал он? Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэр Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него...» И это в 1916 г. Это была не только антимонархическая, но антигосударственная деятельность. За нее члены упомянутого заговора должны были бы быть повешены или даже четвертованы, как декабристы! Не задумываясь, без суда и следствия, в 24 часа! Князь сообщил о заговоре премьеру Штюрмеру, прося доложить царю, чтоб тот принял необходимые меры. Конечно, ни премьер, ни министр внутренних дел и пальцем не шевельнули. Возможно, они звонили в телефон, крича: «Алло!

Премьер Б.В. Штюрмер

Алло! Господин Ба...аев!» Хвостов заверял царя: все решит Дума, он готовит выборы в Думу, а поскольку в России выборы депутатов возможны только с помощью подкупа, нужны немалые деньги. И он получил для того времени колоссальную сумму в 8 млн. рублей. Но деньги эти вполне благополучно исчезли. Спираль заговора продолжала раскручиваться.

Когда же 300-летняя царская власть в столице пала, буржуа лицемерили, говоря, что надо «спешно, быстро, решительно спасти монархию», хотя они же плели против нее заговор. Надо ехать к Николаю II и «привезти отречение в пользу наследника». Гучков с Шульгиным туда и направились, где Николай 2 марта 1917 г. под их нажимом заявил, что принимает решение отречься от престола в пользу брата Михаила. Пытаясь снять с себя ответственность, впоследствии Гучков утверждал: «Этот переворот был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти». Называется — валить с больной головы на здоровую. Хотя тут есть доля правды. Все политические силы, без исключения, приложили руку к ослаблению империи.

Говорят, во время учебы в школе Гучков взял сторону правительстве после выстрела Засулич. Ученики за тот поступок его даже едва не побили. «Но вскоре он понял сам неотвратимую прелесть террора: от позора Берлинского конгресса, английского флота в Босфоре Саша решил своей рукой убить Дизраэли за антирусскую политику, во имя чести России». Он купил револьвер, готовил побег в Англию, дабы «пережить казнь за Россию» (Солженицын). Правда, дело тогда сорвалось... И вот тридцать лет спустя он, сорви голова, кто мог подумать, способствует крушению монархии и гибели России. И ведь это тот самый человек, который вчера еще говорил: «Мы не можем относиться отрицательно к тому, что создано старой Россией. И монархическое начало тоже должно быть перенесено обновленным в новую Россию». Оно и будет перенесено — только большевиками!

В первом составе Временного правительства масон Гучков получил портфель военно-

Премьер И. Л. Горемыкин

го и морского министра. Наблюдая усиление хаоса в стране, он выступал за осуществление жестких мер по подавлению параллельных Временному правительству органов власти — т.е. власти Советов. Однако его предложения не были поддержаны Кабинетом министров (кроме П.Н. Милюкова), и Гучков вскоре предпочел подать в отставку и уйти из власти. Если с Гучковым, Милюковым, Керенским и другими представителями буржуазии все более или менее ясно (они были давними противниками царского самодержавия), то почему генералы пошли на такое антиконституционное решение? В основном, по двум причинам: Во-первых, они в равной мере презирали чиновников и олигархию и, проводя годы в грязи окопов и кровавых битвах, особенно остро видели чудовищный непрофессионализм царя и бюрократии. М.В. Алексеев (1857—1918), генерал, начальник Штаба русской армии, давал такую характеристику правящим кругам империи: «Это не люди, это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают. Никогда не думал, что такая страна, как Россия, могла бы иметь такое правительство, как министерство Горемыкина. А придворные сферы?» Премьер Горемыкин цеплялся за монархию и требовал продолжения войны, заявляя: «Но, пока я жив, буду бороться за неприкосновенность царской власти. Сила России только в монархии. Иначе такой кавардак получится, что все про-

падет. Надо прежде всего довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будет время, когда прогонят немцев». Горемыкин, два раза занимавший премьерское кресло (21 апреля 1906 г. — 8 июля 1906 г. и 30 января 1914 г. — 20 января 1916 г.), заслужил «славу» ярого реакционера и противника любых реформ. Понятно, что общественное мнение России его персоны не жаловало. Но нет ясного ответа на то, почему вместо опытных и энергичных государственных деятелей правительство возглавлял дряхлый старик, лишенный какой-либо инициативы и явный противник реформ, да еще в столь экстраординарных условиях (период войн и революций). Генерал Алексеев лукавит, валя все грехи на голову премьера. Разве дело в одном Горемыкине?! Самодержавный строй десятилетиями плодил горемыкиных, показывая неуклюжесть, неумелость, неэффективность. Как это ни прискорбно, но и военные также приложили к этому руку. Ведь фактически Россией управляла военно-монархическая бюрократия! Точно так же советской империей перед самой кончиной будет управлять такая же старческая, безвольная и бездарная вконец выродившаяся бюрократия!

Достаточно просмотреть фото или кадры старой кинохроники с перемещением царских особ и их окружения по России — одни генеральские эполеты. Самодержавие — система власти, где всем и вся заправляли военные и чиновники в званиях генералов. Даже столы императору «накрывали» генералы да полковники. Всем, что касалось «стола и церемониала обедов и завтраков», заведовал граф Бенкендорф, в этом крайне важном государственном деле ему помогали полковник князь Путятин и фон Боде, «два полковника от котлет», как их называли. Г. Мейер как-то сказал: «Народ наш понимает и любит власть больше, чем закон. Хороший «генерал» ему понятнее и даже приятнее хорошего параграфа устава». Сенатор Д.А. Оболенский (1822—1881), зная кадровый состав империи, в 1871 г. писал о засилье военных в высшей администрации Российской империи: «Но есть бездна других соображений, которых нельзя не принимать в расчет, когда дело идет о России, об образовании массы людей для

всех потребностей государства, не только по специальностям, но и с общим образованием. Вообще как-то дико и как-то смешно даже отвлеченно и с такой крайностью относиться у нас к системе образования, когда факты так убедительно свидетельствуют, что не в образовательном, не в научном и умственном развитии ищет правительство мерило для оценки людей. Стоит только заглянуть в памятную книгу высших чинов империи, чтобы убедиться в бесспорном факте, невольно наводящем на размышление: из 12 министров наших — 8 военных. Из 61 члена Государственного совета — 36 военных. Из губернаторов — две трети военных. Все генерал-губернаторы — военные. По роду оружия эти господа все более кавалеристы, по воспитанию (по крайней мере все настоящие главные деятели) рекомендуют Пажеский корпус и Юнкерскую школу (т.е. выходцев из этих заведений. — Ред.). И эти господа призваны теперь судить о преимуществе классического образования

перед реальным... Что за вздор... Одно из двух: или преобладание военного элемента в нашей администрации имеет цель, тогда непонятны те реформы, которые призваны водворить в государстве законность и гражданственность, или это преобладание военного элемента на практике не ощущается, т.е. что все эти военные люди не вносят в администрацию никаких особенностей специальной их службы, тогда это не делает чести нашей армии, которая так мало оставляет следа в мирозерцании своих генералов».

Интересно мнение великого ученого В.И. Вернадского, обладавшего уникальной способностью видеть связи между самыми далекими явлениями. Правда, он писал о генезисе минералов и биосферы... Он записал в свою «Хронологию» (от 16 августа 1924 г.). «...В среде белой молодежи, не видевшей старого режима, происходит его идеализация. Им кажется, что во главе власти стояли люди, морально и умственно головой выше

Его Величества генералы В.Н. Воейков и Н.А. Соллогуб. 1910 г.

В.И. Вернадский

окружающего... И передо мной промелькнул Государственный совет, где я мог наблюдать отбор «лучших» людей власти... Внешность была блестящая. Чудный Мариинский дворец, чувство старых традиций во всем строе обихода, вплоть до дворецких, разносивших булочки, кофе, чай, на которые набрасывались, как звери, выборные и назначенные члены Государственного совета. Несомненно, среди них были люди с именами, такие, как Витте, Кони, Ковалевский, Таганцев и др. Но не они задавали тон. Не было тех традиций у сановников, здесь собравшихся, какие были в такой красивой форме у дворецких, — не было ни *esprit du corps* (фр. — сословное сознание, корпоративный дух), ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни идеи государственности. В общем — ничтожная и серая, жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума... Помню один разговор с Д.Д. Гриммом, когда мы возвращались из заседания (Совета). Ему больше нас, обычных членов оппозиции, пришлось сталкиваться лично с членами Совета. Он был совершенно потрясен циничным нигилизмом этих людей, которые были готовы пожертвовать всем для того, чтобы «устроить» своих детей, получить лишние деньги... Их интересы и их мысли все были направлены главным образом в эту сторону... И эти министры последних лет — да и раньше, — Горемыкин, князь Н. Голицын, Протопопов, Щегловитов... Какой ужасный

подбор!» Совет, включавший в себя 196 членов (98 по назначению и столько же по выборам), занимал положение арбитра между правительством и Думой. Верхняя палата отказывалась от собственной законодательной инициативы и даже от использования ею контрольных полномочий и фактически никак не влияла на правительственную политику. Достаточно сказать, что из 3550 проектов, одобренных I-IV Государственными думами, Совет отклонил 46, 19 отказался рассматривать, не успел рассмотреть 158, по 39 проектам им не была окончена согласительная процедура. Все остальные законопроекты были одобрены верхней палатой, в том числе без поправок — 3291 проект. Это был своего рода пышный декор высшей власти, не игравший никакой серьезной роли в политической жизни России. Однако все эти господа исправно получали немалое жалованье. Туда направляли министров, их замов, губернаторов, судей, прокуроров, генералов, т.е. всех «бывших»... Одним словом, сразу же вспоминаются слова Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Как посравнить да посмотреть / Век нынешний и век минувший».

Говорили, что Николай II пытался приблизиться к массе «в духе национальной идеологии». Но поздно: «Боярство, с одной стороны, европеизаторы-интеллигенты — с другой, и охранно-жандармские сети — с третьей, не дали выполнить то, что подсказывало ему сердце». Тогда-то и разразилась катастрофа дома Романовых. Конечно, против царя, какой бы он ни был, всегда существует оппозиция. Но тут была ситуация, где царь, «Хозяин земли Русской», перестал быть таковым. А там, где «нет хозяина, там все бывают хозяевами» (Руссо). В перевороте были заинтересованы либералы, кадеты, даже царедворцы. Все желали освободиться от слабого царя, потеряв веру в его способность сохранить державу. Давшие ранее присягу на верность царю дрогнули, явили слабость духа, не хотели служить ему. И система рухнула... И. Валлерстайн скажет: «Истинной причиной упадка исторической системы является падение духа тех, кто охраняет существующий строй». Это верно для России как начала, так и конца XX в., когда правящая элита оказалась

поражена бациллой предательства, трусости, лишена ума и воли. Итогом такого положения стало засилье безнравственных и корыстных политиков, не способных к модернизации.

События февраля 1917 г. честные ученые квалифицируют как военно-политический заговор, как переворот буржуазии. И это так. Сегодня обстоятельства заговора буржуазии и военных по ниспровержению монархии в России достаточно хорошо изучены. С идеей прихода к власти военных определенные круги носились давно, лет 10—12 до революции. П.Н. Милюков в «России на переломе» признавал: «Разговоры пошли о принудительном отречении Царя и даже более сильных мерах. В исторических трудах нет надобности вуалировать прошлое. Речь шла о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и цареубийства». Накануне революции 14 февраля 1917 г. Феликс Юсупов писал вел. кн. Николаю Михайловичу: «Как не хотят понять, что если не сделают то, что нужно свыше, то это будет сделано снизу, сколько прольется невинной крови...». Он предлагал, «если еще не поздно», принять решительные меры: воспользовавшись отъездом императора в Ставку, с помощью императрицы Марии Федоровны «с людьми, которые ей могут помочь и поддержать, отправиться в Петербург и вместе с Алексеевым и Гурко арестовать Протопопова и Щегловитова... отправить в Ливадию Александру Федоровну и Анну Вырубову».

Критикам, что все грехи революции да и само ее начало валят на большевиков, стоит напомнить вот что... Когда, как они выражаются, можно и надо было дожать немцев, «додраться до победы», когда даже стратеги немцев, генералы Людендорф и Гофман признавали: атакуй их русские весной 1917 г., и державам Центра пришлось бы очень худо («Только русская революция спасла нас в апреле и мае 1917 г. от тяжелого поражения». Гофман писал в дневнике 5 марта 1917 г.: «Если бы они (русские. — В.М.) три недели назад начали наступление... мы бы полетели к черту!»). Но наша буржуазия болтала о «сильной руке», а сама в это же время судорожно вырывала друг у друга портфели в новом правительстве. В действительности,

все политические силы хотели перехватить власть у царя — Корнилов, Гучков, Шульгин, Рузский, Алексеев, думцы, Петросовет. Богданович, известная в свете дама, жена крупного вельможи, принимавшая в ее особняке едва ли не весь Петербург, была источником важных и довольно точных сведений. Говоря о событиях 1904 г., она точно обрисовала, можно сказать, перманентное состояние верхов: «Министры от власти едва ли откажутся, а при конституции власть их страшно умалится, больше даже, чем власть царя, которого и теперь власть ограничена, так как он в руках своих министров — все, что они ему подносят, он подписывает, узнает царь только то, что ему хотят сказать».

Не хочется все упрощать, но было совершенно ясно — система уже не работала. Давайте же скажем откровенно: не годилась ни к черту! «Хороши» все: чиновники, военные, промышленники, торговцы, банкиры, царь... В. Борисов в статье «Война и революция» пишет о чиновниках, ответственных за разложение войск, создававших затруднения в тылу и тем самым срывавших решение военных задач на фронтах. Начальник канцелярии премьер-министра сообщал французскому послу в Петербурге М. Палеологу: «В тылу полное разложение. Тыловые части ровно ничего не делают или, во всяком случае, недостаточно заняты... Солдаты очень скверно помещены в казармах. Их набивают, как сельдей в бочку. В Преображенских казармах, рассчитанных на 1200 человек, помещены 4000 человек... Они проводят целые ночи в разговорах. Не забывайте, что среди них есть представители всех народностей империи, всех религий и сект, есть даже евреи. Это прекрасный бульон для культуры революционных бактерий». Вместе с тем и российское офицерство и генералитет, дававшие клятву на верность монарху, уже через три года войны прониклись к нему и монархии равнодушием, зачастую переходящим в ненависть. «Предательство» знати и генералов (которое таковым, строго говоря, и назвать трудно, если принять во внимание то, что офицеры тоже прислушиваются к голосу масс и широкого общественного мнения) было только частью огромного айсберга, что в конечном

счете сокрушил самодержавный челн. Да и сам «челн» давно уже прохудился.

Декабрист С. Трубецкой говорил, что общественное устройство России таково, что «военная сила одна, без содействия народа может не только располагать престолом, но изменить образ правления». И вот народ России и стал этой самой вооруженной силой. Каковы были настроения огромной массы войск в 1917 г. в России? Ситуация резко отличалась от той, что была в 1905—1906 гг. Тогда войскам (казакам и гвардии) удалось разбить и подавить революционеров. Тогда армия еще имела старые опытные кадры, воспитанные в духе преданности царю. Хотя даже генерал А.Н. Куропаткин был не в восторге от подобного решения, говоря: «Приходится и армию обратить вместо защиты внешних пределов на охрану внутреннего спокойствия — обратиться в полицейскую силу». В 1917 г. ситуация была уже далеко не та, нежели четверть века тому назад, когда великий князь К. Романов уверенно заявлял А.А. Фету (1891): «Вы говорите про злорадные голоса, дающие подразумевать, что и войска не окажутся доста-

точным оплотом против внутреннего враждебного покушения. Могу поручиться, что на гвардейцев можно вполне рассчитывать. Страшно и подумать, чтобы нельзя было (бы) того же сказать (и) про армию. Но я не могу допустить мысли, чтобы и с этой стороны угрожала опасность. Ужели умы у нас еще не перебрадили?» Умы теперь стали иными.

Гвардейцы к тому времени были выбиты на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн. Да и армия за годы войны изменилась. Пехотные полки потеряли по несколько комплектов рядового и офицерского состава, и лишь в немногих из них потери убитыми и ранеными составляли 300 %. Чаще потери достигали 400—500 % и более. Основной род войск, пехота потрепана во время летнего отступления 1915 г., добита в ходе неудачного наступления Временного правительства в 1917 г. Кардинально поменялся офицерский корпус. К осени 1917 г. кадровые офицеры составляли лишь около 4 % от офицерского корпуса русской армии, а все остальные, 96 % являлись офицерами военного времени. Официальные сводки штабов и армий свиде-

Войска в окопах

И. Владимиров. Арест генералов в февральские дни 1917 г.

тельствovali об изменении отношения солдат к войне, о падении дисциплины. Стремление к миру, скорейшему окончанию войны становится главным в настроениях армии. Начальник Петроградского охранного отделения в одном из своих донесений в Департамент полиции в 1916 г. отмечал, что «Петроградский гарнизон не верит в успех русского оружия и находит, что продолжение войны бесполезно». На призывы защищать отечество «до победного конца» все чаще можно было услышать ответ: «Да его, Петроград-то, и так давно бы надо отдать... Там одно безобразие». Солдатам был чужд сей буржуйский город.

Стремление солдат к миру проявлялось в различных формах. Широкий размах приобрело братание и дезертирство. Последнее, как форма протеста широких масс против войны, выросло со 195 тыс. человек в феврале 1917 г. до 2 млн человек к октябрю 1917 г. Г.В. Плеханов жаловался, что проповедь братания превращает армию в дикую орду. А ему не пришло в голову, что проповедь войны, когда люди бессмысленно и дико убивают таких же, как они людей, которых они зачастую даже и не видят, куда большая дикость?! По мере роста протестных настроений рабочие и солдаты, не желая стоять в стороне, вступали в борьбу с царизмом. С новой си-

лой вспыхивает стачечное движение. Растет число политических забастовок. В 1915 г. в России было 2 тыс. стачек с 900 тыс. участников, в 1916 г. — 2,3 тыс. стачек с 1800 тыс. забастовщиков. Рабочие и солдаты ведут уже настоящие бои с полицией. В сентябре 1915 г. на Николаевском (Московском) вокзале в Петрограде произошло столкновение направлявшейся на фронт партии ратников в 500 человек с полицией. С криками «Бей фараонов и дармоедов» новобранцы пытались расправиться с городовыми. Причем, по словам начальника Петроградского охранного отделения, сопровождавшая ратников вооруженная солдатская команда «в усмирении беспорядка» участия не приняла. Среди рабочих крепло убеждение: солдаты — их братья по классу и не будут участвовать в подавлении массовых выступлений, как в годы первой русской революции.

Одним словом, к 1917 г. сложилась неприятная ситуация для власти. Армия, включая элитные части, перемолота в битвах. Офицеры с равной ненавистью относятся ко двору, Думе, революционерам и вообще к политикам разного рода. Все решал вооруженный народ. Солдаты являли собой толпу дезорганизованных, распропагандированных, возмущенных, взвинченных людей, гото-

Матросы в 1917 г.

вых в любую минуту взорваться эксцессами восстания. Наблюдая за поведением вооруженных толп, генерал А.С. Лукомский писал в те дни: «После отъезда царя из Ставки события в Петрограде 28 февраля и 1 марта развивались чрезвычайно быстро. Мы в Ставке получали одну телеграмму за другой, свидетельствующие о том, что революционное движение приобрело полный размах, когда почти все войска присоединились к революционерам, когда убивали офицеров и полицейских». Все говорит — дело идет к финалу.

Обстановку Февраля описал и премьер правительства В.Н. Коковцов: «Не помню в точности, на другой ли день или через день, третьего или четвертого марта, мы пошли с женою пешком, минуя Невский проспект, где было очень тревожно, в Учетный банк, чтобы вынуть из моего депо хранения 20 000 рублей бумагами... Операция изъятия этого маленького вклада прошла чрезвычайно быстро, мы собирались уже выйти из кабинета председателя, сопровождаемые всем составом Правления, но как только мы переступили порог кабинета и направились через операционную залу к выходу, на меня набросился какой-то субъект небольшого роста, еврейского или армянского типа, крича во все горло, что «вот бывший царский министр финансов, который во время японской войны украл пять миллионов рублей, а теперь пришел взять миллион, чтобы тратить его на свержение народной власти и восстановить царский режим». Его окружали человек 10 вооруженных солдат, которым он

отдавал распоряжения; но те не знали, что делать... Солдаты, из которых добрая половина были пьяны и с трудом держались на ногах, обыскали меня внизу банка, я успел передать бумаги жене и отправил ее домой за думским охранным свидетельством. Меня посадили в какой-то захваченный у подъезда банка автомобиль. Балиев встал на ступеньку и, крича на весь Невский «вот он царский министр — вор, граф Коковцов, которого он поймал с поличным в ту минуту, когда он вытащил из Банка миллион на выручку царя», требовал, чтобы солдат держал меня за руки, чтоб я не выбросил награбленных денег... События развивались стремительно». В конце концов, и самому В.Н. Коковцову придется покинуть Россию, получив убежище во Франции.

Взбунтовались матросы Балтийского флота и поубивали своих офицеров. Аресту подвергались многие важные лица — вельможи старого режима... Возможно, среди тех, кто арестовывал, был и тот одесский солдат, которого подвергли двухнедельному аресту только за то, что он случайно наступил на шлейф местной аристократки... «Беспорядки начались в Москве и других важных центрах, где стояли резервные батальоны. Пехотные части, отправленные с Северного фронта на Петроград, были остановлены в Луге представителями местных запасных частей и стали сдавать оружие, заявляя, что не будут сражаться с собственным народом. Поступали телеграммы от председателя Думы, указывающие, что в Петрограде поднялись анти-

монархические настроения; что смена правительства была бы теперь мерой, совершенно не адекватной, даже если бы правительство было ответственным перед Думой; что вопрос об отречении царя обсуждается сейчас открыто. Утверждалось, что отречение является единственным выходом; если оно не состоится, анархия распространится на всю страну и война с Германией будет неизбежно остановлена». Буржуазию пугало наступление анархии, которая могла завершиться восстанием народа и приходом к власти большевиков. Лукомский предлагал снять войска с фронта и утопить революцию в крови. Если это и можно было сделать, то ценой сепаратного мира с Германией, что было нереально: этого России не простили бы ни союзники, ни «мнение общества» (т.е. еврейской печати). Атаман Войска Донского Граббе предложил для поддержания порядка использовать казаков, но ни казаки, ни полиция, ни войсковые части помочь уже не могли.

Власть попала в руки буржуа благодаря выступлениям народа. Конечно, были и элементы стихийности. Но нельзя забывать: эта стихийность следовала за самой мощной за период мировой войны волной забастовок. Большевики смогли повести за собой значительную часть Советов. В первые месяцы революции меньшевикам и эсерам удалось увлечь за собой трудящихся, не вполне разбравшихся в происходивших событиях. Сказывались и изменение состава рабочих, происшедшее в годы Первой мировой войны, и то, что многие большевики оказались в тюрьме и эмиграции, что ослабило их организацию. По указанию своих лидеров из столицы меньшевистско-эсеровское большинство мирилось с органами власти местной буржуазии в виде разных «гражданских», «общественных» и проч. комитетов. Из числа деятелей тех комитетов Временное правительство назначило губернских и уездных комиссаров как своих представителей на местах.

Все охвачены пандемией свободы... 3. Фрейд называл толпу массой, зараженной психологической инфекцией. Если использовать сей термин, массы в эпоху революций следовало бы назвать толпой, зараженной социально-политической «инфекцией». Гене-

Свобода!

рал от инфантерии Ф.Я. Ростковский так передал атмосферу первых дней Февральской революции 1917 г.: «...Говорили по телефону, что командиры Литовского и Павловского запасных полков убиты и в Волынском полку много убитых офицеров... Вечером по телефону мне сказала И.И. Садовская, что в гавани взбунтовался какой-то армейский полк и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка пошел его усмирять... Вечером говорили, что Государственная дума выбрала Временное правительство в составе 12 человек... Говорят, что (царские) министры арестованы». Множились слухи о состоявшемся покушении на царя и царицу и близящемся дворцовом перевороте. Поэт А. Блок записал в дневник: «На улицах возбуждение (на углах кучки, в трамвае дамы разводят панику, всюду говорится, что немцы придут сюда, слышны голоса: «Все равно голодная смерть»»). Этой атмосфере общей неразберихи и паники способствовали слухи. Фабрика слухов придавала оппозиции царю «патриотический вид». 28 января 1917 г. Петроградское охранное отделение докладывало, что население живет в мире слухов. Общество в целом ожидало «событий чрезвычайной важности», которые должны были произойти «к 9 января, или 12-му, или 24-му января или, возможно, к 1, 8 или 14 февраля, и т.д.». По мере того, как Россия приближалась к тому роковому

дню, когда, наконец, начались эти «важные события» (23 февраля), слухи становились все более волнующими. Некоторые наиболее состоятельные жители Петрограда стали готовиться покинуть столицу, чтобы избежать опасности, неминуемо надвигающейся ввиду «общего террора и уличных скандалов и беспорядков», выражаясь словами полицейского доклада.

Монархия отмирала... Показателен такой факт. Когда близкие Николаю люди хотели организовать для приезда Михаила Алексеевича из Гатчины в Петербург специальный поезд, Исполнительный комитет РСДРП ответил им, что гражданин Романов мог бы сам прийти на вокзал, взять билет и ехать в общем вагоне. Это был психологический шок для царского семейства. Оно привыкло передвигаться в иных, роскошных условиях. Поезд Транссибирской магистрали и для лиц второго ранга «отличался великолепным сервисом: огромные обеденные, читальные и ваннные комнаты». Великая княжна Мария Романова вспоминала: «Раньше даже ради короткой поездки из Петрограда в Царское Село или обратно для нас открывали царские залы, предоставляли специальное купе или целый вагон. Теперь (же) мне приходилось покупать себе билет и занимать место в поезде вместе с остальными пассажирами, большая часть которых отказывалась признавать классовые различия. На бархатных сиденьях вагона первого класса я ехала бок о бок с солдатами с заряженными винтовками, которые курили отвратительный дешевый табак, старательно выпуская дым в сторону своих соседей — ненавистных буржуа». Что ж, как мне думается, иной раз очень полезно пересадить высший класс из кабриолетов и роскошных лимузинов в общий вагон, где они хотя бы увидят нормальные лица!

Вопрос о власти решался в кругу военных и представителей буржуазии, им-то и предстояло оформить переворот юридически. Хотя как раз серьезных юридических оснований для отречения и не было. Но у нас на Руси юридические правила и положения обычно не в чести. У нас часто бывает так, как об этом сказал Вл. Соловьев: «Как безусловный отрицатель всех юридических элементов жизни высказывается знаменитейший

русский писатель граф Л.Н. Толстой, а неизменным защитником права, как абсолютно-го, себе довлеющего начала, остается самый многосторонне образованный и систематичный ум между современными русскими, а может быть, и европейскими учеными, Б.Н. Чичерин». Но если чего-то очень хочется, так и что за забота, что за кручина — все можно! Захотела буржуазия низвергнуть в феврале 1917 г. царя, «Николашку» — сделала, захотели большевики низвергнуть в октябре 1917 г. Временное правительство буржуазии, сбросить «Алексашку» — не задумались, захотели компрадоры, партийцы-предатели, евреи и «пятая колонна», вкупе с будущими олигархами, низвергнуть власть народа в 1991 г. и поделить между собой богатства великой Советской империи — спросили ли у народов разрешения, учли ли требования законодательства? Да нет же, они наплевали на волю народа! Таковы законы гнусного буржуазного мира, ибо верно заметил А. Камю: «Демократия — это не власть большинства, а защита меньшинства». Тот же упрек бросает в лицо немецкой буржуазии и генерал Людендорф: «...буржуазия в равной степени виновата в постигшем наше отечество несчастье». Ставить у власти в России буржуазию очень опасно. Бессовестная, корыстолюбивая, наглая, она ради власти и прибылей с легкостью может погубить Россию и весь народ!

В Ставку направились Гучков с Шульгиным с целью заставить царя отречься от престола и передать буржуазии всю полноту власти. Шульгин вспоминал, как он в составе делегации прибыл к царю. «Николай II как раз играл в шахматы и не хотел отвлекаться от партии; узнав о цели визита делегации, он радостно воскликнул: «Наконец-то это окончилось!». «Что же вы хотите, — скажет позже Шульгин, характеризуя действия венценосного монарха, — ведь это был самый большой глупец из всех династий российских самодержцев». Среди заговорщиков — и начальник Штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве генерал Алексеев. Это он, будущий «борец за Россию», чуть ли не «спаситель» с хладнокровным цинизмом заявил тогда царю: «Выбора нет: отречение должно состояться». Так же повели себя и генералы Рузский, Брусилов,

Генерал-адъютант Н.В. Рузский

Поливанов, Маниковский, Крымов. Из Ставки были посланы телеграммы всем командующим фронтами, где их призывали высказать мнение в таком же духе. И все как один они потребовали отречения императора (командующий Юго-Западным фронтом генерал А. Брусилов, командующий Западным фронтом генерал А. Эверт, командующий Кавказским фронтом, двоюродный дядя Николая II, князь Николай Николаевич). Был среди них и генерал Рузский, любимец Николая II, которого многие прочили на пост главковерха. Почему-то он считался талантливым полководцем, хотя под Львовом как раз именно в силу его нерасторопности из клещей русской армии выскользнули 600 000 австрийцев.

В штабе у Рузского начальником был и М.Д. Бонч-Бруевич, брат большевика В. Бонч-Бруевича (это на его даче накануне июльских событий 1917 г. жил Ленин). Ситуация выглядела еще более странной, если учесть, что и большевики, судя по всему, получали сведения от М. Бонч-Бруевича. Г. Катков писал: «Интересное освещение деятельности М.Д. Бонч-Бруевича дает то обстоятельство, что в продолжении всего этого времени он поддерживал связь со своим братом Владимиром. Находясь в Швейцарии, Ленин получал секретные сведения относительно армий Северного фронта именно тогда, когда Бонч-Бруевич был начальником штаба генерала Рузского. Некоторые секретные документы за подписью Бонч-Бруевича и Рузского опубликованы Лениным и Зиновьевым в Швейцарии, в большевистском журна-

В.Д. Бонч-Бруевич

ле «Сборник Социал-демократа»... материал был послан Ленину через контролируемую немцами организацию Кескюлы». Через этого самого А. Кескюлу, проживавшего в Великом княжестве Финляндия, Ленин получал и денежные средства. Похоже, что все имели исчерпывающую информацию о том, что происходит в стране. Главный вопрос: кто и как распорядиться выпавшей из рук властью.

Николай II, видимо, осознавал опасность положения, настаивая на присутствии в столице. Этим объясняется принятое им решение выехать в Петроград. Генерал-адъютант Алексеев пытался уговорить царя не покидать Ставку, но тот упорствовал и 27 февраля 1917 г. заявил В.Н. Воейкову, что уезжает. Последний все приготовил и доложил государю, что он может выехать. Поезд двинется в Царское Село. О решении государя выехать в Царское Село Воейков сказал Алексееву. «Его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой слащавым голосом спросил у меня: «А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?» Хотя я, продолжал Воейков, никогда не считал генерала Алексеева образцом преданности Царю, но был ошеломлен как сутью, так и тоном данного им в такую минуту ответа. На мои слова: «Если вы считаете опасным ехать, ваш прямой долг мне об этом заявить», — генерал Алексеев ответил: «Нет, я ничего не знаю; это я так говорю». Я его вторично спросил: «После того, что я от вас только что слышал, вы должны мне ясно и определенно сказать, считаете

вы опасным государю ехать или нет? « — на что генерал Алексеев дал поразивший меня ответ: «Отчего же? Пускай Государь едет... ничего». После этих слов я сказал генералу Алексееву, что он должен немедленно сам лично пойти и прояснить государю положение дел: я думал, что, если Алексеев кривит душой передо мной, у него проснется совесть и не хватит сил лукавить перед лицом самого царя, от которого он видел так много добра». Воейков очень ошибался, предполагая наличие совести у генеральской братии. «Совесть» не помешала Алексееву спокойно наблюдать, как поезд уносит императора в расставленную западню, откуда ему уже не выбраться.

Клянясь в верности государю, России, кадеты и либералы вели двурушническую и интриганскую политику. Вынужденные подписать присягу пред Богом и государем, они тут же о ней позабыли. «Однако не успели чернила на подписном листе просохнуть, как клятва была забыта. Все основополагающие законы, подписанные монархом, главные должностные лица, назначенные монархом, — все это стало объектом бесконечного шельмования. Что же касается Бога, то большинство «русских европейцев» давно порвали и с церковью, и с Богом. Все это для них являлось лишь титулами «реакции» и «невежеством». Позже П. Милюков признается в одном из писем, что «твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала войны...» и что «ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты которого сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. История... проклянет пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю». Природная черта российских «либералов» и «демократов» — предавать и продавать Россию... Большевики прикончат потом и тех и других! И слава богу...

Правда, в какое-то мгновение думских прохвостов охватила паника при мысли о том, что поезд царя дойдет-таки до столицы. Тогда, во-первых, им пришлось бы отвечать за содеянное, а во-вторых, все надежды на приход их во власть могли рухнуть. Выход

У телеграфа

был один: любой ценой не допустить царя в столицу. «Временною властью были приняты все меры, чтобы не допустить его в Петроград». Открытое противодействие означало бы прямой мятеж, а это уже нельзя было прикрыть демагогической заботой «о судьбах династии». Была выдана ложная информация о том, что железнодорожный путь возле Луги перерезан революционными войсками и путь на столицу отрезан. Поезд направили в Псков — в руки заговорщика Н.В. Рузского. Реализовал этот план член масонской ложи Верховного совета Великого Востока народов России Н.В. Некрасов (при участии А. Бубликова и окружения царя). Рузский являлся одним из деятельных участников готовящегося на апрель 1917 года государственного переворота. Ничего этого, разумеется, царь не знал, «и вечером 1 марта 1917 г. его поезд благополучно прибыл в Псков».

Спору нет, и в этом весь трагизм той исторической ситуации, в критический период истории во главе России оказались ничтожные люди: «Мягкий, застенчивый мужчина и неврастеничная женщина». Вели они себя на удивление индифферентно. Николай II читал книгу о завоевании Галлии Цезарем, играл в домино и клал поклоны Богу. В перерыве между игрой в домино он отдал-таки приказ солдатам стрелять... Прозвучали залпы, но это было уже поздно: революцию поддержал гарнизон Петропавловки, к восстанию примкнули и гвардейцы Преображенского полка.

Полиция была бессильна. В стране, живущей в условиях анархии и скрытого бунта, чтобы держать народ и чиновников в страхе и узде, нужен жесткий надзор как «средство политической диспансеризации» «элиты» и масс.

Таковой отсутствовал. Полиция и жандармы не популярны у народа и общества. Генерал Спиридович отмечал, что агенты «были всегда как бы термометром настроения: берет верх правительство — они энергичны и решительны, чуть начинает одолевать революция — они ни то ни се, говорят неопределенно, думают об отъезде, вообще начинают шататься». Полиция была полностью деморализована. Среди чиновников поползли слухи об упразднении Департамента. Участились случаи уклонения членов полиции от службы. Пришлось руководству Департамента полиции давать специальное разъяснение, где сказано было, что органы государственной безопасности всегда будут иметь место в государстве, независимо от того, какой строй. Политический кризис сказался на деятельности войска, полиции и секретной агентуры самым негативным образом. Чиновники у нас вообще никогда не были серьезными защитниками государства. Об этом писал министр внутренних дел, граф П.А. Валуев (1815—1890), прекрасно знавший эту публику. «На безусловную исполнительность и преданность значительной части служащих чиновников нельзя полагаться. Одни вообще не представляют коренных условий благонадежности, другие имеют притязания не руководствоваться указаниями высших правительственных инстанций, но руководить ими в духе так называемого «современного направления»; еще другие уже глубоко проникнуты теми идеями, которые ныне волнуют часть литературы и молодое поколение, и суть тайные враги, скрывающиеся в общем строе администрации; наконец, большинство признает над собою, кроме начальственной власти, власть общественного мнения, и потому часто повинуетя условно, исполняет нерешительно и вообще более озабочено будущим, чем настоящим. Таким образом, меньшинство гражданских чинов и войско суть ныне единственные силы, на которые правительство может вполне опираться и кото-

Конвоирование жандармов и городских в 1917 г.

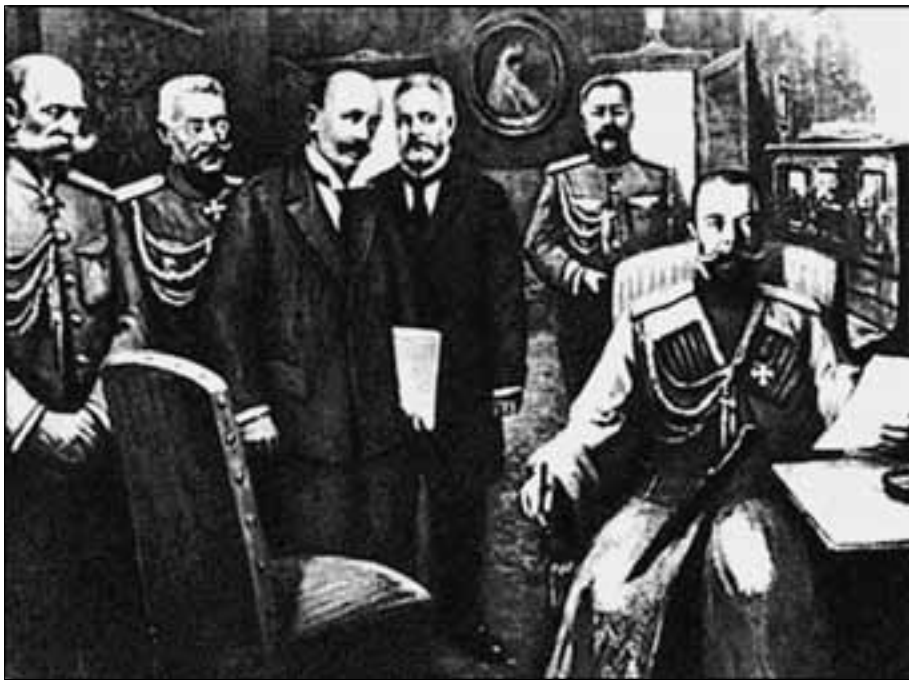
рыми оно может вполне располагать... Едва ли существует в целом мире государство, где столь значительная часть населения живет в разных должностях за счет остальной части этого населения, как в России. Наплыв людей, ищущих мест и сетующих на правительство, когда они не находят оных или по неспособности не могут найденных удержать за собой, постоянно увеличивается. Они составляют тяжкое бремя для государственного бюджета и в то же время образуют постепенно возрастающий класс недовольных, вредный для спокойствия государства». В итоге, защищать царя и самодержавие оказалось некому и опереться было не на кого!

27 февраля 1917 г. разъяренная, озлобленная масса солдат и матросов устремились к Таврическому дворцу. Там заседали депутаты Государственной думы, представители ряда политических партий, делегаты от воинских частей, заводов и фабрик, ряд видных революционеров. Был создан Временный исполком Совета рабочих и крестьянских депутатов (в основном, из социал-демократов и эсеров). Таврический дворец заполнили вооруженные люди с винтовками, красными бантами. Среди них, видимо, были и те, кто, по некоторым сведениям, получал из «революционного фонда» ежедневно по 25 рублей. Всюду царил неразбериха. Милоков в мемуарах скажет, что «в этот момент в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров», а беспорядки «приняли обличье форменной революции». Когда толпа залила Таврический дворец, где заседала Дума, произошло то, что потом испытали на себе сотни

тысяч буржуазных либералов и демократов. «С первого же мгновения этого потопа отвлечение залило мою душу, и с тех пор оно не оставляло меня во всю длительность «великой» русской революции» (Шульгин). Что творилось в помещении Таврического дворца — этого не может воспроизвести даже и самое пылкое воображение. «Солдаты, матросы, студенты, студентки, множество всякого сброда, какие-то депутации, неизвестно кому представляющиеся, какие-то ораторы на столах и стульях, выкрикивающие что-то совершенно непонятное, арестованные вроде меня в сопровождении такого же конвоя, снующие френчи, вестовые, неведомые люди, передающие кому-то какие-то приказания, несмолкаемый гул голосов, грязь и сутолока, в которой бродят сконфуженные тени недавно еще горделивых членов Государственной думы, собиравшихся разом показать всему миру волшебный переворот, совершившийся без пролития крови в судьбах России». Вот и американец Р. Пайпс в известном труде «Русская революция» называл гарнизон Петрограда «сбродом». Но если даже назвать на-

род «сбродом», то надо тогда все же признать, что сей «сброд» был на стороне восставших, численностью заметно превосходя верные правительству части. В ходе Февральской буржуазно-демократической революции самодержавие рухнуло под напором масс ...

Приказ об аресте царицы во дворец привез не кто иной, как генерал Корнилов. Объявив Александре Федоровне об аресте, Корнилов, как писала «Русская Воля», распорядился приставить стражу к телефонам и телеграфу во дворце, чтоб изолировать бывшую царицу. Императрица (уже бывшая) сразу заплакала и забилась в истерику. Корнилов, по словам Бенкендорфа, заверил ее, что арест — мера сугубо охранительная и что царская семья после выздоровления детей будет отправлена в Мурманск. Николай почти не сопротивлялся заговорщикам: «Для себя и своих интересов я ничего не желаю, ни за что не держусь, но считаю себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред России, а завтра умоют руки, подав в отставку...» Эти слова никого из за-

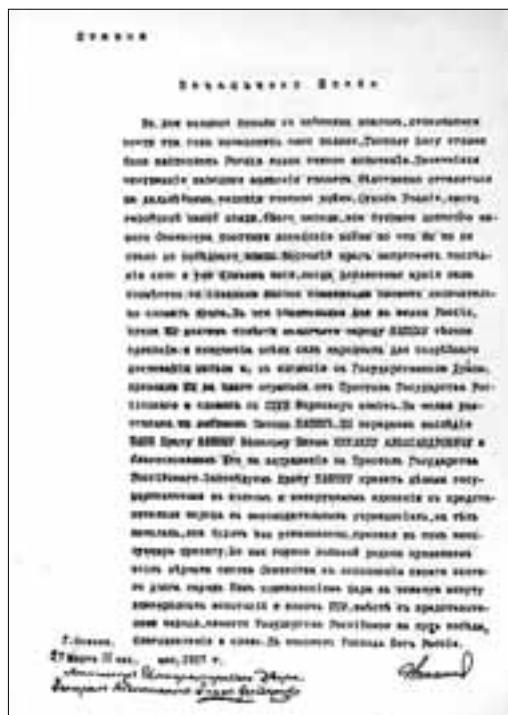

Отречение Николая II от престола в ночь 2 марта 1917 г.

говорщиков не могли убедить. Те настояли на отречении царя, мотивируя действия требованиями народа. В конце концов под давлением военных, Шульгина и Гучкова, которые и набросали акт об отречении, Николай II 2 марта 1917 г. принял решение отречься от престола (за себя и цесаревича), передав власть брату Михаилу.

Возможно, Романовы были обречены... Интересно, что В.О. Ключевский, шести лет не доживший до конца царствования Николая II, говорил, что наследник царя царствовать не будет. С.Н. Трубецкой на приеме у государя прежде всего заметил его глаза «с выражением жертвы обреченной», ему по чисто профессорской привычке, видимо, стало тут жаль российского императора — «как студента на экзамене». Подписав отречение, Николай на следующий день со странным спокойствием занес в дневник: «Спал долго и спокойно». А. Блок в «Последних днях императорской власти» отмечал то, как поразился Гучков тому, с какой легкостью ими было получено отречение царя. «Сцена произвела на него тяжелое впечатление своей обыденностью, и ему пришло в голову, что он имеет дело с человеком ненормальным, с пониженной сознательностью и чувствительностью. Царь, по впечатлению Гучкова, был совершенно лишен трагического понимания события: при самом железном самообладании можно было не выдержат, но голос у царя как будто дрогнул только тогда, когда он говорил о разлуке с сыном». Документ об отречении подписан 2 марта 1917 г. в 23 час. 40 мин. Царь уехал из Пскова в Могилев, оставив в дневнике записать: «Кругом измена, трусость и обман».

В «Очерках Русской Смуты» А.И. Деникин попытался ответить на вопрос, почему армия после отречения Николая II не предприняла попыток восстановить статус кво. Лишь командуящий Румынским фронтом, генерал В. Сахаров назвал заговор буржуа «гнуснейшим предложением», сказав: «Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей». Деникин писал: «Многим кажется

Документ об отречении Николая II

удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи... Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной «демократической республики», что в ней не было «верных частей» и «верных начальников», которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно, были... Но сдерживающим началом для всех них явились два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие; и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все главнокомандующие — признали новую власть». Эти попытки что-то объяснить выглядят неуклюжими и унижительными.

Рузский и Алексеев вынудили царя от-

Николай II после низложения

речься. Рузский писал: «Сомневаюсь, чтоб мне удалось бы уговорить государя, если бы не телеграмма Алексеева». Поведение генералов иначе, как прямой изменой, не назовешь. В.С. Кобылин в «Заговоре генералов» пишет: русский народ, видя, «что Царя нет, что Царь низложен своими же генералами и заключен ими же, не захотел слушаться этих же генералов. Бунт, начавшийся подонками, рас-пропагандированными злобными изуверами-социалистами, перешедший в революцию из-за поддержки заговорщиков из Думы и государственный переворот, совершенный генералами во главе с Алексеевым, давали свои плоды: Хам торжествовал. 2 марта в момент насилия, совершенного генералами над императором (добровольное отречение), перевернулась страница не только Русской Истории, но Истории всего мира». Но чему же удивляться?! О последнем министре обороны Российской империи, генерале от инфантерии М.А. Беляеве писали: «Это был еще не старый генерал лет сорока пяти. Между

собой офицеры называли его «мертвой головой». И действительно, его череп, плотно обтянутый сухой кожей, редкие волосы, глубоко сидевшие в глазных впадинах глаза невольно напоминали череп мертвеца. Но в глазах Беляева светилась своеобразная жизнь, чувствовался умный и хищный зверь». Изменники вскоре ушли из жизни: Алексеев умер на юге, Корнилов убит в бою, Рузский будет порублен большевиками, как кочан гнилой капусты. так же предали и СССР.

Робкие шаги по сохранению монархии предпринял ген. Н.И. Иванов. Пытаясь подавить зарождавшийся бунт, он поднял по тревоге батальон георгиевских кавалеров-ветеранов при Ставке (800 человек) и двинулся в Царское Село. На станции Дно он усмирил эшелон мятежными солдатами. Генерал подошел к пьяным солдатам и применил к ним «патерналистские методы». Выставив воинственно бороду-лопату, он крикнул им — «На колени!» Приказ был на удивление быстро выполнен, и дисциплина восстано-

лена. «Революционных» солдат разоружили как собственные сослуживцы, так и бойцы из батальона георгиевских кавалеров. Строптивых посадили под арест. Но такая покорность была исключением. Конный корпус генерала, графа Ф.А. Келлера, не веря, что царь отрекся добровольно, также готов был двинуться на Петроград. Но на роль «наполеоновской гвардии» ни Иванов, ни Келлер явно не тянули: их миссия завершилась полным фиаско. Спасти монархию эти спорадические усилия уже не могли. Ведь серьезной опоры в войсках у монархистов не было, аресты активистов революционных организаций успеха не давали, попытка ввести подрозверстку провалилась, расстрел демонстрантов на Знаменской площади и Невском проспекте накануне революции лишь подлил масло в огонь всеобщего недовольства. И 27 февраля 1917 г. войска Петроградского гарнизона перешли на сторону революции. Романовы ошиблись, полагая, что «их народ» будет воевать за веру, царя и отечество (до последнего солдата). Как известно, такое заблуждение дорого обошлось царизму и правящему классу, слепо и тупо уверовавших в верность солдат, «чудо-богатырей». Народные массы России были настроены революционно и не желали никаких царей — ни Михаила II, ни кого-либо еще. Так вот монархия в России приказала долго жить.

Чтобы яснее понять причины крушения Российской империи, следует привести мнение умных людей из окружения царя, хотя бы великого князя Александра Михайловича (1866—1933). Генерал-адъютант и адмирал, он заведовал авиационной частью в российской армии в годы Первой мировой войны. Князь рисует довольно любопытную картину, которая дает представление о весьма широком фронте оппозиции последнему царю Российской империи, в том числе среди избранных членов общества: «Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы красная опасность исчерпывалась такими любителями аплодисментов, как Толстой и Кропоткин, такими теоретиками, как Ленин и Плеханов, старыми психопатками вроде Брешко-Брешковской или Фигнер и авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразной болезнью, на-

Генерал-адъютант Н.И. Иванов

стоящая опасность революции заключалась в многочисленных переносчиках заразы: мышах, крысах и насекомых... Или же, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляли армию разносчиков этой заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч Советов или юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить, — пишет князь, — многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в книги российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах» (1931). Как надо было поступить с великосветскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли про царя и царицу «гнусные слухи»? Как надо было поступить в отношении отпрысков старинного рода Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что делать с князем Трубецким, ректором Московского университета, превратившим старейшее русское высшее учебное заведение «в рассадник революционеров»?

Что делать с Милюковым, Витте, думцами,

Князь Александр Михайлович

что ездят по за границам и там порочат царский режим? Все эти вопросы члена царского семейства тогда повисли в воздухе! Но великий князь мог бы и значительно расширить круг обвинений, включив в число прямых виновников и членов царствующего дома Романовых. Те вели себя, как скорпионы в банке, кусая друг друга исподтишка, — великий князь Николай Николаевич и двоюродный брат Николая, Кирилл Владимирович, командир Гвардейского экипажа. Это он снял охрану Александров-

Князь Кирилл Владимирович

ского дворца, где жила царица с детьми, отозвав его из Царского Села в Петербург. Царь узнав об этом, взволнованным голосом заявил Воейкову: «Все изменили... Первый Николаша». В феврале 1917 г. Кирилл Владимирович вывесил красный флаг у дома и, нацепив красный бант, направился в Думу выражать ей свое почтение и полную лояльность. В начале марта Кирилл Владимирович дал интервью «Петроградской газете», где обливал грязью царя, царицу, обвинял их в германофильстве и пр. Он демонстративно, с «революционным» красным бантом, вышагивал в толпе. «На улицах красные флаги, и красные банты в петлице, и праздник ликующих толп...»

Историк П.В. Мультипули пишет: «К 1914 г. русская правящая элита и многие представители императорской фамилии были также охвачены стремлением к переменам, их тоже не устраивала неизбежность русской традиционной власти. Служение Царю и Отечеству все больше заменялось у нее государственным прожектерством, склонностью к тайным обществам, политическим интриганством. Император Николай II при вступлении на престол получил в наследство страну, морально готовую к революции. Внешнее благополучие и спокойствие были обманчивыми...» Однако нельзя не видеть и того, — а это чрезвычайно важно — что действия генералов были во многом predetermined настроенными, царившими уже к тому времени в армии. Сколь глубок и серьезен кризис монархизма (в том числе среди немалой части офицерства), можно судить по атмосфере тех дней. Показательны воспоминания штабс-капитана А.М. Василевского, воевавшего на фронтах мировых войн и впоследствии ставшего красным маршалом. Воюя на Румынском фронте, где значительным было влияние консервативных сил, он так описал настроения рядовых людей в русской армии: «Среди офицерского состава, в том числе и в нашем полку, чувствовалась некоторая растерянность. Значительная часть кадрового офицерства, монархически настроенная и не желавшая вообще никакой революции в стране, откликнулась в августе на призыв нового Верховного главнокомандующего, генерала Л.Г. Корнилова и была официально направлена в его распоряжение.

Другая часть офицеров, особенно из тех, что пришли в армию в период войны (прежде всего наиболее прогрессивная в 26-м корпусе нашего фронта), постепенно сближались с солдатскими массами. Этой дорогой, сначала медленно, а затем все быстрее шел и я... Падение монархии я встретил с энтузиазмом. Теперь мне казалось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают поразному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую — те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? Нет! — отвечал я сам себе. Значит, правда не там, где я искал ее раньше. Окончательный удар по моим иллюзиям нанес Корниловский мятеж. Я постепенно стал осуждать войну, проникся недоверием к Временному правительству». Солдаты отказывались стрелять в собратьев, стрелять в тех, кого буржуазия и тогда и сейчас предпочитает называть не иначе как «сбродом».

Знаковым стало и то, что все приближенные в одночасье оставили царя и его семейство. Один из приближенных писал: «Когда произошел переворот и царская семья находилась в Царском, я не хотел уезжать из Царского, не простившись с семьей. Я знаю, что никто тогда, даже из самых приближенных к ней лиц, не хотел идти к ней, кроме одного священника». Троцкий отмечал в «Истории русской революции», что «среди командного состава не нашлось никого, кто вступился бы за своего царя. Все торопились пересечь на корабль революции в твердом расчете найти там удобные каюты. Генералы и адмиралы снимали царские вензеля, надевали красные банты. Штатские сановники и по положению не обязаны были проявлять больше мужества, чем военные. Каждый спасался, как мог». Хотя, по свидетельству генерала Н.М. Тихменева, начальника Военных сообщений, процедура расставания с царем оказалась для многих тяжелой: «Судорожные, перехваченные всхлипывания не утихали... Офицеры Георгиевского батальона — люди, по большей части несколько раз раненные, — не выдержали: двое из них упали в обморок. На

**«Державная» икона, явленная в день отречения
Николая II 2 марта 1917 г**

другом конце залы рухнул кто-то из солдат-конвойцев».

Можно понять человеческие чувства Николая II, когда он воскликнул: «Что же мне оставалось делать, когда все мне изменили?» Однако вопрос ставить надо иначе: «Что представляет собой царь и строй, которому вдруг все изменили?!» Хотя, говоря словами А.С. Пушкина, нам не хотелось бы быть «заступниками кнута и плети», однако бывают в истории и такие минуты, когда сам царь в первую голову заслуживает «первого кнута». Образно и точно сказал о причине столь сокрушительного краха самодержавия Ленин, выступая с лекцией «Война и революция»: «Рабочая революция растет во всем мире. Конечно, в других странах она труднее. Там нет таких полоумных, как Николай с Распутиным. Там лучшие люди своего класса во главе управления. Там нет условий для революции против самодержавия, там есть уже правительство капиталистического класса. Талантливейшие представители этого класса давно там правят» (14 мая 1917 года). Ленин был уверен, что царь обязательно окажет сопротивление, привлечет на свою сторону хотя бы часть армии, издаст манифест о заключении сепаратного мира с Германией. Тогда всем планам заговорщиков и революционеров пришел бы конец. Но Николай II был патологически бездарен. Впоследствии будут делаться сотни и тысячи попыток

найти объяснение «феномену предательства» государя императора буржуазией, верхушкой военных и вообще «элитой». Запоздалые признания идеологов буржуазии указывают и на главного виновника Февральской революции, которую гораздо правильнее было бы назвать заговором российской буржуазии. Поистине эта война стала для России началом искупления... Революция была неизбежна.

Возможно, своеобразным небесным указанием на то, что свершившееся было угодно не только народу России, но и Богу, было чудесное явление иконы Божией Матери «Державная», каковое имело место 2 марта 1917 года в селе Коломенском под Москвою. Говорят, на икону ту указала некая крестьянка, увидевшая образ Богородицы в своем сне. Когда принесли самую большую старинную икону и промыли ее от многолетней пыли, перед взором всех предстала Мать Божья, в руках у которой были царский скипетр и держава. И та сказала, что отныне она Сама будет охранять Россию. После обнародования «чуда» все стали гадать, что оно означает. Одни считали, что тем самым Го-

сподь явил «милость» и «любовь» к русскому народу. Другие задавались мыслью: не было ли явление «Державной» иконы знаком близкого гнева Божия за революцию, за бунт против царя как Помазанника Божьего? На это якобы указал и алый цвет порфиры «Державной» Богородицы, в котором можно было узреть символ моря крови, которая прольется. По мнению М.А. Бабкина, автора комментариев к книге архивных документов по истории отношения РПЦ к революциям, непосредственной целью духовенства, предложившего их толкование явлению иконы, было декларирование определенного оправдания (со стороны Русской церкви) самого факта свержения царской власти. Согласно их версии, в России со 2 марта 1917 г. вместо царя Николая (земного и грешного человека) стала незримо «править» Пресвятая Богородица. Иначе говоря, Февральская буржуазная революция привела к замене царя земного на Небесную Царицу. Такого рода объяснения могут вызвать в лучшем случае улыбку. Полагаю, у этих событий были отнюдь не небесные, а вполне земные покровители.

Февральская революция 1917 г. в России

Глава 26. Заговор против империи. Кто стоял за спиной заговорщиков?

Крайне важно понять, были ли действия русской буржуазии самостоятельными или же кто-то ими руководил. Кто направлял и оплачивал их действия? Переворот готовился задолго до 1917 г. На это указывает и то, что в 1916 г. готовы были даже списки будущих министров Временного правительства. В «Людях и ложах» Н. Берберова отмечает: «Мы знаем теперь, что генералы Алексей, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны. Они немедленно включились в его «заговорщические планы». Февральский переворот был спровоцирован действиями буржуазии, действовавшей в тесном сговоре с генералитетом. Искусственно организован был в Петрограде хлебный голод. Хотя только на складах Калашниковой биржи имелось свыше 450 тысяч пудов муки. С учетом шедших к столице эшелонов город был гарантированно обеспечен мукой по май месяц включительно. Но слухи позволили заговорщикам вывести на улицы низы, запасные полки столичного гарнизона. Заговорщики получили поддержку и военного министра Поливанова. С довоенного времени тот был тесно связан с Гучковым...

Масонство

Еще до войны он писал: «В 1905 году революция не удалась, потому что войско было за государя... В случае новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне; поэтому я исключительно занимаюсь военными вопросами и военными делами». Солдатам же эта война давно уж осточертела.

Политической силой, подхватившей буквально валявшуюся тогда на дороге власть, и были масоны... Кто только не писал о роли масонов в дореволюционной России: и этнограф А.Н. Пыпин, двоюродный брат Чернышевского, и романист Вс. Соловьев (сын известного историка), и писатель А.Ф. Писемский, создавший роман «Масон». Масонству отдали дань декабристы, а Лев Толстой счел возможным направить своего героя Пьера Безухова в одну из лож. Виновниками заговора считают масонов. С.П. Мельгунов в вышедшей в Париже книге «На путях к дворцовому перевороту» (1931) показал, что подготовкой и организацией Февральского переворота руководили две группы масонов — военная во главе с А.И. Гучковым и гражданская — во главе с А.Ф. Керенским. Г.М. Катков в книге «Февральская революция» прямо говорит: «Нигде влияние масонского движения не приобретало более важного значения, чем в подготовке государственного переворота с целью покончить с правлением Николая II». Эта масонствующая эсеровская публика вся была на одно лицо... Роль их в политической жизни страны вначале была слабой (8 человек из 518 депутатов во II Государственной думе). Тем не менее показательно, что именно из их числа и будет избран председатель Государственной думы, земский деятель и масон Ф.А. Головин. В большинстве крупных городов вдобавок ко всему эсеры-евреи летом 1917 г. были избраны городскими головами (мэрами): в Москве — Минор, в Петрограде — Шрейдер. Во главе Петроградского совета в 1917 г. от эсеров встал еврей Абрам Гоц. Эта партия получала немалые деньги из США, от евреев. Гершуни (агент и провокатор) гово-

Заговорщики-масоны

рил о лицах, дающих десятки тысяч рублей партии, но вовсе не стремящихся стать ее членами. «Партия получила также значительную поддержку из США, где в таких центрах, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, были крупные колонии русских евреев, крайне враждебных царизму». Г.В. Плеханов успехи этого тайного общества объяснял отнюдь не проповедью самосовершенствования или человеколюбия, что значились на знамени масонов. Все действия «братьев» говорили, что на самом деле эта организация представляла собой не сообщество взаимного возвышения, а шайку лиц, связанных узами воровской «этики» («Ты — мне, я — тебе»). «На первых порах орден завоевывал верность вновь поступившего члена, оказывая ему немедленную помощь. Под страхом лишиться полученных выгод все благодетельствованные делались послушными своим таинственным покровителям. Те же из них, кто обнаруживал свою способность отрешиться от таких «предрассудков», как верность присяге, получали от руководства все более соблазнительные и выгодные протекции и, соответственно, поднимались вверх по иерархической лестнице братства. «Ты — мне, я — тебе» — оказывается, этот торгашеский принцип давным-давно утвердился в ложах. А железная спайка между дельцами всех профессий и убеждений служит гарантией сохранения тайны».

Эта зарубежная свора, господа, вспоенные и вскормленные за границей, как и нынешние «либералы и демократы», а также многие центристы и даже «социалисты», хотели они

того или нет, сыграли роль пятой колонны. [Не случайно среди масонов, по слухам, пребывали два главных губителя СССР — Горбачев и Ельцин] Биографический словарь русских масонов XX столетия Н.Н. Берберовой называет и имена: Г.Е. Львов, А.И. Гучкова, Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко, А.И. Мануйлов, А.И. Шингарев, А.Ф. Керенский, В.Н. Львов, И.В. Годнев. Под сомнением лишь имена П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова, хотя некоторые и их причисляют к скрытым масонам. Сюда же надо добавить А.Д. Авксентьева, П.А. Бурышкина, И.Н. Ефремова, А.В. Карташова, Ф.Ф. Кокошкина, А.И. Коновалова, П.Н. Переверзева, С.Н. Прокоповича, Б.В. Савинкова, М.И. Скобелева, В.А. Степанова, А.В. Ливеровского, А.Я. Гальперна, Н.С. Чхеидзе (из Петроградского совета) и других. И вовсе не случайно главой Временного правительства вскоре стал А.Ф. Керенский — на его квартире и состоялось первое послереволюционное заседание Верховного совета Великого Востока народов России (2 марта 1917 г.). В.Д. Бонч-Бруевич в 1930 г. говорил о Керенском, что тот был «вспоен и вскормлен масонами, еще когда он был членом Государственной думы и был специально воспитываем ими» в качестве наиболее подходящего кандидата на роль политического руководителя во время ожидаемого движения за свержение самодержавия. По словам профессора В.И. Старцева, изучавшего роль масонов в России, они «первыми воспользовались результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 г.». Еще перед Февральской революцией, по сообщению Л. Кандаурова, Верховный совет масонских лож в России «поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначил в Петрограде на случай волнений сборные места для членов лож». Тут были и скрытые намерения, о которых открыто не говорили. За кулисами событий действовали финансовые монополисты, в планах которых входило: поставить Россию на колени, ослабив ее как державу максимально. С этой целью в Европе и России активно действовали агенты Ротшильда. В Германии масон граф Бокдорф, посол немцев в Копенгагене, наладил связь масонов и еврейского миллионера Израиля Гельфанда (Парвуса) с немцами. Два

Коновалов А.И.

одессита, Троцкий и Парвус, были «духовно» близки. Оба еврея служили сразу нескольким богам — Уолл-стриту, английской и немецкой разведкам, «мировому социализму», всем, кто давал деньги. 29 декабря 1915 г. Парвус выдал расписку на получение первого миллиона золотых рублей «на организацию революции в России». Будучи платным агентом Германии, Парвус работал и во славу еврейской революции и на немцев, получив от немцев 1 млн золотых немецких марок. Эта часть финансирования шла через еврейский банк Макса Варбурга в Гамбурге.

В феврале 1917 г. самодержавие в России свергнуто в результате масонского заговора (в том числе). Сформированное тогда же Временное правительство было целиком составлено из масонов, братьев лож Великого Востока. Утверждение это ранее подвергалось сомнению и замалчивалось (на протяжении 70 лет), пока не получило подтверждения открытием масонских архивов. Сейчас же не оспаривается никем, но особо и не афишируется. Одним из масонов был адвокат В.А. Маклаков (1870—1957), ученик адвоката Ф.Н. Плевако. Маклаков, как мы бы сказали, давно уж был «завербован Западом» и активно работал в пользу Франции против России. Будучи с 1906 г. в кадетской партии, Маклаков служил интересам Франции и в Думе, подобно тому как служили интересам монополий

*Некрасов Н.В..**М.И. Терещенко**Керенский А.Ф*

П.П. Рябушинский — банкир

и зарубежья иные депутаты Думы и деятели России в конце XX — начале XXI вв. Его членский диплом, билет масонской ложи «Великий Восток Франции», объединявший масонов Высшего совета Франции и французских владений, заверенный печатями, гласил: «По просьбе, представленной Ложей Масонский Авангард Парижского Ордена и по ее аттестации, Брат Маклаков В.А., рожденный в России, 8 мая 1870 г., живущий в Москве, был возведен в степень Мастера 18 апреля 1906 года. Мы, должностные лица Великого Востока Франции, выдали Брату Маклакову В.А. настоящий диплом Мастера, тем самым подтверждая, что он может воспользоваться всеми правами, полагающимися этой степени, рекомендуя его радушию наших Братьев и обещая взаимность всех франкмасонов, местных и зарубежных, имеющих подлинные и действующие документы». Н ветви и печати. Это во многом объясняет не только его политические позиции, но и то, что тот в дальнейшем занял пост посла во Франции, предоставленный ему Временным правительством в 1917 г. Действительно, число масонов росло от одного Временного правительства к другому (и в последнем правительстве уже все министры России — члены масонских лож).

Есть свидетельства, указывающие и на то, что за масонские ниточки дергали и евреи — как в России, так и за рубежом. Так, С.Н. Булгаков, о котором В. Кожин писал, что его основные представления и убеждения,

если определять их место в политическом спектре начала XX в., совпадали с черносотенными, заметил о себе: «Из Госдумы я вышел таким черным, каким никогда не бывал». Февральскую революцию он воспринял негативно. «Начали ловить и водить переодетых городских и околоточных с диким и гнусным криком... появились сразу зловещие длинно-волосые типы с револьверами в руках и соответствующие девицы... У меня была смерть на душе... А между тем кругом все сходило с ума от радости... брехня Керенского еще не успела опостылеть, вызвала восхищение (я еще за много лет по отчетам Думы возненавидел этого ничтожного болтуна)... Я... знал сердцем, как там, в центре революции ненавидели именно Царя, как там хотели не конституции, а именно свержения Царя, какие жида (выделено С.Н. Булгаковым. — В.К.) там давали направление. Все это я знал вперед и всего боялся — до царевубийства включительно — с первого же дня революции, ибо эта великая подлость не может быть ничем иным, как царевубийством, которое есть настоящая черная месса революции. И вот понеслась весть за вестью: Царь отрекся. Одновременно в газетах появились известия об «Александре Федоровне» (по жидовской терминологии, с которой нельзя было примириться)». Может оно и так, но только не надо из монархии делать столп нерушимый. Николай II никак уж не напоминал «скалу, на которой утверждаются копыта повисшего в воздухе русского коня». В том и дело. А был это трухлявый болотный пень. Однако мы и тут не склонны все объяснять масонами и «жидомасонским заговором». Опять «жиды» — Земли прореха?!

Поэтому смешно слышать, когда причины революций на этом основании иные сводят исключительно к масонам и заговорам. Не стоит комаров принимать за орлов. Надо верно расставлять акценты, чтобы не стать жертвой масонофобии. Масоны в России 1916—1917 гг. были, но их влияние в массах было *quantite negligeable* (ничтожно). «В качестве политического оружия этот тезис просто неэффективен, ибо заговорщики февраля 1917-го всего через несколько месяцев оказались бессильными и несчастными изгнанниками», — подчеркнул американский историк

и политолог У. Лакер. Когда в октябре 1917 г. власть перешла к большевикам, масонам пришлось покинуть Россию. Их остатки создали «Ложу Астрея», их лидер Б. Астромов предложил свои услуги ГПУ в обмен, так сказать, на большую «терпимость» властей. Это не спасло ни организацию, ни его самого. В 1926 г. Астромов и все члены ложи (21 человек) арестованы и отправлены в лагеря.

Если на то пошло, имелись более влиятельные круги, что были заинтересованы, во-первых, в недопущении России в стан победителей (а значит, в ее усилении), во-вторых, в ее исчезновении с карты мира как самостоятельного и единого государства. В этом кое-кто на Западе заинтересован и сегодня, чего, кажется, в Кремле до конца так и не поняли. Есть основания утверждать, что буржуазный переворот в России 1917 г. осуществлен не без участия зарубежных правительств Антанты, Англии, Франции и США, при их щедрой финансово-идейной поддержке. Правда, Черчилль делает «удивленные глаза». Бывший английским военным министром, по долгу службы, как считают, знавший положение в стане союзников, он писал про Николая II: «Его усилия преуменьшают; его действия осуждают; его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным?... Никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России... В феврале царь был на престоле. Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен, и победа бесспорна... Держа победу уже в руках, Россия пала на землю живо, как древний Ирод, пожираемая червями». Он не говорит лишь об одном — этого хотели почти все союзники. Запад хотел крушения России, буржуазия хотела власти, и ради этой упоительной, вожденной, сладостной цели не пожалела ни России, ни ее народов.

Директор Департамента полиции А.А. Лопухин, впоследствии тесно связанный с масонскими кругами, в 1903 г. задавался вопросом, откуда революционеры берут деньги на свою антирусскую работу, сам же и отвечал на него: «Масонство... в котором главную роль играют все-таки евреи, страшно нам как сила не действующая, а оказывающая поддержку;

Черчилль — военно-морской министр Англии

от него, по всей вероятности, у революционеров деньги». Финансировали буржуазных революционеров в России не только масоны-евреи, но и иностранные спецслужбы. Постоянными гостями посольства Англии были князь Львов, Милюков, Родзянко, Гучков... Показательно и то, что известие о падении монархии вызвало бешеный взрыв восторга в английском парламенте, сопровождаясь овацией. В.Ф. Иванов в книге «Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней» указывает на то, что мировой буржуазии не нужна была сильная Россия, управляемая в имперском духе: «Английские политики поддерживали русских заговорщиков, которые имели неоднократные совещания с английским послом в Петрограде Бьюкеном и пользовались с его стороны полной поддержкой. Из Англии шла пропаганда о том, что русский двор готов заключить сепаратный мир и предать национальные интересы России и интересы союзников». Посол Великобритании Дж. Бьюкенен признавал, что был извещен о сроках Февральской революции за две недели до ее начала. Заговорщики заранее предупредили представителей Антанты о выступлении. Английскому послу сообщили, что перед Пасхой должна произойти революция, но ему нечего беспокоиться, ибо «продлится не более двух недель».

Приводят слова, якобы сказанные Ллойд Джорджем, получившим известие о событиях в Петрограде и отречении царя: «Одна из целей войны для Англии теперь достигнута». Тут стоит вспомнить, что именно Англия на-

травливали на Россию Японию, заключив с ней в 1902 г. договор. Английская разведка приняла участие в заговорах и убийствах в России, она работала с Троцким, посылая ему директивы, требуя прервать переговоры с немцами, в результате чего последует Брест-Литовск, Англия заставила того же Троцкого потопить и Балтийский флот. «Верные союзники» солидарны в ненависти к России и воодушевлены одним желанием: чтобы Россия «за принесенные неисчислимые жертвы получила разгром — если не на фронте, то при помощи революции». Союзникам не улыбалась перспектива после войны иметь дело с сильной Россией, еще и расширившей сферу ее геополитического влияния на Среднем Востоке, Балканах и в Центральной Европе. В частности, англичане опасались, что договоренность меж союзниками о присоединении к России после войны Константинополя и Черноморских проливов придется выполнять. Ей это было совершенно ни к чему. «Употребив» Россию для сокрушения Германии, они приветствовали государственный переворот в России, ибо «Англии не нужна сильная Россия», как потом открыто поведал Ллойд Джордж. Надо сказать, политика понятная, но недальновидная. С английскими политиками были солидарны вожди сионистов, которые считали, что «только побежденная Россия в полной мере может обеспечить национальные интересы еврейства». Итальянский министр Нитти цинично и прямо заявил тогда, что победа России в мировой войне «была бы величайшим несчастьем для цивилизации». Такова уж Европа! Помните об этом.

Все «демократические» организации в России были (а похоже, что и остаются) на содержании иностранных спецслужб. Украинские самостийники и польские сепаратисты — на содержании у Англии и Германии, закавказские группировки — у Турции (ныне — у США), еврейские — у США, Франции, Великобритании, Израиля. В 1904—1905 гг. почти все революционное движение России, утверждают некоторые, «работало» на деньги японского правительства. «Питательным бульоном, на котором вызревали антирусские силы, была определенная часть еврейской организации, и прежде всего сионизм — локо-

мотив движения других антирусских партий». Сионистское движение в России формировалось на базе «Общества по распространению просвещения между евреями России». Оно создавало тщательно законспирированные структуры. В 90-е годы XIX в. в Москве существует кружок «Друзей Сиона» под руководством доктора Членова. На территории России — в Варшаве, Вильно, Друскининкае, в других городах — проходят сионистские съезды и сходки. Коалиция между зарубежными правительствами и еврейской диаспорой в России очень сильно развита. В конце февраля 1917 г. организация сионистов направила английскому послу в Петрограде Бьюкенену весьма представительную организацию с благодарственным адресом. В частности, там сказано: «Мы считаем особо благоприятным стечением обстоятельств то, что в этот исторический момент интересы еврейского народа и британской нации совпадают». Показательно и горячее поздравление банкира Шиффа министру иностранных дел Временного правительства Милюкову 19 марта 1917 г. Этот американский еврей-миллионер, что впоследствии якобы передал Якову Свердлову приказ уничтожить семейство Романовых, по данным французской разведки, ранее передал 12 миллионов долларов для совершения «русской революции». Откровенно высказался по поводу Февральской революции американский издатель газеты «Вперед» Авраам Каган, заявив, что революция в России — это прежде всего «победа еврейства». Такое же мнение преобладало в западной части Нью-Йорка (главное место их проживания), где ликованием евреев в те дни просто не было предела. «Мы почувствовали, что это событие — великое торжество для дела еврейства. Евреи всегда занимали высокое положение в революционных советах, и вся наша нация неразрывно связана с оппозицией правительству в своем существе». Евреи потирали в предвкушении руки.

Создается впечатление, что и англичане давно уже склонялись к мысли о необходимости ниспровержения российского монарха. Д. Бьюкенен даже делал подсказки заговорщикам, что для России было бы куда лучше, если бы революция «пришла сверху». Удивительное признание, если вспомнить, что тот

**Посол Великобритании в России
Дж. Уильям Бьюкенен**

же самый Бьюкенен отмечал в воспоминаниях: «...Я установил, что Англия никогда не имела более лояльного друга и союзника, чем император Николай. Он был верен нам вплоть до самого конца, так как есть основание думать, что если бы он согласился выкупить свою жизнь и свободу в обмен за признание и утверждение Брест-Литовского договора, то германцы спасли бы его». Слова эти означают, что английские политики не только двуличны (эта черта характерна для многих политиков), но и с полнейшим равнодушием и холодным сердцем предали Николая II и его семейство, отдав их на растерзание большевикам. Русский царь давно уже пал в глазах общественного мнения Европы. Будущий премьер Великобритании Макдональд назвал его «обыкновенным убийцей» (в тех же терминах журнал «Тайм» сто лет спустя охарактеризует «царя» Ельцина). В Россию в спешном порядке прибыли руководители масонской ложи Великого Востока Франции — министр вооружений А. Тома, социалист М. Кашен. В апреле 1917 г. их принял Керенский. И те, видимо, напомнили о его масонской клятве 1912 г. и потребовали любой ценой помочь Франции. «Сам А.Ф. Керенский, — пишет В.И. Старцев, — еще в апреле 1917 г. на встрече с французской правительственной делегацией общался с ее членами-масонами «братским образом» и дал твердое обещание, что Россия не заключит сепаратного мира с Германией и не бросит свою союзницу Францию». Керенский верен обязательствам перед границей, несмотря на все доводы разума,

которые подталкивали его к необходимости выхода России из войны. Не исключено, что на руках у заграничных хозяев были его расписки за золото, полученное Керенским в обмен за русскую кровь и его премьерство.

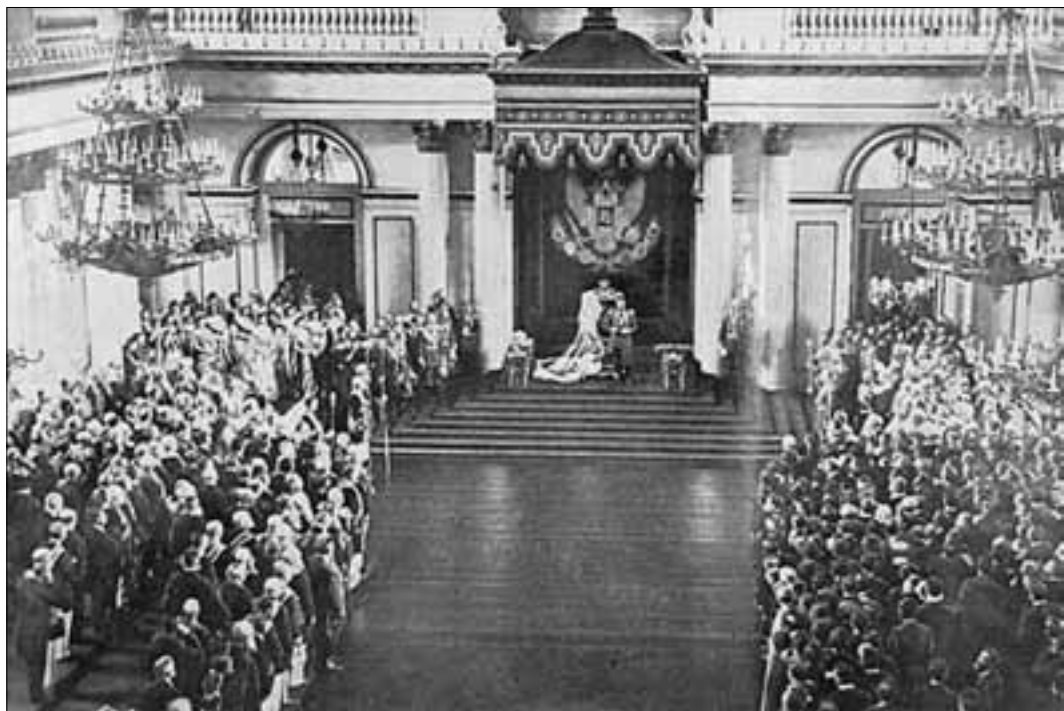
Ярким подтверждением извечной враждебности английских правящих кругов к России (любой сильной России — царской, советской, путинской) является запись в дневнике британского посла в Париже Ф. Берти, сделанная им после революции в России в феврале 1917 г. «Нет больше России, — пишет он, не скрывая глубокого удовлетворения. — Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убраться к черту и вариться в собственном соку». Западу пришлось прождать почти 100 лет, чтобы их мечта стала явью. Ничего не скажешь, «славный итог» деятельности этих предателей!

Конечно, тут можно сказать словами героя Ремизова из «Пятой язвы»: «Подлое общество, подлый народ! Для кого же дорога Россия, кто ей верен, кто о ней печется, кто держит свою клятву служить ей неизменно — непременно все русские — предатели и воры!» Но ведь те, кто впоследствии был изгнан или сбежал из Советской России, кто пролил «потoki слез» по поводу крушения монархии, должны были бы спросить себя: «А кто же более всего виноват в крахе монархии в России?» С.П.Боткин, говоря о взаимоотношениях тогдашней правящей элиты России, писал жене: «Здесь идет такая вражда друг на друга, столько зависти разлито в виде какой-то гнусной, клейкой жидкости, замазывающей все остальные человеческие свойства, что ко всякому факту надо относиться с осторожностью. Пора, пора вон из этого ада тщеславия, зависти, сребролюбия и пр., и пр.». Мы отмечали, что виновниками тех ужасных социально-политических катаклизмов, что поразили Россию в XX в., стали царизм и русская бюрократия. Консерватизм и неумелость, с одной стороны,

недальновидность и политический авантюризм, подлость и зависть — с другой, раскачали, опрокинули нашу страну. Приложили руку и думцы... Политический деятель эпохи В.В. Шульгин, говоря о причинах того, что «кораблекрушение свершилось», государственный корабль России «затонул», признал (уже через два месяца после Февральского переворота 1917 г.): «Не скажу, что вся Дума целиком желала революции. Это было бы неправдой... Но даже не желая этого, мы революцию творили... Нам от этой революции не отречься, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность». О том же писал Г.В. Вернадский, ученик В.О. Ключевского и С. Платонова, эмигрировавший из России в 1920 г., преподававший в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском университетах, крупнейший специалист по русской истории. Говоря о причине крушения монархии в России, он среди известных причин (слабость власти, недовольство политикой царя в армии и стране, экономические трудности, рабочее движение,

большевистская пропаганда) назвал, как считал, главную: «Но несмотря на все эти обстоятельства, рабочее движение (даже усиленное выступлением местного гарнизона) не означало еще революции в национальном масштабе. Только с того момента, как Государственная дума решила возглавить движение, мятеж превратился в революцию».

Как отреагировала Россия на крах 300-летней монархии? Спокойно, если даже не сказать — с воодушевлением. «Русское слово» писало о реакции крестьянской массы на крах самодержавия в России: «Даже не верится, как пушинку сняла с рукава». Скорее уж, как всем досаждавшую вошь! Дума провела специальное изыскание по поводу реакции российской глубинки на февральские события (настрой 29 губерний). Ответ людей по всей России потряс монархистов и очень воодушевил большевиков: «Широко распространенное убеждение, что русский мужик привязан к царю, без царя «не может жить», было опровергнуто той единой душой радостью, тем вздохом облегчения,

Тронная речь царя к Думе

Николай II на смотре собственного конвоя в Ставке

когда они узнали, что будут жить без того, без кого они «жить не могли». Никак нельзя согласиться с мнением А. Солженицына, который почемуто лишил 1905—1906 гг., тем более события 1917 г. права называться революцией, говоря о «симуляции революции», о «дремоте страны», о «ничтожном участии масс», о «грубом местном военном перевороте по плану, какая уж там революция?». Разве революция — обязательный выход одновременно на площади и улицы, да еще с оружием в руках, по всей стране десятков миллионов людей?! Революция — это миллионы и миллионы сердец, одновременно ненавидящих и презирающих тот или иной строй! Миллионы простых тружеников России в душе давно уже поставили крест на правящей династии, бюрократии, плутократии, царской власти! Многие взяли в руки оружие! Чувства тех 100-миллионных толп выразил в своем стихотворении поэт Валерий Брюсов:

Освобожденная Россия, —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз в былые годы
Мы различали властный зов:
Зов обновления и свободы,
Стон-вызов будущих веков!

Порой можно услышать: все, что нужно было сделать тогда царю — вызвать конвой Е.И.В. и приказать расстрелять перед строем десяток министров, предателей-генералов, представителей думской сволочи. Однако в данном случае Солженицын прав, говоря: «А Конвой? Что ж за верность оказалась у Конвоя? Десяток теркских казаков, в своих страшных туземных папахах, побредший на всякий случай отмечаться у Караулова в Думе, — зачем они пошли? Просто испугались... Да и все четыре сотни Конвоя после вековой парадной и почетной охраны им-

Император Николай II прощается с личным конвоем

ператоров — как быстро скисли: царско-сельские — надели белые повязки, выбрали комитет». Николай был слабым, ничтожной личностью. И потом, бросив армию, Ставку, пост Верховного и монарший трон, он был готов сдаться без боя. «Он предпочел сам устранить от бремени. Слабый царь, он предал нас. Всех нас». Солженицын не сказал, что царь давно уже предал свой народ и был напоен, как вампир, его кровью. Другие, напротив, укоряют царя за либерализм. Писатель В.И. Большаков замечает: «Иногда можно услышать утверждение, что в то время Государю предлагали радикальные

«спасительные меры»: «20 тысяч виселиц — и Россия надолго забудет про революцию». Автор уверяет: надо хоть чуть-чуть чувствовать внутренний мир Николая II и знать меру отступления от Заповедей Божиих всей России, чтобы понять, сколь подобный шаг несовместим с его безмерным человеколюбием. Для Помазанника Божия спасение заблудших душ — ничуть не менее важная задача, чем защита верных. Метастазы раковой опухоли проникли так глубоко в тело России, что виселиц потребовалось бы значительно больше, а на первых же из них следовало бы разместить многих членов российского Им-

Ликование солдат по поводу отречения царя

ператорского дома, большинство «народных избранников» и высший командный состав горячо любимой Государем русской армии». Иные осторожнее в оценках. Например, А. Зубов пишет: «Не берусь судить, по какому пути пошли бы события, если бы на месте Николая II оказался более жесткий и решительный правитель».

И по сей день утверждают: «Нужно было больше виселиц и расстрелов!» Что ж, возможно, будь царь мужчиной и человеком волевым, он повел бы себя иначе. Навел бы порядок в царстве и дома: заточил бы царицу в монастырь, приказал бы нашить Распутину на спину бубновый туз и сослал бы его на вечное поселение в Сибирь, откуда эта «нечистая сила» и явилась, братьев-интриганов заставил бы постричься в монахи и выслал бы на Соловки, вздернул бы на виселице или упрятал бы в казематы (на законном основании) с десятков-другой министров, генералов, адмиралов, крупных чиновников, замешанных в заговорах и воровстве, дворян и буржуазию, думскую братию лишил бы поместий, собственности и сослал бы на каторгу, революционеров-интернационалистов пристрелил бы на глазах у народа. Ну и главное: полностью изменил бы характер общественного устройства в России, раздав земли и капиталы сенаторов, как это некогда проделал в Риме император Сулла, солдатам и офицерам, а затем предоставил бы свободу действий тем, кто честно служит России и ее народу. Ему надо было лишить камарилью не только привилегий, богатств, но еще и голов. Как некогда сделал Петр Великий, подвергнув казни мятежных и всем недовольных стрельцов. И никакой революции в России не было бы, как и гражданской войны. Однако все это утопия и наивные мечты... Но чтобы прийти к такому решению, царь должен был быть Личностью. Таковым, бесспорно, был Сталин!

Другие им возражают: «Да, так мог бы поступить Сталин, но православный государь Николай II просто не смог бы залить страну кровью, — считает В. Ярхо. — Царь изначально рожден хозяином России, а не пришел к трону путем каких-то интриг или силовых действий. Ему просто незачем нару-

Сожжение царских эмблем в Петрограде

шать те законы, которые он сам же для себя и установил. Но если бы он и поступил таким образом, то спасти монархию все равно бы не удалось. Насилие родило бы еще большее насилие». Тезис о «безмерном человеколюбии» Николая II смешон. В нем никогда не было ни человеколюбия, ни хотя бы уважения к народу. Как он мог на него опереться! Подавить заговор мог иной царь, сильный, уверенный в себе, а главное, в том деле, которому служит. Такой царь просто был обязан вздернуть на одной рее царедворцев, кадетов, революционеров, генералов, бомбистов и капиталистов — Керенского, Распутину, Савинкова, Рябушинского, Милюкова, Гучкова, Троцкого и прочих. Прикончить одну половину prostituted Думы, другую — сослать на вечное поселение в Сибирь. Пусть там бы и собирала «цветы демократии». Большевики найдут «решение»: расстреляют одних, «досужие умы» вышлют

прочь за пределы России, а третьих заставляют зарабатывать на баланду честным, физическим и умственным трудом. Век страшных жестоких битв. И России предстояло исторгнуть из чрева своего не глиняного, а стального колосса!

И все же многое зависело и зависит от воли и решимости правителя! Можете ли себе представить, что Сталин в 1941—1942 гг., когда немцы были под Москвой, Питером, Сталинградом, узнав о заговоре против него, повел бы себя таким же образом! Он бы уничтожил всех, кто имел даже косвенное отношение к измене, включая семьи! И был бы прав с точки зрения национальных интересов всей страны, что ведет битву не на жизнь, а на смерть! Если бы царь физически уничтожил головку заговора российской бюрократии и революции, Россия не скатилась бы в болото анархии и позора. «Простейшая форма выживания — убийство» (Канетти). Хотя убийство, понятно, не может быть формой достойной, плодотворной и величественной жизни...

Жители Тифлиса

Однако этим занимался «цивилизованный мир» веками, причем в масштабах невиданных. Миллионы людей пришли в движение. Смена власти должна была произойти. Не всегда действия революционных сил просчитаны и обдуманы. Но то, что огромные массы людей хотели серьезных перемен в России, это бесспорно... С.А. Голубев верно описал настроения слоев общества в 1917 г.: «Революции хотели все: российская элита хотела иметь больше политической власти, которую узурпировали самодержец и его двор... Русская национальная буржуазия в своей массе являлась староверческой и давно хотела сместить Романовых. Простой народ был против всякой власти вообще. Русская интеллигенция была очарована Западом и стремилась любыми путями втащить Россию в западный мир. Революционеры стремились разрушить существующую реальность и создать новую, лучшую жизнь».

Некогда поэт Полежаев скажет в адрес народа Франции и его революции так:

Француз — дитя.
Он вам шутя
Разрушит трон
И даст закон...

Нечто похожее произошло и в России... Акт об отречении царя был восторженно встречен большей частью народа. «Какие лица хорошие. Какие есть юные, новые, медовые революционеры. И какая невиданная, молниеносная революция» (Гиппиус). Что представлял собой переворот *post mortem examinatio* (лат. — после осмотра трупа)? Г. Катков писал по поводу отречения царя Николая II: «Значение того, что произошло в ночь на 2 марта на железнодорожном вокзале Пскова, безмерно и выходит за пределы понимания участников драмы. Отречение предотвратило немедленное начало Гражданской войны со всеми ее международными последствиями, но оно также выбило почву из-под ног представителей военных и гражданских властей страны, которые могли в иных условиях организовать противодей-

Народная милиция на улице Киева. Март 1917 г.

ствии нарастающей революции. Энтузиазм, с которым была встречена революция в Петрограде и по стране в целом в последующие дни, не должен создавать впечатление, что ко 2 марта такое противодействие стало невозможным. Многие люди приняли революцию как раз из-за акта отречения: раз сам государь пришел к выводу о необходимости перемен, что могли сделать те, которые готовы ей противодействовать? Выдвигавшееся далее и позднее повторявшееся утверждение, будто борьба с революцией была невозможна из-за подъема народного недовольства, явно неосновательно. Нигде, кроме Петрограда и Москвы, а также в непосредственной близости от столицы, не наблюдалось никаких признаков стихийных выступлений. Когда же пришли вести о революции, народ воспринял их как что-то произошедшее без его непосредственного участия. Разумеется, в Петрограде обстановка была иной». Автор тут явно заблуждался.

Слова похожи на правду, но не более... С ними нельзя согласиться в принципе. Чувшь... Что значит — «нигде, кроме Петрограда и Москвы»? В России, во Франции и в

других странах все или почти все решается в столицах или же вблизи них. В конце-то концов и Великая французская революция произошла сначала «только в Париже». Вспоминаются слова Кропоткина, что говорил об истоках революции во Франции 1789 г.: «Если бы замки не пылали с мая 1789 г., не было бы ни взятия Бастилии в июле, ни ночи 4 августа». Если бы не пожары и бои с царскими войсками революционеров в 1905 г., если бы не Кровавое воскресенье, если бы не позорно проигранная Русско-японская война, если бы не 20 миллионов убитых в годы Первой мировой войны, не было бы и взятия Зимнего в 1917 г.! Отречение царя отнюдь не предотвратило Гражданской войны — оно ее только отложило, и то на короткое время! Народ наш не желал быть тем «органчиком», что готов вечно слушать мелодию «Боже царя храни!». Он перестал быть и зрителем Российской империи, безмолвно наблюдающим за всем происходящим («Народ безмолвствует»), решительно выйдя на историческую сцену как первое, главное лицо «спектакля».

Конечно, можно бубнить о столицах как о «гнездах заговора»... Но ведь бурлила вся

страна. Власть всюду переходила в иные руки... Городским головой Батуми был избран бывший народник И.З. Андроников (с 1902-го по 1916 г.), в Кутаиси городским головой являлся с 1901-го по 1911 г. руководитель местных кадетов Д.А. Лордкипанидзе, в Баку городским головой был А.И. Новиков, входивший в партию эсеров, член Радикальной партии (1903—1904 г.), в Тифлисе городскую Думу с 1891-го по 1895 г. возглавлял бывший народник П.А. Измайлов, затем его сменил на этом посту князь В.Н. Черкезов. В свою очередь, на смену ему придет А.И. Хатисов. Последний вспоминал: «До меня городским головой в Тифлисе был грузинский князь Черкезов, помощником которого я состоял в течение трех лет, и могу сказать, что он-то и начал исключительную роль посредничества между властью и революционными партиями. Я продолжал эту роль, исполняя ее в течение десяти лет». Так вот столпы империи вдруг подались в «революционеры».

В действительности имел место ползучий переворот, и прежде всего на окраинах страны. «Любимец наместницы, всей администрации (писали о А. Хатисове), благословляемый армянским католиком, экзархом Грузии, поздравляемый Охранным отделением, Сысской полицией и Комендантским управлением, пьющий за здоровье русского воинства, одновременно был дашнак, эсдек и кадет». Но и тут странности не кончаются... А. Хатисов не только знаком был, но и поддерживал тесные отношения с большевиками, Ф. Махарадзе, Б. Мдивани, Б. Охерашвили, С.А. Тер-Петросяном (Камо) и др. А ведь А.И. Хатисов — брат известного бакинского заводчика и видного деятеля партии «Дашнакцутюн» К.И. Хатисова. При этом он сам входил в состав Тифлиссского комитета партии «Дашнакцутюн», активно «собирал деньги на революционные цели». Какая-то фантазмагория, театр абсурда, карнавал с масками. Даже в состав Тифлисской городской управы входят лица, так или иначе связанные с революционным подпольем. К примеру, пост секретаря управы с 1894-го по 1908 г. занимал народоволец С.Ф. Чрелаев. Но и это не все. Представь, по сведениям тифлисской охранки, полученным в 1908 г., помощник полицмейстера Кандела-

лаки состоял в партии социал-демократов и укрывал революционеров... Несмотря на это, упомянутый Канделаки вплоть до 1917 г. оставался в кресле помощника тифлисского полицмейстера. Когда в 1905—1906 гг. в Кутаиси арестовывали революционеров, руководитель Имеретинско-Мингрельской организации РСДРП Б. Бибинейшвили в течение 3 дней преспокойнейшим образом скрывался от казаков в здании полицейского участка. Эти факты говорят о массовой природе революционных настроений и ожиданий в России. Почти все или очень многие по разным причинам желали ниспровержения монархии и царизма. И нередко рука об руку с социал-демократами действовали местные националисты.

Следует опровергнуть и еще один миф, миф о якобы бескровном характере Февральского переворота. Лидер кадетов В. Чернов, председатель разогнанного Учредительного собрания писал об ожесточенном характере столкновений в России в феврале 1917 г. «Власть пыталась защитить прежние привилегии и монополии. После этого под знамя свободы собрались все униженные, оскорбленные, угнетенные и эксплуатируемые». Наступило время, когда все вопросы решались уже не с помощью слов или демократического выбора, а с помощью оружия. «Офицеры и солдаты сражались не с помощью слов, а с помощью оружия. Во многих полках мятеж начинался с расстрела собственных командиров. По-другому и не могло быть; с первых дней восстания командиры выводили своих солдат на улицу, выстраивали их в шеренгу, приказывали: «Товсь! Пли! «Серые шинели осаждали захваченные рабочими фабрики и иногда по приказу командиров брали их с помощью штыков. Даже в феврале 1917 г. стрельба на Невском была такой ожесточенной, что мостовая была усыпана трупами безоружных людей, в том числе стариков, женщин и детей. Три полка, первыми примкнувшими к революции — Волынский, Литовский и Измайловский, — убили нескольких офицеров и прогнали остальных... Поэтому один вид офицерской шинели или погон приводил толпу в ярость». Вы не находите, что это свидетельство очевидца тех событий не оставляет

Что делать с головой царя!

камня на камне от утверждений новых апологетов буржуазии из числа нашей вроде научной братии о якобы мирном характере Февральской революции?!

После отречения встал вопрос: «Что же теперь делать с царской куклой?» В королевской Франции существовал обычай... Куклу покойного короля, деревянную, плетеную или же кожаную, со всеми атрибутами королевской власти водружали на телегу и везли через Париж в траурном поезде. Вокруг него находилась свита. По окончании церемонии в Сен-Дени раздавался крик: «Король умер! Да здравствует король!» У куклы отнимали корону, скипетр и державу, а свита покойного короля разбегалась. В случае с русским царем державу и скипетр отобрали сразу, еще до смерти «короля», а свита разбежалась... Историк писал: «Да, все было дuto, ничего не существовало. Но — обласканцы трона, но столпы его, но та чиновная пирамида, какая сверкала в государственном Петербурге, — что ж они? Почему не повалили защитной когортой? Стары сами, так твердо воспитанные дети их? Эге, лови воздух, они все умели только брать. Ни один человек из свиты, из Двора, из правительства, из Сената, из столбовых князей и жалованных графов, никто из их золотых сынков не появился, что-

бы оказать личное сопротивление, не рискнул своей жизнью. Вся царская администрация, весь высший слой аристократии в февральские дни сдавались как кролики, — и этим-то была вздута ложная картина единого революционного восторга России. Не единственный ли из чинов генерал Баранов оказал сопротивление при своем аресте? Так это особо и было отмечено «Известиями Совета рабочих депутатов».

Так произошла Февральская буржуазная революция (или переворот). Как это ни называйте, но у события были свои причины, которые следует еще раз обозначить и выделить. Во-первых, это наличие у народа потребности в коренных переменах (ограничение власти самодержавия, передача земли крестьянам, окончание войны и жажда мира и т.д.). Во-вторых, упорное нежелание и неспособность старой власти решать эти проблемы. В-третьих, потеря ею рулей управления, малейшей способности держать народ в повиновении, пусть даже с помощью насилия. В-четвертых, полнейший коллапс всех духовных и нравственных устоев в обществе, что сопровождалось потерей уважения к правящей верхушке и главе государства. В-пятых, стремление российской буржуазии и закулисы поскорее избавиться от

монархии. Дни самодержавия сочтены. Царь и Романовы стали отыгранной картой и никому

были не нужны. Главой буржуазного правительства становится Г. Львов.

Группа арестованных полицейских и жандармов в феврале 1917 г.

Глава 27. Временное правительство. Фиаско Керенского как символа демократии

Буржуазия дождалась-таки своего звездного часа. На Миллионной 12, в квартире княгини Путятиной в Петрограде, в марте 1917 г. собрались члены правительства и Временного комитета. Туда же прибыл и великий князь... Все стали обсуждать различные варианты разрешения конфликта... П. Милюков высказался в пользу сохранения монархии: «Сильная власть, необходимая для укрепления порядка, нуждается в опоре привычного для масс символа власти. Временное правительство одно, без монарха... является уткой ладдей, которая может потонуть в океане народных волнений; стране при таких условиях могут грозить потеря всякого сознания государственности и полная анархия раньше, чем соберется Учр. собрание. Временное правительство одно до него не доживет». Однако другие участники собрания были против передачи власти Михаилу. И возглавил эту атаку социалист Керенский. Он прямо заявил: «В.В., мои убеждения республиканские. Я против монархии. Но я сейчас не хочу, не буду... разрешите вам сказать иначе... как русский русскому, П.Н. Милюков ошибается. Приняв престол, вы не спасете России!.. Наоборот. Я знаю настроение масс... Сейчас резкое недовольство направлено именно против монархии... именно этот вопрос будет причиной кровавого разлада. Умоляю вас, во имя России, принести эту жертву. Если это жертва... Потому что, с другой стороны... я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Во всяком случае, я не ручаюсь за жизнь В. В.». В том же духе, видимо, выступал и Родзянко: «Для нас было совершенно ясно, вел. кн. процарствовал бы всего несколько часов, и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое бы положило начало общегражданской войне. Для нас было ясно, что вел. кн. был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении не имел и поэтому на вооруженную силу опереться не мог. Вел.

кн. Мих. Ал. поставил мне ребром вопрос, могу ли я гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно... Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поезда из него». Хотя Гучков предложил Михаилу выступить в роли «покровителя нации», нового Кромвеля, но большинство членов нового правительства идею не одобрили и, как признал Шульгин, в решающий момент никакой опоры монархической власти «не оказали». Конкретного плана действий представители Временного правительства великому князю не предложили. На улицах Петрограда развешивали плакаты об отречении, раздавали листовки «Известий», за кулисами Исп. комитет принял постановление об аресте «династии Романовых». Михаилу не оставалось ничего, как передать полноту власти Временному правительству. Так произошла эта «дивная, светлая, бескровная революция». Один из лидеров кадетов, А. Кизеветтер, бурно приветствуя Февральскую революцию, назвал отречение Николая II «величайшей датой» в истории России. На деле же эта революция была сугубо верхушечным переворотом.

К власти пришло Временное правительство, буржуазное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым, известным либеральным деятелем. Переворот совершен по воле буржуазных либералов (октябристов), стоявших на реформаторских позициях, и военных, в которых царь еще вчера видел главную опору. «Во главе первого революционного правительства, по состоявшемуся еще до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на пост положением в российском земстве, — князь Г.Е. Львов, мало известный лично большинству членов Временного комитета...» Став премьер-министром Временного правительства, он говорил, что и не думал «сделаться министром». «Меня сделали, — вспоминал он. — Разве я хотел этого?» Однако участники этих закулисных интриг не хотели

Князь Г.Е. Львов — премьер

полностью порывать и с монархией. Видимо, они боялись не удержать рулей управления. Отсюда боязнь власти, колебания, даже приглашение принять участие в заговоре против самодержавия великого князя Николая Николаевича, что позволило б, как считали иные, в дальнейшем сохранить форму монархии, пусть даже в виде династии Романовых.

Обстановка в стране была тяжелейшая. Мировая война, пишут И.С. Ратьковский и М.В. Ходяков в книге «История Советской России», стала начальным этапом тех огромных бед и деформаций и во всех отраслях национального хозяйства. Тяжелые последствия войны сказались на численном составе рабочей силы, заметно сократились в том числе ряды квалифицированных кадров. Мобилизации изъяли, по различным оценкам, от 14 до 19 млн человек. Недостаток на промышленных предприятиях мужчин-рабочих стал компенсироваться женщинами и подростками. На ряде петроградских предприятий женский труд занимал преобладающее место: на «Скороходе» женщины составляли 70 % всех рабочих, на табачных фабриках — 80 %. Даже в металлопромышленности за 1914—1916 гг. число занятых женщин возросло почти в 10 раз. Одновременно шел процесс увеличения количества рабочих зрелого возраста — 50—60 лет и выше. Ухудшение качественного состава рабочей силы привело к неизбежному падению производительности труда. Сколько умелых рук было оторвано от про-

изводства. Среднее снижение квалификации рабочих столицы за 1914—1916 гг. составил 10 %. На работавших непрерывно предприятиях военного назначения болезненный процесс роста производства деформировал экономику страны. К 1917 г. усилились отрасли промышленности, работавшие на войну (оружие, обмундирование, питание) и тыл. Все другие — мало или совсем не связанные с обслуживанием войны — были в упадке. Но ныне «критики», спешащие лизнуть пришедшую к власти в России олигархическую буржуазию, все огрехи буржуазии и чиновничества, последствия страшной войны, ими же вызванной и питаемой, спишут на советскую власть и большевиков, «погубивших Россию». Хотя это в первую очередь в результате их политики страна оказалась почти полностью парализованной. Никто управлять уже не мог. Генерал В.И. Гурко признавался: чтобы решить элементарную проблему доставки угля с шахт, ему потребовалось 1,5 года. И это в условиях войны и всеобщей мобилизации! К 1917 г. в России ощущались топливный, сырьевой, транспортный кризисы. Добыча нефти сократилась с 10,4 млн т в 1916 г. до 8,4 млн т в 1917 г. По свидетельству знатока национального хозяйства тех лет проф. В.И. Гриневецкого, с 1916 г. эксплуатация железных дорог все время шла под гору. Дороги все чаще выходили из строя. Горы грузов скапливались в местах складирования. Есть еще одна причина, возможно, ключевая, что парализовала экономику России и вообще все осмысленные, четкие действия. Коррумпированные, ворующие российские чиновники фактически торпедировали попытки правительства. Со всеми этими проблемами теперь предстояло справляться уже новой власти.

Пришло время обратиться к фигуре Керенского... А.Ф. Керенский (1881—1970) родился в семье коллежского асессора. Его отец, Ф.М. Керенский был сначала бедным учителем, но, накопив немного денег, поступил учиться в Казанский университет, в то время один из лучших университетов России. Затем Ф.М. Керенский служил на посту директора школ в Симбирске, как и отец Ульянова-Ленина. Юноша с детства много

читал. Окончив Санкт-Петербургский университет, Саша Керенский с головой ушел в политическую деятельность. Впоследствии он вспоминал, что вступил в ряды революционеров «не в результате подпольного изучения запрещенных теорий — к революционной работе нас вынуждал сам режим». Не знаю, какую роль в его образовании сыграли профессора университета (М. Ростовцев, Н. Лосский, Т. Зелинский, С. Платонов, Л. Петражицкий, Сергеевич), но ни материального, ни рационального взгляда на мир Керенский, похоже, так и не обрел. Так и остался фантазером. Он писал: «В школе на меня произвело грандиозное впечатление заявление Владимира Соловьева о том, что материалистические теории превращают людей в крохотные винтики чудовищной машины. Кроме того, я всегда сочувствовал социалреволюционерам, а также народникам из-за их веры в то, что они работают ради полного освобождения человека, а не его превращения в орудие классовой борьбы. Читал я также критические статьи молодого экономиста-марксиста Петра Струве, но, когда дошел до абзаца, в котором он говорит, что индивидуум не существует и представляет собой ничтожно малую величину, я понял, что марксизм — не для меня. Мое чувство нашло подтверждение в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, в котором человеческая мораль называется орудием классовой борьбы и утверждается, что мораль рабочего класса не имеет ничего общего с моралью капиталистического мира». Так А. Керенский оказался на развилке, будучи в сомнении, что выбрать из двух течений — социализм или буржуазный реформизм.

Имущие слои приветствовали успех переворота и приход к власти буржуазии. Вот как описал первые шаги и действия нового правительства сам А. Керенский: «Я до сих пор с трудом понимаю, каким образом с самого первого заседания правительства мы достигли немедленного и полного согласия о том, что предстоит сделать. Все мы обладали чувством долга, которое ставили превыше лояльности к какой-либо партии. Правда, это чувство оказалось недолговечным, и в последующей истории Временного правительства уже

не наблюдалось такой веры, солидарности и взаимного доверия; но тем не менее в первый месяц революции все мы, правильно или неправильно, руководствовались единственным соображением — высшими интересами народа. Многие из людей, ставших моими личными друзьями с первых дней существования Временного правительства, впоследствии говорили мне, что я выдаю желаемое за действительное и что никогда у нас не было того единства, как мне казалось. Но как бы то ни было, первые недели революционных преобразований в России запечатлелись в моей памяти как ощущение чуда, происходившего у меня на глазах... За поразительно короткое время мы сумели заложить основы не только демократического правления, но и совершенно новой социальной системы, которая бы гарантировала руководящую роль в делах страны трудящимся массам и которая впервые ликвидировала какие-либо политические, социальные или этнические ограничения. По иному и быть не могло, хотя бы по той простой причине, что такое новое состояние дел являлось непосредственным отражением воли бесспорного большинства населения». Керенский отмечал как достижения своего правительства большое число законов, принятых за два месяца Февральской революции. Они решали военные вопросы и проблемы управления. Это произошло во многом потому, что «прошлый опыт общественной жизни» позволил им «отлично ознакомиться с чаяниями и нуждами всех слоев населения». Он отмечает обстоятельство, которое вспомним, когда речь пойдет об условиях работы и деятельности большевистского правительства. При новом правительстве «почти все высшие чиновники старых министерств и других правительственных учреждений... остались на своих местах и, за немногими исключениями, работали с большим энтузиазмом». «Их глубокие познания и опыт находились на высочайшем уровне, и очень жаль, что впоследствии в мае некоторые вновь назначенные министры от социалистических партий начали заменять опытных чиновников своими партийными товарищами, не имевшими никакого представления о работе правительственного аппарата».

Между кадетами и социалистами типа Ке-

ренского большой разницы не было. Идейную основу программ правительства князя Львова и Керенского составляли кадетские положения, что, конечно, не могло удовлетворить трудящихся. Оба выступали за продолжение опустылевшей всем мировой войны, за откладывание в долгий ящик преобразований в России социально-экономического характера. Воспротивились кадеты введению 8-часового рабочего дня, отказались решать и давно назревший аграрный вопрос. Правда, Керенский решительно не соглашался с такой оценкой. В книге «Россия в поворотный момент в истории» он писал: «Несмотря на все затруднения, вызванные войной и развалом прежней администрации, Временное правительство в полном объеме проводило свою законодательную программу с одобрения всей страны, тем самым заложив надежный фундамент для превращения России в развитое государство. Даже Ленин, готовясь в октябре захватить власть, не мог не воздать нам должное в следующих словах: «(Февральская) революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны». Конечно, Ленин одновременно обвинял Временное правительство во всех смертных грехах капитализма, и в статье, из которой взяты вышеприведенные слова, ничего не говорится о фундаментальных социальных реформах — аграрной и трудовой, — которые оно проводило. До нынешнего дня младшее поколение России остается в неведении о том, что в краткий период времени после Февральской революции Временное правительство даровало народам России не только политическую свободу, но и социальную систему, гарантирующую человеческое достоинство и материальное благосостояние... Первостепенное значение, конечно, имели политические и гражданские права. Была установлена независимость судов и судей. Были отменены все «специальные суды», а все «политические дела», то есть дела, связанные с безопасностью государства, отныне подлежали рассмотрению суда присяжных, как и обычные уголовные дела. Отменялись все религиозные, этнические и классовые ограничения. Провозглашалась полная свобода

совести. Восстанавливалась независимость Православной церкви, а в марте был созван специальный церковный совет для подготовки Собора, которому предстояло утвердить автономию церкви. Сам этот Собор начал работу 15 августа. Все прочие церкви, секты и религии получали полную свободу обращать приверженцев в свою веру. Женщины надеялись теми же политическими и гражданскими правами, что и мужчины... Закон о кооперативах признавал кооперативное движение как одну из составных частей экономической системы страны. Между прочим, следует отметить, что закон о кооперативах, так же как законы о профсоюзах и местных органах власти, фактически разрабатывался представителями этих организаций.

Вообще Временное правительство старалось привлечь как можно больше людей к задаче создания нового строя, тем самым насаждая у населения чувство ответственности за судьбу страны в целом. В сфере экономической и социальной реформ главным вопросом оставался, конечно, земельный. Временное правительство предложило революционные меры, предусматривавшие полную передачу земли тем, кто ее обрабатывал. Всего лишь через три недели после падения монархии новое правительство издало декрет об аграрной реформе. Он был подготовлен новым министром сельского хозяйства А. Шингаревым, членом либеральной партии кадетов... Это недвусмысленное решение в пользу крестьян привело в ярость крупных помещиков, и их стремление сорвать намечавшуюся земельную революцию стало одним из ключевых мотивов, стоявших за попыткой свергнуть в августе Временное правительство». Да, это важное свидетельство намерений правительства Керенского. Но кто же не знает и того, что в России между намерениями и делом зачастую лежит целая пропасть. Все, что говорил Керенский, было ложью или попыткой сохранить хорошую мину при плохой игре. Вспомним отчаянный спор вокруг акта отречения императора. Главные участники торга о правительстве (включая Керенского) вспоминали, что особенно долго они спорили о происхождении Временного правительства. Премьер тогда потребовал вовсе исключить

«волю народа». В конце концов, решили принять формулировку отречения, где было сказано «волею народа по почину Государственной Думы». Но в окончательном тексте, что знаменательно, «воля народа» все-таки исчезла. О воле народа никто из временщиков в дальнейшем даже не вспоминал, пока воля эта штыками, что те только и понимают, не изгнала их из залов Зимнего дворца.

В первые дни Февральской революции популярность Керенского у определенной части общества была очень велика. Прежде всего у «русских европейцев», к которым принадлежали кадеты и буржуазия. Пресса величает его «героем русской революции». Он безумно популярен («медовый месяц»): «всеобщий оракул, вождь и любимец, бог, кумир, неприкосновенный фетиш, ниспосланный небом для спасения России». Журнал «Республика» в сентябре 1917 г., посвященный Керенскому, был предварен эпитафией: «Его, как первую любовь, России сердце не забудет». Поэт-солдат Н. Тихонов, в будущем известный советский бард, пишет в адрес премьера стихотворение, называя Керенского «русским Гракхом, с душою Гарибальди», «вождем», начальником, «братом», что зовет Россию «в сверкающие врата». «Триста лет правления Романовых молчала Россия — и, казалось, теперь триста лет без умолку будет говорить. Рабочие не работали, крестьяне не сеяли, солдаты не воевали. Шел бесконечный митинг» (Радзинский). Это был какой-то нескончаемый «демократический понос»... Публика, слушая своего любимца, в экзальтации выражала желание «умереть за Керенского». Это были те же самые люди, что в середине марта были охвачены желанием «умереть за Гучкова». И те же дикие выкрики: «Веди! Умрем! Спасибо!» Никто так не непостоянен, как толпа, экзальтированная, непременно желающая узреть чудо. Самые страстные (трибуна) почитатели и почитательницы готовы были увидеть в Керенском «великую фигуру».

Большая часть интеллигенции России восторженно приветствовала Февральскую революцию. Ведь то были люди их круга. Пришвин пишет в «Дневниках» о том впечатлении, что производили на него господа министры:

«...как все-таки сложены министры, какие все хорошие люди: Керенский, Авксентьев, Терещенко, Маслов, какая все это чистая гладь интеллигентная». Какая прелесть, какая идиллия! Куприн в очерках посвятил Керенскому панегирик под громким названием «Сердце народное». Гиппиус превозносит его «гениальную интуицию». Брешко-Брешковская, очарованная его талантом оратора, пишет: «Будучи ярко выраженным идеалистом, он не мог понять предательства так называемых коммунистов, с одной стороны, и наивного доверия их сторонников, с другой стороны. Как бы упростилась его задача, если бы он последовал примеру вождей французской революции и обратился к политике массовых репрессий! Однако история навсегда запомнит, что Временное правительство вело колоссальное Российское государство сквозь бури переходного периода от старого к новому режиму неизведанными доселе методами, обходясь

Е.К. Брешко-Брешковская

без малейшего кровопролития. Невозможно сказать, сколько времени продержался бы такой мягкий и миролюбивый строй, так как в массах развивалось нетерпение, недоверие и стремление к мести. Но мы знаем, что в течение этого периода воля одного человека сдерживала насилие, несмотря на неистовые призывы к жестокости, раздававшиеся даже среди интеллигентных людей». Впрочем, вероятно, что-то в нем было, раз и куда менее восторженный человек, холодный дипломат-разведчик Р. Локкарт, признавал в Керенском наличие ораторского таланта и даже, насколько искренне, это уже другой вопрос, называл одним из величайших ораторов в истории.

Вряд ли эти оценки нового премьер-министра соответствуют действительности. В практическом плане для России ему не удалось сделать почти ничего. Правда, он уверял, что Временное правительство осуществило фундаментальные социальную и аграрную реформы, что «в краткий период времени после Февральской революции Временное правительство даровало народам

России не только политическую свободу, но и социальную систему, гарантирующую человеческое достоинство и материальное благосостояние». Однако начертать тот или иной закон еще не означает провести его в жизнь. Впрочем, приход Временного правительства, успех Февральской революции (переворота) сопровождалась внешне эффектным шагами. Революция обеспечила русскому народу юридические права *de jure*: из царских тюрем выпущены все политзаключенные. В Шлиссельбурге томились в 1907—1917 г. около 120 рабочих, 80 матросов, солдат, 50 крестьян — участников аграрного движения, а также большое число профессиональных революционеров. В Шлиссельбургскую каторжную тюрьму 1910—1912 гг. поступили половина всех осужденных (50,5 %). За годы войны, в 1914—1916 г., сюда прибыли 17,8 % от общего числа политзаключенных. Им были даны длительные сроки заключения (от 10 лет до пожизненного), но ни один из них не «успел» полностью отбыть срока. Они освобождены восставшим народом и правительством 28 февраля и 1 марта 1917 г. На

Народные массы

торжественных парадах и обедах выступили «герои-победители». За границу Временным правительством направлен ряд телеграмм, в которых деятелям оппозиции предлагалось вернуться в Россию и принять участие в создании нового государства (в их числе Г.В. Плеханову, П.А. Кропоткину, В.И. Ленину). Это не удивляет, если вспомнить, что именно А.Ф. Керенский защищал на процессе при царе лидеров большевиков. Вспомнились и связи, существовавшие между семьями. Впрочем, лично они — зрелые Ленин и Керенский — друг с другом не встречались.

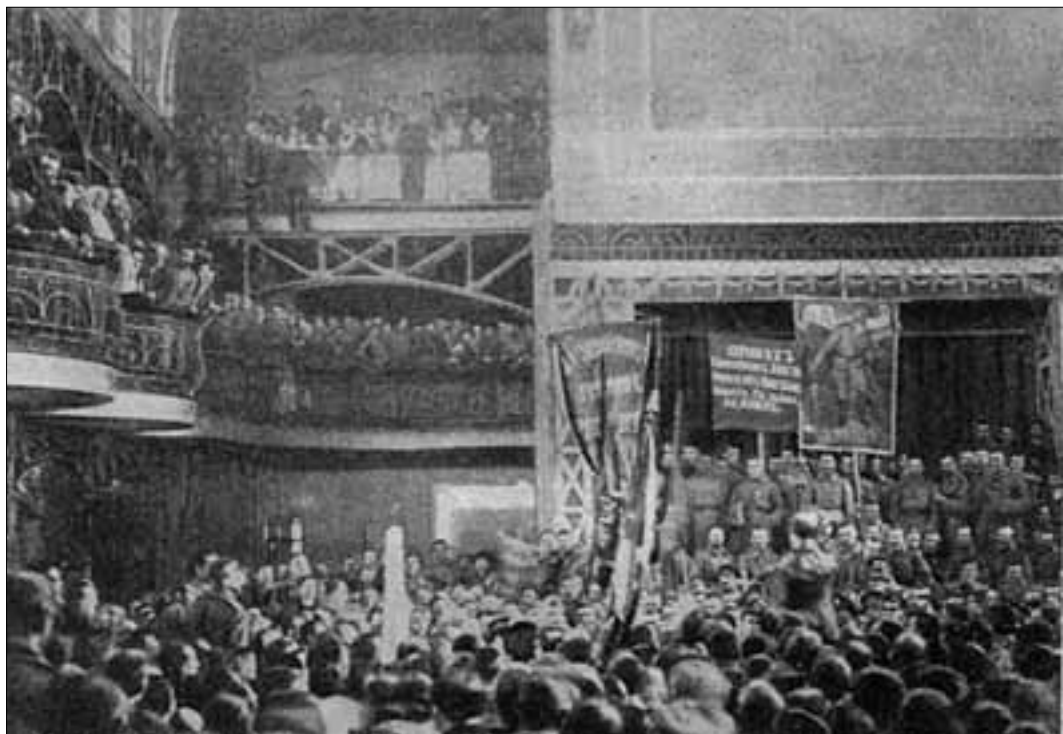
Разрешили вернуться в Россию даже духоборам, высланным из страны царем и Синодом в конце XIX в. Министр народного просвещения Временного правительства предложил вернуть в учебные заведения всех тех, кто был ранее уволен царизмом за политическую деятельность. Последовало освобождение политических заключенных, а под шумок дадут свободу и уголовникам. Из Румынии торжественно проследовала группа матросов с броненосца «Потемкин», поднявших в 1905 г. восстание. Выдвигаются программы самых разных преобразований в трудовой сфере. Например, на заводах и фабриках страны устанавливались новые принципы управления. Между Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков заключено важное соглашение о введении на фабриках и заводах 8-часового рабочего дня, о создании на них фабрично-заводских комитетов. Но наряду с этим шли и деструктивные процессы. Массы под воздействием агитаторов выдвигают все новые и новые требования. Промышленные рабочие уже вошли во вкус забастовок. Хотя в апреле 1917 г. выпуск продукции упал на 30—40 %, они потребовали поднять заработную плату. Выплаты, если бы их сделали, превысили бы доходы предпринимателей. В Донбассе эти требования шахтеров составили 240 млн руб. в год, при доходе шахт 75 млн руб. Стали закрываться заводы и фабрики, включая предприятия оборонного значения, сокращаться штаты и производство. Специалисты бегут с заводов. Союз инженеров заявил о разрыве и выходе из строя техники на большинстве

Транспортная пробка

фабрик и заводов Петрограда. Усиливаются случаи травли и насилия со стороны рабочих анархистского толка в отношении технического персонала и администрации. Встал транспорт. В октябре 1917 г. на московском узле и северных дорогах стояло без отправки 20 готовых поездов. На Архангельской линии — 5 брошенных поездов. В районе Нижнего Новгорода из-за отсутствия паровозов скопилось 600 вагонов. Все кондукторы сбежали. Шли открытые грабежи поездов, пакгаузов, станций. Историк заключает: «А в стране творился хаос. Погромы, беспорядки, самосуды, преступность. Появилась угроза настоящего голода. Например, в транспортах, идущих в Петроград, из 200 тыс. пудов было по пути разграблено 100 тыс. Прифронтовая полоса стала сущим адом. Разложившиеся воинские части громили крестьянские хозяйства, отбирали скот и зерно, разбивали спиртзаводы, пьянствовали и бесчинствовали». Сцены разыгрывались такие, что напоминали самые мрачные страницы нашествия французов в Россию, заметно превосходя их.

Погромы идут несколько месяцев. Но все это теперь называется «социализация имущества»... Кое-где делались спорадические попытки остановить грабежи силой, но безуспешно. Солдаты, охранявшие магазины, банки и проч., брали кассы и их взламывали. Раз некий полк после 5-часовых героических усилий приветствовал громовым «ура!» взлом «буржуйской кассы». Правда, разочарованию не было предела — там оказались лишь мыло и карандаши. В Киеве рабочие разгромили Ильнецкий сахарный завод, избив технический персонал и директора. В Белозерске толпы народа останавливали суда: причем, грабили

Съезд крестьянских депутатов

под колокольный звон, «с Божьей милостью». Армия побросала позиции, дружно занялась торговлей казенным барахлом. В Козловском уезде Тамбовской губернии было разграблено и сожжено около 25 поместий. Несмотря на то что владельцы сдали земли в Земельный комитет, их имения громили и грабили. На погром ехали, как на праздник. Всем селом запрягали подводы и целым табуном (2000 телег), как во времена Стеньки Разина, ехали, чтобы вывезти награбленное «буржуйское добро». Трехтысячная толпа разнесла имение буквально по бревнышку: сняли все железные крыши, взяли весь тес, стропила, вынули все двери и рамы, собрали весь инвентарь, увезли 20 000 пудов хлеба, всю солому от него, весь необмолоченный хлеб из скирд. После развели костры по домам и подожгли барский дом. Говорили в ответ на упреки: «Мы не грабим, мы делим имущество угнетателя, к тому же, сейчас идет революция».

Впрочем, надо признать, что взаимоотношения с крестьянством не задались ни у царя, ни у буржуазии, ни у большевиков... Нынеш-

ние исследователи делают акцент на том, что дескать Февральская революция старалась использовать демократические инструменты в лице земства и кооперативов для поддержки крестьян. Однако крестьянство относилось к ним с недоверием как к старорежимным организациям... Да, Временное правительство, буржуазные партии и соглашательские партии попытались придать низовым организациям буржуазно-демократический характер. Эти усилия наталкивались на жесткое сопротивление крестьян. Исследователи отмечают: «Политика всесословных комитетов не отвечала интересам крестьян-общинников». Но почему? Казалось, крестьянство должно было бы быть ближе по духу к буржуазии, стоящей горой за частную собственность! Дело в том, что жизнь вносила и вносит весьма жесткие коррективы в демократический лексикон и в экономическую практику, когда те, кто оказываются у власти, должны не болтать с трибун и со страниц газет (или с экранов), а управлять миллионами разобщенных производителей и собственников. В те ме-

сяцы буржуазное Временное правительство действует в условиях суровой доминанты — войны. И сразу выяснилось, что тут демократические методы не работают. Сверху стали поступать установки типа: «...произвести перепись всего скота в Ново-Бурасской волости и произвести реквизицию скота для нужд армии у спекулянтов и, в случае нехватки, приступить к реквизиции у местного населения, если не будет добровольной продажи...» По-сылались и военные отряды для обеспечения «процесса»... Заметьте, это делали не большевики, а самые что ни на есть отъявленные «буржуазисты», деятели Временного правительства. Подлая пресса об этом молчит. Всех собак же спустила на большевиков, которым пришлось действовать куда в более трудных условиях, чем летом 1917.

Кое-где делались попытки оказать помощь армии и Временному правительству, но это были, скорее, исключительные случаи... Отметим три момента: 1) все эти процессы набрали силу в эпоху господства царизма, буржуазии, не пролетариата; 2) в акциях были замешаны огромные массы крестьян, действовавшие всем миром; не встречая отпора, эти разбойнички были очень довольны

тем обстоятельством, что можно пограбить и нажиться; 3) когда же в условиях смертельной борьбы с контрреволюцией, с теми же мужиками-кулаками, начнут трясти и забирать уже их собственность, часто захваченную у крупной сельской буржуазии и дворянства, какой вой поднимут повсеместно против действий «красных узурпаторов, бандитов и разбойников». Вой поднимут те же, кто ранее сам и грабил бывшие поместья.

Но скоро даже в восторженной буржуазной прессе появляются по отношению к Временным правительствам нотки скептицизма: «Дай бог, чтобы эти восторги не оказались мыльными пузырями». Недовольство бездействием правительства растет. Вскоре стало ясно: в практическом плане новый министр-председатель совершенно недееспособен. Уже в начале августа 1917 г. ЦИК, ранее доверивший Керенскому «спасение революции», встретил его появление в Петербургском совете рабочих депутатов гробовым молчанием. Ситуация повторилась и в Москве на заседании Государственного совещания, где левые во время встречи с ним безмолвствуют.

Во всех революциях к революционерам примыкает и плебс, порой самая дикая и

С каторги

свирепая его часть... Во время Февральской революции рабочие и солдаты первым делом настежь распахнули двери тюрем, выпустив не только революционеров, но и так называемые жертвы царизма, т.е. разного рода шпану. Правительство объявит в марте 1917 г. общую амнистию. На волю вольную выпустили 100 тысяч бандитов, воров, жуликов, убийц... Правительство тем самым само открыло дорогу анархии. Вдобавок распустили губернскую администрацию, полицию, упразднили Департамент полиции, Охранное отделение, Жандармский корпус. Уволены губернаторы и вице-губернаторы. Итог: правоохранительная система рухнула фактически в одночасье. К слову сказать, не пережил отречения царя небезызвестный Зубатов, «крестный отец» Гапона. Узнав об отречении, бывший в отставке старый служака, полковник полиции застрелился... Результаты подобных «свобод» тут же дали о себе знать: если за весну 1916 г.

в Москве было зарегистрировано 3618 преступлений, то за весну последующего года — более 20 тысяч, а количество крупных краж выросло в 5 раз. Горький в письме Е.П. Пешковой от 19 марта (1 апреля) 1917 г. мрачно скажет: «На мой взгляд, преобладающее население России составляют злые и глупые свиньи. Их особенно много в Москве... Нет сомнения, что у вас (т.е. в Москве. — Ред.) очень быстро развивается контрреволюция, самая пакостная и страшная — обывательская». В стране уже начинало твориться бог знает что: бандитские налеты, белые кресты на квартирах буржуазии, офицеров и евреев, массовые самоубийства и прочие «прелести» революционного невроза. В немалой степени способствовало тому и то, что страна оказалась наводнена оружием. Все, кто мог и хотел, вооружались. Только за первые дни революции было выдано 20 000 милицейских удостоверений. Отряды народной милиции

Запись в народную милицию. 1917 г.

напоминали, скорее, шайки разбойников или ватаги ушкунников. «И свистят по всей стране, как осень, шарлатан, убийца и злодей», — скажет в одном из стихотворений Есенин.

В такой обстановке принималось и решение о судьбе бывшего царя и его семьи. Речь могла идти о депортации семейства Романовых или даже о его ликвидации. И Временное правительство, поручившее Керенскому решить «проблему с царской семьей», имело к этому прямое отношение. Керенский встретился с Николаем II в Царском Селе в апреле 1917 г. Личное его отношение к царской семье можно назвать «нейтральным» (так он уверял в мемуарах). Он писал: «...к поверженному врагу я не испытывал чувств мщения. Напротив, я хотел внушить ему, что революция, в чем торжественно поручился князь Львов, великодушна и гуманна к своим врагам не только на словах, но и на деле». На словах он сочувствует царю. Однако личные отношения в политике уходят на задний план, а на первое место неизбежно выходят вопросы политической необходимости, целесообразности. Для ниспровержения монархии и захвата власти у Николая буржуазия приложила немало усилий. Теперь же в глубине души она опасалась возможности реставрации монархии. Кроме того, она понимала, что солдаты и рабочие Петербурга, Москвы возбуждены до крайности против царя. Правые старались выгородить Романовых: уверяли, что бессмысленно и несправедливо подвергать Николая ответственности за те или иные поступки в качестве императора, ибо это противоречило «аксиоме государственного права». Керенский говорил в Московском совете: «Как генеральный прокурор, я обладаю властью решать судьбу Николая II. Но, товарищи, русская революция не запятнала себя кровопролитием, и я не позволю опозорить ее. Я отказываюсь быть Маратом русской революции». Но у простого народа к царю были свои, совсем иные чувства, и своя аксиома права. Трудовой люд требовал расправы над бывшим самодержцем, теперь уже низвергнутым и содержавшимся под арестом.

Напомним, что правительство Г. Львова выразило согласие отправить семейство царя в Англию, но не отправило. Позже оправды-

Сброшенная голова «царя Николашки»

ваясь перед следователем Соколовым, Львов говорил: «Временное правительство не могло не принять мер в отношении свергнутого Императора. Лишение свободы прежних властителей было психологически неизбежно. Необходимо было предохранить Царя от возможных эксцессов революционного водоворота. С другой стороны, правительство обязано было расследовать тщательно и беспристрастно всю деятельность бывшего Царя и бывшей Царицы, которую общественное мнение считало пагубной для национальных интересов страны» (1920). В разгар подготовки судебного процесса и готовилась отправка царской семьи. Милюков для выработки деталей встретился с послом Великобритании Бьюкененом. Казалось, британцы отнеслись положительно к идее переезда царской семьи в Англию. Ведь в жилах Николая и короля Англии Георга текла одна кровь. Хотя «милый Джорджи» некогда и уверял Николая в дружбе, укрыть его в Англии отказался. Возможно, помешало возмущение общественных организаций. «Дейли Телеграф» в апреле 1917 г. писала: «Мы искренне надеемся, что у британского правительства нет никакого намерения дать убежище в Англии царю и его жене. Во всяком случае, такое намерение, если оно действительно возникло, будет остановлено. Необходимо говорить совершенно откровенно об этом». Отъезду Романовых помешала работа Следственной комиссии, ряд иных обстоятельств. Но — и это главное — Англии было невыгодно спасение царя. Русский царь был не нужен Европе. Мавр сделал дело,

Похороны жертв революции. Март 1917 г.

мавр мог убираться прочь. Так думали европейские циники... Д. Жирарден писал: «Британское правительство Короля Георга V, который был кузенom, другом и почти двойником бывшего Императора, вскоре сообщило, что присутствие Романовых в Великобритании нежелательно. Франция, куда обратилось Временное правительство, тоже весьма презрительно отказала тому, кто всегда был ее верным союзником». «В деспотических государствах служить государю — значит изменять народу» (К. Гельвеций). Самодержавие в России кончилось. Романовы были отыгранной картой. Их будущее было мрачным.

Вот и Керенский, испытывая давление со стороны масс, пытался инсценировать процесс над монархом. Он даже заявил о намерении устроить над Николаем II и императрицей суд. 4 марта 1917 г. была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия для расследования преступлений царской семьи, высших должностных лиц России. Руководил ею бывший присяжный поверенный, активный участник политических процессов Н.К. Муравьев. Произведены были аресты первых лиц, причем даже без попытки сослаться на какие-либо законы... Комиссия собрала многочисленные документы, допросила десятки должностных лиц, общественных деятелей, придворных (министров, сенаторов и т.д.). В работе комиссии, как известно, принимал участие и поэт Блок. Его привлекли для литературной обработки протоколов, стенографических отчетов, допросов высших должностных лиц государства. Будучи очевидцем последних дней самодержавия, Блок писал матери: «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи». Для понимания того, каким же образом династия за 5 дней потеряла 300-летнюю власть, находившуюся в руках, он счел необходимым соединить период с 1905-го по 1916 г. В отношении арестованных лиц царского режима он говорил: «Когда-нибудь людей перестанут судить, каковы бы они ни были. В горе и унижении к людям возвращаются детские черты». Хотя при царизме законы исполнялись строже. Видный юрист С. Завадский, бывший товарищем председателя комиссии, спросил Керенского, как можно держать людей под стражей

без формальных оснований. Тот ответил: «Да, я держу их под стражей не как министр юстиции, а на правах Марата». Завадский скажет, что «приемы реакционного и революционного правосудия» премьеру были близки, несмотря на все речи о законности.

Февральская революция хотя и не явила миру новых Дантонов и Робеспьеров, но иные из ее лидеров пытались предстать санкюлотами. Председатель комиссии Н.К. Муравьев на просьбу освободить царскую семью в гневе воскликнул: «Да вы что?! Как освободить?! Да вы хотите навлечь на нас негодование народа. Да если бы... (они) ... совсем были бы невиновны, то теперь нужны жертвы для удовлетворения справедливого негодования общества против прошлого». Словно намекая на возможную мрачную судьбу Николая II, Керенский заявлял: «Две, три жертвы, пожалуй, необходимы». Керенский восклицал: как министр юстиции он не выпустит из рук представителей старой власти! Деятели Временного правительства тут же устроили ему бурную овацию, назвали «министром правды, народным трибуном», уверяли, что без него революция совершенно немыслима. Выяснилось, что это был словесный балаган. Тот не мог продолжаться вечно. Арестованный по обвинению в участии в мятеже, П. Рябушинский жаловался судьям: «При старом режиме я всегда был объектом преследования со стороны администрации, однако и теперь вот не сумел угодить новому правительству, как не был угоден старому». И хотя Керенский утверждал, что он был сторонник так называемого демократического социализма, а «социализм означает заботу о благе всего общества, без всяких изъятий, без гегемонии и диктатуры, без ущемления интересов одного класса ради выгоды другого и тем более уничтожения того или иного класса», жесточайшая схватка классов, столкновение различных интересов в России в годы революций и Гражданской войны, конечно, свидетельствовала об обратном.

Временное правительство не смогло удержать власть. Причина этого в том, что кадеты, октябристы и социалисты не пользовались серьезной поддержкой масс, не представляя реальной политической силы. А страна меж-

И. Владимиров. Очереди за хлебом. Петроград

ду тем медленно и неотвратно погружалась в пучину политического и экономического кризиса... Безудержная денежная эмиссия вела к жестокой инфляции, обесценению рубля. «Хлебная монополия», установившая твердые государственные цены на зерно, обернулась исчезновением продовольствия и угрозой голода. Множились слухи, что владельцы лошадей и коров скармливают хлеб животным. Булочников обвиняли в спекулятивных намерениях продать хлеб за большие деньги на черном рынке и т.д. и т.п. Поговаривали и о том, что правительство хочет прекратить продажу хлеба, якобы для того чтобы учесть и сосчитать все имеющиеся в городе хлебные запасы. Хотя слухи о недостатке хлеба в Петербурге были преувеличены, но определенные трудности в доставке хлеба в столицу бесспорно все же имелись. Прокатилась волна беспорядков и эксцессов. Участились случаи анархии, насилия, самочинства, неповиновения. Виною тому были: мировая война, слабая сеть железных дорог, трудности доставки. И хотя 12-дневный запас муки для булочных Петербурга не падал ниже средней нормы, слухи росли и множились, возникла настоящая паника. Наполеон говорил: «Перевороты совершаются брюхом»... Напомним, это же наблюдалось при крахе монархии, когда министр внутренних дел Протопопов доносил

в Ставку дворцовому коменданту: «Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи о предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба — взрослым по фунту, малолетним в половинном размере — вызвали усиленную закупку хлеба, очевидно, в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве 23 февраля вспыхнула в столице забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками». Вопрос в том: «Cui prodest?» (Кому выгодно?) Напомним: хлебная торговля в России находилась исключительно в еврейских руках (из 1000 торгующих зерном лишь 930 были евреями).

В стране воцарилось двоевластие, даже троевластие (Временное правительство, Совет рабочих и солдатских депутатов, Верховное командование). Керенский как премьер Временного правительства входил одновременно в два первых органа. Он явно стремился к диктаторским полномочиям. Хотя пытался это закамуфлировать. Так, явившись на заседание Петроградского совета, он страстно доказывал, что принятие им одновременно еще и поста министра юстиции и генерал-прокурора в буржуазном правительстве сделано с единственной целью: «немедленно освободить всех политических заключенных и с особым почетом препроводить наших товарищей-депутатов

социал-демократической фракции Государственной Думы из Сибири сюда...». Приход Керенского-социалиста к власти стал как бы переходным этапом к революции большевиков. Массы все более проникались социалистическими настроениями. Комиссар Временного правительства на Северном фронте В.С. Войтинский писал: «Солдатская масса встречала вступление социалистов в правительство с подлинным энтузиазмом; особенно радовало ее то, что министром земледелия будет Чернов и что Военное министерство из рук ненавистного Гучкова переходит в руки «товарища Керенского». В дни, когда Керенский переменил выигрышный и эффектный пост «министра юстиции революции» на тяжелое положение военного министра при непопулярной и безнадежно проигранной войне, он являлся подлинным кумиром солдатской толпы. Полковые комитеты и митинги один за другим выносили резолюции, обещавшие ему беспрекословное повиновение. На заводах такого энтузиазма не наблюдалось». Вернее сказать, стала калифом на час.

Временное правительство вполне соответствовало названию, ибо, во-первых, осуществляло свои функции на временной основе, пока у него была хоть какая-то поддержка

Кукурыники. Временное правительство

народа, и, во-вторых, не было в полном смысле слова законным. Никто из его министров не выбирался, так как, по словам Милюкова, сказанным им уже после Февральского переворота, на выборы не было времени. Когда его спросили, по какому праву они взяли власть, тот не нашел ничего убедительнее слов: «По праву революции!» Вскоре всем стало ясно, что король буржуазии — «голый». С. Есенин скажет о том времени: «...В розово-смердном огне тогда над страну калифствовал Керенский на белом коне». Несмотря на то что тот, казалось бы, сосредоточил в руках почти всю власть (министр-председатель, военный и морской министры), бывший присяжный поверенный оказался не в состоянии управлять Россией. Керенский рассчитывал, что ему удастся удержаться у власти, бросив народу «кость» в виде Республики. Однако, как ни называй любой строй, он сильнее не станет, если за ним нет реальных сил. Майская декларация Временного правительства свидетельствовала о полной беспомощности этих временщиков-буржуа: «Основною политического управления страной Временное правительство избрало не принуждение и насилие, но добровольное подчинение свободных граждан суверенитету свободно избранной ими парламентской корпорации. Никогда оно не искало себе поддержки в физической, а всегда только в моральной силе». При этом говорилось, что оно не несет ответственности «за пролитую кровь». И это заявляло первое лицо государства, охваченного мятежом, войной, погруженного с головой во взаимную вражду и ненависть, государства, где почти у каждого крестьянина, рабочего и матроса винтовка? В стране, где три с лишним года, а фактически более десяти лет кровь льется рекой?! «Не было пролито ни капли народной крови»?! Мало того, что это была ложь, хотя и во спасение, эта ложь уже никого в России не могла ввести в заблуждение.

Керенский был типичным представителем той буржуазии, которая находила и находила упоение не в деле, а во фразе, декларации, позе, популизме... Они не настроены на трудную работу, на серьезную борьбу, на подвиг или поступок... Считая себя социалистом и демократом, Керенский и не подозре-

Жетоны с портретом Керенского

вал, видимо, что по убеждениям, настроениям и вкусам он самый что ни на есть законченный буржуа, воплощающий «доподлинную систему предательства демократии и защиту узкоклассовых интересов капитала». Врожденная склонность к торжественности, декоративности и театральности были уместны на подмостках какой-либо провинциальной сцены, а не во главе правительства России. Политическим фарсом выглядело пребывание у власти этих господ. Голые фразерство и поза — кредо временщиков. По словам члена Временного правительства Некрасова, когда войска Корнилова шли на Петроград, премьер в опустевших залах Зимнего дворца пел оперные арии, принимая те или иные эффектные позы. Если даже согласиться с мнением тем, что он, возможно, был одаренным певцом, музыкантом и вообще любителем искусства, то вряд ли это те качества, которые в первую очередь нужны главе государства в минуты тяжких испытаний для страны. Буквально за несколько дней до большевистского переворота этот лже-Нерон, словно захолустный писатель или опереточная дива, хвастался коллегам-министрам: «Знаете, что я сейчас сделал? Я подписал 300 своих портретов». В отдельные минуты его можно было бы даже принять за диктатора, власть имеющего. Шульгину в дни Февральской революции показалось, что перед ним, скорее, ловкий прыгун на гиблом «революционном болоте», который привык так ловко «бегать и прыгать», в то время как другие «не умели даже ходить».

Буржуазии нужен был железный диктатор, а получила она шута.

Дж. Бьюкенен писал: у Керенского в те дни «несколько вскружилась голова». В силу того, что его называли «маленьким Наполеоном». Он старался соответствовать этой новой роли, принимая «характерные наполеоновские позы», но превратился в «безудержного, заносчивого, запальчивого и раздраженного, склонного к самодурству, не

Последний «диктаторский» портрет Керенского

способного воздерживаться от самых рискованных авантур крикуна с замашками самодержца без власти, с приемами оракула без знания и понимания». Откровенно говоря, это был жалкий фигляр, место которому на дешевых подмостках. Его главной страстью было желание нравиться публике, все равно какой — гимназистам, женщинам, солдатам, министрам. Толпу он обожал, но лишь ту, которая безрассудно ему отдавалась. Любимой его историей, которую он рассказывал всем и каждому, была история о том, как в бытность военным министром его «целовала целая дивизия», взвинченная его наркотическо-безумными речами. Хотя он уверял, что «это было черт знает что», на самом деле был в полном восторге. Видимо, для такого рода политиков нет ничего слаще оваций толпы.

Известный философ Ф. Степун (кстати, член Временного правительства) вынужден признать, что среди временщиков серьезных политиков, что могли бы справиться с тяжелейшей ситуацией, складывавшейся в России, не было. Хотя он и сделал ряд реверансов в адрес коллег, говоря: «Таких вождей среди членов Временного правительства не было. Все это были во многих отношениях замечательные люди: честные, жертвенные и талантливые, которых ни один разумный и справедливый историк не сможет упрекнуть в корыстной защите своих классовых интересов, но не вожди». Чистая правда — не вожди! Хотя вот слова о жертвенности, об «отсутствии классовости» у господ временщиков — это, разумеется, полная и несусветная чушь. Правительство, конечно, пыталось справиться с острейшими проблемами, но делало это робко, грубо, неумело. Финансовая система страны была подорвана, а правительство включило печатный станок и выпустило кредитных билетов на 2 млрд рублей. В итоге государственный долг России возрос с 9,9 млрд в марте 1917 г. до 15,4 млрд руб. в начале сентября, и к октябрю 1917 г. составлял 49 млрд рублей. Предпринимались робкие усилия по налаживанию работы железных дорог, но дело не пошло дальше выделения малой суммы на изучение их состояния в Донбассе и на Криворожье. Развал промышленности и транспорта продолжался.

Философ Ф.А. Степун

Все это напоминало спорадические усилия людей, совершенно потерявших голову в суматохе событий. На заседания Временного правительства выносились мелкие и мало-значительные вопросы. П.Н. Милюков писал, что в Государственной думе эти вопросы называли «вермишелью». Ими завален был уже и первый состав Временного правительства. Поток ничтожных, мелких и даже откровенно личных, шкурнических вопросов нарастал. В сентябре-октябре 1917 г. постоянно обсуждались вопросы о награждениях, выплатах, о помиловании отдельных лиц, об назначении кандидатур церковных иерархов, штатов ведомств и т.д. 3 октября 1917 г. первым пунктом в повестке дня Правительства поставлен вопрос «государственной важности»: «Представление Военного министерства 2 октября 1917 г. за № 21 241 о назначении содержания Верховному главнокомандующему А.Ф. Керенскому». Порядок заседаний Временного правительства оставался таким же, каким он был и при царях, 20—35 лет тому назад, когда госсекретарь А.А. Половцов писал о заседании Государственного совета в 1883 г.: «Зала представляла с некоторым оттенком оживления обычную свою картину. Председатель с величайшим вниманием слушал все, что говорилось, но, не ставя вопросов, не резюмируя прений, не руководя прениями, представлял им полную возможность расплываться и за-

путывать, а не уяснять дело». Все меняется в этом мире, кроме чиновников в России.

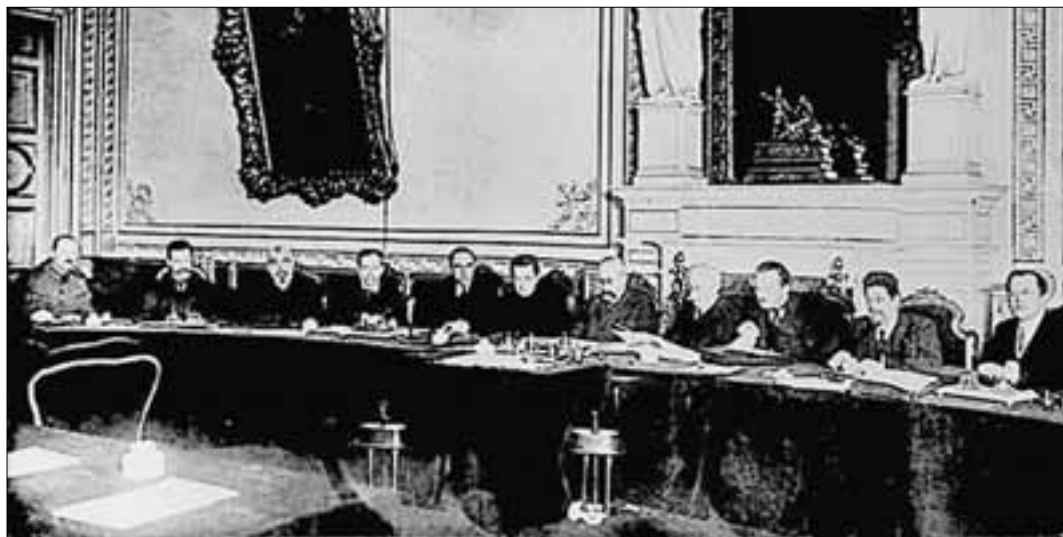
Большевики были правы: «Переход государственной власти в России от Николая II к правительству Гучкова, Львова и др., к правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого классового характера и значения войны со стороны России. Особенно наглядно обнаружился тот факт, что новое «демократическое» правительство ведет ту же самую империалистическую, т.е. захватную, разбойничью войну, в следующем обстоятельстве: новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных бывшим царем, Николаем II, с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т.д., но и формально подтвердило эти договоры. Сделано это было без опроса воли народа и с явной целью обмануть его, ибо общеизвестно, что эти тайные договоры бывшего царя насквозь разбойничьи договоры, обещающие русским капита-

листам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т.д.». Вместе с тем, Ленин требовал отбросить иллюзии, что войну удастся окончить простым отказом солдат одной из сторон воевать, т.е. односторонним действием, «вытканием штыков в землю».

Идея союза общественных классов и социальных групп во имя служения «общим ценностям» была фикцией. Раздираемая борьбой Россия стояла на пороге новой революции. В марте 2007 г. по программе ЦТ России прошел фильм Л. Млечина о событиях 1917 г., в котором делается попытка реабилитации Керенского. Умело подобранные цитаты и фразы рисуют образ «кристального демократа». В решающие дни тот отказался выслать из страны революционеров и контрреволюционеров, якобы возмутился словам Корнилова о необходимости расстрелять полк солдат-отказников. Приводятся и слова Керенского о том, что если Россия во что бы то ни стало хочет броситься в пропасть и ему не дано это

Керенский на Невском проспекте. 15 июля 1917 года

Временное правительство России

изменить, то он считает долгом просто тихо уйти с поста. Горе-правитель разыграл сцену, в которой «сожалел» о том, что не умер два месяца назад, тогда бы он не видел этого позора, и «глубоко опечалился», что Россией нельзя управлять без палки и хлыста. В действительности, тут все или почти все — ложь. Керенский вновь ввел на фронте смертную казнь, стремился арестовать большевиков и организовал поход преданных ему войск против революционного Петрограда. Но это был такой же импотент, как вся буржуазно-демократическая публика, не умеющая ничего толково и с умом сделать. Премьер оказался баббочкой-однодневкой. О его сути говорит уже то, что он любил отдыхать в царской кровати. Но политические его действия куда интереснее альковных. И тут подумалось: странные связи порой устанавливаются в истории: Ленин и Керенский из одной *alma mater*, дети Керенского и Троцкого учатся в одной гимназии. Согласимся, все это напоминает единую «дружную» семью заговорщиков. Впрочем, Брут и Цезарь тоже были близки.

Февральская революция, отвечая интересам буржуазии, не затронула основ собственности. Что же касается российской интеллигенции, значительная часть ее с удовольствием отдалась политической мимикрии... После победы новой власти, не-

малое число колеблющихся обывателей поспешили записаться «в социалисты». Это в порядке вещей. Вчера монархисты — ныне социалисты, вчера коммунисты — ныне буржуа, вчера атеисты — ныне верующие. Есть что-то в человеке от хамелеона. А потому и люди, «бывшие многие годы скромными верноподданными, вдруг объявили себя эсерами: полицейский, врач, учитель гимназии... забитый агроном-кооператор, несколько прапорщиков». В ряды эсеров и социалистов спешили записаться и те, кто вчера был среди черносотенцев. «У всех было стремление прикрыться фиговым листом социализма, причем никто не давал себе отчета, к чему последний обязывал». Воспринимали как нечто гуманное, хорошее, безобидно мессианское. Одни понимали под социализмом «республику», но с «хорошим царем». Другие видели в нем «дармовой пансион». Иные понимали коммунизм в том смысле, что теперь все общее. Потому, когда, к примеру, в здание Государственной думы пришли бунтующие солдаты, коим предоставили там бесплатное питание, тут же из Таврического дворца исчезли серебряные ложки... Крестьяне отметили «триумф революции» разгромом имений, рабочие изгоняли представителей администрации и мастеров. Низы вдруг обуюла уверенность, что отныне «все будет задешево».

После обретения власти в феврале 1917 г. буржуа не сделали решительно ничего, чтоб завоевать на свою сторону русский народ, трудящиеся массы, которые ждали конкретных мер. Главное, чего так и не поняли Керенский и К и что давно прекрасно поняли большевики, это то, что Россия хочет мира, земли и избавления от власти помещиков. Но буржуазия, судя по всему, и не собиралась воплощать в жизнь свои политические обещания, в частности, дать народу землю и мир. Глава коалиционного правительства князь Львов, видимо, получив нагоняй от союзников за установившееся на фронте в мае 1917 г. перемирие, стал жестко требовать: «Страна должна сказать свое властное слово и послать армию в бой». Нашли и того, кто, как они полагали, сумеет вырвать у немцев победу... 22 мая 4 июня 1917 г., в годовщину начала наступления 1916 г., день в день, генерал Брусилов получил назначение на пост Верховного главнокомандующего русской арми-

ей. Газета «Русское слово» тогда с надеждой писала: война не выдвинула в России более популярного имени, чем имя нового Верховного главнокомандующего. Особо подчеркивалось, что генерал Брусилов вступает в командование всей русской армией в решающий момент войны с убеждением, что армия воскресает, крепнет и выполнит ее долг перед родиной. Однако на тексте карандашного приказа генерала А.А. Брусилова в связи со вступлением его в должность Верховного главнокомандующего всей русской армией (22 мая 1917 г.) есть приписка, сделанная его женой Н.В. Брусиловой: «Уже по почерку видно, как он был измучен». Мало-мальски нормальному человеку было ясно, что армия сражаться не может. Еще в большей степени измучена войной вся страна. Однако Керенский упорно старается вызвать у масс военно-патриотический энтузиазм, призывая армию «повторить сказку Великой Французской революции», обращаясь с этой целью

И. Репин. Возвращение с войны

даже к авторитету Ленина. Говоря с депутатами съезда рабочих, матросских, солдатских и офицерских депутатов, он называет его имя. Но и такой трюк уже не помогает...

Барон П.Н. Врангель вспоминал: «Состав армии за два года успел существенно измениться, выбыла большая часть кадровых офицеров и солдат, особенно в пехоте. Новые офицеры ускоренных производств, не получившие воинского воспитания, чуждые военного духа, воспитателями солдат быть не могли. Они умели столь же красиво, как и кадровое офицерство, умирать за честь родины и родных знамен, но, оторванные от своих занятий и интересов, глубоко чуждые духу армии, с трудом перенося неизбежные лишения боевой жизни, ежеминутную опасность, голод, холод и грязь, они быстро падали духом, тяготились войной и совершенно неспособны были поднять и поддержать дух своих солдат». Это было ясно всем, кроме буржуа... Министр иностранных дел Временного правительства Терещенко бодро информирует наших дипломатов за границей (как будто все идет прекрасно): «Процесс постепенного оздоровления армии продолжается. Керенский вынес из своего путешествия на Юго-Западный фронт и юг России благоприятное впечатление». Желаемое выдают за действительное. Очевидная заинтересованность временщиков в продолжении Мировой войны. Правительство, пришедшее к власти на деньги Запада, старалось их отработать. Генерал А. Нокс оценивал оптимистично состояние русских войск и перспективы военной кампании 1917 г. Это понятно, ибо союзники хотели как можно дольше видеть Россию сражающейся на их стороне. В мае 1917 г. и США согласились предоставить кредит Временному правительству на 100 млн долл. Янки намерены предоставить и информационную поддержку, как это они всегда и делают... Бывший госсекретарь США Э. Рут, посланный в Россию президентом Вильсоном, добавлял при этом: «Чрезвычайно необходима посылка сюда максимально возможного числа документальных кинофильмов, демонстрирующих приготовления Америки к войне, строительство линкоров, марш войск, производство боеприпасов на заводах и прочее, убедитель-

Проклятие зачинщикам Первой мировой войны

но свидетельствующее о том, что Америка не сидит сложа руки. Бедные парни здесь (т.е. в России. — *Ред.*) полагают, что, кроме России, никто на самом деле не воюет».

Хотя нельзя сказать, что другие страны не предпринимали столь же отчаянных усилий. И даже больших... Так, Н. Врангель признавал: «У нас уже были призваны миллионы, а мужчин в городе (Петрограде) было столько же, как в мирное время, тогда как в Париже все, что могло, было уже под ружьем. Россия, очевидно, израсходовала лишь малую часть своей наличности, имела неограниченный запас, во Франции запасов уже не было. Одна она неминуемо скоро была бы раздавлена». И все же пока наша армия еще держалась, полного развала армии, который вскоре наступит, не было. И американцы помогали русским, чем могли. В июне 1917 г. прислали во Владивосток комиссию специалистов по железным дорогам, намереваясь в ноябре 1917 г. прислать в Россию еще 200 специалистов. Но тот же Э. Рут заявил Временному правительству, что если не будет военных действий, то «не последует займов». После одной из этих речей американца не выдержал даже министр Временного правительства, заявив переводчику: «Молодой человек, не будете ли вы столь любезны рассказать этим американцам, что мы устали от этой войны. Объясните им, что мы изнемогаем от этой долгой и кровавой борьбы». Увы, Америку это не интересовало. Наверху никого не заботили перспективы войны, как и те, кто проливал кровь, устилая трупами землю... «Война обернулась всеми ужасами... Не успевали проводить погребение солдат. Мне уже кажется,

**Командующий Западным фронтом
генерал В.И. Гурко**

что я плыву по кровавой реке, где капитанам мели не грозят... Везде смерть». Но Временное правительство настойчиво и упорно, выполняя политические договоренности и свои финансовые обязательства перед Антантой, готовилось гнать наши войска в очередное наступление. Показательно, что полный авантюризм таких намерений понимали самые опытные русские военные.

Генерал В.И. Гурко попросил отставки с поста командующего Западным фронтом, высказав несколько «теплых» слов в адрес Временного правительства. Он пишет: «Выполняя указания Временного правительства, в свою очередь являвшегося слепым исполнителем воли безответственных Советов, я употребил бы свою энергию и знания на подготовку операций, которые во время ожидаемого наступления неминуемо должны были продемонстрировать всю беспомощность русской армии. Совесть не позволяла мне принять на себя ответственность за потоки невинной крови, которая прольется в грядущих атаках. Наше наступление могло закончиться только разгромом тех немногих все еще сохранивших боеспособность (русских. — Ред.) полков». Настроен пессимистично и генерал А. Брусилов. Став во главе вооруженных сил России, он, по его словам, якобы «понимал, что, в сущности, война кончена для нас, ибо не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать. Это была химера, которой могли убаюкиваться люди, подоб-

ные Керенскому, Соколову и тому подобным профанам в военном деле, но не я». Хотя летом 1917 г. он думал и писал иначе: «Да будет воля Божья над Россией. Победа над врагом ее бы спасла... Мне лично ничего не нужно, и никакой славы для себя я не ищу, но спасти Россию нужно. Без победы это почти невозможно, и в случае поражения она может рассыпаться, ибо анархия в полном ходу». Тогда же Брусилов телеграфирует Керенскому: «Приложу все силы ума и воли, чтобы спасти Россию и завоевания, достигнутые революцией. Мною незамедлительно будут даны указания всем главнокомандующим о принятии мер по восстановлению боевой мощи на началах воссоздания железной дисциплины и власти начальников». В поздних воспоминаниях Брусилов утверждал, что подписал оный приказ и разослал его главнокомандующим фронтами якобы «по настоянию Керенского», но что «этот приказ не был выполнен и остался на бумаге».

И тем не менее генерал Брусилов готовился к наступательной операции против немцев... 16 июня 1917 г. артиллерия Юго-Западного фронта открыла огонь по позициям австро-германских войск. Артподготовка велась днем и ночью. Никогда за три года войны русская армия не располагала таким количеством артиллерии. В полосе прорыва русские войска превосходили противника в орудиях, в том числе в тяжелых, более чем в два раза. Проведены наземная разведка и аэрофотосъемка. Плотность наступающих войск удалось довести до 2—2,5 дивизий и

Русская армия в 1917 году. Ударные части

30—35 орудий на 1 км фронта, а в полосе 7-й армии, наносившей главный удар в направлении на Львов, до 44 орудий на 1 км фронта. 18 июня началась атака пехоты, имевшей на участке прорыва в целом трехкратное превосходство в людях над противником. Но и этот порыв вскоре выдохся: обозначившийся в первые дни на направлении главного удара тактический успех был эфемерным. О том, что являло собой то наступление русских войск, писали очевидцы: «Июльское наступление русской армии представляло собой одну из самых трагичных страниц истории революции. Батальоны, сформированные из молодых людей, горящих патриотическим энтузиазмом, двинулись вперед без обеспечения резервами и без поддержки на флангах. Солдаты регулярных войск отказывались наступать, а их офицеры и прапорщики совершали самоубийственные попытки атак с горстками верных им подчиненных. Их косили пулеметные очереди противника и сражали выстрелы в спины мятежных солдат, взбешенных тем, что эти атаки ставили под угрозу их собственную безопасность. Энтузиазм и храбрость ударных войск обеспечили некоторый успех местного характера, но когда немцы и австрийцы пришли в себя после внезапного наступления, положение резко изменилось. У добровольцев осталось слишком мало сил, чтобы отразить контратаки противника, другие участники наступления при одном приближении врага обращались в беспорядочное бегство. Широко разрекламированное наступление закончилось безнадежным поражением. Кровь благородных юношей пролилась зря, а военная политика Керенского продемонстрировала полный провал».

Хронику русского наступления дают дневниковые записи генерала М. Гофмана, ставшего с августа 1916 г. начальником штаба немецкого Восточного фронта. В дневнике он пишет 18 июня: «Русские наступают в Галиции. Будем надеяться, что это продолжится 8—10 дней, и тогда мы дадим им хорошенько по голове». 23 июня Гофман пишет: «Пока моя «неожиданность» будет проведена в жизнь, нужно еще подождать 10—14 дней. Будем надеяться, что русские будут энергично продолжать свое наступление». 24 июня запись:

Генерал А.А. Брусилов

«Русские наступают огромными массами. Все отбито. Мои приготовления к «неожиданности» планомерно продолжаются». 28 июня: «Сражение в Галиции очень тяжелое, но нет никаких поводов для опасений» Сняв с других участков Восточного фронта до пяти дивизий и перебросив 11 дивизий с Западного, немцы нанесли мощный контрудар на правом фланге русского Юго-Западного фронта. Русские стали откатываться. Части, оборонявшие Тарнополь, отступили без боя. Немцам достались гигантские запасы снарядов и продовольствия на сумму больше 3 миллиардов рублей. Налицо полнейшая катастрофа.

Напрасно Брусилов будет отчаянно взывать к командованию «не только принять все меры к тому, чтобы остановить наступление противника, но энергично перейти в контратаку и восстановить положение». Выполнить сей приказ так и не смогли ни командир Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Гутор, ни сменивший его в должности генерал от инфантерии Корнилов, ни ударники. Не помогли и усилия А.Ф. Керенского, который объезжал войска, пытаясь поднять наступательный дух армии. Л.Д. Троцкий по этому поводу иронично заметил: «Керенский разъезжал по фронту, заклинал, угрожал, становился на колени, целовал землю, словом, паясничал на все лады, не давая солдатам ответа ни на один мучивший их вопрос». Керенский сам признавал, что среди части русского офицерства за ним укрепилось шутовское прозвище «главноуговаривающий». И вот 6 июля немцы прорвали фронт 11-й армии у Злочева. Генерал Гоф-

Корниловщина

ман записал 8 июля 1917 г.: «Дело развивается планомерно». 10 июля: «Дела идут лучше, чем мы даже ожидали. Вся русская армия до самых Карпат отступает». Уже 12 июля немцы заняли Тарнополь... Попытка Брусилова предпринять действия на других участках к успеху не привели. Заняв первую линию окопов противника, солдаты вернулись на исходные позиции. Верховный попытался восстановить положение, прибегнув к карательным мерам. Но не помогло даже и то, что 12 июля была восстановлена смертная казнь на фронте, отмененная после победы Февральской революции. Начиналась агония...

Дипломат М. Палеолог ранее верно предугадал ход событий в России, заявив: «Генерал Гурко и генерал Брусилов просят освободить их от командования. Отставка Гучкова знаменует ни больше ни меньше, как банкротство

Временного правительства и русского либерализма. В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина». Правительство нашло и козла отпущения... 18 июля 1917 г. А.А. Брусилов освобожден от должности верховного главнокомандующего и получил предписание от Временного правительства сдать дела и немедленно покинуть Ставку. На него была возложена ответственность за неудачу наступления. Так окончился новый брусилковский период летней кампании 1917 г. Это была заключительная точка войны. Всеобщее недовольство охватывало все новые слои населения России — рабочих, крестьян, солдат, прапорщиков, офицеров и даже генералов и адмиралов. После провала наступления русских войск русская армия фактически прекратила свое существование и стала разваливаться. Число дезертиров осенью 1917 г. составило 2 млн. Если с фронта бежали больше людей, чем туда попадали, то это означало лишь одно: Россия больше сражаться не может. Полная военная катастрофа была налицо. Военный министр Временного правительства А.И. Верховский в состоянии прострации заявил: воевать мы не можем, следует как можно скорее добиваться мира с Тройственным союзом. Все очевиднее становился провал Временного правительства. Это была уже агония.

Глава 28. Агония Временного правительства. Попытка переворота Корнилова

Провал наступления на фронте в июле 1917 окончательно сломал хребет русской армии. Началось оставление позиций войсками, говоря иначе, повальное бегство. Приходилось расформировывать целые полки и даже дивизии. В их числе оказался и полк писателя А.И. Куприна, 46-й пехотный Днепровский полк, в котором тот когда-то начинал службу. И его расформировало Временное правительство. А ведь об этой части он недавно писал с таким воодушевлением, имея в виду и русскую армию в целом: «Уходили один за другим древние, закоренелые мордобойцы, бурбоны, трынчики-питухи. Офицерский состав обновлялся воспитанной, вежливой, гуманной молодежью. Прививались забота офицера о солдате и доверие солдата к офицеру. Право, эти этапы казались мне чудесными». Но что же случилось с этой вежливой и гуманной молодежью? Куда подевалось доверие солдат к офицеру? Его полк ведь участвовал в натиске на Перемышль и Львов, имел и яркие победы. «И вот теперь этот же полк выступил

на позиции всего лишь в половинном составе. Где же причины такого позора? Живая страна может пережить все: чуму, голод, землетрясение, опустошительную войну, кровавую революцию, — и все-таки остаться живой. Но разложилась армия — умерла страна». Причины агонии — продажность, предательство, интриги, равнодушие и бездарность в эшелонах высшей власти.

Военный крах неизбежно повлек за собой конец и Временного правительства. Кроме того, солдат в 1917 г. — это был уже совершенно другой солдат, нежели в 1914 г. Он не желал защищать ни царя, ни буржуазию, говоря: «Мы — пушечное мясо! Нас не жалеют и день за днем ведут на бойню! Войну ведут человеческими телами...» Видя, как в тылу засели торговцы, спекулянты, бюрократы, солдаты к ним проникались лютой ненавистью. Один из мемуаристов описал сцену, свидетелем которой ему как-то пришлось быть. Лениво наблюдая за тем, как гибла под пулеметно-артиллерийским огнем «серая скотинка» солдат, генерал прокричал «страстно»:

Трупы павших русских воинов

«Всех — к крестам!»

«Всех к крестам!» На что адъютант подумал: «На могилах!.. Молодцы-то едва ли выберутся из проволоки». Память об этих крестах и будет срывать кресты с церквей!

«Патриот» и «империалист» И.Л. Солоневич, между прочим, и за границей все скорбел по поводу того, что Россия в 1917 г. «не додралась»... А за что ей было «додираться-то»?! За господ капиталистов?! Поражения в последних наступлениях окончательно убедили солдат да и многих офицеров в том, что все «высшее общество» и господа генералы хотят окончательно «извести» как можно больше простого народа, чтобы самим продолжать владеть землей и обогащаться. И это было во многом справедливо. Ответом же солдат стали массовое дезертирство, повальные сдачи в плен. Народ больше не желал умирать «бесполезно», т.е. за интересы толстосумов и помещиков. В 1916—1917 гг. солдаты уже находились у последней черты. Они считали, что наступил последний год войны, надеялись, что крах самодержавия, уход Николая, приход к власти «социалиста» Керенского даст им столь желанный мир, но февраль 1917 г.

их обманул. И крестьянство с пролетариатом в России поставят жирный крест на буржуазии, двинутся в лагерь большевиков.

И даже «демократическая республика», утвержденная 1 сентября 1917 г., была политической пустышкой и фикцией... Созыв Учредительного собрания затягивался. Керенский отказался созывать и Государственную думу. Очевидно, что все это не входило в его планы. К слову сказать, в декрете, провозглашавшем республику в России, Керенский даже не упомянул об Учредительном собрании. Все указывало на желание Керенского установить режим личной диктатуры. Фактически он с 27 августа 1917 г. единолично управлял государственными делами. Вот и Г. Катков пишет: «Но в действительности... все политические решения принимал один Керенский, настоящий диктатор, разве что не носивший этого имени, не способный проводить в жизнь свои намерения». Что это значит, если, конечно, отбросить словесно-демократическую мишуру власти? Дело шло к трансформации буржуазно-демократических органов, систем управления Временного пра-

вительства в неприкрытую диктатуру. Начав с предоставления народу определенных свобод (напомню, что благодаря ниспровержению монархии, шагам Временного правительства ряд вождей большевизма, Ленин, Троцкий и др. получили-таки возможность вернуться из эмиграции в Россию), теперь буржуазия в лице ее правящей верхушки устремилась к диктатуре. Кадеты были против коалиции с социалистами. Они настаивали на том, что необходимо устранить от власти Советы, требовали установления диктатуры капитала.

Настроения масс в эпоху революций переменчивы и неустойчивы. В марте 1917 г. на митинге рабочие и солдаты Выборгской стороны приняли требование к Совету рабочих и солдат — устранить Временное правительство и объявил себя правительством. Хотя на заводе «Галерный Остров», напротив, большевикам даже не дали выступать. Представители ЦК, члены Исп. комитета Совета Р.Д., вынуждены были воздержаться от посещения казарм солдат из-за опасения обструкции со стороны «революционного народа». Были и те, кто заявлял, что, пока война, они будут поддерживать Временное правительство.

Делегат Новицкий заявил: «Почти миллионная армия велела мне передать, что она верит Временному правительству без каких-либо оговорок, ибо это Временное правительство создано самой этой революцией, нам дала этих людей революция; это — лучшие сыны родины». Напротив, другие называли Временное правительство «ширмой» и требовали установить строгий контроль за всеми его действиями. Если Гучков и Шульгин, говорили они, поехали в начале переворота для переговоров с Романовыми, то это не значит еще, что они не поедут к отпрыскам Романовых и вообще к той буржуазии, которая, безусловно, заинтересована в восстановлении «если не абсолютной царской монархии, то, во всяком случае, конституционного строя». И так думали многие. Но у Временного правительства, писал большевик Шляпников, оружия тогда было больше. Соотношение сил не позволяло большевикам ставить вопрос: «Не пора ли прибегнуть к его помощи?!».

Борьба за массы обострялась... Революция вскоре перемахнула через буржуазные рамки, и, как тоскливо признавал князь Г.Е. Львов, теперь мы, «как щепки, носимся на

На Выборгской стороне

ее волнах...». Буржуазия не смогла создать прочную структуру власти в России. В порыве отчаяния один из членов сообщества признавался: «Все соединяются в союзы, сплачиваются, за исключением представителей промышленности и торговли, которые до сих пор представляют собой рассыпанную храмину, как выразился 200 лет назад Петр Великий». Вот эта «рассыпанная храмина» почти сразу же и распалась — уже при первых признаках надвигающейся большевистской революции. Сам факт кратковременности пребывания буржуазии у власти, на наш взгляд, уже стал свидетельством ее нежизнеспособности. Победив в феврале, буржуазия показала еще и неспособность достичь согласия с другими участниками политического процесса и, главное, не смогла установить порядок в раздираемой анархией стране. Умение говорить речи, определенный позитивный опыт в организации промышленности и торговли, ввод в правительство новых и свежих людей, как оказалось, еще не является гарантией успеха в государственной деятельности.

Бывший председатель Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, затем министр внутренних дел Временного

правительства Н.Д. Авксентьев оставил воспоминания. После Октября 1917 г. он активно боролся против большевиков, вынужден бежать в эмиграцию, где и пробыл до конца дней, активно сотрудничая с журналом «Современные записки», издававшимся в Париже. Большевики, писал он, победили потому, что массы поверили их обещаниям. «Этот стихийный рост большевизма был вполне понятен. Вся проповедь большевиков была построена на самой низкой демагогии, на внушении массам мысли, что теперь все дозволено, на игре на наиболее элементарных и эгоистических стремлениях масс». Подобные слова как раз и есть демагогия, ибо ничего не объясняют и не проясняют. Обвинения трудящихся масс в том, что те не хотят воевать, служить «высшему долгу и терпеть во имя будущего», что у них якобы проснулся аппетит «грабить награбленное», из уст слуги капиталистов и буржуа звучат просто цинично. Тот же Авксентьев вынужден с сожалением констатировать: «Единое представительное учреждение и для демократии и для буржуазии было создано, а единства не получилось. Те противоречия, которые существовали раньше, увы, не сгладились». Левые и правые

Н. Павлов. Долой войну!

и после ухода большевиков не смогли договориться ни по одному серьезному вопросу. Демагоги и болтуны продолжали вести споры, дискуссии, бесконечные прения вокруг тех или иных формулировок и параграфов даже 24 октября 1917 г. Авксентьев вынужден сделать знаменательное признание: «именно демократия» в исторический час оказалась явно не на высоте. А уже близился день новой революции — 25 октября 1917 г.

«Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать», — так выразит А. Блок настроения масс. Выяснилось, что господа либералы не в состоянии управлять таким сложным и большим государством как Россия. Главная их проблема заключалась в том, что у буржуазии не было серьезной и прочной опоры в народе. Господствующие классы в России всегда в процентном отношении были незначительной силой (в петровскую эпоху — 6—7 %, во времена реформы 1861 г. — 12 %, в начале XX в. — немногим больше). «Третье сословие» не представляло собой господствующей политической силы, каковой оно уже давно случалось в Европе. Отмечая слабость русской буржуазии, П.П. Рябушинский скажет (1920 г.): «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и их глубины, и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить в ответственный момент той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути. Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступившей роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила». Интеллигенция же насчитывала 800 тыс. человек, что вместе с семьями составляло 2,2 % населения России. На другом полюсе — абсолютное большинство народа, в основе бедного и нищего, и прежде всего русское крестьянство — «основной источник изъятия прибавочного продукта», подвергавшееся самой жестокой эксплуатации.

Кадет В.А. Маклаков

Февральский переворот и не мог иметь успешного продолжения. Это понял депутат Думы кадет В.А. Маклаков, хотя и по прошествии времени (1869—1957). Он встретил Октябрьскую революцию в Париже, куда его направило послом Временное правительство. В воспоминаниях он заметит, что Февральская либеральная революция «была обречена на гибель при самом своем появлении». Почему же? Потому, что правительство не смогло сдерживать напор волн, ввести революционный поток в спокойное русло. А только так закрепляются революционные достижения. Когда разрушены сами устои государственного строя, остановить смуту можно только деспотическими, а отнюдь не либеральными мерами. Поэтому победоносные революции всегда враждебны как свободам, так и праву. «Революции ведут к диктатурам». Служить либеральным идеям, уверял Маклаков, в годы революции — это «значит начинать игру, где не может быть выигрыша». Либералам тут нечего делать. Как выразился Г.В. Плеханов в отношении возможностей русской буржуазии, «наш капитализм отцветает, не успевши окончательно расцвести». Капитализм в России в конце XIX-начала XX веков был, прямо скажем, не очень-то популярен в массах. И разве же история не так же смяла и выбросила, как отслужившую грязную тряпку, либералов и буржуазных правых в России XXI в?!

В.В. Шульгин в 1917 г.

Откровенно высказался и В.В. Шульгин... И хотя не со всеми положениями его филиппики мы согласны, приведем ее полностью, включая и спорные места: «До Февральского переворота большевистские атаманы, прославившиеся позже на весь мир, были отделены от России двумя фронтами, через которые и птица перелететь не могла. И все эти Ленины, Троцкие, Зиновьевы и Бухарины так и кончили бы дни свои где-нибудь на мансарде в Цюрихе или Берне, если бы в России очень почтенные люди и очень влиятельные группы не делали все, что могли, чтобы стало возможным и даже неизбежным пришествие Нечистого — нечистого плотью, нечистого помыслами, нечистого духом. Большевистские соблазны, все эти: земля — народу, власть — пролетариату, царство Советов, — об этом никто не только говорить не смел, но и думать не мог... Ни один честный человек не может не признать, что власть большевизма без предшествовавшей ей революции была бы невозможна. Февральский переворот был необходимым условием большевистского властвования, но также достаточным условием развала государства и порабощения страны и народа». Ставить большевизм в ряд со смутой старомосковского образца, разинщиной, панским бунтом или чужеземным господством не только смешно, но и подло. Конечно, это историческая глупость и политическая фальсификация. Но в этом потоке эмоций есть и крупинцы правды. Революции — и Февральская и Октябрьская (а не только

Февральская) — были национальными и интернациональными. Они — результат действий и усилий русских, «коренных русских людей, а отнюдь не евреев, не инородцев вообще». Не только евреев. Да и вообще — не тех, кто сидел в Цюрихе, Берне или Лондоне (по крайней мере, в первую очередь не их!).

Простому народу, крестьянам, пролетариям, солдатам, матросам, смертельно все это надоело. Россия нуждалась в «твердой руке». Это становилось очевидно. Из 220 политических партий и групп, существовавших в России в марте-октябре 1917 г., должна была победить самая решительная, твердая, сильная... Помня русскую историю, где военные всегда играли заметную роль в определении судеб престола, логично было предположить, что и в этом случае военные не останутся стоять в стороне. Вспоминаются действия гвардии при восшествии на престол Екатерины II, действия генерал-губернатора графа М.А. Милорадовича в 1825 г., когда он своей уклончивой позицией, нерешительностью фактически спровоцировал эпоху междоусобицы и подтолкнул декабристов на восстание. «молчание ягнят» открыло пути и превороту 1917 г.

Попытку переворота предпринял и генерал Л. Корнилов. Он намеревался покончить с двоевластием. В перевороте были заинтересованы монархисты, капиталисты, военные. Есть документ, проект программы, на основе которой Корнилов хотел объединить антибольшевистские силы. В документе говорилось, что ближайшими его задачами являются «сокрушение большевизма» и соз-

Корнилов в кругу офицеров

дание в России «образа правления», обеспечивающего в стране порядок и соблюдение гражданских прав. Среди 14 пунктов и пунктов, популярные у офицерства и промышленников: восстановление дисциплины в армии, восстановление права собственности, свободы слова и печати, уничтожение классовых привилегий, отмена национализации частных предприятий, созыв Учредительного Собрания, единство России, сохранение смертной казни за тяжчайшие государственные преступления, ну и исполнение союзных обязательств международных договоров (война до победного конца). Мятеж был организован с согласия ряда членов Временного правительства. И уже после провала путча генерал Алексеев откровенно признавался Милюкову (по свежим следам «корниловского дела»): «Выступление Корнилова не было тайной от членов правительства, вопрос этот обсуждался Савинковым, Филоненко и через них с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в переговорах и соглашениях. Савинков уже должен был сознаться печатно об этом. Филоненко будет выведен на чистую воду. Он в будущем министерстве претендовал на пост министра иностранных дел, великодушно на другой день соглашаясь на пост министра внутренних дел... Участие Керенского бесспорно. Почему эти люди отступили, когда началось движение, почему отказались от своих слов, я сказать не умею». Многие деятели Временного правительства, включая того же Керенского, сначала спровоцировали выступление военных, а затем предали, как они ранее предали и самодержца российского.

Н. Реден прямо говорит о личной ответственности Керенского, посвященного во все детали секретного плана «по наведению порядка» в России силами верных войск: «План военной реформы получил одобрение Генерального штаба и ряда личных представителей Керенского. Важным пунктом было усмирение неуправляемого гарнизона Петрограда, для чего предполагалось вызвать с фронта войска. Весь план разрабатывался сверху и в строжайшей секретности. Керенский, знакомый с планом в мельчайших подробностях, не

раскрывал его содержания лидерам Советов и скрывал его от коллег министров, которым не доверял». В армии о плане знали только ряд высокопоставленных офицеров. Однако, понимая, что кадровые армейские офицеры консервативны, премьер-социалист вскоре стал нервничать, опасаясь, что «альянс с военной кликой откроет путь реакции и даже восстановлению монархии». Когда заговор вошел уже в завершающую фазу, Керенский фактически предал генерала, офицеров, сдал их в руки Советов.

Нужно ли как-то объяснять поведение премьера?! Он боялся передачи власти в руки военных, которые его не жаловали. Показательны слова Корнилова, сказанные им генералу Лукомскому, своему верному помощнику, доверительно: «Я уверен... что надо вышвырнуть тех слизняков, которые составляют Временное правительство; если они каким-то чудом останутся у власти, то главари большевиков и Совета рабочих и солдатских депутатов (Петроградского совета) стараниями Чернова и К останутся безнаказанными. Пришло время положить конец всему этому. Пришло время повесить германских агентов и шпионов с Лениным во главе и разогнать этот Совет рабочих и солдатских депутатов — да так, чтобы они уж никогда не смогли снова собраться! Я собираюсь поручить возглавить эту операцию генералу Крымову. Я знаю, что в случае необходимости он не будет медлить и повесит всех членов Совета рабочих и солдатских депутатов». Правда, потом Корнилов говорил, что «не собирался выступать против Временного правительства», и выражал надежду, что «все же договорится в последний момент», но, похоже, он и сам в это не верил. Вспомним и то, что в годы Гражданской войны иных из офицеров, что ранее шли на сотрудничество с Керенским, белые расстреляют как предателей. Хотя тот указом и поставил Корнилова Верховным главнокомандующим над русской армией, опасения его не оставляли. Керенский боялся, что тот его арестует и даже предаст смерти. Он писал: «Корнилов был твердо убежден в абсолютном бессилии правительства; он смотрел на правительство, так сказать, как на некий рудимент, на который не нужно обращать никакого внимания».

Надо представить себе четко ту обстановку, в которой оказались страна и армия. 6 июля 1917 г. немцы прорвали оборону XI армии, которая стал отступать в полном беспорядке. Затем покатила назад VII армия. Части бросали позиции и устремлялись в тыл, грабя, насилая, убивая. Фронт развалился, хотя на одного немца приходилось примерно пять русских солдат. Нужно было срочно что-то предпринимать. Л. Корнилов, вступивший в ночь с 7 на 8 июля в должность главнокомандующего войсками Юго-Западного фронта, потребовал, чтобы против тех, кто оставляет без приказа позиции, против «изменников», применялись бы пулеметы и артиллерия. Фактически он и санкционировал введение смертной казни на фронте (Керенский и тут увильнул). Корнилов заявлял: «Я не остановлюсь ни перед чем во имя спасения Родины от гибели, причиной которой является подлое поведение предателей, изменников и трусов». В этом генерала поддержали и Б.В. Савинков, комиссар 8-й армии, и М.М. Филоненко, член исполкома Петроградского Совета, карьерист, демагог, «маленький человек в кителе», считавший, что одно его имя, Максимилиан, уже делает его похожим на Робеспьера... Слова Корнилов подкрепил делами. По его приказу разоружена 46 пехотная дивизия Юго-Западного фронта, в которой царил анархия. Солдаты прогнали офицеров. Окрестные деревни подверглись набегам грабителей и погромщиков из числа солдат дивизии. Дивизию окружили карательные отряды. Два полка сдались и тут же выдали зачинщиков. Один полк был обстрелян из пушек и сдался. Зачинщиков мятежа расстреляли.

Генерал П.Н. Краснов в своей книге писал, сколь резко изменилась атмосфера в армии. Это рассказ о том, как трансформировались в головах простых солдат и казаков «идеи социализма и коммунизма». В их понимании новая власть перво-наперво должна была взять и поделить деньги полка между всеми. Рядовые чины захотели, чтобы офицеры непременно здоровались с ними за руку. Вскоре, охваченные анархией, его казаки даже перестали чистить и регулярно кормить своих лошадей, предались пьянству и безобразиям. Буржуазное правительство очень рассчитывало, что с

помощью революционных фраз удастся обмануть восставший народ, представив дело так, что «будто социально-политический характер войны со стороны России изменился от замены царской монархии гучково-милюковской почти республикой». Народ на какое-то время, похоже, поверил этим посулам, но когда стало ясно, что Временное правительство дало буржуазии «жирный кусок, настоящую власть», а Советам «посулы... лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских», тогда как на деле мечтает лишь об удушении Советов рабочих и крестьянских депутатов, он восстал против этой власти. Буржуазная власть была «за войну». Как скажет Ф. Степун, «Милюков не расслышал отнюдь не только шкурнической, но по существу праведной тоски русского народа по замирению».

В свою очередь, генерал, возмнив себя «десницей Провидения», был уверен в успехе задуманного переворота. 24 августа 1917 г. он приказал войскам идти на Петроград. А. Блок записал в дневник: «Корнилов есть символ; на знамени его написано: «продовольствие, частная собственность, конституция не без надежды на монархию, ежовые рукавицы»». Было ясно: у Корнилова имеется в России немало сторонников среди консервативно-реакционной и монархической части общества.

Все же обратим внимание на сложность положения Временного правительства, очутившегося по сути между молотом и наковальней (между молотом революционного народа и наковальней монархизма). С 28 августа, когда рабочие, солдаты и матросы узнали о мятеже Корнилова, тут же всего за несколько дней в Красную гвардию записались 40 тысяч человек! И это была огромная сила. Солдаты принимали на митингах большевистские резолюции, они готовы были защищать город и революцию от корниловцев. Чтобы спастись от Корнилова и переломить ситуацию, Керенскому нужны были большевики. Вся книга Керенского «Прелюдия к большевизму» — это попытка оправдания собственной трусости и беспомощности. Он все время оправдывается: я не был среди тех, кто «приветствовал» возможность передачи Советов под влияние большевиков», яростно осуждает «контрре-

волюционные акты убийц и скотов» с Балтики, призывает «немедленно прекратить все зверские акты насилия». Оправдывался и перед Корниловым. «Авантюра Корнилова была прологом к большевистскому государственному перевороту. Если бы не 9 сентября, не было бы и 7 ноября. Однако сам Корнилов по-своему глубоко любил Россию, и не легкомыслие, но недостаток знания и политического опыта толкнули его на губительную тропу, куда увлекли его определенные безответственные группы финансовых дельцов и политических авантюристов... Завойко, Аладин и компания были лишь случайными людьми с двусмысленным прошлым; за их спиной стояли влиятельные анонимы, которые в решительный момент спаслись, но бросили Корнилова». Какие «влиятельные анонимы»?! Вовсе не «аноним» встал на пути Корнилова, а революционный Народ. Керенский, предал генерала Корнилова, сделав неизбежным 7 ноября 1917 г. Хотя в более широком смысле, взвешивая на весах истории шансы той и иной сторон, понимаем, что у Временного правительства не было возможности устоять в условиях, когда две главные мощные силы (пролетарии и крестьянство, с одной стороны, помещики, казачество и офицеры — с другой) готовились вступить в смертельный и решительный бой.

Единственной возможностью (хотя и весьма сомнительной) как-то предотвратить революционное выступление большевиков (или по крайней мере перевести ход событий в более благоприятное для буржуазной России русло), были бы решительные действия всех членов Временного правительства по поддержке генералов Корнилова и Крымова. Это понимали все более или менее решительные сторонники правого лагеря. Но и причины нерешительности Керенского понятны. С одной стороны, тот хотел сильной власти (в своем лице), с другой, не чувствуя за собой сил справиться с валом солдатской ненависти, боялся солдат и матросов. Солдаты наотрез отказались служить фицляру, объясняя это так: «большаки» за мир, а сей болтун опять о войне «завел шарманку». И даже угрожали его вздернуть. Показательны слова, обращенные к нему, Керенскому: «Мы заставим

А.С. Лукомский

вас бросить ваш трон...» Говорили, что Керенскому в пору «быть не правителем России, а... свинопасом». Некоторые высказывались еще откровеннее, кровожаднее: «Когда же Керенскому отрежут его поганный язык?» Будучи патологическим трусом, в страхе он действовал по принципу профурсетки: «Отдамся не тому, кто милее, но тому, кто страшнее!»

Керенский, как отмечено, боялся и генералов. Генерал В.И. Гурко в бешенстве советовал ему взять на себя командование дивизией, ибо после его «Декларации прав солдата» поддерживать какую-либо сносную дисциплину в армии стало просто невозможно. «Герой» не мог управиться даже с лошадьёю. Когда Керенский однажды решил было в ранге военного министра предстать в бравом виде перед казаками, вышел конфуз. Тем пришлось держать коня спереди и сзади, чтобы сей «вояка» не свалился. Великий князь Андрей Владимирович писал: «Что ни день, Керенскому по морде дают, и он глотает эти оплеухи...» Керенский ломал остатки системы управления армиями. Были уволены или смещены с постов до 60 % высших офицеров. После Февральской революции (по 10 августа 1917 г.) были сняты с должности 140 генералов, включая 2 Верховных главнокомандующих, 5 главнокомандующих армиями фронтов, 7 командующих армиями, 6 главнокомандующих, командующих и глав-

ных начальников военных округов, 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных и 13 начальников кавалерийских и казачьих дивизий, инспекторы артиллерии и т.д. и т.п. Премьер Керенский отдал приказ арестовать генерала В.И. Гурко, который был противником предателя и временщика. Генерала помещают в Петропавловскую крепость. Жаль, что большевики не пристрелили Керенского. Хотя, по зрелому размышлению, им следовало бы поставить Керенскому памятник.

Генерал А.С. Лукомский ясно дал понять Керенскому, что тот совершает предательство России (в его понимании): «Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к Гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова ведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию». Министр иностранных дел правительства М. Терещенко телеграфировал премьеру А.Ф. Керенскому из Ставки о том, что «весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым», на его сторону «станут в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части». Тут же плел свои паучьи сети Б. Савинков. Он был связующим звеном между Корниловым и Керенским. После объявления Петрограда на военном положении Савинкова назначают военным губернатором города и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа с оставлением в должности управляющего Военным министерством. Керенский думал ввести Савинкова в Директорию из 5 министров. Заметим, Б. Савинков вел двойную игру...

Он хотел одновременно обойти и Керенского и Корнилова и стать главным лицом в стране. Действуя против тех и других, он предлагал Корнилову «подчиниться Временному правительству, сдать должность и уехать из действующей армии», а Керенскому доверить ему решение всех «проблем». На следствии о корниловском мятеже Савинков говорил, что намеревался, став губернатором и военным министром, приступить к арестам большевиков, их структур («Советов рабочих, собачьих и курячьих депутатов» — как он изволил называть Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), чего он не успел выполнить ввиду его отставки. В частности, 11 сентября 1917 г. на совещании представителей казачьих частей, расположенных в Петрограде и его окрестностях, Савинков признался, что был согласен с Корниловым в его целях, но разошелся с ним в плане и средствах по его осуществлению. Так не смогли договориться, пожалуй, два самых решительных противника большевиков, вступив в конкурентную борьбу за единоличную власть.

Савинков враждебно встретил Октябрьскую революцию, заявив, что «переворот не более, как захват власти горстью людей, возможный только благодаря слабости и неразумию Керенского». Он даже предпринял попытки освободить осажденный Зимний дворец. Однако казаки защищать Временное правительство отказались. После провала похода войск Краснова на Петроград Савинков бежал на Дон, где вошел в состав «Донского гражданского совета», во главе которого стоял генерал М.В. Алексеев. В Совете занялся формированием армии и добровольческих дружин. Сотрудничество с белыми объяснял так: «Один бороться не мог. В эсеров не верил, потому что видел полную их растерянность, полное их безволие, отсутствие мужества. Кто же боролся? Один Корнилов. И я пошел к Корнилову». Он был крайне невысокого мнения о способностях эсеров, заявив, что их партия не имела в его глазах «ни морального, ни политического авторитета». Выводы таковы: во-первых, у его идей не было будущего, во-вторых, в правительстве были люди робкого десятка, в-третьих, и это главное, за ними не шел русский народ.

Выполнявший функции комиссара Временного правительства на Северном фронте В.Б. Станкевич подробно описал настроение солдатской массы, не желающей воевать. Им говорилось о фронтовой газете «Окопная правда» («Окопный набат»), большевистских агитаторах в каждой части, в каждом подразделении, о безуспешной пропагандистской борьбе комиссаров правительства против дезорганизации, дезертирства, антивоенных и антиправительственных устремлений солдат. Офицерский корпус был полностью дезориентирован отречением царя и Михаила. «В ротах, полках и дивизиях выдвигались новые офицеры, действительные руководители солдат. Начиналось сближение часто с совершенно неожиданной стороны: с чтения газеты ротой, с организации развлечений, спортивных игр. Научились пользоваться новыми порядками и учреждениями с выгодой для дела и без всякого ущерба для себя. По-выписывали себе библиотеки». Комиссары Временного правительства в своих отчетах отмечали: вся большевистская печатная и устная пропаганда велась на языке народной массы. Смысл ее всегда сводился к простейшим вещам, понятным и близким массе солдат: мир, земля, вольная воля, достаток. Комиссары, листовки и циркуляры Временного правительства говорили языком книжным («барским») и мысли излагали противоречиво-законные и отвлеченные (война до победы — ради торжества справедливости, честь, верность союзникам, патриотизм, дисциплина во имя революции и т.п.). Временное правительство звало солдат умирать за революцию, за «землю и волю», большевики звали солдат бросить фронт, чтобы жить, чтобы немедленно идти и делить землю соседей-помещиков... «Для людей естественно уходить от войны, от горя, от смерти. Что может гнать человека на войну? Чувство ее неизбежности для него и его близких или железное принуждение. Чувства необходимости этой войны ни у солдат, ни у большинства офицеров к тому времени уже не было. Большевистские агитаторы непрерывно внушали солдатам, что их гонят умирать ради обогащения буржуазии».

То, что планировали Корнилов, Крымов, Дутов и др., безусловно, имело своей целью

Атаман А.И. Дутов

разгром революционных сил народа. В дни корниловского выступления в конце августа 1917 г. отношения атамана Дутова с правительством обострились. Вызвав атамана, А.Ф. Керенский потребовал подписать документ с обвинением генералов Л.Г. Корнилова и А.М. Каледина в измене, на что Дутов заявил: «Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги не подпишу», — и подчеркнул, что, если нужно, готов умереть за Каледина. Полк Дутова защищал штаб генерала А.И. Деникина, «дрался с большевиками в Смоленске» и охранял Ставку генерала Н.Н. Духонина. После подавления корниловского выступления полк ушел в Оренбургское войско, где 1 октября 1917 г. на Чрезвычайном войсковом круге А.И. Дутов был избран председателем Войскового правительства и Войсковым атаманом. «Клянусь честью, что положу все, что есть: здоровье и силу, чтобы защищать нашу казачью волю-волюшку и не дать померкнуть нашей казачьей славе», — обещал он. Именно в казачьем движении, в организации самоуправления и в казачьих частях Дутов видел опору государственности и ее будущее. На обвинение в стремлении «окачать» Россию он отвечал, что это был бы наилучший выход

и только твердая казачья власть может объединить «разноплеменное население» страны. «Мне жизнь не дорога, и ее не буду щадить, пока в России будут большевики», — говорил атаман, уверяя во внепартийности своей позиции и нежелательности втягивания армии в политику. На самом деле армия, конечно, давно уже была втянута в политику. «Я не знаю, кто мы: революционеры или контрреволюционеры, куда мы идем — влево или вправо. Одно знаю, что мы идем честным путем к спасению Родины. Все зло заключалось в том, что у нас не было общегосударственной твердой власти, это и привело нас к разрухе». Но тот же Дутов признался: «Между двадцать седьмым августа и вторым сентября под видом большевиков должен был выступить я». Затем под предлогом восстановления порядка контрреволюция намерена была активно вмешаться в ход событий, разгромить большевиков, разогнать Советы, арестовать Временное правительство. Секретный приказ о формировании Петроградской отдельной армии под начальством генерала Крымова главкомверх подписал 25 августа 1917 г. Задача армии — «восстановить порядок в Петрограде, Кронштадте и во всем Петроградском военном округе, при этом против не повинующихся лиц, гражданских или военных, должно быть употреблено оружие без всяких колебаний или предупреждений» (таков приказ Крымова по вверенной ему армии).

Большевики направили в войска Крымова сотни агитаторов, что и остановили, можно сказать, что одними словами, 3-й конный корпус генерала в 50—60 км от столицы. В итоге все три дивизии корпуса вышли из повиновения. И даже «Дикая дивизия» заявила о своей поддержке Советов... Генерал Крымов, убедившись в нежелании его войск выступить на стороне Белого движения, пустил себе пулю в лоб (13 сентября). Началась вакханалия убийств царских офицеров, в армии и на флоте... Керенский писал: «Сначала флот, потом армия, наконец, вся страна целиком почти с невероятной быстротой покатила назад, ко временам анархии и беспорядков первых революционных дней. Пробыл час!.. Расстрел четырех офицеров прозвучал неким сигналом. Матросские комитеты взяли офицеров

под наблюдение, весьма похожее на содержание под арестом. Большевики внезапно добились на флоте реванша за провал июльского мятежа; их представители заняли руководящее положение в Центральном комитете Балтийского флота. Политические тенденции менялись даже на малых судах — легких крейсерах, торпедных катерах, субмаринах и пр., — экипажи которых, практически не затронутые большевистской пропагандой, во время революции отличались высоким моральным духом. События на «Петропавловске» совпали с ужасными беспорядками в Выборге. Сначала там солдаты арестовали трех генералов и полковника, заподозренных в готовности помочь Корнилову: взяли под стражу, подвергли всяческим унижениям и бросили в воду. Затем во всех подразделениях началась охота, издевательства, уничтожение офицеров. Выборг не стал исключением. На всем протяжении фронта солдаты самовольно арестовывали офицеров, сами оглашали обвинительные заключения, срывали с них погоны, выбирали новых командиров, устраивали военно-революционные трибуналы... Короче говоря, полгода борьбы за восстановление боеспособности армии пошли прахом. Все офицеры превратились в «корниловцев», то есть в reactionеров. Дисциплины не существовало. Во всех частях множились, как грибы, большевистские группы, узурпируя руководство комитетами. События напугали офицеров. Устав от чехарды с правительствами, многие из них предпочли устраниваться от схватки на том этапе. Так, Союз Офицеров, которому промышленник Путилов передал на поддержку переворота Корнилова 1 млн рублей, фактически разворовал или пропил всю полученную им сумму, после чего уже и сам промышленник обреченно заявил: «Дело Корнилова в России проиграно».

Трусость премьера окончательно поставила жирный крест на Временном правительстве. К тому времени оружие было в руках у Красной гвардии, которую кадеты старались разоружить. «Министры умоляли большевистских агитаторов, чьему деструктивному влиянию они приписывали все военные неудачи, воспользоваться этим влиянием против корниловских войск и уговорить их не пови-

новаться командирам. В довершение всего Керенский упрашивал кронштадтских матросов — этих июльских злодеев — тоже встать на его защиту». Возможно, у «октябристов», «февралистов» и умеренных социалистов и были веские основания бояться монархистов ничуть не менее большевиков. Об этом свидетельствует признание В. Шульгина. Депутат Государственной думы трех созывов, возглавлявший правых русских националистов, издатель, редактор газеты «Киевлянин», заявил в мемуарах: «Николай I повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет 50 000 «февралистов», то это будет задешево купленное спасение России».

Впрочем, ненависть монархистов к либералам и демократам (и наоборот) была взаимной, давней, непреодолимой... Г.М. Катков в «Деле Корнилова» приходит к выводу: публичное «разоблачение» Керенским главы русских вооруженных сил, когда шли боевые действия, а внутреннее положение страны достигло крайней степени разложения, анархии и недовольства, обернулось для России страшной катастрофой. «Это был последний удар по боеспособности армии и по героическим попыткам военного начальства направить развитие политических и социальных сил в легальное и стабильное русло». Оценка носит явно ангажированный характер, оправдывая действия буржуазии и генералитета, которые фактически сообщая и втянули народ России в мировую войну. Кроме того, скромно умалчивается и то обстоятельство, что те же военные приложили руку к ниспровержению «конституционного царя».

Впрочем, она вполне понятна и, выражая позицию большей части офицерского корпуса старой царской армии. Как известно, и А.И. Деникин, выступивший против «Декларации прав солдата», утвержденной Керенским в мае 1917 г., называвший эту акцию «последним гвоздем, вбиваемым в гроб, уготованный для русской армии», решительно поддержал это выступление Корнилова и направил г-ну Керенскому телеграмму: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16-го июня на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию

Генерал Л.Г. Корнилов

и втоптало в грязь наши знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда, как осознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Россией и желание исправить содеянное зло. Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего, и видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного, что по этому пути я не пойду. Деникин». Историки приводят далее и слова Корнилова, в которых он развенчивает все двуличие Керенского и «демократов».

Он говорит, что к нему приехал член Государственной думы В. Львов как посланец Керенского с просьбой о помощи. Теперь же его обвиняли в выступлении против России и Временного правительства, что есть провокация... «...свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества. Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства

Братание «Дикий дивизии» с народом

Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну изнутри... Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни». Военные ненавидели бесхребетную Думу, и было за что. Пока те сражались на фронтах, думская сволочь из числа кадетов и либералов готовила за их спиной переворот. На квартире масона М. Федорова было принято решение о государственном перевороте. И подготовили его не большевики, а отечественная буржуазия, страстно желавшая власти. Господа собрались в Думе, где прозвучал штормовой сигнал революции (ноябрь 1916). Почему мятеж генерала Корнилова провалился?

Почему попытки Корнилова усилия Крымова завершились провалом... Писатель публицист Н.Н. Брешко-Брешковский в своем романе «Дикая дивизия» пытался как-то объяснить неудачи боевых генералов. Как это у него получилось, пусть уж судит сам чита-

тель. «Наступление сначала остановилось, как бы нерешительно повиснув в воздухе, и затем постепенно сошло на нет. Оно растаяло не перед хотя бы мало-мальски реальной силой — мы видели ее, эту силу! — а перед фантомом. Неудача эта была морально-политической неудачей. Был ли еще хоть один случай в истории, чтобы спаянная дисциплиной, воинственная, отлично вооруженная кавалерийская дивизия очутилась в таком же бездейственном положении перед «пустотой», в буквальном смысле слова; пустотой, где черновские орудия уперлись хоботами своими в землю и пехота весело и радостно пропускала разъезды «неприятеля». Не было, наверное, не было. И по многим причинам... Первая и самая главная — генерал Корнилов, лишенный диктаторского честолюбия, диктаторского темперамента и диктаторского тяготения к власти, не повел дивизию сам, а предоставил ее Багратиону и Гатовскому, из коих один был трусом, а другой политиканствующим прохвостом. Эти двое — трус и негодяй, — оставаясь в тылу, погубили все. Но можно было бы еще спасти положение, если бы князь Гагарин, дотянувшись до Гатчины, посадил бы бригаду на коней и двинулся бы вслед за Тугариным, не ожидая приказаний из штаба дивизии. А когда, наконец, получил

приказ ожидать в Гатчине дальнейших распоряжений, не пренебрег этим и самовольно не двинулся вперед. И еще виноват был генерал Шлохов и инженер Фисташкин, частью прокутившие, частью присвоившие миллион рублей, данных им на восстание в самом Петрограде». Смешно слушать подобные объяснения из уст известного военного публициста... А дело-то было в том, что у царской армии к тому времени были уже совсем не те Багратионы, и еще далеко не те Гагарины!

Причин этих неудач много, но главные, полагаю, все же лежат на поверхности. Генералы пошли наперекор течению Истории! В.И. Ленин пишет: «Вся сила богатства встала за Корнилова, а какой жалкий и быстрый провал! Общественные силы, кроме богачей, можно усмотреть у корниловцев лишь двоякие: «Дикая дивизия» и казачество. В первом случае это только сила темноты и обмана». «Давно известно, что революции по приказу не начинаются и не кончаются, — напишет позже царский генерал А.А. Брусилов. — Тут есть естественный исторический ход событий, который изменить невозможно ни Деникину, ни Корнилову». Корнилова арестовали и выпустили... Это был один из переломных моментов в схватке политических сил в России, хотя таких моментов еще будет, и немало. И. Дойчер писал: «Корнилов был побежден не силой оружия, а большевистской агитацией. Войска оставили его, не сделав ни выстрела. С разгрома Корнилова началась новая цепь событий, приведшая прямо к Октябрьскому восстанию».

Керенский стал политическим трупом... То, сколь быстро растерял он полученную им власть, подтверждает определенную наблюдательность тех царских жандармов, которые когда-то дали ему кличку «Скорый». Очевидно, что он не только не подходил на роль пророка, вопиющего в пустыне, но и стал абсолютно никому не нужным и не интересным. По сути, он походил на надувную игрушку, из которой сдули воздух. В Петрограде тог-

Разоружение корниловцев в августе 1917 г.

да, писал главнокомандующему Северным фронтом генерал Левицкий, не осталось ни одной части, на которую могло бы в полной мере и всерьез опереться правительство. Суханов и Пайпс, которых не назовешь просоветскими, отмечали: на стороне большевиков было от 4 до 10 % гарнизона Петрограда, но на стороне сил Временного правительства их и того меньше. После поражения генерала лишь немногие на Западе поняли, что победившая Корнилова сила — Советы. После провала мятежа большевики становятся доминирующей силой в России. И дело даже не в том, что на их стороне выступало от 11 до 18—20 тыс. солдат, матросов, красногвардейцев, а не все 200—250 тысяч гарнизона Петрограда и его пригородов. Дело в том, что после бегства Керенского у буржуазии на тот момент уже не оставалось реальных сил для противодействия большевикам. А потому посол США Фрэнсис сообщал в Госдеп: «Провал Корнилова можно объяснить плохой связью, дезинформацией, неправильными методами, неоперативностью. Хороший солдат, патриот, но неопытен. Правительство сильно напугано, и, возможно, урок пойдет ему на пользу». Урок пошел на пользу, но только не Временному правительству, а большевикам, что смогли использовать ситуацию на все сто процентов, окончательно перетянув на свою сторону солдат.

Глава 29. Военно-политический крах буржуазной России. Близость Великой народной революции

Впоследствии десятки и сотни авторов, особенно из числа эмигрантов, попытаются объяснить победу Октябрьской революции действием «деклассированной солдатчины и некультурной деревни». Дескать, интеллигенция не смогла удержать знамя социализма, своим давлением на власть доставив господство большевизму. Безусловно, роль пролетариата, солдат, крестьян в тогдашних событиях (и уж тем более в последовавшей за ними Гражданской войне) исключительно велика. Она решающая... Но бесспорно и то, что огромная доля ответственности лежит на правящих слоях российского общества, на имущих классах, проявивших эгоизм, слепоту и узость мышления. Словно нарочно они действовали по принципу: «Чем хуже, тем лучше». Историк и публицист В.А. Мякотин к годов-

В окопах

щине Февральской буржуазной революции в статье в «Русском богатстве» (1918) напишет: «В годы войны, прошедшие до революции, пышным цветом расцвели в нашей жизни хищничество и мародерство. Значительная часть имущих классов в эти годы всячески стремилась уклониться от тяжести, легшей на плечи народа, или даже старалась воспользоваться этой тягостью, чтобы извлечь из нее выгоду в свою личную пользу. В освобожденных революцией трудящихся массах были, конечно, эгоистические стремления, но был также и патриотический порыв, была известная готовность поступиться своими частными интересами в пользу целого. Вышло, однако, так, что этот порыв скоро замер, заглох, а решительное преобладание получили именно эгоистические стремления...» Он объясняет все тем, что многие партии считали нужным и полезным в своих партийных целях прибегать к демагогии, призывая с помощью оружия захватывать частное имущество, и даже начать Гражданскую войну внутри страны, закончив прежде войну мировую.

Первая мировая стоила человечеству больше жертв, чем войны целого тысячелетия — от Карла Великого до Мольте... Со дна цивилизации поднялась волна одичания, а вместо «мирного торжества гуманности» и выполнения подобных им торжественных клятв «положительного» XIX столетия Европа в конце 1914 г. погрязла в тине и грязи окопной жизни. В сентябре 1914 г. А. Кони пишет о том, что с ужасом наблюдает, как народ переходит «von Humanitat durch Nationalitat zur Bestialitat». Война была и остается по сей день, дикостью и варварством. И если к ней относились как к чему-то вполне естественному, чуть ли не извечно данному, то лишь потому, что политикам, дельцам, финансистам, милитаристам выгоден подобный стереотип, позволяющий посылать на верную смерть миллионы людей. А потому мы вправе заявить вместе с молодым еще И.А. Крыловым, который писал в «Почте духов»: «Кто дал право человеку убивать миллион подобных

себе людей для удовлетворения своих страстей? В каком установлении естественного закона можно найти, что множество людей должны принесены быть в жертву тщеславию, или, лучше сказать, бешенству одного человека? Все сии мнимые герои, которым ослепленные смертные придают пышное название Великих и Победителей, в глазах истинного философа ничто иное, как Нероны и Каликулы». Если бы народы одновременно с объявлением несправедливой войны тем или иным безумцем, авантюристом, прикончили бы его, а с ним — конгрессменов, генералов и торговцев, всех, кто наживается на войнах, их просто не было бы.

Кровавая война сломала привычный уклад жизни русского общества, изменила лик страны. Революция, Великая Народная революция стояла в повестке дня. После Февральского переворота Бердяев скажет: «Политическая революция в России, столь страшно запоздалая, будет, конечно, иметь свою социальную сторону, как это бывает во всяком великом историческом перевороте». Россия нуждалась в социальных реформах, и прежде всего в сфере аграрной. Политическая революция в России не означала торжества буржуазного либерализма. Тот идейно разложился и не мог никого вдохновить. Такой антисоциалистический тип либерализма менее всего подходил русскому душевному складу. Россия, продолжал Бердяев, вступила на путь политической свободы в поздний час истории, отяжеленная опытом западноевропейской истории, но легкая и свободная от собственного опыта и собственных связывающих традиций, вступила в исключительной обстановке мировой войны, потрясавшей основы современных обществ. «И думается, что в России возможны и даже неизбежны смелые опыты социализации, внеклассовой, государственной... не похожей ни на какой доктринальный социализм». История пошла своим путем, сотворив непредвиденное, обманув ожидания буржуазии и ее попутчиков. Развитие капитализма в России не могло идти подобно классическому английскому или французскому варианту развития. Понимая это, Н.А. Бердяев тем не менее делает странный вывод: якобы социальная революция,

строго говоря, вообще невозможна, якобы ее никогда не бывало и никогда не будет. Слово «революция», дескать, можно употреблять только иносказательно, и то лишь в расширенном смысле. Но вот толпы вооруженных людей, пролетариев и крестьян воспринимали революцию отнюдь не иносказательно. Они хотели мира, хлеба, земли! А вопрос земельного приращения — это источник «всекрестьянской напряженной тревоги» (И. Ильин). Возможно, как левые, так и правые ни до конца понимали, какого джина они выпускают из бутылки на волю — в лице восставшего народа.

Уже в годы юбилейных торжеств 1912—1913 гг. стали распространяться среди крестьян требования «чистой воли» (т.е. полной свободы и всей земли), а также упорные слухи об отходе помещичьей земли крестьянам, так называемое раскрепощение земли. Крестьяне были твердо убеждены, что земля в России — «Божья», а следовательно, она должна принадлежать «миру», то есть тем, кто ее непосредственно обрабатывает. Эти настроения многократно усилились с началом Первой мировой войны. Наш народ пошел воевать не по собственной прихоти (ему-то война была не нужна) и даже не «за Царя», т.е. не за интересы самодержавия. Этого царя, как вскоре выяснилось, они глубоко возненавидели и презирали. Община давала воинам совсем иную установку. Провожая крестьян на войну, она наказывала им: «Защитите землю и отвоюйте ее в руки крестьян».

Ранее мы показали, сколько усилий приложили «народники», чтобы склонить крестьянство к активной политической деятельности. У нескольких поколений революционеров «народ стал их религией». И хотя попытки «раскачать» крестьян России нельзя считать вполне успешными, без их усилий массовые выступления крестьян не произошли бы, равно как и вряд ли большевики сумели бы своими силами свалить блок монархистов и буржуазии. Однако по мере того, как война затягивалась, как солдаты видели, что верхи обогащаются в тылах, а смерть продолжает косить их, ненависть к строю миллионов крестьян и рабочих все чаще стала находить выход в восстаниях и погромах. После свер-

Разговоры о будущем!

жения царизма наблюдается небывалый рост политического самосознания в слоях общества, что вскоре привело к размежеванию и поляризации сил. Самая настоящая Гражданская война полыхала на просторах России и до революции. Об этом говорят тысячи фактов. В первой половине апреля 1917 г. (т.е. еще за полгода до Октября) крестьянские съезды прямо стали призывать «конфисковать имущество и капиталы бывшего царя... назначить (ему) самый строгий суд с высшей мерой наказания».

Ф.М. Достоевский говорил, что от русского человека не знаешь, чего ждать: то ли в монастырь уйдет, то ли деревню спалит. Точно схвачено... Скажем, в сентябре-октябре 1917 г. в Тамбовской губернии, в Козловском уезде, началось крестьянское восстание, охватившее 18 волостей. Были разгромлены и сожжены 57 помещичьих имений и 13 хуторов зажиточных крестьян, по всей губернии разгрому подверглось 105 помещичьих имений. В августе начались крупные беспорядки в имении князя Вяземского в селе Лотарево Усманского уезда. Имение по праву считалось одним из культурнейших в России (в области разведения племенного рогатого скота) и даже было взято правительством под особую охрану. Но толпа в 5000 человек разгромила это имение, забралась в винные погреба и тут же перепилась. Владелец имения и его жена крестьянами были арестованы. Затем князя решили освободить, но при одном условии — если тот отправится на фронт. Князь согласился... По дороге конвоиры с князем стол-

кнулись с войсковым эшелоном. Князя убила озверевшая толпа солдат. Погибли и имение, и его владелец. События затем перекинулись и на другие губернии, показывая, сколь глубоки и остры противоречия в обществе. Первые признаки надвигавшейся на Россию чудовищной социальной бури, что размывает всех и вся по городам и странам.

Перед нами предстают два разных мира. Н.К. Михайловский в труде «Герои и толпа» скажет: богатый человек бедняка не понимает, ибо, поднимаясь на еще более высокую степень богатства, «богатый человек может... удовлетворяться только еще более значительным приращением, и т.д., и т.д., вплоть до могилы или какой-нибудь катастрофы, сразу сметающей все его благосостояние». Но крестьяне на Руси в массе своей даже и слова-то такого не знали — «благосостояние»! В деревне они видели единственный реальный объект подобного благосостояния в виде помещичьей собственности (земли, поместья, инвентарь). Поэтому они и захватывали помещичьи земли. Представление о революции как о «празднике угнетенных» далеко от действительности. Один историк писал: «Чем больше думаешь над историей революций (а их достаточно много в мировой истории), тем больше замечаешь, что народные массы на этот «праздник» без крайней необходимости не идут». Безусловно, верное и точное наблюдение. «К революции толкают их не отвлеченные идеалы, а непосредственные материальные интересы, элементарные жизненные нужды, борьба за их удовлетворение». Политика Временного правительства, затягивание войны, заговор Корнилова, и главное — желание крестьян как можно скорее получить помещичью землю ускорили начало Гражданской войны между помещиками, буржуазией и трудовым народом. Пора уж отбросить миф о том, что, дескать, Октябрьская революция — дело рук одних большевиков! Сколько научно-политических, литературных лжецов сегодня кормятся и процветают благодаря этому мифу! Намеренно забывают о действиях крестьян, рабочих, солдат, то есть, собственно, самого народа! Хотя тысячи примеров указывают на то, что революция имела ее источником именно массы.

При этом бунты и мятежи крестьян сопровождались дикими, странными сценами — от разгромов помещичьих усадеб, убийств помещиков до «коллективного поедания земли» (как некоего символа общинного владения землей). Журналист Амфитеатров записал в дневник (7 июля 1917 г.) впечатления от увиденного: «Вся страна пылает аграрными беспорядками, беспощадными, такими, каких не знали в 1905—1906 гг. В Рязанской губернии мужичье двигается целыми таборами, словно татарская орда, оставляя за собой пепел помещичьих усадеб. В Симбирске зверски убит князь Вяземский, один из культурнейших помещиков. Ужасны беспорядки в Тамбовской губернии... А в Питере эсэришки уверяют, будто бы «революционная демократия» сдерживает эксцессы. А старая дура бабушка Брешко-Брешковская наивно говорит: «Не понимаю, почему все так возмущаются разгромами. Ведь помещиков же предупрежда-

Писатель А. Ф. Амфитеатров

ли, чтобы они уезжали из усадеб». Е. Брешко-Брешковская (1844—1935), воспитанная в традициях Великой французской революции,

Бунт в деревне

была представителем старшего поколения революционеров-народников. В данном случае ее оценка настроений крестьянских масс тех лет, думается, более точна и реалистична, нежели оценка А.В. Амфитеатрова. Тот после революции покинет Россию...

Раскол деревни углубляется, озлобление нарастает... События последнего периода Первой мировой войны описал и Р.Б. Гуль в романе «Конь рыжий». Тогда уже полным ходом шло возвращение крестьян и солдат с фронтов войны. Картины таковы, что волосы встают дыбом... «И в то время как я рассеянно и радостно гляжу на все вокруг, мать рассказывает о Пензе, о наплыве фронтовиков в деревнях, о том, что везде громят, что товарища отца, нотариуса Грушецкого, заживо сожгли в его имении, что под Керенском убили знакомого молодого либерального помещика Скрипкина и для потехи затолкали труп его в бочку с кислой капустой, а после этого мужики двинулись дальше на соседнюю усадьбу Божеряновой. Но Божерянову предупредили... И так как в имении Скрипкина мужики барским кровным маткам ломали перебили хребты, а производителю-жеребцу вырезали язык, Божерянова у себя на конюшне застрелила свою любимую лошадь и потом выстрелила в себя, но себя только ранила; и когда толпа уже вбежала в парк, старый приказчик увозил из усадьбы окровавленную, ослепшую женщину... Мать рассказывала, как в Евлашеве убили Марию Владимировну Лукину. Ее убийство... крестьяне обсуждали на сходе, выступать мог свободно каждый... На убийство (их) мучил пришедший с фронта солдат Будкин. Марию Владимировну убили, вероятно, первым же ударом кола...» Далее описываются сцены повального грабежа, погромы помещичьих домов, усадеб взбунтовавшимися крестьянами. «Выбили окна, высадили двери, тащили, кто кресло, кто посуду, кто стулья, кто диван. Бабы поволокли ковры, портьеры, гардины, тут же на лугу рвали их, чтобы всем вышло поровну; какой-то евлашевский парень топором рубил медные тазы, каждому со смехом раскидывая по куску. В усадьбу понаехали с подводами, каждый торопился побольше забрать народного состояния... Беременная, на сносях, баба, на

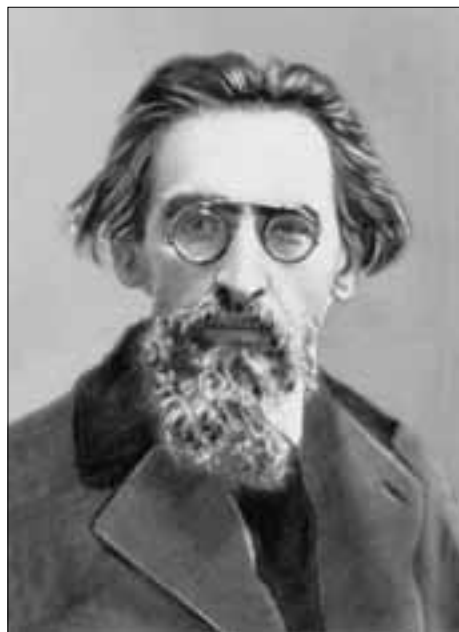
себе утащила входную дубовую дверь. Разгул расходился все безудержней. Но кто-то, разлив в кладовой керосин, поджег его и... дом запылал, как свеча. За домом подожгли службы, ометы соломы, сена. Пленные немцы недоумевали, зачем же жгут? Лучше бы взяли и увезли к себе... Неподалеку прямо в снег свалена была библиотека с разлетевшимся собранием сочинений Льва Толстого в красных кожаных переплетах. А на церковной паперти запертый замками длинный кованый коник, который... сход постановил не взламывать, а, предполагая в нем большие богатства, перенести в церковь и потом разделить всё поровну, по-божески, всем селом». Сцены эти настолько красноречивы, что не требуют каких-то разъяснений и комментариев. Верно указан и главный герой событий — «Васька». «Васька на все готов, он поет: «...грудью положим себе...» Я гляжу на него и думаю: «Вот Васька — это и есть октябрьская революция». Такова была разъяренная, воспитанная смертью, изуродованная анархией, вышедшая из повиновения крестьянская Русь, в которой, как скажет С. Есенин в своей поэме «Анна Снегина», «люди — все грешные души. У многих глаза — что клыки». Вспомилась басня Крылова «Волк и мышонок». Волк затащил в лес овцу и съел, кое-что оставив про запас. Когда он заснул, к этому месту подкрался мышонок. Он схватил кусок мяса, который припас волк, и убрался с ним к себе домой.

Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;
Кричит он: «Караул! Разбой!
Держите вора! Разоренье.
Расхитили мое имянье!»

Конечно, все происходящее не походит на новогодний праздник... Это — скорее, жатва. Страшная... но каждый жнет, что посеял. Дневник Пришвина 1917 г. показал, как Россия в одночасье стала жертвой мужика, крестьянской глубинки. Тут вошла семена революции... Он видит не торжество благих и разумных начал, а драконьи зубы зависти да невежества. Наблюдая за тем, что вокруг него, в двух деревеньках, Кибай и Шибай,

Пришвин совершал открытие за открытием, все ясней понимая, какая беда пришла с революцией в Россию. По сути, он отмечает, как на одном отдельно взятом клочке уничтожается старая Россия, дух былой жизни, и дает этому определение «черный передел». Крестьяне топят, сжигают агентов по продовольствию. Мало чем от поведения крестьян отличаются и действия «демократического» Временного правительства... В Вятской губернии воинская команда исполосовала нагайками 20 человек, включая женщин. Секли люто, до потери сознания, до испражнений. Казацкие нагайки гуляют по спине беззащитного населения (казакам это припомнят). Помещики выгребают последнее имущество у крестьян. Потом еще открыто насмеваются над ними, говоря, что «свобода для них уже прошла». Вот бедняки и стали грабить в ответ. Грабят в первую очередь беззащитных помещиков, затем взялись за зажиточных крестьян, потом перешли к торговцам и т.д. Причем зачастую сначала всем миром идут на праздник в церковь, молясь Богу, а уж потом начинают грабить. Все это позволяет сделать выводы: 1) эксцессы в России начались еще при царе и Временном правительстве, а не только при большевиках; 2) Гражданская война фактически была унаследована советской властью, которой приходилось действовать в исключительных, экстремальных обстоятельствах; 3) после падения царизма и Временного буржуазного правительства любая власть в России могла существовать — это пора бы уже понять — только под дулом нагана и пулемета!

В данной связи не могу не привести в качестве дополнительного аргумента и слова философа Л.П. Карсавина. Будучи в эмиграции, он издал в Берлине книгу «Философия истории» (1923). «Можно с разных сторон подходить к большевизму. Здесь я остановлюсь лишь на одной. По существу своему политика большевиков была если и не лучшим, то, во всяком случае, достаточным и, при данных условиях, может быть, единственно пригодным средством для сохранения русской государственности и культуры. Они уничтожали «бар» и живших по-барски носителей культуры. — Они ли? Не являются ли

Филосов Л.П. Карсавин

большевики лишь организаторами стихийной ненависти и воли темных масс? Большевики были беспощадны и бессмысленно жестоки, но, может быть, только благодаря им не произошло поголовного истребления культурных слоев русского общества; может быть, они скорее ослабили, чем усилили порыв стихии, обоснованием и оправданием ненависти ввели ее в некоторое русло... Большевики лишь приклеивали коммунистические ярлычки к стихийному, увлекавшему их, говорившему и в них течению. Они лишь понятным темному народу языком идеологически обосновали его дикую разрушительную волю... Мы склонны понимать экономическую политику большевиков как нелепое и неудачное насаждение ими социализма. Но разве нет непрерывной связи этой политики с экономическими мерами последних царских министров, с программой того же Риттиха?» И царизм и буржуазия вынуждены были в тех тяжелейших условиях поступать в ряде случаев таким же образом.

Таким образом, мы вынуждены констатировать: к 1917 г. целый ряд факторов на внешней арене и во внутренней жизни составили такую комбинацию, при которой почти единственным выходом, предотвращавшим

падение страны в пропасть, для политических сил виделась революция (переворот). В перевороте была заинтересована крупная буржуазия, к тому времени сосредоточившая в руках огромные материальные средства и немалую толику власти. Ощущая слабость царского режима, та хотела заполучить всю полноту власти в России. Поэтому Февральский буржуазный переворот был практически неизбежен. Вся буржуазно-демократическая рать давно уже вела против царизма если не открытую, то тайную политическую борьбу. Аналогичную картину мы с вами видели в 90-е годы XX в., когда «советская буржуазия» совершила нечто подобное. Против народной власти мафией велась оголтелая кампания. Забрав в руки собственность народа, та и установила в России власть «демократии»!

Сотни, тысячи «сторонников конституции» (т.е. буржуа) являлись активными борцами за воцарение буржуазного строя в России. Странно, что никто или почти никто из этих «борцов» прямо не взяли на себя ответственность за подготовку такого антимонархического переворота (в их воспоминаниях и документах). Хотя фактически ниспровержение «обожасмой империи» — в первую очередь на их совести. Правда, разного рода полупамятков и полупризнаний об участии в подрыве государственного строя России в источниках предостаточно. К примеру, философ Ф. Степун раскаивался в том, что и они — интеллектуалы, либералы и демократы — во многом сами поспособствовали тому, что Россия стала советской или, как ныне любят выражаться господа буржуа и их нынешняя обслуга, «пала жертвой большевизма». Он тогда писал: «Но монархия не только умерла, как умирает все — в свое время, своею смертью. Она была убита; ее прах был — пусть большевистской, а все же и нашей революцией — с проклятиями развеян по ветру. Свои неисчислимые грехи перед Россией монархия искупила нечеловеческими страданиями. Эти страдания не могут не жечь нас раскаяниями».

Представляет интерес сравнение революций — Февральской и Октябрьской А.И. Солженицыным («Красное колесо»). В молодые годы активист-комсомолец меч-

тал написать эпопею, которой дал название: «Люби революцию». Его эпопея «Красное колесо» по объему вдвое превышает «Войну и мир» Л.Н. Толстого. Писатель, обладающий «прижизненной мировой славой», в вопросе оценки известных событий не оригинален и не нов, считая, что в России имела место одна Февральская революция. О том писал В.С. Кобылин: «И никаких двух революций не было. Была одна — февральская. Одни начинали, другие кончили. Одни свергнут, арестуют; другие — убьют. Палачи — все». Объективно говорил о Февральском перевороте и А.И. Солженицын: «Великая фальшивка февраля». Но Солженицын пытался уверить, что события октября 1917 г. — не что иное, как незначительный эпизод истории, итог многомесячного всероссийского «митингового кабака, открытого Февралем». Февраль выглядит привлекательнее. Солженицын не следует правилу «*audiat et altera pars*». И в этом его слабость как мыслителя и художника. Он попытался уверить, Россия была сильной, процветающей, обустроенной, сытой страной до 1917 г., быстро набравшей экономическую мощь. Октябрьская же революция якобы прервала успешное, блистательное и триумфальное развитие Российской империи... Но вы же видели, сколь далеко от действительности. Помнится, английский фантаст Г. Уэллс мечтал вооружиться против «Капитала» бритвой и ножницами и написать очерк — «Обритие бороды Карла Маркса». Наши «фантасты», среди которых долгое время был и Солженицын, «круче». Они норовят обрить историю государства Российского, выплеснув из революционной купели феноменальные подвиги и достижения народа. Конечно, жизнь на Западе, что вел и ведет тотальную идеологическую войну не только против Советской России и большевиков, но вообще против любой, имперской ли, демократической ли России, не могла не повернуть его ума в нужное Западу русло. Конформизм был и есть не только революционный, коммунистический, псевдонародный, но и буржуазный, контрреволюционный, антинародный. Последний — и гнуснее и отвратительнее.

Историософия и концепция видений Солженицыным 1917 г. формировались прежде написания «Красного колеса». Они были постулированы заранее, пронизывая ткань изложения. Тут особенно заметна уязвимость солженицынской эпопеи (Г. Жидков). Писатель смотрит на Россию «чрез гулаговские очки». Ясно, что при таком подходе неизбежна определенная «абберация исторического зрения». Не обошли вниманием его эпопеи и писатели. Отклики их довольно суровы: «Идеологическая пристрастность взяла верх над художником» (В. Кардин); «Историк взял верх над романистом... Вымысел теряет убедительность» (М. Окутюрбе); ««Колесо» увязло в глине исторического материала» (Аннинский); «Оскудение художественного дара... Уныло, убого, скучно... Искусственные, неживые персонажи» (Сарнов); «Тема оказалась неподвластной. Эпопея превращается в антиэпопею» (Ж. Нива); «Сокрушительная неудача... Герои функциональны... Вместо живых характеров — ходячие концепции» (В. Максимов); «Затемнение громадного ума. Крушение великого писателя» (Ю. Нагибин). Хотя все отмечают количество использованных им источников. Мы прочли его «Размышления о Февральской революции».

В оценке «героев» Февраля (а фактически — интеллектуальных, нравственных, организационных способностей российской бюрократии и буржуазии) он довольно точен. «Герои» выглядят у него фигурами мелкими и жалкими: князь Г.Е. Львов, выдвинутый в «спасители России», — «размазня», Милюков — «окаменелый догматик, засушенная вобла», Гучков, «бретёр и разоблачитель», превратился в усталого политического импотента, Керенский — арлекин, носящий не свой «кафтан», Некрасов — заурядный демагог, мелкий интриган, Терещенко — фигляр. Многие — «темные лошади темных кругов». Анекдотический премьер, министр внутренних дел, князь Львов единым ударом разрушил все местное самоуправление и не оставил местных властей. Но цари, а гротос, тем же самым занимались добрую сотню лет. При этом временщики заявили: «...назначать никого не будем. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из Центра,

а самим населением. Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений». «Святой народ сам разберется», — пишет Солженицын. Это же имело место и в 90-е годы XX в. в России. В осточертелом головокружении Временное правительство поспешно уничтожило всякую административную в России. Разогнана наружная полиция, секретная полиция, перестала существовать и вся система министерства внутренних дел — и по-настоящему никогда не восстановилась. По крайней мере, до большевиков. И это все сделали не большевики, не инспирировали немцы — это учинили российские либералы. Для думающей российской интеллигенции общепризнанным местом было — поражаться ничтожеству нашего последнего императора. Но не паче ли тогда изумиться ничтожеству первого «правительства народного доверия»? Убогие мозги либеральной «элиты» были не в состоянии справиться с бешеными ускорениями сложной и проблемной эпохи. Нужны иная сообразительность, иной интеллект, иные мужество и воля! Ими не обладали ни царские министры, ни деятели Временного правительства, ни — менее чем кто-либо — господа «демократы» эпохи Горбачева и Ельцина (тут же добавляем мы). Известный историк С.М. Соловьев говорил о том, что следует «изучать деятельность правительственных лиц, ибо в ней находится самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни». Но способности буржуазных лидеров Временного правительства, увы, заслуживают крайне невысокой оценки в истории.

Солженицын умер... Оценки его творчества разнятся. Иные самой превосходной степени. Его сочли «самым знаменитым из живых писателей мира», отнесли к гениям и поставили в ряд с Герценом. Говорят, что его смерть да и жизнь «колыхнула землю». Другие оценки не столь восторженны и более трезвы... Вспоминают, что он выступал против советской России. Сын крупной земельной собственности и царского офицера, он, скорее всего, люто ненавидел этот строй. Правда, в Великой Отечественной войне он принял участие... Возможно, иной была бы и его позиция, если бы не нелепый арест и заключение в Гулаг. Они-то и решили его судьбу.

Из жизни ни слов, ни фактов не выкинешь... «Либерализм погнал Солженицына на Запад искать поддержки у врагов России... И он совершил ошибку Власова: не смог понять путь России, не понял суть кровавого очищения её, для него нарушение прав человека коммунизмом оказалось важнее, чем сама Россия, и он перешел в стан врага, чтобы бороться с коммунизмом». И только будучи на пороге «иной жизни», вернувшись в Россию, видя, как повела себя по отношению к народу нынешняя буржуазия нуворишей, думаю, он чуть лучше стал понимать обнаженную, пусть и лютую правду Великой Октябрьской социалистической революции. Не очень охотно, но все же он выдал из себя слова: «Несомненно, что в XX веке в России произошла величайшая, кровавая, необратимая революция всемирного значения». Безусловно, А.И. Солженицын — заметная фигура российской литературы и истории. Хотя то, что его могилу поместили рядом с великим историком В.О. Ключевским (да еще первым), скорее, дань моде, политике.

Ситуация в России принимала все более катастрофический оборот. Политики и вожди России (причем на обоих флангах, во всех партиях и слоях), казалось, словно обезумели, подталкивая страну к катастрофе. И делали это в первую очередь те, кого принято называть «либералами и демократами». Они и привели Россию к двум революциям... Вспомним слова Ленина о том, что первая война ускорила приближение революции на 30 лет. Однако надо сказать, что та же мировая война (две войны, включая Русско-японскую) отбросили Россию в развитии лет на 30 — никак не менее. Альтернатива была. Если бы нас не втянули в войны, если бы у руководства страной была вменяемая и умная власть, если бы в управленческой и социально-экономической политике царизма не было таких провалов, а наверху не стояли бы столь вопиющие бездарности, если бы народ был более грамотен и менее беден, если бы наша буржуазия оказалась дальновиднее, если бы не алчность и авантюристичность, одним словом, если бы

Храм Христа Спасителя

Повернуть штыки против царя и буржуазии!

не десятки иных «если бы», Россия спокойнее, успешнее развивалась без потрясений, революций, войн. Это уж *sine dubio* (лат. — вне сомнения). Лучше строить университеты, школы, библиотеки, заводы, больницы, нежели покрывать землю трупами.

После Февральской революции Питирим Сорокин писал в «Воле народа» (25 июня 1917 г.) в статье «Революция и насилие, демократия и охлократия» о том, что матрос «в грубой и вызывающей форме» заявил министру юстиции, что во время революции единственным законом является сила. И саму высшую справедливость стал определять девиз: «Кто силен — тот и прав». Кипя от возмущения, социолог восклицал: «Что это — плод невежества или сознательное издевательство над революцией? Оправдание революционного переворота или же оправдание будущей контрреволюции? Если бы тот делегат был прав, поистине, можно и должно было бы бросить клич: «Граждане! Революция в опасности! Граждане! Великую революцию как борьбу нового права со старым, отжившим правом порочат. У нее отнимают ее высшую ценность — ее право и мораль. Революцию низводят до простого насилия. Революцию превращают в проявление грубой силы. Ее девизом делают: сила выше всякого права,

выше всякой морали! «Если бы этот делегат был прав, то ведь исчезла бы всякая граница между революцией и революцией против революции, т.е. контрреволюцией. Почему? Потому что все дело в силе». Позвольте, но о каком праве и чьей морали идет речь?! Единое право в мире существует только на бумаге. И тем более оно не существует в эпохи гражданских войн, когда у каждой из сторон «свое право» и «своя мораль». Ведь и сам П.Сорокин был секретарем Керенского; видел, что Керенский попирает все права, сосредоточив в своих руках все виды власти и молчал... Или то, что оправдано, законно и свято для буржуа — сохранение собственности на дома, земли, фабрики, заводы, равно как нарушение прав народа — ему, народу, запрещено! Как можно быть человеком права, ученым и жить по такой двойной морали? Что делать с таким миром? Как найти *modus vivendi*? Как в этом случае должны были повести себя большевики? Легкомысленно и добродушно отпускать «контру» под честное слово? Вначале они так и делали. Но народ не хотел прощать унижений и расправ. И он был прав.

Иностранцев поражало долготерпение русского народа... Они признавали, что русские одарены сметливостью, изобретательностью, остротой ума и военной доблестью. Но

их главный порок — долготерпение. Австриец И.Г. Корб, будучи с посольством в Москве XVII в., восхваляя наше добродушие, вместе с тем писал, не скрывая удивления: «Достоин удивления, что в Московии никогда не было восстания». Капитан Шлейссинг, бывший несколько лет на службе русских царей, то ли с похвалой, то ли с осуждением отзывался о терпеливости народа: «Я никогда не слыхал и никогда не читал, чтобы русские восставали когда-нибудь противу своих государей, разве только противу самозванцев».

Однако же есть предел долготерпению и у русского народа! Горы трупов, моря крови, измена элит, горе, нищета привели к тому, что народ обратился к революции как к кардинальному способу решения своих проблем. Во имя жизни поколений... Революции не прихоть, не забава или ошибка, а неизбежность... Они случаются, когда верха и не хотят, и не могут. Порой революции требуют кровоупускания, при этом ударяя, говоря словами Некрасова, «одним концом по барину, другим по мужику» (по интеллигенту, рабочему, служащему). Власть, увы, гниет изнутри, как дерево. Так и российская монархия: внешне она казалось могучей и вечной, а изнутри сгнила, как трухлявый пенёк. Во власти нужны были новые люди, не те, кто «сорил казну народную и думал век так жить». Абсурдно утверждение, что революции «не разрешали задач, которые были им заданы» (Н. Бердяев). И решали, и разрешали — в этом их

величайший смысл. В противном случае в них не было бы резону. В революции жестокость неизбежна. Разве не жестока жизнь! М. Горький в письме к Л. Андрееву отмечает: «Жизнь устроена на жестокости, ужасе, насилиях — она требует для переустройства холодной, разумной жестокости, и все! Убивают? Надо убивать. Иначе — что же поделаешь? Идти к графу Толстому и ждать вместе с ним, когда одряхлеют звери, а рабы — их законный корм — будут съедены?» Этот рационализм, эта мальтузианская холодная жестокость, конечно, оскорбляют, возмущают разум и слух. Но так вели и ведут себя цари испокон веков. Вечный круговорот вещей. Победа в революции могла достаться народу, если тот возьмет на вооружение тот же закон. Иначе будет рабство вечно! Революции радикальны — в этом их сила! Хотя можно только сожалеть и скорбеть, что народ не удержался от искуса революционной мести.

Острая политическая борьба в России выдвигала на повестку дня вопрос — как устраивать Россию, на базе какого принципа? Должен ли то быть принцип преимущественно коллективной или индивидуальной собственности? Как верно заметил В.В. Леонтович в «Истории либерализма в России», «наступила пора для решения — за индивидуализм или за коллективизм». Однако близкие к власти партии (кадеты, либералы, прогрессисты, монархисты, даже меньшевики) пытались оттянуть окончательное решение

Митинги и демонстрации. Петроград. 1917 г.

вопроса. Все почему-то надеялись, что вопрос сам собой «рассосется». По большому счету, все ходили вокруг да около темы экспроприации земли, а затем и крупной собственности в пользу большинства населения страны — крестьян и пролетариев. Надо заметить, что уже П. Столыпин прекрасно понимал корень проблемы, выступив с критикой программы кадетов во II Думе. Он заявлял им, что их программа делает лишь первый шаг к победе коллективизма. В этом нельзя действовать наполовину: «Раз признан принцип отчуждаемости для помещичьих земель, раз уж встали на этот путь, то... с ростом населения принцип количественной экспроприации неминуемо коснется и последних (т.е. крестьян) и приведет в конце концов к той же национализации земли. Поэтому проект левой партии более искренен и правдив». Далее он признавал и известную справедливость такого рода постановки вопроса. Как и в случае с евреями (т.е. с ограничительными законами), нельзя пренебрегать гражданскими правами одной группы населения России, «не сотрясая при этом сам гражданский строй как таковой, что в конечном счете неизбежно ведет к социализму». Паллиативы в России — такая уж страна(!) окажутся неприемлемы. И убедительную победу закономерно одержит последовательная социалистическая партия — большевики!

Народ устремил взор не на небо, не на батюшку-царя, откуда давно не слышал ответа, а на свои мозолистые руки, в которые взял оружие. Сам проложил путь к новой жизни! Народ с невиданным мужеством и отвагой сделал то, что до него не удавалось никому. Взял власть, систему управления, денежные средства, дворцы, имущество знати, сделал это так, как во Франции делали с имуществом врагов народа, контрреволюционеров. Ж. Жорес в книге о революции во Франции приводит аргумент в пользу экспроприации имущества церкви, короля. Он писал: «В сущности, следовало прибегнуть лишь к одному аргументу, но зато решающему: собственность церкви не может быть сохранена, ибо она представляет собой опасность для новых форм цивилизации». Более радикально это будет сделано

в России. Большевики расширят революционную программу. Аппарат власти, уклад жизни царской и буржуазной России представляли собой угрозу для цивилизации, для бытия народов. Изменилось понимание задач человечества в новое время. Царь, что не служит народу и сам попирает все законы, должен быть низвергнут.

Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслаждения.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивления

Человек должен быть честен перед матерью и родиной. Честность — вот единственный достойный «родовой титул», которым могут владеть историк и художник... Будь честен всегда, в особенности если речь идет о святой святых — о России! Разве можно о революционном движении России говорить так уничижительно, с таким презрением: «Вот — жалкий, бледный итог столетнего, от декабристов, «Освободительного движения», унесшего столько жертв и извратившего всю Россию!» Это же подло! Все что угодно, но не бледный, жалкий итог! Февраль — жалок, что все и признают. Переворот карьеристов и предателей России! Но Октябрь — поистине мировая смена полюсов в движении Земли! Это — явление «всемирного русского Христа» в мировой цивилизации! Наш Христос — не их Христос! Страшен, но милостив его лик. Хотя иные, к примеру, Бунин, решительно против народовластия: «Я и теперь еще думаю иногда: в идеале это, кажется, чудесная вещь — все эти прямые, равные, тайные, явные и вообще народовластие, но... убежден, что Пила и Сысойка ни к черту не годятся ни для явных, ни для тайных (выборов) и что из русского «народовластия» выйдет опять гнуснейшая и кровавейшая чепуха, — видели мы и видим это «народовластие», показало оно себя!» Истин много, как и моралей. Но важнее та, в которой заинтересована справедливость (Руссо). Причем справедливость не только для «элит» и кучки богачей, а для всего народа... И «для Пилы, и для Сысойки»...

Представители российской бюрократии, буржуазии, интеллигенции восприняли эти

события как всероссийскую или вселенскую катастрофу. Религиозный философ Е. Трубецкой (1863—1920), заканчивая в те дни работу «Смысл жизни» (1918), в предисловии скажет: «Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения. Когда была написана его первая глава, катастрофа, ныне постигшая Россию, только надвигалась и была мучительным предчувствием. Слышались отдаленные раскаты грома приближающейся грозы, но оставалась надежда, что она минует, и все еще казалось целым. Потом труд был прерван в самом его начале революционной бурей. Он возобновился под гром пушек московского октябрьского расстрела 1917 г. Теперь, когда он кончен, Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирного пожара, угрожающего гибелью всемирной культуры». Вы не можете сказать, почему наши интеллектуалы и власти начинают думать о «смысле жизни» всегда не до, а после катастрофы? Почему надо дове-

сти дело до пожара, а потом судорожно и лихорадочно пытаться тушить его, сидя уже на головешках?!

Октябрьская революция изменила карту мира, судьбы сотен народов, миллиардов людей. Изменила ход истории! «Источник революций — это народ, готовый взяться за оружие» (Кропоткин). Цель его: борьба за то, чтобы «создать на земле пристанище, где могли бы жить честные люди» (Т. Пейн). Человечество на примере России увидело: труженик, рабочий, служащий, учитель, крестьянин, солдат, офицер, даже семинарист смогли встать во главе государства, успешно управляя страной. Большинство трудового населения России встанут на сторону большевиков. Это — факт. Сделайте честный опрос народа. Если хватит политического мужества! И он вам скажет: идеи Октября были правильными в своих основных посылах!

В понятиях советской истории одним из главных факторов и категорий всегда считался вопрос о так называемых движущих

Т. Жерико. Плот «Медузы»

силах революции... В самом деле, при всей значимости правящих сил (цари, бюрократия, буржуазия, партии и т.д. и т.п.) все они *sui generis*, т.е. сами по себе ничто. Они представляют из себя значимую величину при условии, когда те, кем они управляют, видят в них хотя бы какой-то смысл, как и в сохранении устоев государства, поддерживают. Когда же власть, нагромождая горы ошибок, глупостей и преступлений, подводит страну к бездне, доводит ее до роковой черты, она может стать и невыносимой. И тогда — *Vae victis!* (лат. — Горе побежденным!) Тогда разъяренные толпы людей крушат и ломают дворцы, устои, троны, особняки! Умники испишут горы бумаг, доказывая беззаконие, несправедливость, глупость подобных действий со стороны народа. А мы считали и считаем, и можно даже сказать, свято убеждены в том, что любые, порой и кровавые действия доведенного до отчаяния народа в отношении бездарной и эгоистичной знати правомочны! Безмолвие народа — позор! Оно лишь убеждает царей в собственной непогрешимости и неподсудности. Нужен гневный и возмущенный глас, когда за словом грянет возмездие! Такой момент в истории России наступил... Буржуазных правителей народ всерьез не воспринимал, считая их: «никчемным клочком бумаги, имевшим (сугубо) беллетристический, но никак не политический интерес». Хотя «были и такие странные люди, группы, круги, может быть, слои, которые только тут разглядели революцию, только тут увидели непоправимую гибель старого привычного уклада и только тут связали происходящие события с какими-то радикальными переменами». Поздно, господа. Платите по счетам.

Явился русский буреветник, что воспарил над морем бытия, предвещая бурю... И когда эта буря разразилась, все в России стали бывшими, оказались на утлом плоту, во власти океана народной стихии. Но почему «души невидимый хранитель» не сберег Российской империи, почему Бог не услышал постоянных молитв Николая II и императрицы, что проводили больше времени перед иконами, чем за письменным столом, за решением государственных дел? Приводятся тысячи причин, вызвавших крах великой империи.

Называли: действия масонов, революционеров, заговорщиков, евреев, царицы, Распутина. Керенский договорился до того, что «без Распутина не было бы революции». Говорили о предательстве монархии со стороны церковных иерархов, дворян, буржуазии, министров Временного правительства и т.д. Можно вспомнить и крылатую фразу о России, у которой две напасти: «Внизу — власть тьмы, сверху — тьма власти». Но если уж следовать исторической правде, то надо бы сказать иначе: «Вверху власть тьмы и тьма власти!»

Российская империя при такой правящей элите, таких «верхах» была совершенно не способна к серьезному, быстрому политическому, экономическому, культурному развитию. Да, были отдельные успехи, были даже гении, были высокие культурные достижения среди 2—3 % населения. Но при этом страна по-прежнему оставалась крайне неуклюжей политически, легковесной экономически, довольно примитивной в техническом отношении и в ее элите в высшей степени нравственно аморальной. В России все или почти все зависит от уровня управленческой системы, знаний, культуры, нравственности «царей» и их окружения. Монархия России представляла собой строй вырожденцев, умственных и биологических. Они были больны не столько гемофилией, сколько кренинизмом. «Где у нас люди, — сетовала царица в сентябре 1915 года, обращаясь к Николаю II. — Я всегда Тебя спрашиваю и прямо не могу понять, как в такой огромной стране, за небольшим исключением, совсем нет подходящих людей». В другом письме к мужу (март 1916 г.) она восклицает: «Дорогой Мой, как не везет... Ни у кого нет приличного воспитания, внутреннего воспитания, внутреннего развития и принципов, на которые можно было бы положиться. Горько разочаровываться в русском народе — такой он отсталый; Мы столько знаем, а когда приходится выбирать Министра, нет ни одного человека, годного на такой пост». Как язык повернулся вымолвить такую хулу на народ! не там министров ищите.

Как вам это нравится: во всем виноват русский народ, а не монарх и не его ближайшее окружение! А кто выбирал, кто назначал и смещал всех этих ублюдков и предателей?!

Народ в России берет власть на прицел

Кто создал систему, где вор на воре, взяточник на взяточнике?! Разве ее создавала, создает не сама высшая власть в России? Поразительно, как маститые историки, философы, социологи не решаются указать на эту бросающуюся в глаза очевидность. Тут ключ к пониманию политических и социальных процессов в России. Вчера и сегодня... И как верно заметил русский ученый В.А. Мошков в «Механике вырождения» (1910): «Таким образом, правительство и народ в своем вырождении идут навстречу друг другу, и между ними дело (вскоре) непременно должно дойти до столкновений и борьбы. А потому в каждый упадок у правительства или, лучше сказать, у партии, его защищающей, происходит борьба с партией антиправительственной. В этом сходятся все народы и государства сего мира... Средствами борьбы в начале упадка обыкновенно являются съезды и сеймы, дебаты и драки, а в заключение бунты, революции и бесконечные междоусобные войны, сопровождающиеся разорением страны и избиением ее жителей. Но борьба не может кончиться даже и в том случае, если правительство сокрушено: она сменяется новой борьбой из-за власти. Вырождающийся человек не только не выносит никакой власти над собой и ни малейшего стеснения своей свободы, но сам стремится к власти». При этом вся ненависть народа («простонародья») обращается не только против правительства, но и «всегда против высших правящих классов». Это не мудрено. Что посеешь, то и пожнешь.

Хроническая отсталость монархии, тугодумность ее идеологов, подлость, алчность и

аморальность многих исполнителей и защитников империи, можно сказать, столпов общества, слабость церкви и, конечно, угнетенное положение масс народа и велик отставанию России от основных конкурентов в мире по ключевым направлениям. Товарищ председателя Думы, промышленник А.И. Коновалов бросил в адрес главы правительства Коковцова, вернее, в адрес всего политэкономического курса России упрек: «...Можно ли нам продолжать идти черепашьям шагом в то время, когда наши мировые конкуренты гигантскими шагами идут вперед по пути национального развития? Мы страшно отстали, мы страшно бедны... Далее медлить нельзя». Выход многие видели в том, чтобы встать на западный путь развития, взяв из опыта экономические, технические, гражданско-политические ценности... Они говорили: «Только усвоив себе наиболее совершенные формы гражданского общежития, присущие другим культурным народам, мы будем в состоянии двигать страну по пути духовного и материального развития, создавая народу богатство и счастье». Такова точка зрения прогрессистов. И в ней, конечно, была своя правда. Другие полагали, что для успеха дела прогресса необходим слом старой государственной машины, которая фактически и завела Россию в тупик. Так по какому пути идти России?!

Второй путь — это путь радикальной революции... Этот путь оказался (даже при всех колоссальных издержках и потерях) перспективнее для нашего будущего. История это подтвердила! Все решают люди. Их надо было менять! А с тем паразитарным правящим слоем, что стоял у власти в России — в результате монархическо-капиталистическо-бюрократического симбиоза, совокупления и противоборства, — у России шансов выстоять, победить в назревавшей битве культур и цивилизаций не было. Та ситуация начала века напоминает и нынешнюю, когда в России надо менять не столько систему власти, а большую часть плутократической бюрократии и бизнеса, доставшихся стране в наследство от так называемой эры Ельцина.

Глава 30. Вместо заключения.

Опыт мировых революций

Прошло сто лет с момента тех трагических событий, когда империя стала всё быстрее сползать в пропасть. Политическая элита и государственные институты старой России оказались просто неспособны ответить на вызовы нового времени. Революция стучалась в двери России уже в 1905—1907 гг. Это прекрасно понимал Л.Н. Толстой, опубликовав в 1905 году (в «Свободном слове» № 92) статью «Об общественном движении в России». События Кровавого Воскресенья он охарактеризовал как «Петербургское злодеяние»: «Теперь мы, русские люди, особенно ясно, болезненно чувствуем зло глупого, жестокого и лживого русского правительства, погубившего уже сотни тысяч людей, разоряющего и развращающего миллионы людей и начинающего уже вызывать русских людей на убийство друг друга». Сами правящие круги толкали Россию в войны и революции.

Потому дискуссия о том, созрела или нет Россия для революции, напоминает речь порой пьяных акушеров, что за стаканом горячо поспорили: «родит ли или нет» лежащая рожевица. О существовании подопечной они при этом забыли. Напрочь! А в итоге пропустили момент появления «дитяти» на свет... Спор имел место между разными людьми. По мнению П.Н.Милюкова, революция не была неизбежной, реформистская альтернатива Столыпина могла бы её предотвратить, если бы дело не испортил Николай II, неспособный к компромиссам. Л.Н. Толстой говорил о самодержавии так: «Про Николая же II я знаю, что это самый обыкновенный, стоящий ниже среднего уровня, грубо суеверный и непросвещённый человек». Не потому ли почти всё, что делалось в недрах царского самодержавия, включая попытку «реформ» Столыпина, завершалось провалом?! Так, за 1907—1915 гг. из общины вышло 2 млн. семей, но ведь за тот же период зарегистрировано официально 1 млн. семей «обратников», тех, кто не принял буржуазные порядки и разорился в ходе «реформ». Об этом молчат его песнопевцы.

Мировая война стала катастрофой для России. Буржуазия требовала войны до победы, но страна и армия к лету 1917 г. оказались на грани гибели... О бедственном положении России говорят и строки из дневника военного министра, генерал А.И. Верховского. Тот выступал за немедленное прекращение войны: «Армия в девять с половиной миллионов человек стране не по средствам. Мы её не можем прокормить. По данным министра продовольствия, только что лично побывавшего на юге, максимум, что мы можем содержать, это семь миллионов человек. Дальше. Мы не можем эту армию ни одеть, ни обуть. Вследствие падения производительности труда после революции и недостатка сырья количество изготавливаемой обуви упало вдвое против 1916 г., тёплой одежды к октябрю едва хватит для удовлетворения потребности наполовину. Только к январю мы сможем дать на весь фронт нужное количество одежды. Между тем, отпустив 600—700 тыс. человек,

Ставка категорически заявила, что больше ни один солдат отпущен быть не может... А это значит: непримиримый тупик, если люди, руководящие обороной страны, не будут заменены другими, способными найти выход из создавшегося противоречия. Если ж оставить всё это в теперешнем положении, то иного выхода, как заключение мира, нет. Наши расходы достигли в день 65 млн рублей, из которых только 8 млн идёт на общегосударственные нужды, а всё остальное — (тратится нами) на войну, считая довольствие, обмундирование, снаряды, оружие, постройки, пайки семьям, примерно по 6 рублей в среднем на каждого призванного. Между тем, по словам министра финансов, мы живём без доходов, единственно на печатном станке, так как налоги совсем перестали поступать. Станок же даёт 30 млн бумажек в день. Таким образом, к 1 января 1918 года возникнет дефицит в 8 млрд рублей. Изменить это положение можно только решительным сокращением расходов на войну, но так как Ставка не считает возможным уменьшить армию, то и здесь тупик». Военный министр ощущал близящуюся

катастрофу: «Нужно делать что-нибудь, чтобы остановить это движение, взять его в руки, сохранить то, что можно, от армии». Но царь на мир не решился, как и наша буржуазия.

Добавьте и то, что около 20 млн. мужчин (свыше 10,8 населения России) прошли через мясорубки кровавых боёв, окопы и казармы I мировой войны. При этом 67 млн. человек (36,1%) оставались на оккупированной территории, а 5—7 млн. (3—4%) мирных жителей были насильственно выселены из прифронтовой полосы или эвакуированы на восток. Среди них и 0,5 млн. евреев, обвинённых режимом в пособничестве германскому шпионажу. Те оседали в столицах, давая кадры для революций. Если вспомнить серию немецких погромов в 1914—1915 гг., подавление восстания в Туркестане 1916 г. и т.п., станет очевидно, что первая мировая война стимулировала взрыв и расово-этнических, и национально-религиозных конфликтов в России в последующий период Гражданской войны. Подчеркнём тут, что более всего жертв на алтарь войн несли как раз русские...

И не только в силу их численности. Другие народы империи фактически обошла горькая доля. Так, одной из главных причин упоминаемого туркестанского восстания 1916 г. (казахов, киргизов) стало объявление среди оных краткосрочной трудовой мобилизации. В итоге же тамошнее население страшно возмутилось таким «нарушением» прав, хотя их во время войны не привлекали к воинской повинности! Надо ли говорить, сколь несправедлив такой подход в отношении русских! В целом около половины жителей Российской империи в той или иной степени стали жертвами войны. Бесспорно и то, что первая мировая война вела к значительной дегуманизации межличностных, национально-религиозных, сословно-классовых, экономических идейно-политических отношений в российском обществе, к доминированию массовой окопно-фронтовой психологии — с культом военной силы как универсального средства решения любых вопросов. И, конечно, это объективно ускорило процесс перерастания межгосударственной войны во внутреннюю, гражданскую. Скупые цифры покажут, как подобная авантюристическая

политика мировой и российской буржуазии день за днём обескровливала нации, убивая миллионы людей, разрушая экономику, заодно и нравственные, культурные, семейные устои.

Первая мировая война оставила глубочайший след в современной истории... изменила привычки и нравы людей, сделала их терпимыми к государственным формам насилия, ввергла общество в пучину варварства, посеяла зёрна будущих международных конфликтов, и те прорастут новыми кровавыми столкновениями... Война эта поставила страны (прежде всего Россию, Германию) на грань физического выживания. Надвигались эпидемии, нищета, болезни, голодомор, и даже крысы выглядели как деликатес. При этом золото текло рекой, сказочно обогащая монополистов. Россию предали все и вся. Всё это должно было кончиться плачевно для буржуев.

Д. Ллойд-Джордж обвинил союзников России в измене: «История предъявит счёт военному командованию Франции и Англии, которое в своём эгоистическом упрямстве

обрело своих русских товарищей на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе». Черчилль писал: «Держа победу уже в руках, она (Россия) пала на землю заживо, как древний Ирод, пожираемая червями. Но не напрасны были её героические поступки. Гигант, сраженный насмерть, умирая, успел передать эстафету с Востока через океан новому Титану, терзаясь сомнением, кто же теперь появится и начнёт мощно вооружаться. Российская империя пала 16 марта, а 6 апреля в войну вступили Соединенные Штаты Америки». Нет, гигант не пал! Напротив, он поднялся во весь рост. Народ повернул оружие против буржуа и царя, уничтожив преступный строй и сбросив с себя паразитов и присосавшихся к телу «клещей».

В феврале 1917 г. в России имел место буржуазный переворот, в ноябре случился Октябрь! Многие честные учёные подтверждают вывод о закономерности политического и социального взрыва, происшедшего в 1917 году. Они указывают на то, что Октябрьская

Мировая бойня, устроенная буржуазией ради получения прибылей

Холодное любопытство буржуа

революция — результат системного кризиса империи, всего капиталистического мира.

Просчёты монархии, промедление с отменой крепостного права, падение авторитета церкви, полный отрыв бюрократии от народа, пренебрежение его мнением, войны предопределят и дальнейшие события в России. Тем не менее многие отрицали закономерность 1917 г., видя в этом историческую «случайность». Говорили, что это стало возможным в силу ряда вторичных факторов (т.е. участие России в первой мировой войне, политическая слабость царя). Струве назвал Февральскую революцию историческим выкидышем. Либералы во всём винили большевиков. Иные понимали неизбежность перемен, но не желали признать буржуазного характера Февраля, социалистического характера Октября. Редактор кадетской «Речи» Гессен воспринял Октябрь и Февраль как единый процесс: мол, Февраль был чреват Октябрем, «ради которого стихия Февраля разразилась настоящим праздником». Не было согласия и среди социалистов в определении путей России. Троцкий считал, что

капитализм в России далёк от зрелости, что в нём нет капиталистического монолита. Историк Покровский говорил: капитализм создал все необходимые предпосылки для революции. Перейдя на язык аллегорий, Троцкий сравнил Россию с кораблем, что похож одновременно на баржу и пароход. Её влечёт буксир Европы. Подхватив полемический приём оппонента, историк Покровский настаивал на том, что Россия — пароход, который, однако, идёт своим собственным ходом... Те же «сказки» подхватило стадо буржуазных рабов. Продажные учёные и неучи-политики упорно называют социалистическую революцию в России «нелепой», говоря: «любые модели социального переустройства не имели реальных материальных предпосылок для их реализации». Как их столетние товарки, они продолжают утверждать о якобы отсутствии в России в 1917 г. социальных предпосылок для той или иной революции! Историю эти извращенцы ставят с ног на голову!

Какая чушь! Писать такие вещи в XXI веке! Лишь круглые идиоты, невежды и подлецы могут ныне заявлять нечто подобное. Все народы прошли через революции. Причины ре-

Б. Кустодиев. Февральский переворот 1917 г.

Октябрьская Революция в России!

волюций в России очевидны. Целых пять лет народ России убивали и уродовали в невиданной бойне 1904—1905 и 1914—1917 г. К тому же, две войны Россия ещё и проиграла (вчистую!), т.е. не смогла осуществить и своих сугубо империалистических целей.

Гражданская война в России стала логическим продолжением и завершением Великой Русской Революции, что ещё раз подтверждает подлинность, масштаб, накал, грандиозность Октября... Именно грандиозность тектонических сдвигов, происходивших тогда в России, и обусловили кровавый характер противостояния. В противном случае не было бы такой драмы. Бой смертный! И хотя некоторые все еще называют ту войну «безумной», в действительности события тех лет были вполне логичными и «умными». Бой шёл за землю, кото-

рой у большинства крестьян не было! За свободу и право считаться человеком! Это понимали красные, создавая свою Красную империю! Но это же прекрасно понимали и белые. Об экономических предпосылках назревавшей смертельной схватки писал в «Гражданской войне» С. Кара-Мурза. Он привёл прокламацию одного из помещичьих союзов, изданную в мае 1917 г. (газета «Дело народа», август 1917 г.). Её содержание не оставляет грана сомнений относительно того, как поведут себя собственники земель, заводов, поместий в России в случае народной революции: «Будущие пролетарии — русские землевладельцы, — соединяйтесь!» В заключении манифеста сказано: «Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство, вводящий в свои законы другое преступление — грабёж и захват как основу своего

ленивого благосостояния, как не имеющий государственного смысла, — не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем признать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям — от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдём себе места в нашем бесшабашном отечестве, как (ранее) не находили его социалисты. Но социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, что по этому (же) ужасному пути придётся идти также (и) нам и нашим детям. Это так же неизбежно, хотя и горько и ужасно: сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделяют из своей среды десятую часть, т.е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну тёмную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,

убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не шадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Тёмным грабителям легче будет делить голую землю. Мы только в этом ужасном, неизбежном мщении обретём единственное утешение своё». Подчеркну, что «Союз несчастных землевладельцев» опубликовал своё воззвание ещё до прихода большевиков к власти в России! И это ясно доказывает: гражданская война уже стояла у порога. Ну и большевики её выиграют, и тоже понятно почему... М.Пришвин писал в дневнике 27 декабря 1918 г.: «Что же такое эта земля, которой домогались столько времени? Земля — уклад. «Земля, земля!» — это вопль о старом, на смену которого не шло новое. Коммунисты — это единственные люди из всех, кто поняли крик «земля!» в полном объёме».

И даже противники большевиков считали Октябрьскую революцию закономерной... Так, Бердяев вынужден был всё же в итоге признать: «Мне глубоко антипатична точка зрения многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой

преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, тем более и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой. Но я не представлял себе её в радужных красках». Так же полагал Л.П. Карсавин, что был затем выслан большевиками из России: «Не народ навязывает свою волю большевикам, и не большевики навязывают ему свою. Но народная воля индивидуализируется в большевиках, в них осуществляются некоторые особенно существенные её мотивы: жажда социального переустройства и даже социальной правды, инстинкты государственности и великодержавия». И хотя иные господа всё ещё предпочитают видеть в явлении Великой Октябрьской революции действие неких оккультных сил, это далеко не так. «Так, если в первом падении в XIII веке мы пережили языческую оккупацию, в начале XVII века оккупацию католическую, при Петре — протестантскую и после него — масонскую, то катастрофа 1917 г. восстановила против нас объединенного врага: «тайну беззакония» во всех её видах из «лаборатории мировых пороков», приступившую к непосредственной подготовке царства антихриста. Это привело к предсказанному (если, конечно, верить легенде) в конце XVIII века иноком Авелем «безбожному жидовскому игу» (М.Назаров).

Легенда есть легенда. Октябрь возник не по причине «жидовского ига», а в силу социальных противоречий, что создавались веками — самим царизмом, т.е. помещиками и дворянством, а с другой — той же российской монополистической буржуазией. Именно рост буржуазии, усиление экономической мощи, степени влияния, её неуёмная жажда власти, наряду с этим усиление пролетариата, роли партии Ленин счёл свидетельством «вызревания» масс к социалистической революции: «Никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически». Можно спорить: созрела ли страна для социализма или не прошла буржуазной фазы! Миру был нужен социализм.

Одно не вызывает сомнений: если истоки учения лежали в Европе, в России возник социализм совершенно особого — славянского типа. Учёные Медико-генетического научного центра РАМН сделали вывод, который был многократно подтверждён, что «в русском генофонде практически нет следов из Азии, из-за Урала». У русских, как свидетельствуют генетики, нет и типичного для азиатов набора генов. Причём ни в одной из популяций: ни в северной, ни в южной... Так что Великая Революция 1917 г. по праву названа Русской! Мир признал Октябрь 1917 г. как величайший триумф общественного прогресса. Таков вердикт Истории! Вердикт окончательный!

ЛИТЕРАТУРА:

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX веков). СПб., 1994. С. 10.

Тысячелетие русской письменной культуры. (988—1988). Альманах библиофила. М., 1989. С. 65—70.

Златоструй. Древняя Русь X—XII веков. М., 1990. С. 67, 132.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2002. С.73—74.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Мельниковой Е.А. М., 1999. С. 103.

Литаврин Г.Г. Славяне и Византия. Сборник статей. СПб., 1999. С. 8.

Никольский Н.М. История Русской церкви. Изд. третье. М., 1985. С. 31, 36.

Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Т. 2. М., 1995. С. 341—342.

Миронов В.Б. Русь и Россия. // Третье тысячелетие. Мир цивилизаций. Т. 1. М., 2002. С. 638.

Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней. С.-Пб., 2000. С. 324.

Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 56; *Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 105—106.

Фроянов И.Я. Драма русской истории. На путях к Опричнине. Отв. ред. Ю.Г. Алексеев. М., 2007. С. 137.

Будовниц И.А. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 217.

Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Т. 2. М., 2003. С. 214.

Смысл жизни. Антология. Сокровищница русской религиозной и философской мысли. М., 1994. С. 230.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991. С. 11—12.

Древняя Русь: пересечение традиций. Под ред. В.В. Милькова. М., 1997. С. 372—373.

Лихачев Д.С. Великое наследие // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Т. 2. Л., 1987. С. 128.

Горсей Дж. Записки о России. XVI—начало XVII в. М., 1990. С. 90.

Из истории русской философии. Сборник статей. М., 1952. С. 93.

Крижанич Ю. Политика. М., 1997.

Карташов А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2., М., 1992. С. 542—544.

Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1965. С. 63.

Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1991. С. 79.

Макаренко Б. Либерализм в России. // Политический класс. № 1. 2005. С. 105.

Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1976. С. 313.

Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 150.

История русской философии. Под ред. М.А. Маслина. М., 2001. С. 60.

Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие. 1762—1855 годы. СПб., 1906. С. 266.

Булгарин Ф. Сочинения. М., 1990. С. 88—91.

Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997. С. 216, 238, 239.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991. С. 230—231.

Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. Под ред. А.И. Пискунова. М., 1981. С. 253—255.

Западов А. Забытая слава. Опасный дневник. М., 1976. С. 429.

Мижув П.Г. Главные моменты в развитии западноевропейской школы. М., 1913. С. 10.

Очерки истории российского образования в 3 томах. Т. 1. М., 2002. С. 31—34.

Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949. С. 129.

Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 35, 50.

Поляков В. Пять парадоксов российского консерватизма. № 2. 2004.

Лависс и Рамбо. История XIX века. Т. 2. М., 1938. С. 130—132.

Рыжов К. Монархи России. М., 2005. С. 6—11.

Томсинов В.А. Аракчеев. М., 2003. С. 94, 133.

Семенов В. Что читал Павел Первый. // Наше наследие. № 38. 1996. С. 14—17.

Новицкий А.П., Никольский В.А. История русского искусства. Современная версия. М., 2007. С. 328.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России, XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 12, 13.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 2000. С. 656—657.

Зубов А.Б. Размышления над причинами революции. На грани веков / Новый мир. № 7. 2005.

Томсинов В.А. Светило русской бюрократии. М., 1997. С. 40—41.

Оболенский Г. Павел I. М., 1990. С. 160—163.

Западов К.А. Забытая слава. Опасный дневник. М., 1976. С. 429.

Песков А. Павел I. М., 2005. С. 333.

Соловьев С.М. Император Александр I. М., 1995. С. 16—17.

Сенин А. Становление министерской системы управления в России / Новый исторический вестник. № 9. 2003.

Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 206—207.

Белинский В.Г. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 6. М., 1980. С. 105.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 322.

Валлотон А. Александр I. М., 1991. С. 110.

Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992. С. 110—111.

Ключевский В.О. Собрание сочинений в девяти томах. Т. V. М., 1989. С. 198.

Сперанский М.М. О законах // Сборник Русского исторического общества. Т. 30. СПб., 1881.

Александров А.А. Философия реформ в России и Западной Европе: взгляды М.М. Сперанского // Новый исторический вестник. № 4. 2001.

Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997. С. 42—44.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 30.

Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006. С. 189, 228, 229.

Чулков Г. Психологические портреты. М., 1991. С. 79—80, 118, 120.

Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. Спб. 1905. С.244.

Мемуары декабристов. Северное общество. Сост. В.А. Федоров. М., 1981. С. 26.

Валлоттон А. Александр I. М., 1991. С. 310—311.

Труайя А. Александр I, или Северный сфинкс. М., 1997. С. 65, 67.

Перцев А.В. Философия как веселая наука. Пленарный доклад на 2м Всероссийском философском конгрессе. Екатеринбург. 1999 год.

Елисеев Г. «Наказ» императрицы Екатерины / Екатерина II: pro et contra. Антология. Сост. С.Н. Искюль. СПб., 2006. С. 231.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 191.

Мемуары декабристов. Северное общество. Сост. В.А. Федоров. М., 1981. С. 811.

Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. В 4 томах, Т. 4. СПб., 1905. С. 40—41.

Зубов А.Б. Размышления над причинами революции в России. Царствование Александра Благословенного / Новый мир. № 7. 2006.

Чибыряев С. Великий русский реформатор. Жизнь и деятельность М. Сперанского. М., 1989. С. 52.

Розен А.Е. Записки декабриста. Издание подготовил Г.А. Невелев. СПб., 2007.

Давыдов М.А. Оппозиция его Величества. М., 2005. С. 309—311.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004.

Декабристы рассказывают... М., 1975. С. 101, 153.

Очерки истории I Московского института им. И.М. Сеченова. М., 1959. С. 14.

Скатов Н.Н. Пушкин. Русский гений. Научно-художественная биография А.С. Пушкина. М., 1999. С. 264, 385.

Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. Т. 2. М., 1998. С. 123.

Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. СПб., 2004. С.177, 222.

Вересаев В. Спутники Пушкина. Т. 2. М., 1993. С. 220—221.

Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 1980. С. 80—82.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. М., 1951. С. 110, 506.

Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 238, 241.

Цит. по: Наше наследие. № 4. 1989. С. 78—79.

Михайлов О.Н. Генерал Ермолов. М., 2002. С. 484—485.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). М., 2001. С. 316—317.

Панченко А. Петербург — столица скопцов / Отечественные записки. № 2. 2004.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 262.

Василич Г. Император Александр I и старец Феодор Кузьмич. М., 1991. С. 103.

Архангельский А.Н. Александр I. М., 2005. С. 342—345.

Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. М., 1991. С. 172—173.

Герцен А.И. Былое и думы. Части 1—5. М., 1969. С. 101.

Эйдельман Н. Лунин. М., 1970. С. 152.

Афанасьев В. Рылеев. Жизнеописание. М., 1982. С. 203, 266—274.

Эдельман О. Следствие и суд в дореформенной России / Отечественные записки. № 2. 2003.

Сафонов М. «Кровавый понедельник» Николая I / Родина. № 6. 2004.

Лунин М.С. Письма из Сибири. Изд. подготовили И.А. Желвакова, Н.Я. Эйдельман. М., 1987. С. 140, 144.

Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. 17. М., 1980. С. 8, 24, 61.

Гессен С. Декабристы перед судом истории. М.-Л., 1926. С. 12, 15

Восстание декабристов. Материалы. М., 1950. Т. IX. С. 37; Т. X. С. 47.

Муравьев С.Н. Муравьевы (Краткая история рода). В: Декабристы и их время. М., 1995. С. 148.

Рахматуллин М. Император Николай I и его царствование / «Наука и жизнь». № 12. 2002.

Император Николай Первый. Изд. Филин М.Д. М., 2002. С. 138.

Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М., 1997. С. 78—79.

Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л., 1971.

Ягунин В. Александр Одоевский. М., 1980. С. 126.

Серебрянников Ю. Железные маски России. М., 2003.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. Подготовил Б.Е. Сыроечковский. М.-Л., 1926. С. 145.

14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. М., 1999. С. 66, 67, 218, 228, 230.

Ленин В.И. ПСС.Т. 30. С. 315.

Эдельман О.В. Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник / Отечественная история. № 6. 1995. С. 38, 40.

О'Мара П. К.Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 311—312.

Ленин В.И. Памяти Герцена. ПСС., Т. 18, С. 14.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). М., 2001. С. 331—332.

Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 22.

Рахматуллин М.А. Император Николай I и семьи декабристов / Отечественная история. № 6. 1995. С. 17.

Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 284—286.

Гессен А. Во глубине сибирских руд... Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1976. С. 264—265.

Эйдельман Н. Обреченный отряд. Повести. М., 1987. С. 349—350.

Николай I. Муж. Отец. Император. Сост. Н.И. Азарова. М., 2000. С. 349—350.

Стогов Э.И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 169—170.

Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 236, 594, 596, 601.

Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. Издание подготовил В.А. Александров. М., 1990. С. 488.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 371—372

Голицын Н.В. Сперанский в верховном уголовном суде над декабристами / Русский исторический журнал. Т. II. № 2. 1999. С. 18, 53.

Собрание сочинений и переводов А.С. Шишкова. СПб., 1818—1839; «Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова». Берлин. 1870; Собрание высочайших манифестов, грамот, указов и прочего 1812—1816 годов. Издал А.С. Шишков. СПб., 1816

Боленко К.Г., Лямина Е.Э. Из семейной переписки А.С. Шишкова / Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. Выпуск 4. СПб., 2005. С. 142—143.

Герцен А.И. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 8. М., 1958. С. 40.

Акульшин П.В. Граф С.С. Уваров и его роль в жизни российского общества / Педагогика. № 4. 1993. С. 92.

Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров. В: Российские консерваторы. М., 1997. С. 99, 105.

Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 51—52.

Кизеветтер А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону. 1997. С. 327.

Мемуары декабристов. Северное общество. Сост. В. Федоров. М., 1981. С. 201.

Пенкин Ф.А. Воспоминания о военном-учительском институте / Аракчеев. Свидетельства современников. М., 2000. С. 152—153.

Кизеветтер А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону. 1997. С. 380—381.

Томсинов В.А. Аракчеев. М., 2003. С. 334—335.

Мемуары декабристов. Северное общество. Сост. В.А. Федоров. М., 1981.

Зырянов П.Н. История России, XIX—начало XX вв. М., 1997. С. 43—44.

Евстафьев П.П. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934; Федоров В.А. Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. В сб.: Исторические записки, т. 52, [М.] 1955; его же. Борьба крестьян России против военных поселений (1810—1818), «Вопросы истории», 1952, № 11; Граф Аракчеев и военные поселения 1809—1831, СПб.

Мемуары декабристов. Северное общество. Сост. В.А. Федоров. М., 1981. С. 124, 245.

История XIX века. Под редакцией проф. Лависса и Рамбо. Перевод с франц. Т. 5. М., 1938. С. 101.

Пётефи Ш. Собрание сочинений. В 3 томах. Стихотворения 1848—1849 гг. Т. 2. Будапешт. 1973. С. 133.

Император Николай Первый. Изд. подготовил М.Д. Филин. М., 2002. С. 582.

Долгоруков П.В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым. Т. 1. Париж. 1861. С. 96.

Леонтьев К. Цветущая сложность. Избранные статьи. М., 1992. С. 243.

Лопатников В.А. Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова. М., 2003. С. 69—70.

Солоневич И.Л. Белая империя. М., 1997. С. 327.

Петров М.А. Оборона берегов в опыте последних войн России. М., 1927. С. 26.

Филиппов М.М. Осажденный Севастополь. М., 1977. С. 482.

Монаков М.С., Родионов Б.И. История российского флота в свете мировой политики и экономики (XXIX вв.). Под общей редакцией В.И. Куроедова. М., 2006. С. 549—557.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. Т. II. М., 1979. С. 206—207.

Скрицкий Н.В. Крымская война. 1853—1856 годы. М., 2006. С. 175, 177, 178, 179, 393.

Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. Под ред. Е.М. Примакова, И.С. Иванова, Ю.В. Ушакова, П.В. Стегния, А.В. Торкунова, А.В. Загорского. М., 1998. С. 319—320.

Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 293.

Тютчев Ф.И. Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 176

Тютчев Ф.И. Лирика. Т. I. М., 1964. С. 165, 408.

Кулакова И. Отечественный мечтатель / Отечественные записки. № 3. 2002.

Эйдельман Н.Я. Твой XVIII век. Прекрасен наш союз... М., 1991. С. 317.

Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Достоевский. Биографические очерки. 2-е изд., Челябинск. 1994.

Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 490.

Чурбанов В. Народное представительство в России. № 22. 2005.

Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 2000. С. 295.

История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. М., 1938. С. 61.

Была ли история России сплошной трагедией? По поводу книги Х. Рэгсдейла «Российская трагедия. Бремя истории» / Новая и новейшая история. №5. 1998. С. 193.

Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 315.

Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 12. М., 1979. С. 291.

Боханов А.Н. Николай I. М., 2008. С. 56.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 682—684.

Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века. Л., 1970. С. 702.

Гроссман Л.П. Тютчев и сумерки династии / Ф.И. Тютчев: pro et contra. СПб., 2005. С. 388.

Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813—1877. М., 2003. С. 284—285.

Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 12. М., 1979. С. 313.

Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 222—228.

Каменский З.А. Философия славянофилов. Иван Киреевский и Алексей Хомяков. С.-П., 2003. С. 406.

Европеец. Журнал И.В. Киреевского. 1832. М., 1989. С. 9, 316—317, 393, 481.

Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 47—48, 555.

Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 323, 327.

Спекторский Е.В. К характеристике Чаадаева. П.Я. Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 439, 442.

П.Я. Чаадаев: pro et contra. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. С.П., 1998. С. 252, 253, 460.

Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 336.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М., 1978. С. 287—288.

Тарасов Б.Н. Чаадаев. М., 1986. С. 351, 411, 416, 420.

Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 204.

Щукин В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифологии и истории идей. М., 2007. С. 5253.

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804—1833 гг. Сост. О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич. М., 2004. С. 274, 562.

Тургенев Н.И. Россия и русские. Перевод с франц. С.В. Житомирской. М., 2001. С.307, 308, 359, 502.

И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В двух томах. Т. 1. М., 1983. С. 196.

Анненков П.В. Парижские письма. Изд. подготовила И.Н. Конобеевская. М., 1983. С. 192—196.

Конобеевская И.Н., Смирнова В.А. К. Маркс, Ф. Энгельс и П.В. Анненков / П.В. Анненков. Парижские письма. М., 1983. С. 433, 480.

Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Ответ. редакторы: С.А. Макашин, Т.Г. Динесман. М., 2000. С. 255—256.

Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 199—200.

Тургенев И.С. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 2., М., 1976. С. 126.

Флоровский Г.В. Тютчев и Владимир Соловьев / Ф.И. Тютчев: pro et contra. Антология. СПб., 2005. С. 496.

Литературное наследство. Т. 97. Ф.И. Тютчев. В двух книгах. Кн. 1. М., 1988. С. 222, 422, 276, 330, 372.

Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада. М.—СПб., 2004, С. 22, 41.

Тарасов Б.Н. Историософия Ф.Н. Тютчева в современном контексте. М., 2006. С. 68, 69, 130.

Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Достоевский. Биографические очерки. 2-е изд. Челябинск. 1997.

Широкоград А.Б. Польша. Непримири-мое соседство. М., 2008. С. 286—287.

Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М., 1968. С. 108.

Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия. Шляхта и мы / Наш современник. № 5. 2002.

Аполлон Александрович Григорьев: материалы для биографии. Под ред. В. Княжина. Пг., 1917. С. 151.

Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 270—274.

Ланда С.С. «Сонеты» Адама Мицкевича / Мицкевич А. Сонеты. Изд. подготовил С. Ланда. Л., 1976.

Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М., 1968. С. 383.

Мулина С. Почтовая станция Сибирь / «Родина». № 4. 2006. С. 90—92.

Анненкова Е.И. Аксаковы. Преданья русского семейства. СПб., 1998. С. 263.

Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889. С. 505.

Аксаков И.С. Письма к родным. Издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 345—346.

Аксаков И.С. Отчего так нелегко живет в России? М., 2002. С. 26, 135, 153, 642.

Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. Письма 1851—1860 годов. М., 1892. С. 205—207.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 19. Л., 1979. С. 61.

Троицкий В. Соборянин / Советская Россия. 21 февраля 1995 года.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 417.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6. М., 1978. С. 268, 270.

Гоголь Н.В. Духовная проза. Сост. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М., 1992. С. 313.

Золотусский И.П. Гоголь. М., 2005. С. 450—451.

Из биографий кавалергардов. Кавалергардский полк от Николая I до Николая II. М., 2005.

История России XIX века. Под ред. В.Г. Тюкавкина. Ч. 1. М., 2004. С. 188193.

Цит. по: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 2. СПб., 2000. С. 316.

Леонтьев К. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни. Письмо первое / Начала. № 2. 1995. С. 45—46.

Шефов Н.А. Хроника российской истории. IX—XIX вв. М., 2006. С. 291293.

Афанасьев В. Жуковский. М., 1987. С. 226—227.

Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М., 2006. С. 338.

Российские самодержцы (1801—1917). М., 1993. С. 165—167.

Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел (18611864). Т. I. М., 1961. С. 121.

Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. М., 2004. С. 47, 335.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1843—1856. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2000. С. 419.

Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса. IX — начало XX вв. М., 1994. С. 241—242.

Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 76, 88.

Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. М., 1952. С. 140.

Труайя А. Александр II. М., 2005. С. 74—75.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1992. С. 336—338.

Ковальченко И.Д. Консерватизм, либерализм и радикализм в России в период подготовки крестьянской реформы 1861 года / Отечественная история. № 2. 1994.

Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Отв. ред. С.А. Макашин, Т.Г. Динесман. М., 2000. С. 259.

Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. Т. III. М., 1951. С. 497.

Семанов С.Н. Александр II. История Царя-освободителя, его отца и сына. М., 2003. С. 92—97.

Ленин В.И. ПСС.Т. 17. С. 97.

Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 199—200.

Ильин В.В. Реформы и контрреформы в России. М., 1996.

Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. Россия и мир. История с древнейших времен до конца XIX века. М., 2001. С. 318—319.

И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В двух томах. Т. 1., М., 1983. С. 202.

Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 147, 217, 226.

Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002. С. 177.

Рибер А. Социальная идентификация и политическая воля: русское дворянство от Петра I до 1861 г.

П.А. Зайончковский. 1904—1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 308.

Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870 гг. М., 2002. С. 137, 144, 173, 179.

Круглый стол «Почему Россия не Америка?» / Родина. №8. 2003.

История России. Учебное пособие для вузов. Под ред. С.В. Леонова. Т. 1. М., 1997. С. 218—219.

Чичерин Б. Несколько современных вопросов / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. Судебная власть в России. История. Документы. Т. III. М., 2003. С. 268.

Российские либералы. Под ред. Б. Итенберга и В. Шелохаева. М., 2001. С. 99.

Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949. С. 128.

Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. II. М., 1956. С. 275.

Белинский В.Г. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М., 1979. С. 55.

Писарев Д.И. Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949. С. 127.

Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. М., 1952. С. 428.

Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 183, 222.

Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1—5. М., 1969. С. 64, 103, 148.

Прокофьев В.А. Герцен. М., 1979. С. 249.

Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. М., С. 138, 197, 715.

Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 148—150.

Герцен А.И. О социализме. Избранное. М., 1974. С. 376, 418, 451, 452, 453, 611.

Н.П. Огарев в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 387.

Прокофьев В. Герцен. М., 1979. С. 321.

Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 131, 133, 143, 150.

Гей Н.К. В.Г. Белинский и русская литература // В.Г. Белинский. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. М., 1976. С. 7, 9, 27.

Белинский В.Г. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М., 1979. С. 54

В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. Сост. А. Козловский и К. Тюнькин. М., 1977. С. 509, 513.

Кюстин А. Россия в 1839 году. В двух томах. Т. 1. М., 1996. С. 339.

Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. С того берега. М., 1956. С. 326.

Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 49.

Бакунин М.А. Государственность и анархия. П., 1919. С. 246.

Стеклов Ю.М. Борцы за социализм, Ч. 1. М. П., 1923, С. 258.

Пирумова Н.М. Бакунин. М., 1970. С. 189.

Герцен А.И. О социализме. М., 1974. С. 287, 289.

Бакунин М.А. Полное собрание сочинений. Под ред. А.И. Бакунина. Т. 1., без года. С. 14.

Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. М., 1934. С. 376.

Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 543—545.

О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 173—174.

Слэттер Дж. Искандер со товарищи / Родина. № 5. 2003.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 270.

Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. Изд. подготовила С.В. Житомирская. М., 1993. С. 328.

Волгин И. Сокрушаемый Карфаген. К 250 летию Московского университета / Октябрь. № 1. 2005.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 30. Кн. 1. М., 1958. С. 21—24.

Безобразов В.П. Народное хозяйство России СПб., 1882. Ч. I. С. 111—112.

Станкевич Н.В. Переписка. 1830—1840. М., 1914. С. 672.

Записка А.М. Унковского и А.А. Головачева о недостатках правительственной программы крестьянской реформы (1857 г.) / Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. II—III. М., 1992. С. 103.

Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994. С. 185.

Рогов А. О русской народной культуре / Роман-журнал XXI век. №10, 2001. С. 37.

Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова. В: Хомяков В.А. Сочинения в двух томах. Т.1, М., 1994. С. 4.

Аксаков И.С. Отчего так нелегко живет в России? М., 2002. С.389.

Пейн Р. Ленин — жизнь и смерть. М., 2002. С. 31.

Молодая Россия / Революционный радикализм в России. Под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997. С. 146.

Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001. С. 284.

Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. М., 2005. С. 382, 385, 387.

Мир Д.И. Писарева. Выпуск 3. Исследования и материалы. Отв. ред. И.Б. Павлова. М., 2005. С. 125, 128.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. С. 22, 471.

Русанов Н.С. На родине. М., 1931. С. 89.

Кузин Н. Плещеев. М., 1988. С. 150.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997. С. 269.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л., 1984.

Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С. 57, 63.

Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии (1895—1903). М., 2006. С. 633—634.

Гроссман Л. Достоевский. М., 1965. С. 448.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 10. Л., 1974. С. 312, 324.

Пейн Р. Ленин — жизнь и смерть. М., 2002. С. 65.

Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи. М., 2006. С. 303.

Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2 томах. Т. II. С.П., 1998. С. 6.

Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С. 218—219.

Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. М., 2003. С. 195.

Селезнев Ю. Достоевский. М., 1981. С. 512.

Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. Изд. подготовила С.В. Житомирская. М., 1993. С. 197, 209, 215.

Крестовский В.В. Петербургские трущобы. (Книга о сытых и голодных). Л., 1990. С. 29.

Василькова Ю.В. Страницы отечественного образования. Из истории России, православия, литературы с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1996. С. 342.

Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В пяти томах. Т. I. М., 1958. С. 228.

Богословский Н. Тургенев. М., 1964. С. 317, 319.

Ленин В.И. ПСС.Т. 36. С. 206.

Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 85.

Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. Т. III. М., 1951. С. 854—856.

Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В пяти томах. Т. IV. М., 1958. С. 229, 408.

Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 138.

Баландин Р.К. Тайные общества русских революционеров. М., 2007. С. 120.

Из истории русской философии. Сборник статей. М., 1952. С. 372, 383, 385.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 1950. С. 202.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 79—80.

Винникова Г. Тургенев и Россия. М., 1977. С. 241.

И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В двух томах. Т. 2. М., 1983. С. 269.

Герцен А.И. Былое и думы. Части 1—5. М., 1969. С. 436.

Прокофьев В. Герцен. М., 1979. С. 386.

Герцен А.И. Сочинения в девяти томах. Т. 9. М., 1958. С. 366.

Кузин Н. Плещеев. М., 1988. С. 9.

Ленин В.И. ПСС.Т. 12. С. 237.

Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 217—218.

Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. М., 1975. С. 396.

М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. В двух томах. Сост. С.А. Макашин. Т. 2. М., 1975. С. 350.

Баландин Р.К. Тайные общества русских революционеров. М., 2007. С. 122—123.

Вахитов Р. Трагедия реформаторов. Правда Александра II и правда «Народной воли» / «Советская Россия». 7 июля 2005 г. С. 11—14.

Лавров П.Л. Избранные произведения в двух томах. Т. 1., М., 1965. С. 7, 36; Т. 2. С. 388.

Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы. Т. IV. М., 1935. С. 281—282.

Муза в храме науки. Сборник стихотворений. Сост. В.Ф. Ноздрев. М., 1988. С. 105.

Володин А.И., Рутенберг Б.С. Наследство П.Л. Лаврова в идейной борьбе 1920 х годов. К 170 летию со дня рождения / Отечественная история. № 5. 1993. С. 54—74.

Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. В двух томах. Т. 1. М., 1967. С. 339—340.

Ульянов Н.И. «Басманный философ»/ Петр Чаадаев: pro et contra. С.П., 1998. С.498.

Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1976. С. 27, 142, 167.

Пустарнаков В.Ф., Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев — революционер, публицист, мыслитель / Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1975. С. 89, 10.

Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 622.

Захарова Л.Г. Александр II: человек на троне/Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1.М. 2005. С.312.

Цит. по: Шагинян М. Лениниана. Семья Ульяновых. Очерки и статьи. М., 1977. С. 125—127.

Поэты 1840—1850 х годов. Л., 1972. С. 125.

Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони (1844—1927). М., 1981. С. 82—83.

Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. М., 1972. С. 402.

Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895гг. М., 1979. С. 149—150.

Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 38.

Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1965. С. 910.

Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 гг. М., 1978. С. 136—137.

Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. II. М., 1956. С. 548.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 449.

Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. М., 1972. С. 404.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 274—275.

Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В двух томах. Т. I. 1883—1886. М., 2005. С. 18.

Боханов А.Н. Император Александр III. М., 1998. С. 216—242.

Мещерский В.П. Мои воспоминания. 2-е изд. М., 2003. С. 538, 568, 571.

Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 573.

Из архива П.Б. Аксельрода. Выпуск 1. 1880—1892 гг. Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2006. С. 94.

Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967. С. 210.

Цит. по: Майский И.М. Путешествие в прошлое. М., 1960. С. 145—146.

Чагин Г.В. Тютчевы. СПб., 2003. С. 356—360.

Седов М.Г. Советская литература о теоретиках народничества / История и историки. Историография истории СССР. Сб. статей. М., 1965. С. 257.

Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. I. М. 1956. С. 305, 398, 420.

Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. С. 92, 93, 231.

Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. V. М. 1958. С. 597.

Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков. 1928. С. 36.

Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 618.

Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895 гг. М., 1979. С. 282—284.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В пяти томах. Т. 3 (1870—1900). М., 1961. С. 238—239.

Шафаревич И. Русский вопрос. М., 2003. С. 334—337.

Костин Б. Скобелев. М., 2000. С. 58, 59, 147.

Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 2005.

Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков. М., 2000.

Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М., 1993. С. 233.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л., 1984.

Лопатников В.А. Горчаков. Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова. М., 2003. С. 315.

Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах о прошлом / Русская старина. № 10. 1883. С. 179.

Киняпина Н.С. Балканская конфедерация в планах военного министра России Д.А. Милютина / Отечественная история. № 3. 1996. С. 150.

Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 167.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л., 1984.

Кропоткин П. Записки революционера. М., 1966. С. 232—234.

Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 195.

Кирьянов Ю.И. Рабочие России на рубеже XIX—XX веков / Отечественные записки. № 4. 1997. С. 40.

Лопатников В. Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова. М., 2003. С. 210.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С.-П., 1992. С. 305, 309.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в отражении современника. М., 2000. С. 32.

Цит. по: Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 617.

Ковалевский П.И. Александр III — царь-националист / Роман-журнал XXI век. № 7. 2005. С. 24—30.

Мещерский В.П. Мои воспоминания. 2-е изд. М., 2003. С. 825—826.

Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., 1966. С. 16.

Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1965. С. 287.

Политология на российском фоне. Авторский коллектив под руководством проф. В.В. Рябова. М., 1993. С. 272.

Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна (1847—1928 гг.). Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2000. С. 61—62.

Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998. С. 256.

Император Александр III. Коллекционер и меценат. М., 2000. С. 7.

Боханов А.Н. Император Александр III. М., 1998. С. 424—425.

Романовы и Крым. Сост. М. Земляниченко, Н. Калинин. М., 1993. С. 56.

Секиринский С.С. Петр Александрович Валуев / Российские консерваторы. М., 1997. С. 140—141, 157.

Дневник министра внутренних дел П.А. Валуева. 1865—1876 гг. Т. I. М., 1961. С. 47.

Тайный правитель России. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866—1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. Сост. Т.Ф. Прокопов. М., 2001. С. 223—227

Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 627.

К.П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1996. С. 287, 305, 309.

Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 592—595.

Фирсов С.Л. Человек во времени // Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 16—17.

К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Сост. Т.Ф. Прокопов. М., 2001. С. 499.

Гончаров И.А. Обломов. Роман в четырех частях. М., 1973. С. 111.

М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. В двух томах. Т. 2. М., 1975. С. 246.

Степун Ф.А. Чаемая Россия. С.П., 1999. С. 31.

Революционная журналистика 70 х годов. Ростов-на-Дону. Без года / Аникин А.В. Элементы сакрального в русских революционных теориях // Отечественная история. N1. 1995. С. 8283.

Федотов Г. Стихи духовные. М., 1991. С. 120—121.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 349.

Кошель П. Ссылка и каторга в России. Электронная версия.

Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 312.

Шавельский Г. Русская Церковь перед революцией. Париж. 1935.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 томах. Т. 2. М., 1994. С. 165.

Протоирей Кирилл Фотиев. Правда о земле / Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. Составил М. Назаров. М., 1991. С. 291—293.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1., М., 1993. С. 246.

Ермичев А.А. Жизнь и дела Владимира Францевича Эрн / В.Ф. Эрн: pro et contra. СПб., 2006. С. 22—23.

Соловьев Вл. Россия и Вселенская церковь. М., 1991. С. 438.

Булгаков С.Н. Христианский социализм. М., 1991. С. 227—229.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины (II). Т. 1. М., 1990. С. 544—545.

Стеллецкий Н. Революционный характер социализма / Вера и разум. № 6. 1912. С. 729.

Булгаков С.Н. Христианство и труд. / Отечественные записки. № 6. 2004. С. 52.

Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 43, 247.

Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 64, 93.

Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 93.

Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 525.

Сомин Н.В. Спор о социализме в русской церкви / Иоанн Восторгов. Христианство и социализм. С. 716. И. Восторгов. Можно ли христианину быть социалистом. Полн. собр. соч., т. 5, ч. 1, М., 1913. С. 329.

Тареев М. Критика экономического учения Маркса/ Богословский вестник. № 12. 1912. С. 751—752.

Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 годов. М., 1984. С. 185.

Владимир (Богоявленский), митрополит. Слово, произнесенное на молебне перед началом нравственно-религиозных чтений для рабочих Москвы. М., 1902. С. 7. Он же. О рабочем вопросе. М., 1907. С. 11.

Религиозное положение в России конца XIXначала XX вв. Выступление А.Ф. Кони по законопроектам о свободе совести в Государственном совете (1910—1911). О старообрядческих общинах / Русская мысль. № 4081. 8—14 июня 1995 г. Специальное приложение. С. III.

Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700—1917). М., 2003. с. 398—399.

Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. 82.

Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М., 1997. С. 415.

Перцов В. Воспоминания о Розанове. Подготовил текст В. Сукач. / «Новый мир». № 10. 1998.

Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 602.

Белый А. Стихотворения и поэмы. М.Л., 1966. С. 386.

Булгаков С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Изд. подготовил В.В. Сапов. СПб., 1997. С. 70.

Булгаков С.Н.: *pro et contra*. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Т. 1. С.П., 2003. С. 778—779.

Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 28—29.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997. С. 157.

Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 165.

Струмилин С.Г. Избранные произведения. Воспоминания и публицистика. М., 1968. С. 324325.

Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1. СПб., 2006. С. 108.

Айвазов И.Г. Христианская церковь и современный социализм. М., 1906. С. 6.

Лазарева А.Н. Интеллигенция и религия. К историческому осмыслению проблематики «Вех». М., 1996.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 томах. Т. 2. М., 1991. С. 198.

Булгаков С.Н. На пиру богов / Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 336.

Гапон Г. История моей жизни. М., 1990. С. 46—47.

Владыка Иоанн (Снычев). Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 1998. С. 307.

Кантор В.К. Русское православие в имперском контексте: конфликты и противоречия / Вопросы философии. N7. 2003. С. 20.

Труды Третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. 2—17 марта 1907 года. СПб. 1907. С. 56.

Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Н.С. Русанов — искатель истины в социализме / Отечественная история. № 6. 1995. С. 61.

Русская философия собственности XVIII—XX вв. Составители: К. Исупов, И. Савкин. С.П., 1993. С. 259.

Ленин В.И. ПСС.Т. 4. С. 269, 273.

Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 421—422.

Ленин В.И. ПСС.Т. 32. С. 50—51.

Пейн Р. Ленин — жизнь и смерть. М., 2002. С. 182—184.

Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 384; Т. 7. С. 61.

Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк. 1956. С. 122.

М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Под ред. В.В. Григоренко, С.А. Макашина, С.И. Машинского, В.Н. Орлова. Т. 1. М., 1975. С. 171—175.

Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 72.

Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. Изд. подготовил Ю.Г. Оксман. М., 1970. С. 318—319.

Костин Н.Д. Отравленные пули. Десять покушений на В. Ульянова / Ленина/. М., 2000.

Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649—1917. М., 2006. С. 298.

Малахов А. Террорист Его Императорского Величества / Коммерсант-Деньги. Ноябрь 2006.

Дело бывшего директора Департамента полиции Лопухина в особом присутствии Правительствующего Сената. Стенографический отчет. СПб., 1910. С. 5, 28.

Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 45, 47.

Джанибебян В.Г. Азеф — король провокаторов. М., 2005. С. 284, 359, 361.

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. М., 1999. С. 125, 127.

Материалы революционного трибунала по делу по делу провокатора Малиновского (5 ноября 1918 г.) / История СССР. № 3. 1991.

Тененбаум А. Лев Троцкий — трибун революции / Слово. № 51. 2006.

Брачев В.С. Масоны и власть в России. М., 2003. С. 303.

Мадиевский С. Евреи и русская революция: был ли выбор / Леаим. Ноябрь 2000.

Шафаревич И.Р. Русский вопрос. М., 2003. С. 329—330.

Цит. по: Мартыненко В. Кальдера государственной власти. М., 2005. С. 206.

Государство Российское: власть и общество. Сб. документов. Под ред. Ю. Кукушкина. М., 1996. С. 251—254.

Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. С. 193—194.

Ксенофонтов И.Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 117—119.

Цит. по: Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 616—617.

Резник С. Вместе или врозь? Заметки о книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе» / Журнал «Вестник» (США). N17. 21 августа 2002 г.

Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 4, 199.

Боханов А.Н. Николай II. М., 2008. С. 153.

Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649—1917. М., 2006. С. 266.

Ушерович С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933. С. 48.

Ильин С.В. Витте. М., 2006. С. 402—403.

Шацилло К. Николай II: путь к трагическому концу // Свободная мысль. № 7. 1998. С. 73—74.

Ерофеев К. Жизнь и смерть Гапона / Советская Россия. 30 марта 2006 г.

Горький А.М. Собрание сочинений. Т. 28. М., 1954. С. 347—348.

Милюков П.Н. Воспоминания. (1859—1917). Т. 1., М., 1990. С. 349—350.

Ксенофонтов И.Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1999. С. 100, 126, 177, 266—267.

Зеленогорский вестник. № 29. 1992.

Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001. С. 559.

Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649—1917. М., 2006. С. 279, 328.

Спиридович А. Записки жандарма. Харьков. 1927. С. 173.

Пушкарева И.М. «Кровавое Воскресенье». Начало революции / Первая революция в России. Взгляд через столетие. Отв. редакторы: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. С. 178—179.

Звягинцев А.Г. Орлов Ю.Г. Призванные Отечеством. Российские прокуроры (1722—1917). М., 2002. С. 697.

Булдаков В.Б. Красная смута. М., 1997. С. 46.

Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. М.-Л., 1928. С. 235, 237.

Зубов А.Б. Почему не воплотились «бессмысленные мечтания» (Манифест 17 октября 1905 г.) / Россия и современный мир. № 1. 2006. С. 92.

Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1981.

Ленин В.И. ПСС.Т. 41. С. 75.

Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 253—254.

Петров Ю.А. Москва революционная. Декабрь 1905 года: репетиция гражданской войны / Отечественная история. № 2. 1996. С. 14.

Тютюкин С.В. У порога гражданской войны / Первая революция в России. Взгляд через столетие. Отв. редакторы: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 354, 360—369.

Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М., 1999. С. 215.

Краснов П.Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007. С. 428.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. М., 1990. С. 350.

Тютюкин С.В. У порога гражданской войны / Первая революция в России. Взгляд через столетие. Отв. редакторы: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 366.

Павлов Д. Декабрьская репетиция Октября / Вокруг света. № 12, декабрь 2005.

Брусилов А.А. Воспоминания. М., 1963. С. 62.

Тюрин Б. Броненосец «Потемкин» / Моделист-конструктор. № 11. 1985.

Шигин В. Неизвестный лейтенант Шмидт / Наш современник. № 10. 2001.

Боханов А. Николай II. М., 2008. С. 173.

Рогоза В. Лейтенант Шмидт — провокававшийся психопат или пламенный революционер? / Школа жизни. Ру. Журнал вопросов и ответов. 27.06.2008.

Шигин В. Неизвестный лейтенант Шмидт. Наш современник. № 10. октябрь 2001.

Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого. 1891—1920. М., 2001. С. 233.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 75—76.

Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 235.

Меленберг А. Япона матпомощь. 100 лет назад началась Русско-японская война / Новая газета. № 9. 9 февраля 2004 г.

Реент Ю.А. МВД — 200 лет. И защитники, и охранники / Час России. № 3. 2001. С. 156—157.

Просандеев А. Любимец поляков, гроза «конституток» / «Аэропорт». Ростов-на-Дону. № 12. январь 2007.

Головков Г.З. 1905—1907. Вехи обоюдного насилия власти и революции / Россия и современный мир. № 1. 2006. С. 117.

Савинков Б.В. Избранное. М., Политиздат, 1990. С. 241—242.

Солженицын А.И. В круге первом. М., 1990. С. 120.

Бятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. М., 2006. С. 143.

Иванов А. «Непоколебимый воин великого русского дела». Гавриил Николаевич Луженовский (1871—1906). К 100 летию русского народа.

Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охраны / Новый исторический вестник. № 9. 2003.

Реента Ю.А. МВД — 200 лет. И защитники, и охранники / Час России. № 3. 2001. С. 158—159.

Савинков Б.В. Воспоминания. М., 1990. С. 34.

Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90х годов XIX века — 1907 год / Политические партии в российских революциях в начале XX века. Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 410.

Ленин В.И. ПСС. Изд. 5 е. Т. 6. С. 384.

Ленин В.И. ПСС. Изд. 5е. Т. 11. С. 366; Т. 14. С. 371.

Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы 1864—1917 гг. Л., 1991. С. 75, 316.

Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони (1844—1927). М., 1981. С. 117, 121.

Платонов О.А. Покушение на русское царство. М., 2004. С. 287.

Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895. М., 1979. С. 224—225.

Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 124.

Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 147.

Струве П.Б. Интеллигенция и революция / Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 160.

Ленин В.И. ПСС.Т. 11. С. 199.

В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 141—142.

Ключевский В.О. О нравственности в русской культуре. М., 1998. С. 287.

Каменев Л.Б. Между двумя революциями. М., 2003. С. 16.

Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993. С. 495—506.

Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 61, 74.

Ленин В.И. ПСС.Т. 9. С. 249.

Дзержинский Ф.Э. Из дневника заключенного. 1908/1909 годы / Социал-демократическое обозрение. № 16. № 1718. 1909.

Иловайский Д.И. Мелкие сочинения, статьи и письма. 1857—1887 гг. М., 1888. С. 351—354.

Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 197.

Будницкий О. «В чужом пиру похмелье» (Евреи и русская революция). (Евреи и русская революция) / Вестник Еврейского университета в Москве, № 3 (13). 1996.

Ленин В.И. ПСС.Т. 3. С. 13.

Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1976. С. 167.

Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Отечественная история. № 1. 1996. С. 55—57.

Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001. С. 382.

Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 322.

Леонтьев К. Записки отшельника. М., 1992. С. 506.

Милуков П.Н. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия, 1859/1929. Париж. 1929. С. 53.

Седых А. Далекие, близкие. Второе издание. Нью-Йорк. 1962. С. 162.

Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания. М., 1993. С. 42, 411.

Ильин С.В. Витте. М., 2006. С. 316—317.

Толстой И.И. Мемуары. М., 2002. С. 259.

Ильин С.В. Витте. М., 2006. С. 336.

Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Париж. 1946. С. 76.

Антология мудрости. Составитель В.Ю. Шойхер. М., 2005. С. 309.

Мосолов А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. М., 2006. С. 146.

Ильин С.В. Витте. М., 2006. С. 316.

Львов Л. (Клячко). За кулисами старого режима. Т. 1. Л., 1926. С. 124—125.

Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990. С. 335.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 338.

Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 77.

Центральный комитет «Союза 17 октября». Документы и материалы / История СССР. № 1. 1992.

Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания. Париж. 1936. С. 599—600.

Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 142—143.

Бердяев Н.А. Духи русской революции / Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 251.

Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. М., 1995. С. 444—445.

Платонов О. Покушение на русское царство. М., 2004. С. 277—281.

Национальная политика России: история и современность. Под ред. С.В. Кулешова и др. М., 1997.

Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М., 2005. С. 289—291.

Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток Запад» (на примере развития русской культуры). Казань. 2002. С. 59.

История Казани в документах и материалах. XX век. Казань. 2004. С. 311.

Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна. Сост. В. Кейдан. М., 1997. С. 149.

Государственная Дума Российской империи. Т. 1. 1906—1917. М., 2006. С. 492497.

Ленин В.И. ПСС. Т. 11. С. 181, 184.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. М., 1990. С. 410, 418, 422.

Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М., 2005. С. 287—288.

Кони А.Ф. Избранное. М., 1989. С. 290—291.

Мосолов А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. М., 2006. С. 147.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 426.

Кропоткин Г.М. Правящая бюрократия и «новый строй» Российской государственности после манифеста 17 октября 1905 года / Отечественная история. № 1. 2006. С. 24—27.

Витте С.Ю. Воспоминания (1849—1894). Т. 1. М., 1960. С. 152.

Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М., 2004. С. 392.

Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1 (1859—1917). М., 1990. С. 321.

Исторический вестник. № 11. 1915. С. 607—608.

Монархия перед крушением, 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семенникова. М.Л.: Госиздат, 1927, С. 100—101.

Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. Составитель: Л.И. Толстая. М., 1997. С. 158.

Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.-Л., 1923. С. 52.

Исторические записки. № 77, М., 1965. С. 241 / Цит. по: Зубов А.Б. Почему не воплотились «бессмысленные мечтания» (Манифест 17 октября 1905 г.) / Россия и современный мир. № 1. 2006. С. 101.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 551—552.

Игнатъев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М., 1989. С. 272—273.

Ленин В.И. ПСС.Т. 12. С. 76.

Корелин А.П. Сергей Юльевич Витте / Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 847.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте / Вопросы историографии и источниковедения СССР. М.-Л., 1963. С. 299—300.

Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г.—24 апреля 1906 г. Составитель: Л.И. Толстая. М., 1997. С. 160.

Чепарухин В.В. Невостребованное наследие С.Ю. Витте / «Северная столица», 1995 г., 17—23 ноября.

Русская литература рубежа веков (1890 е — начало 1920 х годов). Книга 1. М., 2000. С. 268.

Дорожкин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России. М., 2004. С. 169—170.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). М., 2003. С. 22—23, 35—37.

Корелин А.П. Истоки российской революционной драмы / Первая революция в России. Отв. редакторы: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 26—27.

Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. Т. I. М., 1956. С. 285, 329.

Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 597, 600.

Барятинская М.С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870—1918. М., 2006. С. 145.

Сидоров А.Л. Граф Витте и его «Воспоминания» / Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. XXIX.

Сергей Юльевич Витте. История России в портретах. В 2 томах. Т. 1. С. 285—308.

Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 48.

Столыпин: жизнь и смерть. Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов. 1991. С. 253, 411.

Каменев Л.Б. Между двумя революциями. М., 2003. С. 410—415.

Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 10, 96.

Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 93.

Джанибеков В. Тайна гибели Столыпина. М., 2001. С. 276, 277, 286, 288.

Резник С. Вместе или врозь? Заметки по поводу книги А.И. Солженицына «Двести лет вместе» / Вестник. № 22. 20 октября 2002 г.

Пайнс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 190—191.

Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 132, 138, 141.

Революция 1905—1907 гг. глазами кадетов. Из дневников Е.Я. Кизеветтер / Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. V. М., 1994. С. 413.

Аксюхиц В. Пятая колонна империи. Интернет-журнал. 07.06.2002.

Лифшиц Г.М., Смоляк А.Л. Политическая борьба вокруг смерти Льва Толстого / Интернет-сайт.

Бок М.П. П.А. Столыпин. Воспоминания об отце. М., 1992. С. 146.

Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...» М., 1992. С. 50.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 530.

Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795—1995). Ч. I. М., 2001. С. 433—435.

Кривенький В. «Насильники торжествуют, помещаем же их торжеству» / «Родина». № 2. 2007.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 339.

Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 2000. С. 283.

Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2003. С. 526.

Гессен Р.М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 250.

Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. СПб., 2007.

Цыркун С. Столыпин без «галстука» / Искусство кино. № 8. 2006.

Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 32—33.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 129—130.

Степанов С.А. Загадка убийства Столыпина. М., 1995. С. 142, 143, 146, 148.

Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649—1917. М., 2006. С. 132—133.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 6—7. Предисловие И. Пушкиревой, З. Перегудовой «В.Ф. Джунковский и его время».

Семкин А.Н. «Зачислить за ВЧК впредь до особого распоряжения». Дело В.Ф. Джунковского в московской Таганской тюрьме / «Отечественные архивы». № 5. 2002 г.

Семенов Ю. Версии: политические романы. Гибель Столыпина. М., 1990. С. 184.

Меньшиков М.О. Нужен сильный. / Новое время. 8 сентября 1911 // Цит. по: Сидоровнин Г. П.А. Столыпин: жизнь за отечество. Саратов. 2002. С. 435—456.

Зырянов П.Н. Столыпин без легенд. М., 1991. С. 33, 37.

Гуль Р. Деникин А.И. Барон Будберг А. Ледяной поход. Поход и смерть генерала Корнилова. Дневник. М., 1990. С. 261.

Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 42.

Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 237.

Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. СПб., 1997. С. 27—31.

Ионов И.Н. Проблема сравнительного изучения цивилизаций в национально-историческом контексте / Цивилизации. Выпуск. 2. М., 1993. С. 141, 143.

Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907—1914 г. М., 1992. С. 87.

Проскуракова Н. Столыпинская реформа: выход из кризиса / «Отечественные записки». № 1. 2004.

Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М., 2005. С. 273—274.

Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. V. Под ред. П.Е. Щеголева. М.-Л., 1926. С. 432.

Ленин В.И. ПСС.Т. 20. С. 325, 329.

Вернадский Г.В. Ленин — красный диктатор. М., 1998. С. 92, 94.

Шанин Т. Уроки истории и следующая революция: границы политического воображения / Отечественные записки. № 45. 2002.

Сперанский М.М. Проекты и записки. М.Л., 1961. С. 81, 156.

Александров А.А. Философия реформ в России и Западной Европе: взгляды М.М. Сперанского / Новый исторический вестник. № 4. 2001.

Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 23.

Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006. С. 377, 388.

О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). Отв. редактор М.А. Абрамов. М., 2000. С. 228—230.

Оболонский А.В. Человек и власть: перекрестки российской истории. М. 2002. С. 129.

Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. I. М., 1991. С. 97.

Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина (1860—1862). Под ред. проф. Л.Г. Захаровой. М., 1999. С. 446.

Российские либералы. Сборник статей. Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 322, 331.

Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 1997. С. 216.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 184.

Земское самоуправление в России. 1864—1918. В двух книгах. Кн. 1. 1864—1904. М., 2005. С. 290—291.

Пушкарева И.М. Князь Георгий Евгеньевич Львов / Исторические силуэты. М., 1991. С. 174.

Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России / Русский исторический журнал. Т. I. № 1. 1998. С. 214—217.

Государственная Дума России. Энциклопедия в 2 томах. 1906—2006. Т. 1. 1906—1917. М., 2006. С. 386.

Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников / Политические партии в российских революциях в начале XX века. Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 97—105.

Найдис С.М. И.И. Петрункевич: в России и в эмиграции / Новый исторический вестник. № 9. 2003.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 30. С. 163.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 257.

Вандалковская М.Г. Павел Николаевич Милюков // П.Н. Милюков. Воспоминания. Т. 1. (1859—1917). М., 1990. С. 14—17.

Вячеслав Иванов — творчество и судьба. Сост. Е.А. Тахо-Годи. М., 2002. С. 158.

Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма. 1881—1895. М., 2002. С. 167—171.

Янжул И.И. Избранные труды. М., 2005. С. 242—243.

Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929.

Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 2006. С. 441.

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Под ред. Э.И. Колчинского. С.П., 2003. С. 297.

Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 149—150.

Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. М., 1972. С. 403.

Моргулис М. Вопрос, именуемый еврейским. СПб., 1906. С. 3.

Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 270—273.

Меринг Ф. От утопии к науке. Ростов-на-Дону. 1923. С. 194.

Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 13. М., 1926. С. 165.

Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 115, 119.

Когаловская Е. Банкир Поляков / Еврейский обозреватель. Июль 2003.

Медовар Л. В поисках взаимодоступных и добрых путей / Лехаим. Декабрь 2001.

Будницкий О. Ростовщики императорского двора. / Коммерсант. С.-Петербург. 5 января 2007 г.

Из архива П.Б. Аксельрода. Выпуск 1. 1880—1892 гг. Отв. редактор П.Ю. Савельев. М., 2006. С. 411.

Шолом Алейхем. Тевье-молочник. Повести и рассказы. М., 1969. С. 121.

Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 433.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 153.

Лурье Ф. Из истории правительственных провокаций. Опыт исторического исследования / Вестник Еврейского университета в Москве. № 4. 1993. С. 168-169.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 400.

Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 366.

Большаков В.И. По закону исторического возмездия. М., 1998. С. 478.

Эттингер Ш. Исторические корни антисемитизма в Советском Союзе / В: Антисемитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия. Иерусалим. 1979. С. 12.

Секундант С. Эффект бумеранга: еврейские погромы и судьбы либеральной идеи в России / Альманах «МОРИЯ». № 3. 2005.

Коннер Дж. Христос не был евреем. Послание к неевреям. М., 2004. С. 146.

Так говорил Жаботинский. Из протокола съезда Союза для достижения самоуправления еврейского народа в России / Вестник Еврейского университета в Москве. № 4. 1994. С. 187.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 534.

Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. История императорской России. М., 1994. С. 370—373.

Ахиезер А. Антисемитизм в России: взгляд культуролога / Вестник Еврейского университета в Москве. № 1. 1992. С. 105.

Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р. Полиция Российской империи. СПб., 2005. С. 253—254.

Дикий А.И. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Новосибирск. 1994. С. 74—76.

Казинцев А., Кожемяко В. Евреи, русские и Солженицын / Наш современник. № 12. 2001.

Форд Г. Международное иудейство. Важнейшая проблема мира. М., 2001. С. 165.

Эгерт В.П. Надо защищаться. СПб., 1912. С. 22.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 218.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 88—89.

Большаков В.И. По закону исторического возмездия. М., 1998. С. 457—459.

Высоцкий С. Кони. М., 1988. С. 254—255.

Ленин В.И. ПСС.Т. 9. С. 372—379.

Струве П.Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 207.

Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Т. 1. СПб., 1903. С. 35—39.

Гейзер М. Поэт печали, гнева и любви / Лехаим. Апрель 2000.

Чехов А.П. Рассказы. Повести. Пьесы. М., 1974. С. 299—307.

Фурсенко А.А. С.Ю. Витте и экономическое развитие России в конце XIX-начале

XX века / Новая и новейшая история. № 6. 1999. С. 811.

Туган-Барановский М.И. Бумажные деньги и металл. Пгд., 1917. С. 83.

Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. С того берега. М., 1956. С. 326.

Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 100, 101.

Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 41.

Думова Н.Г. Московские меценаты. М., 1992. С. 133, 136.

Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998. С. 148.

Крушение Саввы Великолепного / Отечественные записки. № 1 (22). 2005. С. 192—197.

Горький М. Полное собрание сочинений в 25 томах. Т. 16. М., 1973. С. 504.

Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1961. С. 342.

Шаляпин Ф. Воспоминания. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М., 2000.

Колодный Л. Городской голова / Московская правда. 29 марта 1991 года. С. 3.

Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 136, 142.

Александров Ю. «Купец идет!» / Родина. № 5. 2005.

Петров Ю.А. Павел Павлович Рябушинский / Исторические силуэты. М., 1991. С. 114.

Левичева И.Н. Становление денежной и банковской системы России / Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII в. — начало XX в. М., 2004. С. 52—53.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2000. С. 318.

Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Н.С. Русанов — искатель истины в социализме / Отечественная история № 6. 1995. С. 65.

Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 203—204.

Менделеев Д.М. Заветные мысли. М., 1995. С. 181, 405.

Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 367.

Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал: сочинения. М., 2004. С. 847, 852.

Прокопович С.Н. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг. М., 1918. С. 67, 68.

Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960. С. 33.

Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М., 2004. С. 171.

Анфимов А.М. Царствование Николая II в цифрах и фактах / Отечественная история. № 3. 1994. С. 58—59.

Шарапов С. После победы славянофилов. Под ред. О. Платонова. М., 2005. С. 339—341.

Бутми Г.В. Кабала или свобода. Под ред. О. Платонова. М., 2005. С. 52.

Антонов М. Неправда денег / Русский общенациональный журнал. Январь-февраль 2007. С. 48—51.

Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. В 2 томах. Т. I. 1883—1886. С. 284.

Музей барона Штиглица. Прошлое и настоящее. Авторы очерка: Г. Прохоренко, Г. Власова. СПб., 1994.

Медведев А. Лондонский эмигрант / Энергия успеха. Корпоративный журнал. Март 2006.

Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002.

Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 151.

Миронов Б. Униженные и оскорбленные. «Кризис самодержавия» миф, придуманный большевиками / Родина. № 1. 2006. С. 12—17.

Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1861—1914 гг. / Отечественная история. № 2. 1996. С. 47.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 503, 507.

Российский обозреватель. № 3. 1996.

Новиков А.Н. О душах живых и мертвых. Впереди идущие. М., 1973. С. 127.

Бразоль Б.Л. Белая книга России. Царствование императора Николая II. 1884—1917. В цифрах и фактах. Ответ клеветникам, расчленителям и русофобам. М., 1990.

Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 1996. С. 130—131.

Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М., 2007. С. 458—459.

Циолковский К.Э. Исследования мировых пространств реактивными приборами / Научное обозрение. № 5. Пб. 1903.

Циолковский К.Э. Черты моей жизни. Сборник. М., 1939. С. 29—30.

Петров Ю.А. Москва купеческая на рубеже XIX—XX вв. / Отечественная история. № 2. 1996. С. 45.

Боффа Д. История Советского Союза. Т. 1., М., 1999. С. 22.

Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 40—41.

Рябушинский В.П. Судьба русского хозяина / Русский колокол. Берлин. № 3. 1928. С. 53.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1912 год. М., 2004. С. 71, 109, 316.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1911—1919). Сост. С.С. Волк. М., 1991. С. 434—435.

Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 288.

Дикий А. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Новосибирск. 1994. С. 43.

Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939 гг. М., 2000. С. 17—26.

Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. Сб. статей. М., 2001. С. 310, 325.

Кирьянов Ю.И. Зигзаги изучения экономического положения рабочих капиталистической России / Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 203.

Новейшая отечественная история XX в. Под ред. Э.М. Щагина, А.В. Лубкова. Кн. 1. М., 2004. С. 65—66.

Пэллот Дж. Разрушила ли общину Столыпинская реформа? / Отечественные записки. № 1. 2004.

Степанов С. Черная сотня. М., 2005. С. 313.

Булгаков С.Н. О рынках при капиталистическом производстве. М., 2006. С. 273, 274.

Кропоткин П. Записки революционера. М., 1966. С. 229—230.

Коробенков С., Протасов В. Была ли сытой Россия / Правда. 4 мая 1994 г., С. 2.

Мейвор Дж. Граф Лев Николаевич Толстой. 1898—1910 / «Новый мир». № 12. 1999.

Пятницкий О. Записки большевика. Воспоминания (1896—1917). М.-Л., 1931. С. 189—190.

Иностранцев А.А. Воспоминания. (Автобиография). СПб., 1999. С. 191.

Сеятели и хранители. В двух книгах. Кн. I. Очерки об известных агрономах, почвоведях, генетиках, экономистах аграрниках, селекционерах. Отрывки из статей, документов. Сост. В.В. Володин. М., 1992.

Толстой Л.Н. Сочинения. М., 1991. Т. 21. С. 47, 42.

Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993. С. 495—506.

Жукова Л., Ульянова Г. История милосердия. / Журнал «История». 25.07.2006.

Меньшиков М.О. Выше свободы. Статьи о России. М., 1998. С. 282—283.

Живой колос с духовной нивы протирея Иоанна Сергиева-Кронштадтского. Выписки из дневника за 1907—1908 гг. СПб., 1909. С. 114.

Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Воспоминания начальница дворцовой канцелярии. 1900—1916. М., 2006. С. 199—201.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 151.

Зырянов П.Н. Столыпин без легенд. М., 1991. С. 51.

Платонов О. Покушение на русское царство. М., 2004. С. 1617.

Кабузан В. Движение населения в Российской империи / «Отечественные записки». № 4. 2004.

Гребнев Л.С. О чем писал М.И. Туган-Барановский / Экономические науки. № 5. 1990. С. 72—79.

Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М., 1996. С. 9, 274.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 37. С. 356.

Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. М., 1987. С. 215.

Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. III. М., 1934. С. 65, 68.

К.Е. Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. М., 2001. С. 517.

Мещерский В.П. Мои воспоминания. 2-е изд. М., 2003. С. 767.

Цит. по: Туровский Р.Ф. Русская геополитическая традиция / Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 5. 1996. С. 57.

Энгельгардт М.А. Прогресс как эволюция жестокости. СПб., 1899. С. 80—92.

Энгельгардт М.А. Вечный мир и разрушение. СПб., 1899. С. 10—12.

Новиков Я. Социальный дарвинизм. М., 1906. С. 2, 15, 141, 164, 201.

Соловьев Вл. Духовные основы жизни. СПб., 1897. С. 3, 14, 89, 90, 157, 174.

Соловьев Вл. Статьи и письма / Новый мир. № 1. 1989. С. 194—234.

Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. СПб., 1901. С. 59, 72, 98, 168.

Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2000. С. 519, 522.

Федотов Г.П. Об антихристовом добре. В: Вл. Соловьев: pro et contra. Т. 2. СПб., 460—461.

Соловьев Вл. Сочинения в двух томах. Второе издание. Т. 2., М., 1990. С. 641, 643.

Штейнметц Р. Философия войны. Пг., 1915. С. 5.

Кант И. Лекции по эстетике. М., 2005. С. 83.

Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1990. С. 189.

Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл. М., 1915. С. 14—15.

Франк С.Л. De profundis / Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 491.

«Речь не о книгах, а о жизни». Переписка Ф. Ницше с Г. Келлером, Г. Брандесом, А. Стринбергом / «Новый мир». №4. 1999.

Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) / Ницше: pro et contra. СПб., 2001. С. 579.

Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. Изд. второе. М., 1959. С. 255.

Кончаловский Д.П. Пути России: размышления о русском народе, большевизме и современной цивилизации. Предисловие к публикации / Россия и современный мир. № 3. 2005. С. 193—194.

Голенцев-Кутузова В.Е. Русская интеллигенция и Восток / «Дельфис». № 1. 2002. С. 95—98.

Майоров В.В. Забытая война. М., 1905.

Резник С. Вместе или врозь? По поводу книги А.И. Солженицина «Двести лет вместе» / Журнал «Вестник» (США). № 17. 21 августа 2002 г.

Лазырин М. Русские и Россия. М., 2000. С. 19—20.

Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 10.

Уткин А. Война двух императоров / Вокруг света. № 1. 2005.

Бондаренко А. «Это казалось невероятным и чудовищным» / Красная звезда. 10 февраля 2004 г.

Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2003. С. 234.

Куропаткин А.Н. Японские дневники / Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 410.

Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875—1930. М., 2006. С. 141.

Бюлов Б. Воспоминания. М.Л., 1935. С. 267.

Басинский П.В. Горький. М., 2005. С. 268.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. Л., 2000. С. 185.

Мартин К. Оногоя война 1904—1905 гг. М., 2003. С. 200—201.

Из истории Тихоокеанского военноморского флота. Под ред. А.В. Бородин. Владивосток. 2001.

Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 2008. С. 296.

Дьяков А. Дневник гардемарина (1889—1921). Литературная обработка Б. Дьякова. М., 2007.

Из истории Русско-японской войны 1904—1905 гг. СПб., 2005. С. 12, 13, 101, 216.

Золотарев В., Козлов И. Оногоя война 1904—1905. Борьба на море. М., 1990. С. 71, 76, 77.

Зырянов П.Н. Адмирал Колчак — верховный правитель России. М., 2006. С. 113—117.

История Порт-Артурской иконы Божией Матери «Торжество Святой Богородицы» / Санкт-Петербургская метрополия. Церковный вестник. № 4. 2003.

Мартин К. Оногоя война 1904—1905 гг. М., 2003. С. 36—40.

Игнатьев А.А. 50 лет в строю. М., 1948. С. 263, 267.

Краснов П.Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007. С. 409.

Алексеев М. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. Книга I. М., 1998. С. 222—223.

Инаба Ч. Из истории русской разведки в годы оногоя войны 1904—1905 гг.

Международная телеграфная связь и перехват корреспонденции противника / Отечественная история. № 4—5. 1994. С. 226.

Из истории Оноогой войны 1904—1905 гг. Сборник материалов к 100летию со дня окончания войны. СПб., 2005. С. 250—251.

Степанов А.Н. Порт-Артур. В двух книгах. Кн. 2. М., 1978. С. 581, 592, 593.

Из истории Русско-японской войны 1904—1905 гг. Сборник материалов к 100летию со дня окончания войны. Автор-составитель Е.М. Османов. СПб., 2005. С. 7, 12, 318, 331.

Урланис Б. История военных потерь. СПб., 1994.

Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. М., 1986. С. 269.

Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 276.

Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875—1930. М., 2006. С. 143.

Ладыгин А.В., Замира А.Ю. Ново-Николаевск в военном мундире. 1904—1920. М., 1998.

Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875—1930. М., 2006. С. 146.

Сорокин П. Голод как фактор. М., 2003. С. 570.

Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 2008. С. 122.

Бутми Г. Кабала или свобода. М., 2005. С. 219.

Мэсси Р.К. Николай и Александра. М., 1992. С. 255.

Цит. по: Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 532.

Русские поэты. Антология в четырех томах. Т. 3. М., 1966. С. 615.

Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853—1856. М., 1874. С. 167.

Печерин В. Вернуться в народ русский... / День литературы. Август 2007, № 8. С. 4.

Ширинянуц А. Из истории панславизма: М.П. Погодин / Роман-журнал XXI век. № 12. 2006. С. 87.

Леонтьев К. Поздняя осень России. М., 2000. С. 255—256.

Костин Б. Скобелев. М., 2000. С. 30.

Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: война на Балканах. Монреаль. 1983.

Гурко В.И. Царь и царица. Приложение. М., 2008. С. 257.

Вячеслав Иванов — творчество и судьба. К 135 летию со дня рождения. М., 2002. С. 129.

Шлиффен А. Канны. М., 1938. С. 357

Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

Ницше Фр. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1996. С. 291.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1 (1849—1894). М., 1960. С. 117.

Симановский П. Ответ г. Блоху на его Труд «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». СПб, 1898. С. 24.

Людвиг Э. Бисмарк. М., 1999. С. 475.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. III. М., 1941. С. 80.

Россия в начале XX века. Под общей редакцией акад. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 349—351.

Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 211.

Модели общественного переустройства России. XX век / Ответственный редактор В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 339.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004. С. 389—392, 543.

Азаров В., Марущенко В. Кавказ в составе России. / Красная звезда. 19 января 2001 года.

Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991. С. 173, 174.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 188.

Мировые войны XX века. Первая мировая война. Кн. 1. Под ред. В.Л. Малькова, Г.Д. Шкундина. М., 2002. С. 11, 121, 122.

Бумагин В. Главный секрет XX века / Невероятное, легендарное, очевидное. 17 марта 2008 г. С. 4.

Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 129, 295—296.

Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2003. С. 223, 546—547, 558—559.

К книгам С.Ю. Витте «Воспоминания» / «Профиль». № 15 (37). 24.01.1997.

Шамбаров В. Нашествие чужих: заговор против империи. М., 2007. С. 103.

Бебель А. Из моей жизни. М., 1963. С. 16.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914—1918. М., 2007. С. 166—167.

Джолл Д. Истоки Первой мировой войны. Ростов-на-Дону. 1998.

Новейшая отечественная история. XX век. В 2 книгах. Кн. 1. Под ред. Э.М. Шагина и др. М., 2004. С. 65.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 413.

Краснов П.Н. Ненависть. М., 2007. С. 130—131.

Марков О.Д. Русская армия 1914—1917 гг. СПб., 2001. С. 3, 77.

Покровский М.Н. Как началась война / Пролетарская революция. № 7. 1927. С. 27.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1937. Под ред. М.Н. Покровского. С. 750.

Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата (1893—1922). М., 1959. С. 205.

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855—1879. Ред. В.Г. Чернуха. СПб., 2005. С. 462.

Бабурин С.Н. Мир империй. Территория государства и мировой порядок. СПб., 2005. С. 411—412.

Балканская война. Сборник. М., 1914. С. 11, 46.

Писарев Ю.А. Российско-черногорские отношения накануне и во время первой мировой войны (1914/1916) / Отечественная история. № 2. 1995. С. 148.

Драгомирецкий В. Чехословачки в России. 1914—1920. Париж. 1928. С. 97.

Ульянов Н.И. Роковые войны России / Наше наследие. № 38. 1996. С. 88.

Шемякин А. «Рай для маленького человека». Традиционное общество Сербии и модернизация глазами русских / Родина. № 4. 2006. С. 66—67.

Эрн В.Ф. От Канта к Круппу / В.Ф. Эрн: pro et contra. СПб., 2006. С. 415, 419.

Шмырев М.В. Империя духа. На интеллектуальных фронтах Первой мировой войны / Независимая газета. 19 ноября 1998 г., С. 11.

Спекторский Е.В. К характеристике Чаадаева / П.Я. Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 439.

Мошков В.А. Русская расовая теория до 1917 года / Русская расовая теория до 1917 года. Под ред. В.Б. Авдеева. М., 2004. С. 677—679.

Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 4.

Родзаевский К. Завещание русского фашиста. М., 2001. С. 182.

Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 2. М., 1934 / Цит. по: Чернин О. В дни мировой войны. СПб., 2005. С. 313.

Таубе М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М., 2007. С. 204.

Лопатников В.А. Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова. М., 2003. С. 66.

Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 1996. С. 141.

Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. М., 1936. С. 3.

Спринг Д. Британский капитал и российский государственный заем 1906 года / Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. Сборник статей. М., 2001. С. 259, 264, 265.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. II. Париж. 1933. С. 216—217.

Нискерров Г. Август пятнадцатого... / Лехаим. Май 2004.

Игнатъев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М., 1989. С. 234.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3 (17 октября 1905—1911). Царствование Николая II. М., 1960. С. 46

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. М., 2006. С. 164—165.

Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль

национально-патриотического фактора) / Первая мировая война. Пролог XX века. М., Наука. 1998. С. 240.

Родзянко М.В. Крушение империи / Архив русской революции. Т. 17. М., 1993. С. 57.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 88.

Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 292—293.

Дон Аминадо. Король и принц / Владимир Маяковский: pro et contra. Личность и творчество Владимира Маяковского в оценке современников и исследователей. СПб., 2006. С. 370.

Троцкий Л. Сочинения. Т. X. Европа в войне. М.Л., 1927. С. 148.

Хочешь мира, победи мятеж-войну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 423—424.

Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 95.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973. С. 219, 223, 228.

Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911—1920. М., 2006. С. 95—96.

Романов Н.Н. «В некоторых частях дерутся...» / Независимое военное обозрение. 25 сентября 2003 г.

Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 613.

Стратегия духа. Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. М., 2000. С. 120.

Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 397—399.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 380.

Алексеев М. Военная разведка России от Юрия до Николая II. Книга II. М., 1998. С. 320—321.

Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868начало 1873. Под ред. проф. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 514—515.

Веремеев Ю. Анатомия армии. / Ладугин С.В. Немцы в русской армии накануне и в годы первой мировой войны. М., 2006.

Вельяминов Н.А. Воспоминания об императоре Александре III / Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. Т. V. М., 1994. С. 274—275.

РГВА.Ф. 33987. Оп. 3. Д. 505. Л. 242—252, с сокращениями. Публикация В. Михалевой.

Новейшая история Отечества. XX век. Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина и др. Т.1. М., 2004. С. 153.

Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина (1863—1864). М., 2003. С. 574.

Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. III. М., 1934. С. 609.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973. С. 300—304.

Государственная оборона России. Под ред. В.И. Марченкова. М., 2002. С. 423424.

Ульянова Г.Н. Образование и просвещение. Печать / Россия в начале XX века. М., 2002. С. 578.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 11. С. 479.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Предисловие редакции. М., 2007. С. 6.

Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. С. 176.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974. С. 146—147.

Солоневич И.Л. Белая империя. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 230, 329.

Куминов И.Я. Характерные особенности применения оружия и боевой техники в ходе Первой мировой войны. В: Последняя война Российской империи. Отв. ред. В.П. Козлов. М., 2006. С. 272.

Ивашов Л.Г. Россия и мир в новом тысячелетии. М., 2000. С. 62—65.

Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. М., 1936. С. 5, 180—181.

Долгоруков П.Д. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916—1926. М., 2007. С. 28.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С. 90—91

Локтева Н.А. Фронтовые письма как источник для изучения морального и патриотического духа солдат Первой мировой войны. В: Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 102—105.

Краснов П. Душа Армии. Очерки по военной психологии.

Берлин. 1927. С. 27, 155.

ГАРФ., ф. 5972. оп. 3. д. 69, л. 366 об. 367. Брусилов — Брусиловой, 25 января (7 февраля) 1915 г.

Падение царского режима. Стенографические отчеты. Под ред. П.Е. Щеголева. Т. V. М.Л., 1926. С. 329.

Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 95.

Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967. С. 353.

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 6.

Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990. С. 309—310.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. Второе издание. М., 1974. С. 41, 160, 207.

Голиков А.Г. Генерал А. Брусилов: страницы жизни и деятельности / Новая и новейшая история, 1998, № 4.

Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 374.

Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914—1915. М., 1937. С. 148.

Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914—1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска. Составитель: П. Стрелянов (Кулабухов). М., 2001. С. 3, 173.

Михайлов В.В. Военные операции на Кавказском фронте в период первой мировой войны в трудах историка Н.Г. Корсуна / Университетский историк. Альманах. Выпуск 4. СПб., 2007. С. 112—114.

Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914—1917. М., 2001. С. 99.

Переслегин С. Искусство варвара против аристократизма воина / Отечественные записки. № 8. 2002.

Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. М., 1991. С. 17.

Машкин А. «Вставай, страна огромная...» Российская империя в 1914—1917 гг.: факты, которые всегда замалчивались / «Киевский телеграф». № 31. 30 июля 5 августа 2004.

Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. С. 92, 224, 339, 366.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2007. С. 342—343.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914—1918. М., 2007. С. 35.

Нискерров Г. Август пятнадцатого... / Легаим. Май 2004.

Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 99, 103, 106.

Смирнов А.А. Атаман Семенов. Последний защитник империи. М., 2005. С. 34.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914—1918. М., 2007. С. 64, 98.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 180, 192, 204.

Власов Ю.П. Огненный крест. Ч. 1. М., 1992. С. 21, 38.

Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2006. С. 9.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Март 1877 г. / Русские писатели о евреях. М., 2005. С. 154.

Романова М. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890—1918. М., 2006. С. 195—196.

Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 268.

Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875—1930. М., 2006. С. 132—147.

Солоневич И.Л. Белая империя. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 154—155.

Дневник Л.А. Тихомирова 1915—1917 гг. Составитель А.В. Репников. М., 2008. С. 210—211.

Гольдин С. Русская армия и евреи накануне первой мировой войны / Легаим. Сентябрь 2007.

Грулёв М. Записки генерала-еврея. Orange. 1987. С. 240.

Лызлова Т. «Евреи прибрали к рукам Россию». Антисемитские настроения на Смоленщине в первой трети XX века / «Родина». № 2. 2006. С. 35.

Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990. С. 275, 278, 279, 280.

Данилов Ю. Великий Князь Николай Николаевич. Париж. 1930. С. 58.

Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 312.

Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. М., 2005.

Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М., 1999, С. 140—141.

Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911—1920. М., 2006. С. 191.

Кушнин М. За ценой не постоим / «Родина». № 7. 2005. С. 9.

Жильяр П. При дворе Николая II. Воспоминания наставника цесаревича Алексея. 1905—1918. М., 2006. С. 96.

Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 321.

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 317.

Данилин Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2007. С. 342.

Таубе М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М., 2007. С. 204.

Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 446.

Дрюмон Э. Еврейская Франция. Краснодар. 2001. С. 268, 348.

Дюкло Ж. Октябрь 17 года и Франция. М., 1967. С. 155—156.

Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 804—806.

Коробов Ю.М. Сотрудничество военных ведомств России и Франции накануне Первой мировой войны / Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 192.

Хочешь мира, победи мятеж-войну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 511—512.

Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 1996. С. 164, 185, 186.

Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война. Документы и материалы. Научный руководитель Б.М. Туполев. Ответ. редактор В.К. Шацлло. Составитель А.П. Жилин. М., 2002. С. 535.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2007. С. 232.

Бердяев Н.А. Душа России. М., 1915. С. 41.

Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. Париж. 1959. С. 468—469.

Население России в XX веке. В 3 т. Под ред. Ю.А. Полякова. Т. 1. М., 2000. С. 79—81.

Булдаков В. Красная смута. М., 1997. С. 19, 52, 53, 54.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986.

Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сборник 1. Под ред. А.В. Луначарского. М., 1934. С. 273.

Николай Вальтер. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / Спецслужбы в войнах и конфликтах XX века. Книга вторая. 2005.

Альманах. Памятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилия над карпато-русским народом во время Всемировой войны 1914—1917 гг. Выпуск второй. Львов. 1925.

Романова М. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. М., 2006. С. 172—173.

Мальцев Ю. Забытые публикации Бунина / И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей. Антология. СПб., 2001. С. 727.

Людendorф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914—1918. М., 2007. С. 153.

Ленин В.И. ПСС.Т. 26. С. 315.

Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? / Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 175.

Ленин В.И. ПСС.Т. 32. С. 54.

Локтева Н.А. Фронтовые письма как источник для изучения морального и патриотического духа солдат Первой мировой войны. В: Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 105.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 62.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 94.

Государственная Дума Российской империи. Т. 1. 1906—1917. М., 2006. С. 545546.

Блок А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М., 1971. С. 397.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж. 1939. С. 165.

Пикуль В. Моонзунд. Роман-хроника. Л., 1975. С. 459, 606.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 66—68.

Кушников М. «Тут пошла война буржуазная» / Родина. № 8. 2004.

Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М., 1969. С. 397.

Пикуль В.С. Нечистая сила. М., 2003. С. 566.

Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 222.

Черчилль У. Судьба России. В: Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 533—534.

Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 421.

Бердяев Н.А. Душа России. М., 1915. С. 41.

Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 46.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. II. Париж. 1933. С. 216—217.

Кропоткин П.А. Великая Французская революция. 1789—1793. М., 1979. С. 444.

Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX—XX веков / Отечественная история. № 4. 1997. С. 47.

Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 414—416.

Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. 17 марта 1907 года. СПб. 1907. С. 56.

Айвазов И.Г. Христианская церковь и современный социализм. М., 1906. С. 6.

Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 86.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 223.

Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 19481954 г. Т. 1. М., 1992. С. 82.

Кюстин А. Россия в 1939 году. В двух томах. Т. 2. М., 1996. С. 215.

Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (август 1918 февраль 1920). Составил: Н.Г. Росс. Франкфурт-на-Майне. 1987. С. 421—422.

Кони А.Ф. Избранное. М., 1898. С. 104—107.

Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 276.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2007. С. 127—128.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 194.

Соколов Н.А. Материалы следственного дела. 1920 г. / Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. VIII. Составитель Л.А. Лыкова. М., 1998. С. 251.

Бок М. Петр Аркадьевич Столыпин. Воспоминания о моем отце. 1844—1911. М., 2007. С. 243.

Шаццлло К. Николай II: путь к трагическому концу / Свободная мысль. № 7. 1998. С. 79—80.

Соловьев В. Охота на венценосца. / Родина. № 2. 2005. С. 25.

Дневник Л.А. Тихомирова 1915—1917 гг. Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 211

Еленин М. Соль чужбины. Кн. 1. Л., 1989. С. 118.

Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914—1917 гг. НьюЙорк. 1960—1962.

Шишкин О. Распутин в тоге миротворца / Независимая газета. 12 августа 1999 г.

Сто великих загадок истории. Автор-составитель Н.Н. Непомнящий. М., 2005. С. 395.

Боханов А.Н. Распутин. Быль и небыль. М., 2006.

Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 614.

Шаццлло К. Николай II: путь к трагическому концу / Свободная мысль. № 7. 1998. С. 79—80.

Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. С. 216—217.

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 553—554.

Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 327.

Яхимович З.П. Версии национального согласия. У истоков «массовой демократии»

/ Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 514.

Н.В. Петрусенко. Публичная деятельность кадетов--депутатов IV Государственной думы по формированию общественного мнения России о монархе (1914—1917 гг.) / Новый исторический вестник. № 7. 2002.

Государственная Дума Российской империи. Т. 1. 1906—1917. М., 2006. С. 389391.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. М., 1990. С. 386—387.

Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Т. 1. Париж. 1936. С. 234.

Можаева Л.А. Гучков А.И. (1862—1936) / Новый исторический вестник. № 7. 2002.

Шамбаров В. Белогвардейщина. М., 2007. С. 15.

Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992.

Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007.

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910—1918. М., 2006. С. 258.

Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал--адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. Под ред. Л.Е. Болотина. СПб., 1998. С. 171—172.

Солженицын А.И. Красное колесо. Октябрь шестнадцатого / Наше наследие. V. 1989. С. 54, 56.

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 190.

Мосолов А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. М., 2006. С. 226.

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855—1879. Ред. В.Г. Чернуха. СПб., 2005. С. 276.

Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 214—215.

Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906—1917. М., 2006. С. 251252.

Цит. по: Фурсов А.И. «Манифест Коммунистической партии», или 150 лет спустя / Русский исторический журнал. Т. I. № 1. 1988. С. 274.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж. 1931. С. 94—102.

Кудрина Ю.В. «...Ужасно думать, что это только начало» (Война глазами вдовствующей императрицы Марии Федоровны) / Первая мировая война. Пролог XX века. Ответственный ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 451.

Виноградов В.Н. Центральная коалиция решает русский вопрос / Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 274.

Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 2008. С. 234.

Борисов В. Война и революция / Красная звезда. 12 марта 2005 года.

Мемуары декабристов. Северное общество. Под ред. проф. В.А. Федорова. М., 1981. С. 69.

Куропаткин А.Н. Дневник / Красный архив. 1923. Т. 2. С. 11.

К.Р. Избранная переписка. Составитель: Л.И. Кузьмина. СПб., 1999. С. 367368.

Ратьковский И.С., Ходяков М.В. История Советской России. СПб., 2001.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Т. II. Париж. 1933. С. 407.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 338—339.

Кульчицкий С.В. История рабочих Донбасса Т.1.— Киев. 1981. С. 126

Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. / Социальная история. М., 2005. С. 171.

Блок А. Дневник. М., 1989. С. 249.

Буржуазия накануне Февральской революции. М., 1927. С. 125, 161, 163.

Цит. по: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2000. С. 436.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914—1918. М., 2007. С. 171.

Власов Ю.П. Огненный крест. «Женевский» счет. М., 1993. С. 133.

Воейков В.Н. С Царем и без Царя. М., 1994. С. 126.

Россия в начале XX века. Под общей редакцией А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 458.

Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 130.

Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002.

Цит. по: Шепелев Л.Е. Чиновный мир России (XVIII-начала XX века). СПб., 1999. С. 123.

Пайнс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1995. С. 315—316.

Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. М., 2005. С. 64—65.

Блок А. Последние дни императорской власти / Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М., 1971. С. 81.

Ипполитов Г.М. Деникин. М., 2000. С. 190.

Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008. С. 382.

Айрапетов О. «Затишье перед организованной бурей?» / Родина. N2. 2007.

Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Петр Николаевич Врангель. Последний рыцарь Российской империи. М., 2004. С. 187—188.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 349—350.

Василевский А.М. Дело всей жизни. Второе изд. М., 1975. С. 31.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. М., 1974. С. 408.

Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 97—98.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви. Составитель М.А. Бабкин. М., 2008. С. 423.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия / Вопросы литературы. № 1. 1990. С. 173.

Галин В. Война и революция. М., 2005.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж. 1931.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 197.

Шафаревич И.Р. Русский вопрос. М., 2003. С. 329—330.

Плеханов С. Писемский. М., 1986. С. 276.

Брачев В.С. Масоны и власть в России. М., 2003. С. 382—387.

Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 132, 159.

Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVII—XX вв. Т. V. М., 1994. С. 427.

Брачев В.С. Русское масонство XVIII—XX веков. СПб., 2000. С. 305.

Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск. 1991. 302, 313.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 80

Кавторин В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992. С. 215.

Трубачев О. Терновый венец России. История русского народа в XX веке. Т. 1. М., 1997. С. 151.

Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. М., 1998. С. 409—410, 418—419.

Национальная политика России и современность. Отв. ред. В.А. Михайлов. М., 1997. С. 255.

Грачева А.М. Алексей Ремизов и древнерусская литература. СПб., 2000. С. 116.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 328.

Вернадский Г.В. Ленин — красный диктатор. М., 1998. С. 139.

Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 241.

Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией / Слово. № 89. 215 марта 2007 г. С. 14.

Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. Т. II. М., 1973. С. 218.

Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией / Слово. N89. 215 марта 2007 г., С. 11.

Большаков В.И. По закону исторического возмездия. М., 1998. С. 566.

Голубев С.А. Точка перехода. Россия: 1917—1923 годы. Историческая хроника. М., 2007. С. 23.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 369—370.

Кропоткин П.А. Великая французская революция. 1789/1793. М., 1979. С. 485.

Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 518—520.

Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учреди-

тельного собрания. 1905—1920. М., 2007. С. 300, 419.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 138.

Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 345—350.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 274, 282, 284, 285.

Иоффе Г. Русский либерал. Премьер Временного правительства Г. Львов / Наука и жизнь. № 4. 2006.

Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Киев. 1919. Выпуск 1. С. 25—27.

Ратьковский И.С., Ходяков М.В. История Советской России. СПб., 2001.

Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 37, 44, 45.

Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 219—221.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 292.

Пришвин М.М. Дневники, 1914—1917. М., 1991. С. 374.

Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. М., 2006. С. 330—331.

Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 217—219.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В пяти томах. Т. 5 (1907—1917). М., 1963. С. 38—39.

Шамбаров В. Белогвардейщина. М., 2007. С. 29, 44.

Куреныхев А.А. Революция 1917 года и крестьянские организации / Музейный сборник. Выпуск 11. Материалы научной конференции «Великий Октябрь и мировая цивилизация», проходившей 10 ноября 2007 г. в Горки. М., 2008. С. 122—123.

Голубев С.А. Точка перехода. Россия 1917—1923 годы. (Исторические хроники). М., 2007. С. 32, 33, 92.

Голиков В.А. Феномен Керенского / Отечественная история. № 5. 1992.

Горький М. Несвоевременные мысли. Сост. комментарии И. Вайнберг. М., 1990. С. 365.

Петибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905—1918. М., 2006. С. 152.

Аннинский Л., Соловьев В. Охота на венценосца / Родина. № 1. 2005.

Жиарден Д., Жильяр П. Рядом с царской семьей. М., 2006. С. 71.

Александр Блок. Новые материалы. / Наше наследие. № 38. 1996. Публикация З.И. Перегудовой. С. 77.

Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Призванные Отечеством. Российские прокуроры (1722—1917). М., 2002. С. 718, 724, 725.

Воспоминания Г.А. Шахова о беседе с Керенским. / Вопросы истории. № 6. 1990. С. 114—115.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 256.

Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. / Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 169—170.

Гурко В.И. Царь и царица. М., 2008. С. 121.

Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 350—351.

Кроль Л.А. За три года. Владивосток. 1921. С. 20 / Цит. по: Ушаков А., Федюк В. Корнилов. М., 2006.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 443—445.

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910—1918. М., 2006. С. 327.

Гуль Р. Я унес Россию. Россия во Франции. Т. 2. М., 2001. С. 76.

Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 349—350.

Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. Сентябрь-октябрь 1917 г. Под ред. Б.Ф. Додонова. М., 2004. С. 10, 11, 431.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 197.

Ленин В.И. ПСС. Пятое изд. Т. 31. С. 260, 263.

Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 58—60.

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 5972, оп. 3, д. 162, л.

Врангель П.Н. Воспоминания. В 2 частях. 1916—1912. М., 2006. С. 9.

Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. С. 212—213.

Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. С. 369—370.

Брусилов А.А. Мои воспоминания, М., 1963. С. 242.

Голиков А.Г. Генерал А.А. Брусилов: страницы жизни и деятельности / Новая и новейшая история. 1998. № 4

Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914—1919. М., 2006. С. 90—91.

Гофман М. Записки и дневники 1914—1918 гг. Л., 1929. С. 230—232.

Гурко В.И. Царь и царица. М., 2008. С. 122—123.

Михайлов О. Куприн. М., 1981. С. 186.

Несмелов А.И. Без Москвы, без России. М., 1990. С. 332.

Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М.Л., 1935. С. 58.

Катков Г.М. Дело Корнилова. Исследования новейшей русской истории. М., 2002. С. 78.

Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М., 1976. С. 179.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 289, 508, 509.

Авксентьев Н.Д. Большевистский переворот / Отечественная история. № 5. 1992.

Блок А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М., 1971. С. 399.

История предпринимательства в России. Вторая половина XIX—начало XX века. Кн. 2. м., 1999. С. 262.

Маклаков В.А. Первая государственная дума. Воспоминания. М., 2006. С. 324—325.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 562.

Шульгин В.В. «Что НАМ в НИХ не нравится...» М., 1992. С. 278—279.

Новейшая отечественная история. XX век. Кн. 1. Под ред. Э.М. Щагина, А.В. Лубкова. М., 2004. С. 204.

Реден Н. Сквозь ад русской революции. 1914—1918. М., 2006. С. 92—95.

Петибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905—1918. М., 2006. С. 209—210.

Ушаков А., Федюк В. Лавр Корнилов. М., 2006. С. 129—131.

Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 105, 156.

Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 349.

Блок А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М., 1971. С. 315.

Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. М., 2006. С. 97, 113, 116, 277.

Булдаков В.Б. Красная смута. М., 1997. С. 130.

Гурко В.И. Царь и царица. М., 2008. С. 123—124.

Шишов А.В. Корнилов. Несостоявшийся диктатор. М., 2004. С. 228—229.

Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 449.

Мартынов Е.И. Корнилов. Попытка военного переворота, Л., 1927. С. 133.

Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924. С. 7, 35.

Штурман Д. У края бездны. Корниловский мятеж глазами историка и современников / «Новый мир». №7. 1993 // Станкевич В.Б. Воспоминания 1914—1919 годов. гл. IV, V, VI. Берлин. Изд. И. Ладыжникова.

Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. Тяньцзин, 1937. С. 223.

Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 311—312.

Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк (1879—1921). М., 2006. С. 290.

Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 256.

Катков Г.М. Дело Корнилова. Исследования новейшей русской истории. М., 2002. С. 78.

Ипполитов Г.М. Деникин. М., 2000. С. 227—229.

Новейшая история Отечества. XX век. 3-е изд., Т. 1. М., 2004. С. 172, 177.

Брешко-Брешковский Н., Туркул А. Дикая дивизия. М., 2007. С. 129.

Ленин В.И. ПСС.Т. 34. С. 219.

Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк (1879—1921). М., 2006. С. 291.

Новейшая история Отечества. XX век. Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. Т. 1. М., 2002. С. 255—256.

Мякотин В.А. Годовщина. / Русское богатство (1876—1918). № 1. М., 1991. С. 278, 280.

Крылов И.А. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 9.

Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917—1918 гг. СПб., 1998. С. 22—23.

Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1. С. 375.

«Книга Судеб». Дневник князя Б.Л. Вяземского / Наше наследие. № 39—40. 1997. С. 79.

Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии. В двух томах. Т. 2. СПб., 1998. С. 249.

Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 260.

Гуль Р. Конь рыжий. М., 2007. С. 92—95.

Есенин С.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. III. М., 1978. С. 48.

Крылов И.А. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1969. С. 154—155.

Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 308.

Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 268.

Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 41.

Жидков Г.П. «Красное колесо» А. Солженицына глазами историка / Отечественная история. № 4—5. 1994. С. 218—220.

Соловьев С.М. Наблюдения над историческою жизнью народа / Собрание соч., СПб., 1900. С. 1123—1124.

Не во лжи. Мир простился с Александром Солженицыным / Российская газета. 7 августа 2008 г.

Троцкий П. Враг власти и «друг» государства / Русский журнал. Январь—февраль 2007. С. 27.

Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией / Слово. № 8—9. 2—15 марта 2007 года. С. 14.

Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000. С. 81—82.

Терещенко А. Быт Русского Народа. Часть I. М., 1997. С. 222.

Басинский П.В. Горький. М., 2005. С. 269.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 258.

Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. I. М., 1977. С. 36.

Лермонтов М. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М., 1972. С. 396.

Мальцев Ю. Забытые публикации Бунина / И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2001. С. 727.

Трубецкой Е.Н. Избранное. М., 1997. С. 7.

Петибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905—1918. М., 2006. С. 145.

Боханов А.Н. Распутин. Быль и небыль. М., 2006. С. 290—291.

Мошков В.А. Механика вырождения / Русская расовая теория до 1917 года.

Сборник оригинальных работ русских классиков под редакцией В.Б. Авдеева. М., 2004. С. 636.

Корелин А.П. Облик и импульс власти / Россия в начале XX века. А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, Л.С. Гатагова, А.Е. Иванов, Н.А. Иванова, А.П. Корелин, Л.В. Кошман, Ю.А. Петров, Г.Н. Ульянова. М., 2002. С. 533.

Кожокин Е.М. История бедного капитализма. Франция XVIII — первой половины XIX века. М., 2005. С. 101.

Болховитинов Н.Н. Великие документы Американской революции: взгляд из России / Американская цивилизация как исторический феномен. Ответ. редактор акад. Н.Н. Болховитинов. М., 2001. С. 461—462.

Согрин В.В. Политическая история США. XVII—XX вв. М., 2001. С. 212—213.

Гроссман Л.П. Тютчев и сумерки династий / Ф.И. Тютчев: pro et contra. Личность и творчество Тютчева в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2005. С. 385.

Бердяев Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 230—231.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997. С. 359.

Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1-я. М., 1988. С. 188.

Об авторе

Владимир Борисович Миронов родился в г. Серпухове в семье служащих. Окончив в г. Москве среднюю школу, поступил в Высшее мореходное училище. Затем, вернувшись «на щите» в Белокаменную, какое-то время работал и был призван в ряды Советской армии и флота. После окончания службы в армии поступил в Московский лингвистический университет и посещал (вольнослушателем) спецкурсы на пяти факультетах Московского госу-

дарственного университета им. М.В. Ломоносова (исторический, философский, юридический, факультет литературы, факультет истории искусств и культуры). Это дало возможность прослушать лекции многих ведущих специалистов России.

В 1970—1974 годах работал советником председателя Торгово-промышленной палаты СССР, был ответственным секретарем Комитета по европейской безопасности.

В 1990—1998 годах был советником министра образования по вопросам науки и образования. Занимался преподавательской деятельностью 12 лет (Высшая школа профдвижения, Московский педагогический университет, Академия управления при Президенте РФ). В.Б. Миронов работал научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, старшим научным сотрудником в Институте всеобщей истории РАН и Институте системных исследований РАН, главным научным сотрудником в Институте Дальнего Востока РАН.

Доктор философских наук, академик РАЕН, член Союза писателей России В.Б. Миронов является автором идеи и организатором проекта «История русской и мировой культуры» (в 50-ти томах), председателем редакционного совета серии. Проект осуществляется при содействии РГНФ, РФФИ, издательства «Вече», с использованием средств автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ АЛЕКСАНДРА I И ДЕКАБРИСТОВ ДО НИКОЛАЯ I	5

Глава 1.

Россия в начале ее истории: основы мироустройства и мировоззрения	5

Глава 2.

Россия во времена Павла I, Александра I, Сперанского и декабристов.....	25

Глава 3.

Российское государство в эпоху стабильности, или «Николаевская реакция»	57

Глава 4.

Российская интеллигенция и вольнодумство. Спор Чаадаева с Пушкиным и Тютчевым	105

Глава 5.

Реформы Александра II и отмена им крепостного права в России. Их результат	137

Глава 6. Поворот к радикализму: Герцен, Бакунин,

Достоевский, Белинский, Чернышевский	152

Глава 7. Рост крестьянских волнений.

Народовольцы, террористы и убийство Александра II	187

Глава 8.

Александр III, или Несбывшаяся надежда монархической России.....	227

Глава 9.

Христианство и социализм в России: глубокая и сложная взаимосвязь.	243

Часть вторая.

НАСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ И ТЕРРОРА.....	265

Глава 10.

Кровавое воскресенье. Революционные выступления 1905—1907 гг.	265

Глава 11.

Террор эсеров как крайнее средство борьбы с самодержавием	307

Глава 12.

Царизм и Государственная дума. Возможен ли был
парламентский путь в России?331

Глава 13.

С.Ю. Витте и П.А. Столыпин: их роль в политической жизни России.....354

Глава 14.

Идеологи либерализма и консерватизма.

Возможности либерального реформирования России в начале XX века392

Глава 15.

Положение евреев в России. Рост их влияния и экономической мощи409

Глава 16. Русские предприниматели в царской России.

«Золотой век» капитализма436

Глава 17.

Противоречивый характер российского капитализма

XIX — начала XX вв.....454

Часть третья.

РОССИЯ В ПЕРИОД ВОЙН, ПОТряСЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ.....497

Глава 18.

Войны России начала XX века — путь к социальной
и экономической катастрофе.497

Глава 19.

Подготовка России к Первой мировой войне и ее начало534

Глава 20.

На фронтах мировой войны:

Россия против Германии и Австро-Венгрии.....558

Глава 21.

Победы и поражения русских: Брусиловский прорыв

и Мазурские болота.....586

Глава 22.

Причины поражения русских войск. Николай II и его окружение600

Глава 23.

Роль России, ее союзники и противники.

Последствия Первой мировой войны.....614

Глава 24.

Рост протестных настроений в России. Николай II, царица, Распутин.....629

Глава 25.

Февральский буржуазный переворот в России. Низложение Николая II...647

Глава 26.	
Заговор против империи. Кто стоял за спиной заговорщиков?	675
Глава 27.	
Временное правительство. Фиаско Керенского	
как символа демократии	691
Глава 28.	
Агония Временного правительства. Попытка переворота Корнилова	715
Глава 29.	
Военно-политический крах буржуазной России.	
Близость Великой народной революции	730
Глава 30.	
Вместо заключения. Опыт мировых революций	745
ЛИТЕРАТУРА	752
ОБ АВТОРЕ.....	793

Научно-популярное издание
История русской и мировой культуры

Миронов Владимир Борисович

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Корректор *С.В. Цыганова*
Верстка *И.В. Хренов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 24.12.2010. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Гарнитура «AGKornelia». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 50. Тираж 1000 экз. Заказ